

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ

Ш.Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ
ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

ҚАЗАҚСТАН
тарихы
КӨНЕ ЗАМАННАН БҮГІНГЕ ДЕЙІН
БЕС ТОМДЫҚ

Алматы «Атамұра» 2010

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ
ИМ. Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА**

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА

**История
КАЗАХСТАНА
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ
В ПЯТИ ТОМАХ**

Алматы «Атамұра» 2010

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**АСЫЛБЕКОВ М.Х., АЛДАЖУМАНОВ К.С.,
БАЙПАКОВ К.М., ИСМАГУЛОВ О.И.,**

**КОЗЫБАЕВ М.К. (главный редактор),
КОШАНОВ А.К., КУЛ-МУХАММЕД М.А.,
КУМЕКОВ Б.Е., НУРПЕИС К.Н., САГАДИЕВ К.А.**

ТОМ 3

**КАЗАХСТАН
В НОВОЕ ВРЕМЯ**

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)
И 90

И 90 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 томах. Т. 3. — Алматы: «Атамұра», 2010. 768 с., илл., карты.

ISBN 978-601-282-025-6, т. 3
ISBN 978-601-282-022-5

Книга посвящена истории Казахстана с начала XVIII века до 1917 года. На основе разнообразных источников в ней рассматриваются узловые проблемы исторического прошлого страны, в том числе Отечественной войны казахского народа против джунгарского нашествия, взаимоотношения Казахского ханства с сопредельными странами, инновации в традиционной общественно-политической системе казахского народа, изменения в социально-политической, хозяйственной и культурной жизни Казахстана.

В книге значительное место уделено вхождению Казахстана в состав Российской империи, ликвидации ханской власти, борьбе казахского народа за национальную независимость, деятельности выдающихся сынов казахского народа — ханов Абулхаира, Абылая, Кенесары Касымова, просветителей Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева, предводителей национально-освободительного движения Исатая Тайманова, Махамбета Утемисова и др.

Рассмотрены важнейшие проблемы политической истории, социально-экономического строя, развития духовной культуры, городов, торговли, миграции населения, административно-территориального деления. Особое внимание обращено на общественно-политическую обстановку в Казахстане в начале XX в.

Книга содержит карты, иллюстрации, научный аппарат, указатели. Издание рассчитано на обществоведов, преподавателей вузов и школ, студентов, на всех интересующихся историей Республики Казахстан.

Редакция тома:

К.С. Алдажуманов, М.Х. Асылбеков,
Ж.К. Касымбаев, М.К. Козыбаев

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-282-025-6, т.
ISBN 978-601-282-022-5

© «Атамұра», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий том пятитомной «Истории Казахстана» посвящен проблемам отечественной истории XVIII — начала XX веков. Как и предшествующие первый, второй тома, данное издание имеет под собой богатейшую источниковую базу, основанную на документах и материалах архивохранилищ Российской Федерации, КНР, Узбекистана и Казахстана, данных генеалогии (шежире) и легенд, составленных Ш. Кудайбердиевым, М.-Ж. Копеевым, М. Тынышпаевым, А. Диваевым и другими учеными, произведений акынов, жырау — Кожабергена Толымбайулы, Таттикары, Актамберды, Умбетая Тлеуулы, Бухар-жырау Калкаманулы и др. В томе широко использованы сведения из различных документальных сборников, опубликованных в дореволюционной русской печати, а также в советский и постсоветский периоды истории.

Авторы тома опирались на достижения отечественной историографии, в том числе советского периода, а также зарубежной исторической науки.

В томе прослежены драматические взаимоотношения казахов «с последней большой кочевой империей в Средней Азии»¹ — Джунгарским ханством, основные этапы великой Отечественной войны казахского народа с джунгарской агрессией. Именно в годы «великого бедствия», по свидетельству Кожаберген-жырау, оказались захваченными джунгарскими полчищами долины рек Чу, Таласа, Сырдарьи, регион Каратауских гор. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что воевали между собой родственные по образу жизни номады, по сути своей народы, ставшие жертвами большой политики мировых империй и великих соседей.

Существенную эволюцию претерпела господствовавшая длительное время концепция так называемого добровольного присоединения Казахстана к России. Ученые независимого Казахстана в условиях, когда его история стала самостоятельным объектом, трезво, объективно изучают сложившуюся систему международных отношений в Центральной Азии, «восточную идею» Петра I, претворявшиеся в жизнь планы захвата путей транзитной торговли с Индией и Китаем, тенденцию поглощения Степного края, который призван был стать «ключом и вратами ко всем азиатским странам и землям». Одновременно обобщены важнейшие результаты по истории кризисных явлений внутри казахского общества — слабая интеграция внутри кочевого социума, усиление центробежных тенденций, рост родоплеменных усобиц, внутривластная борьба во властных

¹ Бартольд В. В. Калмыки // Бартольд В. В. Собр. соч. в 9 томах. М., 1968, т. 5, с. 539.

структурах, истощение материальных ресурсов, увеличение людских потерь. В этих условиях представители отдельных родоплеменных групп казахов Младшего и Среднего жузов были вынуждены признать власть Российской империи, территория Старшего жуза была впоследствии завоевана. Как бы то ни было, историческим фактом является то, что Казахстан в результате колонизации крестьянской, военной, потерял свою политическую независимость и государственный суверенитет почти на двести шестьдесят лет.

В ходе интерпретации процесса вхождения Казахстана в состав России авторский коллектив учел точки зрения по данной проблеме, содержащиеся в трудах А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, А. М. Панкратовой, Е. Бекмаханова, П. Г. Галузо и других. Одновременно с этим в томе прослежены происшедшие после вхождения Казахстана в состав империи изменения в социально-экономической, политической и культурной жизни края, развитие в нем революционного и национально-освободительного движения. Особое внимание обращено на процесс постепенного втягивания Казахстана в общероссийский рынок, экономического освоения края, приобщения казахского народа к достижениям передовой русской культуры.

В томе обобщен опыт национально-освободительного и революционного движения, в том числе возникновения и развития реформаторского движения «Алаш», а также его общенационального органа «Казах». Более комплексно освещено национально-освободительное движение 1916 года, его основные очаги — Жетысуйский, Тургайский, Чуйский (речь идет о последнем его центре, ставшем мостом национально-освободительного движения Казахстана со Средней Азией).

Настоящий том со всей очевидностью показывает, что в самые тяжелые годы колониализма казахский народ ни на один день не прерывал борьбу за национальную независимость, казахскую государственность, раскрывая удивительные героизм и жизнестойкость, способность приобщиться к достижениям других цивилизаций. Лучшие сыны народа — выдающиеся государственные деятели Абулхайр-хан, Абылай-хан, Толе би, Казыбек би, Айтеке би, просветители Абай Кунанбаев, Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, великие реформаторы XX века во главе с А. Букейхановым, А. Байтурсыновым и другие яркие представители казахской элиты встали во главе нации, чтобы она не растворилась в водовороте истории, развивалась вровень с другими народами.

В томе были использованы авторские тексты М. О. Ауэзова, Б. Г. Ермаковича, А. Н. Нусупбекова, Б. С. Сулейменова, Е. С. Исмаилова, А. Н. Кононова, В. Я. Басина, А. С. Сабырханова и редколлегия сочла необходимым оставить их в составе авторского коллектива, разумеется, с соответствующей доработкой их текстов.

Текст третьего тома «Истории Казахстана» написан следующими авторами: предисловие — М. К. Козыбаевым, Историография и источники — М. К. Козыбаевым, Д. И. Дулатовой (1), К. Л. Есмагамбетовым (2), М. К. Козыбаевым, Ж. О. Артыкбаевым (3). Раздел I, глава 1 — И. В. Ерофеевой. Глава 2 — М. К. Козыбаевым, В. З. Галиевым. Глава 3 — Ж. К. Касымбаевым. Глава 4 — Ж. О. Артыкбаевым (1), Ж. К. Касымбаевым (2), И. В. Ерофеевой (3). Глава 5 — М. А. Кул-Мухаммедом (1, 2), Э. Ж. Валихановым

(3), С. З. Зимановым (4). Глава 6 – Е. Абилям (1, 2, 3, 6), М. Магауиным (4), Э. Ж. Валихановым (5). Глава 7 – Т. К. Бейсенбиевым. Глава 8 – Ж. К. Касымбаевым (1), М. Ж. Абдировым (2), Т. П. Волковой (3). Глава 9 – Ж. К. Касымбаевым. Глава 10 – М. Х. Асылбековым, И. В. Ерофеевой (1, 3), М. У. Шалекеновым (2, 4). Глава 11 – Х. А. Аргынбаевым (1, 2), М. Магауиным (3), Б. Г. Ерзаковичем (4).

Раздел II, глава 1 – Ж. К. Касымбаевым (1, 2, 4), Т. П. Волковой (3), М. Ж. Абдировым (5), К. А. Жиреншиным (6). Глава 2 – Ж. К. Касымбаевым (1, 2, 3, 6, 7), Т. П. Волковой (4), 5 взят из «Истории Казахской ССР» (в 5 томах), т. 3, А., 1979). Глава 3 – С. К. Рустемовым (1), Д. И. Дулатовой (2), С. С. Кирабаевым (3), В. З. Галиевым (4). Глава 4 – М. Х. Асылбековым (1, 2, 3, 4), М. Х. Асылбековым, Т. П. Волковой (5). Глава 5 – М. Х. Асылбековым (1, 3, 6), М. Х. Асылбековым, К. К. Шаймерденовой (2), К. Н. Нурпеисом (4), Ж. К. Касымбаевым (5). Глава 6 – Э. Ж. Валихановым (1, 2), Г. М. Козыбаевой (3), С. С. Кирабаевым (4), А. Б. Прмановым, А. Т. Капаевой (5).

Иллюстрации к тому подготовили К. С. Алдажуманов, Э. Ж. Валиханов. Карты-схемы подготовили К. А. Власов, Ж. А. Аханов. Составительская работа проведена К. С. Алдажумановым и А. Т. Капаевой. Указатель географических названий составил К. Ускенбай, указатель имен – Н. Атыгаев, хронологический указатель – Е. Ж. Валиханов.

В подготовке тома к печати принимали участие Э. Ж. Валиханов, А. Т. Капаева, А. Б. Прманов, С. К. Рустемов, Н. А. Атыгаев, К. Ускенбай. Технические работы выполнил А. Кудайбергенова, С. Казиев.

Редколлегия тома обращает внимание читателей на то, что разделы книги написаны большим коллективом авторов и каждый из них, не выходя за рамки общей концепции тома, обнародовал свою точку зрения на исторические события и факты, что получило свое отражение в соответствующих разделах тома.

Транскрипция казахских имен и названий дается в казахском литературном произношении и в нормах современной казахской лексики. Например, вместо Джанходжа – Жанхожа, вместо Джамбул – Жамбыл, вместо М. С. Бабаджанов – М. С. Бабажанов и т. д. Вместе с тем в томе имеются разночтения, связанные с правописанием имен и названий в документах и источниках.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА XVIII–НАЧАЛА XX вв.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА (XVIII–НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

История Казахстана XVIII–XX вв. насыщена событиями судьбоносного характера. В 1731–1770-е годы произошло официальное признание значительной частью казахских правителей главенствующей роли Российской империи, что привело к утере независимости, государственности и что по существу превратило Казахстан в колонию. С первого дня вынужденного признания власти России началась полоса национально-освободительной войны казахского народа за прежнюю независимость, восстановление государственности. Зачастую вспышки народного недовольства провоцировались национальным и социальным притеснением.

История колониального этапа Казахстана, особенно ее узловые вопросы оказались в центре внимания отечественной истории главным образом после обретения независимости страны, т.е. после 1991 г. Что и понятно, ибо проблемы истории народов окраин, туземцев, как тогда назывались народы колоний, подвергались в прошлом явной фальсификации под влиянием имперского диктата и идеологии догматического марксизма, тоталитаризма, культа личности. История Казахстана XVIII–XIX вв. рассматривалась под углом зрения российского менталитета, относящегося к народам Евразийских степей вне контекста всемирной истории.

Все это требует сегодня объективного отношения к историческому прошлому, определения новых подходов.

С высоты достигнутого уровня отечественной историографии¹ необходимо обратить внимание исследователей на наиболее актуальные аспекты истории казахского народа в составе Российского государства (XVIII–XIX вв.)

Взаимоотношения с соседними государствами. Первые десятилетия XVIII в. для казахского народа были годами суровых испытаний. По существу, перед народом встал вопрос: «Быть или не быть?»

В русской историографии борьба казахов против джунгарской экспансии нашла отражение в общих работах. Несмотря на то, что в них общая ситуация представлена в целом, в то же время систематическое последовательное изложение исторических событий отсутствует. В особенности это касается обстоятельств двух сражений, когда казахские ополчения одержали верх над джунгарами в 1728 г. — на берегу р. Буланты, в местности Карасиыр («Калмак кырылган») и в местности Аныракай — не позднее

весны 1730 года. Более детальное и основательное изучение казахско-джунгарских отношений стало возможным только в конце XIX — нач. XX вв., благодаря усилиям М.-Ж. Копеева, Ш. Кудайбердиева, М. Тынышпаева, М. Дулатова, А. Букейханова. Борьба казахов с джунгарами, причины успехов последних в 1723—1726 годах, тяжелое политическое и экономическое положение казахов и другие вопросы научно освещены только в историографии 70—80-х гг. XX века в монографиях И.Я. Златкина, Н.Г. Аполловой, В.Я. Басина, В.А. Моисеева и др.²

В частности, В.А. Моисееву удалось показать характер, проследить эволюцию взаимоотношений джунгар с казахами на протяжении длительного времени. Он выявил причины временных успехов джунгар в борьбе с казахами и народами Средней Азии; вскрыл мотивы непоследовательной и противоречивой политики России по отношению к казахам и джунгарам, а также установил признаки выхода на политическую арену новых сил (России и Китая), начавших определять всю систему международных отношений в Центральной Азии. Тесно связана с изучением данной проблемы совместная работа Р. Б. Сулейменова и В. А. Моисеева «Из истории Казахстана XVIII века» (А., 1988).

Одной из узловых проблем остается история взаимоотношений Казахстана с Россией и последней кочевой империей Центральной Азии — Джунгарским ханством в XVIII веке.

Как известно, в советский период казахстанские историки освещали эту проблему в ключе прогрессивного значения присоединения Казахстана к России. В условиях независимости, естественно, подходы изменились. При этом казахстанские историки спокойно, объективно, на базе опубликованных источников и работ отмечают, что в тот период, когда казахи вели оборонительную освободительную войну, в трагические годы великого бедствия, Российская империя продвигалась на юг по Иртышу, строила крепости на захваченных джунгарами казахских землях, подкрепляя свои далеко идущие планы дипломатическими акциями, военными экспедициями³. В.А. Моисеев в своих последних трудах заметно изменил прежние взгляды. По его мнению: «Русское государство предстало на страницах работ казахских историков и публицистов «кровожадным северным хищником», таким же историческим врагом казахов, как и Джунгария. Более того, царское правительство якобы провоцировало джунгаро-казахские войны, снабжало ойратов оружием и натравливало их на казахов». По мнению В. А. Моисеева: «Россия защищала казахский народ от ойратских вторжений, заняла жесткую позицию сдерживания нападающей стороны»⁴.

Однако внимательное изучение истории российско-ойратских отношений свидетельствует, что российская дипломатия в 30-е годы XVIII в. еще продолжала колониальную игру.

Сенат своим указом запретил хану волжских калмыков идти войной против Джунгарского ханства. И только в 1742—1743 гг. Сенат, затем миссия К. Миллера, направленная в ставку ойратского правителя начальником Оренбургской комиссии И.И. Неплюевым, впервые потребовали от ханов Джунгарии прекратить нападения на казахов Младшего и Среднего жузов, рассматривая их уже как российских подданных. Иначе говоря, Российская империя лишь спустя 11—12 лет после принятия казахами

Младшего и Среднего жузов российского подданства выступила в защиту казахского народа.

В обобщающих работах по истории Казахстана военно-стратегическая суть восточной политики империи трактовалась как акция, направленная на укрепление экономических и политических связей казахских ханств с Россией⁵.

Для того чтобы придать «мирный» характер колониальной политике империи, военно-разведывательным экспедициям И. Д. Бухгольца, И.М. Лихарева, П. Ступина и других, длительное время утверждалось, что они проводились в «научных», познавательных целях. В литературе распространён миф о том, что строительство крепостей И.Д. Бухгольцем и другими руководителями экспедиций, проводилось русскими на ничейной земле. На самом же деле военные экспедиции России строили крепости и закрепили за российскими владениями новые территории, испокон веков принадлежавшие казахам и контролируемые в тот период джунгарскими завоевателями.

Проблемы присоединения к России или вынужденного признания власти империи. В советской историографии начало колонизации Казахстана преподносилось как «присоединение» его к России. Одни авторы, рассматривая чисто внешнюю сторону вопроса и совершенно не вдаваясь ни в его экономические, ни в политические причины, считали, что присоединение произошло случайно. Другие, выражая интересы колонизаторов, выискивали «права» и «обязанности» царизма, господствующих классов царской России по отношению к казахскому народу. Они открыто проповедовали имперские идеи и в коренном населении видели только варваров, совершенно игнорируя их самостоятельное многовековое и культурное развитие. «Занятие среднеазиатских земель совершено нами далеко не из-за одной суетной страсти к легким завоеваниям и громким победам, — констатирует официальный документ. — Мы идем на Восток в силу неизбежного естественного закона цивилизации: народы образованные никогда не уживались с варварами, и если первые чувствовали в себе силу и мощь, то всегда выслали за последним пионеров для водворения между ними общечеловеческих понятий о государстве и обществе. Такими пионерами у нас в Средней Азии, бесспорно, следует считать наши доблестные войска»⁶.

В условиях, когда на развалинах СССР возникли независимые государства, иные, явные и скрытые последователи имперского мышления продолжают настаивать на том, что Россия не была колониальной, имперской державой. «Попробуйте ответить на самый, казалось бы, простой вопрос, — спрашивают историк В. Виноградов и заместитель начальника историко-дипломатического управления МИД России И.В. Филатов в статье «Обозревая прошлое Отечества, истории Российской империи», — какие колонии в полном смысле слова приобрела и имела Россия и тогда и позже»⁷. И это идет вразрез с тем, что писалось раньше. На этот вопрос в свое время отвечали отцы российской исторической науки Н.М. Карамзин, В. О. Ключевский. Последний со всей определенностью писал: «История России есть история страны, которая колонизируется»⁸.

По отдельным вопросам «присоединения» Казахстана к России высказались казахские просветители Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин и их единомышленники.

Ч. Валиханов выступал против великодержавного шовинизма, наиболее ретивые защитники которого взяли на вооружение идею евроцентристов о второсортности народов Востока, о праве избранных на государственность и державность. Определяя место казахов в истории мировой цивилизации, Ч. Валиханов решительно отвергал представление некоторых россиян о казахских кочевниках как «о грубых скотоподобных варварах». «Мнение о необычайной дикости и грубости нашей, — писал он, — основано единственно на вокальном варваризме слова *киргиз-кайсака*. Говоря серьезно, киргизский народ принадлежит к числу миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского общества»⁹. Его духовное наследие, обычаи, нравы, отражающие быт предков, по мнению ученого, подобно поэтическим сказаниям Гомера, имеют достоинство историческое. Оно может показать «полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа»¹⁰.

Великий Абай, сочетавший в себе, по определению Ч. Айтматова, «поэта, богослова, пророка и просветителя, глобального мыслителя и праведника, обличавшего невежество и людские пороки, горевавшего за судьбы униженных и оскорбленных»¹¹, писал: «О просвещенных и знатных русских и речи нет. Нам не сравняться с их прислужгой». «Куда стинули наши былые восторги? Где наш радостный смех?», «О, казахи, мой бедный народ». Он установил, что за время колонизации изменился менталитет народа. Былое величие — времена батыров — ушло в прошлое. Победили нравы рабской психологии, невежества, духовной нищеты. Сетуя, что в «сетях клеветы запутался он», Абай мечтал о днях, «когда люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниям, обучатся ремеслу, начнут добычу богатства честным, достойным путем»¹².

И знайте: лишь в дружбе казахский народ
Свободу и правоту свою обретет!

Смысл всей поэзии Абая состоял в том, что он звал свой народ к заветной цели: приобщению к достижениям цивилизованных народов.

Смотри, не заблудись и знай, куда илти,
Вот, выходи сюда на верные пути.

Анализ состояния казахского общества, критика недостатков и слабости колониального народа, начатые и письменно выраженные Абаем, подготовил выход на историческую арену поколения алашских реформаторов.

В период, когда вооруженная борьба в первой половине XIX века против колониализма потерпела неудачу, когда Казахстан стал частью административно-территориального деления империи, когда шло ее фронтальное наступление и русификация народов окраин, дальновидные прогрессивные деятели нации были вынуждены перенести центр тяжести на просвещение своего народа (Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин и их единомышленники).

Огромный пласт отечественной историографии, связанный с именами выдающихся деятелей алашского движения, в долгие годы правления советского режима оставался неосвоенным. Проблема вхождения Казахстана в состав России наиболее полно и цельно нашла отражение прежде всего в трудах А. Букейханова. В работе «Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи» автор ни разу не применяет термины

«присоединение», «добровольное», наоборот, употребляет «завоевание», «покорение» и подчеркивает, что казахи Младшей и Средней Орды, «прижатые с юга своими врагами к так называемой Горькой линии, были вынуждены признать русскую власть»¹³. Продолжая эту тему, А. Букейханов отмечает, что до третьей четверти XIX века «постепенно признали русскую власть все киргизские роды»¹⁴.

Неоценимо значение трудов А. Букейханова и для оценки истории Казахстана XVIII—XIX вв. А. Букейханов писал: «Со второй половины XVI столетия стал надвигаться с севера новый народ — славяне; его культура была выше культуры тогдашних властителей Киргизского края, и последние должны были уступить пришельцам господство в своем крае»¹⁵.

В колонизации края русскими А. Букейханов различает два момента: появление здесь вольных колонизаторов и движение по их следам правительственных дружин. «Вольная колонизация, — по его мнению, — создавалась появлением крестьян, преступников, сектантов и разного сброда, бежавших сюда от тяжелых условий тогдашней жизни или ради легкого способа наживы от беззащитного инородца. В этом отношении особенно излюбленными местами явились южный Урал и северо-восток нашего края. Здесь зарождалась мысль о «проведывании земли», сопровождаемая движением вперед, вглубь неведомых стран. Насколько сильно и могущественно было это движение, можно судить по тому, что волна безымянной вольницы в какие-нибудь около двухсот лет (1560—1750 гг.) прошла всю Сибирь от Урала до Камчатки, от Березова до Алтая. Одна из таких боковых волн шла в Киргизский край с севера, по Иртышу и Барабинской степи, другая — с южного Урала по реке Урал и его притокам. Последнее движение началось раньше, но колонизация по Иртышу совершилась скорее, так как эта волна была сильнее; Иртышский край и Алтай, благодаря природным богатствам, имели в глазах колонизаторов большую цену, и сюда направлялось их больше. Это сознавало и русское правительство, направляя сюда впоследствии главные военные силы. Ниже мы увидим, что правительственная колонизация (и завоевание) шла по следам вольной и, так сказать, узаконивала ее; в некоторых случаях правительству приходилось просто признать известный участок земли своим, так как он был уже захвачен вольницей»¹⁶.

В своих трудах по истории Казахстана и вопросу развития форм землепользования Алихан Букейханов рассматривает отдельно завоевание и колонизацию северо-центральной и восточной части края.

«Какой год нужно считать годом появления русских людей в Ишимо-Иртышском крае — точно сказать трудно, — продолжает он. — Несомненно, что как в Северной Сибири, так и здесь завоеванию края предшествовали частичные проникновения разного рода промысловиков за пушным зверем, а то и просто для грабежа инородцев. Эти отдельные передовые застрельщики русской колонизации, являясь сбродом вольницы, не объединенным какой-нибудь намеченной целью (кроме грабежа), не могли однако послужить надежным оплотом колонизации, несмотря на то, что в первое время, вероятно, не встречали дружного отпора со стороны инородцев»¹⁷.

По мнению А. Букейханова, вхождение Казахстана в состав империи, таким образом, состоит из колонизации (вольной и правительственной) и завоевания. «В конце XVIII столетия (как мы видим выше) значительная часть кочевников Киргизского края признала русскую власть и кочевала

в русских пределах. С начала XIX столетия правительство заботилось об укреплении завоеванного края»¹⁸. Во всех своих исследованиях А. Букейханов обращается к понятию «завоевание», характеризуя те сложные взаимоотношения, сложившиеся в XVIII–XIX вв. в ходе русско-казахских контактов.

А. Букейханов открыто разоблачал несостоятельную концепцию об особой цивилизаторской миссии русских в Центральной Азии. «Покорив край, — писал он, — русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения, и первые завоеватели были совершенно неподготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью, с сомнительным прошлым; правда, и при всем этом, они оказались развитее инородцев, но не настолько, чтобы покорив их, могли сознательно перейти к мирной культурной работе; они не приложили усилий даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы — грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств»¹⁹.

Автор рассматривает процессы вольной и правительственной колонизации в неразрывном единстве, уточняя, что империя была заинтересована в продвижении вольницы. Во-первых, она была передовым отрядом русской колонизации, во-вторых, она давала возможность снять проблемы во внутренней жизни империи.

После 1917 года интерес к проблемам отечественной истории возрос. Среди многочисленных работ следует отметить работы Т. Рыскулова, Х. Досмухамедова, П. Г. Галузо, С. Мендешева, Г. Тогжанова и др.

П. Г. Галузо подчеркнул факт неравноправного партнерства России и Казахстана и отметил чрезвычайную заинтересованность империи в «присоединении» инородцев края. П. Г. Галузо объяснял, почему теоретики колониальной империи пытались придать агрессии миролюбивую оболочку, цивилизаторский характер. В книге «Туркестан — колония» («Очерки истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии») он писал: «Продвижение войск царской России в казахскую степь началось еще в первой половине XVIII века. Русские цари продвигались в страну настойчиво и почти непрерывно, но продвигались, надо сказать, с некоторой оглядкой...»²⁰

Оболочка миролюбия, в которую облекается в приведенных высказываниях русская агрессивная политика на среднеазиатской границе, говорит о том, что, имея далеко идущие агрессивные планы, Россия, продвигаясь в Среднюю Азию, сильно побаивалась своих западноевропейских соперников по колониальным захватам и, прежде всего, Англии.

Продвижение в Среднюю Азию мы можем рассматривать как одну из струй «империалистического соревнования» великих держав «насчет дележа добычи». Российский крепостник-помещик, конечно, прежде всего, захватывал колонии для себя, но объективно это было также захватом колоний и для российского промышленного капитала.

П. Г. Галузо рассматривал историю «колониальных приобретений» России в тесной взаимосвязи со всеми регионами Центральной Азии. Он считал, что вхождение Казахстана в состав империи есть результат

во-первых, лишения народов политической самостоятельности и их завоевания; во-вторых, экономического закабаления; в-третьих, русско-английского соперничества при дележе мира на будущие колонии. П. Г. Галузо принадлежит заслуга раскрытия картины колониального господства России в Казахстане в XIX — начале XX вв. и научная постановка проблемы национально-освободительного движения. «...Эпоха делится на две части: период завоевания и период хозяйственного освоения края, соответственно с этим на два периода делится национально-освободительное движение»²¹.

Х. Досмухамедов считал, что сущность завоевательной политики России состоит в том, чтобы использовать казахские земли как плацдарм при продвижении в Азию. Окончательное «подчинение Россией» Казахского края он считал результатом поражения национально-освободительной борьбы казахов в конце XVIII — первой половине XIX вв. Он считал, что Абулхаир и небольшая кучка старшин родов пошли на сговор с царизмом и вынудили страну принять подданство. Х. Досмухамедов на примере неравномерного представительства родов Младшего и Среднего жузов в переговорных процессах доказал, что основная масса народа не принимала участие в акте подчинения казахов российскому государству²².

М. Ауэзов в книге «Әдебиет тарихы» (История литературы, А., 1927) отмечал, что «причин, вынудивших казахскую страну подчиниться русским, много. С одной стороны, проявляли враждебность калмыки, с другой, исходила угроза со стороны среднеазиатских ханств; в-третьих, русское государство поставило перед собой цель — подчинить казахов, наряду с этим, серьезной причиной стали происки самих казахских ханов. Усиление внутренней вражды и ненависти, использование помощи извне во имя завоевания друг друга раздирали казахскую страну на части. Все эти причины, вместе взятые, доводили внутренние противоречия до крайности.

К этому времени преуспело русское государство, протянувшее свои ненасытные щупальца на Казахскую степь.

Подчинение русским подобно чашке с мясом, подаваемой почетному гостю помимо воли казахов, становилось реальностью»²³.

Проблема присоединения Казахстана к России нашла отражение и в историческом наследии Т. Рыскулова. Рассматривая в целом процесс через призму перехода Казахстана в подданство России, он использовал термины «покорение», «усмирение казахов», «завоевательная сила». В освещенной им «колонизаторской политике царизма» выделяются два момента: с конца XVI в. — казачья колонизация, с середины XIX в. — крестьянская. «По пути своего продвижения во вновь завоеванных районах русская власть возводила сейчас же укрепленные пункты, и шли заселения казаками и крестьянскими переселенцами»²⁴.

Причины перехода казахских жузов в российское подданство Т. Рыскулов связывал в первую очередь с внешнеполитическим положением Казахстана. Последнее выражалось в том, что с востока казахи были теснимы джунгарами, с юга — тюрками Хивы, Бухары, Кокандского ханства, с запада — ногаями и калмыками. Не последнюю роль, по мнению Т. Рыскулова, сыграли активная восточная политика завоевания Россией Казанского (1552 г.), Астраханского (1557 г.) ханств, покорение Западной Сибири (1581 г.), усиление движения русских по линии Урала и Иртыша²⁵.

Историческая концепция Т. Рыскулова по поводу утверждения российской короны в Казахстане и Средней Азии получила окончательное оформление в его работах о национально-освободительной войне 1916 года. Оценивая в целом результаты великодержавных устремлений России, он приводит высказывание начальника переселенческого управления Г. Ф. Чиркина, касающееся судеб коренных народов Центральной Азии: «Если воссоединение всего русского племени под одной сенью Великой Русской Державы в полной мере ответит психологически русским стремлениям, если Босфор и Дарданеллы составляют «ключи нашего Дона», то упрочение России в Астрабаде и Мазандаране в значительной мере искупит наши затраты на военное дело и сильно увеличит наше богатство. В политическом же отношении мы восстановим наследие Петра Великого, оценившего уже 200 лет тому назад своим гением Южное побережье Каспия (равно как и всей Центральной Азии) и утвердившего Россию у Эльбруса»²⁶.

В исторической науке в 30-х годах XX века основное внимание уделялось завоевательным мотивам и колониальным устремлениям царизма. С подобных позиций было написано большинство монографий и статей того периода, в том числе «История Казахстана» С. Д. Асфендиярова. «Не благоденствие, мир и культуру несло царское завоевание казахским массам, — писал он. — Оно несло разорение, грабеж и убийство»²⁷.

В опубликованных в 1970–90-е гг. историографических исследованиях Г. Ф. Дахшлейгера, Д. Дулатовой, Ж. Касымбаева, И. Козыбаева, И. В. Ерофеевой подводились итоги изучения отечественной истории, прежде всего, присоединения Казахстана к России в 40–80-е гг. XVIII в.²⁸

После обретения независимости Республики Казахстан впервые за долгие годы исследователи получили возможность изучения без вмешательства сверху и идеологического диктата проблем отечественной истории. В своем докладе «Слово об Абае» Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев отмечал:

«То была особенно тяжкая пора в истории казахов. Нетрудно представить положение огромных степных просторов, оказавшихся на пути хищных стратегических интересов империи, решившей захватить как можно большую часть земного шара, как можно дальше продвинуться через Среднюю Азию на юг и восток. Империи во всех отношениях было невыгодно лишаться такого лакомого куса. Для этого нужно было разрушить исторически сложившуюся национальную систему правления страной. Надо было силой внедрить в степь порядки и форму власти могущественной метрополии. Было спешно и искусственно создано несколько карликовых ханств, нарушена этнотерриториальная целостность. Потом раздробили народ и земли ханства по родовым и племенным признакам на волости и аулы.

Более плачевной участи некогда единого народа невозможно было и представить... Таковой была коварная колониальная политика, преследовавшая цель — превратить огромное пространство кочевников в стратегический плацдарм для расширения своей территории. Ради этого империя пошла на разрушение исторической государственности и лишение всяких человеческих прав ее исконных обитателей»²⁹.

Участники Всесоюзного «Круглого стола» (27–28 июня 1990 г.) по проблемной теме «Национальные движения в условиях колониализма:

Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ» пришли к выводу, что понятие «присоединение» следует понимать как многовекторный процесс, «включающий в себя не только добровольность признания власти империи, но и завоевание, колонизацию (крестьянскую и военную)»³⁰.

Концентрированным выражением современных научных позиций стало изложение истории присоединения Казахстана к России в «Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней» (1993 г.). В разделе «Казахстан в составе Российской империи» глава названа: «Присоединение Казахстана к России: вхождение, завоевание, колонизация». В ней излагается материал о политических связях между двумя народами на протяжении XVI–XVIII вв.; говорится о благожелательном отношении к России ханов Хакназара и Тауке; о джунгарском вторжении на территорию Казахстана, ускорившем принятие частью казахов Младшего жуза российского подданства; о существенных разногласиях между феодальной верхушкой и Абулхайр-ханом, который при обращении к царскому правительству выступил от имени народа с просьбой о принятии подданства Средним и Старшим жузами, что произошло значительно позднее и в других условиях. Внимание акцентируется на усилении колониальной направленности политики царизма, которая осложняла внутривнутриполитическую обстановку в новых приобретенных землях. Авторы «Истории Казахстана» считают, что колониальная политика выражалась в создании укрепленных линий вокруг казахских земель и во введении здесь российской системы управления, что вызвало протест большей части казахского населения, вылившийся в ряд волнений. В итоге четко была высказана оценка: «Значительная часть Младшего, некоторые районы Среднего жузов приняли российское подданство добровольно. Большая же часть Среднего и часть районов Южного Казахстана были присоединены с помощью военной силы царизма. ...Получив бесконтрольную власть над большей частью населения, Россия расширила колонизаторскую политику почти во всех сферах»³¹. В структуре раздела доминирует материал, касающийся народно-освободительной борьбы в период присоединения Казахстана к России.

Однако, исследователи все больше и больше приходят к выводу о том, что и такая постановка вопроса не отражает историческую истину. По-разному интерпретируют исследователи понятие «присоединение». В частности, М. К. Козыбаев считает, что термин «присоединение» неадекватно отражает суть исторического процесса, имеет оскорбительный оттенок, заключающий в себе силовое начало. Казахстан, по его мнению, выступает в роли примкнувшего субъекта к основному объекту. Термин, в свое время сочиненный в имперской канцелярии и принятый в официальной советской исторической науке, на деле выступает синонимом термина «захват», «агрессия», «завоевание»³².

Как известно, принято считать, что колонизацию Сибири Россия начала после завоевания Казанского, Астраханского и Крымского ханств. Исследователь В. В. Каргалов считает иначе, он пишет: «По традиции присоединение к Российскому государству Западной Сибири началось раньше, и первыми русскими воеводами, возглавившими в 1483 году большой поход в Сибирские земли, были князья Федор Курбский и Иван Салтык-Травин»³³.

Таким образом, В. В. Каргалов начальный этап колониальной политики царизма на Восток отодвигает еще на целый век. В последующих пе-

риодах различные области Сибири, в т.ч. Рудного Алтая и Урала, одна за другой были завоеваны русским государством.

Вслед за А.И. Тевкелевым отдельные исследователи разных поколений справедливо связывают стратегический этап, навсегда определивший неизбежность включения Казахстана в орбиту России, с именем и деяниями Петра I.

Петр I дал поручение ответственному работнику Сената И. Кириллову и дипломату, переводчику Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелеву (до принятия православия – Кутлумбет-мурзы) разработать проект приведения казахов в российское подданство.

Так была определена стратегия захвата Казахстана, которая окончательно оформилась в последующие десятилетия, по выражению Н.Г. Аполловой, в «крупную агрессию царизма, направленную к осуществлению так называемого «мирного завоевания степи и вечного подданства казахского народа».

Дневник российского посла А. И. Тевкелева давно обратил на себя внимание историков. Переговоры шли в течение одного года и 49 дней, что позволило ему довольно основательно изучить казахское общество и определить его потенциальные возможности. Российская политика набирала опыт общения со степным своевольным народом. В ходе переговоров правящая элита степи разделилась на две части: а) на сторонников Абулхаир-хана; б) на противников принятия подданства. В минуты отчаяния ханские сторонники искали другую альтернативу. Успех переговоров о подданстве был решен только благодаря доброму расположению одного из крупных вождей Младшего жуза Букенбай-батыра из союза племен жетыру к Тевкелеву. Букенбай-батыр говорил, если ему будет оказана помощь со стороны башкир и яицких казаков, то он с зятем (Кудайназар-батыр) «обещает киргиз-кайсацкую орду в подданство российское в два года привести саблею»³⁴.

Впоследствии, обобщая весь материал миссии А. И. Тевкелева, историк А. Левшин был вынужден констатировать: «Появление Тевкелева в Орде открыло все властолюбивые замыслы хитрого Абулхаира. Чиновники, хвавшие приводить новых подданных России к присяге, не только не были приняты соответственно своему назначению, но тотчас по приезде едва не лишились жизни.... Простой народ напротив того, не имея среди себя столько приверженцев России, сколько было их в Меньшей орде, не хотел расставаться с независимостью своею, представлял себе все в превратном виде и потому сильно восстал против соплеменников своих, покорных России».

Итак, одной из приоритетных в отечественной истории является проблема казахско-русских отношений с середины XVI в. до начала XX столетия. Предшествующая историография этой проблемы претерпела различного рода оценки, начиная со ставшего классическим в советское время определения «присоединение» и завершая термином «вхождение», введенным в первые годы обретения Казахстаном своей независимости. Как бы то ни было, историческим фактом является то, что Казахстан в результате сложнейших коллизий в международных отношениях потерял свою политическую независимость и государственный суверенитет почти на двести шестьдесят лет.

Всемирная история распорядилась так, что начавшиеся складываться мирохозяйственные связи и расширяющийся мировой рынок поставили

человечество перед фактом стремления отдельных мировых государств держать в своих руках пульс торговых путей, что в свою очередь вызвало их соперничество за торговое и промышленное господство в мире. В этих условиях по-иному складывается судьба стран Центральной Азии. Казахстан с его цветущей степной цивилизацией, истоки которой восходят к колыбели общего прошлого человечества, становится объектом интересов внешней политики сопредельных великих соседей. Россия, ставшая централизованным государством с утвердившейся абсолютной монархией, имея опыт дипломатического подчинения азиатских народов и военных экспедиций, направляет свои взоры на казахские земли, которые должны были стать «ключом и вратами ко всем азиатским странам и землям». При этом Российская империя исходила как из внутренних потребностей, так и из необходимости утвердиться на европейском и азиатском континентах.

Успехам российской политики при подчинении Казахстана способствовала ситуация в Центральноазиатском регионе, сложившаяся не в пользу кочевников Великой степи и ее соседей. На Среднем Востоке столкнулись интересы Джунгарии, Китая, Османской империи, среднеазиатских ханств, Англии.

Казахский компонент в «восточной политике» России обретает свое важное место еще со времен правления Василия III, имевшего связи с Казахским ханством. Если до начала XVIII в., казахско-российские отношения представляли собой взаимоотношения двух независимых государств, несмотря на нараставшую в течение двух предыдущих веков российскую экспансию, то со времен реформ Петра Великого во внешней политике России по отношению к Средней Азии и Казахстану начинает брать верх тенденция поглощения Степного края. «Восточная идея» Петра I вызвала к жизни планы захвата путей транзитной торговли с Индией и Китаем.

Начало XVIII в. ознаменовалось для казахов сложным внешнеполитическим положением. Политические тиски ощущались налицо: с севера и запада — Российское государство, с востока — джунгары, с юга — среднеазиатские ханства. Наряду с этим происходило нарастание кризисных явлений внутри казахского общества: отсутствие интеграции среди кочевых коллективов, усиление центробежных тенденций, рост родовых усобиц, внутривнутриполитическая борьба во властных структурах, в те годы на территории современного Казахстана поднимали голову так называемые «келте ханы», начавшие «войну всех против всех». Эти войны подрывали экономическую основу государства, истощали его материальные ресурсы и увеличивали людские потери.

Это привело к нарушению традиционных маршрутов перекочевки и деформации системы кочевания в целом. Наконец, пиком череды негативов и противоречий в развитии казахского общества стали 1723–1730 гг., вошедшие в историю Казахстана как «Ақтабан шұбырынды» или «Годы Великого бедствия». Это было время неисчислимых страданий, голода, человеческих жертв, экономической разрухи, упадка производительных сил, культурного регресса.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что воевали между собой по образу жизни номады, по сути своей народы, ставшие жертвами «большой политики» мировых империй и великих соседей. Как бы то ни

было, в истории Отечества имели место длительные казахско-джунгарские войны, в которых решающую роль сыграло народное ополчение казахского народа против джунгарской агрессии. Если иметь в виду, что защищалась Родина и земли предков, то можно говорить об Отечественной войне, а не о простом ополчении.

Будучи вытесненными к западным и северо-западным границам своей родины, казахские роды столкнулись с проблемой использования пастбищных пространств между Волгой и Уралом, что привело к противоречиям с уральскими казаками и калмыками. К тому же в результате джунгарской агрессии значительно ослабили хозяйственно-политические связи между казахскими жузами, усугублению которых содействовали междоусобицы и раздробленность. В первой четверти XVIII века воочию были представлены превосходства наступающей европейской промышленной цивилизации, которые выразились в эффективном развитии военного дела. Преимущества былой конницы стали постепенно сводиться на нет, уступив место огнестрельному оружию и артиллерии.

Рубежным в плане подчинения Казахстана российскому имперскому двуглавному орлу стал 1731 год. Это было время, когда предводитель Младшего жуза хан Абулхайр обратился к российской императрице Анне Иоанновне с просьбой о подданстве и покровительстве.

Действия хана Абулхайра получили весьма противоречивые оценки в историографии. В качестве осуждающих его сторон названы — корыстные интересы борца за единоличную власть; забвение интересов казахского народа, поскольку он выступил от имени всех казахов; стремление Абулхайра и его окружения возвыситься над остальными соперниками благодаря покровительству могущественной державы. В числе причин, оправдывающих подписание акта с Россией казахами Младшего жуза во главе с Абулхайром, называются: внешнеполитические факторы — необходимость предотвращения джунгарской агрессии, появление угрозы на южных рубежах Казахстана в связи с завоеваниями иранского шаха Надир-шаха; притязания среднеазиатских ханств на южные земли Казахстана; рейдовые набеги башкир, волжских калмыков, яицких казаков, сибирского войска на пограничные земли казахов. Внутренние и некоторые другие факторы — необходимость в подрыве основ сепаратизма родовой знати и местной вольницы; потребность в создании централизованного государства; усталость казахского народа от продолжительной агрессии со стороны джунгар, междоусобиц между ханами, султанами, старшинами, от блокады внешнего мира; разведывательная деятельность российских экспедиций в Казахской степи и строительство крепостей на оккупированных калмыками казахских землях; деятельность российской дипломатии в лице А.И. Тевкелева, И. Неплюева и др., подтолкнувшая Абулхайра на принятие русского подданства; сложность экономического состояния Казахстана в первой четверти XVIII в.

19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала жалованную грамоту хану Абулхайру о принятии в российское подданство Младшего жуза. 10 октября 1731 г. вместе с ханом Абулхайром присягнули российскому престолу, поставив подписи 56 человек, представлявших следующие роды: 17 — из родов аргынов, 7 — из найманов, 4 — из кыпчаков, 2 — из рода тама, 3 — из жагалбайлы, 1 — из кердери, 4 — из алаша, 2 — из байбакты, 2 — из жаппас, 2 — из маскар, 10 — из табын, 1 — из шомекей,

1 — из кете. (Крафт И. И. Принятие киргизами русского подданства. Оренбург, 1897; См. также: «Айкап». Составители: У. Субханбердина, С. Даутов. А., 1995, с. 49–52).

Состоявшийся вблизи Оренбурга в 1740 г. съезд представителей старшин и султанов Младшего и Среднего жузов способствовал закреплению первых результатов российского подданства. Присутствовавшие на нем хан Абулмамбет и султан Абылай, учитывая сложившуюся ситуацию, высказались за принятие российского подданства, стремясь обезопасить Казахстан от возможных вторжений джунгар. Присяга группы султанов и старшин Младшего и Среднего жузов в 1740 г. обусловила подчинение России лишь части Среднего жуза. Основные же регионы Северо-Восточного и Центрального Казахстана вошли в состав империи лишь в 20–40-е гг. XIX века вследствие военно-политических акций царизма. Мечта Петра I стала реальностью.

Проблема признания казахами протекторатной зависимости от Российской империи стала предметом интерпретации в трудах многих исследователей³⁵.

Вопрос признания частью казахов Младшего и Среднего жузов власти России рассматривался и на сессии Министерства образования и науки — Академии наук, посвященной году отечественной истории и народного единства (4 июля 1998 г.)³⁶.

Свое видение истории Казахстана изложил в книге «Азбука казахской истории» (А., 1995) народный писатель, известный исследователь М. Магауин. В ней рассмотрены актуальные проблемы казахской государственности, основные этапы борьбы казахского народа с джунгарскими захватчиками, определены некоторые, порою существенные, пробелы в изучении отечественной истории.

Известно, что долгие годы методологическим наставлением для советских обществоведов служило письмо К. Маркса своему соратнику Ф. Энгельсу, где он писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, с. 241). Однако, российские исследователи из этого текста опускали оборот «несмотря на всю подлость и славянскую грязь». Историки же регионов не осмеливались использовать цитату без этих купюр. При таком подходе оценка К. Маркса роли России «для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» приобрела совершенно иной смысл.

Что же изменилось сегодня в оценке роли России для народов Востока? После завоевания суверенитета и независимости слова К. Маркса «несмотря на всю подлость и славянскую грязь» наполнились конкретным содержанием. «Вся подлость и славянская грязь» России для народов Центральной Азии однозначно состояла в колонизаторстве, политике геноцида и этноцида, русификации, изъятии плодородных земель у казахов, в подавлении национально-освободительного движения и т.д. Опубликованные многочисленные документальные сборники по истории национально-освободительного движения, а также монография Т. Сапаргалиева «Карательная политика царизма в Казахстане» (А., 1960) — тому доказательство.

Не исключена возможность, что в пылу полемики исследователи порою допускают излишнюю горячность, прямолинейность. Чрезмерная концентрация «подлости и славянской грязи», а их накопилось за 260 лет предостаточно, порою воспринимаются нашими коллегами из России неоднозначно. Все это можно понять.

Вместе с тем исследователи Казахстана, за редким исключением, по-прежнему всемерно отмечают цивилизаторскую роль России по отношению к Востоку. Она состояла в приобщении народов окраины к русской и европейской культуре, ускоренном развитии производительных сил, участии в составе империи в процессах всемирной истории.

Так или иначе, историографические поиски проблем истории Казахстана в составе России идут в этих параметрах.

Постараемся доказать данный тезис на примере изучения историографии колонизации края.

Проблемы изучения казахской колонизации. Противоречивый и тяжелый для казахского народа процесс колонизации Казахстана длился более ста лет.

Одним из первых, кто обратил внимание на изучение казахской колонизации, был П.Г. Галузо. Его работа «Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг.» (А., 1965) содержит сведения о казахской колонизации этого региона. К кругу вопросов, волновавших автора, относятся следующие: основные этапы формирования и развития семиреченского казачества, развитие казахского землепользования, расслоение казачества по количеству лошадей, по землепользованию и размерам посевных площадей, формы эксплуатации в станицах. Исследование этих проблем основано не только на значительном статистическом и архивном материале, но и на ранее опубликованных работах Н. З. Леденева, М. Хорошихина, Ф. М. Старикова, С. Н. Велецкого, А. А. Кауфмана и др. После П.Г. Галузо, около 35 лет, проблема казачества не вызывала интереса ученых и только в последние годы, в тесной связи с современными демографическими проблемами и оживлением казачества в Казахстане вопрос вновь приобрел актуальность. Среди многих публикаций мы остановимся на двух работах: «История казачества Казахстана» (А., 1994) М. Ж. Абдирова и «Из истории семиреченского казачества» (А., 1997) Т. Б. Митропольской.

М. Ж. Абдиров ставит следующие задачи: выяснение времени появления первых русских казаков в Казахской степи, место казачества в системе колониального господства в крае, роль казачества в завоевании Казахстана и подавлении национально-освободительных восстаний и движений казахского народа в XVIII—XIX вв. Обусловлена такая постановка вопросов тем, что из одиннадцати казахских войск царской России четыре непосредственно располагались в Казахстане: Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское. В прямой близости к Букеевской Орде находилось Астраханское казачье войско.

В результате исследования проблемы, автор приходит к выводу, что казачество здесь выполняло три функции: 1) массовое изъятие лучших и плодородных земель, вытеснение казахов в бесплодные пустыни, сужение районов традиционного кочевания казахов и тем самым подрыв векового хозяйственного уклада; 2) во время регулярных воинских походов в степь массовый угон скота и лишение казахов основного источника существования; 3) во время тех же грабительских набегов на мирные аулы массовые

убийства и захват мужчин — главной производительной и военной силы кочевников. «Взятые вместе, в единстве, они означали геноцид на фазе перехода в этноцид против казахского народа» (с. 140).

Всю историю казачества, как уникального этнологического процесса М. Ж. Абдиров считает возможным рассматривать на двух конкретных этапах, в их историческом сцеплении и столкновении. Первый — казачество как исконно тюркское явление в эпоху средневековья (VI—XVI вв.), возникшее на необъятной территории великого пояса степей от Монголии до Дуная. Второй — формирование преимущественно славянского казачества в южных и юго-восточных степях под влиянием внутрироссийской базы существовавшего здесь прежде тюркского населения.

Работа Т. Митропольской ограничивается одним регионом — Жетысу (Семиречьем). Помимо сведений о формировании казачества автор подробно освещает события, происходившие среди казаков между 1917—1920 гг., назвав их «Между двумя диктатурами». По замечанию автора, весть о падении царизма была встречена семиреченцами без «прочных монархических привязанностей» или же проявления «доверия к правому крылу либералов»³⁷. В Петрограде, Москве, Ташкенте и других революционных центрах нейтралитет большинства казачества сыграл на руку большевикам³⁸. Изучив действия казачества в 1917 г., автор подводит итог, связанный со свержением 4 марта 1918 г. власти комиссаров Временного правительства и установлением власти Советов в Верном. В заключении приводится перечень выявленных автором слабоизученных проблем темы, среди которых — расказачивание. «Те действия органов Советской власти, которые названы расказачиванием, — уточняет автор, — заключались не столько в ликвидации казачьих войск как государственных учреждений, упразднении сословий и реформе землепользования, сколько в попытках вычеркнуть казачество как социально-этническое образование из российской реальности»³⁹.

Как видно, казачество играло значительную роль проводника идей и устремлений самодержавия в Казахстане, являясь его опорой и защитой. Вместе с тем следует отметить, что казачье население, как и представители русской переселенческой деревни, осваивая районы поселения в Казахстане, ускорили процесс хозяйственно-экономической, культурной интеграции с казахским населением на основе взаимовлияния и взаимодействия.

Среди многочисленных краеведческих работ отличается книга В. А. Терещук «Рассказы о Кокчетаве». В разделе книги, озаглавленной «Казаки — верная опора царизма» автор отмечает, что на них «царское правительство возлагало надежды по усмирению взбунтовавшихся мятежников, подведению всего киргиз-кайсацкого народа под высокую монаршую руку»⁴⁰. В. А. Терещук показывает пренебрежительное отношение казачества не только к казахам, но и к мужику-переселенцу. «Всеобщее внимание к казакам, порой незаслуженное приписывание им заслуг, небывалых подвигов порождало в их среде большую самоуверенность, сознание непобедимости, героизма. Они еще сильнее стремились окружить себя ореолом славы, выпятившись как защитники русских рубежей, верой и правдой служащих царю и Отечеству, такими они оставались на протяжении многих десятилетий. И каждый раз по первому зову трубы, оседлав своих

коней, скакали туда, где были бессильны дипломатия, законы, желания народа»⁴¹.

Таким образом представлена в историографии одна из определяющих проблем завоевания Казахстана Российской империей в XVIII–XIX вв. и превращение обширной территории в колониальную окраину. Это не был единовременный политический акт, его целенаправленность и длительность оказали влияние на все грани истории и жизни казахского общества.

Изучение проблем социально-экономической и демографической истории казахского общества XIX века. Россия пыталась основательно выяснить, какое количество кочевого и оседлого населения приобретала она вместе с новыми территориями, каковы база и особенности экономической, политической и правовой сторон их жизни и другие вопросы, составляющие основу казахской народности.

Одно из первых учреждений, с четкими задачами выявления потенциальных возможностей районов в экономическом плане, было сформировано в 1734 г. во главе с И.К. Кирилловым. Оно получило название Оренбургской экспедиции. Отчеты участников ее — ценнейший источник по истории XVIII века.

Первые опубликованные сведения о численности казахского населения на 60-е годы XIX века по трем жузам имеются у А. Левшина, который приводит цифру от 2,5 до 3 миллионов⁴². Специально этими вопросами в XIX в. занимались участники статистических комитетов: М. Красовский по Сибирскому ведомству, М. Кузьминский по Среднему жузу, Я. Ханьков по Букеевской Орде, И. Бларамберг по Букеевской Орде и Младшему жузу, Ю. А. Гагемейстер по Сибирскому ведомству и Старшему жузу, а также казахам, кочевавшим в Томской и Тобольской губерниях и др.⁴³.

Интерес к истории и современному состоянию народонаселения вновь приобретенных территорий показывает появление общих работ о казахам. К этому ряду относятся труды С. Броневского, В. Вельяминова-Зернова, А. Гейнса, В. Григорьева, И. Завалишина, Л. Мейера, И. Казанцева, Н. Зеланда, Р. Игнатьева, Н. Гродекова, П. Румянцева и др.⁴⁴.

Помимо общих работ, в которых содержатся разносторонние сведения о казахам, начиная с их истории, социальной структуры, быта, духовной жизни, выплаты налогов и обычаев, существует немало трудов, специально и углубленно освещающих отдельные вопросы политической, экономической, правовой сторон казахского общества и различных тем культуры. Часть из них публиковалась в периодической печати, а диапазон изданий говорит об интересах к казахскому народу и желании больше и шире узнать о нем. Еще одной знаменательной особенностью историографии XIX в. стало привлечение к изданиям о Казахстане представителей казахской интеллигенции, публиковавшей заслуживающий внимания материал о различных сторонах жизни казахского общества.

Довольно широкий круг книг и статей повествует о занятии казахов кочевым скотоводством — основной хозяйственной деятельностью. Живой интерес вызывает нестандартное описание хозяйства казахов, представленное Мухаммед-Галием Тяукиным. Особенности кочевого хозяйства в условиях Туркестана и его связи с земледельческими поселенцами описал Н. Васильев. Интересные характеристики быта и нравов казахов, трудностей ведения традиционных методов хозяйства в новых условиях и попыт-

ки приспособиться к ним находим у А. Букейханова, М. Чорманова, А. Алекторова, В. Герна. Оригинальный материал о скотоводстве Тургайской области содержат работы А. Добросмыслова и А. Диваева⁴⁵. С началом XIX века казахи стали заниматься земледелием не только на юге Казахстана по течению Сырдарьи, Таласа, Чу, Сарысу, Или, где оно было и раньше, притом поливное, возникают новые очаги земледелия, главным образом по рекам Урал, Тургай, Илек, Орь, Иртыш и по побережью многочисленных озер. М. Венюков,⁴⁶ побывав в Казахстане, писал, что казахи «Средней и Большой Орды» — номады, но многие занимаются земледелием по рекам Алтая, Тарбагатая, Калбинского хребта, Джунгарского и Заилийского Алатау. Если в первой четверти XIX века земледелием занимались в основном жатаки, бедняки-земледельцы, то к середине века земледелие, в том числе и сенокосение, становится занятием и более зажиточных слоев казахского аула, преимущество перед мелким скотоводством становится очевидным. Эти и другие факторы, отражающие земледелие и проблемы, связанные с ним, раскрывают Т. Сейдалин, А. Алекторов, Л. Чермак и др.⁴⁷

Начиная с последней четверти XVIII века, царское правительство нацелилось на ликвидацию ханской власти и на проведение административной реформы в Казахстане. Особенно активно шел этот процесс в 1822—24 гг., когда были утверждены «Устав о Сибирских киргизах» и «Устав об Оренбургских киргизах», по которым ликвидировалась ханская власть, Средний жуз и часть Старшего жуза были разделены на внешние округа, а в Младшем жузе введена дистанционная система. По мере превращения территории Казахстана во внутреннюю колонию Россия унифицировала систему управления и подчинения казахов Временными положениями 1867—1868 гг. (после завоевания юга Казахстана). Наряду с административными переменами произошли существенные изменения в правовой и судебной системе казахов. Резко сократилась сфера действия казахского обычного права, доминирующее значение приобрело российское право, окончательно утвердившееся Положениями 1886, 1891 гг. Весь земельный фонд края из рук господствовавшего ханско-султанского рода чингизидов перешел в руки Российской империи.

Внимание современников к правовым нормам во все этапы колонизации России было стабильным. Обильный документальный материал отличает работы М. Чорманова, А. Букейханова, Ж. Акпаева, И. Ибрагимова, Д. Самоковасова, Г. Загрязского, А. Крахалева, П. Маковецкого, Н. Максимова, И. Крафта, А. Добросмыслова, А. Мякутина и др.⁴⁸

Значительное количество публикаций отражали быт казахов, социальную структуру общества, торговлю и занятия казахов промыслами, главным образом, на основе животноводческого сырья.

Начиная со 2-й половины XIX в., процесс переселения крестьянства, сначала стихийный, а затем взятый под контроль властей, нашел отдельное отражение в публикациях начала XX в.

Переселенческая политика, составная часть колонизации края, приобрела в Казахстане широкие масштабы. Более детальное изучение аграрных отношений, развитие земледелия и переселенческого дела было начато историками советского периода, главным образом, в 1950-х годах. Этими вопросами занимались А. Турсунбаев (Из истории крестьян-переселенцев в Казахстане. А., 1950), П. Верещагин (Переселенческая политика цариз-

ма в Сырдарьинской области Туркестанского края. М., 1950), статьи написали П. Шарова, О. Ваганова, А. Геллер и др. Исследователи определили районы выхода переселенцев, их социально-экономический тип, изучено массовое изъятие земель у коренного населения, выявлены последствия переселенчества. Важной вехой на пути осуществления целей самодержавия явилось совещание по землеустройству казахов в 1907 г., которое, не согласившись с данными экспедиции Ф. А. Щербины за 1896–1902 гг., добилось новой ревизии для выявления колонизационного фонда пахотных земель. Подробно изучена политика Столыпина и выявлено количество изъятых площадей на всей территории Казахстана.

Для рассматриваемого периода историографии и работы историков в последующие годы определяющее значение имела Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период (Материалы... Ташкент, 1955). Рекомендации, выработанные на сессии, были положены в основу «Истории Казахской ССР» (т. 1, А., 1957 г.) и монографий социально-экономического плана, написанных Е. Бекмахановым (Социально-экономические отношения Казахстана в период империализма. А., 1957), С. Зимановым (Общественный строй казахов первой половины XIX в. А., 1958), С. Толыбековым (Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. А., 1959).

Е. Б. Бекмаханов изучил динамику социальных изменений по категориям султанов, биев, ходжей и мулл, баев, тарханов, батыров. При этом, как выяснил автор, две последние категории (тарханы и батыры) к середине XIX в. утратили свое экономическое влияние и фактически как отдельные социальные группы прекратили свое существование. Отстаивая свои взгляды на сущность байского хозяйства, автор полемизировал с учеными по двум направлениям: с одной стороны, против утверждения С. Толыбекова, С. Зиманова о существовании байства задолго до XIX в., считая этот подход односторонним; с другой стороны, против положений Е. Федорова и А. Якунина, переоценивавших капиталистические отношения в экономике Казахстана, игнорировавших факты использования в байском хозяйстве дарового труда обедневших одноаульцев под видом «родовой помощи». Е. Бекмаханов доказал, что в казахском ауле господствовал феодальный способ производства с сохранением пережитков патриархально-родового быта.

Монографии С. Е. Толыбекова и С. З. Зиманова внесли большой вклад в изучение социальной структуры и хозяйственной деятельности казахского населения в период господства феодальных отношений в Казахстане. Ими изучены производительные силы в условиях казахского скотоводческого хозяйства, определена специфика владения основными средствами производства, выявлены формы феодальной зависимости и принципы использования феодалами родовых институтов в своих интересах.

Ученые показали, что в период развития капитализма в России, особенно в пореформенный период, структура класса эксплуататоров в Казахстане представляла собой систему неравнозначных социальных групп, интересы которых тесно переплетались: султаны, привлеченные на службу колониальных властей; байы — владельцы скота и плодородных пастбищ или предприятий по обработке сельскохозяйственных продуктов; бии, сохранившие в своих руках судебную власть в ауле; старшины, превратив-

шиеся в местный чиновничий аппарат, в обязанности которого входил сбор налогов с подвластных аулов.

Социальные категории эксплуататоров объединяло отношение к казахским шаруа, основным производителям. Причем здесь переплетались старые формы эксплуатации с новыми. Характерно, что ни одна из названных социальных категорий господствующих слоев общества не принимала участия в материальном производстве.

В распоряжении казахских феодалов сохранялись пастбища; у них было сосредоточено большое количество скота; конечно, они диктовали свою волю в кочевых общинах. Поэтому проникновение капитализма в кочевые и полукочевые коллективы было закономерным явлением в пореформенный период, определившим незавершенность общего процесса развития капитализма в Казахстане вплоть до 1917 г.

В числе наиболее актуальных и сложных проблем социально-экономического плана оставалась аграрная история в Казахстане. Ею занимались Л. Ауэзова, С. Сундетов, В. Черников, А. Гинсбург и др. Узловые проблемы аграрной истории Казахстана в период капитализма в России исследованы в трудах Б. Сулейменова (Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начале XX в. А., 1963) и П. Галузо (Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. А., 1965).

Хронологические рамки монографии Б. Сулейменова охватывают 40 лет (1867—1907 гг.). В ней раскрыта сущность аграрной политики самодержавия и позиций помещиков и буржуазии, подвергнута анализу история оседания и социально-хозяйственного устройства казахского аула. Автор отметил усиление строительства в ауле постоянных жилищ и помещений для скота, показал разницу между административным аулом, образованным в результате реформы 1867—1868 гг., и хозяйственным аулом, рассмотрел формы и методы эксплуатации в них. При выяснении степени распространения капитализма и расслоения населения в казахском ауле Б. Сулейменов руководствовался двумя категориями: количеством скота и количеством наемных рабочих в хозяйстве. Им отмечено, что в силу живучести патриархально-феодалных отношений, беднота аула в значительной степени эксплуатировалась под видом «родовой помощи».

У П. Г. Галузо аграрные отношения на юге Казахстана представлены в более широких хронологических рамках, на основе большого статистического материала. В оценке роли переселенцев и вследствие этого перераспределения земельных угодий автор исходил из того, что этот процесс является тормозом в развитии казахского земледелия, в переходе казахов к оседлому хозяйству.

Основательно показана автором роль военно-феодалного аппарата управления краем и дана исчерпывающая характеристика аграрному законодательству царизма. Рассмотрев имущественное неравенство и расслоение в ауле, автор приходит к выводу, что земледелие у казахов было развито настолько широко, что их хозяйство уже приближалось к типу животноводческо-земледельческого направления, а своеобразие состояло лишь в том, что в ауле почти не дифференцировалось крупное байство — феодалы от байства кулацкого типа, использовавшие наемный труд.

Значительное место в монографии отведено казачьей колонизации края, истории Семиреченского казачьего войска. В переселенческой по-

литике царизма автор видит два этапа: XIX в., когда Жетысу и Сырдарьинская область заселялись русскими крестьянами по стратегическим и военно-политическим соображениям, и XX в. — переселение из России большого количества бедного и среднего крестьянства в целях ослабления его борьбы за землю. В результате переселенческой политики самодержавия, считает автор, кочевое (скотоводческое) и оседлое (земледельческое) хозяйства вступили в полосу глубокого кризиса. Он пишет об «огромном разрушении производительных сил, исключительно глубоком обнищании крестьянства». Однако, на наш взгляд, главное, что нужно было выяснить, состояло в том, ускорила ли перестройка хозяйства казахов, переросло ли оно из скотоводческого в скотоводческо-земледельческое. Лишь получив объективный ответ на этот вопрос, мы можем дать более точную оценку всей переселенческой политике и ее результатам в целом.

П. Г. Галузо исследовал имущественное состояние крестьян-переселенцев из России до водворения на юг Казахстана, дифференциацию переселенцев после водворения, тип хозяйства переселенцев, отношения эксплуатации в переселенческих поселках. Вывод автора категоричен: «Переселенцы, — пишет он, — не обогнали местное крестьянство, в частности казахов, в части техники земледелия. Не обогнали они его и в части развития капитализма, зарождения индустриальных форм капитала в сельском хозяйстве» (с. 269). И далее: «...в казахских аулах капитализм в сельском хозяйстве был более развит, чем в русских поселках». Автор знал, что его мнение противоречит выводам большинства исследователей, однако отстаивал свои взгляды.

Несмотря на существенные различия в выводах, Б. Сулейменов и П. Г. Галузо рассмотрели переселенческий вопрос в тесной взаимосвязи с изменениями, характерными для экономики России XIX — начала XX вв.; отсюда подтверждение обобщения: решение переселенческого вопроса было возможно только при условии аграрного переворота в Европейской России.

В конце 1870-х гг. интерес к аграрным проблемам развития Казахстана ослабел и это состояние в историографии характерно и на сегодняшний день.

О значительных достижениях в изучении промышленности и транспорта, торговли и финансовой политики, в тесной связи с проблемой формирования пролетариата в Казахстане свидетельствуют труды Е. Дильмухамедова и Ф. Маликова, Е. Бекмухамедова, М. Турсуновой, Г. Есенгалиевой, М. Асылбекова, Ц. Фридмана⁴⁹.

В горнорудной промышленности наиболее полно проявилась сущность колониального положения края. Е. Дильмухамедов и Ф. Маликов рассмотрели особенности развития этой отрасли в пореформенное время, трудности ее роста. На основе архивных материалов авторам удалось проследить проникновение в начале XX в. в горнозаводскую и нефтяную промышленность монополистического иностранного капитала, историю акционерного общества Спасских медных руд, Атбасарского акционерного общества медных копей, Риддерского и Киргизского горно-промышленного общества и др.

Свою главную задачу авторы видели в выявлении особенностей формирования кадров рабочих в горнодобывающей промышленности и их революционной борьбы. Однако авторы изложили материал, относящийся

больше к источникам пополнения рабочего класса Казахстана. Их они видят в результатах дифференциации казахского крестьянства, роста отходничества, в переходе кустарей в ряды рабочих, приезде рабочих из уральских и сибирских заводов, в обедневших мещанах. Авторы указали на первые законы о найме рабочих 1838, 1870, 1895 гг.; жаль, что они не раскрыли содержание фабричного законодательства. По данным их примерного подсчета, в начале XX в., по сравнению с 1860—1880-ми гг., число рабочих в этой промышленности возросло в 2—3 раза. Но эти цифры не вызывают доверия, поскольку они сложились из разнородных данных за разные годы. Сомнительна также возможность причисления всех рабочих, занятых в переработке сельскохозяйственного сырья, к промышленному пролетариату. Если судить, например, по данным Сырдарьинской области, где в 1906 г. на 900 предприятиях работало всего около 2000 человек, то едва ли такие предприятия можно назвать фабриками, а их работников — пролетариями. Нечеткая социально-экономическая характеристика промышленного пролетариата в работе автора, а также разноречивые архивные материалы, положенные в основу подсчетов как общей численности промышленных рабочих (6,5 тыс.), так и по отраслям, нуждаются в тщательной проверке.

Е. Дильмухамедов исследовал историю открытия рудных и угольных месторождений и развития цветной металлургии и горного дела в Казахстане более чем за сто лет (1814—1917 гг.). В ней содержатся сведения об организации экспедиций и открытии горнозаводских предприятий, документы, составленные при оформлении приобретения предпринимателями тех или иных месторождений, сведения о добыче руд и угля, технологии выплавки металлов, технико-экономические показатели рудников и копей, данные о производительности труда на заводах и рудниках, рассмотрен количественный и национальный состав рабочих в горнодобывающей промышленности Казахстана.

Одним из районов Казахстана, история которого до 1917 года изучена слабо, является Мангыстау, поэтому известный интерес представляет монография М. С. Турсуновой. Автор показала, как в первой половине XIX в. казахские семьи, не имевшие возможности кочевать, вынуждены были оседать и заниматься рыболовством, объединяясь в артели, и как во второй половине XIX в. их постепенно прибрали к рукам рыбопромышленники, сосредоточившие в своих руках не только лов рыбы, но и ее переработку и реализацию. Автор дает сведения о количественном и национальном составе артелей, показывает, как тяжелое положение объединяло казахов и русских на совместную борьбу против угнетателей.

Важной стороной экономического освоения Казахского края являлось развитие транспортных связей, прежде всего строительства железных дорог.

В комплексе вопросов, исследованных М. Х. Асылбековым, отражено влияние железных дорог на экономику дореволюционного Казахстана и превращение его в сырьевой придаток российского империализма и одновременно — объективные положительные последствия создания коммуникаций. Автор приводит факты, свидетельствующие об изъятии земельных массивов казахов при строительстве железных дорог и, вместе с тем, об увеличении грузооборота дорог, о развитии земледелия вдоль них, о вывозе за пределы края сельскохозяйственных продуктов. Способствуя разложению патриархально-феодальных отношений в ауле и проникновению

товарно-денежных отношений в хозяйство казахов, пишет автор, железнодорожные линии привели к развитию отходничества и наемного труда. Они ускорили переселенческое движение в Казахстан, рост городского населения, возникновение в крае сравнительно крупных населенных пунктов, железнодорожных станций, которые становились очагами экономической, политической и культурной жизни, наконец, способствовали развитию обрабатывающей промышленности вдоль линий, и как следствие, — формированию кадров рабочих. М.Х. Асылбеков собрал интересный материал о строительстве железных дорог местного производственного значения: Троицкой, Экибастузской, Спасско-Карагандинской, Риддерской.

Из исследований явствует, что, как и вся экономика Степного края, пути сообщения на территории дореволюционного Казахстана были развиты слабо и неравномерно, огромные пространства не были связаны между собой. Об этом говорят следующие цифры: в 1917 г. на 1000 кв. км края приходилось лишь около версты, причем на Сырдарьинскую область — 1127 верст, Тургайскую — 932, Уральскую — 310, Семипалатинскую — 236, Акмолинскую — 178, Семиреченская область не имела ни одной версты железной дороги. В какой-то степени такое положение объяснимо, если учесть, что сама метрополия, несмотря на огромный прирост железнодорожной сети в 1890-х гг., по сравнительным мировым показателям стояла на одном из последних мест в Европе.

М.Х. Асылбеков исследовал историю формирования кадров железнодорожников с 70-х гг. XIX в. до 1913 г. Обращаясь к такому ценному и малоизученному источнику, как данные Министерства путей сообщения, автор впервые вывел общее число железнодорожных рабочих и служащих в Казахстане — свыше 21700 человек. Со строительством в годы войны Семипалатинской и Семиреченской железных дорог общее число железнодорожников превышало 23 тыс. человек.

М.Х. Асылбеков рассмотрел также соотношение численности рабочих и служащих, выявил продолжительность работы на промышленных предприятиях и национальный состав железнодорожных рабочих. Из его таблиц следует, что накануне Октябрьской революции на железных дорогах Казахстана трудились 19,5 тыс. рабочих, 3,5 тыс. служащих. В свою очередь, рабочие делились на категории — постоянные, временные и поденные. Машинисты паровозов, их помощники, кочегары, кондукторы, проводники, стрелочники, путевые сторожа, часть ремесленных рабочих были категорией постоянно работающей; они составляли примерно 55%. Рабочих-казахов (среди поденных) на Оренбургско-Ташкентской железной дороге насчитывалось до 70% (3,8 тыс. человек), на других дорогах — 20%, их общая численность в 1917 г. достигала 5000 человек.

Одной из последних монографических работ о промышленных рабочих дореволюционного Казахстана стала книга С. Игибаева (*Игибаев С. Промышленные рабочие дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг. А., 1991)*). В ней рассмотрена структура промышленности: возникновение, управление, состав предпринимателей, связь промышленности с земледелием, численность, состав и размещение рабочих по отраслям промышленности — обрабатывающей, золотодобывающей, угольной и другим; положение рабочих и формы классовой борьбы. Ряд вопросов трактуется в новой постановке, например, формы борьбы автор называет следующие:

бегство рабочих с рудников, подачу коллективных жалоб, демонстративный отказ от исполнения работ из-за несоблюдения приисковым правлением условий контрактов: начиная с 80-х гг. XIX в., забастовки и волнения в Зайсанском уезде, в Усть-Каменогорской, Семипалатинской областях, в Курчуме и на Алтае и, начиная с XX в. — стачки, как распространенные формы протеста. Работа С. Игибаева написана с привлечением широкого круга источников и по своему содержанию завершает научно-исследовательский этап классового подхода к истории рабочего класса в Казахстане.

В советской историографии социально-экономическая история зарождающегося рабочего класса, как правило, рассматривалась в органическом единстве с его политической историей. В трудах, опубликованных в 1960—70 гг. по этой проблеме, огромное внимание уделялось распространению социал-демократических, прежде всего, марксистских идей. В национальных районах, в том числе в Казахстане, где рабочее движение только зарождалось, исследователи зачастую выдавали кружки самообразования или, в лучшем случае, группы или кружки студенческой молодежи социально-демократического направления за марксистские организации. Предпринимались усилия к раскрытию авангардной роли пролетариата, руководящей роли партии большевиков, ее организаций в революционном движении края чуть ли не с момента возникновения большевизма (см.: Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма. А., 1974; Очерки истории Компартии Казахстана. А., 1963 и др.).

Известно, что иностранный капитал в колониальных странах сдерживал развитие местного производства, направляя его только в выгодное для него русло, а для этого консервировал феодальные отношения. На рубеже XIX — начале XX вв. он стал активно проникать на территорию Казахстана, главным образом в горнодобывающую и нефтяную промышленность. История иностранного капитала в Казахстане стала предметом исследования в работах Ц. Л. Фридмана. Автор проследил проникновение иностранного капитала в край и выяснил, что удельный вес его в Казахстане был выше, чем в России в целом. Общая сумма номинальных капиталов акционерных обществ, учрежденных в промышленности Казахстана, накануне октября 1917 г. составляла около 100 млн руб. По данным автора, только около четверти суммы составлял русский капитал, более трех четвертей приходилось на долю иностранного, причем доминирующее положение занимал английский капитал. Им приведены сведения о ничтожных затратах капиталистов на приобретение богатейших месторождений и о спекулятивном характере иностранных синдикатов. Анализ роста основного капитала позволил автору показать корыстные цели и саму грабительскую сущность таких крупных концессий, как Русско-Азиатская корпорация, Риддерское горнопромышленное общество и других объединений, а изучение документации крупных акционерных обществ помогло ему вскрыть ряд махинаций и ухищрений, на которые шли капиталисты с целью получения высоких кредитов. Царское самодержавие закрывало глаза на хищнические методы первоначального накопления, которые оставались неизменными и у иностранного капитала вплоть до Октябрьской революции. Такая же картина наблюдалась и при эксплуатации нефтяных богатств Урало-Эмбенского района. Хотя в международных финансовых кругах и на биржах был поднят бум вокруг нефтяных богатств края, но когда дело

дошло до разработки, финансовый капитал стал весьма скуп, неохотно, вернее очень осторожно, шел на расходы, пишет автор. При этом нефть добывалась в основном в Доссоре и Макате, хотя было разведано более 20 месторождений. Тем самым развенчивалась «цивилизующая миссия», с которой английский, французский и прочих иностранный капитал приходил в отсталые и слаборазвитые страны.

В работах Ц. Л. Фридмана подчеркнуто, что горная и горнозаводская промышленность, возникшая в Казахстане не как следствие естественного хода развития хозяйства, органическое порождение этого процесса, а созданная пришедшим извне капиталом, представляла собой своего рода отдельные очаги промышленности, весьма слабо связанные со всей экономикой Казахстана в целом, отдельные промышленные «островки» в окружающем их океане отсталого хозяйства, в котором господствовали докапиталистические отношения. А раз так, то имели ли эти «островки» влияние на социально-экономические и иные факторы общественного развития Казахстана? Ц. Л. Фридман упомянул только об одном факторе: вопреки желанию капиталистов, созданные ими предприятия способствовали росту местного фабрично-заводского пролетариата.

Другой темой экономической истории, привлечшей внимание Ц. Л. Фридмана, явилась кредитная система и механизм функционирования банковского капитала в Казахстане. При этом он учитывал такую особенность банковского капитала в Казахстане, как переплетение и взаимодействие его с торгово-ростовщическим, адаптацию первого к местным примитивным и раннекапиталистическим формам эксплуатации мелких производителей сельскохозяйственного сырья. Им дана характеристика деятельности отделений Государственного банка в Уральске (1876 г.), Петропавловске (1881), Семипалатинске (1887 г.), Омске (1895 г.), Верном (1912 г.), в поселке Куянды (1894 г.) Семипалатинской области, отмечен факт функционирования ряда акционерных и коммерческих банков, особенно Сибирского торгового банка. Анализ торгово-промышленного развития края позволил ему подтвердить ранее высказанное положение, что в Казахстане промышленная буржуазия не отделилась от торговой и что в основном здесь преобладало кредитование торговли скотом, продуктами животноводства и хлебом. Одновременно, указывает автор, здесь стали создаваться биржевые организации, при помощи которых осуществлялся оптовый сбыт продукции массового производства по образцам, стандартам или техническим описаниям (Омская и Петропавловская биржи). Однако ростовщичество оставалось еще чрезвычайно важным фактором в экономической жизни края.

Впервые в казахстанской историографии Ц. Л. Фридман подверг анализу деятельность местных коммерческих банков (общества взаимного кредита и городские общественные банки), мелкий кредит и его формы, кредитные кооперативы, сберегательные кассы и т.д. Приводимые им материалы и подсчеты позволяют заключить, что экспортируемые через банки капиталы функционировали в Казахстане в основном в сфере обслуживания. Банковский кредит не достиг еще такого уровня, чтобы вытеснить разнообразные формы ростовщического кредита. Среди клиентуры банков только в предвоенные годы стали появляться представители казахской торговой буржуазии. Кредитно-банковская сеть служила интересам колониальной политики царизма, а трудящиеся массы Казахстана

испытывали на себе не только старые военно-феодальные методы эксплуатации в сочетании с феодально-байской и торгово-ростовщической эксплуатацией, но и «новые» методы колониальной эксплуатации, присущие монополистическому капитализму. Тем не менее, в условиях перехода к рыночным отношениям накопленный материал дает возможность проследить закономерности развития предпринимательства, процессы первоначального накопления капитала.

Торговля является самым давним путем взаимодействия казахов с соседними народами. Активно развивалась она на протяжении XVIII–XIX вв. Торговля — такая отрасль экономики, где появление новых отношений проявлялось довольно остро и товарно-денежные отношения становились господствующими и на территории Казахстана.

Исследования о торговле казахов поднимали значительное количество проблем, хотя большинство работ составляют статьи с освещением отдельных сторон проблемы. Это работы В. Шахматова, Б. Сулейменова, Т. Шойнбаева, Ж. Касымбаева, П. Галузо, Т. Литвиновой, С. Сундетова, Ц. Фридмана. Монография Н. Г. Аполловой (Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века. М., 1960) рассматривала экономические связи в тесной связи с характером хозяйства. Например, на основании изучения таможенных ведомостей автор констатировала, что уже в начале XIX в. казахские баи включались в товарно-денежные отношения и занимались не только посредническими операциями, но и самостоятельной торговлей скотом через Оренбург, Петропавловск, Троицк и другие крепости. О заинтересованности России в торговле со Степью свидетельствовали, по утверждению автора, издание положений об организации вооруженных караванов, а также запрещение казахским султанам взимать пошлины с «азиатских» купцов. О размахе торговли говорили также документы, отражавшие ассортимент товаров, привозимых русскими купцами.

Рыночные связи влияли на казахский аул, включая в свою орбиту все большее количество хозяйств, при сохранении доминирующего влияния байства. Н. Г. Аполлова утверждала, что уже во второй четверти XIX в. значительное количество казахских товаров покупалось за деньги и немалую роль в развитии денежных отношений стала играть торговля русским хлебом в степи. Отсюда интерес автора к путям торговли хлебом, центрами которых для северных и восточных районов Казахстана явились Петропавловск, Омск, Семипалатинск, откуда хлеб развозили по всему Степному краю. Таким образом, исследование Н. Г. Аполловой, построенное на архивных материалах, создало картину экономических связей России и Казахстана. На современном этапе историографии историки направили свой поиск на более глубокое исследование торговли внутри Казахстана и взаимовыгодных экономических контактов с сопредельными государствами. Свидетельством тому труды В. З. Галиева «Караванные тропы» (А., 1994) и Ж. К. Касымбаева «Казахстан — Китай: караванная торговля в XIX — начале XX вв.» (А., 1996). В. З. Галиев большое внимание уделяет людям, обслуживавшим караваны и экспедиции: толмачам, переводчикам, проводникам из среды казахов. Эти посредники должны были знать языки, уметь составлять деловые бумаги, ориентироваться в местности, знать обычаи и традиции общества, т. е. от их соответствия и подготовленности во многом зависели конечные результаты дела. Автор показал, что переводчики и проводники-казахи сыграли боль-

шую роль в установлении русско-казахских, русско-среднеазиатских, русско-киргизских взаимоотношений.

Ж. К. Касымбаев освещает вопросы караванной торговли внутри Казахстана со Средней Азией, Сибирью и Монголией. Показаны пути и приграничные территории торговли, раскрываются особенности торговли скотом, солью, хлебом. «Организация сбора пошлины, укрепление штатов таможенных постов и застав, а также редутов составляли одну из главных забот правительства» (с. 38). Приводятся сведения об основных торговых центрах, которые выполняли экономические функции взаимосвязи России с соседними государствами, особо выделяя факты оживления в результате русско-китайских торгово-экономических соглашений (Кульджинским, Айгунским, Пекинским, Петербургским). Торговля с Монголией шла через Зайсан, Семипалатинск, Усть-Каменогорск.

При изложении торговых взаимосвязей автор стремится постоянно раскрывать ощутимую пользу и в политическом аспекте. Экономические связи оказывали, пишет он, «позитивное воздействие на создание обстановки доверия и добрососедства в сложных условиях углубления колониальной политики Российской империи в обширном крае» (с. 149). Историческим связям Казахстана с Западным Китаем способствовала и тюркоязычность народов — казахов, узбеков и уйгуров, их общие культурные корни и традиции. Таким образом, Ж. К. Касымбаев разработал слабоизученные ранее исторические аспекты экономических и политических контактов, которые в настоящее время развиваются особенно интенсивно и являются перспективными в будущем.

В конце 1950-х годов интерес историков был направлен на изучение роли городов и их места в социально-политической структуре Казахстана. К. Туманшин и Н. Аполлова изучали историю городов Северного Казахстана и Оренбургского края: Петропавловска, Троицка, Оренбурга; А. Горячева, Э. Герасимова, У. Ишмурзин — городов Западного и Южного Казахстана; Ж. К. Касымбаев и Н. Алексеенко — историю Семипалатинска и Усть-Каменогорска. Позднее написаны работы о Кустанае и других городах. В них рассматриваются вопросы возникновения городов-крепостей, роль торговли для их населения, социальная структура и революционная деятельность населения в период 1905–1907 гг. и восстания 1916 г. Ближе к 1980-м годам были написаны первые монографии демографического плана Н. Бекмахановой (Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII—60-е годы XIX вв. М., 1980) и Н. Алексеенко (Население дореволюционного Казахстана. А., 1981). Эти работы и исследования М. Асылбекова, В. Галиева, статьи Ж. Касымбаева, И. Орлянского, Г. Кронгардта и др. положили начало дальнейшему специальному изучению многих проблем с новых научных позиций, открывающих путь широким возможностям статистики в решении социальных, экономических и этнодемографических проблем. Широкие возможности демографии ранее не были использованы для анализа процессов, происходивших в обществе. Частью из-за неполных и искаженных официальных статистических данных, в том числе и переписей советского периода, частью из-за расхождений их с установками властей в области идеологии.

Историография истории Казахстана XVIII–XIX вв. обогатилась рабо-

той видного этнографа М. С. Муканова «Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков», где показана несостоятельность сепаратистских притязаний на некоторые области Казахстана, доказано право казахов владеть землей в пределах исторически сложившейся этнической территории.

В 1995 г. вышла книга М. Садыкова «Население Западного Казахстана (1897–1989 гг.)». Рассматриваемый период, по мнению автора, играет важную роль в истории Западного Казахстана. Это начало работы экспедиции по образованию земельных переселенческих фондов из «излишков» казахских земель и оттеснение казахов с этой территории. Именно эта акция колониальных властей вызвала резкие изменения в демографическом развитии казахского населения, которое выразилось в нарушении баланса между рождаемостью, с отрицательным значением естественного роста. Основной причиной стала колониальная политика царского правительства, не учитывавшая жизненные интересы казахов и проведенная в рамках русификации новых земель. В результате, около 100 тыс. человек были изгнаны с родных земель и поставлены в тяжелые условия существования (с. 212). На примере одного региона автор показал этническую трагедию народа, который смог восстановить начальную численность и темпы естественного прироста лишь через 81 год. В работе достаточно полно представлена историография проблемы. Превращение Западного Казахстана в многонациональный край имело свои особенности, которые раскрывает автор и приходит к обоснованным выводам.

Таким образом, проанализировано отражение в историографии некоторых социально-экономических и демографических изменений, происходивших в Казахстане в период превращения его в колониальную окраину царской империи.

Изучение национально-освободительной борьбы казахов против колониального гнета. Движение протеста народных масс против царизма в Казахстане XVIII–XIX вв. имеет свою богатую историю. Во второй половине XVIII века (1783–1797 гг.) в Младшем жузе произошло восстание под предводительством Сырыма Датова. В 1836–37 гг. в Букеевской Орде – восстание под руководством Исатая Тайманова. Борьба присырдарьинских казахов против колониального гнета во главе с Жанхожей Нурмухамедовым проходила в 1856–1857 годах, восстание шаруа под руководством Есета Котибарова охватило территорию Западного Казахстана. Восстание в Уральской и Тургайской областях и волнения на Мангыстау против колонизаторской политики царизма произошли в 1870 г. В современной этому периоду литературе они представлены слабо. В основном это фрагментарные публикации в разных изданиях. Значительное внимание этим вопросам уделялось на страницах «Военного сборника». Во всех публикациях выступления народных масс трактовались как «бунт», а личности руководителей восстаний получали различные характеристики, в зависимости от позиций автора. Об этом свидетельствуют статьи Н. Середы, Н. Савичева, В. Потто, И. Аничкова, П. Юдина и др.⁵⁰

Специальные исследования о восстаниях были написаны в 30-е годы XX века. Одним из первых изучение движений протеста начал А. Ф. Рязанов⁵¹, поднявший и введший в научный оборот большой пласт архивных материалов Оренбурга. Несмотря на отдельные спорные вопросы, эти исследования не утратили своего значения и в наши дни. Восстанию казахов

Младшего жуза под руководством Сырыма Датова посвящена монография М.П. Вяткина «Батыр Сырым» (М., 1947). Основательное исследование, написанное профессионалом, с использованием широкого круга документальных источников, содержит источниковедческий и историографический обзор и детальное освещение широкого аспекта вопросов социально-экономического положения казахов Младшего жуза накануне восстания, причин, вызвавших протест ряда социальных категорий и, в первую очередь, шаруа, ход восстания и позицию его предводителей; роль Оренбургской администрации во главе с Игельстромом и его неудачные попытки ликвидации ханской власти. Четко прослеживаются этапы восстания и дана убедительная характеристика Сырым Датову, социальным слоям, на которые он опирался, чьи интересы отстаивал; раскрываются причины поражения одного из массовых выступлений против царизма. Работа до настоящего времени остается одной из немногих полных научных разработок темы.

Одновременно Е. Б. Бекмаханов написал исследование о социально-экономической жизни Казахстана в первой половине XIX века (Казахстан в 20—40 годы XIX в. А., 1947). Доминирующая часть книги посвящена освободительному движению под руководством Кенесары Касымова. Определяются движущие силы восстания, его размах в Среднем жузе, мероприятия Кенесары по укреплению казахской государственности, борьба с Кокандом, попытки Кенесары привлечь к этой борьбе кыргызов и, наконец, гибель предводителя и его близких от рук кыргызских феодалов. В заключении автор суммировал события 20—40-х гг. XIX в. в Казахстане, определил их влияние на дальнейшие судьбы казахского народа в Средней Азии в целом. (В 1992 году вышло второе издание книги Е. Бекмаханова.) В конце 50 — начале 60-х гг. XX в. взгляды на восстание Кенесары Касымова претерпели кардинальные изменения. Движение в целом было признано феодально-монархическим, а автор исследования был обвинен в национализме, подвергнут репрессиям (см.: Дискуссия по книге Бекмаханова Е.Б. «Казахстан в 20—40 годы XIX века». Стенограмма. А., 2000). Научный интерес к восстанию возобновился в 90-е годы. Целенаправленно был проведен 27—28 июля 1990 года Всесоюзный «Круглый стол», организованный Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова и редколлегией журнала «Вопросы истории» по проблеме «Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ)». Ученые призвали создать многоплановую объективную картину освободительной борьбы народных масс и устранить те догматические стереотипы, которые присутствуют в общественном сознании, а также приступить к поиску новых методологических подходов, как к объекту исследования, так и проблемам его историографии и источниковедения. В рекомендациях предусматривалось «выявить, собрать и издать документы и материалы, всесторонне характеризующие национальные движения в Казахстане, Средней Азии, Северном Кавказе, Поволжье в XVIII — начале XX вв. с привлечением устных и фольклорных материалов», а также переосмыслить необъективные оценки трудов С. Асфендиярова, Е. Бекмаханова, переиздав их труды, посвященные национальным движениям в Казахстане. В 1992 году в г. Актюбинске прошла научно-теоретическая конференция и изданы ее материалы «Народно-освободительное движение в Казахстане в XVII—XX вв. — единый исторический процесс, проб-

лемы, поиски, решения». Отличительной чертой конференции стало освещение малоизученных проблем борьбы казахов за независимость и повышенное внимание к вопросам методологии изучения истории и историографии освободительной борьбы казахского народа.

В литературе, изданной в эти годы, документально прослеживается колониальная политика империи: русификация, христианизация, военная и крестьянская колонизация. Центральной темой целого десятилетия после обретения независимости стали история национально-освободительной войны с джунгарами, российским колониализмом. После долгого умалчивания в период колониализма и господства идеологии тоталитаризма появилась возможность объективной оценки, переосмысления. Было подтверждено, что 260 лет шла непрерывная народная война за независимость, за восстановление национальной государственности. Тысячи и тысячи героев отдали свои жизни за свободу и независимость родного Отечества. Советская историография рассматривала каждое национально-освободительное выступление народов окраин в лучшем случае локально, вне зависимости друг от друга, как явление региональное, внутригосударственное. Не составляли исключения освободительные войны против джунгар. Впервые в общенародном масштабе народ независимого государства отмечал основные вехи борьбы за независимость. Летом 1990 г. прошла республиканская научно-теоретическая конференция, посвященная 280-летию хана Абылая. Она положила начало серии конференций, посвященных 300-летию Бухаржырау, Богембай-батыру, Кабанбай-батыру, Шакшак Жаныбек Тархану, трем великим биям казахского народа – Толе-би, Казыбек-би, Айтеке-би, объединению казахов трех жузов в Ордабасы. В 1992–1998 гг. отмечались в общенациональном масштабе юбилеи хана Кенесары, Исатая и Махамбета, Агыбай-батыра, Жауке-батыра, Карасай-батыра и др.

В советский период большой массив литературы был накоплен по истории революционного движения в крае в начале XX века. Основные итоги изучения революционных событий 1905–1907 гг. в предвоенные годы были подведены в вышедшей в годы Великой Отечественной войны одноименной «Истории Казахской ССР», в одной из глав которой излагался материал, отражающий период революции, столыпинской реакции и нового революционного подъема.

Изучению проблемы революции 1905–1907 гг. в Казахстане и Средней Азии способствовали ведущие научные учреждения Москвы и Ленинграда⁵². В передовой статье журнала «Вопросы истории» «О некоторых вопросах истории народов Средней Азии»⁵³ говорилось о двух крайностях в освещении событий 1905–1907 гг. на окраинах России. Одна из них заключалась в проведении теории о «разъединяющей стене» между русскими революционными рабочими и массами местных национальностей, якобы создававшей разность языка и особенностями быта, другая – в приукрашивании революционных событий, которые будто бы обгоняли движение рабочих главных промышленных центров России.

Накапливавшийся документальный материал позволил углубить конкретные исследования, направленные на изучение революционного движения трудящихся одной профессии, отдельной области или города. Разработка историко-революционной тематики в трудах Е. Б. Бекмаханова, Е. Д. Дильмухамедова, Б. С. Сулейменова, Г. Ф. Дахшлейгера и других

давала возможность глубже познать особенные черты революционного движения и национально-освободительного движения в крае⁵⁴. Е. Б. Бекмаханов рассмотрел историю национально-освободительного движения в Казахстане конца XIX—начала XX вв. в тесной связи с переселенческой политикой царизма. Им освещена помощь казахским трудящимся, оказанная социально-демократическими группами, пропагандировавшими идеи большевистской партии по аграрному вопросу.

Была проведена большая работа по публикации документов 1905—1907 гг. Основная часть этой работы нашла воплощение в юбилейной серии «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы»⁵⁵. Обобщающий очерк революции 1905—1907 гг. содержала «История Казахской ССР»⁵⁶. Литература о первой буржуазно-демократической революции была представлена монографиями М. Х. Асылбекова, Г. Сапаргалиева, А. Б. Турсунбаева⁵⁷.

Отражались в литературе и характерные для того времени в исторической науке крайности в трактовке уровня развития революционного движения в Казахстане. Т. Ю. Бурмистрова в своей работе утверждала, что «народы Средней Азии, Сибири, Севера в тот период не были еще втянуты в революционное движение»⁵⁸. А. А. Росляков писал, что «среди русского крестьянства революционное движение почти не имело опоры», «национально-освободительное движение в Туркестане в 1905—1907 гг. не получило сколько-нибудь значительного размаха», «революционные рабочие Туркестана, возглавленные местными организациями РСДРП, не могли в своей борьбе против царизма рассчитывать на активную поддержку ни широких масс национального крестьянства и городской бедноты, ни подавляющего большинства национальной буржуазии». По его мнению, революционное движение было только в «новых» (русских) городах, отчасти в армии. Национальная деревня не доросла до революционного движения, поскольку «коренное население находилось на докапиталистической стадии развития»⁵⁹.

Согласно другой точке зрения, восточные окраины России по уровню развития революционного движения стояли наравне, а то и выше промышленных центров страны. В статье Р. Ф. Смирновой, например, говорится, что еще задолго до 1905 г. «во всех областях Степного края и Туркестана стали распространяться воззвания Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». И еще: «Под непосредственным влиянием Петербургского «Союза борьбы» в городах Туркестана и Казахстана возникли социал-демократические организации и группы, а также стало разворачиваться забастовочное движение, проходившее зачастую по инициативе и под руководством социал-демократических организаций»⁶⁰. Но документов, подтверждающих это, в сущности не было.

Более объективно и на наиболее солидной источниковой базе исследовал историю социал-демократического движения П. М. Пахмурный⁶¹. По данным автора, в годы революции в Казахстане действовало 18 социал-демократических организаций общей численностью около 1700 человек. Важнейшим достижением партийного строительства в период революции автор считал вовлечение в социал-демократические группы и организации передовых представителей рабочих из коренного населения и прогрессивной национальной интеллигенции. Однако автор в своей монографии не смог назвать ни одного рабочего социал-демократа из числа казахов. Ав-

тор был вынужден признать, что собственно большевистских организаций в крае тогда еще не было; они объединяли скорее всего неопределившихся социал-демократов, не представлявших всей глубины расхождений между революционными марксистами и различного рода оппортунистами.

Заметный след в историографии проблемы оставил Б. С. Сулейменов, плодотворно продолживший комплексное изучение истории революционного движения 1905—1907 гг. в крае.⁶² Революционное движение, по определению автора, носило антифеодальный, антиимпериалистический характер. Исследователь рассмотрел формы аграрного движения казахского крестьянства, приведшего к постепенному осознанию им необходимости совместной борьбы с русским народом.

В пятитомном издании «Истории Казахской ССР» проблемы истории первой буржуазно-демократической революции получили достаточно полное освещение в монографических исследованиях.

Отдавая дань достижениям историографии истории революции 1905—1907 гг., мы не можем не отметить, что историки, следуя марксистско-ленинской методологии, чрезмерно драматизировали классовую борьбу рабочего движения в Казахстане, односторонне преувеличивали степень революционности крестьян-переселенцев, казахских шаруа. Открыто искажались взгляды казахской демократической интеллигенции во главе с А. Букейхановым, принималась роль Кояндинской петиции, которую подписали 14500 человек.⁶³

В то же время недостаточно изучались молодежное, мусульманское движения в Казахстане. Вне поля зрения оставалась миссионерская деятельность колониальной администрации.

Проблемы национально-освободительного движения 1916—1917 гг. В историографических трудах дана довольно обстоятельная оценка вышедшей литературы по истории национально-освободительного движения 1916 года. В них размах борьбы казахов и других народов Средней Азии против гнета царизма, против мобилизации в трудовую армию, против войны, в настоящее время однозначно интерпретируется как важнейший этап народно-освободительной борьбы на окраинах России. Однако не сразу пришли исследователи к такой оценке, этому предшествовали дискуссии 1926—1927 гг., 1953—1954 гг., писались воспоминания участников событий, организовывались экспедиции по сбору материалов восстания, конференции в республиках Средней Азии, осуществлялось издание специальных трудов и по этим проблемам проводилась Объединенная научная сессия 1954 г. в Ташкенте.

После многолетних дискуссий была принята концепция по истории 1916 года, которая отражена в пятитомной «Истории Казахской ССР», в соответствующих исследованиях по истории республик Средней Азии (см.: История Казахской ССР. т. 3. А., 1979; Турсунов Х. Т. Восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. М., 1961 и др.).

В третьей главе III тома, озаглавленной «Первая мировая война. Восстание 1916 года» изложены ее основные положения. Ныне историки пытаются дать новую трактовку этой проблемы и первые результаты такого поиска уже знакомы специалистам по исследованиям М. Козыбаева, А. Бисенбаева, К. Нурпеисова, М. Койгельдиева и др.⁶⁴ Академик М. К. Козыбаев, в частности, выступил за пересмотр этой концепции III тома «Истории Казахской ССР» в пяти томах по следующим мотивам:

1. События 1916 г. названы «восстанием» и одновременно «освободительным движением». Иначе говоря, авторский коллектив, видимо, предполагал, что национально-освободительное движение приняло форму восстания. По В. Далю, «восстание — мятеж, возмущение» (см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1989, т. 1, с. 270). События 1916 г. выходят за пределы мятежа, возмущения. На самом деле шел процесс, в котором находили выражение все формы всенародного сопротивления колонизаторам: манифестации населения в аулах, стихийные выступления джигитов против царского указа, боевые операции против карателей, протесты интеллигенции, забастовки рабочих, голодные бунты солдаток в городах. Шла национально-освободительная война колониального Востока против империи. Между тем в советской историографии, традиции которой по инерции продолжают и ныне, национально-освободительная война народов Средней Азии и Казахстана сводилась к локальным региональным восстаниям. Основу этой концепции в свое время заложили царские генералы, возглавлявшие карательные акции в Туркестанском регионе. Именно они народную армию численностью до 50 тысяч человек именовали «бандой», «шайкой мятежников»; между тем не кто иной, а именно генерал А. Н. Куропаткин утверждал, что «Черняев, Романовский, Кауфман, Скобелев завоевали области Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую меньшими силами», чем карательная экспедиция 1916 г. в Средней Азии. По масштабности, размаху и характеру боевых операций против карательных экспедиций она превосходила национально-освободительные войны в Юго-Восточной и Центральной Азии.

2. В многотомной «Истории Казахской ССР» авторский коллектив идеологизировал феномен 1916 г., сведя национально-освободительное движение только к марксистско-ленинскому периоду освободительного движения.

Великий знаток сути национальных движений Д. Неру справедливо считал, что «даже при отсутствии настоящей войны, между соперничающими сторонами и противоречивыми интересами часто существует скрытая война и конфликт. В стране, находящейся под властью чужеземцев, такой конфликт внутренне обусловлен и носит постоянный характер, воздействуя на мысли и поступки людей и извращая их; военные настроения никогда не исчезают полностью» (см.: *Неру Дж.* Открытие Индии. С. 306—307).

Именно такие «военные настроения», «скрытая война», переходящие временами в открытую войну, имели место между империей-метрополией и азиатской колонией с 1731 года. В сущности, феномен 1916 года является новым этапом национально-освободительного движения казахского народа, не прекращавшегося ни на один день с момента вхождения его в состав империи. Не случайно Т. Рыскулов считал, что событие 1916 года «приняло характер настоящей войны метрополии с восставшими массами колоний» (см.: *Борьба классов*, 1936, № 6, с. 73.).

Народы колониального Востока встали на путь сопротивления, демонстрируя, что они не желают быть рабами. Эти нравственно-психологические перемены носили несомненно революционный, долговременный характер. За цели и задачи, которые были поставлены национально-освободительным движением, народы Центральной Азии боролись в рамках двух российских революций и гражданского противо-

стояния, сражались за национальное самоопределение в составе будущего демократического государства. В своей книге «В потоке истории» Н.А. Назарбаев отмечает, что «массовость, широкий охват всех слоев общества, выдвижение общенациональных лозунгов, создание институтов государственной власти позволяют оценивать его как национально-освободительную революцию, одну из первых революций подобного типа, происходивших в колониях царской России»⁶⁵.

3. В многотомной «Истории Казахской ССР» феномен 1916 года рассматривался как составная часть общероссийского процесса.

Между тем, феномен 1916 г. следует рассматривать, как продолжение многовековой национально-освободительной борьбы народов азиатского Востока.

4. Авторы многотомной «Истории Казахской ССР» утверждали, что движение по своему характеру было антифеодальным, что оно было направлено также против местной феодальной верхушки.

Между тем, исследователи доказали, что нарождающаяся национальная буржуазия, конкурировавшая с русским и иностранным капиталом, традиционная знать, стремившаяся законсервировать феодальные отношения, различные слои интеллигенции активно включились в освободительное движение, преследуя при этом свои, зачастую противоречащие друг другу, интересы.

Несмотря на всю трагичность событий, 1916 год следует считать великим завоеванием народов, осознавших себя силой, способной к вооруженному противостоянию с империей. Именно осознание общности национальных интересов перешагнуло границы Казахстана, оно переросло в осознание общности интересов колониальных народов Востока.

5. В многотомной «Истории Казахской ССР» сказано, что «восстание началось неожиданно как для царской администрации, так и для местной феодальной верхушки». Вряд ли такое утверждение логично. Другое дело, что царизм не предполагал, что июньский указ царя послужит детонатором всенародного взрыва.

В советской историографии длительное время искусственно сужалась социальная база национально-освободительного движения, с позиции классового подхода руководство восстания, его лидеры определялись как выходцы из социальных низов.⁶⁶ При этом отбрасывались исторические факты избрания ханов, сардарбеков, везирей, т.е. восстановления традиционных институтов управления Востока⁶⁷.

В историографии неоднозначно оценивается отношение национальной интеллигенции к народной войне 1916 года. Еще в конце 1970-х годов академик С. Зиманов замечал, что необходимо глубже разобраться в противоречивой роли национальной интеллигенции и их лидеров в национально-освободительном движении, в пробуждении национального самосознания казахского народа. Противоречивость роли национальной интеллигенции объясняется ее положением в обществе. По его мнению, во-первых, они, будучи в основной массе выходцами из состоятельных слоев казахского общества, являлись служащими колониального аппарата, пользовались определенными привилегиями существующего строя. Во-вторых, в отличие от русской интеллигенции, казахская национальная интеллигенция не имела в своих рядах деловую интеллигенцию — директоров и управляющих банков,

юрисконсультов акционерных обществ, не была связана с миром промышленников и финансистов. Их мировоззрение сформировалось под мощным воздействием просветительских идей. Будучи интеллигенцией инородцев, они становились идеологами антиколониализма.

По мнению ряда исследователей (М. Козыбаев, К. Нурпеисов, Д. Аманжолова, М. Койгелдиев, М. Базарбаев и др.) по своему уровню развития национальная элита казахского народа стояла на уровне европейской. Она тем самым значительно опережала время. Образовался существенный разрыв между духовной элитой и основной массой народа. Народные массы ближе стояли к интеллигенции, которая вышла из низов народа. Видимо этим можно объяснить различную линию поведения казахской интеллигенции, стоявшей на разных полюсах национально-освободительного движения в 1916 году.

В историографических работах отмечается, что не изучено военное искусство повстанцев, не прослеживается судьба участников восстания и их лидеров. Советская историография считала, что участники восстания 1916 г. были активными участниками Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны, демократических преобразований первого десятилетия Советской власти. Но ныне мы располагаем данными о том, что судьбой многим из них суждено было стать участниками восстания против насильственной коллективизации. Из рядов лидеров восстания оказались вычеркнутыми люди, так или иначе оказавшиеся в годы революции и гражданской войны по разным сторонам баррикад (пример, Кейки-батыр, Айжаркын Канаев)⁶⁸.

Осенью 1916 г. народные массы знали одну альтернативу – вооруженную борьбу с колониализмом. Казахской национальной элите, сторонникам эволюции, не суждено было тогда стать властелинами духовной жизни нации.

Заслуживает внимания опыт Ж. Артыкбаева, попытавшегося создать единый очерк национально-освободительных движений⁶⁹.

Характерной особенностью накопления знаний по вопросам пробуждения национального самосознания и культуры стало обогащение науки мощным пластом ранее не использованных источников и литературы. В первую очередь это стало возможно с реабилитацией лидеров освободительного движения начала XX века, репрессированных в 30-е годы XX века, которые в свое время неоправданно были обвинены в буржуазном национализме⁷⁰.

В настоящее время общественность получила возможность читать труды Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Миржакыпа Дулатова, Мухамеджана Тынышпаева, Жакыпа Акпаева, Халела Досмухамедова и многих представителей национальной интеллигенции. В этой связи исследователи направили свой поиск на тщательное и всестороннее изучение их жизни и деятельности, на объективное выяснение содержания и роли основного печатного органа газеты «Казак», а также на беспристрастный анализ программы и движения «Алаш». Книга О. Абдиманова «Казак газеті» (А., 1993) – результат изучения содержания страниц газеты. В ней отчетливо отражена историческая обстановка, предшествовавшая появлению газеты. Автор разделяет точку зрения, высказанную представителем зарубежной казахской диаспоры Хасеном Оралтаем, об образовании пар-

тии «Алаш» еще в 1905 году и секретной ее деятельности вплоть до 1917 г., когда она стала легальной. Он стремился ответить на вопрос, почему казахской интеллигенции были близки идеи партии кадетов; раскрывает основные моменты разногласий двух течений в их среде, обозначившихся в 1900-х годах и сгруппировавшихся вокруг газеты «Қазақ» и журнала «Айқап». Раскрываются цели газеты «Қазақ» с объяснением ее названия и основных направлений деятельности. Выявляются позиции газеты по таким спорным в историографии проблемам, как земельная; отношение к восстанию 1916 г., роли общекзахстанских съездов в организации партии «Алаш» и выработке проекта программы вновь создаваемой партии. Главное внимание автор уделяет освещению на страницах газеты идеи казахской автономии и созданию всеказахстанского совета «Алашорды», определению областей, которые вошли бы в новое государственное объединение. И все же, в освещении момента возникновения разногласий по вопросу объявления автономии, причины их остаются не до конца проясненными. Автор меньше внимания уделил мотивам разногласий среди руководства «Алаш», проявившихся на страницах последнего периода издания газеты. Шире и полнее представлены проблемы культуры, образования и литературы, которым газета «Қазақ» уделяла первостепенное внимание и выступала новатором в решении многих вопросов.

Благодаря ставшей реальностью возможности пользоваться ранее недоступными архивными фондами, отражающими деятельность партии «Алаш» и правительства «Алашорда», исследователи активно изучают эту проблему и публикуют научные результаты на страницах периодической печати отдельными выступлениями или серией статей. Первыми работами такого плана стали работы Д. Аманжоловой «Алашорда. Казахский автономизм», К. Нурпеисова «Алаш һәм Алашорда» и М. Койгельдиева «Алаш қозғалысы».

Монография Д.А. Аманжоловой «Казахский автономизм и Россия (История движения «Алаш»)» издана в цикле серии «Первая монография» и посвящена истокам и причинам современных национальных проблем, осознанию общности перспектив народов Евразии. Автор сделала успешную попытку более полно восстановить основное содержание важных этапов развития алашского движения, «определить его характер, идейно-политическую и социальную базу, раскрыть взаимоотношения с политическими силами и партиями России в дореволюционный период, в 1917 году и в условиях гражданской войны, показать причины поражения Алаш и его значение в истории казахского народа»⁷¹. Следует подчеркнуть комплексный характер привлеченных автором источников, сосредоточенных до сих пор в спецхранах. Новизна исследования заключается в систематичном освещении ключевых страниц истории казахского автономизма, взаимоотношений Алашорды с Кочмучем, Временным Сибирским правительством Колчака, руководством Оренбургского, Уральского, Сибирского и Семиреченского казачеств, алашских формирований с регулярными «белыми» и казачьими частями. Впервые автор раскрывает военную доктрину «Алаш», формирование алашских военных частей, их состав, численность, участие в военных действиях, ход и содержание переговоров руководства Алашорды с Туркестанским фронтом, эволюцию лидеров Алаш и отношение масс к Алашорде в ходе гражданской войны.

Как отмечает член РАН Ю. Поляков, «размышления автора о природе, социальной базе, динамике развития и причинах поражения Алаш основаны на кропотливом анализе большого числа источников, ранее не входивших в научный оборот, что делает их научно обоснованными и убедительными».

В книге К. Нурпеисова основное внимание уделяется истокам движения «Алаш», изменениям общественно-политической обстановки в Казахстане после свержения монархии и созданию партии «Алаш», взаимоотношениям Алашорды и Советской власти. Одна из глав посвящена анализу источников и историографии проблемы. Автор заостряет внимание на основных проблемах Алаш: Алаш — первая политическая партия в Казахстане; Алашская автономия — структура будущей государственности; Алашорда — правительство, возглавляющее автономию.

Объективное понимание и толкование конкретных вопросов обуславливает раскрытие истинного смысла движения «Алаш». Анализ отношений Советской власти к Алаш позволил автору наметить несколько периодов: понятие «алашское движение» в публикациях большевистского толка в 20—30-х гг. XX в.; шестидесятилетний официальный запрет на изучение проблемы и наклеивание ярлыков «буржуазный националист», «враг народа»; и только после провозглашения независимости Казахстана в 1991 году, поворота в сторону справедливости и правды в историографии проблемы наступает этап истины. Вместе с тем, К. Нурпеисов намечает ряд вопросов, все еще требующих усилий исследователей для более полного раскрытия и представления сущности движения «Алаш». К ним относятся истоки идей независимости, политических и экономических воззрений ее руководителей; роль и место движения «Алаш» в общественно-политической жизни Казахстана начала XX в.; связи и взаимоотношения Алаш с другими партиями в период между двумя революциями 1917 года; взаимоотношения Алаш и Алашорды с Советской властью; внутренние противоречия Алаш с среднеазиатскими и тюркскими народами Поволжья, с мусульманскими, политическими партиями и общественными движениями; движение «Алаш» и современный Казахстан.

В приложении к книге приводятся некоторые документы, относящиеся к движению «Алаш». Прежде всего, это список лиц, членов партии «Алаш» и их единомышленников, проект программы партии «Алаш» и материалы об эволюции взглядов руководителей Алаш и их судьбах в годы Советской власти.

Таким образом, монография К. Нурпеисова последовательно, с привлечением значительного количества новых документов из спецхранов основательно раскрывает основные этапы деятельности первой политической партии и ее правительства в Казахстане в начале XX в.

Монография М. Койгельдиева охватывает широкий аспект проблем, связанных с историческим развитием Казахстана конца XIX — начала XX вв. Вся канва книги подчинена главному вопросу — движению «Алаш». Разносторонне освещается колониальная политика царизма, усиление недовольства национальным гнетом и общественно-политическая деятельность казахской интеллигенции в 1905—1916 годах; политика преследования национальной интеллигенции; газета «Казак» и формирование идеологии борьбы за независимость в 1908—1916 гг.; казахская демократическая интеллигенция в годы Первой мировой войны и в период национально-

освободительной борьбы 1916 г.; победа Февральской революции и новые задачи национально-освободительного движения; участие казахской демократической интеллигенции в работе Временного правительства; первый и второй общеказахские съезды, создание партии «Алаш» и правительства «Алашорда». Убедительно представлена в книге М. Койгельдиева историография движения «Алаш». С автором можно согласиться, что еще до революции начало историографии общественно-политической деятельности казахской интеллигенции положили А. Букейханов, М. Дулатов, М. Тынышпаев и др.

Отмечая этапный характер опубликованных выше работ по проблеме «Алаш», «Алашорда», «алашское движение» следует отметить, что историография проблемы накопила слишком много тайн. Прежде всего, как справедливо подметил член-корреспондент НАН РК К. Нурпеисов, далеко еще не ясна сущность термина «алашское движение».

Так, М. Койгельдиев под понятием «алашское движение» понимает, с одной стороны, национально-освободительное движение начала XX в. в целом, с другой, партию «Алаш», правительство Алашорда — Народный совет, Алашскую автономию вместе взятые⁷².

Несколько иное понимание проблемы у Д. А. Аманжоловой. «В развитии казахского национального движения Алаш, — отмечает исследователь, — можно выделить три периода. Зародившись в 1905 г. как течение во главе с либеральной западнически настроенной группой интеллигентов, на первом этапе (1905—1916 гг.) оно развивалось в русле оппозиционного движения конституционно-демократической и земской общественности». «Следующий этап истории Алаш, — по ее мнению, — был непродолжительным, но крайне важным, так как совпал с революционным 1917 годом»⁷³. 1918—1920-е гг. Д. А. Аманжолова считает завершающим этапом истории Алаш⁷⁴.

К. Нурпеисов в монографии «Алаш һәм Алашорда» подчеркивает, что истоки партии «Алаш» уходят корнями в годы русской революции 1905—1907 гг. Он полагает, что понятие «Алаш», Алашорда нельзя огульно распространять на всю казахскую интеллигенцию, действовавшую на общественно-политической арене с начала века. К. Нурпеисов особо выделяет общественное движение между двумя революциями 1917 года, очерчивает хронологические рамки движения «Алаш» июлем 1917—1920 гг.⁷⁵ В различных вариантах узкое и расширительное толкование этих понятий встречаются в исследованиях почти всех авторов.

Прежде всего, вряд ли правы те, кто алашское движение олицетворяет с национально-освободительным движением в Казахстане в начале века в целом. Слов нет, что алашское движение — неотъемлемая его часть. Вместе с тем, национально-освободительное движение состояло из многочисленных потоков, в том числе и из течения либерально настроенной революционно-демократической интеллигенции.

Впоследствии А. Букейханов в статье «Киргизы» отмечал, что в движении «принимали участие, с одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру. С другой стороны, выступала и интеллигенция, воспитывавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности... Если провести некоторую аналогию с русской интеллигенцией, то первую группу киргизской интеллигенции можно было бы назвать западниками, а вторую — тюркофилами и поборниками панисламизма»⁷⁶.

Таким образом, 1905 – июль 1917 гг. являются этапом формирования либерального общедемократического движения казахской интеллигенции, консолидации внутри него ядра Алаш-западников. В ходе первой русской революции они набирали новые обороты и к периоду издания «Казак» сумели сплотить вокруг себя потенциальных алашевцев. Формирование алашского ядра придавало всему общедемократическому движению в крае динамизм и общенациональный характер. Следовательно, до середины 1916 г. казахская интеллигенция и ее элитная часть, составившая ядро «Алаш», шли в рядах единого общедемократического потока в целом.

Понятие «алашское движение», как справедливо отмечает К. Нурпеисов, применимо к периоду создания партии, автономии, ее правительства, а также периоду его противостояния с большевизмом до 1920 года.

К тому времени единый поток казахской демократической интеллигенции раскололся на две части, стоящие на разных сторонах баррикад.

Идеи Алаш жили и после разгрома Алашорды. В 20-х годах с арьергардными боями продолжали борьбу за государственную независимость кыргызы. Была попытка создать туранскую партию. А. Букейханов, А. Байтурсынов, А.-З. Валиди, Н. Ходжаев и др. боролись против природы кукольных советских республик, добиваясь реальной автономии. Продолжал из-за рубежа борьбу за идеи освобождения Туркестана М. Чокаев.

В своих воспоминаниях А.-З. Валиди (Тоган) отмечает, что в августе 1921 г. партия джаидов, социалистическая партия «Эрк» в Узбекистане и казахская партия «Алаш» объединились в единый «Национальный народный общественный центр мусульман Средней Азии» (сокращенно «Туркестанское национальное объединение») ⁷⁷. Была выработана «Общая платформа». В мае 1924 г. зарубежное бюро «Национального объединения» решило, что его центр будет находиться в Турции, представителем его в Европе был назначен М. Чокаев ⁷⁸.

Таким образом, третий период алашского движения, период полного разгрома и физического уничтожения Советами всех алашевцев в расширительном толковании продолжался с 1921 по 1941 год. История тайного и явного сопротивления алашской интеллигенции Советам и по настоящее время малоизучена.

Подводя первые итоги исследования истории реформаторского алашского движения XX века полагаем:

1. История Алаш, Алашорды, алашского движения – ключевая проблема освободительного движения всего XX века;

2. Алашское движение не было однородным по своим социальным корням, миропониманию российской действительности, политическим ориентациям. Оно состояло из правых центристов и левых. Среди них были высокообразованные по европейским стандартам лидеры движения, опережавшие по своему уровню развития своих современников. В рядах освободительного движения в то время находились и люди, связанные с феодально-патриархальным прошлым, деятели консервативного мышления. Среди них были сторонники так называемых «Туркестанского единства», «Федерации юго-восточных мусульманских областей» и т.д. Настало время более основательно изучить различные направления внутри Алаш, их платформу, связи партии «Алаш» с внешним миром, в т.ч. с различными политическими течениями внутри самой России.

3. В решении казахско-кыргызского съезда (5–12.12.1917 г.) было записано: «Казахско-киргизскую автономию именовать «Алаш»⁷⁹. В состав Совета Алашорды вошел деятель кыргызского народа Ж. Солтанаев⁸⁰ (об этом справедливо отмечал и проф. М. Койгельдиев). Наиболее сильным было влияние «Алаш» в северных районах Кыргызии, где «киргизские общественные комитеты» были переименованы в комитеты «Алаш»⁸¹. Филиал Алаша в Пишпекке (ныне Бишкек) насчитывал 800 членов. С участием партии «Алаш» была создана «Кокандская автономия»⁸². В работе II-го Всеказахстанского съезда принимали участие представители татарского, башкирского освободительных движений. Алашевцы тесно сотрудничали с шураисламистами Узбекистана и Кыргызии.

Алашское движение оказало влияние на весь тюркский мир. Не случайно в сентябре 1918 г. Турция предприняла попытку создания «Федерации восточных тюрков»⁸³. Таким образом, возникает проблема исследования: общетюркская природа партии «Алаш», Алашорда, «общее и особенное в алашском движении». Не подлежит сомнению, что Алаш по своей природе — явление, имеющее, с одной стороны, общероссийское, с другой, общетюркское значение. Алаш, Алашорда обогатили опытом, своими уроками освободительное движение всего Востока, Центральной Азии. В перспективе ученым предстоит исследовать эту проблему в контексте истории российского освободительного движения, Центральной Азии.

4. История алашского движения — составная часть истории всего освободительного движения Российской империи. На рубеже веков формировалось новое поколение российских интеллектуалов. Это был период роста самосознания всех народов Российской империи. Ликвидация крепостничества, введение земского самоуправления, переход монархической России, хотя и медленно и мучительно, на рельсы конституционализма, рождение многопартийности, реформы П. А. Столыпина, распространение либеральной идеологии среди различных социальных групп, принимающих ценности рыночной экономики, медленное, но уверенное движение России по пути модернизации и европеизации, парламентской демократии — такова социально-экономическая, политическая среда, в которой воспитывалось новое поколение и казахских реформаторов. Вместе с тем, А. Букейханов и его единомышленники восприняли и достижения мировой общественной мысли. Они воспитывались на идеях «Декларации прав человека и гражданина» Французской революции.

Приверженность А. Букейханова к правовому государству отчетливо прослеживается в его отношениях к закону, земельной собственности, семье и браку, закону адата и шариата.

Алашская интеллигенция, по существу являвшаяся элитой нации, была неразрывно связана с традиционной культурой казахского общества, по праву была катализатором духовного ренессанса. Она ревностно относилась ко всему национальному, была свободна от религиозного фанатизма, национальных, расовых и иных предрассудков.

5. Алашскому движению характерны эволюционизм, просветительство, антиколониализм, стремление к национальной самоидентификации, приверженность к защите буржуазно-демократических свобод, а на втором этапе — к автономизму, национальному суверенитету.

Антиколониальная сущность реформаторского движения определила социальную базу движения — от аульных учителей, семинаристов до видных религиозных деятелей Степи.

История Алаш, Алашорды, заложившая основы национального самоопределения на заре XX века, в т.ч. нашей независимости — опыт Алаш о суверенитете, национальном мире, президентском правлении, правовом, светском демократическом государстве, об отделении религии от государства и др. — имеют непреходящее значение и сегодня. Этим можно объяснить масштаб и значимость того, как общественность Казахстана широко отметила 125-летний юбилей одного из лидеров «Алаш», Алашорды, алашского движения А. Байтұрысынова.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в книге «В потоке истории» справедливо замечает: «Сам факт создания национальной политической организации в нашей отечественной истории не до конца осознается, тем более, что многие положения, в свое время выдвинутые руководителями партии «Алаш», сохраняют свое значение и поныне. Это была не националистическая, а патриотическая организация, которая ставила своей целью постепенную трансформацию казахского общества и его адаптацию к современным реалиям...»⁸⁴.

Россия вступила в новую полосу кризиса и революционных потрясений, что привело к установлению диктатуры пролетариата.

2. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА XVIII — НАЧАЛА XX вв. В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В XVIII в. в западноевропейском востоковедении исследование Казахстана занимало довольно скромное место; отчасти это объяснялось скудостью источников, находившихся в распоряжении исследователей. Но в течение XIX в. усилиями многочисленных путешественников, дипломатов, купцов и миссионеров был накоплен разнообразный фактологический материал о социально-экономической и политической истории народов Среднеазиатского региона.⁸⁵

Основным источником знаний европейцев в прошлом веке служила нарративная литература, создававшаяся в рамках теоретических схем эволюционистов. Идея об обусловленности истории, обычаев, нравов, материальной и духовной культуры народов с природной средой, в которой они проживают, пронизывает почти все путевые записи, дневники и отчеты. На принципах главенствующей роли географического фактора построены и обобщающие работы по истории Туркестана и Степного края.⁸⁶ С начала XX в. в методологических подходах исследователей восточных обществ произошли кардинальные изменения. Кризис эволюционизма нашел свое выражение, в частности, в возникновении в исторической и этнографической отраслях науки различных школ и направлений, основанных на признании множественности факторов, определяющих историю человеческого общества, в том числе и кочевых обществ тюрко-монгольских народов. В русле новых концептуальных подходов (концепции модернизации, структурно-функционального анализа, школы диффузионизма и т.д.) к историческому прошлому казахского народа выполнены моногра-

фии современных авторов Э. Бэкон, Л. Крадера, Дж. Уилера, Ш. Акинер, М. Олкотт, Э. Саркисянца, А. Бенигсена и др.⁸⁷

Иностранцы, побывавшие в Казахской степи в XVIII–XIX вв., в своих трудах подробно описали кочевое скотоводство, маршруты и дальность кочевок в Старшем, Среднем и Младшем жузах, обратили внимание на развитие торговли и земледелия.

С. Гедин, освещая состояние торговли в Карабутаке, Иргизе, Казалинске, Туркестане и Чимкенте, куда привозили товары из Оренбурга, Москвы, Нижнего Новгорода, писал: «Самая оживленная меновая торговля происходит в Троицке и Уральске, так как там, в окрестностях расположены аулы самых богатых казахов».⁸⁸

Маршруты путешествий иностранцев пролегли, как правило, через населенные пункты, поэтому ими собран значительный материал о городской жизни в Казахстане, который позволяет судить о динамике роста численности жителей в Верном, Чимкенте, Аулие-Ате, Перовске, Капале, Аягузе, Семипалатинске, Акмолинске, Гурьеве, Уральске, Иргизе, Усть-Каменогорске и других населенных пунктах, изменениях в этнической и социальной структуре горожан.⁸⁹

Труды ряда авторов содержат сведения о распространенности земледелия во многих районах Казахстана в XIX – начале XX вв. «Часть казахов, предпочитая кочевому образу жизни оседлый, — свидетельствова-вал Ж. Б. Пакье в 80-х годах XIX века, — располагается вдоль Сырдарьи и выращивает пшеницу и другие злаки».⁹⁰ О повсеместном развитии орошаемого земледелия на юге Казахстана рассказывают С. Грэхам, швейцарский ученый на русской службе Н.А. Дингельштедта.⁹¹ К. Оланьон, говоря о том, что «киргизы с незапамятных времен вели полукочевую жизнь пастушеских народов», приводит данные о посевных площадях и сборе пшеницы в северных областях Казахстана.

Ряд любопытных сведений о полезных ископаемых и развитии горно-рудной промышленности в Центральном и Восточном Казахстане имеется в работах Дж. Уорделла, К. Оланьона и др.⁹²

Несмотря на эти очевидные факты, большинство исследователей в XIX – начале XX вв. придерживалось ошибочного тезиса о «глубоком отвращении кайсак к земледелию» и иным видам занятий, кроме кочевничества.⁹³

Кочевое общество рассматривалось исследователями как некий суб-стантивный социальный организм, развитием которого управляют свои специфические законы природы и исторического процесса (теория «пульсирующих миграций кочевников» В. Груссе, концепция «локальных цивилизаций» А. Тойнби и др.).⁹⁴

В прошлом веке описание кочевого скотоводства, как основной отрасли материального производства казахов, с той или иной глубиной интерпретации его социально-экономической сущности, присутствовало почти во всех работах западных авторов, посетивших Казахстан. Тема сезонного кочевания стала предметом специального исследования немецких этнографов Карла Нейманна, Фридриха Фурмана, Вольфганга Кёнига, французского этнографа Фредерика де Рокка и др.⁹⁵

Начиная с 60-х годов XX в. в исследованиях, в особенности американских историков и этнографов, стали превалировать взгляды на общество кочевников, как сложного социального явления, в котором обществен-

ная организация кочевников и их система производства, повседневный быт и культура выступают как единое целое. Исходя из этого Э. Бэкон, вслед за ней Л. Крадер, осознали необходимость комплексного подхода к изучению кочевых обществ, в центре которого они поставили традиционный казахский нomaдизм. При этом Э. Бэкон историю кочевого общества казахов рассматривала как историю культуры, а Л. Крадер сосредоточил свое внимание на всестороннем изучении проблем кочевничества, связанных с экологией, а также социальной организацией у монголо-тюркских народов, этногенетическими процессами и становлением государственности у них.⁹⁶

В книге Бэкона «Среднеазиатские народы под русским правлением: исследование культурных изменений» затрагиваются вопросы, касающиеся характера организации семьи, наследственного и имущественного права у казахов и т.д. Она отмечает обусловленность типа жилища, пищи, орнаментального декора, характера утвари и других явлений культуры кочевым образом жизни.⁹⁷

Монография Крадера «Социальная организация монголо-тюркских кочевников», подготовленная при финансовой поддержке ряда американских исследовательских центров, основана на сравнительном изучении проблем нomaдизма у родственных народов. Автор пытается выделить в ней общность и отличия в структуре родовых отношений, культурных взаимосвязях, общественной организации тюрко-монгольских народов. «Основная задача исследования ... состоит в том, чтобы продемонстрировать, как и в каких экономических и экологических регионах развивалась та или иная социальная и политическая организация кочевых обществ, подчиненная одним и тем же принципам».⁹⁸

Сказанное о методологических подходах Э. Бэкона и Л. Крадера позволяет сделать вывод, что они к 1950–60-м годам вплотную подошли к идее об этноинтегрирующей функции кочевого хозяйственно-культурного типа. Более того, Л. Крадер понимал, хотя и несколько смутно, органическую связь этногенеза казахского и других тюркских народов с кочевым скотоводством.

В исторической науке неоднозначные оценки вызывает проблема определения социально-экономической природы традиционного казахского общества.⁹⁹ Западные исследователи Джордж Фокс-Холмс, В. Рязановский, Л. Крадер, М. Олкотт считают, что оно носило патриархальный характер, поскольку у казахов не существовало собственности на землю.¹⁰⁰ В редакционном предисловии к статье Дж. Фокс-Холмса указывалось, что советские историки пытались «даже туманную и расплывчатую структуру казахского общества представить в жестких рамках марксистской терминологии».¹⁰¹ В статье «Феодализм в Казахстане: некоторые трудности марксистской историографии», опубликованной в органе английских советологов «Среднеазиатское обозрение», дается подробный анализ статьи В. Ф. Шахматова «Основные черты казахской патриархально-феодальной государственности» с сопоставлением его взглядов на проблему с выводами работ С. В. Юшкова, М. П. Вяткина, Т. М. Культелеева, Н. Г. Аполловой. По мнению рецензента, указанная статья является характерным примером стремления советской историографии применить марксистскую периодизацию ко всем народам «независимо от уровня их цивилизации и географического расселения».¹⁰²

Изучению социальной структуры казахского общества в XIX — начале XX вв. посвящены труды сотрудника Йельского университета Альфреда Хадсона «Социальная структура казахов», немецкого ученого Х. Шленгера «Изменения в социальной структуре Казахстана в русском, особенно в советское время»,¹⁰³ в которых затронут широкий круг проблем, связанных с традиционными институтами казахского общества и их распадом.

Попытки обоснования патриархального, бесклассового характера казахского общества до 1917 г. предпринимались и другими историками. Профессор Индианского университета В. Рязановский, изучив обычное право казахов, пришел к выводу о том, что в основе социальных отношений казахов лежал родовой порядок, административное и судебное производство у них также было основано на родоплеменных принципах. По его мнению, кочевое общество несовместимо с частной собственностью на землю, классами и классовой борьбой; частное право на недвижимость возникает у казахов с переходом к полуоседлой и оседлой формам жизни.¹⁰⁴ М. Олкотт пишет, что у казахов имело место только право пользования землей, а не владения ею.¹⁰⁵

В то же время в ряде работ отмечалось, наряду с традиционными (ханы, султаны, бии, тюленгуты, шаруа и др.), появление в конце XIX — начале XX вв. новых социальных категорий в лице торговцев, рабочих, егиншижатаков,¹⁰⁶ что ставило под сомнение научную состоятельность концепции «неподвижности» кочевого общества и его социальной структуры.

Сторонники марксистской концепции «кочевого феодализма» обращают свое внимание на быстрый ритм воспроизводства скота и, следовательно, увеличившиеся возможности накопления, частного присвоения стад внутри маленьких экономически автономных социальных коллективов и в связи с этим постоянную потребность в увеличении пастбищ, которые становились фактически собственностью крупных скотовладельцев.¹⁰⁷

Новейшие достижения историков в области изучения общеисторических закономерностей развития контактов между номадами и оседлыми земледельцами, социальной организации кочевых обществ были подытожены на советско-французском симпозиуме, состоявшемся в Алматы в октябре 1987 года. На нем внимание французского ученого Ж.-П. Дигара привлекла, в частности, полемика, развернувшаяся вокруг концепции Б. Владимирцова, для которого «социальный режим» монголов представляется путем оригинальным, кочевым, переходным к феодализму.¹⁰⁸

Материалы симпозиума свидетельствуют о «перманентном взаимодействии двух историко-культурных ареалов, многообразии форм и типов взаимодействий»,¹⁰⁹ диалектической противоречивости изменений, происходивших в кочевых обществах.

Изучение феномена кочевой цивилизации представляет собой один из приоритетов исторической науки Казахстана. При этом историю Казахстана нельзя, однако, сводить только к истории кочевников, она представляет собой продукт взаимодействия кочевой и оседлой цивилизаций. «Да и само понятие кочевничества нуждается в новой трактовке, предполагающей рассмотрение переходных к оседлости форм».¹¹⁰ В этой связи серьезного внимания заслуживают труды ведущих зарубежных ученых, в

которых подчеркивается самоценность каждой цивилизации, неприменимость формационной теории к специфическим политическим и экономическим системам кочевого общества.

Труды зарубежных исследователей истории Казахстана XVIII — начала XX вв. по своему содержанию тяготеют к ее политическим аспектам, связанным с «присоединением» Казахской степи к России, колониальной политикой царизма в Среднеазиатском регионе и национально-освободительным движением казахов.

О начальном этапе процесса превращения Казахстана в колонию России рассказывается в «Дневнике» Джона Кэстля, внимание которого привлекли внутривнутриполитическая обстановка в Младшем жузе, влиятельные султаны, бии и батыры, поддерживавшие хана Абулхайра, взаимоотношения казахов с яицким казачеством, башкирами, волжскими калмыками и Оренбургской администрацией.

В иностранной нарративной литературе достаточно подробно описаны основные вехи завоевания русскими войсками территории Среднего и Старшего жузов казахов, строительство укрепленных линий и крепостей в степи (Ч. Котрель, Дж. Феррье, Ф. Барнаби, Л. Ланье, Ю. Скайлер, Я. Мак-Гахан, Х. Стамм, Й. де Вартенбург и др.).¹¹¹

При этом авторы дневников и путевых записей, многие из которых были очевидцами описываемых событий или писали по свежим их следам путем расспросов русских и местных жителей, пытались как-то осмыслить происходящее, вникнуть в суть русско-казахских отношений в XIX в. Причины вторжения России в Казахстан они видели в «стремлении русских со времени Петра I создать огромную восточную империю», «традиционной враждебности их к татарам и туркам», «стратегической важности территории Казахстана», «необходимости водворения законности и порядка среди полудиких номадов»¹¹² и т.д.

Выводы авторов обобщающих исследований по истории взаимоотношений России со Средней Азией и Казахстаном в XIX в. Д. Бульджера, А. Краусса, Ф. Скрайна основаны, в целом, на идеях об «извечной агрессивности русских», получившей, по их мнению, свое письменное оформление в так называемом «Завещании Петра I» — документе,¹¹³ который в XIX в. в различных вариантах публиковался в западной печати.

В качестве определяющего фактора, вынудившего казахов Младшего жуза обратиться за помощью к России взамен согласия на вассальные отношения с ней, ряд авторов указывает на джунгарскую опасность и политику России, натравливавшую на них башкир, волжских калмыков и яицкое казачество. Но и в таких специальных научных изысканиях, в числе которых следует отметить работу профессора Лионского университета Мориса Курана «Центральная Азия в XVII—XVIII вв.: калмыцкая или маньчжурская империя?», отношения казахов с джунгарами, политическая ситуация в казахских жузах сводятся к деятельности ханов Тауке, Абулхайра, Нуралы, Абылая, с одной стороны, джунгарских хунтайджи Цэвана Рабдана, Амурсаны, с другой.¹¹⁴ При этом почти повсеместно выделяются западными историками такие моменты, как «лукавая» и «тщеславная» личность Абулхайра,¹¹⁵ т.е. те черты характера, которые приписывались хану Оренбургской администрацией, поскольку он быстро распознал сущность политики царизма в отношении казахов.

Современная западная историография унаследовала от XIX в. ряд идей и концепций с известной социальной и политической мотивацией. Американский историк Марк Раефф в книге «Сибирь и реформа 1822 г.» указывает на политику подкупа, проводившуюся в значительных масштабах царской администрацией в отношении знатных людей (султанов, биев и батыров) Средней Орды с тем, чтобы заманить их в «добровольное» подданство России.¹¹⁶

В статье «Модели русской имперской политики в отношении национальностей» он объясняет завоевание Казахстана, которое являлось «покушением на самобытность» его народа, военно-стратегическими (обеспечение безопасности границ на юге и юго-востоке государства) и экономическими (поиски свободных земель для возделывания) мотивами.¹¹⁷ Немецкий историк Отто Гётч рассматривает «приобретение» Казахстана и Средней Азии событием, обусловленным военно-стратегическими нуждами и, в меньшей степени, экономическими. Уже само географическое положение России, пишет автор, «волей-неволей» заставляло ее идти в восточном направлении.¹¹⁸ Профессор истории Университета Королевы в г. Кингстоне (Канада) Ричард Пирс на первый план выдвигает экономические мотивы, на второй — военно-стратегические.¹¹⁹ По мнению профессора Калифорнийского университета (Беркли) Николаса Рязановского, причины присоединения среднеазиатской территории к России кроются в «национальных чертах русских».¹²⁰ Э. Саркисянц (ФРГ) в работах «История восточных народов России до 1917 года», «Русское завоевание Средней Азии» стремится интерпретировать историю русско-казахских отношений с позиции евразийских концепций. Мусульманских кочевников и русских, по его мнению, никогда не разделяла расовая неприязнь. Это обстоятельство, а также постепенность процесса колонизации Казахстана русскими способствовали «сужению пропасти между русскими и местным населением, связывая их вместе с тем, что называется исторической судьбой народов евразийских пространств, облегчили русское проникновение в этот край».¹²¹ Он представляет широкую панораму русско-казахских отношений, освещая основные этапы присоединения Казахстана к России, взаимоотношения казахов с джунгарскими и волжскими калмыками, со среднеазиатскими ханствами, башкирами и уральским казачеством, политику хана Абылая, который, по его словам, «стремился создать централизованную монархию, перевести казахов в оседлость». Приват-доцент Дюссельдорфского университета в Нейсе (ФРГ) Франк Гольчевски считает, что торгово-политические и стратегические моменты всегда играли в «русской экспансии» существенную роль и поясняет это на примере «вторжения» русских в Казахскую степь для обеспечения безопасности сибирских торговых путей, а также стремлением России получить доступ к «теплым морям».¹²²

Западные исследователи, на какие бы факторы и причины ни указывали (джунгарская опасность для казахов, торгово-экономические, военно-политические интересы России, особые психические свойства русских, их амбициозность, стремление выйти к южным морям, политика казахских ханов, сокращение пастбищ и т.д.), сходятся на том, что присоединение Казахстана и Средней Азии носило завоевательный характер. И те авторы, которые указывают в целом на более или менее мирный характер русско-казахских отношений до начала XVIII в., на существование между ними

торговых, дипломатических связей, считают, что Казахская степь была окружена укрепленными линиями и «по частям была завоевана».¹²³ Профессор Колумбийского университета (США) Э. Олуорд рассматривает принятие казахами подданства России как «вынужденный акт, предпринятый в условиях физического давления». Поэтому присяги 1731 и 1734 гг., принятые Абулхаиром, Семеке и их последователями, «не были прочувствованы их подданными как обязательные для них».¹²⁴ Отмечается, что казахи до середины XIX в. были полунезависимыми, их отношения с Россией носили вассальный характер, и они находились под «протекцией» России лишь в силу угрожавших внешнеполитических обстоятельств.¹²⁵ Только в дальнейшем, в результате «сочетания военных, мирных средств, вассальные отношения были ликвидированы».¹²⁶

В последнее время в западной историографии обращается внимание на роль казачества и джунгарско-калмыцкий фактор в процессе принятия российского подданства казахами Младшего жуза. Если до начала 1970-х гг. эти проблемы затрагивались лишь в совместной работе Р. Пирса и Г. Ланцева,¹²⁷ то спустя 10–15 лет опубликованы исследования Чарльза Риесса, Михаила Ходарковского о калмыках и русско-калмыцких отношениях,¹²⁸ Э. Сокола — о волжском и яицком казачествах, Э. Ситона и Х. Макнила о казачестве как орудии колониальной политики царизма на Востоке, в том числе и в Казахской степи.¹²⁹

Начальный этап реализации плана Петра I по «овладению» Казахской степью как «ключом к вратам» в азиатские страны Э. Донелли, Д. Коллинз, Д. Б. Ярошевский, А. Вуд и др. историки увязывают с завоеванием Россией Башкирии и Сибири.¹³⁰

Высказать свою точку зрения на проблему, опираясь на большой круг источников и литературы, пытается английский историк Алэн Боджер в статье «Абулхаир — хан Младшей орды казахов и его присяга на верность России в октябре 1731 г.», опубликованной в 1980 г. в «The Slavonic and East European Review».

Характер подданства казахов Младшего жуза А. Боджер определяет так: соглашаясь быть под протекцией России, они обещали: защищать русские границы, когда в этом будет необходимость; оказывать помощь и оберегать русские торговые караваны, следующие в Среднюю Азию. Однако «Для казахов, — пишет он, — присяга носила чисто формальный характер, означала добровольно принятый статус патронажа, от которого можно отказаться в одностороннем порядке, когда удобно. Взамен принятия суверенитета России казахи надеялись получить от нее поддержку в борьбе против своих внешних врагов, добиться привилегий и возможностей пользоваться пастбищами вдоль русской границы. Царское правительство приняло просьбу казахов слишком серьезно и сочло, что они добровольно стали подданными России».¹³¹ В русской и советской историографии, утверждает автор, существуют противоречивые точки зрения относительно характера и роли этого события в судьбе казахского народа. Историки царской России в большинстве своем придерживались мнения, что, хотя казахи действительно находились под нарастающим давлением своих соседей, принципиальные мотивы таких лидеров, как Абулхаир и Семеке, связаны, прежде всего, с внутренней борьбой их за власть. «Они (русские историки. — *Ред.*) были убеждены в том, что Абулхаир по характе-

ру своему был хитрым, лукавым человеком, не обладавшим ни силой и ни намерением выполнить свои обещания, что принесенная им присяга была «восточным трюком», а политика царского правительства использовать заключенный с ним союз для оказания влияния на казахов — тщетной»,¹³² — пишет А. Боджер. Ссылаясь на работы С. Асфендиярова и В. Лебедева, он указывает: советские историки также полагали, что Абулхаир и верхушка казахских феодалов, идя на союз с Россией, искали лишь свои выгоды, пути укрепления личной власти над трудящимися казахами.¹³³

А. Боджер далее освещает основные вехи развития историографии ее проблемы, использование, в частности, применительно к истории Казахстана так называемой теории «наименьшего зла». Используя эту формулу, пишет он, советский ученый М.П. Вяткин утверждал, что казахи в начале XVIII в. стояли перед трудным выбором: русское господство, хотя и мучительно и тяжело для трудовых масс, было тем не менее более перспективным для них, чем подчинение Джунгарии.¹³⁴ А. Боджер, хотя и указывает, что эта формула долго не продержалась, направляет острие своей критики именно на опровержение тезиса М.П. Вяткина. А. Боджер пишет: «Казахскими жузами правили наследники хана Жаныбека (1460–1480 гг.); Большой и Средней ордами — потомки Жадига (Dzadig), старшего сына, Младшей ордой — потомки Озека (Osek), младшего сына Жаныбека... Абулхаир происходил из младшей генеалогической ветви казахских ханов и это не давало ему шансов на верховенство. Личные качества и поддержка влиятельных феодальных группировок были, однако, решающими факторами. Абулхаир в борьбе против джунгар демонстрировал, что он обладает этими преимуществами. Он заключил союз с сильнейшими лидерами Младшего жуза — Букенбай батыром, Есет батыром и Жаныбек батыром».¹³⁵

Указанные Боджером обстоятельства, способствовавшие выдвижению Абулхаира на историческую арену, не противоречат действительности. Переводчик Коллегии иностранных дел России А. И. Тевкелев говорил об Абулхаире, что он «хотя оную орду (Младший жуз. — *Ред.*) в наибольшую власть взял не так, как предки его владели, почитая их непослушание себе в озлобление, просил и протекции ее Е. И. В. (Ее Императорского Величества. — *Ред.*), через которую намерен был в той киргиз-кайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников роду своего на оном ханстве утвердить».¹³⁶

Стремление Абулхаира одержать победу над джунгарами, опираясь на помощь России, считает Боджер, не является решающим фактором, приведшим к присяге 1731 г. Свой тезис он пытается подкрепить тем, что к 1731 году джунгарская опасность для казахов была снята и она не могла быть первопричиной присоединения Казахстана к России. Объединенные силы казахов под предводительством Абулхаира, указывает Боджер, в 1730 году одержали внушительную победу у Аныракай.¹³⁷ Но неизвестно, что произошло после того. В июле 1730 г. Абулхаир удалился ближе к русским границам и отправил посольство в Санкт-Петербург «с формальной просьбой принять в подданство России». Что же побудило его пойти на такой шаг после блестящей победы над джунгарами? На свой вопрос А. Боджер отвечает таким образом: «Наиболее правдоподобным объяснением может быть то, что враждебность между Абулхаиром и лидерами

жадигидов вспыхнула вновь и это привело к расколу казахов. Возможно Абулхаир осознавал, что даже слава, добытая в сражении, и поддержка влиятельных батыров Букенбая, Есета и Жаныбека недостаточны для завоевания неоспоримой власти; стать старшим казахским ханом и вернуть присырдарьинские города. Поэтому он считал, что осуществить свои планы он сможет только с помощью извне, из России». ¹³⁸ Эти замыслы Абулхаира реальны и тем, что главной опасностью для казахов были уже не джунгары, а подданные России — башкиры, волжские калмыки, яицкие и сибирские казаки. ¹³⁹ Выводы автора основаны именно на этих доводах, вносящих определенную новизну в оценку зарубежной историографией проблемы присоединения Казахстана к России.

«Факты не подтверждают предположения о том, что казахский народ желал российского подданства, — пишет Боджер. — Абулхаир руководствовался прежде всего своей политической амбицией... и то, что он жаждал, может быть обозначено одним словом: получение русской помощи, а не объединение («incorporation») с русскими». ¹⁴⁰

Выводы советских историков о «добровольном и прогрессивном характере» присоединения Казахстана к России были подвергнуты обстоятельной критике Дж. Уилером, А. Беннигсеном, Л. Тиллетом, С. Блэком, К. Штеппой, А. Каппелером и др. ¹⁴¹ А. Беннигсен в статье, опубликованной в «Исламском обозрении» в 50-х годах, пишет: «Официальные интерпретации истории завоевания русскими территории Кавказа и Средней Азии являются лучшим барометром, измеряющим колебания политики Советов в отношении мусульманских народов этого региона». ¹⁴² Статья «Интерпретация завоевания царской Россией Средней Азии и Кавказа: от теории «абсолютного зла» до теории «абсолютного добра» отражает основные вехи советской историографии проблемы.

Рассмотрению содержания формулы «наименьшего зла» посвящена работа Константина Штеппы в сборнике «Переписывание русской истории: Советская интерпретация прошлого России». Сборник издан американской организацией «Исследовательская программа по СССР», финансируемой «Восточноевропейским фондом». Как первое (1957 г.), так и второе (1962 г.) издания сборника вышли под редакцией профессора истории Принстонского университета С. Блэка. «Дальнейшая эволюция формулы «наименьшего зла» привела, по мнению автора, к тому, что «зло» применяется исключительно к царизму и редко упоминается, когда вопрос касается русского народа». ¹⁴³

Американский среднеазиатист М. Ривкин утверждает, что в конце концов в советской историографии восторжествовала теория «абсолютного добра». В соответствии с ней история Казахстана была втиснута в четыре формулы, под которыми должны были и подписаться казахские ученые: 1) Присоединение Казахстана к России было целью, которую преследовали наиболее известные и дальновидные представители казахского народа, начиная с XVI в.; 2) Объединение с Россией предотвратило порабощение казахов варварскими государствами Востока и сблизило их со страной, более цивилизованной по сравнению со всеми азиатскими соседями; 3) Аннексия Казахстана Россией положила конец разделу его территории между Китаем, Россией и Кокандом, открыла дорогу для прогрессивных форм экономики; 4) В течение всей своей истории казахи не имели своей

национальной государственности, лишь советский режим предоставил такую возможность, создав Казахскую ССР.¹⁴⁴

Дискуссии о так называемых «прогрессивных» последствиях присоединения Казахстана к России неразрывно связаны с оценкой колониальной политики царизма, относительно которой еще в прошлом веке в западной историографии имелись две противоположные точки зрения. Г. Роулинсон, Г. Кэрзон, Д. Бульджер, А. Краусс в своих трудах отмечали такие черты характера русских чиновников в Средней Азии и Казахстане как «алкоголизм, подозрительность, самодовольство». Конечной целью официальной политики царизма они считали поглощение покоренных народов, чтобы увековечить свое колониальное господство в этом регионе, «ничего не предпринимая для того, чтобы содействовать благосостоянию его населения».¹⁴⁵ Сторонники концепции «цивилизаторской миссии» европейцев, куда с некоторыми натяжками относили и русских, писали о «благотворности» и «полезности» присоединения Казахстана к России для развития хозяйства и торговли, «водворения порядка и законности».¹⁴⁶

Для приверженцев теории о «бремени белого человека», составляющей основу колониальной идеологии, типичны рассуждения французского ученого Э. Блана в его «Путевом дневнике по Центральной Азии», изданном в конце XIX в. «В тот момент, когда все европейские нации заняты разделом мира в ходе колониальной экспансии, — указывает он, — один из наиболее интересных актов этой драмы совершается в Средней Азии, где Россия уже в течение 30 лет разворачивает свой театр действий. Происходящие здесь события имеют большое значение и по своей масштабности, и по географическому охвату для дальнейшего развития человечества, и для той задачи, которую одновременно в разных уголках мира решают Англия, Франция и другие державы».¹⁴⁷ И в логическом соответствии с данной своей позицией Блан отказывает народам Средней Азии и Казахстана быть субъектом истории.

Немецкий историк Ф. фон Шварц свою книгу «Туркестан» закончил заявлением: «Туркестан не имеет экономической будущности и обречен на неизбежную гибель».¹⁴⁸ Из него следовало, что предотвращение «неизбежной катастрофы» возможно только с помощью приобщения края к Европе.

Несмотря на важность затронутых вопросов о прошлом, настоящем и будущем Туркестана, писал В.В. Бартольд в своей рецензии на книгу Шварца, «едва ли о каком-нибудь доводе автора можно сказать, что он явился результатом серьезного изучения предмета».¹⁴⁹

Со взвешенной оценкой негативных и позитивных аспектов колониальной политики царизма в регионе выступили представители «новой исторической школы» в Германии М. Фредериксен, О. Гётч, Р. Юнге.¹⁵⁰

Одним из первых критический анализ деятельности колониальной администрации в лице генералов Кауфмана и Черняева был сделан американским дипломатом Ю. Скайлером, что послужило поводом для научной дискуссии на страницах журнала «Славянское обозрение» между современными американскими историками Д. Маккензи¹⁵¹ и Ф. Сискоу.¹⁵²

В дальнейшем, как бы продолжая эту дискуссию, Маккензи опубликовал ряд статей («Лев Ташкента. Карьера генерала М. Г. Черняева», «Значение Туркестана для России, 1856–1917 гг.», «Завоевание и правление Туркестаном»), в которых пытался в какой-то мере обелить деятельность пионеров

колониальной политики царизма типа Кауфмана, Черняева и др.

Поиски истоков национальной политики Советской власти подтолкнули американских историков на создание ряда обобщающих работ, посвященных изучению основных направлений, форм и методов русской колониальной политики в XIX в. в Туркестане и Степном крае. В них участвовали известные американские среднеазиеведы Л. Тиллет, С. Беккер, М. Ривкин, Э. Олуорд, французский профессор Э. Каррер д' Анкос и др.¹⁵³

В работах профессора Лондонского университета Д. Уильямса, профессора Парижского университета (Сорбонна) С. Бенсидуна нашли отражение отдельные аспекты колониально-административных мероприятий царизма в Туркестане и Казахской степи: судебные и земельные реформы, фискальная политика, административные преобразования и т.д.¹⁵⁴

Американский историк Ф. Каземзаде, рецензируя книгу Р. Пирса «Русская Средняя Азия, 1867–1917: Исследование колониального правления», охарактеризовал его методы исследования проблемы как типичные для многих ученых, изучающих колониализм «со всеми его позитивными и отрицательными чертами».¹⁵⁵

Концепция модернизации, утвердившаяся в зарубежной историографии в 1950–60-х гг., предоставила историкам возможности комплексного и более углубленного изучения социально-экономического развития региона до 1917 г. «Привлекательность» новой теории состояла в том, что она отрицала формальный подход к истории и была непосредственно направлена против пропагандистских идей об «исторических успехах» национальной политики Советов. «Многие из этих успехов могли бы иметь место и без советского режима, — пишет Р. Пирс. — Если Средняя Азия в 1917 г. стала бы независимым государством или даже подмандатной территорией, среднеазиатцы обеспечили бы тот же уровень развития за тот же срок. Для современного мира, непрерывно развивающегося, прогресс не является монополией какой-либо одной системы».¹⁵⁶

Основной вывод современных исследователей сводится к утверждениям о том, что фундамент сегодняшних экономических достижений был создан еще при царизме; но его политика в сфере образования и земельного вопросе преследовала цели этнического поглощения местного населения и его русификации.

Дж. Демко, С. Зенковский, те же Д. Уильямс, Р. Пирс признают, что наиболее тяжелые последствия для казахов имела переселенческая политика царизма, по сути дела, положившая начало многочисленным трагическим страницам в их истории.¹⁵⁷

На «благодарное влияние» колониальной политики царизма казахи ответили целым рядом выступлений, продолжавшихся с последней четверти XVIII в. вплоть до 1917 г.

В 1960 г. на страницах «Среднеазиатского обозрения» была опубликована статья «Казахи и восстание Пугачева», в ряде работ сообщалось о восстаниях под предводительством Сырыма Датова (1783–1797 гг.), Е. Котибарова и Ж. Нурмухамедова (в 50-х гг. XIX в.), И. Тайманова и М. Утемисова (1836–1838 гг.).¹⁵⁸ Э. Саркисянц отмечает «непрерывность антиколониальных выступлений казахов». Среди них он особо выделяет движение Кенесары: «Кенесары организовал массовое движение во всех трех казахских жузах, вылившееся в 1837–1847 гг. в грандиозное восстание

казахов против вторжения русских на их территорию. Оно вышло даже за национальные рамки».¹⁵⁹ Внимание зарубежных историков больше всего привлекло восстание 1916 года. М.Э. Чаплика в своей книге «Тюрки Средней Азии», опубликованной в Оксфорде в 1918 г., писала: «Наиболее ожесточенные столкновения происходили в Джизаке Самаркандской области и Семиречье. В результате местной администрации были конфискованы все земли и имущество коренного населения, все мужчины воинского возраста были мобилизованы, а остальные жители (ок. 20 тыс.), главным образом женщины, угнаны в голые горные районы на смерть от голода».¹⁶⁰ В работах современных историков Р. Пирса, Дж. Уилера, Л. Крадера, А. Спектора, С. Зенковского история восстания изложена с позиции известных в историографии концепций «борьбы ислама с христианством», «леса — со степью», «кочевничества — с оседлостью».¹⁶¹ Заметным явлением в зарубежной историографии явилась работа американского историка Эдварда Денниса Сокола «Восстание 1916 г. в русской Средней Азии». По мнению автора, «восстание, как зеркало, отразило провал контактов двух различных культур, кочевого и оседлого населения... оно было откликом кочевого общества на вторжение оседлого населения, покушавшегося на его свободу и само существование. Каждый ответил на этот вызов по-своему, в соответствии со своими традициями и историей».¹⁶² Э. Сокол, придавая «первостепенное значение» экономическим факторам, непосредственные причины восстания видит в «постоянном вторжении русских переселенцев на территорию кочевников».¹⁶³ В рецензии на работу А. Парк отметил, что «использование традиционных источников углубило бы исследование, ...придав убедительность оценке автора, почему среднеазиатские народы в то время оказались не в состоянии ни выработать общие принципы противостояния русскому господству, ни выдвинуть лидера, способного мобилизовать антирусское настроение».¹⁶⁴

Исследования зарубежных ученых показывают бесперспективность классового подхода марксистских историков к национально-освободительной борьбе народа, о чем, в частности, свидетельствуют выступления переселенцев совместно с царскими карательными войсками против казахских повстанцев, а также беженцев, возвращавшихся в 1917 г. на свою землю.¹⁶⁵

Основной причиной восстания 1916 года немецкий историк А. Каппелер считает колониальное господство царизма, его политику в земельном вопросе в Казахстане, проводившуюся всецело в интересах славянских переселенцев. В ходе восстания, по подсчетам Каппелера, погибло более 100 тыс. казахов и кыргызов, многие вынуждены были эмигрировать в Восточный Туркестан.¹⁶⁶

Все выступления казахов, включая сюда и те, которые советская историография окрестила «феодально-монархическими», подчеркивает М. Олкотт, носили антиколониальный, национально-освободительный характер. Но восстание 1916 г. убедило казахов в том, что племенные и религиозные вожди не в состоянии освободить их от колониального ига. И, как полагает Олкотт, многие уже были готовы стать под знамя новой казахской элиты, состоящей из пламенных публицистов и поэтов и способной отстаивать интересы народа в Петрограде.¹⁶⁷

Изучение духовной и материальной культуры казахского народа до недавнего времени не было предметом специального исследования. Од-

нако в нарративной литературе XVIII — начала XX вв. имеются многочисленные отклики о музыкальной и поэтической одаренности казахов, фрагментарные сведения об отдельных образцах устного народного творчества, акынах-импровизаторах, описания архитектурных памятников (мавзолеев Ахмеда Йасауи, Айша-Биби, Карахана и др.).¹⁶⁸ Р. Карутцем уделялось внимание изучению стилевых особенностей и структуры народной орнаментики на Мангыстау, указывалось на распространенность таких мотивов как «кошкар муиз», «туйе табан»¹⁶⁹ и т.п. Говоря о функциональной мобильности малых форм предметов хозяйственно-бытового назначения, путешественники подчеркивали оптимальность конструкции юрты и высокий художественный вкус кочевников при подборе составляющих ее элементов. «Конструкция кибитки, — пишет Карутц, — ...в смысле практического разрешения задачи приспособления палатки к жизниномада, является настоящим произведением искусства».¹⁷⁰

Исследователи, наряду с традиционной культурой казахского народа, проявили некоторый интерес к вопросу о влиянии русской культуры и образования на казахское общество.¹⁷¹ Э. Каррер д' Анкос подвергла специальному изучению развитие школьного дела в Туркестане в 1867—1917 гг., отметив позитивные итоги и основные направления политики царизма.¹⁷²

Жан Соссе, Стэфен Бланк и др. авторы на примере конкретного изучения масштабов распространения в Казахстане школьного образования в XIX — начале XX вв., пришли к выводу о том, что политика царизма в этой сфере преследовала, в конечном счете, цели русификации казахов путем подавления их национального самосознания в самом зародыше. При этом важная роль в процессе этнической и культурной ассимиляции их отводилась русской православной церкви и школьной системе Н. Ильминского.¹⁷³ Изабель Крайндлер, защитившая в Колумбийском университете докторскую диссертацию по проблемам системы образования восточных народов в царской России (системы Ильминского), отмечает ее влияние на творчество И. Алтынсарина, а также, вопреки желанием царизма, на национальное пробуждение казахов.¹⁷⁴

Освещая проблему формирования национального самосознания казахского народа с позиций концепций «вестернизации» и «модернизации», Э. Каррер д' Анкос, Э. Бэкон, Р. Пирс правомерно полагают, что у истоков данного процесса стояли выдающиеся казахские просветители Ч. Валиханов и А. Кунанбаев.¹⁷⁵

В Европе первые публикации о творчестве Ч. Валиханова появились в 60-х гг. XIX века. В немецком «Архиве научных знаний о России» за 1862 г., в работах английских историков Д. и Р. Митчелла, Ф. Тренча, Г. Ланселла, Г. Роулинсона, опубликованных в 1860—70-х гг., сообщалось о его путешествии в Кашгарию. Во Франции о значении научного наследия ученого говорилось в сочинениях видных ученых и путешественников Э. Жонво, Э. Реклю, Шарля-Эжена де Уйфальви, Д. де Рэна и др.

Впервые о великом казахском поэте и мыслителе А. Кунанбаеве поведал западному миру американский публицист и путешественник Джордж Кеннан, который во время своей поездки по России в 1885—1886 гг. посетил Омск, Семипалатинск и др. города.

Современная западная историография располагает рядом специаль-

ных исследований, в которых рассматривается значение творческого наследия Ч. Валиханова и А. Кунанбаева.¹⁷⁶

Несмотря на преждевременную смерть, пишет С. Зенковский, труды Ч. Валиханова и его философские воззрения оказали огромное влияние на формирование антиколониальных взглядов казахской интеллигенции; его веру в необходимость просвещения, равенства и справедливости разделяли последующие поколения казахов, в том числе «степной поэт Абай и педагог Алтынсарин». По мнению американского профессора, Абай считал, что фундаментом школьного образования для казахов должно быть обучение на родном языке.¹⁷⁷

М. Олкотт указывает: А. Кунанбаев был, в отличие от Ч. Валиханова и И. Алтынсарина, более критически настроен по отношению к колониальному господству русских в Казахстане.

В процессе формирования казахского литературного языка и национального самосознания народа в конце XIX — начале XX вв., отмечает она, появилось новое поколение казахской интеллигенции, которое стремилось не только понять причины безысходности положения казахов, но и изменить его.¹⁷⁸

Работу по пробуждению своего народа, начатую предыдущим поколением казахских просветителей, продолжили А. Байтурсынов, М. Дулатов, А. Букейханов, Х. Досмухамедов и др., в основе общественно-политических взглядов которых, по словам А. Беннигсена, Ш. Лемерсье-Келькеже, М. Олкотт, лежала ориентация на принцип «казақылык» («The Kasakhness»).

3. КАЗАХСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ XVIII – НАЧАЛА XX вв.

По истории казахов периода XVIII, XIX и начала XX вв. имеется широкий круг исторических источников, в которых содержится информация, отражающая исторические события и факты, происшедшие на территории Казахстана и соседних с ним государств.

По своей форме и содержанию эти источники носят разнообразный характер. Они представлены письменными, устными и вещественными памятниками истории. В большей своей части письменные и вещественные источники привлекли внимание исследователей и введены в научный оборот.

Период новой истории казахов освещен в русских и западноевропейских, в восточнокитайских и мусульманских, и собственно традиционных казахских источниках — шежире. Материалы казахских шежире при их источниковедческом анализе представляют ценные исторические сведения. Однако казахские шежире долгое время оставались без должного научно-исследовательского внимания, вне круга источниковедческих поисков исторической науки, так как существовавшая тоталитарная система и идеологическая цензура налагали запрет на использование в науке национальных исторических источников. Отсюда и происходит тот недостаток советской историографии и источниковедения, когда были преданы забвению казахские исторические источники. Для историков было небезопасно вводить в круг научных проблем эту категорию источников, потому что были примеры прямого преследования ученых (например, Е. Бекмаханов, А. Х. Маргулан),

которые заставили последующих историков обходить стороной проблему научного анализа и изучения казахских исторических источников.

Вторая половина XIX — начало XX веков стали временем становления письменной традиции казахских шежире. Переход устных казахских шежире в их письменно-библиографическую форму происходит благодаря глубоко творческой деятельности таких ученых, как Машхур-Жусуп Копеев, Шакарим Кудайбердиев, Нуржан Наушабаев, Курбангали Халид, Мухамеджан Тынышпаев, Алихан Букейханов.

Стремление этих людей к их письменной фиксации как бы объясняет важное научное значение казахских шежире, которые долгое время существовали в изустной передаче. Мухамеджан Тынышпаев пишет: «...без предварительного изучения генеалогии каждого отдельного рода киргизского народа, а также без выяснения того, с кем и в какие времена он сталкивался, невозможно представить себе общую картину исторических судеб киргизского народа».¹⁸⁰ У историка Курбангали Халида относительно значения изучения истории казахского народа говорится: «...завершив повествование о событиях, произошедших в Средней Азии и Восточном Туркестане, я приступил к описанию истории казахов и их ханов. В целом, история этого народа есть на устах, но отсутствие персональной письменной истории казахов или исторических воспоминаний допускает различные мнения, преследующие порою негативные замыслы, исходящие из дурных мыслей одних, критических взглядов других. Современники же не придавали значения подобному освещению истории, несмотря и на их осведомленность. И, в конечном итоге, не оказалось истории с конкретным содержанием, конкретным описанием событий. По этой причине я вложил все свои усилия и более чем двадцать лет собирал письменные источники и сведения, касающиеся данной истории, собрал всю ценную информацию и написал эту книгу».¹⁸¹ Характеризуя свой труд, Курбангали Халид постоянно подчеркивает необходимость приверженности к объективным и правильным оценкам излагаемых событий истории. Приблизительно этими же принципами руководствовался и Шакарим Кудайбердиев, который пишет: «...пытаясь узнать, откуда произошли казахи, я в течение долгого времени записывал все, что слышал и узнавал об этом. Кроме того, мною прочитаны родословные книги других народов. Среди них мусульманские «Кабри тарих гумуми», «Тарих Гусмани», «Тарих антшар ал ислам», «История тюрок» Наджиба Гасымбека, «Родословная тюрок» Абулгази Багадур-хана и др. Из русских книг мне известны работы Радлова «Об уйгурах», Аристова «О тюркских племенах», а также летописи народов мира, переведенные на русский язык, в том числе древняя книга тюрок «Кутадгу билиг», «Кошу шайдам», труд китайского летописца Юань Шаумиша, книги арабских, персидских, римских, европейских историков.

Выбирая из книг все самое необходимое и близкое к истине, дополняя к месту казахскими устными рассказами, я попытался составить родословную наших предков. До настоящего времени, кроме устных преданий, родословной, написанной на казахском языке, не было».¹⁸²

Историографическое наследие Машхура-Жусупа Копеева представляет собой традиционное направление в письменном казахском шежире, где отсутствуют ссылки на западных либо восточных авторов, и единственным источником служат устные исторические сведения. Он пишет:

«...нынче, повествующие шежире (имеется в виду в значении «казахскую историю» — *Ред.*), переводят ее: одни из китайской истории, другие от русских авторов. Насколько это оправдано и может ли быть достоверным для казахов подобное шежире?!».¹⁸³

Но вскоре эти национальные историографические традиции были забыты. На протяжении более чем полувековой истории казахской науки ученые не осмеливались публиковать и делать ссылки на этих авторов. Шакарим Кудайбердиев был убит властями, А. Букейханов, М. Тынышпаев репрессированы. Мавзолей Машхура Жусупа Копеева разрушен — это официальный факт вандализма советских партийных органов, а Ермухан Бекмаханов, поборник национальной традиции в истории, был осужден. Были репрессированы С. Асфендияров, К. Кеменгеров, которые были близки к национальным историческим источникам и к проблемам их научных исследований.

И только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. наступило время возвращения к жизни трудов казахских авторов по истории, публикации казахских шежире. И пришла пора рассмотрения казахских источников в свете новых исторических концепций. Что есть казахское шежире? Традиционное историческое сознание кочевого общества формируется в рамках шежире. Оно являет собой тот центральный стержень в структуре исторического знания кочевников, от которого ответвляется и исходит его теоретическое и прикладное значение. Эти ответвления образуют в шежире то историческое знание, которое формируется, во-первых, из действительной генеалогии и, во-вторых, ирреальной, которая является лишь структурообразующей вымышленной генеалогией, в-третьих, из исторической мифологии — глас древности, «кария сөз», «ескі сөз», а также из исторических преданий, эпических сказаний — батырлар жыры, толгау.

Понимание смысла и назначения истории в кочевом обществе отличается от таковых у других цивилизаций и народов. Например, если основным принципом в системе накопления исторической информации в историографии христианского и мусульманского мира является категория исторического времени, то у кочевников оно заменено категорией исторической личности. Центральным смыслом в шежире является персонафикация истории и исторических событий. Категория исторического времени отодвигается на третье место, после категории исторического пространства, и на первый план выдвинута деятельная историческая личность. Подсчет исторического времени соответственно осуществляется согласно генеалогическим поколениям и знаменательным событиям истории, так как это обусловлено космогоническими представлениями, которые, в свою очередь, обусловили двенадцатигодичное цикличное летоисчисление.

Итак, в центре генеалогизированной системы исторического знания находится историческая личность, которая отождествляет собой историческую эпоху и события. Так, казахские истории по истории XVIII и XIX вв. представляют исторические циклы о таких популярных личностях, как Аз-Тауке, Абылай, Бухар-жырау, Казыбек-би, Толе-би, Абулмамбет-хан, Абулхаир-хан, Богембай-батыр, Карасай-батыр, Кабанбай-батыр, Кенесары-хан, Наурызбай-султан, Едиге, Шон, Торайгыр, Жарылган-би, джунгарский хунтайджи Галдан-Цэрэн, Сына-батыр (Шуно Дабо) и другие.

Очень интересна точка зрения исследователя В. Юдина о том, что «сверка известий источников устной степной историографии с точно установленными фактами истории показывает, что источники степной историографии сообщают сведения верные», что «большинство событий, лиц, о которых рассказывается в них — историчны», что «это дает основание сделать вывод, что и неизвестные события и лица этой историографии вполне реальны».¹⁸⁴ В рассмотрении истории казахов периода XVIII—XIX вв. были использованы и сведения традиционных степных источников.

В истории источниковедения и историографии существуют примеры практического использования казахских шежире и в числе них, в первую очередь, следует назвать имена ученых П. И. Рычкова, А. И. Левшина, В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, Ч. Ч. Валиханова, А. Н. Харузина, А. Н. Аристова и др.

Только лишь поверхностное рассмотрение нами в хронологической последовательности событий истории XVIII и XIX вв., на которых акцентировано внимание казахских шежире, дает нам возможность углубиться во многие детали прошлого, уточнить некоторые подробности из событий и понять дух эпохи, уже изложенных в западных или восточных источниках, может быть несколько в иной интерпретации. Каждый письменный источник, конечно, подлинный и достоверного автора, представляет большую научную ценность. В то же время в нем те же, возможно, уже известные, факты истории преподнесены в новом варианте истолкования, преломлены в мировоззренческой системе этого конкретного информатора и не лишены, возможно, субъективизма.

С начала XVIII века Казахское ханство известно правлением Тауке-хана (1680—1715). Тауке был достаточно сильным государем для своего времени и, кстати заметить, последним из казахских ханов, чья власть территориально распространялась на все три казахских жуза. А. И. Левшин, опираясь на казахские материалы, дал следующую характеристику великому Тауке-хану: «При имени сем сердце всякого Киргиз Казака, несколько возвышающегося духом над толпами буйных соотечественников своих, наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, это Дракон Орд Казачьих».¹⁸⁵

В казахских народных преданиях за ним признается заслуга умиротворителя. Он останавливает губительные междоусобицы и кровопролития, продолжавшиеся в течение многих лет распри одних племен с другими; он убеждает всех умом и справедливостью повиноваться ему; он соединяет слабые роды вместе для сопротивления сильным, а сильных усмирил, и дал всем общие законы, по которым судил их. В «Казахском шежире» Машхура-Жусупа Копеева, также как и во многих других шежире, приводится очень много сведений о времени его правления. Он пишет: «После благородного Жангира ханом стал Тауке. Это был умный, упорный и образованный человек. В народе про него говорят, что народом он правит хорошо. И выражение о правлении Аз Тауке «На горе Култобе каждый день совет происходит» именно с того времени».¹⁸⁶

Судя по материалам исторических преданий и героического эпоса, зимние кочевья казахов, в основном Старшего жуза, в начале XVIII века находились на юге, в бассейне р. Сырдарья.

В стихотворной форме, кстати очень удобной для передачи мысли в вербальной культуре казахов, указываются основные мотивы действий Тауке-хана по конкретным социально-политическим вопросам.

Шакарим Кудайбердиев в «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» излагает генеалогию Тауке-хана: «Когда после Жангира ханом стал Аз Тауке, обиженный Уалибақы уходит в Ургенч к Гаипхану, своему деду по материнской линии. «Құлтөбенін басында күнде кенес» («На горе Култобе каждый день совет») выражение это, ставшее поговоркой, появилось со времени правления хана Тауке, ибо это он регулярно собирал казахских старейшин на совет, где обсуждались планы на будущее, составлялись общие для всех правила. У Тауке было двое сыновей — Абулхаир и Болат. От Болат хана — Семеке и Абулмамбет. В годы «Великого бедствия» («Ақтабан шұбырынды») в Среднем жузе ханом был Семеке, в Старшем — Абулмамбет. В Младшем жузе — Абулхаир».¹⁸⁷

О генеалогии Тауке-хана Курбангали Халид пишет: «А о Барак-хане не затрудняясь скажу: сын Барак-хана Бадакул, сын Жадик-хан, сын Сыгай, сын Есим, сын Жангир, сын Аз Тауке, сын Болат, сын Абулмамбет, сын Абылфайыз (Абилпеис) хан и среди них нет особых различий. Есть и другие, но все они родственно происходят от Орыс-хана. Всё это достоверно исторически верно».¹⁸⁸

Мухамеджан Тынышпаев, который ссылается, что сведения ему сообщены стариками из рода шымыр Аулие-Атинского уезда, пишет: «По казахским преданиям калмыки, желая породниться с грозным Жангирханом и тем несколько умиловить его, выдали за него дочь хунтайджи, от которого и родился Тауке». Мы полагаем, что Жангир-хан, отец Тауке, по-видимому, состоял в родстве с правящей династией дербетов, одного из крупных племен западных монголов. В российских источниках есть сведения о том, когда в 1635 году случилась междоусобная война среди ойратов «на Урлюка-тайшу (предводитель торгоутов. — *Ред.*) дважды, совместно с казахским султаном Янгиром, напал дербетский Далай-тайша. Калмыкам Урлюка был нанесен значительный ущерб».¹⁸⁹ «По понятиям казахов ханствование Тауке считается самым счастливым временем в жизни казахов, временем, когда они достигли высшей степени военного могущества и в то же время внутри ханства царили мир и спокойствие», — пишет М. Тынышпаев. «Слабые угнетенные роды Тауке соединил в союзы, чтобы последние могли противостоять против сильных родов. Для фактического управления подвластными родами назначил 6 биев: 1) в Старшей Орде — Толе Алибекова (дулат, отделение жаныс); 2) в Средней Орде — Казыбека («Каз дауысты» Казыбек-аргын, каракесек); 3) в Младшей — Айтеке (алим, торгара, внук брата знаменитого Жалантос-батыра самаркандского); 4) у кыргызов — Кокым-бия Карашорина; 5) у каракалпаков — Сасык-бия; 6) у катаган, джайма и других мелких родов имя бия неизвестно».¹⁹⁰

Первая половина 20-х гг. XVIII века получила общее название в истории «Годы великого бедствия». Эти события казахские шежиры в интерпретации Машхура Жусупа Копеева описывают следующим образом: «В то время сильно усилилась власть калмыцкого хунтайджи. Он не давал казахам спокойно жить, все время совершал набеги. За короткое время совершил сорок набегов. Во время войны влияние калмыков значительно возросло. Там, где побеждали джунгары, казахов убивали почти всех поголовно. Из-за такой жестокой войны, на грани истребления, казахи стали объединяться, собирать силы, и совместно воевать с врагами. Но когда нет удачливого хана, бесстрашных батыров, что толку от собирающа

слабых воинов? В 1723 году Галдан-Цэрэн захватил Ташкент и установил там свою власть».

Содержащиеся в казахском шежере материалы более подробнее, чем какие-либо другие виды источников, передают дух и атмосферу первой четверти XVIII века. Весьма неконкретная формулировка «кыска күнде кырык шапқан», т.е. «в течение дня сорок совершенных нападений джунгар на казахов» свидетельствует об ожесточенном характере взаимоотношений между калмыками и казахами. Так были утрачены кочевья казахов в Жетысу, в Туркестанском регионе и в среднем течении Сырдарьи.

«Когда установилось владычество калмыков, Старший жуз ушел к Коканду, Средний жуз к Самарканду, а Младший откочевал в сторону Хивы. «Ақтабан шұбырынды» — «Годы великого бедствия» коснулось в большей степени Среднего жуза. Спасаясь от джута, от врага, тысячи людей бегут по степи пешком, обувь не выдерживает таких продолжительных пеших переходов, подошвы ног становятся белыми и гладкими, как лысина, Старший жуз остался под властью Джунгарии, а Средний жуз больше всех пострадал от джута — поголовной гибели скота, — от набегов врагов. Немногочисленные остатки Среднего жуза пришли в Сарыарку и там обосновались».¹⁹¹

В годы «Ақтабан шұбырынды» казахи несли тяжелые потери, подвергаясь нападениям со многих сторон: «1-е, от зюнгорских калмык, 2-е, от волжских калмык, 3-е, от башкирцев, 4-е, от сибирской стороны..., 5-е, от яицких казаков».¹⁹² Наибольшую опасность из вышеперечисленных недругов представляли джунгарские калмыки, в решающих боях с которыми в 1723—25 гг. казахи потерпели поражения. В эпической поэме «Шакшақұлы Ер Жәнібек» передается состояние бедствующего народа.

Несмотря на поражение в 1723—25 гг. и беспорядочную откочевку в Мавераннахр и в Сарыарку, казахи уже в 1726 г. были вновь способны вступить в открытый бой против Джунгарии. Как пишет А.И. Левшин, «...отчаяние убеждало их (казахов. — *Ред.*) в необходимости возратить себе прежние жилища, а бедствия внушали средства к достижению сей цели. Опасность примирила внутренние междоусобия, возродила общее согласие и направила всех к одному предмету».¹⁹³

Первая битва состоялась в 1726 г. (или 1727 г.) у побережья озера Шубар, юго-западнее Улутауских гор. Казахские предания говорят о том, что казахскими войсками командовал в этом бою Шакшак Жаныбек-батыр.

Преодолевая отчаянное сопротивление казахов, джунгарские армии целеустремленно двигались в сторону Улытауских гор, являвшихся в ту эпоху главным очагом казахского сопротивления и территориально-политическим центром Казахского государства. А. Диваев записал казахские предания об участии батыров Старшего и Младшего жузов под предводительством Тайлака и Санырыка в грандиозном и решающем сражении на берегах рр. Буланты и Белеуты. Полное уничтожение калмыцких войск в этой местности осталось в народной памяти как «Калмак кырылған» — «Место гибели калмыков». Между реками Буланты и Белеуты возвышается небольшая сопка, названная с тех пор «Калмак кырылған». Вершина ее усеяна казахскими могилами, на надгробиях высечены многие родовые тамги.¹⁹⁴ По историческим преданиям, на этом кладбище были захоронены казахские батыры, погибшие в этой битве. Героический эпос передает высокий дух и героический настрой казахских воинов, сражавшихся на Буланты.

Перечислены имена батыров — Малайсары, Олжабая, Есета, Жантая, Барака, Жаныбека, Кабанбая, Богембая, Сырыма, Мурына, Жаулыбая, Сарыбая, биев — Казыбека и Толе, т.е. все казахское ополчение, собранное из различных родов. И, действительно, многие письменные источники повторяют имена батыров и биев. Вместе с тем следует подчеркнуть, что архивные документы создавались в сугубо прагматическом характере, в то же время сказания и героический эпос имеют более обобщенный характер и поэтому стали произведениями художественного творчества.

«До них в Сарыарке в местностях Двенадцать Казылык и Ши-Тундук жили найманы. Там же кочевали роды Канжыгалы и Басенты. Бежавшие от врагов собравшись за одну ночь съели сорок наймановских кобылиц. Найманы сказали: «Пусть эти сорок лошадей будут вам угощением в связи с вашим прибытием — «ерулик», а мы откочуем чуть дальше. Остался только род Жети Момын, который заботился и ухаживал за беженцами, не обижая их. Однажды канжыгалинцы выкрали у Абыз-Шомака дочь и отдали ее замуж за первенца известного бия Казыбека — Коная. Когда Конай умер молодым, он был похоронен у побережья Шидерты. Так что и река рядом с Шидерты носит с тех пор название Конай. Роды Канжыгалы и Басенты пришли в Баянаул и там обосновались. Но когда туда пришел род Суюндик и стал там обосновываться, они ушли еще дальше, в низину, называемую Аккол-Жайылма».¹⁹⁵

Такие, приводимые в шежире Машхура Жусупа Копеева, исторические сведения свидетельствуют о родоплеменных перемещениях, вызванных джунгарским нашествием в казахские степи, когда были нарушены сформировавшиеся традиционные маршруты кочевания скотоводов, когда были нарушены земельные отношения кочевников и система межродовых производительных связей.

Казахско-джунгарские войны дали для истории имена прославленных батыров, которые воспевались в народе, а их героические подвиги увековечены в народной памяти — в шежире. В шежире Машхура-Жусупа Копеева имеются исторические сведения об Абылае: «В юношестве Абылая звали Сабалак» («Абылайдың әуелгі аты Сабалак»). Машхур-Жусуп Копеев пишет: «...Рядом с недостижим двадцати лет Абылаем все время был узбек-сарт по имени Оразак (Ораз — *Ред.*). Они пришли к родам атыгай и караул, которые кочевали по берегу Ишима, пасли там лошадей бая Даулеткельды, были у него конюхами. Когда у Абылая спрашивали: «Как тебя зовут?» — он отвечал: «Мое имя Сабалак!»¹⁹⁶

Эпоха Абылай-хана высоко оценена Чоканом Валихановым, он пишет: «В преданиях казахов Абылай носит какой-то поэтический ореол, век Абылая является веком казахского рыцарства».¹⁹⁷ Такая оценка в точности воспроизводит ту историческую эпоху, сохранившуюся в сознании народа. Система казахских шежире выполнила свою функциональную задачу, образы выдающихся батыров, самого хана Абылая закрепила в форме поэтико-эпических сказаний — эпосах о батырах, толгау и т.д. Материалы по истории казахов XVIII в. присутствуют во многих статьях Ч. Валиханова. Он использует широко известные в народе исторические предания. В своей статье «Исторические предания о батырах XVIII в.» Ч. Валиханов приводит 14 преданий, упоминающих известные исторические лица — Абылая, Богембая, Жанатая, Байгозы-тарактинца, Уразумбе-

та, Ельчибек-батыра, Темирхан-батыра, Аркандар-батыра, Баян-батыра, Худайберды-батыра, Жапек-батыра и т.д. Заслуга Ч. Валиханова в том, что он зафиксировал в своих статьях ценные исторические сведения, существовавшие до него в изустной передаче.¹⁹⁸

Об именах рыцарей того времени писал Курбангали Халид: «Во времена Абылая батырами и военачальниками были: Каракерей Кабанбай, Алтыбай-батыр, Ахтамберды-батыр, Есмамбет-батыр, Матай Шонкей-батыр, Керей Жаныбек-батыр, Бори Акпантай-батыр, Канжыгалы Богембай-батыр, Басенты Малайсары-батыр, все они были отличными воинами и военачальниками, но лучшим из них был Кабанбай. В ту пору те, кто попадал в окружение, старались тут же соорудить укрепление для круговой обороны, чтобы удобно было защищаться всем тем, что имелось под рукой, поражать врагов, и такое сооружение называлось «камал» — укрепление. Казахские воины сокрушили множество таких калмыцких укреплений, не оставляя там камня на камне, но вот в горах попало такое укрепление, которое никак не могли взять, даже не могли окружить, в конце концов Абылай-хан в сердцах сказал, что тому, кто возьмет это укрепление, он отдаст свою ханскую власть. И тогда двое батыров Кабанбай и Есмамбет с небольшим числом воинов бросились на укрепление, и несмотря на стрелы и град камней, которые сыпались сверху, ворвались вовнутрь укрепления, захватили его и уничтожили множество калмыков».¹⁹⁹

В «Казахском шежире» Машхура Жусупа Копеева упоминаются имена прославленных воинов, он пишет: «Во времена хана Абылая из числа казахов вышли такие батыры: Каракерей Кабанбай, Канжыгалы Богембай, Каздауысты Казыбек, Шакшакулы Жаныбек, Кокжарлы Кокжал Барак. «Врагов он множество раз обращал в бегство, доброе имя осталось Бараку», — это про него слова. Из Старшего жуза — Шанышкалы Бердикожа, Сырым Малайсары. «Когда он с криком на врага нападает, со знаменем скачи вслед за ним» — эти слова про Малайсары, Балта-керей Турсынбай, тарактинец Байгозы, десятикратно бывший для Среднего жуза ураном — девизом Олжабай-батыр, из рода Малай-жадигер — Жаугаш, Бигащ, Боритонды-Борте, Орманшы, у которого на знамени изображена голова волка, рыжий Шотана-батыр, Козган Бекшемерген, карауыл Альтеке, Сарым жидебай, уак Сары, Баян — все батыры». «Дома у нас батыров много, но когда надо выступить в поход и сразиться с врагом, нет никого равного Баяну», — говорил Абылай-хан. И это про него сказано в песне:

Бегут, смешавшись, отступая
Враги в смертном страхе,
И Баян, батыр великий,
Вполоборота разит их пикой!

Все эти названные герои-батыры не раз разбивали отряды и укрепления калмаков. Среди казахов нет равного батыру Каракерею Кабанбаю, среди биев нет равного Толе-би из уйсунув».²⁰⁰

Казахские шежиры представили современной исторической науке широкий круг источников в жанре казахских жыров (эпосов) и толгау (раздумий), в которых содержатся подробные сведения по истории казахов. Так известны зафиксированные Чоканом Валихановым «Абылай туралы жыр» («Эпос об Абылае»), сочиненные Кокпаем поэма «Сабалак», «Абы-

лай хан әңгімесі» («История Абылая»), «Сабалак — Абылай хан» Олжабая Нұралыұлы, у Машхура Жусупа Копеева «Абылай ханның ең алғашқы ауызға ілініп, көзге түскені», «Абылай аспас Арқаның Сарыбелі». Содержащаяся в них информация глубоко и объемно передает дух того исторического времени, события, связанные с казахско-джунгарскими, казахско-кыргызскими, с другими соседними народами, военные и дипломатические отношения. В цикле батырского эпоса широко известны жыр «Богембай-батыр», «Ер Жаныбек», где сведения, которые уже известны как из русских, так и китайских источников, воспроизведены в историко-художественном стиле.

Среди всех этих казахских жыров особенно примечателен «Төле бидін тарихы» («История Толе-би») Казангапа Байболова, в котором имеются сообщения о генеалогии Толе-би и его деятельности, о Казыбек-би, Айтеке-бие, а также много сведений о Тауке-хане и истории создания «Жеті Жарғы» (Семь уложений Тауке-хана).

Одной из форм устной исторической традиции в XVIII веке являются казахские толгау в импровизации известных жырау того времени. Казахские жырау XVIII века Ақтамберды-жырау, Таттикара-акын, Умбетей-жырау, Бухар-жырау, Котеш-акын, Шал-акын были представителями героического периода казахского народа и своим творчеством способствовали формированию социальной идеологии кочевого общества.

В глазах народа они являлись неординарными личностями, что, скорее, было и на самом деле, так как жырау считались прорицателями, чья воля иной раз стояла выше власти хана. В их творчестве освещались важнейшие события века, рассказывалось о легендарных личностях, военачальниках и др.

Ақтамберды-жырау (1675—1768) — это народный трибун, призывавший к смертельной схватке с врагом, джунгарскими захватчиками, в своем творчестве он выражает мечты казахского народа о мирной и свободной жизни, мечты о времени, когда будут побеждены социальные противоречия и сбудутся благие надежды народа.

Время жизни Умбетей-жырау (1706—1778) совпало с наиболее важными военными веками Казахского ханства, называемыми в народе «жаугершілік заман». Все события этого времени воспеты в жыхрах, толгау, жоктау, естирту. В героических песнях Умбетей воспевает храбрость и героизм батыров, патриотизм народа, а когда случалась гибель батыров, то их имена непременно увековечивались в посмертной песне о герое-освободителе. В своих толгау Умбетей-жырау передает общественно-политическую жизнь Степи. Его песни сохранились в устах народа. И в то же время он — знаменитый военачальник, батыр антиджунгарской войны. Особенно известными в народе стали его сказание о Богембай-батыре.

В сказании упоминаются многие названия местностей, где происходили битвы казахского ополчения с джунгарами, а при сопоставлении с письменными источниками, с археологическими данными четко обозначенные названия согласуются с письменными документами.

Богембай-батыр — один из организаторов казахского сопротивления — стоявший в сражениях в первых рядах, умер в возрасте 81 года. Ответственная миссия извещения Абылай-хана о смерти батыра выпала Умбетей-жырау. Жанр казахского жоктау-прошания был традиционным в искусстве слова кочевников, содержал в себе полную биографию леген-

дарной личности и выражение соболезнования по поводу ее гибели или кончины:

Эй, Абылай мой, эй, Абылай!
Послушай, что еще скажу,
Ведь я тебя не пощажу,
Ты думаешь о тех друзьях,
С кем рядом был на стременах,
Ему за восемьдесят лет,
Но к нам он не вернется, нет!
Батыр твой умер, Богембай!

В героических сказаниях Умбетей-жырау содержатся все ценные исторические сведения об Абылае, включая батыров Каракерея Кабанбая, Канжыгалы Богембая, Сары, Баяна, Сагымбай-батыра и многих других.

Великий трибун казахских степей Бухар-жырау (1684–1781) пережил Абылай-хана. Ч. Валиханов в своих исследованиях приводит в качестве примера жанра жоктау казахов один из толгау Бухара, который он назвал «Песня Бухар-жырау по умершему Абылаю».

В цикле исторических рассказов об Абылае в шежире Машхур-Жусупа Копеева говорится о военных походах Абылая – «Абылайдын бір жорығы».²⁰¹

В «Слове о Бухар-жырау» Машхур-Жусуп Копеев пишет об одном из видных государственных деятелей времен Абылая, чье творческое наследие сохранилось благодаря письменным шежире:

«Старейшина Бухар-жырау из рода Каржас был сыном Калкаман-батыра. Знавшие его люди называли его «священное горло».

Много легенд и сказаний связано с деятельностью Бухар-жырау как советника и глашатай идей Абылай-хана. И очень часто он становился идеологическим советником Абылая в решении того или иного вопроса в конкретной обстановке. Многие сказания и легенды поливариантные, наполнены смысловыми иносказаниями и часто решения политические сопровождались передачей сакрального смысла действий и их наглядностью. Образ и фигура Бухар-жырау в казахских шежире, в особенности у Машхур Жусупа Копеева, выступает как образ справедливого прорицателя, активного поборника единения казахского народа, человека, воплощавшего в себе лучшие черты своей эпохи.

Переговорные процессы между казахскими и джунгарскими властями середины XVIII в. также отражены в казахских шежире. Так Шакарим-хажы пишет: «В 1741 г. хан калмаков Галдан-Цэрэн, будучи в Ташкенте, посылает тридцатитысячное войско во главе с батыром Жалбы с приказом изловить Абылая и доставить живым, дабы он мог собственноручно казнить его в отместку за смерть батыра Чарыша. Продолжив поиски, вскоре находят хана Абылая и спящего захватывают в плен.

Галдан обратился к Абылаю со словами: «Я убью тебя вместо Чарыша, такого же батыра, как ты. Скажи, чего бы ты желал перед лицом смерти? Тогда Абылай сказал: «Таксыр, у меня всего три желания. Первое: я убил Чарыша в честном поединке на поле брани. Вы же меня захватили спящего и хотите казнить. Я мечтал бы умереть в битве казахов с калмаками. Второе: казахи народ кочевой, не оседлый. Найти бы мне им землю, научить их жить оседло, тогда и умереть было бы не жаль. Третье: в моем роду в каждом колене рождался лишь один мужчина. Если я умру сейчас,

ни детей, ни сородичей не оставлю, исчезну (с лица земли), будто вовсе на свет белый не являлся».

После этих слов Галдан опустил голову и долго сидел так в задумчивости. Затем обратился на своем языке к визирю: все, что он сказал, — все истина. В особенности, последнее. Я ведь тоже единственный в пятом колене, случись что с моим сыном Амурсаной, и мой род прервется. «Алдияр!» — воскликнул Абылай и тотчас поднялся на ноги и сложил руки перед грудью. «Отчего ты так называешь меня, разве я подарил тебе свободу?» — спросил его Галдан. «Таксыр, я понимаю ваш язык. Вы уподобили меня своему сыну, чем это не свобода».

Галдан остался доволен ответом Абылая и простил его. Он подружился с Амурсаной, одарил казахов и русских ценными подарками и в качестве «кундебау» (по джунгарскому обычаю) отдал Абылаю из своего рода девушку-сироту. Кундебау — означает «неразрывная дружба». А так как маленький братишка никак не хотел расстаться с сестрой и безутешно плакал, его тоже отдали Абылаю, с пожеланием, чтобы он относился к нему, как к брату своему. Абылай дал ему имя — Махмуд. Казахи называли его по своему — Мамбет. Сын его Большеке...»²⁰²

Этот исторический сюжет несколько иначе интерпретируется в шежире Машхура Жусупа Копеева.

История пленения Абылая калмаками и его беседа с Галданом приводятся и в шежире Машхура Жусупа под названием «Калдан Шериннин энгимеси» («История Галдан-Цэрэна»).²⁰³

Приведенный выше отрывок из шежира Шакарима Кудайбердиева весьма полно и многоаспектно толкует важные политические и социально значимые события из жизни Джунгарского и Казахского ханств, при этом высвечивается связь между историческим событием и личностью, между прошлым, настоящим и будущим главных героев сюжета Галдан-Цэрэном и Абылаем. В кратком содержании определить квинтэссенцию исторического события и его последствия через индивидуальность главного героя, такова общая канва традиции шежира.

Вскоре с геополитической карты Центральной Азии исчезло могущественное государство — Джунгария. Это был процесс трансформации кочевых этнополитических систем, начало которому было положено потерей политической самостоятельности кочевыми народами Поволжья — башкир, ногайцев, волжских калмыков. Гибель Джунгарского государства столкнуло казахов лицом к лицу с двумя империями Евразии — Китаем и Россией.

Единственный кочевой этнос, сохранивший независимость во второй половине XVIII века, казахи, стояли перед политическим выбором. Попытки создания совместного казахско-джунгарского военно-политического блока двух последних кочевых государств не увенчались успехом. Не последнюю роль в этом, конечно, сыграла политика Российского и Китайского государств, которые, преследуя собственные политические интересы, приложили немало усилий для развития конфликта между казахским и джунгарским народами.

С падением Джунгарского государства пришли в противоречие русско-китайские отношения, каждое из которых имело собственные интересы в планах территориального освоения казахских земель. Политику

проникновения китайская сторона предприняла уже непосредственно после разгрома Джунгарии. В казахских шежирах встречается топонимическое название местности в Центральном Казахстане «Шүршіт қырылған» («Место гибели шуршутов (т.е. маньчжуро-китайцев)»), что также подтверждается материалами научных этнографических полевых исследований. Это название местности является прямым подтверждением событий 1756 г., когда в результате западного похода китайского правительства под руководством Дардана, его войска достигли р. Есиль, что привело к столкновениям с казахскими воинами Кабанбая, Кожабегена, Амурсаны.

После кончины Абылай-хана историческое развитие казахского этноса идет на фоне усиления колониальной политики Российской империи в конце XVIII– и в XIX вв., казахские шежиры сохранили дух антиколониальных выступлений казахов Среднего и Младшего жузов – Сырымбатыра Датова, Саржана-торе, Кенесары-хана, Жанкожа-батыра, Есетабатыра, Исатая, Махамбета и многих других национальных героев. Начало российской колониальной политики, активизировавшейся во второй половине XVIII в., подробно освещено в шежирах Курбангали Халида.

О событиях, связанных с казахско-русскими отношениями и строительством казачьих поселений и крепостей, изложено в шежирах Машхура Жусупа Копеева в серии таких исторических этюдов, как «Сиыр жылы орыстар Баянауылға қала салмақшы болады», «Шорман-Мұса екеуінің бірі туралы», «Едіге би», «Шоң–Торайғыр» и др.

Казахские источники при их тщательном анализе проливают много света на события истории. Смысл изложенных Машхуром Жусупом Копеевым сведений в том, что согласия казахов на строительство казачьих станиц, крепостей и укреплений русские колониальные власти добивались всевозможными средствами, путем военных захватов, подкупа знатных степняков за чины, подарками, жалованиями и даже путем прямого шантажа. В шежирах Шакарима-хажы эти события получили следующую оценку, он пишет: «После ухода Абылая в Среднем жузе ханом стал Барак. У него был сын Бокейхан. Это не тот Бокейхан, что был в Младшем жузе. С этим Бокейханом переписывался военачальник русского царя Александр Павлович Глазенап в 1811 г. Последним ханом Среднего жуза был хан Турсын. Сын Чингиса, внук Бокейхана, он правил в Каркаралы. А упразднение ханства, назначение нового правления ага-султанов, старшин было введено еще до Турсын-хана в 1822 г.

Начинается прямое подчинение казахов русским. В 1824 г. в Степи образуются отдельные округа, после этого первые пять лет казахи были свободны от налогов, а затем их обязали платить из ста голов одну, затем больше и т.д. Наконец, с объявлением временного положения окончательно потеряли свою свободу и подчинились русским законам».²⁰⁴

Кризис традиционной общественной системы казахов, связанный с веяниями времени и колониальными политическими реформами, привел к кризису национального самосознания кочевников, получил отражение в творчестве казахских поэтов эпохи, получившей название «Зар-заман». Поэты этой эпохи питали свое творчество именно источниками казахских шежирах. В своем поэтическом творчестве они в точности отображали дух своего времени.

Резюмируя в целом историю казахов XVIII–XIX вв. на основании казахских источников, созданных на протяжении этого времени, можно говорить о том, что рассматриваемая история двух столетий характеризуется непрерывной борьбой казахского народа с внешней экспансией, сначала с Джунгарским ханством, затем шуршутами (т.е. — Цинскими правителями), кокандцами, хивинцами и активной колониальной политикой Российской империи, что оказало влияние на факт накопления исторической информации в среде народа, свидетельствует о глубинных процессах пробуждения исторического сознания казахов, об активном этническом становлении и развитии казахского этноса.

Период истории XVIII–XIX веков стал переломным для казахского этноса. На глазах казахского этноса происходит исчезновение кочевых государств Центральной Азии. Кризис кочевничества выразался в резком сужении жизненного пространства кочевой цивилизации.

Ценность казахских источников заключается в том, что они позволяют значительно больше осознать настроение и дух времени, носителем которого может быть только тот этнос, в котором происходили эти исторические события. Ни один внешний источник не может адекватно отразить внутреннюю идею этноса, так как ее выразителями могут стать именно этносы, целиком включенные в эти события, поэтому ценность традиционных и внешних источников заключена в их своеобразии и специфичности. Так, в казахских источниках наиболее четко отражены детали внутренней политики Казахского ханства. Казахские источники донесли сведения о том, что лидеры этноса, в частности хан Абылай, видели необходимость скорейшего изменения образа жизни казахов, кризис кочевничества в новых складывавшихся условиях.

Центральным лицом в истории казахов XVIII века стал Абылай, цикл исторических преданий о котором невероятно многочислен. В творчестве народных жырау, идеологов отечественной войны против джунгарского нашествия, мы находим неопровержимые свидетельства о всенародном признании великих заслуг Абылай-хана, как гаранта общенационального единства, борца за национальную независимость и территориальную целостность казахских земель. Все они без исключения еще с начала 40-х годов XVIII в. подтверждают его высокий личностный статус, его величие как общенационального государственного деятеля. Впоследствии Ч. Валиханов пришел к верному заключению, что к началу 40-х гг. «мы находим его самым сильным из владельцев Средней орды», и что «настоящий хан ничего не значил».²⁰⁵ Шакарим-хажы в статье «Уалибақының нәсілі» («Потомок Валибақы»), сюжет которого основывается на шежире, отмечает, что Абылай был провозглашен ханом при участии 90 знатных представителей трех жузов.²⁰⁶

Более пространно казахские источники доносят образы казахских батыров, отличившихся бесстрашием и отвагой, образы мудрых биев, сыгравших значительную роль в единении народа, пресекавших любые центробежные негативные проявления и ставших духовными предводителями народа, идеологами борьбы за сохранение независимости. Казахские источники этого времени представлены в жанре героических песен — жыров, толгау, собственно шежире — генеалогий.

Казахские источники XIX века значительно отличаются от источни-

ков XVIII в., они дополнены новым письменным жанром казахских шежире, существовавших до этого времени в изустной передаче. В этих источниках центральным сюжетом стало освещение событий колониального проникновения России и связанной с ним борьбой казахского народа за национальную независимость.

Произведения устного народного творчества казахов служат оригинальным источником для истории. Они обогащают последующие поколения многообразным колоритом ушедших эпох и позволяют обнаружить невидимые на первый взгляд спонтанные связи казахов с окружающей средой и способствуют определению их роли в едином историческом процессе развития общества.

Выдающимся акыном считался Дулат Бабатаев (1802–1871), участник самых известных айтысов XIX века, известный как один из глубоких знатоков истории и современности. Его творчество было популярно в степи, он высоко нес свое призвание, смело вскрывал социальные противоречия и призывал к критическому осмыслению каждым своего места в обществе.

До недавнего времени противоречивые характеристики давались творчеству широкоизвестного в Казахской степи акына Шортанбая Канаева (1818–1881). Об исторической значимости и глубоком смысловом содержании его произведений говорит факт неоднократного их издания в 70-х годах XIX века в г. Казани под названием «Бала зары».

Продолжателями традиций Бухар-жырау и Дулата Бабатаева были Котеш-акын (1748–1818), Шал-акын (1748–1819), Таттикара-акын (XVIII в.) и др., активно отражавшие в своей поэзии окружающий мир, актуальные и насущные проблемы современности. Большинство из них не были пассивными сторонами, наблюдателями всего происходящего, а являлись активными участниками многих исторических событий времени, батырами, практически участвовавшими в освободительной борьбе против джунгар и экспансий китайских правителей на территории Казахстана.

Наиболее яркой личностью первой половины XIX века, оставившей глубокий след в поэтическом творчестве казахов и от начала и до конца отразившей историю освободительного движения под руководством Исатая Тайманова, является Махамбет Утемисов (1804–1846), ставший трибуном и агитатором его движения. Реальная действительность, выраженная в его произведениях, проверена архивными документами и потому они — ценнейший исторический источник, созданный очевидцем и активным участником событий. Во многом его произведения — достоверный фактический материал, облеченный в поэтическую форму, где прослежены все этапы освободительной борьбы казахов в Букеевской Орде в 1836–38 гг. Современником Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, принимавшим активное участие в восстании, был Шернияз Жарылгасов (1807–1867). В его стихах мы черпаем информацию о взаимоотношениях различных социальных групп в период после восстания, о расстановке сил, приведших к поражению выступления народных масс (песни Шернияза при встрече с Баймагамбетовым про батыров Исатая и Наушу и др.).

Поэтическим продолжением осмысления народной памятью причин выступления трудящихся против царских угнетателей и раскрытия внутренней динамики этих протестов стали поэма «Сказание о Бекете», о со-

бытиях 1852–53 гг. в Оренбургско-Актюбинском регионе и поэма «Исатай и Махамбет». В первом случае восстание возглавили Есет и Бекет; вооруженное выступление продолжалось до 1858 г. Бекет ранее был арестован и сослан в Сибирь, а Есет после поражения пошел на примирение с властями. Вторая поэма принадлежала Ыгылману Шорекову, который глубоко изучил события восстаний 1837–47 гг. в Букеевской Орде, попытался вскрыть причины этого восстания (лишение крестьян земли и непомерные налоги, поборы хана Жангира). «Ценность поэмы в том, что во времени, когда народ был еще лишен возможности писать свою полную событий биографию, историческая песня, сложенная акыном, становилась его памятью, летописью, обобщением исторического опыта, подобно боевому оружию, она не ржавела, не старела и верно служила в его борьбе за свое освобождение».

Этапным воссозданием духа и истории этой эпохи явился выход сборника «Бес ғасыр жырайды» (В трех томах. А., 1989). Трудно переоценить значение документальных сборников, опубликованных в годы независимости Республики Казахстан: «Абылай хан» (А., 1993), «Хан Кене» (А., 1993).

Другие массовые источники по истории XVIII — нач. XX вв. Опубликованные источники по истории казахов XVIII–XIX вв. разнятся как по содержанию, так и по форме. Первую группу составляют записи очевидцев, побывавших в казахской степи и сопредельных с ней землях, материалы, содержащие сведения о казахах и событиях с их участием.²⁰⁷ В этом плане достойны внимания сведения, содержащиеся в дневниках и путевом журнале Ивана Унковского, побывавшего у джунгарского правителя Цэван-Рабдана. Здесь мы черпаем информацию о завоеванных джунгарами казахских землях Жетысу, подчинении джунгарам родоправителей Старшего жуза. Приводятся имена предводителей ойратов и топонимика. В частности, завоевание ими Чу, Таласа, Сарысу, земель Хантау, Улытау, Арганаты и ряда городов: Аулие-Аты, Сайрама, Сузака, Кулана, Чимкента, Ташкента и др.

Джунгары, разоряя казахские земли и население, частью захватывая его в плен, вышли через Таласскую долину к Сырдарье. Казахи вынуждены были в поисках убежища частью отойти к низовьям Сырдарьи, частью податься в сторону Самарканда. Имеются данные о численности армии джунгар и способах ведения ими военных действий. Рассматриваемый источник раскрывает весь трагизм года бедствия — 1723 года, пожалуй, самого разорительного и тяжелого для казахов периода борьбы с джунгарами. Географические материалы источника позволяют более конкретно воссоздать широту захватнических походов джунгар на территории Старшего, Среднего и Младшего жузов и подводят читателя к пониманию своевременности и высокого предназначения исторического события — съезда ханов, биев, батыров и родоправителей в Ордабасы для экстренного решения вопроса объединения всех казахов для отражения джунгарского нашествия.

Значительный документальный материал о казахах содержится в «Памятниках сибирской истории XVIII в.» Казахи желали заключить союз с Россией для борьбы с джунгарами. Об условиях такого соглашения велись переговоры с сибирским губернатором М. Гагариным в Тобольске, куда в 1716 г. прибыли казахские послы «от имени Каип-хана и всей Казахьей орды». Материалы этих переговоров, сведения о ходе борьбы казахов в следующем, 1717 году, в частности, сражение при реке Аягуз, письма

Абулхаира царю в 1718 году и другие данные, в том числе о численности казахских ополчений, проливают свет на причины слабой организованности казахов в борьбе с джунгарами на этом этапе. В этих документах имеются сведения о стремлении казахов найти союзников в борьбе с врагом среди других тюркских народов и целый ряд вопросов, раскрывающих внутривнутриполитическое положение казахских жузов.

«Разные бумаги» генерал-майора А. Тевкелева об Оренбургском крае и казахских жузах по праву занимают первостепенное положение, особенно с началом колонизации края.

А. Тевкелев был весьма значимой фигурой среди царских чиновников, хорошо знавший быт, обычаи и правовые нормы многих тюркских народов региона. Как преданный царю и России, он стоял у истоков принятия казахами Младшего и Среднего жузов подданства России, выполнял сложные, а иногда и опасные дипломатические миссии. В период службы был наделен большими полномочиями и снискал уважение престола. Неоднократно удостоивался наград и повышения в должности. Его взгляды на исторические события, происходившие в казахских жузах в разное время, принятие им того или иного решения, его оценки происходившего особенно ценны при рассмотрении истории казахов, башкир, народов Поволжья в XVIII веке.

Вторую группу источников объединяют сборники документов и материалов — «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.» и «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.»²⁰⁸ Опубликованные в советское время сборники содержат материал, относящийся к началу присоединения Младшего и Среднего жузов к России, ходу и развитию этого процесса, участию в нем казахских ханов, деятельности А. Тевкелева, посольства башкир в Средний жуз к Абылаю, принятию им ханского титула в 1771 г.

Ряд сведений свидетельствует об участии казахских ханов в переговорах с Пугачевым, а казахских отрядов — в осадах Оренбурга и других укреплений.

Материалы, касающиеся 1-й половины XIX века, раскрывают экономические, торговые и другие стороны взаимоотношений казахов с Россией, в том числе в период восстания Кенесары Касымова.

В целом, следует сказать, что перед издателями сборников стояла цель — доказать добровольность присоединения казахов к Российской империи, а главное — прогрессивность этого процесса, т.е. документальное обоснование идей, муссируемых в историографии на протяжении многих десятков лет советской действительности. Однако при критическом отношении к материалам сборников, исследователи получают разнообразные сведения о начале и ходе колонизации края, политических, хозяйственных и правовых изменениях, которые вносила империя в уклад жизни казахского общества.

Третья группа официальных источников — это материалы, непосредственно связанные с процессом присоединения Казахстана к России, начиная с 1731 года, в основном законодательные акты царского правительства, донесения официальных лиц, побывавших в казахских степях и документы, исходящие от должностных лиц, старшин, биев и т.д.²⁰⁹ Материалы сборника систематизированы по следующим разделам: Взаимоотношения казахских ханов и царского правительства с момента присоединения Казахстана к России; Организация пограничного суда и расправ; Управление казахами Сибирского ведомства до реформы 60-х годов XIX века; Управление Семиреченской и Сырдарьинской областями с 1867 г.;

Управление Степными областями с 1868 г.; Управление Туркестанским краем с 1886 г.; Управление Степным генерал-губернаторством с 1891 г. Таким образом, в сборнике имеются «Устав о сибирских казаках» 1822 г., «Положение об управлении Оренбургскими казаками 1844 г.», Временные положения 1867–1868 гг., Положения 1886 и 1891 гг. Читатель получает представление о всех изменениях социально-политического характера в Казахской степи на протяжении XVIII–XIX вв. К этой группе относятся документы, отражающие различные события в жизни Казахской степи на рубеже XVIII и XIX вв., изданные отдельной книгой, к сожалению, оставшейся одним из томов задуманного многотомного издания.²¹⁰ Названный сборник по истории Казахстана (1785–1828 гг.) содержит значительные материалы о крупном выступлении казахов Младшего жуза под руководством Сырыма Датова. Источники о причинах восстания, его развитии, действия по отношению к нему со стороны царской администрации и, конечно, результаты свидетельствуют о его размахе, социальной направленности и причинах неудачи. Источники помогают обнаружить характерные признаки крестьянских выступлений – стихийность и неорганизованность, отсутствие ясных целей борьбы, однако, очевидцы видят основные причины восстания в обострении земельного вопроса в Младшем жузе.

К четвертой группе источников относятся результаты академических экспедиций 1768–1774 гг., обогатившие науку разносторонними знаниями и сведениями по пройденным маршрутам на территории Казахстана и Сибири, оказавшие большую помощь в изучении как производительных сил и экономики приобретенного Россией края, так и ценных сведений о социально-политической структуре казахского общества в XVIII в.²¹¹

Вышедшие позднее в изданиях архива АН СССР материалы во многом дополняют и расширяют представления об их характере, руководящем составе, охваченных исследованиями районах. Здесь же опубликованы полный список трудов участников этих экспедиций.²¹² Характерной особенностью информации источников XIX в. стало возникновение нескольких очагов восстаний. Почти одновременно с выступлением крестьян в Букеевской Орде в 1836–37 гг. под предводительством Исатая Тайманова, вспыхнуло восстание против царизма в Среднем и Младшем жузах во главе с Кенесары Касымовым (1837–1847 гг.), позднее в 1856–57 гг. поднялись на борьбу за независимость присырдарьинские казахи, возглавляемые Жанхожей Нурмухамедовым, а в 1855–58 гг. выступили казахи под руководством Есета Котибарова против оренбургских карательных отрядов на территории Младшего жуза. Выступления казахских шаруа разнились между собой как по продолжительности, так и по интенсивности. Однако документы подтверждают, что основной силой этих восстаний были казахские шаруа, отстаивающие свою свободу и самостоятельность. Ряд исторических материалов, содержащих разнообразные факты о казахах и их выступлениях против властей, вплоть до завершения присоединения их территории к России, были доведены до сведения читателей в ранних публикациях, касающихся в целом завоевания Туркестана.²¹³

В 1930-х годах в советской исторической науке история освободительных движений на национальных окраинах царской России прослеживалась

по архивным материалам. Архивисты опубликовали несколько документов, отражающих вопросы восстания и личной роли Исатая Тайманова во взаимоотношениях с царской и ханской властью в период восстания. Наиболее полное документальное отражение восстание в Букеевской Орде получило в сборнике документов и материалов, собранных в фондах Центрального Государственного архива Республики Казахстан.²¹⁴ Документы на казахском и русском языках пополняют наши знания о восстании и дают возможность полнее воссоздать причины недовольства широких слоев казахского общества в Букеевской Орде, территорию, охваченную восстаниями, социальный и родовой состав повстанцев, подоплеку нерешительности Исатая Тайманова в критических ситуациях борьбы, основные мотивы переписки царских властей с ханом Жангиром, методы их борьбы с народными массами и другие вопросы.

По истории восстания во главе Кенесары Касымова, длившегося около десяти лет и охватившего значительную часть трех жузов, мы имеем сборник документов: «Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова» (А., 1996). В нем собраны воедино и археографически изложены материалы и документы, относящиеся к периоду 1837–1855 гг. Они позволяют всесторонне восстановить ход восстания, силы, задействованные в нем, имеются конкретные названия наиболее активных родов в повстанческом лагере. Интересны по содержанию письма Кенесары Касымова императору Николаю с основными требованиями восставших. Программные запросы восставших содержатся в письмах губернатору Западной Сибири. Материалы раскрывают тактические замыслы руководителя восстания в тех или иных конкретных военных действиях, причины ухода повстанцев на территорию Старшего жуза к берегам Чу и Или, активность карательных отрядов против казахского народа, последние сражения и обстоятельства гибели Кенесары Касымова. Таким образом, отдельные фрагменты из истории восстания и роли его участников, опубликованные в разное время и в разных изданиях, теперь существенно дополнены специальным сборником документов, который солидно восполняет лагуну, образовавшуюся в освоении серьезной и животрепещущей темы. Аналогичная ситуация с публикацией документальных материалов о восстании кишкене-шектинского рода присырдарьинских казахов во главе с Жанхожей Нурмухамедовым и с Есетом Котибаровым. Документальная база различных этапов народно-освободительного движения XVIII–XIX вв. в период присоединения Казахстана к России ждет дальнейшего освоения, что в определенной мере сказывается на выработке теоретико-методологических подходов к изучению важной темы.

В 80-ые годы документальные источникиполнились рядом сборников, отражающих взаимоотношения Казахстана с Китаем, где воспроизводились тексты в переводе с китайского и тюрки. Один из объемных сборников документов вышел под названием «Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Часть 1–2». Сборник документов и материалов дополняет исторические сведения о деятельности Абылая и его потомков, отображал многообразие казахско-китайских отношений.

XIX век ознаменовался коренными изменениями в культурной жизни казахов. В первой половине XIX в. были открыты в Оренбурге и Омске

кадетские корпуса, куда принимались дети казахской знати. К функционировавшим с последней четверти XVIII века азиатским школам прибавились специальные школы, целью которых была подготовка писарей и переводчиков, светские школы, городские училища, русско-казахские школы. Молодежь, получавшая образование в этих учебных заведениях, приближенных к европейскому образу, стремилась впоследствии практически применить свои знания в деле улучшения жизни казахского общества. Их волновали не только специально-политические и хозяйственные стороны жизни общества, они стремились и внесли свою лепту в научное постижение окружающей деятельности. Поэтому творческое наследие выдающихся представителей нового поколения интеллигенции, выходцев из глубин казахского общества, органически связанных с ним реалиями бытия, стало крупным вкладом в источниковедение XIX в. В первую очередь это относится к трудам Ч. Валиханова (1835–1865).²¹⁵ В его трудах отражен глубокий интерес к истории Казахстана, народов Средней Азии и Восточного Туркестана. В них мы черпаем универсальные сведения по вопросам происхождения казахской и кыргызской народностей, социального и политического устройства казахского общества, освободительной борьбы казахского народа против джунгарской агрессии, присоединения Казахстана к России и ощущаем его живое, активное восприятие мероприятий царизма на пути своего утверждения в казахских степях. Именно эти качества трудов Ч. Валиханова определили их источниковедческий характер в исследованиях казахстанских ученых: филологов, философов, юристов, экономистов, историков и представителей естественных наук. Плеяду замечательных деятелей продолжают имена И. Алтынсарина, М. С. Бабажанова, К. Халиди, С. Жантюрина, Т. Сейдалина и др.²¹⁶ Труды их, опубликованные в различных изданиях и периодической печати, отражают многогранную жизнь казахов, особенности их социально-экономического развития, образ мышления и занятия. Особое место в творческом наследии передовых людей второй половины XIX века занимают труды Абая Кунанбаева.²¹⁷ Его произведения и круг проблем, наполняющих и пронизывающих их, — богатейший источник духовной жизни казахских социальных кругов, испытывающих всестороннее влияние русской демократической культуры, а через нее и мировой культуры. Кроме поэтического творчества у Абая есть ряд произведений на историческую тематику: «Искандер», «Масгуд», «Сказание об Азиме». В «Назиданиях» автор не раз прибегает к исторической теме. Творчество Абая Кунанбаева — драгоценный памятник духовной культуры казахского народа и ценный первоисточник для исследователей.

На рубеже XIX–XX вв. появились документальные публикации, содержавшие сведения по казахскому хозяйству. Это сборники с большим статистическим материалом о скотоводчестве, быте, социальной структуре казахского общества, прежде всего это материалы специальной экспедиции под руководством статистика Ф.А. Щербины, работавшего в Степном крае в 1896–1900 гг.²¹⁸ Задачей экспедиции было определение размеров земли, необходимой для кочевого и полукочевого хозяйства, и выявление размеров изъятий в переселенческий фонд. Политическая направленность обследования Щербины совершенно очевидна, но ценность его материалов не утратилась и в наши дни.

Переселенческое движение и колонизаторская политика самодержав-

вия в решении аграрного вопроса, а также в отношении размежевания земель в Степи, нашли отражение в отчетах ревизии К.К. Палена.²¹⁹ В 1907—1910 гг. экспедиция под руководством П.П. Румянцева²²⁰ переселенческого управления провела обследование 138 989 казахских и 2700 переселенческих хозяйств в Семиреченской области. Некоторые социально-экономические стороны жизни казахского общества освещались в трудах других представителей народничества. Типичным выразителем их интересов был В.И. Семевский.²²¹ В его исследованиях мы находим свидетельства о положении казахов на сибирских золотодобывающих предприятиях. Фактический материал, содержащийся в трудах В. И. Семевского и в очерках инспекторов, возглавлявших горные округа, А. Сборовского, В. Коцовского, В. Павловского о количестве рабочих и условиях их труда является ценным источником для историков.²²²

Немалый исторический материал содержала местная периодическая печать Казахстана. Это газеты, альманахи, сборники на русском языке, а затем и на казахском. К их работе привлекалась немногочисленная интеллигенция. Так, в частности, в последней четверти XIX в. был налажен выпуск приложения на казахском языке к газетам «Туркестанские ведомости» (1870—1882), «Акмолинские областные ведомости» (1898—1902).

Крупным для того времени периодическим изданием на казахском языке был журнал «Айкап» (1912—1915). Журнал выступал поборником нового, передового, пропагандировал развитие новых форм хозяйства и товарно-денежных отношений. В нем сотрудничали демократически настроенные представители казахской интеллигенции: Мухамеджан Сералин (издатель журнала), Султанмахмут Торайгыров, Спандияр Кубеев, Бахытжан Каратаев, Жансултан Сейдалин, Абдугазиз Мусагалиев и др.

Газетой, выходившей в Оренбурге тиражом, гораздо большим, чем «Айкап», с февраля 1913 г. по осень 1918 г., была «Казак». Главным ее редактором был Ахмет Байтурсинов, издателем — Мустафа Оразаев. Сотрудничали в газете А. Букейханов, М. Дулатов, М. Тынышпаев, Ш. Кудайбердиев, Т. Кунанбаев и др. Основательный и широкий круг проблем, находивших освещение на страницах газеты («Дума и казахи», «Дума и война», «О проектируемых законах», «О переселенцах», «Казахи и земельный вопрос», «Изменение хозяйства», «Здоровое тело, здоровый дух», «О болезнях», «По поводу чумы», «Об образовании», «О казахском образовании», «Начальная школа», «Нужды школы», «Время учебы», «Современная война», «О войне», «Г. Дума и солдатский вопрос», «Возьмут ли солдат от казахов?»), отражал многогранные интересы газеты в поисках ответов на животрепещущие проблемы внутренней и внешней жизни казахского общества начала XX в. Страницы газеты — богатейший первоисточник хозяйственной, культурной, духовной и социально-политической истории казахов.

В последующие годы интерес к источникам нарастал. Развернулась работа по их сбору, систематизации и публикации.²²³ Вскоре были опубликованы первые библиографические работы о восстании 1916 года И.А. Чекалинским и С. Д. Асфендияровым.²²⁴ Определенную роль в поисковой и публикаторской работе сыграл журнал «Красный Архив», уделивший значительное внимание революционным традициям трудящихся Востока.²²⁵

К 20-летию восстания 1916 г. документальная база в Средней Азии и Казахстане обогатилась рядом ценных публикаций.²²⁶

Для изучения социально-экономических и политических проблем в Казахстане до Октября важное значение имела Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период.²²⁷ Особое значение в комплексе проблем занимал вопрос о периодизации истории Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху. Периодизация, принятая на этой сессии: 1. Первобытнообщинный строй на территории Казахстана. 2. Сложение и развитие феодального строя на территории Казахстана. 3. Развитие капиталистических отношений и разложение патриархально-феодальных отношений в Казахстане. 4. Казахстан в период империализма в России. Впоследствии эти этапы легли в основу создания академического труда «История Казахской ССР» в 5 томах.

Важным показателем роста научного потенциала историков-исследователей и работников государственных архивов КазССР стало издание документальных материалов по дореволюционной истории Казахстана.²²⁸

Ширилась источниковая база истории национально-освободительной борьбы 1916 года: Институт истории АН СССР, Главное архивное управление истории, академии наук Средней Азии и Казахстана опубликовали обобщающий сборник документов о восстании 1916 г. в регионе.²²⁹ Большая часть документов публиковалась впервые, но в их состав были включены и ранее опубликованные материалы. Тщательное и всестороннее изучение материалов сборника позволяет утверждать, что они намного расширили фактографическую основу проблемы, свидетельствуют о большом вкладе народов Средней Азии и Казахстана в длительную, упорную и самоотверженную борьбу против царизма.

В последний период был издан сборник документов и материалов «Грозный 1916-й год» (А., 1998, т. I, II). «По сравнению с предыдущими изданиями, — отмечают его составители, — расширена география событий, публикуется комплекс документов, раскрывающих положение беженцев-казахов в Китае и действия властей по их возвращению, а также материалы о положении тыловых рабочих в прифронтовой полосе, их использовании на оборонных работах» (с. 5). На наш взгляд, значительным достоинством двух томов стали опубликованные документы, в происхождении которых активное участие принимали представители казахской интеллигенции. Эти источники отражают сущность и содержание взглядов на события 1916 г. А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, М. Тынышпаева и других. Исследователи, таким образом, получили ранее недоступные первоисточники, отражающие не только взгляды интеллектуальной плеяды казахов начала XX в., но и полную картину их практической деятельности в годы наивысшего подъема национально-освободительной борьбы казахов против царизма. Именно с этих позиций мы рассматриваем документ № 15 от 7 августа 1916 г. — Протокол частного совещания представителей казахского населения Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей о выступлениях населения против мобилизации и проведении необходимых мероприятий по осуществлению призыва на тыловые работы; документ № 2, август 1916 г. — донесение начальника Оренбургского губернского жандармского управления военному губернатору Тургайской области М. М. Эверсману об антиправительственной деятельности А. Байтурсынова, А. Букейханова и М. Дулатова по агентурным сведениям; документ № 86 от 5—25 февраля 1917 г.

– Протокол допроса мировым судьей 4-го участка Черняевского уезда М. Тынышпаева о причинах и ходе восстания в Семиреченской области; документ № 80 – статья М. Дулатова в газете «Казак» от 8 января 1917 года; документ № 97 от 25 февраля 1917 г. – отношение Тургайского военного губернатора в штаб верховного главнокомандующего с сообщением об агентурных сведениях о деятельности М. Дулатова в связи с направлением его на службу в инородческий полк от земского городского союза. Раскрытию широкого диапазона интересов интеллигенции, по праву выражавшей возросшее самосознание казахского общества, способствуют помещенные в сборнике статьи А. Букейханова (док. № 2), М. Дулатова (док. № 9) и другие документы участников восстания 1916 г. по ряду областей Казахстана.

Характеризуя источники по проблемам культуры, следует сказать, что в последние десять лет исследователи получили мощный пласт новых материалов, принадлежащих творчеству казахской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. Это произведения А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Жумабаева, М. Дулатова, М. Тынышпаева, Ш. Кудайбердиева, М. Ж. Копеева и др. Например, в книгу сочинений А. Букейханова (Шығармалар. – А., 1994) вошли труды, опубликованные в газете «Казак» и других изданиях. Весь материал отражен в следующих разделах: статьи, исследования (1913–1917 гг.); рецензии за эти же годы; переводы; особо выделен материал – дань уважения А. Букейханову (сообщение о пребывании его в Семипалатинске, о сборе средств казахов, в том числе возвратившихся с тыловых работ, на стипендию его имени и на строительство медресе). Материалы книги впервые дают возможность прочесть в современной графике опубликованное ранее арабским шрифтом, оригинальное наследие ученого, почувствовать широту его интересов и интеллектуальный потенциал. Составитель (М. Койгельдиев) сопроводил сборник вступительной статьей о жизни и деятельности выдающегося представителя казахской интеллигенции, использовав значительный пласт ранее не бывших в научном обороте архивных документов. Многие вопросы, поднятые здесь, отличаются свежестью мыслей, в том числе: трактовка вопроса «Алашорда и Кокандская автономия», о которой А. Букейханов писал, что объявленная в Коканде Туркестанская автономия и избранное Туркестанское временное правительство были новыми органами политического самоуправления коренного населения края.

¹ Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.). Очерки становления и развития. А., 1990; *Козыбаев И. М.* Историография Казахстана: уроки истории. А., 1990; *Его же.* Историческая наука Казахстана (40–80-е годы XX века). А., 1992.

² *Кудайбердылы Ш.* Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. А., 1993; *Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925; *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. М., 1983; *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. А., 1991; *Его же.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998; *Касымбаев Ж. К.* Под надежную защиту. А., 1989 и др.

³ См.: *Козыбаев М.К.* Актуальные проблемы изучения отечественной истории // Отечественная история, 1998, № 3; *Его же.* История России есть история страны, которая колонизируется // Столичное обозрение. 1998, 8 мая; *Его же.* Академик К.И. Сатпаев и проблемы

вхождения Казахстана в состав России. В кн.: К.И. Сатпаев и общественные науки Казахстана. А., 1999, с. 54–73 и др.

⁴ *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство, с. 105.

⁵ См.: История Казахской ССР. А., 1957. Т. 1, с. 221–231 и др.

⁶ Военный сборник, 1852, № 9, с. 150.

⁷ Неделя, 1990, № 7 (1559). См.: *Козыбаев М. К.* История и современность. А. 1991, с. 140.

⁸ *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1, с. 50.

⁹ *Валиханов Ч.* Избр. произведения в пяти томах. А., 1985. Т. 4, с. 81.

¹⁰ *Там же.* Т. 1, с. 305.

¹¹ *Абай.* Наследники. На перепутье. Сб. А., 1995, с. 105.

¹² *Абай Кунанбаев.* Собр. соч. в одном томе. М., 1954, с. 48; 322; 362.

¹³ *Букейханов А.* Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Избранное. А., 1995, с. 49.

¹⁴ *Там же.*

¹⁵ *Там же,* с. 51.

¹⁶ *Там же.*

¹⁷ *Там же.*

¹⁸ *Там же.*

¹⁹ *Там же,* с. 62.

²⁰ *Галузо П. Г.* Туркестан — колония (Очерки истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). М., 1929.

²¹ *Там же,* с. 59.

²² *Досмухамедов Х.* Избр. А., 1998, с. 33. (Примечание: Как известно, профессор Халел Досмухамедов является автором исследований о движении Исатай Тайманова и Махамбета Утемисова. (Досмухамедов Х. Казак батырлары: Исатай, Махамбет, Тайманұлы Исатайдын козғалысы турасында қысқаша мағлұмат / *Халел Досмухамедұлы.* Тандамалы. Избранное. А., 1998, с. 29–32; 33–64).

²³ *Абылай хан.* Тарихи жырлар. А., 1993, 388 б.

²⁴ *Рыскулов Т. Р.* Собрание сочинений. А., 1997. Т. 2, с. 215, 226–232.

²⁵ *Там же,* с. 214.

²⁶ *Там же,* с. 172.

²⁷ *Асфендияров С. Д.* История Казахстана (с древнейших времен). А.,-М., 1935. Т. 1.

²⁸ *Дулатова Д. И.* Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). А., 1984; *Дахшлейгер Г. Ф. В. И.* Ленин и проблемы казахстанской историографии. А., 1973; *Суллейменов Р. Б.* Внешнеполитические связи Казахстана в XVI–XVIII вв. в советской историографии // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. А., 1983; *Нурпеисов К. Н.* Алаш һәм Алашорда; *Козыбаев И. М.* Историческая наука Казахстана (40–80 годы XX в.). А., 1992; *Козыбаев М. К.* История и современность. А., 1991; *Его же.* Актандактар ақиқаты. А., 1991; *Ерофеева И. В.* Присоединение Казахстана к России как историографическая проблема // Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.). А., 1990; *Артыкбаев Ж. О.* Казахское общество: традиции и инновации. Караганда, 1993; *Его же.* Этнос және қоғам. XVIII ғ. Караганда, 1995; *Его же.* История Казахстана (двенадцать лекций). Караганда, 1997; *Его же.* История Казахстана в древнейших времен до наших дней (Очерк). А., 1993; *Его же.* История города Акмолы, А., 1995; *Его же.* Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. А., 1995.

²⁹ *Абай.* Наследники; *Его же.* На перепутье... А., 1995, с. 60–61.

³⁰ Национальные движения в условиях колонизации: Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ (Материалы Всесоюзного круглого стола). Целиноград, 1991.

³¹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней (Очерк). А., 1993, с. 85.

³² Более подробно см.: «Столичное обозрение». 1998, 8 мая.

³³ *Каргалов В. В.* Полководцы X–XVI вв. М., 1987, с. 172.

³⁴ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. А., 1961. Т. 1, с. 63.

³⁵ См.: Кузембайулы А. История дореволюционного Казахстана. А., 1992; Кузембайулы А., Абилов Е. История Казахстана (с древнейших времен до 20-х годов XX в.). А., 1996, с. 176–177, с. 177, 179; Кузембайулы А., Абилов Е. Казахстан в XVIII – нач. XX вв. Костанай, 1995; Касымбаев Ж. К. Хан Кене. А., 1993; *Его же*. История города Акмолы, А., 1995; *Его же*. Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение; Ерофеева И. В. Казахские ханы и ханские династии в XIII – середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. А., 1997, с. 106–107; Артыкбаев Ж. О. Казахское общество: традиции и инновации. *Его же*. Этнос жөне қоғам. XVIII ғ.; *Его же*. История Казахстана (двенадцать лекций); *Его же*. История Казахстана в XIX веке; Муқанов М. С. Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков. А., 1991; *Его же*. Қазақ жерінің тарихы. А., 1994; *Его же*. Из исторического прошлого. А., 1998; Елагин А. С. Казачество и казачьи войска в Казахстане. А., 1993; Мәшімбаев С. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. А., 1994; Мырзахметов М. Қазақ қалай орыстандырылды. А., 1993.

³⁶ Уроки Отечественной истории и возрождение казахстанского общества. А., 1998.

³⁷ Митропольская Т. Б. Из истории Семиреченского казачества. А., 1997, с. 37.

³⁸ Там же, с. 57.

³⁹ Там же, с. 84.

⁴⁰ Терещук В. А. Рассказы о Кокчетаве. Кокшетау, 1992, с. 131.

⁴¹ Там же, с. 148–149.

⁴² Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Т. 1–3. СПб., 1832.

⁴³ Красовский М. Область Сибирских киргизов. Ч. 1–2. СПб., 1868; Кузьминский М. Краткое статистическое обозрение Западной Сибири // Материалы для статистики Российской империи. Ч. 1. СПб., 1839; Ханыков Н. Географическое обозрение Оренбургской губернии // Материалы для статистики Российской империи. Ч. 1. СПб., 1839; Бларамберг И. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. СПб., 1848; Гюгеиестер. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском комитете. Ч. I–III. СПб., 1854.

⁴⁴ Бронецкий Е. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки, 1830. Т. 41, 42, 43; Вельяминов-Зернов В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России и Средней Азии со времени кончины Абулхаир-хана в 1748–1765 годах. Уфа, 1955; Гейнс А. Киргизские очерки // Военный сборник 1866. Т. VIII, IX, X, № 1, 6, 7; Григорьев В. Оренбургские киргизы и их умение в торговом деле // Народная беседа 1854, № 1; Завалишин М. Описание Западной Сибири. Сибирско-Киргизская степь Оренбургского ведомства. Оренбург, 1865; Казанцев А. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1864; Зеланд Н. Киргизы // Записки Западно-Сибирского отдела РГО, 1885; Игнатьев Р. Киргизы Оренбургского ведомства в XVIII столетии. СПб., 1890; Гродеков Н. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1889; Румянцев П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.

⁴⁵ Тяукин М. О хозяйстве ордынцев, кочующих в Зауральской степи // Экономические записки, 1861, № 41; Васильев Н. Кочевники Туркестана. Самарканд, 1870; Чорманов М. О скотоводстве у киргизов Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство. 1883. № 1; Алекторов А. Скотоводство киргизов // Оренбургский листок, 1888, № 17–19; Герн В. Характер и нравы киргиз-казахов. Скотоводство киргизов. Памятная книга Семипалатинской области. Семипалатинск, 1899; Добросмыслов А. Скотоводство в Тургайской области // Сельское хозяйство и лесоводство. Ч. СХХV, СПб., 1894; Диваев А. Из области киргизского скотоводческого хозяйства. Ташкент, 1905.

⁴⁶ Веников М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873; Шахматов Г. Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней Орды // Земледельческий журнал, 1832, № 8.

⁴⁷ Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургай // Записки Оренбургского отдела РГО. 1870. Вып. 1; Алекторов А. Земледелие у киргизов // Оренбургский ли-

сток, 1888, № 50—52; *Чермак Л.* Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Кн. XVII. Омск, 1900.

⁴⁸ *Чорманов М.* Киргизские народные обычаи // Семипалатинская областная ведомость, 1871, № 32; *Самоковасова Д.* Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; *Загряжский Г.* Юридические обычаи киргизов и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края. СПб., 1876; *Крахаев А.* Древний суд биев // Особое приращение к Акмолинским областным ведомостям, 1888, № 48; *Его же.* Суд и следствие у киргизов Сибири // Юридический вестник, 1888. Т. XXVIII; *Маковецкий П. Е.* Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. I—II. Омск, 1886; *Максимов Н.* Народный суд у киргизов // Юридический журнал. 1897, кн. VIII; *Крафт И.* Судебная часть в Туркестанском крае и смежных областях. Оренбург, 1898; *Добросмыслов А.* Суд у киргизов Тургайской области в XVIII и XX вв. Казань, 1904; *Макутин А.* Юридический быт киргизов // Труды Оренбургской ученой Архивной комиссии. Оренбург, 1911. Вып. XV; *Кауфман А. А.* Сибирское переселение на исходе XIX в. СПб., 1901; К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903; *Седелников Т. И.* Борьба за землю в киргизской степи: Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства. СПб., 1907.

⁴⁹ *Дильмухамедов Е., Маликов Ф.* Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. А., 1963; *Бекмухамедов Е. Б.* Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана. А., 1964; *Асылбеков М. Х.* Развитие сети железных дорог Казахстана в конце XIX — начале XX вв.; Казахстан в канун октября. А., 1968; *Турсунова М.* Казахи Мангышлака во второй половине XIX в. А., 1977; *Фридман Ц.* Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. А., 1960.

⁵⁰ *Середа Н.* Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1838—1847). Вестник Европы, 1870—1871, № 8—9; *Савичев Н.* Исатай Тайманов, старшина Внутренней орды // Уральские войсковые ведомости. 1877, № 1; *Потто В.* Гибель отряда Рукина // Исторический вестник, 1900. Т. 81; *Аничков И.* Киргизский герой Джанкожа Нурмухамедов // Известия общества археологии при Казанском университете. 1894. Т. XII. Вып. 3; *Юдин П.* Адаевский бунт на полуострове Мангышлак в 1870 году.

⁵¹ *Рязанов А. Ф.* Сорок лет борьбы за национальную независимость киргизского народа 1797—1838 гг. Оренбург, 1926; Восстание Исатай Тайманова. Ташкент, 1927.

⁵² *Якунин А. Ф.* Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. М., 1949.

⁵³ Вопросы истории, 1951, № 4.

⁵⁴ *Бекмаханов Е. Б.* Национально-освободительное движение в Казахстане в период русской буржуазно-демократической революции // Вестник АН КазССР, 1950, № 4; *Его же.* Рабочее движение в Казахстане в период первой русской революции // Из истории рабочего класса и революционного движения: Памяти академика А. М. Панкратовой. М., 1958; *Дахшлейгер Г. Ф.* Из истории рабочего движения в Казахстане в период первой русской революции // Коммунист Казахстана, 1955, № 8; *Его же.* Омско-Петропавловская стачка железнодорожных рабочих в феврале 1907 г. // Изв. АН КазССР, Сер. истории, экономики, философии, права, 1957, вып. 1; *Дильмухамедов Е. Д.* Революционная борьба рабочих горной промышленности Казахстана в период революции 1905—1907 гг. // Вестник АН КазССР, 1950, № 10; *Его же.* Революционное движение горнорабочих Казахстана в начале XX в. (1900—1917). А., 1955.

⁵⁵ См.: *Приймак Н. И.* Советская историография первой русской революции 1905—1907 гг. (середина 30-х—60-е годы) // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967, ч. 2, с. 39.

⁵⁶ История Казахской ССР. А., 1957, т. I, с. 481—515.

⁵⁷ *Асылбеков М. Х.* Железнодорожники Казахстана в первой русской революции (1905—1907 гг.) А., 1965; *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма в Казахстане (1905—1907 гг.), А., 1966; *Турсунбаев А. Б.* Казахский аул в трех революциях. А., 1967.

⁵⁸ *Бурмистрова Т. Ю.* Ленинская политика пролетарского интернационализма в период образования РСДРП (1890—1903 гг.). М., 1962, с. 5.

- ⁵⁹ К социализму, минуя капитализм. М., 1974, с. 18–23.
- ⁶⁰ *Смирнова Р. Ф.* Революционное движение трудящихся Семиречья в 1905–1907 гг. // Уч. зап. Казгосун-та. Сер. историч., 1962, т. 53, вып. 9, с. 139–140.
- ⁶¹ *Пахмурный П. М.* Большевики Казахстана в революции 1905–1907 гг. А., 1976.
- ⁶² *Сулейменов Б. С.* Революционное движение в Казахстане в 1905–1907 гг. А., 1977.
- ⁶³ *Браинин С., Шафиро Ш.* Очерки по истории Алаш-Орды. М., 1935, Приложение № 1 Каркаралинская петиция, с. 94–96.
- ⁶⁴ Грозный 1916 год. Сб. документов и материалов. А., 1998. Том I, II; *Козыбаев М. К.* Казахстан на рубеже веков. А., 2000; *Бисенбаев А. К.* К вопросу об изучении национально-освободительных движений XIX – начала XX вв. в Казахстане // Казахстан в начале XX века. Сб. статей. А., 1993; *Нурпейсов К.* Алаш һәм Алашорда. А., 1995; *Койгелдиев М.* Алаш қозғалысы. А., 1995; Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Сб. статей. Вып. 1, 2. А., 1993, 1994 и др.
- ⁶⁵ *Назарбаев Н. А.* В потоке истории. А., 1999, с. 166.
- ⁶⁶ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967; Октябрь в Казахстане. А., 1930 и др.
- ⁶⁷ См. более подробно: *Козыбаев М.* Жауды шаптым ту байлап. А., 1994; *Его же.* Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения – революции 1916 г. в Казахстане / Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. А., 1994, с. 3–16; *Его же.* Аласұрған XX ғасыр. В кн.: Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Сб. статей. А., 1993,
- ⁶⁸ *Козыбаев М. К.* Национально-освободительная война 1916 г. в Казахстане: концептуальные проблемы / Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки. А., 1996, с. 20–21; *Алдажуманов К. С.* Национально-освободительное движение 1916 года и крестьянское восстания 1929–1932 гг.: проблемы преемственности // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки. А., 1996, с. 88–89–94.
- ⁶⁹ См.: *Артыкбаев Ж.* Очерк национально-освободительных движений / Казахское общество: Традиции и инновации, с. 259–303.
- ⁷⁰ *Әбсеметов М. М.* Міржақып Дулатов. А., 1995; *Құл-Мұхаммед М.* Алаш ардагері Жакып Акбаев. А., 1996; *Койгелдиев М.* Тұтас Түркістан идеясы және Мұстафа Шоқайұлы. А., 1997; Первые лица государства: политические портреты. А., 1998 и др.
- ⁷¹ *Аманжолова Д. А.* Казахский автономизм и Россия. М., 1994, с. 10.
- ⁷² См.: *Әлихан Бөкейхан. Шығ.* А., 1994, 93-б.
- ⁷³ *Аманжолова Д. А.* Указ. соч., с. 185.
- ⁷⁴ *Там же,* с. 186.
- ⁷⁵ *Нурпейсов К.* Алаш һәм Алашорда, 122 б.; *Его же:* Алаш-Орда. Долгая дорога к свободе. 23 января; Саяси партия болып санала ма // Қазақстан коммунисті, 1990, № 5, с. 69–75; Қос төңкеріс және Алаш қозғалысы // Ақиқат. 1992, № 11, с. 40–42; Национально-освободительное восстание 1916 г. и казахская интеллигенция // Ақиқат. 1996, № 6; Краткий очерк партии Алаш. Столичное обозрение. 1998, 14, 21, 28 ноября; Общественно-политическая жизнь Казахстана в начале XX в. и национально-демократическая интеллигенция // Отан тарихы. 1998, № 3, с. 12–20.
- ⁷⁶ *Алихан Букейханов.* Избранное. А., 1995, с. 76.
- ⁷⁷ *Заки Валиди Тоған.* Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Книга II. Уфа, 1998, с. 46, 165.
- ⁷⁸ *Там же,* с. 291.
- ⁷⁹ *Алихан Букейханов.* Избранное, с. 50.
- ⁸⁰ *Там же,* с. 73.
- ⁸¹ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967, с. 205.
- ⁸² См.: Очерки Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974, с. 58.
- ⁸³ *Заки Валиди Тоған.* Воспоминания. Кн. I. Уфа, 1994, с. 264–266.

⁸⁴ Назарбаев Н. А. В потоке истории. А., 1999.

⁸⁵ См.: Есмагамбетов К. Л. Что писали о нас на Западе. А., 1992.

⁸⁶ *Stahlin*. Russisch Turkestan gestern und heute. В., 1936; *Skrine F. h. and Ross E. D.* The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and Central Asian Khanates from the earliest times. L., 1899; *Krausse A.* Russia in Asia. A record and story. 1558-1899. L., N.-Y., 1899; *Paquier J.-B.* L'Asie Centrale. P., 1876; *Hellwald F.* Die Russen in Centralasien. Eine studie uber die neueste Geographie und Geschichte Centralasiens. Leipzig, 1872; *Krahmer G.* Russland in Mittelasien. Leipzig, 1898; Schlesinger M. L. Russland im XX Jahrhundert. Berlin, 1898; *Blagowieschensky G.* Die wirtschaftliche Entwicklung Turkestan, 1913.

⁸⁷ *Bacon E.* Central Asians under Russian rule. A study in Culture Change. N. Y., 1966; *Krader L.* Peoples of Central Asia. Bloomington, 1963; *Wheeler G.* The peoples of Soviet Central Asia. L., 1962; *idem.* Russian Central Asia. A Handbook. L., 1967; *Olcott M. B.* The Kazakhs. Stanford, 1987; *Akiner Sh.* Islamic Peoples of the Soviet Union. L., 1983; *Bennigsen A., Wimbush S. E.* Muslims of the Soviet Empire. A Guide. L., 1986 etc.

⁸⁸ *Гедин С.* Памир—Тибет—Восточный Туркестан. Путешествие в 1893-1897 годах. Пер. со шведского. Т. 1. СПб., 1899, с. 43.

⁸⁹ См.: *Cohrane J. D.* A pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary. Edinburgh, 1829. Vol. 1. p. 120, 125; *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. In two volumes. L., 1885. Vol. 1. p. 54, 274; *Schuyler E.* Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Buchara and Kuldja. 2 vols. L., 1876, p. 145-146; *Graham S.* Through Russian Central Asia. L., 1916, p. 123, 149; *Moser H. A.* Travers L'Asie Centrale. La Steppe Kirghise... P., 1885. Friederichsen M. Reisebriefe aus Russisch Central Asien // *Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft.* Hamburg, 1902. Band XVIII etc.

⁹⁰ *Paquier J. B.* L'Asie Centrale a vol d'oiseau. P., 1881, p. 27-37.

⁹¹ *Dingelstedt N. A.* La regime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz. P., 1891; Его же. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. Т. 1-2. СПб., 1893-1895.

⁹² *Wordell J.* In the Kirghiz Steppes. L., 1958; *idem.* An account of the happening at Spasskiy in Kazakhstan between 1914-1919 // *Central Asian Review.* 1964. Vol. XII. No 2; Живописное путешествие по Азии. I. III. М., 1840, с. 108, 109, 163; *Финш О. и Брем А.* Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882, с. 257-258. *Оланьон К.* Сибирь и ее экономическая будущность. Пер. с фр. СПб., 1905.

⁹³ См.: *Гелльвальд Фр.* Естественная история племен и народов. I. II, с. 761; *Геттнер А.* Как культура распространялась по земному шару. Пер. с нем. Ленинград, 1925, с. 36.

⁹⁴ *Grousset R.* Histoire de L'Asie. P., 1921; *idem.* Les civilisations de l'Orient. T. 1-4. P., 1929-1930; *Toynbee A.* A study of History. Vol. 3. London, 1934, p. 1-227, 395-404, 425-452.

⁹⁵ См.: *Neumann K.* Die Kirghis-Kazaken und ihre Stellung zu Russland // *Ausland*, 1857. Bd. 30. S. 1201-1204, 1230-1233; *Fuhrmann F.* Die Kirghisen und ihr Leben // *Globus*, 1869. Bd. 15. S. 180-183; *Rocca F. de.* Deplacement de Kirghiz en ete // *Revue de Geographie.* 1896. Vol. 39, p. 171-174; *Brokerel J.* The Kirghiz // *Scottish Geographical Magazine.* 1902 Vol. 18, p. 393-406; *Konig W.* Zu Fragen der Gesellschafts-organisationen der Nomaden // *Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart.* B., 1981. S. 25-30.

⁹⁶ *Krader L.* Ecology of Central Asian Nomadism // *Southwestern Journal of anthropology.* 1955. Vol. 12. No 4. p. 301-326; *idem.* The Ecology of Nomadic Pastoralism // *International Social Science Journal.* 1959. Vol. XI. No 4, p. 499-510; *idem.* The Origin of the State among the Nomades in Asia // *Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart.* B., 1981. S. 71-82.

⁹⁷ *Bacon E.* Central Asians under Russian rule, p. 31-35, 40 etc.

⁹⁸ *Krader I.* Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral nomads. The Hague. 1963.

⁹⁹ *Ibid* p. 12;

¹⁰⁰ *Idem.* Principles and structures in the organization of the Asiatic Steppe pastoralists // *Southwestern Journal of anthropology.* 1955. Vol. 11. No 2, p. 67-92. *Fox-Holmes G.* The Social

Structure and Customs of the Kazakhs// Central Asian Review. 1957. Vol. 1. No 5, p. 5-25; *Riasanovsky V. A.* Customary law of the nomadic tribes of Siberia. The Hague, 1965; *Krader L.* Social Organization of the Mongol-turkic Pastoral Nomads; *Olcott M. B.* The Kazakhs, p. 18.

¹⁰¹ Central Asian Review. 1957. Vol. 1. No 5, p. 5.

¹⁰² Feudalism in Kazakhstan. Some difficulties of Marxist Historiography// Central Asian Review. 1961. Vol. IX. No 2, p. 126.

¹⁰³ *Hudson A.* Kazak Social Structure. Yale Univ. press, 1938; *Schlenger H.* Strukturwandlungen Kazakhstans in russischer, insbesondere sowjetischer Zeit // Die Erde. 1958. Bd. IV. No 3-4. S. 250-264.

¹⁰⁴ *Riasanovsky V. A.* Op. cit., p. 128-129, 142.

¹⁰⁵ *Olcott M. B.* The Kazakhs, p. 18.

¹⁰⁶ *Krahmer G.* Russland in Mittelasien. S. 7-31, 79; *Morgan E. D.* A Journey through Semiretchia to Kuldja in 1880// Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. 1881. Vol. III, p. 151, 154, 157; *Финш О. и Брем А.* Путешествие в Западную Сибирь, с. 282.

¹⁰⁷ См.: *Werner E.* Zwei Bemerkungen zum Nomadewesen// Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift. 1976. Jg. 17. H. 2. S. 295-302.

¹⁰⁸ *Vladimirtsov B.* Le regime social de Mongols. Le feudalisme nomade. P., 1978; Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. А., 1989, с. 34.

¹⁰⁹ Взаимодействие кочевых культур, с. 3.

¹¹⁰ Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан //Казахстанская правда, 30 июня 1995 г.

¹¹¹ *Cottrell Ch.* Recollections of Siberia in the years 1840 and 1842. L., 1842, p. 39-51; *Ferrier J. P.* Caravan journeys and wanderings in Persia, Afghanistan, Turkestan and Beloochistan; with historical accounts lying between Russia and India. L., 1856; *Burnaby F.* A ride to Khiva. L., 1876, p. 367-376; *Lanier L. L'* Asie Centrale. Choix de lectures de Geographic. P., 1899; *Rocca F. de.* Les possessions Russes dans L'Asie Centrale // Revue Britanique. 1877. Vol. 3. No 6, p. 389-459; *Stumm H.* Russia in Central Asia. Historical Scetch of Russia's progress in the East up to 1873. L., 1885; *Wartenbury G.* de La penetration Russe en Asie. P., 1900 etc.

¹¹² *Hill S. S.* Travels in Siberia. L., 1854. Vol. 1, p. 195; *Trench F.* The Russo-Idian question. L., 1869, p. 1; *Towle G. M.* The Russians in the East // The Atlantic Monthly. (Boston), 1875. July. p. 71-72; *Curzon G. N.* Russia in Central Asia in 1899 and the Anglo-Russian question. 2nd ed. L., 1899, p. 392; *Schierbrand W. Ph.* Russia: Her strength and her weakness. A study of the present conditions of the Russian Empire. N. Y., 1904, p. 13, 25 etc.

¹¹³ *Bouldger D. Ch.* England and Russia in Central Asia. Vol. 1. L., 1879; *idem.* Central Asian questions. Essays on Afghanistan, China and Central Asia. L., 1885; *Krausse A.* Russia in Asia. A Record and Study. 1558-1889. L., 1899; *Scrine F. H.* The Expansion of Russia. 1815-1909. L., 1903.

¹¹⁴ *Courant M.* L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? Lyon; P., 1912, p. 66, 126, 128.

¹¹⁵ *Венюков М.* Новые английские сочинения о Средней Азии // Русский инвалид. 1876, N 234.

¹¹⁶ *Raeff M.* Siberia and the reforms of 1822. Seattle, 1956, p. 27, 67, 106.

¹¹⁷ *Raeff M.* Patterns of Russian Imperial policy towards the nationalities // Soviet nationality problems. N. Y., L., 1971, p. 28-30, 38-40.

¹¹⁸ *Hoetzch O.* Russland in Asien. Stuttgart, 1966. S. 25-27, 47-49, 101-102.

¹¹⁹ *Pierce R. A.* Russian Central Asia 1867-1917. A study in colonial Rule. Berkeley, Los Angeles, 1960, p. 13; *idem.* The Russian conquest and administration of Turkestan// Hambly G. (ed.). Central Asia. N. Y., 1969, p. 208-216.

¹²⁰ *Riasanovsky N. V.* Old Russia, the Soviet Union and Eastern Europe// The American Slavic and East European Review. Oct. 1952. Vol. XI. No 3, p. 171-182.

¹²¹ *Sarkisyanz E.* Geschichte der orientalischen Volker Russland bis 1917/ Vorwort von B. Spuler. Munchen, 1961. S. 324-329; *idem.* Russian Conquest in Central Asia //Russia in Asia. Ed. by W. Vucinich. Stanford, 1972, p. 248-288.

¹²² *Golczewski F.* Russlands zentralasiatische Expansion im Lichte der neueren Sowjetischen Geschichtsinterpretation // Osteuropa. 1980 No 6. S. 481-493.

¹²³ См.: *Noddle B.* La formation de L' Empire russe: Etudes; notes et documents. Bd. 1-2. P., 1952-1953; *Rywwin M.* (ed.). Russian Colonial expansion to 1917. L., N. Y., 1988.

¹²⁴ Central Asia: A Century of Russian rule. N. Y., L., 1967, p. 11, 50, 52.

¹²⁵ *Riasanovsky V. A.* Customary law of the nomadic tribes. p. 71; *Pares B.* A history of Russia. L., 1947, p. 291-293; Central Asia. 120 years of Russian Rule. Durham, London, 1989.

¹²⁶ *Towle G.* The Russians in the East, p. 72.

¹²⁷ *Lantzeff G. V., Pierce R.* Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open Frontier to 1750. Montreal, L., 1973.

¹²⁸ *Riess Ch. A.* The History of the Kalmyk Khanate to 1724. Ph. D. Diss. Indiana University, 1983; *Khodarkovsky M.* Kalmyk-Russian relations, 1670-1679. Development of a Pattern of relations between nomads and sedentary societies// Central Asian Survey. 1983. Vol. 2. No. 3, p. 5-36; *idem.* Uneasy alliance: Peter the Great and Ayuki Khan // Ibid. 1988. Vol. 7. No. 4, p. 1-45; *idem.* Russian peasant and Kalmyk nomad: a Tragic encounter in the middle of the XVIIIth century// Russian history. 1988. Vol. 15, p. 43-69; *idem.* The arrival of the Kalmyks and the Muscovite Southern Frontier, 1600-1700// Ibid. S. 225-254.

¹²⁹ *Sokol E. D.* Volga Cossacks// Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Ed. by Joseph L. Wiczynski. 1986. Vol. 42. S. 225-230; *idem.* Yaik Cossacks// *Idem.* 1987. Vol. 44. S. 144-151; *Seaton A.* The horsemen of the Steppes: The story of the Cossacks. L., 1985; *McNeal R. H.* Tzar and Cossack, 1855-1914. Oxford, 1987.

¹³⁰ *Donnelly A. S.* The Russian Conquest of Bashkiria. 1552-1740. New Haven. L., 1968; *idem.* Peter the Great and Central Asia// Canadian Slavonic Papers. 1975. Vol. 17. No 2-3, p. 202-217; *idem.* The Mobil Steppe Frontier: Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850// Russian Colonial Expansion to 1917, p. 189-207; *Collins D. N.* Russia's Conquest of Siberia: Evolving Russian and Soviet Historical Interpretation// European Studies Review. 1982. Vol. 12. S. 17-44; Russia's Conquest of Siberia 1558-1700// To Siberia. Bd. I. 1985; *Yaroshevski D. V.* The Attitude of Katherine II toward nomads of the Russian Empire// Fourth International Conference on 18th Country Russia. Hoddeston, 1989; The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. Ed. by A. Wood. L., N. Y., 1991.

¹³¹ *Bodger A.* Abulhair, khan of the Kazakh Little Hofde and his oath of allegiance to Russia of October 1731// The Slavonic and East European Review. Vol. 58. No 7. January 1980, p. 40.

¹³² *Ibid.*, p. 41-42.

¹³³ История Казахстана с древнейших времен. Под ред. *С. Д. Асфендиярова.* Т. I. А., 1935; *Лебедев В.* Из истории завоевания Казахстана царской Россией (1730-1732)// Борьба классов. № 10. М., 1936, с. 60-65.

¹³⁴ *Ваткин М. П.* Очерки истории Казахской ССР. Л., 1941, с. 131-132.

¹³⁵ *Bodger A.* Op. cit., p. 44, 45.

¹³⁶ *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. I, с. 97-98.

¹³⁷ *Bodger A.* Op. cit., p. 47.

¹³⁸ *Ibid.*, p. 48.

¹³⁹ *Ibid.*, p. 48-55.

¹⁴⁰ *Ibid.*, p. 57.

¹⁴¹ *Wheeler G.* The Modern History of Soviet Central Asia. L., 1964, p. 51-55; *Kurat A. N.* Tsarist Russia in Central Asia// Cambridge History of Islam. Vol. 1. Cambridge, 1970; Rewriting Russian History. Soviet Interpretation of Russia's Past. Ed. K. Black 2nd ed. N. Y., 1962, p. VII; *Tillet L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the non-Russian nationalities. Chapel H. 1969, p. 70-71, 230-238 etc.

¹⁴² The Islamic Review. July 1955. Vol. XLIII. No 7, p. 28-31.

¹⁴³ Rewriting Russian history. p. 117.

¹⁴⁴ *Rywwin M.* Russia in Central Asia. N. Y., L., 1963, p. 94.

¹⁴⁵ Krausse A. Russia in Asia, p. 141.

¹⁴⁶ *Hubbart B. M.* Russia as a civilising force in Asia// *Atlantic Monthly*, 1895, No 2; *Rickmers W. R.* «The Duab of Turkestan». Cambridge, 1913, p. 12; *Graham S.* Through Central Asia, p. 66; *Petzold A.* Turkestan. Leipzig, 1874; *idem.* Umschau im Russischen Turkestan. Gera, 1876.

¹⁴⁷ *Blanc E.* Le notes de voyage en Asie Centrale// *Revue des deux mondes*. P., 1895. T. CXXIX, p. 902-954.

¹⁴⁸ *Schwartz Fr. V.* Turkestan die Wiege der indogermanischen Vilker. Freiburg im Breisgau, 1900. S. 606.

¹⁴⁹ Русский Туркестан. 1901. 28 февр.—13 марта.

¹⁵⁰ *Friederichsen M.* Oberland und Leute russischen Kolonisationsgebiete des Generalgouvernements Turkestan// *Geogr. Zeitschr.*, 1903; *Hoetzsch O.* Russisch-Turkestan und die Tendenzen der heutigen russischen Kolonialpolitik// *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im deutschen Reich*. Leipzig, München, 1913. Bd. 37 S. 903–941, 1427–1473; *Janger R.* Das Problem der Europaisierung orientalischer Wirtschaft von Russisch Turkestan. Weimar, 1915.

¹⁵¹ *См.: Mackenzie D.* Kaufman of Turkestan: an assessment of his administration, 1867–1881// *Slavic Review*. June 1967, p. 265–285; *idem.* Schuyler: Honourable but misled// *Ibid.* 1968. Vol. 27. No 1, p. 124–131.

¹⁵² *Siscoe F.* Eugene Schugler, General Kaufman and Central Asia// *Slavic Review*. Vol. XXVIII. No 1. March 1968.

¹⁵³ *Baron S. H., Heer N. W.* (ed.). Windows on the Russian Past. Columbus, 1977; *Rywwin N.* (ed.). Russian Colonial Expansion to 1917. L., N. Y., 1988; *Allworth E.* (ed.). Central Asia: 120 years of Russian rule. Durham, L., 1989.

¹⁵⁴ *Williams D.* Native Courts in Tzarist Central Asia// *Central Asian Review*. 1966. Vol. XIV. No 1, p. 6–19; *idem.* Taxation in Tzarist Central Asia// *Ibid.* 1968. Vol. XVI. No 1, p. 51–63; *idem.* Imperial Russian Rule in Turkestan. The Pahlen Investigation, 1908–1909// *Asian Affairs*. 1971. Vol. 11, p. 173–179; *idem.* Fiscal Reform in Turkestan// *Slavic and East European Review*. 1974, Vol. 52. No 128, p. 382–392; *Bensidoun S.* Asie Centrale et la Russie au milieu du XIX siecle // *Revue Historique*. 1958. T. 220. No 2, p. 135–148.

¹⁵⁵ The American Slavic and East European Review. 1961. Vol. XX. No 2, p. 325.

¹⁵⁶ *Pierce R.* Russian Central Asia, 1867–1917: A study in Colonial Rule. L., 1960, p. 305.

¹⁵⁷ *Demko G. J.* The Russian Colonisation of Kazakhstan, 1816–1916. Bloomington, 1969; *Williams D.* Russian Peasant Settlement in Semirechye// *Central Asian Review*. 1966. Vol. XIV. No 2, p. 110–116; *Senkovsky S.* Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, 1960, p. 68–69; *Pierce R.* Op. cit., p. 108, 120–138.

¹⁵⁸ The Kazakhs and Pugachev's Revolt// *Central Asian Review*. 1960. Vol. XVIII. No 3, p. 256–263; Russia and the Kazakhs in the XVIIIth and XIXth centuries// *Central Asian Review*. 1957. Vol. 5. N. 4, p. 358; *Krader L.* Peoples of Central Asia. Bloomington, 1963, p. 100; *Allworth E.* (ed.). Central Asia. A century of Russian rule. N. Y., L., 1967, p. 17 etc.

¹⁵⁹ *Sarkisyanz E.* Geschichte der orientalischer Vilker Russlands bis 1917. München, 1961. S. 327–328.

¹⁶⁰ *Czaplica M. A.* The Turkis of Central Asia in history and the present day. Oxford, 1918, p. 17.

¹⁶¹ *Pierce R. A.* Russian Central Asia, 1867–1917: A study in Colonial rule. Berkeley, 1960, p. 291; *Krader L.* Peoples of Central Asia, p. 108; *Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World, 1917–1958. Seattle, p. 31; *Zenkovsky S.* Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, 1960, p. 135–138.

¹⁶² *Sokol E. D.* The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954, p. 14.

¹⁶³ *Ibid.*, p. 33.

¹⁶⁴ The American Slavic and East Eufropean Review, 1955, Vol. 14. No 4, p. 552.

¹⁶⁵ *Yang R.* Sinkiang under the administration of Yang Tseng-Hsin, 1911–1928// *Central Asiatic Journal*. 1961 Vol. VI. No 4, p. 270–316.

¹⁶⁶ Kappeler A. Russlands als vielvilkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992. S. 287.

¹⁶⁷ Olcott M. B. The Kazakhs, p. 126.

¹⁶⁸ См.: Фини О. и Брем А. Путешествие в Западную Сибирь. С. 99–100; Zaleski B. La vie des steppes Kirghizes Descriptions, recits contes. P., 1865. Atkinson T. W. Oriental and Western Siberia... L., 1858; Bonvalot G. Du Kohistan a la Caspienne. P., 1885, p. 152; Schuyler. Turkistan. Vol. 2. p. 121; Ujfalvy-Bourdon M. De Paris a Samarkand, le Ferghana, le Kouldja et la Siberie occidentale. Impressions de voyage d'une parisienne. P., 1880, p. 260–290; Свен Г. В Центральной Азии. Путешествие ... в 1893–1897 гг. в Памир, Тибет и Восточный Туркестан. СПб., 1899, с. 17.

¹⁶⁹ Карутиц Р. Среди киргизов и туркмен. Пер. с нем. СПб., 1910, с. 122–123, 145–147.

¹⁷⁰ Там же, с. 75.

¹⁷¹ Capus G. A Travers le royaume de Tamerlan. Voyage dans la Siberie occidentale, le Turkistan, la Boukharie, aux bords de l'Amou-Daria. P., 1892, p. 26–66; Hoetzch O. Russisch-Turkestan. Jg. Cft. 2–3; Bacon E. Central Asians under Russian rule, p. 101–103; Zenkovsky S. A. Kulturkampf in pre-revolutionary Russia// The American Slavic and East European Review. 1955. Vol. XIV. No 1, p. 18–19.

¹⁷² D'Encousse H. C. Tzarist education Policy in Turkestan 1867–1917// Central Asian Review. 1963. Vol. XI. No 4, p. 374–394.

¹⁷³ Saussay J. Il'mynkij et la politique de russification des Tatars 1856–1891// Cahiers du monde russe et sovietique. 1967. Vol. 8. S. 404–426. Blank S. National education, Church and State in Tzarist Russia: The Il'mynski system// Canadian-American Slavic Studies. 1983. Vol. 17. S. 466–486.

¹⁷⁴ Kreindler I. Nikolai Il'mynski and Language planning in the XIXth - Century Russia// International Journal of the Sociology of Language. 1979. Vol. 22, p. 5–26; *idem*. Education in Central Asia// Central Asian Survey. 1982. Vol. 1 No 1. p. 111–124; *idem*. I. Altynsarin, N. Il'mynski and the Kazakh National Awakening// *Ibid*. 1983. Vol. 2 No 3, p. 99–116.

¹⁷⁵ Pierce R. Russian Central Asia, p. 250–251; Bacon E. Op. cit., p. 101–103; D'Encousse H. C. The Stirring of National feeling// Allworth E. (ed.) Central Asia. 120 years of Russian Rule. Durham, L., 1989. S. 172–179.

¹⁷⁶ См.: Central Asian Review. 1966. Vol. XIV. No 1, p. 27–29. 1954. Vol. 11. No 4, p. 352–353. Winner T. G. The Oral Art and Literature of the Kazakhs of Russian Central Asia. Durham, 1958, p. 101–115; Hrebicek L. Euphony in Abai Kunanbayev's Poetry// Asian and African Studies. 1965. No 1, p. 123–130; *idem*. Alliterations in Abai Kunanbayev's Poetry// Archiv Orientalni. 1965. Vol. 33. No 1, p. 67–72.

¹⁷⁷ Zenkovsky S. A. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Mass.), 1960, p. 61.

¹⁷⁸ Olcott M. B. The Kazakhs. p. 105–107.

¹⁷⁹ Bennigsen A., Lemerrier-Quelquey Ch. The History of the Kazakh press, 1900–1920// Central Asian Review. 1966. Vol. XIX. No 2, p. 160; Olcott M. B. The Kazakhs, p. 118.

¹⁸⁰ Тынышпаев М. Великие бедствия. (Ақтабан-шұбырынды) История казахского народа. А., 1993, с. 176.

¹⁸¹ Халид К. Тауарих хамса (бес тарих). А., 1992, с. 50.

¹⁸² Кудайбердыев Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. А., 1990, с. 9–10.

¹⁸³ Копеев М. Ж. Тандалмалы. А., 1992, с. 77.

¹⁸⁴ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. А., 1992, с. 33.

¹⁸⁵ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд, и степей. СПб., 1832, ч. 2, с. 69.

¹⁸⁶ О том, что весной в Култобе собирались на Совет, пишет и Мирза Мухаммед Хайдар Дуглат в «Тарихи Рашиди».

¹⁸⁷ Кудайбердыев Ш. Там же, с. 96.

¹⁸⁸ Халид К. Указ. работа, с. 104.

- ¹⁸⁹ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967, с. 109.
- ¹⁹⁰ *Тынышпаев М.* Указ. работа, с. 88–89.
- ¹⁹¹ По данным П. И. Рычкова («Топография Оренбургская». изд. Оренб., 1897, с. 27) джунгарские владения доходили до 480 параллели (район Балхаша).
- ¹⁹² *Шақшақұлы ер Жәнібек.* Указ. работа, с. 207.
- ¹⁹³ *Левшин А. И.* Указ. работа, с. 70–71.
- ¹⁹⁴ Бұланты шайкасы. Караганды, 1998. В книге имеется ряд иллюстративных материалов о памятных местах, связанных с «Бұланты шайкасы». Недалеко от «Қалмақ қырылған» находится знаменитое урочище «Қара сүйір», где также произошло казахско-калмыцкое сражение.
- ¹⁹⁵ *Копейұлы М. Ж.* «Қазақ шежіресі» (Рукописный вариант), с. 35.
- ¹⁹⁶ *Там же*, с. 37.
- ¹⁹⁷ *Валиханов Ч. Ч.* Аблай // Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 4. А., 1985, с. 116.
- ¹⁹⁸ *Валиханов Ч. Ч.* Исторические предания о батырах XV // Собр. соч. в 5-ти т. Т. 1, А., 1984, с. 216–222.
- ¹⁹⁹ *Халид К.* Указ. работа, с. 105.
- ²⁰⁰ *Копейұлы М. Ж.* Казак шежіресі (рукописный вариант), с. 71.
- ²⁰¹ *Копейұлы М. Ж.* Казак шежіресі (Рукописный вариант), с. 23.
- ²⁰² *Там же*, с. 27.
- ²⁰³ *Құдайбердыұлы Ш.* Указ. работа, с. 56.
- ²⁰⁴ *Копейұлы Ш.* Казак шежіресі, с. 61.
- ²⁰⁵ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти томах. Т. 4. А., 1985, с. 113.
- ²⁰⁶ *Абылайхан.* Тарихи жырлар, т. 1. А., 1993, 357 б.
- ²⁰⁷ Посольство к зюнгарскому хунтайджи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии Ивана Умского и путевой журнал его за 1722–1724 гг. Записки ИРГО по отдел. этнографии. СПб., 1887. Т. X. Вып. 2. Разные бумаги ген.-майора А. Тевкелева об Оренбургском крае и киргиз-кайсацких ордах. 1762 г. — «Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских». М., 1852, Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1. СПб., 1882, кн. 2. СПб., 1885.
- ²⁰⁸ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. А., 1961. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. А., 1964.
- ²⁰⁹ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. А., 1960.
- ²¹⁰ Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. М.-Л., 1940.
- ²¹¹ *Рычков Н. П.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г. СПб., 1772. Паллас С. П. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1–3. СПб., 1773–1783. Фальк И. Полное собрание сочинений ценных путешествий по России. Записки академика Фалька. СПб., 1894.
- ²¹² Материалы по истории экспедиций Академии наук в XVIII–XIX вв. Составитель Гкучева Б. Ф. М.-Л., 1940. Труды архива АН СССР.
- ²¹³ Материалы по истории завоевания Туркестанского края. Собранные А. Г. Серебряниковым, т. I–XVIII. СПб., 1917.
- ²¹⁴ Народно-освободительное движение казахов в 1830–1838 гг. (документы, материалы, статьи). А., 1992.
- ²¹⁵ Собрание сочинений, Т. I–IV. А., 1961–1968 гг.
- ²¹⁶ *Алтынсарин И.* Собрание сочинений в трех томах. А., 1975. *Бабаджанов М. С.* Лошадь и их испытание во внутренней орде // Коннозаводство 1871 г., № 5. *Его же.* Коневодство у киргизов // Оренбургский листок 1876, № 48; *Халид К.* Таварих-и Хамса. Казань, 1910; *Султан Джантюрин.* Очерки киргизского коневодства // Журнал коневодства, 1883, № 7. *Его же.* Лучшие породы киргизской лошади-аргамах. Киргизская степная газета, 1888, № 6, *Сейдалин Т.* О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая // ЗООРГО, вып. 1, Казань, 1870 и др.
- ²¹⁷ *Абай Кунанбаев.* Собрание сочинений в одном томе. М., 1954.

²¹⁸ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Воронеж, 1898–1909, т. 1–13.

²¹⁹ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края, проведенный графом К. К. Паленом. СПб., 1911, т. I–II.

²²⁰ Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. СПб., 1911–1916. Т. 1–8.

²²¹ Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1–2.

²²² Сборовский А. Отчет по статистико-экономическому исследованию золотопромышленности Кокчетавского района. СПб., 1908; Коцовский В. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Семипалатинской и Семиреченской областей. СПб., 1904; Павловский В. Оренбургская золотопромышленность за 100 лет, правовые отношения к ней Оренбургского казачьего войска и современное положение золотопромышленности вообще. Екатеринбург, 1905.

²²³ См.: Эсеры во главе расправы с национально-освободительным восстанием // Борьба классов, 1932, № 5; Зорин А. Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г. // Борьба классов, 1932, № 7–8 (Опубликованные два документа: Протокол допроса, произведенный Железняковым от 23 ноября 1916 г. в г. Верном. Докладная подпор. Матвеева о поселении 23 марта 1917 г. рабочих туземцев Туркестана на ст. «Сортировочная» Петроградской железной дороги).

²²⁴ Чакалинский И. А. Литература по вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 г. (Библиографическая заметка) // Записки Среднеазиатского отдела Об-ва изучения Казахстана, 1929, т. I. Вып. 18; Асфендияров С. Д. Указатель литературы по истории восстания 1916 г. // Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Ленинград, А.- М., 1936.

²²⁵ К истории восстания киргиз в 1916 г. (предисл. А. Чулошникова) // Красный архив, 1926, № 3; Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный Архив, 1929, № 3; Отрывки из дневника Куропаткина о восстании 1916 г. // Красный Архив, 1929, т. 34.

²²⁶ Восстание 1916 г. в Казахстане. Сб. воспоминаний и материалов. Сост. С. Шарипов, Ш. Шафири, С. Брайнин. А., 1937; Восстание в Киргизстане: Документы и материалы. Собр. Л. В. Лесной. Под ред. Т. Рыскулова. М., 1937. Восстание в 1916 г. в Туркестане. Документы и материалы. Ашхабад, 1938.

²²⁷ Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

²²⁸ Восстание 1916 г. в Казахстане: Документы и материалы. А., 1947. Революционное движение в Казахстане 1905–1907 гг. Сб. документов и материалов. А., 1955; Рабочее и аграрное движение в Казахстане 1907–1914 гг. Сб. документов и материалов. А., 1955; Победа Великой Октябрьской Социалистической революции в Казахстане. 1917–1918 гг. Сб. документов и материалов. А., 1957.

²²⁹ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М., 1960.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

**КАЗАХСТАН НАКАНУНЕ И
В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ
К РОССИИ**

Глава первая

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

1. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА. ПРИХОД К ВЛАСТИ АБУЛХАИР-ХАНА

В первой четверти XVIII в. наиболее значительная часть казахских родоплеменных структур концентрировалась в южной, центральной и северо-восточной частях региона. Зимние пастбища казахов Старшего жуза находились в песках Южного Прибалхашья, Мойынкума, в долинах рек Или, Чу и Талас, а летние — на северных отрогах Тянь-Шаня и хребта Каратау. На юге региона кочевья Старшего жуза простирались в долинах рек Чирчик и Арысь вплоть до северо-западной части Ферганской долины, включая г. Ташкент и прилегающие к нему города и оседло-земледельческие селения и граничили у Сырдарьи с Бухарским ханством, а его северные пределы, проходившие по территории Жетысу, непосредственно смыкались с районами расселения казахов Среднего жуза. Казахи Среднего жуза занимали в тот период обширные пространства Северо-Восточного, Центрального и частично Юго-Восточного Казахстана, границы которых проходили на юге с Джунгарским ханством по р. Сарысу и низовьям р. Чу к бассейну нижнего течения Сырдарьи, отсюда простирались на север по линии Аральское море — Иргиз — Тургай, примыкая на этом участке к восточным кочевьям Младшего жуза; далее шли по притокам Тобола, реке Большой Тургай и озерам в верховьях Тургая, где граничили с кочевьями башкир Сибирской дороги. На севере они продолжались к верховьям Нуры и Ишима, по приишимским степям в направлении к Иртышу, а на востоке — по течению Иртыша до Ямышевского озера и в Тоболо-Иртышском междуречье соприкасались с русскими переселенческими поселками, станицами сибирских казаков и кочевьями барабинских татар. Южнее Ямышевки, в верхнем Прииртышье, казахские роды Среднего жуза вновь имели общую границу с Джунгарским ханством, земельные владения которого доходили здесь до левых притоков Иртыша — Чары, Аягуза и Баканаса.

Земли Младшего жуза были расположены на территории нынешнего Западного Казахстана, простираясь на востоке к кочевьям Среднего жуза, а на юге — к пескам Каракумов и до низовьев Сырдарьи к кочевьям каракалпаков, а также в район г. Туркестана, где соприкасались с племенами Старшего и Среднего жузов. Его летние кочевья располагались по просторам Устюрта, а также по притокам рек Ори, Урала, Илека, Эмбы, Темира,

в регионе Мугоджарских гор, а зимние стоянки - в районе р. Ирғиз, ее притоков и южнее бассейна Ирғиза (пески Тауп) по низовьям Сырдарьи, к западу от Аральского моря (песчаные барханы вплоть до песков Сам), на полуострове Мангыстау, в лощинах Атырау, песках Нарын (к побережью Каспийского моря). Средний жуз занимал Центральный Казахстан, а его летние и зимние стоянки находились по р. Сарысу, в верховьях Ишима, по притокам Тобола, р. Тургай, в регионе Улытауских гор и прилегающих к ним озерам. На западе они граничили с районом расселения волжских калмыков; а ближе к северу — в долинах среднего течения рек Ирғиз, Орь и Илек, — проходили их границы с башкирами Ногайской дороги.¹

Патриархально-общинный строй казахского общества, в основе которого был кочевой образ жизни, оказывал серьезное воздействие на развитие казахского общества, которое постепенно распадалось на группы родов и родоплеменных образований, а их правители стремились обособиться. Страна все больше оказывалась во власти раздора и усобиц. Различные султанские группировки соперничали между собой за преобладание и за захват лучших пастбищных угодий. Распри поддерживались извне. В результате объединительные тенденции замедлялись.

Все звенья, составлявшие структуру жузов, имели сложные генеалогические предания, возводившие их происхождение к одному реальному, либо легендарному предку. По отдельным подсчетам, в конце XVII — начале XVIII вв. в состав всех трех жузов входило около 112 родоплеменных подразделений.² Общая численность составлявшего эти звенья казахского населения определяется большинством исследователей на тот период в пределах 2—3 млн. человек.³

На рубеже XVII—XVIII вв. в казахском обществе усилились интеграционные тенденции, укрепилась ханская власть, стали относительно регулярно созываться собрания представителей трех жузов, на которых обсуждались и решались наиболее актуальные вопросы. В это время сфера политического влияния казахских ханов и султанов распространялась не только на традиционные кочевнические районы, но и на соседние оседло-земледельческие и торгово-ремесленные области по нижнему и среднему течению Сырдарьи, где казахам были подчинены в 1695 г. 32 города и прилегающие к ним местности вместе с Ташкентским оазисом. Жители таких городов, как Ташкент, Сыгнак, Сайрам, Сузак, Аккурған, Отрар, Карнак, Икан, Сауран и др. платили в пользу казахских правителей ежегодную подать деньгами и товарами, а с сельского земледельческого населения взимался ясачный сбор с наличного поголовья коров и овец и хлебная пошлина в размере 1/5, либо 1/10 собранного урожая. В то же время во внутривнутриполитической жизни и в сфере внешних контактов с соседними народами городское население Присырдарьинского региона сохраняло определенную автономию и управлялось местными органами самоуправления, избираемыми из среды торгово-ремесленных слоев жителей и мусульманского духовенства городов.⁴

В условиях военной опасности извне в начале XVIII в. заметно стабилизировалась социально-политическая обстановка и внутри самих казахских жузов, чему в немалой степени способствовали совместные усилия местных родоправителей, султанов и ханов по законодательному регламентированию и внедрению в социальную практику некоторых новых

норм обычного права применительно к тем новым потребностям кочевого общества, которые возникли в результате нарастания военной активности Джунгарского ханства и необходимости мобилизации всех наличных сил для борьбы с внешней экспансией. Большая роль в усилении роли ханской власти, регламентации, частичном обновлении и унификации издавна сложившихся в казахском обществе правовых традиций и норм принадлежала сыну и преемнику хана Жангира Тауке (после 1652—1715), образно названному известным историком А. И. Левшиным «Ликургом» и «Драконом».

Хану Тауке на время удалось преодолеть внутренние междоусобицы, восстановить спокойствие в жузах, тем самым обезопасить кочевья казахских родов от внешних вторжений. Однако борьба за власть и сепаратизм султанов вскоре нарушили единство,⁵ чем незамедлительно воспользовались соседи. С юго-запада совершали набеги волжские калмыки, поддерживаемые яицкими казаками; с севера нападали сибирские казаки; на кочевья за Яиком претендовали башкиры.⁶ С юга казахов теснили правители среднеазиатских ханств (Бухара, Хива). Но наиболее грозная опасность нависла над казахским народом с востока — со стороны сильного и агрессивного Джунгарского ханства.

В условиях кочевого скотоводческого хозяйства необходимо было расширение пастбищ, что влекло за собой передел земельных угодий и поиск новых пастбищ. Наиболее остро в этом нуждалось Джунгарское ханство.

Джунгары стремились закрепить за собой торгово-ремесленные центры и караванные дороги. Для них это было жизненно необходимой мерой.

В период правления Тауке были предприняты важные шаги, направленные на укрепление государственности казахов в целях повышения ее эффективности перед лицом сильных внешних врагов. С именем этого хана устная народная традиция связывает объединение семи малочисленных и слабых родов Младшего жуза в одно поколение жетыру, а уаков и кереев Среднего жуза — в одно племя уак-керей. Эти новации позволили повысить боеспособность казахского ополчения, учитывая, что только крупные племена и роды могли поставлять сильные и хорошо вооруженные отряды на борьбу с неприятелем.

Кроме того, по инициативе Тауке для устранения бесконечных межгрупповых разногласий и конфликтов по поводу земли и воды, советом биев и старейшин были более четко распределены места кочевания разных племен и родов, упорядочено использование родовых тамг внутри родоплеменных подразделений, осуществлены ревизия и частичная регламентация исторически сложившихся в казахском обществе норм обычного права.⁷

Для внутривнутриполитической жизни казахских ханств первой трети XVIII в. характерны периодические объединенные собрания представителей всех трех жузов, созывавшиеся для обсуждения вопросов, требующих общих решений. По разным сведениям, они собирались ежегодно для совещания (маслихата).

Здесь обсуждались вопросы, «где зимовать, где летовать, как достигнуть спокойствия и как воевать».⁸ На совещаниях принимались решения по важнейшим экономическим и политическим вопросам, включая распределение кочевий, порядок перекочевков, разбор межплеменных и межродовых конфликтов, вопросы войны и мира и внешних отношений.

Однако, несмотря на большие индивидуальные усилия, предпринимавшиеся ханом Тауке и его ближайшими соратниками по усилению механизмов концентрации власти и политической консолидации казахских племен, развитие интеграционных процессов у казахов в силу кочевого образа жизни, его геополитического положения и специфики общественных отношений, не привело к значительным результатам его деятельности и политики. Поэтому, уже в последние годы жизни Тауке, а особенно после его смерти, в казахском обществе вновь усилились центробежные тенденции, и его ближайшим преемникам все труднее было сдерживать сепаратистские стремления других ханов и султанов.

К середине второго десятилетия XVIII в. непрерывное нарастание вооруженных столкновений казахов с их западными, северными и особенно юго-восточными соседями и продиктованная ими необходимость организованного отпора военной агрессии одновременно в нескольких значительно удаленных друг от друга географических районах, обусловили постепенное складывание на территории Казахстана ряда крупных военно-политических центров, правители которых активно стремились расширить социально-территориальные масштабы собственного влияния на казахов и стать полностью независимыми от ослабевшего старшего хана.

Так, еще при жизни престарелого Тауке небольшая часть казахских родов Младшего жуза и некоторые племенные подразделения кочевников Среднего жуза избрали своим ханом султана Каипа (ум. в 1717 г.),⁹ отпрыска одной из старших династий местных джучидов, занимавших в течение двух последних веков лидирующие политические позиции среди казахского населения. Подобный выбор не удовлетворил казахских старшин Младшего жуза, которые в 1710 г., собравшись для совета в Приаральских Каракумах, провозгласили своим ханом в нарушение степной традиции и в силу чрезвычайных обстоятельств молодого султана Абулхайра (ум. в 1748 г.), представителя другой султанской фамилии, предки которого никогда прежде не избирались в казахские ханы.¹⁰ Приблизительно в это же время многие социальные группы племени конрат и большинство родов найманов Среднего жуза признали над собой власть представителя другой старшей фамилии казахских султанов — хана Турсуна (ум. в 1717 г.).¹¹ В кочевьях Старшего жуза во главе казахских родов и племен поочередно находились в первые два десятилетия XVIII в. ханы Иман (конец XVII — первые годы XVIII вв.), Рустем (ум. в 1712 г.) и Абдулла (ум. ок. 1719 г.), которые владели также Ташкентом и прилегающими к нему городами.¹² Помимо вышеназванных ханов в источниках упоминаются имена и некоторых других правящих джучидов, но каких-либо конкретных и относительно достоверных сведений об их правлении не обнаружено.

Племенами Старшего жуза стал управлять, приблизительно с 1720 г., сын Абдуллы Жолбарыс-хан (ок. 1690—1740), имевший свою постоянную резиденцию, как и его отец, в г. Ташкенте, а пастбищные места — на юге региона, в долинах рек Чирчик и Арысь, а также в местности между Ташкентом и Туркестаном.¹³

На территории Среднего жуза после Тауке некоторое время правил его старший сын хан Болат (ок. 1715—ок. 1724 гг.),¹⁴ а приблизительно со времени Отечественной войны власть в его пределах делили между собой родной брат Болат хан Семеке (ок. 1724 — ок. 1738 гг.), под управлением которого находились некоторые роды найманов, кыпчаки и часть аргынов,¹⁵

и сын вышеупомянутого хана Турсуна хан Кушик (ок. 1718 — ок. 1750 гг.), возглавлявший казахский род садыр племени найман и кочевавший в южных приграничных районах по Каратауским горам, между реками Талас и Арысь, на границе с Джунгарским ханством возле г. Сайрама.¹⁶

Помимо всех перечисленных лиц, обладавших титулом хана, в 20-х гг. XVIII в. большим политическим влиянием в степи пользовались также некоторые султаны Среднего и Младшего жузов. К числу последних следует отнести второго сына хана Турсуна одного из тогдашних казахских правителей, султана Барака (ум. в 1750 г.), под управлением которого находились большинство родов найманов и часть конратов;¹⁷ сына хана Болата султана Абулмамбета (1739—1771 гг.), возглавлявшего большинство родовых подразделений племени аргын и некоторые социальные группы племен найманов и конратов;¹⁸ юного сына султана Уали султана Абылая (1711-1781), управлявшего большим родом атыгай в структуре аргынов,¹⁹ сына хана Каипа султана Батыра (ум. в 1771 г.), находившегося во главе некоторых родоплеменных групп алшынов.²⁰ Одновременно с приходом к власти в южных казахских землях и центральных регионах степи всех вышеупомянутых ханов и султанов, на территории Западного Казахстана быстро укреплял свои позиции хан Абулхайр, которому уже тогда было подвластно большинство родов Младшего жуза. Первоначальное возвышение и избрание его в ханы происходило в условиях быстро нараставшей военной конфронтации казахов с джунгарами, волжскими калмыками и башкирами. В военных действиях против джунгар Абулхайр показал себя талантливым полководцем, организатором всенародного отпора врагу. Он сумел за короткое время привлечь на свою сторону таких сильных и влиятельных батыров Младшего и Среднего жузов, как Буkenбай (ум. в 1741 г.), Есет и Жаныбек (ум. в 1751 г.), и занял положение наиболее авторитетного хана в Казахстане. И, естественно, именно ему, как правителю Младшего жуза, который был подвергнут меньшему опустошению со стороны военных сил Джунгарского ханства, будет в дальнейшем принадлежать главенствующая роль в общеказахском сопротивлении джунгарам в 20—30-х гг. XVIII в.

В течение трех первых лет после смерти Тауке на роль политического лидера казахской аристократической элиты официально претендовал хан Каип, принадлежавший к потомкам Жадика или старшей ветви казахских чингизидов. Подобно своему предшественнику Тауке-хану, он проживал в древней резиденции казахских правителей — Туркестане. Однако реальное положение этого хана, не имевшего сколько-нибудь солидной социальной опоры в виде относительно сплоченной и многочисленной группы казахских родов и племен, оказалось очень неустойчивым, и в 1718 г. в борьбе за власть он был убит соперниками из Среднего жуза.²¹

Исчезновение с политической арены хана Каипа и последовавшие затем драматические события крупномасштабной борьбы казахов с джунгарской военной агрессией выдвинули в Казахстане на первый план сложную фигуру хана Младшего жуза Абулхайра.

За время ойрато-казахской войны 1723—1729 гг. Абулхайр сумел существенно расширить границы своего политического влияния на территории Казахстана и добиться лидирующей роли в военно-политической жизни казахских племен. В 1730—1731 гг. фактический социальный статус

Абулхаира в казахских жузах соответствовал званию «старшего» или «главного хана», что стало возможным благодаря, главным образом, поддержке, оказываемой ему на протяжении многих лет большой группой казахских батыров и частью влиятельных биев и султанов. По словам знатного батыра и старшины рода табын Букенбая, «после Тауке-хана Абулхаир-хан был главным и много чинил по своей воле, не имея ни от кого препятствия». Примерно так же характеризовал политическую роль Абулхаира российский посол в Младшем жузе А. И. Тевкелев, когда писал в 1731 г. в первом рапорте русской императрице, что до его приезда в казахскую степь Абулхаир был у казахов «между прочими ханами ... в великом почтении». В другом рапорте, составленном год спустя, весной 1733 г., он вновь

Хан Абулхаир.

утверждал, что над всей казахской знатью «первенство имеет вышеозначенный Абулхаир хан», который в то же время «без согласия прочих ханов и султанов один собою» никаких действий предпринимать не может.²² Как о «главном и знатном хане, который на все семь сторон ответ собою давал и всей орде кочевать место распространял» говорили через пятнадцать лет после указанных событий на собрании народных представителей Младшего и Среднего жузов знатный батыр Жаныбек и знаменитый Казыбек-би, шомакеевского рода — Жаилган-би, ряд биев и батыров алшынского союза племен и многие другие влиятельные лица Казахстана.²³ Все эти свидетельства современников убеждают в том, что в конце 20-х—начале 30-х гг. XVIII в. самой крупной и влиятельной политической фигурой в Казахстане был хан Младшего жуза Абулхаир и, судя по отдельным документальным материалам, с его суждениями и поступками вынуждены были в той или иной степени считаться все остальные казахские ханы и султаны.

Абулхаир своевременно осознал, что сложившаяся к тому времени в Казахстане система власти и управления была неспособна обеспечить политическое влияние хана на отдельные группы населения в исторической перспективе, непрерывно поддерживать согласованность военных, и тем более политических, действий предводителей казахских племен и гарантировать высокую степень управляемости различными звеньями социальной организации казахов со стороны хана.

Проблемы укрепления единства внутри жузов, как известно, вызывали и раньше стремление самых авторитетных и дальновидных казахских ханов (Касым, Есим, Тауке) преодолеть сепаратизм старшин- родоприводителей и влиятельных султанов. Отсюда позднее появились в исторических реминисценциях казахского народа известные выражения «Касым ханның каска жолы» («Столбовая дорога хана Касыма») и «Есім ханның ескі жолы» («Проторенная дорога хана Есима»), а применительно ко времени Тауке — «Қой үстінде бозторғай жұмыртқалаған» («На спине овцы жаворонки клали яйца»), которые понимались в смысле создания усло-

вий, содействовавших достижению народного благополучия и военных успехов казахов в годы правления названных ханов.²⁴

Подобно своим именитым предшественникам, Абулхаир также стоял перед традиционной альтернативой — либо, повинуясь логике жизненных обстоятельств, неизбежно утратить приобретенную в кровопролитных сражениях реальную власть, либо же настойчиво бороться за ее устойчивость. Как и в случаях с предыдущими ханами, — Касымом, Есимом, Тауке, Каипом, — он предпочел избрать второй вариант и в связи с этим предпринял энергичный поиск оптимальных путей и средств приумножения своих властных полномочий.

Политическая программа хана Младшего жуза отчетливо просматривается в его многочисленных посланиях к русским властям и протокольных записях личных бесед с царскими чиновниками в 30–40-е годы XVIII в.²⁵ Центральным пунктом ее явилось стремление Абулхаира сконцентрировать всю полноту власти в казахских жузах в одном звене, в лице так называемого «старшего» или «главного» хана. Последнего предполагалось наделить правом решать все внутренние и внешнеполитические вопросы без санкции ханского совета и собрания казахских родоначальников и биев, а его решения становились бы обязательными для всех старшин, султанов и прочих ханов. Реализацию приобретенных властных полномочий старший хан обеспечивал за счет создания в нескольких географических точках степи стационарных укрепленных пунктов, где предполагалось содержать небольшие контингенты профессиональных войск, используемых для обороны от внешних неприятелей и в других целях. Чтобы сделать социальное положение хана более устойчивым и избавить его от опасности устранения от власти насильственным путем, Абулхаир считал необходимым изменить порядок престолонаследия. В интересах обеспечения стабильности правления того или иного хана и устранения почвы для бесконечных междоусобных ссор, процедуру передачи ханского титула, следовало, по его представлению, изъять из компетенции народных собраний, отменить принцип выборности ханов и сделать ханскую власть наследственной в рамках строго очерченного чингизидского корня. С этой целью он считал необходимым законодательно закрепить титул хана только за одной султанской фамилией и внутри нее передавать данный символ верховной власти преимущественно по прямой линии, от отца к сыну и т.д.

Посредством планируемых преобразований хан Абулхаир предполагал создать такую государственную систему, которая могла бы обеспечить высокую степень управляемости кочевым населением со стороны правящего монарха, способность общества эффективно противостоять военной агрессии сильных соседей.

Как любой авторитетный политический лидер, и к тому же наделенный огромным честолюбием человек, Абулхаир, естественно, видел на месте воображаемого им самодержавного казахского хана исключительно собственную персону и, никак иначе чем «старшим», «главным» или просто «казахским» ханом в переписке с царской пограничной администрацией себя не именовал. По этому поводу царский чиновник А. И. Тевкелев в одном из своих первых донесений русской императрице из Казахской степи справедливо заметил, что хан Младшего жуза настойчиво стремился распространить свое господство на все казахское население региона, и при

этом желал «оную орду в наибольшую власть свою взять не так, как предки его оною владели, почитая их непослушание себе в озлобление». В другом официальном послании в Петербург он еще раз подчеркнул эту мысль, указав, что Абулхаир-хан желает, чтоб «...быть ему самовластным, и дети б его по нем были наследники».²⁶ Отсюда видно, что для внутривластической стратегии Абулхаира был характерен симбиоз правильно понятых им общенародных интересов и потребностей, сводившихся к созданию более централизованной системы управления кочевым обществом и наиболее полно отвечавшей его собственным властолюбивым амбициям, которые возникли на почве приобретенного ханом в боевых сражениях военного лидерства и желания извлечь из достигнутого успеха максимальные политические выгоды лично для себя и для всей своей династической фамилии.

При этом необходимо заметить, что известный тезис о стремлении Абулхаира и жадиловских чингизидов к «усилению династической власти» и обострению на этой почве борьбы «за власть» не совсем точно отражает действительную историческую ситуацию и выступает в исторической литературе как простое столкновение почти или полностью идентичных политических интересов и мотивов. Между тем, честолюбивые замыслы Абулхаира по своей сущности сильно отличались от честолюбивых претензий султанов Батыра, Барака и других претендентов на ханскую «честь».

В противоположность ценностным ориентирам Батыра и других чингизидов, желавших стать ханами в казахских жузах, либо уже ставших обладателями ханского титула, Абулхаир считал для себя «бесчестьем» такое положение, когда «он, хан, только имя носит ханское, а воли над подданными ни ханской не имеет», и предпочитал ради этой желанной «воли» подвергнуть свою жизнь смертельной опасности, «нежели страшно живот терпеть». Таким образом, основное различие между «властолюбивыми» амбициями хана Младшего жуза и его противников из лагеря жадиловских султанов заключалось в том, что политические интересы последних базировались на традиционных представлениях о самооценности «ханского имени» — уважение, общественное признание, престиж, почет и т.д., тогда как Абулхаир стремился перевести этот высший символ социальной иерархии из сферы компетенции обычного права в область публичного государственного права и наполнить свой ханский титул реальной властью.

Однако такой сценарий развития событий совершенно не устраивал подавляющее большинство других представителей казахской аристократической элиты, т.к., во-первых, присвоение старшим ханом всей полноты властных полномочий влекло за собой на практике ограничение их собственной власти в решении разного рода внутри- и внешнеполитических вопросов, и, во-вторых, потому что многие из этих чингизидов не желали усиления личной власти именно Абулхаира. В лице последнего султаны Батыр, Барак, Абулмамбет и некоторые другие видели прежде всего удачливого «выскочку» из худородной, малознатной и совершенно невлиятельной в недавнем прошлом султанской фамилии, представители которой раньше никогда не поднимались на белой кошке.²⁷

Еще меньше были намерены считаться с политическими планами хана Младшего жуза казахские правители, значительная часть которых была представлена биями. Представители этой социальной группы в соответствии с традициями обычного права играли видную роль в народных соб-

раниях и совещательном органе при хане. Кроме того все бии, как особое сословие, в силу специфики социальных отношений в кочевом обществе обладали наиболее мощными рычагами влияния на казахское население.²⁸

В итоге все это привело Абулхаира к поиску потенциальных союзников и покровителей за пределами казахской степи. Поскольку же в сложившейся внутри- и внешнеполитической ситуации имело смысл обратиться только к самой сильной и авторитетной на евроазиатском пространстве державе, имевшей помимо военной силы устойчивую традицию монархического режима, то, естественно, вектор геополитической ориентации хана Абулхаира обратился на рубеже 20–30-х годов XVIII в. в сторону соседней Российской империи.

2. КАЗАХСКО-ОЙРАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В первые десятилетия XVIII в. под влиянием различных внешнеполитических обстоятельств казахские ханства оказались в чрезвычайно сложном международном положении. Этому предшествовало обострение социально-экономической и политической обстановки на юго-востоке России и внутри среднеазиатских стран, обусловленное перемещением мировых торговых коммуникаций с территории континента в бассейн Атлантики и интенсивным развитием военно-политической экспансии Российского государства на юго-востоке Европы и в Сибири, в Цинской империи — в Центральной Азии. В ходе встречного движения в географическом пространстве обеих имперских государственных систем и которое развивалось на фоне утраты кочевниками их прежнего приоритетного положения в культурно-исторических контактах между Востоком и Западом, происходило постепенное вытеснение кочевых племен и народов с торговых путей, сокращение номадизма в Евразии и смещение традиционных путей и маршрутов кочевания. Эти геополитические процессы повлекли за собой усиление интенсивности взаимных конфликтов между кочевыми народами по поводу пастбищных мест и свободного доступа к торговым центрам близлежащих территорий. На данной основе возник новый виток военной конфронтации в международной сфере, охвативший в первой трети XVIII в. все пространство южной части Поволжья, Приуралья, Западной Сибири и соседних регионов Центральной Азии.

Сложные взаимоотношения существовали у казахов с начала XVIII в. с соседними волжскими калмыками, которые в то время также находились под властью России.

Конец XVII — первая половина XVIII вв. были временем развития интеграционных тенденций среди калмыцких племен и укрепления международных позиций калмыцкого хана на территории Евразии. Этому способствовал приход к власти на территории Калмыкии в 1669 г. умного, энергичного и властолюбивого сына хана Мончака Аюки (1646–1724), который начал активную борьбу с сепаратизмом местных тайджи за воссоздание на новых территориях объединенного Калмыцкого ханства.

Вступив в управление, он за короткое время подчинил себе всех правителей улусов, кочевавших в низовьях Волги, а вслед за тем «от Далай-ламы ... первым испросил себе около 1690 года титул ханской», который

и был предоставлен ему вместе с ханской печатью в том же году главой ламаистской церкви Тибета.²⁹

В первом десятилетии XVIII в. престиж Аюки заметно укрепился и внутри Российской империи. Начиная с 90-х гг. XVII в., калмыцкий хан постоянно поставлял по требованию царского правительства вооруженные отряды калмыков для военной кампании России против ее неприятелей. Благодаря этой военной поддержке и высоким боевым качествам калмыцкой конницы, проявившимся во многих сражениях, калмыцкий хан вошел в доверие к царю и между ними установились тесные отношения.³⁰

В 1697 г. Петр I, отправляясь в Европу, официально возложил на Аюку охрану юго-восточных рубежей России от набегов соседних кочевых народов.³¹ Свое новое привилегированное положение калмыцкий хан с успехом использовал в собственных интересах, которые далеко не во всем совпадали со стратегическими интересами империи. С этого времени Аюка оставил народы Южного Урала и Поволжья в покое и направил свою энергию на борьбу с кубанскими, казахскими и хивинскими правителями, которые не находились в российском подданстве. «Желая соблюдение договора с Россией согласить с удовлетворением своей склонности к хищничеству, — писал известный синолог Н. Я. Бичурин, — он обратил свое оружие за Урал на киргиз-кайсаков, которых бесщадно ограбил и сверх того покорил своей власти маньмалакских туркменцев».³² Однако царские власти, заинтересованные в калмыцкой военной силе, сквозь пальцы смотрели на многие поступки Аюки, связанные с его стремлением поднять свой престиж за пределами России.

В результате многочисленных военных набегов на казахов, башкир, туркменов и каракалпакков хан Аюка смог в начале XVIII в. значительно укрепить положение Калмыцкого ханства и распространить свое влияние на соседние регионы.

Главным источником дестабилизации внутри- и внешнеполитической обстановки на всем пространстве региона был в тот период юго-восточный сосед Казахстана — кочевая империя западных монголов или ойратов — Джунгарское ханство.

Активизация военной экспансии Джунгарского ханства в направлении казахских кочевий была в значительной мере связана со сменой власти в Урге и вступлением на джунгарский престол молодого и энергичного правителя Цэван-Рабдана (1663–1727), племянника погибшего в 1697 г. в войне с Цинами Галдана Бошокту-хана (1670–1697). За короткий срок он сумел восстановить прежний военно-политический потенциал Джунгарского ханства и расширить подвластную ему территорию в Центральной Азии. Осторожная политика по отношению к могущественной «Поднебесной империи» позволила Цэван-Рабдану избежать на протяжении двадцати лет военной конфронтации с маньчжурской династией, а выигранное время использовать для сосредоточения сил против соседних кочевых и оседло-земледельческих народов на северо-западе Джунгарии.

Особое место в притязаниях джунгарских ханов на соседние территории Центральной Азии занимали южные земли Казахстана, издавна привлекавшие к себе внимание ойратских тайджи. Завоевание Жетысу и Присырдарьинского региона обеспечивало ойратским правителям, наряду с поступлением новых податей, стратегический контроль над одним

из важнейших перекрестков торговых путей, связывавших Джунгарию с Европейской Россией и Сибирью, а также позволяло укрепить северные рубежи Джунгарского ханства за счет создания на пространствах завоеванных оседло-земледельческих территорий своего рода буферной зоны, которая должна была отделить кочевья западных монголов или ойратов от местобитания казахских родов и племен.

Организация джунгарскими правителями глубоких рейдов в Казахскую степь, угон скота, захват пленных, разорение кочевых аулов, а также установление ойратского контроля над близлежащими торгово-ремесленными пунктами и торговыми путями в среднеазиатские страны способствовали значительному ухудшению социально-экономической обстановки в кочевьях казахских жузов. Стремясь обеспечить себе беспрепятственный доступ к плодородным пастбищам Волго-Уральского региона и юго-западной Сибири, а также по возможности восполнить понесенные значительные материальные потери, казахские правители предприняли ряд новых вторжений в северные приграничные области Российской империи, где они захватывали скот, сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия у местного населения, брали в плен уральских и сибирских казаков, калмыков, русских крестьян и продавали их в Хиву. С 1709 по 1714 гг. отряды казахских джигитов несколько раз нападали на крупные казачьи обозы с хлебом и рыбой, направлявшиеся из Поволжья в Яицкий городок. Во время этих нападений происходили кровавые стычки, захват людей, угон лошадей.³³

В 1719 г., используя благоприятную ситуацию, когда все силы Джунгарского ханства были брошены на отражение очередного наступления цинских войск, казахские правители осуществили в 1720 г. ряд вторжений и в джунгарские приграничные кочевья. В ходе этих набегов три тысячи ойратов были захвачены в плен.

Между тем, в конце 1722 г., в обстановке начавшегося перемирия между маньчжурскими правителями и Угрой, джунгарский правитель решил нанести новый мощный удар по населению Казахстана и приступил к подготовке крупного вторжения в казахские земли и Среднюю Азию.

Спланированный завоевательный поход был осуществлен несколько месяцев спустя, в начале весны, поэтому 1723 год вошел в историю казахского народа как год Великого бедствия.

О серьезности положения, создавшегося в калмыцких улусах, свидетельствует отправление ханом Аюкой в конце августа 1723 г. своего посланника Куцыгуша к Абулхаиру для переговоров о мире. Калмыцкий посол встретил хана Младшего жуза на р.Темир во главе объединенного казахско-каракалпакского войска численностью около 15 тыс. человек. При встрече Абулхаир заявил, что «идет ... де он воеватца с калмыками и с русскими. А будет с ним орда тысяч сорок».

Интересно, что незадолго до этих событий к хану Аюке прибыл джунгарский посол от Цэван-Рабдана с предложением о совместных военных действиях против казахов. Аюка стал просить у царского правительства регулярных войск, но русские власти отказали ему в этой просьбе и не рекомендовали хану ввязываться в войну между джунгарами и казахами.³⁴ Тем не менее, намерения джунгарского хунтайджи заключить военный союз с Аюкой, по всей вероятности, стали известны Абулхаиру, и поэтому

уже в начале сентября 1723 г. он во главе двадцатитысячного войска казахов и каракалпаков совершил упреждающий поход в кочевья волжских калмыков.

Появление Абулхаира в районе Яика с крупными воинскими силами вызвало большую панику среди волжских калмыков. Калмыцкие тайджи настойчиво просили у астраханского губернатора прислать российской войска. В ответ на эти просьбы губернатор А. П. Волинский сделал необходимые распоряжения, но военная помощь уже реально ничего изменить не могла. Вскоре были получены известия, что войска Абулхаира наголову разбили улусы тайджи Лекбая, состоявшие из двух тысяч кибиток, захватили большое количество скота и пленных.³⁵

Обеспокоенное стремительным продвижением казахов к Яику, царское правительство 12 декабря 1723 г. направило хану волжских калмыков Аюке грамоту с требованием оказать помощь местным русским властям в отражении наступления совместных казахских и каракалпакских отрядов. «Киргиз-кайсаки и каракалпаки, собрав сорока тысяч человек идут под нашего императорского величества города и под твои, подданного нашего, улусы, войною и для разорения сел и деревень ... тебе, подданному нашему, о препятствии их дабы до разорения наших городов и уездов их не допускать».³⁶ Соединенными войсками Аюки и тайджи Досанга удалось задержать дальнейшее продвижение казахов и каракалпаков к Яику, но на этом военные столкновения между казахскими воинскими дружинами и калмыками не прекратились.

Одновременно с продвижением части казахских родов Младшего жуза в северо-западном направлении к Яику другая группа родов Младшего жуза и многие роды Среднего жуза устремились на север, до рек Орь, Уй, Илек и Тобол, продвинувшись к Уральским горам, где казахи потеснили кочевавших там башкир Ногайской и Сибирской дорог. Некоторые казахские роды устремились на северо-восток региона и перешли на правый берег Иртыша в районе Железинской крепости во многих местах.³⁷ В результате вторжения казахских отрядов в башкирские кочевья и на территорию расселения сибирских казахов начались кровавые стычки между казахами, башкирами и сибирскими казаками по поводу пастбищных мест, сопровождавшиеся угоном скота и захватом пленных.

Между тем, Абулхаир, обезопасив на время казахский тыл от возможных ударов волжских калмыков, стремительно развернул свои войска на юг и, прорвавшись в присырдарьинские степи через плотный заслон из джунгарских военных аванпостов, в начале 1724 г. подошел к Туркестану, приступом взял его и в течение года удерживал город под своим контролем. Однако, ввиду очевидного превосходства джунгар в военной силе, Абулхаир был вынужден в начале 1725 г. оставить Туркестан, Ташкент и некоторые другие присырдарьинские города, которые вслед за тем были вновь захвачены джунгарскими войсками.³⁸ Казахи оказались полностью отрезанными от восточных рынков и городских ремесленных центров Средней Азии. Непосредственным результатом этого завоевания было то, что на запад и север Казахстана хлынула новая волна казахских беженцев.

Зимой 1725 г., в Астраханскую губернскую канцелярию стали поступать тревожные сообщения калмыцких тайджей о продвижении многочисленных отрядов казахов к Эмбе, Илеку и Яику. В течение последую-

щих месяцев роды Младшего и Среднего жузов заполнили практически все пространство степей, прилегавших к Яику и смежные с ним территории в направлении к востоку, где располагались кочевья башкир. В результате этих миграций чрезвычайно осложнилась обстановка на юге Сибири и в междуречье Волги и Яика. Приехавший в конце 1725 г. в Петербург с южного Урала казачий атаман одной из станиц Арапов с товарищами, просил у царского правительства разрешения основать новое поселение яицких казаков выше Яицкого городка при устье Сакмары, где, по его словам, «переправляются и ходят в Россию неприятельские каракалпаки и киргиз-казаки и ближним к тому месту городам причиняют большое разорение и людей в полон забирают». Сообщения Арапова и других курьеров с Южного Урала вызвали немалую тревогу в правительственных кругах.

15 декабря в апартаментах императрицы Екатерины собрался тайный совет по иностранным делам в составе А.Д. Меншикова, Ф.М. Апраксина, А.Г. Головкина, И.А.Толстого, А.И.Остермана и П.И. Ягужинского. Присутствовавшие читали последнее донесение А.П. Вольнского о приближении казахов и каракалпаков к Яику и об их намерении ударить по российским подданным — волжским калмыкам. Дальнейший ход событий на Южном Урале во многом подтвердил эти опасения.

Осенью 1726 г. отряды казахских жигитов общей численностью около 10 тыс. человек во главе с ханом Абулхаиром, ханом Среднего жуза Семеке, султанами Есимом и Бараком совершили поход на улусы калмыцкого тайджи Лобжи Назарова, который вылился в крупное кровопролитное сражение между казахами и объединенными войсками тайджей Доржи и Лобжи Назаровых и Дондука Омбо. Сначала успех был на стороне войск Абулхаира, которые «улус Лобжи разорили, людей, сколько могли застать, побили, а жен их и детей и весь скот взяли в добычу». Но на подступах к Яику казахские отряды были атакованы численно превосходившими их силами волжских калмыков, нападавших одновременно с трех сторон. После четырехдневной осады казахского войска отрядами калмыков стороны заключили перемирие. Казахские ханы и султаны дали обещание калмыцким тайджам «на них, калмык, нападений и воровских набегов не чинить» и предоставили в залог верности взятых на себя обязательств 60 аманатов.³⁹

3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ

Становление казахского направления восточной политики Петра I совпало по времени с переосмыслением в русском обществе исторической роли России на международной арене и оформлением имперской доктрины. Мировоззренческой основой ее явилась эклектическая компиляция идей из арсенала европейских рационалистических теорий (Г. Гроций, Т. Гоббс, Б. Спиноза, С. Пуффендорф и т.д.) и средневековой идеологии российских официальных кругов, опиравшихся на традиции Московского царства.

В основе имперского сознания находилась убежденность в праве России — «наследницы» Византии и Римской империи — распоряжаться как на основе «божественного», так и «естественного права», судьбами других народов. В полном согласии со средневековой официальной доктриной полагалось, что могущество государства и слава правящего монарха опре-

деляются размерами подвластной ему территории и количеством подданных, а приобретение последних является естественным результатом победы на поле брани, либо же сложных комбинаций дипломатической борьбы. Исходя из этого представления, Петр I, находясь некоторое время в Астрахани, выразил желание о приведении в российское подданство «издревле слышимых и в тогдaшнее время почти неизвестных обширных киргиз-кайсацких орд», и рекомендовал А. И. Тевкелеву, выполнявшему обязанности переводчика в этом походе, «стараться..., несмотря на великие издержки, хотя бы до миллиона держать, но токмо, чтоб только одним листом под протекцию Российской империи быть обязались».⁴⁰

Вместе с тем, ускорение динамики развития русско-казахских отношений и углубление их содержания определялись в тот период далеко не только стратегическими интересами и целями внешней политики России, но и динамикой развития всей системы международных отношений, прозрачностью и непрерывностью межрегиональных географических границ (равнинный рельеф земной поверхности и отсутствие разделяющих ее высокогорных хребтов в срединной части Евразии), военно-политическим могуществом Российской державы как одного из факторов ее международного престижа и международного влияния в евразийском мире, а, следовательно, и пониманием приоритетности торгово-экономических, военно-стратегических и политических связей с северным соседом в правящих кругах Казахстана, развитием тенденции сближения политических лидеров казахского общества с Россией.

В течение длительного исторического времени важное место в развитии взаимосвязей русских людей с кочевым населением Казахстана занимала торговля. После установления власти России над Казанским и Астраханским ханствами и завоеванием Сибири установились сразу два важных торговых пути в Азию: Камский — из среднего Поволжья в Сибирь и далее — в Среднюю Азию; и Юго-Восточный — по нижней Волге, в направлении Яика и Каспия, на п-ов Мангыстау и в ханства Средней Азии. По данным таможенных ведомств некоторых торгово-административных центров Сибири, в 1655—1670 гг. в Тобольск прибывало через казахские степи из среднеазиатских городов ежегодно по 4 каравана, в 1670—1672 гг. — по два, а в последующие годы — по одному. Тару посещали в XVII в. в среднем не более одного каравана в год, в отдельные годы — два, а в 1645/46 гг. — три каравана.⁴¹ Однако, в целом, русско-среднеазиатская транзитная торговля через казахские степи развивалась в XVI — начале XVIII вв. очень неравномерно, что было обусловлено многими внутри- и внешнеполитическими обстоятельствами.

Серьезными препятствиями развитию непосредственной русско-казахской и транзитной русско-среднеазиатской торговли через казахские степи стали в последней четверти XVII — первой трети XVIII вв. обострившиеся политические взаимоотношения казахов с ийцкими казаками, волжскими калмыками и башкирами, а также резко участвовавшие военные вторжения джунгар на территорию Среднего и Старшего жузов. В результате превращения северных и южных приграничных регионов Казахстана в арену почти непрерывных столкновений казахов с кочевыми соседями, торговые связи казахских родов и племен с Россией в тот период были фактически полностью парализованы, а торговые караваны отправлялись из Поволжья и Сибири в разные страны Центральной Азии (Джунгарию, среднеазиатские ханства) и из них в обратном направлении только через

джунгарские владения в Прииртышье и районы Горного Алтая, минуя казахские кочевья трех жузов.⁴² Развитие внешних торговых контактов казахов с европейскими народами и регионами России осложнялось в первой трети XVIII в. также важными культурно-историческими последствиями великих географических открытий прошлых веков, вызвавших перемещение мирового центра трансконтинентальных торговых коммуникаций из Средиземноморья в бассейн Атлантики и смещение акцентов в мировом товарообороте от внутриконтинентальной на морскую межконтинентальную торговлю. Вследствие этих глобальных геоэкономических изменений интенсивность движения товарных потоков из европейской части Евразии в страны Среднего Востока по традиционным сухопутным маршрутам Великого Шелкового пути и другим менее крупным торговым трассам резко ослабла, а приток новых промышленно-ремесленных изделий и технологий в центральные кочевые регионы континента сократился до минимума.

Снижение до минимума трансконтинентального значения традиционных торговых путей и маршрутов на территории Казахстана и результаты многократных вторжений джунгар в Присырдарьинский регион сказались, в частности, в том, что к началу 30-х гг. XVIII в. международная торговля на юге казахстанских степей фактически прекратилась, некогда процветавшие южные города края (Туркестан, Сайрам, Сауран и др.) превратились в малонаселенные городские центры, имевшие только локальное торгово-экономическое значение; большинство из них со временем приобрели преимущественно аграрный облик. В то же время поступающие из соседних азиатских стран на присырдарьинские и среднеазиатские рынки сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия, ввиду их относительной малочисленности и ограниченного ассортимента, были не в состоянии удовлетворить возросшие потребительские запросы кочевого населения, а доступ казахов к более крупным и товароемким рынкам Приуралья, Нижнего Поволжья и Западной Сибири осложнялся для них наличием русских укрепленных линий, а также напряженной военно-политической обстановкой в Волжско-Уральском регионе и на юге Сибири.

Стремление кочевников преодолеть негативные для них последствия отмеченных изменений в торгово-экономической сфере путем насильственного изъятия части необходимых продуктов и изделий у соседнего оседло-земледельческого населения, объективно приводило к возрастанию пограничных конфликтов казахов с народами, находившимися в российском подданстве. Именно в контексте данной ситуации следует, по-видимому, рассматривать многочисленные сообщения очевидцев о возросшей интенсивности вооруженных столкновений казахов с башкирами, калмыками, уральскими и сибирскими казаками на разных приграничных участках геополитического пространства Казахстана.⁴³

В конце XVII — начале XVIII вв. между Россией и казахскими жузами установились оживленные дипломатические отношения. Предметами обсуждения в серии переговоров полномочных представителей обеих сторон являлись процедура обмена пленными, урегулирование военных конфликтов между казахами и российскими подданными — калмыками, уральскими и сибирскими казаками, башкирами, а также создание благоприятных условий для развития торговых связей русских купцов с казахским населением Младшего и Среднего жузов.

Непосредственным поводом к возобновлению политических контактов казахских правителей с русскими пограничными властями в Казанской губернии и Западной Сибири послужили военный набег хана Абулхаира в 1715 г. в башкирские земли и ответные вторжения башкир в приграничные аулы Младшего жуза. В этой связи осенью 1715 г. в интересах разрешения вопроса о «пресечении башкирской и киргиз-казачьей ссоры и о размене их полонянных» прибыл в Казань и вел там переговоры с местным губернатором П. С. Салтыковым личный посланник Абулхаира, батыр Тойгунур Култабаев.⁴⁴ Переговоры остались незавершенными и были продолжены три года спустя по инициативе самого казахского хана.

В сентябре следующего года в Тобольске побывало посольство хана Каипа в составе батыров Бекбулата Екешева и Багдаулета Буриева, которым было поручено урегулировать пограничные конфликты казахов с северными кочевыми соседями, заключив «вечный мир» с сибирским губернатором М. П. Гагариным, добиться соглашения о военном союзе с Россией против Джунгарии и получить гарантии беспрепятственного доступа казахских скотоводов на ближайшие рынки России, «чтобы им позволено было ездить в Тобольск для торгу».⁴⁵

Сам факт отправления нового казахского посольства в столицу Сибири и предложение преемника Тауке российскому губернатору о совместных военных действиях против джунгарского хунтайджи Цэвана-Рабдана в немалой степени связаны с конкретными обстоятельствами продвижения военного отряда И. Д. Бухгольца по Иртышу и его столкновением в районе оз. Ямышево с войсками ойратов. По словам хана Каипа, казахи узнали о том, что «контайши противится Е. И. В.», от русского офицера Маркела Трубникова, который был отправлен подполковником И. Д. Бухгольцем 1 января 1716 г. из Прииртышья в ставку джунгарского хана, но по выезде из Ямышевской крепости был захвачен ойратами в плен, а затем отбит у них отрядом казахских джигитов на берегу р. Или недалеко от пограничных джунгарских караулов.⁴⁶ В качестве наглядного подтверждения собственной осведомленности о российско-джунгарских военных конфликтах в бассейне Среднего Иртыша, Бекбулат Екешев и Байдаулет Буриев доставили М. Трубникова из ставки казахского хана в Тобольск. Последний, в свою очередь, также заявил губернатору М.П. Гагарину, что «послали его с общего согласия вся Казачья орда, а сказывали-де ему, чтоб быть в миру с людьми Е. И. В. и калмыков вместе бы воевать».⁴⁷

Приезд казахского посольства в Тобольск и его предложение о заключении военного союза с Россией против джунгар побудили сибирского губернатора направить 14 октября 1716 г. специальное ответное посольство во главе с сыном боярским Никитой Белоусовым к хану Каипу, чтобы заверить его в готовности русских пограничных властей «жить в миру» с казахами Среднего и Младшего жузов и сообщить, что «когда-де его царское величество укажет послать войска на контайшу, то [он] будет иметь о том согласие и пришлет ведомость тогда к ним».⁴⁸ Российские посланники благополучно добрались до Туркестана и пробыв у хана Каипа около года. По возвращении в Тобольск 26 сентября 1717 г. Н. Белоусов передал губернатору М.П. Гагарину письмо от казахского правителя, в котором тот лично подтвердил свое прежнее намерение «воевать контайшу» и обращался с просьбой о возвращении казахам больших табунов лошадей,

отогнанных у них башкирами в летние месяцы этого года. В ответ на полученное обращение М.П. Гагарин письменно уведомил хана, что постарается отыскать угнанных лошадей и будет покровительствовать развитию меновой русско-казахской торговли в г. Тобольске.⁴⁹

Однако осенью 1717 г. Абулхаир совершил еще один крупный набег во внутренние уезды Казанской губернии, за которым последовали ответные вторжения башкир и сибирских казаков в приграничные казахские аулы. На этой почве вновь актуализировалась проблема обмена пленных и скота, а также задача нормализации военно-политической обстановки на границе Казахстана с Россией.

В конце 1717 г. для решения указанных вопросов из Казани был отправлен к ханам Каипу и Абулхаиру уфимский дворянин Федор Жилин, а в январе 1718 г. из Тобольска отправилось в Туркестан посольство сыновей боярских Бориса Брянцева, Якова Тарыштина и толмача Кабая Мамеева, которые прожили в степи до лета 1718 г. В ходе встреч с российскими посланниками ханы Абулхаир (4–7 мая) и Каип (25 июня–12 июля) выразили желание жить в «вечном мире и союзно с великим государем» и его полномочными представителями в Казанской и Сибирской губерниях России, развивать торговые связи с русскими купцами и сообщая предотвращать «воровские угоны» скота своими подданными у соседей.⁵⁰

Возобновление мирных переговоров с царской пограничной администрацией ханы Каип и Абулхаир вновь пытались использовать для заключения с Петром I антиджунгарского военно-политического союза и с этой целью направили в Казань и Тобольск вместе с возвращавшимися домой российскими посланниками своих собственных полномочных представителей для обсуждения указанного вопроса, снабдив их личными письмами на имя губернаторов П.С. Салтыкова и М.П. Гагарина.⁵¹ В частности, переговоры с сибирским губернатором вели в 1718 г. батыры Елмет Баулуков (май); Шаба, Багадур, Сафа, Итмамбет и Бакурман (7 октября), а также Байбек и Толебай (28 октября).⁵² С казанским губернатором проблему согласованных боевых действий против джунгарского хана обсуждало 10 декабря того же года казахское посольство батыров Тантая Арасланова и Тогунура Култабаева, доставившее в Казань из Степи русского посланника Федора Жилина.⁵³

Однако, изложенное в письмах Каипа и Абулхаира предложение о совместном военном походе против джунгар не получило одобрения у центрального российского правительства, заинтересованного в скорейшем мирном разрешении русско-ойратских пограничных противоречий в районе Верхнего Прииртышья и успешных поисках местонахождения сомнительного города «Еркети». Основываясь на официальном распоряжении Петра I, казанский губернатор П.С. Салтыков ограничился в своем ответном послании Каипу от 8 января 1719 г. общими поощрительными замечаниями относительно его намерения воевать с джунгарским ханом и воздержался от каких-либо конкретных обещаний о военной помощи, заявив ему, чтобы «впредь с ним, контайшоу, он, Каип-хан, управлялся, как ему, по своему намерению, достойно».⁵⁴ В данном случае, как и в последующие годы, официальная позиция Петербурга по отношению к Джунгарскому ханству определялась его важной стратегической ролью фактического противовеса быстро возраставшим военному могуществу и экспансионистским притязаниям империи Цинов, с учетом которой

царское правительство не желало значительного ослабления Джунгарии, предпочитая все спорные вопросы решать мирным путем, и при этом не оставляло надежд на принятие ойратами российского подданства.⁵⁵

В условиях осуществления ширококомасштабного вторжения джунгарских войск на территорию Старшего и Среднего жузов, казахи были вынуждены бежать с принадлежавших им кочевых мест на север региона в район Яика, Илека и Тобола, где столкнулись в борьбе за пастбища с другими кочевыми народами — российскими подданными, проживавшими на юге Сибири и в Волго-Уральском регионе. В результате этого перед казахскими родами встала проблема закрепления за ними богатотравных кочевий по нижнему и среднему течению Яика, где «открывался путь к заманчивым пастбищам по его правобережью и были широкие возможности расширения связей с русскими рынками».⁵⁶

Одновременно с силовыми способами расширения пастбищных территорий на севере и северо-западе региона казахские правители пытались разрешить сильно обострившийся земельный вопрос в их взаимоотношениях с кочевыми соседями путем мирных дипломатических переговоров с царскими пограничными властями в Астрахани и Казани. Одним из первых практических шагов в этом направлении явилась дипломатическая миссия в Петербург казахского посланника Койбагара Кобякова, отправленного летом 1725 г. старшинами Младшего жуза из Приаральских степей.

Конкретным поводом к организации данного посольства послужило вынужденное пребывание в кочевьях казахских родов Младшего жуза почтового курьера российского посланника Флорио Беневени в Бухаре, торгового башкира Максуда Юнусова по прозвищу «Амремзей», захваченного в плен казахами и союзными с ними каракалпаками на территории Северо-Восточного Приаралья в 1724 году. Казахские старшины почти полгода продержали этого пленника у себя на положении аманата и объявили М. Юнусову, что не отпустят его из своих аулов до тех пор, пока они от русского императора «на прошение их о мире добрые и приятные ответы не получат».⁵⁷

Вступив в такой неординарной ситуации в активный диалог с правящей элитой алшынских родов Младшего жуза и местных каракалпаков, Максуд Юнусов предложил им обратиться с просьбой о принятии российского подданства к «белому царю» и взамен обещал казахам и каракалпакам, якобы с одобрения высочайшего престола, военную помощь России против Джунгарского ханства.⁵⁸

Решение этой чрезвычайно актуальной задачи было возложено на дипломатическую миссию Койбагара Кобякова, направленную в июле—августе 1725 г. в Петербург непосредственно от лица казахских старшин Младшего жуза Согыра, Едикбая, Кажибая и других по совету муллы Максуда Юнусова.⁵⁹ 18 января 1726 г. казахский посланец прибыл в сопровождении М. Юнусова в столицу России, где вручил чиновникам Коллегии иностранных дел два письменных послания от казахских и каракалпакских старшин. В первом из них и устным донесении самого посланника было выражено желание «быть под протекцией Е. И. В. так, как Аюки-хана владения калмыки» и излагалась просьба о том, чтобы разрешить казахам кочевать «между башкир и Яику, по горе Малый яр», обеспечить им свободный и безопасный проезд в глубь страны к крупным российским

городам, дать гарантии безопасности от нападений яицких казаков и башкир, а также право производить размен пленных непосредственно в Уфе.

Однако вопреки щедрым словесным авансам Максуда Юнусова казахским старшинам в низовьях Сырдарьи, обращение К. Кобякова за «протекцией» к «белому царю» не встретило в тот момент заинтересованности со стороны российского правительства. Царские сановники сочли принятие казахов в российское подданство в условиях того времени невыгодным для России, т.к. это могло бы значительно осложнить ее взаимоотношения с Джунгарским ханством на фоне общей слабости военно-политических позиций царских властей в южных приграничных районах Сибири. По этим двум причинам Кобяков был отправлен из Петербурга, не получив никакого ответа. Официальная резолюция Коллегии иностранных дел по поводу состоявшегося визита гласила: «Пользы, чтоб под протекцией Ее Императорского Величества быть, не находится».⁶⁰

Несмотря на неудачные результаты миссии К. Кобякова, в 1729 г. Абулхаир направил к российским властям в Tobolsk очередное посольство в количестве 4-х человек, представленное Бекбулатом «со товарищи».⁶¹ Поскольку наиболее значительная часть документов сибирских архивов была в свое время безвозвратно утрачена, то конкретные обстоятельства и мотивы отправления в Россию данного казахского посольства остаются во многом неизвестными современным исследователям. Однако, принимая во внимание сложный характер международной обстановки того времени в северных частях региона, можно с большой долей вероятности утверждать, что задачи Бекбулата и его соратников сводились к ослаблению военно-политической напряженности во взаимоотношениях казахов с соседними народами, находившимися в российском подданстве, и возврату ранее захваченных царскими властями пленных.

Проблема урегулирования русско-казахских, казахско-калмыцких и казахско-башкирских отношений и приобретения прочных публично-правовых гарантий беспрепятственного кочевания казахов Младшего и Среднего жузов на северо-западе и севере региона становилась с каждым годом все более актуальной для казахских кочевых племен, особенно для тех подразделений последних, летние кочевья которых непосредственно располагались у границ обширных земельных владений России. Поэтому в мае 1730 г. на собрании представителей Младшего и Среднего жузов было принято совместное решение отправить специального посла к царскому правительству с целью заключения с Россией договора о мире. Практическое осуществление этой дипломатической миссии было возложено непосредственно на Абулхаира.⁶²

4. КАЗАХСКО-БАШКИРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

На севере региона самую большую по протяженности границу казахи Младшего и Среднего жузов имели с Башкирией. До начала XVIII в. башкирские земли находились в ведении Казанского и Сибирского приказов России, а с 1708 г., в связи с образованием губерний, их основная территория вошла в состав Уфимской провинции Казанской губернии и относилась к компетенции казанского губернатора.

К этому времени казахи, будучи оттеснены на север калмыками, пришедшими в 20-е годы XVII в. из Джунгарии через казахские степи в междуречье Волги и Яика (около 300 тыс. человек), вошли в тесное соприкосновение с башкирами Ногайской и Сибирской дорог, кочевавших на южном Урале и Западной Сибири. Наиболее тесными и интенсивными были взаимосвязи казахских родов и племен Младшего и Среднего жузов с башкирами каратабынского рода по рекам Уй, Миасс и верховьям Яика; башкир-табынского, куваканского, тамьянского, карагай-кыпчакского, бурзянского, каракыпчакского, усерганского и некоторых других родов и племен — по всему бассейну р. Яик в ее верхнем и нижнем течениях. Во второй половине — конце XVII в., когда происходили наиболее острые столкновения между казахами и волжскими калмыками, часть казахских родоплеменных групп Младшего жуза разместились или долгое время проживала на башкирских землях в Уйско-Миасском междуречье и по правому берегу Яика. В места расселения башкир усерганского рода прикочевывали казахи племени аргын.⁶³ Распространенными формами башкирско-казахских связей были в тот период межэтнические браки, кочевание на общих пастбищах, совместные празднества с состязаниями между башкирскими и казахскими батырами в борьбе, скачках, стрельбе из лука. Но наряду с ними обычными явлениями были и такие, как «столкновения, взаимные набеги из-за пастбищ, умыкания девушек, соперничества башкирских и казахских биев и султанов и т.д.»⁶⁴ Зафиксированный специалистами-этнологами факт широкой распространенности этнонима «казах» на большей части территории Башкирии, однозначно указывает на то, что масштабы казахско-башкирского взаимодействия в первой трети XVIII в. были весьма значительными.

Вследствие практикуемой царскими администраторами на протяжении многих лет военной и аграрно-промышленной колонизации юго-восточных окраин империи, вытеснения башкирских кочеваний на юго-восток, в направлении казахских жузов, усилении налогового гнета и политики христианизации местного населения, внутриполитическая обстановка в башкирских землях сильно обострилась к началу XVIII столетия. Нарастание недовольства широких социальных слоев башкирского общества действиями казанских и тобольских чиновников вылилось в 1704—1711 гг. в новое вооруженное восстание башкир против колониальной политики российского самодержавия. В историю это восстание вошло под названием «алдаровского» по имени его главного и наиболее авторитетного предводителя старшины бурзянского рода Ногайской дороги, знатного тархана Алдара Исянгильдина.⁶⁵

Наивысшего подъема борьба вставших башкир достигла в 1708—1710 гг., когда вооруженное сопротивление русским властям охватило не только европейскую, но и всю зауральскую часть Башкирии. Именно к этому этапу народного движения относятся первые немногочисленные свидетельства документальных источников об участии казахских воинских дружин и союзных с ними каракалпаков в столкновениях башкирских повстанцев с русскими вооруженными отрядами. Так, калмык Загалдай, возвратившись 13 июня 1708 г. из Яицкого городка в Уфу, сообщил местному стольнику и воеводе И. Бахметову со слов повстречавшихся ему по пути «мятежников», что они «согласие между собою имеют с казаки и каракалпаки» и собираются действовать с ними «заодно». Еще более конкретные сведения о поддержке казахами башкирских повстанцев привел в

мае 1709 г. сибирский крестьянин Федор Баландин, когда докладывал тобольским чиновникам о том, что по признанию отдельных башкир Бердской волости «пришли к ним казачьи орды силы многое число». Примерно в это же время русские крестьяне, побывавшие в плену у повстанцев, сообщили, что они слышали, как башкиры говорили между собой о том, что «... с ними заодно каракалпаки, касики и Ногайской дороги башкиры все». Через два месяца уфимский дворянин Федор Толбузин в своем статейном списке о походе на восставших башкир уточнил эту информацию, сославшись на известия двух башкирских пленных, согласно которым «из казачьи орды ушли в башкирцы воевать 3000 человек, да каракалпаков 100 человек, да каратабунцов 250 человек».⁶⁶ Таким образом, из процитированных документов видно, что в те годы, когда башкирское восстание развивалось, главным образом, в соседних с казахскими кочевьями Ногайской и Сибирской дорогах, к башкирским повстанцам примкнули соединенные силы казахов и каракалпаков, которые действовали в башкирских степях в течение года.

В начале 1715 г. большой отряд казахов во главе с самим ханом Младшего жуза Абулхаиром совершил набег на башкирские волости, расположенные в долине р. Черемшан внутри Казанской губернии, в ходе которого достигнул казачьей станицы Новошешминск на Закамской линии и «онный пригород выжег». Башкиры незамедлительно предприняли ответные действия в отношении соседей, вслед в кочевья Младшего жуза прибыл «башкирский батыр Сибирской дороги Карт» с требованием к казахским правителям от башкир Уфимского уезда «о пресечении башкирской и киргиз-казачьей ссоры и о размене их полоненников». В том же году происходили нападения казахов и каракалпаков на казачьи обозы в степи, пленение людей и транспортировка их на невольничьи рынки в Хиву.⁶⁷

Наряду с военными вторжениями башкир, в конце 20-х гг. XVIII в. сильно участились набеги в приграничные казахские аулы яицких и сибирских казаков. Наиболее мощным по силе ударам казахи подвергались со стороны казачьих полковников Леонтия Парфентьева (Левентей-батыра) и Федора Матигорова (Федота-батыра), совершавших нападения из казачьих станиц Западной Сибири. Со стороны Южного Урала в эти же годы постоянно производили военные набеги на казахов Младшего жуза волжские калмыки и яицкие казаки.

Зимой 1717 г. Абулхаир с десятитысячным войском казахов вновь совершил поход через башкирские кочевья в Казанский уезд, захватил Новошешминск и, по словам П. И. Рычкова, «взяв онный, многое число людей в полон побрал, но оные добрым поступком полковника Сулозы отбиты, и те киргизкайсаки с немалым уроном ретироваться были принуждены». В противовес казахским набегам башкиры дважды предприняли в 1717 и 1718 годах вторжения в приграничные кочевья казахов Младшего и Среднего жузов, в ходе которых отогнали у казахских скотоводов первый раз несколько сотен, а во второй — 1500 лошадей.⁶⁸ В 1718 г. отряды казахов и каракалпаков подошли к Яицкому городку, отрезали его от Самары и более месяца держали в осаде. В июле 1719 г. двадцатитысячное войско казахов во главе с Абулхаиром еще раз осадило Яицкий городок, который хан Младшего жуза попытался взять силой. Но эта попытка не удалась, в результате чего Абулхаир был вынужден снять осаду города и отправился в набег на волжских калмыков.⁶⁹

Вместе с тем, из содержания исторических документов 1730–1732 гг. четко просматривается, что в конце 20-х гг. резко возросли интенсивность и масштабы вооруженных стычек казахов с воинскими дружинами башкирских тарханов и батыров. В результате предпринятых башкирами крупных набегов на соседние казахские аулы, ханы Младшего и Среднего жузов, имевшие свои летние кочевья вблизи юго-восточных башкирских пределов, были вынуждены принимать неотложные меры по укреплению общеказахского тыла, и поэтому спешно откочевали из Юго-Восточного Казахстана к границам России. С учетом отмеченных изменений политической обстановки казахские правители постарались воспользоваться относительным ослаблением напряженности на ойрато-казахской границе, чтобы нормализовать отношения своих подданных с северными соседями и создать необходимые условия для продолжения успешной антиджунгарской борьбы.

Именно о таком сценарии развития событий убедительно свидетельствует письменное обращение к русской императрице самого хана Абулхаира и протокольные записи речей его посланцев в Петербурге в октябре 1730 года, где желание хана Младшего жуза получить поддержку и покровительство России излагалось в контексте казахско-башкирских отношений и мотивировалось необходимостью урегулирования военных конфликтов казахов не с джунгарами, волжскими калмыками и иными соседями, а именно с башкирами. По словам казахских посланников Сейткула Койдагулулы и Кутлумбета Коштайулы, казахи «с контайшою и волжскими калмыками имели прежде сего войну, а ныне с оными помирились, токмо башкирцы с ними, кайсаки, без соизволения В. И. В. не мирятся, и дабы повелено было им с оными башкирцы быть в миру и соединении».⁷⁰

На возросшую интенсивность башкирских набегов в кочевья Младшего и Среднего жузов на рубеже 20–30-х гг. указывает также констатируемый А.И. Тевкелевым исторический факт созыва в мае 1730 г. собрания казахской «белой кости» — аристократии и старейшин обоих жузов, на котором было принято решение об организации полномочного казахского посольства в Петербург с целью заключения с царским правительством специального договора о мире. И, наконец, чрезвычайно выразительным показателем серьезности военных конфликтов между казахами и башкирами может служить приезд в мае-июне 1730 г. в кочевья Младшего жуза знатного башкирского тархана Ногайской дороги Алдара Исенгельдина, потребовавшего от казахских правителей, по утверждению Абулхаира, направить посланника в Россию для разрешения казахско-башкирских поземельных споров и возникших на этой основе вооруженных взаимных столкновений. «Именно эти столкновения, — отмечал в свое время английский историк Алан Боджер, — явились наиболее существенной и продолжительной угрозой для независимости казахов и для попыток Абулхаира вернуть утраченное у джунгар и усилить свою личную власть».⁷¹

Характеризуя международное положение казахских жузов на рубеже 20–30-х гг. XVIII в., Тевкелев утверждал, что казахи тогда «ото всех сторон ... беспокойства принимали, почти ото всех повсюду бегая, как зайцы от борзых собак, разорялися и свой скот, бегаючи, сами бросали, а иногда случалось, в самой необходимой нужде жен и детей броса, только сами уходили».⁷² Иными словами, активная экспансионистская политика Российской и Цинской империй в регионе в немалой степени обусловила со-

крашение номадизма во внутриконтинентальной части Евразии и обострение земельного вопроса во взаимоотношениях соседних кочевых народов. Вследствие большой потребности в новых пастбищах у казахов, башкир, калмыков и ойратов, созданной колонизационными мероприятиями двух держав, отношения между кочевыми соседями значительно осложнились к концу первой трети XVIII в., что явилось важнейшей предпосылкой поиска ханом Абулхаиром внешней безопасности для Младшего и Среднего жузов.

¹ РГАДА, ф. Зюнгорские дела. 1718–1721 гг., д. 1, л. 9–10 об.; ф. 196, оп. 1, д. 1543, лл. 201–205; ф. 248, кн. 373, лл. 621–626 об.; ф. 192, д. 37, 37а, 37б; ф. 9, оп. 3, д. 41, лл. 330–356; АВПРИ, ф. 113, оп. 1, 1699 г. дд 1 л. 1–2; 1729–1730 гг., д. 3 лл. 9–10 об.; МИБАССР, М.–Л. 1949, т. 3, с. 484–488; КРО-1, док. № 19, с. 23–24; МОЦА-1, док. № 73, с. 214; *Кириллов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977, с. 217, 226, 227, 234–235; *Белл Д.* Белевы Путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1773, ч. 1, с. 182; *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. А., 1974, с. 25; *Волобуев В. И.* Некоторые итоги реконструкции карты Джунгарии И. Рената // *Известия НАН РК*, Сер. обществ. наук. 1993, № 6, с. 12–14; *Акманов И. Г.* Башкирские восстания. Уфа, 1993, с. 20, 22.

² *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982, с. 25.

³ *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Изд. 2-ое. А., 1996, с. 228; *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века. А., 1958, с. 21.

⁴ МИУТТ ССР // *Труды Историко-археологического института в Институте востоковедения*. Л., 1932. Вып. 3, ч. 1, с. 263–265; *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России, т. 2. Оренбург, 1900, с. 61–62; *История Узбекистана в пяти томах*. Ташкент, 1993, т. 3 (XVI – первая половина XIX в.), с. 239–240, 245–246.

⁵ *Витевский В. Н.* Н. Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. Казань, 1889, с. 134.

⁶ Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 2, СПб., 1885, с. 82.

⁷ *Гаввердовский Я. П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи. 1803 г. // *РО ИРИ РАН* (Петербургское отделение). Кол. 115, № 495, л. 50 об. — 51 об.

⁸ *Гродеков Г.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области, т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889, с. 25.

⁹ В письменных источниках за 1703 г. Каип упоминается еще под титулом «султан», а в 1715 г. он уже становится старшим ханом. Следовательно, его избрание в ханы произошло раньше 1710 г. — даты приобретения ханского титула Абулхаиром (см. след. прим.) и, соответственно, может быть датировано хронологическим периодом между 1703–1710-ми гг. См. о титулах Каипа: АВПРИ, ф. 113/1. 1739 г., д. 1, л. 273; МИ БАССР, ч. 1. 1935, док. № 129, с. 278–279; КРО-1, док. № 15, с. 18.

¹⁰ Дата избрания Абулхаира ханом Младшего жуза устанавливается по информации: Рассказ сарта Нурмухамеда, записанный в марте 1735 года в Оренбургской экспедиции. // *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России, т. 2, с. 57; *Кэстль Джон.* Дневник путешествия в году 1736 из Оренбурга к Абулхаиру, хану киргиз-кайсацкой орды. Пер. с нем. В. Штаркенберга. А., 1998, с. 109; КРО-1, док. № 19–21 (начало 1718 г.), с. 22–28; *Гаввердовский Я. П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи, л. 52–52 об. (казахское предание о съезде в Каракумах, записанное в 1803 г.); (Невольник). *Предание о киргиз-кайсацком хане Абулхаире* // *ТГ*. 1900. № 1, с. 5.

¹¹ КРО-1, с. 432–433. Красный архив. 1936, № 5 (48), с. 201.

¹² *Там же*, с. 53.

¹³ АВПРИ, ф. 122/1. 1730—1731 гг., д. 1, л. 68, об. КРО-1, с. 36, 62, 107; РГА ДА, ф. 242, оп. 1, д. 136, лл. 185—200; *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России, т. 2, с. 56—57; *Рычков П. И.* История Оренбургская. Оренбург. 1896, с. 39, 71; *Ханыков Я. В.* Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // *Вестник РГО.* 1851, ч. 1, с. 53—54.

¹⁴ АВПРИ, ф. 122/1. 1748 г., д. 4, лл. 11—19 об.; ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 4956, л. 91—91 об.; КРО-1, с. 148; *Левшин А. И.* Указ. работа, с. 161, 165; *Кудайбердылы Шакарим.* Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. А., 1990, с. 97.

¹⁵ *Там же*, 1730—1731 гг., д. 1, д. 68 об.; КРО-1, с. 62, 268, 270, 272, 486—489; *Букейханов А. Н.* Примечания к общинно-аульным таблицам // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. Спб., 1905, т. VI, с. 20, 55; *Тынышпаев М.* История казахского народа, с. 91, 103.

¹⁶ АВПРИ, ф. 122/1. 1748 г., д. 4, л. 68 об.; КРО-1, с. 36, 62, 99, 326; МИКССР, т. 2, ч. 2, с. 134; *Андреев И. Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. А., 1998, с. 103, 116—117; *Тынышпаев М.* История казахского народа, с. 187.

¹⁷ ПФАРАН, Разр. II, оп. 1, д. 126, лл. 1—21; КРО-1, с. 62, 125, 268, 272, 486—489; МИКССР, т. 2, ч. 2, ч. 133; *Андреев И. Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков, с. 37, 41—42, 103.

¹⁸ ПФАРАН, Разр. II, оп. 1, д. 126, л. 18; ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 4956, л. 891 об; КРО-1, с. 62, 93, 148.

¹⁹ КРО-1, с. 155, 163, 469; История Казахской литературы. А., 1979, т. 2, с. 41; *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А., Койгельдиев М. К.* К вопросу об оценке исторической роли Аблая // *Вестник АН КазССР.* 1988, № 1, с. 24—33.

²⁰ АВПРИ, ф. 122/1. 1742 г., д. 4, л. 73 об.; КРО-1, с. 62, 68, 213, 433, 472.

²¹ КРО-1, с. 23—24, 26; МИКССР, т. 2, ч. 2, с. 267; *Басин В. Я.* Казахстан в системе внешней политики России // *Казахстан в XV—XVIII вв.* (Вопросы социально-политической истории). А., 1969, с. 60.

²² КРО-1, с. 62, 99; Красный архив. 1936, № 5 (78), с. 201.

²³ МИКССР, т. 2, ч. 2, с. 266—269, 278.

²⁴ *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области, т. 1. Юридический быт. Ташкент. 1889, с. 24—26; *Тынышпаев М.* История, с. 160—161; *Султанов Т. И.* Кочевые племена, с. 116, 120.

²⁵ Красный архив. 1936, № 5 (78), с. 201, 203—204; 108—109, 116, 149, 191, 196, 246, 250—251, 254, 264, 272, 291, 298, 306, 394, 423—424, 583—584; МИКССР, т. 2, ч. 2, с. 74, 232.

²⁶ КРО-1, с. 99; Красный архив. 1936, № 5 (78), с. 201.

²⁷ *Там же*, с. 266, 395, 423—424, 427; *Андреев И. Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков, с. 34.

²⁸ Подробнее об этом см.: *Ерофеева И. В.* Политическая организация кочевого казахского общества // *Центральная Азия.* № 6 (12), с. 119—120, 122—123.

²⁹ *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995, с. 26.

³⁰ *Там же*, с. 151—162.

³¹ *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России. Астрахань. 1922, с. 22; *Он же.* Этюды по истории приволжских калмыков, ч. 1. Астрахань. 1926, с. 14.

³² *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991, с. 87.

³³ Из истории сношения казахов с царской Россией в XVIII в. // *Красный архив.* 1936, № 5 (78), с. 197, 201; КРО-1, с. 49, 80.

³⁴ *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII—XVIII вв. А., 1991, с. 85.

³⁵ *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России. А., 1948, с. 175.

³⁶ Материалы по истории каракалпаков, с. 175.

³⁷ ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 1891; д. 1892, л. 1; *Левшин А. И.* Указ. работа, ч. 2, с. 72.

- ³⁸ Красный архив. М., 1938, № 6, с. 245.
- ³⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. XVIII, т. 15–16. М. 1962, с. 615, 618; Апполова Н. Г. Указ. работа, с. 180–181.
- ⁴⁰ Временник, с. 15; КРО-1, с. 31.
- ⁴¹ Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII вв. Новосибирск, 1990, с. 179.
- ⁴² Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург. 1897; Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // ЧОИДР, М., 1868, кн. 2, с. 2 и др.; Струве К., Потанин Г. Н. Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 г. // Записки РГО по общей географии. Спб., 1867, т. 1, с. 468–469, 506–508; Потанин Г. Н. Зимняя поездка на оз. Зайсан зимой 1863–1864 гг. // Там же, с. 449–450; Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент. 1983, с. 26–83.
- ⁴³ Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII в. А., 1971, с. 109–112.
- ⁴⁴ МИ БАССР, т. 1, док. № 139, с. 278–284, 298–300; ПСИ-2. СПб., 1885, т. 2, с. 152–167.
- ⁴⁵ КРО-1, А., 1961. Док. № 14, с. 16–17; док. № 15, с. 18.
- ⁴⁶ Там же, док. № 14, с. 16–17; Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998, с. 27–29.
- ⁴⁷ КРО-1, с. 17.
- ⁴⁸ Там же, док. № 16, с. 18–20.
- ⁴⁹ Там же, док. № 17, с. 20.
- ⁵⁰ Там же, док. № 18, с. 21, № 19, с. 22–25.
- ⁵¹ Там же, док. № 18, 20, с. 25–26; № 21, с. 25–27; № 22, с. 28–29.
- ⁵² Там же, с. 26.
- ⁵³ Там же, с. 29.
- ⁵⁴ Там же, с. 30–31.
- ⁵⁵ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи, с. 82–83; Его же. Россия и Джунгарское ханство, с. 27–40.
- ⁵⁶ Апполова Н. Г. Присоединение Казахстана к России, с. 198.
- ⁵⁷ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986, с. 80, 87.
- ⁵⁸ АВПРИ, ф. 122/1. 1730–1731 гг., д. 1, л. 61–64.
- ⁵⁹ Апполова Н. Г. Присоединение Казахстана к России, с. 194.
- ⁶⁰ АВПРИ, ф. 122/1. 1730–1731 гг. Д. 1, л. 33 об.; Апполова Н. Г. Присоединение Казахстана к России, с. 195.
- ⁶¹ КРО-1, с. 64, 87.
- ⁶² Там же, с. 53; Красный архив. 1936, № 5 (78), с. 200.
- ⁶³ Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978 г., с. 180, Карта 16, 181; Его же. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992, с. 129.
- ⁶⁴ Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992, с. 129.
- ⁶⁵ Акманов И. Г. Башкирское восстание 1704–1711 гг. // Из истории Башкирии. Уфа, 1968, с. 116; Его же. Башкирские восстания. Уфа, 1993, с. 202; МИБАССР, ч. I, М.-Л., 1936, № 129, с. 393; ПСИ-1, с. 368, 393.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995, с. 26.
- ⁶⁸ Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896, с. 3; МИБАССР, ч. 1, с. 283, ПСИ-2, с. 156, 162–163; Левшин А. И. Указ. работа, с. 166, 167.
- ⁶⁹ Абдюров М. Ж. История казачества Казахстана, А., 1994, с. 47.
- ⁷⁰ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи, с. 102–104.
- ⁷¹ Bodger A. Abulkhair-khan of the kazakh Little Horde, and his Oath of Allegiance to Russia of Oktober 1731 // The Slavonic and East European Review, 1980, v. 58, no. 1, p. 57.
- ⁷² КРО-1, с. 385.

Глава вторая

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАЗАХСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ДЖУНГАРСКОЙ АГРЕССИИ В 20-х ГОДАХ XVIII ВЕКА

1. УСИЛЕНИЕ БОРЬБЫ КАЗАХСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ДЖУНГАРСКОЙ АГРЕССИИ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

С самого начала XVIII в. казахские ханства переживали глубокие потрясения, вызванные дальнейшим обострением внешнеполитического положения. Хану Тауке на время удалось преодолеть межфеодалные усобицы, восстановить спокойствие в жузах, тем самым обезопасить кочевья казахских родов от внешних вторжений.¹ Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что он в своем распоряжении имел, по свидетельству источников,² около 80 тыс. воинов. Однако борьба за власть и сепаратизм султанов вскоре нарушили единство,³ чем незамедлительно воспользовались соседи. С юго-запада совершали набеги волжские калмыки, поддерживаемые яицкими казаками; с севера нападали сибирские казаки; на кочевья за Яиком претендовали башкиры.⁴ С юга казахов теснили феодалы среднеазиатских ханств (Бухара, Хива). Но наиболее грозная опасность нависла над казахским народом с востока — со стороны сильного и агрессивного военно-феодалного Джунгарского ханства.

Борьба между казахскими и джунгарскими владельцами продолжалась более столетия. В основе ее лежало соперничество из-за пастбищ. По мере роста численности поголовья скота кочевники вынуждены были расширять необходимую для скотоводческого производства территорию.⁵

Кроме пастбищных территорий джунгарских хунтайджи привлекали торгово-ремесленные центры юга Казахстана. С захватом городов Южного Казахстана джунгарским феодалам открывалась перспектива овладения не только торгово-ремесленными центрами, но и территорией, где проходили караванные пути, связывавшие Казахстан с Россией и со странами Востока.

Борьба между казахскими и джунгарскими ханствами становилась все более ожесточенной и кровопролитной.

Основой экономики джунгар было кочевое скотоводство, разбросанное на огромных территориях пастбищных земель. Численность населения составляла около одного миллиона человек, а также 0,5 миллиона представителей других народов.⁶ Административной и хозяйственной единицей являлся улус. Он состоял из отоков, джасы и анги. Одновременно оток был и военной единицей (хошун). Военная организация джунгар

была идентичной структуре военной организации казахских ополченцев. Основные джунгарские племена к началу XVIII века занимали удобные пастбища: торгауты и дербенты по Тарбагатаю, Монгольскому Алтаю, верхнему Иртышу. Здесь они расселились до Коряковского форпоста. По Черному Иртышу и его притокам, а также в бассейне реки Кобдо проживали хойты. Чоросы занимали бассейн верхнего и среднего течения реки Или и ее притоков. Восточнее чоросов в предгорьях Джунгарского Алатау кочевали хошоуты.⁷

Строго иерархический характер имела социально-классовая структура Джунгарского ханства. С родоплеменным делением совпадала политическая структура общества. Господствующим сословием джунгарского общества были ханы и тайджи (тайши). Значительную роль играли и зайсаны, управлявшие родами или различными родоплеменными подразделениями.⁸ Особое влияние на структуру и политическую жизнь Джунгарского ханства оказывало ламаистское духовенство. Центром ламаистской религии была Лхаса. В религиозном отношении джунгары были антиподами казахских общин. За период длительных войн у джунгарских зайсанов выработалась своя тактика ведения военных действий. Для них предпочтительнее было ведение боя в открытой местности, среди степи. При этом они пользовались численным превосходством. Они сами производили порох из селитры и серы, изготавливали сабли, панцири, латы, шлемы и прочее.

Борьба против Джунгарского ханства была самой главной задачей и Цинского правительства, поскольку джунгары воевали не только с Казахским ханством, но и с Цинским Китаем. Китайские правители вооруженную борьбу сочетали со сложными дипломатическими маневрами. А джунгарские хунтайджи и тайджи были не в состоянии бороться с царским правительством за Прииртышье.

Война Джунгарского ханства с Цинской империей в 90-х годах XVII в. стоила джунгарам немалых жертв. Это относится к территориальным вопросам, к людским ресурсам, гибели хана Галдан-Бошокту. На его место пришел видный государственный деятель, дипломат и полководец Цэван-Рабдан (1697–1727), принесший тяжелые страдания казахскому народу. В течение двух десятилетий ему удавалось уклоняться от столкновений с правителями маньчжурской династии, с Цинским Китаем. Он превратился в опасного врага. Быстро укрепляя Джунгарское ханство, он направил свои усилия на захваты в казахских кочевьях, в землях тянь-шаньских кыргызов, в Восточном Туркестане, среди народностей Саяно-Алтая и в Барабинской степи.

Таким образом, теснимая великой империей, Джунгария направила свои агрессивные устремления на Казахстан. Джунгарские феодалы наносили казахам одно поражение за другим, угоняя пленных и скот, отнимая пастбища и имущество, истребляя подчас целые роды и аулы. Раздробленный и обессиленный непрерывными внешними столкновениями и внутренними раздорами казахский народ испытывал в этот период величайшие бедствия и лишения. Вот как описывал положение казахов в начале XVIII в. Ч. Валиханов: «Первое десятилетие XVIII века было ужасным временем в жизни киргизского (казахского. — *Ред.*) народа. Джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили их улусы, отгоняли скот и уводили в плен целыми семействами».⁹

И снова, уже в очередной раз, кочевья казахов подверглись нашествию джунгар. Произошло это в 1698 году. По поводу вторжения в Казахское ханство Цэван-Рабдан писал цинскому императору Канси: «Я с Хасакскою ордою (казахскою. — *Ред.*) начал войну не от доброй воли, но по великому принуждению. Причина тому, от чего сия война возросла, есть следующая: прежде сего хасакского хана, Тауке называемого, сын Галданем полонен и от него в подарок Далай-ламе послан был». Тогда Тауке обратился к Цэван-Рабдану с просьбой о содействии для возвращения сына, обещая, «что он, Тауке, со мною в союзе и согласии пребывать будет». Сын Тауке-хана был возвращен из Лхасы и в сопровождении 500 джунгарских воинов отправлен к отцу. Однако по неизвестной причине джунгарский отряд был разбит казахами. Джунгары постоянно посылали свои отряды через анклав своих кочевий по Ишиму и Эмбе к Волге. Казахи старались по возможности воспрепятствовать постоянным перемещениям джунгар по своей территории. Джунгарские хунтайджи поддерживали тесные государственные, родственные и религиозные связи с Калмыцким ханством в низовьях Волги. Вынашивались планы объединения этих двух ханств. В этих условиях была поставлена под угрозу независимость и самостоятельность Казахского ханства.

Джунгарские тайджи с 80-х годов XVII века удерживали за собою казахские кочевья в Жетысу и частично по рекам Чу и Талас. Однако эта временная власть выражалась только ограниченностью политического влияния. Над казахами Жетысу джунгары не могли добиться реальной власти.

Очередной набег джунгар не только в Жетысу, но и в долины рек Чу и Талас казахи отбивали в 1699 году. Несмотря на сопротивление казахских родов, джунгарам удалось захватить около десяти тысяч пленных. Казахи наращивали свои силы. Одной из предпосылок этому была крепкая власть Тауке-хана. Отдельные казахские отряды проходили на север. Казахские отряды вместе с каракалпаками разорили Тарханский острог в Тюменском округе. В следующем году напали на Царево-городище и крепость Утяцкую по Иртышу. Казахам сопутствовал успех. Более того, пошатнулась власть Галдана-Бошокту: китайский император Канси разбил на р. Туле джунгарские войска, захватил в плен около 10 000 человек.¹⁰ Это дало возможность казахским ополченцам быть более уверенными в своих действиях.

В ответ на отдельные стычки с джунгарами в 1702—1703 годах казахские ополченцы организовали одновременное нападение на Джунгарию и волжских калмыков. Среди волжских калмыков вспыхнули междоусобицы и значительная часть их (около 60 тысяч) ушла к Алтаю. В этот период казахи и нанесли им поражение в степях Западного Казахстана. Основной удар казахские ополченцы нанесли в верховьях Иртыша. Они теснили джунгар, помогли им в этом и тьянь-шаньские кыргызы. Джунгарский хунтайджи вынашивал план о переносе своей ставки из района реки Или в Обь-Иртышское междуречье. Такую реальную угрозу представляли казахские войска. В этих условиях джунгарские зайсаны и князья минусинских кыргызов обманым путем увели в верховья Иртыша несколько тысяч минусинских кыргызов общей численностью более 3 тысяч хозяйств.¹¹ В 1702 и 1703 годах казахи успешно проводили военные действия в верховьях Иртыша.

По этому поводу тобольский посланник к хунтайджи писал в своем дневнике: «Прибежали де ис Казачьей орды в Ургу контайши их беглецы, а сказывали они, что казачья орда пошла в поход по Иртыш-реке тысячи с четыре и больше, да в другую сторону под Астрахань к Аюке тысячи две и больше, а иные де наряжались идти к Ямышеву-озеру и в улусе к Коксы-батыру (ойратскому зайсану — *Ред.*)». ¹² Тогда же были разбиты и енисейские кыргызы. Один из них показал, что «и идучи де дорогою, будучи в Иртышских вершинах, напали на них Казачьи орды. Люди, а сколько де человек того де не ведает, и много киргизских людей погибли до смерти, а жен и детей у многих побрали в полон». ¹³

Процесс переселения енисейских кыргызов на Тянь-Шань происходил не только в XIII—XIV веках, но продолжался он и в XVII— начале XVIII веков. Многие из них оказывались в казахских общинах. Они оседали на новых местах, ассимилировались. Так было в районе реки Эмель, в верховьях Иртыша, по реке Талас. Более того, в русских источниках вместо «Казачья орда» появилось название «киргиз-кайсачья орда». Эта терминология укрепилась с начала XVIII века.

Несмотря на успехи казахских ополченцев, из Туркестана в ставку хунтайджи на реку Текес был направлен посол Бокей. Он от имени хана Тауке и султана Каипа предложил провести встречу правителей Казахстана и Джунгарии с целью «положить мирность». В результате дипломатических усилий с казахской стороны в течение нескольких лет не было крупных военных столкновений.

В 1708 году казахи начали отбивать новое вторжение джунгар. Война приняла затяжной характер и шла с переменными успехами в 1708—1712 гг. И хотя она длилась с перерывами, без особо ярких событий, однако для казахских батыров, биев, родоправителей это было еще одним испытанием. В первый год войны казахи смогли противопоставить джунгарам свое войско из 30 тысяч ополченцев. ¹⁴ Обстановка требовала осмысления событий, принятия новых решений. Среднеазиатский хронист Мир Мухаммед Бухари писал: «Злополучные неверные калмыки как муравьи и саранча, обчистивши хвосты и копыта своих коней, первым делом обрушились на племена и улусы казахского народа, предавши все потоку и разграблению, большая часть племен и родов казахского народа неверными правителями... была взята в плен. Казахи и племя каракалпаков из страха перед неисчислимым войском неверных калмыков покинули свой исконный юрт». ¹⁵

Съезд в Каракумах. Крупное вторжение джунгарских войск в пределы Казахстана произошло в 1710—1711 гг. Насколько серьезно оно было, можно судить по тому, что осенью 1710 г. было создано собрание представителей казахских жузов. ¹⁶ На этот раз он проходил в Каракумах, на землях кочевий каракесекского рода. Расположение Каракумов надо отнести к территории Сарыарки. Пески Каракумы занимают большой регион в Северном и Северо-Восточном Приаралье. Они протянулись до самых отрогов Улытау. В песках Каракумы, где проходил съезд, на восточной окраине множество хороших урочищ, родников. Сюда доходят дальние отроги Улытау. В этой части Каракумов и проходил съезд султанов, биев и родоправителей казахского народа.

На съезде присутствовали представители большинства правителей племенных объединений алимулы, байулы и жетыру. Из Средней орды были различные представители родов найманов и кыпчаков. Здесь были представители всех трех жузов, бии и батыры.

Наиболее влиятельной фигурой был хан Тауке. За плечами у него был огромный жизненный опыт, и не только правителя. Тесные связи в различных казахских родах, блестящее знание обычного права, хорошие взаимоотношения с батырами. Наконец, как никто другой, хан Тауке знал все сложности перипетий не только казахско-джунгарских взаимоотношений, но и историю военных действий против джунгар. Он был не только очевидцем, но и участником сражений. Принимая во внимание, что общее управление казахскими ополченцами и многочисленными родами становилось обременительным, Тауке-хан вынашивал планы структурной перестройки управления казахскими ополченцами и казахскими родами. Вместе с тем, он стремился ограничить власть султанов, укрепить централизацию путем управления тремя жузами через ответственных биев. Эти меры соответствовали задачам создания всеказахского ополчения, укрепления обороноспособности казахов.

Султаны Каип и Абулхаир оказывали на решение съезда свое влияние.

Всеобщее внимание привлекла позиция батыров Канжыгалы Богембая, Шакшак Жаныбека, Тама Есета. Они были сторонниками объединения ополченцев не только разных родов, но и разных жузов. Хотя в прошлом разным родам приходилось защищать разные земли: одним — долины рек Или и Чу, другим — Таласа и Бадама, третьим — урочища реки Сарысу и гор Улытау.

Основным вопросом на съезде было отношение к Джунгарскому ханству. Позиции различных представителей были различными. Часть людей предпочла позицию, продиктованную суровой необходимостью — пойти в джунгарское подданство.

События предшествующего времени показали, что одолеть джунгар не так-то легко. Мнения участников съезда разделились. Часть родоправителей заняла выжидательную позицию. По словам дореволюционного исследователя Я. Гавердовского, многие были в панике: «Хотели оставить жилища свои и спастись бегством..., а некоторые, подобно зайцам, желали рассеяться в разные стороны и поколебали бывшее постоянство многих». Однако часть участников съезда придерживалась иной позиции: выжидали исход споров, чтобы примкнуть к большинству. Но и в этой тяжелой ситуации были сторонники решительной борьбы против джунгарского вторжения. В спорах, наперекор складывающейся ситуации они доказывали необходимость самоотверженной борьбы. В спор были втянуты многие участники съезда, не желавшие высказывать своего мнения. В противовес восточной степенности говорили открыто, спорили, убеждали. В решающий момент в круг вышел возбужденный и решительный батыр Богембай. Он встал перед старейшинами, к ногам их положил меч, рванул рубашку, обнажил грудь и произнес в исступлении: «Отомстим врагам нашим, умрем с оружием, не будем слабыми зрителями разграбленных кочевков и пленных детей наших. Робели ли когда воины равнин кыпчаков? Сия брада еще не украшалась сединою как я багрил руки свои в крови неприятелей! Теперь могу ли равнодушно снести тиранство от вар-

Богембай-батыр.

варов? Еще нет у нас недостатку в добрых конях! Еще не опустели колчаны со стрелами острыми». Речь батыра Богембая стала кульминацией в разрешении джунгарского вопроса. Против такой позиции никто не смел выступить открыто. После этого все участники съезда торжественно поклялись следовать призыву Богембая. Было решено «употребить все усилия к единодушной защите друг друга до последней капли крови. Энтузиазм достиг даже того, что некоторые из старейшин для углубления клятвы открыли себе раны и точили кровь свою на пылающий среди них костер. По окончании присяги свершилось общее богомолье и разделено было жертвенное блюдо, приготовленное из белого коня, знаменуя тем

самым непоколебимостью союза». ¹⁷

Предводителем казахского ополчения был выбран Богембай. Как сказано у Я. Гавердовского, «батыра Богембая благодарный народ провозгласил своим предводителем». Заслугу Богембая отмечал и дореволюционный историк Н.М. Маев: «На народном съезде в Каракумах известный батыр Букан-бай успел, однако же некоторое время одушевить своих соотечественников, и предводительствуя ими, разбил калмыков». ¹⁸

Было решено «избавиться от калмыцкого ига путем изгнания их». ¹⁹

В ходе подготовки съезда в Каракумах, на нем был поднят другой сложный вопрос — об избрании верховного командующего из числа ханов. В условиях военного времени это было важно. Старший хан не отвечал за общее состояние жузов. Эта роль традиционно оставалась за Таукеханом. Однако избрание старшего хана на съезде должно было произойти с благословения Тауке и условного преемника. И здесь в претендентах на эту должность недостатка не было. Так что, не преувеличивая значения такой должности, нужно осмыслить ее назначение. В начале XVIII века группа казахских старшин заявляла: «Из древних де лет имеетца обычай, что ханы совету старшин ничего неповинны чинить». ²⁰

Одним из явных претендентов был султан Каип. Однако его кандидатура не была одобрена.

Н. Г. Аполлова указывает на участие Абулхаира на съезде биев и батыров в Каракумах. ²¹ Исследователь И. Крафт писал, что в связи со старостью Тауке-хана ему в сопроводители были избраны Каип и Абулхаир. ²² Об избрании Абулхаира ханом пишет и историк М. Абдиров. ²³ Абулхаир в борьбе за власть столкнулся со своим соперником Каипом, ²⁴ который приходился сыном Тауке-хану, был непосредственным преемником в ханской династии.

Но и Абулхаир имел ряд своих достоинств. Об этом В. Н. Витевский писал: «Это был человек умный, но, к несчастью киргизов, всегда действовавший без строго обдуманного и определенного плана». ²⁵ По данным В. Н. Витевского на съезде «был избран старшиной в семействе ханском Абулхаир». Об этом писал Л. Мейер: «Тут же был избран старший в се-

мействе ханском, Абулхаир, ханом».²⁶ Наконец, на этом настаивал историк В.Н. Витевский: «Известный киргизский батыр и старшина Букан-бай (Богембай. — *Ред.*), на сейме в Каракумах, склонил народ к нападению на калмыков. Букан-бай был избран в предводители восставших киргизов, а ханское достоинство было вручено Абулхайру».²⁷

Новые испытания. Объединение усилий казахских жузов определяло на некоторое время успех войск Тауке. Отряды народного ополчения не только возвратили утраченные кочевья, но вторглись в пределы джунгарских владений и захватили много пленных. Однако раздробленность жузов, несогласованность действий, внутренние противоречия и соперничество различных группировок сводили на нет усилия целого народа.

Но военные действия джунгар все более возрастали, хунтайджи Цэван-Рабдан подчинил своей власти Восточный Туркестан, совершил вторжение в Тибет. Уже в 1713 г. джунгарские войска предприняли новые наступательные действия. «Все те киргиз-кайсацкие орды, — писал И. К. Кириллов, — могли бы тех калмыков (джунгар. — *Ред.*) одолеть, ежели б обще согласились. А у них один хан войною пойдет, а другой оставляет, и так свое влияние у калмыков теряют». В 1716 г. Цэван-Рабдан двинул основную часть своих войск против казахов. В начале событий казахские ополченцы не смогли сдержать натиска, многие были взяты в плен. Джунгарам удалось осадить и Ямышевскую крепость. Однако казахские ополченцы предприняли ряд мер и совершили удачный поход к джунгарам-чоросам на реке Или.

В переговорах послов хана Тауке с сибирским губернатором М. Гагариным в 1716 г. был поставлен вопрос о военной помощи России. Казахские послы сообщили, что хан имеет войско в 20—30 тысяч человек. И если сибирский губернатор к этому прибавит свои войска, то джунгары будут побиты. Это предложение в том же году выдвигали послы хана Каипа. Однако сибирский губернатор не соглашался.²⁸

В следующем 1717 году военные события получили продолжение. Основное событие военных действий состоялось на реке Аягуз. Произошло сражение между казахским ополчением и джунгарами. Джунгарские войска были отвлечены на востоке. Превосходящие силы казахов были подтянуты к реке Аягуз. Успех должен был обеспечиваться численным превосходством войск, стремительностью атаки. Действительно, у казахов было превосходство в количестве войск. Численность казахских войск в этом походе была 30 тысяч человек.²⁹ В 1718 г. Абулхаир, чья позиция в Казахском ханстве была прочной, писал царю: «Абулхаир хан челом бую... А здесь Хаип-хан здоров. А здесь в крайних улусах мы здоровы. А ловить бы нам коз и зверей и воевать бы нам калмыков. А пеленышные ребята розрастут, и мы покамест живы, будем не воеватца, и в миру быть, худо бы покинуть».³⁰

Специально посланный в казахские кочевья Борис Брянцев с другими доносит сибирскому губернатору М. Гагарину: «А в первых юртах мурза Кутлубай о войне Казачьей орды с калмыками сказал, что-де ходили на калмык их казачьи войска 30000 человек, на которой войне был и он, и были при реке, зовомой Янгус и сошлись де с ними калмык человек с тысячу, с которыми у них была баталия до вечера, и ночью-де калмыки, нарубя лесу, сделали деревянный вал и сели в осаду, а казахи-де також сделали деревянный же вал выше калмыцкого и с того валу по калмыцком стреляли два дня. И на третий-де день явились из стороны калмыцкого

войска еще тысячи с полторы и наехали на кочевые их станы, и кашевары-де испугався, побежали, а за ними-де и их казацье войско возвратились, а больше-де той с калмыки войны у них не было, а коликое число калмык или их людей побито, того-де он не знает, только-де поймали они калмыцких языков, которые и поныне в их земле, а у них-де убито знатных людей только 2 человек».³¹ Противоборство длилось два дня. Проходило в лесистой местности, в верховьях реки Аягуз. Как сказано в источнике, «на третий день, поутру рано, приехали множество калмыков и напали на их войско вдруг и они-де, казахи, стреляли по ним из фузей и калмыки-де напали на них с коньми жестоко, и они-де, не стерпя того побежали во и за ними-де калмыки гнали полдни их людей побили». В сражении участвовало около 3000 казахов. Из документа выясняются и другие подробности: «И ночью-де половина казахов перешли за выше объявленную реку на калмыцкую сторону, и на другой-де день в полдни напали на них калмык человек сот с восемь и человек ста с четыре побили и казахи-де с обеих сторон реки, покиня свой багаж, разбежались врозну». Каип-хан оказался не на высоте своего положения. О нем в документе сказано: «А Хаип-хан-де остался только с двумя человеки и воротился до своего улуса, а багаж их взяли калмыки в полон». В битве при реке Аягуз погибло множество казаховских дружинников. Однако, как свидетельствует очевидец, «Хаип-хан и Абулхаир-хан и прочие возвратились до своих улусов в добром случае».³²

Это дало возможность джунгарским отрядам проникнуть в глубь южных районов Казахстана. Отдельные достижения в событиях 1708–1712 гг. казахи не смогли закрепить. Ни Богембай-батыр, ни ханы Каип и Абулхаир не смогли в ходе сражений правильно организовать ополченцев. Из-за отсутствия единства в руководстве казахские воины потерпели поражение.

Весной 1718 г. джунгары сделали стремительный поход из Семиречья к рекам Арысь, Бугун, Чаян, подошли к городу Туркестану. Их намерением было овладеть ставкой казахских ханов. Над казахскими городами по среднему течению Сырдарьи нависла угроза. Состоялось несколько сражений. Джунгары «рубили казачью орду», но малочисленность и оторванность от своих кочевий не дали им возможности одержать полную победу.

В этих условиях значительными были успехи казахских ополченцев под предводительством батыров. Из районов Илека, Мугоджар, Улытау им удалось собрать войско в 30 тысяч человек.³³ Они продвинулись в район Туркестана и отбросили джунгар из значительной части Южного Казахстана.

Правда, в начале XVIII в. джунгарских владетелей от более решительных действий против казахских жузов сдерживала угроза нашествия на само Джунгарское ханство войск цинских правителей. Но эта опасность на время уменьшилась после смерти китайского императора Канси в 1722 г. В 1723 г. был заключен джунгаро-китайский мир. Джунгарский хунтайджи, обезопасив свои тылы с востока, стал деятельно готовиться к войне с казахами.

2. НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (Годы Великого бедствия — «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама»)

К 1723 году в казахско-джунгарских отношениях ситуация резко изменилась: умер китайский император Канси, был заключен джунгаро-китайский договор,³⁴ российское правительство с созданием Иртышской

укрепленной линии не проявляло каких-либо реальных притязаний. Неожиданный поворот событий джунгарские хунтайджи и тайджи решили использовать для нападения на казахские земли. Воспользовавшись политической раздробленностью казахских ханств и основательно подготовившись к предстоящей войне, джунгарские владетели в 1723 г. двинули свои войска в пределы Казахстана.

Борьба с джунгарской агрессией в первой четверти XVIII века стала не только основным фактором, осуществившим не только важные политические решения по сохранению казахской государственности, но и жизненно необходимым, когда встал вопрос о самом существовании казахского народа. Выдающийся историограф прошлого Шакарим Кудайбердиев обозначил, что в период джунгарской агрессии — «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама» — погибло две трети всего народа. Нашествие джунгар в 1723 году стало не только важным событием, оно коснулось всех сфер жизни казахского народа и в первую очередь — политической. Надо признать, что джунгары к этой грандиозной операции готовились тщательно, соизмеряя каждый свой шаг со всеми последствиями неожиданного и мощного удара по семи различным направлениям. В ходе подготовки к нашествию 1723 года выявилась и значительная роль джунгарского хана Цэван-Рабдана.

Многие казахские роды и племена не были подготовлены к неожиданному удару джунгар в ту раннюю весеннюю пору, когда начинались жизненно важные для кочевого хозяйства работы. К тому же, испытывая почти ежегодное нападение отдельных отрядов джунгар в течение четверти века, сам народ находился в состоянии морального истощения, а многие султаны и родоправители все больше и больше обособлялись друг от друга. В 1723 году первыми приняли удар казахи Жетысу и Прииртышья; и удар был так силен и быстр, что люди оставляли самых немощных и самых малых на волю судьбы. Потому в памяти народа сохранились воспоминания о тех годах, как годах великого бедствия. Свидетельством тому является великая песня «Елимай». К тому же была захвачена по сути вся территория Казахстана, исключая только самые пустынные и непроходимые земли. Это бедствие коснулось не только казахов, но и всех народов Центральной Азии. Всем известны документы и свидетельства об опустошении Бухары и голодное существование в Самарканде многих людей.

В устных казахских преданиях этот период именуется как «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама». В литературе по термину «Алқакөл сұлама» идут споры. Одни ошибочно полагают, что «сұлама» — мор верблюдов. Другие считают, что не «Алқакөл» — а «Алакөл». На это есть прямое указание в дастане Кожаберген-жырау «Елимай» — участника этой трагедии: «Қырылу Алақолден басталып тұр» — «Истребление началось у озера Алакөл». По мнению отдельных исследователей «Алқакөл» — озеро за Сырдарьей, на левобережье реки в Голодной степи. По другой версии не «Алакөл», а «Алқакөл» (Алқакотан), что означает «группироваться, взявшись за руки», сидеть или лежать в цепочку, подставив голову на колени впереди лежащего, способ походного отдыха. «Сұлама» — лежащий, неспособный подняться, изнемогающий от усталости.

Е. Бекмаханов вслед за Кожаберген-жырау считал не «Алқакөл», а «Алакөл». Это и понятно, ибо озеро Алаколь расположено у входа в Джунгарские ворота.

Итак, джунгарские феодалы решили нанести сильный удар по казахам и организовать вторжение в Казахстан и Среднюю Азию. Временем нападения была выбрана весна 1723 года, когда после зимовки ослабевшие казахские аулы готовились к откочевке на жайлау. В том году был сильный джугт. Казахи говорили: «Қайын сауған ақ тышқан жылы». («Год белой мыши, когда питались лишь березовым соком»). По народному календарю казахов год мыши и год зайца часто несут джугт и бескормицу. Это подтверждается архивными материалами последующих лет. Именно в такой период казахи оказались под тяжелым ударом джунгар. В нападении на казахские земли джунгары использовали и фактор внезапности, стремительного натиска.

Джунгары осуществляли нападение войском в 70 тысяч человек, двигаясь семью крупными клиньями. Так сын Цэвана-Рабдана Галдан-Цэрэн с 10-ю тысячами воинов двинулся на Балхаш и далее на Каратау. Младший брат хунтайджи Кулан-Батур пошел на Алтай и по р. Коктал. Отряды Амурсаны, внука хунтайджи, направились в бассейн р. Нуры. Сын Галдан-Цэрэна Цэван-Доржи двинулся в долину р. Чилик. Другой сын Галдан-Цэрэна Лама-Доржи взял направление на Иссык-Куль. Нойон Дода-Доржим устремился на р. Чу. Сам Цэван-Рабдан перешел Или и продвигался по югу Жетысу. Общее командование вторжением осуществлял брат Цэван-Рабдана Шона-Даба.³⁵ На своем пути они несли разорение и смерть. Казахские общины продвигаясь с ослабленным после зимовки скотом, не могли оказывать сильного сопротивления. Из Чуйской долины были изгнаны жалаиры. Они вынуждены были с большими потерями отойти к горам Улытау и Кокшетау. От реки Талас до среднего течения р. Арысь находились кочевья найманского рода садыр.

Здесь все жители были истреблены или изгнаны из своих мест. По сведениям из дастана Кожаберген-жырау, найманы оставили Алтай. Лишились своих земель казахи у подножий Алатау.

Трагедия разыгралась также в горах Каратау, в бассейне реки Арысь. Застигнутые врасплох, казахи вынуждены были отступить, бросая скот, кибитки, имущество. Немало народу было перебито джунгарскими феодалами, немало погибло при переправах через реки Талас, Боролдай, Арысь, Чирчик, Сырдарью. Казахские роды бежали к Сырдарье, считая, что только за ней можно чувствовать себя в безопасности.

В своем продвижении джунгары разоряли аулы, рассеивали казахские общины, отбирали скот, захватывали города. По этому поводу российский капитан И. Унковский писал: «Послан канжайши сын Шона Даба против Качаеьей орды, а ныне де ведомость есть, что он казаков повоевал и три городка ему поддались, и 1000 семей казахов везут, которых ожидают вскоре; а города поддались: Ташкент, Сайрам, Харамурт (Карамурт — Ред.)».³⁶

Казахские аулы особенно страдали от нападений хунтайджи Шона-Дабы. Он проходил со своими отрядами в Таласской долине, по реке Сырдарье. Завоевание городов Туркестана, Карамурта (под Шымкентом), Тараза, Шымкента, Ташкента он мог ставить себе в успех. Отряды Шона-Дабы рыскали по казахским кочевьям, нападали на аулы, брали пленных. Только его отрядами было взято в плен около 5000 казахских семей, из которых тысячу семей отправляли в улусы хунтайджи.³⁷

Джунгары оккупировали огромную часть казахских земель к 20-м годам XVIII в. Приблизительной границей между владениями джунгар и казахов стали горы Улытау, озеро Балхаш и полоса между реками Чу и Талас.

Поэт-трибун Умбетей-жырау описывал, как джунгары захватили горы Баянаула, Кызылтау, Абралы, Чингис, Мамырык по Черному Иртышу и Алатау.

Джунгарский зайсан Черен-Дондук кочевал в долинах Лепсы и Каратала. У него была большая личная дружина, не меньшая, чем у хунтайджи.³⁸ Его дружинникам подчинялись родоправители Старшего жуза, кочевавшие в Жетысу. Впрочем, многие казахи уходили в Чуйскую, Таласскую долины, в степи Бетпакадала.

Как отмечает А. И. Левшин, «стада и табуны ежедневно уменьшались, меновая торговля прекратилась, нищета и страдания сделались всеобщими, иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих... Стесненные и преследуемые с трех сторон, они могли быть совсем истреблены, если бы не удалились на юг».

Переправившись через Сырдарью, казахи Старшего и части Среднего жуза откочевали к Ходжекенту, большинство родов Среднего жуза отошло к Самарканду, а Младшего — откочевали в пределы Хивы и Бухары.

Годы Великого бедствия не сломили волю народа, который понимал свою меру ответственности перед Отечеством. Шли сражения упорные и длительные. Около 300 тысяч горожан Ташкента во главе с казахским ополчением около месяца держали героическую оборону. Вслед за Ташкентом пали также Сайрам и Туркестан. Организаторы всенародного сопротивления Богембай, Кабанбай, Саурык, Жаныбек, Малайсары, Елшибек и другие подняли народ на защиту родной земли. Джунгарские отряды вынуждены были считаться со стойким сопротивлением казахского народа. Враг получал отпор в горных местностях, в отдаленных степных районах, в городах.

Кожаберген-жырау свидетельствует, что казахи отступали с боями, ополченцам удалось оторваться от преследуемого врага в песках Бетпакадалы и дать отпор в боях в районе Танбалыгас, вынудить его перейти к обороне на берегах реки Сарысу.

В период нападения джунгар на Туркестан Кабанбай с батыром Айшибеком принимали личное участие в обороне города.

Упорное сопротивление завоевателям оказали не только защитники Туркестана. Осада Сайрама — тоже свидетельство героической борьбы жителей с джунгарами. С ходу взять город приступом джунгары не смогли, они охватили город кольцом и начали осаду. Целью их было захватить город и разграбить его. Однако это не удавалось. Тогда хунтайджи послал часть своих войск в горы и приказал изменить русла рек Сайрам-Су и Тувалак, которыми город снабжался водой. Жители Сайрама оказались без воды. Предание об этом говорит: «Долго крепились они, защищая

Кабанбай-батыр.

город, но, наконец, язычники победили, взяли постепенно и город, и крепость».³⁹ Джунгары обогатились здесь имуществом, многих забрали в плен. Пленных вывезли в районы Восточного Туркестана. Казахи вынуждены были отступить не только к среднему течению Сырдарьи, но и к низовьям этой реки. Курьер российского посольства Николай Минер сообщал в Коллегию иностранных дел, что джунгары «овладели всеми тамошними местами, даже до Сыр-реки и на бухарской стороне Ходжентом».⁴⁰ Многие казахи оказались на левобережье Сырдарьи в Голодной степи, в районе Жизакских и Нуратинских гор, в долине Зеравшана. Об этом указывает среднеазиатский историк Ходжамкули-бек Балхи: «Поскольку хунтайджи (калмык) назначил своего сына для завоевания юрта казахов: Ташкента, Андижана, Сайрама и прибрежных районов Сейхуна (р. Сырдарья), примерно три лака казахов совместно с ташкентцами перепоясались поясом ратоборств. Построив войска, обе стороны в течение месяца непрерывно сражались с утра до вечера. Творец премудрый дал неверным победу над жестокими мусульманами. Примерно лак людей (сто тысяч. — *Ред.*) испили шербет мученической кончины. Казахи потерпели жестокое поражение. Более одного лака пятидесяти тысяч домов казахов, обращенных в бегство, поспешили в сторону Самарканда».⁴¹

Конечно, цифры, приведенные Балхи, требуют критического осмысления, однако характер народного бедствия казахов выражен верно. А. И. Тевкелев, характеризуя положение казахского народа в годы джунгарского нашествия, говорил, что они тогда «разбились, и рассеялись и разорились».

Общее состояние поражения А.И. Левшин описывает так: «Переходы сии влекли за собою неминуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались, меновая торговля прекратилась, нищета и страдания сделались всеобщими: иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих. Наконец, бегущие остановились, но где же? — в местах бесплодных и не предоставляющих никаких удобств для кочевого народа».⁴²

По сохранившимся преданиям, Старшая и Средняя орды (кроме аргынов) кочевали к Самарканду и Бухаре, а Младшая — к Хиве. А. И. Левшин утверждает, что казахи Младшего жуза отступали к Бухаре и Хиве. Там и до этих событий проживала часть казахского населения и играла значительную роль в общественной жизни. Количество казахов в среднеазиатских ханствах было заметным. Однако даже ценой огромных усилий казахскому народу не удалось сдержать натиска джунгарских войск. Враг оказался сильнее, казахским ополченцам пришлось отступать.

Казахи рода садыр оказались в окрестностях Самарканда, в районе Зеравшанской долины. В этом же регионе появились кишлаки с наименованием найман, жалаир, кыпчак, со многими отделениями этих родов. Конраты находились на левой стороне Сырдарьи, к ним примкнул приток беженцев. Здесь в долинах Жизакских гор и реки Зеравшан был голод из-за обилия беженцев из казахских степей. Мухаммед Якут Бухари писал: «В течение семилетних непрерывных набегов кочевники разорили земледельческие районы, расположенные между Самаркандом и Бухарой. В Мавераннахре наступил такой голод, что даже человеческое мясо пошло

в пищу людям, мертвых не хоронили, а съедали. Наступило полное смещение. Повсюду люди, покинув родные места, разбрелись в разные стороны. В Бухаре осталось два гузара (квартала) жителей. В Самарканде ни одной живой души не осталось». ⁴³ И хотя хронист того времени использует гиперболы, это было недалеко от истины.

По различным источникам, в период вторжения джунгарских захватчиков от военных столкновений, погромов, убийств, грабежей, голода, тяжелых переходов погибло около двух третей населения казахов. ⁴⁴ Символом народной скорби казахов об этой трагедии стал жоктау (песня-плач) «Елимай» Кожабергена. ⁴⁵

С вершины Каратауских гор спускаются откочевывающие (аулы);
При откочевке одиноко (потерявший мать) идет один верблюжонок;
Как тягостна потеря близких родных;
С черных глаз каплют чистые слезы.
Что это за година?
Година тяжелых испытаний и лишения бывшего счастья и богатства;
При всенародном бегстве пеших поднимается облако пыли.
Что это за время? — Время безначалия, беспорядочной паники;
Но вернется ли счастливое прошлое?
Близкие родные и Родина остались позади;
Тоскуя по ним, выпускаю из глаз море слез.

Так перевел содержание «Елимай» М. Тынышпаев, передавшего в виде песни-плача потомкам трагичность эпохи «Ақтабан шұбырынды».

От нашествия джунгар нарушилось внутреннее равновесие казахских и каракалпакских общин на берегах среднего течения Сырдарьи. Пострадали и каракалпаки. Отдельные их аулы ушли на юг, большинство — в нижнее течение Сырдарьи. Именно в этот период произошло разделение каракалпаков на средних и нижних. ⁴⁶ Многие из каракалпаков оказались во власти казахских старшин Среднего и даже Старшего жузов. Значительное количество с казахами Младшего жуза ушло на север к рекам Эмба, Темир, Уил.

Я. Гавердовский писал: «Ужасная и доныне в памяти киргизцев сия эпоха, сопровождаемая величайшими бедствиями, преследовала их до последней крайности. И по сие время сохраняются еще в преданиях орды (воспоминания) о храбрых героях и несчастных происшествиях того времени. Часто поседелые старики, указывая на крупные насыпи, прикрывающие прах усопших, говорили нам: здесь лежат наши батыры, погибшие на ратном поле, защищая вольность. Тут погребены целые аулы, истребленные многочисленными варварами». ⁴⁷

В том же 1723 г. джунгарские феодалы отрезали казахские ханства от таких городских ремесленных центров и рынков, как Ташкент, Туркестан, Сайрам.

На запад хлынула новая волна беженцев. Казахи Младшего жуза долго не смогли оставаться в пределах среднеазиатских ханств, ибо местные правители не только не предоставили им кочевья, но заодно с джунгарскими захватчиками не прочь были пограбить их.

В долинах верховьев Эмбы, по рекам Илек, Орь, Уя казахи столкнулись с башкирами. По этому поводу комендант города Уфы полковник Друмонт писал, что «каракалпакские войски тысячах в двух или больше

пришли к реке Илеку, киргиз-кайсаки с женами и детьми великим собранием идут туда же, а что их каракалпаков и касиков разбил хонтайши и два города у них взял и из жилищ их с женами и детьми выбили и многих порубили и в полон побрали».⁴⁸

Теснимые джунгарами казахи отошли к среднему течению Сырдарьи, в места, где жила значительная часть каракалпаков — «верхние» каракалпаки. Однако Абулхаир сумел проявить дипломатические способности и связи для укрепления отношений с каракалпаками. Общее бедствие объединило два родственных народа. Общее состояние Казахского ханства было тяжелым. Об этом периоде батыр Канжыгалы Богембай говорил, что «казахи по своим поступкам всегда беспокойство принимали, почти ото всех всюду бегая, как зайцы от борзых собак, разорялись и свой скот, бегаячи сами бросали, а иногда случалось в самой необходимой нужде жен и детей бросая, только уходили сами... Когда Зюнгарские калмыки нападут, побегут в сторону, а башкирцы нападут, то уходили в другую сторону, а волжские калмыки и яицкие казаки и сибирское войско нападут, тогда они уже бегать и места себе не находили, принуждены были от своего непостоянства, кто куда попасть мог успеть разбрестись».⁴⁹

Массовое передвижение казахов на запад вызвало большую тревогу среди кочующих между Уралом и Волгой калмыцких тайджей. Например, калмыцкий правитель Доржа Назаров и наместник Калмыцкого ханства Черен-Дондук писали астраханскому губернатору А. Волюнскому: «И собрався, идут на них, калмык, войною в 30-ти тысячах и хотя их завоевать, и теми местами, где они, калмыки, кочуют, завладать».⁵⁰ Астраханский губернатор, в свою очередь, озабоченно докладывал в Военную коллегию, что «ежели то правда, не надеюсь ни по которому образу, чтоб калмыки противу кайсаков... могли устоять».⁵¹ Новая волна пришедших на Яик казахов была настолько значительна, что под вопросом находилась сама судьба Калмыцкого ханства. Об этом свидетельствует просьба калмыцких владетелей к царскому правительству о военной помощи для охраны своих летних кочевий на левой стороне Волги. Поддержанные царскими войсками, калмыки в основном сохранили свои кочевья между Волгой и Яиком. В середине XVIII в. Яик стал границей между казахами и калмыками.⁵²

Тем временем кочевья Абулхаира и его приближенных расположились по верховьям реки Илек. Это было небезопасно. Севернее располагались башкирские кочевья — по Тоболу, Ишиму. Здесь рядом по верховьям Эмбы располагались калмыцкие кочевья во главе с Доржи Назаровым, вассалом хана Аюки.

Война с джунгарами, необходимость сохранения хозяйственной и территориальной целостности и независимости вынудили предпринять ответные меры. Об этом, в частности, свидетельствует письмо В. М. Бакунина к астраханскому губернатору Волюнскому от 9 февраля 1725 г. В нем говорится: «Из Бухары к Дорже Назарову прибыл караван, и сказывали, что ...понеже де пришедшим летом кайсаки, разделясь на четыре партии, ходили под калмык, под башкирцев, под бухары, под хунтайшу (хунтайджи. — *Ред.*) и во всех четырех партиях побиты». Другой документ конкретно сообщает: «Каракалпацкий и кайсацкий Абулхаир-хан, собрав войск своих пятьдесят тысяч, бился с хонтайшою, и хонтайша-де десять тысяч

кибиток их разорил, и оставшиеся де сорок тысяч кибиток идут сюда для взятия калмыцких войск, и ныне оные на реке Эмбе».⁵³ Казахские ополченцы не добились успеха, однако примечателен факт продолжавшейся борьбы народа против захватчиков.

Джунгарское и Калмыцкое ханства представляли для казахов угрозу удара с востока и с запада. Хан Аюка обменивался с хунтайджей Цэван-Рабданом посольствами. Посол от Цэван-Рабдана сообщал, что джунгары воюют с казахами и каракалпаками. Ближайшей весной он намерен кочевать у Яика и Волги. В такой обстановке состоялась встреча Абулхаира с послом хана Аюки. Это произошло на реке Темир (правый приток Эмбы). У Абулхаира было войско из казахских и каракалпакских ополченцев. При встрече с послом Абулхаир заявил, что «идет он воеватца с калмыками. А будет де с ним Орда тысяч с 40».⁵⁴

В начале сентября 1723 года Абулхаир во главе с 20-тысячным войском выступает против калмыцких тайджей. Они прошли по Эмбе, переправились через Яик. Калмыцкие тайджи оказались в затруднении. Казахи потеснили пятитысячное войско Доржи Назарова, обратили в бегство тайджи Досанга. Вскоре ополченцы Абулхаира и Тама Есета разбили улусы тайджи Лекбая, состоявшие из двух тысяч кибиток, захватили большое количество скота и пленных.

Все эти конфликты и противоречия Российская империя решила использовать в своих целях для того, чтобы «одну орду на другую орду поднимать, смирять, а своих людей в таких случаях беречь».⁵⁵

От джунгарского нашествия 1723–1725 гг. тяжелый урон понесли также кыргызы, узбеки, каракалпаки. Однако казахский народ принял на свои плечи основной удар джунгарского нашествия, поэтому положение других народов Средней Азии — кыргызов, узбеков, каракалпаков оказалось менее трагичным.

Казахское ханство было вынуждено втягиваться в сферу огромной Джунгарской империи. Историк Н. Попов писал о Галдан-Цэрэн: «Сила дала ему возможность не только отнять у киргизов несколько провинций, распространить свое влияние до Аральского моря, но и заявлять свои властолюбивые требования на пограничные сибирские земли... Из владения хинского (хивинского. — *Ред.*) некоторые города и места побрал, далай-ламу сбил, да и тем недоволен претендует самой Хины и имеет великую войну с хинцами, в которой знатно счастлив, что хинцы, будучи в страхе, принуждены помощи себе от калмык российских искать, а подданный китайский монгольский народ великим числом для спасения своего в российские границы бегут». На разрастание Джунгарской империи указывали П.И. Рычков и И. Земляничин.⁵⁶

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ВСЕНАРОДНОГО ОТПОРА ДЖУНГАРСКОЙ АГРЕССИИ. БАТЫРЫ

Всенародное бедствие, которое принесло джунгарское нашествие, вызвало в казахском народе не только отчаяние, но и осмысление всего происходящего. Встала необходимость объединения различных регионов для организации отпора неприятелю. Потеря многих пастбищ, перемещения

различных родов и общин на новые земли заставили различные слои казахского общества считаться с тяжелой реальностью. В этих условиях необходимо было общественное согласие. И в этом большую роль сыграли известные в народе казахские батыры, выдающиеся бии.

И чтобы предотвратить уничтожение народа, за свое спасение взялся сам народ, не надеясь уже на султанов и родоправителей. В те трудные годы во главе ополчения казахов встали Кабанбай-батыр, Богембай, Малайсары, Наурызбай, Жакшак Жаныбек и многие менее известные батыры.

Со сложным историческим периодом борьбы Казахского ханства против джунгарского нашествия в конце XVII — начале XVIII веков связана деятельность выдающихся биев Казыбека, Толе, Айтеке.

Личные качества, глубокое знание внутренней жизни казахского общества, умение объединить людей выдвинули фигуру хана Абулхаира. С самого начала своей деятельности он стремился опереться на большое число родов не только Младшего, но и Среднего жуза. Известно, что в своих действиях Абулхаир опирался на алшынов, байулинцев, род шекты из Жетыру. С начала 20-х годов XVIII века устанавливаются связи с влиятельными представителями родов Средней Орды. Так, известно сильное влияние Абулхаира на род керей. И это крайне важно. Богембай-батыр утверждает: «Токмо ж после Тавке-хана Абулхаир-хан был главным и много чинил по своей воле, не имея ни от кого препятствия...».⁵⁷

Поражение 1723 года не сломило волю и дух казахского народа. Новые столкновения с джунгарами произошли уже на следующий год. Теперь военные действия были перенесены в степи Центрального и Западного Казахстана.

Некоторое затишье в военных действиях Абулхаир использовал для организации более сильного и централизованного сопротивления джунгарским захватчикам. При этом были учтены ослабление в стане противника, отношения с соседями, внутренние взаимоотношения казахских султанов и межродовые отношения.

Уже в 1724 г. казахи под руководством Абулхаира одержали первые успехи. Достаточно сослаться на реляции Флорио Беневени: «Шоно-Лоузан (по-джунгарски Зайсан. — *Ред.*) через войну с Абулхаир-ханом город Туркестан взял было и 32 улуса, но потом, он Абулхаир-хан соединясь с казахами, таки через войну в Туркестан пришел и содержит даже и данные таки в своем владении».⁵⁸

В 1725 году был дан первый значительный отпор захватчикам. Об этом есть свидетельство источников — «кайсаки, разделившись на четыре партии, ходили под калмык, под башкирцев, под Бухары, под хунтайшу (хунтайджи. — *Ред.*) и во всех четырех партиях побиты».⁵⁹ Другой документ конкретизирует попытку казахов оказать сопротивление захватчикам. И становится ясной роль и значение действий Абулхаира, его решительность и организаторский талант, казалось бы, в безысходной ситуации: «Каракалпакский и кайсацкий Абулхаир-хан, собрав войск своих пятьдесят тысяч, бился с хонтайшою, и хонтайша де десять тысяч кибиток их разорил, и оставшиеся де сорок тысяч кибиток идут сюда для взятия калмыцких войск и ныне де оные на реке Эмбе».⁶⁰ Собрать пятидесяти тысячное войско после крупных поражений и повального бегства было задачей огромной трудности. И это можно считать показателем начала освободительной борьбы.

При изгнании джунгар с казахских земель из районов Отрара, Чимкента, Туркестана, Сайрама казахские воины проявляли героическую самоотверженность. В отдельных случаях уничтожали неприятеля именно в тех местах, где он позволял себе варварство по отношению к казахским аулам. В долине Теректы в горах Каратау, по притоку Боралдая, у маленькой речки Садыр-Камалбулак большой отряд калмаков был загнан к горе Улкен-Тур. И здесь у знакомых утесов они были уничтожены.⁶¹ Так горы Каратау оказались свидетелями не только поражений казахов, но и ярких успехов в освобождении своих земель.

Машхур Жусуп Копеев, собравший одним из первых народные предания периода великого бедствия, утверждает, что казахи Среднего жуза, возвратившиеся из бухарской стороны в Центральный Казахстан, под предводительством изгнанного батыра и полководца Шакшакулы Жаныбека нанесли сокрушительное поражение джунгарам в 1725 году в районе озера Шубарколь (в сторону Коргалжынских озер). Об этом свидетельствует и другой летописец Отечественной истории Шакарим Кудайбердиев. Вслед за этим казахские ополченцы встретили врага на реке Ак-Тасты, притоке Улы-Уила. Казахское ополчение имело ряд преимуществ. Прежде всего, джунгары проникли в глубь казахских земель, тем самым оторвались от своего тыла. Успеху способствовало великолепное использование казахскими воинами пересеченной местности. Выдающиеся полководцы своего времени хан Абулхаир, батыры Тама Есет, Тама Жантай, Каракерей Кабанбай, Канжыгалы Богембай объединили свои усилия и вступили во взаимодействие. Так появилось на карте Казахстана одно из первых названий местностей «Калмак кырылған» (место, где истреблены калмыки).

Теперь казахские отряды освободили не только земли по нижнему течению Сырдарьи, но и часть гор Мугоджары. Этим было разорвано полукольцо, возникшее в первой половине XVII века, когда джунгары создали непрерывную цепь своих кочевий от гор Алтая до рек Ишим и Урал (Яик).

К 1726—27 годам султаны и бии начали проводить широкую политику по объединению всех казахских родов против агрессора. Наиболее энергичным эту политику стал проводить хан Младшего жуза Абулхаир.

Осенью 1726 года состоялся всеказахский съезд в местности Ордабасы, на возвышенной сопке над рекой Бадам. На съезд были приглашены ханы Абулхаир, Абулмамбет, Семеке, Кушик, Жолбарыс, султаны, бии разных родов во главе с Толе-би Алибекулы, Каздауысты Казыбек-би, Айтеке-би, прославленные полководцы и батыры.

Основным вопросом на съезде был вопрос об организации всенародного отпора агрессору. В условиях угрозы, нависшей над Родиной, отошли на второй план внутриродовые противоречия, борьба за власть над всеми жузами, за пастбища. Участники съезда поклялись быть вместе, координировать свои действия, выступить объединенным фронтом на врага.

Другим, не менее важным вопросом, который обсуждался на съезде, был вопрос об избрании предводителя всеказахского ополчения.

По оценке М. Тынышпаева, к 1726 году Абулхаир уже выглядел стариком по сравнению с другими политическими деятелями. Это выражение может относиться к оценке политической деятельности или к возрасту. В любом случае это была достаточно авторитетная личность среди казахских ханов.⁶²

Кожаберген-жырау в дастане «Елимай» констатирует, что «Абулхаир избран главой армии» («Сайланды Әбілқайыр әскер басы»).⁶³

Здесь в Ордабасы Абулхаир был избран предводителем казахского ополчения. А.И. Левшин писал по этому поводу: «Общее предприятие тотчас освящено клятвою верности друг другу. Хан Абулхаир избран главным предводителем, и белый конь, принесенный по народному обычаю в жертву, был принят залогом будущего успеха». И эти же положения он раскрывал: «Опасность примирила внутренние междоусобия, возродила общее согласие и направила всех к одному предмету. В собрании целого народа положено двинуться вперед, напасть на общих врагов и вытеснить их из древних киргиз-казахских земель. Общее предприятие тотчас освящено клятвою в верности друг другу. Хан Абулхаир избран главным предводителем». ⁶⁴ Об избрании Абулхаира в 1726 году Н. Г. Аполлова отмечала: «Представление о том, что возвышение Абулхаира связано с наиболее влиятельными представителями военной знати (батырами Богембаем, Жаныбеком, Есетом), видимо имеет серьезные основания». ⁶⁵

А. И. Добросмыслов оценивал выдвижение Абулхаира: «Самым сильным, предприимчивым и энергичным из ханов казахских орд в начале второй четверти XVIII столетия был ближайший наш сосед хан Малой орды Абулхаир». Сардарбеком всеказахского ополчения из числа батыров был избран Канжыгалы Богембай.

Внутренний воодушевленный настрой казахского общества, роль батыров, достижение всеобщего единства в принятии решений на съезде в Ордабасы были предвестниками резкого поворота в Отечественной войне.

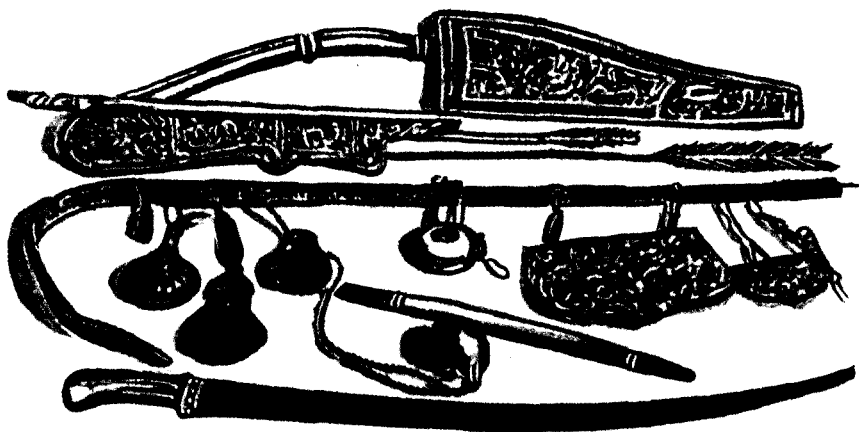
Ход военных действий диктовался условиями достигнутого. От джунгарских захватчиков были освобождены обширные урочища по среднему и нижнему течению реки Сырдарьи, долины реки Арысь и ее притоков, горы Каратау, степные места по течению реки Талас, часть гор Мугоджары. Необходимо было если не вернуть, то создать плацдарм для освобождения богатых и обширных пастбищ Улытау.

Одержанные после «Ақтабан шұбырынды» первые победы казахских батыров, съезд в Ордабасы подняли боевой дух народа. Многие казахи могли сказать словами батыра и жырау Ақтамберды, что «позор поражения с джунгарами стал глотком воды из Сарысу в жажде борьбы. В награду каждый казах получил меч и с благословением двинулся на врага».

Битва при Буланты. У казахов огромные территории Центрального Казахстана называют Сарыаркой. В свою очередь Сарыарка – это символ историзма. Здесь свои традиции материальной и духовной культуры казахов. Жемчужиной Сарыарки являются горы Улытау. Впрочем в понятие Улытау входит целая система гор, рек, озер. Сюда входят более десятка гор, среди которых выделяются Кишитау, Арганаты, Жельдыадыр (Жельтау), Куадыр, собственно Улытау и другие. Вся эта горная система с реками Жезды, Жыланды, Сары-Кенгир, Кара-Кенгир, Буланты, со значительной частью течения Сарысу, с верховьями рек Терсаккан, Керей, Кыпшак, Жаксы Кон, Кара-Тургай, Сары-Тургай занимает огромную территорию. У кого в руках находились горы Улытау с прилегающей территорией, тот господствовал во всем Центральном Казахстане.

Известно, что в верхнем Приишимье, на Кокшетауской возвышенности, в горах Ерейментау в Годы Великого бедствия господствовали джун-

Вооружение казахов XVIII в.

гары. Очень часто их общины сосуществовали с кочевьями казахов. При выходе из горной системы Улытау к горам Ерейментау и Кокшетау джунгары создали один из центров своих анклавов. В низовье реки Нуры они укрепили поселение Батогай (Батугай). Оно имело значительную застройку с жилыми и культовыми помещениями, хозяйственными постройками. Были здесь и каменные помещения для военных целей и изразцовые украшения для помещений джунгарской верхушки. Возведение такого поселения не могло быть сделано враз и говорит о том, что его владельцы располагались на данной территории по крайней мере несколько десятилетий. Тем самым для казахов выход с Улытау на север был закрыт. Хотя, по устным преданиям, из здешних мест казахские и джунгарские общины нередко кочевали совместно и уходили на юг до рек Сарысу и Чу. Сохранилась карта Джунгарского ханства, составленная в конце XVII века. По утверждению исследователей, все номинации карты относятся к концу XVII века. И карта, и номинации были составлены иезуитами, служившими при дворе цинского императора Канси. На карте обозначены горы Улытау, Кишитау, реки Кенгир, Сарысу и над всем этим крупным шрифтом «Киргиз-казак. Казахская орда». Значит, вся система Улытау входила в состав Казахского ханства.

В конце XVII — начале XVIII вв. военные действия между казахскими дружинниками и джунгарами проходили по линии между горами Ерейментау и Жельдыадыр, особенно в районе нижнего течения реки Нура. В этом районе и в наши дни находится множество джунгарских захоронений. Часть из них появилась в конце XVII — начале XVIII вв. Тогда же и возник джунгарский форпост в 60 км к северу от поселка Чулак-Курган, и в низовьях реки Талас появился арык под названием Калмак.

Борьба за горную систему Улытау стала важной вехой в ходе войны. У подножья гор Улытау состоялось одно из важнейших сражений в ходе «Ақтабан шүбырынды — Алкакол сұлама» (Отечественной войны 1723—1730 гг.).

Стремительное продвижение и неожиданное появление казахской конницы в 20—25 тысяч всадников предопределили успех в выходе к Улытау. Встречавшиеся на пути джунгарские кочевья бежали и спасались как

могли. Однако весной 1728 г. в предгорьях Улытау в местности Карасиыр состоялось крупное сражение казахских войск с джунгарами. Начало сражения, его ход, основные места гибели кочевников можно восстановить не только по устным преданиям, опубликованным работам исследователей прошлого, но и картографическим источникам. Именно они подтверждают мысль о выходе казахских дружинников с гор Каратау и течения Сарысу в исходный регион к реке Белеуты.

На карте-десятиверстке Западной Сибири, изданной в 1920 году, содержится важная информация о местности при впадении притока Карагайлы в реку Белеуты. Здесь захоронения носят название Калмак-чангара. Другое место обозначено как «Қалмақ қырылған» по середине течения реки Улкен-испе-Белеуты. Однако оба эти топонима относятся к названиям местностей при слиянии реки Белеуты с притоком Карагайлы.⁶⁶

Начало военных действий начиналось именно с местности, прилегающей к слиянию Белеуты с Карагайлы. Здесь в начале сражения джунгары понесли первые значительные потери. Казахским дружинникам удалось развить успех. При этом направление отступления джунгар диктовал характерный рельеф местности. Широкое плато, где произошла битва, называлось Карасиыр. Эта местность находится в междуречье Буланты и Белеуты.

Булантинское сражение показало огромную волю казахских ополченцев к победе. Выдающиеся полководцы своего времени Каракерей Кабанбай, Шакшак Жаныбек, Тама Есет, Басентеин Малайсары, Таракты ер Байгазы и др., стоявшие во главе самостоятельных войск, вели ополченцев в бой, действуя слаженно под общим командованием Абулхаир-хана и Канжыгалы Богембая. Огромную организаторскую работу по вооружению ополченцев проделал Шакшак Жаныбек, под началом уста (кузнеца) Дархана в Улытауских горах трудились оружейные мастера.

О воинственности казахских ополченцев Я. Гавердовский писал: «Облегшись в панцыри, они, согласно тем же преданиям, сражались отчаянно и поле битвы оставляли часто под твердыми своими стопами».

Канжыгалы Богембай Ақшаулы (1680–1778 гг.) — полководец, командующий всеказахским ополчением, дипломат, один из выдающихся организаторов всенародной освободительной Отечественной войны с джунгарами. Его ополченцы сражались с яицкими казаками, джунгарами, вооруженными силами Цинской империи.

Каракерей Кабанбай (Ерасыл) Қожағұлулы (1691–1769) — полководец, народный батыр, один из организаторов борьбы за освобождение казахского народа от джунгарских захватчиков. Был во главе найманского ополчения в обороне Туркестана (1724), Алакульском (1725 г.), Булантинском, Анракайском, Шаганакском и др. сражениях.

Его жена Гаухар, сестра батыра Малайсары, участвовала наравне со своим мужем в многочисленных битвах. Ей принадлежат слова: «Атадан ұл болып тума, ер болып ту». «Родись не только сыном отца, а героем». Кабанбай назван Абылай-ханом Дарабозом («штурмующий небо»), об его подвигах слагали легенды.

Шакшак Жаныбек — полководец, государственный деятель, дипломат, один из организаторов освободительной борьбы с джунгарами. Неоднократно выходил победителем в поединках с джунгарскими батырами. Был активным сторонником укрепления казахско-русских отношений. По его

выбору и решительной поддержке его султан Абылай стал ханом Среднего жуза.

Тама Есет — полководец, старейшина рода тама, впоследствии тархан, один из организаторов народно-освободительной войны с джунгарами, командовал крупным подразделением всеказахского ополчения (до 4000 уланов) во многих сражениях с джунгарами.

Басентиеин Малайсары Токтауыулы — полководец, старейшина рода басентиеин, дипломат, тархан, один из организаторов освободительной войны казахского народа с джунгарами, командовал крупным подразделением ополченцев во многих сражениях. Его именем названа «гора Малайсары».

«Иногда, же, подобно ужасной буре, поражали они скопища неприятельские и след их бегства покрывали трупам». ⁶⁷

Замечательным стратегом и тактиком маневренного боя проявил себя полководец, батыр Канжыгалы Богембай.

Видный фольклорист, этнограф А. Диваев донес до наших дней немало исторических преданий. В частности, одно из преданий гласит, что три рода Младшего жуза с частью Старшей орды воевали на северных границах Сарыарки с джунгарами. Отличились в боях знаменитые снайперы Тайлак (из Младшей орды) с племянником мергеном Саныраком (Большая орда, Ошакты, род Тасжурек). На горячий призыв сбросить джунгарское иго откликнулись все казахи. Об этом периоде борьбы с джунгарами М. П. Вяткин отмечал: «Огромные потери людей и скота заставили казахов сплотиться. Любопытно отметить, что первый удар ойратам казахи нанесли не под руководством султанов, а под предводительством батыра Тайлака из Малого жуза, Богембая — Среднего и Санрака — поколения ошакты Большого жуза. Это столкновение имело то большое значение, что послужило началом массовой организации казахских сил всех трех жузов». ⁶⁸ Эти же положения ранее отмечали историки М. Тынышпаев и А.И. Левшин. Жырау-трибун, принимавший участие в многочисленных сражениях, Таттикара прославил на века героев:

Камыш на склоне на овражьем,
Словно стальных батыров строй,
Но только в окруженье вражьем
Мы распознаем, кто герой...

Вот Жаныбек, Шакшака сын —
Звенящая стальная пика!
Бокей с Сагыром из уйсынов
Продолжат этот ряд великий.
Мандай, Дерипсалы — кыпчаки,
А вот Баян с Сары — уаки,
Где много струсило батыров,
Кто смог вернуть их из атаки?
Стройней и выше всех сосна,
И ей подобен Богембай.
Кто на врагов бросался с криком
И их нанизывал на пику? —
Керей Еменалы Жабай!⁶⁹

В народной памяти сохранилась и песня другого жырау — Ақтамберды:

Путь нам проложил Жанай, —
где оставим мы следы,
Вспомнит ли нас отчий край?
Героем был каждый
из участников битвы.
Имя им — легион.

В своих исследованиях А. Диваев, в частности, отмечал, что джунгарские завоеватели бежали, понеся огромные потери, «причем самая блистательная победа была одержана в местности Кара-сиыр». ⁷⁰ Холм, расположенный в центре плато, отныне стал носить название «Қалмақ қырылған» (место, где истребили калмаков).

Героический пафос Булантинского и ряда других сражений донесли до нас произведения Умбетай-жырау, Ақтамберды-жырау, Таттикара-жырау, Бухар-жырау, акын Котеш. Имена батыров Богембая Ақшаулы, Санрака Токтыбайулы, Ақтамберды Сарыулы, Олжабая Алимұлы, Конакая Жаксықулулы, Болека Сатайулы, батыра Баяна, Жарылғапа и других стали при жизни легендарными.

Однако на этом события не завершались. Часть джунгарских всадников сумела прорваться к верхнему течению речки Буланты. Но и здесь их настигли отряды казахской конницы. И снова на пересеченной местности джунгары были разбиты, только отдельным группам удалось уйти в горы за Майтүбе и Курайлы в сторону Улытау.

Победа в местности Буланты-Белеуты имела большое значение. Она дала возможность казахским ополченцам поверить в свои силы, совершить поворот в сознании народа. К концу 20-х гг. XVIII в. джунгары были вытеснены из региона Улытау. Последним противостоянием в этом было сражение при местности Карамолла, в районе прилегающем к верхнему течению реки Жаксы Кон. И снова джунгары потерпели поражение. Во всей округе эта местность известна как «Қалмақ қырылған», т.е. место истребления джунгар.

Победа казахских отрядов при Буланты-Белеуты имела еще один аспект — стратегический. Победа казахских дружинников при Буланты-Белеуты предопределила успех Аныракайской битвы.

Аныракайская битва. В победоносном завершении Отечественной войны (1723—1730 гг.) казахского народа против джунгарской агрессии выдающуюся роль сыграла Аныракайская битва. О ней рассказывает устная историческая традиция казахов, ей посвящена работа М. Тынышпаева ⁷¹ и ряд других косвенных источников.

В вопросе о времени Аныракайской битвы все авторы в основном единогласны. И те, кто пользовался устными преданиями и те, кто идет следом за М. Тынышпаевым. Кроме того, логика событий Отечественной войны 1723—1730 гг. подтверждает год — 1730. М. Тынышпаев утверждал, что первые победные наступления казахов после годов Великого бедствия относятся к 1726 году или к 1727 г. и что Аныракайское побоище и смерть Болатата произошли «не позднее весны 1730 года, так как в июле того года посольство Абуль-Хайра было уже в Уфе». ⁷²

В исторической литературе последних лет все чаще идет спор о месторасположении Итишпес Алакуля. А. Диваев считал, что «Аныракай

находится при озере Итишпес, на Алакульской стороне... к горам, что на север от Аральского моря». М. Тынышпаев, хорошо знавший местность, справедливо считал, что «Анрахай находится не там, где указывает А. Диваев, а в 120 верстах на юго-восток от южной оконечности о. Балхаш, известной у казахов под названием «Итишпес Алакуль» (озеро Алакуль, воду которого не станет пить даже собака, т. е. до того плохая)». ⁷³ Тем не менее дискуссия по расположению озера Алакуль продолжается.

В 1997 г. Аныракайская научная экспедиция (руководители: госсекретарь РК, народный писатель Казахстана А. Кекилбаев, академик НАН РК М. Козыбаев) пришла к выводу, что прав был в этом споре М. Тынышпаев, в данном случае речь идет об Алакуле, который находится в юго-западной оконечности Балхаша.

Карта озера была составлена спустя 180 лет после Аныракайской битвы в начале прошлого века специальной научной экспедицией Переселенческого управления Российской империи под руководством П. П. Румянцева. В своем заключении она отметила, что «вода в Алакуле горько-соленая, ... а в верстах в 15—20 от берега вода уже пресная или почти пресная». ⁷⁴

Как известно, в одном из таких солонцов, в местности Кашкарбайтуз, в начале XX в. добывалась соль. Она частью вывозилась на верблюдах в Аулиеатинский, Пишпекский и Верненский уезды.

В материалах экспедиции Переселенческого управления дано описание озера Алакуль. «На урочищах Батпакин и Аиргизен,* — говорится в нем, — берега Алакуля открытые; только кое-где у самой воды растет мелкий тальник и невысокий камыш; последний растет и на отмелях, частью покрытых водой. Таковы же берега и видимых островов. Западнее названных урочищ берега каменистые, здесь же камни попадают только изредка. Восточнее — берега низменные, заросли камыша (вернее, тростника) становятся гуще и выше, а ближе к Топару, протоку Или, начинаются сплошные прибалхашские «джунгли». Уровень воды в Алакуле очень изменчив, что хорошо видно по линии приборя». ⁷⁵

Между Алакулем и Аныракайскими горами тянется слегка всхолмленная солонцевато-песчаная степь, покрытая кустами баялыша, изена, тамариска. В долинах господствует полынь с примесью эвелека. В более глубоких логах встречаются заросли чия, ближе к Хантау — даже мелкий камыш. Комиссия Переселенческого управления, отмечая бесчисленные острова, усеявшие Алакуль, напоминающие своим рельефом, своей почвой и растительностью, соседствующую бугристую степь, барханы, предположила, что она была когда-то дном высохших заливов.

Восточнее Аныракай находится долина Карой. Аныракайские горы (длиной 75 км, шириной 5 км) относятся к системе Чу-Илийского водораздела. От западных отрогов Аныракай долину Карой (не следует смешивать с плато Карой, лежащим на востоке между рр. Курты и Каскелен и доходящим до р. Или) отделяет невысокий хребет Кулжабасы. С Аныракайских гор выходили пять логов на дорогу Бестамакжол, ведущий к плато Бота-Бурун (искажено название — точнее: Бота Бурым) в сторону лога Аксуйек сай, Жусандала. *

* Названия урочищ искажены (ред.)

Среди хребтов и сопок Чу-Илийского водораздела выделялся Хантау, где подходы засыпаны щебнем, порою горные породы, преимущественно из сланцев, выходят на поверхность.

Аныракайская экспедиция (сентябрь 1998 г.), направляясь от ст. Буырыл Байтал к Хантау, вышла к знаменитому Қан-арыку (Арык крови). Ров этот ныне глубиной метр с небольшим, шириной около двух метров, берега его давно осыпались и заросли травой. Это грандиозное сооружение, протяженностью несколько сот километров, по легенде было вырыто по велению Чингисхана, после того, когда был убит Жошы во время охоты на куланов, которые в те времена водились большими табунами по Балхашу, Или и, особенно, Топару. По легенде, великий потрясатель вселенной «велел вырыть арык от Балхаша до Курдая, поставил на берегу его своих воинов, а загонщики погнали на них куланов от Топара. И ни один кулан не перескочил через арык, а весь он до краев наполнился кровью убитых куланов. Поэтому и назван Қан-арык».⁷⁶

Таким образом, для ведения боя с джунгарами, Хантау — район с невысокими горами и сопок, безводной, глинистой почвой, усыпанной щебнем, почти лишенной растительности, значительно уступал Аныракайским горам.

Всеказахское ополчение заняло заранее выгодное стратегическое положение. В Хантау, в местности «Улкен Орда конган», располагалась ставка хана Среднего жуза. Там же находилась ставка хана Младшего жуза.⁷⁷ Казахские ополченцы располагались в тугайных лесах в долине реки Или, Жусандале. Джунгары в своем тылу имели «Итишпес Алакуль», безводную степь.

С тыла врага находился Аксуйек-сай. Недалеко от него на карте обозначен Абулхайртау. Можно предположить, что здесь находились ставка хана Абулхайра и ополчение Младшего жуза. Таким образом, враг в случае поражения был бы вынужден отступить к «Итишпес Алакулю», где и происходило, по всей вероятности, заключительное сражение.

М. Тынышпаев обратил внимание своих современников на названия в районе современного села Подгорное «Абулхайр-сай» и реки Сункайтты (точнее было бы «Сумкайтты» — «враг повернул назад»). По всей видимости, в этих местах шли бои в одном из этапов этой грандиозной битвы.

Таким образом, театр военных действий Аныракайской битвы занимает около 200 километров. Можно сказать, что это было сражением века. Аныракайское сражение происходило на границах степного Казахстана и горных и полупустынных районов юга Казахстана. Такой выбор места сражения был не случаен. Место сражения очень удачно вписывается в общую стратегию замысла по разгрому противника, в случае его поражения он безостановочно отступает по пустынной степи до истока реки Или. Таким образом, это сражение было навязано казахами джунгарам, а не наоборот.

По северо-западной стороне от Балхаша тянутся Чу-Илийские горы, загораживающие ветры со стороны самого озера. Ветры дуют так же со стороны Кызылкумов и Муюнкумов. В соседстве с Аныракайскими горами находятся Желдытау, Желдыбел (жел — ветер). В Аныракайских горах ветер как бы издаст рев (Анырак жел). Кроме этого, народ сложил легенду о том, что Аныракай — место стонов и рыданий потерпевших поражение джунгар.

В конце весны 1730 года казахские ополченцы, подкрепив своих коней в песках Муюнкум и в долинах рек Буркутты, Шабакты, Караконьы, Ыр-гайты, Чу, вышли в район гор Хантау и к Аныракайским горам.

Сражением на Аныракае руководил хан Абулхаир. Именно это сражение стало вершиной его политической деятельности. В сражении приняли участие ополченцы всех трех жузов. Мужество, стойкость, непоколебимая уверенность в своей победе руководили батырами в этом сражении.

Битва началась с поединка. С джунгарской стороны вышел на межу талантливый военачальник, непревзойденный воин рукопашных схваток, Шарыш. С казахской стороны вызвался на поединок двадцатилетний Сабалак (псевдоним Абылай). По свидетельству участников главных событий тех лет Бухар-жырау, Умбетай-жырау, Таттикара-жырау, именно в этом поединке Абылай, победив своего грозного соперника, прославил себя на веки. М. Тынышпаев впоследствии писал, что Абылай затмил тогда остальных выдающейся храбростью. К таким же выводам пришли исследовавшие эту проблему М. Копеев, Ш. Кудайбердиев, М. Дулатов.

Несомненно удачное начало битвы вдохновило воинов-казахов на победу. И они победили. Окрыленные чувством патриотизма, они проявили свой героизм, удачу, сплоченность и высокую военную выучку. В этом сражении проявились лучшие качества самого хана Абулхаира и его сподвижников.

Среди тех, кто проявил в Аныракайской битве личное мужество и организаторские способности, были многие батыры, бии, султаны, родоначальники — представители всех трех жузов.⁷⁸

В 28 песнях-толгау известный Бухар-жырау, говоря об Отечественной войне 20-х годов XVIII века, называл имена батыров Каракерея Кабанбая, Канжыгалы Богембая, Шакшака Жаныбека, Тама Есета, Сиргели Каратлеуке, каракалпака Кулашбека, Шапрашты Наурызбая, Кудайменды Жибекбая, Сенгирбая и Шуйкебая, Тансыккожу Малыта, Каскараула Молдабая, Айнаула Батыя.⁷⁹ Все они возглавляли казахские сотни и тысячи ополченцев. Так у казахов строилась градация воинских отрядов. Причем эти же батыры принимали участие в сражении при Карасиыре и в Аныракайской битве. Для некоторых батыров это было последнее участие в военных действиях, для других стало началом их военных успехов. Например, для батыров Олжабая, Наурызбая.

В сражениях во второй половине 20-х годов XVIII века принимал участие поэт и воин Ақтамберды-жырау Сарыулы. Он не только храбро сражался, но и в своих произведениях раскрывал народный характер Отечественной войны. В этой же войне принимал участие Умбетай-жырау, воин и поэт.⁸⁰ Один из самых популярных поэтов и мыслителей казахского народа Бухар-жырау не только был свидетелем этих событий, но и со своим народом пережил весь ужас поражений и радость побед в Отечественной войне.

Мужество и личная доблесть казахских батыров и рядовых воинов нашли отражение в эпизодах и описаниях военных действий в казахском героическом эпосе.⁸¹

Навесегда в исторической памяти народа остались события освобождения горных районов Каратау, Улытау, земель Сарыарки и Жетысу. Битвы «Калмак кырылган» на Ак-Тасты, в местности Буланты-Белеуты, Аныракайское сражение стали героическими символами исторического прошлого казахского народа.

Аныракайское сражение стало переломным в сознании народа. Народ, воспрянувший духом, понял, что джунгар можно победить. Несмотря

на внушительную победу, противник еще был в силе, и потому предстояла долгая и изнурительная борьба с ним в последующие годы.

Особенную важность этой борьбы прекрасно понимали видные политики того времени — Толе-би, Казыбек-би, Айтеке-би, хан Абулхаир, султаны Барак, Батыр, Абулмамбет и юный Абылай. Единый порыв всего народа и его духа были так велики, что в какой-то степени наступило успокоение и многие султаны стали вновь придерживаться центробежных тенденций. Этому способствовали инертные действия многих султанов и батыров, воспрепятствовавших воссозданию единого и мощного Казахского государства. И в этом тоже состоит один из уроков Аныракайского сражения. Самоуспокоенность и бездействие дорого обошлись для Казахского государства в последующем.

¹ Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казахских, орд и степей. Ч. II. СПб., 1832, с. 90–94.

² Дополнения к актам историческим, док. 80, XIV, с. 386 (Далее ДАИ).

³ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. Казань, 1889, с. 134.

⁴ Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 2. СПб., 1885, с. 82.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 568.

⁶ Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, с. 128.

⁷ Потанин Т. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1868, кн. 2, с. 2.

⁸ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. М., 1983, с. 213–278.

⁹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 1. А., 1961, с. 426.

¹⁰ Щеголов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882. Сургут, 1993, с. 95; Памятная книжка Акмолинской области на 1914 г. Омск, 1914, с. 88.

¹¹ Арзыматов А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII вв. Фрунзе, 1966, с. 49.

¹² Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.) А., 1991, с. 64–65.

¹³ Арзыматов А. Указ. работа.

¹⁴ Козыбаев М. Жауды шаптым ту байлап. А., 1994, 67–6.

¹⁵ Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Ташкент, 1957, с. 163. Валиханов Ч. Ч. Аблай // Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 1. А., 1961, с. 426.

¹⁶ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, с. 5; Галиев В.З. Внешняя политика Казахского ханства в конце XVII – первой половине XVIII веков // Казах халқының XVIII ғасырдың бірінші жартысында өз бостандығы мен тәуелсіздігі үшін азаттық күресі. Целиноград, 1991, 17–6.

¹⁷ Гавердовский Я. Обозрение киргиз-кайсацкой степи, ч. II // Архив Ленинградского отделения Института истории России. Коллекция 115. № 495. Л. 84–85; Семенов Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974, с. 84–85.

¹⁸ Маев Н. М. Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1868 год // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 2, СПб., 1873, с. 416.

¹⁹ Диваев А. Мавзолей Кок-Кесене // Протокол заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 10. Ташкент, 1915, с. 41.

²⁰ КРО-1, с. 53.

²¹ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. А., 1948, с. 131.

²² Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 17.

²³ Абдиров М. Он был ханом, его звали Абулхаир // *Казахстанская правда*. 1993. № 137–138. 16 июня.

²⁴ Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких, орд и степей. Ч. II. СПб., 1832, с. 93.

²⁵ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Т. 1. Казань, 1897, с. 136.

²⁶ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, с. 5.

²⁷ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Т. 1. Казань, 1897, с. 135.

²⁸ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. А., 1948, с. 170.

²⁹ Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России, с. 171; Есть сведения о том, что в конце XVII века казахи могли выставить войско из 80 тысяч всадников (Дополнение к актам историческим. Т. X. СПб., 1867, с. 386).

³⁰ Памятники Сибирской истории XVIII века. Т. 2. СПб., 1885, с. 159–163.

³¹ КРО-1, с. 22.

³² Там же.

³³ Памятники Сибирской истории. Т. 2. СПб., 1885, с. 157.

³⁴ Посольство к зюнгарскому хунтайджи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевого журнал его за 1722–1724 годы // *Записки РГО. По отделению этнографии*. Т. X. Вып. 2. СПб., 1887, с. 192–193.

³⁵ Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких, орд и степей. СПб., 1832. Ч. II, с. 69; *Мамырулы К. Казак халкынын жонгар баскыншыларына карсы куресі. Өскемен*, 1994, 120–145-б. *Тынышпаев М. История казахского народа*. А., 1993, с. 187–188.

³⁶ Посольство к джунгарскому хунтайджи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии Ивана Унковского, с. 102.

³⁷ Там же, с. 193.

³⁸ Там же, с. 194.

³⁹ Иванов П. П. Предание о калмыцком нашествии на Сайрам // *Сборник Туркестанского восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта*. Ташкент, 1923, с. 57–58.

⁴⁰ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986, с. 126.

⁴¹ *Хаджамкули-бек Балхи. Тарих-и кипчак-хани (История кыпчакских ханств)* // *Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв.* Ташкент, 1988, с. 265–266.

⁴² Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких, орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2, с. 70–71.

⁴³ *Мухаммед Юсуф Мунши. Мукум-ханская история. Перевод и предисловие А.А. Семенова*. Ташкент, 1958, с. 162; Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии. Год. XX. Вып. 2. Ташкент, 1916, с. 77.

⁴⁴ *Чехович О. Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII–XIX веков* // *Вопросы истории*. 1956, № 3, с. 88; *Худайбердыевы III. Родословная тюрок, киргизов, казахов и ханских династий*. А., 1990, с. 50–51.

⁴⁵ *Үш пайғамбар*. А., 1992, 156–183-бб; *Тынышпаев М. Т. Актабан шұбырынды (Великие бедствия и великие победы казахов)* // В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с. 60.

⁴⁶ *Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII–XIX веках*. Ташкент, 1968, с. 29–35; *Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков*. М.-Л., 1959, с. 137.

⁴⁷ *Гаввердовский Я. Обзорение киргиз-кайсацкой степи. Ч. II.* // *Архив Ленинградского отделения ин-та истории России*. Колл. 115. № 495. Л. 52.

⁴⁸ Материалы по истории каракалпаков // *Труды института востоковедения АН СССР*. Т. VII. М.-Л., 1935, с. 185; *Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX – начале XX вв.* // *Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия*. Т. IX. М.-Л., 1950, с. 38.

- ⁴⁹ КРО-1, с. 385.
- ⁵⁰ *Апаллова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России. А., 1948, с. 174.
- ⁵¹ *Там же*, с. 173–175.
- ⁵² КРО-1, с. 115; *Попов Н. В.* Н. Татишев и его время. М., 1961, с. 172.
- ⁵³ *Рычков П. И.* История оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896, с. 5.
- ⁵⁴ *Апаллова Н. Г.* Указ. работа, с. 174.
- ⁵⁵ КРО-1, с. 115.
- ⁵⁶ *Земляничин И.* Исторический очерк Семипалатинска // Материал для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. IV. СПб., 1876, с. 5.
- ⁵⁷ КРО-1, с. 62.
- ⁵⁸ К истории каракалпаков XVIII в. // Красный архив. 1938, № 6, с. 245.
- ⁵⁹ Материалы по истории каракалпаков. М.-Л., 1935, с. 183–184.
- ⁶⁰ *Там же*, с. 184; *Сабыханов А.* Годы Великого бедствия («Ақтабан шұбырынды, алакол сұлама») // История Казахской ССР. Т. 3. А., 1979, с. 21.
- ⁶¹ *Комаров П.* О боралдайских письменах // Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии. Год 10. Ташкент, 1905, с. 25.
- ⁶² *Тынышпаев М.* История казахского народа. А., 1993, с. 79.
- ⁶³ *Тынышпаев М.* Великие бедствия (Ақтабан шұбырынды) А., 1992, с. 146.
- ⁶⁴ *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких, орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2, с. 71.
- ⁶⁵ *Апаллова Н. Г.* Указ. работа, с. 135.
- ⁶⁶ Десятиверстная карта Западной Сибири. М., 1920.
- ⁶⁷ *Гаввердовский Я.* Обзорение киргиз-кайсацкой степи. Ч. П // Архив Ленинградского отделения Института истории России. Коллекция 115. № 495. Л. 52.
- ⁶⁸ *Ваткин М. П.* К истории распада казахского союза // Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2. А., 1948, с. 5.
- ⁶⁹ Озера степные. Казахская поэзия VIII–XIX вв. в переводе О. Жанайдарова. А., 1999, с. 133.
- ⁷⁰ *Диваев А.* Мавзолей Кок-Кесене (историко-археологическая заметка) // Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии. Год 10. Ташкент, 1905, с. 41; *Кастанье А.* Древности киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 23. Оренбург, 1911, с. 188. *Галиев В. З.* Битва при Буланты // Мысль, 2000, № 6, с. 61–64.
- ⁷¹ *Тынышпаев М.* Великие бедствия, А., с. 139, 146, 147–148.
- ⁷² *Там же*, с. 149.
- ⁷³ *Там же*, с. 145.
- ⁷⁴ Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Том IV. Верненский уезд. СПб., 1913, с. 74.
- ⁷⁵ *Там же*, с. 75.
- ⁷⁶ *Там же*, с. 78.
- ⁷⁷ *Тынышпаев М.* Указ. соч., с. 145.
- ⁷⁸ *Қозыбаев М.* Анырақай шайкасы – Отан тарихының жарқын белесі // Егемен Қазақстан 1999, 25 тамыз; *Қозыбаев М.* Қазақтың даңқын асырған; *Там же*, 2000, 1 ақпан; *Тынышпаев М.* История казахского народа, с. 196.
- ⁷⁹ Бес ғасыр жылдайды. 1 том. А., 1984, 110-б.; *Қобландин Қ. И.* Ер есімі – ел есінде // Қазақ халқының XVIII ғасырдың бірінші тартысында өз бостандығы мен тәуелсіздігі үшін азаттық күресі. Целиноград, 1991, 41–46-бб.
- ⁸⁰ *Мағауин М.* Ғасырлар бедері. Әдеби зерттеулер. А., 1991, 67–71, 76–80-б.
- ⁸¹ *Ғабдуллин М., Садықов Т.* Қазақ халқының батырлар жыры. А., 1972; Қазақ тарихы жылдарының мәселелері. А., 1979.

Глава третья

НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ (30–40-е ГОДЫ XVIII в.)

1. СОЗДАНИЕ КРЕПОСТЕЙ В ПРИИРТЫШЬЕ КАК НАЧАЛО ВОЕННО-КОЛОНИАЛЬНЫХ АКЦИЙ ЦАРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

В начале XVIII в. с новой силой возобновились попытки царских владений и русского купечества по закреплению достигнутых рубежей на востоке, причем на первый план вышла линия по Иртышу на всем огромном расстоянии от г. Тары до верховьев реки.

Усилению колонизационного движения на Восток, куда шел активный процесс расширения Яицкой линии, а Гурьевский городок обеспечивал охрану торгово-экономических интересов России, способствовали разные обстоятельства. Торговцы, члены дипломатических миссий, путешественники, искатели приключений, возвращаясь из среднеазиатских владений, Восточного Туркестана, Юго-Западной Сибири в русские города, приносили и распространяли порою баснословные сведения «об азиатских странах», лежащих за Иртышом. Не последнюю роль в утверждении политики расширения движения на Восток играли получившие широкую огласку слухи «о золотых россыпях» г. Еркети (ныне китайский город Яркенд. — *Ред.*).

Таким образом, необходимость удержания приобретенных Россией владений, установление со странами Центральной Азии торговых взаимосвязей, сочеталась с возрастающими потребностями страны в природных ресурсах, особенно в золоте, стимулируя стремление Петербургского двора к овладению, во всяком случае к освоению земель, расположенных в стратегически важном направлении, где в постоянном противостоянии сталкивались далеко идущие интересы Джунгарского ханства, достигшего своего могущества в эти годы, и казахских ханств, раздираемых внутренними противоречиями в ущерб важной цели — консолидации сил трех жузов.¹ Все это определило интенсивный характер осуществления плана овладения территорией вверх по Иртышу еще при Петре I, искавшем кратчайшие пути к далекой Индии и Китаю. В то же время Россия, как известно, испытывала острую нужду в финансовых средствах, так необходимых для своих грандиозных преобразований, что обуславливалось затяжной для России войной со Швецией.

Говоря о стремлении русского царя к азиатским владениям, следует иметь в виду, что он не ставил перед собою план «захвата» Индии или

какой-либо другой страны. Намерение Петра I было продиктовано его желанием установить широкие экономические связи с крупными странами Азии. Однако активизировавшееся при нем продвижение русских военно-разведочных отрядов в районе Северо-Восточного Казахстана вызвало противодействие джунгар,² кое-где в пограничной полосе начались столкновения, участились взаимные претензии и обиды.

Особенно острый характер русско-джунгарские отношения приняли в связи с авантюристскими планами первого сибирского губернатора М. П. Гагарина, приложившего энергичные усилия к овладению г. Яркендом. Убеждая царя в необходимости «построить русские крепости» на пути от Тобольска до Яркенда: первую на Иртыше, близ озера Ямышева и далее, другие же там, где «потребуются по ходу дела», губернатор, тем самым, предложил Петру I план строительства целой цепи укрепленных линий.³

Обращаясь к царю со своим «проектом», князь явно недооценивал сложность международных отношений в этом районе, особенно обострившихся в эти годы вследствие завоевательных планов соседней Джунгарии, вызвавших изменение политической обстановки в ущерб интересам казахских ханств, к тому же район, предназначенный для строительства военно-опорных баз, временно, в силу военного преимущества контролировался ойратскими силами, не собиравшимися лишаться своих приобретений. Получив донесение с указанием на возможность строительства крепостей, Петр I, находясь в Кронштадте на кораблях, готовившихся к морскому сражению со шведским флотом, 22 мая 1714 г. на галере «Святая Наталья» собственноручно подписал указ «О снаряжении экспедиции под начальством подполковника Ивана Дмитриевича Бухгольца для завоевания тех мест, где имелось песочное золото».⁴

В специальном указе Петра I Бухгольцу предписывалось «...для того ехать в Тобольск и взять там у упомянутого губернатора 1500 военных людей и с ними идти в Ямыш озеро, ...делать город и пришед к такому месту, упомянутых людей в той новоотстроенной крепости и около нее, где возможно, так расставить на зимовке для того, чтобы на будущую весну, собравшись с теми людьми, пойдете на Ямышев, к Еркетию... также в некоторых местах, а именно при реках ...делать редузы... и проведайте подлинно, каким образом, и в которых местах по Дарье-реке тамошние жители золото промышляют ...сыскать несколько человек из шведов, которые в минералах разумеют».⁵ Таков был первоначальный, основной вариант текста царского указа, неоднократно публиковавшегося в разных редакциях, которым по сути и было положено начало создания Прииртышских линий, строительство которых продолжалось с 1714 по 1720 годы.⁶

Людей для военной экспедиции набирали в Томске, Тюмени, Таре и в окрестных селениях. Организаторы отряда придавали немаловажное значение вооружению создаваемого отряда. По данным известного военного историка В. К. Андриевича, только орудий разных калибров было взято около 70.⁷ В составе экспедиции было много пленных шведских офицеров, а также русских торговцев, непосредственно заинтересованных в освоении нового пути на Восток.

Чтобы движение И. Д. Бухгольца по Степи не вызвало опасений у ойратов, к хунтайджи Цэван-Рабдану заблаговременно были отправлены специальные представители Сибирского губернатора – Василий Че-

редов и Тимофей Этигер с конкретными полномочиями разъяснить ему, чтобы он «от посланных Царским величеством людей никакого опасения не имел».⁸ После завершения всех приготовлений военно-дипломатического характера в июле 1715 г. отряд И. Д. Бухгольца, имея в своем составе 2797 человек драгун, солдат, офицеров и мастеровых, выступил в поход.⁹

1 октября 1715 г. экспедиция И. Д. Бухгольца, достигнув Ямышевско-го озера, вблизи которого издавна производилась меновая торговля между местными жителями и сибирскими татарами, а также населением Тобольска, Томска, заложила крепость, названную Ямышевской.¹⁰

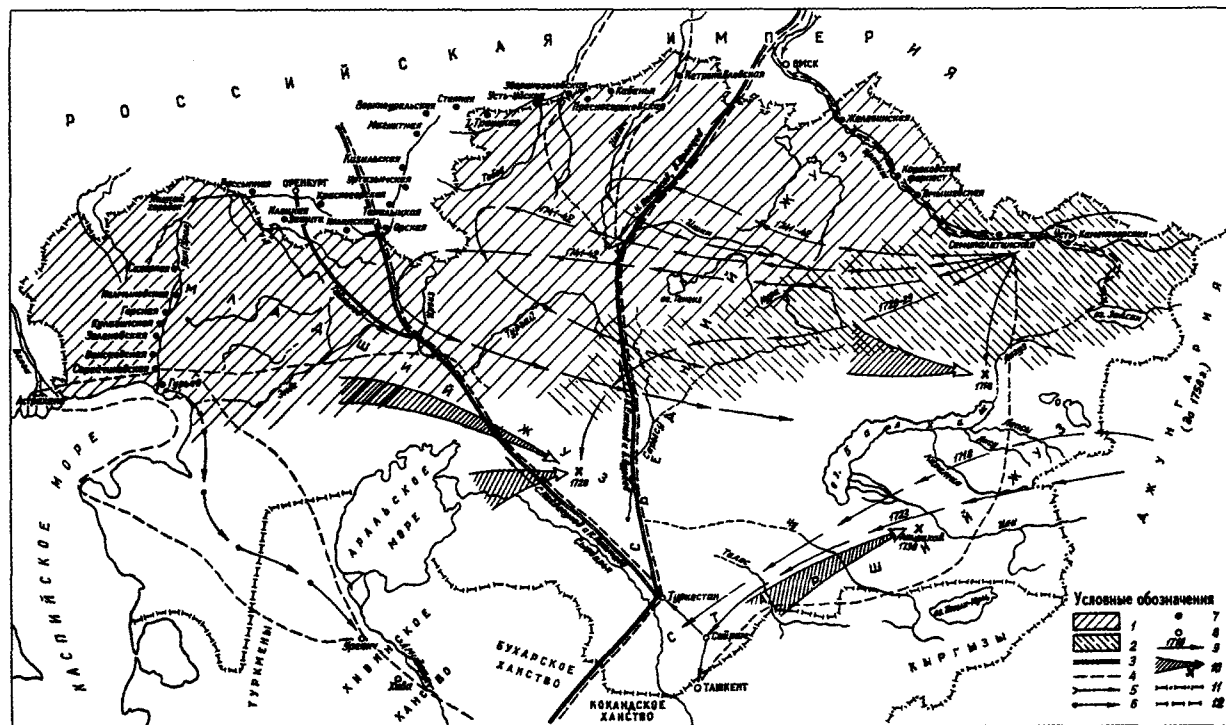
Цэвэн-Рабдан, получив известие о постройке крепости и намерении отряда продолжать свой поход далее, отправил своего двоюродного брата Цэвэн-Дондуба с войском в 10 000 человек с целью воспрепятствовать как постройке крепости, так и занятию мест русской экспедицией.¹¹

Цэвэн-Дондуб, не добившись успехов от внезапного нападения, ошеломленный решительным сопротивлением И. Д. Бухгольца и, убедившись в невозможности разрушить крепость длительной осадой, вынужден был вступить в переговоры. Упомянув в письме к начальнику русской экспедиции от 2 февраля 1716 г. о существовании между Россией и Джунгарским ханством относительно терпимых отношений и, обращая внимание ее защитников на отсутствие каких-либо прав строить в этом районе крепости, командующий ойратскими силами предлагал И. Д. Бухгольцу удалиться, угрожая в противном случае принудить его к этому «голодом и силою».¹²

Бухголец же, помнивший наказ Петра I и инструкции князя М.П. Гагарина, быть твердым в достижении своих целей, выражая свою решимость не покидать укрепление, отвечал, что «...нарушать мира не намерен и крепость построил по повелению государя на такой земле, которая Джунгарии не принадлежала, угроз же не боится, и при достаточных запасах, дождавшись помощи, посмотрит как будет Цэвэн-Дондуб препятствовать воле государевой», советуя ойратскому полководцу отступить, считая это единственным условием для сохранения мира.¹³ Хотя письмо начальника экспедиции было составлено в тоне уверенности и некоторой угрозы, положение осажденных оказалось тяжелым.

Еще в декабре 1715 г. И. Д. Бухголец послал Петру I донесение о положении и трудностях, с которыми он сталкивался. 4 февраля 1716 г. будучи в Копенгагене, царь отправил ему свой личный ответ, свидетельствующий о серьезном внимании, которое глава соседнего государства придавал Казахстану, хотя в этот период, возможно, он не располагал достаточно достоверными сведениями о ситуации, складывавшейся на правобережье Иртыша и в приграничных районах с Джунгарией.¹⁴

Между тем, осада Ямышевской крепости ойратами продолжалась, а подкрепление, которое обещал послать царь через М.П. Гагарина, так и не успело прибыть. Положение усугублялось пленением джунгарами каравана с продовольствием и деньгами недалеко от Ямышевской крепости, где кочевали казахи Среднего жуза. Однако последние никакого отношения к задержке каравана не имели. Более 450 человек оказались в плену у джунгар, в т.ч. знаменитый впоследствии Иоганн Густав Ренат — бывший

Казахстан в XVIII в. Условные обозначения: 1 – территория Казахстана, вошедшая в состав Российской империи в 30–40-х годах XVIII в.; 2 – территория Казахстана, вошедшая в состав Российской империи во второй половине XVIII в.; 3 – посольства (Б. Екешева и Б. Буриева 1716 г., Н. Белоусова 1716–1717 гг., Б. Брянцева 1717–1718 гг., С. Кайдагулова и К. Кошгаева 1730 г., А. Тевкелева 1731 г.); 4 – торговые пути; 5 – экспедиции И. Бухгольца (1714–1716 гг.); 6 – экспедиция А. Бековича-Черкасского (1716–1717 гг.); 7 – крепости; 8 – прочие населенные пункты; 9 – набеги джунгарских феодалов; 10 – боевые действия казахов против джунгарских войск, места сражений (с указанием года); 11 – государственная граница; 12 – граница Казахстана.

сержант шведской артиллерии, попавший в русский плен при Полтаве и составивший впоследствии карту Джунгарии.¹⁵

Потеряв из отряда большое число людей, а также 2200 лошадей из 2500 и не встретив тобольский караван, изнуренный распространившимися среди солдат болезнями, отряд Бухгольца, состоявший теперь из 700 человек, оставив крепость, 28 апреля 1716 г. поплыл по Иртышу обратно.¹⁶

Таким образом, предпринятая по личному указанию Петра I военно-разведочная экспедиция в глубь казахских степей, где разворачивались драматические события, окончилась в целом неудачно, хотя она по своим целям и обстоятельствам явно отличалась от почти полностью истребленного в Хивинском походе отряда князя А. Бековича-Черкасского, жуткие последствия которого долгие годы были в центре внимания русского общества.

Экспедиция не достигла своей цели прежде всего вследствие дипломатических оплошностей сибирского администратора, не сумевшего убедить ойратских владельцев в отсутствии враждебных намерений в отношении этой страны. Больше того, когда русскими солдатами во время жестоких перестрелок было убито несколько джунгарских воинов, между ними распространился нежелательный для России слух, что после окончания строительства Ямышевской крепости Бухголец «начнет воевать против людей Кунтайши».¹⁷

М. П. Гагарин урезал силы и средства Бухгольца до того, что последний не имел в довольно многочисленном отряде ни медика, ни аптеки: отсутствие их остро ощущалось в период трехмесячной осады крепости ойратами. К тому же М. П. Гагарин вручил И. Бухгольцу свою собственную инструкцию, переписав все требования из приказа Петра I и добавив от себя «...ежели неприятель не будет давать крепость, попрося помощи от бога, противиться как можно всеми людьми».¹⁸ Экспедиции не удалось, ввиду отсутствия у ее начальника желания установить непосредственные контакты с видными казахскими батырами и их отрядами, постоянно действовавшими против иноземных захватчиков и враждебно настроенными против всяких проявлений ойратских военных демонстраций, особенно в районе Иртыша, богатые пастбища которого издавна, с особой внимательностью оберегались кочевниками.

Возвращаясь от разрушенной Ямышевской крепости, отряд Бухгольца достиг устья р. Оми, и, получив долгожданное подкрепление, 20 мая 1716 г., основал Омскую крепость.¹⁹

Однако разногласия между губернатором и Бухгольцом все возрастали. В результате подполковник, потеряв надежду на продолжение экспедиции и, назначив комендантом Омска майора Вельяминова-Зернова, уехал в Тобольск, оттуда был затребован в Петербург для разъяснения причин неудачи предпринятой им экспедиции, где своими рассказами о степных народах, о природных богатствах, вызвал глубокий интерес Коллегии иностранных дел и Сената к неведомому краю, усилив интерес в столичных кругах к дальнейшему освоению и включению в орбиту государственных интересов России казахских жузов.

Однако задачи колонизации края, освоения несметных его богатств, установление и дальнейшее обеспечение безопасности караванной торговли, а также закрепление за Россией новых районов настоятельно требовали строительства новых и новых укреплений и опорных точек постоянного

соприкосновения с кочевой средой. Главное назначение этих военно-инженерных сооружений заключалось в расширении юго-восточных границ, а значит и зоны внешнего влияния российской державы.

М.П. Гагарин, оставшийся после отъезда Бухгольца в Петербург полным хозяином и уполномоченный действовать теперь по своему усмотрению, будучи неплохо информирован о событиях в Младшем и Среднем жузах, вознамерился продолжить политику «изучения» края военными экспедициями. К тому же сибирский губернатор, в сентябре 1716 г., приняв посланцев Каип-хана Бекбулата Екешева, Байдаулета Буриева, получил самые достоверные известия о внутреннем положении Казахстана. Для него была весьма обнадеживающей просьба Каип-хана: «Ходить войною с одними своими людьми в двадцати или тридцати тысячах или с русскими военными людьми вместе»;²⁰ а в середине октября 1716 г. М. Гагарин отправил к Каип-хану боярского сына Никиту Белоусова «с товарищем»; в своем поручении из 9 пунктов губернаторских наставлений он обязывал посла собирать подробнейшие сведения, а самое главное — довести до сведения хана его распоряжение «езде в городах Сибирской губернии своего ведомства, чтоб с людьми Казачьей орды никакие ссоры не имели».²¹

Тем временем М. Гагарин одну за другой снаряжал и отправлял в Степь новые военные экспедиции. Федор Метигоров восстановил и расширил Ямышевскую крепость, ставшую опорным пунктом для дальнейшего продвижения новых отрядов по Иртышу.

Новый всплеск резких обострений казахско-ойратской борьбы ускориł отправку в глубь степных пространств малочисленных, но хорошо оснащенных мобильных групп, перед которыми стояла задача воспользоваться занятостью основных сил казахов в постоянном противоборстве с превосходящими силами противника. Не останавливаясь на достигнутом, М. Гагарин для возведения новых укреплений по Иртышу отправил воеводу Павла Северского и Василия Чередова, последний часто привлекался для выполнения конфиденциальных дипломатических поручений губернатора. Отряд П. Северского летом 1717 г. построил Железинскую, В. Чередова — Колбасинскую крепости,²² в скором времени опустевшую из-за недостатка жителей. Чередов, следуя далее, выбрал место для возведения новой крепости, Семипалатинской.²³

Все более углубляясь в жизненно важные центры казахских кочевий, окрыленная бескровными успехами, Сибирская администрация, не дожидаясь уже указаний Петербурга, летом 1718 г. снарядила крупную экспедицию во главе с опытным фортификатором Прокофием Ступенным с отрядом из солдат, казаков и артиллерией.²⁴ Князь, помнивший последствия столкновений с ойратами, строго предписал опытному офицеру «не затевать ссоры» с ойратами, и даже при нападениях с их стороны обороняться и стараться убедить в отсутствии «враждебных намерений против них».²⁵

Чем ожесточеннее становилась казахско-ойратская борьба, тем чаще была отправка новых и новых отрядов в сторону Зайсанского озера. Вскоре по личному распоряжению царя была подготовлена еще одна воинская команда под начальством майора И. М. Лихарева, в задачу которого вменялось подробное исследование озера, поиск и «доставление» подробных сведений о «золотом песке»;²⁶ также ему поручалось разузнать подробности неудачи экспедиции И. Д. Бухгольца. Данное распоряжение говорит,

какое значение придавал Петр I подчинению степных ханств, которое он стремился осуществить еще с 1714 г., отправляя Бухгольца на территории Среднего жуза, несмотря на трудности, вызванные войною со Швецией.

Джунгары, неустанно следившие за маршрутом следования экспедиции, открыли огонь по солдатам И. М. Лихарева, добиваясь принудить их к отступлению. Несмотря на значительный урон от русской артиллерии, ойраты достигли своей цели: после трехдневной перестрелки было достигнуто перемирие и, Лихарев, вынужденный отступить, на обратном пути построил в 1720 г. Усть-Каменогорскую крепость, которая, будучи угловой точкой в системе военно-инженерных сооружений России на границе с Цинской империей, опираясь на редуты, маяки и другие фортификационные сооружения, контролировала значительную территорию; в том же году Россия возвела еще несколько крепостей — Черноморецкий, Черноярский, Верблюжский, Осморыжский, Убинский, Семиярский форты, создавая основу для трех военно-политических линий — Сибирской, Иртышской и Колыванской.

Наряду с Абаканским острогом (1707 г.), Бикатунской крепостью (1709 г.) эти укрепления с хорошо обученными гарнизонами, обилием орудий, стратегическим местоположением обеспечивали закрепление за Россией Обь-Иртышского междуречья, вытесняя местных жителей в малоплодородные земли, становясь оплотом колонизации, обезопасив себя казачьими поселениями. При этом, естественно, царизм придавал важное значение недопущению подчинения казахов Джунгарскому ханству, стремясь держать «Киргиз-кайсацкую степь» в орбите политических интересов России.

2. ПРИНЯТИЕ КАЗАХАМИ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ЖУЗОВ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА

После Аныракайской битвы произошел раскол между казахскими правителями. В источниках не говорится о причинах такой несогласованности в поведении султанов — участников битвы. Известно, что вскоре после него султан Абулмамбет откочевал к резиденции казахских ханов — Туркестану, а Абулхаир спешно продвинулся к русским границам. Есть основания полагать, что основной причиной раскола между казахскими ханами и султанами после Аныракайской битвы явилась борьба за верховную власть. На место умершего старшего хана Болата, сына Тауке, претендовали от Среднего жуза Семеке, от Младшего — Абулхаир. Выбор большинства пал на Абулмамбета. Семеке и Абулхаир сочли себя обиденными и покинули поле битвы, тем самым нанеся непоправимый удар общему делу освобождения казахских земель от джунгарских захватчиков.

Годы нашествия джунгарских войск вошли в историю казахов как годы Великого бедствия, оставив глубокий след в экономической и политической жизни казахских жузов на долгое время.

Казахи не только понесли материальные и людские потери, но и временно лишились богатых пастбищ в Жетысу. Были нарушены веками установившиеся маршруты кочевков, уничтожены очаги земледельческой

культуры в районе Сырдарьи и в Жетысу. Продвижение казахских родов в поисках пастбищ на запад и северо-запад было сопряжено с большими трудностями. Оно обостряло вопрос о кочевых пространствах между Уралом и Волгой, приводило к беспрестанным столкновениям с калмыками и башкирами. Завхват джунгарскими феодалами городов на юге Казахстана имел серьезные последствия для экономической и культурной жизни казахского общества. Казахские роды оказались оторванными от торговых и ремесленных центров, крупные феодалы потеряли возможность получать дань с городского населения.

Нашествие Джунгарии ослабило хозяйственно-политические связи между казахскими жузами, в особенности Младшего и Среднего со Старшим. «И большая орда кочует от них (Младшего и Среднего жузов. — *Ред.*) в дальнем расстоянии к бухарам и с Среднею и с Малою ордами она не съезжается, у них же хан особливо».²⁷ Такое положение не могло не оказать влияния на усиление феодальной раздробленности и расшатывание тех начал централизации государственной власти, которые были заложены в годы правления Тауке.

В ходе борьбы с Джунгарским ханством Младший и Средний жузы распались на отдельные владения. Считавшийся старшим ханом, Абулхайр не распространял своей власти даже на весь Младший жуз. Кроме него правителями там были султан Батыр, сын Каипа, и султан Нуралы, сын Абулхайра.

В Среднем жузе были свои ханы. Из них известны Семеке, Кучук. Последний был ханом значительной части найманов и кочевал далеко от русских границ. Ближе к ним располагались кочевья хана Семеке. Кроме них большим влиянием в Среднем жузе пользовались султаны Абулмамбет и Барак.

Джунгарское нашествие оставило глубокий след и в социальных отношениях казахского общества. Опустошение и разорение страны увеличили количество бедных — байгушей, консы, жатаков и др. Потеряв возможность вести хозяйство самостоятельно, они вынуждены были работать в качестве пастухов, домашних слуг у богатых скотовладельцев. Многие из них в поисках средств существования бежали на запад, к русским границам. Но и здесь им приходилось батрачить на прилинейных казаков или в состоятельных хозяйствах русских поселенцев на границе. Такая же участь ожидала и тех, кого судьба заставила искать прибежище в среднеазиатских ханствах.

Непосредственная опасность нового нападения Джунгарского ханства, несмотря на Аныракайскую победу казахов в 1730 г., не была устранена. Приход к власти Галдан-Цэрэна, проводившего в отношении казахских ханств весьма агрессивную политику,²⁸ означал усиление опасности такого нападения, да и сами казахские ханы, в том числе и Абулхайр, не отказывались от стремления вернуть взятых в плен джунгарскими феодалами соплеменников.

Напряженные отношения оставались у казахских ханств с Бухарой и Хивой. Правда, к 30-м годам казахским владельцам удалось несколько смягчить противоречия со среднеазиатскими ханствами.

Сложными оставались взаимоотношения казахских ханств с волжскими калмыками и башкирами. Не увенчались успехом переговоры Абулхайра с башкирскими старшинами о прекращении нападений. Добиться

мира на западных границах Младшего жуза стало одной из главных внешнеполитических задач хана Абулхаира. Это было крайне необходимо, чтобы развязать руки для борьбы с главным противником — Джунгарским ханством.

Перед правителями казахских ханств стояла важная и сложная задача — обезопасить казахские жузы от внешнего врага и преодолеть усиливающийся процесс феодальной раздробленности страны. Они все больше убеждались, что собственными силами этого добиться нельзя.

В сложных условиях внутреннего развития казахского общества, в окружении джунгар и волжских калмыков, башкир, яицких и сибирских казаков, находясь по существу в экономической блокаде, под постоянным давлением великой империи, правители казахских жузов были вынуждены искать союзника в лице Российской империи.

Глубоко укоренившаяся вражда между влиятельными султанами, старшинами, с одной стороны, между практически независимыми ханами трех жузовых объединений, с другой — сводили на нет усилия по консолидации народа, возрождению былой традиции формирования единого народного ополчения.

В этих весьма сложных условиях на долю Абулхаир-хана выпала сложная миссия самому выступить инициатором обращения к Петербургскому двору, взять на себя ответственность произвести коренной перелом во внешнеполитической ориентации уже распавшегося объединенного казахского союза и, не дожидаясь очередного опустошительного нападения ойратских сил на мирные аулы, определить позиции русской императрицы.

Абулхаир, будучи султаном, еще до 20-х годов XVIII в. был довольно известен в русских дипломатических кругах. «Человек достаточного ума и не без лукавства»,²⁹ как о нем отзывался А.И. Тевкелев. Он, прежде всего руководствуясь стратегическими интересами казахской государственности, с другой стороны, опираясь на российскую администрацию, стремился возвыситься над другими своими конкурентами, вытеснив их с политической арены, пытался объединить силы и возможности для предотвращения ойратской агрессии с ее пагубными для народа последствиями, с целью самому стать единоличным предводителем объединенного ханства, как это было во времена знаменитого хана Тауке. Стремясь практически реализовать эти задачи, летом 1730 г. он отправляет свое посольство через Уфимское наместничество в Петербург к российской императрице с просьбой принять его с улусами в подданство Российской империи, покровительства которой добивались многие малые и большие народы Центральной Азии.

Дипломатическая служба Петербурга к этому времени уже наработала достаточно большой опыт в разработке посольских документов, определяющих основные направления азиатской политики страны и по приему представителей восточных стран.

Принятие в состав России волжских калмыков Аюки, Кабардинского княжества, земель грузинских правителей заметно расширяло сферы дипломатической деятельности Коллегии иностранных дел, и на сей раз посланцам Абулхаира были оказаны всяческие почести, его послы в количестве 7 человек во главе с Кутлумбетом Коштаевым были приняты с радостью и одарены ценными подарками, возвращены в Степь в сопровождении внушительной комиссии во главе с переводчиком Коллегии

иностранных дел А. И. Тевкелевым, в сопровождении военной охраны,³⁰ в их числе были два геодезиста Алексей Писарев и Михайло Зиновьев, направленные «для описания мест».³¹

Документы той эпохи не позволяют датировать время поступления А. И. Тевкелева на государственную службу. Очевиден факт зачисления его в Коллегию иностранных дел несколько раньше персидского похода 1722 г. Петра I. К тому же профессия «толмача восточных наречий» для А. И. Тевкелева была вовсе не нова, и до него, как он сам пишет в своих «Разных бумагах...»,³² его предки применяли свои превосходные лингвистические знания в посольском приказе Москвы.

Прошедший петровскую школу государственной службы А.И. Тевкелев, как он сам признавался впоследствии, рассчитывал на повышение и получение наград, чего не удалось осуществить «за кончиною его императорского величества». В день отправки казахского посольства обратно в Младший жуз А. Тевкелеву была вручена любопытная по содержанию «Инструкция» из 12 пунктов. Написанный размашистым почерком, на четырех оборотных листах, этот документ являлся для дипломатической миссии своеобразной программой действий. Благодаря «Инструкции», на основании которой он завел специальный «Журнал», есть возможность воспроизвести реальную ситуацию, сложившуюся в ханской резиденции как в момент принятия грамоты императрицы, так и в последующий период обострения внутривосточной обстановки в Младшем и Среднем жузах.

«Инструкция» от Государственной коллегии иностранных дел для переводчика ориентальных языков Мамету Тевкелеву при отправлении его в Киргиз-Кайсацкую орду для приведения оных в подданство России»,³³ — таково полное и официальное название наставлений внешнеполитического ведомства, оставивших глубокий след в его дальнейшей карьере и в истории казахско-русских взаимоотношений.

Весьма ценным в плане конкретизации основной цели поездки А. И. Тевкелева представляется третий пункт «Инструкции», дающий ключ к пониманию наличия у дипломата плана выбора свободных вариантов в случае выявления в окружении хана разногласий на предмет принятия российского подданства: «...хану и старшим и прочим киргиз-кайсакам в верности своей присягу по всей вере, в Алкоране (Коран. — *Ред.*) учинить, и оную (грамоту. — *Ред.*) руками подписать, и ему Тевкелеву отдать. И ежели б от того хан и протчие отговариватца станут, то ему, Тевкелеву к тому их склонить».³⁴

Выдача в Петербурге ханским представителям некоторых знаков поощрения в дальнейшем стала неременным атрибутом гостеприимства и внимания российской императрицы. И на сей раз не обошлось без подарков, которых позднее и Нуралы-хан, и знаменитый Абылай, и прервавший жизнь Абулхаира Барак-султан открыто добивались. Отправляя через А. И. Тевкелева дары Анны Иоанновны, а «именно»: саблю, шубу соболью, две шапки с черною лисицею, сукно и «протчее», Коллегия иностранных дел строго предписала ему вручить их хану лишь после того, как Абулхаир «присягу верности учинит».³⁵

Отправляя дипломата в Младший жуз, более близко расположенный к внутренним губерниям империи, правительство не располагало достаточной информацией о нем, и можно лишь констатировать предварительный,

отрывочный характер всего того, что накапливалось о северо-западных районах Казахстана в канцелярии Коллегии иностранных дел, где набирался дипломатического опыта А.И. Тевкелев. «Инструкция» вменяла в его обязанности фиксировать «сведение о киргиз-кайсаках, изучить орфографию страны, народу приятно-ль подданство, кто ее соседи..., умеют ли сами пушки лить...»³⁶

Известный историк Н. А. Маев спустя сто пятьдесят лет на основании собранных им данных критически оценивал позицию правительства, действовавшего наугад, не имея ни верных сведений, ни о положении дел в степи, ни об обычаях народа, и даже о его желаниях».³⁷

5 октября А. Тевкелев прибыл в урочище Майтобе на р. Ыргыз, где располагалась резиденция хана. Сопровождение знатного гостя хан поручил Нурмухамеду-Али Багадуру (Нуралы), старшему сыну, опытному воину, всецело поддерживавшему деятельность своего отца. Однако уже первые шаги сложной дипломатической карьеры бывшего татарского мурзы, которому были близки, понятны язык, обычаи Великой степи, столкнулись с невероятным сопротивлением видных старшин, султанов, большая часть которых, обнаружив «всю ложь», и слышать не хотела о русском подданстве, «хана не ставили и в грош».³⁸ Раздосадованный открытой оппозицией, А. И. Тевкелев добивался от подавленного Абулхаира, «чего ради посланцы ево не праведно, словесно предложили в Москве», что его обращение к императрице будто бы как согласованный шаг всего «киргиз-кайсацкого народа», не является ли проявлением превышения собственных полномочий, «а ныне-то стало ложью, токмо ты один онов учинил».³⁹ Один башкир из охраны также предупредил его о намерениях антиханской группировки сорвать переговоры и не допустить принятия грамоты. Башкиры, в том числе Таймас Шаимов, впоследствии за верность России удостоенный звания тархана, предлагал заручиться поддержкой прославленного батыра из рода табын Бокембая, его зятя Есет-батыра и двоюродного брата Худайменды-мурзы, которые, по его мнению, «изо всех старшин лутчие и сильные люди и доброго состояния, ...через их ему Тевкелеву польза будет».⁴⁰ Тевкелев, действуя по своему усмотрению, «подкупил несколько защитников независимости».⁴¹

Поддержка группы Бокембая разрядила обстановку. Подкупом, угрозами, а подчас угрозой, что он доверенное лицо Российской империи, Тевкелеву удалось упрочить почву для дальнейших своих действий и изменить соотношение сил в ханской ставке. «Я нижайший, не шадя своего живота, единственно желая своему отечеству верную услугу показать, подвергая себя близ двух лет (с 30 октября 1731 по 14 января 1733 г. — *Ред.*) всегда смертельным опасностям, голодному терпению... к тому все способы употребляя, всю орду склонил, таким счастливым успехом и такое время, в точное подданство привел...», — писал позднее А. И. Тевкелев.⁴²

Первым присягнул на подданство Абулхаир-хан, за ним последовал старшина Бокембай, затем Есет-батыр, Худайменды-мурза. Тут же присягнули на верность 27 старшин. Таким образом, первоначальную присягу кроме хана подтвердили 29 лиц старшинского звания, а не 27, как написано в некоторых современных изданиях.

Впоследствии профессор Х. Досмухамедов писал: «Считать, что присягнули вместе с Абулхаиром весь Младший жуз и часть Среднего жуза

ошибочно. Присягу дали Кошкарулы Жаныбек, Бокембай и последовавшие за ними кучка представителей страны!». ⁴³

Приведем текст документа, так или иначе в корне изменившего всю политическую обстановку на Зауральской окраине России, заставившего ойратов с тревогой смотреть на дальнейший ход казахско-русского сближения.

Начала идет перечисление титулов Анны Иоановны, далее: «...по-неже мы, великая государыня, Ваше императорское величество, усмотря из писания твоего Абулхаир-хана, и из своего доношения посланцев твоих Кулумбета (Кутлумбета. — *Ред.*) Коштаева, да Сейткула Кундагулова (Койдагулова) желание твое во всем твоим владением быть в подданстве нашем всемилостивейше на силе соизволили и грамотою нашею, отправленной с оными посланцами твоими о том к тебе хану кайсацкому объявить, всему войску милости повелели к Вам и Сего ради во знак и императорские к тебе Абулхаир-хану, и старшине и всему кайсацкому войску милости повелили к Вам послать нарочно нашей государственной канцелярии поверенного переводчика ориентальных языков Мамета Тевкелева...» ⁴⁴ Таков текст первоначального указа, приведенного с некоторыми сокращениями. Документ составлен «на книжней хорошей бумаге, запечатлен государственной средней печатью». Так было положено начало присоединения обширного края к России.

Начавшись сложно и в тревожной обстановке, этот исторический процесс завершился военно-принудительными средствами в 50–60-х годах XIX в., хотя, забегаая вперед, отметим — адайцы и некоторые другие родоподразделения, кочевавшие в труднодоступных районах Мангыстау, до 80-х годов XIX в. не признавали власть Российской империи.

Хан Абулхаир добился своего, и грамота императрицы получила юридическую силу, А. Тевкелев также выполнил возложенную на него миссию, снискав признательность ханского окружения, заслужив презрение большей части кочевников, сведения для которых об этом в глубинные степные просторы доходили со значительным опозданием, обрастая в устных передачах «узун-кулака» с невероятными домыслами. Остро реагировали на свершившийся факт среднеазиатские тюркские владения, особенно соседнее Хивинское ханство, усмотрев в этом ослабление позиции мусульманских стран Центральной Азии.

Тем не менее, опираясь на первоначальный успех, А. И. Тевкелев, постепенно входя в местную жизнь, расширяя круг знакомств, заручившись одобрением хана Младшего жуза, подготавливал почву для приведения к присяге соседних земель, что было предусмотрено в «Инструкции» Коллегии иностранных дел. 19 декабря 1731 г. ему удалось склонить Абулхаира отправить в Хиву султана Нуралы, «чтоб и она была в подданстве Российской империи». Однако, Нуралы, возвратившийся 2 марта 1737 г., привез неутешительные вести: Хива резко отрицательно отреагировала на суть происходящих событий, выразив «великое недовольство и озлобление». ⁴⁵ Этими обстоятельствами ограничиваются действия хана и русского дипломата, до возвращения последнего в Петербург.

В целом, не отрицая объективной основы принятия Младшим жузом российского подданства, отметим, что не следует упускать из виду далеко

идушие личные амбиции Абулхаира, его корыстные интересы, все более и более всплывавшие на поверхность.

Относительно позиции Абулхаира с момента отправки им делегации в Петербург и принятия российского подданства не было единого мнения и в русской историографии: А. Н. Добросмыслов, М. Макшеев, И. Завалишин, В. Витевский, И. И. Крафт, П. И. Рычков одобряли и в целом оправдывали действия хана. Другой позиции придерживался А. Левшин, рассматривавший подданство как проявление личной воли Абулхаира и его ярых приверженцев, лелеявших надежду «усилиться покровительством могущественной державы», что и побудило хана покориться со своими ордами императрице Анне. Есть резон и в утверждении другого видного исследователя XIX в. Л. Мейера, называвшего хана «энтузиастом, который горячо, необдуманно за все брался, а при неудаче охладевал».⁴⁶ Мы показали позиции отдельных исследователей далекой эпохи, чтобы дифференцированно подойти к анализу дальнейших действий хана, особенно при принятии акта присяги о вхождении в подданство влиятельными владельцами соседних жузов, чтобы оценить до сих пор бытующее мнение, рассматривающее Абулхаира как виновника всего происшедшего.

Удачно завершив свою миссию, А. Тевкелев из урочища Найзатескен отправился в обратный путь. 2 января 1733 г. он прибыл в Уфу с ответным посольством Абулхаира, направленным в Петербург. Эту миссию возглавил второй сын хана султан Ералы, в нее входили: двоюродный брат Абулхаира султан Нияз, старшины Чадынбай, мурза Худай-Назар, батыр Мурзагельды, мурза Тугельбай и др. В результате переговоров вступление Младшего жуза в подданство России было оформлено окончательно. Глава делегации султан Ералы 10 февраля 1734 г., выступая на приеме у российской императрицы Анны Иоанновны в Петербурге «всенижайше рабски просил содержать (их. — *Ред.*) в неотменной своей императорской милости и защищении...».⁴⁷ Эти слова султана Ералы приведены в переводе тогдашней администрации.

Тем не менее, положение в Казахстане оставалось весьма напряженным. Несмотря на некоторое ослабление напряженности в пограничной с Джунгарией зоне и заметное оживление русско-ойратской обменной торговли после миссии майора Угримова, угроза непредвиденных вторжений в пределы Среднего и Старшего жузов сохранялась.

Во второй половине 30-х годов Галдан-Цэрэн начал перебрасывать войска к границам Среднего жуза.⁴⁸ В данной связи указ российской императрицы в июне 1734 г. о принятии Среднего жуза в состав России политически был оправдан, хотя заметим: большая часть этого этно-территориального объединения оставалась самостоятельной вплоть до вступления в силу Устава о сибирских «киргизах» 1822 г., разработанного графом, советником императора Александра I М. М. Сперанским, более того, в связи с кончиной хана Семеке (в ряде русских источников — Шемяк. — *Ред.*) грамота об указе в Средний жуз так и не была доставлена.

Более того, Шахмухамед, хан Среднего жуза, ревниво оберегая свою автономию и видя далеко идущие корыстные интересы России, а также усмотрев в этом процессе и проявление личных амбиций хана Младшего

жуза, «скоро опомнился, понимая, что это событие должно слишком возвысить Абулхаира», отошел от покорности своих владений российским властям и совершал даже набеги на русские селения.⁴⁹

Ситуация в Старшем жузе оказалась в некоторой зависимости от позиции Галдан-Цэрэна в связи с временным захватом ойратами некоторых его районов. Тем не менее, хан Жолбарыс, «родной брат Абулхаира», который подчинялся⁵⁰ последнему, решил обратиться в Петербург с аналогичной просьбой. Грамота императрицы от 10 июня 1734 г. влиятельным лицам Старшего жуза, из которых особо выделялись Кодар-би, Толе-би, Сатай, Хангельды, Болек-батыр, давала «всемилоостивейшее соизволение о сем ведать ... статс-советнику И. Кириллову полковнику учинить».⁵¹

Небезынтересно привести часть указа, предназначенного влиятельным феодалам Старшего жуза, с конкретной задачей склонить их к принятию подданства России: «И Вам Киргиз-Кайсацкой Большой орды Всемилоостившее соизволение о сем ведать, и во утверждение Вашего в подданство наше прошение о вступлении, ради учинения обыкновенной всеподданнейшей как присяги, прибыть Вам Бегам (бекам. — *Ред.*) и старшинам самим к оным нашим посланным И. Кириллову и полковнику Тевкелеву ... и служить нам верно ...»⁵² Однако удаленность региона от России, сложность положения в связи с временной зависимостью от ойратов отодвинуло на более позднее время осуществление этого акта, но уже насильственными методами.

Другая «похвальная грамота» императрицы от 9 апреля 1734 г. предписывала Абулхаир-хану содействовать «приведению» в подданство, кроме Старшего жуза и «Уральского хана».⁵³ Районы Аральского побережья всегда находились в сфере влияния потомков хана Каипа.

Для закрепления позиций в присоединенных казахских землях в мае 1734 г. была учреждена «Киргиз-кайсацкая экспедиция», вскоре переименованная в Оренбургскую, которую возглавил обер-секретарь Сената И. К. Кириллов, помощником его назначен А. И. Тевкелев, произведенный из переводчиков в полковники за удачное выполнение правительственной миссии в Младшем жузе.

Идея организации экспедиции (как ведомства. — *Ред.*) принадлежала Абулхаир-хану, поставившему себе цель: построить город, чтобы усилить свое влияние или укрыться в нем «в случае беспорядков» в Младшем жузе, что подтверждает в своих «Разных бумагах» тот же А. И. Тевкелев.

Организаторы этой военной акции для достижения своих целей помимо использования крупного воинского контингента всерьез рассчитывали на межэтнические раздоры между башкирами и казахами. Перед походом к Ори И. К. Кириллов, между прочим, доносил кабинету о сложности во взаимосвязях двух народов: «...никогда не следует допускать их в согласие, а потребном случае нарочно поднимать их друг на друга, и тем смирять»⁵⁴. Так заранее оправдывалась жестокость в отношении башкирского народа, в которой И. К. Кириллов превзошел себя, между прочим, в немалой степени вызвав удивление Абулхаир-хана, которого также вовлекли в дело подавления восстания башкир. Более того, в инструкции Анны Ивановны И. К. Кириллову содержалось предписание изучить возможности хозяйственной колонизации края. «Впрочем, что касается до металлов и минералов, кои найтиса могут в ближних местах, в Башкирском и Киргиз-

кайсацком владениях, в том поступать надлежащим образом, ища интересу нашему пользы...»⁵⁵

Когда башкиры узнали о намерениях России начать строительство крепости, вспыхнуло восстание, оно явилось продолжением серии прежних крупных антиколонизальных выступлений башкир; восстаниями были отмечены 1662–1664, 1681–1683, 1705–1711, 1735–1740, 1755, 1773, 1774 годы.⁵⁶

События в Башкирии не могли не отразиться на ситуации в соседнем Младшем жузе. Из четырех округов Башкирии — Казанского, Осиновского, Сибирского, Ногайского — последние два непосредственно граничили с Казахстаном, испытывавшем сильное влияние от народного выступления в сопредельном регионе. И. К. Кириллов был сторонником крутых мер, поручив подавление восстания В. Н. Татищеву, начальнику казанских и сибирских горных заводов, и требовал самых жестких мер, предлагая наиболее виновных «казнить смертью».

Правительство было напугано неотвратимым распространением влияния этого движения на Младший жуз, только что вошедшего в состав империи, и поручило А. И. Тевкелеву, «знатоку восточных дел», добиться от казахских феодалов выдачи им всех бежавших к ним повстанцев.⁵⁷ Он выдвинул свой план усмирения восстания: построить три крепости и заселить их русскими, чтобы тем самым получить возможность немедленно прекратить движение в самом опасном очаге,⁵⁸ в то же время проявляя неслыханную жестокость, по его личному распоряжению жители селения Саянтас в количестве 160 человек были «загнаны в какой-то амбар и сожжены живыми».⁵⁹

И тут вспомнили об Абулхаир-хане, который был известен в Башкирии, местное тюркское население прислушивалось к его голосу, однако к тому времени он «состоял в верности» и без согласия А. И. Тевкелева «ныне ничего сделать не мог».

Первоначально хан действительно участвовал в карательных акциях против «злодеев», злоупотребляя своим положением, грабил несчастных жителей; предводители восстания приложили немало усилий, чтобы перетянуть хана на свою сторону, предлагая ему ханский престол в Башкирии. Чтобы крепче «привязать» Абулхаира к себе, его женили на юной башкирке — эти сведения сообщили В. Н. Татищеву местные старшины Карабай и Юнус-тархан.⁶⁰ Власти вынуждены были отказаться от услуг весьма неустойчивого союзника и с трудом выпроводили его обратно в Казахстан; башкирские события и в дальнейшем выявляли непрочную позицию хана Младшего жуза, скрытно намеревавшегося, очевидно, посадить на ханский трон в Башкирии одного из своих сыновей — Хожакмета. Несмотря на отчаянный героизм башкир, при явном попустительстве Абулхаира, Кириллову все-таки удалось построить на р. Орь крепость, ныне г. Оренбург (Орск), ставшую опорной базой в расширении колониационного продвижения на восток.

В связи со смертью И. К. Кириллова в апреле 1737 г. новым губернатором Оренбургского края стал В. Н. Татищев, выдающийся историк, способный администратор, продолживший строительство новой линии. По его инициативе г. Оренбург был перенесен с устья р. Орь на другое место, где находилась Красногорская крепость, а главной его политической целью оставалось закрепление подданства влиятельных чингизидов Младшего и Среднего жузов.

Царские власти решили подвергнуть Абулхаира повторной присяге. 3 августа в Оренбурге состоялась его очередная встреча с В. Н. Татишевым, на которой хан подтвердил прежнюю верность «подданческой присяге» и выразил «рабское повиновение». А в ответной речи В. Н. Татишев называл хана не иначе, как «друг и брат, желал оное непременно сохранять».⁶¹ Тогда же впервые приняли присягу на подданство хан Среднего жуза Абулмамбет и влиятельный султан Абылай, авторитет последнего был высоким по всей Степи. Однако юридически ханский престол занимал Абулмамбет, а текст его присяги не отличался существенно от предыдущих «клятвенных обещаний» его современников: «...быть верным и послушным рабом и подданным быть» и т.д. Султан Абылай, в дополнение к тому, обнадеживал В. Н. Татишева «живота своего потребном случае не щадить»,⁶² хотя набиравший опыт политической борьбы молодой султан свои надежды связывал и с Цинской империей.

По мнению Ч. Валиханова, «Как бы то ни было, в 1739 году мы находим его самым сильным из владельцев Средней Орды, и русское правительство по преимуществу сносит с Аблаем, что настоящий хан, по свидетельству всех русских, посылавшихся в орду в то время, ничего не значил».

В целом, принятие Абулхаиром и его близким окружением, а затем видными чингизидами Среднего жуза российского подданства, существенно изменившее дальнейшую раскладку межгосударственных отношений в Центральной Азии, следует рассматривать с двух позиций: с одной стороны, начальный этап, как, безусловно, позитивный акт, который помимо других обстоятельств извлек из казахский народ от часто повторявшихся истребительных походов ойратов, с их губительными для народа последствиями, а с другой, как начало постепенной военно-казахской земледельческой колонизации обширных степных зон и полной ликвидации государственности у казахов.

Петербургский двор уже в 30-х годах XVIII в. всевозможными мерами, в основном опираясь на военно-оборонительные линии, поощрял частную крестьянскую и правительственную колонизацию, видимо, слабо представлял себе специфику форм аграрных отношений у кочевников, когда весь земельный фонд еще при создании казахской государственности был поделен между основными родоплеменными объединениями, когда летние кочевья отдельных поколений доходили до 900 км; при этом не следует упускать из виду политический аспект — отсутствие в момент подтверждения присяги в октябре 1731 г. согласованной позиции даже среди чингизидской элиты в окружении Абулхаира, что делает преувеличенным утвердившееся в исторических трудах мнение о якобы всенародном характере и масштабности первоначального акта принятия российского подданства.

К тому же в документах 1731, 1732, 1734, 1738 и 1740 годов, подписанных собственноручно российской императрицей и ханами двух этнополитических объединений — жузов, полным молчанием обойдены такие очень важные межгосударственные аспекты, как проблемы административно-территориальных пределов, границ, перспектив использования земельного фонда, размещения казахских отрядов, расселения русских переселенцев в районах, на которых также распространялись силовые функции пограничных линий, так как десяти- и пятидесяти-верстные расстояния от крепостных баз, где казахам запрещалось косить

сено, кочевать — были установлены царскими властями позднее, в середине 60-х годов XVIII в.

Эти вопросы по мере распространения русской власти в период ослабления Джунгарского ханства, став предметом частых, трудных переговоров Абулхаира с оренбургскими администраторами, вызывали трения, непредвиденные недоразумения, явились причиной охлаждения лояльной и доброжелательной ранее позиции хана по отношению к российской стороне.

При этом, конечно, никак нельзя обойти вниманием личность хана Младшего жуза, одной из ярких и в то же время противоречивых личностей в Центральной Азии, в условиях, когда Абылай, будучи еще молодым батыром, одним из организаторов народной войны с иноземным нашествием, постепенно вытеснял с политической арены слабовольного Абулмамбета, однако, уважая древние традиции, внешне проявлял покорность своему повелителю. Да и первоначальный акт принятия российского подданства независимо от драматических событий, происшедших в ханской резиденции, требует дифференцированного подхода и к определению роли в этом процессе других соратников казахских ханов, ускорявших или замедлявших ход событий с учетом слабой организованности ханской государственной структуры управления, размытости границ как между жузами, с одной стороны, так и между Казахстаном и Джунгарией, с другой, что между прочим, начало проявляться в 40-х годах XVIII в., особенно после кончины Галдан-Цэрэна, одной из крупных исторических фигур той эпохи. Выявить мотивы и побудительные моменты постепенного дистанцирования Абулхаира-хана от имперских административно-политических структур вызвано стремлением воссоздать реальную картину того, каким образом и в силу каких конкретных обстоятельств хан, находясь в зените своей славы, стал отмежевываться от различных наставлений Коллегии иностранных дел и оренбургских чиновников. Для реального понимания сущности его позиции, начиная с 40-х годов XVIII в., следует переосмыслить ту ситуацию, которая начала складываться в северо-западных пределах края вследствие целенаправленного внедрения колониальных методов управления, которые были призваны ослабить личную власть самого Абулхаира, отстранить его от решения насущных вопросов жизни Младшего жуза.

Царские власти предали забвению его инициативы по строительству Оренбурга, вернее, первоначально Орской крепости, а в начале 40-х годов XVIII века именно влияние Абулхаира обусловило принятие большей частью каракалпакского населения подданства России.

В 1742 г. поручик Дмитрий Гладышев доложил тайному советнику И. И. Неплюеву, что во время пребывания его в резиденции Абулхаира, к последнему явилось шестеро каракалпакских старшин и трое ходжей и обратились к хану с просьбой содействовать в принятии их в количестве 30000 кибиток в подданство империи.⁶³ Гладышев в присутствии хана привел их к присяге, содержание которой было следующее: «Божьим повелением, по своей вере пришли в Российское подданство и, поцеловав крест, присягали мы, нижеписанные каракалпаки...»; в том же году по приглашению Неплюева в Оренбург прибыли каракалпакские депутаты Мамыр и Кушан в сопровождении Абулхаира-хана и здесь «от имени хана и всего народа торжественно повторили присягу...».⁶⁴ Однако у хана были свои

расчеты, в его замыслы вовсе не входило содействие в усилении каракалпакских мурз, неоднократно вторгавшихся в его владения и, «опасаясь усиления под властью России, он напал на их аулы, многих убил и еще больше взял в плен».⁶⁵ Мы приводим этот известный факт, принимая во внимание то воздействие, которое он оказал на позицию И. И. Неплюева в отношении казахского хана. Абулхайр-хан, как дальновидный политический деятель своей эпохи, отчетливо понимал пагубность мер царизма, ярко проявлявшихся в расширении строительства военно-инженерных баз, которые по мере административного давления Оренбурга на хана становились оплотом военно-земледельческой колонизации региона. Только лишь в 1740—1743 годах на стыке земель Младшего жуза и Южного Урала было построено значительное количество крепостей, постепенно сужавших кочевья вназихе: Воздвиженная, Рассыльная, Ильинская, Таналыпская, Уразымская, Кизильская, Магнитная, Каракульская, Крутойрская, Нижне-Озерная, Перегибенская, Усть-Уйская, Елшанская, Красногорская, Губерлинская, Новосергиевская и др.⁶⁶ Причем мнение хана и его окружения по поводу массированного строительства военно-опорных баз во внимание не принималось. Дальнейшее же углубление российского военного присутствия подсказало хану необходимость ужесточения собственной позиции в отношении принудительных мер царизма.

Третья по счету присяга Абулхайра на подданство России, которая происходила в 20-х числах августа 1742 г., не имела того значения, которое имели его присяги в 1731, 1738 годах.

«Журнал или записка ежедневная о том, что происходило у тайного советника и кавалера Неплюева при Орской крепости в бытность тут Киргис-кайсацкой орды Абулхайр-хана, Эралы-султана и прочих султанов» день за днем зафиксировала все беседы, встречи, повседневные аудиенции хана с оренбургскими чиновниками.⁶⁷ Это, в основном, были формальные встречи двух враждебных лиц, один из которых — И. И. Неплюев из всех сил старался усилить власть России в Младшем жузе, другой — во всем этом противодействовал. 24 августа перед завершением переговоров тайный советник, желая поговорить с ханом наедине, вызвал его «в заднюю ставку», где спрашивал, «имеет ли он еще о каких-либо потребностях представлять, против чего хан благодарил Его Величество».⁶⁸ И. И. Неплюев, близкий ко двору чиновник, управлявший обширным Оренбургским краем, желая ускорить покорение Младшего жуза ввиду постепенного ослабления Джунгарии, разработал и представил на утверждение Сената «Запасной план», утвержденный Сенатом 1 марта 1744 г., согласно которому «все текущие дела собственно на него были положены».⁶⁹

Первым шагом И.И. Неплюева по ослаблению позиций Абулхайра явилось натравливание каракалпаков и башкир на казахов Младшего жуза; «в видах (в целях. — *Ред.*) наказания» казахов 24 апреля 1744 г. им была выдана грамота наместнику ханства калмыков Дондук Даше, в которой предлагалось ему собрать сколько возможно более вооруженных людей и «действовать против киргиз», причем «вся добыча, какую калмыки могли бы взять у киргис-кайсаков, представлялась в их пользу», — такой факт разжигания Неплюевым межэтнической вражды приводит А. Добросмыслов.⁷⁰

Положение с принятием российского подданства резко изменилось в сторону затягивания его казахскими султанами после учреждения Оренбургской губернии и назначения ее первым губернатором генерала И.И.

Неплюева. «Между Неплюевым и Абулхаир-ханом с этого времени начинается вражда, от которой многие затруднения, беспокойства и опасность происходили», — так охарактеризовал исследователь В. Н. Витевский сложившуюся ситуацию вследствие сильного охлаждения их взаимоотношений.⁷¹ Не ограничившись имевшимися вооруженными силами, сосредоточенными во вновь образованной губернии, Неплюев обратился к правительству с просьбой командировать в его распоряжение из Уральской провинции «лучших, доброконных и оружейных» 2000 башкир, 500 мешеряков, 300 ставропольских калмыков, от 800 до 1000 яицких казаков и подвинуть ближе к Яицкому городку 1000 волжских калмыков.⁷²

И. И. Неплюев сразу начал претворять в жизнь свою цель: устранить хана с политической арены, не останавливаясь перед самыми изощренными способами борьбы, не считаясь с сохранявшейся политической обособленностью Младшего жуза, с невероятной жестокостью проводил меры по колонизации края.

«Тот же Неплюев заботился о колонизации Оренбургского края русскими людьми всякого сословия, прибывший сюда народ, был ли это бродяга или беглый крепостной человек, оставались здесь навсегда, на избранном месте, возврата не было», — писал позже казачий генерал И. В. Чернов.⁷³

Однако дальновидный хан, сразу же после устранения ойратской угрозы, предугадал конечную цель Петербурга и оренбургского губернатора — превратить весь Казахстан в колонию империи, неугодных влиятельных султанов, старшин устранять различными способами, ханов же довести до уровня послушных исполнителей. Выведенный однажды из терпения хан заявлял посланцам И. И. Неплюева, потопившего в крови башкирское восстание 30-х годов XVIII в., что «он не хан, а пастух лошадям», что «русские хотят поступать с нами, как с калмыками и башкирцами, но мы согласны умереть, чем жить под тяжким гнетом»;⁷⁴ в другой раз, рассерженный грубыми нападками И. И. Неплюева, хан бросил ему в лицо, что он «не из-под сабли, а из воли своей в подданство вступил... и по многим затруднениям едва успокоился».⁷⁵ Эти и другие сведения о ханской оппозиции ко все более утверждавшемуся колонизаторскому режиму в Младшем жузе, по крайней мере раскрывают суть двух обстоятельств: бесцеремонность царского губернатора по отношению к полновластному правителю Младшего жуза; во-вторых, резкую оппозицию Абулхаира относительно усиления присутствия России в его ханстве. Да и те исследователи, которые постоянно твердят о его лояльности ко многим предначертаниям колониальной империи, представляли его чуть ли не как явного поборника колонизации края, попросту ошибаются. В утверждении В. Н. Витевского «долго бы еще пришлось бороться Неплюеву с Абулхаир-ханом, если бы в 1749 г. (1748 г. — *Ред.*) не убил его во время междоусобной вражды, султан Барак, положивший предел дальнейшим замыслам Абулхаира»⁷⁶ заложена та истина, которая характеризует хана как прозорливого политика, который вынужден был принять российское покровительство в силу тяжелой внешней политической ситуации, продиктованной реальной угрозой порабощения и гибели казахского народа. Тем не менее, хан не оставлял надежду восстановить былую независимость Младшего жуза, а потому феодальная знать и народ величали его не иначе «как отцом всех ханов киргизских, как человека многими киргизами почитаемого святым».⁷⁷

О неприязненных отношениях Абулхаира и Барака прекрасно был осведомлен И. И. Неплюев. Постоянно натравливая Абулхаира и Барака друг на друга, И. И. Неплюев добился устранения непокорного хана. Поводом к убийству Абулхаира стала его попытка контролировать маршруты торговых караванов, проходивших через кочевья султанов Барака и Батыра. Разграбление в начале 1748 г. людьми Абулхаира свадебного посольства хивинского правителя Каипа, следовавшего к султану Бараку с подарками за сосватанную дочь, невероятно обострило отношения Барака и Абулхаира. И. И. Неплюев, зная групповые распри между казахской высшей знатью, способствовал их дальнейшему обострению. 1 августа 1748 г. во время стычки в стане прикочевавших к Абулхаиру каракалпалков, в районе междуречья Улькейек и Тургай, непокорный хан был убит.

Положение же посягнувшего на жизнь хана султана Барака, также крупного деятеля своей эпохи, известного батыра, было незавидным. Рассчитывая, что насильственное убийство «проложит ему торную дорогу к славе и власти», он просчитался, восстановил против себя большую часть своих же соплеменников.⁷⁸ Хотя бийский суд, проведенный по инициативе Казыбек-би, оправдал его,⁷⁹ народ отшатнулся от него, и вскоре Барак был отравлен своими политическими противниками, хотя распространялись также слухи, что это было сделано по требованию ойратского повелителя Цэван-Доржи.⁸⁰ Все это в совокупности подтверждает сложность, подчас противоречивость характера, политической сущности начального этапа присоединения прежде всего двух этнотерриториальных объединений — Младшего и Среднего жузов. Если несколько отмежеваться от старых политических штампов, когда эти явления рассматривались как закономерный процесс вхождения инородных народов в состав многонациональной империи и оценивались не иначе, как «наименьшее зло» и побудительные мотивы, к примеру, присоединения двух жузов обуславливались лишь личными амбициями одной личности — Абулхаир-хана, то ввод новейших архивных сведений, сопоставление разнородных суждений представителей русской историографии до 1917 г. и советского периода позволяют с иных позиций, с учетом реального соотношения сил в международных отношениях того периода, выявить специфику столь сложного процесса и снять те однобокие негативные оценки, которые были порождены порою предвзятостью оценки роли Абулхаира в этот исторический этап. Колониальные акции, получившие еще более масштабное развитие, особенно после снятия реальной ойратской угрозы, наоборот, раскрыли более явно те стратегические предназначения, которые были выработаны еще при Петре I, углублены при последующих правителях относительно силового покорения казахских земель.

3. КАЗАХСКО-ОЙРАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 40-х гг. XVIII в. И ПОЛИТИКА РОССИИ В РЕГИОНЕ

Подтверждение Абулхаиром верности прежней присяге, принятие ханом Абулмамбетом и влиятельным султаном Абылаем российского подданства не оправдало надежд казахов на позитивные перемены и укрепление своего положения среди соседних государств. Ойратская угроза,

как и в 20–30-х годах по-прежнему висела над степными обитателями как дамоклов меч. Надежда царских властей путем оживления торговли через приграничные укрепления и другие центры удержать Джунгарию от враждебных акций против казахских жузов не оправдалась. Убийство к этому времени Жолбарыс-хана, придерживавшегося позиции сближения с Россией и кончина Семеке-хана, часто менявшего свои политические ориентиры, усиливали уязвимость внешнеполитического положения казахских ханств. Ойратское руководство было прекрасно осведомлено о событиях как на юго-восточных рубежах, так и в самом Казахстане. Воспользовавшись моментом, зимой 1739–1740 гг. ойратские войска нанесли удар с юга, с верховьев реки Сырдарьи и с севера – с реки Иртыш, нанеся значительный урон кочевьям Среднего жуза по Тоболу и Ишиму.⁸¹

Ойраты, постоянно следившие за обстановкой в обширном Центрально-азиатском регионе, не ограничиваясь физическим истреблением беззащитных аулов, совершили несколько разорительных набегов вблизи пограничных укреплений, хотя и не решились осуществить повсеместные нападения на многочисленные военные посты, охранявшие заводы, рудники, разбросанные по Алтаю и Юго-Западной Сибири. Подполковник Тимофей Зорин, комендант Ямышевской крепости, доносил об этом в Сибирскую губернию, сообщая, что они от Железинской до Омской крепости «все сено казенное потравили».⁸²

Естественно, такие рейды ойратских сил в районе расположения пограничных укреплений, ревностно оберегавших экономические интересы империи, вызвали резкое недовольство Сибирской администрации, не собиравшейся оставлять их безнаказанными, хотя бы по одной причине – речь шла о престиже страны и силе русского оружия, во вполне достаточной эффективности которого и казахи, и ойраты не сомневались.

За событиями в юго-восточных пределах России и казахско-ойратскими взаимоотношениями пристально следила и Оренбургская администрация.

Оренбургская экспедиция после смерти И. К. Кириллова была переименована в Оренбургскую комиссию, и в 1742 г. в момент наибольшего обострения ситуации в Сибирской окраине ее возглавил И. И. Неплюев, с деятельностью которого был связан целый ряд административно-политических мероприятий: перенесение Оренбурга на место впадения Сакмары в Урал (Яик), строительство крепостей и редутов новой Оренбургской линии, укрепление Уйской линии, развитие и расширение торговли с казахами и народами Средней Азии.⁸³

Относительно поддержки казахов, испытывавших тяжелый напор превосходящих сил ойратов, его позиция вполне совпадала с мнением Сибирской администрации – исходя из договорных обязательств, Россия должна была пойти на решительные шаги с целью ограждения своих подданных от непрекращающихся нападений ойратов. В данной связи, идя по пути оказания конкретной поддержки казахским жузам в их борьбе с Джунгарией, 20 мая 1742 г. Правительствующий Сенат впервые принимает специальный указ о мерах защиты казахов и обороны крепостей. Это решение было продиктовано в соответствии с далеко идущими стратегическими задачами России, в том числе и экономическими, хотя Абулхаир-хан, более близко стоявший к правящим кругам империи, чем остальные ханы, также обратился к императрице Елизавете Петровне с просьбой о заступничестве.

Требование Галдан-Цэрэна к казахским правителям было однозначным — признать полную зависимость от Джунгарии, а в случае его отвержения, грозился провести еще более массированные вторжения в пределы Казахстана, что могло свести на нет взаимные договорные обязательства Младшего и Среднего жузов с Россией. Осуществление грозного требования джунгарского хана поставило бы казахских ханов в реальную зависимость от Галдан-Цэрэна.⁸⁴

Эти обстоятельства укрепили решимость Сибирской администрации, требовавшей от ойратских полководцев «от таковых обид своих людей унять». 2 сентября 1742 г. И. И. Неплюев направил Галдан-Цэрэну письмо, в котором внимание последнего было обращено на недопустимость вмешательства в дела казахов, состоявших в российском покровительстве: «...равно же и Средней Орды Абулмамбет-хан и султаны с их родами и со всеми улусными людьми по данному их прошении в подданство... приняли».⁸⁵

Не желая дискредитировать себя перед своими подданными, ожидавшими в такой критический момент более решительных действий, российское правительство, не ограничиваясь дипломатическими протестами, распорядилось «принять особые меры предосторожности», разрешив перевести в крепости на границе с Джунгарией орудия из Тобольска и Екатеринбурга.⁸⁶

Хотя действенные меры России ослабляли ойратскую угрозу, что ставляло последних с тревогой наблюдать за ходом упрочения казахско-русских отношений, прежняя вражда между двумя ханами — Абулмамбетом и Абулхаиром — не прекращалась, более того, первый, остерегаясь планов Абулхаира, не оставившего свою надежду прибрат в свои руки и западные кочевья Среднего жуза, откочевал к Туркестану. Обстановка усугублялась пленением ойратами султана Абылая, одного из виднейших деятелей той эпохи, для освобождения которого ни Абулмамбет, ни Абулхаир ничего действенного не предприняли. Требование же И. И. Неплюева от 2 сентября 1742 г. от Галдан-Цэрэна: «...содержащего ныне в Ваших улусах Аблая, также других кайсаков освободить», оставалось невыполненным.

Более того, правительство было обеспокоено сообщением о требовании «Зенгорского Галдан-Цэрэна», чтобы Абулмамбет-хан, Барак-султан, Жаныбек-батыр, «также Малой Орды Абулхаир-хан детей своих знатыми старшинами в аманаты прислали и платили зякет».⁸⁷ Джунгария не могла решиться одновременно бороться на два фронта и против России, и против казахских жузов в условиях сохранения с востока реальной угрозы со стороны Цинской империи, поджидавшей благоприятного момента для поглощения ойратских земель. В некоторой степени этим можно было бы объяснить сдержанную позицию Галдан-Цэрэна к факту расширения приобретений России на юго-восточных границах.

Стремясь предупредить военные действия ойратских сил в пограничных с Сибирской и Иртышской линиями районах и в целях получения достоверных сведений о положении самой Джунгарии, туда под видом торговцев и дипломатических лиц посылались агенты, в круг обязанностей которых вменялось выяснить «...нет ли по старым затейным претензиям к Сибирской стороне какого худого намерения... об этом немедленно давать знать в Сибирь губернатору и ближайшие города об опасном».⁸⁸

Бывали моменты, когда ойраты предпринимали усилия, чтобы натравить казахские роды против российских военных оборонительных пунктов, обещая им временный союз. Ойраты, несомненно, были осведомлены о тех вызывающих сожаление непоследовательных поступках отдельных казахских батыров и султанов, которые, невзирая на подданство, нападали на пограничные укрепления, вызывая этим ответное недоверие. Так, 24 июля 1740 г. комендант Ямышевской крепости секунд-майор Нелебов распорядился: «О приходе кайсаков иметь крепкую предосторожность».⁸⁹ В данной связи отправка посольства К. Миллера в Джунгарию, помимо переговоров об освобождении российского подданного — султана Абылая, преследовала цель изучения политической обстановки и должна была постараться достигнуть соглашения с Галдан-Цэрэном о русско-ойратских отношениях.⁹⁰

Один из знатных ойратских нойонов Манжа в переданном через К. Миллера письме на имя И.И. Неплюева обратил внимание последнего на разорение, какое причиняли «тобою именуемые подданные кайсаки пограничным (ойратским. — *Ред.*) улусам, беспокойство и раздор... оные кайсаки не Ваши, а ты их посторонних называешь своими».⁹¹ Ойратский дипломат дал знать И. И. Неплюеву о согласии «его светлости Галдан-Цэрэна... и других (в т.ч. Абылая. — *Ред.*) кайсацких пленных каждого отпустить в их отечество».⁹²

23 мая 1743 года К. Миллер возвратился в Россию, вскоре султан Абылай был освобожден из плена и возвратился в свои аулы и деятельно стал укреплять временно утраченные позиции, не скрывая своего раздражения бездействием прежде всего Абулмамбета и его сына султана Абулфеиса, воздержавшихся от прямых переговоров с ойратским ханом для вызволения его из неволи или облегчения участи во время пленения.

Тем не менее, Галдан-Цэрэн все настойчивее стал требовать ликвидации некоторых из военно-опорных пунктов. Иван Лапик, русский агент, побывавший в улусах султана Барака, по возвращении, передавая слова ойратского представителя, также посетившего чингизидов, доложил, что «...они (русские. — *Ред.*) построили, тоже сбивать будем».⁹³ Летом 1744 г. дворянин Федор Мельников, посланный Сибирской губернской канцелярией «для разведывания о собравшихся калмык в местечке Канкаракол», по возвращению в Кузнецк объявил, что ойраты, собрав силу «не будут мешкать ни одного дня. Пойдут с тою войною... на Колыванский завод».⁹⁴ В июне 1744 года приехавшие в Усть-Каменогорскую крепость ойратские представители Шэрэн, Узочаки и Союн тоже заявили «о прикочевании Галдан-Цэрэна вверх по Иртышу от Зайсана 7 дней езды».⁹⁵

С целью упреждения внезапного перехода ойратскими силами пограничной линии на границе с Джунгарией были осуществлены некоторые меры оборонительного характера на случай вооруженных столкновений. Количество войск было увеличено. Только в 1744 г., в трех крепостях — Железинской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской — было размещено 7420 человек гарнизона с артиллерией из 35 пушек. Была учреждена особая должность — начальник Сибирских пограничных линий, которым стал генерал-майор И. В. Киндерман, с именем которого связано расширение колонизации правобережья Иртыша на огромном расстоянии от Сибирского редута на севере до Колыванских заводов

на Алтае. Для горнодобывающих предприятий было решено построить дополнительно «недорогие укрепления с полисадами и рогатками».⁹⁶ В результате принятых мер, кроме пяти довольно крупных, боеспособных крепостей (Омской, Коряковской, Ямышевской, Усть-Каменогорской и Семипалатинской) появился 31 форпост и редуты, хотя обороноспособность их была невелика, многие из них были ограждены лишь «бревенчатым частоколом, рвом».⁹⁷

Существование военных постов объективно создавало условия не только для алтайских горнозаводских предприятий, но и в некоторой степени для защиты интересов кочевников-казахов.

Правительство всемерно поощряло расселение районов расположения горнозаводских предприятий, стремясь постепенно вытеснить ойратов. Этим-то умело воспользовались ойратские владетели с целью противопоставить казахов против российской администрации: «... а у вас (казахов. — *Ред.*), до отняв за Яиком, реками завладели, что им не принадлежало, а затем не оставят и кочевого места не будет...»⁹⁸.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, российские власти укрепили военные посты, увеличили число гарнизонов, укреплений.

Предупрежденный о приближении к южносибирской границе пяти регулярных полков, передислоцированных из внутренних губерний для пополнения войск на границе с Джунгарией, Галдан-Цэрэн не решился возобновить боевые действия.

На юго-восточных границах правительству удалось нормализовать положение; казахи, несколько оправившись от предыдущих непрерывных стычек с ойратами, возобновили прежние связи с соседними народами, которые с перерывами и в незначительном объеме осуществлялись через пограничные посты.

В этот период Младший жуз был взбудоражен очередным восстанием башкирского народа. Не выдержав массированных ударов регулярных войск, часть повстанцев, как это было ранее в 30-х годах, бежала в казахские степи в надежде найти спасение. В числе их оказался один из предводителей этого движения — Карасакал, выдававший себя за известного ойратского Шона-батыра. Серьезное опасение, что восстанием могут быть охвачены и районы Младшего жуза, начинавшего испытывать давление Оренбургской администрации, побудило царские власти «вкоренить вражду между сими народами». На И.И. Неплюева, ставшего в 1744 г. первым оренбургским губернатором, «...возлагалась задача — во что бы то ни стало добиться от казахских феодалов выдачи скрывающихся в аулах участников восстания».⁹⁹ Абулхаир-хан был в то время втянут в непрерывную борьбу со своими политическими недругами в Младшем жузе и сопредельных районах. На сей раз его официально не привлекали для усмирения башкирского движения.

Тем временем, расширившееся строительство укрепленных линий ввиду отсутствия в регионе явных противников, глубоко тревожило казахского хана. С проводником этой жесткой линии И.И. Неплюевым, у него сложились натянутые отношения.

Расширялась Яицкая линия, закрывая казахам в их владениях свободный переход на правобережье реки; Уйская линия на востоке должна

была соединиться с Новоишимской, которая, в свою очередь, была связана через редут Сибирский с Иртышской линией.

На западе Уйская линия, делившаяся на Верхне-Уйскую и Нижне-Уйскую, охватила земли Южного Зауралья. Нижне-Уйская дистанция включала в себя крепость Троицкую, основанную в 1743 г. Позднее к ней была подключена Звериноголовская крепость, раньше находившаяся в составе Новоишимской линии.¹⁰⁰ После завершения целенаправленных мер по соединению укрепленных постов Оренбургская, Новоишимская, Иртышская, Сибирская, Уйская линии опоясали северо-западные и северо-восточные окраины Казахстана, охватывая и смежные земли Урала, Сибири, Алтая; сформировалась сплошная непрерывная линия крепостей и форпостов от устья Урала до Усть-Каменогорской крепости, протяженностью в 3,5 тыс. верст, в основном заселенной казачьим контингентом. С проведением этих работ казахские кочевья оказались урезанными примерно на 70 тыс. кв. верст.¹⁰¹ Тех номадов, которые выступали против такой политики, по надуманным обвинениям (воровстве и разбое) ссылали в отдаленные места. Инициатива в применении суровых мер в отношении восставших принадлежала первому оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву и его единомышленнику — генерал-майору Штойману.¹⁰²

И. И. Неплюев выступал и за ограничение власти хана Абулхаира, изменение традиционной процедуры избрания ханов, считая полезным «чтобы сами киргиз-казацкие ханы ханство получали не по своей людской народной воле, но с высочайшего Ее Императорского Величества соизволения».¹⁰³

Попытки А. И. Тевкелева примирить хана с И. И. Неплюевым не имели успеха, а противостояние Абулхаира с видными чингизидами Среднего жуза, главным образом, с Бараком, также ослабляло, подтачивало его положение.

В то же время, видимо, Абулхаир поддерживал с султаном Абылаем добрые отношения. Когда Барак, вынашивая план убийства давнего своего соперника, направил в ставку Абылая «шпиона», чтобы заручиться его поддержкой, но Абылай, «разгневанный коварными помыслами», выпроводил того из пределов своего улуса.¹⁰⁴

Внезапную гибель Абулхаира, почти 30 лет находившегося в эпицентре бурных событий, помимо других обстоятельств следует объяснить во многом прежде всего его неуклонным желанием всеми мерами вытеснить с политической арены своих политических конкурентов, с целью добиться подчинения казахов под своей властью, кочевавших в районе Аральского побережья, Хивы. Некоторое время в том ханстве в качестве правителя находился наследник Абулхаира — Нуралы.

Велико было желание Абулхаира упрочить свои позиции и в Среднем жузе, где некоторым влиянием пользовался его сын, султан Ералы. Это обстоятельство усиливало к нему недоверие со стороны хана Абулмамбета, вызывало упорное противодействие султана Барака, по-прежнему считавшего его выскочкой, не собиравшегося позволить хану Младшего жуза, опираясь на российскую администрацию, прибрать к своим рукам бразды правления в Среднем жузе.

Султан Барак также не был противником сближения с Россией: его доверенные лица были приглашены в Петербург, он тоже давал клятву на

верность российской императрице. А потому причину смерти Абулхаира следует искать во внутриаполитической борьбе, жертвой которой он стал в августе 1748 г., попав в ловушку, ловко поставленную его личным соперником Бараком, который спустя два года умер сам, по слухам, отравленный одним из местных правителей вблизи Туркестана.¹⁰⁵

Избранием Нуралы — старшего сына погибшего хана — заканчиваются 40-е годы XVIII века, полные драматических событий, в том числе очередным ожесточенным этапом казахско-ойратского противоборства, смертью двух непримиримых личностей — Галдан-Цэрэна в 1745 г. и Абулхаира в 1748 г. После первого случая началась борьба за власть в Ойратском ханстве, ослабившая некогда могущественную страну, которая вступала в полосу последней фазы своего существования. После второго случая наступил период постепенного ослабления ханской государственности, расширявший почву для открытой военно-казахской колонизации Казахстана.

---

¹ Более подробно см.: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. (Второе издание). М., 1983; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв. М., 1979; *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. А., 1991.

² *Касымбаев Ж. К.* Под надежную защиту России. А., 1986; *Его же.* Государственные деятели казахских ханств в XVIII в. Т. 1. А., 1999.

³ Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. II. СПб., 1885, с. 148.

⁴ Государственный архив Омской области Российской Федерации (ГАОО РФ), ф. 366, оп. 1. д. 2, л. 1.

⁵ *Там же.*

⁶ Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 483, оп. 1. д. 240, л. 1.

⁷ *Андреевич В. К.* История Сибири. Ч. 2. СПб., 1889, с. 293.

⁸ ГАОО РФ, ф. 366, оп. 1, д. 2, л. 4.

⁹ Эти сведения содержатся в его отчете, с которым он выступил перед Сенатом в январе 1719 г., хотя в некоторых исследованиях позднего времени налицо разночтение относительно численности экспедиции (2902 человек). См.: *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения России и Монголии XVII–XVIII вв. М., 1978, с. 139; 2932. См.: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 226 и др.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 199 (портфели Миллера), оп. 2, д. 2 об.

¹¹ *Гуляев Г.* Заметки об Иртыше и странах им орошаемых // *Вестник ИРГО.* Ч. III. Отд. IV. СПб., 1851, с. 50.

¹² Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. II, с. 151.

¹³ *Там же,* с. 126–127.

¹⁴ *Там же,* с. 127.

¹⁵ *Зиннер Э. П.* Известия шведских военнопленных в Сибири. Иркутск, 1961, с. 9.

¹⁶ *Абрамов Н.* Областной город Семипалатинск // *Записки ИРГО.* Кн. 1. СПб., 1861, с. 131–132. Подробности, см.: *Касымбаев Ж. К.* Экспедиция И. Д. Бухгольца и создание прииртышских крепостей в начале XVIII в. // *Исторические науки.* Вып. 1. А., 1974. с. 37–38.

¹⁷ Андреевич В. К. История Сибири. Ч. 11, с. 295.

¹⁸ Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. III, с. 127.

¹⁹ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших событий в Сибири (1032–1882 гг.). Иркутск, 1882, с. 16.

²⁰ Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. II, с. 153.

²¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. (Документы и материалы). Документ № 16. А., 1961, с. 18–19. (Далее: КРО-1).

²² РГАДА, ф. 139, оп. 1, д. 365, л. 203.

²³ Армстронг И. А. Семипалатинские древности // Известия археологического общества. 1859. Вып. IV, т. 1, с. 203.

²⁴ Шеманский А. 200-летие приступа к Петровским военно-разведочным экспедициям // Военно-исторический журнал. 1916, № 14, с. 16.

²⁵ Риттер К. Землевание в Азии. СПб., 1859, с. 291.

²⁶ Городское поселение Российской империи. Т. IV. СПб., 1864, с. 474.

²⁷ КРО-1, с. 62.

²⁸ Златкин И. Я. Указ. работа, с. 387.

²⁹ См.: Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Сборник трудов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734. Оренбург, 1900, т. 1, с. 108.

³⁰ Лебедев В. Из истории сношения казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. Т. 5 (78), 1936, с. 130.

³¹ Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896, с. 5.

³² См.: Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргизкайсацких ордах. 1762 // Временник императорского Московского общества истории и древности Российских. Кн. XIII. Смесь (3-я пагинация). М., 1852, с. 15–19.

³³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 122. оп. 122/4. 1731, д. 5, л. 5 об.

³⁴ Там же, л. 2.

³⁵ Там же, л. 2 об. Кроме того Абулхаиру вручили саблю с бриллиантами.

³⁶ Там же, л. 4.

³⁷ См.: Маев Н. А. Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1868 гг. // Материалы для статистики Туркестанского края. (Ежегодник). Вып. 2. СПб., 1873.

³⁸ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762, с. 45.

³⁹ КРО-1, с. 50.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства, с. 7.

⁴² Разные бумаги генерал-майора Тевкелева, с. 16.

⁴³ Досмухамедов Халел. Избранное. А., 1998, с. 33.

⁴⁴ АВПРИ, ф. 122, оп. 122/3, д. 5. 1731, л. 10–10 об.

⁴⁵ Лебедев В. Из истории сношения казахов, с. 205.

⁴⁶ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России. СПб., 1865, с. 6.

⁴⁷ Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896, с. 8.

⁴⁸ Моисеев В. А. Указ. работа, с. 109.

⁴⁹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства, с. 7.

⁵⁰ АВПРИ, ф. 122, оп. 122/3. 1791, д. 1, л. 64 об.

⁵¹ Добросмыслов А. Материалы по истории России. 1734, т. 1, с. 119–120.

⁵² Дополнения к «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXXIII. Оренбург, 1916, с. 100.

- ⁵³ АВПРИ, ф. 122, оп. 122/4, д. 1734. 6, л. 1.
- ⁵⁴ *Добросмыслов А. И.* Башкирский бунт в 1735, 1736, 1737 гг. //Труды Оренбургской архивной ученой комиссии. Оренбург, 1900, Вып. VIII, с. 9.
- ⁵⁵ Революционная и трудовая летопись Южно-Уральского края. Хрестоматия. Челябинск, 1980, с. 14.
- ⁵⁶ *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. М., 1950, с. 8.
- ⁵⁷ Записки И. И. Неплюева. СПб., 1853, с. 105.
- ⁵⁸ *Устюгов Н. В.* Указ. работа, с. 24.
- ⁵⁹ *Попов И. А.* Татищев и его время. СПб., 1851, с. 179.
- ⁶⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.–Л. 1936, с. 324.
- ⁶¹ *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730–1750), с. 97.
- ⁶² Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. А., 1960, с. 37–38.
- ⁶³ *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев – верный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань, 1891, с. 153.
- ⁶⁴ *Там же*, с. 153.
- ⁶⁵ *Там же*, с. 155.
- ⁶⁶ См.: *Дебу И.* Топография и статистическое описание Оренбургской губернии. М., 1837, с. 175–192.
- ⁶⁷ Госархив Оренбургской области (ГАОР, об.), ф. 2, оп. 1, д. 12, л. 1–81.
- ⁶⁸ *Там же*, л. 29 об.
- ⁶⁹ *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк //Известия Оренб. отд. ИРГО. Вып. XV. Оренбург, 1900, с. 55.
- ⁷⁰ *Там же*, с. 56.
- ⁷¹ *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань, 1891, с. 681.
- ⁷² *Там же*, т. III, с. 685–686.
- ⁷³ Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова //Труды Оренб. ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. Оренбург, 1907, с. 18.
- ⁷⁴ *Матвиевский П. Е.* Абулхайр, поборник единения казахского народа с русским //Ученые записки Чкаловского госпединститута. Вып. 1. Чкалов, 1946, с. 101.
- ⁷⁵ *Рычков П. И.* История Оренбургская, с. 65.
- ⁷⁶ *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край, с. 157.
- ⁷⁷ *Левшин А. И.* Указ. работа, с. 206–207.
- ⁷⁸ *Касымбаев Ж. К.* Политика Абулхайр-хана в принятии Младшим жузом Российского подданства в 30-х годах XVIII в. //Поиск. № 5, 1997, с. 62–72.
- ⁷⁹ ГАОР об, ф. 3, оп. 1, д. 18, л. 196–197.
- ⁸⁰ *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк, с. 84.
- ⁸¹ *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А.* Из истории Казахстана XVIII в. А., 1988, с. 34.
- ⁸² Архивные материалы о русско-джунгарских и китайских отношениях (рукописные материалы) //Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5-ти томах, т. IV. А., 1985, с. 210.
- ⁸³ *Апалова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – первой половине XIX вв. М., 1960, с. 121–122.
- ⁸⁴ См.: *Вяткин М. П.* К истории распада казахского союза //Материалы по истории Казахской ССР (1741–1751 гг.). Т. II, ч. II. А., 1948, с. 9.
- ⁸⁵ КРО-1, с. 228.
- ⁸⁶ Государственный архив Алтайского края РФ (ГААК РФ), ф. 169, оп. 1, д. 55, л. 106.
- ⁸⁷ АВПРИ, ф. 113, оп. 113/1. 1743, д. 3, л. 1.
- ⁸⁸ *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России. Т. 1, с. 63.

⁸⁹ Центральный Госархив Республики Казахстан, ф. 630, оп. 1, д. 1, л. 183. (ШГА РК).

⁹⁰ Подробно см.: *Ерофеева И. В.* Русско-джунгарские отношения в 40-х годах XVIII в. и Казахстан (посольство К. Миллера) // *Из истории международных отношений в Центральной Азии*. А., 1990, с. 51–53.

⁹¹ АВПРИ, ф. 113, оп. 113/1. 1743, д. 3, л. 20 об.

⁹² Там же.

⁹³ Государственный архив Новосибирской области РФ (ГАНО РФ), ф. 869, оп. 1, д. 56, л. 216.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ГААК РФ, ф. 163, оп. 1, д. 55, л. 101 об.

⁹⁶ Там же, л. 106.

⁹⁷ ГААК РФ, ф. 132, оп. 1, д. 29, л. 14.

⁹⁸ ГАНО РФ, ф. 869, оп. 1, д. 56, л. 216.

⁹⁹ Записки И. И. Неплюева, с. 157.

¹⁰⁰ *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии, с. 342–343.

¹⁰¹ *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией, с. 132–133.

¹⁰² АВПРИ, ф. 122, оп. 122/3. 1747, д. 1, л. 1, 1 об.

¹⁰³ АВПРИ, ф. 122, оп. 122/1. 1747, д. 1, л. 1.

¹⁰⁴ *Вельяминов-Зернов В. В.* Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России и Средней Азии со времени кончины Абулхаир хана (1748–1765). Т. 1. Уфа, 1853, с. 4.

¹⁰⁵ *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк, с. 84.

Глава четвертая

КАЗАХСКОЕ ОБЩЕСТВО В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

1. ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ

Хозяйственную деятельность казахского общества в XVIII — первой половине XIX веков невозможно оценить однозначно. Характер экономических занятий нельзя связать с одной жесткой формулой и определенными типологическими рамками. Несмотря на то, что существенные перемены в ней не произошли, но виды ее были многообразны. Материалы, характеризующие состояние экономики в XVIII — первой половине XIX веков, при сопоставлении с данными предыдущих эпох, показывают, что развитие хозяйства во многом зависело как от природных (физико-географическая среда, бескормица и т.д.), так и от политических (смена политической ориентации, наступление соседей, различные войны и т.д.) факторов.

В XVIII — первой половине XIX веков ход развития хозяйства определялся постепенным нарастанием объема торговли и, в конечном итоге, зависимостью от рынка. Те ощутимые изменения в казахском хозяйстве, которые произошли в изучаемое время — результат влияния более развитой экономики северного соседа.

Основные внешние параметры хозяйственного развития в XVIII–XIX вв. проявляются в следующих особенностях. Во-первых, в отличие от предыдущих эпох идет поступательный процесс определенности кочевых общин в системе земельных отношений, усиливается процесс оседания казахов. В первой четверти XVIII века сложившаяся на юге хозяйственная разруха (в связи с «Ақтабан шұбырынды») затем распространяется и на территории Северо-Западного и Северного Казахстана. Частичное оседание кочевых групп привело впоследствии к формированию субэтнических групп типа «курама» в Средней Азии и к смещению различных родов.

Общая тенденция развития казахского хозяйства ориентировалась на меновую торговлю. В связи с переходом казахов в середине XVIII века от южных зимних стоянок к северным (территории Сарыарки), торговля переориентировалась на российские границы.

В то же время территориальные связи развивались медленно. Наиболее зримыми чертами структуры территориальных связей являются: массовое строительство зимних стационарных жилищ и хозяйственных сооружений, развитие различных форм землепользования, распространение сенокосе-

ния и земледелия, привязанность к рыночным центрам. Новые явления в экономической жизни стали утверждаться только с середины XIX века.

Основой материального производства казахского общества на всем протяжении XVIII и первой половины XIX вв. по-прежнему остается кочевое скотоводство. Как и в былые времена, скот круглый год находился на подножном корму. В XVIII веке велика была роль традиционного земледелия и городов. Гармоничное сочетание различных отраслей хозяйственной деятельности в экономической жизни определяется степенью развития казахского общества. Являясь материальной основой казахского общества, хозяйственные уклады определяли различные социально-политические ценности и институты казахского общества.

Являясь представителями кочевого образа жизни, казахи в то же время не прерывали земледельческих и ремесленных занятий. Города и земледельческие оазисы, естественно, входили в экономическую систему Казахского ханства в начале XVIII века. Город служил и центром обмена и ремесла. Согласно источникам, в начале XVIII века кочевое скотоводческое хозяйство казахов было тесно связано с земледельческими и городскими центрами. Этот симбиоз, способствовавший стабильному развитию ремесла и караванной торговли, и сформировал тот самый мощный экономический потенциал, на котором долго существовало Казахское ханство.

Комплексные черты хозяйственной деятельности отражены в материалах посольства Ф. Скибина и М. Трошина, которые посетили Казахское ханство в 1697 г., «а города де Казачьей Орды от Туркестана все в близости, город от городу в виду, и дальние де города под камнем, ходу до них дни по 3, и по степи де, а от Сырта (Сырдарья. — *Ред.*) реки в дальнем расстоянии, а при реках де в близости не живут, а деланы де в городах их многие колодцы, а городов де их всех считают 20. А крепости-де в Туркестане и в городах валены, валы земляные и по валу кладены стены кирпича необожженного, а вышиною и с валом стена сажени в полтретьи, а шириною местами в сажень, а в иных местах больше и меньше, а к верху аршина по полтора и по 2, а больше-де у них в городах валенье одни земляные валы без кирпичу, а земля плотна и не сыпуча, а рвов-де копанных нет. И во всех тех городах живут бухарцы, а казаков мало, а казаки-де все живут для пашенных земель по кочевьям, а пахоти-де их скудны, коней и овец много, а коров мало, кормятся мясом и молоком».¹

Следующую характеристику городскому населению дает известный батыр рода табын Букенбай «У них, киргис-кайсаков, прежде были города, а именно: Ташкент, Тюркустан, Сейрам с принадлежащими ко оным городками и деревнями и оными владели киргис-кайсацкие ханы и старшины. В тех городах живут сарты, то есть посацкие мужики, с которых брали дань». Характер взаимоотношений между сартами и казахами в начале XVIII века передают следующие слова батыра Букенбая: «А ныне оными никто не владеет и дань не збирает, живут праздно».²

При ближайшем рассмотрении нетрудно убедиться, что на самом деле во взаимоотношениях городского населения, казахов-кочевников ярко проглядывается и зависимость даннического типа. Городские жители были обременены рядом повинностей, они облагались налогом, время от времени должны были преподносить ханам и их приближенным подарки, участвовать в войнах, которые вели казахские ханы, как вспомогательная сила.

В тех условиях, когда кочевники вообще не облагались налогом в пользу государства, а от «кочевых киргис-кайсаков ханы збору никакого не збирается, и не положено», дань с оседлого населения свидетельствует о сложности социальных отношений в Казахском ханстве. Не имея возможности подробно вдаваться в обсуждение тех форм зависимости, которыми определялось положение городских жителей в Казахстане, отметим, что они играли большую роль, особенно в торговле и ремесле, монопольно владея этими доходными отраслями хозяйственной жизни Казахского ханства. Нередко купцы выполняли важные дипломатические поручения казахской знати.

Своеобразная интеграция различных отраслей хозяйства и их носителей подтверждается также в казахском шежире. Они содержат массу разнообразных фактологических материалов об участии казахов, в особенности *представителей султанского сословия и родовой знати*, в управлении городами и оседло-ремесленными центрами Средней Азии. Города и оазисы находились в составе Казахского ханства и выполняли не только роль экономического партнера кочевников, в сложные и кризисные годы они служили для обедневших кочевников как своеобразный материально-экономический резервуар.

Число казахских городов в начале XVIII века варьируется от 11 до 32, это, вероятно, в зависимости от того, насколько включались в подсчеты крупные селения. Хорошо осведомленные о положении Казахского ханства калмыцкие послы из Джунгарии в Иркутске сообщали: «...а городов-де у них одиннадцать, а где живет владелец Тюуке и тот-де город словет Ясу, а величиною-де тот город средний, а посады-де кругом городков великие...».³

«В Казачьей орде хлеба всякого пашут вблизи у городков, и отъезжая по селам много, а скота де всякого число многое ж, а скот-де у них верблюды, и кони, и ишаки, и всякой рогатой скот, а также-де в городах и в селах многие сады, а в садах овощи, яблока и виноград, и вишни, и черносливы, и шебуга, и орехи большие волоские, также и иные многие овощи есть же», — отмечают в своих сообщениях калмыцкие послы.⁴

Источники не отрицают того, что казахи занимались земледелием, хотя, конечно, земледелие носило характер подсобного занятия. Исключение составлял Туркестан. Здесь, по определению немецкого исследователя Рейнхарда Юнга, в Туркестане сложился тип хозяйства, названный им же «тюркским оазисно-территориальным хозяйством», где «все население было обязано нести натуральную повинность для поддержания оросительных сооружений и каждую весну собственноручно руководил этим». Власть была заинтересована в организации орошаемого земледелия (Reinhard Junge, *Das Problem der Europa, Sierung orientalische Wirfseahaft*. 1915. S. 136–137, 174.).

Кочевники-казахи у своих зимних стоянок — «кыстау» — засевали небольшие участки плодородной земли и вместе с остальными уходили на жайлау. В некоторых случаях для охраны и ухода за полями кочующие земледельцы оставляли своих бедных родственников, за определенную плату. Таковыми служили жатаки. Нередко казахи принуждали заниматься земледелием и чужеземцев: калмыков, каракалпаков и др.

Районы распространения кочевого скотоводства охватывали огромные просторы степей Казахстана. В начале XVIII века северные границы проходили по правобережью Иртыша.

Бурные события начала XVIII века, столь богатые вооруженными конфликтами и внутренними усобицами, бесконечно дальними перекочевками в поисках мест обитания и ухода за стадами, имели одну главную причину — территориальную. Во всех этих событиях явственно выступает одно ценное наблюдение — еще в начале XVIII века казахи вели сложную борьбу на огромных просторах Евразии с Россией, Джунгарией и другими странами. За территориальными проблемами всегда стояли проблемы хозяйственные. Условия кочевого хозяйства создают необходимость в последовательной и систематической смене пастбищ, что возможно лишь при достаточном количестве земли и урегулированном землепользовании. Обширные районы кочевков считаются самым главным условием скотоводческого хозяйства. «В старину исходным пунктом всех киргизских (казахских. — *Ред.*) забот и мотивов был скот, — пишет Ч. Ч. Валиханов. — Мы устраивали свою жизнь, приравниваясь к требованиям скотоводства. У наших предков постоянных зимовок не было, точно также как и приуроченных мест для летних пастбищ. Когда в одном месте был голод, отцы наши уходили на другие, более благоприятные, не стесняясь никакими расстояниями.

Киргизы Меньшей Орды лето кочевали под Оренбургом и в горах Мугджара, а зиму проводили на Сыре и в песках Барсука и Каракумах, киргизы Средней Орды в одно лето из-под Семипалатинска шли к Троицку и обратно. При таком образе жизни понятно, что голодные зимы не имели такого рокового характера, как теперь».⁵

Ч. Ч. Валиханов считал, что казахи XVIII века были гораздо богаче по сравнению с серединой XIX века: «Сибирские киргизы (казахи. — *Ред.*) до основания внешних приказов были богаче — это факт, не подверженный ни малейшему сомнению: стоит только посмотреть на численность скота, который был пригоняем на оренбургскую и сибирскую линии в конце прошлого и в начале нынешнего столетия, и на официальные исчисления 20—30-х гг. В эту последнюю эпоху было немало киргиз, имевших 10-тысячные табуны лошадей».⁶

В 1803 г. оренбургский губернатор, сравнивая состояние казахского скотоводства в начале XIX века с предыдущими показателями, писал, что «есть приметное уменьшение во всей степи скотоводства».⁷

Скот в начале XVIII века круглый год находился на подножном корму. Сменяя пастбища, казахские оазисы передвигались по обширным степям зимой на самом юге Средней Азии, летом же — в степях Казахстана.

В начале XVIII века племена Младшего жуза в зимнее время жили в нижних течениях Сырдарьи и Амударьи. В памяти казахов XVIII века крепко держалось убеждение в том, что северная часть Хорезма и восточные районы Бухары — их историческая территория.

Племена Среднего жуза были больше связаны с территорией Туркестана, Восточной Бухары и Самарканда, а также долиной р. Талас. В народной памяти казахов сохранялись отголоски многих событий, пережитых казахами именно в юго-восточных окраинах Бухары. Эта местность называется Жидели Байсын. По фольклорным материалам она известна как земля обетованная, южные границы Жидели Байсын соприкасаются с Афганистаном.

Кочевье (из этнографического труда «Путешествие по различным провинциям Российского государства» (1773 – 1788 гг.) П.С. Палласа).

Племена Старшего жуза тяготели к окраинам Ташкента. Некоторые из крупных племен в поисках лучших пастбищ шли еще южнее в пределы Ходжента и восточной Бухары.

Основная масса казахских племен на зимние стоянки располагалась по рр. Сырдарья, Талас, Чу и др. (Ангрен, Чирчик). Здесь мало выпадало снега, что облегчало зимний прокорм скота. Камыши, обильно растущие по берегам, служили пищей и убежищем для скота. Использовались они и в качестве топлива.

Летние же пастбища племен Младшего и Среднего жузов охватывали Северную, Западную и Центральную части Казахстана, известную как Сарыарка. Границы ее в шежере казахов определены следующим образом: «В длину Арка начинается с Алтайских гор и доходит на западе до Уральских, в широтном отношении с верховьев Черного Иртыша по долинам Алтая на севере до верховьев Оби идет по прямой линии, а оттуда тянется на запад до Кушколя, Чаниколя и до озера Тегерек. От места слияния Оби и Иртыша через Челябин до Урала... Самая западная часть Арки очерчена рекой Орь».⁸

Летние кочевья племен Старшего жуза находились в отрогах Алатау-ских гор и в долинах Жетысу.

Наметить четкую границу зоны распространения чистого кочевого скотоводства на материалах XVIII века очень сложно и почти невозможно. В целом территория Казахстана географически представляет собой сочетание пустынь, полупустынь, лесостепей и степей. Для кочевого скотоводства было характерно круглогодичное кочевание населения. Вместе с тем, процесс кочевания составляет систему производства, где кочевание в каждом сезоне является стадией данного процесса. Зимний цикл более продолжительный, связан с южными оазисами и городами, как бы завершает полный круг. В этот период кочевники заняты торговлей, продажей животноводческого сырья, закупают все необходимое для жизнедеятельности кочевой общины, т.е. связаны с рынком, следовательно, с городом и с ремесленно-торговым населением ханства.

Как уже говорилось, кочевники в лучшие годы владели десятками тысяч поголовья скота — лошадьми, овцами и т.д. Лошади имели очень важное значение в хозяйствах казахов, для которых они издревле пред-

ставляли наибольшую ценность из-за исключительного значения в жизни и, в особенности, в военных предприятиях. Юг, несмотря на благоприятный климат и богатые пастбища, не мог разместить многочисленные табуны казахских скотоводов. Их владельцы вынужденно гнали пастись своих лошадей в тугай — леса и лесные угодия Южной Сибири, за р. Иртыш (за правобережье Иртыша — в Кулундинские и Барабинские степи).

Вполне заслуживает доверия указание П. Рычкова о том, что зимой казахи отгоняли лошадей так далеко, «что от их кибитки бывает расстояние конной езды по неделе и больше. Сие чинится того ради, чтобы мелкому скоту и верблюдам... корма в близости оставалось».⁹ Вместе с сотнями тысяч лошадей кочевала самая боеспособная часть населения. Для молодежи это было самым престижным и ответственным занятием, школой мужества. На зимних пастбищах казахи оставались до середины марта. Вместе с появлением новой травы все откочевывали на летние пастбища, в степные просторы Сарыарки.

Стабильные основы жизнедеятельности казахского общества были нарушены событиями 1723—1725-х гг., известных в народной памяти, как «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама». Они стали выражением всех внутренних и внешних осложнений казахского общества, приведя его к экономической катастрофе и традиционной системы хозяйства. Упадок казахского хозяйства сопровождался опустошением городов и миграцией населения, были заброшены земледельческие угодия, ремесленное производство.

Всеобщее обнищание, голод охватывают все казахское население юга Казахстана. Став военной добычей Джунгарии, потеряв свое имущество и скот, значительные группы казахов оказались на территории Мавераннахра. Но и там не смогли обеспечить себе безопасное существование и приют. Восточные источники сообщают о сильнейшем хозяйственном упадке городов Мавераннахра. Самарканд в 20-е годы XVIII века в течение 7 лет был совершенно покинут жителями, а в Хивинском ханстве приблизительно в те же годы были заброшены все селения и пашни, в самой Хиве осталось не более 40 семейств. К тому же эту некогда богатую область постигло еще одно бедствие — нашествие саранчи. В таких случаях казахи говорят: «Жұт жеті ағайынды» (по-русски смысл звучит примерно так: за одним горем следует череда других; пришла беда — отворил ворота).¹⁰

Большое количество казахов ассимилировалось в среде таджиков и узбеков. Некоторые крупные родовые группы осели в Восточной Бухаре в качестве самостоятельных субэтнических групп среди кочевых узбеков. Про лакайцев, семизов и марка, проживающих в Жидели Байсын, Б. Х. Кармышева писала: «...в их культуре, быте, физическом типе и говоре в начале XX века еще ярко выступали черты, указывающие на родство с казахами».¹¹ В начале XX века М. Тынышпаев отметил, что «в районе Кермине (около Бухары) в настоящее время проживает отделение отсартировавшихся найман-садыров в количестве 12 тыс. дворов, они оказываются родственными лепсинским садырам, с которыми многие связаны в 8—9 поколениях».¹² Значительное количество осело на окраинах Ташкента и Бухары. За ними закрепилось название «Курама». «Курама — оседлые казахские роды, в основном кедей, которые смогли откочевать в годы Великого бедствия — Ақтабан шұбырынды. ...Присоединившись к сартам, они занимались хле-

бопашеством», — пишет Шакарим.¹³ М. Тынышпаев считал, что курама «представляет собой казахский народ в миниатюре».¹⁴

Несмотря на то, что уже в 1727 году откочевавшие в Сарыарку и за Сырдарью казахские племена объединенными силами начали давать отпор калмыкам, хозяйственная разруха продолжалась. Сильно сказывалась оторванность от городских и ремесленных центров. Восстановить потери скота за короткий промежуток времени было невозможно. Продвигаясь на север, казахи часто вступали в столкновения с башкирами, сибирскими казаками, волжскими калмыками, что безусловно, еще более осложняло бедственное положение. Система кочевания была нарушена, традиционные маршруты «юг–север» перестали функционировать.

Социально-экономический кризис, поразивший казахское общество в 20–30-х гг. XVIII в., был вызван глубоким кризисом хозяйства. Оно перестало существовать из-за нарушения традиционного экологического ритма кочевого хозяйства и привело к потерям как в скотоводстве, так и в демографии.

Только начиная с 40-х гг. XVIII века наблюдаются первые положительные сдвиги в казахской экономике. Они выражаются в увеличении поголовья скота, в постоянном участии казахов в меновой торговле. А. И. Левшин приводит цифры, показывающие значительный прирост скота у казахов, обмениваемого на Оренбургском меновом дворе.¹⁵

гг.	Кол-во лошадей	Кол-во быков	Кол-во овец	Кол-во коз
1745	55	2	3055	52
1750	1184	6	8213	281
1755	1762	15	13147	334
1760	3757	54	19530	1589
1765	1636	199	55194	4540
1770	889	276	113115	9354
1775	1218	164	172495	3733
1780	4643	379	225486	7250
1790	2154	1325	187286	5968
1800	2116	867	85221	2665
1810	36	392	65699	5639
1820	68	1074	160296	3268

Участники второй академической экспедиции в 1760-е гг. в своих отрывочных сведениях сообщают интересные данные о хозяйстве казахов. Так П. С. Паллас делает следующее обобщение: «Богатство киргизцев (казахов. — *Ред.*) собственно состоит в скотоводстве, а наипаче много у них лошадей и овец. Верблюдов они имеют гораздо меньше, а коров и того меньше, по той причине, что их зимою без обыкновенного корма не можно хорошо содержать в степи».¹⁶

Особенно подробен в своих заметках И. Фальк: «...скотоводство у киргизов самый распространенный, почти единственный, в сущности, промысел. У них необыкновенно большие стада прекраснейшего скота».

Он же отмечает, что «значительное место в составе стада занимают овцы», «овца — столь же необходимое животное в обиходе, как и лошадь». По данным И. Фалька, казахский скот занимает значительное место в меновом обороте г. Оренбурга: «В 1769 г. было сдано в обмен 40 тыс. живых овец, а в 1770 г. — 130 тыс.» По материалам Оренбургской таможни, эти цифры не являются максимальными, «а иные годы отпуск бывает еще больше».¹⁷

В XVIII в. Георги еще более подробно описывает традиционное хозяйство казахов. Он пишет о том, что казахи Младшего жуза продавали овец в больших количествах в Россию и Хиву. Продукты скотоводческого хозяйства казахов Среднего и Старшего жузов в большом количестве поступали в российскийск, и отчасти, на среднеазиатские и китайские рынки. По оценке А. И. Левшина, «Надобно полагать, в цветущее время мены с казахами, ежегодно только в Оренбурге выменивали у них до 500 тыс. овец и столько же числа в других местах границы с Россией. Следовательно, в Россию всего входило в год до 1 млн. Число лошадей доходило в те годы иногда до 50 тыс. Такого же количества разного скота казахи продавали Китаю, Бухаре, Хиве и прочим соседям. По самым общим подсчетам, во все приграничные районы казахи поставляли до 2 млн овец и 100 тыс. лошадей ежегодно, не считая остальных товаров».¹⁸

П. И. Рычков, исходя из достоверных источников, пишет, что среди казахов имелись «столь богатые скотом, что одна семья имеет до 20 тыс. лошадей и до толикого же числа овец. Сие многочисленное скотоводство мало требует их трудов и попечения, ибо как лошади, так и овцы не только летом ходят по степи и питаются растениями, но и зимою, хотя бы оные и снегом покрыты».¹⁹ Георги, подтверждая данные П. И. Рычкова, пишет также и о том, что казахи «рогатым скотом завелись еще недавно».²⁰

Увеличение в составе общего поголовья крупно-рогатого скота было следствием постоянных контактов северных казахов, с одной стороны, с башкирами и калмыками, а с другой, вызвано потребностями российского рынка.

В XVIII веке были начаты и первые попытки сенокосения и богарного земледелия, что было занятием, безусловно, новым для кочевников. Запасы сена на зиму первоначально пытались заготавливать хозяйства казахских ханов и султанов для «хвораго скота». Очевидцы этих начинаний пишут о том, что сенокосение производилось «наемными работниками» из числа казаков, они также отмечали неумение казахов обращаться с косой.

Земледелие же во второй половине XVIII века остается еще занятием в основном южных регионов. Георги, подробно излагая материальное производство казахов севера, отметил «землепашество же, которое и без того в большей части сухих и солончаковых изобильных их степях было бы неприбыльно, они и не думают». Китайские источники, неплохо осведомленные о состоянии хозяйства в восточных регионах Казахстана, также подчеркивают, что земледелием казахи не занимаются, и с большим знанием описывают скотоводческое хозяйство казахов.²¹

Таким образом, уже в 60–70-х гг. XVIII века казахское хозяйство оправилось от тяжелейшего кризиса и вступило на путь расширенного воспроизводства. В этот период особенно заметен рост населения Казахского ханства. Большое количество калмыкских племен, башкиры, ногаи и каракалпаки вошли в этнический состав казахского народа. Именно в этот период происходило образование новых генеалогических ветвей, увеличивается численность толентутов, растет число рабов и т.д.

Вместе с восстановлением казахского хозяйства остро встает вопрос о кочевьях. Необходимость расширения территории столкнула казахов с Россией и Китаем, чрезвычайно осложнив политическую ситуацию в Центральной Азии.

60–70-е гг. XVIII века были периодом ожесточенных столкновений казахов, особенно племен керей и найман Среднего жуза, с китайскими пограничными войсками. В 1760 г. император Цянь-Лун повелел сановникам Военного совета о слухах, говорящих о перекочевке казахов к территории Алтая и Тарбагатай, а также жаловался на то, что «их сдерживать не очень легко».²² Затем в 1762 г., после отказа казахов освободить занятые ими урочища, китайцы начали обвинять их в том, что с казахами «невозможно договориться». Цянь-Лун в своем повелении говорил о необходимости карательных мер: «По-видимому, следует устрасить их нашей военной мощью... Казахи ...вновь продолжают переходить границы кочевья».²³ Только через несколько лет борьбы казахам удалось окончательно занять прекрасные горные пастбища и долины Алтая и Тарбагатай. «Вы, казахи, за несколько лет постепенно прикочевали к нашей территории. ...Уже дан приказ, чтобы было позволено вашему народу кочевать внутри караулов на пустующих землях», — писал император Китая Абылай-хану.²⁴

С самого начала борьбы за Алтай и Тарбагатай казахами двигало сознание того, что эти земли — их исконная территория — атамекен (земля предков). Этот факт признавался и китайцами, которые отвечали на такие требования следующим образом: «Ваши послы говорили, что Тарбагатай является старым (районом) ваших кочевков и просили подарить (эту землю)». Китай был в обиде за поддержку казахами последнего правителя Джунгарии Амурсаны: «Ваши души также не пребывают в покое. Если бы вы действительно взяли в плен и передали нам Амурсану, тогда, естественно, можно было бы подарить», — сетовали китайцы.²⁵

Не менее ожесточенный спор наблюдается в 50–60 гг. XVIII века в Прииртышье и на берегах Урала. Казахи, связанные издавна с этими регионами, с богатыми пастбищами и удобными для зимних стоянок, были поставлены в очень сложное положение притязаниями России. Фактически до 1756 г. казахи беспрепятственно переходили правобережье как Иртыша, так и Урала (Жайыка). Но строительство в 1750-х гг. ряда крепостей на северных окраинах Среднего жуза создало непреодолимый барьер на пути казахских хозяйств. Уже тогда небольшие группы казахов, занимающих под зимние стоянки эти места (нынешние Петропавловск, Лебяжье), вынуждены были откочевать на юг Казахстана, как тогда говорилось, в Жидели Байсын. Казахское ханство, занятое тогда проблемами Джунгарии, не смогло воспрепятствовать русским властям, к тому же освободившаяся от Джунгарии территория пока в какой-то степени компенсировала земельную «тесноту» в казахской среде.

В такой ситуации в 1755 году Коллегия иностранных дел рекомендовала Сибирским властям вообще закрыть выход казахам к внутренней территории, т.е. к правобережью Иртыша. Впоследствии, в середине 60-х гг. XVIII века вовсе было запрещено подходить к Иртышу ближе чем на 10 верст. Активная экспансия России вызывала очень резкую ответную реакцию казахов, которые не хотели признавать присутствие россиян на этой территории. «Киргис-кайсаки во многих местах к Иртышской линии

со скотом подошли. Делают нападения на русских. Наступают с турками и с зажженными фитилями. У Коряковского форпоста была ружейная стрельба с обеих сторон», — сообщают русские документы за 1755 г.²⁶ В пастбищах на правом берегу р. Иртыш были заинтересованы крупнейшие конфедерации Среднего жуза — керей, уаки, кыпчаки, момыновские племена аргынов, и некоторые ветви найманов. Есть сведения, что даже тортулы и каракесеки — старшая ветвь аргынов — также старались крупные табуны лошадей отогнать в южносибирскую степь. Борьба за правобережье Иртыша была камнем преткновения между русскими властями и казахскими хозяйствами на всем протяжении второй половины XVIII—XIX вв.²⁷

Не менее острая борьба шла и за правобережье р. Яик (Урал), к которой Оренбургские власти хотели запретить приближение казахских родов Младшего жуза.

В 60–70-х гг. XVIII века складывалась сложнейшая ситуация на юге Казахстана. Казахские правители вели борьбу с Кокандом за присырдарьинские города и старались восстановить традиционные взаимоотношения с городами. Это противостояние привело к целому ряду столкновений. В 1760–70-е гг. Абылай-хан с крупным контингентом войск вел вооруженную борьбу против Коканда. В народных преданиях говорится о том, что результатом этих действий было возвращение большого числа городов и поселений, ранее отторгнутых Кокандом, и восстановление господства казахской знати в Присырдарьинском регионе. В преданиях говорится о том, что Ташкент безоговорочно принял протекторат казахов и обязался выплачивать ежегодную дань. Казахи со своей стороны гарантировали безопасную торговлю ташкентским купцам как на своей территории, так и на транзитных путях через казахские степи.

В шежире Старшего жуза описываются события, связанные с восстановлением власти казахских родов в Ташкентском регионе. Возобновление ее связано с уничтожением Джунгарского государства. Шежире повествует о том, что после смерти Толе-би междоусобная борьба кыпчаков, узбеков, шанышкылы, канлы, направленная против дулатов, привела к захвату Ташкента кокандскими ханами. Эти материалы в целом соответствуют сообщениям письменных источников. Ташкент был потерян для казахов в начале XIX века.²⁸

Город Туркестан в 40–70-е годы XVIII века принадлежал старшему хану Казахской орды Абулмамбету. Города, расположенные вокруг Туркестана, были поделены между сыновьями Абулмамбета и Семеке, большая часть городов подчинялась известному султану Среднего жуза Барак-султану, а впоследствии — его детям. В архивных документах и народных преданиях казахов рассказывается о крайне неприятной ситуации из-за города Туркестана, возникшей между Абулмамбет-ханом и сыном Семеке — Есим-султаном. «Как по смерти бывшего в Средней киргис-кайсацкой орде Шемяка-хана выбран был в той же Средней орде ханом нынешней Абулмамбет-хан, то после того он же призван был и в Туркестан на ханство, но между тем многие уездные города Туркестана городка тайным образом желали иметь в Туркестане ханом из детей бывшего Шемяка-хана, ...как Абулмамбет-хан городских жителей стал великие взятки брать, то у них и началось быть великое несогласие». Для разрешения этого конфлик-

та в 1762 году весной в каракесекском улусе состоялось собрание знати с участием Абулмамбета, Абылая и др. Казыбек-би, председательствовавший на нем, решил поделить Туркестан между двумя претендентами.²⁹

Одним из значительных шагов Абылай-хана была попытка восстановления городской жизни на юге Казахстана. Думается, что частые посещения им Туркестана и Ташкента в 60–70-х гг. объясняются этими причинами. В 1774 г. по просьбе влиятельнейших представителей Старшего жуза Абылай-хан направил улусным султанам в их кочевья своего сына Адиль-султана, вслед за ним был туда отправлен Суюк-султан, один из младших сыновей хана. По повелению хана на берегу р. Талас был построен небольшой городок, который был заселен привычными к земледелию и ремесленному труду каракалпаками.³⁰

Полностью оседлая и традиционно кочевая жизнь одинаково несовместимы с хозяйственной системой казахов XVIII века. Несмотря на то, что основу экономики составляло отгонное животноводство, она была привязана к городским ремесленным центрам. Взаимозависимость и взаимодополняемость между составляющими экономическую систему отраслями оставались действенными и в конце XVIII века. Только усиливающееся влияние России в Казахской степи делает невозможным дальнейшее существование уникальной хозяйственной системы.

Еще в начале XVIII века ряд казахских владельцев проводили значительные торговые операции в гг. Уфа и Тобольск. Посольства Тауке, Каипа и Абулхайра совмещали дипломатическую деятельность в России с активной торговлей и занимались установлением и развитием торговых взаимоотношений между двумя странами.

В 70-х гг. XVIII века Россия берет в свои руки даже торговлю в казахских степях товарами с Востока. «Из товаров прибывающих из Индостана и Бухары одна треть остается в Москве и Казани, остальные две части обмениваются казахам на скот», — сообщают документы.³¹ В борьбе за казахский рынок туркестано-ташкентские купцы не выдерживают конкуренции со стороны России, которая стала более притязательной по отношению к кочевникам. Сказывается на этих взаимоотношениях и наблюдающийся еще с XV века упадок городской цивилизации Средней Азии, связанный с изменениями в трансконтинентальных торговых артериях и т.д.

В конце XVIII века сложилась парадоксальная ситуация — когда прежде единое органичное казахское хозяйство было разбито на несколько экономических регионов. Северные районы и частично центрально-казахстанские племена ориентировались на русский рынок, юг и юго-запад — на среднеазиатский, восточный и юго-восточный — на китайский. Последствиями этого процесса стали децентрализация этнической общности, ослабление внутренних социально-политических связей казахского народа.

Нормальному течению русско-казахских экономических связей препятствовали колониальные устремления российских властей. Российская колониальная администрация всегда отдавала приоритет военно-политическим планам, нежели хозяйственным. Поэтому частые внутренние междоусобицы, вражда между соседними народами, провоцируемые российскими властями, а иногда и прямые карательные акции, направленные против казахов, подрывали экономическую стабильность казахского общества. Захват под укрепленные линии и крепости огром-

ной территории нарушил традиционные пути кочевок казахов, отрезал их от богатых пастбищ на севере и отрицательно сказался в целом на жизнедеятельности народа.

Экономический кризис конца XVIII века вверг казахское хозяйство в критическую ситуацию, что потребовало вмешательства русского монарха. Бедственным положением казахского народа был вызван указ императора Александра I от 23 мая 1808 г., в котором говорилось: «Из донесений Оренбургского военного губернатора и других дошедших к нам сведений мы усмотрели, что киргизцы из подданных наших, поблизости к Оренбургской линии и по всей границе от Каспийского моря до Сибири кочующие, пришли по разным слухам в столь бедственное состояние, что не находя средств к пропитанию, многие из них покушаются даже на продажу детей своих в рабство хивинцам». Царь предложил оренбургскому военному губернатору и сибирским начальникам обратить внимание на попечение и установил правила покупки казахских детей всем русским подданным.

Вместе с тем, политические же соображения русского начальства в конце XVIII века положительно разрешили для казахов ряд территориальных проблем. В 1801 году было дано разрешение на вечное поселение в междуречье Волги и Урала большому количеству казахов Младшего жуза, в основном байулы, и в те же годы часть казахов Среднего жуза под предводительством детей Султанмамед-султана перешли Иртыш и получили право обитания на правобережье. В первом случае Россия рассчитывала таким образом ослабить Младший жуз, в другом случае — расшатать власть хана Среднего жуза Вали.

20-е годы XIX века отмечены целым рядом административно-территориальных реформ в Казахстане. В 1822 г. был принят «Устав о сибирских киргизах», а в 1824 г. подобный устав был принят и в Младшем жузе. В целом «Уставы» урегулировали порядок управления той части Казахской степи, которая находилась к тому времени в подданстве России. Новая административная система упразднила традиционные политические институты казахского общества, ввела территориальную организацию, обложила налогами кочевое население, углубляя колонизацию степи.

Россия стремилась к фактическому управлению в Казахстане и не хотела ограничиваться рамками протекторатных отношений. Вместе с тем, хотя реформа 20-х гг. XIX века кардинально изменила политический статус казахского народа, тем не менее, устои этого общества, основанные на преобладании кочевого образа жизни и своеобразных общественных отношений, не претерпели кардинального переворота. Несмотря на то, что с этого времени усиливаются элементы оседлости, шире распространяется земледелие, сенокосение становится привычным занятием, появились постоянные торговые центры в виде ярмарок, казахи, в целом, оставались кочевым народом.

При организации округов в Среднем жузе и части в Младшем жузе за основу брались зимние кочевья казахов, для каждого округа были определены свои границы. Вместе с тем, в округа вошли крупные родовые группы или же обособленные улусы под главенством султанов. Точно так же при формировании волостей и дистанций родовой признак играл ведущую роль, так как именно однородцы были связаны хозяйственными узами. В соответствии с «Уставом» колониальные власти определили территории

под окружные центры — приказы. В окружном приказе должны были заседать старший султан округа, его четыре заседателя. В приказе должен был постоянно находиться казачий отряд. Именно в это время возникли первые окружные поселения в виде крепостей — Кокчетав, Каркаралинск, Баянаул и др. Территориальные ограничения отрицательно сказывались на казахском хозяйстве.

Жесткие требования о закрытии окружных приказов царскими властями и военным губернатором были поставлены перед Касымом Абылайхановым, который заявил: «Если же эти присутственные места с нашей киргиз-казахской стороны не будут изъяты, мы не сможем остаться на своих прежних кочевьях».³²

Таким образом, хотя и «Устав» не предполагал изменений устоев общества, не предлагал новых хозяйственных форм развития, земельный вопрос всплыл первым и стал причиной нарастающего конфликта. Совместить традиционные общественные устои казахского общества с границами административных округов и волостей было невозможно. Именно в этой связи затянулось осуществление реформы, только к 40-м годам XIX в. удалось склонить казахов к принятию основных положений реформы.

Устав окончательно разрушил целостный механизм системы традиционного общества казахов. Северо-Центральная часть Казахстана, Запад и Восток были бесповоротно привязаны к экономике России, а Юг, Юго-Восток и Юго-Запад остались в традиционных структурах.

Оторванные от основной массы казахов разрозненные группы юга постепенно подчинились влиянию среднеазиатских ханств, перестали играть самостоятельную роль по отношению к городам. Среднеазиатские ханства воспользовались беззащитностью казахов. Коканд построил ряд укреплений по рр. Сырдарья, Чу и Сарысу. В них постоянно находились войска, занимавшиеся сбором налогов с казахского населения, эти сборы обычно превращались в военный грабёж. То же самое делали и хивинские сановники по отношению к юго-западным казахам. В набегах хивинцев в 20-х гг. XIX века разорялось большое количество казахских хозяйств. Так, например, во время набега в 1820 году у казахов было угнано 65 тыс. баранов, 15 тыс. верблюдов, свыше 7 тыс. лошадей, были уведены в плен более тысячи людей.³³

Первая половина XIX века отмечена большим количеством народных волнений и восстаний как против колониальных устремлений России, так и среднеазиатских ханств. Казахам приходилось испытывать тяжелый колониальный гнет, потерю самых богатых пастбищ, рек и озер, лишалось перспектив кочевое скотоводство. Нередко во время строительства окружных приказов, крепостей и пикетов с соседних казахских аулов взимали непосильные налоги. В большом количестве забирали скот, якобы временно, который потом не возвращали. Все это послужило поводом для массовых выступлений казахов против колонизаторов.

В новообразованных округах возрастало значение окружения старшего султана. При поддержке российских властей усиливался произвол волостных управителей. Под видом сборов на помощь бедным, сборов на посланников к высочайшему двору, казахские хозяйства обирались бесчисленным количеством налогов, которые в конце концов истощили благосостояние казахов. Каждый приезд или даже проезд российских чиновников был обременителен для степняков, становясь причиной огромных

расходов. Старшие султаны и управители под видом откупа от русского чиновника, как от вражьей силы, срочно собирали дань с местного населения. Однопроцентная ясачная повинность также служила источником злоупотребления колониальных властей. Восстание хана Кенесары (1837–1847) было последней попыткой сохранения самостоятельности казахского общества. В хозяйственном плане с этого периода начинается своеобразный переход к новым экономическим ценностям и заканчивается время кочевой вольности, наступает все нарастающая бедность. Последние обладатели многотысячных табунов лошадей в казахских степях жили в 30-х гг. XIX века. Наступивший в Степи хаос, ожесточенные столкновения между карательными войсками и повстанцами, бесконечные миграции хозяйств окончательно подорвали экономику кочевничества. В. В. Радлов, много путешествовавший по Казахстану в 70-х гг. XIX века, писал: «У меня было довольно случаев наблюдать действие прежнего Устава. Он устанавливал порядок и, кроме того, обеспечивал защиту оседлым земледельцам, живущим по соседству с киргизами (казахами. — *Ред.*). Но нельзя отрицать, что с установлением порядка благосостояние народа уменьшилось. Внутренняя орда возле Семипалатинска, полностью усмирённая, почти совсем разорённая, в то время как по мере приближения к Большой орде богатство народа возрастает». Такова была цена реформы 20-х гг. XIX в.³⁴

Как известно, в начале XIX века между основными родовыми группами завершилось распределение летних и зимних пастбищ, а также кочевых путей. Но последовавшее за принятием Устава усиление некоторых групп султанов и родовой знати привело к существенным изменениям в пастбищно-кочевой системе. Захват под строительство приказов, почтовых пикетов, укрепленных линий казахских земель, а также узурпация казахскими правителями общинных территорий, вызвали серьезные изменения в структуре хозяйства. Состав поголовья остается без существенных изменений, несмотря на то, что удельный вес крупного рогатого скота постепенно возрастает. Значение традиционно почитаемых казахами овец и лошадей остается прежним. «Баран в экономическом быту киргиза (казаха. — *Ред.*) играет самую важную роль. Скот этот весьма ценится как русскими, так и среднеазиатскими купцами», — отмечено в середине XIX в.³⁵

В первой половине XIX в. значительное развитие в казахской среде получило земледелие.

Как на юге Казахстана, так и на территории северных округов, земледелие носило ирригационный характер. Еще в начале XIX века традиционное арычное земледелие казахов южных районов Младшего жуза описали А. И. Левшин и Я. П. Гавердовский.

Источники по степени развития земледелия особенно выделяют южный и юго-восточный регионы. С. Б. Броневский, описывая многие стороны казахского хозяйства, считал нужным отметить, что «Большой орды киргизы (казахи. — *Ред.*), кочующие на урочище Семи рек, около озера Балхаш, при р. Или, и дикокочевые киргизы с прилежанием занимаются земледелием, у них родится просо, пшеница и ячмень. Соседство с трудолюбивым Ташкентом побудило в них сей промысел».³⁶

В отдельных местах казахские егинши и земледельцы собирали очень высокие урожаи, так по словам Ч. Ч. Валиханова, «при трудолюбии и старании кайсака-пахаря, он несмотря на жару, верно рассчитывает урожай

на сам сорок (урожай баснословный)». Исследователь, также как и С. Г. Броневский, считал, что казахское земледелие по своим истокам связано со Средней Азией и Кашгарией. «Находясь под влиянием ташкентцев, кайсаки не могли не принять у них хлебопашества, промышленности, столь полезной и мирной для них».³⁷

Из других форм хозяйственной деятельности казахов XVIII–XIX вв. следует отметить звероловство, в основном связанное с проведением досуга и не имеющее ничего общего с профессиональным охотничьим промыслом, рыболовством, появившимся в северных районах под влиянием русских казаков, бахчеводство на юге как результат очень тесных отношений с сартами, а также ремесло. Последнее имеет ряд важных особенностей. Как в XVIII веке, так и в первой половине XIX в. особых изменений в нем не произошло ни в техническом оснащении, ни в ассортименте ремесленных изделий. Казахское ремесло отражало натуральный характер хозяйства кочевников. В то же время городские центры юга Казахстана во многих видах ремесла достигли значительного совершенства и сформировались как отрасли производственной деятельности. Ткачество, кузнечное дело, ювелирное искусство и многие другие разновидности ремесла удовлетворяли не только потребности внутреннего рынка, но и становились доходными статьями внешней торговли.

Что касается развития ремесла среди степняков, то здесь можно сослаться на мнение Г. В. Колмогорова, глубоко изучавшего ремесленное дело у казахов в середине XIX века: «Если в XVIII веке ремесло у казахов существовало как домашнее производство, то к середине XIX века происходят сдвиги в сторону отделения некоторых ремесел от сельского хозяйства и специализация ремесла по отдельным районам. Появляются мастера по плотничному, столярному и кузнечному делам, которыми занималась только беднейшая часть казахов».³⁸

По мере более интенсивного проникновения в Казахстан товарно-денежных отношений, развития промышленности и городов, распространения земледелия и сенокосения, приспособления скотоводческого хозяйства к условиям и требованиям рынка сформировались предварительные условия для кардинальных хозяйственных перемен.

2. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Решение стратегических задач, обусловленных ускорением присоединения казахских земель к России, постепенное вовлечение северо-западных районов Младшего и части Старшего жузов к системе хозяйственного развития империи, поиск дешевых, удобных, более того, близких рынков сбыта продукции российского мануфактурного производства, создавали благоприятные условия для развития внутренней и внешней торговли.

Созданные как военно-опорные пункты Орск, Оренбург, Петропавловск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, а также крепости и другие поселения, по мере установления добрососедских отношений между кочевым казахским населением и жителями казачьих поселений стали играть все более важную роль в расширении торговых связей России с Казахста-

ном, среднеазиатскими владениями, Цинской империей и другими странами Центральной Азии.

В силу историко-географических условий Казахстана того времени образовались два центра торговли: Орск, Оренбург на северо-западе, с одной стороны, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Омск, Петропавловск, Ямышевская, Железинская и другие пункты, с другой, через которые и производилась торговля с сопредельными странами. Потому рассмотрение этапов, объема, обстоятельств развития торговли с далекими странами через упомянутые центры представляется весьма целесообразным в плане выявления, сопоставления условий и масштаба торговых сделок, подвергавшихся изменениям под влиянием международных отношений в регионе.

Удивителен рост значения г. Оренбурга как крупнейшего экономического центра Южного Урала. Возникший как город-крепость, первоначально предназначенный для обеспечения спокойствия в регионе, в скором времени он оправдал надежды правительства. Более близко расположенная к современным границам Казахстана Орская крепость, помимо других, прежде всего политических обстоятельств, также была предназначена для торговли со степными кочевниками. С самого начала своего существования крепость развивалась как перспективный перевалочный пункт, обеспечивавший доставку товаров из внутренних губерний России в среднеазиатские страны, чьи караваны далее доставляли свои товары в соседний Оренбург.³⁹

Караван-сарай, состоящий из двух каменных и деревянных крепостных зданий,⁴⁰ обеспечивал безопасность, сохранность имущества и товаров среднеазиатских купцов. Посредниками между российскими и азиатскими торговцами, а также и приказчиками в основном служили татары, «единоверцы с бухарцами, более выигравшие от них себе доверенности, старавшиеся всеми способами не допускать русских, дабы держать торговлю в своих руках».⁴¹ Пошлинные сборы за привозимые товары являлись серьезным подспорьем в увеличении доходной части государственного бюджета. К примеру, в 1738—1742 гг. в казну поступило 3872 руб. 39 коп.,⁴² хотя сумма была небольшая, однако давала надежду на увеличение ее в последующие годы.

И.И. Неплюев, первый оренбургский губернатор, «действительно так умно и умело вел торгово-промышленное дело», что купцы Средней Азии, особенно хивинцы, стали приезжать в Оренбург с большими партиями товара, несмотря на трудности и опасности во время их следования через казахские степи.⁴³

Главными предметами меновой торговли в Оренбургском крае составляли скот и хлеб. С 1745 г. по 1759 г. казахами были ввезены в Оренбург 49 697 лошадей и жеребят, 238 быков, 195 447 овец, 774 коз.⁴⁴ Однако следует иметь в виду, что число вымениваемого скота «всегда показывалось в ведомостях, по разным причинам «неполное», следовательно, вышеприведенных данных в действительности было больше».⁴⁵ По данным Н.И. Рычкова, казахи ежегодно пригоняли для обмена от 30 000 до 50 000 овец, 10—15 тыс. голов лошадей.⁴⁶

По мере расширения обменной торговли сложилась новая тарифная цена на домашний скот: быки от 2 до 4 руб., козлы от 30 до 60 коп., овцы

по 70 коп., верблюды продавались не дешевле 40 руб. В обмен на скот, меха и звериные шкуры казахи получали бархат, сукно, парчу, шелковые ткани, платки, позументы, холсты и особенно хлеб.⁴⁷

Оренбург, Орск не были единственными центрами торговли с азиатскими народами. Открытие в 1750 г. менового торгового в Троицкой крепости явилось следствием ослабления Джунгарского ханства и было направлено на создание в регионе относительно спокойной обстановки, когда к 50-м годам XVIII в. практически прекратились «чинимые ойратами пакости».⁴⁸

И.И. Неплюев и А.И. Тевкелев поддерживали учреждение менового торгового в Троицкой крепости.⁴⁹

Причем, открытие «азиатской» торговли в Троицкой крепости было вызвано желанием влиятельного султана Среднего жуза Абылая, управлявшего бура-найманскими и атыгаевскими поколениями, которым было ближе приезжать для торгового в Троицкую крепость, чем в Оренбург, что, естественно, превращало его в значительный торговый рынок Южного Урала, вблизи казахов Среднего жуза. В том же году с продажи одних кашгарских лошадей и ташкентских товаров было собрано в Троицкой крепости 9000 руб. таможенных сумм; кроме того было вывезено туда до 10 пудов серебра и несколько пудов золота.⁵⁰ Серебро в слитках и золото хан Нуралы выменивал на скот у среднеазиатских купцов в Оренбурге, Бухаре и Хиве.⁵¹

В своих «Разных бумагах» А.И. Тевкелев, более других изучавший положение дел в области торговли с азиатскими странами, также отмечал приток «золота и серебра и сбор немалой же суммы пошлин».⁵²

Объем торговых сделок во многом был обусловлен степенью безопасности караванных маршрутов, пролежавших через степи Младшего жуза, и позицией влиятельных родоправителей, ориентировавшихся на Нуралы-хана, также взимавшего определенные сборы с хивинских и бухарских купцов, обеспечивая их безопасность до Оренбурга, Орска и других городов. 10 ноября 1750 г. хан Нуралы, информируя И.И. Неплюева и А. И. Тевкелева об отправлении купцов в Хиву, обещая обеспечить безопасность торговых путей и снимая ответственность с себя за разграбление караванов, следовавших вне пределов его влияния, писал: «...а которые ко мне заезжают, без всякой опасности и со всем тем, что при них есть отправляемые бывают, а которые ездят через других, то степь велика и бездельников, которых я и не знаю».⁵³

Таким образом, торговля в северо-западных пределах Казахстана, которая, как правило, характеризуется под собирательным понятием — оренбургская, в середине XVIII в. получила новый импульс для своего развития и расширения контактов с далекими азиатскими владениями. Усмирение Башкирского восстания, ослабление и последующий разгром Джунгарии Цинской империей, создали новые возможности для углубления взаимовыгодных экономических контактов, приобретавших порою колониальный, односторонний характер, выразившийся, к примеру, в реализации на местных рынках низких по качеству товаров русского мануфактурного производства, и в неэквивалентном обмене скота на российские товары, когда кочевник слабо представлял себе истинную их стоимость.

Постепенно роль Оренбурга как центра торговли с Востоком ослабевает, уступая место торговым пунктам, расположенным в непосредственной

близости к Цинской империи, Монголии, Юго-Западной Сибири, хотя правительство Екатерины II прилагало немало дельных усилий к сохранению транзитной роли Оренбурга в поддержании торговли с народами Центральной Азии: «...стараться всеми силами о большом распространении оного и до какой степени с добрым решением умножить коммерцию с азиатцами со стороны Оренбурга», — заявила императрица 18 марта 1763 г., выступая перед Сенатом.⁵⁴

Со времени основания Иртышских, Ишимских, Сибирских линий сюда направлялись караваны из Кашгара, Яркенда, приезжали с товарами ойраты, бухарские купцы, монголы.⁵⁵

Сибирская губернская администрация, заинтересованная в расширении хозяйственных отношений с казахским населением, а через него и с сопредельными странами, рассылала комендантам крепостей всевозможные инструкции, обращая внимание последних на выгодность привлечения к торговле азиатских народов.⁵⁶ Как и в Оренбургском крае, это обуславливалось стремлением властей увеличить поступление в казну пошлинных сборов, для чего в крепостях и на заставах имелись таможенные смотрители. Но в целом торги «бывали тогда недостаточными, и посему пошлинных сумм собиралось мало».⁵⁷

Царское правительство стремилось склонить к торговле ойратов. Еще в 1729 г. Сибирская губернская канцелярия в предписании Коллегии иностранных дел признавала выгодность торговли с Джунгарией через Ямышевскую и Семипалатинскую крепости.⁵⁸ С целью выяснения возможностей налаживания более стабильных торговых отношений в 1734 г. из Усть-Каменогорской крепости в Джунгарию был снаряжен караван, благополучно возвратившийся оттуда с разными подарками.⁵⁹

Заинтересованность в расширении торговли в приграничных укреплениях и казачьих селениях проявляла и сама Джунгария. В 1732 г. Галдан-Цэрэн отправил в Москву вместе со своим недавним гостем майором Угримовым своего представителя Зогду-хана, с которым в Семипалатинскую крепость приехала большая группа калмыцких купцов. Посольство с ценными подарками возвратилось из Москвы через Тобольск в 1736 г., в 1738 г. Семипалатинскую крепость посетил караван в составе 250 купцов с их работниками: часть из них направлялась в Ямышевскую крепость, другая еще далее — в Томск.

Сибирская администрация, поощряя посещение калмыцкими купцами городов и других внутренних поселений, нередко пропускала товары ойратов также на Ирбитскую ярмарку, вызывая тем самым незамедлительную отрицательную реакцию русских купцов, опасавшихся конкуренции со стороны азиатских торговцев.

Обострение военно-политической обстановки в пограничной зоне заметно усложняло состояние «заграничной» торговли. Сами российские купцы предложили сибирскому губернатору разрешить ойратам покупать или обменивать свои товары только в двух крепостях — Ямышевской и Семипалатинской. Вслед за этим последовало запрещение бухарским и ойратским купцам заезжать в сибирские города и слободы. Только для собственных товаров Галдан-Цэрэна было сделано исключение — пропускать их в Тобольск. Соответственно возрастали размеры пошлин. Приводим данные по Ямышевской крепости: в 1754 г. — 125 руб. 56 коп., в 1755 г.

— 39, в 1756 г. — 894 руб. 52 коп. Для сравнения по Семипалатинской крепости сумма пошлинных сборов с торговцев других азиатских национальностей (кроме казахов) за 15 лет с 1755 по 1770 гг. составила 15 770 руб., за этот же период в Ямышевской крепости 13 385 руб. 70 коп.⁶⁰

В годы ойратских набегов в Казахстан следование по караванным путям и маршрутам было небезопасным, вследствие чего торговле с сопредельными странами нанесен немалый урон. Положение изменилось после разгрома Джунгарского ханства. В 1757—1758 гг. казахи Среднего жуза, не ограничиваясь двумя крепостями — Семипалатинской и Ямышевской, отведенными для торговли, часто стали наведываться и в другие иртышские и сибирские крепости. Однако, ограничения, введенные в середине 40-х годов XVIII в., не всегда позволяли казахским торговцам вести свободный торг по всей пограничной линии, о чем 13 декабря 1758 г. сообщил генерал-майор А. И. Тевкелев в Государственную коллегию иностранных дел, отметив, что «кочующие близ линии кайсаки за дальностью ездить в Ямышевскую и Семипалатинскую крепости не способны».⁶¹ В расширении торговли во всех крепостях вблизи казахских кочевьев были заинтересованы те аулы, которые «за непривозом из других жилых мест харчевни припасов немало себе нужду имеет».⁶² Этим следует объяснить и открытие в декабре 1759 г. для этой цели Петропавловской крепости, где сразу же учредили меновый двор, располагавшийся в степной нагорной части, купцам разрешили открыть лавки.⁶³

В 1760 г. новый сибирский губернатор Д. И. Чичерин ходатайствовал перед Государственной коммерц-коллегией об открытии меновых дворов по всей Сибирской линии, что и было удовлетворено.⁶⁴ В 1756 г. меновый двор был учрежден и в Усть-Каменогорской крепости, при которой начала функционировать таможенная застава с надзирателями и объездчиками. Росло число казахов, сбывавших на меновых дворах продукты скотоводства. Так, с 20 августа по 14 октября того же года только лишь в Ямышевской крепости торговали 350 лиц коренных жителей, в т.ч. 158 человек из владений султана Абылая и бия Казыбека.

В декабре 1766 г. Государственная коммерц-коллегия рассмотрела рапорт командующего Сибирской линией генерал-поручика И.И. Шпрингера, в котором содержались любопытные сведения, подтверждающие готовность «выходить с большими караванами и производить торг» в пограничных укреплениях. Причем инициатива о расширении торговли с бухарскими единоверцами исходила от Абулмамбет-хана.⁶⁵

Спокойная обстановка, установившаяся в регионе после устранения ойратской угрозы, способствовала приезду множества купцов не только из азиатских стран, но и из внутренних губерний России. Здесь часто можно было встретить торговый люд из Казани, Тобольска, Тары, Тюмени, Оренбурга. Они привозили сахар, ведра, оловянную посуду, железные изделия и другие товары. С каждым годом возрастала роль Усть-Каменогорской крепости, наиболее близко расположенной к алтайским горно-заводским предприятиям и Цинской империи, куда «приезжали с дополным числом купцов».⁶⁶

В рассматриваемый период Россия оставалась одной из немногих стран, производивших через пограничные линии торговлю с Цинской империей. Ее главным центром оставался район Кяхта-Маймачен. Однако,

недавно завоеванные районы, как, например, Синьцзян, все еще оставались труднодоступными для русских торговцев.

В 1777 г. был обнародован новый тариф для Оренбургской, Троицкой и Семипалатинской таможен, в котором были снижены пошлины на товары азиатских купцов. В дополнение к тому был разрешен беспошлинный привоз хлопчатобумажных изделий, шелка и крупного рогатого скота, что было выгодно как казахским скотовладельцам, так и среднеазиатским торговцам и русскому купечеству, по доступной цене скупавшему большими партиями разный скот, пропуск которого на «российскую сторону» из года в год увеличивался.⁶⁷ Так, казахи Атыгаевской, Бура-Найманской, Уакской волостей через Ямышевскую крепость и близкорасположенные к ней редуты и форпосты перегнали лошадей: в 1780 г. — 44 000, 1781 г. — 50 900, 1782 г. — 82 100, 1784 г. — 87 500; через Железинскую крепость: в 1770 г. — 300, 1778 г. — 5400, в 1780 г. — 15 000, 1784 г. — 28 000.⁶⁸

Поощряя проезд азиатских купцов в укрепленные пункты, пограничные власти через таможенные заставы постоянно следили за «недопуском» для продажи запрещенных Министерством коммерции товаров. Так, инспектор Сибирских линий генерал-майор И. Лавров 1 августа 1802 г. просил управляющего Семипалатинской таможней «подтвердить дабы не было применено азиатцами запрещенных вещей, как-то огнестрельного оружия, пороха, свинца, российской монеты и солдатского сукна».⁶⁹

В процессе постепенного освоения русскими казахских земель в первой четверти XIX в. заметно возрастает роль Петропавловска, верхи-неиртышских крепостей как важных перевалочных пунктов торгово-экономических связей России с Синьцзяном, Кашмиром и Тибетом.

Основной объем торговли с Синьцзяном производился среднеазиатскими купцами, обосновавшимися в городах и других поселениях Восточного Казахстана. 30 апреля 1818 г. караван ташкентских купцов Мир-курбана Ниязова и Ахмадия Амирова, следуя через Казахскую степь в Чугучак и Кульджу, возвратился без происшествий. Вместе с ним из китайских пределов возвратился грузинский дворянин Семен Мадатов с тремя «подобно себе торговцами», что торговали они с выгодой, караван их состоял из 200 лошадей с суммой около миллиона.⁷⁰

Таким образом, меновые дворы, таможни, учрежденные в городах и приграничных поселениях, привлекая из года в год торговцев из Казахской степи, внутренних губерний и из сопредельных стран сыграли заметную роль в нормализации политического климата в регионе. Торговля через укрепления приносила значительные доходы казне и азиатским торговцам, удовлетворяла потребности кочевников в мануфактурных товарах и в хлебе, показала общность и близость экономических интересов торгующих сторон.

3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Процессы общественного разделения труда и социально-экономической дифференциации казахского общества влекли за собой дальнейшую специализацию в осуществлении общественных функций и вследствие этого приводили к процессам оформления особых институтов в структуре социальных отношений кочевников. При этом социально-

экономическая структура и социальная стратификация казахского общества отчасти не совпадали, а иногда даже приходили в противоречие друг с другом. Социальный статус человека далеко не всегда определялся его экономическим благосостоянием, а последнее, в свою очередь, не всегда зависело от его привилегированного положения.

Характерной особенностью социального деления казахского общества являлась дифференциация индивидов на так называемую «белую кость» (ак сүйек) и «черную кость» (кара сүйек). Первый социальный слой представлял собой закрытую привилегированную корпорацию индивидов, непроницаемую извне в силу ее социальной изолированности и большой значимости в структуре общественных отношений. К ней относились два аристократических сословия — торе и кожа.

В отличие от ак сүйек сословно-корпоративные группы «черной кости» являлись открытыми статусами, достижение которых было доступно любому индивиду в зависимости от его личных качеств и имущественного положения. К ним принадлежали категории биев, тарханов, батыров, старшин (аксакалов). Однако большая часть казахского населения, определяемая, как свободные общинники, никак не дифференцировалась по сословным признакам, что отличало ее от господствующего класса казахов.

Привилегированную элиту кочевого общества составляло аристократическое сословие торе (султанов), являвшееся основой «белой кости». Оно объединяло группу лиц, принадлежавших к одной из ветвей потомков Чингисхана и находившихся вне генеалогической структуры жузов.

Казахские торе (султаны) вели свое происхождение, согласно традиционным представлениям кочевников региона, от старшей линии чингизидов — потомков Джучи (джучидов), что нашло подтверждение в генеалогических источниках позднего средневековья и нового времени, а также в исследованиях современных востоковедов.⁷¹ Знатное происхождение торе признавалось не только внутри казахского социума, но и в соседних полукочевых и оседло-земледельческих ареалах Евразии, в частности, на территории Башкирии и в среднеазиатских ханствах, куда их неоднократно приглашали в XVIII веке на ханский престол.⁷²

Сословие джучидов играло огромную роль в социальной, политической и военной жизни казахов. Из его среды избирались высшие структуры власти в государственных образованиях казахов, т.е. ханы, представлявшие собой центральное звено в политической системе кочевого общества. Принадлежность к сословию султанов по праву рождения означала фактическую принадлежность индивида к господствующему классу и предопределяла его преимущественное право осуществлять регламентацию и регулирование общественных отношений.

Привилегированное положение торе было юридически оформлено во многих нормах адата — казахского обычного права. Дореволюционные письменные источники и устные предания казахов свидетельствуют, что каждый из султанов имел право возглавлять какую-либо группу родоплеменных подразделений кочевников (эль, улус) и иметь в своем распоряжении определенную пастбищную территорию (юрт).⁷³ За оскорбление султана словом полагался штраф в размере 26 голов скота и верблюдов, а за его убийство — выплата материальной компенсации — куна, равного куну за убийство семи рядовых кочевников из числа «черной кости».⁷⁴ В

отличие от всех остальных членов казахского общества, торе не подлежали суду биев и могли быть судимы только ханским судом. Для женщин этого сословия был установлен строгий эндогамный предел: при выходе замуж за мужчину «черной кости» она теряла привилегии своего сословия, тогда как женщина «черной кости», став женой того или иного султана, автоматически причислялась к сословию торе.⁷⁵

Привилегии торе в общественной жизни казахов простирались не только в сферы правовых традиций кочевого населения, но и на область степного этикета. По свидетельству многих очевидцев, знатоков обычного права и быта казахского народа, «простые киргизы» (казахи. — *Ред.*) в разговорах с султанами не могли называть их по имени, но вместо него должны были употреблять слово «таксыр». При приветствиях, при прощаниях, при благодарностях, они должны были говорить «Алдияр!», приложив обе руки к груди или одну правую руку к правому колену.⁷⁶

Вместе с тем, многие источники, характеризующие имущественное и социальное положение казахских султанов, свидетельствуют, что преимущественные права и привилегии торе очень мало или совсем не зависели от их личного экономического благосостояния, а принадлежали сословию торе по рождению. Не владение скотом и прочим имуществом, а знатность происхождения, столь ценимая в традиционных социумах Евразии, представляла собой источник политического доминирования и общественного признания султанов в среде кочевников, определяла их наиболее высокий статус в социальной иерархии в системе казахского общества.

В период противоборства с джунгарами происходила переоценка ценностей, в т.ч. статуса «торе». Востребованными оказались преимущественно организаторы всенародной борьбы с агрессией, способные не только сплотить ряды воюющего народа, но и в качестве батыров вступить в сражения на поле брани, повести за собой людей на примере личного героизма, т.е. личности, безраздельно пользующиеся доверием народа. Ими тогда оказались народные батыры.

Другую элитарную группу кочевников представляло сословие служителей мусульманского культа — кожа, пользовавшихся наследственными привилегиями, игравших важную роль в духовной жизни казахского общества. Все ритуальные обряды — обрезание, свадьба, похороны и поминки совершались при обязательном участии кожа, которые узаконивали их чтением Корана. Политическое влияние кожа в кочевом обществе было незначительным, что во многом объясняется своеобразием ислама в Степи.

Среди привилегированных социальных категорий «черной кости» чрезвычайно важное место занимало у казахов сословие биев, осуществлявших функции судебной власти в кочевых общинах. «Под словом «би», — указывал Я. П. Гавердовский, — разуместь должно людей красноречивых, богатых и оборотливых».⁷⁷ Привилегированное положение биев в Казахстане определялось прежде всего большой общественной значимостью функций правового регулирования, арбитража и посредничества и выражалось в приоритетных правах в системе имущественных отношений, в частности, правом на присвоение прибавочного продукта в форме одной десятой размера иска (билік). Сила и влияние бийской группы были обусловлены также в немалой степени личными качествами ее членов, таки-

ми как: знание обычного права, традиций, ораторское искусство, умение отстаивать интересы общин. «Только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное звание»,⁷⁸ — указывал Ч. Ч. Валиханов.

Бии, обладавшие способностью разрешать межродовые и межплеменные споры, добиваясь достижения консенсуса противоборствующих сторон, как правило, приобретали немалый авторитет среди кочевников и значительное влияние в социально-политической жизни казахского общества. Все это позволяло таким могущественным биям, как Казыбек, Толе, Айтеке, Есет и некоторые другие, оказывать большое воздействие на верховную власть; с их политическими настроениями, мнениями и решениями считались даже самые влиятельные казахские ханы (Тауке, Абулхаир, Абылай).

При выдвижении каких-либо лиц в роли судебных арбитров в практике разрешения общественных противоречий определяющую роль играл принцип меритократии (т.е. власти наиболее одаренных), согласно которому биями могли стать только самые талантливые, авторитетные и опытные народные судьи, имевшие солидные познания в обычном праве казахов. При этом никакого права прямого наследования звания бия в казахских правовых традициях не допускалось. Однако принцип меритократии не исключал проявления такой возможности, когда ближайшие потомки какого-либо казахского бия (сын, внук, правнук) также могли быть избраны биями. Материальное благосостояние, степень влиятельности индивида и прочие субъективные факторы нередко способствовали закреплению бийского звания за отдельными династиями казахов, в чем проявилась большая социальная значимость среди кочевников принципа генеалогического родства. Но даже в подобных ситуациях сама по себе генеалогическая близость к представителю бийского сословия еще не гарантировала претенденту на этот ранг желаемого избрания бием и занимала в общественном сознании кочевников подчиненное место по отношению к личным способностям и навыкам индивида.

Большое социальное значение и политическое влияние в казахском обществе в период XVIII — первой половины XIX вв. имела социальная группа батыров — военных предводителей.

Тюрко-монгольское слово «батыр», «багатур», «бахадур» первоначально означало храбреца, вызывающего врага перед битвой на единоборство. В этой транскрипции оно еще в XIV в. проникло в русский язык, потеснив более ранний, автохтонный термин южнославянской книжности «храбр», т.е. «воитель». Наряду с русской калькой данного термина — «богатырь» — в Московском государстве конца XV — первой трети XVI вв. для обозначения иноземных храбрых воинов уже использовался собственно тюркоязычный термин «батыр», подтверждением чему могут служить отдельные замечания небезызвестного автора «Записок о Московии», германского посла Сигизмунда Герберштейна (1486—1566), впервые услышавшего это наименование от русских людей.⁷⁹ Данный факт убедительно свидетельствует о широком распространении батырства как социального явления в кочевом мире Евразии, что, естественно, не могло не отразиться и в понятийно-лингвистических заимствованиях ближайших соседей тюркских народов — славян.

Со времени Чингисхана термин «бахадур» многократно присваивался как титул представителя военизированной тюрко-монгольской зна-

ти. В этом значении многочисленных бахадуров в ханстве Абулхаира (1428—1468) упоминают в своих сочинениях Мас'уд ибн Усман Кухистани (1453—1512) и другие восточные авторы.⁸⁰ Довольно часто он использовался в качестве почетного титула, получаемого ханом или султаном за личную храбрость, либо умелое руководство военными действиями в борьбе с внешними врагами. В данном случае звание «бахадур» прибавлялось к полному собственному имени какого-либо знатного кочевого правителя. В частности, в XVIII в. этот титул имели казахские ханы Тауке, Каип, Абулхаир, Абылай и некоторые другие.⁸¹

Однако батыр — это не только титул храбреца, но и наименование лиц, преимущественно занятых осуществлением военных функций. По определению путешественника Е. К. Мейендорфа, батырами именовались в казахском обществе «люди храбрые, справедливые и предприимчивые, во время войны — это наездники».⁸² Звание «батыр» никогда не было наследственным, его приобретали только личными подвигами. Но вместе с тем, нередко возникали ситуации, когда батырами становились сын и внук того или иного батыра, заметно проявившего себя на военном поприще. Примером этому может служить история наследования данного титула потомками влиятельного батыра рода табын поколения жетыру Младшего жуза Букенбая (ум. в 1741) — его сыном Тленши Букенбайулы и внуком Жоламаном Тленши, возглавившим народно-освободительное движение западных казахов в 20-е — начале 30-х гг. XIX в.⁸³

Наиболее сильно возросли авторитет и социальное значение батыров в первой половине XVIII в., что было обусловлено внешней угрозой и возрастанием роли военных структур в социальной организации казахов. Необходимость организации эффективного отпора джунгарской агрессии привела к появлению сначала на военной, а затем и на политической сцене выдающейся плеяды народных предводителей и полководцев — батыров: Букенбая из рода табын поколения жетыру, Богембая из рода канжыгалы племени аргын Среднего жуза, Кабанбая, Малайсары, Есета, Тайлака, Жаныбека, Отегена, Олжабая и других лиц, выдвинувшихся из низших слоев казахского общества. С именами вышеперечисленных батыров связаны наиболее крупные победы воинских отрядов казахов над войсками ойратов, которые навсегда вошли в историческую память казахского народа.

По мере ослабления военной напряженности на этническо-территориальных рубежах казахских жузов снижалось и социальное значение батыров. Определенный всплеск общественной популярности и политического влияния этих военных вождей был связан с развитием народно-освободительных движений в 20—40-х гг. XIX в. в Младшем и Среднем жузах. В этот период наибольший авторитет у казахов приобрели такие храбрые воины и сподвижники султана Кенесары, как его родной брат Наурызбай-батыр (1822—1848), батыры Ағыбай, Бухарбай, Иман и многие другие.

На территории Старшего жуза заметное усиление роли военных структур и связанное с этим возрастание общественной значимости социальной группы батыров наблюдалось в годы борьбы с военной агрессией Кокандского ханства (20—50-е гг. XIX в.). Именно тогда звание батыра в казахском обществе получили предводители воинских ополчений Сарыбай Айдысулы, Саурык Стамбекулы, Сыпатай Алибекулы, Сураншы Акымбекулы, Сыпатай Саурукулы, Байзак-датха Мамбетулы и многие другие.

Во все перечисленные периоды истории казахского общества батыры являлись не только храбрыми воинами, лихими наездниками и предводителями воинских дружин, но и одной из наиболее элитных социальных групп кочевого общества. Не случайны в этом отношении и замечания многих дореволюционных авторов, что среди батыров можно было встретить немало казахских старшин-родоначальников, занимавших важное место в политической организации кочевников. Так, из 67 родоплеменных подразделений трех жузов, зафиксированных Г. И. Спасским в начале XIX в., во главе 25 структурных единиц находились батыры.⁸⁴

Кроме того, нередко батыры привлекались верховной властью к выполнению ответственных поручений дипломатического характера во взаимоотношениях казахских ханств с соседними государствами, а также в интересах поддержки ханов при обострении их противоречий с членами бийской прослойки и родовыми старшинами.

Привилегированное положение батыров зависело помимо их личных качеств от военной удачи, престижных родственных связей и богатства, т.е. размеров той добычи, которую им удавалось захватить во время военных походов в чужие страны, а также от числа добровольных сторонников, состоявших большей частью из казахской молодежи. Поэтому по своему богатству и политическому влиянию среди казахов некоторые батыры (как, например, Жаныбек из рода шакшак племени аргын Среднего жуза) превосходили иногда правящих ханов и султанов.

Определенное место в социальной стратификации казахского общества принадлежало категории тарханов, то есть лиц, наделенных за разные заслуги верховной властью привилегиями, например, при уплате налогов и проч. Во время централизации общества, оформления государственных структур, военных столкновений, тарханы пользовались правом приобретать те или иные престижные должностные места в системе управления кочевыми коллективами. Но в тяготах повседневных будней «тарханские привилегии», как правило, забывались, а роль этой социальной группы сводилась к минимуму.

Наиболее многочисленную прослойку господствующего класса казахов представляли старшины («аксакалы»), осуществлявшие социально-регулирующие функции во всех звеньях кочевых общин. «Сии начальники или князья, — отмечал И. П. Фальк, — самые богатые, весьма уважаемые и суть оракулы аймаков, и потому хан влиянием его на оные места может много действовать через их посредство, несмотря на малую их власть».⁸⁵ Звание аксакала у казахов могли получить лица, обладавшие большим интеллектуальным потенциалом, разносторонними знаниями и богатым опытом. В условиях кочевого скотоводческого хозяйства эти индивидуальные человеческие качества неизбежно становились важнейшим фактором концентрации скота и материальной обеспеченности индивида. Поэтому закономерно, что именно экономически господствующий класс общества присваивал себе функции социально-экономического, политического и правового регулирования, активно вторгался в сферы идеологии и духовной культуры. Аксакалы, являясь основой всей системы социальной стратификации кочевого общества, пополняли из своих рядов другие социальные категории и сословия.

Наряду с разными сословными группами, представлявшими господ-

ствующую часть кочевого общества, и свободными общинниками, в Казахстане существовали категории зависимого населения — рабы и тюленгуты.

Тюленгутами называли лиц, находившихся на службе у султанского сословия. Появление этой прослойки было связано с междоусобицами и многолетней борьбой с джунгарами, обусловившими большой спрос верховной власти и ее представителей султанов на «служилых» людей.⁸⁶

К категории зависимого населения относились также рабы — кулы, которые набирались из среды пленных — россиян, калмыков и иранцев. Рабы использовались главным образом в личном хозяйстве: по уходу за животными, для обработки посевов, в домашнем обиходе наследственной степной аристократии. Однако рабство, как социально-экономический уклад, не получило широкого распространения у казахов и не вышло за рамки патриархального домашнего рабства.

¹ Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Т. 1. Л., 1933, с. 265.

² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. А., 1961, с. 62. (КРО-1).

³ Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989, с. 213.

⁴ Там же, с. 213.

⁵ Валиханов Ч. Ч. О кочевках киргиз // Собрание сочинений в пяти томах, Т. 4. А., 1985, с. 106—107.

⁶ Там же, с. 106.

⁷ Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.). Т. IV. М.-Л., 1940, с. 214.

⁸ Халид Курбангали. Тауарих Хамса (бес тарих). А., 1992. 175-б.

⁹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с. 293.

¹⁰ Ходжамкули бек Балхи. Тарих-и кипчак-хани (история кипчакских ханов) // Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент, 1988, с. 25, 265—266.

¹¹ Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976, с. 236.

¹² Тынышпаев М. Историческая справка и племенной состав коренного населения Ташкентского уезда (из материалов к национальному размежеванию в Туркестане) // История казахского народа. А., 1993, с. 183.

¹³ Кудайбердыулы Шакарим. Указ. соч., с. 107.

¹⁴ Тынышпаев М. Указ. работа, с. 165.

¹⁵ Левшин А. И. Указ. работа, с. 3. Этнографические известия. С. 221—224.

¹⁶ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1777, с. 351.

¹⁷ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1. (V в. до н.э. — XVIII в.н.э.) А.,-М., 1935, с. 159.

¹⁸ Левшин А. И. Указ. работа, ч. 3, с. 225.

¹⁹ Рычков П. И. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. СПб., 1772, с. 31.

²⁰ Прошлое Казахстана, с. 156.

²¹ Там же, с. 152—153.

²² Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVII— первая треть XIX в. Ч. 2. А., 1989, с. 12.

- ²³ Там же, с. 33.
- ²⁴ Там же, с. 74.
- ²⁵ Там же, ч. 1, с. 144.
- ²⁶ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 3838, л. 8–14.
- ²⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 1112, л. 515–547; ЦГА РК, ф. 15, оп. 1, д. 1827, л. 1–121.
- ²⁸ Садібеков З. Казак шежіресі. Ташкент, 1994, 81-б.
- ²⁹ КРО-I, с. 649.
- ³⁰ Валиханов Ч. Ч. Аблай //Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. А., 1985, с. 115.
- ³¹ Материалы по истории КазССР (1785–1828 гг.). Т. IV. М.-Л., 1940, с. 79.
- ³² Там же, с. 137.
- ³³ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. М.-Л., 1940, с. 33–39.
- ³⁴ Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989, с. 344.
- ³⁵ Тетеревников А. Н. Очерки внутренней торговли Киргизской степи. СПб., 1867, с. 7.
- ³⁶ Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды //Отечественные записки. Ч. 120. СПб., 1830, с. 193.
- ³⁷ Валиханов Ч. Ч. О хлебопашестве //Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. А.-А., 1984, с. 184–185.
- ³⁸ Колмогоров Г. В. О промышленности, торговле в киргизских степях Сибирского восточного //Вестник императорского географического общества. Вып. 1. Ч. 13. СПб., 1855, с. 4.
- ³⁹ Российский государственный военно-исторический архив. ф. Военно-ученый архив, д. 19209, ч. 2, л. 8.
- ⁴⁰ Там же, ч. 1. л. 9.
- ⁴¹ Там же, л. 16.
- ⁴² Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань, 1897, с. 675.
- ⁴³ Там же, с. 724.
- ⁴⁴ Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. СПб., 1832, ч. 3, с. 221.
- ⁴⁵ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край, с. 726.
- ⁴⁶ Рычков Н. И. Топография Оренбургская. СПб., 1887, с. 279.
- ⁴⁷ Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких орд. Ч. 3, с. 219, 229.
- ⁴⁸ Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в великую Татарию экспедиции. СПб., 1777, с. 30.
- ⁴⁹ Материалы по истории Казахской ССР. 1741–1751 гг. Ч. 2, т. 11. А., 1948, с. 338.
- ⁵⁰ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань, 1897, с. 730.
- ⁵¹ Апилова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. М. 1960., с. 204.
- ⁵² Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах. 1762 г. //Временных Московского общества и древностей Российских. Кн. 13. Смесь. М., 1852, с. 18.
- ⁵³ Материалы по истории Казахской ССР. 1741–1751. Т. 2, ч. 2, А., 1948, с. 352.
- ⁵⁴ Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири. Т. 4. СПб., 1887, с. 201.
- ⁵⁵ РГ АДА, ф. 276, оп. 1, д. 516, л. 6–7.
- ⁵⁶ См.: Касымбаев Ж. К. Развитие Прииртышских крепостей как торговых центров в XVIII в. //Известия Академии наук КазССР. Серия общ. наук. № 5. 1975, с. 42–49.
- ⁵⁷ ГАОО РФ, ф. 366, оп. 1, д. 323, л. 20.
- ⁵⁸ Сборник статистических и исторических сведений о Сибири. СПб., 1876. Вып. 1, т. 2, с. 52.
- ⁵⁹ Госархив Алтайского края РФ (ГААК РФ), ф. 132, оп. 1, д. 29, л. 12.
- ⁶⁰ Словоцков П. Историческое обозрение Сибири. М., 1861. Кн. 2, с. 224.
- ⁶¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 113, оп. 1, 1759, д. 3, л. 3 об.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Петропавловск (История городов Казахстана). А., 1985, с. 15.

⁶⁴ РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 597, л. 60. *Касымбаев Ж. К.* О роли Иртышской линии в развитии торговли между Средней Азией и Россией (XVIII — первая половина XIX вв.) // *Общественные науки в Узбекистане*. 1984, № 6, с. 47.

⁶⁵ РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 527, л. 104 об.

⁶⁶ Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М., 1871, с. 45.

⁶⁷ Систематический каталог по делам Государственной коммерцколлегии (Составитель Н. Кайданов). СПб., 1884, с. 9.

⁶⁸ Российский архив географического общества, ф. 64, оп. 1, д. 7, л. 59.

⁶⁹ Российский Государственный исторический архив. (С.-Петербург. РГИА), ф. 1264, оп. 2, д. 726, л. 14 об.

⁷⁰ *Касымбаев Ж. К.* Казахстан—Китай: караванная торговля в XIX — начале XX ввек. А., 1996, с. 94.

⁷¹ *Чулошиников А. П.* Очерки по истории казак-киргизского народа. Оренбург, 1924; *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья. М., 1923.

⁷² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1. М., 1947, с. 268—273; МИКХ, с. 435—474; *Акманов И. Г.* Башкирские восстания. Уфа, 1993, с. 196—197, 217, 303.

⁷³ *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья XV—XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982, с. 94.

⁷⁴ *Баллюзек Л.* Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона // *ЗООРГО*. Вып. 21, с. 133, § 5; Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. А., 1948, с. 20, 43; *Зиманов С. З.* Общий военный строй казахов в XVIII — начале XIX вв. А., 1958, с. 187; *Фукс С. Л.* Обычное право казахов в XVIII — первой половине XIX ввек. А., 1981, с. 84, 162.

⁷⁵ *Загряжский П.* Юридический обычай киргиз о различных родах состояний и о правах, им присвоенных // *МСТК*. Вып. IV. СПб., 1876, с. 152, § 14; Материалы по казахскому обычному праву, с. 136, § 34; *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889, с. 56, 30.

⁷⁶ *Загряжский Г.* Юридический обычай киргиз, с. 152—153, § 15; *Баллюзек Л.* Народные обычаи, с. 155, § 1.

⁷⁷ *Гавердовский Л. П.* Обозрение Киргиз-кайсацкой степи. // *Рукописный фонд Санкт-Петербургского отделения Ин-та российской истории*. Кол. 115 № 495, л. 73.

⁷⁸ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 4. А., 1984, с. 473.

⁷⁹ *Орлов А. С.* Героические темы древней русской литературы. М.—Л. 1945, с. 44.

⁸⁰ *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой орды. М. 1973, с. 46—47; МИКХ, с. 96—119; 140—171.

⁸¹ КРО-I, с. 15, 128, 170, 308 и др.

⁸² *Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975, с. 41.

⁸³ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4. М., 1958, с. 169—172. *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Т. 1. Оренбург, 1900, с. 29, 166.

⁸⁴ *Спасский Г. И.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды. // *Сибирский вестник*. 4. IX—XI. СПб., 1820.

⁸⁵ Архив РАН (Санкт-Петербургское отделение), ф. 3, оп. 35, д. 47, л. 191 об — 192.

⁸⁶ *Вяткин М. П.* Тюленгуты в XVIII в. // *Известия каз. филиала АН СССР Сер. истор.* Вып. 1. М., 1940, с. 19—29.

Глава пятая

УСИЛЕНИЕ ВЛАСТИ РОССИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ (СЕРЕДИНА XVIII–ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX вв.)

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В МЛАДШЕМ ЖУЗЕ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ХАНА НУРАЛЫ (1749–1786 гг.)

Во второй половине XVIII века Россия начала пожинать плоды реформ и преобразований, произведенных Петром I. В последние годы развернулись дискуссии о месте и значимости реформ Петра I. Но одно становится ясным во внутренней жизни России — подъем государственности и ее идей на новый, более высокий уровень. В свою очередь, широкое проникновение идей российской государственности во все слои русского общества приводит к широкой модернизации этих идей в концепцию расширения Российского государства и его идеологии на близлежащие регионы Казахстана. Ричард Пайпс отметил, что всякое крупное экономическое или политическое потрясение в центре России приводило к новому всплеску переселения. А для переселения больших масс населения требовались новые большие территории, причем хозяйственно освоенные. Именно потому самым главным вопросом на территории Западного Казахстана во второй половине XVIII века был вопрос о земле. После успешного отражения джунгарской агрессии Казахстан как единое и целостное государство вновь стал развивать свою хозяйственную политику в традиционных границах, завещанных предками. Однако, начиная с середины 30-х годов XVIII века, Российское государство стало претендовать и на земли казахов, и на самих казахов как подданных империи, руководствуясь при этом концепцией российской государственности. Каждый из администраторов края стремился внести свою лепту в приращение земель, отходивших под полную и безраздельную власть Российской империи. В ходе осуществления этой политики полностью были ликвидированы остатки самостоятельности казахов, калмыков, башкир, при этом официальные власти столкнулись с отчаянным сопротивлением местного населения. Поэтому стали применяться различные методы по его разделению, натравливанию народов, созданию своей агентуры во всех слоях населения, окончательно подчинению казачества как главной силы колонизации. Эта политика оформилась в виде «запасного» плана И. И. Неплюева и в различных вариантах проводилась на всем протяжении господства империи в Казахстане. Наиболее полно данная политика стала проводиться в Западном Казахста-

не, как очень близко расположенном к границам империи регионе. Отсюда и противоречия во властных структурах казахских родов и всего Младшего жуза, и сложности национально-освободительного движения, и переподчинение Внутренней (Букеевской) Орды российской администрации.

Во второй половине XVIII в. в казахском обществе остро встал проблема единой и централизованной власти и государства. Борьба за власть разных группировок среди правящей верхушки привела в 1748 г. к убийству хана Абулхаира. Этим в значительной мере были ослаблены усилия по объединению казахских жузов. В различные периоды новой истории этот вопрос был одним из узловых. Во второй половине XVIII в. центробежные силы, ведущие к распаду Казахского ханства, стали преобладать. После смерти Абулхаира владения Среднего жуза отошли от его преемников. И в самом Младшем жузе проблема власти была осложнена. В октябре 1748 года при содействии Оренбургской администрации прошли выборы султана Нуралы в ханское достоинство. Для решения этого вопроса был собран Совет старейшин. Присутствовало около 1000 человек. Среди них были бии, батыры, султаны самых разных родов Младшей и Средней орд. Сами выборы проходили «не так, как у них прежде сего бывало публично, но токмо выбранными из всех родов 10-тью человеки знатными биями, да и то в ханской кибитке... В том во всем все бии и знатные старшины и в окрестности ханши находящиеся киргизцы наложили на его, Нуралы султанскую волю и потом на другой день разъехались, которых было всех разных чинов более 1000 человек». Чувствуя шаткость своего положения, сразу же после выборов Нуралы обратился к царскому правительству с просьбой утвердить его в звании хана. Одновременно в конце 1748 г. хану Нуралы было назначено государственное жалованье в размере 600 рублей в год.

В этом проявились политические коллизии Нуралы — он первым из казахских ханов был утвержден в этом звании, и поэтому в своей деятельности полностью зависел от царского правительства. Разногласия среди султанов и родовых старшин, возникшие при выборах Нуралы ханом, продолжались несколько десятилетий, вследствие чего не прекращались попытки родовой знати ограничить власть Нуралы.¹

Нуралы не смог сохранить все владения своего отца даже в Младшем жузе. Шекты признали своим ханом Батыра. Младшие братья Нуралы — Айшуак и Ералы — стремились к независимости. Ералы, владевший кочевьями в низовьях Сырдарьи, чувствовал себя независимым от Нуралы.

Султан Батыр с подчиненными ему родами занимал пастбища по низовьям Сырдарьи и северному Приаралью. Его после смерти Абулхаира готовились провозгласить ханом, формально он был им провозглашен.² В его владении были часть аулов шектинского, шумекейского, торткаринского родов. Сын хана Батыра был одно время ханом в Хиве.

Внутреннее положение хана Нуралы тоже было неустойчивым. Авторитет его в значительной степени зависел от отношений со старшинами. Соперничество с ханом Батыром было опасным, поэтому Нуралы нуждался во внешней поддержке. Такую поддержку ни Хива, ни Бухара ему не оказывали. И в этом отношении он ориентировался на царскую администрацию. Вместе с тем, в первое время Нуралы поддерживал утопическую мысль об избрании его старшим ханом всех казахских жузов. Ни со стороны казахских ханов и султанов, ни со стороны царских властей не

было реальных намерений на такое возвышение Нуралы. По поводу планов хана Нуралы и их реальности историк М.П. Вяткин правильно отмечал: «Он достиг лишь укрепления вассальных отношений своих владений царской России, но не достиг воссоздания на феодальной основе объединения Казахского ханства».³ В реальности власть и владения Нуралы ограничивались только казахами, кочевавшими между Эмбой и Уралом, среди родов байулы и жетыру. Большая часть наиболее многочисленного и влиятельного в Младшем жузе родового объединения алимулы держалась независимо от Нуралы. Влиятельный род шекты тоже отошел от него.

Внутренние неурядицы отражались на внешнеполитическом положении. Отношения хана Нуралы с царской администрацией строились из двух соображений: с одной стороны, хотелось при помощи царизма укрепить свою власть, с другой стороны, учитывалось сопротивление казахского общества усилению проникновения российского влияния.

В сентябре 1760 г. племянник хана султан Мамбетали и 20 влиятельных казахских старшин различных родов были убиты в степи участниками российской геологической разведывательной партии. Это вызвало яростное негодование среди различных родов Младшего жуза, за которым последовала смена губернатора в Оренбурге. Новый губернатор Д. В. Волков считал необходимым поддерживать слабовластного хана, что способствовало бы мирной колонизации Казахской степи. Аманатов (заложников), содержащихся в Оренбурге, нужно было сделать сторонниками российской ориентации. Прилагались усилия для расширения казахско-русской торговли, поощрения земледелия среди казахов. Вопрос о торговле, об охране караванов обсуждался в 1763 г. при встрече хана Нуралы, султана Айшуака и губернатора. Хан брал на себя охрану караванов и их сопровождение.

Во всем этом было больше благих намерений, чем реально осуществимых планов: разграбление караванов друг у друга было явлением нередким. Так поступали туркмены, каракалпаки, узбеки, казахи, — конечно, в интересах своих родоправителей. В этих условиях и пограничная барымта, точнее, увод скота друг у друга, как проявление колониальной экспансии и борьба с ней на российско-казахских рубежах не поддавались регулированию властями. Российские пограничные отряды, расположенные вдоль Урала, часто совершали набеги на мирные казахские аулы. Для части российской пограничной стражи, видящей свою безнаказанность, вылазки в степь, нападения на казахские аулы постепенно превращались в источник наживы. Чаще всего их инициаторами были старшины Уральского казачьего войска. По верному замечанию М.П. Вяткина, барымта российской приграничной стражи «превращалась в одну из форм колониального грабежа».⁴

Все эти факторы хан Нуралы не мог не учитывать в своей политике, однако он сам и его окружение продолжали придерживаться союза с царской администрацией. Этого требовало его шаткое положение: кочевья хана Нуралы жались к приграничной линии, от низовий Сырдарьи и северного Приаралья их отеснили кочевья султанов Батыра и Досалы.

Одним из важных вопросов для Младшего жуза был вопрос о перекочке на «внутреннюю сторону», т. е. на пространство между низовьями Урала и Волги. В 1756 г. был издан царский указ, по которому казахам в зимнее время запрещалось перегонять свой скот на западную сторону Урала. За лето скудные пастбища по левобережью Урала вытаптывались

скотом, не было мест, покрытых камышом, лесом и травой для зимних стоянок. Во время зимних вьюг и буранов происходил массовый падеж скота. Хан Нуралы, бии и султаны были крайне обеспокоены создавшимся положением. Этот вопрос осложнял отношения хана и родовых старшин, крупных баев. Официальное объяснение царскому указу заключалось в том, что между казахами и калмыками происходят столкновения и усиливается взаимная барымта. Однако в этом указе был и другой смысл: экономически ослабить казахские общины, изолировать их от внешнего влияния. Создававшаяся обстановка усиливала напряжение по вопросам землепользования. От недостатка пастбищ, тяжелых зимних условий страдали прежде всего казахи-скотоводы. Родовые распри из-за владения землей тяжелым бременем ложились на рядовых кочевников-скотоводов, урезали их пастбищные участки, сокращались кочевые пути или еще хуже — они год от года становились запутаннее.

Казахские владетели были единодушны в вопросе о том, что необходимо добиваться права на перекочевку на «внутреннюю сторону». Выражая эти стремления, Нуралы вел длительную переписку и слал многочисленные ходатайства о разрешении на использование этих земель казахами. Наряду с перепиской и переговорами, казахи добивались этого явочным порядком. Так, зимой 1759 г. значительное число казахов перешло Урал. Однако здесь они столкнулись с калмыками, которые захватили у них около 40 тыс. голов разного скота, что привело обе стороны к состоянию войны.

Были и другие попытки заставить царскую администрацию пойти на уступки. Так, султан Ералы задержал караваны из Бухары и Хивы в Оренбурге. Однако это не только прервало торговые связи, но и приостановило сообщение Средней Азии с Россией. В итоге обострились отношения царской администрации с правителями Младшего жуза.

Представители царской власти по-разному относились к перекочевкам казахов на «внутреннюю сторону». Так, одно время Оренбургская администрация в лице П. Рычкова и А. Тевкелева считала, что привлечение казахов на сторону российских властей возможно стягиванием их на запад, путем уступок. Эти администраторы спокойно относились к перекочевкам на правобережье Урала. Но оренбургский губернатор А. Р. Давыдов никаких компромиссов не допускал. Требовалась выработка единого мнения. Императрица, не вникнув в сложность положения казахов, твердо рекомендовала канцлеру: «Мне кажется легко можно ответствовать киргиз-кайсацкому хану на его домогательства о дозволении перейти со своим скотом Яик. Он признается за подданного России, следовательно, он послушен будет и не пойдет со своим скотом, где им заказано, понеже всякой российской подданный не смеет переходить, где ему не позволено. А если у них корму для скота недовольно, то (пусть) покупают за деньги или выменивают на товар, или запасаются на зиму, что им и советуйте делать».⁵

В связи с образованием общей границы и более тесным соприкосновением России и казахских жузов стали многочисленными случаи бегства кулов (рабов) в российские пределы. У казахов с давних времен существовало патриархальное рабство. В рабство попадали пленные после войны, они покупались, дарились и были подспорьем в зажиточных хозяйствах. Царская администрация принимала их с условием обращения в христианство. Практически все бежавшие кулы назад не выдавались. Их посылали

на пустовавшие земли, использовали на земляных работах, вербовали в рекруты, большинство попадало в услужение к состоятельным лицам. Баи и султаны в бесконечной переписке просили вернуть кулов, однако царское правительство на уступки не шло.

Пастбищная теснота заставила часть казахских родов Младшего жуза из районов Урала, Сагыз откочевать на берега Эмбы, к низовью Сырдарьи. И ранее там были разбросаны казахские общины. Нуралы опасался уходить в эти районы из-за большой рассеянности людей на огромных пространствах, возможности столкновений с каракалпаками, туркменами. Кроме того, царские власти удерживали хана возле линии, опасаясь массовой откочевки казахов на юг, где они теряли свое влияние и где усиливалась связь казахов со среднеазиатскими ханствами. И хотя массовой откочевки казахов не произошло, но все же часть их перешла в южные пределы.

Заботой Нуралы был поиск мест для кочевков Младшего жуза. В год окончательного распада Джунгарского ханства встал вопрос об использовании огромных свободных пастбищ Джунгарии. Теперь эти земли были в распоряжении Китая.

Хан Нуралы вынашивал планы овладения этих земель. В связи с этим по предварительной договоренности императрица Елизавета Петровна особой грамотой предлагала хану и султанам Младшего жуза быть готовыми с 30-тысячным войском выступить в пределы Джунгарии.⁶ Через посредничество султана Ералы установились определенные дипломатические отношения с Китаем. Однако эти намерения и переговоры практических результатов не дали.

Нуралы не сумел наладить отношения с Хивинским ханством. Хивинский хан Каип оказывал открытую поддержку своему отцу Бараку, враждовавшему с Нуралы. Земельная теснота была не только вдоль левобережья Урала и в низовьях Сырдарьи. Во второй половине XVIII в. ускорился процесс продвижения каракалпаков из этих мест на Жанадарью. Здесь они осваивали массивы по Жанадарье и Кувандарье, доходили до низовьев Амударьи.⁷ Часть каракалпаков оказалась на левом берегу низовьев Волги. Несмотря на этническую и культурную общность казахского и каракалпакского народов, возникали осложнения между отдельными общинами казахских родов Младшего жуза и южными соседями. В 1762 г. около 20 тысяч казахов во главе с султаном Ералы двинулись против каракалпаков. Во взаимных притязаниях был убит казахский султан Бура, разорен казахский торговый караван. Время от времени в различных междоусобицах страдали обе стороны. Об общности двух народов свидетельствует и такой факт: несколько казахских султанов во второй половине XVIII века были ханами у каракалпаков.

В 1766 г. обострились отношения части казахов Младшего жуза с северными туркменами-йомудами, в военные столкновения были втянуты ханы Нуралы, Есим, Ералы, Айшуак. В 1767 г. туркмены-йомуды опять совершили нападение на казахские кочевья,⁸ однако казахи отразили их набеги, и несколько позже ряд казахских султанов были ханами у туркмен. Два соседних народа длительное время поддерживали между собой хозяйственные связи.

Сложными были отношения между казахами Младшего жуза и башкирами. В период восстания башкир под руководством Батырши царская

администрация прибегла к натравливанию одного народа на другой. Татарским мурзам предлагалось ограбить башкир. Под напором царских войск около 50 тысяч башкир откочевало в Казахстан. Большое количество их оказалось в пределах Младшего жуза. Восставшие намеревались объединиться с казахами и продолжить борьбу против царизма.

Наместник Оренбургского края И. И. Неплюев предложил казахским ханам и султанам выдать башкир. В Среднем жузе на эти требования не обращали внимания. Однако в Младшем жузе Ералы, Айшуак, Нуралы и их окружение стали притеснять башкир, многие из них были поделены между баями и султанами. Однако были и противоположные примеры. В различных аулах рода жетыру башкиры были приняты дружелюбно, и даже организовывались общие отряды для совместных нападений на пограничную линию. Эти события на многие годы наложили отпечаток на отношения двух народов. Не мелкие стычки или события периода восстания под предводительством Батырши характеризовали отношения двух народов. Их связывали десятилетия родственных, хозяйственных и культурных взаимоотношений.

Мирные отношения складывались в западном регионе между казахами и калмыками, однако ход событий изменился в начале 70-х годов XVIII века. Еще в 1761 г. в Калмыцкое ханство прибыл глава торгоутов Цэрэн с тысячами кибиток и начал вести агитацию за возвращение на историческую родину — Джунгарию.⁹ Цэрэн имел цель восстановить независимое государство ойратов на месте бывшего Джунгарского ханства. Идея была заманчивой, но сначала на нее не откликнулись.

Царское правительство требовало от хана Убаши выделить определенное количество войск для участия в войне с Турцией, открыто пренебрегая прерогативой калмыцкого хана. Под влиянием российского давления и религиозных факторов, постепенно хан Убаши и его окружение склонились к переселению. План вынашивался в глубокой тайне, тем более что в это время отношения калмыков с башкирами, казахами и народами Северного Кавказа складывались крайне неблагоприятно. В январе 1771 г. хан Убаши отдал приказ об откочевке в Джунгарию с целью овладения Илийским краем.¹⁰ По сведениям разных авторов, количество калмыков, уходивших через казахские степи, было от 30 до 33 тысяч кибиток, не считая свыше 11 тысяч кибиток, которые остались на правом берегу Волги.

Калмыки переправились через реку Урал и прошли со своими стадами вдоль Эмбы. Здесь казахи под предводительством Жаман-Кары выступили против калмыков, но были отбиты. По этому поводу хан Убаши писал казахскому хану Нуралы: «Калмыки с киргиз-кайсаками вообще жили в согласии, не должны они и теперь обижать калмыков».¹¹

Однако на реке Жем и в Мугоджарских горах калмыки при стычках с отрядами хана Нуралы понесли большой урон. Царское правительство спешно послало воинский отряд для возвращения калмыков. Однако отряд генерала Траубенберга не прилагал особых усилий в преследовании калмыков, ссылаясь на то, что они ушли в глубь Казахской степи. Тем самым провоцирующая роль царизма была явной.

В северном Прибалхашье у реки Мойынты калмыки были окружены отрядами хана Нуралы, султанов Уруса, Адила, под предводительством Абылая. Была достигнута договоренность о трехдневном перемирии. На

исходе третьих суток Убаши со своими воинами вышел из окружения казахов и начал продвигаться к Балхашу.¹² Затем они прошли в районе Кас-тека, Каскелена. Другая часть калмыков под предводительством тайджи Танжи в количестве 20 тысяч воинов прошла по северному берегу Балхаша, через реки Аягуз, Лепсы. Однако преследовавшие их казахские войска нанесли им большие потери, в результате чего лишь незначительная часть калмыков дошла до границы Китая. В целом, в китайские пределы вошла только десятая часть дошедших с низовьев Волги. После пересечения границы калмыки были рассеяны в различных общинах, они уже давно потеряли былой воинский дух некогда грозной Джунгарии.

В исторической литературе существовала неверная интерпретация последнего кочевья калмыков, где его показывают как беззащитное, невооруженное, мирное кочевье. На самом деле, по данным М. Магауина, среди 170–180 тысяч откочевавших калмыков было свыше 40 тысяч прекрасно вооруженных и хорошо подготовленных воинов, готовых принять бой. Калмыки не могли не предугадать предстоящих военных столкновений с казахами, учитывая двухсотлетнее военное противостояние двух народов. Поэтому успех казахских султанов под предводительством хана Абылая следует рассматривать как «...окончательную победу казахов в джунгарско-казахской войне».¹³

Однако воинские успехи хана Нуралы, одержанные с помощью казахских султанов, его заискивание перед царской администрацией, не меняли его положения в казахском обществе. Налицо был кризис политической власти в Младшем жузе.

По поводу положения Нуралы в одном из донесений 1785 г. губернатор О. А. Игельстром писал о настроениях казахских старшин: «Единственное токмо желание их состоит ныне в том, чтоб к общенародному их благу и покою Нуралы хан от управления народом их отрешен был. Их депутаты от всего общества устно подтвердили мне сию просьбу. Я всевозможно старался склонить их к примирению с ханом, но никакие увещания не могли их привести на другие мысли. Они объявили мне, что, учиня ныне о своем повиновении клятву, удерживаются принять противу хана такие меры, коими легко могут достигнуть своего желания».¹⁴

Таким образом, хан Нуралы за годы своего правления не смог проявить качества государственного деятеля, обычно он шел на поводу событий и не мог изменить хода их движения.

2. УЧАСТИЕ КАЗАХОВ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА

На огромном пространстве на западе, севере и северо-востоке казахских степей царизм создавал укрепленные линии, которые служили не только военной базой, но и опорой царской России в осуществлении ее колонизаторских целей. Расширяясь в сторону казахских степей, укреплявшиеся казачьи линии ограничивали районы кочеваний казахов. Поэтому казахи, притесненные и гонимые из своих исконных земель, вынуждены были самовольно переходить на правые берега Урала и Иртыша.

В 30–40-х годах XVIII века была построена Уйская укрепленная линия, простиравшаяся от Верхнеяицкой до Звериноголовской крепости. Общая протяженность ее составляла 770 километров. В эти же годы строилась Иртышская линия протяженностью в 930 километров. В 1752–1755 годах была построена новая Ишимская линия протяженностью в 662 км. Они ограничивали территории кочеваний казахов.

По целому ряду законодательных актов 1742, 1755, 1756, 1765 годов казахам запрещалось перекочевывать на земли между Уралом и Волгой, в верховьях Ишима, Тобола, вдоль северного берега Каспийского моря. Эти земли были переданы казачеству или зарегистрированы как государственный фонд. Это не давало возможности казахским общинам выбирать себе маршруты для кочевков.

Запрещение перехода через Урал царскими властями объяснялось желанием не допускать столкновения с калмыками. На практике же это не оправдалось. Различные ходатайства казахов о разрешении пользоваться этими землями не принесли успеха, хотя отдельным влиятельным султанам и биям это разрешалось.

Царизм пытался и развитие торговли использовать в своих политических целях. Деятельность имущих казахов и приказчиков крупных купцов не ограничивалась меной при линии или в крепостях. Проникая в глубь Степи, торговцы проводили неэквивалентный обмен. В одном из документов говорится об неэквивалентном обмене, что «хотя и указами повелено, чтоб с конских продаж указные пошлины собираемы были тогда, когда оных лошадей продажа бывает в городах и по торжкам, но компанейщики, езда по уезду, якобы под именем техсборов, обкрадывают крещенные и иноверческие деревни рублев в десять и двадцать, смотря по величине жительства».¹⁵

Этой же цели, по существу, служили и военные набеги, получившие название «воинских поисков», совершавшиеся под предлогом «наказания барымтовавших казахов». Различные набеги наносили большой материальный ущерб казахам и ослабляли общины. А такие действия совпадали с далеко идущими целями колониальной политики царизма в Казахстане.

Причиной отклика казахов на восстание Е. И. Пугачева была и внутриполитическая обстановка в казахских жузах. Противоречия в Младшем жузе при хане Нуралы обострились. Рядовые крестьяне-шаруа и многие старшины были недовольны политикой хана. Не случайно хан Нуралы просил царскую администрацию о постройке для него крепости в районе реки Эмбы и о выделении из казачьего войска отряда для его охраны.

Не менее сложной была обстановка в Среднем жузе. Наряду со всем этим, а также ужесточением и усилением колонизаторской политики царизма, внутри казахского общества, в различных его слоях, зрело недовольство политикой царского правительства. У рядовых скотоводов-шаруа недовольство колониальной политикой сочеталось с нарастающей ненавистью к казахским старшинам, родоправителям, султанам и ханам, которые пользовались определенными льготами царского правительства. Обездоленные казахи-кочевники были носителями этого сознания.

Предтечей крестьянской войны 1773–1774 годов было восстание уральских казаков в 1772 году. Если причины выступлений были общими, то организационные основы и идеология движений были различны-

ми. Выступление 1772 г. только наметило основные черты последующих событий.¹⁶

До начала восстания состоялись встречи представителя хана Нуралы с людьми из окружения Пугачева. Во время предварительной встречи речь шла о выступлении казахов на стороне восставших после начала выступления.¹⁷ Поэтому Пугачев был уверен в поддержке казахами Младшего жуза. Он говорил, что «эта орда, которая здесь кочует, она нам рада будет и она нас встретит и проводит».¹⁸

Пугачев и его окружение были осведомлены о положении дел в Казахской степи, понимали нараставшее недовольство политикой царизма. Это они хотели использовать в своих интересах. Перед выступлением отряда Пугачева к Яицкому городку при урочище Кушум у Верхнего Богданского острога к нему от хана Нуралы прибыл с подарками мулла Забир и казах Уразгельды Аманов. Здесь 6 сентября 1773 г. был написан манифест Е. И. Пугачева к казахам, адресованный хану Младшего жуза Нуралы. В нем говорилось: «Я вас всех не оставляю и буду жаловать верно, нелицемерно землею, водою и травами, и ручьями и провиантом, реками, солью и хлебом, и свинцом, от головы до ног обую».¹⁹ Просил выслать отряд в 200 человек.

Пугачев прибыл в Яицкий городок и объявил себя Петром III. Казаки клялись в верности своему царю. Вокруг Пугачева группировались его сподвижники и соратники: И. Зарубин-Чика, А. Овчинников, А. Витасинов, В. Меркульев, М. Логинов, Т. Мясников, Г. Бородин, Я. Пономарев, А. Губанов, М. Шигаев, И. Почиталин, Б. Караваев и другие.

Однако находиться в городке было опасно. Со своими приверженцами Пугачев переехал в хутор Кожевникова, затем в хутор Толкачева и оттуда 17 сентября 1773 г. подошел с отрядом в 500 человек для осады Яицкого городка.²⁰

В своих планах Пугачев делал ставку на казачество, причем в начале движения именно на уральское казачество. В именном указе в середине сентября 1773 г. он писал: «Будити мною, великим государям, жалованы: казаки, калмыки и татары. Во всех винах прощаю и жалую я вас: рекою с вершин до устья и землею, и травами и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом».²¹

К 20 сентября хан Нуралы с отрядом численностью около 1000 человек прибыл к Яицкому городку. С этим отрядом пришло к Пугачеву письмо хана Нуралы: «Присланное от Вас известие ко мне дошло. Я для осведомления о вашем известии приехал к Яицкому городку. Если вы были и прежде нам государь, сколько силы моей достигнет — непременно служить буду».²² В ставке казахского хана понимали, что новый царь — самозванец, и еще неизвестно, как обернутся события. Поэтому наступать на Яицкий городок ханский отряд не собирался, да и осада городка затягивалась.

В этих условиях хан Нуралы воздержался от открытого выступления в помощь Е. И. Пугачеву. Казахский хан, султаны и их окружение вскоре отошли от Яицкого городка в Степь.

Об этом в документе сказано так: «Почему тот разбойник и просил Досали-солтана, чтобы он ради самоличной видимости его, разбойника, с российскими военною рукою поступка ехал с ним, разбойником, с коим он, Досали-солтан, и ездил. Однако при нападении его, разбойника, на

казачий Яик-городок ни с которой стороны удачи не было. Почему разбойник от сего города и отпустил от себя Досали-солтана».²³

Вскоре султаны и бии предложили свои услуги царским колониальным властям. Этим определилась линия поведения не только хана, но и большинства султанов на весь период восстания. Что касается хана Нуралы, то он предлагал свои услуги атаману уральского войска М. Бородину, коменданту уральского городка Симонову и оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу.

20 сентября 1773 г. Пугачев обратился к казакам с новым манифестом: «И моим верным слугам и войскам объявить: и будет от меня вольным и невольным всем моим, которые меня почитающими, воля, чтоб и войска ваши же не противились, что я обиду за них стоять, також и оне б для меня, великого государя, постарали бы. Которых непослушных, казнить и ныне и впредь буду».²⁴

Брат Уральский городок штурмом Пугачев не стал. Оставив небольшой отряд для его осады, основные силы пошли на Оренбург. По дороге взяли крепости Чернореченскую и Татишево. В обращениях к казакам Пугачев именовал себя «великим государем Петром Федоровичем». Он обещал расправиться с помещиками, вернуть право свободы вероисповедания, а казакам, кроме всего прочего, денежное жалованье.²⁵

Первые воззвания и манифесты Е. И. Пугачева к казакам нашли отзыв в общинах и жузах. Действия царизма и казачества по отношению к казакам активизировали набеги из Степи на линии, станицы и кордоны. Как свидетельствуют документы, самовольно формировавшиеся казахские отряды подтягивались к Яицкому городку, к крепостям Озерная, Сахарная, к форпосту Кожехаровский, к крепости и форпостам Красногорской дистанции, переходили реку Урал, брали в плен людей, угоняли скот в глубь Степи.

С 5 октября 1773 г. началась осада Оренбурга и продолжалась она в течение пяти месяцев до марта 1774 года. Для осады Оренбурга у Пугачева в составе войска было около 500 яицких, 300 илецких, 600 оренбургских казаков, 400 каргалинских и сакмарских татар, 700 башкир, много калмыков. Всего около трех тысяч человек.²⁶

В 80-х годах XVIII в. в Оренбурге находилось «домов всякого проживания людей, а по большей части служивых воинских и штатских чинов» 2866 человек. Среди них купечество — 2061 человек. В том числе торговых татар — 1986 человек, «а притом и оренбургским казакам, коих много людей зажиточных, торги иметь дозволено и торгуют они немало». Оренбургские казаки получали жалованье по 15 рублей в год, сотники — по 30 рублей, есаулы — по 50 рублей. На крепостных валах размещалось 55 орудий, а в самом городе было множество полевых пушек.²⁷ 6 октября была сделана попытка взять Оренбург штурмом, однако она не увенчалась успехом.

В период, предшествующий осаде Оренбурга, бунтарское движение среди казахов приняло более активную форму. В секретном донесении Рейнсдорпа в Петербург сообщалось: «Обстоятельства здешние не только сомнительны, но и опасны, потому что и киргизы, услыша от оных, находятся в смятении и разъезжая при крепостях большими кучами, заставляют иметь от себя предосторожность. Словом, во всем обитающем в здешней губерне народе, сделалось генеральное колебание».²⁸ У оренбургского губернатора положение было сложным: волновались казаки, кото-

рые еще не примкнули к восстанию, началось движение среди башкир, против царских укреплений и форпостов выступали казахи.

В ходе осады Оренбурга Пугачев распорядился написать два манифеста. Один из них был адресован казахам. Составлен был текст яицким казак, татарин Досалы Тангаичем. Манифест был обращен к султану Досалы, кочевавшему вблизи Яицкого городка. Пугачев просил у султана прислать на помощь человек двести, и этими силами ударить по Яицкому городку. В одном из писем к Пугачеву султан Досалы сообщал, что по просьбе адресата готов выслать отряд в двести с лишним джигитов. При этом просил уточнить, куда необходимо прибыть отряду.²⁹ Этот отряд принимал участие в осаде Оренбурга.

В октябре 1773 г. отряд из 200 человек во главе с Сейдалы-султаном прибыл к осажденной Яицкой крепости. Сейдалы-султан был сыном Досалы-султана. На стороне Пугачева были все три сына Досалы-султана. Сам Досалы-султан и его отряд вместе с пугачевцами принимали участие в штурме Яицкой крепости. Казахи участвовали и во взятии Кулагинской крепости. Этим штурмом руководил атаман Толкачев с несколькими пугачевцами. В осаде Татищевской крепости тоже участвовал отряд казахских повстанцев, которыми руководил «киргизского хана сын». В одной из стычек при осаде он был убит. В разные периоды осады Оренбурга повстанцев поддерживали около 2000 казахов.³⁰

Напор казахов, перекочевывающих через Урал, сдерживался с большим трудом. Перегон скота постоянно сопровождался набегами и столкновениями с казачьими отрядами в местах переправ, пастбищ скота. Казахи совершали быстрые набеги на форпосты и отдельные казачьи разъезды. Представители царских властей опасались массового выступления казахов, российские крепости и станицы были под угрозой нападений. При этом подчеркивалось, что казахи стремились вольно пасти свой скот на внутренней стороне.

Успехи Пугачева в начале октября 1773 г. при взятии станиц и в столкновениях с правительственными войсками способствовали росту сочувствия населения к повстанцам. Часть казахов потянулась к Уралу на Верхнеяицкую и Нижнеяицкую линии. В октябре, ноябре были многочисленные случаи барымты в укреплениях южнее Оренбурга. Казахи массами переходили за Урал, что с 1764 г. было запрещено специальным указом. Казахские кочевья появились у Черного яра. Астраханский губернатор вызвал 1000 донских казаков. На Нижнеяицкую линию было вызвано 300 казаков.

В начале ноября 1773 г. для военных действий против повстанческой армии по Казанской дороге выступил отряд генерал-майора Кара в составе 1467 солдат и 5 орудий. С запада по самарской дороге двигался отряд полковника Чернышева в 3468 человек. С востока к Оренбургу двигались с частями бригадир Корф, а за ним генерал-поручик Декалонг.³¹

Против них Пугачев выдвинул повстанческие отряды атаманов Овчинникова и Зарубина-Чики. В бою каратели были наголову разбиты. Генерал Кар спасся бегством. Такая же участь постигла другой отряд правительственных войск численностью около 2000 солдат с 15 пушками. На берегу реки Сакмара повстанцам удалось окружить правительственные войска, после чего солдаты и казаки связали своих командиров и все перешли на сторону повстанцев.

Однако руководители восстания не сумели выработать единый четкий план взятия и защиты Оренбурга или быстрого похода на Москву. А время работало против них. События затягивались. В конце 1773—начале 1774 годов в различных частях Российской империи обездоленные и угнетенные социальные низы ожидали прихода к ним Пугачева и его армии. Так было на Урале, на Алтае, у донского и запорожского казачеств. Смутное время было и в Центральной России.

Из-под осажденного Оренбурга 7 января 1774 г. для организации взятия Яицкого городка прибыли Пугачев и руководитель Военной коллегии повстанцев атаман П. Овчинников. Коменданту городка Симонову было предложено сдаться без боя, но ответа не последовало. Решено было сделать длинный подкоп, чтобы взорвать укрепленную батарею на валу. Подкоп для минирования рыли 150 человек под руководством Пугачева и Я. Кубаря. 19 января работы были завершены: в конце тоннеля установили бочку с девятью пудами пороха. 20 января был произведен взрыв, и все устремились на штурм крепостного вала у предполагаемого пролома возле старицы. Однако вал не был взорван, он только немного осел. Оказалось, что минные работы были прекращены преждевременно. Однако две сотни повстанцев пробились к нему и начали взбираться на вал. Под давлением Пугачева все жители города — купцы, бояре, крестьяне, татары, калмыки, мещеры — вышли на штурм кремля с разных сторон. Сверху по штурмовавшим открыли ружейную стрельбу, осыпали горячей золой и ошпаривали кипятком. Ожесточенный бой длился около десяти часов. Повстанцы отступили к крепостным рвам. Из рядов повстанцев погибло около 400 человек. Только тогда Пугачев приказал отступить.³²

Для доставки пороха и пушек в Гурьев был послан отряд А. Овчинникова. 26 января 1774 г. отряд подтянулся к городку. Гурьев-городок был расположен на правом берегу Урала в 12 верстах от Каспийского моря. Крепость была выстроена из камня на извести, высотой до двух сажень. Имела форму четырехугольника по 100 сажень. В Гурьевской крепости находились каменная палата для казны, артиллерийский цейхгауз, провиантский склад, церковь, комендантский дом, около 30 артиллерийских снарядов и разное снаряжение. Гурьевские казаки сразу перешли на сторону А. Овчинникова. Те, кто пытался сопротивляться, были расстреляны или повешены, в том числе комендант И. Микешин. Атаманом городка был избран Е. Струняшев. Забрав две пушки, 60 пудов пороха и другое снаряжение, отряд А. Овчинникова через три дня вышел к Яицкому городку. В станциях и форпостах Нижнеяицкой линии отряд пополнился восставшими.³³

После поражения под Татищевской крепостью Пугачев со своим войском отступил к Троицкой крепости. В надежде на помощь восставшими были направлены нарочные к казахским старшинам Среднего жуза «с уговором, чтобы они склонялись к собранию своих, до несколько тысяч сил, дабы сделать общее с самозванцем нападение» на крепости Троицкую, Звериноголовскую и другие. Письменно обращался Пугачев к тархану Даутбаю, батырам Ембекею, Урмамбету. В мае 1774 г. Пугачев послал два письма к хану Абылаю. Письма и обращения Пугачева не были оставлены без ответа рядом батыров. Тархан Даутбай собрал совет из тридцати казахских старшин, которые согласились с предложениями Пугачева и просили только сообщить: когда и какие места будет приказано разорить.

Войска восставших ушли к крепости Магнитной. Неразоренными остались крепости Губерлинская, Орская, Таналицкая. При встрече с казахскими посланцами Пугачев приказал разорить эти крепости, действовать решительно и смело. После этого казахи Младшего и Среднего жузов до основания разорили крепость Губерлинскую, а другие крепости подвергли осаде. В течение пяти дней осаждали крепость Орскую. Только появление новых правительственных войск заставило снять осаду.³⁴

В марте 1774 г. большой отряд казахов прошел степями через Узень и в районе Волги атаковал форпосты, расставленные на случай прихода сюда пугачевцев. Они действовали даже на правом берегу Волги. И их было не сотни, а полторы тысячи человек. Отряды поменьше действовали также на левой стороне Волги.

В апреле 1774 г. оренбургский генерал-губернатор Рейнсдорп в письмах к ханам Нуралы и Абылаю, к султанам Айшуаку и Досалы просил принять меры и подготовиться на случай ухода и продвижения войск Пугачева на юг, в казахские степи. В следующем месяце царские власти обратились с просьбой о поимке отряда пугачевцев-калмыков в 100 человек. Такая просьба была к хану Абылаю и к батыру Кульсаре. Пугачевцы-калмыки были взяты в плен султаном Урусом и его нукерами. Все повстанцы были отданы в рабство. Царизм пытался использовать один народ против другого. Социальная верхушка казахского общества, напуганная нарушением социальной устойчивости в казахском обществе, охотно помогала царизму.³⁵

В связи с продвижением войск повстанцев в районы горного Урала и Поволжья распространился слух, что сам Пугачев находится в Звериноголовской или в Петропавловской крепости. Для оренбургской и сибирской администраций было ясно, что положение опасное и находившиеся в «весьма сомнительном» состоянии казахские кочевья «добро сходились злодею» и проявляли явную «склонность» к нему.³⁶

В июне 1774 г. казахи Среднего жуза разгромили Алабугский редут, находившийся между Звериноголовской и Петропавловской крепостями. Гарнизон редута в полном составе был взят в плен казахским отрядом.

В августе 1774 г. старшина волости султан Таир собрал около 3 тысяч казахов и намерен был наступать на крепости Пресногорьковскую и Петропавловскую. Однако затем изменил свой план: пошел на крепость Троицкую. Затем отряд в 50 человек под руководством старшины Кенжегалинской и Джагалбайлинской волостей Кудайменды напал на крепость Кабанью или Пресногорьковскую. В нападениях на редут участвовали казахи Чартжатым-сакчаской волости под руководством батыра Кульсары, казахи Кыпчакской и Караульской волостей под руководством старшин Итега, Алгабая, тархана Даутбая. В этих условиях Абылай и султаны заявляли царским властям, что они не в состоянии удержать аулы в повиновении. Причину набегов на крепости и редуты хан объяснял воздействием пугачевского «замешательства».³⁷

Нападения казахских отрядов на Уйскую линию были не редкостью. Летом 1774 г. нападения казахов Младшего жуза были более активными. Небольшие отряды угоняли скот и захватывали людей под Оренбургом, возле крепостей Рассыпная, Татишевская. Подвергались нападению форпосты Кояицкий, Чаганские хутора, урочище Коловертное. В тот год пу-

гачевские повстанцы совместно с казахскими отрядами совершили 240 нападений на царские крепости, форпосты и редуты. В отдельных случаях казахи приобретали у русских и даже у казаков ружья, порох, свинец. Хан Нуралы, перекочевавший к Илецкой защите, просил у царских властей защиты.³⁸

Конечно, все эти набеги нельзя рассматривать как реакцию казахов на призывы Пугачева. Однако часть этих набегов происходила под влиянием крестьянской войны, а некоторые были связаны с ней даже организационно. Однако и степень этой связи нельзя переоценивать.

Царские сановники пытались запугивать русское население якобы намерением Пугачева передать их вместе с землями казахам. Кроме того, против казахского населения были использованы отряды волжских калмыков.

Тем временем войска Пугачева пользовались поддержкой населения на Южном Урале и в Башкирии. И только под Казанью царским отрядам удалось остановить восставших. Это было крупным поражением в крестьянской войне. С остатками своих отрядов Пугачев спустился вниз по Волге. Силы восставших резко редели.

С лета 1775 г. в кочевьях Младшего жуза стала распространяться молва о появлении Невидимки или Коктемира. Поражение крестьянской армии Е. Пугачева породило легенду о силе, адекватной крестьянскому вождю. Особенно эти слухи муссировались в родах тама и табын. Невидимка уверял, что Пугачев вернется и предлагал усилить барымту. Царские власти приложили значительные усилия для проверки этих слухов и поимки Невидимки. Только к лету 1776 г. движение Невидимки было остановлено.

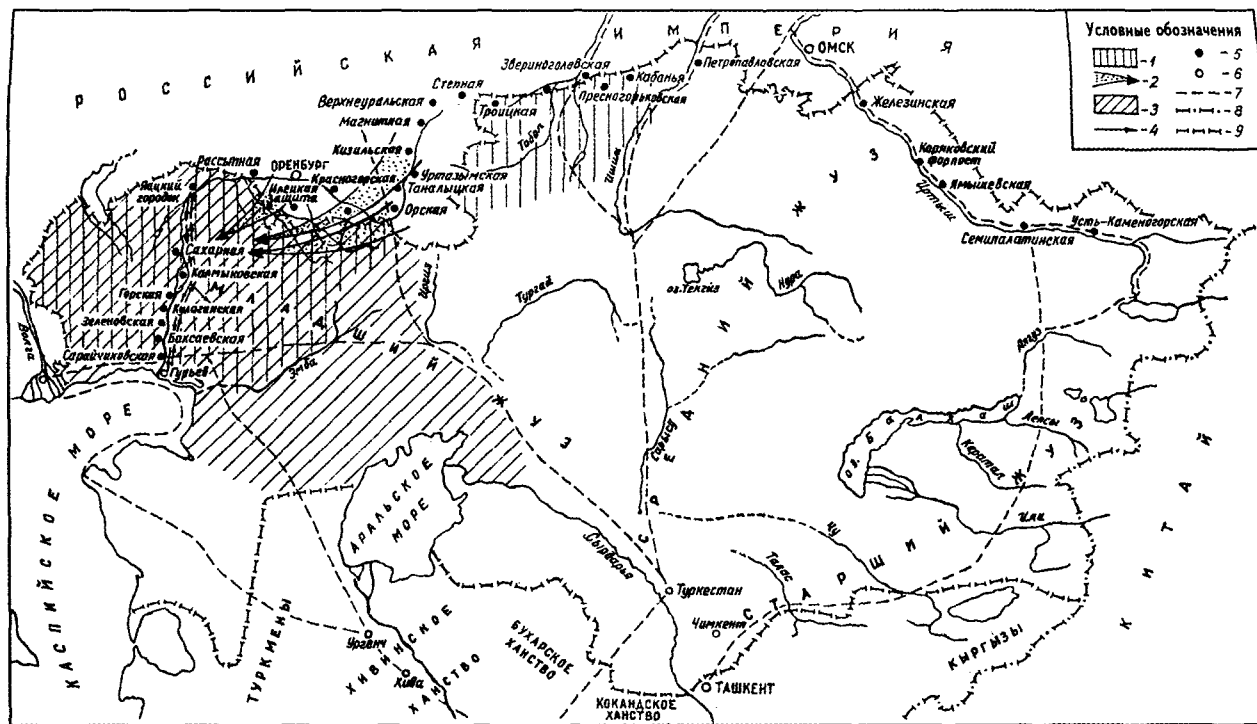
Таким образом, события крестьянской войны 1773–1775 годов нашли отклик среди казахов Младшего и Среднего жузов. Казахские крестьяне-шаруа быстро откликнулись на события крестьянской войны и активно проявили себя в ней. В этих стихийных выступлениях просматривалось стремление казахов к освобождению казахских земель от казаков-колонизаторов и оно влилось в единое русло национально-освободительного движения казахского народа против царского самодержавия. И это было прогрессивным фактором в развитии событий. Вместе с тем, выступления казахских шаруа обнажили внутренние социальные противоречия в казахских жузах.

3. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ СЫРЫМА ДАТОВА

После принятия ханом Абулхайром подданства России во многих районах, где располагались кочевья Младшего жуза, произошли изменения в социально-экономической и политической жизни региона. Вместе с тем, колониальное проникновение Российской империи все более и более охватывало обширные регионы Младшего жуза.

Наряду с таким раскладом сил, политическая и экономическая власть в регионе все более и более концентрируется в руках российской администрации, и приведение в действие идей и планов И. И. Неплюева по принципу «разделяй и властвуй» обостряет до крайности все противоречия в регионе.

В развитие Указа от 19 октября 1742 года о запрещении кочевания казахских родов близ Урала, Яицкого городка и крепостей, принимаются

Народно-освободительное движение в Казахстане в 70-90-х гг. XVIII в. Условные обозначения: 1 — район действий казахских повстанцев в Крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева; 2 — карательные экспедиции против казахских повстанцев в 1775 г.; 3 — район народно-освободительного движения под предводительством Сырыма Датова (1783—1797); 4 — карательные экспедиции против повстанческих отрядов Сырыма Датова; 5 — крепости; 6 — прочие населенные пункты; 7 — торговые пути; 8 — государственная граница; 9 — граница Казахстана.

новые акты по закреплению колониального господства империи в крае. Так, 6 ноября был принят Указ, разрешавший казакам делать самовольный захват (или по тогдашнему выражению — баранту) у казахов людей и скота. Он был дополнен решением от 18 июля 1760 года, когда был разрешен захват людей и скота уже не единичными разъездами, а «немалолюдной командой». После подавления пугачевского восстания было официально разрешено от 25 июля 1775 года задерживать любого казаха в Оренбурге по подозрению, а от 4 октября 1779 года было дано распоряжение захватывать любого казаха за проступок или преступление, совершенные другим казахом. И логическим продолжением стал Указ от 3 ноября 1783 года, который разрешал «учредить репрессии из воинских людей, казаков и башкир» и тем самым открывал широкие возможности для постоянного грабежа казахского населения. Как известно, со времени подписания акта о подданстве, казахи постоянно оказывали военное и политическое сопротивление проводимой империей политике — угоняли скот, нападали на караваны, крепости, редуты и т.д., захватывали пленных, не выполняли приказы, уклонялись от политической зависимости. Чем сильнее было сопротивление, тем более жесткие меры предпринимались к обузданию казахского населения, которые сопровождались множеством мероприятий комплексного характера по дальнейшей колонизации региона. В конце XVIII века О. А. Игельстром в своих «объяснениях», направленных Екатерине II, писал: «...вся цель, которой тогда сулили установить тишину втравленного до отчаяния в злобу и мшения киргис-кайсацкого народа, состояла в том, чтоб делать коливо возможно и чаще и свирепее баранты, обеими руками держась системы покойного г. тайного советника Ивана Ивановича Неплюева, который утверждал, что нет другого способа управиться с киргис-кайсаками, как резать их».³⁹

В самом казахском обществе усугублялся процесс феодализации, интересы феодальной аристократии и родовой знати все больше расходились. Ханы и султанская верхушка все меньше считались с феодально-патриархальной знатью — старшинами, биями, батырами, ущемляли их права. Они все больше превращались в опору царизма в Степи, проводили его политику, оттесняли родовую знать от власти. Царская администрация ловко использовала устоицы между двумя группами класса феодалов, межфеодальная борьба стала бичом трудовой массы — шаруа.

В середине XVIII в. вследствие политического кризиса территория Младшего жуза распалась на два ханства. Казахские роды, входившие во владения хана Нуралы, лишались возможности пользоваться зимними пастбищами в Приаралье и по Сырдарье, вошедшими в ханство Батыра. Казахи этих родов вынуждены были продвигаться на запад, к кочевьям, расположенным в Каспийской низменности. Однако Уральская укрепленная линия преградила им путь к удобным зимовьям на правом берегу Урала.

Значительная часть пастбищ, расположенных между Уралом и Волгой, до 1771 г. была занята калмыками. На почве споров из-за зимних пастбищ в этом районе между казаками и калмыками нередко происходили столкновения. Только зимой 1759/60 г. калмыки угнали у казахов, перешедших за Урал, около 40 тыс. лошадей.⁴⁰ В 1771 г. большая группа калмыков, кочевавших в районе Нарынкумов, перешла Уральскую укрепленную линию

и через Казахскую степь двинулась на восток. В связи с их уходом часть территории между Уралом и Волгой освободилась. Казахские старшины обратились к царскому правительству с просьбой отменить указ 1756 г., запрещавший казахам переходить на «внутреннюю сторону», и разрешить использовать эти земли под зимние пастбища. Однако Коллегия иностранных дел в 1771 г. вновь подтвердила это запрещение.⁴¹

В годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева казахи не считались с указами 1756 и 1771 гг. и фактически пользовались пастбищами между Волгой и Уралом. После подавления Крестьянской войны и последовавшего за ней усиления репрессий делать это стало чрезвычайно трудно.

В 1775 г. царское правительство провело реорганизацию местного управления. Оренбургская губерния была упразднена. Младший и часть территории Среднего жуза вошли в состав Симбирского и Уфимского генерал-губернаторства (наместничества). Оренбургскому обер-коменданту поручалось непосредственное проведение мероприятий царских властей в Младшем жузе, для чего была образована Комиссия пограничных дел, восстановлена и укреплена пограничная линия по Уралу, усилены гарнизоны крепостей.

Царские власти стремились превратить казахских султанов в свою агентуру и при их помощи предотвратить волнения казахов. Со своей стороны хан Нуралы и султаны всеми силами старались доказать верность царскому правительству. Путем задаривания, назначением жалованья, раздачей чинов царские власти добивались укрепления союза со степной аристократией.

По указу 1782 г. переход казахских аулов через Урал допускался только после того, как хан получал разрешение от пограничных властей. Нуралы и его ближайшие родственники всячески злоупотребляли правом распоряжения кочевьями, входили в сговор со старшинами Уральского казачьего войска. Войсковые старшины грабили аулы, не вносившие платы за переход, а казахов захватывали в плен. Тогда хан и его приближенные собирали с населения средства для выкупа пленных. Эти средства делились со старшинами Уральского войска. «Воинские поиски» превратились, таким образом, в постоянный источник доходов хана, пограничной администрации и казачьей верхушки.

Результатом такой политики стало обострение политических отношений до кризисного состояния. Восстание Е. И. Пугачева оказало очень значительное влияние на все слои казахского общества, а движение Коктемира — Невидимки и участие казахов в восстании Е. Пугачева дали толчок к борьбе против колониального гнета империи. В 1775–1776 гг. казахские отряды общей численностью до 10 тыс. человек сосредоточивались в верховьях Большой Хобды, между Гурьевом и Кулагиной крепостью и по реке Чингирлау.⁴² Они пытались взять Красноросскую крепость, но это оказалось неудачной попыткой и они пошли к Оренбургу, крепостям Чернореченской и Илецкой защите. Казахские отряды нападали на крепости Верхнеуральскую, Кизильскую, Таналыцкую, Орскую, Ильинскую. После подавления восстания Е. Пугачева казахские отряды были рассеяны. В этой борьбе казахского народа принимал самое активное участие Сырым Датов. Он возглавлял многочисленный отряд и, как

Сырым Датов.

свидетельствуют документы, был одним из руководителей казахских отрядов.⁴³

Таким образом, к началу 80-х годов XVIII века в Младшем жузе складывалась непростая ситуация. Усилился колониальный режим со стороны российских властей, толкавших уральское казачество на захват внутренних территорий, этому оказывали содействие и регулярные войска, а руками калмыков, башкир, татар-мещеряков, которые находились на службе престола в качестве казаков, осуществлялась политика межнациональной розни. Внутри Младшего жуза Нуралы и подвластные ему правители не в состоянии были самостоятельно контролировать внутривластную ситуацию, они не обладали качествами искушенных политиков. В результате длительных политических разногласий выделяется группа лидеров, придерживавшихся тради-

ционного казахского менталитета, в основном из биев и батыров. Все эти качества были присущи Сырым Датову, который фактически не только контролировал политическую ситуацию почти во всем Младшем жузе, но и удачно сочетал в себе способности и качества бия, батыра и руководителя. Именно личные качества Сырыма и его авторитет позволили ему стать во главе национально-освободительного движения. Он был выходцем из рода байбакты, который входил в объединение байулы, одно из мощных объединений Младшего жуза.

Сырым в казахской традиционной культуре известен как знаменитый бий и «шешен». Он решал многие важные вопросы внутренней жизни, а его ораторское искусство оставалось непревзойденным и через годы после его смерти. Личные отвага, мужество, стойкость и незаурядные физические данные снискали ему славу батыра. И все свои лучшие качества Сырым Датов проявил в движении, лидером которого он был. Нужно отметить, что традиционный менталитет и личные качества Сырыма оказали самое серьезное влияние на само движение.

Наряду с проводимой политикой политических ограничений и неприкрытого грабежа, российские власти всячески стремились ликвидировать традиционное хозяйственное устройство кочевников — это выразилось в полном запрещении перехода кочевниками за Урал на внутреннюю сторону, когда насильственно нарушались маршруты перекочевков. К тому же ханская власть уже не могла противодействовать мероприятиям царизма и потому старалась обогащаться за счет рядовых кочевников. Так, в одном из документов сообщалось, что он (т.е. хан) «собирал с каждого при всяком перегоне по 1 лошади и 1 барану».⁴⁴ При неисполнении же его требований, хан доносил российской администрации о своеволии рядовых кочевников. В том же духе действовали и его многочисленные дети. В документах, характеризующих восстание, очень часто указывается на неприятие большинством населения самого хана и его близких, и все настойчивее приводится

мысль о смещении хана и замене его хивинским ханом Каипом, родственным по крови Нуралы. Так ширились политические разногласия на почве колониальной эксплуатации и экономического подавления.

Открытый грабеж скотоводов, нарушение исторически сложившихся маршрутов кочевания привели к упадку хозяйства казахских трудящихся. Скотоводы отказывались от уплаты поборов за выпас скота на «внутренней стороне», мотивируя это тем, что «трава и вода есть дар небес», что они имеют право на пользование ими. Созревали предпосылки для массового народного выступления. Основными причинами восстания трудящихся казахов Младшего жуза в конце XVIII в. явилось обострение земельного вопроса, запрещение царским правительством перехода скотоводов на «внутреннюю сторону», за Урал, ущемление прав родовых старшин, открытый грабеж и насилие над народом со стороны хана, султанов, Уральско-го казачьего войска и царской администрации.

К 1783 году обстановка в степи накалилась. Все больше на политической арене приобретали вес бии, батыры, представлявшие традиционные социальные институты. К этому же времени участились взаимные набеги казачьих отрядов на аулы и казахских батыров на крепости. Одним из таких набегов стало нападение на Гирьялский редут, откуда был угнан скот и захвачено несколько человек. В степи начали формироваться отряды из родов тама, алшын и других. Зима 1782/1783 гг. выдалась джутовой, пало более 10 000 лошадей и коров. В то же время казаки, пользуясь случаем, угнали 4000 лошадей у перекочевавших на внутреннюю сторону казахов, а власти отдали распоряжение о возмещении ущерба на сумму в 4000 рублей. В ответ на эти действия казаков и властей казахи начинают беспрестанно нападать на редуты, крепости и форпосты. Эти действия приняли более постоянный характер весной и летом 1783 года. Удачи и неудачи сопутствовали таким действиям, в одном из набегов в августе 1783 года Сырым попал в плен к уральским казакам, а весной 1784 года хан Нуралы вынужден был отдать выкуп за освобождение Сырыма в размере 70 лошадей и 350 рублей серебром. Сырым был женат на сестре хана.⁴⁵ Не только родство стало причиной выкупа Сырыма, но и его высокий авторитет среди степняков, заставивших хана Нуралы пойти на это.

В это время выступления казахов стали носить массовый характер, главным направлением стала борьба с царизмом на Нижнеуральской линии и в районе Орской крепости. Выступления охватывали и другие районы; выступившие против царизма казахи готовили нападение на линию между Верхнеуральской крепостью и Илецким городком. К ноябрю 1784 года батыр Сырым собрал на реке Сагыз крупный отряд в 1000 человек,⁴⁶ его важной задачей было противодействие царским властям. Самостоятельные действия Сырыма вызвали расхождения с ханом и наметился разрыв между ним и ханом. В ответ на действия Сырыма в феврале в верховья р. Илек был направлен отряд под командой генерал-майора Смирнова, в его состав входили 237 оренбургских казаков и 2432 башкира-казака. Непогода не позволила отряду углубиться в Степь, но были разграблены казахские аулы и захвачено в плен 66 казахов, в основном женщины. Это вызвало широкое недовольство во многих родах Младшего жуза и, начиная с весны 1785 года, развертываются действия против властей со стороны

почти всех родов Младшего жуза, а центрами сопротивления становятся места расселения родов байбақты, табын и тама. Той же весной 1785 года из Сарайчиковской крепости вышел отряд численностью в 1250 казаков под командой старшин Уральского казачьего войска Колпакова и Пономарева, его задачей было наказание «разбойников киргиз-касаков до Сырымовского гнезда к устью Эмби реки».⁴⁷ Но по ходу действия отряд повернул к р. Каракуль, разгромил и разграбил аулы, было захвачено 100 человек, среди них только 14 мужчин; 83 верблюда и 2955 лошадей. В том же марте 1785 года отряд в 405 уральских казаков под командой премьер-майора Назарова напал на аулы табынцев и захватил 2124 лошади. В тот же период в ответ на действия казаков казахский отряд численностью до 500 человек напал на крепость Сахарную, но был отбит тем же Назаровым, который, в свою очередь, захватил в плен в качестве заложника влиятельного султана Айшуака. Последний находился в плену в Уральске до 1787 года. Это обстоятельство сыграло определенную роль в степени усиления хода восстания и действиях Сырыма. Беспочвенные действия по отношению к султану, как представителю ханской власти, оказали значительное влияние на позицию Сырыма, который стал выступать и против хана Нуралы, и против российской администрации, так как хан не в состоянии был защитить ханское и султанское достоинство, администрация же показала, что подлинным хозяином положения является царский режим.

Пока отряды Смирнова и Колпакова искали место сосредоточения повстанцев, Сырым Датов с пятью сотнями джигитов проник к ним в тыл. В конце марта 1785 г. он атаковал Антоновский форпост, а затем крепость Сахарную, расположенную в районе нижнего течения Урала. Гарнизоны крепостей были подготовлены к отражению нападения. Расчеты повстанцев на внезапность не оправдались, и они вынуждены были отступить. Но Сырым Датов не ушел далеко в степь. Он совершал налеты на ближайшие форпосты и крепости, что заставляло царские карательные отряды вернуться на укрепленную линию.

Борьба повстанцев против хана, султанов и карателей вызывала горячее сочувствие народа. Восставшие находили приют и помощь в каждом роде, в каждом ауле.

3 марта 1785 г. хан сообщил атаману Уральского войска Донскову, что некоторые аулы рода табын враждебно относятся к нему, и требовал «об учинении на них захвата».⁴⁸ В аулы, кочевавшие в районах Каршинского форпоста из крепости Сахарной, по просьбе хана была направлена воинская команда во главе с майором Назаровым. Расправа карателей усилила возмущение населения. Многие аулы, до этого не принимавшие участия в восстании, присоединились к повстанцам. В донесении об этом генерал-губернатору хан писал: «Киргиз-кайсацкий народ, весь отделясь от меня, кочевьем своим ушел по реке Уилу к вершинам реки Эмбы». Здесь сосредоточились основные силы повстанцев.

Попытка хана вернуть ушедшие от него аулы оказалась безрезультатной. 21 июля 1785 г. хан вновь докладывал генерал-губернатору, что восставшие «не только не послушаются моего повеления, но даже и посланных туда моих детей не отпустят живыми... в журте киргиз-кайсаков я потерял доверие... они отвернулись от меня и ушли».⁴⁹

В ответ на жалобы хана генерал-губернатор барон Игельстром обвинил его в слабости и бессилии, грозил хану прекращением выдачи жалованья. «Бессилье ваше, — писал губернатор, — в народе не может уже более мне

служить отзывом, ибо, будучи начальник киргиз-кайсацкого народа, ваше есть дело силою принудить своих подчиненных к удовлетворению моего требования, иначе же никаким вашим уверениям цены дать не могу».⁵⁰

Власть хана Нуралы переживала явный кризис, народ от него отвернулся, а царские власти убедились в бессилии хана. Поэтому с весны 1785 года движение расширилось и по сути охватывало весь Младший жуз. Активную поддержку уже признанному руководителю Сырымю оказали роды байбакты, шекты, табын, шеркеш, таз. Так, в рапорте Уральской войсковой канцелярии президенту Военной коллегии Г. А. Потемкину от 8 апреля писалось: «Злодейские киргис-кайсацкие из байбактинского, китинского, чексинского, табынского, черкесского и тазларского родов собрания под предводительством известных воров, а именно: при Сырыме 2700, при Тленчи 1500, которые-де собрания имеют они для недопуска и поражения отяженных туда здешних войск. А аулы до сих пор злодеев находится за Ембою рекою». Восстание переходило в качественно новую стадию, и это вызывало сильную озабоченность властей. В 1784 году сибирским и самарским наместником был назначен О. А. Игельстром, ему подчинялась и Оренбургская губерния. В отличие от других администраторов Оренбургского края Игельстром старался проводить колониальную политику более гибкими средствами, в особенности, в период восстания под предводительством Сырыма Датова. Так он писал императрице Екатерине II: «Я сочинил себе план как усмирить и привлечь к себе раздраженных и оттого в мятеже образующихся киргис-кайсаков и через них дойти до того, в чем препятствовал хан».⁵¹ То есть намерения Игельстрёма были вполне очевидны — ликвидировать ханскую власть, как важнейший элемент самостоятельности и государственности казахов и притом с наименьшими средствами при наибольшей эффективности. Поэтому Игельстром провел некоторые реформы. При проведении реформ Игельстром руководствовался принципом «разделяй и властвуй». Так, в своем донесении Екатерине II он писал: «... что я, отложившихся от хана старался, сколько возможно, недопустить примириться с ним; и в чем руководствовало меня Вашего И. В. именное повеление от 27 ноября 1785... и что разделение киргис-кайсаков Меньшей Орды, конечно, выгодно для Вашего И. В. будет...».⁵² С одной стороны, как свидетельствует документ, он стремился изолировать хана Нуралы от своих подданных, причем малозаметными, но эффективными методами, а с другой стороны, политическим сближением со старшинами, недовольными политикой хана Нуралы. Оба этих направления, как свидетельствуют документы, развивались успешно. Старшины Младшего жуза проявляли все большее недовольство ханом, а хан все меньше доверял старшинам. Игельстрому удалось провести реформы, которые по существу низводили ханскую власть и политическое устройство традиционного казахского общества на уровень провинциального местного самоуправления в рамках имперской власти. Результатом стало принятие осенью 1785 г. 208 старшинами присяги в «верности ее императорскому величеству». На съезде старшин Младшего жуза, осенью 1785 г., который деятельно подготовил Игельстром, были поставлены два главных вопроса — об организации власти в жузе и о расширении зимних кочевий. Съезд поставил вопрос о смещении хана Нуралы и разделении Младшего жуза на три части, так называемые «Главные Орды» — Байулинскую, Семиродскую и Каракесецкую (транскрипции по документам. — *Ред.*), а батыр

Сырым был назначен «начальным советником» во всей Орде. Вместе с тем было принято решение об учреждении пограничного суда, но в этом же решении также определенно ставился вопрос о новом хане — Каипе, которого единодушно старшины готовы были признать ханом Младшего жуза.⁵³ Тем самым признание традиционной ханской власти оставалось стержнем политической самостоятельности, правда, с некоторой долей ее потери. На это Игельстром не пошел, но, вместе с тем, как бы проявляя великодушие, разрешил 17 старшинам «с подвластным им народом» кочевать по Уралу «от крепости Сахарной до Гурьев городка на степной стороне».⁵⁴ Действия Игельстрема во многом оказали нейтрализующее влияние на восстание. В письме от 24 февраля 1786 г. А. Р. Воронцову Игельстром так определил свои методы: «...справедливость, ласковость, твердость, возбуждение к любочестию и вселение страсти к мзде, но притом так поступать чтоб они исполнены были любви и страха».⁵⁵ Надо признать, методы Игельстрема в какой-то мере оказали воздействие на Сырыма и его сподвижников, и потому восстание постоянно шло на убыль по нисходящей линии, хотя объективно способствовало расшатыванию колониализма в Казахстане. Острые реформы была ликвидация ханской власти путем отстранения хана.

Следуя советам царской администрации, съезд старшин осенью 1785 г. вынес решение о разделении Младшего жуза на три части, или «главные орды». Во главе каждой из них должен был стоять избранный съездом старшина.

В это время повстанцы вновь начали нападать на ханские аулы. В апреле 1786 г. под напором восставших хан Нуралы вынужден был бежать под защиту царских властей. 3 июня 1786 г. Екатерина II подписала рескрипт об отстранении Нуралы от ханской власти. Нуралы был вызван в Оренбург и оттуда отправлен в Уфу.

Царское правительство решило использовать создавшееся положение и упразднить ханскую власть. На предложение генерал-губернатора о выборе нового хана с учреждением при нем совета старшин Екатерина II отвечала, что выбор нового хана находит ненужным, и советовала иметь «для доброго порядка» правление из старшин главнейших родов. Коллегия иностранных дел поручила генерал-губернатору Игельstromу разработать проект управления Младшим жузом. Представленный им проект, названный «реформой Игельстрема», был одобрен и утвержден осенью 1786 г.

Политическая власть концентрировалась в руках Оренбургской администрации. Вместе с тем, большими полномочиями наделялся пограничный суд, учрежденные в жузе так называемые расправы, при этом создание расправ было одобрено Екатериной II в июне 1786 г.: «Заведение расправ в народе киргиском мы почитаем полезным».⁵⁶ На расправы возлагалось управление родами Младшего жуза, в которые входили родовые старшины как председатели и при них 2 заседателя, кроме того, предполагалось прикомандировать к расправе надежного человека из русских «в виде депутата». Вместе с тем, реформы в широком плане предполагали создание в Степи или в недалеком расстоянии от мест перекочевков казахов караван-сараев и строительство двух или трех городов.⁵⁷ Таким образом, Игельстром более мирными путями пытался распространить колониальное подчинение Казахстана вглубь, ломая традиционную общественно-политическую ситуацию в Младшем жузе. Это вызвало недовольство в Степи. Кроме, как политическими обстоятельствами, казахские старши-

ны опутывались социальными и экономическими. Так, за допуск скота на земли Оренбургского и Уральского казачьих войск брались аманаты. Но самое тяжелое — это то, что усилились военные поиски, которые стали неотъемлемой частью проведения реформ, хотя Игельстром постоянно угрожал начальникам воинских команд наказаниями. Сущность «реформы» заключалась в попытке ликвидации ханской власти в Младшем жузе. При генерал-губернаторе создавался новый орган управления жузом — Пограничный суд в Оренбурге из представителей феодальной знати и царской администрации. Суду подчинялись административные органы — «расправы», в которые должны были войти родовые старшины.

Царские власти рассчитывали, таким образом, в это время опереться на патриархально-феодальную знать. Для наиболее влиятельных старшин вводилось звание «главных старшин», на них возлагалась обязанность наблюдать за всеми родами. Низовым звеном в системе управления становились родовые старшины, которым назначалось жалованье.

Однако большинство крупных старшин и биев выступило против «реформы». Они желали сохранения ханской власти, но с ограничением прав хана в пользу старшин.

Во время проведения «реформы» Игельстром запретил набеги Уральского казачьего войска на казахские аулы. Казахским скотоводам предоставлялась возможность перекочевывать на зиму на земли между Уралом и Волгой. Право на переход через Урал получили 17 старшин, под управлением которых находилось более 45 тыс. хозяйств.⁵⁸

Оживилась торговля на Оренбургском меновом дворе. Так, если в 1785 г. в Оренбурге было обменено 230 тыс. голов разного скота, то в 1787 г. — 379 тыс.⁵⁹ Отмечая активизацию торговли, генерал-губернатор писал, что «киргиз-кайсаки без опасения и с удовольствием на оные (т.е. меновые дворы. — *Ред.*) стекались, столь знатны были, что нет примера с самого заведения Оренбурга».⁶⁰

В 1786 г. в Оренбурге был учрежден Пограничный суд, а через год — расправы. Состав расправ подбирался таким образом, чтобы сделать их орудием царской администрации.

Игельстром докладывал императрице об отношении народа, старшин и султанов к учреждению расправ. Он писал, в частности: «... я могу... наиточнейше уверить, что весь народ и старшины его находятся в едином согласии и что добровольно и с особливим удовольствием приняли в Орде сии новыя учреждения, выбрав к должностям самых лучших, знаменитейших и достойнейших людей... все султаны поколения Абулхаир-хана, дети нынешнего хана Нуралы, его братья и их дети остались в отделении от народа и что ни единый из них не приступили к сему преобразованию Орды, видевав власть правления своего народом через оное уничтожение и в руки самого народа отданную и почитая тем себя безмерно обиженным и униженным».⁶¹

Однако, как свидетельствуют «объяснительные» записки полковника Гранкина и других подчиненных барона Игельстрема, наблюдавших за ходом событий, новый аппарат управления оказался нежизнеспособным: расправы ни разу не собирались. Фактическая власть находилась в руках старшин.

Проведение «реформы» натолкнулось на упорное сопротивление султанов, права и власть которых ущемлялись учреждением новых органов управления. Борьбу султанов, требовавших возвращения Нуралы и восстановления ханской власти, возглавил брат хана — султан Ералы. Султаны Младшего жуза поддерживали хан Среднего жуза Уали и султаны — потомки Абылая.⁶² Они ходатайствовали о восстановлении ханской власти в Младшем жузе. Такую же позицию занял сын Нуралы султан Пирали, бывший в то время ханом в Туркмении. Ханы и султаны, требовавшие возвращения Нуралы, прежде всего заботились о своих интересах. Они понимали, что упразднение ханской власти в Младшем жузе может в скором будущем вызвать ликвидацию ханской власти в Среднем жузе.

Часть местной царской администрации не была уверена в оправданности мер по реорганизации управления. Например, полковник Гранкин, посланный в аул Ералы-султана для освобождения из плена батыра Сырыма, в декабре 1788 г. писал: «... расправы почти не существуют, ибо в оных посажены судьи, мало имеющие доверенности в знатных киргизских людях, да и существовать расправам невозможно, потому что остается один секретарь, а судьи при своих кочевьях в нескольких стах верстах от расправ...»⁶³

Царское правительство видело, что проводимая в Младшем жузе реформа управления не дала ожидаемых результатов. Начавшаяся во Франции буржуазная революция сильно напугала крепостников, боявшихся нового подъема крестьянского движения в стране. Всякие изменения старой системы управления стали считаться чуть ли не революционными. Правящие круги в Петербурге находили, что и «реформа Игельстрома» направлена на подрыв устоев самодержавия. Пограничный суд и расправы фактически так и не были введены в действие.

Активное участие против назначенных старшин вели родственники Нуралы, в результате чего в августе 1786 года был ими захвачен в плен Сырым-батыр и 106 его сподвижников вместе с султаном Есимом, когда Сырым направлялся для соединения с султаном Ералы. Ералы хотел обменять Сырыма на хана Нуралы. За отпуск из плена Сырыма стоял и Игельстром, считавший Сырыма опорой своих реформ. Вместе с тем, некоторые роды, поддерживавшие Сырыма, избрали ханом Каипа и тем самым усилили позиции Сырыма. Осенью 1786 года открылся пограничный суд, в его состав, однако, не вошли многие родоправители, близкие к Сырым, а большую роль стали играть султаны, близкие к хану Нуралы. Однако наиболее остро стоял вопрос не укрепления новой власти в Младшем жузе, а вопрос перекочевки на внутреннюю сторону, где имелись огромные площади земель, собственниками которых были князь Юсупов и граф Безбородко, представители высшей знати империи. В результате прошения многих родоправителей был разрешен переход на внутреннюю сторону 45 000 кибиткам. Однако фактически перешло до 60 000 кибиток. Среди перекочевавших были сторонники и хана, и батыра Сырыма. В какой-то степени расклад политических сил пришел в равновесие, а социальные кризисные явления не обострились, так как очень многие кочевники получили возможность пасти свой скот на пустующих землях. Противоречивость движения, руководимого Сырым, как раз в этот период проявилась очень четко. С одной стороны, в «главные старшины» попали по родоплеменному объединению алимулы Сарытай-би, Каракобек-би, Му-

ратбек, байулы — Сырым, Каратау-би и жетыру — Тленши и Жанбулат, т.е. все сторонники Сырыма, активные участники движения. Кроме того, Сырым был присвоен звание тархана. С другой стороны, Оренбургская администрация не отдавала им полную власть на местах, не отстраняла от власти султанов и потому реформы по управлению Младшим жузом способствовали укреплению власти только Оренбургской администрации. Об этом писал в своих донесениях Игельстром, «...что со временем через помощь главных и родовых старшин сей своевольный народ преобразовать в народ послушный и прекратятся все его шалости». ⁶⁴ Однако задуманного властью «мира» не получилось, казахи все больше стремились укрепить самостоятельность в своих действиях и стать независимыми от Оренбургской администрации объединениями. Разделение Младшего жуза на три ханства со стороны Оренбургской администрации не получило поддержки ни от старшин, ни от султанов. Сырым и его сторонники не были простыми наблюдателями, они стремились укрепить свою власть на местах, создать сильное объединение родоплеменных структур Младшего жуза на всей его территории. Сырым старался открыть мечети и школы и постоянно шел на разрыв с Оренбургской администрацией, он начал вести переговоры с Хивой о поддержке его действий против Оренбургской администрации. В то же время Сырым не вел переговоров о политическом объединении с Османской империей, хотя какие-то стремления к этому у отдельных родоправителей были. Сырым старался проводить свою самостоятельную политику — политику независимого суверена.

В то же время Оренбургская администрация еще более усилила колониальную политику. С начала 90-х годов XVIII века движение приобретает характер восстания. В своем донесении на имя Екатерины II Сырым указывал на то, что атаман уральских казаков «с 1500 солдатами напал на безвинных ваших подданных киргис-казаков, разгромив 225 кибиток, забрал все имущество, убил 150 человек, увел 57 пленных и бесчисленное множество лошадей, верблюдов, коров и баранов». ⁶⁵ В ответ на это казахи стали нападать на отдельные участки Уральской линии. Новый глава Оренбургской администрации А. Пейтлинг начал действовать решительно, постоянно посылая отряды в степь для наказания повстанцев.

В том же году группа старшин и биев рода торткара обратилась в Коллегию иностранных дел с жалобой на уральского войскового атамана Донскова. В жалобах перечислялись тяжелые последствия разорительных набегов казаков, отмечалось, что новый генерал-губернатор А. Пейтлинг не принимает мер против нарушителей покоя мирных аулов.

Таким образом, новый царский наместник, взяв курс на старый неплюевский режим в степи, по существу, поощрял нападения войсковых отрядов на казахские аулы. Командир астраханского казачьего полка Г. Персидский докладывал по инстанции о том, что в Степи беспокойно, можно предполагать новый подъем движения. На этом основании царская администрация предпринимала меры к аресту батыра Сырыма.

В начале 90-х годов XVIII века родовые старшины, не желая разрыва с Россией, стремились к налаживанию отношений с Уральским войском. В частности, Сырым Датов обратился к Екатерине II с донесением, в котором наряду с обидой на нового генерал-губернатора писал: «В виду вышеизложенного, в надежде на ваше материнское милосердие, прошу вторично

прислать к нам г. генерал-поручика ... бар. Игельстрома для установления тишины в подвластной вам киргиз-казахьей Малой Орде». ⁶⁶

Протесты старшин против набегов Уральского казачьего войска не дали никаких результатов. Попытка казахов организовать самозащиту послужила поводом для посылки в степь новой карательной экспедиции. Причем султаны действовали вместе с царскими властями, они обязывались указывать кочевья «злодеев». ⁶⁷

В связи с распространившимися слухами о скором возвращении Нуралы в аулах усилились стихийные волнения. Многочисленные отряды повстанцев сгруппировались на р. Уил и в устье р. Чингирлау.

Действия Сырыма носили маневренный характер. В одном из документов отмечалось, что Сырым перекочевал к реке Кок-Урлюк с 200 людьми, чтобы достичь мира с россиянами, но нападение атамана Донского приводит Сырыма к мысли о противодействии российской администрации. Однако Сырым, вместе с тем, терял союзников среди старшин и султанов. Объективно он старался углубить движение, но этого не произошло. Причиной тому послужил земельный вопрос. М. П. Вяткин отмечал: «Большую роль в отказе значительной группы старшин примкнуть к Сырымму играл земельный вопрос, боязнь потерять пастбища в районе Урала». ⁶⁸ Именно поэтому широкого антиколониального движения развернуть не удалось. Несмотря на это, Сырым пытался заручиться поддержкой со стороны Среднего жуза и некоторых родоправителей Младшего жуза. Поэтому секретным предписанием было приказано захватить Сырыма в плен: «...что по возмутительном соблазнам сего беспокойного киргиза до выполнения того не можно ожидать совершенного восстановления желанного по Орде спокойствия». ⁶⁹ Поэтому царская администрация, чтобы успокоить народ, сочла нужным избрать нового хана в Младшем жузе. Ее выбор пал на Ералы, брата Нуралы, интересы которого совпадали с интересами Оренбургской администрации. В сентябре 1791 года под усиленным войсковым прикрытием Ералы был избран ханом Младшего жуза, что повлекло за собой концентрацию повстанческих отрядов на границах Степи с линией. Сырым выразил свой протест администрации по поводу избрания Ералы ханом, кроме того, в своем послании он красочно описал разорения казахов от действий уральского казачества и Оренбургской администрации. Начались активные поиски союзника в борьбе с царским режимом. Сырым вел переговоры с бухарским атакыком, который обещал поддержку войскам, к сентябрю 1792 года Сырым стал на путь прямой вооруженной борьбы с царизмом — он объявил войну России. Началом вооруженной борьбы стало нападение батыра со своими людьми примерно в 1000 человек на крепость Илецкая защита, но повстанцы были отбиты, затем Сырым сделал попытку нападения на Красногорскую крепость, но это также не удалось, к тому же обещанную поддержку из Бухары Сырым не получил. Еще до объявления войны России Сырым предпринял попытку наказания не согласных с ним старшин. Теперь они объединенными силами совместно с царскими войсками стали выступать против Сырыма. Местная администрация разоряла казахские аулы, не разбираясь в степени их участия в движении, осенью 1793 года около 5000 кибиток вынужденно откочевали от Урала. Тяжелое положение казахских аулов усугубляла суровая зима. Совместно с царскими войсками активное участие в подавлении высту-

пления принимали и султаны — противники Сырыма. Так, весной 1793 года, как отмечают документы, при перегоне скота через мост по Уралу: «...но после казаки, сняв тот мост, 2000 лошадей и 100 000 овец, 26 000 барашков Данила (атаман Донской) обще с Ишимом султаном отогнали».⁷⁰ И такие случаи стали носить массовый характер. Сочувствуя и поддерживая движение, батыру Сырымму все больше стал оказывать свою помощь простой народ без участия старшин или султанов. Но так как многие аулы были разорены и действенной поддержки не могли оказать, борьба стала ограничиваться мелкими эпизодическими стычками.

В период нового подъема народного движения проявились колебания и непоследовательность Сырыма Датова. Он отказался от требования ликвидации ханской власти и присоединился к требованиям большинства биев и старшин «выбрать такого хана, какой их воле был бы послушен». Ведя борьбу против хана Ералы, он стал ориентироваться на поддержку хана Абулгазиза Каипова, который претендовал на звание хана Младшего жуза и был тесно связан с хивинским ханом. Чтобы укрепить связи с Абулгазизом, Сырым Датов откочевал к Сырдарье. Сближение Сырыма с султаном Абулгазизом, за спиной которого действовали бухарские и хивинские ханы и феодалы, противоречило интересам народных масс.

Кроме того, с лета 1794 года царская администрация несколько ограничила действия Уральского казачьего войска. Также летом 1794 года умер хан Ералы и стали вестись длительные переговоры о новом хане. Оренбургская администрация назначила ханом сына Нуралы Есима. Новый подъем движения начался к осени 1796 года после сильнейшего джута 1795/96 гг. Сырым в одно время считал Есима в какой-то степени своим союзником, когда же выяснилось, что Есим не будет оказывать ему поддержку, Сырым в сентябре 1796 года собрал подвластных ему старшин и поставил вопрос о союзе или войне с ханом, а значит и с царскими властями. Непримируемость позиции Сырыма оттолкнула от него многих старшин. Вновь назначенный оренбургским губернатором Игельстром с весны 1797 года стал вести переговоры с Сырымом, чтобы нейтрализовать его. Однако непримируемость Сырыма привела к убийству повстанцами хана Есима, то есть налицо вновь началась активизация движения. Вследствие этого Игельстром предпринял попытку не избирать нового хана, а управление жузом поручить ханскому Совету, местом пребывания которого был определен район р. Малая Хобда. В августе 1797 года ханский Совет начал работу, председателем его был назначен султан Айшуак. Однако султаны самостоятельно, без привлечения представителей народа, избрали ханом султана Каратая, что снова вызвало резкое противостояние, и в данной ситуации Сырым откочевал в район Сырдарьи, все больше склоняясь к примирению со старшинами, что способствовало росту авторитета ханского Совета. В этих условиях Игельстром пошел на избрание ханом Айшуака, а не Каратая, и тем самым полностью нейтрализовал дальнейшие действия Сырыма, так как авторитет Айшуака был высок. Каратай же стал преследовать Сырыма при его откочевке в Хиву, от него отвернулось и большинство старшин. Кроме того, он оказался вне пределов своих кочевий, в которых он мог найти поддержку. Вскоре с низовьев Амурдарьи пришло известие о том, что Сырым Датов был отравлен.⁷¹ Ас по поводу

его кончины стал грандиозным событием, что свидетельствует об огромном авторитете батыра у казахов и высокой оценке ими его политической деятельности. Так закончилось движение под руководством Сырыма Датова, ставшее одним из сильнейших национально-освободительных движений. Поражению народного восстания способствовало предательство биев и старшин, пошедших на сделку с султанами, непоследовательность и колебания руководителей восстания, в частности, Сырыма Датова. Кроме того, разрешение царского правительства пользоваться пастбищами на территории между Уралом и Волгой временно сгладило остроту вопроса о пастбищах, сняло одну из причин восстания.

Борьба народных масс в 1783–1797 гг. была важным событием в истории казахского народа. Она расшатывала устои ханской власти, подрывала ее престиж и тем самым способствовала ее окончательной ликвидации. Несмотря на слабые стороны и внутренние противоречия, восстание носило народно-освободительный характер.

Как отмечает М. П. Вяткин: «Это были разрозненные проявления стихийного протеста наиболее активной части народа против колониального гнета и феодальных насилий». ⁷² Вместе с тем, Сырым удалось противостоять колониальной политике царского режима на протяжении четырнадцати лет. Не все действия батыра носили последовательный характер, он стремился сохранить традиционную систему политической власти, искусно противодействуя мероприятиям царизма, однако силы были неравны. Царской власти в лице Оренбургской администрации во многом удалось нейтрализовать действия восставших, а сохранение остатков традиционной власти стало одним из результатов движения. Тем самым сохранились остатки государственности и традиционного образа жизни. В целом, движение способствовало росту национального самосознания и носило народно-освободительный характер.

4. ОБРАЗОВАНИЕ БУКЕЕВСКОГО ХАНСТВА

Причины образования ханства. В конце XVIII — начале XIX вв. значительные группы казахского населения Младшего жуза перешли в низовья междуречья Урала и Волги и в 1801 г. образовали Внутреннее, или Букеевское (по имени первого хана Букея), ханство. Вначале на правобережье Урала перешло около пяти тысяч семейств. В последующие годы население ханства возрастало за счет миграционного притока из-за Урала. По подсчету Оренбургской пограничной комиссии, в 1828 г. население Букеевского ханства насчитывало 10 235 кибиток. ⁷³ По источникам, в 1845 г. здесь было более 30 тыс. кибиток, в 1860 г. его население состояло из 26 209 кибиток. ⁷⁴

Большинство дореволюционных историков, описывавших отдельные стороны жизни казахов Внутренней Орды, связывало ее возникновение с личностью хана Букея, с междоусобицами и «смутами», происходившими в Младшем жузе. ⁷⁵

В объяснении причин образования Внутренней Орды (Букеевского ханства) нет единодушия и среди современных исследователей.

Перешедшие на правый берег Урала казахи в равной мере состояли

из лиц, принадлежащих как к байулинцам, так и к жетыруевцам, хотя на начальном этапе преобладали первые.⁷⁶ Исследователь истории Казахстана М.П. Вяткин полагал, что к образованию Внутренней Орды привели хозяйственный упадок, земельная теснота, жестокий хозяйственный кризис и углубление процесса феодализации.⁷⁷ По его мнению, переход казахов на правобережье Урала, «в вечное подданство» был логическим итогом того процесса, который берет свое начало в 50-х годах XVIII века, т.е. он связан с борьбой за освоение новых кочевий, длившейся почти половину столетия.

Несколько иную точку зрения развивал В. Ф. Шахматов: образование ханства между Волгой и Уралом он рассматривал, в первую очередь, как продукт колониальной политики царизма.⁷⁸

Разумеется, колониальная политика царского правительства играла значительную роль в общественной и политической жизни казахского народа. Переселение казахов на правый берег Урала не противоречило направлению политики царизма и поэтому получило известную поддержку со стороны пограничных властей. Однако не она была решающим фактором образования новой казахской Орды.

С переходом казахов в междуречье Волги и Урала не был разрешен и пастбищный вопрос, земельные отношения здесь оставались не менее сложными, чем в Младшем жузе. По почвенно-климатическим и иным естественно-географическим условиям территория Букеевского ханства была не лучше, если не хуже, чем территория, откуда пришли переселенцы. При всем своем определяющем значении в жизненном цикле скотовода, вопрос о пастбищах в тех конкретных условиях переселения не выдвигался на самый первый план.

Основной причиной образования ханства следует считать невозможность оставаться многим кочевым общинам в прежних местах кочевий в результате усиления колониальной политики.

Вооруженное массовое выступление против ханской власти к концу XVIII в. пошло на убыль. Ханы, султаны и их окружение, против которых было направлено острое народное восстание, придя в себя, стали проводить акты возмездия. Преследования участников восстания и родовых общин, сочувствовавших ему, приняли широкие масштабы. Как всегда в таких случаях, феодальная верхушка и российская администрация старались столкнуть казахские роды между собой, превращая разногласия между ними в очаг раздора и столкновений. Нарушились относительное спокойствие и привычный хозяйственный ритм кочевников. Хозяйственная разруха, страдания трудовых масс были столь глубокими, что вопросы «выжить» и «пережить» этот трудный период стали для них самыми главными. Граф Потоцкий писал в 1806 г. министру внутренних дел Кочубею, что бедность казахов Младшего жуза «чрезвычайна, и одно зло здесь рождает другое. Юрты и кибитки, которые должны были бы состоять из хороших и плотных войлоков, покрыты одними лишь шерстяными тряпками, обратившимися в лоскутья. Сами киргизы покрыты лохмотьями».⁷⁹ Крайняя нужда заставляла казахов продавать своих детей линейным жителям и хивинским феодалам. По данным А. Левшина, в 1815 г. близ г. Гурьева в течение только одного месяца было продано около ста казахских детей. Причем «за мальчиков платили по 4 и по 3, а за девочек по 3 и 2 куля ржаной муки».⁸⁰

В таких условиях подготавливалась массовая перекочевка аулов и

уход их из-под власти правителей в более безопасные районы. Это был жизненной необходимостью.

К югу от Младшего жуза находилось Хивинское ханство, проводившее политику насильственного захвата кочевий и ограбления аулов казахов.⁸¹ Вот один из типичных случаев. В начале XIX в. хивинский хан внезапно напал на мирные казахские аулы, кочевавшие по р. Сырдарье. Было убито 350 человек, угнано 1035 девушек и женщин, захвачено 4173 верблюда, 7085 лошадей, 113 820 голов крупного рогатого скота и 45 645 баранов. Кроме того, в виде зякета дополнительно было собрано с местного населения 17 573 барана и 2364 верблюда.⁸² Понятно, что для тысяч казахских кочевых семей вопрос о переходе на юг не возникал.

Существовал единственный выход — переселение на правобережье Урала — в почти пустующий район песков, куда прежде не раз переходили казахские феодалы со скотом, в основном, на зимнее время с согласия пограничных властей. Но это разрешение распространялось, главным образом, на табуны крупных скотовладельцев. Необходимо заметить, что районы переселения издревле считались местом жительства и перекочевков казахов и их предков.

До этого времени не ставился вопрос о переселении казахов на постоянное местожительство в междуречье Волги и Урала. Речь шла о временном пастбищном содержании скота феодалов, в особенности, в зимний период. Главным образом, этого домогались хан Нуралы, его родственники и влиятельные султаны в интересах своих хозяйств. Трудовая часть крестьянства переходила на правобережье Урала постольку, поскольку она обслуживала султанских хозяйств. Перегонялись на зиму, в основном, табуны лошадей, принадлежащие хану и его братьям. Из неоднократных обращений Нуралы к пограничным властям видно, что он преследовал узко личные интересы.

Оренбургская пограничная администрация, непосредственно осуществляя политику царизма в Казахстане, занимала двойственную позицию. С одной стороны, она всецело стояла на стороне хозяйственных интересов жителей военных казачьих поселков, уже возникших во «внутренней стороне». С другой стороны, для проведения колонизации ей были нужны услуги влиятельной части казахской знати. Только совместные усилия царских властей и казахских феодалов могли на деле обеспечить претворение в жизнь политики царизма. В силу этих причин пограничные власти вынуждены были порою удовлетворять просьбы казахской знати о пропуске их скота в районы двуречья.

С конца XVIII в. характер, масштаб и мотивы перехода казахов на правый берег Урала, во «внутреннюю сторону», изменились. Процесс перехода стал труднорегулируемым, во многом стихийным и массовым. Часть изнуренного народа, несмотря ни на какие препятствия, приступала к освоению нового района. Если раньше ханы и султаны временно, только на зиму, переправляли свои стада, оставаясь сами на прежних местах, то теперь фактически ставился вопрос о постоянном заселении этого района. Такое требование исходило от самих народных масс. Сила движения была столь значительна, что царское правительство не могло уже не считаться с ним, не рискуя потерять влияние в Казахской степи.

Правительство в новых условиях сочло необходимым пойти «навстречу» стремлениям казахского населения разрешить ему перейти на «внут-

ренную сторону». Этим самым оно рассчитывало войти в доверие народа, что было весьма важно для успешного проведения политики царизма. Уступая территорию, правительство намеревалось также в той или иной степени разрядить напряженность классовой борьбы в Младшем жузе, начинавшей принимать уже антиколониальный характер.

Царское правительство своевременно позаботилось о том, чтобы переселение совершилось «организованно» во главе с вожаком, который был бы надежным исполнителем воли пограничных властей. Такой личностью оказался султан Букей, председательствовавший в то время на ханском Совете. По характеристике начальника Оренбургского края, он был предан «престолу высокомонаршему».⁸³

В свою очередь, султан Букей, пользуясь решительной поддержкой правительственных органов, стремясь к власти и не рассчитывая получить ее в Младшем жузе, склонен был перейти на правый берег Урала и основать там свое ханство. Чтобы стать во главе переселенческого движения, он умело разыграл роль «защитника» народных интересов. Через командира астраханского казачьего полка полковника Попова Букей обратился к астраханскому губернатору Кноррингу с просьбой, чтобы последний вошел с ходатайством перед императором России о разрешении ему — султану Букею — с его «приверженными» казахами перейти на территорию между Уралом и Волгой на «вечное жительство». 11 марта 1801 г. последовал указ Павла I, в котором говорилось следующее: «Председательствующего в ханском совете киргиз-кайсацкой Малой Орды Букея-султана, сына Нуралы-ханова, принимаю к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелает, и в знак моего благоволения назначаю ему золотую медаль с моим портретом».⁸⁴

Первые переселенцы в основной массе имели очень мало скота, вместо кибиток — шалашовые лачуги (курке). Это были бедные и беднейшие семьи. «В эпоху перехода поколения, составлявшие Внутреннюю Орду, были беднейшими из кайсаков», — писал один из очевидцев.⁸⁵

Откочевщики, в основном, были непосредственными участниками движения Сырыма Датова. На «внутреннюю сторону» к середине XIX в. из его рода перешло более 15 тыс. человек.⁸⁶ Сам батыр Сырым, завоевавший большое уважение народа и признанный организатор и руководитель борьбы с ханской властью, и многие его ближайшие сподвижники были активными агитаторами за переход населения в район междуречья Урала и Волги. Как писали современники, султан Букей в первую очередь заручился поддержкой батыра Сырыма Датова и «вместе с ним стал склонять народ к согласию на перекочевку».⁸⁷

Изменения в социально-экономическом развитии. Казахские аулы и роды, перекочевавшие на правый берег Урала, по своему хозяйственному укладу, образу жизни, традициям и обычаям ничем не отличались от своих сородичей в Младшем жузе. Они оставались большей частью кочевыми скотоводами, занимались земледелием только на небольших оазисных участках среди песков. Так было в начальный период основания орды. Но со временем на новом месте условия их традиционных жизненных циклов изменились и стали заметно отличаться от жизни зауральских казахов.

Внутренняя Орда со всех сторон граничила с землями Астраханской, Саратовской, Оренбургской губерний, укрепленной военной линией по Уралу, рыбопромысловой зоной по северному Прикаспию. Она представ-

ляла компактное и небольшое ханство, территория которого занимала 350 верст с востока на запад и 200 верст с севера на юг. Ограниченность пастбищных угодий с самого начала образования орды на первый план выдвинула проблему интенсивного их освоения вместо традиционных методов пространственного освоения.

Царское правительство собиралось сделать Внутреннюю Орду «примерным» уголком Казахской степи в смысле управления и пользы колониальной опеки.

Во Внутренней Орде происходил процесс укрепления феодальных институтов частной и личной собственности в области земельных отношений. Они приобретали все большее экономическое значение в обществе и самостоятельный правовой статус. Если захват земель в кочевых районах Казахстана, как правило, происходил по инициативе местной знати, как следствие сосредоточения богатства в ее руках и если индивидуальная собственность на пастбища внешне сливалась с фактическим владением ими и продолжала существовать в рамках аульно-кочевой общины, не теряя внешних признаков коллективности, то во Внутренней Орде, начиная со второй четверти XIX в., передача участков в собственность знати и зажиточным крестьянам осуществлялась по инициативе сверху — ханской властью. Это стало массовым и общим явлением. В течение 1830—1845 гг. ханом Жангиром было выдано 1517 актов на частное землевладение.⁸⁸ Так возникла система поземельной частной собственности, ставшая основой земельных отношений, и был нанесен удар по «общинно-родовому» принципу землепользования в казахском обществе. Родственникам хана, султанам, биям, старшинам, мурзам и богатым скотовладельцам могли принадлежать несколько урочищ или крупное урочище с источниками воды. Так, личное владение самого хана Жангира составляло около 400 тыс. десятин земли. Хан закрепил за своим братом Мендыгереем Букейхановым 400 тыс. десятин пастбищных угодий, бия Балки Кудайбергенова снабдил грамотой на владение урочищами площадью 300 тыс. десятин.⁸⁹ Во владении 25—30 таких семей находилось 85% всей площади ханства.

Во Внутренней Орде сложилась иерархия землевладельцев. Самым крупным из них являлся сам хан, на нижней ступени этой иерархии находился шаруа со скромным земельным наделом для зимней стоянки, почти полностью зависимый от знати, на земле которой он жил.

Разделу, в первую очередь, подвергались угодья, пригодные для зимней стоянки и тебеневки скота, а также сенокосные места. На зимних стоянках возводились жилища, в большинстве своем в виде землянок и полужемлянок. Т. Медведский, бывавший в Орде, писал, что «в отношении сенокосных угодий у киргизов нет общинного владения... каждое семейство пользуется клочком земли, раз навсегда отведенным ему под сенокосение. Поэтому семейство, которому раз достался плохой или богатый надел, остается при нем постоянно».⁹⁰

Относительно обширные летние пастбища не дробились на маленькие участки. Они крупными территориальными массивами закреплялись за главами родовых коллективов, членами ханского Совета, биями и за отдельными крупными баями. Наиболее малоценная в хозяйственном отношении часть пастбищ отводилась под коллективные угодья.

Новая аграрная политика ханской власти, направленная на первооче-

редное обеспечение интересов феодалов, углубила и обострила социальные отношения и процесс расслоения как внутри кочевых коллективов, так и в масштабе общества в целом. Появилась категория безземельных семей и аулов, кочующих на чужих землях за плату или отработку. Стало больше крестьянских дворов, владеющих клочками земли, но не имеющих колодцев и водных источников и потому «прикрепленных» к аулам богатых соседей. Земля превратилась в объект торговли, злоупотреблений и тяжёлых дел. От этой политики выигрывали ханское окружение и местная знать. Основная масса трудового населения оказалась в тисках земельной тесноты и тяжелой эксплуатации. По утверждению самого хана Жангира, 6–7 тыс. семей, т.е. около 1/3 населения, не имели земли, и поэтому многие из них были вынуждены арендовать ее в соседних русских губерниях и у землевладельцев, рыбопромышленников Каспия.⁹¹

Развитию торговли в Орде содействовали три фактора: а) хозяйственное укрепление аулов и распространение товарно-денежных отношений; б) поощрительная политика хана; в) удобное географическое расположение Внутренней Орды для русских и других торговцев, а также исключительная для них прибыльность торговых операций в орде. Хан Жангир установил не только низкопошлинную торговлю для иноземных товаров, учредил для них сезонные ярмарки и торговые пункты в разных местах орды, но и личным капиталом участвовал в обеспечении интересов иноземных купцов. В частности, в составленных им лично правилах торговли предусматривалось: «Чтобы обеспечить капитал торгующих, он (хан) обязывается, по предварительной сделке купца с подвластным ему ординцем, в случае, если последний не имеет наличного скота или денег, давать первому расписку за своим ручательством. Если бы киргизец и не явился для уплаты в срочное время, без всякой проволочки платит хан».⁹²

Поощрительная политика властей, удобство и выгода ведения торговли в степи привлекли в орду большую массу людей с товарами. Только на одной весенней ярмарке при ханской ставке в 1846 г. было до 1183 приезжих торговцев, а среди них 87 купцов II и III гильдий. В следующем, 1847 г., их было уже 1500 человек.⁹³ Эта ярмарка была столь обширна, что на ее территории действовали около 300 постоянных лавок, построенных торговцами.

Внутренняя Орда стала крупным поставщиком для России скота и скотоводческого сырья. Согласно журнальной записи Департамента мануфактуры, в 1827 г. было переправлено из Внутренней Орды около 400 тыс. баранов, 3 тыс. голов лошадей и различной продукции скотоводства на общую сумму 2925 тыс. руб.

Сын Букея — Жангир, вступивший на ханский престол в 1824 г., опираясь на полную поддержку царской администрации, стал активно перестраивать отдельные стороны общественной жизни и быта населения, а также традиционную систему местного управления. Он поощрял оседание кочевников, возведение ими хуторов, сенокосение и лесоразведение в степи, улучшение местных пород скота и завоз сельскохозяйственного инвентаря, открытие мектебов (школ), училищ, мечетей и рост числа мулл в аулах, торговлю и переход к бюрократической форме правления. Он добивался объединения интересов царских властей и местной казахской знати новыми методами.

В 1827 г. хан Жангир объявил об учреждении постоянной ханской ставки в урочище Жаскус в Нарынских песках и о желании управлять ордой из этого центра. В течение 10 лет в ней было построено 40 деревянных домов, а к 1846 г. — 89. В 1841 г. им была основана летняя ставка на р. Торгун. Через пять лет в ней было 9 деревянных домов. По примеру хана, а также по его указанию стали обзаводиться домами султаны, бии и старшины; строили себе землянки и отдельные группы шаруа. К концу 40-х годов XIX века в разных местах орды имели зимние жилища две трети населения.⁹⁴

По личному указанию царя из казенных заводов в 1829 г. было выделено орде 20 жеребцов. Столько же племенных лошадей хан Жангир выпысал с Кавказа. Через 15 лет поголовье улучшенных пород местных лошадей достигло 30 тыс.⁹⁵ Их поставляли в Донское и Уральское казачьи войска.

Строительство медресе и аульных начальных мектебов, направление детей на учебу в Астрахань, Саратов и Казань, в Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге, в котором специально было открыто 10 вакансий для детей из Внутренней Орды, стали частью политики Жангира.⁹⁶

Надо признать, что деятельность Жангира не столь однозначна, как трактовалась ранее. Будучи поборником европейской цивилизации, Жангир стремился внедрить ее элементы в казахскую традиционную среду. В социально-экономическом плане он установил во Внутренней (Букеевской) Орде феодальные порядки, во многом копируя систему феодальных отношений в центральных районах России. В общественно-политической и культурной жизни региона также стали проявляться изменения в результате реализации Жангиром мер по усилению структуры управления, например, повсеместное внедрение делопроизводства и даже создание собственной архивной службы. При хане Жангире появились первые школы европейского образца, что явилось серьезной новацией для своего времени в Казахстане.

Однако все эти новации не имели под собой глубокой и твердой общественно-политической основы. В целом все население Внутренней (Букеевской) Орды было нещадно эксплуатируемым со стороны хана и его окружения, а вместе с тем и царской администрацией. Поэтому уже в середине 30-х гг. XIX века назрел серьезный политический кризис, вылившийся в известное восстание под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, в котором идеология основывалась на защите интересов традиционного общественного устройства.

Методы Жангира строились на внедрении насильственными мерами новаций, не затрагивающих основы политического и общественного устройства. Они не могли иметь успеха, так как в самой России проводились безуспешные попытки внедрить капиталистические новации на основе самодержавно-крепостнического строя в первой половине XIX века.

Политический строй. Султан Букей, охарактеризованный оренбургским военным губернатором Волконским, как «старший из султанов, благоразумный, опытный и преданный к престолу высокомонаршему»,⁹⁷ 7 июля 1812 г. в торжественной обстановке, в присутствии высших чинов Оренбургской администрации и многочисленной степной знати вблизи

г. Уральска был официально возведен в ханы Букеевской Орды. Фактическое положение, которое он занимал до сих пор, стало оформленным юридически. Букей-хан, умерший в 1815 г., завещал ханский престол своему сыну Жангиру, а до его совершеннолетия временное управление ордою поручил султану Шигаю, своему родному брату. 22 июня 1823 г. царем была подписана грамота о признании Жангира ханом Внутренней Орды, а 26 июня 1824 г. в Уральске с соблюдением древнего церемониала под контролем царских властей он был провозглашен ханом. Жангир-хан правил более 20 лет.⁹⁸

Букеевская Орда была зависима от царского правительства и находилась под его контролем. Основные вопросы внутренней политики разрабатывались ханом совместно с Оренбургской администрацией. Наследственная власть хана поддерживалась родоправителями и биями, с одной стороны, вооруженным отрядом царского правительства, с другой. Хан обладал значительной свободой и инициативой в делах внутреннего управления. Финансово-налоговая политика, установление порядка землепользования, вопросы территориально-родового управления и хозяйственного устройства населения являлись ханской прерогативой.⁹⁹

В политической истории Внутренней Орды заметно выделяется период со второй четверти XIX в. Султанско-байская система управления, при которой ханская власть оставалась слабой, неразвитой и во многом определялась поддержкой местной султанско-байской группировки, не стала отвечать новым задачам колониального подчинения и финансово-налоговой политики правителей и при Жангире была заменена бюрократической формой правления. Тем самым в традиционное казахское общество стали внедряться новации, правда, не естественным путем, а насильственными методами.

Родона начальников все чаще назначала царская администрация из числа близких и преданных хану людей. Например, если в 1827 г. в трех родах: байбактинском, ногойском и бершевском из 34 старшин только трое были назначены ханской властью,¹⁰⁰ то к 1845 г. во главе почти всех отделений этих родов стояли «указные» старшины. Судебное право местных феодалов было ограничено. Судебная власть, в основном, сосредоточена в руках хана,¹⁰¹ биев — членов ханского Совета и султанов — ханских депутатов. Местные родоправители и старшины разбирали незначительные тяжёлые дела, которые обычно оканчивались миром. По своему усмотрению хан изымал и мелкие дела из ведения родона начальников. Прежние бийские суды ограничивались в действиях, а некоторые из них уже облекались в форму государственной службы. Право установления сборов от населения было изъято из ведения местных феодалов.

Функции родоправителей и старшин усложнились: была введена отчетность, они представляли интересы рода или отделения при аренде пастбищных угодий, при закупке сена, оптовой продаже скота, собирали установленные центральной властью сборы — «заякет», «согым» с населения, определяли границы кочевания отдельных аулов. Им предписывалось следить, чтобы среди подвластных «не проживали русские беглецы», «мятежники», пришельцы из других казахских родов, они обязывались блюсти «тишину и спокойствие».

При родовых султанах и старшинах состояли муллы, сочетавшие обязанности письмоводителя и религиозного наставника. Некоторые из них содержали «шабарманов» («исполнителей поручений») и «кызмет-керов» («помощников») для связи с ханской канцелярией и аульными коллективами.¹⁰²

Жангир-хан считал свою власть продолжением власти прежних казахских ханов. Однако содержанием и формой она во многом отличалась от них. В руках хана была сосредоточена административная, судебная и правотворческая власть в орде.¹⁰³

Хан своей властью закреплял кочевья за родами и отделениями, раздавал земли в собственность феодалам, нередко перераспределял уже закрепленные земельные участки, освобождал отдельные категории знати (султанов, ходжей, старшин, тарханов и мулл) от несения общих повинностей. Ханская власть довольно широко использовала поощрительные меры, такие как возведение в тарханское достоинство за службу, представление на присвоение офицерских чинов, награждение медалями, халатами и т.д. Все это укрепляло вассальные отношения местных феодалов. Ханом производилось назначение от «указных» мулл до членов ханского Совета. Они начинались лишь ему. Хан мог по своему усмотрению заменить их другими.¹⁰⁴

Власть хана с точки зрения внутренних условий не была ответственна перед какой-либо другой организацией. Ханский Совет не поднялся выше совещательного органа, феодальные съезды, обладавшие раньше большими полномочиями, стали редким явлением. На созываемых иногда съездах не обсуждались какие-либо важные вопросы, имеющие значение для всех феодалов, для всей орды. Созывались они, как правило, для того, чтобы под давлением царского правительства заставить участников быть покорными хану.

При хане Жангире другими стали и методы управления. Если прежние казахские ханы не имели постоянной ставки, управляли кочевниками, также кочуя, то он учредил постоянный центр ханской администрации. При нем создается особый аппарат управления. При хане состояли 10 так называемых «ханских депутатов» из султанов. Эти «депутаты» командировались в кочевья родов, смежные с русскими селениями, и должны были участвовать в следствиях, производимых представителями пограничных властей, когда сторонами в деле выступали русские и казахи, и представляли при этом интересы последних. Им по заданию хана поручался разбор отдельных споров на местах. Они имели и принудительную власть при взыскании недоимок по сборам, нередко наделялись и более широкими полномочиями. Так, султан Медетгалий Чукин в документах именуется «депутатом от хана по всем делам» на Узенской линии. Он мог по своему усмотрению содержать виновных «под караулом». Его распоряжение старшинам преподносилось как «строжайшее требование султана Медета Чукина». Из другого документа видно, что султан Адил Букейханов, депутат от хана, руководил переходом казахов из-за Урала во внутреннюю сторону.¹⁰⁵

Ханский совет, созданный в 1827 г., состоял из 12 биев — по одному бию от каждого родового управления.¹⁰⁶ Некоторые из них на равных правах с султанами управляли родами. Они даже просили хана Жангира, чтобы им предоставили право изыскивать долг с ответчика по всей орде.¹⁰⁷

члены ханского Совета с семьями и скотом перебрались в ханскую ставку на постоянное жительство и тем самым они, по существу, превратились в придаток ханского аппарата.

Кроме того, при хане находились 12 старшин в качестве есаулов для выполнения его специальных поручений, а также «базарные султаны». В обязанность последних входил сбор пошлин (внутри орды), представление интересов казахов (вне орды), наблюдение за порядком на торговых местах.

Хан имел при себе канцелярию, состоящую из татарского и общего отделов. Первый отдел заведовал перепиской, в основном, внутри рода, а второй — с пограничными властями. При нем состоял также специальный следователь.¹⁰⁸

Замена старой, султанско-бийской, системы управления бюрократически организованным аппаратом управления при центральной власти была обусловлена не изменением форм кочевого скотоводческого хозяйства, хотя и это частично имело место, а, главным образом, усложнением функции управления господствовавшего в казахском обществе класса и в связи с необходимостью более радикального обеспечения интересов царских властей в казахском обществе.

Реорганизация управления, сопровождавшаяся усилением ханской власти и ее фискальной функции породила новые формы чиновничьего произвола и привела к ограничению традиционных институтов общинно-аульных коллективов. По мере роста бюрократического аппарата увеличивались масштабы налогового обложения населения.

Хан Жангир умер в 1845 г. Получив об этом известие, царь Николай I собственноручно написал: «Весьма жаль, он был человек весьма преданный». К этому времени во всех частях Казахстана была упразднена ханская власть. В правительственных кругах было решено не восстанавливать ханскую власть и во Внутренней Орде. Управление ею перешло временно-му совету во главе с русским чиновником.

¹ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Часть 2. (1741–1751). Под ред. М. П. Вяткина. А., 1948, с. 267–269.

² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сборник документов и материалов. А., т. 1, 1961, с. 433. (КРО-I).

³ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, с. 162.

⁴ Там же, с. 170.

⁵ Там же, с. 165.

⁶ Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М., 1989, с. 100–101. (Далее см.: МОЦА-II)

⁷ История Каракалпакской АССР. Т. 1. Ташкент, 1974, с. 110–111.

⁸ Вяткин М. П. Батыр Срым. М.-Л., 1947, с. 171.

⁹ Чернышев А. И. О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Общество и государство в Китае. Пятнадцатая научная конференция. Тезисы докладов, ч. 2, М., 1984, с. 157.

¹⁰ МОЦА-II, с. 196.

¹¹ Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста, 1992, с. 100.

¹² Очерк истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967, с. 217–218.

- ¹³ Мағауин М. Қазақ тарихының өліппесі. А., 1995, 122-б.
- ¹⁴ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. М.-Л., 1940, с. 67.
- ¹⁵ Пугачевщина. Т. II. М.-Л., 1929, с. 17.
- ¹⁶ Рознер И. Г. Казачество в Крестьянской войне 1773–1775 гг., Львов, 1966, с. 18–34.
- ¹⁷ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках. (1771–1867). Сб. документов и материалов. А., 1964, с. 35. (КРО-II).
- ¹⁸ Бекмаханова Н. Е. Легенда о Невидимке. А., 1968, с. 53–55.
- ¹⁹ Пугачевщина. Т. I. Из архива Пугачева. М.-Л., 1926, с. 26.
- ²⁰ КРО-II, Док. № 17; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 г. на Яике, в Приуралье, на Урале и Сибири. М., 1969, с. 22–40.
- ²¹ Пугачевщина. Т. I. Из архива Пугачева. М.-Л., 1926, с. 25.
- ²² Семенюк Г. И. Казахи и восстание Пугачева // Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Т. 2. 1966, с. 157.
- ²³ КРО-II, с. 30.
- ²⁴ Пугачевщина. Т. I, с. 26–27.
- ²⁵ Семенюк Г. И. Материалы об участии казахов Младшего и Среднего жузов в Крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева // Ученые записки КазГУ. Т. XIV. Вып. 12. А., 1963, № 19.
- ²⁶ Рознер И. Г. Казачество в Крестьянской войне 1773–1775 гг., с. 61.
- ²⁷ Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. IV. М., 1788, с. 29.
- ²⁸ Пугачевщина. Т. II, с. 266.
- ²⁹ Там же, т. I, с. 171.
- ³⁰ Семенюк Г. И. Казахи и восстание Пугачева // Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева, 1966, с. 160.
- ³¹ Рознер И. Г. Казачество в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Львов, 1966, с. 67–68.
- ³² Там же, с. 99–100.
- ³³ Там же, с. 102.
- ³⁴ Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Том III. Л., 1970, с. 120.
- ³⁵ Құл-Мұхаммед М. Орыс энциклопедияларындағы қазақ шежіресі. А., 1994, 152–153 б.
- ³⁶ Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева, с. 121.
- ³⁷ Там же, с. 125–126; История Казахской ССР. Т. 3. А., 1979, с. 98–99.
- ³⁸ Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Том III, с. 122; Нусупбеков А. Н. Вопросы истории Казахстана (Избранные труды). А., 1989, с. 19.
- ³⁹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 110.
- ⁴⁰ История Казахской ССР. Т. I. А., 1957, с. 281.
- ⁴¹ Вяткин М. П. Батыр Срым. М.-Л., 1947, с. 178.
- ⁴² История Казахской ССР. Т. 3. А., 1979, с. 109.
- ⁴³ Вяткин М. П. Батыр Срым, с. 196.
- ⁴⁴ Материалы по истории Казахской ССР, с. 66.
- ⁴⁵ Вяткин М. П. Батыр Срым, с. 198.
- ⁴⁶ Там же, с. 200.
- ⁴⁷ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 47.
- ⁴⁸ Там же, с. 47.
- ⁴⁹ Там же, с. 56.
- ⁵⁰ Там же, с. 61.
- ⁵¹ Там же, с. 47.
- ⁵² Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 111.
- ⁵³ Вяткин М. П. Батыр Срым. М.-Л., 1947, с. 212.
- ⁵⁴ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 66.
- ⁵⁵ Там же, с. 78.

- ⁵⁶ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. А., 1960, с. 67.
- ⁵⁷ Вяткин М. П. Батыр Срым, с. 227.
- ⁵⁸ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 87.
- ⁵⁹ Там же, с. 487.
- ⁶⁰ Там же, с. 114.
- ⁶¹ Там же, с. 101.
- ⁶² Там же, с. 92–95, 102–103.
- ⁶³ Там же, с. 104–105.
- ⁶⁴ Материалы по истории Казахской ССР. М.-Л., т. IV, с. 98.
- ⁶⁵ Там же, с. 137.
- ⁶⁶ Там же, с. 137.
- ⁶⁷ История Казахской ССР. Т. III, А., с. 122.
- ⁶⁸ Вяткин М. П. Батыр Срым, 1947, с. 294.
- ⁶⁹ Материалы по истории Казахской ССР. т. IV, с. 138.
- ⁷⁰ Вяткин М. П. Батыр Срым, с. 321.
- ⁷¹ Досмухамедұлы Х. Тандамалы. А., 1998. 52-б.
- ⁷² Вяткин М. П. Батыр Срым, с. 358.
- ⁷³ Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. А., 1946, с. 19.
- ⁷⁴ Иванин М. Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда // Эпоха, 1864, № 12, с. 6; Медведский Т. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // Журнал Министерства государственного имущества, 1862, август, с. 303–307.
- ⁷⁵ Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казахья орда // Современник, 1851, № 10, с. 51; Медведский Т. Внутренняя киргизская орда, с. 285; Добросмыслов А. Тургайская область // Известия Оренбургского отделения ИРГО, 1901, вып. 16, с. 231; Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1865, с. 39; Иванин М. Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда, с. 15.
- ⁷⁶ Рязанов А. Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797–1838) // Труды общества изучения Казахстана, т. IV, вып. II, Кзыл-Орда, 1926, с. 178.
- ⁷⁷ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР, с. 217, 242.
- ⁷⁸ Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова, с. 8.
- ⁷⁹ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828). т. IV, с. 236–237.
- ⁸⁰ Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. III. СПб., 1832, с. 88–89.
- ⁸¹ Иванов П. Казахи и Кокандское ханство // Записки Института востоковедения АН СССР, т. VIII, М.-Л., 1939, с. 94–95.
- ⁸² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1865, с. 37.
- ⁸³ Ханыков Я. Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г. // Записки ИРГО, 1847, кн. 2, с. 45.
- ⁸⁴ Крафт И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 141.
- ⁸⁵ Сведения о Внутренней киргизской орде // Журнал министерства государственных имуществ, ч. I, 1841, с. 26.
- ⁸⁶ Иванин М. Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда, с. 11.
- ⁸⁷ Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казахья орда, с. 52.
- ⁸⁸ Рязанов А. Ф. Восстание Исатая Тайманова // Труды Общества изучения Казахстана, т. VIII, вып. 4. Кзыл-Орда, 1927, с. 8.
- ⁸⁹ Рязанов А. Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа. Кзыл-Орда, 1926, с. 194.
- ⁹⁰ Медведский Т. Внутренняя киргизская орда, с. 309.
- ⁹¹ Небольсин П. И. Очерки волжского низовья. Журнал МВД, 1852, т. 39, с. 235.
- ⁹² Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1864, с. 219.

⁹³ Киттары М. Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды. Журнал МВД, 1849, т. XVIII, с. 188; Небольсин П. И. Очерки волжского низовья, с. 238.

⁹⁴ Левишин А. Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. III, с. 234; Бларамберг И. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ч. III. СПб., 1848, с. 26.

⁹⁵ Терещенко А. Следы Дешт-и Кипчака и Внутренняя Киргиз-Кайсацкая Орда // Мо-сквитянин, 1853, т. VI, № 22, с. 59.

⁹⁶ Киттары М. Я. Ставка хана Внутренней Киргизской орды, с. 110, 190.

⁹⁷ Казанцев И. Описание киргиз-кайсака, с. 218; Островский Э. Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду // Журнал МВД, 1859, № 5, с. 2.

⁹⁸ Ханыков Я. Очерк состояния Внутренней киргизской орды, с. 44–45.

⁹⁹ В официальных документах, исходящих снизу, часто встречается фраза: «проживающий в Орде на владении высокостепенного хана или «земля ханская...» (ЦГА РК, ф. 78, оп. 2, д. 12, л. 30).

¹⁰⁰ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 1174, л. 17–18.

¹⁰¹ Крупные уголовные и государственные преступления были подсудными общим судам империи.

¹⁰² ЦГА РК, ф. 78, оп. 2, д. 122, л. 1.

¹⁰³ Там же, оп. 1, д. 10, л. 69, 71; Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова, с. 113; Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казахья орда, с. 79; Иванин М. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казахья орда, с. 9.

¹⁰⁴ ЦГА РК, ф. 78, оп. 2, д. 124, л. 13; д. 126, л. 4–5.

¹⁰⁵ Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казахья орда, с. 76–77; ЦГА РК, ф. 78, оп. 2, д. 14, л. 3, 4; д. 19, л. 13.

¹⁰⁶ Внутренняя Орда состояла из 17 казахских родов, из которых было создано 12 родовых управлений во главе с назначенными ханом родоправителями.

¹⁰⁷ Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова, с. 113.

¹⁰⁸ ЦГА РК, ф. 78, оп. 2, д. 84, л. 1; д. 102, л. 2–5; д. 42, л. 25, 33–35.

Глава шестая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ И ЮГО-ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В 50-Е ГОДЫ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКОВ. ХАН АБЫЛАЙ

1. УКРЕПЛЕНИЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ЖУЗОВ (50–60-е гг. XVIII в.)

К концу 40-х годов XVIII в. после непродолжительной стабилизации положение в Среднем и Старшем жузах вновь стало осложняться. Междоусобицы в Джунгарии, последовавшие за смертью хунтайджи Галдан-Цэрэна, привели к ослаблению этой могущественной державы и обострению политической ситуации во всем регионе. Правители Казахской степи воспользовались сложившимся положением и стали активно вмешиваться в дела Джунгарии и соседних государств. Несмотря на то, что официальным ханом Среднего и Старшего жузов оставался Абулмамбет, реальная власть все более и более сосредотачивалась в руках влиятельного султана Абылая, опиравшегося на поддержку группировки батыров-военачальников, сложившейся в ходе казахско-джунгарских войн. Умбетай-жырау в своем произведении, посвященном оплакиванию смерти Богембая, утверждает, что после победы в поединке над Шарышем Абылай стал ханом.

Жырау Таттикара, современник Абылая, также подтверждает, что он стал ханом Среднего жуза.¹

Бухар-жырау уверенно говорит, что Абылай сел на трон, когда ему было 25 лет.² В поэтическом толгау «Құбылып шыққан бәйшешек» он вновь заявляет, что Абылай стал ханом, будучи совсем молодым.³

Машхур-Жусуп Копеев в своем произведении «Эпоха Абылай хана» цитирует акына Арыстана Толыбайулы, где утверждается, что Абылай был ханом в Кокшетау 48 лет.⁴

То же самое пишет М. Дулатов в своем труде «Абылай».⁵ Шакарим в своем исследовании «Потомок Уалибақы» пишет, что после поединка с Шарышем Абылай был приглашен в ханский шатер Абулмамбета. По предложению хана Абулмамбета Абылай, получив благословение Шакшак Жаныбека, был провозглашен ханом. По его предположению, это было приблизительно в 1735 году.⁶ Так трактуют казахские источники приход к власти Абылая. Так или иначе Абылай с конца 30-х годов стал ключевой фигурой в политической жизни страны, решавшей судьбоносные проблемы войны и мира. Абылай тем самым всю энергию направлял

на упрочение верховной власти и вывод Казахского ханства из затянувшегося политического кризиса. Консолидации казахских родов вокруг Абылая во многом способствовали его активные и удачные политические и военные действия против Джунгарии.

Казахско-джунгарские и казахско-китайские отношения. Приход к власти в Джунгарии в 1750 году Лама-Доржи привел к новой вспышке междоусобной борьбы. Потерпевший поражение в этой борьбе нойон Даваца вместе с племянниками Амурсаной и Байнджуром бежал осенью 1751 года к казахам и был принят правителем абак-кереев Кожаберген-батыром.⁷ Правитель Джунгарии потребовал выдать своих политических соперников. Летом 1752 года в ставке состоялся съезд батыров и родоправителей Среднего и Старшего жузов, на котором Абылай и большинство батыров выступили в поддержку Даваца. Решающую роль при принятии этого решения сыграла позиция Толе-би, незадолго до этого побывавшего в Джунгарии во главе посольства и прекрасно знавшего слабость позиций Лама-Доржи.

Озлобленный отказом казахов выдать нойона Даваца, правитель Джунгарии Лама-Доржи послал в Средний жуз войска под командованием Саин-Болока и Шадыра. Джунгары напали на кочевья уйсун, уаков и кереев, кочевавших в Центральном Казахстане. В плен было захвачено более 3 тыс. казахов, огромное количество скота и имущества.⁸ В ответ Абылай направил против Саин-Болока Даваца, придав ему для усиления отряды абак-кереев под командованием Кожабергено и всех джунгарских воинов, находившихся в плену в казахских улусах. Одновременно началась подготовка к крупномасштабной войне, казахские аулы спешно перекочевали к Тоболу и Обану, на р. Торгай был назначен сбор казахского ополчения.⁹

Летом 1753 года джунгарские войска вновь вторглись в Казахскую степь, однако смелый рейд отряда Даваца вглубь Джунгарии в сентябре 1753 года привел к убийству Лама-Доржи. Новым хунтайджи был провозглашен Даваца, который сразу же отправил к Абылаю посольство с уверениями в своей признательности и дружбе. Фактическая победа казахов и воцарение в Джунгарии казахского ставленника привели к усилению авторитета султана Абылая в казахских жузах. Однако мир в Степи продолжался недолго. Даваца не смог удержать власть. Против него выступил его бывший союзник и родственник Амурсана, получивший поддержку части казахов. Новым обострением ситуации умело воспользовалась Цинская империя, проводившая активную экспансионистскую политику в Центральной Азии.

К середине 50-х годов XVIII века цинские войска стояли у границ Джунгарии и готовили вторжение. Ослабление Даваца, победы Амурсаны и его союзников-казахов ускорили развязку. В феврале 1755 года император Цянь-лун отдал приказ о наступлении, в котором, в частности, говорилось, что «если немедленно не двинем в поход войска, то казахам повезет и они добьются своей пользы».¹⁰ Речь шла о казахских отрядах под командованием Абылая и старшего брата Амурсаны Батма-Цэрэна, разгромивших сторонников Даваца по Или и на Боротале.¹¹ Формальным поводом к вторжению стало обращение Амурсаны к цинскому правительству с просьбой о помощи в междоусобной борьбе. Весной китайские войска вместе с отрядами Амурсаны вошли на территорию Джунгарии и легко разгромили Даваца. Однако дальнейшие события показали, что цели Амурсаны и Цинской империи были диаметрально противополо-

ложны. Если первый желал восстановить сильное централизованное государство, то последнее стремилось ликвидировать его и аннексировать территорию Джунгарии. В итоге вспыхнуло восстание, в котором Амурсана выступил против своих бывших союзников. В этой борьбе ему вновь помог Абылай. В письме императору Амурсана писал: «Ныне Абылай и другие объявили, что будут крепить союз со мной».¹² Тогда же появились сведения, что казахи направили в помощь джунгарам 8-тысячный отряд.¹³ Все это серьезно беспокоило цинские власти, направившие ряд посольств в Средний жуз с требованием немедленно прекратить поддержку повстанцев. Абылай неизменно заверял послов в своей лояльности Цинской династии, однако помощь джунгарам оказывать не переставал. Будучи дальновидным политиком, он прекрасно сознавал, что Джунгария выполняет роль буфера, прикрывая казахские кочевья от китайской экспансии. Тем не менее, Амурсана потерпел поражение и бежал к казахам.

Абылай хан.
(На основе реконструкции
Е. Веселовской,
скульптор Т. Бинашев.)

Падение Джунгарского государства коренным образом изменило политическую ситуацию в регионе. Средний и Старший казахские жузы оказались лицом к лицу с огромной агрессивной Цинской империей, вынашивавшей захватнические планы и в отношении Казахстана. Весной 1756 года к Абылаю была направлена грамота с категорическим требованием выдать Амурсану. «Основательно подумайте о грядущей вам беде, потом раскаетесь, да будет поздно», — угрожал император казахам.¹⁴ Тем не менее, Абылай принял решение противостоять китайцам.

Летом 1756 года на территорию Казахстана вторглась цинская армия, разделенная на два крупных отряда. Северной армией командовал маньчжурский генерал Хадаха, западной — генерал Дардана. Первые столкновения казахов и китайцев состоялись в мае 1756 года в районе Чаган Оба. После кровопролитных сражений казахи были вынуждены отступить на запад.

Следующее большое сражение произошло в Каркаралинских горах на берегу реки Жарлы. Казахи устроили китайцам засаду в горных ущельях, однако опытный генерал Дардана разгадал хитрость. Упорное сражение завершилось победой китайцев, в ходе него было убито более 500 казахов, 11 человек были захвачены в плен. Преследуя отступавших, китайская армия достигла берегов Нуры, где ее встретил отряд Амурсаны и Кожаберген-батыра. Несмотря на упорное сопротивление казахов и джунгар, цинские войска продолжали свое движение на запад.

Абылай собрал в это время войска в Баянаульских горах. Как сообщал Хадаха, маньчжуры осенью «имели битву с ...отрядом Аблая, во главе которого стоял Бугенбай». Битва состоялась к западу от Баянаула в верховьях р. Шидерты. Несмотря на бодрый рапорт маньчжурского генерала,

цинские войска понесли огромные потери, место сражения было названо казахами «Шүршіт кырылған», т.е. «Место истребления шуруштов» (маньчжуров — китайцев. — *Ред.*)». ¹⁵ В октябре у гор Нияз состоялась битва китайцев с отрядами Богембай-батыра. Многочисленные столкновения с казахскими отрядами и их упорное сопротивление сорвали первоначальные планы цинских генералов соединить Северную и Западную армии до наступления холодов. Обе армии несли большие потери, испытывали недостаток в подкреплениях и продовольствии. С огромным трудом им удалось соединиться в октябре 1756 года на берегах Ишима. Цинские войска оказались в очень сложном положении. «Кони загнаны. Наступила суровая зима. Кони, другой скот и продовольствие все еще не прибыли... Торопим письмами... Здесь невозможно провести зиму...», — докладывал Дардана императору. ¹⁶ В конце концов цинские власти были вынуждены отозвать свои войска из Казахстана. Цянь-лун лицемерно заявил, что «казахи являясь далеким племенем. Из-за одного беглеца (Амурсаны. — *Ред.*) великая армия... попирает их землю... Поэтому временно отводим войска из степи, чтобы попытаться вновь двинуть их в будущем». ¹⁷

В конце 1756 года военные действия вновь были перенесены на территорию Джунгарии. Казахские отряды появились на верхнем Иртыше, у Аягуза, Амурсана вновь возглавил антицинское движение джунгар. Однако исход борьбы был предрешен. В течение весны цинские войска разгромили разрозненные отряды повстанцев и летом 1757 года через тарбагатайские горы вторглись в казахские земли. Здесь в районе Аягуза состоялись последние сражения казахов с китайцами. К августу китайцы дошли до Иртыша в районе Семипалатинской крепости. Казахские правители начали понимать бесперспективность борьбы за возрождение Джунгарии. Султаны Абылай, Абулфеис и Кожаберген-батыр провели переговоры с китайцами и признали свое поражение и выразил желание наладить политические и экономические связи с Цинской империей. ¹⁸ Китайское командование предложило Абылаю направить посольство в Пекин, на что султан согласился и в сентябре 1757 года направил посольство во главе с Ханжигером и Омиртаем. Во время аудиенции у императора казахские послы, с одной стороны, объяснили свои действия против Китая в 1756—1757 годах ошибкой и кознями Амурсаны, с другой, объявили Тарбагатай своими законными кочевьями и настаивали на передаче ее казахам. Как мы видим из документов, Абылай фактически не признавал своего подданства Китаю и мир был заключен. Тем не менее, китайцы, согласно традициям официальной имперской дипломатии, стали считать казахов своими «далеко проживающими внешними» ¹⁹ вассалами. Эту же точку зрения поддерживали многие казахские правители — противники Абылая, старавшиеся таким образом опорочить влиятельного султана в глазах русских властей. Дальнейшие отношения Казахстана с Китаем были связаны с двумя основными проблемами. Первой и наиболее важной была земельная проблема. Казахи стремились вернуть пастбища, особенно богатые земли в долинах Иртыша и Или, и на Тарбагатае. Цины же претендовали на все земли, принадлежавшие ранее Джунгарии. В конце 50-х годов эти проблемы решались, в основном, дипломатическим путем.

Так посольство казахов 1757 года добивалось признания своих прав на Тарбагатай, в 1759 г. — на земли в верхнем течении Иртыша, в 1760 г. — на верховья Или. Китайцы согласились на это, вернув законно принадлежав-

шие казахам земли в обмен на обещание лояльности и помощь в борьбе против джунгарских повстанцев. Однако в начале 60-х годов XVIII века политика цинов в этом направлении изменилась. Китайские войска стали пытаться силой выдворить казахов с занятых ими земель в Восточном Казахстане. Особенно жестокими были акции 1762–1765 годов. Тем не менее, казахи продолжали занимать эти земли, что вынудило китайские власти примириться с этим и согласиться с 1767 года на кочевание казахов в районах Тарбагатай и Или при условии уплаты арендной платы, именуемой в китайских источниках данью.

Второй важной проблемой казахско-китайских взаимоотношений была торговля. Китайцы остро нуждались в казахских лошадях для пополнения кавалерии, казахи же были заинтересованы в китайских товарах. Цинские власти жестко контролировали торговлю с Казахстаном, ограничивали места ее проведения, цены на товары, препятствовали свободной торговле казахов на территории Цинской империи. В целом в XVIII веке торговый обмен на границе с Китаем был жестко регламентирован.

Укрепление власти Абылая. Отражение цинской агрессии и возвращение земель на востоке Казахстана укрепили власть султана Абылая не только в Среднем, но и в Старшем, и, отчасти, и в Младшем жузах. После смерти в 1752 году султана Барака он стал фактически единственным полновластным правителем в казахских землях.

Присырдарьинские земли были под властью султана Ералы, претендовавшего на власть в Старшем жузе, а поэтому вынужденного прислушиваться к мнению Абылая. Султан Досалы, владения которого располагались в Приаралье, также был фактически независим от хана Нуралы.²⁰ В Младшем жузе сложилась такая ситуация, что хан Нуралы, несмотря на поддержку российской администрации, не мог единолично, без согласия и поддержки Абылая, решать сложные внешнеполитические проблемы.²¹

Аналогичная ситуация была и в Старшем жузе, находившемся под непосредственным управлением престарелого Толе-би. В 1758 году посланец оренбургской канцелярии М. Шихов доносил, что «большая орда состоит ныне под владением своего хана Тюлеби, который кочует близ... Сайрама, а ...город Туркестан под властью имеет Убалмамбет-хан, который Абылай-салтану брат и его Средняя ...орда по большей части слушает, и он, Абал-Маметхан, кочует во близости к Туркустану, а нередко живет и в самом городке Туркустане, и которого от жителей и все подати збирает».²²

Статус Абулмамбета был двойственным. С одной стороны, он продолжал считаться верховным ханом и часто совершал инспекционные поездки по кочевьям Старшего и Среднего жузов.²³ М. Асанов, совершивший поездку с ханом в г. Туркестан, сообщал, что «езда была весьма тихая, как он, хан, и всегда ездит, ибо где б какие кибитки не случались то, захав, всегда на ночлег останавливается». С другой стороны, без Абылая Абулмамбет не принимал ни одного серьезного решения и даже перепоручал их влиятельному султану. Так, в 1763 году он переслал Абылаю адресованное ему письмо с призывом присоединиться к антицинскому союзу центральноазиатских стран.²⁴

В 1762 году, только благодаря посредничеству султана Абылая и бия Казыбека, Абулмамбету удалось вернуть г. Туркестан, отнятый у него за четыре года до этого сыном Самеке Есимом, также претендовавшим на

титул хана. Как мы видим, в 50–60-е годы XVIII века Средний, Старший, а, отчасти, и Младший жузы находились под номинальной верховной властью Абулмамбета и под фактическим управлением султана Абылая.

Укреплению власти Абылай в Старшем жузе способствовала его активная деятельность по укреплению южных границ страны. В конце 50-х — начале 60-х годов особенно осложнились отношения казахов с кыргызами. Предметом спора стали жетысуйские пастбища к северу от Алатау, на которые после падения Джунгарии претендовали и казахи, и кыргызы. В конце 50-х годов эти земли были прочно заняты общинами Старшего жуза, однако в начале 60-х годов территориальный спор перерос в открытую войну. В 1760 году кыргызы напали на кочевья родов дулат и конрат. В ответ Абылай собрал значительное войско и в августе того же года нанес поражение таласским кыргызам. Тем не менее, в 1764 году кыргызы вновь организовали поход на жетысуйских казахов, разорив аулы найманов. Летом 1765 года 30-тысячная армия под командованием Абылая вновь разгромила кыргызов. Этот поход был воспет в знаменитой «Песне об Абылае», записанной Ч. Ч. Валихановым.²⁵ Несмотря на победы казахов, конфликт не был разрешен в 60-х годах. Этому способствовало сложное положение Казахстана на международной арене, сохраняющаяся угроза китайского вторжения, а также со стороны усиливающегося Кокандского государства. С последним, как и с кыргызами, Абылай неоднократно имел военные столкновения. Во второй половине 60-х годов начал складываться союз между мусульманскими государствами Центральной Азии против Цинской империи.

Инициатором этого союза стал правитель Афганистана Ахмад-шах, требовавший освобождения мусульманского Восточного Туркестана от власти «неверных» китайцев. Еще в 1762 году Абылай-султан и Абулмамбет-хан отказались пропустить через свои владения китайскую армию, направлявшуюся на завоевание Средней Азии. На совете старшин было принято решение, что «будут ли ...туркастанцы и самарханцы (самаркандцы. — *Ред.*) против того китайского войска с ними, киргисцами, обще воевать».²⁶ Одновременно казахские правители не спешили открыто присоединяться к афганцам и продолжали дипломатические связи с Пекином и даже просили военную помощь в борьбе против кокандского бека Ирданы. В 1767 году Абылай разгромил кокандцев и осадил крепость Пишпек, где укрылся Ирдана. Однако на обращение к Китаю с просьбой дать артиллерию и 20 тысяч пехоты последовал мягкий, но категорический отказ.²⁷ Тем не менее, к концу 60-х годов Абылаю удалось упрочить свое положение и на юге Казахстана, казахи Старшего жуза стали справедливо видеть в нем защитника своих интересов.

К концу 60-х годов Абылай-султану удалось укрепить верховную власть на большей части Казахстана. Средний и Старший жузы полностью подчинялись ему, со многими правителями Младшего жуза он родственно был связан династийными браками, хан Батыр и султан Ералы были его союзниками и даже Нуралы-хан был вынужден с ним считаться. Уже в этот период Абылай начинает в официальной переписке именоваться ханом, хотя формально верховным правителем остается престарелый Абулмамбет. Только после его смерти в 1771 году Абылай был провозглашен общеказахским ханом. Это была последняя попытка сохранить единое независимое Казахское ханство.

2. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ХАНА АБЫЛАЯ (1771–1781 гг.). АБЫЛАЙ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ПОЛИТИК

В начале 70-х годов XVIII века в Казахстане сложились все условия для выборов нового общеказахского хана. Единственной подходящей кандидатурой был влиятельный султан Абылай, который еще в 1740 г., по определению Ч.Ч. Валиханова, был самым авторитетным владыкой казахских степей. Уже в 1757 году в официальной переписке с Цинской империей он именовал себя ханом. И после смерти престарелого Абулмамбета в 1770 году Абылай стал по существу единственным правителем Казахского ханства.

Казахское ханство накануне избрания Абылая. К концу 60-х годов XVIII века Казахское государство, благодаря активной внутри- и внешнеполитической деятельности Абылая, превратилось в относительно прочное и единое государство. В 1770 году султан совершил еще один поход в кыргызские земли. Совершив переход через перевал Шату в долине рек Кызылсу и Шамси, казахи нанесли тяжелое поражение кыргызскому ополчению. Многочисленные пленные были переселены в Центральный Казахстан и поселены там на правах личных вассалов — толенгутов Абылая. Авторитет султана еще больше вырос после разгрома волжских калмыков, бежавших от власти России в Джунгарию. Российская колониальная администрация обратилась к казахам с требованием оказать содействие в возвращении калмыков, однако Абылай имел свои намерения.

В то же время Абылай предпринимал активные действия на международном арене, пытаясь добиться поддержки Китаем и Россией. Еще в 1768 году он добился от цинского императора своего признания «над всеми киргисцами (казахами. — *Ред.*) и салтанами начальником». ²⁸ Вместе с тем, в конце 1769 года он просил у России выделить для него 10-тысячную армию, предлагая взамен одного из своих сыновей в аманаты. «Если ...на нас нападет враг, нам будет оказана помощь в сан (10 тысяч. — *Ред.*) или по крайней мере в тысячу или пятьсот человек... А еще чтобы упомянутое войско в сан было бы использовано так: против дальних врагов — сан, против ближних — тысяча, а если будет менее значительным — то против моих внутренних врагов — пятьсот, будь то при моей жизни или при жизни моих сыновей». ²⁹ Тогда же Абылай просил, чтобы его сын-аманат был произведен в генералы, обмен аманатами происходил через два-три года по выбору самого султана. Конечно же, эти условия были в тот период практически невыполнимы, что султан прекрасно понимал. В данном случае Абылай давал знать пограничной администрации, что он вовсе не так близок китайцам, как это представлялось и вовсе не собирается отказываться от российского протектората.

В 1771 году создались условия для избрания Абылая общеказахским ханом. Осенью 1771 года после длительных консультаций представители всех трех жузов прибыли в древнюю столицу ханства — город Туркестан для выборов нового хана. Безоговорочную поддержку Абылаю оказали влиятельный жырау Бухар Калкаманулы, султаны Абулфеис и Болат, ³⁰ правители казахов Младшего жуза, кроме Нуралы-хана, ³¹ представители Среднего и Старшего жузов. При большом стечении народа по казахско-

му обычаю Абылай был поднят на белой кошме и провозглашен ханом трех жузов. Как говорил А. Левшин, он «приобрел оный (титул) победами над торгоутами и по смерти Абулмагамета, избранием не только от всех орд киргиз-казахских, но и от туркестанцев и ташкентцев». ³² Таким образом, Абылаю удалось восстановить единство Казахского ханства.

Внутренняя политика хана Абылая. Несмотря на всенародное признание и титул хана трех жузов, власть Абылая не была абсолютной. Значительная часть султанов, особенно потомки султана Барака и хана Абулмамбета считали, что Абылай незаконно завладел престолом. Так, султан Даир в 1781 году писал оренбургскому губернатору, что Абылай «завладел достоинством хана совсем несправедливо, во время малолетства его с братьями и пребывания в Туркестане, что оное по всей справедливости принадлежит ему». ³³ Почти независимыми были правитель найманов Абулфеис, султан Кудайменды, владения которого располагались между Обаганом и Ишимом. Продолжали именовать себя ханами Есим, сын Самеке и Болат, сын Абулмамбета, делившие власть в Туркестане и среднем течении Сырдарьи. Некоторые родоправители, недовольные властью хана, пытались даже свергнуть его военной силой. Абылай, ограниченный обычным правом, по словам Ч. Ч. Валиханова, пытался обуздать своеволие султанов и родоправителей. Огромный авторитет Абылая удерживал казахов в подчинении хану. Абылай прекрасно понимал, что для выживания в изменившейся внешнеполитической ситуации Казахскому ханству необходимо изменить политическую систему в сторону большей централизации. Для достижения этого хан действовал по нескольким направлениям.

Во-первых, Абылай стремился укрепить централизацию власти. В XVII — начале XVIII вв. каждое родоплеменное объединение было практически автономно и управлялось своими биями, родоправителями. При этой системе хан во многом зависел от воли биев и не имел больших возможностей влиять на принятие решений на уровне отдельных родов. В 20—30-х годах XVIII в. эта система стала меняться, начала расти роль султанов, приглашавших тем или иным родом в качестве военачальника и политического лидера. Абылай стремился внести в управление жузов и больших родоплеменных объединений элементы федерализма на основе традиционной казахской ментальности. В роли таких правителей выступили многочисленные сыновья хана. В 1774 году правителем части Старшего жуза был назначен султан Адиль, для которого Абылай построил городок в долине Таласа и заселил его каракалпаками. В северо-восточном Жетысу правил другой его сын, Суук, в Центральном Казахстане — Касым. Почти все земли Среднего и Старшего жузов были разделены между сыновьями хана. Только в Младшем и западной части Среднего жуза правили султаны — потомки Каипа, в некоторых районах Центрального Казахстана — потомки Барака, а в приграничных с Китаем землях и на Сырдарье — потомки Абулмамбета.

Второй комплекс мероприятий, предпринятых Абылаем для усиления центральной власти — опора на деятельность одной личности и ее личные качества. Так, хан Абылай, вопреки традиционным представлениям обычного права, присвоил себе право приговаривать преступников к смертной казни. Эта прерогатива ранее была только у суда биев. Значительно ограничены были права совета биев и съезда старейшин-родоправителей. Однако традиционность обычного права и недостаток реальных рычагов

власти не позволили Абылаю до конца провести реформу политической системы ханства. К тому же вся система управления была почти разрушена войнами. Элементы федерализма тесно переплетались с родовыми принципами управления, власть хана по-прежнему в значительной мере ограничивалась биями и султанами. Прочность государственной машины целиком и полностью зависела от авторитета самого хана, его умения находить компромиссы во время решения сложных политических проблем.

Внешняя политика хана Абылая. Внешняя политика Абылая также характеризовалась гибкостью и компромиссностью. Его отношения с такими сильными государствами, как Россия и Китай, значительно отличались от отношений со среднеазиатскими государствами. Хан, прекрасно сознававший мощь колониальных империй, пытался в отношениях с ними проявлять максимальную гибкость, с одной стороны, не отказываясь от признания российского протектората, с другой — не допуская усиления влияния обеих держав в своих владениях. «Казахи с самого начала держались двойственно, — говорил цинский император в своем указе 1779 года, — ...когда Абылай подчинился нам, Россия присылала протест, заявляя, что Абылай является ее подданным и что поэтому нам не следует принимать его в свое подданство. Мы отвечали тогда: «Вы говорите, что Абылай ваш человек. Если бы вы хорошо управляли им, он ни в коем случае не перешел бы в наше подчинение... И как вы, русские, сможете воспрепятствовать этому...? Если в будущем возникнет подобный инцидент, поступать следует осторожно».³⁴ С одной стороны, Абылай постоянно убеждал китайские власти в своей лояльности, с другой, представлял дело так, что он «к российскому двору гораздо усерднее... а с китайским ханом корреспонденцию продолжает для одного виду того, чтоб подчиненным его киргис-кайсакам не причинялось от китайцев обид и притеснений».³⁵ Хан не только старался таким образом обезопасить свои владения от агрессивных соседей, но извлечь определенные выгоды. Так, в 1772 году он вновь просил войска у России для борьбы против своих внешних и внутренних врагов. При этом он сообщал, что у него есть взаимное соглашение с Китаем, «буде бы с которой стороны и какой бы ни был государь причинил нам неприятельское действо или наглость, то против него стоять и если бы от него богдыхана (китайского императора. — *Ред.*) силы потребовал, то б ему по тому моему требованию воинских людей хотя тысяч до десяти или до двадцати дать...»³⁶ На самом деле и Россия, и Китай, не уверенные в верности Абылая, отказывали ему в выделении войск.

Российские власти стремились удержать Абылай-хана в сфере своего влияния и поэтому в 1777 году официально объявили о готовности признать его ханский титул при условии письменного обращения хана. Понимая, что такой дипломатический шаг усилит его авторитет на внешнеполитической арене, Абылай направил в Петербург посольство во главе со своим сыном Тогулом. Только в 1778 году Екатерина II подписала грамоту об утверждении его ханом и только Среднего жуза, не желая признавать его власть над Младшим и Старшим жузами. Оскорбленный этим, Абылай отказался приносить присягу в Оренбурге, Троицке и даже в Петропавловске. Колониальные власти согласны были даже послать чиновника в ханскую ставку, однако хан наотрез отказался присягать, заявив, что он «давно уже утвержден в своем достоинстве народным избранием».³⁷ Подобное поведение хана объяснялось его скептическим отношением к

мощи Российской империи после пугачевского восстания 1773–1775 годов, в ходе которого Абылай поддерживал самозванца и даже намеревался совместно с ним штурмовать русские крепости.³⁸ Русские власти, боясь совсем потерять влияние на хана, назначили ему в 1779 году ежегодное жалованье в 300 рублей и 200 пудов муки,³⁹ но к концу 70-х годов Абылай вообще разорвал всяческие отношения с Россией.

Отношения Абылая со своими южными соседями были иными. В Жетысу, которое благодаря усилиям Абылая, вновь стало казахским регионом, продолжались столкновения с кыргызами и Абылай периодически совершал походы против них. Подобные акции предпринимались в 1774 и в 1779 годах. Последняя привела к подчинению части кыргызских родов Казахскому ханству. Война с Ташкентом и Ходжентом привела к возвращению казахам Сайрама, Чимкента, Сузака и Ташкента. Таким образом, внешнеполитическая деятельность Абылай-хана в 70-х годах XVIII века привела к временному восстановлению единства Казахского государства и упрочению его положения на международной арене.

Ни один казахский хан ни до, ни после Абылая не имел такой неограниченной власти. Это было связано прежде всего с безусловно харизматическим характером его власти. Ч.Ч. Валиханов говорил, что «уважение (к хану) имело какой-то мистический характер... Этот хан, действуя деспотически против свободных льгот, освященных временем, умел облечь свои действия в такую форму, что потомство считает его святым».⁴⁰ Дальновидный политик и тонкий дипломат, Абылай сумел заслужить любовь своих приверженцев и уважение противников. В не малой степени этому способствовали и личные качества хана. Несмотря на знатное происхождение, в детстве ему пришлось быть и пастухом, и табунщиком, участвовать в войне против джунгар в качестве рядового дружинника и заслужить звание батыра в бою. Абылай имел хорошее мусульманское образование, умел читать и писать. Это был незаурядный политик, прекрасный полководец и дипломат. Тем не менее, ему не удалось изменить ход истории и возродить былую мощь кочевой цивилизации. Воссозданное им единое Казахское ханство просуществовало столько же, сколько жил сам хан. В 1781 году на семидесятом году жизни Абылай-хан скончался по пути от Ташкента к Туркестану и был похоронен в Туркестане, в местности Кайарыс, близ мавзолея Ходжи Ахмеда Йасауи.

3. ПОЛИТИКА ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ СИБИРСКОГО ВЕДОМСТВА В ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА В 50–70-е гг. XVIII ВЕКА

Несмотря на то, что многие правители Среднего жуза еще в 30–40-е годы XVIII века приняли российский протекторат, их подчинение оставалось номинальным. Появление на границах Казахстана сильной и агрессивной Цинской империи привело к возникновению сложной политической ситуации и угрозе ухода казахов из-под влияния России. Основной задачей пограничных властей стало удержание Среднего жуза под протекторатом Российской империи. Для этого военно-административные органы Сибирского ведомства действовали в трех направлениях: терри-

ториальной экспансией, дипломатическими средствами и налаживанием торгово-экономических связей.

Подданство казахов Среднего жуза России в 40-х годах XVIII века было номинальным, и пограничные власти не имели реальных сил для упрочения своего положения в крае. Положение осложнялось тем, что джунгары создавали постоянную угрозу сибирским крепостям и поселениям, претендовали на власть над значительными территориями Южной Сибири. Ситуация изменилась только в начале 50-х годов, когда в Джунгарии начались междоусобицы и она фактически была низведена до уровня третьестепенного государства. Казахские правители активно включились в борьбу джунгарских нойонов за власть. В Северном Казахстане сложились благоприятные условия для военной экспансии России и захвата новых территорий. Летом 1752 года под руководством генерала С. В. Киндермана началось строительство Ново-Ишимской укрепленной линии, состоящей из 11 крепостей, главной из которых стала Петропавловская на Ишиме. Главной целью строительства линии стало соединение Уйской и Иртышской линий, вследствие чего у казахов была отнята полоса земли шириной от 50 до 200 верст.⁴¹

В июне 1752 года из Утяцкой слободы вышли драгуны Луцкого и Вологодского полков и пехота Нотебургского полка, ишимские казаки и крестьяне, всего около 2 тысяч человек. Этой военной экспедиции предстояло за 1752–53 годы построить три крепости — Св. Петра (Петропавловскую), Полуденную, Лебяжью и восемь редутов. Для связи новых крепостей со старой линией создавалась цепь почтовых станций.

Известие о выходе большого отряда в Казахскую степь привело к панике и откочевке населения.⁴²

Казахское ханство, подвергнувшееся в этот момент нападению со стороны джунгар, не могло воспрепятствовать русским войскам, и правителю Среднего жуза султану Абылау пришлось смириться с потерей территорий. К тому же ослабление Джунгарии привело к возможности возвращения казахам земель по Иртышу и на Тарбагатае, куда и начали перемещаться казахские роды абак-керей, уак и найман, потерявшие земли в результате строительства Ново-Ишимской линии.

Еще более усилилась экспансия России и на Алтае. С июня 1752 года официально было объявлено о присоединении к России Южного Алтая, земель в верховьях Иртыша, по Ульбе, Бухтарме и Нарыну. В 1760 году началось строительство укреплений от Усть-Каменогорской крепости до Телецкого озера. В следующем 1761 году появились укрепления Бухтарминской линии от Усть-Каменогорска до оз. Зайсан. В 1764 году была перенесена часть Кузнецко-Колыванской линии от Усть-Каменогорска до Тигереецкого форпоста.⁴³ Таким образом, восточное крыло пограничной линии в Казахстане превратилось в 60-х годах в сильно укрепленный район, состоящий из нескольких линий российских крепостей.

Для обеспечения обороны возводимых укреплений из России в Казахстан перебрасывались все новые и новые военные силы. Ново-Ишимская линия была занята драгунскими полками и крепостными казаками из Тобольска, Туры и других сибирских городов. В 1758 году на сибирские линии была командирована тысяча человек из Донского и Яицкого казачьих войск, а также башкиро-мешерские команды.

В 1764 году для улучшения обороноспособности сибирских линий были дополнительно переброшены Азовский драгунский полк — в Петропавловскую крепость, Ревельский — в Омскую, Троицкий — в Ямышевскую, Вологодский — в Усть-Каменогорскую, Сибирский — в Железинскую, Томский пехотный полк — в Усть-Каменогорскую крепость. В Омск были переброшены части полевой артиллерии, причем командование предписывало, чтобы «полки больше в совокуплении держаны и всегда готовыми к учинению надлежащего отпора и предприятия находились, ...чтоб отправляемая полевая артиллерия с ее служителями без крайней нужды не по клочкам, но каждая часть вместе для нужного случая находились».⁴⁴ Что это за «случай», было видно из Указа Екатерины II генерал-поручику Шпрингеру от 24 октября 1769 года, в котором говорится, что «по началу от киргизцев наималейшего неприятельского действия тотчас командировать некоторое число по рассмотрению вашему регулярного войска с пушками и велеть такое сборище тотчас разогнать и разбить. И таким образом их за дерзость достойно наказать так, чтоб впредь они вас беспокоить отнюдь и не отваживались».⁴⁵ В том же указе предписывалось направить на сибирские линии новые военные команды из башкир.

Прекрасно понимая, что закрепить вновь аннексированные земли можно только после их хозяйственного освоения, пограничные власти предпринимали активные усилия по колонизации Северного и Восточного Казахстана. В 60-х годах XVIII века на Алтай переселилось 2 тысячи крестьян и разночинцев из Тобольской губернии, а также желающие из казенных крестьян северных российских губерний. В районе Бухтармы и Нарына селились крестьяне, бежавшие от рекрутской повинности, на что правительство смотрело сквозь пальцы. В 1770 году в сибирские казаки были записаны пленные польские конфедераты и запорожские казаки.

Одновременно пограничные власти предпринимали меры по вытеснению казахов из пограничных районов. В 1755 году Коллегия иностранных дел дала указание сибирским властям, чтобы казахов «на здешнюю сторону Иртыша не пропускать, дабы сей переход им в привычку не вошел».⁴⁶ В 1764 году казахам было вообще запрещено чочевать ближе 10 верст к Иртышу и 30 верст к русским крепостям. В следующем году комендантам крепостей была дана инструкция, требовавшая не допускать казахов в 10-верстную полосу вдоль всей линии от Звериноголовской крепости на Тоболе до Усть-Каменогорска, что лишало их 13 500 кв. верст лучших пастбищ.⁴⁷

Экспансионистская политика пограничных властей вызвала справедливое недовольство казахов, особенно обострились отношения казахов с российской администрацией в годы крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Многие казахи принимали участие в нападениях на русские крепости и с согласия Абылая поддерживали повстанцев. Военные власти сибирских линий жестоко расправлялись с попавшими в плен казаками. Так, в Петропавловской крепости был повешен К. Жакаев, остальные пленные были биты кнутами и по вырывании ноздрей и клеймения сосланы в Сибирь. Волнения на линии продолжались длительное время, отряды кочевников нападали на крепости, редуты и казачьи разъезды. Тем не менее, они не имели реальных сил для противостояния военной экспансии России и вынуждены были мириться с потерей пастбищ, периодически обращаясь к колониальным властям с просьбой разре-

шить кочевать на них на определенных условиях, диктуемых пограничной русской администрацией.

Дипломатическая деятельность России на территории Среднего жуза.

Экспансионистская политика Сибирских пограничных властей сочеталась одновременно с мирными, дипломатическими акциями. Это было вызвано прежде всего военной слабостью России в Сибири, поскольку линии укреплений были растянуты, а гарнизоны были малочисленны. С другой стороны, им противостояли агрессивные Цинская империя и хорошо организованные и практически независимые племена казахов Среднего и Старшего жузов. В этих условиях пограничная администрация старалась употребить все доступные ей меры, чтобы, во-первых, оградить сибирские владения от нападения казахов и китайцев, во-вторых, удержать казахов под российским протекторатом. В связи с этим в Казахскую степь направляется ряд посольств и миссий, основной целью которых было выяснение отношения казахов к Китаю и убеждение казахских правителей в выгоды подчинения России.

В 1752 году к Абылай-султану был направлен капитан Яковлев, целью которого было привлечение на российскую службу джунгарских нойонов Амурсаны и Даваци, находившихся в кочевьях Среднего жуза. Встреча Яковлева с султаном произошла на р. Тобол в Аракарагайском бору. Российский посол пытался убедить Абылая отказаться от похода против джунгар и отослать мятежных нойонов в Россию, обещая покровительство пограничных властей. Однако миссия закончилась провалом, и Яковлев был вынужден вернуться ни с чем. Единственным ее результатом стало налаживание отношений с некоторыми казахскими старшинами, в т.ч. с Кульсары и Кулеком, обещавшими содействовать русским властям.⁴⁸ В 1753 году в Средний жуз был отправлен М. Арапов с письмами к этим старшинам с просьбой содействовать в привлечении Амурсаны и Даваци на русскую службу, однако и эта попытка была безуспешной. Только в 1757 году Амурсана прибыл на Сибирскую линию, однако в это время нойон уже не имел ни политического веса, ни реальных шансов на власть в Джунгарии, поэтому его подчинение не принесло России никаких политических выгод.

Казахско-китайская война 1756–1757 годов заставила Россию активизировать дипломатическую деятельность в Среднем жузе. Опасность усиления в казахских степях цинов была достаточно реальной и пограничные власти, обеспокоенные этим, пытались привлечь наиболее влиятельных казахских правителей на свою сторону. В марте 1758 года Коллегия иностранных дел предписывала «Абылай-салтану, к отвлечению его от китайской стороны, внушить ..., что ее императорское величество за его долговременную службу ... жалует его саблюю в знак его верного подданства».⁴⁹ Одновременно пограничная администрация пыталась организовать в Оренбурге встречу хана Нуралы, верно служившего России, и султана Абылая. С этой целью в конце мая 1758 года в Степь был направлен Я. Гуляев, однако Абылай отказался ехать на пограничную линию. Более того, когда перед казахами Среднего жуза встал вопрос: на какой стороне быть во время китайско-российского конфликта, они заняли позицию невмешательства. Сибирский губернатор Ф. И. Соймонов доносил в Коллегию иностранных дел, что «китайский хан, с китайским войском намерен на Россию военной рукой преступить ..., киргиской посланник

китайскому хану отвечал, что они помогать ни российскому войску, ни китайцам не будут».⁵⁰

С целью удержать Абылай-хана в русском подданстве правительство решило способствовать провозглашению его ханом Среднего жуза. С этой целью в Степь было направлено посольство И. Уракова и Я. Гуляева. Они должны были убедить Абылая обратиться к императрице с просьбой утвердить его ханом. Чтобы материально и морально заинтересовать султана, ему было назначено ежегодное жалованье, но вопреки ожиданиям, Абылай наотрез отказался получать ханский титул из рук России.⁵¹ Тем не менее, российская администрация продолжала «приласкивать» султана и влиятельных старшин и выплачивать жалованье. Сибирский губернатор Соимонов в 1762 году просил Коллегию иностранных дел повысить сумму годового жалования Абылаю до тысячи рублей. За счет казны из Петропавловской крепости ему ежегодно выделялось 212 пудов зерна, султану Жолбарысу, старшинам Кульсары и Кулеку — по 100 пудов, Байжигиту — 25 пудов.⁵² В начале 1762 года было предписано «знатнейших киргиз-казаков всячески ласкать, щедрою рукой давать им подарки и награждения, а которые пожелают, для тех строить за казенный счет близ границы скотные дворы и сараи».⁵³ Правительство решило построить деревянный дом близ границы для Абылая, однако эта идея была осуществлена только в 1779 году. Казахские правители старались не упускать выгоды из такой политики России. В 1764 году Абылай просил послать к нему десять русских крестьян для обучения казахов русской агротехнике, прислать мастеров и материалы для строительства дома. Однако эти внешне хорошие отношения Абылая к России были все же только тонкой политикой казахского султана.

Когда в 1768 году к нему прибыли посланцы от командующего Сибирской линией И. И. Шпрингера с просьбой дать одного из сыновей в аманаты, Абылай не отказал и даже уверял послов, что «ежели повелено будет сына его в которое место отпустить в аманаты, тогда он сам в оное отъезжать», но на самом деле аманатов Россия так и не получила.⁵⁴

Многочисленные посольства, направляемые в Средний жуз в 50–60-е годы, не привели к какому-нибудь укреплению России в этом регионе. В то же время все посланцы отмечали миролюбивое отношение казахов к России. Так, в 1761 году побывавший у Абылая башкир Ш. Абзанов сообщал, что казахи против России «никаких худых предприятий не имеют».⁵⁵

В 1763 году Ураков и Гуляев доносили, что Абылай и Казыбек-би «помня еще то, как ... во время Шемяки-хана со всей Средней ордой о бытии в вечном российском подданстве ея и. в. присягал, в котором намерении и ныне непоколебимо стоять желает».⁵⁶ В 1764 году Арапов, а затем Ш. Абзанов, У. Абзаков и М. Утяшев вновь подтвердили отсутствие у казахов Среднего жуза враждебных намерений по отношению к России. В 1767 году башкирские старшины К. Абзанов, А. Курманов и В. Тунгатаров вновь показали, что Абылай не отказывается от покровительства северного соседа. В то же время Абылай умело уходил от попыток сделать его подчинение России действительным. «Превосходя всех современных владельцев киргизских летам, хитростию и опытностью, известный умом, сильный числом подвластного ему народа и славный в ордах сношениями своими с императрицей российскойю и китайским богдыханом,

Абылай... признавал себя, смотря по нужде, то подданным русским, то китайским, а на самом деле был властитель независимый», — писал о нем А. Левшин.⁵⁷

Особенно ярко независимость Среднего жуза от России проявилась после провозглашения в 1771 году Абылая ханом трех жузов. Российская администрация оказалась в очень сложном положении.

С одной стороны, непризнание ханского титула за Абылаем могло оттолкнуть его от России, тем более, что Цинская империя официально признавала его верховным правителем казахов. С другой стороны, Россия официально утвердила ханом Младшего жуза Нуралы и не могла, без возникновения конфликта с потомками Абулхаира согласиться на власть Абылая во всех трех жузах.

Абылай же демонстративно не обращался к русским властям с просьбой о признании. Периодически он писал письма с просьбой о присылке войск, но только в 1778 году официально попросил императрицу признать его ханский титул. В том же году последовал патент на утверждение Абылая ханом Среднего жуза, а в 1779 году ему был построен деревянный дом недалеко от пограничной линии. Однако эти акции только ухудшили казахско-русские отношения и Абылай перестает вообще поддерживать какие-либо связи с пограничной администрацией. В то же время русские власти не упускали случая усилить влияние на те казахские общины, которые по тем или иным причинам не подчинялись власти Абылая. В 1770 году в Усть-Каменогорск к местной администрации обратились старшины нескольких аулов рода уак с просьбой принять в русское подданство. В 1772 году с аналогичной просьбой в Семипалатинскую крепость обратились старшины рода чубактаркерей Есберди и Нура-батыр с подданными им тремя тысячами казахов. Однако, эти случаи были нехарактерны и единичны.

Как мы видим, политика русской пограничной администрации в Среднем жузе характеризовалась сочетанием «жесткой» и «мягкой» линий, причем второй отдавалось предпочтение. Боясь оттолкнуть казахских правителей, русские власти делали вид, что не замечают их контактов с Цинской империей, казахи же, демонстративно подчеркивая свою зависимость от России, вели двойную игру и были фактически независимы. Единственным более или менее эффективным средством влияния на Средний жуз была пограничная торговля.

Торговые отношения казахов Среднего жуза с Россией. Российские власти прекрасно понимали, что экспансия в Центральную Азию невозможна без экономического освоения края. «Благополучие, слава и цветущее состояние государств от трех источников происходит. Первое от внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных; второе от победоносных действий против неприятеля, с заключением прибыточного и славного мира; третья, от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами через купечество», — говорил М. В. Ломоносов.⁵⁸ Однако в середине XVIII века торговля с казахами Среднего жуза имела небольшой оборот и осуществлялась в основном через Троицк. Кроме того, в конце 40-х годов была разрешена торговля в Ямышевской и Омской крепостях.

Уже в начале 50-х годов Троицк стал терять свое значение. Во-первых, строительство Ново-Ишимской линии в 1752 году отпугнуло казахских торговцев, около 500 казахов, уже вышедших в путь, вернулись в свои

аулы.⁵⁹ Во-вторых, в 50-х годах начинает налаживаться торговля с Цинской империей, охотно покупавшей у казахов лошадей. Тем не менее, в Троицк продолжали приезжать купцы, но уже не со всего Среднего жуза, а только от близлежащих казахских родов. Только в начале 60-х годов положение начинает улучшаться. В 1761 году троицкий комендант доносил, что «Средней орды с киргизами ярмонка производится ж хорошо, куда и азиатские купцы также в приезде имеются».⁶⁰ Невыгодность торговли с Китаем заставляла население Восточного и Юго-Восточного Казахстана искать другие, более выгодные маршруты. В 1762 году правитель найманов султан Абулфеис обратился к Петру III с просьбой открыть торг в Семипалатинской крепости. «Люди Аблай-султана из племени аргын Среднего Иуза производят выгодный торг через Троицкую крепость... Из-за удаленности народ наш: Среднего Иуза — найманы и уйшуны и весь Старший Иуз — в той Троицкой крепости торговать не могут. Если будет дан йарлык с указом торговать в той крепости Самай-Болат (Семипалатной. — *Ред.*), то так как отец наш Абу-л-Мамбет-хан является ханом в местности Туркестан, то через него приезжие из Туркестана, Ташкента, Кашгара и Иаркенда купцы имели бы большую выгоду», — писал он в своем послании.⁶¹ В том же 1762 году по царскому указу была учреждена торговля в Семипалатинске, однако нежелание русских купцов приезжать на Иртышскую линию привело к тому, что командиру Сибирской линии К. фон Фрауендорфу пришлось неоднократно обращаться к губернским властям в Тобольске с просьбой прислать купцов в Семипалатинск. Чтобы не разочаровать казахов пассивностью русской стороны, в 1764 году Абулфеису и его подданным было разрешено даже нарушать запретную 10-верстную полосу и кочевать вблизи Семипалатной крепости.

В целом торговый оборот с Россией не был особенно большим, русские купцы сбывали посуду, керамику, ткани, котлы; казахи торговали скотом, пушниной, продуктами скотоводческого хозяйства. Кроме этого на сибирских линиях продавались среднеазиатские и китайские товары. Несмотря на постоянный рост оборота на казахско-российской границе, основным торговым партнером Среднего и Старшего жузов в 50–70-е годы XVIII века продолжала оставаться Цинская империя.

Характеризуя политику сибирских пограничных властей во второй половине XVIII века, отметим, что в целом она была более мягкой и гибкой, чем политика Оренбургской администрации. Это, конечно, было вызвано не каким-то особым миролюбием сибирского начальства, а прежде всего военной слабостью России в этом регионе и наличием здесь опасного конкурента — сильной и агрессивной Цинской империи. Немаловажным фактором было и то, что по сравнению с Младшим жузом, казахи Старшего и Среднего жузов были более консолидированы и имели сильного лидера в лице султана, а затем и хана Абылая.

4. «ПЫЛЬНЫЙ ПОХОД» — ФИНАЛ ДВУХСОТЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Самый последний период длительной джунгарско-казахской войны в сознании казахского народа остался под названием «Шанды жорык» («Пыльный поход»). На самом деле это был не поход, образно поднявший

до небес пыльную бурю, а самый последний и крупный, самый тяжелый по жестокости этап борьбы в истории войны с калмыками, где кровь лилась рекой и жертвы были неисчислимыми.

На протяжении полутора веков Калмыцкое ханство, возникшее в середине XVII века на Волге, вело политику вражды по отношению к окружающим тюркским народам, даже ко всему мусульманскому сообществу Восточной Европы. Оно полностью разогнало ногайцев, вытеснило башкир из родных земель, производило набеги на Дагестан и Кабарду, участвовало в войне против Крымского ханства и Османской империи, во все времена служило отрядом России, окончательно вставшей на путь экспансии. Постоянно находились на грани срыва и взаимоотношения с восточным соседом — Казахским ханством. Но после сокрушительного поражения от Салкам-Жангира в 1635 году на Урале калмыки прекратили набеги, хотя по мере своего усиления, когда были установлены связи с далекой Джунгарией, они вновь начали проявлять воинственный дух.

В середине XVIII века Джунгария была окончательно разгромлена Цинской империей, успокоились и волжские калмыки.

В одном из программных документов, раскрывающих суть политики царского правительства, выражена такая позиция: «Если калмыки окажут нам какое-либо сопротивление, надо натравить на них казахов и, наоборот, проявят казахи негативное отношение, следует направить туда калмыков и башкир, если они так будут давить друг на друга, мы подчиним их и без применения русской армии. Калмыков, башкир и казахов необходимо держать только так, во взаимной вражде».

Это лишь одно проявление внешней политики России в Евразии. В этом плане она максимально использовала подданный себе калмыцкий народ. Хотя взамен не давала ему ничего.

С каждым днем возрастали потери и горе калмыцкого народа, тысячи молодых джигитов которого вечно находились вдали от Родины, в походах, участвовали во всех войнах России.

Именно в этот период в сознании народа зародилась заветная мечта о возвращении на восток, в родную Джунгарию; распространился слух о том, что после истребления ойратов земли предков опустели и остались без хозяев. Лидеры народа тайджи Убачи и Цэрэн начали агитировать соплеменников совершить великое кочевье для возвращения волжских калмыков в Джунгарию.

Отчаявшись от повседневной невыносимой жизни, в надежде на лучшую перспективу, калмыцкий народ осенью 1770 года решается на великое переселение.

Откочевка началась в начале января 1771 года.

Торгауты, составляющие основную часть калмыков, занимали левобережье Волги, то есть восточную часть; дурбуты и хошауты — правобережье. Когда начались тайные разговоры об откочевке, калмыки под разными предложениями стали перебираться на левый берег реки, а оставшиеся ждали заветного сигнала. Однако 5 января, в день, на который было назначено начало мероприятия, ударил сильный мороз, потрескались льды Волги и из трещин пошла вода, в результате этого 11 198 семей не смогли перейти реку, присоединиться к великому кочевью и вынуждены были остаться в пределах России.

А численность тех кибиток, которым удалось своевременно перейти реку, составила в общей сложности 30 909. Это примерно 170—180 тысяч человек. Внутренними были вооруженные силы — 40 тысяч воинов. Калмыцкое кочевье должно было пройти через казахскую территорию, другого пути не было.

Получив весть об откочевке волжских калмыков, русское правительство намеревалось огнем и мечом вернуть их обратно. Пока русскими властями была организована погоня, быстро двигавшиеся калмыки, уничтожая на пути отдельные воинские отряды, уже успели глубоко внедриться в казахские владения. Яицкие казаки отказались от опасного похода, войско генерала Траубенберга вернулось с полдороги.

Передвигаясь огромной массой, калмыки смяли несколько попавшихся на пути казахских аулов и ненадолго остановились на берегу р. Эмба. Стало известно, что они намерены перебраться через Иргиз и, идя вдоль Сарыарки, через Жетысу выйти к границам Джунгарии.

Узнав о приближении калмыков, хан Младшего жуза Нуралы оперативно собрал войско и выступил им навстречу.

Первая битва состоялась на берегу р. Эмба. Убачи потерпел поражение и, отступая, послал Нуралы письмо о перемирии, в котором писал, что он вынужден бежать от русских на земли своих предков, поэтому просит предотвратить кровопролитие. В ответном послании Нуралы требовал очистить казахские земли, вернуться обратно.

Однако калмыкам трудно было возвращаться назад, поэтому Убачи оставил без ответа требование Нуралы-хана. Калмыцкое кочевье, огибая Мугоджары и, по возможности, обходя густонаселенные казахами регионы, продолжало двигаться по первоначальному плану.

В весеннее половодье, соорудив плоты из камыша, беженцы с трудом перебрались через Торгай; у них сильно исхудали лошади, скот, да и люди изрядно устали. На их головы свалилось своего рода ответное жестокое «Ақтабан шұбырынды». Вслед за кочевьем с каждым днем все больше и больше оставалось трупов умерших, обессиливших.

Чем дальше двигались калмыки, тем чаще происходили кровопролитные стычки. Казахи зорко следили за движением кочевья, иногда, с флангов, уничтожая тысячами, угоняли целые аулы, захватывали огромную добычу.

Конечно, нельзя представлять калмыцкое кочевье как некий беззащитный, бессильный табор. Со времен древних тюрков и монголов кочевые народы жили походной жизнью. Вооруженные силы волжских калмыков, как сказано выше, были достаточно мощными; они были закалены в боях в Крыму и на Кавказе, хорошо вооружены, имели богатый опыт ведения боевых действий; главной трудностью кочующего калмыцкого улуса была невозможность пройти этот огромный путь спокойно, да и направление конечной цели в основном было известно противнику.

Начиная с марта, до середины лета, почти четыре месяца, калмыки двигались без остановки, с трудом отражая непрерывные атаки казахских отрядов. К концу июня они полностью пересекли наискосок Сарыарку и приблизились к Балхашу, где сделали остановку на берегу р. Мойынты.

В этот момент большое войско казахов под предводительством Абылай-

хана взяло врага в окружение. Общая численность казахских воинов составляла пятьдесят тысяч, отдельные дружины возглавляли Нуралы-хан, Адил-султан, Орыс-султан.

Если до этого казахи наносили удары по вражескому кочевью в ходе встречных боев и с флангов, то теперь они планировали уничтожить его здесь окончательно.

Ощувив смертельную опасность создавшегося положения, калмыцкие правители отправили послов, в числе которых были семь самых авторитетных людей.

Калмыцкие послы по древней традиции слезли с коней на установленном расстоянии от ханской ставки и пешком приблизились к Абылаю. «Аллажар! — обратились они к хану. — Мы передаем Вам приветствие Убачи и Цэрэна. Казахи и калмыки — издревле родственные народы, нам нет смысла дальше воевать. Предлагаем мир. Поставим для Вас белую юрту, преподнесем достойные дары и принимаем Ваше подданство. Нам больше идти некуда, дайте нам землю для кочевья и будет весь калмыцкий народ одним из ваших улусов под Вашей властью. Предлагаем восстановить древние родственные обычаи».

Для обсуждения предложений калмыцких послов Абылай-хан созвал военный совет. По дошедшим до нас отрывочным сведениям, мнение собравшихся разделилось надвое. Абылай был склонен полностью принять предложения посольства. Большая же группа полководцев заявила, что договор ни к чему, надо использовать представлявшуюся возможность и пока калмыки в кулаке, следует уничтожить их окончательно. Один из героев борьбы против джунгар и китайцев в своем выступлении говорил: «Убачи и Цэрэн обвели вокруг пальца и русских, и китайцев, обманут и тебя, мой хан».

Народные сказания и поздние исследования утверждают, что Абылай был обманут, позарился на богатые дары калмыков. На самом деле политика Абылай-хана была намного глубже.

Опытный, закаленный в борьбе с внешними врагами полководец, восставший против Казахского ханства, мудрый политик Абылай-хан, после разгрома Дурбун-Ойрата и вторжения в Джунгарию весной 1755 года маньчжурско-цинской армии теперь уже сам был заинтересован в укреплении давнего врага. Он стремился препятствовать полному уничтожению ойратского народа, считал, что следует сохранить между Казахским ханством и могущественной Китайской империей независимое, самостоятельное Джунгарское государство, которое бы служило в будущем естественным щитом на востоке. Если раньше он прилагал все усилия для разгрома Джунгарии, то в новых условиях оказывал ей всяческую помощь. Но представители народа, на протяжении девяти поколений воевавшего с этим врагом, не соглашались с мнением хана. Совет затянулся. Была объявлена трехдневная передышка, в последний день которой были намечены обмен пленными и окончательное решение вопроса.

Убачи, видимо, с самого начала пошел на хитрость или понял, что после передышки все равно не будет мира и опередил события. На третьи сутки, посреди ночи, калмыки все до единого пошли в атаку. В результате сильнейшего удара под покровом темной ночи они прорвали кольцо окружения. Но нельзя сказать, что чрезвычайное решение Убачи и Цэрэ-

на вывело калмыцкий народ на верную дорогу. Отныне были перекрыты все пути к согласию, к заключению мира.

После битвы на Мойынты в июле 1771 года начался самый последний, завершающий этап в цепи событий «Пыльного похода».

Придя в себя после ночной внезапной атаки, наутро казахи вновь привели в порядок боевые порядки. Теперь война между ними и калмыками приняла затяжной, походный характер. Казахские дружины день и ночь преследовали врага, изматывая его, постепенно уничтожая боевые силы.

Калмыки планировали обойти Балхаш с западной пресноводной стороны и, поднимаясь по р. Или, пройти в Джунгарию. Однако казахи не подпускали их к воде. Калмыки, измученные жаждой, от полученных в бесконечных битвах ран, гибли мучительной смертью, ежедневно сотнями и тысячами попадали в плен; только наиболее стойкая, хорошо вооруженная кучка людей, оставляя за собой пыльный туман, прошла через Кастек, Каскелен, Кеген и Нарынкол и с огромным трудом достигла Джунгарии.

В ночной суматохе на Мойынты от калмыков откололась большая группа и ускользнула от внимания казахов. Возглавляемая Танжу-тайджи, эта группа двигалась по северным берегам Балхаша, некоторое время ее никто не беспокоил и члены этого кочевья несколько поправили свое положение. Однако казахи вскоре настигли и эту группу, которая уже успела пересечь реки Аягуз, Лепсы, Каратал и достичь Или. В результате беспощадной рубки спаслась лишь десятая часть калмыков. Они безоглядно бежали вверх по Или и чудом добрались до китайских рубежей.

Но пройдя такой огромный кровавый путь и пережив порой нечеловеческие испытания, оставшиеся в живых калмыки попали в родной Джунгарии не в долгожданные объятия, а в ярмо рабства. Цинская администрация расселила их в отдельные мелкие аулы и объявила своими подданными.

«Пыльный поход» еще раз продемонстрировал то, что вражда между народами никогда не приносит им лучшей доли. В результате непрерывной войны на протяжении шести месяцев, на пути от Урала до Джунгарии протяженностью в несколько тысяч километров был уничтожен последний очаг ойратско-калмыцкого народа. Кроме того, пал Дурбун-Ойрат, изрядно ослабевший от тяжелых ударов Казахского ханства под руководством Абылая, от внутренних противоречий, от борьбы за престол; его попытку вновь возродиться окончательно развеяло маньчжурско-цинское вторжение. Таким образом, воинственные восточные калмыки численностью свыше одного миллиона человек оказались на грани уничтожения. В суровую зиму 1771 года также было истреблено 170—180 тысяч, то есть 31 тысяча кибиток калмыков, которые снялись с берегов Волги и направились в Джунгарию. Но туда добрались всего 15—20 тысяч человек, которые уже были не в состоянии зажить самостоятельной, независимой жизнью. Лишь по воле случая не сумевшие перебраться через Волгу в первый день откочевки 50—60 тысяч людей остались живы. Они как раз составляют нынешнюю автономную республику в составе России с населением 140 тысяч человек — самые последние остатки некогда мощного, грозного ойратского народа.

Не только предыдущая война с ойрат-калмыками на протяжении восьми-деяти поколений, но и даже победоносные битвы в ходе «пыльного похода» принесли казахскому народу неисчислимые бедствия и потери. Тысячи воинов погибли героической смертью, среди которых особо

следует выделить две невосполнимые жертвы. Так, в одном из сражений «пыльного», точнее кровавого похода погиб один из выдающихся казахских полководцев XVIII века Жанатай-батыр — организатор многих побед в казахско-джунгарской войне, самоотверженно боровшийся и против калмыков (шуршутов). Говорят, когда Абылай-хану сообщили о гибели Жанатай-батыра, он плакал навзрыд, восклицая: «О, мой черный кинжал, который не нуждается в заточке!» Прогнав остатки джунгар за пределы казахских земель, с победой возвращался другой прославленный батыр — Баян, но прямо в пути он скончался от внезапной болезни. Его имя известно народу по произведениям Чокана Валиханова и поэме Магжана Жумабаева.

Батыры, священные имена которых приводятся в конкретных исторических документах эпохи Абылая, встречаются в памятниках устного народного творчества, навечно сохранились в памяти народа. Это самые выдающиеся легендарные полководцы, которые в третьей четверти XVIII века разгромили Дурбун-Ойрата, храбро сражались с Маньчжурско-Цинской империей, разбили торгоутов, в непрерывной двадцатилетней войне возродили дух Алаша и дали в руки Абылай-хана бразды правления тремя жузами, среди них: Каракерей Кабанбай, Муюзды Утеген, Нуралы-хан, Абулфеис-султан, Канжыгалы Богембай, Ералы-султан, Адил-султан, Урус-султан, Жанатай, Баян, Малайсары, Олжабай, Керей Жаныбек, Шапырашты Наурызбай, Ақтамберды, Жапек, Бердыхожа, Тлеуке, Сағымбай, Кулеке, Жаугаш, Дат, Кокжарлы Барак, Кулашбек, Турсунбай, Нарбота, Кожаберген... Кроме них можно назвать имена Жабая, Сырымбета, Байгозы, Елчибека, Сары, Санкебая, Мамута, Молдабая, Тансыка, Оразымбета, Дерпсалы, Раимбека, Чингожи, Айбаса, Жаназара и многих других.

Мудрость, самоотверженность, кровь, пролитая этими великими людьми способствовали направлению казахской истории в прежнее русло, повышению авторитета нации, определению ее будущего. В середине XVIII века Казахское государство, само существование которого в начале столетия стояло под вопросом, благодаря Абылай-хану пошло по пути возрождения, победоносно завершило двухсотлетнюю войну, да и после этого успешно выдержало еще одно, более серьезное испытание.

Когда Абылай покинул этот мир, его орда уже достигла того духовного могущества, которое могло противостоять будущим историческим бурям, передать будущим поколениям достойную эстафету.

5. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ КАЗАХСКОГО НАРОДА В БОРЬБЕ С ДЖУНГАРСКОЙ АГРЕССИЕЙ

Итоги борьбы казахского народа против джунгарской агрессии имели большое значение для казахского народа. Рассматривая политическую значимость борьбы против джунгарской агрессии, необходимо отметить несколько аспектов. Казахский народ, несмотря на огромную опасность своего физического уничтожения, сумел сохранить свою государственность почти на всей своей территории, что в свою очередь позволило сохранить независимость казахских владельцев от империи Цинов. Подавив восстание в Джунгарии, цинское правительство в 1758 году приступило к окончательному завоеванию Восточного Туркестана.⁶²

В этих условиях неизмеримо возрос авторитет Абылая, который фактически признавался ханом всего казахского народа. Во внешнеполитических акциях за Абылаем сохранялся суверенитет, хотя формально он находился в подданстве России. Характер отношений между отдельными казахскими владельцами и цинским двором не выходил за рамки обычных посольских связей. И потому в 1757 году Цянь-лун признал, что казахские кочевья не являются частью территорий, завоеванных цинскими войсками, а сами владельцы и прежде всего хан Абылай, не являются подданными империи.⁶³ Сложная военно-политическая обстановка и попытки вернуть свои исконные кочевья в Жетысу и Восточном Алтае побуждали Абылая, Абулмамбета, Абулфеиса поддерживать с маньчжурским двором посольские отношения и в какой-то мере признавать суверенитет Цинской империи на Восточный Туркестан. Очевидной причиной соблюдать дипломатический этикет с казахскими владельцами было то, что Цинский Китай постоянно испытывал трудности в снабжении своих войск продовольствием и лошадьми. И поэтому поддерживались определенные отношения. Другой немаловажной частью дипломатических связей было то, что Цинам хотелось привлечь на свою сторону казахских владельцев с тем, чтобы затормозить экономические и политические отношения их с Россией. Вместе с тем, регламентация в торговле со стороны Цинов приводила к тому, что торговые отношения казахов с Цинами все время сужались, а вслед за этим сужались и политические отношения. Видную роль в политических отношениях Казахстана и Китая играли владения Среднего жуза, а это в основном политически важные приграничные районы Казахстана.

Политический аспект борьбы казахского народа против джунгарской агрессии в огромной степени формировался не только сохранением казахской государственности, но и выходом Казахстана к моделям западного развития. На протяжении длительного времени отношения между Казахстаном и Россией, а через нее и с европейскими странами, складывались из эпизодических взаимоотношений (обмен посольствами, узнавание друг друга и т.д.). Политические акции по присоединению Казахстана носили колониальный характер, но одновременно в какой-то мере началось сближение народов, и чем сильнее был колониальный гнет, тем больше прогрессивная общественность России пыталась найти точки соприкосновения с казахским народом и его культурой. Сосуществование двух крупнейших этносов в Центральной Азии было противоречивым, однако, на протяжении более чем двух веков создавалось полиэтническое население Казахстана. И в этом большая доля отводилась торговым взаимоотношениям во второй половине XVIII века. Постепенно расширяется торговля между казахскими владельцами и Россией.

Важным пунктом торговых взаимоотношений стал город Оренбург, основание которого относится к 1743 году. Активная торговля проводилась на Меновом дворе, где в 1747 году насчитывалась 131 лавка.⁶⁴ Крупным центром торговли стала Сеитовская слобода, где велись торговые операции. В указе императрицы Елизаветы устанавливался регламент ведения торговли. К 1760 году в Сеитовской слободе насчитывалось 300 дворов и 1158 душ мужского пола. Население слободы было татарским и оно вело значительную торговлю с Казахстаном и среднеазиатскими го-

сударствами. Другим местом сосредоточения торговли был Меновой двор, в нем во второй половине XVIII века размещались 344 лавки и 148 амбаров. Лавки отдавались внаем купцам. Вместе с Меновым двором была учреждена Оренбургская пограничная таможня, в летний период на Меновой двор прибывало до 1000 верблюдов в день с товаром. В массовом количестве продавались лошади, сырые кожи, бухарские халаты, ковры, сухофрукты и т.д. Указом Сената с 1754 года предписывалось: «Торг в Оренбурге признать ярмаркой». О росте торговли свидетельствуют следующие цифры: в 1738 году пошлины составили 547 рублей, а отпуск товаров был сделан на 28000 рублей. В 1749 году — 44 188 рублей пошлин или товаров продано на 900 000 рублей. В 1751 году — 85 123, а отпуск товаров на 1,7 млн рублей; за 12 лет товаров было продано на 8 млн рублей. Товарооборот выражался в следующих цифрах.⁶⁵

Годы	Всего товаров в обороте (в руб., серебром)	Поступило пошлин (руб., серебром)	Всего с азиатских товаров
1745–1754	4431147	324192	55090
1755–1764	3259820	258865	43528
1765–1774	3313511	455894	111365

В XVIII веке казахи вели торговлю в Оренбурге, Троицке, Гурьеве, Ямышевске, Семипалатинске, Петропавловске, Омске, Усть-Каменогорске и других крепостях и казачьих поселениях по Уйской, Иртышской и Ново-Ишимской линиям. К концу XVIII века только в один Оренбург казахи поставляли до 200 000 баранов в год. Из России шли товары в основном ткацкого производства. В большом количестве из России шел хлеб в виде зерновой пшеницы и пшеничной муки, ржи и ржаной муки. К этому перечню товаров можно присоединить metallические изделия. Россия была единственным поставщиком таких товаров, как чугунные, железные и медные котлы, таганы, топоры, мотыги, серпы, косы, ведра, ножницы и т.д. Наряду с этим казахи получали из России железо листовое, олово крутовое, медь листовую и некоторые другие товары.

Наряду с крупными купцами действовали мелкие торговцы, в частности, казаки Уральского казачьего войска совершали крупные торговые операции. При этом торговля велась как неэквивалентный обмен. Примеры этого приводит М.П. Вяткин: «Чугунный котел менялся на меха, причем за каждую азиатскую четверть (5 вершков) в окружности брали одну лисицу или 4 корсака или 3–5 лучших тулупных мерлушек». При таком обмене котел весом 1 пуд, имевший в окружности 10–12 четвертей, в переводе на деньги стоил около 50 рублей, а продавался он на Ирбитской ярмарке за 2 рубля 70 копеек.⁶⁶ Важнейшей частью при отражении джунгарской агрессии стало формирование торговой политики казахской государственности. При этом надо учитывать, что велика была роль посреднической торговли среднеазиатских купцов. В казахские степи направлялись торговые караваны из Бухары, Хивы, Ташкента, Коканда. В свою очередь, в эти же города направлялись торговые караваны казахских владельцев. Так, например, в 50-е годы XVIII века Мурзатай-батыр, дядя Нуралы-хана, отправил в Хиву караван из 160 вьючных верблюдов и 500 лошадей.

При нем находилось 500 казахов, а торговали они 40 000 баранами.⁶⁷ «Они выменивают тут на свои от российских купцов потребные товары, ездят с ними по их улусам и выменивают у них лошадей, рогатый скот и баранов, которых отгоняют в состоящие ныне под китайским владением зюнгорской земли городки и крепости, а там получая за них серебро и прочие товары китайцы привозят в наши крепости, упоминаемые в Усть-Каменогорскую и Семипалатинскую, яко близлежащие к китайской границе».⁶⁸

Не приняла широких размеров торговля с Китаем. Производилась она только в Кульдже и Чугучаке. Но и здесь казахи имели дело не с купцами и не с гражданским населением. Дело в том, что цинские войска, расквартированные на территории Джунгарии, получали от своего правительства не продовольствие и фураж, а различного рода товары в виде шелка, атласа, серебра в слитках. Эти товары и серебро в слитках они должны были обменивать казахам на скот, полученный же скот в свою очередь продавать у себя на деньги, и эти-то деньги шли на содержание войска.⁶⁹ Для того чтобы обеспечить прибыль, цинское правительство не разрешало никому производить с казахами мену. По этой причине въезд казахам в китайские города с торговой целью не разрешался. Торговая операция происходила следующим образом: по прибытии казахов со скотом к китайскому городу навстречу к ним выходил представитель цинских властей и забирал весь скот. Взамен казахам выносили из города товар, вручали им его, и на этом весь торг кончался. Поэтому в получаемых товарах казахи полностью зависели от того, что получали маньчжурские войска от своего правительства. Также и в сбыте казахи должны были исходить не из потребности китайского рынка в целом, а только лишь из потребностей войск Илийского и Тарбагатайского округов. Поэтому и сама торговля не имела тенденции к росту, в то время как торговля с Россией постоянно развивалась.⁷⁰

В целом торговля была очень выгодным предприятием как для казахов, так и для царской администрации и близлежащих государств. Однако неотрегулированность взаимоотношений была большим препятствием для ее развития. И она влекла за собой и очень трудную для торговли форму отчуждения товара. Часть караванов подвергалась ограблению, или отдельные родоплеменные владельцы налагали большой налог на товар. Кроме того, вся торговля велась часто без соблюдения каких-либо правил, а обмеры и обвесы были распространенными явлениями. Несмотря на это, ширились торговые взаимоотношения между Казахстаном и Россией, среднеазиатскими государствами и с цинским Китаем. Это в большой степени способствовало тому, что больше стало обменов посланниками, устанавливались мирные отношения с отдельными регионами, особенно с внутренними районами.

Ликвидация Джунгарского ханства и почти поголовное истребление джунгар вплотную приблизило границы Цинской империи к Казахстану и потому перед казахскими владельцами, и в частности, перед Абылаем встал вопрос укрепления казахской государственности. С этого времени разворачивается целенаправленная деятельность Абылая по претворению в жизнь планов обустройства Казахской степи на основе политической самостоятельности. Искусно маневрируя в отношениях с представителями Оренбургской администрации, Абылай никак не допускает в свои владения войсковые соединения империи, не дает возможности построить новые укрепления и крепости, как бы не замечает своеволие родоправи-

телей, делающих набеги на войсковые соединения, в то же самое время охотно обменивается пленными и как вассал империи содействует торговле, мирной хозяйственной деятельности. Барак-султан, который также был крупным владельцем в Среднем жузе, следует примеру Абылая и тоже как бы признает за Абылаем первенствующее положение. Так, в 1745 году он весьма доброжелательно относится к ведению торговли между Казахстаном и Россией.

Политика Абылая возымела действие и на владельцев Старшего жуза. В своем письме тобольскому губернатору Сухтелену Абылай выступал политическим посредником по принятию казахов Старшего жуза — родового объединения уйсун в подданство России (декабрь 1745 года).⁷¹

Среди важных действий хана Абылая во внутренней жизни, необходимо отметить создание им личной гвардии — толенгутов. Личная охрана, преданные им войска, у ханов существовали всегда, но у хана Абылая она была весьма многочисленной, так что уже в XIX веке в документах отмечается целый род толенгутов. При этом соблюдались определенные правила содержания толенгутов. При активном участии хана Абылая казахское ополчение приобретало черты регулярного войска, полководцы из разных родов Среднего и Младшего жузов постоянно занимались военным делом. Такие батыры, как Богембай, Кабанбай, Баян, Есет, Наурызбай, Жаныбек постоянно возглавляли крупные соединения до 10 000 воинов. Сам институт батыров стал вбирать в себя многочисленные отряды, более профессионально занимающиеся военным делом. Объективно об этом свидетельствуют многочисленные источники, когда того или иного политического деятеля сопровождают батыры как военная охрана, а лучшие из них сами исполняли функции политического представителя. Так, китайские источники отмечают, что переговоры с китайцами об открытии торгового пункта в районе Ирен-Кабырга (по-казахски Еленкабырга) вел Кабанбай-батыр. Нередко политические переговоры с российскими властями вел Жаныбек-тархан. Важные политические переговоры также проводили такие видные деятели Казахской степи, как батыры Канжыгалы Богембай, Кулеке, Дерпсалы и многие другие. Централизация власти при Абылае достигла высокого уровня.

Южные рубежи Казахстана также входили в планы Абылая как составная часть единого государства. В 1762 году он совершил поход на каракалпakov и тем самым дал возможность родам Старшего жуза и конратам занять присырдарьинские кочевья, уже с незапамятных времен бывшими землями казахов. В 1765 году он предпринял поход на Коканд и находился в Ташкенте один год. В эти же годы он предпринял поход против кыргызов, находившихся под сильным влиянием Коканда, и там в 1770 году произошло «Джаилово побоище», когда кыргызы были наголову разбиты Абылаем, а пленные были переселены им в районы Кокшетау. Действия против кыргызов как союзников кокандских правителей, захвативших почти все Жетысу, окончились разграничением территории примерно по нынешним границам Казахстана и Кыргызстана, то есть по своим исконным землям. В среднеазиатской политике Абылай четко придерживался принципа обеспечения безопасности исконных земель казахов, а меры, которые он использовал, были весьма характерны для той жестокой и суровой эпохи. При Абылае Жетысу окончательно стало местом расселения

родов Старшего жуза, предки которых населяли этот край с древних времен. Одна из главных целей Абылая была достигнута.

6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ЖУЗА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПРЕЕМНИКОВ АБЫЛАЙ-ХАНА (80-е гг. XVIII в. — 1821 г.)

После смерти хана Абылая на территории Среднего и Старшего жузов начинается затяжной политический кризис, приведший в конце концов к распаду политической системы Казахского ханства и потере им своей независимости. Переход к удельной форме управления при слабых центральных институтах власти был оправдан тогда, когда страной уже не управлял такой сильный человек, обладавший безусловной харизмой, как Абылай. Его преемники же оказались менее влиятельными и очень быстро потеряли все то, что с таким большим трудом удалось сделать их предшественникам во второй половине XVIII века.

В этот период значительно усиливается и Российская империя, пережившая ужасы Крестьянской войны, утвердившаяся как в Западной Европе, так и на Черном море. В ходе русско-турецкой войны 1768—1774 годов российские войска заняли Крым и ногайские степи, а в 1783 году Крымское ханство перестало существовать. Россия единолично стала претендовать на наследие Золотой Орды и главенствующую роль среди всех народов Евразии. Это облегчило экспансионистскую политику России в Центральной Азии, в т.ч. и в Казахстане.

Средний жуз в годы правления хана Уали. После смерти в 1771 году хана Абылая осенью в казахских кочевьях началась подготовка к провозглашению ханом его старшего сына Уали. Кроме того, на ханский титул претендовали Даир, сын султана Барака, женатый на дочери Абылая, правивший многочисленными родами в Центральном Казахстане и султан Кудайменды, сын хана Младшего жуза Батыра, также зять Абылая. Последний управлял уделом между Обаганом и Ишимом. В Южном Казахстане наиболее влиятельными были сын хана Абулмамбета Болат-султан и сын Шахмухамеда (Самеке. — *Ред.*) Есим-султан, владевшие городами на Сырдарье. В северо-восточном Жетысу правил престарелый Абулфеис-султан, другой сын Абулмамбета. Все остальные земли Среднего и Старшего жузов были разделены между многочисленными сыновьями Абылая. Именно их поддержка и непререкаемый авторитет их отца обеспечили султану Уали легкую победу над другими претендентами на трон.

В ноябре 1771 года на официальную церемонию провозглашения хана в Казахскую степь прибыло посольство Цинской империи. Первоначально планировалось провести эту церемонию в ханской ставке в Кокшетауских горах, однако позже место встречи с китайским посольством было перенесено на восток. В декабре 1781 года в ауле Ханбаба-султана в присутствии цинских послов, султанов и биев Уали был провозглашен ханом и поднят на белой кошке. Там же были проведены поминки по хану Абылаю, новому правителю Среднего жуза были вручены богатые подарки, в том числе покрытый золотом трон, серебряная посуда и большое количество шелковых тканей и бумажных денег. «Вали-салтана, посадя на белый войлок, поднимали на оном и поздравляли ханом», — сообщал Султанмухаммед-султан в своем письме командующему войсками Сибир-

ской линии генерал-майору Н.Г. Огареву.⁷² В процедуре избрания участвовали около пяти тысяч представителей различных казахских родов, в том числе присутствовал и русский посол Чучалов. В начале 1782 года Уали направился в Петропавловскую крепость, где официально присягнул на верность России и был признан российской администрацией.

Уже то, что Уали одновременно присягал и России, и Китаю, говорит о его стремлении продолжать политику отца. С одной стороны, он заявлял Екатерине II: «Пока жив буду, продолжу мое Вашему Величеству служение, сколько моих сил достанет».⁷³ С другой стороны, хан периодически направлял в Пекин своих послов, уверяя цинского императора в своей лояльности. Тем не менее, власть его не была такой же абсолютной, как у Абылай-хана. В начале 80-х гг. в родах каракесек и тортаул ханом был провозглашен Даир, сын султана Барака. Его поддерживал султан Бокей, управлявший аргынскими родами по течению р. Нура. Сам Уали подтверждал, что он «не в больших силах при двух только малых волостях, как то Караулской и Атагайской, а большие волости..., а именно: Тертуюльская, Каракисецкая, Алтайская и Найманская, кой имеют у себя знатных салтанов, и нет мне от них надежды ни в каком предприятии, ибо оне всячески могут меня не послушать».⁷⁴

А. И. Левшин считал, что в 1783 году у казахов был еще один хан, сын султана Барака Ханхожа, провозглашенный после смерти Абулфеиса в найманском роду каракерей и признанный в этом достоинстве китайским императором.⁷⁵ Однако в этом году речь еще не шла о ханском титуле Ханхожи. «Ты, Ханходжа, являешься старшим сыном Абулфеиса, милостиво жалуюм тебе наследственный титул твоего отца — ван (т.е. князь. — *Ред.*)», — говорилось в грамоте императора Цянь-луна.⁷⁶

Тем не менее, Ханхожа продолжал именоваться ханом вплоть до своей смерти в 1799 году. В источниках упоминаются также имена ханов Болат и Есима, ставших после смерти Абылая независимыми и потерявших власть в 1798 году вследствие захвата Ташкента, Туркестана и других городов Юнус-ходжой.

Даир-хан умер в 1786 году, его брат Бокей не смог добиться избрания и продолжал править в своих владениях с титулом султана. Таким образом, в конце XVIII века в Среднем жузе осталось два хана — Уали и Ханхожа.

Внутренняя политика Уали-хана осложнялась также прорусскими настроениями части султанов и старшин, кочующих близ пограничной линии. Последние часто обращались к царской администрации, жалуясь на произвол и притеснения хана. Результатом чаще всего были перекочевки части приграничных казахов в русские владения. Так, в 1789 году султан Тогым, сын султана Болат а подвластными аулами Старшего жуза обратился в Усть-Каменогорскую крепость с просьбой о покровительстве и получил для поселения земли на Иртыше. Тем не менее, уже в 1796 году русский посол Телятников встретил его под Туркестаном.⁷⁷ В январе 1795 года с просьбой принять их кочевья под непосредственное управление России обратился еще два султана и 19 старшин. Откровенно пророссийскую позицию занимали султаны Бокей и Кудайменды. В начале 90-х годов Уали теряет контроль над Южным Казахстаном и только в той части Жетысу, где правили его братья султаны Суюк и Адил, сохраняется его власть. Еще одной неудачной

внешнеполитической акцией хана в этом регионе была война с кыргызами в 1785 году.

Взаимные нападения и угоны скота между казахами и кыргызами, особенно участвовавшие после смерти Абылай-хана, заставили Уали направить против кыргызов войско во главе со своими братьями Шынгысом и Касымом. Касым, производивший разведку, был захвачен в плен, но после переговоров освобожден. Тем не менее, война не прекратилась. Отдельными отрядами на кыргызов напали султан Тыз и старшина Бердыкожа. Тыз также был разбит и схвачен в плен, и лишь Бердыкоже удалось в 1786 году разгромить кыргызов. Тем не менее, в следующем году он попал в плен и был казнен. Несмотря на то, что братья и сыновья его совершили удачное нападение на кыргызские кочевья, конфликт не закончился и два братских народа продолжали обессиливать друг друга взаимными набегами.

Более стабильными были отношения Уали с Цинской империей. Несмотря на то, что в 1785 году он отказался участвовать в планирующейся войне китайцев против России, происходил постоянный обмен посольствами, представители Уали Бопы и султан Адил в 1789 году участвовали в торжествах в Пекине по случаю 80-летия императора, а в 1800 году по просьбе хана император Цзяцин официально признал султана Габбаса преемником Уали. Хан пытался с помощью Цинов изменить существующую у казахов политическую систему и установить вместо выборной наследственную власть, однако эта его идея так и не воплотилась в реальность. Габбас умер еще при жизни Уали, другие его сыновья либо были молоды, либо не обладали необходимым авторитетом. Ослабление власти хана привело к тому, что казахи Центрального Казахстана провозгласили в 1816 году своим правителем Бокея, официально признанного русским правительством, которое таким образом пыталось уменьшить влияние Уали на Средний жуз. Около 1817 года в Северо-Западном Казахстане появилось еще два хана. Казахи кыпчакских родов, кочующих в долинах Тобола и Аята, провозгласили ханом влиятельного султана Жанторе, потомка хана Каипа, аргынские общины Торгая, Тобола и Обагана — его родственника Жумажана, сына султана Кудайменды. В 1819 году, после смерти хана Бокея, на его место был избран Шынгыс, однако власть его распространялась лишь на несколько общин, кочующих в верховьях Нуры и окрестностях Каркаралинских и Кентских гор. Таким образом, в первой четверти XIX века в Среднем жузе помимо Уали было еще три хана, оспаривавших его власть, в 1821 году Уали скончался, объявив своим преемником своего сына, султана Губайдуллу.

Основным итогом правления хана Уали и его соперников стало общее ослабление Казахского ханства. Переход к удельной системе управления привел к росту влияния султанов, а слабость центральной власти в конце XVIII — начале XIX веков — к усилению центробежных тенденций и фактическому распаду государства. Многие султаны и старшины, возглавлявшие роды, кочевавшие близ российской пограничной линии, искали поддержки у русских властей и налаживали с ними активные связи в обход хана Уали. Родоправители присягали на верность России в обмен на чины, подарки и обещания поддержки и укрепления их власти над казахскими общинами. Именно эта ситуация позволила России в 20-е годы XIX века

попытаться ликвидировать ханскую власть в Среднем жузе и провести административные реформы, лишаящие казахов независимости и превращающие Казахстан в часть Российской империи.

Политика России в Среднем жузе в конце XVIII — начале XIX века. После смерти Абылай-хана сложились условия для более активного проникновения России на земли Среднего жуза. Жалобы султанов и родоправителей на Уали-хана, адресованные пограничной администрации, использовались как удобный повод для включения территории Северного и Восточного Казахстана в состав империи. Более того, правительство рекомендовало поощрять такие обращения и просьбы, подкупать родоправителей наградами, подарками и чинами. Планировалось приобщение казахов к пахотному земледелию, сенокосению и, как следствие, к оседлости. Это позволило бы лучше контролировать их и приблизить население Степи к жителям внутренних губерний. В конце XVIII века возникает ряд проектов, предусматривавших меры по закреплению власти России в регионе. Согласно проекту Я. Боувера, разработанному в середине 90-х годов XVIII века, предусматривался целый комплекс преобразований политического и экономического характера. Во-первых, предполагалось создать при хане Уали Совет старшин, состоящий из двух коллегий. Главная судебная коллегия должна была находиться в Петропавловской крепости, вторая — при ставке хана. Кроме того, в каждом роде создавались бы «словесные суды» биев. Наиболее важные дела должны были разбираться во второй коллегии и решения ее утверждались бы в Петропавловске. Таким образом, судебная система казахов находилась бы под контролем пограничных властей. Во-вторых, предполагалось открыть в Петропавловской крепости школу для казахских детей и мечети в казахских волостях с назначением туда мулл из российских подданных. Этими мерами российская администрация планировала поставить под контроль духовную жизнь казахов. В начале XIX века школы для обучения казахских детей русской грамоте были открыты в Омске и Семипалатинске. Эти учебные заведения, в основном, готовили кадры для колониального аппарата.

В конце XVIII — начале XIX веков предпринимались меры по организации непосредственного управления приграничными казахами. В 1798 году родам Среднего жуза были отведены земли в долине Иртыша в обмен на принятие российского подданства. В начале XIX века в Бийском и Тюкалинском округах Томской губернии жило 32,1 тысячи казахов, в Ишимском и Курганском округах Тобольской губернии — 19,8 тыс., в Омском округе 10 тыс., Петропавловском — 23,6 тыс., Семипалатинском — 33,5 тыс., Усть-Каменогорском — 9,8 тыс., на дистанциях Сибирской линии — 11,4 тыс. человек. Всего в непосредственном подданстве России находилось более 140 тысяч казахов Среднего жуза.

В начале XIX века пограничными властями был предпринят ряд мер военно-разведывательного характера. В 1815 году из Усть-Уйской крепости к верховьям Торгая была направлена экспедиция, состоящая из 1617 человек, в том числе 330 казаков, более 1080 башкир, 100 пехотинцев при двух орудиях, во главе с подполковником Феофилаьевым. Главной целью этой экспедиции было изучение залежей свинцовой руды и разведывание удобных путей, ведущих к ним.⁷⁷ В 1816 году с Иртышской линии была направлена подобная экспедиция под командой И. Шангина из 200 чело-

век и отряд Ф. Набокова из Пресногорьковской крепости, состоящий из 150 казаков. Кроме научных и разведывательных целей, эти экспедиции также демонстрировали военную силу Российской империи и возможность русских войск достичь любой точки Казахстана.

Как видим, в начале XIX века политика России в Среднем жузе становится более активной. Это было вызвано как ослаблением Казахского ханства во время правления Уали-хана, так и усилением влияния Российской империи в регионе. Все мероприятия колониальных властей имели цель подготовить почву для включения Северного и Восточного Казахстана в состав империи.

---

¹ Абылай хан. Тарихи жырлар. Т. 4. А., 1993, 67-бет.

² Там же, 41-бет.

³ Там же, 43-бет.

⁴ Там же, 304-бет.

⁵ «Айкап», 1912, № 6–7.

⁶ Абылай хан. Тарихи жырлар. Т. 4. А., 1993, 61-б.

⁷ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе с 1758 г. Т. 3. Казань, 1897, с. 741.

⁸ Там же, с. 746.

⁹ Там же, с. 747.

¹⁰ Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Сборник документов и материалов. Археографическое введение К. Ш. Хафизовой (в соавторстве с В. А. Елисеевым), историческое предисловие, перевод китайских источников и подготовка научного комментария К. Ш. Хафизовой. А., 1989. Ч. I, с. 47.

¹¹ Там же, с. 52–53.

¹² Там же, с. 80.

¹³ Там же, с. 83.

¹⁴ Там же, с. 96.

¹⁵ Омари Ж. Бұқар жырау. Он екі тарих. Қарағанды, 1994, с. 168.

¹⁶ Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 114.

¹⁷ Там же, с. 104.

¹⁸ Там же, с. 129–136.

¹⁹ Там же, с. 144.

²⁰ Вяткин М. Казахское общество в середине XVIII в. // Известия Казахстанского филиала АН СССР. Сер. ист., Вып. I. А., 1940, с. 16.

²¹ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. А., 1981, с. 84–85.

²² Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 171–172.

²³ КРО-1, с. 603.

²⁴ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. А., 1996, с. 242.

²⁵ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. I. А., 1984, с. 265–272.

²⁶ Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 31–32.

²⁷ Там же, с. 74–75.

²⁸ КРО-1, с. 677.

²⁹ Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 85.

³⁰ Сыновья Абулмамбет-хана, правившие объединениями найман и конрат.

³¹ Омари Ж. Бұқар-жырау, 272 бет.

- ³² Левшин А. И. Описание, с. 254
- ³³ Спасский Г. И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орд //Сибирский вестник. ч. 9. 1820, с. 118–119.
- ³⁴ Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 101–102.
- ³⁵ Там же, с. 100.
- ³⁶ Там же, с. 88.
- ³⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 4. А., 1985, с. 115.
- ³⁸ Бекмаханова Н. Е. Легенда о Невидимке. А., 1968, с. 170–171.
- ³⁹ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе Российской империи, с. 92.
- ⁴⁰ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 4, с. 116.
- ⁴¹ Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. М., 1980, с. 72.
- ⁴² Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край, с. 751.
- ⁴³ Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения, с. 72–75.
- ⁴⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 4, с. 218–219.
- ⁴⁵ Там же, с. 224–225.
- ⁴⁶ Бекмаханова Н. Е. Легенда о Невидимке, с. 27.
- ⁴⁷ Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана. А., 1994, с. 96.
- ⁴⁸ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край, с. 747–748.
- ⁴⁹ Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 160.
- ⁵⁰ Там же, с. 165.
- ⁵¹ Левшин А. И. Описание, с. 238–239.
- ⁵² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 3. А., 1979, с. 75.
- ⁵³ Левшин А. И. Описание, с. 240–241.
- ⁵⁴ Цинская империя и казахские ханства, с. 77.
- ⁵⁵ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе Российской империи, с. 87.
- ⁵⁶ Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 37.
- ⁵⁷ Левшин А. И. Описание, с. 254.
- ⁵⁸ Каратаев Н. К. П. И. Рычков – выдающийся русский экономист XVIII века //Вестник АН СССР, 1950, № 3, с. 85.
- ⁵⁹ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край, с. 751.
- ⁶⁰ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе Российской империи, с. 195.
- ⁶¹ Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 25–26.
- ⁶² МОЦА-II, с. 23.
- ⁶³ Там же, с. 27.
- ⁶⁴ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край. Казань. 1893, т. III, с. 32.
- ⁶⁵ Там же, с. 56.
- ⁶⁶ Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV, М.-Л, 1940, с. 24.
- ⁶⁷ Ибрагимов С. К. Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII веке. //Ученые записки Института востоковедения. М., 1958, т. 19, с. 46.
- ⁶⁸ Там же, с. 48–50.
- ⁶⁹ Там же, с. 52.
- ⁷⁰ Там же, с. 58.
- ⁷¹ КРО-I, с. 59.
- ⁷² Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 106.
- ⁷³ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе Российской империи, с. 93.
- ⁷⁴ Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 116–117.
- ⁷⁵ Левшин А. И. Описание, с. 257.
- ⁷⁶ Цинская империя и казахские ханства, ч. 2, с. 112. Здесь Ханхожа назван сыном Абул-феиса, но он был только пасынком, усыновленным после убийства его отца Барак-султана.
- ⁷⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 4, с. 246–247.

Глава седьмая

ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКОВ

1. КАЗАХИ В СОСТАВЕ ТАШКЕНТСКОГО ВЛАДЕНИЯ (80-е гг. XVIII в. – начало XIX в.)

В конце XVIII – начале XIX веков политическая обстановка на юге Казахстана отличалась от ситуации в остальных его частях. Южный Казахстан стал в начале XIX в. объектом экспансии среднеазиатских феодальных государств – Хивы, Бухары и в наибольшей степени – Коканда. Хотя период их господства на юге Казахстана занимает относительно небольшой промежуток времени (примерно с 1810 по 1866 гг.), этот период – важный этап, непосредственно предшествовавший включению региона в состав Российской империи. Именно тогда Южный Казахстан окончательно приобрел те характерные черты, которые так отличают его от других казахских областей.¹

Как известно, в домонгольский период на юге Казахстана существовала достаточно развитая городская культура, окруженная оазисами оседлого земледелия. Нашествие Чингисхана нанесло ей такой урон, от которого она уже не смогла оправиться вплоть до XIX в. Вторжения джунгар в первой половине XVIII в. довершили упадок оседло-земледельческой культуры. К концу XVIII в. юг Казахстана представлял собою регион с преобладанием кочевого хозяйства населявших его различных племен и родов, преимущественно Старшего и Среднего жузов.²

Эти условия не способствовали упрочению здесь власти казахских ханов, т.к. лишенные богатых оседло-земледельческих оазисов, они не могли использовать их ресурсы для укрепления своей власти над кочевыми объединениями. Тем не менее, вплоть до конца XVIII в., пока Средняя Азия оправлялась от упадка, вызванного джунгарской агрессией, нашествием Надир-шаха из Ирана, падением государства Аштарханидов и ожесточенной борьбой узбекских племен за передел среднеазиатских владений, казахские ханы, вытеснив джунгар, не только восстановили свою власть на юге Казахстана, но и вновь отвоевали у джунгар Ташкент и даже стали вмешиваться в дела Ферганы, опираясь там на местных кыпчаков. Около 1748 г. «ташкентский торе» Щигай-хан (он же – Ахмад-хан), сын хана Барака, правитель Намангана и основатель Торакургана (впоследствии – резиденции кокандских наместников в Северной Фергане), был провозглашен кыпчаками в степи Яйзы – ха-

ном Ферганы. Однако вскоре он потерпел поражение от кокандского правителя Абд ал-Карим-бия.³

Хозяйственное восстановление Средней Азии к концу XVIII в., возникновение и усиление выросших на этой основе трех ведущих государственных образований — Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств — постепенно изменили положение в пользу этих государств.

С югом Казахстана как исторически, так и географически теснее была связана Фергана. Возникшее здесь в начале XVIII в. небольшое Кокандское владение, сначала как удел узбекского племени минг, постепенно, к концу XVIII в. объединило под своей властью всю Ферганскую долину, ведя успешную борьбу с местной теократией североферганских ходжей и другими родоплеменными группировками.

В 1798 г. на кокандский престол был возведен Алим-бек (р. 1773/75 — ум. 1810). Стремясь к неограниченной власти и тяготясь опекой возведших его на престол сородичей-мингов, он приступил к формированию преданных регулярных воинских частей, снабженных огнестрельным оружием и укомплектованных, в основном, выходцами из Кухистана (горного Таджикистана и Памира вплоть до Гиндукуша) численностью от 6 до 10 тыс. чел. и под общим этнонимом «таджик». Содержать это «новое войско» на доходы от одной только Ферганы было немислимо. Кокандское ханство встало на путь грабительских походов и широких территориальных захватов. В 1805 г. был окончательно завоеван Ходжент — стратегический пункт у выхода из Ферганской долины. В 1806 г. кокандские войска завоевали Ура-Тюбе и осаждали Джизак.⁴ Приблизительно в это же время Алим-бек, как бы юридически закрепляя свои успехи, принял ханский титул — событие знаменательное в жизни Туркестана, происшедшее одновременно с принятием титула хана правителем Хивы Элтузером (1804—1806 гг.) из узбекского племени кунграт. Идеологически этот акт, означавший торжество идеи светской тюркско-монгольской государственности над теократией среднеазиатских ходжей, обосновывался легендой о происхождении кокандских ханов через Бабура и Эмира Тимура от рода Чингисхана, а легенда воспринималась как истинная (источник права).

Следующим объектом кокандской экспансии стал Ташкент.

В Ташкентском владении после изгнания джунгар, приблизительно до 1792 или 1794 года правили казахские чингизиды, прежде всего, Абылай-хан (ум. в 1781 г.). Ташкент и его округа были поделены Абылай-ханом между казахскими родоплеменными группами следующим образом. Чимкент достался роду шымыр. Ташкент, состоявший из четырех частей — «столпов» (первоначально — деревень), был распределен между родами ысты (Бешагач), конрат и Средним жузом (Кокча), жаныс (Сибзар), сиргели, ысты и ошакты (Шейхантаур). Чинас получили племена кулас и найман, а деревню Паркент и ее округу — группа шыктым. Сын Толе-би Нияз-бек из рода жаныс основал под Ташкентом крепость, названную в честь него (т.е. Ниязбек) и ставшую ключевым пунктом, регулировавшим подачу воды в город. Свои укрепленные усадьбы построили Байтепек из рода сиргели и Кибрай из племени кыят. Главами четырех частей Ташкента выступали родственники Абылай-хана: Баба-хан-торе (Шейхантаур), Раджаб-бек из потомков Аштарханидов (Бешагач), Мухаммад Ибрахим-бек из потомков

Чагатай-хана (Кокча) и представитель джучидов в Сибзаре.⁵ Между ними шла постоянная борьба за усиление своего влияния в Ташкенте.

Недовольство оседлых жителей засильем кочевых предводителей было использовано Йунус-ходжой, потомком местного святого Шейхантаура (Шайхаванд-и Тахур) ибн Шайх Умара Багистани, жившего в XIV в. Прибегнув к поддержке своих мюридов из племен шанышкылы (санчклы) и канглы, которым при дележе ташкентских владений достались наименее благоустроенные и безводные земли (т.к. они не участвовали в битве Абылай-хана с джунгарами), Йунус-ходжа между 1792 и 1794 г. установил на 11 лет свою власть в Ташкенте. Его поддержали также племена кыят и тюрк. Владения Йунус-ходжи расширились до Кураминских гор на юге (т.е. включали Кураминский район, расположенный в долине реки Ангрен), гор Бискам (Бискан) — на востоке, Сырдарьи — на западе и Чимкента — на севере. В 1799 г. Йунус-ходжа захватил Туркестан, пользовавшийся до этого покровительством Бухары.⁶

Установление на некоторое время суфийской теократической власти ходжей в Ташкенте было вполне закономерным явлением. Авторитет суфиев был вообще очень высок в Средней Азии, а в периоды ослабления ханской власти, смут и «безвременья» отдельные дервишеские ордена поднимались в политической жизни иногда до уровня решающей силы.

П. П. Иванов, суммируя известия русских источников, так характеризовал политику Йунус-ходжи в отношении казахов: «Закончив завоевание ближайших к Ташкенту казахских районов и уничтожив в Старшей орде ханское звание, Йунус-ходжа, по-видимому, избегал в дальнейшем вмешиваться во внутреннюю жизнь казахских племен, предоставив управление ими биям и ограничиваясь сбором зякета. Для упрочения своего влияния в степи Йунус-ходжа держал у себя в качестве заложников наиболее влиятельных лиц из казахов. Из отчета названных выше путешественников видно, что казахские степи играли в рассматриваемое время значительную роль также в торговле Ташкента».⁷ Основную военную опору правителя Ташкента составляли казахи. Военное ополчение, в которое набирались как оседлые жители, так и кочевники, обозначалось как в Ташкенте, так и в Фергане, термином «кара-казан». Численность ополчения Ташкентского владения составляла от 20 до 60 тыс. чел. Власть Йунус-ходжи держалась на его личном авторитете, силе оружия и была непрочной. Пять своих сыновей — Мухаммад-ходжу, Хан-ходжу, Хашим-ходжу, Султан-ходжу и Хамид-ходжу — он поставил руководить в подвластных Ташкенту крепостях.⁸

Усиление власти и амбиций Йунус-ходжи неизбежно привело к столкновению Ташкента с Кокандом, которое было не только соперничеством двух феодальных центров, но, по существу, и борьбой двух форм государственно-правовой идеологии: теократии ходжей и светской (ханской) власти. Именно в ходе этой борьбы правитель Коканда принял ханский титул.

Вначале обстоятельства неудачно складывались для Коканда. Ему приходилось вести сложную борьбу с теократическими и сепаратистскими тенденциями в самой Фергане. В 1799 году Алим-бек направил на Ташкент правителя Ходжента Хан-ходжу, родственника кокандских беков по женской линии. Кокандские силы, подойдя к Ташкенту, остановились в местечке Карасу. Здесь на них с тыла напал Йунус-ходжа. Кокандцы бежали. Хан-ходжа попал в плен и был казнен вместе с 70 соратниками. В

результате Йунус-ходжа захватил Кураму. Коканд потерял Ходжент, а на севере Ферганы против Алим-бека поднял мятеж правитель Чуста Бузрук-ходжа, потомок ферганского шейха ордена накшбандийа Лутфаллаха Чуста. В 1800 г. Йунус-ходжа двинулся на Фергану, приблизился к Ходженту, заключил союз с правителем этого города (там правил ставленник владетеля Ура-Тюбе из узбекского племени йуз, соперничавшего с кокандскими мингами) против Коканда. Кокандское войско также подошло к Ходженту и остановилось на берегу Сырдарьи. Ни одна из сторон не решилась на переправу через реку, и сражение не состоялось. Только после третьей попытки Алим-беку удалось покорить Чуст и убить Бузрук-ходжу.⁹

Между тем, побуждаемый группой казахов, вопреки мнению ташкентской верхушки, Йунус-ходжа в 1803 г. решился на новый поход против Коканда. Он очень надеялся на выступление против Алим-бека в самом Коканде. Собрав войско из казахов, жителей Ташкента и Курамы, Йунус-ходжа, перевалив через Кураминский хребет, вторгся в Фергану и, пройдя через Ашт, вышел по Чадакской дороге к правому берегу Сырдарьи у переправы Гурумсарай. К этому времени Алим-бек приказал осаждавшему Ходжент таджику Раджабу-диванбеги, выходящу из Бадахшана, не дать противнику перейти через реку. Переправившись на правый берег Сырдарьи у Ходжента, Раджаб-диванбеги форсированным маршем подошел к Гурумсарая и встретился с ташкентским войском. Одновременно на левом берегу Сырдарьи напротив Гурумсарая появился передовой отряд Алим-бека. Раджаб-диванбеги поставил возле неподвижно стоявшего всадника-знаменосца (тугбеги) с белым кокандским знаменем (ак-йалав) пятьдесят метких стрелков из числа горных таджиков, оставив за собой свободу маневра кавалерией. В ташкентском войске царил раздор. Бабахан-торе, Рустам-торе и Адил-торе настояли на том, чтобы в бой сначала вступили подразделения шаньшыкылы и личный отряд Йунус-ходжи. Атаки казахской конницы на знамя отражались ружейным огнем стрелков. Действия кавалерии Раджаба-диванбеги расстраивали казахские ряды. Казахский отряд, а затем и отряд «потомков» Йунус-ходжи, дрогнули и обратились в бегство. Остальные ташкентские силы не только не вступили в бой, но и указали Алим-беку, как быстрее догнать беглецов, захватить пленных и добычу. Увидя это Йунус-ходжа бежал, бросив имущество и казну, потерпев полный разгром.¹⁰ Уже в этом бою было продемонстрировано преимущество тактики кокандцев, противопоставивших атаке конной дружины Йунус-ходжи комбинированные удары конницы и огонь стрелков.

После смерти Йунус-ходжи (1804 или 1805 г.) власть в Ташкенте перешла к его старшему сыну Мухаммад-ходже, а затем — Султан-ходже, среднему сыну Йунус-ходжи. Постоянная борьба между различными феодальными партиями в Ташкенте ослабляла Ташкентское владение. Казахские султаны на короткое время вновь обрели власть над Туркестаном: между 1806 и 1809 годами там сидели Ибрахим-султан и Касым-султан, сыновьями последнего были Кувват-хан и Токай (Тогай)-хан. В 1810 г. там правил некий «внук Абылай-хана».¹¹

Завоевание Ташкента Алим-беком прошло в два этапа. На первом этапе (1804—1807 гг.) кокандцами была окончательно завоевана Курама — область к югу от Ташкента в долине реки Ангрен (правый приток Сырдарьи), населенная как узбекскими, так и казахскими родами из разных

жузов. В конце XVIII в. «народ курама» (букв. «лоскутный, состоящий из отдельных кусков») составлял около 10 тыс. человек с 9 крупными населенными пунктами. В середине XIX века в Кураме было уже 24 укрепленных пункта, причем центром была крепость Кереучи, вторым по значению пунктом был Аблык. Среди этносов казахского происхождения в Кураме можно отметить роды шанышкылы (санчклы) (Старший жуз), тама и кереит (Младший жуз); клан тама владел крепостью Бука.¹² Кураминский район можно рассматривать как зону интенсивных этнических контактов и массового оседания кочевников. Ок. 1807 г. Алим-бек, воспользовавшись тем обстоятельством, что во время его похода на Джизак Султан-ходжа вторгся в северную Фергану и осаждал Шаидан (это заставило Алим-бека снять осаду Джизака и вернуться в Фергану), направил на Ташкент своего брата Умар-бека. Разбив близ реки Чирчик войско Султан-ходжи и взяв самого его в плен, Умар-бек заключил договор с новым правителем Ташкента Хамид-ходжой (младшим сыном Йунус-ходжи, возведенным во власть племенами шанышкылы и канглы), который признал себя вассалом кокандского хана. В крепости Нийазбек был оставлен кокандский гарнизон во главе с Мумин-беком и 500 стрелками из числа горных таджиков, которому должен был подчиняться правитель Кереучи.

Ок. 1809 г. на Алим-бека во время мистического радения (зикр) джахрийи было совершено покушение: он был тяжело ранен ножом неким юродивым (дивана). В результате от Коканда отпало Ура-Тюбинское владение, а Хамид-ходжа собрал войско, намереваясь напасть на кокандцев. Тогда Алим-бек организовал новый поход на Ташкент. К тому времени Мумин-бек постоянно беспокоил город набегами из крепости Нийазбек, сократил подачу воды и довел положение ташкентцев до крайности. Он захватил так много пленных, что их обменивали на кошек и собак, а за троих пленных давали даже 13 домашних птиц, чтобы те уничтожали скорпионов в Нийазбеке. В Ташкенте начался голод. За лепешку родители продавали детей. После 11-дневной осады, подкопа и подрыва городской стены город был взят и на один день отдан на разграбление. Хамид-ходжа бежал в Бухару. При взятии города отличились таджикские горные стрелки, пехотинцы и артиллеристы. Часть знатных ташкентцев, опасных для завоевателей, была отправлена заложниками (ак-уйлук) в Коканд. Некоторых степняков хан приказал казнить, а своих сторонников утвердить аксакалами (главами городских кварталов или деревень) и биями. Наместником Ташкента был назначен Сайид Али-бек Парваначи.¹³

Покорение Ташкента знаменовало начало завоевания Кокандом Южного Казахстана. Обстановка здесь благоприятствовала замыслам Алим-бека. Единства среди казахских владетелей не было. Правители города Туркестан ориентировались на помощь Бухары, в то время как сайрамцы были недавними союзниками Коканда: за несколько лет до этого под Ура-Тюбе произошло крупное сражение бухарского эмира Хайдара (1780 — октябрь 1826, правил в 1800—1826 гг.) с Алим-беком. На стороне эмира сражались владетели Туркестана Ибрахим-султан и Касым-султан и сыновья последнего Кувват-хан и Токай (Тогай)-хан, а на стороне Алим-бека — 10-тысячное сайрамское войско с 3—4 военачальниками. Кокандцы потерпели тогда поражение, причем туркестанцы разгромили сайрамцев.

Другой казахский владетель Адил-торе (третий сын Абылай-хана),

вынужден был вместе с 10 тыс. семей из-за междоусобиц вообще оставить родные места и на несколько лет искать пристанища во владениях китайцев.¹⁴ Что касается казахских чингизидов, обосновавшихся в Ташкенте, они, как показали последовавшие события, выступали на начальном этапе даже проводниками кокандской политики в Дешт-и Кыпчак.

2. ВОЕННАЯ ЭКСПАНСИЯ КОКАНДСКОГО И ХИВИНСКОГО ХАНСТВ. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЮЖНЫХ КАЗАХОВ ПРОТИВ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ (10–20-е гг. XIX в.)

Что же побудило правителей Кокандского ханства пойти на завоевание казахских степей? Как уже отмечалось, стремление пополнить казну из новых источников толкнуло Алим-бека и его окружение на завоевательные походы. Этим он стремился также сгладить соперничество между «старой» узбекской знатью и «новым» войском (этих воинов стали называть гала-бахадурями), созданным в основном из числа горных таджиков (в XIX в. их обозначали этнонимом «таджик»), объединив их интересы для захвата и колонизации новых областей. Столкновения кокандских войск с силами бухарского эмира в районе Ура-Тюбе и Джизака в 1806–1807 гг., остановив продвижение кокандцев на запад, лишь изменили направление их экспансии.

Завоевание юга Казахстана как кочевой периферии оседло-земледельческого Мавераннахра хотя и не сулило кокандским феодалам приобретения богатых оазисов, но зато обеспечивало им, помимо поступления животноводческой продукции, также стратегический контроль над караванными путями, связывавшими Среднюю Азию с Россией и Китаем. Это было тем более важно, что торговля между ними в XIX в. заметно выросла. Наконец, завоевание этого обширного региона имело большое идеологическое значение. На протяжении тысячелетий оседлое население Средней Азии, или Мавераннахра, со страхом смотрело на Дешт-и Кыпчак, откуда в различные эпохи наступали волны завоевателей, навязывавших Средней Азии свои династии (эфталитов, тюрков, чингизидов, шайбанидов и др.). Покорение хотя бы части Дешт-и Кыпчака и овладение «предводителем 99 000 шейхов», который широко почитался мусульманами всей Внутренней Азии, поднимали авторитет кокандских ханов на небывалую высоту.

Через год после покорения Ташкента, в феврале 1810 года Алим-бек снарядил караван из 300–400 верблюдов с товарами для торговли с Россией и отправил его в Ташкент. В это же время он получил от ташкентского наместника Сайид Али-бека известие об отказе казахов платить налоги: зякет (со скота) и харадж (с посевов) и просьбу прислать войска для усмирения непокорных. Тогда хан, несмотря на зимнюю стужу, направил 12-тысячное «новое» войско вслед за караваном для покорения Сайрама, Чимкента и Туркестана. В состав войска было включено также около 50 улемов Ташкента с примирительными и миссионерскими функциями. Окрестное казахское население, не успевшее откочевать и попавшее в руки завоевателей, было ограблено «до последней тряпки».¹⁵

В ходе этого похода командовавший кокандцами таджик Зухур-диванбеги осаждал Сайрам, построил крепость в селении Чимкент и оста-

вил там 200 пеших и 400 конных стрелков с ружьями (туфангдар) при двух пушках. Затем он прибыл в Аулие-Ату, заложил крепость и оставил там 1000 воинов под началом таджиков Абдаллах дадхаха и Шах-бек дадхаха. Далее Зухур диванбеги приблизился к Туркестану. Согласно другой версии, поход на Туркестан возглавлял ташкентский чингизид Салимсак-торе, который после переговоров склонил туркестанцев подчиниться власти Алим-бека, которому прислали подарки на 90 верблюдах, в том числе роскошную шубу «из меха выдры».¹⁶

Как бы то ни было, дальнейшие действия Зухура-диванбеги были прерваны событиями, разыгравшимися в Минг-уруке, под Ташкентом, в ставке брата хана Умар-бека. Военачальники из числа его родственников (с материнской стороны, члены влиятельнейшего подклана мингов — потомков Фазия аталыка)¹⁷ и старой знати, поддержанные ташкентской и казахской знатью из числа потомков Абылай-хана, племен конрат, шанышкылы, сиргели, беш-тамга и каракалпаками, недовольные самовластием Алим-бека, сочли момент для решительных действий благоприятным, т.к. «новое» войско, направленное в Казахскую степь, испытывало невероятные лишения от стужи и роптало. Заговорщики уговорили Умарбека тайно бежать в Коканд (Алим-бек находился в тот момент в Ташкенте), чтобы захватить престол. Алим-бек, поздно узнав о заговоре, вынужден был спешно отозвать войска в Ташкент и двинуться на Коканд, оставив в Ташкенте своего старшего сына Шахруха (его матерью была казашка). Перед отъездом он успел казнить на старом хлебном базаре Ташкента некоторых попавших в его руки заговорщиков, в том числе казахских чингизидов Салимсак-торе и Адил-торе (вероятно, тезка другого Адил-торе, откочевавшего в Китай). Однако по пути в Коканд войско оставило хана и рассеялось, а сам он был вскоре убит недалеко от Коканда весной 1810 г.¹⁸ Гибель Алим-бека означала провал его попытки уменьшить влияние в государственных делах «старой» ферганской знати, интересы которой ущемлялись в ходе проводимой Алим-беком политики расширения социальной базы господствующего класса.

«Старая» знать возвела на трон его родного брата Умара (1785–1822 гг.), правил в 1810–1822 гг.), привязанного к ней как с материнской стороны так и через брак со своей двоюродной сестрой Тадж ан-ниса (Махлар-айым, более известная как классическая узбекская поэтесса Надира). Новый хан значительно уступавший в решительности и амбициях своему старшему покойному брату, отличался мягкостью и утонченным вкусом, был наделен поэтическим даром и оставил собрание (диван) стихов на фарси и тюрки под псевдонимом (тахаллус) Амир. При нем впервые были составлены кокандские официальные хроники («Умарнама» и «Шахнама-йи Умар-хани»).

Устройство внутренних дел в Фергане после переворота, неудачные попытки установить твердый контроль над Ура-Тюбе и Джизаком на несколько лет задержали экспансию Коканда в Южном Казахстане. К тому же в окрестностях Ташкента объявился некий Кабыл из рода карахана и каракалпак-китаев. Он собрал вокруг себя кочевых казахов, укрылся в Чаткальских горах в местности Багистан, некогда бывшей его владением, и стал грабить караваны и скот, выпасавшийся жителями Ферганы и других прилегающих районов на летних горных пастбищах. Умар-хан направил против Кабыла Абд ал-Азима (Азимбая)-тупчибаши, имевшего также звание дадхах, с 500 опытными горными стрелками, а также Ю-

суф Али-ходжу, наместника Чуста и Касана. Достигнув Kamiш-кургана (на правом берегу Сырдарьи в Северной Фергане), кокандцы разделились на две группировки: Йусуф Али-ходжа двинулся через мазар Хазрат-и Идрис, а Абд-ал-Азим направился в ущелье Багистан. В бою с Азимбаем Кабыл был ранен и укрылся в крепости Нанай (Чаткальские горы), завалив единственный подход к ней камнями, деревьями и т.п. Между тем оба кокандских отряда соединились через двадцать дней и перекрыли выход из ущелья. Затем в тыл осажденным послали Абд-и Каххара токсабу Бадахши во главе метких стрелков и опытных скалолазов из воинов Кухистана. Те, пройдя два перехода, забрались с помощью веревочных лестниц и вбитых в скалу железных гвоздей на отвесную гору и, оказавшись на шестой день на ее вершине, принялись сверху обстреливать блокированных, которые стали сражаться с яростью обреченных. После трехдневного боя кокандцы овладели подходом. Тогда их глашатай объявил, что им нужен только Кабыл и еще пять предводителей, остальные, кто сложит оружие, получают полную свободу. Большинство, сдав холодное и огнестрельное оружие, рассеялось, но некоторые вместе с Кабылом продолжали упорное сопротивление (с обеих сторон были большие потери). Когда положение стало безнадежным, Кабыл направил Умар-хану письмо с просьбой принять его на службу. Ответ был получен через Азимбая, не давшего Кабылу никаких гарантий безопасности. После сдачи Кабыла в плен Азимбай доставил его к ханскому двору. Кокандцы отбили у Кабыла большое количество скота, который был возвращен ханом его владельцам. По распоряжению Умар-хана Кабыла повесили на площади Чорсуили Регистан в Ташкенте. Казнили и других пленных.¹⁹

В 1813–14 кокандцы овладели Карнаком, пунктом на подступах к городу Туркестану. Еще одно событие укрепило позиции Коканда в Степи. Адил-торе, сын Абылай-хана, вернулся со своим многотысячным станом из китайских владений в родные места и направил находившемуся в окрестностях Ташкента Умар-хану весной 1814 своего сына Нуралы-торе с посланием, в котором извещал о своем возвращении от «неверных» и изъявлял покорность Умар-хану, надеясь прожить остаток своих дней во владениях ислама. В письме Адил-торе называл своим предком Тохтамыш-хана и просил правителя Коканда забыть «вину» предка перед эмиром Тимуrom, от которого кокандские ханы вели свою генеалогию. Этот интересный случай обращения к событиям далекого XIV в. и возведения казахским султаном своей родословной к Тохтамыш-хану (точнее, он был не предок, а старший родственник казахских чингизидов, будучи, как и они, потомком тринадцатого и последнего сына Джучи Тука-Тимура) приоткрывает идеологический аспект казахско-кокандских отношений. Возможно, здесь отражены реакция в Казахской степи на легенду о происхождении кокандских ханов и идейное противодействие кокандской экспансии (учитывая общеизвестный факт, что Тимуру не удалось подчинить Тохтамыш-хана, а также то, что содержание письма дошло по небеспристрастному пересказу кокандского придворного хрониста). Как бы то ни было, Нуралы-торе был с почестями принят при кокандском дворе и получил для отца охранную грамоту.²⁰

По поводу датировки взятия Туркестана кокандцами сведения разноречивы. Согласно Филиппу Назарову, посетившему Коканд в 1813–14 гг., это произошло в 1814 г.; по утверждению барона Е.К. Миддендорфа, в

1815 г. Но кокандский хронист приводит другую дату: 9 джумади 1231, 7 апреля 1816 г.²¹

Официальным поводом для взятия Туркестана было благочестивое желание Умар-хана совершить со знатью паломничество к гробнице Ходжа Ахмеда Йасауи. Хан, выйдя с войском из Ташкента, вступил в Сайрам и посетил могилы местных шейхов, дабы попросить от их духов поддержку на захват Туркестана. Затем он направил туда отборный отряд в 1000 чел. во главе с ташкентским наместником Раджабом-кушбеги Бадахши. В отряд входили также Хушвакт-кушбеги йузу, Хан-ходжа мир-асад из рода карахана, Тора-хан мир-асад из рода Лутфаллаха Чусты, Мухаммад Шариф-аталык и др. Совершив трехдневный конный марш, кокандцы достигли наступления рассвета скрытно приблизились к Туркестану, заблаговременно спешив воинов. Незаметно подошли к крепости, по живой лестнице взобрались на стену, убили привратника. Асадбеги-ходжа открыл ворота и отряд ворвался в город. Как цинично замечает кокандский придворный хронист, случайно наткнулись у двери ханаки (дервишской обители) на суфия, и пришлось его убить, чтобы не поднял шума.

Нападение застало туркестанцев врасплох. К тому времени их правитель Токай-торе получил в подкрепление конный отряд Ибрахима-ходжи присланный бухарским эмиром Хайдаром. Однако внезапное нападение вызвало панику. Токай-торе и Ибрахим-ходжа спаслись бегством. Туркестан был взят и разграблен. Умар-хан, вступив в покоренный город, совершил паломничество в мавзолей. Управлять здесь был назначен Шайх Бадал-мирза-дадхак, потомственный кокандский придворный.²²

При описании этих событий кокандские авторы не обошли вниманием и «чудесный» котел, поставленный в мавзолее Йасауи эмиром Тимуром. Его волшебная особенность состояла будто бы в том, что тот, кто принесет в жертву овец и бросит их в котел, наполнит его тем количеством, которому соответствует истинное желание дарителя. Один из «больших людей» Дешт-и Кыпчака якобы бросил в котел 500 туш овец, но и тогда он не наполнился, а другой заполнил его 5 овцами. Умар-хан наполнил котел 70 овцами. Завоеванию Туркестана придавали в Коканде столь большое значение, что по возвращении туда хан приказал именовать себя почетным прозвищем (лакаб) «амир ал-муслимин» — «повелитель правоверных». В Стамбул к турецкому султану, который одновременно считался халифом правоверных, было направлено из Коканда посольство Хаджи-Мир-Курбана с ханским письмом, в котором сообщалось о покорении Туркестана. Однако Мулла-Нияз-Мухаммад, автор последней официальной кокандской хроники, позднее с горькой иронией отмечал по поводу взятия Туркестана: вилайет, захваченный воровским способом, в конце концов проявит неверность.²³

Взятие Туркестана обострило кокандско-бухарское соперничество. Бежавший из Туркестана Токай-торе нашел приют в Бухаре. Уступая его просьбам, эмир Хайдар разрешил Токаю собрать в подвластных Бухаре владениях годных к войне казахов. Снарядив свой разношерстный отряд, Токай прибыл в Сузак, укрепился там и затем осадил Туркестан. Против него из Ташкента кокандцы направили Базар-бахадур йузу с 300 лучшими всадниками. Преодолев расстояние между Ташкентом и Сузаком за три дня, кокандцы подошли к Сузаку, затем направились в урочище Каза, напали на помогавший Токаю аул из 1000 казахских семей и, обратив их

в бегство, захватили большую добычу и пленных. Ночью Токай оставил Сузак и бежал.

Дальнейшие его действия были также безуспешны. В это время кокандцы проводили грабительские рейды на границе с Бухарским эмиратом вблизи крепости Пшагар (западнее Ура-Тюбе). Ими был перехвачен посланец Токай-торе к эмиру Хайдару. Это заставило Умар-хана направить несколько отрядов в район Туркестана, чтобы парализовать действия Токая. Отрядами командовали уже небезызвестные Хушвакт-парваначи, Тора-хан мир-асад и Бакаул-беги. Казахская степь вновь подверглась разорению. Дальнейшая судьба Токай-хана в «священной Бухаре» оказалась трагической. В 1827 г. вовлеченный в борьбу за власть между сыновьями покойного эмира, он сражался на стороне того, кто потерпел неудачу, и был убит во воцарении эмира Насраллаха (1806 — осень 1860 г.; правил в 1827—1860 гг.).²⁴

Другое крупное антикокандское выступление организовал чингизид Тентек-торе.²⁵ Восставшие численностью около 12 тыс. человек сосредоточились в Сайраме, в старой крепости. Умар-хан возложил на своего визиря и родственника Абу-л-Касим-аталыка обязанности по подавлению восстания. К этому были привлечены также Хушвакт-кушбеги, Лашкар-кушбеги (о нем см. ниже), Мухаммад Шариф-парваначи, Хан-ходжа мир-асад и другие опытные военачальники. Восставшие во встречном бою были разбиты, отступили и разделились на два отряда. Один укрылся в крепости Чимкент более прочно, чем в Сайраме. Другой стал защищать Сайрамскую крепость. Кокандцы осадили Чимкент, где главой казахов был Рустам. После ожесточенной осады и неудачной ночной вылазки казахов Чимкент был взят. Затем красные и белые знамена кокандских войск появились над Сайрамом. При осаде его кокандцы широко применяли артиллерию и ружья. После того как силы и средства осажденных иссякли, Тентек-торе вынужден был сдаться, согласиться ежегодно платить Коканду бадж (подорожная подать или пошлина) и зякет, и направить ко двору Умар-хана своего сына с подношениями.²⁶

Недостаточный авторитет инициаторов восстаний среди основной массы скотоводов, разрозненность выступлений, отсутствие согласованности действий и единства в рядах восставших; попытки опереться на помощь Бухары (что уже говорит о слабом влиянии глав движений на массы соплеменников), наконец, военное превосходство кокандцев, сочетавших в борьбе против родоплеменных ополчений действия конницы и «нового войска», вооруженного ручным огнестрельным оружием и артиллерией — все это обусловило неудачу антикокандских выступлений в Казахстане. Тот факт, что во главе движений стояли султаны-чингизиды, свидетельствует о традиционализме и архаизме идеологии их участников, отстаивавших 600-летнюю традицию введенного Чингисханом института ханской власти Джучидов в Дешт-и Кыпчаке.

Период кокандского господства в Южном Казахстане можно условно разделить на два этапа. Первый охватывает время от начала завоевания (1810 г.) до начала 1840-х гг. и приходится на эпоху расцвета Кокандского ханства. Со вступлением его в 1841—42 гг. в полосу глубокого социально-политического кризиса (приведшего к падению этого застойного государства в 1876 г.) наступает новый этап испытаний и потрясений для юга Казахстана, закончившийся взятием Ташкента русскими войсками в 1865 году и переходом всего этого региона под власть Российской империи.

Первый этап характеризуется максимальным распространением территориальных захватов Коканда в Казахстане и соседней Кыргызии, установлению административного контроля над завоеванными землями. Огромную роль в проведении этой политики играл Лашкар-бекларбеги, носивший также звание кушбеги (он же Гулам-шах), личный раб Умар-хана, родом из Читрила, который с 1816 по 1841 гг. (с незначительными перерывами) управлял из Ташкента казахскими степями.²⁷ По его инициативе в присырдарьинских районах были построены крепости в Ак-Мечети, Чулаке (Казаклы Джулек), Сузаке. По данным узбекского историка Ю. А. Соколова хронология строительства кокандских крепостей в Казахстане и Кыргызии выглядит следующим образом: «1813 г. — быв. бухарская крепость Жанги, на левом берегу Сыр-Дарьи, близ начала р. Куван-Дарьи; в 1815 г. — она перенесена на правый берег Сыр-Дарьи, и, видимо, в это время получила название Ак-Мечеть; 1814 г. — Сулак-курган, на сев. склонах Каратау; 1815—1820 гг. — на правобережье Сыр-Дарьи Кумыс-Курган, Яны-Курган, Джулек, а на нижнем течении р. Сары-Су — Яман-Курган; 1821 г. — Аулие-Ата на р. Талас; Кетмень-тюбе на р. Нарыне в сев. Кыргызии; 1822 г. — Кызыл-Курган на р. Куршабе (близ Гульги) в юго-восточной Кыргызии, Дараут-Еурган в Алайской долине (южная Киргизия) 1825 г. — крепости в сев. Кыргызии по р. Чу близ кыргызского хребта: Мерке, Пишпек, Токмак, Атбаши; 1830 г. — Джунгал в районе оз. Сонкуль на Тяньшане; 1830—32 гг. — Куртка на р. Нарыне, выше по течению от Кетмень-тюбе».²⁸ К этому перечню можно добавить, что Кумыс-Курган был крайним западным форпостом, находившимся от Ак-Мечети в 160 верстах, а также крепость Джена-Курган. Кроме того, на берегу Чу, немного выше впадения в нее р. Карагаты, располагалась крепость Ит-кечук (Ит-кечу).²⁹ Таким образом, кокандская власть распространилась в Казахстане как далеко на запад, войдя в соприкосновение с хивинскими постами, так и на восток — в Жетысу.

Интерес к Южному Казахстану проявляли не только правители Коканда, но и соперничавшие с ними владетели Бухары и Хивы.³⁰

Как уже видно из вышеизложенных событий, бухарские эмиры выступали слабыми соперниками кокандских ханов в присырдарьинских районах Казахстана. Дело в том, что Бухара географически занимала центральное положение среди среднеазиатских государств, и ее силы почти постоянно отвлекались на другие, более «перспективные» направления. Поэтому, имея ограниченные возможности вести активную политику на юге Казахстана, бухарские правители предпочитали время от времени оказывать поддержку казахским султанам, как своим естественным союзникам в борьбе против Коканда и Хивы.

Некоторые данные проливают свет на специфику экспансии Бухары в казахских степях. В бухарской хронике «Тарих-и Амир Хайдар» есть намек на то, что казахские султаны — владетели Туркестана в начале XIX в. — Ибрахим-султан и Касым-султан — были в свое время мюридами бухарского эмира Шах Мурада (правил в 1785—1800 гг.),³¹ увлекавшегося мистикой и прозванного его почитателями за это Шах-и ма'сум («Непорочный шах»). От времени его сына и преемника Амир-Хайдара (1800—1826) дошло его письмо на тюрки на имя казахского владетеля Харун-Газы-хана (он же — Арын-Газы, см. ниже), в котором указывается, что эмир пожаловал тому ханское звание с пожеланием о том, чтобы они вместе с Шир Газы-

ханом правили как «две половины одного целого на месте своих отцов» и что «рука милосердия [эмира] не отдалится от их голов». В другом письме Амир Хайдар, обращаясь к биям и аксакалам казахов и каракалпаков, предписывает им не чинить препятствий Мирза Мухаммад Йусуфу и его спутникам, т.к. они — эмирские послы в Турцию и Россию.³²

В 1818 г. Абд ал-Карим Бухари отмечал, что казахи, кочуя, покрывают большие расстояния, так что весной они приближаются к русским границам, а зимой появляются в пределах Хивы, Бухары и Туркестана: племена шекты и торткара (Младший жуз), а также ой, кырк-милтык, бузачи чоудар (группы туркменского происхождения) и каракалпаки держатся окрестностей Ургенча, а шомекей, койут, жаппас, жагалбай (Младший жуз), кыпчак (Средний жуз) и каракалпаки зимуют в окрестностях Ташкента, Бухары и Самарканда; наконец, конраты, уйсуну (хушин) и тама доходят до пределов Ташкента, Коканда вплоть до Андижана и Намангана. В самом начале XIX в. главой племен шекты и торткара был Шир Газы-султан, шомеке, жаппас и каракалпаков — Болекей-султан (ум. 1808/9 г.), племен Среднего жуза, конрат, тама и уйсун — Худай-Банда-султан, а кыргызов и тех, кто кочевал в районе Или и Аксу в Китае — Кобуз-султан.³³ В целом, бухарские правители более или менее контролировали район Кызылкумов и левобережный участок Сырдарьи из крепости Чардара (разрушена русскими войсками в 1866 г.) и, вероятно, Нур-Аты — центра самого северного вайляета Бухары и старинного владения узбекского племени буркут.

Хивинское ханство, занимая Хорезмский оазис и прилегающие районы, издавна поддерживало тесные связи с казахами. Поскольку по чингизову праву Хорезм был частью Джучиева улуса, на протяжении XVIII в. на хивинском троне сменился целый ряд казахских ханов (часто — номинальных) из Младшего жуза, пока в конце XVIII в. к власти не пришла верхушка узбекского племени кунграт, глава которых Элтузер (1804—1806) принял ханский титул на основе легенды, сближающей родословную кунгратов с домом Чингисхана.³⁴ До 1811 г. правители Хивы, занятые укреплением своей власти среди различных туркменских, узбекских и каракалпакских племен, не решались диктовать свою волю казахским владетелям низовий Сырдарьи.

Среди казахских же племен не было единства: каждая крупная родоплеменная группа имела своего хана и вела самостоятельную политику. Главой группы шомекей был Султан Тимур-хан, сын Ер Али-хана. В 1809 г. он с 1500 людьми совершил набег на племена танга-китай и кыпчак, но был разбит. «Падшахом» племени шекты был Абд ал-Азиз-хан, сын Гаиб (Каип)-хана, в 1810 г. ограбивший караван купцов из племени сарыг-китай. Шир Газы-хан, младший брат Абд ал-Азиз-хана, возглавлял племя торткара. Племя табын в 1811 признавало власть Каратай-хана, сына Нур Али-хана. Особенно напряженными были отношения казахских владетелей с биями каракалпаков. Хивинские правители вмешивались в эту межплеменную борьбу.

Зимой 1811/12 г. хивинский хан Мухаммад Рахим (1776—1825, правил в 1806—1825 гг.) направил посольство к Султан Тимур-хану с требованием о покорности, выдаче всех пленных, подданных Хивы, и прекращении грабежей караванов из Хорезма, Мавераннахра и России. Хивинский хан был недоволен также тем, что после переселения им каракалпаков из Йангидарьи этот район заняли казахи, хотя хивинский хан считал его

своим владением. Казахи дали уклончивый ответ, обещая признать власть хивинского правителя в том случае, если ее признает Средний жуз. Не удовлетворенный этим ответом, хан Хивы приказал бросить в зиндан казахских посланцев и, собрав войско из узбекских, туркменских (йомуды и чоудоры) и каракалпакских формирований, лично выступил в конце января 1812 в поход на многочисленное племя шомакей, которое лето кочевало до пределов Волги и р. Урал, а зиму проводило на берегах Сырдарьи и Кувандары.

Хивинские войска, пройдя через Какма-саксаул и степь Актабан-такты несмотря на жестокие холода, перешли по льду Йангидарью и, пройдя мимо Хасан-кала, напали на казахские кочевья. Поздно извещенные о приближении врага, казахи не успели откопаться и были им настигнуты. Хотя Султан Тимур-хан успел спастись бегством, хивинцам досталась огромная добыча: более 100 тыс. овец, свыше 40 тыс. верблюдов и 500 молодых женщин. 15 февраля 1812 г. от Султан Тимур-хана в ставку Мухаммад Рахим-хана прибыли посланцы с письмом об изъявлении покорности. Хивинский хан потребовал от казахов выдать всех невольников, захваченных в хивинских владениях, обещая в этом случае вернуть казахских пленников.

В феврале 1815 хан Хивы послал в набег на казахов племени шекты 5 тыс. воинов во главе с кыятом Суйун-бием, манкытом Досым-бием и Илийас-шигавулом. Главы шекты Абд-ал-Азиз-хан и Джан Назар-бия смогли спастись, бежав за Сырдарью. Хивинцы с большой добычей вернулись в свою столицу. За это хивинский хан щедро наградил Суйун-бия.

В ноябре 1816 г. был совершен новый набег хивинцев на казахов. После нападения 200 казахов на каракалпаков (в декабре 1816 г.), Мухаммад Рахим-хан вновь послал Суйун-бия, Досым-бия и Илийас-шигавула на казахов шекты, подчинявшихся Газы-хану, сыну Абд-аль-Азиз-хана. В походе участвовали йомуды, чоудоры и каракалпаки. Во время похода было убито 20 чел. со стороны нападавших, 2 тыс. чел. — с казахской стороны, а 700 казахских женщин и девушек было взято в плен. Арын-Газы-хан спасся, скрывшись в густых тугайных зарослях.

После этих разбойничьих рейдов часть казахских султанов признала верховенство хивинского правителя. В марте 1819 г. Шир-Газы-хан, дядя Арын-Газы, подарил свою дочь Мухаммад Рахим-хану. Тогда 21 ноября 1819 последний утвердил Джан-Газы-тора, сына Шир-Газы-хана, ханом казахов. Заручившись поддержкой и отца и сына, хан Хивы организовал в 1820 и 1821 гг. два набега на их противника Арын-Газы (его, как известно, поддерживал бухарский эмир Хайдар). Из изложенного становится ясным, что междоусобная вражда казахских султанов переплеталась с соперничеством Хивы и Бухары за влияние в Казахской степи. В своей политике хивинские правители умело использовали межплеменную рознь и вражду и, натравливая одни племена на другие, осуществляли свое господство. Для закрепления своего присутствия хивинцами было построено или восстановлено несколько крепостей в низовьях Сырдарьи. Наиболее известна из них Джанкат, отстроенная на развалинах прежней крепости у истоков одного из рукавов дельты Сырдарьи (в 1840-х гг. эта крепость была известна как Ходжа-Нияз, по имени ее последнего хивинского коменданта, а еще позднее — как укрепление Раим, по имени одного караванбаши, торговавшего с Россией). Однако Хива не могла серьезно соперничать с

Кокандом в Казахстане, будучи значительно слабее и уступая по своему потенциалу и Коканду и Бухаре по численности населения, Хивинское ханство в середине XIX в. было в 2,5–3 раза меньше Бухарского эмирата и в 3–3,5 раза меньше Кокандского ханства. Поэтому политику балансирования Хивы на межэтнических противоречиях можно рассматривать как проявление достаточно слабого контроля над казахами Приаралья. В то время как кокандские правители старались ввести прямое административное управление в Южном Казахстане, хивинские ханы продолжали использовать институт казахских султанов и ханов как главный инструмент своей политики в отношении казахов.

3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЛИЯНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЖЕТЫСУ В 20-е гг. XIX в.

За активностью среднеазиатских ханств в Казахстане внимательно следили как русская администрация Оренбурга и Сибири, так и маньчжурокитайские власти в Синьцзяне.

В Жетысу, где кочевали крупные племена Старшего жуза албан, дулат и шапрашты, еще в 1778 некий «ташкентский мингбаши (тысячник)» соорудил около р. Каскелен укрепление. В 1810-е гг. кокандская экспансия охватила сначала юго-западное, а затем и все южное Жетысу (Зайлиийский край). В этой обстановке представители Старшего жуза обратились в 1818 г. к царскому правительству с просьбой о принятии их в российское подданство. 18 января 1819 г. русское правительство, рассмотрев просьбу, официально провозгласило казахов Старшего жуза добровольными подданными России. Тогда же сын Абылай-хана султан Суюк (Сюк) присягнул на подданство вместе с 55 тыс. подвластными ему людьми. В 1822 г. еще 14 султанов — внуков Абылай-хана и сыновей Адил-торе обратились к русским властям с прошением о подданстве, которое было удовлетворено подписанием Александром I 13 мая 1824 г. документа о подданстве этих султанов вместе со 165 тыс. душ мужского пола. Первыми приняли подданство племена уйсун, жалаир, абдан (албан), суан, шапрашты, ысты, ошакты, канлы и др.³⁵ Стремясь привлечь казахских скотоводов на свою сторону, русская администрация Сибири установила размер подати со скота в 2,5 раза меньше (1%), чем он взимался кокандскими сборщиками.³⁶

Вместе с тем Россия пыталась сдерживать кокандское проникновение в Жетысу, пользуясь дипломатическими средствами. В 1828–1829 годы, т.е. во время русско-турецкой войны, в России находилось кокандское посольство во главе с Турсун-ходжой судуром. Петербург предложил разделить сферы кокандских и русских интересов по реке Чу: русские не должны были переходить на ее левый берег, а кокандцы — на правый. Предложение было принято. Однако затем кокандцы нарушили соглашение: на севере их аванпост появился в горах Улытау, а в Зайлиийском крае были построены их укрепления Кастек (Аштак, Хаштак в кокандских источниках), Уч-Алматы (также — Уч-Алма-Ата) и Тойчубек.

В мае 1834 г. Лашкар-кушбеги с 6-тысячным отрядом двинулся на север, достиг пункта Алача-хан (мавзолей Алаша-хана) в Приишимской степи, в урочище Улытау основал крепость с гарнизоном в 1000 человек. Эти действия проводились под предлогом поддержки султана Саржана Касы-

мова, поднявшегося против русских властей. В том же 1834 г. выступивший из Акмолинска русский отряд (700 сабель, 51 штук и 6 пушек) взял эту крепость и разрушил ее укрепления, отпустив гарнизон домой, в Ташкент.³⁷

Цинские власти также проявили свою активность в Жетысу. Вот что писал об этом Ч. Ч. Валиханов: «Хотя до появления русских войск в этой части степи Большая орда и считалась под покровительством России с 1824 года, но китайцы не переставали посылать в Заилийский край свои отряды для сбора ничтожной дани до 1840 г., в который они потерпели горестное и плачевное поражение от здешних чапраштов при урочище Тирен-Узек».³⁸

Итак, созданная кокандцами цепь крепостей в районах кочевых зимовий позволяла контролировать огромную территорию и взимать налоги с казахских, кыргызских и каракалпакских скотоводов. Если в 1810-е гг. наместнику Ташкента подчинялось 40 лаков (т.е. 400 тыс.) казахов, то, судя по османскому документу начала 1830-х гг., численность (вероятно, завышенная) подвластных Коканду казахов составляла 200 тыс. кибиток, а кыргызов, каракалпак и кочевников Курамы (Шахрухия), вместе взятых, — 200 тыс. кибиток, при оседлом населении ханства — до 3 млн. чел.³⁹

Используя межплеменную рознь и ставя отдельные роды в более привилегированное положение, кокандцы следовали принципу «divide et impera» (с лат. — разделяй и властвуй). Наиболее благоприятными условиями пользовались казахи, обосновавшиеся в Ташкенте и расселенные в его окрестностях родоплеменные группы шанышкылы и канлы, продолжавшие, как и прежде, быть опорой ташкентского наместника. Они служили в войске и могли занимать административные должности. Позже, в 1859—1861 гг. одному из них — Рустамбеку, сыну Казакбая, аксакала Ташканди — дважды доверили на некоторое время (до года) высшую административную должность наместника вилайета Ташкента и Дешт-и Кыпчака, но это было исключением (Рустамбек приходился братом жены правившего в 1858—1862 в Коканде Малла-хана).

Основная же масса казахов обязана была платить зякет. К этой категории относилось большинство родов Старшего жуза (ысты, ошакты, шапрашты, жалаир, сиргели, сыйкым, шымыр, жаныс и суан), часть — из Среднего (конрат, часть кыпчаков, найманов и аргынов) и Младшего (жаппас).⁴⁰ Несмотря на относительно небольшие нормы (1/40 часть имущества по шариату), налог этот был тяжелым для казахов, ибо при отсутствии контроля со стороны ташкентской администрации он легко превращался в массовое вымогательство и грабеж с целью личного обогащения его сборщиков (зякетчи). На кочевавших вблизи кокандских крепостей степняках лежали обязанности по содержанию их гарнизонов, ремонту и расширению этих укреплений.

Казахи привлекались в военные походы, организуемые кокандскими ханами. Так, при Умар-хане «казахи Арки» участвовали в походе на Ура-Тюбе, под командованием Лашкара-кушбеги они участвовали в походе кокандцев на Кашгар (1826 г.) и т.д.⁴¹ Это участие можно рассматривать и как воинскую повинность, и как средство обогащения.

Интересно, что в годы наместничества Лашкара-кушбеги для удержания в повиновении Степи использовались силы тех же кочевников: в его войске только 3 тыс. чел. составляли горожане (шахры), а остальные были из числа казахов и кыргызов,⁴² то есть использовались одни племена для умиротворения других.

Как уже отмечалось, высшим административным лицом для юга Казахстана был наместник (хаким) Ташкента. На практике ему подчинялся также наместник (хаким) Туркестана, управлявший присырдарьинскими районами Казахстана. У хакима Ташкента было два помощника — саркар (или мирзабаши), ведавший сбором налогов и гражданскими делами, и батурбаши (войсковой начальник), занимавшийся военными вопросами и делами кочевников. В своей степной политике кокандцы опирались, в отличие от русской администрации, не на султанов-чингизидов, а на представителей родов — биев, некоторым из них присваивали титул дадхах (датха), освобождаявший его носителя от уплаты налогов.

Поскольку своими завоеваниями в Казахстане кокандские правители во многом были обязаны воинским формированиям, укомплектованным пришельцами из горного Таджикистана, Памира и сопредельных районов, знатные лица из их числа пользовались преимуществом на получение административных постов на юге Казахстана и в Ташкенте. Так, наместником Ташкента (и, соответственно, Южного Казахстана) в 1810—1816 гг. был покоритель Туркестана бадахшанец Раджаб-диванбег. В 1840-х гг. управлял Туркестаном, а затем в 1860—1862 гг. — Ташкентом Кана'ат-шах (убит в 1862 г.), родом из каратегинского кишлака Самсалык. Едва ли не последним кокандским комендантом Йаны-Кургана в 1862 г. был пансадабаши (пятисотник) Султан-бий Каратегини, а последним кокандским хакимом Туркестана был дадхах Мирза Давлат-бий Каратегини.⁴³

В Средней Азии этнонимом «таджик» тогда обозначались не все, а только горные таджики и близкие им народности Памира, Бадахшана и т.п. По существу, к их среде принадлежал Лашкар-кушбеги.

Обнаруженный не так давно в Туркестане архив кокандского периода включает документы на каратегинском диалекте таджикского языка, тогда как официальным (и элитарным) языком Кокандского ханства был среднеазиатский фарси (таджикский литературный язык XVI—XIX вв.). Так в ходе развития исторических событий сплетались и перекрещивались судьбы народов Казахстана и горного Таджикистана, Ферганы и Среднего Востока.

Казахские скотоводы вовлекались во взаимовыгодные культурные и торгово-экономические связи. Например, в организации караванной торговли Средней Азии с Россией активно участвовало племя жаппас. Его люди ежегодно приезжали в Ташкент и подражались на своих верблюдах перевозить товары среднеазиатских купцов. Об исключительной честности казахов тех лет рассказывали, что они, найдя оброненные купцами товары, догоняли тех в течение одного дня пути и возвращали владельцам пропажу, пусть даже незначительную.⁴⁴

Так было в мирные годы наместничества Лашкара-кушбеги, который, извлекая урок из восстаний Токай-торе и Тентек-торе, проводил умеренную налоговую политику (собирая каждую весну налоги, он соблюдал нормы шариата и адата, не посягал на имущество скотоводов, предоставив их самим себе) и твердо управлял Степью. Прекратились столкновения между казахами и кыргызами, на некоторое время воцарились спокойствие, относительная безопасность и дешевизна. В Аулие-Ате 1 ман зерна по ташкентским весам (170—172 кг) стоил 2 таньги (40 копеек серебром). Мухаммад Хаким-хан, кокандский принц, изгнанный в 1823 г. из ханства, человек независимых взглядов, писал, что Лашкар-кушбеги правил каза-

хами как падишах, и за долгое время они «привязались к нему». Другой автор, ташкентец Абу Убайдаллах Мухаммад, с ностальгией вспоминая то время, отмечал: что тогда было такое спокойствие, что если бы девственница одна поехала от русских владений до Ташкента и обратно, ей не причинили бы вреда!¹⁴⁵

В рассматриваемый период были созданы условия для роста населения кокандских крепостей и превращения отдельных из них — Чимкент и Аулие-Аты — в небольшие города, центры ремесла, торговли и мусульманской культуры. Лашкар-кушбеги, благоустроив окрестности Ташкента, построил укрепленный рабат (постоялый двор) на полпути из Ташкента в Чимкент (ныне — Шарапхан). Он благоустроил также Чимкент, возведя там базар и караван-сарай. В Ташкенте им было построено медресе.⁴⁶

¹ Обзор кокандских источников по Казахстану см.: *Бейсембиев Т. К.* Кокандская историография как источник по истории Казахстана XVIII—XIX веков // Памятники истории и культуры Казахстана. Сб. Центрального Совета Казахского общества охраны памятников истории и культуры. Вып. 4. А., 1988, с. 100—105.

² *‘Абд ал-Карим Намангани «Фазли»*. ‘Умар-нама. Рукопись СПбФ ИВ РАН, С 2467, лл. 846—92а. Политико-правовая идеология Кокандского ханства постулировала происхождение его правителей от Бабура, через него — от эмира Тимура и далее возводила их генеалогию к деду Чингисхана Бартан-хану. Этим обосновывалось исключительное право кокандских ханов на свой титул и верховную власть (см.: *Бейсембиев Т. К.* Легенда о происхождении кокандских ханов как источник по истории идеологии в Средней Азии (на материалах сочинений кокандской историографии) // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. А., 1983, с. 94—105.

³ Ферганские кыпчаки, как установили русские исследователи А. И. Макшеев, М. А. Терентьев и узбекский этнограф К. Ш. Шаниязов, до начала XVIII в. входили в состав Среднего казахского жуза, а затем в годы «великого бедствия» нашли пристанище в Фергане и с тех пор развивались как крупный самостоятельный этнос вплоть до 1920-х гг., пока не вошли в состав узбекской нации (*Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента), Ташкент, 1974, с. 103—104). О казахских чингизидах в Фергане конца XVII — сер. XVIII в. см.: *Мухийн Хуканди*. Та’рих. Рук. ИВ АН Узбекистана, № 604, л. 14а; *Исхак-хан*. Та’рих-и Фергана. Рук. Института рукописей АН Таджикистана, № 1512, л. 102а; *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, с. 63—64; *Валидов А. З.* Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия // ПТКЛА, год двадцатый, 1916, вып. 2, с. 114.

⁴ *Бейсембиев Т. К.* «Та’рих-и Шахрухи» как исторический источник. А., 1987, с. 14, 16.

⁵ Анджум ат-таварих. Рук. ИВ АН Узбекистана, № 11366, лл. 926, 102а; *Чехович О. Д.* Сказание о Ташкенте. Памятники письменности Востока. Историко-филологические исследования. 1968, М., 1970, с. 173—174, 178—179, 185—186; *Ее же*. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в. // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976, с. 158.

⁶ Анджум ат-таварих, лл. 936—946; Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году // Вестник Русского Императорского Географического Общества. Т. 1, ч. 1, отд. IV. СПб., 1851, с. 29.

⁷ *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.) // Записки ИВ АН СССР. Т. VII. М.—Л., 1939, с. 100.

⁸ *Там же*, с. 101—102; Анджум ат-таварих, л. 946; *Чехович О. Д.* Сказание о Ташкенте, с. 175, 179, 188; *Бейсембиев Т. К.* «Та’рих-и Шахрухи», с. 67, 95.

⁹ *Мулла ‘Аваз Мухаммад «Аттар» Хуканди*. Тухфат ат-таварих-и хани. Рук. С*440 СПбФ ИВ РАН, лл. 91а—926; Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году, с. 23; *Зимин Л.* Первые шаги Алим-хана на государственном поприще // ПТКЛА. Год XVIII, 1913, с. 105; *Иванов П. П.* Указ. соч., с. 105—106.

- ¹⁰ Мулла 'Аваз Мухаммад «Аттар» Хуканди. Указ. работа, л. 956; Чехович О. Д. Сказание о Ташкенте, с. 175–176, 179–180, 188–192; Бейсембиев Т. К. «Та'рих-и Шахрухи», с. 96.
- ¹¹ Чехович О. Д. Сказание о Ташкенте, с. 192–193 (фрагмент факсимиле рукописи); Мулла 'Ибадаллах и Мулла Мухаммад Шариф. Та'рих-и Амир Хайдар. Рук. ИВ АН Узбекистана, № 1836, л. 79а–б; Мухаммад Салих-ходжа Ташканди. Та'рих-и джадида-йи Ташканд. Рук. ИВ АН Узбекистана, № 7791, л. 3506.
- ¹² Иванов П. П. Указ. работа, с. 104; Абд ал-Гафур. Зафар-нама-йи Худайар-хани. Рук. ИВ АН Узбекистана, № 598, л. 536; Тора-ходжа Андижани. Мир'ат ал-футух. Рук. Библиотеки А. А. Семенова при АН Таджикистана, № 5422, с. 108; Бейсембиев Т. К. «Та'рих-и Шахрухи», с. 79.
- ¹³ Анджум ат-таварих, лл. 1026–1056; Мулла Аваз Мухаммад «Аттар» Хуканди. Указ. работа, лл. 112а–1136; Иванов П. П. Указ. работа, с. 111, 113–117; Бейсембиев Т. К. «Та'рих-и Шахрухи», с. 97.
- ¹⁴ Мулла 'Ибадаллах и Мулла Мухаммад Шариф. Указ. соч., лл. 776–796; Мирза Каландар «Мушириф» Исфараги. Шахнама-йи Умар-хани. Рук. С 471 СПбО ИВ РАН, л. 916. Таким образом, исход казахов в Западный Китай в 1930-х гг. был не чем-то новым, а вполне традиционным, повторяя подобные же действия прошлого.
- ¹⁵ Анджум ат-таварих, л. 106а; Иванов П. П. Указ. работа, с. 94, 119 и 121; Бейсембиев Т. К. «Та'рих-и Шахрухи», с. 98–100; Ходжиев Э. Х. Экономические и политические связи Ташкента с Россией (конец XVIII–начало XIX в.). Ташкент, 1992, с. 84.
- ¹⁶ Ср.: Анджум ат-таварих, л. 1066 и Мухаммад Салих-ходжа Ташканди. Указ. работа, л. 3906–3926.
- ¹⁷ О политической роли этой группы см.: Бейсембиев Т. К. Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в XVIII–XIX веках (по некоторым сочинениям кокандской историографии) // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985, с. 38, 42–43.
- ¹⁸ Мухаммад Салих-ходжа Ташканди. Указ. работа, лл. 3966–4006; Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l'Asie Centale. Paris, 1876, p. 220; Бейсембиев Т. К. «Та'рих-и шахрухи», с. 98–101.
- ¹⁹ 'Абд ал-Карим Намангани «Фазли». Указ. работа, лл. 34а–37а; Анджум ат-таварих, лл. 1156–1166.
- ²⁰ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968, с. 60 (развалины Карнака ныне находятся в 25 км к юго-западу от Туркестана, близ поселка Атабай); 'Абд ал-Карим Намангани «Фазли». Указ. соч., лл. 846–92а; Мирза Каландар «Мушириф» Исфараги. Указ. соч., лл. 896–916.
- ²¹ Назаров Ф. Указ. работа, с. 30; Миддендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975, с. 69; Мулла 'Аваз Мухаммад «Аттар» Хуканди. Указ. работа, л. 170а.
- ²² 'Абд ал-Карим Намангани «Фазли». Указ. работа, лл. 646–75а; Мулла 'Аваз Мухаммад «Аттар» Хуканди. Указ. работа, лл. 1686–170 б.
- ²³ Там же, лл. 1706–1716; Komaatsu H. Khoqand and Isstanbul: An Ottoman Document Relating to the Earliest (Balkan and Asia Minor Studies), 1989, XV, pp. 35–52 (на яп. яз.); Бейсембиев Т. К. «Та'рих-и Шахрухи», с. 102. Туркестан был утрачен Кокандом в 1864 г. после непродолжительной осады и взятия его русскими войсками.
- ²⁴ 'Абд ал-Карим Намангани «Фазли». Указ. работа, лл. 91а–96а; 1126–1246; Мирза Каландар «Мушириф» Исфараги. Указ. работа, лл. 1016–1066; Мухаммад Хаким-хан-тора. Мунтахаб ат-таварих. Рук. СПбО ИВ РАН, С 470, л. 238а.
- ²⁵ Источники не приводят точной даты восстания Тентек-торе, сообщая лишь, что оно произошло летом. Современные историки, ссылаясь на В. П. Наливкина (Указ. работа, с. 117–121), датируют его 1821 г., но последний прямо не указывает эту дату. Вопрос о дате восстания остается открытым.
- ^{26–27} 'Абд ал-Карим Намангани «Фазли». Указ. работа, лл. 124а–134а; Мирза Каландар «Мушириф» Исфараги. Указ. работа, лл. 1146–122а.

²⁸ Соколов Ю. В. Начало военных действий против Кокандского ханства и вопросы присоединения его к России // Материалы по истории присоединения Средней Азии к России, ч. 1 (Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Вып. 343). Ташкент, 1969, с. 57.

²⁹ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. III. СПб., 1849, с. 214; Мухаммад Инуус Диддах шигавул Ташканди. Та'рих-и 'Аликули амир-и лашкар. Рук. ИВ АН Узбекистана, № 12136, л. 18а. Мы пользовались также русской картой 1860-х гг. «Карта Южной части Туркестанского края».

³⁰ Вопрос о бухарской экспансии в казахские степи практически еще не исследован.

³¹ Мулла 'Ибадаллах и Мулла Мухаммад Шариф. Указ. работа, л. 79а–б.

³² Мунша'ат, нишан ва йарлигха. Рук. Института рукописей АН Таджикистана, № 2689, лл. 31а–32а, 62б–63а.

³³ Mir Abdoul Kerim Boukhary. Op.cit., pp. 194–196 (отмечается, что все эти главы – Джучиды); Материалы по истории казахских ханов XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. А., 1969, с. 475.

³⁴ Bregel Yu. Tribal Tradition and Dynastic History: the Early Rulers of the Qongrats According to Munis. - Asian and African studies 16(1982), Haifa, The Institute of Middle Eastern Studies, 1983, pp. 383–384. Сведения о казахско-хивинских отношениях в рассматриваемый период содержатся в хронике «Фирдаус ал-икбал»: Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. Firdaws al-igbal: History of Khorezm. Ed. by Yury Bregel. Leiden-New York-Kopenhagen-Koln, E. J. Brill, 1988, pp. 712–713, 752, 813, 856–884, 941–946, 976–983, 1007, 1043, 1050–1058, 1070 (чагатайский текст). Эта проблема освещалась, главным образом, на базе русских материалов, в работе: Шалекенов У. Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII–XIX вв. Ташкент, 1966, с. 18–54.

³⁵ Валиханов Ч. Ч. О киргиз-кайсацкой Большой орде // Соч. Т. 1. А., 1984, с. 180–182; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 132–133; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867); Сборник документов и материалов. А., 1964, с. 204–205, 214. (КРО-1).

³⁶ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, с. 209.

³⁷ Мухаммад Инуус Джан диддах шигавул Ташканди. Указ. работа, лл. 15б–17а; Соколов Ю. А. Указ. соч., с. 44–47; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974, с. 229–230.

³⁸ Валиханов Ч. Ч. Указ. работа, с. 181.

³⁹ 'Абд ал-Карим Намангани «Фазли». Указ. работа, л. 47б; Racque-Grammont J.-L. Turan: Une description du khanat de Jhokand vers 1832 d'après un document ottoman. - Cahiers du monde russe et soviétique. XIII. № 2, 1972, pp. 194–195, 207–210.

⁴⁰ Валиханов Ч. Ч. Записки о Кокандском ханстве // Соч. т. III. А., 1985, с. 315; Радлов В. В. Из Сибири: Странички из дневника. Пер. с нем. К. Д. Цивинной и Б.Е. Чистовой. М., 1989, 113–115; Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40 годы XIX века. А., 1992, с. 161–163.

⁴¹ Мирза Каландар «Мушриф» Исфараги. Указ. работа, л. 7б; Мухаммад Салихходжа Ташканди. Указ. работа, лл. 422а–429б.

⁴² Абу Убайдаллах Мухаммад Ташканди. Худасат ал-ахвал. Рук. ИВ АН Узбекистана, № 2084, л. 166а.

⁴³ Бейсембиев Т. К. «Та'рих-и Шахрухи», с. 82; Мухаммад Салих-ходжа Ташканди. Указ. работа, лл. 551а, 571а–573а.

⁴⁴ Мухаммад Инуус Джан диддах шигавул Ташканди. Указ. работа, л. 82а–б; Абу 'Убайдаллах Мухаммад Ташканди. Указ. работа, л. 77б.

⁴⁵ Там же, лл. 77а–78а; Мухаммед-Хаким-хан-тора. Указ. работа, л. 691б.

⁴⁶ Мухаммад Салих-ходжа Ташканди. Указ. работа, лл. 399а, 638б, 557б–558а, 575а и 1002а.

Глава восьмая

ВВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КАЗАХСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

1. ОТМЕНА ИНСТИТУТА ХАНСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕМ ЖУЗЕ И УСТАВ О СИБИРСКИХ КАЗАХАХ 1822 г.

Геополитическое местоположение Казахстана в случае завершения присоединения его в состав и без того разросшейся империи, позволило бы, раздавив слабые в военном отношении Кокандское и Хивинское ханства, свести на нет домогательство первой колониальной империи — Англии в районе Восточного Туркестана, чему преградой оставался Казахский край.¹ В журнале военно-топографического описания «Киргизской степи» за 1820 г. можно прочесть следующее: «Петр Великий, стремясь к расширению активной торговли русских и, простирая свои виды широко, посмотрел на Индию; желая в корне изменить обоюдные отношения, он думал не только расширить торговые сношения, решил сделать стратегический шаг с целью подчинить своей власти Хивинского, а затем и Бухарского владетелей, а также г. Яркетъ (т.е. китайский город Яркенд. — *Ред.*), где и надеялся найти богатые золотые россыпи».² Экономические интересы Российской империи наряду с глобальными политическими планами Петербурга, ускоряли постепенное продвижение ее в глубь Центральной Азии, придерживаясь при этом стратегических предназначений царя.

Помимо отмеченных обстоятельств, отмена института ханства также ускорялась опасениями правительства, что приграничные районы юго-восточного Казахстана, сохранившие к тому времени политическую обособленность, из-за колониальных захватов и открытого вытеснения автохтонного населения с веками насиженных мест могут «податься» в китайскую сторону и принять «богдыханское подданство». О чем в свое время писала известный историк Н. Г. Аполлова: «Русское правительство, — отмечала она, — контролируя дипломатические связи своих неустойчивых подданных (т.е. казахов. — *Ред.*) пыталось всеми способами предупредить возможности их перехода в другое подданство».³

Смерть Абылая в 1781 г., раздоры между его многочисленным потомством ослабили ханскую власть. Более того, в 1795 г. два султана, 19 старшин и 122 360 казахов направили на имя императрицы Екатерины II прошение об отстранении Уали с ханского престола.⁴ Правительство тогда сочло нецелесообразным ликвидировать ханскую власть, однако, с целью

ее ослабления несколько позднее назначило в Среднем жузе наряду со здравствующим Уали второго хана — султана Бокея.

27 декабря 1810 г. Сибирская администрация разработала и разослала по всем крепостям Ишимской, Верхнеиртышской, Алтайской линий «клятвенное обещание на подданство». Оно обязывало казахов, принявших российское подданство, строго придерживаться российской ориентации, и за «клятвопреступления» предусматривались строгие взыскания. Подобные предписания, наоборот, усложняли обстановку в Среднем жузе и, несмотря на относительное затишье, наиболее дальновидные султаны, бии, старшины, множество казахских аулов, почувствовав надвигающуюся угрозу, «бежали в чужие страны», особенно в Синьцзян, откочевывали в пределы среднеазиатских владений.⁵

Петербургский двор выжидал, искал поводов к бескровному смещению соправителей: Бокея и Уали. И тот, и другой не обладали необходимыми качествами для управления обширным краем. Россия, проводя политику «разделяй и властвуй», натравливала их друг на друга, переманивая на свою сторону зажиточных султанов, по своим богатствам соперничавших с гордыми обедневшими ханами. Сведения А. И. Левшина, что немало казахов, в табунах которых «считают» по 8, 9 или даже 10 тыс. лошадей, 400—500 верблюдов, до 20 тыс. овец,⁶ отражают состояние наиболее богатых султанов-скотовладельцев. Богатство давало политический вес, обладало чуть ли не магическим свойством в притягивании к ним разорившихся из-за частых кочевок по землям чужих родов аулов, лишившихся собственности и угодий вследствие активизации военных функций крепостей и заселения плодородных районов казахским контингентом. К тому же значительная удаленность казахских степей от центральных губерний и правительственных учреждений, коррупция, охватывавшая военно-чиновничье сословие Западно-Сибирской администрации, в подчинении которой оказались громадные районы Северо-Восточного Казахстана, уже вошедшие в состав империи, отдавали их, как и других местных «инородцев», почти под бесконтрольную власть местных колониальных властей и алчных чиновников.

Отсутствие внутренней, близкой к российской административно-территориальной формы управления, сохранение ханской власти чингизидов как-то сдерживали действия правительства. И вот наступило долгожданное облегчение — в 1817 г. скончался хан Бокей, а через два года — Уали. Петербург решился на односторонний шаг — более ханов в Среднем жузе не назначать и, тем более, по древним обычаям, восходящим ко времени «Великого потрясателя вселенной» — Чингисхана, их не избирать.

Наступил парадоксальный случай, когда районы, на которые не распространялась российская власть, оказались лишенными верховного сюзерена, отсутствовала всякая форма реальной власти. Практически ханство было отменено сверху, без хотя бы видимого согласия или предварительных переговоров с влиятельными султанами.

Разработку новой реформы царь возложил на графа М. М. Сперанского, известного в те годы либерально настроенного деятеля, одной из образованнейших личностей своей эпохи. Стержнем его многогранной деятельности явился ввод новых законодательных актов, уничтоживших традиционную ханскую государственность в Среднем жузе.

Для более подробного исследования и съемки малоизученных районов М. М. Сперанский предлагал «провести в известность сибирские земли».⁷ В составлении этой записки активное участие принимал будущий декабрист Г. С. Батюшков. Кроме того, к законопроектам об управлении Сибирью им был разработан ряд дополнительных, пояснительных разделов: сухопутные сообщения, учреждение этапов, ссыльные «инородцы», распространение русской власти на «степь Средней Орды». Эти нововведения были призваны свести на нет действие сохранявшейся местной системы управления и как-то приблизить устройство бескрайних степных просторов к российскому губернскому правлению.

22 июня 1822 г. царем было утверждено 10 законов, составивших основу «Учреждения для сибирских губерний», Устава об управлении «инородцами», Устава об управлении «киргиз-кайсаками», Устава об этапах, Положения о земельных повинностях, Положения о хлебных запасах, долговых обязательствах между крестьянами и «инородцами».⁸

Согласно «Сибирскому учреждению...» азиатская Россия была разделена на 2 генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске, Восточно-Сибирское — в Иркутске. К первому были отнесены Тобольская, Томская губернии и Омская область;⁹ в состав последней предполагалось включить районы Среднего жуза, состоявшие в российском подданстве.

Отменив традиционную государственность в Среднем жузе, упразднив ханское звание как «совершенно излишнее»,¹⁰ правительство, опираясь на Устав о сибирских казахах, ввело новую форму правления. Согласно § 3 казахи, географически расселенные в Юго-Западной Сибири, были причислены к «сословию кочевых инородцев», и пользовались равными правами, а «страну сибирских киргизов» прежде всего составляли внешние округа, которые, до учреждения в 1838 г. Пограничного управления казахами Западной Сибири, были подчинены Омской области.

Изменения касались административно-территориальных структур казахских родов: округ, волость, аул — новая степная триада практически должна была свести на нет прежнюю родовую систему управления. Параграфом 5 была определена новая структура: аул — от 50 до 70 кибиток, волость — от 10 до 12 аулов, округ — от 15 до 20 волостей.¹¹

Устав ввел разграничения в земельные владения, принадлежавшие округам: причем § 9 ограничивал своевольный переход кочевников из одного округа в другой, для чего требовалось «точное позволение местного начальства». Это означало ломку общинно-патриархальных традиций пользования земельными угодиями. Теперь казахским аулам позволялось кочевать лишь в пределах своей окружной территории, не заходя в кочевья соседнего округа.

§ 15 Устава установил новый порядок управления отдельными подразделениями округов: во главе аулов — аульный старшина, волостей — волостные султаны, округов — старшие султаны (ага султаны, ел билеуши). Эти перемены должны были ослабить влияние чингизидов, с древних времен обладавших административными привилегиями; в то же время султаны, не управлявшие волостями, сохраняли прежнюю сословную принадлежность, хотя им строго запрещалось «вмешиваться» в управление окружными подразделениями.

Большими правами наделялись старшие султаны, под предводительством которых в окружном приказе на заседаниях должны были присутствовать два российских заседателя, назначаемых областным начальством, и два других — из «почетных киргизов» по выбору.

Старшие султаны, избравшиеся из среды заслуживших доверие правительства, влиятельных чингизидов, два их заместителя — казахи, также проходившие малопопятную для них процедуру выборов, с двумя другими назначаемыми чиновниками, создавали видимость коллегиального управления; практически старшие султаны в скором времени становились послушными орудиями местной колониальной администрации. А вскоре, в ходе длительного межродового противоборства за избрание на высшую должность в округе своих представителей, часть степной аристократии, добиваясь расположения омских чиновников, с целью сокрушить своих противников, заняла двойственную позицию, внешне выражая солидарность с правительственной политикой, внутренне не теряя надежды на восстановление прежнего ханства. Ни пурпурные халаты, которые надевали на плечи новоиспеченных султанов, ни почетные звания — «ел билеуші» («правитель страны»), ни серебряные и золотые медали не могли изжить дух преданности традициям родовой старины, кочевой вольности, не говоря о массе номадов, находившихся под властью биев, родоправителей.

Важным направлением в политике правительства в отношении местных номадов являлось желание побудить их к земледелию, перебороть «пастушескую жизнь», поощрить их к переходу к землепашеству. §§ 177, 178 разрешали отвод земельных участков — до 15 десятин для тех, кто переходил к оседлости, для султанов разрешалось выделить «тройную», а старшинам «двойную порцию» земли. Этим путем колониальные власти стремились искоренить барымту, межродовые распри, ослаблявшие влияние России, затруднявшие борьбу с остатками ханской власти.

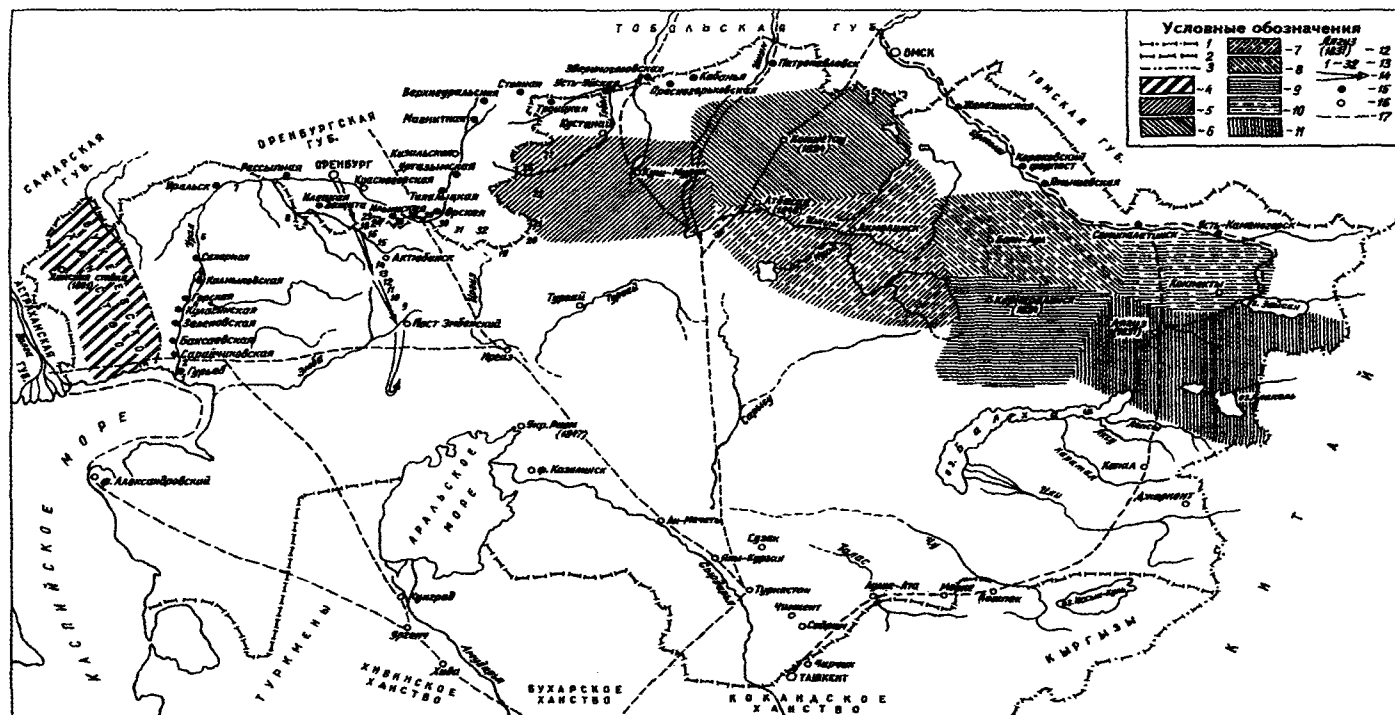
Устав вводил новые категории повинностей и налогов. Правда, при этом М. Сперанский и его окружение преднамеренно установили пятилетнюю льготу, или освобождали от всех податей все категории кочевого населения; очевидно, такой поворот был обусловлен стремлением предупредить недовольство населения, привыкшего нести повинности по старой феодальной системе: жакет и согым в кочевых районах, ушур — в земледельческих.

Реформа создавала положительные предпосылки для роста торгово-экономических процессов в Казахстане. Известную заинтересованность царизма в этом следует объяснить, помимо экономических факторов, его побуждением укрепить среди кочевников свое политическое влияние.

Еще в самом начале XIX в., добиваясь прав для кочевания на территории, находящейся под контролем царских властей, реализовать возможности для широкого обмена в крепостях и других селениях продукции скотоводства, отдельные казахские султаны сами проявляли инициативу в развитии двусторонних торговых связей. В данной связи § 188 позволял казахам без ограничений сбывать свои товары свободно «как внутри своего округа, так и вне оного».¹²

В начале XIX в. заметно возрастает значение Бухтарминской, Усть-Каменогорской крепостей, Петропавловска, Семипалатинска.

Ряд параграфов Устава внес коррективы в судебную систему, в соответствии с § 205 дифференцированную на три категории: уголовные, ис-

Казахстан в первой половине XIX века. Условные обозначения: 1 — государственная граница; 2 — границы Казахстана; 3 — границы Букеевского ханства (с 1801 г.); 4 — район восстания в Букеевском ханстве; внешние округа в Среднем жузе (1824—1844 гг.); 5 — Кусмурынский; 6 — Кокчетавский; 7 — Акмолинский; 8 — Баянаульский; 9 — Каркаралинский; 10 — Кокпектинский; 11 — Аягузский; 12 — основание городов; 13 — дистанции в Оренбургском генерал-губернаторстве; 14 — хивинский поход Перовского (1839—1840 гг.); 15 — крепости; 16 — прочие населенные пункты; 17 — торговые пути.

ковые и по жалобам на областное управление. К уголовным делам были отнесены государственная измена, грабеж, барымта, явное неповиновение установленной власти; причем все исковые дела теперь разбирались с участием биев в аулах и волостях, § 216 в целом сохранял значение традиционного бийского суда «по киргизским обычаям и законам»; более того, § 220 в случае «неосновательного решения» дел биями привлекал их к ответственности, причем за кочевниками сохранялось право обжалования решений низших судебных инстанций,¹³ что несколько ограждало рядовых номадов от возможного произвола со стороны местных толкователей шариата: положение допускало оформление жалоб кочевников и на султанов. В подобных случаях судебное разбирательство переносилось на заседание областного управления. Специальный параграф оговаривал выплату жалования старшим султанам, заседателям окружных приказов, султанам, управляющим волостями, перевода вчерашних высокородных чингизидов в категорию государственных служащих, на которых распространялись действовавшие в ту пору законы империи. Архивные документы позволяют с достаточной достоверностью определить и суммы оплаты за службу для каждой категории окружных чиновников: старший султан в год получал 1200 руб., каждому российскому заседателю — по 1000, заседателям-казахам — по 200, переводчику — по 800, лекарю — 1000, волостным султанам — по 150, письмоводителям — по 300 руб. и т.д.¹⁴ Всего в каждом окружном приказе состояло до 15 штатных работников. Кроме того, Устав определял дополнительные статьи расходов для содержания больницы — 500 руб, на ежегодные праздники — 3000, на «заведение» школ и училищ — 5000, для «поддержания» благотворительности — 500 руб. Всего ежегодные расходы не должны были превышать 31 000 руб.¹⁵

Реформа расширяла условия для просвещения населения Среднего жуза: семь параграфов (243–249) предусматривали распространение грамотности; § 250 Устава обязывал окружные приказы «всеми средствами заботиться, чтоб никто из вверенного им населения не терпел нищеты и не оставался без призрения».¹⁶ В этом явно просматривается влияние графа М. Сперанского, сторонника широких преобразований обширного региона, искоренения злоупотреблений, имевших место по всей Сибири. Впоследствии старший султан Кунанбай Оскенбаев, руководствуясь данной статьей Устава, добился от начальника Пограничного управления Западной Сибири согласия открыть школу и мечеть в Каркаралинском приказе.¹⁷ Вводя в действие законодательный акт, правительство не исключало противодействия населения, а потому специальный параграф 284 рекомендовал претворять его в жизнь постепенно, начиная с тех волостей, которые «особенно испрашивали себе покровительство», присягали на подданство; и лишь после первых опытов, предполагалось «пригласить прочие волости».

Более того, § 291 устанавливал последовательность в открытии округов «один после другого» по мере расходования средств, какими областное начальство располагает.¹⁸

Разъезды и пикеты, специально организуемые одновременно с окружными приказами, наделенные военно-полицейскими функциями, были призваны «ограждать» вновь созданные административно-территориальные центры от «беспорядков».

Переведенный на казахский язык текст Устава, состоящий из 329 параграфов, вскоре был разослан по аулам. Выбрали регион для открытия первых двух округов и приказов — кочевья покойного хана Уали в районе Кокчетавских гор и аулы бывшего хана Бокея в Каркаралы.

Всего намечено было открыть 7 округов, в последующем доведя их число до 8—10, охватывая смежные районы и Старшего жуза, с дальней целью выйти на среднеазиатский рубеж.

Первый внешний округ — Каркаралинский был открыт 8 апреля 1824 г. В составе волостей, вошедших во вновь учрежденный округ, оказалось около 20 тысяч кибиток — по приблизительным подсчетам, до 60 000 лиц мужского пола.

Как доносил полковник С. Б. Броневский генерал-губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу, из старших сыновей покойного хана Бокея на должность старшего султана могли претендовать трое — султаны Батыр, Тауке и Турсун. Последний сразу же после смерти Бокея «заступил в здешних волостях» на ханский престол, хотя правительством в этом качестве не был утвержден.¹⁹ После его скоропостижной кончины царская грамота, выданная Бокею, а также «высочайшие подарки» достались старшему сыну султана Чингиса, сына Абылай-хана — Турсуну. Несмотря на решительную поддержку кандидатуры Турсуна большей частью султанов, «величайшие интриги, скрытость и коварство»²⁰ других претендентов, усложнили явку в приказ всех чингизидов, которым, согласно Уставу, надлежало избрать первого старшего султана.

Процедура выбора довольно высокого должностного лица с чином майора российской армии была обставлена чрезвычайно торжественно: присутствовала, кроме султанов, биев, старшин, большая масса кочевников. Была выстроена внутренняя стража из 250 казаков, поступивших в подчинение окружного приказа. Тут же произвели выбор старшинами и баями двух заседателей — Ульдабая Ордауова и Жаманбая Нуралина.²¹ Многие султаны, бии в знак протеста против учреждения округов демонстративно отказались от участия в пышных мероприятиях областного начальства.²²

22 августа 1824 г. последовало открытие подполковником А. Григоровским Кокшетауского округа и приказа, сосредоточившего в своих пределах часть атыгаевских, кереевских, канжыгалинских и караульских родов; старшим султаном был избран султан Губайдулла, сын покойного Уали-хана, поддержанный разветвленным потомством Абылай-хана во главе с младшим из его сыновей Касымом-торе; заседателями были избраны «почетнейшие старшины» Желкара Байтокин, Мукет Жаныбеков.²³

В дальнейшем был учрежден целый ряд внешних округов: Кусмурынский — в 1825 г., Баян-Аульский — в 1826 г., Аягузский (Сергиопольский) — в 1831 г., Акмолинский — в 1832 г. Причем выборы, проходившие чаще всего в июле, августе, когда тучнеет скот, сопровождались ошеломляющими кочевников пышными празднествами: оружейные залпы, стрельба из ружей, позолоченные эполеты офицеров как бы завораживали степных обитателей, ослабляли их чувства восприятия происходящего; складывалось впечатление, будто бы какая-то сила отнимала у них волю к выражению протеста; они оказались послушными свидетелями ликвидации своей государственности. Привлекательным для кочевников явилось соблюдение древнего обычая вознесения избираемого на высокую должность на белую кошму. Вот как описывает эту процедуру Адольф Янушкевич, много

лет спустя являвшийся очевидцем избрания старшим султаном Аягузского округа «тихого, бедного» Булена: «Киргизы, верные обычаям предков, соблюдавшимся некогда при выборах своего земляка ханом, в мгновение ока разодрали между собой на память скромный халат нового президента волости, почетную утрату которого сразу же возместил Пограничный начальник, пожаловав ему от имени правительства пунцовый халат, богато вышитый золотом..., в честь его триумфа грянули орудия Аягузской крепости».²⁴ Однако окружные приказы контролировали лишь часть необъятной степи, административные функции округов распространялись лишь на прилинейные аулы и кочевья старших султанов и их приверженцев на расстоянии 120–150 верст от вновь созданных приказов.²⁵

К 30-м годам XIX в. первоначальная цель правительства путем устройства округов «добиться между киргизами спокойствия и правильного управления»²⁶ была достигнута лишь частично. Трудности на пути проведения реформы были обусловлены поверхностными знаниями правительственными чиновниками местных условий, стремлением генерал-губернатора ускоренными темпами реализовать правительственные предначертания.

Отмена ханской государственности в Среднем жузе, торопливость в проведении административно-территориальных нововведений усиливали почву для оппозиционных настроений среди вчерашних, казалось бы дремавших, кочевников. «Свободный, вольный, как сама степь, дитя природы — киргиз (казах. — *Ред.*), — отмечалось в одной из поздних публикаций в местной прессе, — бедно одаренный разнообразием впечатлений внешнего мира, видящий перед собой одни и те же картины однообразной местности, крепко привязан к степной стихии и условиям своего быта, а потому и дорожит всеми национальными привычками».²⁷

Поспешно создавая новую административную триаду — аул, волость и округ, граф М. Сперанский и его последователи не считались с местными факторами, рассчитывали, в конечном счете, на силовую тактику ее реализации, возможно, и не предполагали, что уже первые попытки осуществления реформы повлекут за собой раскол в обществе и антиправительственные настроения, вылившиеся в более чем 20-летнюю борьбу. «Действительно, этот устав полагал решительный конец тем своевольностям, которые вошли в общее обыкновение в степи, и которые влекли за собой самые пагубные последствия для целого народа», — справедливо отмечал барон Услар, позднее несколько месяцев проживший в аулах как пленник Кенесары Касымова.²⁸

Таким образом, упразднение ханской, феодальной государственности в Среднем жузе произошло вследствие, с одной стороны, продолжавшихся в самом казахском обществе внутренних родоплеменных раздоров, с другой, в результате военно-административных акций царизма.

Устав о сибирских казаках 1822 г., как первая царская реформа, разрушил всю структуру традиционной власти, охватив все стороны социально-политической и хозяйственной жизни, углубив и без того острые противоречия внутри казахского общества, прежде всего, между прилинейными аулами, которые, в основном, безболезненно восприняли царские преобразования, и между теми, которые, кочуя вольно в степных просторах, по наущению султанов, биев, как наиболее приверженных сторонников

кочевой независимости, не мирились с царскими переменами, усиливая консолидацию антиколониальной оппозиции на Кавказе, в приволжском тюркоязычном регионе и, конечно, в Казахстане, природный степной ландшафт которого в какой-то мере затруднял реализацию реформы.

2. РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ КОЛОНИЗАЦИИ. КАЗАЧЬИ ВОЙСКА В КАЗАХСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Вторая четверть XIX в. стала решающим этапом военной колонизации Казахстана. Длившееся свыше ста лет наступление России в казахские степи привело к тому, что почти вся территория края, за исключением южных регионов, была включена в состав империи. Это явилось следствием не только политической раздробленности, сложного внешнеполитического положения Казахстана, но и безусловного военного превосходства России, армия которой была в то время одной из наиболее могучих в Европе. В 1825 году русская сухопутная армия насчитывала 526 тыс. человек.²⁹

В середине XIX в. вооруженные силы России в Казахстане были представлены регулярными и иррегулярными войсками, сведенными в два воинских соединения. Отдельный Оренбургский корпус состоял из 23-й пехотной дивизии (в составе 10 линейных батальонов), Уральского и Оренбургского казачьих войск, Башкиро-Мещеряцкого казачьего полка. Штаб корпуса находился в Оренбурге, его командиром по должности являлся военный губернатор края. Отдельный Сибирский корпус включал в себя 24-ю пехотную дивизию (в составе 15 линейных батальонов), два гарнизонных батальона и Сибирское линейное казачье войско. Штаб корпуса дислоцировался в Омске, его командиром был западносибирский военный губернатор.³⁰

Почти вся территория Казахстана с запада на восток охватывалась непрерывной цепью военных линий с крепостями, фортами, форпостами, кордонами и пикетами. Так, Уральская линия тянулась от Гурьева до Илецкой Защиты и состояла в начале XIX в. из 19 форпостов и 5 крепостей. На нижней линии дислоцировалось 6 тыс., верхней — 7 тыс., в самом Уральске — 17 тыс. казаков. А к 1857 году на нижней — уже 21 тыс., верхней — 45 тыс., в г. Уральске — 11 тысяч.³¹

Сильным оборонительным рубежом являлась Оренбургская пограничная линия, создание которой началось еще в 30-х годах XVIII в., состоявшая из Верхнеяицкой и Уйской линий. Верхнеяицкая линия тянулась от Оренбурга на восток, включая в себя 9 крепостей и 16 редутов и делилась на две дистанции: Красногорскую и Орскую. Красногорская дистанция состояла из 4 крепостей и 6 редутов, Орская — из 5 крепостей и 10 редутов. Уйская линия тянулась от крепости Верхнеяицкой до крепости Звериноголовской на Тоболе и состояла из 9 крепостей и 9 редутов, делилась на Верхнеуйскую и Нижнеуйскую дистанции. Верхнеуйская дистанция состояла из 3 крепостей и 5 редутов, Нижнеуйская — из 5 крепостей и 4 редутов.³²

В 1810—1822 гг. создается Ново-Илецкая военная линия. Она состояла из шести форпостов (Изобильный, Буранный, Новоилецкий, Линецкий, Угольный и Ветлянский), редута Ханского и крепости Бердянской.

В 1835—1837 гг. создается Новая линия как часть Оренбургской военной линии. Она начиналась от Орской крепости и шла на северо-восток до редута Березовский, при впадении реки Уй в Тогузак. Протяженности ее составляла 478 верст.

Все эти военные линии входили в состав Оренбургской военной пограничной линии (от Гурьева до Алабугского отряда на границе с Западной Сибирью) протяженностью 1780 верст.

Главным укреплением на ней считалась Оренбургская крепость, относившаяся к разряду крепостей 2-го класса и устроенная по системе французского инженера Вобана.³³ Она состояла из 11 бастионных фортов, долговременного профиля с каменными стенами, воротами и крепостным рвом. Вне крепости находилось три форштадта, защищавшие подступы к ней. Укрепление Орское относилось к крепости 3-го класса, было обнесено насыпью и рвом, с тыльной стороны было защищено рекой.

Крепости Оренбургская, Орская и Илецкая Защита относились к Оренбургскому инженерному округу, состоявшему из Оренбургской и Орской инженерных команд и военно-рабочей роты. Они входили также в состав Оренбургского артиллерийского гарнизонного округа, где дислоцировалась 14-я гарнизонная артиллерийская бригада. В крепостях на вооружении стояло 130 различных орудий, а в степных укреплениях (Ново-Петровском, форте Карабутак и др.) — 54 орудия (пушек и единорогов).³⁴ Сильное артиллерийское вооружение имели Оренбургская и Орская крепости, укрепление Ново-Петровское.

В военном отношении Оренбургская военная линия не имела большого значения, так как считалось, что слабые соседи, в том числе и казахи, «незнакомые с военным делом и чуждые всякого устройства», не способны на какие-либо серьезные военные предприятия против России. Поэтому здесь требовались не мощные крепости, а бдительное несение кордонной службы, которая возлагалась на Уральское и Оренбургское казачьи войска.³⁵ Гарнизонную службу в городах и укреплениях несли пехотные батальоны Отдельного Оренбургского корпуса, инвалидные и этапные команды.

При Оренбургском военном губернаторе В. А. Обручеве началось строительство укреплений внутри степи, в самом центре казахских кочевий, что позволяло держать под контролем отдаленные территории, выдвинуть линии к границам среднеазиатских ханств.

Укрепление Оренбургское (г. Тургай) было заложено 7 сентября 1845 года на правом берегу реки Тургай, в 120 верстах от Орска, близ урочища Бескопа. Укрепление было устроено в виде редута, с полукруглыми выступами. Гарнизон состоял из роты пехоты и команды артиллеристов для местной обороны, всего 150 чел. Подвижной резерв включал две сотни оренбургских казаков при двух орудиях, под командованием штаб-офицера. На вооружении гарнизона находилось 16 чугунных крепостных ружей и 100 зажигательных ракет на треножных станках, оставшихся от неудачного хивинского похода 1839—1840 гг. Комендантом гарнизона являлся офицер в чине майора или подполковника.

В том же году в 120 верстах от Оренбурга и в 406 верстах от Орска в урочище Жармола, на высоком правом берегу Иргиза было выстроено Уральское укрепление. Гарнизон был тот же, что и в укреплении Оренбургском. На вооружении находилось два орудия: одна 6-фунтовая пушка

и один 3-фунтовый горный единорог, а также ракетные снаряды с дальностью стрельбы до трех верст.³⁶

В 1847 году у побережья Аральского моря, в урочище Раим, вблизи устья Сырдарьи было основано Раимское укрепление. Гарнизон состоял из двух рот линейного Оренбургского 4-го батальона со штабом, всего 503 солдата и офицера, три сотни Уральского казачьего войска и 67 чинов 14-й гарнизонной артиллерийской бригады при 14 медных орудиях разного калибра.³⁷ В 1848 году были основаны форты Карабутак на Иргизе и Кос-Арал на берегу Аральского моря. Таким образом, Оренбург целью фортов и укреплений был соединен с Аральским морем. В 1853 году на Сырдарье были заложены форт № 1 Казалы и форт № 2 Кармакчи. Россия вышла на подступы к Средней Азии, к границам Хивинского и Кокандского ханств.

Еще раньше, в 1833 году, на берегу Каспийского моря у залива Мертвый култук было основано Ново-Петровское укрепление. Гарнизон состоял из двух рот пехоты с артиллерийской командой, двух сотен уральских казаков, на вооружении находилось 31 медное и чугунное орудия разных калибров. Однако ввиду неудачного места расположения, плохой воды и климатических условий укрепление было перенесено к заливу Тюп-Караган, переименовано в Ново-Александровское и торжественно открыто 30 августа 1847 года.³⁸

В 1848–1853 гг., готовясь к завоеванию Средней Азии, царизм создает первую в центральноазиатском регионе военную флотилию на Аральском море. В 1847 году были опущены на воду две двухмачтовые шхуны «Николай» и «Михаил», а в 1848 году в Оренбурге было построено судно «Константин», которое по частям доставили к морю и собрали в Раимском укрепении. В 1852–1853 гг. доставили построенные по заказу в Швеции военные пароходы «Перовский» и «Обручев». Оба корабля летом 1853 года участвовали в штурме и взятии кокандской крепости Ак-Мечеть.³⁹

Военными опорными пунктами царизма в степи являлись и ставки верных ему султанов — правителей Младшего жуза, которым придавались две-три сотни казаков с офицером для несения полицейской службы и охраны самих султанов с членами семей. Эти подвижные казачьи отряды были созданы по решениям Азиатского департамента МИДа от 5 и 17 января 1825 г. и 2 июля 1827 г. и действовали на основе специальных инструкций.⁴⁰

В распоряжении султанов — правителей трех частей Младшего жуза в летнее время находилось 100–200 казаков, в зимнее время — один офицер, один урядник и 20 казаков.⁴¹

Царская Россия настолько усилилась в военном отношении, что приступила к решению стратегических задач. Так, весной 1839–1840 гг. оренбургский генерал-губернатор Перовский совершил поход с целью завоевания Хивы. В состав экспедиционного корпуса вошли 2-й, 4-й, 6-й линейные Оренбургские батальоны, две роты 1-го батальона, 4-й Уральский казачий полк под командованием полковника Бизянова и 5-й Уральский казачий полк войскового старшины Назарова, 1-й Оренбургский казачий полк, а также 250 жигитов султана-правителя западной части Младшего жуза подполковника Баймухамеда Айшуакова. Отряд имел мощное артиллерийское вооружение: два чугунных 12-фунтовых и два 6-фунтовых орудия, два 14-пудовых конных и восемь 3-фунтовых горных единорогов,

шесть 6-фунтовых мортир, два чугунных фальконета, всего 22 орудия, а также несколько ракетных станков. На пути маршрута были заранее выстроены Эмбинское и Акбулакское укрепления с запасами провианта и фуража. Однако это грандиозное военное мероприятие, в котором участвовало свыше 5 тыс. солдат, закончилось полной неудачей ввиду незнания условий длительного зимнего похода. Отряд, выступив 14 ноября 1839 года, потеряв в пути тысячу солдат еще до сражений с хивинцами, был вынужден 11 апреля 1840 года вернуться в Оренбург.⁴²

Укреплялась военная линия и на территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Ее протяженность составляла от крепости Звериноголовской на Тоболе до Алтая почти 2 тыс. верст. Она состояла из четырех военных линий: Ново-Ишимской (Пресногорьковской или просто Горькой линии), Иртышской, Бухтарминской, Бийской. Горькая линия была создана еще в середине XVIII в., включала в себя 10 крепостей с 16 редутами, входила в состав инженерного управления Сибирского корпуса. Главным укреплением считалась 6-угольная Петропавловская крепость. На востоке от нее располагались четыре крепости: Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская, между ними 9 редутов; на западе — шесть крепостей: Скопинская, Становская, Пресновская, Кабанья, Пресногорьковская и Звериноголовская.⁴³ Петропавловская крепость являлась главным артиллерийским арсеналом линии. Здесь дислоцировались Сибирский драгунский полк, пехотный батальон, отряды казаков и башкир. В крепости Лебяжьей и на Тарской дистанции находился Ширванский мушкетерский полк.⁴⁴

Иртышская военная линия создавалась еще с начала XVIII века. В Ямышевской крепости находился гарнизон из 303 чел. при 18 орудиях, Семипалатинской — 204 чел. при 9 орудиях, Усть-Каменогорской — 141 чел. при 9 орудиях, Железинской — 72 чел. при 6 орудиях, Омской — 267 чел. при 20 орудиях. Гарнизоны располагались также в форпостах Коряковский, Семиарский, Убинский, Черлаковский и др. Всего на Сибирских пограничных линиях стояли 18 крепостей, 31 редут, 13 форпостов, 23 станции, 35 маяков.⁴⁵

В 20-х годах XIX в. начинается выдвижение военных линий и укреплений в глубь Степи для прикрытия внешних округов. Так, в июле 1822 года основываются первые укрепления — Актауское в 300 верстах южнее Акмолинского в горах Актау, на реке Сарысу и Жаркаинское на реке Ишим. В апреле 1824 года был открыт Каркаралинский приказ, старшим султаном был назначен майор Турсун Чингисов. В его ставке располагалось 300 казаков 6-го и 7-го Сибирских полков под командованием полковника Броневского. 29 апреля 1824 года был заложен Кокчетавский приказ, его гарнизон также состоял из 300 казаков 2-го и 4-го Сибирских полков во главе с войсковым старшиной Лукиным.

Затем открываются Баян-Аульский (1826 г.), Акмолинский и Кокпектинский (1827 г.), Атбасарский (1846 г.), Аягузский, Кушмурунский приказы, укрепления Улытау (1846 г.), Капальское (1847 г.).⁴⁶ В них размещались подвижные казачьи отряды для несения караульной службы. Так, в 1826 году в новых степных укреплениях Кокчетавском и Каркаралинском находилось два отряда из 452 строевых казаков, в 1836 году — семь отрядов из 860 казаков. К 1853 году их численность выросла до 2 тыс. казаков, а в 1863 году в 20 степных укреплениях располагалось 2,5 тыс. строевых казаков.⁴⁷

Таким образом, в середине XIX в. вся территория Казахстана была окружена различными укрепленными линиями: Ново-Узенской, Илецкой, Уйской, Новой, Ново-Ишимской (т.н. Горькой), Иртышской, Эмбинской, Акмолинск-Кокчетавской и Сырдарьинской военными и пограничными линиями. В них располагались постоянные и сменяемые гарнизоны из пехотных батальонов и рот, драгунских полков, подвижных казачьих отрядов, с сильным артиллерийским и ракетным вооружением, конно-артиллерийскими батареями. Имелась Аральская военная флотилия из пяти боевых вымпелов для морских и речных операций на Сырдарье. Все это обеспечивало военное превосходство России над казахскими ополчениями, служило надежным плацдармом для дальнейшего наступления и завоевания новых территорий.

Для дислокации на восточных рубежах России со степью царизм создал отлаженную систему казачьих войск, которые, располагаясь на этнической границе России и покоренных народов, использовались для наступательного движения в глубь Азии и подавления национально-освободительных движений, заменяя здесь регулярные войска.

К середине XIX в. на территории края существовало три казачьих войска, хорошо вооруженных и обученных, опиравшихся на широкую сеть военных линий и укреплений. Они представляли из себя грозную военную силу в вековой борьбе с казахскими кочевниками.

Уральское (до 1775 г. Яицкое) казачье войско было создано еще в 1591 году. Историк А. Рябинин писал, что у яицких казаков был один смертельный враг — это киргизы (т.е. казахи). Они «были враги неутомимые, настойчивые, не знающие ни страха, ни усталости. Яицкие казаки вели против них войну настоящую и ожесточенную».⁴⁸

26 декабря 1803 года царем утверждается Положение об Уральском казачьем войске в составе десяти конных полков, каждый из них имел пятисотенный состав. В 1819 году к войску были причислены казаки Илецкой и Сакмарской станиц и число полков выросло еще на два, образованных из новопричисленных казаков.⁴⁹ В 12 конных полках насчитывалось 10 тыс. войсковых чинов, в 1840 году — 50 тыс., а в 1856 году в составе войска было 73 тыс. казаков.⁵⁰

Оренбургское казачье войско было сформировано царским правительством в середине XVIII в. с началом вхождения части казахских земель в состав России. Создание его «явилось прямым следствием военной колонизации, предпринятой правительством. Цель ее заключалась в том, чтобы закрепить за Московским государством Поволжье, Приуралье, Урал, создать здесь цепь военных крепостей».⁵¹

12 декабря 1840 года император Николай I издал высочайший рескрипт — «Положение об Оренбургском казачьем войске». Все войско делилось на два военных округа и десять полковых отрядов, в каждом полку по 870 казаков. Одна конно-артиллерийская бригада состояла из трех батарей, всего 774 чел. и войсковой сотни мастеровых из 250 чел. Всего войско могло выставить до 63 тыс. стрелых казаков. Войсковой атаман приравнялся по должности к командиру кавалерийской дивизии.⁵²

В 1842 году в состав войска было включено Ставропольское калмыцкое войско (всего 3336 чел.). На 1 января 1847 года в войске насчитывалось 158 тыс. человек. Состоявшее из 10 конных полков, шести пехотных батальонов, конно-артиллерийской бригады, башкиро-мещеряцкого и

калмыцкого ставропольского казачьих полков, других вспомогательных частей, Оренбургское казачье войско играло активную роль в реализации наступательных планов царской России.

19 августа 1808 года император Александр I издал указ о создании линейного Сибирского казачьего войска. Штат войска определялся в 10 конных полков, каждый имел пятисотенный состав, четыре резервных эскадрона и две конно-артиллерийские роты с 12 орудиями в каждой, всего 5950 казаков.⁵³

Штаб войска находился в Омске, во главе его стоял наказной атаман, он же являлся военным губернатором области и командиром Отдельного Сибирского корпуса. В состав войска входили Горькая, Иртышская, Бухтарминская и Бийская военные линии с многочисленными станицами, форпостами, пикетами, маяками и др. укреплениями.

Сибирское казачество принимало самое активное участие в борьбе с национально-освободительным движением казахов Среднего жуза в 20–40-е годы XIX в.⁵⁴ В 1825 году в его штате насчитывалось 3466 строевых казаков, а общее число жителей казачьего сословия выросло до 36 тыс. человек.

5 декабря 1846 года утверждается новый штат Сибирского линейного казачьего войска из девяти конных полков, трех конных батарей и девяти резервных команд. Все конные полки были сведены в три бригады. В 1848 году чины войска были приравнены к армейским чинам, а в 1850 году был сформирован десятый конный полк.⁵⁵

В состав войска зачислялись 6 тыс. душ казенных крестьян, затем еще 4 тыс. переселенцев из внутренних губерний. Положение 1846 года разрешало принимать в свой состав «киргизов Сибирского ведомства».⁵⁶

Рост рядов Сибирского войска привел к основанию в степи новых станиц и поселений.

В Кокчетаве дислоцировались штаб-квартира 1-й бригады и штаб 1-го конного полка, сотни полка размещались в станицах Кокчетавской, Котыркольской, Чалкарской, Лобановской, Арыкбалыкской и Нижнебурлыкской. В Атбасаре находился штаб 2-го полка, сотни его стояли в укреплениях Акмолинском, Улытауском; штаб 10-го полка находился в укреплении Капальском, сотни и конно-артиллерийские батареи полка дислоцировались в Аягузе, Кокпекты и Капале.⁵⁷

Соединения Сибирского казачьего войска также находились в других степных укреплениях, несли охрану почтовых станций, противостояли кокандским укреплениям на Сарысу, Чу и Кенгире.

Таким образом, территория Казахстана на протяжении XVIII и первой половины XIX веков использовалась как место дислокации регулярных и иррегулярных (казачьих) частей российской армии. Создавалось это не только по всему периметру российско-казахской границы, но и в глубине казахских степей. Все эти многочисленные воинские и казачьи подразделения обеспечивали безопасность южных границ Российской империи. Солдаты и казаки выполняли многочисленные военные и строительные обязанности. Царское правительство предоставляло им лучшие земли, казачество и солдаты широко использовались как рабочая сила при строительстве укреплений, станиц и городов. Однако политический смысл всех этих огромных и дорогостоящих мероприятий лежал совершенно в иной плоскости.

По замыслу российских идеологов, царизм закреплялся по окраинам и в глубине казахских степей прочно и навсегда. Не считаясь с финансовыми издержками и целесообразностью, имперские идеи преобладали над всеми иными соображениями. И это не все. Расквартировывая войска на территории Казахстана, царизм готовил плацдарм для продвижения в Среднюю Азию. И последнее, пожалуй, самое главное — регулярные части и казачьи войска предназначались для подавления самосознания казахского народа и разгрома сил национально-освободительного движения. Так было при подавлении восстания под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, так было в годы борьбы казахского народа под предводительством Кенесары Касымова и во множестве других случаев.

3. ВВЕДЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА. СОЗДАНИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ИМПЕРИИ

После ликвидации ханской власти возникла реальная возможность внедрения административно-политической системы России в подвластные ей регионы Казахстана. Здесь было введено новое территориальное устройство, применительно к которому созданы органы управления, идентичные для всей Российской империи.

Дальнейшая централизация власти и усиление контроля над местными органами были предприняты правительством в конце 30-х гг. XIX в. «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами» от 6 апреля 1838 г., принятое в виде указа Сенату, декларировало, что Омская область, образованная в 1822 г. для «постепенного введения между сибирскими киргизами» государственного устройства, выполнила свою роль. Объявлялось, что ныне «учреждается отдельное управление под названием Пограничное управление сибирскими киргизами».⁵⁸ Центр его находился в г. Омске, который теперь входил в состав Тобольской губернии. Сама Омская область упразднялась, г. Петропавловск переходил в Ишимский уезд Тобольской губернии, а Семипалатинск и Усть-Каменогорск — в Бийский уезд Томской области.⁵⁹ Фактически Омская область была ликвидирована 1 января 1839 г. Во главе открытого тогда же Пограничного управления был поставлен полковник М. В. Ладыженский, который именовался «пограничным начальником сибирских киргизов».⁶⁰ В целом это означало усиление военного присутствия, что было вызвано возрастанием национально-освободительной борьбы казахского народа. Выборность представителей местной власти из казахского населения теперь практически находилась под контролем пограничного начальника. Ему же вменялось в обязанность «склонять независимых киргизов к подчинению общему порядку» или же удалять их за пределы подчиненной ему территории.⁶¹

Дальнейшие изменения в функционирование местных органов внесло «Положение Сибирского комитета о распространении на сибирских киргизов общих законов империи», принятое 19 мая 1854 г.⁶² «Положение» декларировало утверждение общероссийских законов в Сибирском ведомстве. Так, функции суда биев были значительно урезаны, в противовес чему расширялась судебная сфера действия окружного приказа. Зва-

ние биев сохранялось за теми, кто им пользовался, но в будущем оно могло быть присвоено «только султанам, аульным старшинам, служившим не менее шести лет, и вообще лицам, всемилостивейше чем-либо награжденным или отправлявшим какие-либо должности». ⁶³ Если раньше по Указу 1822 г. биями признавались лица, действительно заслужившие это звание у народа, то теперь они хоть и выбирались общиной, но окончательно утверждались в звании окружным приказом. Таким путем царизм стремился сделать подконтрольными традиционные институты местного управления, издавна принятые в казахском социуме. Подобная же по сути линия проводилась правительством по отношению к султанам. Известно, что при подготовке реформ М. М. Сперанского правительственные органы, стремясь определить наиболее действенную властную категорию в казахском обществе, избрали султанство социальной опорой для проведения своей политики в Степи. ⁶⁴ Однако реально султаны, находясь в оппозиции к ханской власти, действенной роли в жизни общины не имели. Сам принцип выборов старших султанов исключительно из представителей аристократии ставил их вне народа. Истинное положение султана зависело от поддержки его царской администрацией, поэтому на практике после введения устава 1822 г. институт султанства, несмотря на данные ему полномочия, утратил свою прежнюю социальную значимость и власть в обществе. ⁶⁵ Но и став чиновничьим сословием, султаны не соответствовали требованиям, предъявляемым к российским чиновникам. Кроме того, старшие султаны всячески злоупотребляли своей властью и, по словам Н. И. Красовского, прикрываясь перед народом, обвиняли во всем русскую администрацию. ⁶⁶ Е. Б. Бекмаханов приводит многочисленные архивные свидетельства о непопулярности в народе султанов, в том числе и следующее: «Несмотря на поддержку со стороны России, султаны-правители среди киргиз не имели выдающегося значения... Мятежные киргизы не только не уважали власть султанов, но даже просто убивали их...» ⁶⁷ Незаконные поборы с населения были обычной практикой султанского правления. ⁶⁸ Поэтому в обход закона на султанские должности избирались лица неаристократического происхождения — бии и старшины, обладавшие, тем не менее, реальной властью в казахской кочевой общине. ⁶⁹ Убедившись, что султаны не способны сыграть отведенную им роль в создаваемой системе централизованной власти в Казахской степи, правительство переходит к постепенной ликвидации властных функций султанства.

«Положение» 1854 г. официально признавало, что «находящиеся на постах старшие султаны не все происходят из султанского сословия». ⁷⁰ Более того, к выборам старших султанов и заседателей помимо представителей аристократии теперь законно допускались лица, имевшие чины и медали, а также «почетные» казахи. Тогда же в 1854 г. положение об управлении казахами Сибирского ведомства было распространено на Семипалатинскую область, созданную из присоединенных к империи новых районов Казахстана. Однако по принятым законоположениям во внешних округах, кандидаты на должность старших султанов уже не выбирались, а назначались администрацией. ⁷¹ Подобный упор на отмену привилегий султанства последовательно прослеживается в законодательных актах 1855, 1861, 1862, 1865 гг. ⁷² Наряду с этим, расширялся круг лиц, которые по закону могли претендовать на должности волостных правителей и старших султанов. К ним относились офицерские чины, лица, награжденные

правительством и «те из ордынцев, которые хотя и не имеют никаких отличий, но пользуются особым уважением народа».⁷³ Все избранные кандидатуры различных степеней власти утверждались решением военного губернатора или генерал-губернатора.

Таким образом, правительство, ограничив функции султаната, расширило социальную базу вовлечения казахов в местные органы управления. Подобная политика свидетельствовала о стремлении властных органов найти прочную опору в казахском обществе при построении административно-территориальной системы в подчиненных районах Казахстана. Характерно, что сибирская система правления, первоначально задуманная как «мягкая», с основаниями коллегиальности, постепенно эволюционировала в сторону жесткого военно-административного устройства.

Аналогичным образом — от мягкого к жесткому — изменился подход чиновников Сибирского ведомства к родорасселению казахов при дальнейшем создании территориально-административных единиц. Известно, что согласно уставу 1822 г. в основу административного деления казахских земель был положен принцип родового устройства местных жителей.⁷⁴ Условность подобного деления при кочевом образе жизни казахов очевидна. Более того, практика показала всю искусственность подобных административных построений, результатом которых стали многочисленные претензии со стороны казахского населения к администрации Пограничного управления. Так, в 1843 г. казахи казгановского рода Баянаульского округа выразили желание составить особую волость со своими сородичами, отнесенными к Кокчетавскому округу.⁷⁵ Пограничное управление отказало им в этой просьбе, мотивируя это тем, что «во всех почти внешних округах есть во множестве части таких родов, которые, имея одно название и по родопроисхождению своему составляя одно племя, разделены по разным округам, подобно казгановцам и в подаваемых от таковых просьбах просят о составлении из них волостей с их родовичами», но просьбы их могут быть удовлетворены лишь «по возможности».⁷⁶ Каковы были эти возможности, можно судить по прошению казахов из рода караул, которые оказались разбиты по трем волостям Кокчетавского округа. Когда в 1844 г. они обратились с просьбой соединить их в одну волость, начальство «признало эту меру полезною для народа в отношении исполнения повинностей и прочего».⁷⁷ Новая волость получила название Джавар-Аткы-Мультук-Сары-Караульская.

В противоположность сибирской системе управления административно-территориальное устройство в Оренбургском крае происходило иначе. Военно-стратегическое значение западных регионов Казахстана с самого начала обусловило более жесткие методы внутренней политики оренбургских властей с преобладанием карательных, репрессивных мер.⁷⁸ Другим отличием двух систем — оренбургской и сибирской — стала длительная неразработанность юридических актов по управлению Оренбургским ведомством. С 31 января 1824 г. здесь действовало постановление Комитета азиатских дел, которое носило незавершенный характер. Неясность законодательства об управлении казахами привела к тому, что даже функции Оренбургской Пограничной комиссии не были четко сформулированы. Только в 1838 г. Министерство иностранных дел поставило перед оренбургским военным губернатором В.А. Перовским задачу: «Опреде-

лить с точностью и ясностью круг действий Оренбургской Пограничной комиссии, обязанности ее, порядок подчинения, отношение к прочим местам по делам полинейным и другим, также внутренний состав ее, распределение и порядок производства всяких дел и пр.»⁷⁹ Эта задача позже была расширена и, в конечном счете, поставлена как упорядочение принципов управления казахами Оренбургского ведомства, для чего было разработано несколько проектов. В итоге 14 июня 1844 г. Государственный совет принял «Положение об управлении оренбургскими киргизами».⁸⁰ В объяснительной записке Министерства иностранных дел о новом «Положении» сказано, что введение этого закона нужно было, во-первых, чтобы «привести в лучшее устройство самое управление в орде, не делая однако же коренного преобразования, а оставляя тот же порядок, какой доселе был, в главных его основаниях; во-вторых, дать Оренбургской Пограничной комиссии, заведующей сими киргизами, большие средства для наблюдения за успешнейшим течением всех дел по Пограничному управлению».⁸¹ Как следствие, существенно увеличивались штаты комиссии и их денежное содержание. Оплата возросших штатов Пограничной комиссии была переложена правительством на плечи самого же казахского народа. Из общей суммы размером в 64 454 руб. серебром, необходимой для нового состава чиновников, Государственное казначейство выплачивало лишь расходы, уходившие на содержание прежних штатов — 18 579 руб., а огромную разницу в 45 874 руб. серебром Министерство иностранных дел «нашло возможным обратить на счет положенного с оренбургских киргизов сбора». «Таким образом, — заключал некий финансист, — увеличение нынешних, столь недостаточных средств Комиссии ...будет произведено без малейшего обременения Государственного казначейства».⁸²

«Положение» 1844 г. в противоположность прежним документам представляло из себя законодательный акт с четко выраженными позициями. В нем заявлялось, что «земли, занимаемые оренбургскими казахами, составляют часть Российской империи и состоят в ведении Министерства иностранных дел. Общее управление на месте осуществлялось Оренбургской Пограничной комиссией. В комиссию входили: председатель, его товарищ (т.е. заместитель), четыре советника, четыре заседателя из казахского населения, чиновник для особых поручений, врач и ветеринар. Члены пограничной комиссии назначались Министерством иностранных дел, а заседатели — оренбургским военным губернатором. Комиссия приравнивалась к государственным общероссийским учреждениям, но соединяла власть и обязанности губернского правления и палат казенной, государственных имуществ, гражданского и уголовного суда», представляя из себя всеобъемлющий орган.⁸³ Однако председатель комиссии не мог действовать без посредства областного правления, т.е. оренбургского военного губернатора, который имел права «главного начальника края». На деле вся система управления находилась под контролем Министерства иностранных дел, которому напрямую подчинялся губернатор.

Низовое звено управленческой структуры Оренбургского ведомства представляло так называемое «частное управление», которое составляли султаны-правители, дистанционные начальники и начальники аулов,

назначаемые из казахов. При каждом султানে-правителе постоянно находился казачий отряд численностью от 100 до 200 чел., а кроме того — помощник, письмоводитель, писец и пять рассыльных. Одной из главных функций султанов-правителей становился надзор, посредством чего они должны были содержать «свой народ в порядке и всегдашней верности и послушании правительству». Назначение дистанционных и аульных начальников рекомендовалось производить постепенно, «дабы выбор мог пасть на людей достойных и благонадежных».⁸⁴ В ответе Пограничной комиссии султану Ч. Бахтыгирееву было прямо заявлено, что «местные начальники определяются не по выборам ордынцев, которые могут выбрать людей слабых и даже неблагонамеренных, а по назначению начальства».⁸⁵ Подобные установки отражали общую политику российских властей по созданию в казахском социуме служилой прослойки, подчиненной интересам высшего руководства.

«Положение» 1844 г. наглядно рисует усилия российской администрации по построению социальной опоры для осуществления своей власти в казахском обществе. Это прежде всего — создание новых постов для представителей местного населения. Так, к имевшимся трем султанам-правителям, заведовавшим ранее Западной, Средней и Восточной частями Оренбургского ведомства, предлагалось прибавить еще одного, четвертого.⁸⁶ Помимо этого увеличивалось число казахских дистанционных начальников, число которых должно было дойти до 75 чел. Чиновники МИДа прямо объясняли эту меру тем, что «польза, ими приносимая, доказывается самим опытом, ибо с тех пор, как поставлены в некоторых местах дистанционные начальники, из киргизских старшин выбираемые, — киргизы в тех местах содержатся в большем порядке и повиновении».⁸⁷ С той же целью, а именно: для «лучшего надзора», увеличивалось число казахских аульных начальников, которые выполняли свои обязанности, в отличие от других чинов, даже не за жалование, а за «временные выдачи в виде наград тем из них, которые будут отличаться усердием и деятельностью в исполнении своих обязанностей».⁸⁸ К подобным же мерам следует отнести и создание при Пограничной комиссии специального «пенсионного капитала» для «производства из оного пенсий и единовременных пособий киргизам, оказавшим услуги правительству или отличившимся особенною преданностью».⁸⁹ Кстати сказать, к числу источников денежных средств фонда правительство отнесло и часть сборов с самих же казахов, о «каковом сборе признано за лучшее не упоминать в «Положении»».⁹⁰

«Положение» 1844 г. значительно урезало функции суда биев, которому оставлялись на рассмотрение лишь маловажные дела. В основном же все судопроизводство было вменено в юрисдикцию административных органов. Антиправительственные выступления, убийства, разбой, барымта поступали в ведение военного суда. Воровство, мошенничество, имущественные иски свыше 50 руб. разбирались гражданским уголовным судом при Пограничной комиссии.

Надо отметить, что текст «Положения» фактически зафиксировал уже существовавшие в практике Оренбургской администрации реалии, уточняя их и юридически утверждая. Совершенно новым же стало образование при Пограничной комиссии института попечителей для прилинейных

казахов. В обязанность попечителей вменялась «защита и ограждение сих киргизов по всяким делам их с линейными жителями».⁹¹ Главной причиной введения попечительского надзора стали многочисленные столкновения местного казахского населения с прилинейными казаками, которые происходили при пропуске скота казахов на внутреннюю сторону для тебеневки. Поданных заявлений было такое множество, а ход судебных разбирательств в Пограничной комиссии шел настолько медленно, что по словам министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде накопилась масса «неудовольствий и жалоб киргизов и казаков, всяких между ними ссор и несогласий». Далее министр счел нужным добавить, что «обо всем этом необходимо было бы сделать надлежащие внушения и казачьему начальству по линии».⁹² Согласно инструкциям, разработанным в МИДе, в обязанность попечителей вменялось наблюдение за скорейшим и правильным течением судебных дел по линии между казаками и казаками. Осуществляя надзор за действиями следователей, они имели право произвести собственное следствие. «Попечители не должны были быть прикованы к месту..., а по возможности имели глаз всюду и за всем наблюдали». Другой важной их задачей было «неослабно смотреть, чтобы линейные жители отнюдь не захватывали вновь какие-либо сенокосные или другие места за чертою линии». Однако «все, что происходит за линией не должно официально относиться к их обязанностям, равным образом они не должны вмешиваться ни в какие дела киргизов между киргизами».⁹³ Таким образом, по замыслу центральных властей введение института попечительства было призвано разрядить взрывоопасную обстановку, сложившуюся в данном регионе. Ведь недаром подобный эксперимент, который в одном из проектов «Положения» прямо назван опытом, решено было провести «на одной Оренбургской линии, где действительно чаще всего бывают столкновения киргизов с линейными жителями, между тем как на Уральской линии дел (имеется в виду судебных. — Ред.) между зауральскими киргизами и казаками почти не встречается».⁹⁴

Характер таких действий свидетельствует о стремлении правительства к проведению более гибкой внутренней политики в тех пределах казахских степей, где возникали народные волнения и зрело недовольство. Именно поэтому, по предложению Санкт-Петербурга, «Положение» 1844 г. предполагалось ввести в Оренбургском ведомстве в виде опыта вначале на пять лет. В течение этого времени все чины Оренбургской Пограничной комиссии должны были делать наблюдения и выводы о совершенствовании управления казаками, о чем доносить военному губернатору.⁹⁵ Аналогичную осторожность и осмотрительность центр рекомендовал проявлять Оренбургской администрации при проведении любых мероприятий в крае. Так, в июне 1846 г. оренбургский военный губернатор М. В. Ладженский получил конфиденциальное предписание из канцелярии МИДа, в котором на его запрос о назначении попечителей в новые укрепления указывалось, что «устройство укреплений в глубине есть дело еще новое, надобно посмотреть, как все это пойдет, как будут вести себя киргизы и т.п., и тогда уже приступить к дальнейшим действиям, какие укажет время и опытность».⁹⁶ В Казахской степи же Пограничной комиссии предписывалось создать себе опору в лице «благонадежных дистаночных начальников из лиц, пользующихся между киргизами весом и уважением», что

даст комиссии возможность «иметь чрез них обо всем нужные сведения и в нужных случаях чрез них же действовать», что «даст время более обдумать и сообразить с последующими обстоятельствами те меры, какие в действительности необходимы в отношении к киргизам, кочующим около сих укреплений». Во избежание обострения отношений с казахами местным властям еще раз напоминалось, что они никоим образом не должны вмешиваться в «дела киргизов между киргизами». В концентрированном виде тактика отношения Оренбургской администрации к казахским племенам была рекомендована ей МИДом в следующем наставлении: «Мирным киргизам и верноподданным должно оказывать кротость, ласку и правосудие, но никогда не забывать и осторожности. Тех киргизов, которые колеблются в преданности Российскому правительству... стараться обращать мерами кротости к долгу повиновения Нашему Правительству. Займаться ласкою и справедливым обращением утверждать мирные до сего рода в чувствах покорности и преданности к России, внушая им все невыгоды сообщества с бунтовщиками, которые рано или поздно будут иметь самые вредные последствия...».⁹⁷

Отмечая различия между двумя системами управления, созданными правительством в Сибирском и Оренбургском ведомствах, следует отметить и обстоятельства, роднящие их. Обе системы были достаточно громоздки и малоэффективны. Дела, находящиеся на рассмотрении, исполнялись медленно, иногда в течение нескольких лет. Особенно остро стояла проблема кадров, нехватка или частое отсутствие которых прямо влияли на выполнение функций административных органов всех уровней. В практике было нормой передача обязанностей секретаря или заседателя рядовому толмачу.⁹⁸ Среди чиновничества процветало взяточничество. Например, как чиновники, так и казаки Сибирского окружного приказа во время командировок в Казахскую степь наловчились брать от аульных старшин квитанции о том, что «они, в бытность их там, никаких притеснений киргизам и вымогательств им не делали. После того, чиновники сии, считая себя огражденными такими документами от всякой ответственности, не знали уже меры в своих незаконных поступках».⁹⁹

Сама по себе система административно-территориального управления, созданная Российской империей в казахских землях, стала вторжением во внутреннюю жизнь кочевой общины, была глубоко чужеродной и разрушающей для казахского социума.

¹ Более подробно о предпосылках отмены ханской власти см.: *Касымбаев Ж. К.* Ликвидация казахской государственности (первая половина XIX в. // Казахстан и мировое сообщество. 1996, № 4, с. 53–62.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 483, оп. 1, л. 240, л. 1.

³ *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. М., 1960, с. 94.

⁴ *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906, с. 84.

⁵ *Касымбаев Ж. К.* Казахстан–Китай: Караванная торговля в XIX – начале XX вв. А., 1996, с. 34, 48.

⁶ См.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832, ч. 2, с. 195.

⁷ *Фатеев А.* Сперанский — генерал-губернатор Сибири // Записки русского научно-исследовательского объединения в Праге. Прага. 1924, т. 12, с. 18.

⁸ *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995, с. 79.

⁹ Там же, с. 95.

¹⁰ Материалы по истории и статистике Омска. Омск, 1886, ч. 1, с. 55.

¹¹ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1, А.-А., 1960, с. 93.

¹² Там же, с. 102.

¹³ Там же, с. 103.

¹⁴ ГАОМО РФ, ф. 3, оп. 1, д. 757, л. 62–63.

¹⁵ Там же, л. 63.

¹⁶ Материалы по истории политического строя Казахстана, с. 105.

¹⁷ См.: *Касымбаев Ж. К.* Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. А., 1995.

¹⁸ Материалы по истории политического строя Казахстана, с. 107.

¹⁹ ГАОМО РФ, ф. 366, оп. 1, д. 105, л. 3 об.

²⁰ Там же.

²¹ Материалы по истории политического строя Казахстана, с. 113.

²² ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 402, л. 5 об.

²³ Материалы по истории политического строя Казахстана, с. 136.

²⁴ *Янушкевич А.* Дневники и письма, с. 64.

²⁵ *Заваликин И.* Описание Западной Сибири. Ч. 3. М., 1837, с. 37.

²⁶ РГВИА. Ф. Военно-ученый архив, д. 88, л. 9.

²⁷ Тургайская газета, № 13, 1901.

²⁸ *Услер Барон.* Четыре месяца в Киргизской степи // Отечественные записки. 1848, № 10, с. 149.

²⁹ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в.: Военно-экономический потенциал России. М., 1973, с. 19.

³⁰ Энциклопедия военных и морских наук. Том IV. СПб., 1889, с. 371; ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2704, лл. 47–48, 59–60, 65–66.

³¹ *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в 2-х томах. Т. 1–2. Уральск, 1891, с. 6–7.

³² *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1–2, Казань, 1897, с. 277.

³³ *Венюков М.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873, с. 21.

³⁴ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2704, лл. 43, 44, 45 об–46.

³⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издание 1-го отдела Департамента Генерального Штаба. Т. XIV, ч. 2. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. СПб., 1848, с. 2–3.

³⁶ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2332, лл. 335–349; д. 2333, л. 161 об–162, 217–219.

³⁷ *Юдин М. А.* Взятие Ак-Мечети в 1853 году как начало завоевания Кокандского ханства. М., 1913, с. 33.

³⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIV, ч. 3. Земля киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской Орды Оренбургского ведомства. СПб., 1848, с. 133–166.

³⁹ *Зыков С.* Очерк утверждения русского владычества на Аральском море и реке Сырдарье с 1847 по 1862 год. Морской сборник. Т. IX. СПб., 1862, с. 312–314.

⁴⁰ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2271, лл. 3–5, 6–11.

- ⁴¹ *Казин В. Х. Казачьи войска. Краткая хроника.* СПб., 1912, с. 228, 263–264.
- ⁴² *Иванин М. М. Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 гг.* СПб. 1874; *Абаза К. За-воевание Туркестана.* СПб., 1902. с. 39; *Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.–Л., 1938, с. 473.
- ⁴³ *Словцов П. Историческое обозрение Сибири. Книга вторая от 1742 до 1823 года.* СПб., 1844, с. 408–409.
- ⁴⁴ *Венюх М. И. «Горькая линия» (Памятник военно-инженерного искусства XVIII в.). В кн.: Из истории Западной Сибири: Научные труды. Вып. 79.* Омск, 1974, с. 79–108.
- ⁴⁵ *Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения Западно-Сибирских казаков на занимаемой ими ныне терри-тории.* Омск, 1891, с. 23–33.
- ⁴⁶ *Бескровный Л. Г. Русская армия и флот XIX в.,* с. 438.
- ⁴⁷ *Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска.* СПб., 1879, с. 98.
- ⁴⁸ *Рябинин А. Уральское казачье войско. Ч. II.* СПб., 1866, с. 28.
- ⁴⁹ *Казин В. Х. Казачьи войска,* с. 216.
- ⁵⁰ *Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и север-ной Киргизии: Последняя четверть XVIII–60-е годы XIX вв.* М., 1980, с. 133, 259.
- ⁵¹ *Машин М. Д. Из истории родного края: Оренбургское казачье войско.* Челябинск, 1976, с. 40.
- ⁵² ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 376, лл. 3–5; *Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска.* Оренбург, 1891, с. 97.
- ⁵³ *Хорошихин М. Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания.* СПб., 1881, с. 45.
- ⁵⁴ *Катанаяв Г. Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год.* СПб., 1908, с. 35–47.
- ⁵⁵ *Казин В. Х. Казачьи войска,* с. 274.
- ⁵⁶ *Положение о Сибирском казачьем войске.* СПб., 1845, с. 2.
- ⁵⁷ *Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVII, ч. 3. Киргизская степь Западной Сибири.* СПб., 1852, с. 61–71.
- ⁵⁸ *Материалы по истории политического строя Казахстана,* А., 1960. с. 178.
- ⁵⁹ ЦГА РК, ф. 374, оп. 1, д. 167, л. 170б.
- ⁶⁰ *Там же,* л. 109, 123.
- ⁶¹ *Материалы по истории политического строя,* с. 179.
- ⁶² *Там же,* с. 184.
- ⁶³ *Там же,* с. 185.
- ⁶⁴ *Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в.* Астана, 1998, с. 61.
- ⁶⁵ *Материалы по истории политического строя,* с. 122.
- ⁶⁶ *Красовский Н. И. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. Т. 16, ч. III,* СПб., 1868, с. 71.
- ⁶⁷ *Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века.* А., 1992, с. 122.
- ⁶⁸ ЦГА РК, ф. 374, д. 1101, л. 4.
- ⁶⁹ *Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков.* А., 1960, с. 172.
- ⁷⁰ *Материалы по истории политического строя Казахстана,* с. 184.
- ⁷¹ *Там же,* с. 187.
- ⁷² *Там же,* с. 186–200.
- ⁷³ *Там же,* с. 194.
- ⁷⁴ *Абдрахманова Б. Указ. соч.,* с. 59.
- ⁷⁵ ЦГА РК, ф. 374, оп. 1, д. 1013, л. 37.
- ⁷⁶ *Там же,* л. 6 об.

- ⁷⁷ Там же., л. 48 об.
- ⁷⁸ Абдрахманова Б. Указ. соч., с. 126.
- ⁷⁹ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 215б, лл. 71–85, 98–104.
- ⁸⁰ Материалы по истории политического строя Казахстана. с. 216–226; ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 373, д. 15–50.
- ⁸¹ Там же, л. 51об.
- ⁸² Там же, лл. 54, 54об.
- ⁸³ Материалы по истории политического строя Казахстана, с. 219.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 1614, л. 42.
- ⁸⁶ Там же, д. 373, л. 52.
- ⁸⁷ Там же, л. 52об.
- ⁸⁸ Там же, л. 53.
- ⁸⁹ Там же, л. 52об.
- ⁹⁰ Там же, л. 14.
- ⁹¹ Материалы по истории политического строя Казахстана, с. 218.
- ⁹² ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2268., л. 50.
- ⁹³ Там же, л. 49.
- ⁹⁴ Там же, л. 5об.
- ⁹⁵ Там же, д. 373, лл. 58–59.
- ⁹⁶ Там же, д. 395, л. 10об.
- ⁹⁷ Там же, лл. 11, 12об, 19.
- ⁹⁸ Там же, ф. 374, оп. 1, д. 805, л. 230.
- ⁹⁹ Там же, д. 4775, л. 3об.

Глава девятая

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА КАЗАХОВ ПРОТИВ УСТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА (20–40-е ГОДЫ XIX ВЕКА)

1. ОППОЗИЦИЯ ЦАРСКИМ РЕФОРМАМ В СРЕДНЕМ ЖУЗЕ

Образование Каркаралинского — в бывшем владении Букей-хана и Кокчетавского — хана Уали — округов положило начало целой серии административно-политических нововведений, ускоривших колонизацию казахских земель на стыке Среднего и Старшего жузов и утверждение «владычества России в Киргизской степи».¹ Дальнейшее нарастание военно-административных мер царизма в обширном регионе обусловило резкое недовольство коренного населения, выразителями все более ущемляющихся интересов которого выступили наиболее дальновидные представители клана Абылая, усмотревших в российском Уставе о сибирских казахах 1822 г. угрозу существованию казахской государственности с далеко идущими последствиями.

Главой дома Абылая после кончины Уали-хана стала его вдова Айганым, бабушка великого ученого Ч. Ч. Валиханова — умная, дальновидная и для своего времени образованная женщина, которая вела оживленную переписку с чиновниками Азиатского департамента, Министерства иностранных дел и Сибирского комитета.² Однако при всех ее незаурядных качествах она не годилась для роли предводителя вооруженного сопротивления народа.³

Эта трудная миссия выпала на долю самого младшего из тридцати сыновей Абылая — султана Касыма, дети которого по мужской линии — султаны Саржан, Есенгельды, Агатай, Бопа, Кушак и Кенесары — родившиеся от старшей супруги (байбише), а Наурызбай — от младшей, вошли в историю как последовательные участники, а Саржан, Есенгельды, Кенесары — организаторы почти двадцатилетней изнурительной борьбы, в ходе которой царскому режиму был нанесен огромный морально-политический урон.

Первый же свой протест против учрежденных окружных приказов 14 июня 1825 г. выразил султан Касым, пользовавшийся значительным влиянием в Кокчетавском крае. «Находившийся в Омске генерал Капцевич, — писал Касым-торе, обращаясь к оренбургскому военному губернатору, — учредил присутственные места при городе Кокчетаве, который находится

на нашей киргиз-кайсацской стороне и принуждает наших султанов и старшин иметь в этих местах заседаний с немалыми для них обидами...»⁴

Касым-торе (белая кость, в смысле: аристократ) во всех обращениях, письмах к высокопоставленным чиновникам, рассматривая создание российских опорных баз для колонизации — округов как незаконные действия царизма, а омского областного начальника как просто «находящегося в Омске», выражая чувство негодования большей части кочевых племен, решительно потребовал упразднения вновь учрежденных окружных приказов. Обращая внимание оренбургского генерал-губернатора на открытие Кокчетавского приказа в районе кочевий казахских родов, находившихся под властью потомков дома Абылая, как на нарушение прежних договорных обязательств, достигнутых еще при жизни знаменитого хана, Касым-торе указывал на юридическую несостоятельность административных нововведений ввиду «несогласия и неодобрения султанами и старшинами этих судебных мест».⁵ Первое же обращение Касыма-торе заканчивалось просьбой «к великому государю» оставить их в покое, и разрешить казахам его волостей устроить свою жизнь «точно так же, как они жили при его родителе, хане Абылае, т.е. по их собственным обычаям».⁶ Отрицательная реакция оренбургского губернатора на первые, довольно дерзкие по своему содержанию, письма султана Касыма не обескуражили младшего сына Абылая, он и после этого случая неоднократно обращался к царским губернаторам с единственной целью, с одной стороны, приостановить продвижение казахских отрядов в глубь степного пространства для создания военно-опорных баз, могущих в дальнейшем расширить сферы влияния окружных приказов, с другой, для ускорения крестьянской колонизации.

Другое письмо султана Касыма датировано 18 апреля 1826 г., когда по всей Степи нарастало антиправительственное движение в поддержку законного наследника на ханский престол в Среднем жузе султана Губайдуллы, а восстание султана Саржана приняло широкий размах, охватывая районы Центрального и Северного Казахстана. Султан Касым уведомляет Оренбургскую администрацию о бесчинстве карателей из 350 человек, действовавших в кочевьях алтайского рода, «будто бы за возвращение ими угнанных лошадей...»,⁷ внезапно напавших на его аулы.

Письмо Касыма-торе позволяет установить дату начала участия султана Кенесары в действиях против царских отрядов, т.е. 18 апреля 1826 г. Султан, как пишет Касым-торе, «для узнания того происшествия» и выяснения намерений русского отряда «поехал в тот же раз на неприятельски поступившему отряду». Вооруженная группа в количестве 17 казаков «учинили с ними (т.е. Кенесары. — Ред.) драку, в пяти местах саблею изранили голову, однако взять его в плен не смогли».⁸ В эти дни Касым-торе находился в 20 днях езды от места стычки, по его словам, посещая аулы найманов, кыпчаков и баганалинцев, действовал на благо «общего народного спокойствия». Будучи информирован о преднамеренных бесчинствах казаков, немедленно прибыл в свои кочевья и выразил «крайнее удивление» случившимся, о чем известил оренбургского губернатора, призывая царских наместников воздержаться от враждебных намерений и соблюдать дух взаимопонимания, поддерживавшийся со времени хана Абылая. «Покойный отец мой хан Абылай между разговорами часто употреблял, называя государя императора старейшим братом Богду Ижан-хана (цинского императора. — Ред.),

отцом, то я, следуя тому, господин генерал-губернатор, называя Вас старшим братом, надеюсь всегда на Ваше старшинство и преимущество ни в чем не сомневаюсь».⁹ Приведенная часть текста письма Касыма-торе подтверждает его прежнее намерение поддерживать доброе согласие с российской стороной, при условии, если областные начальства Оренбурга и Омска также взаимно будут отвечать тем же, не расширяя свои колонизационные устремления, опираясь на окружные приказы.

Касым-торе имел двенадцать взрослых сыновей, управлявших 12 волостями, при каждом из них располагалось по 500 кибиток «собственных же» толенгутов, служивших им верой и правдой, готовых ринуться в бой по первому же зову потомков Абылая, покровительством которых они пользовались, служа военной их опорой. «Из сих народов найдутся и мне приверженцы, если бы, Вы меня удалите. Я же удалюсь отсель бегством за самые дальние восты»,¹⁰ — писал Касым-торе тому же губернатору. Султан тем самым предупредил оренбургского губернатора о возможных для русской власти последствиях откочевки его аулов в глубинные степные районы, труднодоступные и неохваченные сферой влияния колониальной администрации. Касым-торе не был, однако, единственным из знатных чингизидов обширной степи, кто с самого начала выступал против введения в Среднем жузе российских порядков в системе административного управления.

Противодействие влиятельного Касыма-торе, его сыновей, многочисленных аулов, всецело отстаивавших прежнюю ханскую структуру власти, традиционные принципы территориального деления и управления были направлены на сохранение хотя бы ограниченного суверенитета. Окружные приказы, опираясь на прииртышские, приишимские, а также алтайские крепости, возникшие задолго до отмены ханства и успевшие значительно укрепить позиции России на расстоянии 100–150 верст в степную сторону, в первые два-три года после принятия Устава 1822 г. не обладали той силой влияния, которая стала нарастать с середины 20-х годов. Одновременно расширяла свою социальную базу и местная оппозиция, в которую влились наряду с большей частью чингизидов массы свободных кочевников, начинавших испытывать земельную тесноту в связи с казачьими захватами.

Значительная часть казахской аристократии, а также шедшие за ними согласно издревле установившейся традиции родовой взаимопомощи номады возлагали большие надежды на одного из старших сыновей умершего хана Уали — Губайдуллу. Омское областное начальство осознавало ту опасность, которая исходила от прямых потомков хана Уали в случае проявления пренебрежительного отношения к влиятельным султанам. Этим следует объяснить избрание Губайдуллы старшим султаном Кокчетавского округа, а Турсуна Чингисова на ту же должность в Каркаралинском округе. Уже первые шаги в устройстве окружных приказов натолкнулись на явную оппозицию — султан Сартай Чингисов в Кокчетавском округе; Саржан Касымов, батыр Шон, бий Торайгыр... — в Каркаралинском... открыто запротестовали против новых порядков, однако все же выжидали момента выражения своей позиции султаном Губайдуллой, которого некоторые роды уже объявили ханом. Губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич, в ведении которого находилась Омская область, в достаточной степени информированный о нежелательном восприятии Устава значи-

тельной частью султанской верхушки, убеждал своих подчиненных при осуществлении реформы действовать «мирными гражданскими распоряжениями, придерживаться строгой справедливости», предписывая проявлять «величайшую осторожность, чтобы тихими измеренными шагами достигнуть полного владычества над азиатскими народами».¹¹

Однако, первые же стычки казачьих отрядов, расквартированных при окружных приказах, с вооруженными толпами оппозиции подтвердили решимость противодействовать реализации царского Устава.

Султан же Губайдулла, сгруппировав вокруг себя недовольных имперскими административно-политическими нововведениями, решил воспользоваться сложившейся ситуацией для восстановления ханской государственности. Постепенно убеждаясь в трудности реализации своих намерений, будучи поддержанный влиятельной группой Касыма-торе, Губайдулла умело воспользовался полномочиями старшего султана, взяв курс на консолидацию антиправительственных сил, что, конечно, никак не могло пройти незамеченным представителями Омского областного правления и командиром казачьего отряда, неотступно следившими за каждым его шагом, донося о своих подозрениях в канцелярию губернатора.

Хотя Губайдулла сразу же после утверждения Александром I Устава как наследник хана Уали и особо влиятельное лицо был приглашен в Петропавловскую крепость, имел «личное свидание» с генерал-губернатором П.М. Капцевичем, ознакомившись с переводным текстом реформы «на татарский» язык, некоторые ее статьи «почитал полезными для народа».¹²

Тем не менее, он не скрывал своего раздражения односторонними действиями правительства. В письме генерал-губернатору Губайдулла обратил его внимание на незаконность учреждения Кокчетавского «дивана». Оказалось, что сын его, султан Болат, отправленный в Петербург «для лицецерения государя императора» во время обратного следования из столицы, был насильно задержан, султан счел необходимым изложить губернатору факты о бесчинствах, осуществившихся через учрежденный окружной приказ. «Видя весь народ Большой и Средней орды таковыми насилиями имеют, на Вас неудовольствие, — потом просит Вас, великий генерал, Кокчетавский диван уничтожить»,¹³ — писал Губайдулла, акцентировав внимание главного администратора края на необходимость упразднения одного из первых окружных приказов.

В обращениях знатных чингизидов к губернатору Западной Сибири красной нитью проходит мысль о намерениях «киргизов быть в союзе с русскими». Этот момент неоднократно подчеркивал впоследствии и хан Кенесары, принимая российских подданных — дипломатов, купцов, караваны которых следовали через его аулы. И султан Губайдулла в этом вопросе придерживался однозначной позиции, дав знать П. М. Капцевичу об отсутствии у противников внедрения новой формы власти в Среднем жузе, стремления углублять отношения с русским населением.

Все действия антиправительственной оппозиции во главе с султаном Губайдуллой, поддержанные потомками Абылая, преследовали конечную цель — добиться упразднения окружных приказов там, где они начали учреждаться, усложняя тем самым устоявшуюся повседневную размеренную жизнь аборигенов Степи. «Если не уничтожите диван, — объяснял султан генерал-губернатору, — то для нас под небом (будет) пустота, по земле пространства

довольно будет, ибо мы ничего противного российскому государству не делали...»,¹⁴ — так резюмировал Губайдулла свое очередное обращение к П. М. Капцевичу, перечисляя лиц, подписавших его и приложивших свои тамги: бии Акмурза, Альбай, Шиктибай, Иткар, Юзбай, Кудайменды, Азнабай, батыр Шама, султан Сиртесен, а также сам Губайдулла, представлявшие интересы атыгаевского, тортульского, токпауского родов.¹⁵

Став во главе антиправительственной оппозиции, одновременно продолжая занимать должность старшего султана Кокчетавского окружного приказа, Губайдулла не оставил своего желания занять ханский трон, и убедившись в невозможности «добиться ханского достоинства через русское правительство», он завел тайные контакты с китайской стороной для достижения своих целей.¹⁶

Султан Губайдулла, в достаточной степени продолжавший традиции внешнеполитической линии своего деда Абылая, до конца своей жизни придерживался политики двуединства в отношении России и Цинской империи, которая, кстати, в несколько измененной форме осуществлялась его отцом, ханом Уали, стремясь как-то нейтрализовать все возрастающее влияние Петербургского двора и заручиться поддержкой восточного соседа, или в процессе противоборства двух империй за влияние в Казахстане несколько восстановить былую обособленность Среднего жуза, действительно поддерживал дружественные связи с китайской стороной.

На сей же раз инициатива в поддержании кандидатуры законного наследника ханства Губайдуллы исходила от высших китайских чиновников, опасавшихся чрезмерного упрочения позиций России в ущерб стратегическим интересам Пекина, прилагавшего немало усилий, чтобы не поступаться своим реальным влиянием в этом беспокойном регионе. Амбань (градоначальник) г. Чугучака через своих представителей передал Губайдулле волю цинского императора, чтобы он, как «старший наследник покойного хана», явился к Пекинскому двору или же отправил «от себя депутатов для освидетельствования своего подданства».¹⁷

Борьба за влияние двух соседних империй на султана Губайдуллу, по существу, явилась отражением их противоборства за жизненно важные позиции в стратегическом регионе, от покорения которого в значительной степени зависело осуществление военно-политических предначертаний, особенно России, задавшей целью опередить Англию и, скорее продвинувшись к среднеазиатским ханствам, при благоприятном стечении обстоятельств закрепиться на стыке Юго-Восточного Казахстана и Восточного Туркестана. В данной связи изоляция единственного реального претендента на ханство в Среднем жузе Губайдуллы и пресечение всяких контактов его с китайцами являлась сложной для П. М. Капцевича задачей. Генерал-губернатор, стараясь держать султана в российском повиновении, от имени правительства обнадежил «наградить его жалованьем», каким пользовались и Абылай, и хан Уали при условии согласия его на учреждение «хотя бы одного из линейных округов в Омской области»,¹⁸ обещая при этом «в случае нужды послать на услужение ему отряд войск для приведения в послушание его подданных».

К 1825 г. влияние Губайдуллы заметно возросло и стало важным фактором в решении спорных политических вопросов в регионе. Теперь казахское население воспринимало его как законного властелина со всеми присущими степным правителям функциями, что позднее дало повод

Г. Н. Потанину охарактеризовать султана «избранным киргизским народом ханом». ¹⁹

Широкая популярность Губайдуллы сильно настораживала областное начальство. К тому же полковнику Б. Броневскому удалось «проведать» о продолжающихся тайных связях его с китайскими чиновниками. Более того, был установлен факт принятия им «депутации» Синьцзянской администрации, по всей вероятности, действовавшей самостоятельно, без ведома центральных китайских властей. ²⁰

Губайдулла, официально продолжавший занимать должность старшего султана, был немедленно вызван в Омск, где его «засадил» в крепость, решив заменить более или менее преданным России, податливым, с точки зрения областного начальства, султаном Габбасовым. Тем временем Губайдулле удалось вырваться из заточения и скрыться, к нему в скором времени присоединился тот же Габбасов. Таким образом, избрание председателя Кокчетавского окружного приказа оказалось сорванным, должность эта оставалась вакантной, что в немалой степени дискредитировало местную колониальную власть, ускорив и усилив консолидацию сторонников опального султана.

Таким образом, апрель 1825 г. следует рассматривать как начало народного движения против введения Устава 1822 г., у истоков которого стоял Касым-торе. Генерал-губернатор и его окружение были ошеломлены быстрой течением событий, вызвавших раскол внутри казахского общества. Влиятельные феодалы Среднего жуза Коныркулжа Кудаймендин, Жамантай, старший султан Каркаралинского округа Чингис Турсунов и другие не разделяли позиции Губайдуллы; встав на стороне правительства, старались удержать находившиеся под их влиянием аулы от широко развивающейся антиколониальной борьбы, в которую были вовлечены уже многие роды.

Султан Губайдулла, отрешенный от должности, находясь на полулегальном положении, с целью обезопасить себя, а с другой стороны, всколыхнуть и вовлечь в освободительное движение многочисленные роды Северо-Восточного Казахстана, разослал своих доверенных лиц в районы, еще не охваченные административными функциями царских округов, в надежде подготовить очаги будущего восстания.

Губайдулла, как незаурядная личность, проявивший в этой сложной ситуации удивительную энергию и соблюдая дипломатический такт, формально продолжал сохранять «торжественную присягу» на подданство России, ²¹ что в какой-то степени должно было умножить число его сторонников за счет привлечения на свою сторону прилинейных аулов, традиционно проявлявших лояльность к властям. Отправление же им «к китайскому двору депутатов» во главе со своим племянником, кроме явного запоздалого извещения о кончине хана Уали, преследовало цель «повредить только бы данному в открытых округах порядку». ²²

«Султан Губайдулла, сведав означенных китайских подарков, по свойственной азиатам алчности, решился изменить данной России, и невзирая на сильные убеждения чиновников Кокчетавского округа, собрав единомышленников, уехал скрытно к китайскому албану на встречу к горам Баян-Аул», — с тревогой предупреждал генерал-губернатор Западной Сибири командиров прилинейных казахских постов. ²³

27 апреля 1825 г. П. М. Капцевич приказал командующему Отдельным

Сибирским корпусом направить начальника отряда Каркаралинского внешнего отряда Сибирского линейного казачьего войска, сотника Карбышева для задержания Губайдуллы, с намерением воспрепятствовать ему «войти в непосредственные отношения с китайским албаном, прибывшим с войском к Баян-Аульским горам».²⁴ Причем, была известна главная цель прибывшего в этот район албана в сопровождении «киргизского военного конвоя» китайцев — возвести в ханство Среднего жуза Губайдуллу, «коему привезены были от Китайского двора значительные дары».²⁵

Вероятность избрания султана Губайдуллы ханом Среднего жуза при поддержке и признании этого акта китайскими официальными лицами в обстановке расширяющегося массового протеста кочевников против ломки традиционной системы управления сильно встревожила губернатора Западной Сибири, который к тому же был озабочен перспективой реального раскола этого этнополитического объединения; юго-восточная часть Среднего жуза во главе с султаном Губайдуллой могла отколоться и отойти под власть Цинской империи и образовать обособленный протекторат, вырвав из сферы влияния России стратегически важный район, через который проходили традиционные маршруты купеческих караванов из внутренних губерний к среднеазиатским владениям, выступавшим в поддержку борьбы мусульманского соседа против российского проникновения в регион и Восточный Туркестан, где также укоренялась значительная казахская диаспора. Принимая во внимание возможные тяжелые последствия в случае признания китайцами Губайдуллы юридически состоявшимся предводителем большей части Среднего жуза, генерал-губернатор приказал сотнику Карбышеву с отрядом казаков и конным орудием форсированным маршем «поспешить» от Каркаралинского округа к Баян-Аулу и до прибытия казахского султана вступить в переговоры с китайскими представителями, «воспрепятствуя соединению Губайдуллы с оным».²⁶ Заодно Карбышеву предписывался «захват» самого султана, «разрушив соблазнительное для киргизов намерение китайцев».

Сотник Карбышев, продвигаясь с довольно хорошо экипированной, подготовленной для введения боевых действий командой, недалеко от Баян-Аульских гор настиг китайскую делегацию, тем самым исключив всякие возможности соприкосновения ее с окружением мятежного султана. Другая вооруженная группа под командой коллежского асессора Путинцова, следовавшая «по пятам» Губайдуллы из Кокчетавского округа, удачно соединилась у Баян-Аула с Карбышевым. Тем временем вооруженные посты, расставленные в «разных местах», немедленно известили о приближении к Баян-Аульским горам аулов Губайдуллы, к тому же его представители, направленные к китайской делегации, были перехвачены казачьими разъездами, в том числе султан Шама, родной дядя претендента на ханский престол, которому задолго до этих событий удалось собрать «большую вооруженную толпу для удобнейшего произведения их намерения».²⁷

Дальнейшее «обезвреживание» многочисленных, но увы, разрозненно действовавших, вооруженных казахов прошло довольно успешно и бескровно. Сотник Карбышев с отборным отрядом казаков и при орудии ночью скрытно направился к стану Губайдуллы, находившемуся на небольшом расстоянии от аулов султана Шама, о пленении которого Губайдулла не был извещен. Сотенный атаман Чернецкий так разумно рас-

ставил цепь казачьих пикетов и удачно, бесшумно перехватывал посланца Губайдуллы, что «ни один узник не смог подать вести китайцам», а пятидесятник С. Найдин «с отважными казаками пятком поползли» к юртам и, пользуясь темной ночью, отогнали лошадей «на довольное расстояние» от беспечных спавших сарбазов, вооруженных саблями, пиками и кинжалами. Между тем сотник Карбышев, скрытно подойдя к месту расположения султана, внезапным нападением разоружил охрану и близкое окружение ошеломленного Губайдуллы, который без сопротивления был пленен с несколькими биями.

Отряд же султана Шамы, наиболее боеспособный, только на следующее утро узнал о случившемся, «с поспешностью отступил, забыв свое вероломное предприятие».²⁸ Итак, план, разработанный в штабе отдельного Сибирского казачьего корпуса был осуществлен: китайская делегация, сама оказавшись в плену, была нейтрализована, Губайдулла потерпел неудачу и под усиленным конвоем был препровожден в Омск и заключен в крепость, в дальнейшем Сибирская администрация, опасаясь громкого имени, популярности, влияния, которое он продолжал оказывать на степных обитателей, решила обезглавить оппозицию и отправила султана в далекий сибирский городок Березов, откуда он был вызволен в ноябре 1840 г., лишь благодаря настойчивому заступничеству вождя народного движения Кенесары.

Генерал-губернатор был удовлетворен результатами операции, приведшей к ослаблению движения и пленению Губайдуллы, представил к награждению всех «отличившихся», в т.ч. атамана Чернецкого, пятидесятника Найдина, урядников Солонникова, Некрасова и, конечно же, сотника Карбышева, который и в дальнейшем сыграет зловещую роль, будучи уже полковником в подавлении восстания Саржана Касымова, а также всенародной борьбы хана Кенесары.

Таким образом, оппозиция царской реформы, начавшись как протест, выразителем которого выступал Касым-торе, по мере подавления его военно-принудительными мерами, вылилась в массовое движение под руководством султана Губайдуллы.

Тактические его промахи в организации движения, сложность политической ситуации, усугублявшейся расколом общества на два противоположных лагеря, обрекли движение на неудачу. Однако, продолжение реализации Устава силовыми методами, игнорирование протеста видных чингизидов ускорили объединение разрозненных сил оппозиции в единое движение, во главе которого стал султан Саржан Касымов.

2. ВОССТАНИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СУЛТАНА САРЖАНА КАСЫМОВА (1825–1836 гг.)

Ссылка султана Губайдуллы в далекий сибирский городок не оставила разворачивающееся по всему Среднему жузу движение. Одновременно продолжали набирать силу волнения в аулах Каркаралинского округа, где тон задавали казахи Карпыковской волости, находящиеся в ведении султана Саржана, одного из сыновей Касыма-торе. В итоге весной 1825 г. начались антиправительственные волнения в Центральном Казахстане, где было сильно влияние потомков Абылая.

В одном из донесений сотника Карбышева (удостоенного внимания правительства за его успешные действия в поимке Губайдуллы) генералу от инфантерии П. М. Капцевичу, Саржан Касымов охарактеризован как «издавна отличившийся всякого рода насилиями в степи».²⁹ Антиколониальная борьба, широко охватившая безбрежную степь, по существу, была спровоцирована «спешностью» во вводе в действие Устава 1822 г., невзирая на первоначальные протесты таких видных султанов, как Касым Абылаев, Габбасов, Губайдулла и др.

Саржан Касымов, несомненно, прекрасно осведомленный об открытой оппозиции Губайдуллы по отношению к царскому уставу, «согласясь с другими безответственными султанами, с толпами подведомственных киргиз», вооруженных ружьями, пиками, саблями, установив контроль над караванными путями, начали совершать набеги на окружные приказы, однако и тут не обошлось «без ограбления киргизов, соблазном своим колебля умы легкомысленных».³⁰ Генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич более был озабочен не экономическими издержками, связанными с внезапными рейдами вооруженных отрядов на караванные маршрутах, что, между прочим, также приносило немало непредвиденных хлопот для вновь создаваемой окружной администрации, озабоченность губернской канцелярии в большей степени была вызвана «вредным влиянием хищников» на уже открытые в степной зоне два округа — Кокчетавский и Каркаралинский. Требование П. М. Капцевича «принять решительные и строгие меры» в отношении противников нового порядка было проявлением страха перед возможностью соединения Саржана, действовавшего в волостях Каркаралинского округа, с Губайдуллой, чей призыв к борьбе находил отклик у многих аулов, дороживших былой свободой. В одном из отрядов Саржана в качестве рядового сарбаза находился молодой султан Кенесары, который более других был охвачен свободолобивыми помыслами, став «бойцом за независимость» тюркских народностей Средней Азии.

Карательный отряд из 200 отборных казаков, направленный в Карпыковскую волость по личному распоряжению П. М. Капцевича «для отвращения столь дерзких и вредных покушений», к тому же подкрепленный артиллерией, вступил в бой с первыми арьергардными отрядами Саржан-батыра. Обе стороны понесли потери.³¹ Обрадованный первым успехом, П. М. Капцевич донес своему начальству «об уничтожении коварных замыслов бунтующих».

Первое открытое столкновение, происшедшее 31 января 1826 г., закончилось военным поражением султана Саржана; «его единомышленники», попавшие в плен, были обезоружены и преданы военному суду при Омском ордонанс-гаузе. Султан со своими приверженцами успел уйти от преследования, перекочевав с многочисленными аулами к Оренбургской линии, зимовку провел в Кидель-Кыпчакской волости вблизи города Троицка.³²

Изменение дислокации повстанцев было связано с определенной целью — возбудить антиправительственный настрой, начало которому в этом регионе было заложено арестом последнего хана Младшей орды Шергазы, который затем был отправлен в ссылку в г. Калугу, в аулах Младшего жуза, где царизм предполагал ввести в действие другой Устав — «Об оренбургских киргизах». Теперь и западносибирский, и оренбургский генерал-губернаторы рассматривали султана Саржана «как главного

виновника всех беспокойств в степи».³³ Этнический состав повстанцев все более приобретал интернациональный характер: беглые русские, татары; время от времени районы, охваченные народным движением, посещали представители Кокандского, Хивинского ханств, Бухарского эмирата.

В феврале 1825 г. канцелярия Сибирского линейного казачьего войска была крайне поражена найденным сотником Карбышевым в аулах султана Саржана паспорта на имя крестьянина Иртышского округа Федора Серебренникова. Была заведена переписка для выяснения обстоятельств обнаружения документа в кочевьях мятежного султана. Паспорт затем был отослан Пермскому гражданскому губернаторству для сбора сведений по этому поводу.³⁴

В течение всего лета 1826 г. активные действия отрядов Саржана не ослабевали, вовлекая в движение все новые волости, хотя согласно главе VI Устава ответственность «за беспорядки и своевольства от киргизов» возлагалась прежде всего на султанов.³⁵ Многие султаны, «умысловавшие сделать возмущение между киргизами», не ограничиваясь политическими требованиями «разрушить первоначальное устройство» окружных приказов, повсеместно сколачивали вооруженные «многолюдные партии», не исключая и угроз в отношении аулов, сохранявших лояльность к колониальной администрации. Особенно своей непримиримостью выделялся султан Абылай Габбасов, предводительствовавший над одним из отрядов Саржана, который, приблизившись к Каркаралинскому приказу, увлек за собой ряд волостей «посредством возмутительных действий», рассылая своих доверенных в соседние районы, прежде всего в Кокчетавский округ, «научал султанов онаго не повиноваться законной власти, которой они себя подчинили».³⁶ Большая часть населения Каркаралинского округа, стоявшая на стороне Саржан-батыра, «укрывалась из округа».

В Кокчетавском округе движение возглавил султан Сартай Чингисов, также разделявший позицию руководителя восстания султана С. Касымова. Сартай Чингисов, представлявший Караульскую волость, где особенно почитали знаменитого хана Абылая, стремившегося к объединению казахских земель, координировал свои действия с Губайдуллой, полностью отдавая себя под власть общенародного руководителя Саржан-батыра. Боязнь дальнейшего усиления народного сопротивления побудила омского областного начальника Де Сент-Лорана 4 сентября 1825 г. с грифом «секретно» обязать начальника военной стражи Каркаралинского округа, сотника Карбышева «приступить к отысканию и захвату» султанов Саржана, Губайдуллы и Сартая,³⁷ переждав момент, «когда они не в близком расстоянии один от другого находиться». При этом в случае непреодолимых препятствий, Карбышев должен был «стараться поимкой задержать одного из них — Саржана Касымова».³⁸ Кроме 200 казаков, уже действовавших против восставших, в распоряжение Карбышева поступило 150 казаков при офицерах «для занятия постов». В случае удачи, предполагалось «кратчайшим конвоем» доставить в Омск для предания военному суду арестованных султанов, действия которых подпадали под статью «О государственной измене» Устава 1822 г., и они, как и другие 12 соратников султана Саржана, ожидавших своей участи в Омской крепости, могли быть осуждены к смертной казни, в лучшем случае — в Сибирь, на каторжные работы.

Тем временем в Омске была образована специальная комиссия при городском ордонанс-гаузе; коллежскому регистратору Пирожкову было предписано «заняться переводом» с казахского языка на русский показаний 12 казахов из «шайки» султана Саржана.³⁹ Может быть, из жалости, а, скорее всего, из сочувствия к трагической участи томившихся в крепостном замке казахов — участников восстания, трое из 12 заключенных были выпущены из тюрьмы на поруки, что произвело настоящий переполох в канцелярии области. Заседатель Бубеннов, секретарь Елгин, исправляющий должность столоначальника Захаров были отданы под суд, чиновникам областного совета, замешанным в этом деле, был объявлен «строжайший выговор».⁴⁰

Что побудило упомянутых чиновников принять рискованное для себя решение, которое могло подвергнуть их строгому осуждению властей, судить трудно. Не исключено, что эти лица, испытывая влияние декабристов, немалое число которых отбывало ссылку и в Омске, тем самым внесли свою лепту в общий дух антикрепостнического движения, стараясь как-то облегчить тяжелую участь инородцев Сибири, в т.ч. казахов. Подтверждением факта особого внимания областного начальства, которое оно придавало случившемуся, явилось немедленное оповещение об этом Главного управления Западной Сибири.⁴¹ Тем не менее, областное начальство, на которое была возложена задача организации подавления вооруженных выступлений, придерживалось двойственной позиции: с одной стороны, обезглавить народное движение путем пленения его предводителя, с другой, действуя скрытно, небольшими отрядами, хорошо знающими местность, осуществлять тактику ведения борьбы в условиях возможных нападений враждебно настроенных аулов, ибо областное начальство сознавало свои упущения и нерешительность в первоначальном искоренении основных очагов восстания, когда оно только зарождалось. Исполняющий обязанности омского областного начальника еще 24 августа 1825 г. писал в Главное управление Западной Сибири: «...Я не могу не сказать, что полезное было раньше предвидеть зло, могущее произойти от своеволия и поступков султана Карпыковской волости Саржана Касымова, и сообразно тому принять меры к пресечению оных...»⁴² Далее следуют его рекомендации: действовать немедленно, без всякой «огласки» приступить к исполнению заранее намеченных «предположений», заключавшихся в захвате не только общенародного предводителя, но также нескольких «из главнейших соумышленников... в строгой разборчивости, во избежание возбуждений», которые могли бы возникнуть в этом случае, вызывая опасения казахов.⁴³ Выбор коварных методов борьбы с восстанием был благословлен и «высочайшей волею». 24 июня 1826 г. управляющий Министерством иностранных дел довел до сведения Кокчетавского окружного приказа волю Николая I пока «не предпринимать никакого личного преследования» султана Саржана, воздержаться от его захвата⁴⁴ до того, как будет уточнена позиция правительства на сей счет. 9 июля 1826 г. в Петропавловской крепости были получены инструкции правительства, регламентирующие действия местных властей по подавлению восстания.

Для выяснения намерений султана предписывалось собирать и сообщать в Петербург требуемые сведения: не делал ли он в последние годы какие-либо притеснения купеческим караванам при «проходе оных» через казахские степи и в чем они выражались? Какие пошлины он взыскивал? Были ли сборы в чрезмерном количестве? Имели ли полезные

последствия результаты рейдов казачьего отряда в степи в ходе поиска упомянутого султана? Прекратились ли или сохраняется ли угроза его нападений на караваны? Для выяснения обстоятельств предлагалось «отобрать письменные объяснения» от российских и азиатских купцов, нередко обращавшихся с жалобами на Саржана непосредственно в управление Министерства иностранных дел России.⁴⁵

Во второй половине 20-х годов в Среднем жузе наступило временное затишье: правительство, заботясь об укреплении уже открытых в 1824 г. Каркаралинского, Кокчетавского и, учредив в 1826 г. Баян-Аульский округ, воздержалось от снаряжения крупных казачьих отрядов для преследования восставших аулов, значительно расширяя казачье земледельческое присутствие вблизи окружных приказов, усиленно охранявшихся вооруженными дозорами, которые наряду с гарнизонами приишимских, верхнеиртышских и алтайских крепостей, постепенно расширяли крестьянскую колонизацию, при этом не решаясь углубляться в степь, где в основном реальная власть была представлена постепенно затухающей, все более отходившей на второй план прежней ханской структурой управления. Положение это сохранялось до 1830-х годов.

Факты неоднократных разграблений караванов, наносивших ущерб экономическим интересам России, ослаблявших политическое присутствие империи в регионе при все возрастающем выделении крупных сил на Северный Кавказ для военных действий против горцев, все больше усиливали в Петербургском дворе позиции сторонников силового решения колониальной проблемы на далекой малоизвестной азиатской окраине.

К тому же материалы, собранные чиновниками Омского областного правления, подтверждали факт произвольного сбора пошлин у купцов отрядами восставших.

Причем сборы с купеческих караванов производились как деньгами, истинная стоимость которых была малопонятна для рядовых номадов, так и товарами. Приведем несколько примеров: у работника троицкого купца Юркина, казанского татарина Бекбау Абсаямова у урочища Тас-Шатеродным братом Саржана Кучуком и сыном первого было взято пошлины — 100 даб, 3 шелковых халата, 2 штуки парчи, бархатное одеяло; толентугты Саржана реквизировали у тобольского бухарца Рузы Гумарова вещей на 551 руб., у бухарского подданного Таира Закиржанова отобрали 16 лошадей.⁴⁶

Временно приостановив отправку в степь карательных сил, генерал-губернатор Западной Сибири не без основания рассчитывал на обескровливание восставших аулов, значительные силы которых были задействованы для борьбы с отрядами не разделявших их позиции новых старших султанов. В числе непримиримых противников Саржана был старший султан Каркаралинского округа Турсун Чингисов, пособничество которого с новой колониальной администрацией углубляло внутрифеодальный раскол. Его письма, обращения к начальнику Омской области проникнуты явной неприязнью к Саржану, народному движению. «За сим уведомляю Вас, — писал Турсун Чингисов в одном из писем полковнику С. Б. Броневскому, — что султан Саржан Касымов всегда делает грабежи караванов подданных всемилостивейшего государя Императора, каковые дурные поступки производит он с подобными себе злыми людьми... он же ограбил караван, шедший из Семипалатинска; он рассылает от себя лю-

дей с приглашением, чтобы всеми удалиться в степь». ⁴⁷ Более того, убеждая российскую сторону в необходимости привлечения для борьбы с восставшими военной силы — 300 казаков с двумя орудиями, Т. Чингисов с раздражением признавал широкую народную поддержку Саржана, полагая, что только подобные меры обеспечат возвращение «под управление (Каркаралинского. — Ред.) дивана» отколовшихся аулов. ⁴⁸ Военные действия против Саржана ускорились в связи с распространившимися сведениями о поддержке восставших ташкентским правителем. Перспективы объединения восставших аулов Среднего жуза с независимым Кокандским ханством, в случае благоприятного стечения обстоятельств, пристально изучались в Министерстве иностранных дел империи, так как это могло значительно осложнить дальнейшее продвижение царских отрядов в сторону среднеазиатских владений, опираясь на окружные приказы. К тому же Акмолинский округ, учрежденный в 1832 г., Аягузский (Сергиопольский) — в 1831 г. на стыке Среднего и Старшего жузов, рассматривались колониальными властями, как наиболее удобные опорные пункты в утверждении российского влияния в регионе. Поэтому сообщения о возможных контактах Саржана, особенно с ташкентским правителем, воспринимались не иначе, как попытка возводить преграды на пути новых приобретений России в Центральной Азии. А факты говорили о существовании между султаном Саржаном и ташкентским кушбеги тайных контактов. Свидетельство тому — перехваченное казачьим разъездом письмо Саржана, адресованное кушбеги, от 6 октября 1831 г. В переводе на русский язык оно приводится с некоторыми сокращениями: «Да пошлет господь здравие на Вас и страну Вашу благодательной, из щедрых щедрейшей, из храбрых первейший, в военных делах и пышностью подобен царю Рустему... нам весьма было приятно видеть письмо Ваше, посланное через биев Мырзана, Сауранбая и Сагындыка. Мы видим, как Вы из сожаления печетесь о благосостоянии нашем, приглашаете нас для перезимовки на Сыр, Чу и Кужур. Очень рады и на предложение Ваше для сближения с Вами, согласны... мы к услугам Вашим с усердием всегда готовы..., русские принуждают... однако плачем душевно к единовверным себе державам». ⁴⁹

9 октября 1831 г. командир отдельного Сибирского корпуса генерал от инфантерии Вельяминов под грифом «секретно» получил рапорт из района Каркаралинского округа от начальника военного отряда полковника Губина о выступлении из Ташкента войска в 5000 человек в сторону Туркестана, очевидно, для поддержки казахских аулов, проявлявших солидарность с восставшими. Тогда же, 9 октября 1831 г., исполняющий обязанности омского областного правителя информировал того же Шубина «о вероятности склонения киргизского народа кокандским владетелем под свое управление». ⁵⁰

В октябре 1831 г. петропавловский купец 3-й гильдии Пакулев, мещанин Никита Лепетов сообщили о приближении войска ташкентского кушбеги до 3000 человек, вооруженного пиками, айбалтами (секирами), небольшими пушками, «возимыми на верблюдах». Намерение ташкентского правителя разорить состоявшие в подданстве России аулы было очевидно, тогда же и произошла встреча кушбеги с султаном Саржаном, о предмете переговоров трудно судить ввиду отрывочности документов; надо полагать, обеспокоенность обеих сторон действиями России в регионе явилась основ-

ным связующим фактором и, видимо, тогда и удалось согласовать решение о совместных действиях против надвигающейся угрозы с севера.

Султан Саржан с делегацией в составе 20 человек посетили Ташкент, находились там дней 10 и пригнали местного хану в подарок 80 лошадей. Одним из соратников Саржана, бию Байтелу Иманкулову, вручили «черное знамя». ⁵¹ По некоторым сведениям, Саржан-батыр согласился платить Ташкенту дань в знак признания власти кушбеги. Кроме того, казахскому султану были подарены латы стоимостью в 500 червонцев и меч в золотой оправе. ⁵² Взамен этого жеста кокандского хана Саржан обязался «барантами» беспокоить состоявшие в российском подданстве аулы, захватить одного из ярых сторонников России султана Коныркулжу Кудаймендина и разграбить его аулы или угнать его лошадей. Сближение султана Саржана с Кокандом, вероятность сколачивания антироссийского тюркоязычного альянса ускорило продолжение массированных нападений карательных отрядов на восставшие аулы.

30 сентября 1831 г. войсковая канцелярия Сибирского линейного казачьего войска сообщила Де Сент-Лорану об отправке через Акмолинский округ отряда казаков из 50 человек в полном вооружении на строевых и вьючных лошадях. ⁵³ 5 октября 1831 г. командир отдельного Сибирского корпуса убеждал Де Сент-Лорана довести до сведения султана Саржана о его возможном привлечении к суровой ответственности — осуждению на каторжные работы в Нерчинске как «нарушителя спокойствия», если тот не прекратит «свои баранты в местах, принадлежащих Акмолинскому округу». ⁵⁴ Причем, разгневанный непрекращающимися выступлениями Саржана, взбудоражившими степь, командир Сибирского корпуса просил Де Сент-Лорана немедленно оповестить султана «о достойной каре», ожидавшей возмутителя обширного края «за его изменническое поведение». Письмо Де Сент-Лорана от 9 октября 1831 г., доставленное в аул мятежного султана, было составлено в угрожающем тоне: «...Вы почтеннейший султан, изменив данной Вами присяге на подданство Российскому престолу... грабительством доселе мирных единоверцев своих..., совершили полное расстройство вообще между подданными киргизцами и не щадя их собственности; столь предосудительные званию Вашему поступки не останутся без наказания, то доколе постигнет Вас достойная кара». Так, угрожая расправой, он требовал возратить казахам российского подданства все то, что было отнято восставшими. ⁵⁵ Тот же командир Сибирского корпуса 24 октября 1831 г., ссылаясь на письма Коныркулжи Кудаймендина относительно «преклонности киргизского народа» (т.е. намерений — Ред.) откочевать к Саржану, настоятельно требовал от Де Сент-Лорана покончить с восстанием, если султан «не уймется от хищничества», предостерегая «весьма неприятными мерами». ⁵⁶ При этом Де Сент-Лоран рассчитывал на поддержку того же влиятельного султана Коныркулжи Кудаймендина, еще в 1830 г. ставшего подполковником, что являлось тогда редким явлением для выходца «из инородцев», в 1832 г. с открытием Акмолинского округа стал его первым старшим султаном, посетил «Высочайший двор», «за непоколебимую верность» был награжден золотой медалью с алмазами, почетным кафтаном и деньгами в сумме 5000 руб. ⁵⁷

На все последующие обращения царских чиновников султан отмалчивался, неустанно расширяя новые районы охвата восстанием, что подтол-

кнуло правительство начать крупномасштабные действия. В середине 1831 г. команда из 500 человек, выступившая из Кокчетова, внезапно совершив налет на аулы Саржана, разграбила их. Сильно пострадали алтынские, кесекские, джагалбайлинские роды, погибло 450 мирных жителей, были захвачены в плен десятки людей, в т.ч. один из сыновей Саржана; в начале 1832 г. казачий отряд в числе 250 человек под начальством П. Н. Кулакова насильно задержал султанов Кушука и Есенгельды, разграбив род жанайдар, расправился с 60-ю казахами. Эти трагические факты были подтверждены позднее ханом Кенесары при его обращении к председателю Оренбургской пограничной комиссии генерал-майору Генсу.⁵⁸ Хорошо зная местность, действуя неплохо экипированными небольшими конными отрядами, часто меняя районы дислокации следовавших за ним аулов, Саржан Касымов, несмотря на постоянные преследования казачьих частей, превратился в грозную силу. 14 марта 1832 г., как информировал генерал-губернатор командира Сибирского корпуса, ядро восставших в количестве 400 человек сгруппировалось в районе Сулуколь и, «учинив баранту», угнало 1600 лошадей у казахских сторонников России, что вызвало серьезное беспокойство в Акмолинском приказе. Командир «заграничного отряда» сотник Чириков получил строгий приказ: со всей тщательностью следить «за изменником» Саржаном Касымовым, постараться упредить его замыслы, «благоразумными мерами» определить места расположения его сил, разузнать «велика ли предводительствуемая им шайка», как он собирается развертывать свои дальнейшие действия, перехватывать его письма и т.п.

Причем, к нему потоком потянулись аулы из тех регионов, где сохранялось относительно сильное влияние России.

22 марта 1832 г. казахи Куянды-Тагаевской волости, подведомственные султану Шанхаю Есимову, предводительствуемые Байарсланом Алаевым и Кашкынбаем Кожабердиевым с более чем 12 аулами «укочевали» к возмутителю Саржану, а что было еще тревожнее — прочие казахские волости Акмолинского округа также были склонны «удалиться к нему в глубь степи».⁵⁹ 14 марта 1832 г. сотнику Чирикову поступило распоряжение: в случае усиления угрозы «вернопопданным киргизам от изменника Саржана», собрав силы, «не оставаясь праздным на Кара-Уткуле (ныне Астана. — Ред.) отправиться на поиск саржановцев». Через 10 дней, т.е. 24 марта 1832 г. Чириков докладывал областному начальству о крупной стычке с восставшими алтай-карпыковского рода и об использовании 423 боевых патронов, об отбитых 13 ружьях, множестве луков со стрелами, сабель, кинжалов, лошадей, часть из которых была оставлена Коныркулже Кудаймендину.⁶⁰ Все попытки карательных отрядов, оперативно снабжавшихся достоверной информацией о расположении восставших аулов, внезапно захватить самого Саржана, не увенчались успехом. Немалую роль в упреждении замыслов преследователей сыграла чрезвычайная осторожность вождя восстания, который, как доносил подполковник Лукин Омскому областному правлению, всегда «держал у своей юрты до пяти оседланных лошадей», чтобы при непредвиденных опасностях, при малейших критических обстоятельствах, спасти себя и народное дело, которому он служил безоглядно, убежденно, личным примером вдохновляя казахские аулы.

В конце 1831—начале 1832 гг. генерал-губернатор Западной Сибири отрядил одновременно против Саржана несколько тщательно укомплек-

тованных, с учетом местных условий, мобильных групп, чтобы, действуя в разных направлениях, сузить районы маневрирования аулов Саржана со скарбом, скотом, семьями, и вынудить неугомонного борца к прекращению борьбы или сдаче властям. Архивные документы повествуют об одном из критических случаев, чуть не закончившемся разгромом его основных сил.

Начальник одного из заграничных отрядов полковник Лукин в рапорте есаулу Симонову от 6 июня 1832 г. сообщил о неожиданном столкновении с вооруженными людьми Саржана: «...не доходя до 1 версты до аула мятежников», им был направлен для демонстрации сил отряд казаков из 40 человек под начальством неугомонного в преследовании повстанцев Карбышева. На рассвете он достиг аула султана, «применил движение», и совершил быстрый отгон табунов.⁶¹ Для поддержки сотника Карбышева были выделены два взвода казаков; взаимодействие карательных сил дало свои результаты: не выдержав прицельного огня регулярных сил, повстанцы отошли с занимаемых позиций. Каратели преследовали Саржана и его окружение до 60 верст. На сей раз султана от верной гибели спасло хорошее знание им местности и «усталость лошадей казаков от большого перехода», а также пористая почва, не позволявшая преследователям развернуться в строй и провести кавалерийскую атаку с применением огнестрельного оружия; Саржан же, имея резвых свежих лошадей, молниеносно исчез на горизонте, оставив, правда, в руках карателей неповоротливых выючных верблюдов.⁶² Тот же Лукин, чуть позднее, оправдываясь перед начальством за неудачу в поимке султана, писал: «Причиной быстрого удаления султана Саржана с аулами было то, что с вечера были приготовлены навьюченные верблюды и оседланы лошади для движения, на рассвете следующего дня при общем усердии господ офицеров султан Саржан остался не схваченным».⁶³ Однако ущерб для повстанцев был также значителен: Карбышевым и хорунжим Поповым было захвачено 4000 лошадей, 3000 верблюдов со скарбом, до 100 голов крупного рогатого скота, от 30 до 40 тыс. баранов.⁶⁴

А в самой сердцевине Сарыарки все новые роды пополняли ряды восставших. Летом 1836 г. мулла Салим Сагинов, побывавший в степи, сообщил С. Б. Броневскому о «злонравных» действиях сарымсаковского и шоровского родов, которые, подстрекаемые баканасским бием Танриком Байториным, а также Избасаром Алдабергеновым, Мынбаем Толентаевым, Онбаем Тюлентаевым, Бутанбаем Чувашевым, «ничего доброго государству не сделали».⁶⁵

В начале 1836 г. из Актауской крепости выступила воинская команда из 300 казаков под начальством майора Тинтяка⁶⁶ (на слух по-казахски «тентек» означает озорник, шалун); это прозвище утвердилось за майором, ассессором, за его злобность и жестокость в отношении казахов, участников восстания; позднее, в период восстания Кенесары его также называли Камча(плеть)-майором.⁶⁷

Тем временем борьба Саржана продолжалась. Помощь, которая была обещана ему кокандским кушбеги, так и осталась на словах. Громкая слава Саржана, разнесшаяся по всей степи, порождала интриги со стороны кокандцев, с тревогой наблюдавших за его энергичными действиями, которые, охватывая некоторые районы Старшего жуза, вызывали бес-

покойство ташкентского правителя, собиравшего с казахских родов региона зякет, жестоко подавлявшего любое проявление неповиновения. Теснимый царскими отрядами, по-прежнему надеясь на поддержку кокандского хана, Саржан перекочевал в пределы Старшего жуза, пытаясь объединить разрозненные силы казахов региона, стараясь при этом перетянуть на свою сторону и казахов, подвластных ташкентскому кушбеги, что послужило почвой для конфликта султана с кокандцами. Саржан был коварно умерщвлен ташкентским правителем летом 1836 г. Гибель султана, его брата Ержана, Есенгельды, а также сопровождавших его других знатных казахов, негативно отразилась на дальнейшем разворачивании освободительной борьбы, оставив при этом глубокую трещину в казахско-кокандских отношениях; двуличие и коварство кокандских правителей, заманивших их в ловушку и погубивших жизнь славного вождя восстания, впоследствии придали ему и антикокандскую направленность, являясь помимо всего прочего проявлением такой неприязни Кенесары Касымова к ташкентским правителям.

Имя султана Саржана, его более чем десятилетняя борьба остались в народной памяти, в шедеврах устного творчества; воспетые степными импровизаторами свершения и идеи его вдохновляли противников царской колонизации на продолжение неравной борьбы, которую продолжил его младший брат Кенесары, сын Касыма-торе.⁶⁸

3. НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ИСАТАЯ ТАЙМАНОВА И МАХАМБЕТА УТЕМИСОВА

Причины восстания. Со второй четверти XIX в. в Букеевском ханстве нарастало экономическое давление на трудовое население аулов, круто ломался ряд важных сторон сложившегося веками общественного уклада. Воспитывавшийся в доме астраханского губернатора, Жангир-хан вернулся в степь с «аристократически-цивилизаторскими» планами перестройки общественного бытия и политической структуры в ханстве, начиная от некоторых обрядных обычаев, кончая земельными отношениями, налоговой политикой и ханским двором. На основе отсталого полукочечевого казахского общества он задумал создать региональное, своеобразно «просвещенное» ханство, послушное в равной степени ханской власти и политике царского престола. Однако кочевые и полукочевые общины не были готовы к восприятию этих ханских «нововведений».

Политика, проводимая с большим упорством ханской властью с односторонней опорой на местные органы царской администрации и на часть, в основном, состоявшей на службе царской власти крупной и средней феодальной местной знати, привела к резкому усилению феодального и колониального гнета, к массовой узурпации аульно-общинных земель знатью. Как следствие этого, она вела к серьезному расстройству хозяйственной жизни, к падению экономического потенциала аульных коллективов, к заметному умножению числа обедневших и бедняцких хозяйств, к резкому падению авторитета и влияния ханской власти, к стремлению изменить существующие порядки.

В такой обстановке произошло восстание масс казахских шаруа-скотоводов, основательно потрясшее ханство, особенно в 1836—1837 гг. Народно-освободительное движение первоначально охватило южные районы ханства, примыкавшие к побережью Каспийского моря. Здесь находились удобные, богатые пастбищные угодья. Они являлись владениями князя Юсупова и графа Безбородко. Сюда устремлялись, в основном, безземельные и малоземельные кочевые общины, выбитые из жизненной колеи общинники, надеявшиеся приобрести пастбища на сносных арендных условиях или наняться рабочими на рыбные промыслы. Со временем население здесь оказалось столь плотным, а власть ханских агентов и сборщиков налогов сверх «казенных» управляющих стала столь разорительной, что земельная теснота и поборы на этом участке были более острыми и значительными, чем в других районах ханства. Только на землях упомянутых владельцев (около 300 тыс. десятин) к середине 30-х годов кочевало более одной трети населения орды, около 7 тыс. кибиток. На зиму сюда перегонялось множество скота, доходившее до 200 тыс. лошадей и более полумиллиона голов баранов,⁶⁹ в большей части принадлежавших богатым султанам и биям.

Освободительное движение, возглавленное Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым, прошло в своем развитии три этапа. Первый этап падает на 1833—1836 гг. и характеризуется как период подготовки к вооруженному восстанию. Второй этап начинается с выступления повстанцев против хана (начало 1837 г.) и продолжается до их поражения — середины ноября 1837 г. Третий этап охватывает период с момента перехода небольшой группы повстанцев во главе с Исатаем и Махамбетом на левобережье Урала (середина декабря 1837 г.), собрание сил для новой битвы и окончательное поражение в бою близ р. Акбулак (середина июля 1838 г.).

Недовольство масс шаруа и многих аульных старшин политикой и управлением хана быстро нарастало. Поводом для его вспышки послужило назначение Жангиром в 1833 г. своего тестя Караулхожи Бабажанова правителем родовыми подразделениями, занимавшими своими кочевьями побережье Каспийского моря. Этот акт хана был расценен многими на местах как полное игнорирование им интересов и воли аульных общин и как вызов, брошенный им. Нового управляющего знали как жестокого угнетателя рядовых кочевников, как крупного ростовщика-торговца и сторонника силового управления. Он также был известен как один из ближайших и ревностных проводников и исполнителей новой ханской политики. Имело значение и то обстоятельство, что по установившимся народным взглядам он, имея свое происхождение из ходжей, не был правомочен управлять казахскими родами. Групповые прошения и предупреждения, направленные хану накануне и после принятия им решения о назначении Бабажанова, оставались без внимания. Доведенные до отчаяния народные массы начали открытое антиханское движение.

В эпицентре общественного брожения и движения оказались аулы рода берш, кочевавшие на юге, во главе со старшиной Исатаем Таймановым,⁷⁰ впоследствии ставшим руководителем восстания. Он имел большой опыт управления народными массами, отличался смелостью и решительностью, обладал качествами военачальника. К нему с самого начала присо-

единился Махамбет Утемисов, пламенный оратор, одаренный поэт-импровизатор, уже успевший завоевать к этому времени известность в народе не только красноречием, решительным характером и глубоким умом, но и защитой интересов рядовых кочевников. Таким образом, на заре формирования освободительного движения на юге ханства встретились два выдающихся деятеля — Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов.

Исатай Тайманов.

Положение на юге ханства принимало серьезный оборот, весьма опасный для ханского режима и стоящих за ним колониальных властей. Чтобы упредить нежелательное для него нарастание событий, Жангир-хан прибегает к политике «пряника и кнута».

Он пытается обласкать Исатая и Махамбета, приглашает их на важные собрания и съезды при ханском дворе, представляет царским чиновникам при посещении последними ханской ставки. Одно время Махамбет был придворным певцом, воспитателем ханских детей, и Жангир имел намерение взять его в Петербург в составе своей свиты для посещения императорского двора. В 1834 г. Махамбет Утемисов назначается старшиной.

Однако все попытки ханской власти склонить Исатая и Махамбета на свою сторону не дали желаемого результата, их антиханские настроения становились все более явными и глубокими. Тогда Жангир перешел к открытому преследованию их и к насильственным мерам по отношению к ним. Он добивается ареста Махамбета Утемисова. Его содержали в тюрьме при Калмыковской крепости с 15 июля 1829 г. по сентябрь 1830 г. «за агитацию и попытку оставления ханских владений» и переход на левобережье Урала.⁷¹ Готовилось также задержание Исатая Тайманова. Назначение управляющим родов, занимавших побережье Каспийского моря, Караулхожи Бабажанова было произведено, в первую очередь, в отместку против неуступчивости и «своеволия» Исатая и Махамбета, чтобы добиться их изоляции и с целью постоянного контроля за ними. Новый управляющий свою деятельность начал с постановки вопроса перед ханом об «отречении» Исатая от должности управляющего родом берш и о переселении его и верных ему аулов на малопродуктивные пастбищные участки. Одновременно хан Жангир просил Оренбургское губернаторство о принятии срочных мер для задержания Исатая Тайманова, Махамбета Утемисова и некоторых других их сподвижников, представляя их как «возмутителей» масс против официального порядка и политики царского правительства в Степи. В письме к доверенным биям от 17 марта 1836 г. хан писал, что Исатай и Махамбет «призывают население к неповиновению верховной власти. Они разгромили аулы старшин Карабекена и Жолана. Повелеваю вам схватить и доставить их в Ханскую ставку».⁷²

Начиная с конца лета 1833 г., жизнь многих аулов юга изменилась. Вместо обычного кочевания аулами вдали друга от друга, родовые общины сходились кочевьями; на дорогах сновали гонцы и вестовые родовых отделений, спешившие с поручениями; устраивались сходы и советы, создавались оборонительные посты вокруг аулов против возможных на-

падений ханских сатрапов. Для этого «местного» периода развития освободительного движения были характерны следующие черты. Во-первых, население выражало резкое недовольство ханскими биями, управлявшими родами в Прикаспийской зоне и требовало их смещения. Во-вторых, одновременно на местах шла активная работа по вовлечению в движение, направленное против политики хана и султанско-байской группировки, все новых и новых аульных общин. Происходило соби́рание сил и создание вооруженных ополчений, объединяемых в единую организацию. В одном из писем в Оренбургскую Пограничную комиссию в мае 1836 г. хан Жангир характеризовал Исатая и Махамбета как людей «совершенно вредных», и просил поймать их и «удалить из Орды навсегда». ⁷³ В-третьих, участились, особенно с начала 1836 г., нападения на аулы султанов и биев, разгромы их усадеб с захватом скота и земли. Исатай и Махамбет лично руководили несколькими такими рейдами. В-четвертых, многие родовые и родовые общины в Прикаспийской зоне ханства стали открыто игнорировать власть ханских чиновников и переходили под управление Исатая. Исатай и Махамбет на одном из народных сходов объявили, что будут управлять самостоятельно, без участия и оглядки на хана. В-пятых, антифеодальные и антиханские настроения распространились на другие части орды. Освободительное движение охватило все ханство. Так постепенно образовалось два лагеря: ханский и освободительного движения.

Основной социальной базой освободительного движения на всех этапах подготовки и проведения восстания были трудящиеся кочевники-шаруа. Многие активные участники движения принадлежали к бедным и беднейшим слоям населения. Так, у Айтаса Кусепова, участвовавшего в восстании с самого начала до конца, при конфискации имущества были изъяты только «старые кошмы, кибиточная ветхая решетка». Ханский чиновник, присутствовавший при этом, отметил, что человек, подвергшийся конфискации имущества, «виден был бедным». У другого активного участника восстания Нашакура Акинбаева вовсе не оказалось имущества, подлежащего изъятию. Султан Чиник Аблаев в донесении Жангиру от 3 августа 1838 г. писал о сподвижниках Исатая — Иргисе, Нургисе и Кучуме Сартовых, что «у них не только скота, но и на пропитание самих никакой пищи не имеется». ⁷⁴ Сами руководители восстания Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов, их взрослые дети и родственники, активно участвовавшие в освободительном движении, имели скромные скотоводческие хозяйства, всецело обслуживаемые личным трудом, и принадлежали к социальной группе шаруа.

Восстание, возглавляемое Исатаем и Махамбетом, по своим движущим силам было крестьянским, что свидетельствовало о глубоком процессе социального расслоения, происходившем в орде. Крестьянский характер восстания во многом предопределил его направление, мотивы и идеологию.

Как всякое крестьянское движение, оно было стихийным в стадии зарождения, недостаточно организованным даже в период наибольшего размаха. К слабостям крестьянского движения вообще добавились специфические трудности, свойственные казахскому обществу, — его экономическая и политическая отсталость, феодально-патриархальный и колониальный гнет, разбросанность населения по аулам, кочевой образ жизни народа. Все это сильно сказывалось на всех этапах освободительного движения.

Начало и ход восстания. К весне 1837 г. сложились основные очаги вооруженного сопротивления, выходящие за рамки защиты местных аульных интересов. Наиболее крупным из них была повстанческая группа, собранная под непосредственным руководством Исатая и Махамбета. В районах, охваченных движением, ханское управление почти полностью было парализовано. Повстанцы сжигали дома, захватывали имущество у знати, угоняли скот с кочевьем прохански настроенных аулов.

Хан Жангир, со дня на день ожидавший выступления повстанцев, просил пограничные власти выслать к нему дополнительно военные отряды, убеждая и торопя Оренбургскую администрацию предпринять решительные акции против «мятежников». Создавшееся в ханстве положение серьезно тревожило и Оренбургское губернаторство. Правда царская администрация понимала, что силы были явно неравны и в любой момент, при необходимости, она может подавить сопротивление и выступления казахов шаруа. Поэтому оренбургский губернатор, вначале проявляя сдержанность в удовлетворении просьб хана, все-таки усилил свою агентурную деятельность в лагере повстанцев. Собранные сведения рисовали следующую картину: по данным от 11 июня 1837 г., старшины Исатай Тайманов и Жунус Жантелин в урочищах Кулбай и Коктюбе «собрали до 500 вооруженных однородцев своих», немногим более через месяц в ауле Исатая «собрались до 1000 кибиток и 600 вооруженных киргиз». ⁷⁵ Число повстанцев в 1837 г. по сравнению с предыдущим годом выросло в 3–5 раз и доходило, если считать все группы, до 4–5 тыс. чел. ⁷⁶

В начале августа 1837 г. оренбургский губернатор распорядился задержать руководителей восстания Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. Когда этот план не удалось осуществить, было решено организовать ловушку и уговорить Исатая прибыть в Оренбург к губернатору для «выслушивания» его претензий к хану. Исатай вначале согласился на приглашение губернатора, но затем отказался поехать к нему, заявив, что он сам берет «защищать себя от притеснений». ⁷⁷

Крупные силы повстанцев несколькими группами во главе с Исатаем и Махамбетом постоянно передвигались, все больше приближаясь к ханской ставке. По пути следования они громили аулы и имения ханских чиновников и знати, отбирали у них земли, в ряде мест назначали своих правителей в родовых подразделениях. В ходе движения повстанцы стремились усилить свое влияние на другие родовые общины, вербовать себе новых сторонников. Демонстрируя решимость масс и силу выступления перед ханом, они хотели вынудить его пойти на реформы управления. 15–20 октября лагерь повстанцев уже находился в урочище Теректы-Кум, в 60–70 верстах от ханской ставки, ⁷⁸ а 24 октября Исатай и Махамбет во главе повстанцев численностью, по одним данным, около 1500 чел., а по другим сведе-

Махамбет Утемисов.

ниям — 2500—3000 чел., находились в 40 верстах от ханской ставки. Через 2—3 дня они развернули свои бивуаки в 4—8 верстах от нее. Осада длилась две недели.

В это время оренбургским губернатором осуществлялась операция по окружению повстанцев и их уничтожению. Выступили хорошо вооруженные регулярные и казацкие части, отдельные воинские подразделения Кулагинской, Горской крепостей, Зеленовского форпоста, из Уральска, Астрахани. Из Оренбурга выехал подполковник Геке для координации руководства всей операцией против повстанцев. Из числа беженцев и толентутов был организован вооруженный отряд при хане, насчитывавший около 600—700 человек. Были усилены посты по всей Узеньской и Приуральской линиям, чтобы перекрыть повстанцам путь к отступлению.

Для руководителей повстанцев, которые старались избежать столкновения с русской администрацией и тем более с вооруженными силами царского правительства, было неожиданным появление воинских отрядов. После нескольких дней переписки вначале с ханом, а затем с подполковником Геке, прибывшим в ханскую ставку 30 октября, повстанцы сняли осаду ставки, чтобы избежать окружения и встречи с явно превосходящими хорошо вооруженными карательными отрядами царского правительства. Однако им не удалось надолго оторваться от преследования карателей.

На рассвете 15 ноября между отрядом Геке, состоявшим из 2 тыс. солдат и ханских людей, и повстанцами в районе урочища Тастюбе произошла короткая, но ожесточенная схватка, в которой повстанцы потеряли до 100 человек убитыми.⁷⁹ Разбившись на мелкие группы, они рассеялись в разных направлениях. Попытки Исатай и Махамбет вновь собрать их не увенчались успехом. В дальнейшем действия карательных отрядов были нацелены на уничтожение основной небольшой группы повстанцев во главе с Исатаем и Махамбетом, но они, умело маневрируя в территориально ограниченной местности, навязывая противнику мелкие стычки фланговыми группами, смогли избежать открытого столкновения с преследовавшими их отрядами.

Исатай и Махамбет с небольшой группой наиболее стойких в борьбе за свободу сарбазов, потеряв надежду вести усиленную борьбу против хана и султанско-байской знати, решили искать возможные пути перехода в Зауралье. Несмотря на плотную сеть воинских постов, расставленных по обеим сторонам Урала, им удалось в морозную и вьюжную ночь с 13 на 14 декабря 1837 г. пробиться вблизи Яманхалинского форпоста, уйти в просторы Зауральской степи.

Так завершилось крестьянское восстание в Букеевском ханстве. Но оно перекинулось на левобережье Урала. Горстка повстанцев во главе с Исатаем и Махамбетом, перейдя за Урал, не думала складывать оружие. Исатай и Махамбет развернули здесь деятельность по сколачиванию сил для решительной схватки с карательными отрядами царизма и местных феодалов. Им удалось к весне 1838 г. создать крупный повстанческий отряд, наводивший страх не только на султана-правителя Айшуакова и его сторонников, но и на самого Жангир-хана. Оренбургское губернаторство направляло в степь все новые отряды для подавления движения Исатая Тайманова на территории Младшего жуза.

12 июля 1838 г. основная группа повстанцев численностью около 500

джигитов в районе междуречья Ак-Булак и Киул столкнулась с крупным объединенным карательным отрядом, которым командовал подполковник Геке. В завязавшемся бою повстанцы проявили настоящий героизм и самопожертвование, но силы были слишком неравными и восставшие были разгромлены, а их руководитель Исатай Тайманов убит.

Освободительная борьба народных масс в 1833–1838 гг., кульминацией которой явилось крестьянское восстание, в период своего подъема имела антиханскую, антифеодальную и антиколониальную направленность. Она выходила за рамки борьбы за землю, хотя этот момент был определяющим в ее социально-экономических мотивах.

Последствия восстания. После разгрома восстания началось жестокое преследование колониальными властями и ханской верхушкой его участников и сочувствовавших ему мирных аулов, которые мелкими группами пытались скрыться в степи, частью уходили в приаральские кочевья. Казачьи сотни и специальные карательные отряды захватывали активных участников восстания, подвергали разгрому многие аулы.

Участников восстания наказывали палочными ударами, забивая до смерти, приговаривали к каторжным работам, направляли в арестантские роты, ссылали в Сибирь, конфисковывали имущество, отправляли на вечное поселение. Братья Махамбета Утемисова, Исмаил и Сулеймен, были наказаны: первый ударами шпицрутенгов через строй в 500 человек в три круга и ссылкой на крепостные работы в Ригу на шесть лет, по отбытии этого срока – на вечное поселение в Сибирь, а второй – ударами плети «до крови» и ссылкой на крепостные работы в Киев с последующей отдачей в солдаты. Верные сподвижники Исатая Нургиса, Иргиса, Кучум Сартовы и их отец Сарт Ералин подверглись более тяжелым наказаниям.

В июне 1838 г. военными властями Оренбурга была осуждена первая группа активных участников восстания в составе 16 человек к ударам плетью и шпицрутенгами с последующей ссылкой их на крепостные и каторжные работы. В это же время в Уральске под стражей без суда и следствия содержались, по официальным данным, 39 активных участников восстания. Немало повстанцев умерло в тюрьмах еще до суда.⁸⁰

Ненависть народа к хану, султанам-правителям и их окружению, а также к колониальным властям оставалась еще долго после поражения восстания грозной силой, наводившей постоянный страх на тех, против кого она была направлена. Жангир-хан почти пять лет спустя после подавления восстания писал в Оренбургскую комиссию: «...постоянное внимание мое обращается также на злонамеренные остатки исатаевской шайки». Он охарактеризовал их как «злонамеренных людей, желающих ему зла».⁸¹

Махамбет Утемисов после гибели вожака восстания Исатая Тайманова и поражения ударных сил повстанцев скрылся в степи, но спустя некоторое время вновь взялся за агитацию среди народных масс против хана и всей процарски настроенной знати.

Зная, каким уважением пользовался Махамбет в народе, и учитывая его незаурядный поэтический дар, соединенный с зажигающим красноречием, Жангир-хан и султан-правитель Айшуаков пытались не допустить появления его в родах и аулах, подвластных им. Они опасались нового взрыва народного возмущения, к которому не переставал призывать воин-поэт. В начале 1843 г., услышав только о том, что Махамбет появил-

ся в аулах, близлежащих к р. Урал, хан немедленно донес в пограничное управление: «Глава исатаевской шайки Махамбет Утемисов, несмотря на запрещение суда приближаться к линии, проживает недалеко от оной, постоянно распускает невыгодные слухи и присоединяет к себе беглецов из Внутренней орды».⁸²

Крестьянское восстание под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова потерпело поражение. В тех конкретных исторических условиях оно не могло кончиться иначе не только потому, что за ханской властью и султанами-правителями стояла мощь царского правительства, но и потому, что крестьянское движение было локальным и ограниченным, не имело связи с освободительным движением в других частях Казахстана, тем более происходило без связи с другими освободительными движениями в России. Однако смелость восставших достойна восхищения. Они подняли знамя классовой борьбы в крае против угнетателей на новую ступень и передали эстафету борьбы за социальную свободу новым поколениям.

4. НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ХАНА КЕНЕСАРЫ (1837–1847 гг.)

Гибель султана Касыма и его сыновей, несмотря на стихийный, неорганизованный характер предыдущего этапа выступлений, придала новый импульс к продолжению антиколониальной борьбы в условиях жесткого внедрения в Среднем жузе административно-политических нововведений, придав движению более ярко выраженный народно-освободительный характер, отодвинув на второй план узкородовые, клановые интересы потомков объединителя казахских земель хана Абылая. Эту борьбу теперь возглавил один из внуков последнего – султан, затем хан Кенесары Касымов (1802–1847 гг.).

Кенесары Касымов выступил на историческую арену как продолжатель дела Абылай-хана в условиях, когда вследствие массированных выступлений царских войск нависла угроза над независимостью тех районов Казахстана, которые, несмотря на принятие Уставов о сибирских и оренбургских казаках 1822, 1824 гг., продолжали сохранять политическую обособленность. А потому главной целью восставшего султана являлось восстановление целостности территориальных пределов Казахстана времен Абылай-хана, упразднение «диванов»⁸³ (так в письмах его обозначены округа, учрежденные в Казахстане в 20–30-х гг. XIX в.), сохранение полной самостоятельности еще не вошедших в состав России земель.

Основные требования борьбы «мятежного султана» четко определены в его многочисленных письмах, адресованных императору Николаю I, оренбургским губернаторам В. А. Перовскому, В. А. Обручеву, сибирскому губернатору, князю В. Д. Горчакову, председателю Оренбургской Пограничной комиссии А. Ф. Генсу и др. Ни Губайдулла-султан, ни его знаменитый брат Саржан не могут встать в один ряд с Кенесары Касымовым, который, по мнению М. Красовского, «уступая своему деду (Абылаю. — *Ред.*) в уме, но превосходя и его и своего отца (Касым-торе. — *Ред.*) энергией характера, стал известен во всей степи»⁸⁴.

Как «ловкий, своеобразный политик» султан Кенесары Касымов отдавал себе отчет в том, что борьба с могущественной Российской державой требует объединения сил трех казахских жузов, значительных жертв, использования не только военных, но и дипломатических усилий. Хотя он жестко подавлял своеволие отдельных султанов, старшин, биев, отколовшихся от народного движения, строго расправлялся с теми, кто поддерживал политику России, он все же оставался, в основном, сторонником мирного решения недоразумений с царским правительством. Терпимо относился к военнопленным, в т.ч. русским, некоторые из которых служили у него, деликатно принимал российских посланцев, да и в своих действиях не часто проявлял жестокость, разве что проявленные им в период противоборства с кыргызами. Хотя вспышки гнева в отношении тех, кто предавал интересы восстания, нарушал воинскую дисциплину, были нередки. Об этом, в частности, свидетельствует поэма «Кенесары – Наурызбай», автор которой поэт, воин Нысанбай активно участвовал во всех деяниях знаменитого «киргизского Шамиля»⁸⁵. Впрочем, нелишне привести словесный портрет хана, описанный бароном У-р (Услар), оказавшимся невольным пленником Кенесары: «Кенесары невысокого роста и худощав, черты лица его запечатлены калмыцким характером и напоминают о его происхождении. Впрочем, узковатые глаза его сверкают умом с примесью лукавства, а его физиономия вовсе не обличает жестокости, которую он, однако, обнаружил во многих случаях»⁸⁶.

Кенесары Касымов.

Султан Кенесары, умный политик, проявил выдающиеся дипломатические качества, вступив в переговоры с Сибирской и Оренбургской администрациями, осознавая всю сложность длительной, изнурительной вооруженной борьбы против России.

В первом же письме на имя оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского он предлагал на 35 лет приостановить возведение крепостей на территории Казахстана, захват казахских земель⁸⁷.

В Центральном госархиве Республики Казахстан сохранились интересные документы, свидетельствующие о стремлениях казахского хана мирным путем уладить разногласия с царским правительством, расширявшим захват казахских земель и создававшим новые округа в районах, остававшихся вне пределов российского влияния. В донесении Уч-Булакского окружного приказа от 26 декабря 1838 г. омоскому городничему сообщалось о задержании пяти казахов Кокчетавского, Акмолинского и Баян-Аульского округов – личных представителей хана (Тобылды Тохтина, Юсупа Жанкучукова, Мамберды Конысбаева, Тайтока Доненова и Косумбая Казангапова), которым последний поручил доставить два письма, адресованные российскому императору и западносибирскому генерал-губернатору. В

книге Е. Бекмаханова упоминаются двое из пятерых доверенных лиц Кенесары.⁸⁸

Кенесары всеми средствами добивался объединения феодальных групп, родоплеменных подразделений трех жузов, хотя эта цель не была достигнута даже в период самого подъема освободительной борьбы в 1844—1845 гг.

С самого начала восстания казахская знать разделилась на два противоборствующих лагеря: часть их, обласканная правительством, опираясь на поддержку колониальной администрации, добивалась сокрушения своих политических противников, добиваясь различных привилегий от Омской и Оренбургской администраций. Непримирым противником Кенесары являлся старший султан Акмолинского округа Конаркулжа Кудаймендин, яростную борьбу против восставших вели султаны-правители Младшего жуза Ахмед и Мухаммед Жантюрины, султаны Айшуаковы. После перехода Кенесары в Жетысу непримиримой позиции в отношении восставших придерживались сыновья Абылай-хана Али, Суюк, Адиль, родственники самого предводителя освободительной борьбы. Большую часть из 27 биев, султанов позднее под дулами орудий подписавших обязательства «извещать друг друга при появлении хищников», составляли потомки Абылая, управлявшие в этот период многочисленными родоподразделениями Жетысу. Несмотря на противодействие части старшин, биев, султанов, в т. ч. Среднего жуза, Кенесары Касымову удалось объединить под свои знамена значительную часть казахских родов трех жузов. Порой численность войск Кенесары доходила до 20 000 человек. Ядро восставших составляли рядовые кочевники Среднего жуза. По данным, собранным судебными учреждениями Омского областного правления, только в Кушмурунском, Кокчетавском, Акмолинском, Каркаралинском и Баян-Аульском округах восставших поддерживали свыше 80 султанов, биев, старшин.⁸⁹ С 23-летнего возраста, активно участвуя в освободительном движении под предводительством Саржана, убедившись в двойственной позиции кокандцев, приведшей к гибели братьев и отца, Кенесары отказался от переговоров с кокандским кушбеги, притеснявшим казахов низовья Сырдарьи, хотя поддерживал дружественные отношения с бухарским эмиром, порой снабжавшим его порохом, оружием.

Восстание казахов с самого начала приобрело массовый характер. Пожалуй, это единственное восстание в истории освободительных движений конца XVIII и в XIX в., которое охватило основные районы расселения казахских родов: кроме родоплеменных объединений Среднего жуза, в нем приняли участие роды Младшего жуза шекты, жагалбайлы, табын, алшын, шумекей, жаппас и др., Старшего жуза — уйсун, дулат и др. Факт признания Кенесары ханом трех жузов, подтверждаемый архивными данными, свидетельствует о легитимности его полномочий как всенародно избранного правителя, единственного, высшего выразителя интересов нации.⁹⁰

Движущей силой восстания были казахские шаруа. В борьбу за восстановление государственности были вовлечены и рядовые егинши, и старшины, и султаны. Всеобщая борьба против военной колонизации казахских земель, засилья кокандских беков придавала восстанию освободительный характер. Увы, не все бии, старшины, султаны оказались последовательными в поддержке Кенесары: по мере передислокации и перехода

основных сил в другие районы отдельные отряды, комплектовавшиеся по родовым признакам, отпочковывались от основного ядра.

В числе предводителей отрядов были знаменитые народные батыры: Агыбай, Иман (дед Амангельды Иманова), Басыгара, Ангал, Жанайдар, Жауке, Сураншы, Байсеит, Жоламан Тленшиев, Бухарбай и др.⁹¹

Состав участников был интернациональным: казахи, русские, узбеки, кыргызы, поляки и др.

Военные действия Кенесары начались весной 1838 г. с осады и сожжения Акмолинского приказа. Коменданту крепости войсковому старшине Карбышеву и старшему султану Акмолинского округа полковнику Кобыркуле Кудаймендину с трудом удалось выбраться из сожженной крепости. Вскоре восставшие переместились в район Тургайских степей. В письмах к оренбургским чиновникам Кенесары объясняет этот шаг своим желанием, перекочевав ближе к Оренбургу, облегчить ведение переговоров. Фактически же энергичный султан задался целью: распространить восстание на просторы Младшего жуза, непосредственно примыкавшие к России, где в 1836—1838 гг. произошло восстание под руководством Исатая Тайманова. Торткаринцы, шумекеевцы, табынцы и другие роды, предводительствуемые батыром Жоламаном Тленшиевым, присоединились к восставшим. Движение охватило и Младший жуз. Переговоры, как и следовало ожидать, результатов не дали.

В сентябре 1841 г. влиятельные бии, султаны трех казахских жузов избрали Кенесары Касымова ханом казахской земли. Казахская государственность была восстановлена. Осенью 1841 г. восставшие осадили крепости Сузак, Жанакорган, Ак-Мечеть, Жулек, где были дислоцированы значительные силы кокандцев. Взятие нескольких кокандских укреплений вдохновило борцов за свободу. Даже торткаринцы и чиклинцы, кочевавшие вдали от главных очагов движения, известили о признании его всеказахским ханом.

Говоря об активном участии торткаринцев и чиклинцев на стороне Кенесары Касымова, следует детализировать побудительные факторы, активизировавшие их действия в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. Имеется в виду стремление регионов номадов не только примкнуть к общему делу возрождения обособленности казахских земель от надвигающейся угрозы колониальных захватов Российской империи, но и желанием населения Присырдарьинского региона избавиться от насильственной власти кокандских беков. Обострение взаимоотношений Кенесары с кокандским беком было вызвано и личными мотивами казахского султана.

Вероломное убийство в 1836 г. кокандскими правителями его брата Саржана, одного из предводителей восстания казахов в предыдущий период, предательская казнь в 1840 г. отца Касыма-торе, а также своих братьев султанов Есенгельды, Алжана и других потомков Абылая, также ужесточили антикокандскую позицию предводителя движения. Об этом, в частности, Кенесары писал в одном из своих писем оренбургскому губернатору. С самого начала освободительной борьбы до своей гибели хан Кенесары придерживался в отношении Кокандского ханства четкой линии — освобождения казахов от гнета кокандских правителей. Несколько отличалась политика казахского хана в плане взаимоотношений его с хивинским ханом, с которым Кенесары поддерживал вполне доверительные

отношения. Вдобавок к этому, хивинский правитель порою снабжал казахские отряды хлебом, пушками, порохом. По мнению же военного историка В. Потто, Хивинское ханство, как и Бухарский эмират, готовы были заключить с Кенесары взаимоприемлемый «союз».⁹²

Все эти обстоятельства в известной степени предопределяли характер, сущность политики Кенесары в отношении узбекских ханств, оказывали влияние на структуру административного управления его ханства.

Государство, созданное ханом Кенесары, было феодальным, распространявшим свою власть на всю территорию Казахстана, исключая районы вдоль линии Иртыша, Ишима, Урала, где довольно прочно утвердилась колониальная власть империи.

Был упорядочен сбор налогов: зякет для скотоводов, ушур для хлебопашцев. Продолжение кровавых столкновений с царскими отрядами требовало материальных и иных средств, что, естественно, привело к увеличению налогового бремени.

Государство Кенесары поощряло переход казахов к земледелию. Помимо других обстоятельств, это было продиктовано необходимостью обеспечения восставших аулов хлебом в условиях ужесточения контроля со стороны царской администрации над торговыми маршрутами. Караваны, доставлявшие хлеб в районы восстания в случае их обнаружения, конфисковывались, а купцы, торговцы привлекались к суровой ответственности, что вынуждало хана даже в условиях постоянной подвижности кочевого населения поощрять земледелие. Несмотря на строгие меры правительства, караваны, нагруженные хлебом, шли отовсюду, даже из далекого Младшего жуза. Земледелие он рассматривал, как единственное и «достаточное средство к пропитанию». Осенью 1846 г. в районе урочища Каракамау, вблизи правого берега р. Или «... он нашел игинчей (пахарей. — *Ред.*) жалаирского рода. Видя преимущества земледелия, хан предложил своим приверженцам также заняться хлебопашеством».⁹³

Торговая политика Кенесары претерпела значительные изменения. Видя, что пошлины от купеческих караванов приносят значительные доходы, хан прекратил их разграбление, лично принимал порой караванбаши, облагая дополнительными налогами тех, кто уклонялся от уплаты пошлины за провоз товаров. О гостеприимстве и покровительстве купцам, задерживавшимся в аулах Кенесары, документов более чем достаточно, хотя, покидая пределы его ханства, нередко приказчики говорили о нем не иначе, как о «разбойнике», стараясь угодить командирам казачьих отрядов, которые также их задерживали «для расспроса».⁹⁴

Прежнее государственное устройство было значительно реорганизовано. Ханский совет, как высший совещательный орган, состоял из преданных интересам народа батыров, биев, султанов, родственников. Но решающий голос оставался за самим Кенесары. В ханский совет вошли, в основном, люди, верные интересам освободительной борьбы, проявившие личную отвагу, дипломатические способности, еще в то время заслужив народное признание как умные и тонкие политики.

Специальная служба управления следила за распространением, разъяснением и выполнением в аулах решений, обращений ханского совета. Находясь во главе государства, Кенесары поощрял привлечение к управ-

лению лиц, проявивших незаурядные личные качества, невзирая на их происхождение.

Хан постоянно обращался с письмами к должностным лицам России, Средней Азии. Организации дипломатической службы он придавал исключительно важное значение. Его письма, обращения отличаются ясно конкретным содержанием, аргументированностью требований. При приеме русских дипломатов Герна, Долгова, барона Услара, известных купцов, хан держал себя с дипломатическим тактом.

Один из случаев приема ханом послов «славного хивинского государства славным батыром» для заключения «союза против неверных гяуров» описан Я. Палферовым.⁹⁵

Кенесары сумел организовать боеспособное ополчение, отдельными отрядами которого руководили члены военного совета, знаменитые батыры. Разделенные на сотни и тысячи, войска Кенесары были приспособлены к условиям затяжной степной войны. Строгая дисциплина, за которой лично следил Кенесары, позволяла ему за сравнительно короткий срок обеспечить полный сбор воинов. Кенесары ввел в своих войсках знаки отличия. Многочисленные источники подтверждают, что сам предводитель восстания иногда носил позолоченные офицерские эполеты русской армии: «...в зрительную трубу можно было бы видеть даже самого предводителя (т.е. Кенесары. — *Ред.*), сидевшего верхом на белом коне, в полукафтани, обложенном золотым галуном и в русских полковничьих эполетах. На голове у него была форменная офицерская фуражка, а через плечо перекинут серебряный шарф», — так описан Кенесары во время осады Екатерининской станицы в августе 1844 г.⁹⁶

Кенесары умело пользовался услугами своих лазутчиков, доставлявших ему нужные сведения. Благодаря такой информации, хан заблаговременно знал планы военных передвижений карательных сил, что давало ему возможность избегать людских потерь. Тактика ведения военных действий Кенесары подробно описана в рапортах, отчетах, донесениях полковника Дуниковского, войскового старшины Лебедева, в трудах историков прошлого века Н. Середы, В. Потто, Л. Мейера и др.

Кенесары отличался личным мужеством, решительным характером, «всегда щегольски одетый в бархатный бешмет, гарцевал» впереди своей многочисленной свиты, в своих действиях он «был подобен всеокрушающему урагану».

Став во главе ханства, Кенесары более решительнее, чем прежде, продолжил борьбу за освобождение казахских земель. Взятием кокандской крепости Сузак Кенесары намеревался не только расширить район военных действий, но и отомстить за гибель своих близких.

До 1843 г. правительство воздерживалось от использования против восставших крупных контингентов регулярной армии, предпочитая погасить основные очаги антиколониального движения казахскими частями. К тому же до 40-х годов XIX в. высокопоставленные военно-административные чины не теряли надежды подавить общенародное движение «нравственными убеждениями и не прибегая к оружию, что соответствовало бы милосердным чувствам Его величества».⁹⁷ В частности, сторонником такой позиции являлся генерал-майор Жемчужников, убеждавший военного министра Чернышева принять его план. При этом, конечно, было бы

ошибкой отнести Жемчужникова к числу отдельных царских военных деятелей Сибирского и, особенно, Оренбургского генерал-губернаторств, стоявших на позиции мирного решения проблемы. Жемчужников пришел к такому выводу ввиду неоднократных неудач, выпавших на долю командиров казачьих соединений, действовавших разрозненными отрядами на протяжении 4—5 лет со времени начала широкомасштабной борьбы.

Однако дальнейший охват восстанием глубинных районов и регионов, давно находившихся в подданстве империи, сильно встревожил царизм. Активная фаза освободительной борьбы совпала с подъемом движения горцев Северного Кавказа, на подавление которого Петербургский двор вынужден был выделить значительные военные силы. Перспектива распространения влияния этих наиболее мощных антиколонизальных движений, между которыми было много общего и в то же время и специфического, на соседние регионы, побудили царизм начать против хана Кенесары настоящую войну с применением наличных в Зауральской окраине регулярных воинских сил.

Подписывая резолюцию о том, что в «одном государстве не может быть другого государства», Николай I 27 июня 1843 г. санкционировал крупномасштабный военный поход против Кенесары. Отряд войскового старшины Лебедева в числе 300 человек должен был стать передовой ударной силой, позднее численность его отряда достигла 1900 человек; в августе 1843 г. была снаряжена вторая группа во главе с султанами А. Жантюриным и Б. Айшуаковым. Сражение противоборствующих сторон 7 августа 1843 г. не дало правительству желаемых результатов. Вооруженная группа во главе с полковником Бизановым, не встретив основных сил восставших, возвратилась в Орскую крепость. Кенесары, хорошо знавший край, перешел в наступление и в ночь с 20 на 21 июля 1844 г. наголову разбил отряд султана Жантюрина.⁹⁸

Войсковой старшина Лебедев за медлительность и неоказание немедленной помощи был отстранен от командования военным отрядом. Вдохновенные победы, основные силы Кенесары 14 августа 1844 г. атаковали станицу Екатерининскую, сожгли предместье, форштадт, 40 человек взяли в плен.⁹⁹

Для подавления восстания со стороны Оренбурга выдвинулся отряд полковника Дуниковского, а сибирскую группу войск возглавил генерал Жемчужников. Кенесары удалось уйти от преследования царских отрядов. Правительственные круги охватила растерянность. К тому же продолжительная война с Шамилем продолжала отвлекать силы и средства правительства. Война с Кенесары также не обещала быстрой победы. Вдобавок к этому между оренбургским губернатором В. А. Перовским и сибирским губернатором В. Д. Горчаковым возникли прения относительно путей борьбы с Кенесары. По-прежнему Перовский стоял за решение конфликта мирным путем переговоров, а Горчаков — за военный вариант подавления восстания.

Оренбургское начальство сочло необходимым направить посольство Долгова и Герна, которое в соответствии с полученными инструкциями поставило перед Кенесары неприемлемое условие: восставшим разрешалось кочевать в пределах ограниченного региона, определенного правительством. Царские посланники, не добившись поставленной цели, вы-

нуждены были возвратиться обратно. При этом Долгов довел до сведения Оренбургской администрации ответ Кенесары о том, что он согласится принять протекторат России лишь в том случае, если будут уничтожены все русские укрепления, захваченные земли будут возвращены казахам, прекратятся грабежи и насилия в степи.

Правительство стремилось теперь вытеснить хана Кенесары из Оренбургского края, построив несколько укреплений в районе Аральско-Сырдаринского бассейна. Зажатый с двух сторон Кенесары был вынужден оставить Сарыарку, и перенести центр восстания в Старший жуз.

Сибирские же власти с целью упредить прибытие отрядов Кенесары в регион под видом проведения переписи населения и скота направили в Жетысу значительные военные силы с артиллерией под командой председателя Сибирского Пограничного управления генерала Вишневого.

Приход хана Кенесары в Жетысу вызвал глубокий раскол среди населения. Пожалуй, не было ни одного крупного родоподразделения, не испытывавшего влияния общенародного движения. Это и побудило генерал-губернатора В. Д. Горчакова распорядиться созвать летом 1846 г. в Лепсы-Каратаальском районе съезд старшин, султанов, знатных биев, волостных управителей с целью под гром орудийных залпов продиктовать им выгодное для правительства соглашение, которое осудило бы антиколониальное движение и под угрозой привлечения к суровой ответственности побудить казахскую аристократию выразить солидарность с позицией официальных властей, направленной на политическую изоляцию хана и вытеснение его повстанцев из пределов Старшего жуза.

Оригинал документа детально раскрывает суть основных обязательств, возложенных на 17 султанов, 27 биев, ряд волостных старшин «по искоренению злодеев» и в случае их обнаружения, «доводя тотчас же» до сведения российского правительства через ближайший приказ.¹⁰⁰ Самыми близкими к району кочевки «мятежных аулов» оказались Аягузский и Алатауский округа; со стороны первого в район, охваченный восстанием, был выдвинут отряд есаула Нюхалова; с юга — казачья команда сотника Абакумова.¹⁰¹ В числе ярых сторонников правительства находился в то время волостной управитель, умом и красноречием завоевавший себе популярность, отец Абая — Кунанбай Оскенбаев.¹⁰²

Летом 1846 г. Кенесары занял полуостров Камал на побережье оз. Балхаш, откуда он намеревался расширить свою базу за счет привлечения новых аулов с целью оказать карательным отрядам отчаянное сопротивление. Десятитысячный отряд хана с несколькими орудиями представлял собою внушительную силу. Имевшие боевой опыт по предыдущим стычкам с карательными соединениями, восставшие были неплохо вооружены.

Огнестрельные орудия для них изготовляли семь хивинских мастеров, примкнувших к ним в период активной борьбы с Кокандским ханством.

Находясь в Жетысу и оторванный от районов продовольственного обеспечения, хан по-своему решил проблему снабжения своих аулов хлебом: как доносил тот же Нюхалов, Кенесары держал в плену «500 кибиток усуновцев», отказавшихся повиноваться ему, которые «должны были сеять и убирать для них хлеб».¹⁰³

Кенесары, как талантливый полководец, ясно представлял ту опасность, грозившую его отряду, да и всему восстанию, ту неудачную позицию, которую он занимал в районе Балхаша, которая могла быть внезап-

но окружена регулярными частями. В то же время его отряд был оторван от других разрозненных отрядов, продолжавших действовать на стыке Среднего жуза и Жетысу. Кенесары, правильно оценив ситуацию и негодность позиции для продолжения борьбы, перешел со своими аулами на правый берег р.Или и соединился с отрядами султана Рустема Абулфеисова,¹⁰⁴ что явилось серьезным просчетом. Дальнейшие события покажут непоследовательность султана Рустема, что ускорило поражение восстания. Находясь в Жетысу, он отправил к кыргызским манапам двухтысячный отряд для сбора зякета с местного населения. Первые же стычки показали решимость кыргызских родов не подчиняться диктату казахского хана. К тому же главные кыргызские манапы, предупрежденные о появлении в регионе крупных вооруженных сил с неясными намерениями, успели сколотить отряды для противодействия. Из двухтысячного отряда «возвратились человек до тысячи нагие и пешие, и объявили о совершенном поражении, и они спаслись бегством».¹⁰⁵

Кенесары понимал сложность своего положения, усугублявшегося разногласиями среди потомков Абылая, которыми так ловко и своевременно пользовались командиры казахских отрядов, находившиеся в тайных контактах с влиятельными манапами. Более того, один из влиятельных казахских батыров Сыпатай, которого Кенесары насильно принуждал принимать участие в своих походах, секретно поддерживал связь с Ормонханом и уверял казахского предводителя, что за горами очень много кыргызов, и он до сих пор имел дело только с «чебаками, а с сазанами ему придется иметь дело только теперь».¹⁰⁶

Достижение первоначальной цели — подчинение себе тянь-шаньских кыргызов, части Старшего жуза, зимовка на р.Чу, затем летовка на Уч-Алматы¹⁰⁷ — становилось все более маловероятным. Его стремление заручиться согласием Цинского Китая на кочевание в его восточных пределах было обусловлено намерением Кенесары избежать кровавых столкновений с кыргызами. Двигаясь вверх по р.Или, он направился с многочисленными аулами в глубь китайской территории, остановившись на Уйган-Тасе, откуда отправил к синьцзянскому правителю посольство в составе султана Худайменды Саржанова, бия Чуктара Бактыбаева и Суйдак Ходжу с просьбой «о дозволении кочевать на его землях», на что последовал отказ. «Он (хан. — *Ред.*) под покровительство Китая не может быть принят и обратился туда, откуда пришел, и просил бы милости Белого царя, противу которого китайские власти ни словом, ни делом виновными быть не хотят...»,¹⁰⁸ — таков был текст ответа, доставленный в аул Кенесары специальным переводчиком через месяц после отправки его послов, что и вынудило его «покочевать обратно и, находясь на стыке Старшего жуза и Кыргызии, отправил манапам Жантаю, Ормону письмо следующего содержания: «Цель моего прихода сюда не враждовать и проливать кровь, а соединить киргизов и каракиргизов в одно... и, вообще, освободить от притеснений кокандцев...» Однако ему не удалось осуществить свои мирные намерения; к тому же слухи, распространяемые в кыргызских аулах его противниками о якобы его намерениях «уничтожить род каменных киргизов», а также неуважительное отношение к кыргызским посланникам ужесточили противодействие последних. Главные манапы Жантай Карабеков, Ормон Ниязбеков, согласовывая свои действия с есаулом Нюхаловым, «решились действовать отчаянно — погибнуть самим или его уничтожить».¹⁰⁹

Тем временем, отряды Кенесары, ввязываясь в мелкие стычки на чужой земле, не добились коренного перелома. К середине апреля 1847 г. кыргызам удалось объединить основные силы, и якобы собрать сотысячное войско, хотя, видимо, эти данные сильно преувеличены. Численное преимущество было явно на стороне противников казахского хана. Решающее сражение произошло между 17 и 25 апреля 1847 г. в глубоком ущелье, недалеко от современного Токмака, где кыргызам удалось заманить казахских сарбазов в ловушку. Гористая местность не позволила хану использовать свое преимущество, трудно было максимально эффективно использовать огонь легких пушек, которыми он располагал. Испытанная в многочисленных сражениях конница, удачно действовавшая в степных просторах, также была лишена возможности развернуться. Неравная борьба в течение трех суток истощила силы казахов; положение усложнилось внезапным отступлением и уходом с поля сражения отрядов султана Рустема и бия Сыпатая. Кенесары и более 30 султанов попали в плен, остальные «раздробились и разбежались во все стороны». В плен к кыргызам попало более тысячи сарбазов, с неслыханной жестокостью преданных смерти. Так погиб последний казахский хан, «надежда кочевников, задумавших сбросить поганные цепи рабства».¹¹⁰

«За истребление сего мятежника» главные кыргызские маналы Ормон Ниязбеков, Жантай Карабеков, его брат Калыгул Алибеков, султан Рустем Абулфеисов, бий Сыпатай Мурзагельдин были щедро награждены царским правительством.¹¹¹

Через шесть лет после гибели Кенесары при отборе претендентов на должность старшего султана Старшего жуза кандидатура Рустема Абулфеисова была отвергнута «ввиду прежних его неблагонадежных поступков»,¹¹² т.е. вспомнили о его первоначальных временных контактах с Кенесары Касымовым.

Поражение и смерть хана создали благоприятные условия для дальнейшего продвижения русских отрядов в глубь Заилийского края и Северной Кыргызии, облегчив присоединение региона к Российской империи.

В восстании Кенесары Касымова немало противоречий, невыясненных обстоятельств: война с Кокандским ханством (имевшая целью освобождение казахов), с одной стороны, и братоубийственная война с кыргызами, с другой, жестокость в отношении казахских родов, отказавших ему в поддержке.

Традиционная борьба за лучшие кочевья, богатые пастбища и на сей раз помешала казахским родам объединиться ради святой цели — восстановления государственной независимости обширных районов, которые, несмотря на административно-колониационные нововведения, продолжали сохранять политическую обособленность; перевес узкородовых интересов над судьбоносными стратегическими целями углубил уязвимость феодальной аристократии перед лицом военно-политического давления северного соседа в условиях все более открытого столкновения интересов Англии и России на юго-восточных рубежах Центральной Азии.

Говоря об обстоятельствах поражения крупнейшего народного восстания в зауральской окраине России, не следует игнорировать своеобразие геополитического расположения Казахстана: и Хива, и Бухарский эмират поддерживали Кенесары лишь в той степени, чтобы оградить себя

от будущей угрозы со стороны России, хотя мусульманский фактор также играл заметную роль в их первоначальной солидарности с Кенесары; но лишь только хан обратил острие своего оружия и против Коканда, прежняя поддержка постепенно угасла; борьба и против России, и против Коканда стала непоправимой ошибкой казахского хана.

Крупнейшее народно-освободительное восстание казахского народа в XIX в., имевшее целью восстановление феодальной государственности времен великого Абылая и на этот раз закончилось поражением, оставив неизгладимый след в памяти народов Средней Азии и Казахстана. Оно явилось одним из звеньев борьбы народов против Российской империи, прокатившейся по Украине, Закавказью, другим регионам. Наряду с восстанием горцев под предводительством Шамиля, борьба казахского народа под руководством выдающегося политика, полководца Кенесары Касымова относится к числу наиболее упорных, изнурительных и длительных восстаний в русле борьбы национальных окраин за освобождение от колонизаторских захватов империи.

Личность хана Кенесары, его незаурядные качества политика, полководца, дипломата, годами предававшиеся забвению в условиях диктата тоталитарной системы, прочно сохранились в народной памяти. Хан Кенесары Касымов занимает достойное место в когорте великих деятелей своей эпохи. Как великие полководцы Дмитрий Донской, Михаил Кутузов и др., отстаивавшие независимость русского народа от иноземных нашествий, так и хан Кенесары также не шадил своей жизни, проявив незаурядные качества своей личности для сохранения обособленности Казахстана, как самостоятельного государства.

Отчаянная борьба Кенесары, его беспредельная преданность интересам народа, полководческое искусство, выдающиеся качества тонкого, своеобразного степного политика феодальной эпохи еще при жизни снижали ему всенародное признание, его личность породила восхищение даже у апологетов царской колониальной империи той эпохи. Образ хана, воспетый степными импровизаторами-жырау, широко разнесся по всей степи. В условиях современного независимого Казахстана, когда вновь стали возможны плюрализм и свобода слова, вернули народу незаслуженно забытые имена, в числе которых последний хан казахских жузов, внук Абылай-хана — Кенесары Касымов. Движение хана Кенесары, запечатленное еще в 30-х годах XIX столетия, как и дела его деда — хана Абылая — свидетельство благодарной памяти народа о его великих свершениях, увя, не увенчавшихся успехом в условиях активизации военно-политических устремлений царизма в регионе.

¹ Материалы по истории и статистике Омска. СПб., 1880, т. 1, с. 58.

² Маргулан А. Х. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова // Собрание сочинений Ч. Валиханова в 5-ти томах. Т. 1, А., 1984.

³ ЦГА РК, ф. 374, оп. 1, д. 1990, л. 5, 8.

⁴ ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 336, л. 15–15, об.

⁵ Там же, л. 15, об.

⁶ Там же.

⁷ ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 409, л. 317, об.

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 319, об.

¹⁰ Там же, л. 320.

¹¹ Материалы по истории и статистике, с. 59.

¹² Государственный архив Омской области РФ (ГАОО РФ), ф. 366, оп. 1, д. 125, л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 1, об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Материалы по истории и статистике, с. 58.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 58.

¹⁹ См.: Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове // Собр. соч. Ч. Валиханова в 5-ти томах. Т. 5, А., 1985, с. 346.

²⁰ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическом отношениях. СПб., 1860, с. 74.

²¹ ГАОО РФ, ф. 366, оп. 1, д. 122, л. 2, об.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, л. 2.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 3, об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ См.: Смирнов Е. Г. Предисловие к книге А. Кенесарина «Кенесары и Садык». // Хан Кенесары. Уральск, 1992, с. 3.

³² ГАОО РФ, ф. 366, оп. 1, д. 126, л. 2.

³³ Там же, л. 2, об.

³⁴ ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 409, л. 192.

³⁵ Там же, л. 247.

³⁶ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1, А., 1960, с. 105.

³⁷ ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 409, л. 192.

³⁸ Там же, л. 82.

³⁹ Там же, л. 217.

⁴⁰ ГАОО РФ, ф. 3, оп. 1, д. 757, л. 84.

⁴¹ Там же.

⁴² ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 409, л. 79.

⁴³ Там же, л. 79, об.

⁴⁴ Там же, л. 323.

⁴⁵ Там же, л. 327, об.

⁴⁶ Там же, оп. 1, д. 541, л. 23, об.

⁴⁷ Там же, оп. 1, д. 409, л. 6, об.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, д. 541, л. 80–81, об.

⁵⁰ Там же, л. 77.

⁵¹ ГАОО РФ, ф. 366, оп. 1, д. 163, л. 1–2; этот факт подтвердил и Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах. Т. 3, А., 1985, с. 308.

⁵² ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 541, д. 215.

⁵³ Там же, л. 76.

⁵⁴ Там же, л. 52.

⁵⁵ Там же, л. 60, об.

- ⁵⁶ Там же, л. 92, об.
- ⁵⁷ Там же, ф. 374, оп. 1, д. 2545, л. 194.
- ⁵⁸ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1996, л. 4.
- ⁵⁹ Там же, ф. 338, оп. 1, д. 541, л. 238, 246.
- ⁶⁰ Там же, л. 285.
- ⁶¹ Там же, л. 463.
- ⁶² Там же, л. 469.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же, д. 409, л. 346.
- ⁶⁶ Там же, д. 1996, л. 5.
- ⁶⁷ Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Перевод с польского Ф. Стекловой. А., 1966, с. 211, 213, 246.
- ⁶⁸ Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. А., 1947, с. 203–204.
- ⁶⁹ Астраханский облгосархив, ф. 2, оп. 2, д. 245, л. 41.
- ⁷⁰ Исатай Тайманов происходил из рода берш — одного из самых многочисленных родов во Внутренней Орде (более 3500 кибиток). Был назначен ханом старшиной небольшого отделения в 1812 г. и утвержден в этой должности оренбургским губернатором в 1814 г. Несколько позже он становится правителем всего рода берш. Неоднократно арестовывался колониальными властями (в 1817, 1823 и 1824 гг.) по ложным доносам ханских людей.
- ⁷¹ Рязанов А. Ф. Восстание Исатай Тайманова // Труды Общества изучения Казахстана. Т. 8. Вып. 4. Кызыл-Орда, 1927, с. 18.
- ⁷² Приводится по кн.: Кенжалиев И. Тайманулы Исатай. А., 1977, с. 48.
- ⁷³ «Уральские войсковые ведомости». 1876, № 43.
- ⁷⁴ См.: ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 93, л. 18, 38, 106, 115.
- ⁷⁵ «Уральские войсковые ведомости». 1876, № 47.
- ⁷⁶ Кенжалиев И. Тайманулы Исатай. А., 1977, с. 61.
- ⁷⁷ «Уральские войсковые ведомости». 1876, № 49.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Народно-освободительное движение казахов в 1836–1838 годах. Документы, материалы, статьи. А., 1992, с. 27, 132–137.
- ⁸⁰ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 93, л. 1–2, 5, д. 150, л. 4.
- ⁸¹ Там же, д. 150, л. 7.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же, ф. 374, оп. 1, д. 25, л. 14–14 об.
- ⁸⁴ Красовский М. Область Сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России. Ч. 1. СПб., 1868, с. 105.
- ⁸⁵ Середа Н. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1838–1847) // Вестник Европы. 1870, § 8, с. 631. У-Р. Барон. Четыре месяца в киргизской степи // Отечественные записки. 1848, § 10, с. 210.
- ⁸⁶ Середа Н. Указ. работа, с. 630.
- ⁸⁷ Подробности см.: Касымбаев Ж. К. Кенесары хан. А., 1993, с. 12–25.
- ⁸⁸ См.: Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. А., 1947, с. 229.
- ⁸⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 161, оп. 6, разряд 1–7, 1847–1877, д. 2, л. 23–24.
- ⁹⁰ ЦГА РК, ф. 374, оп. 1, д. 1990, л. 18–21.
- ⁹¹ См.: Стеблин-Каменская М. И. К истории восстания султана Кенесары Касымова // Исторические записки. Т. 13, 1942, с. 243.
- ⁹² Касымбаев Ж. К. Көтерілістің көзден таса беттерінен // Хан Кене, с. 211–234.
- ⁹³ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 1993, л. 4–3. См.: Серебrenников А. Г. Сборник материалов для завоеваний Туркестанского края. т. 2. Ташкент, 1912, с. 229.

⁹⁴ *Потто В. О.* О степных походах // Военный сборник. 1873, № 4, с. 258.

⁹⁵ *Стеблин-Каменская М. И.* Указ. работа, с. 243; ГАОО РФ, ф. 366, оп. 1, д. 230, л. 122, об.

⁹⁶ Рукопись инок Порфения, сообщенная Д. О. Косициным // Русский вестник. 1878, № 9.

⁹⁷ *Стеблин-Каменская М. И.* Указ. работа, с. 247.

⁹⁸ *Полферов Х. Я.* В горах Ала-Тау. Из истории бунта Кенесары Касымова (1843–1847 гг.) // Исторический вестник. 1904, № 8, с. 488.

⁹⁹ *Серебренников А. Г.* Сборник материалов, т. 2, с. 132.

¹⁰⁰ РГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 19, л. 66.

¹⁰¹ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 4230, л. 15.

¹⁰² Там же, л. 205.

¹⁰³ АВПРИ, ф. 161, оп. 6, д. 2. Разряд 1–7. 1846–1847, л. 23–24.

¹⁰⁴ ГАОО РФ, ф. 366, оп. 1, д. 224, л. 21, об. 22; Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. Сборник документов. А., 1996, с. 470–471.

¹⁰⁵ *Касымбаев Ж. К.* Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. А., 1995, с. 19.

¹⁰⁶ *Коншин Н. Я.* Материалы для истории Степного края // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. 1. 1903, с. 71.

¹⁰⁷ ГАОО РФ, ф. 366, оп. 1, д. 230, л. 119, об.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ *Джамгерчинов Б. К.* Киргизы в эпоху Ормон-хана // Труды института языка, литературы и истории киргизского филиала АН СССР. Вып. 1, 1945, с. 122.

¹¹⁰ *Кенесарин А.* Кенесары и Садык // Хан Кенесары. Уральск, 1992.

¹¹¹ ГАОО РФ, ф. 366, оп. 1, д. 230, л. 121, об.

¹¹² Там же.

Глава десятая

ЗАВОЕВАНИЕ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ (СЕРЕДИНА 50-х – СЕРЕДИНА 60-х гг. XIX в.)

1. ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ И АНГЛИИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Упрочение российского присутствия в Младшем и Среднем жузах и начало интенсивного продвижения царизма в глубь казахских земель встретило в 30-е гг. XIX в. наряду с сопротивлением среднеазиатских ханств скрытое противодействие Великобритании. К этому времени Англия основательно упрочила свои позиции в Индии – самой крупной и богатой колонии Британской империи – и активно стремилась к расширению сферы своего влияния в соседних азиатских странах. Немаловажное значение в стратегических планах британского правительства придавалось территориям Центральной Азии и соседнего Афганистана, рассматривавшимся как потенциально выгодные рынки сбыта для английских промышленных товаров и удобный плацдарм для развертывания дальнейшей военно-политической экспансии в Центральной и Юго-Восточной Азии.

Заметный интерес к Казахстану и Средней Азии английские предприниматели, дипломаты и купцы стали проявлять еще в конце первой трети XVIII в., когда вслед за окончанием Северной войны были восстановлены в полном объеме англо-русские дипломатические отношения. В 30-е гг. XVIII в. они настойчиво ставили перед своим правительством вопрос о восстановлении через территорию России транзитной торговли с Персией и добились в 1741 г. учреждения в г. Реште английской торговой фактории.¹ Торговые маршруты английских купцов на Средний Восток и, в первую очередь, в Персию, проходили, главным образом, по восточному побережью Каспийского моря, что определило заинтересованность английских коммерческих кругов в изучении регионов Западного Казахстана и соседних ханств Средней Азии. В 30–40-х гг. XVIII в. в Казахстане побывало несколько английских торговых агентов и купцов, которые устанавливали непосредственные контакты с казахскими правителями и народами Центральной Азии, собирали разнообразные сведения географического, политического и социально-экономического характера о Казахстане и других странах Центральной Азии. В числе первых англичан, сообщивших своим со-

отечественникам интересующую их информацию о казахских степях, были морской капитан Джон Эльтон, живописец Джон Кэстел, Томас Вудроф, шотландский хирург Джон Кук, временно находившиеся на русской государственной службе, а также купцы Реонольд Гок и Джонатас Ганвей, путешествовавшие по Прикаспийской низменности в 40-е годы XVIII в². Собранные и обработанные ими материалы публиковались в Англии и других странах Европы и впоследствии сыграли известную роль в усилении интереса британских предпринимателей к казахским землям и ханствам Центральной Азии.

Начиная со второй четверти XIX в., активизация британских посольских миссий в среднеазиатские ханства, Персию и Восточный Туркестан происходила в контексте нараставшего экономического соперничества России и Англии за рынки сбыта в Центральной Азии и политической борьбы между ними за сферы влияния на Ближнем Востоке. Усиление позиций России в Кавказском регионе и на Балканах, выразившееся в заключении Адрианопольского (1829 г.) и Ункияр-Искелессийского договоров (1833 г.) сразу же встретило энергичное противодействие со стороны Англии, попытавшейся парализовать внешнеполитические шаги царского правительства одновременно на обоих — ближневосточном и среднеазиатском направлениях.

Попыткам проникновения английских разведывательных экспедиций в Центральную Азию и Южный Казахстан предшествовала бурная пропагандистская кампания внутри Англии, связанная во многом с личностью широко известного на Западе английского дипломата и публициста Дэвида Уркарта. В работах, написанных и опубликованных им в 1830-е годы, давались прогнозы о вероятном поглощении Персии Российской империей, скором походе русских войск на Туркестан и падении британского господства в Индии в случае отказа от срочных военно-политических и прочих мер³. Записки Уркарта о русской угрозе азиатским владениям Англии вызывали беспокойство среди британских промышленных кругов и общественности, что способствовало нарастанию в английском обществе побудительных стимулов к внешней экспансии⁴.

Версия о «русской угрозе и необходимости обороны Индии» составила идеологическую платформу внешнеполитической и военной экспансии Англии в Центральной Азии на продолжительный период. Участвовавшие поездки сотрудников Ост-Индской компании, агентов Форин-оффис и английских дипломатов в Бухару, Хиву и Коканд с разведывательными целями стали важным компонентом этой широкомасштабной политики. Проникновение английских разведывательных миссий в Центральную Азию и Восточный Туркестан происходило в 30–40-е годы по двум направлениям: со стороны Южного Урала и Сибири, включая примыкающий к ним пояс североказахстанских степей, и с территории Британской Индии и смежных азиатских владений.

В интересах устранения российской конкуренции на рынках Центральной Азии и открытия более коротких торговых путей для британских промышленников и торговцев в направлении с севера на юго-восток, в Оренбурге в 1824 г. была учреждена специальная Библейская миссия во главе с Джеймсом-Бэли Фрезером. Формальный статус этого учреждения как миссионерского общества по распространению евангелического

учения, позволял использовать его не только для проповеди христианства среди казахов, но и в разведывательно-подрывных целях⁵. В 20-е гг. XIX в. в Оренбурге действовала также группа британских разведчиков, возглавляемых Сандерсоном, которая занималась сбором разнообразных материалов о Казахстане и среднеазиатских странах и затем отправляла полученные данные через своих коллег в других странах Среднего Востока в Лондон. В 1827 г. Оренбургская администрация, получив от своих агентов обширную информацию об антирусской политической деятельности этой группы, выслала Сандерсона из страны⁶.

С начала 30-х гг. XIX в. Англия значительно активизировала военно-политическую, разведывательную и пропагандистскую деятельность в разных странах Среднего Востока. В 1831 г. английский офицер Артур Конолли совершил путешествие из Англии через Россию в Иран и Афганистан и собрал важные материалы об экономическом положении и военно-политическом потенциале этих стран. Почти одновременно с ним в продолжительное турне из Индии по Средней Азии отправился лейтенант Ост-Индской компании Александр Бернс, пробывший в Бухаре около года⁷. Одной из целей этой поездки являлось изучение топографии местности на случай возможных военных действий против России. В опубликованных материалах о «путешествии» по территории Бухарского ханства и прилегающим к нему районам казахских земель Бернс и его подчиненный, офицер Герберт Вуд уделили большое внимание описанию Арало-Каспийской низменности, Аральского моря и его окрестностей, районов Амударьи и Сырдарьи. Кроме того, в их работах были приведены подробные сведения о занятиях, нравах и обычаях казахов, об уровне их конфессиональности и многие другие сведения⁸.

Во второй трети XIX в. английское правительство приступило к наращиванию своей военно-политической активности на азиатском направлении. Учитывая важное стратегическое положение Герата, Англия к началу 30-х гг. прочно обосновалась в этом княжестве и использовала его как плацдарм для продвижения в Среднюю Азию. Из Герата позднее англичане направляли своих агентов в Хиву и Бухару. В этой связи современник событий Фридрих Энгельс писал, что Герат как стратегический центр обширного региона «в руках сильной державы может быть использован для господства и над Ираном, и над Туркестаном»⁹. Во второй половине 30-х гг. Англия значительно усилила свои военно-политические позиции и в Афганистане, что в определенной степени создавало угрозу геополитическим притязаниям России в среднеазиатских странах¹⁰.

Русская пограничная администрация, а через нее — Петербург, настойчиво следили за ходом развития событий в ханствах Средней Азии и соседнем Восточном Туркестане.

Стремление царского правительства сохранить ранее приобретенные позиции на Среднем Востоке и воспрепятствовать попыткам Англии расширить здесь зону ее экономического и политического господства в ущерб России побудило Петербург активизировать свою внешнеполитическую деятельность в Южном Казахстане и Средней Азии. В 1830 г. по инициативе Азиатского департамента МИД состоялась поездка хорунжего Н. Г. Потанина через казахские степи в Коканд, в 1835–1836 гг. были совершены дипломатические миссии П. И. Демезона и И. В. Виткевича в

Бухарское ханство, в 1839 г. — посольство Е. П. Ковалевского и А. Р. Гернгросса, а в 1841 г. — К. Ф. Бутенева — в Бухару и в том же году П. Никифорова и Г. И. Данилевского — в Хиву. В результате этих поездок были достигнуты некоторые важные соглашения царского правительства с ханами Хивы и Бухары по вопросам русско-азиатской торговли и получены ценные разведывательные данные о внутриполитическом положении в ханствах Средней Азии, условиях торговли русских купцов с торговцами этих стран и о политике Хивинского ханства по отношению к присырдарьинским казахам¹¹.

Вместе с тем, на рубеже 30–40-х гг., в разгар англо-афганской войны, и в связи с резко возросшей угрозой утверждения британского политического влияния на Среднем Востоке, царское правительство впервые в истории русско-среднеазиатских отношений санкционировало военное выступление против Хивы, которому отводилось немаловажное стратегическое значение в среднеазиатской политике Российской империи. В официальной декларации Петербурга, опубликованной накануне предполагаемого вторжения, снаряжение военной экспедиции в междуречье Амударьи и Сырдарьи мотивировалось, главным образом, необходимостью нейтрализовать возросшее вмешательство Хивы в русско-казахские отношения, «положить конец грабегам и насилиям» хивинцев в приграничных районах, освободить из хивинского плена русских невольников и т.п. При этом хивинская экспедиция рассматривалась ее организаторами как первая серьезная заявка Российской империи на осуществление военно-политической экспансии в Средней Азии.

В середине ноября 1839 г. четырехтысячный отряд пехоты оренбургского военного губернатора В. А. Перовского с 12 пушками и 10-тысячным обозом верблюдов начал свой зимний поход в Хиву. Печальные результаты этой военной авантюры общеизвестны: из-за сильных морозов и ветров отряд смог добраться к 20 декабря только до Эмбинского укрепления, потеряв по пути до 2 тыс. верблюдов. 1 февраля 1840 года Перовский вышел к Акбулаку, за которым начиналось обширное плато Устюрт, замеченное глубокими снегами. К этому времени пало еще 5 тыс. верблюдов и было обморожено множество людей. Запасы продовольствия, фуража и топлива почти полностью иссякли, и командиру отряда не оставалось делать ничего другого, как двинуться в обратный путь. В середине февраля В. А. Перовский со своим войском возвратился в Эмбинское укрепление и с наступлением тепла отправился на исходные позиции в Оренбург¹².

Тем не менее, официально продекларированная цель похода была все же достигнута. Восемнадцать лет спустя Ф. Энгельс не без основания отмечал, что в то время, когда Англия не могла отомстить бухарскому эмиру за убийство своих послов Стоддарта и Конолли в его стране, хивинский хан «отпустил на свободу всех русских пленников и отправил в Санкт-Петербург посольство, чтобы просить о мире»¹³.

Вместе с тем, неудачные результаты хивинского похода в плане организации широкомасштабной русской экспансии в Среднюю Азию и устранения британского присутствия в этом регионе убедили царское правительство в необходимости отказаться от скороспелых и непродуманных военных авантур и начать тщательную подготовку политического плацдарма для последующего продвижения России в глубь евразийского континента.

2. ОБРАЗОВАНИЕ СЫРДАРЬИНСКОЙ ВОЕННОЙ ЛИНИИ РОССИИ

Летом 1833 г. военным губернатором Оренбургского края был назначен В. А. Перовский. Он поставил перед собой две задачи: во-первых, подчинить не признающих русскую власть казахов; во-вторых, ускорить приближение русских войск к границам среднеазиатских ханств.¹⁴ Для этой цели ему предписывалось построить новую военную линию в низовьях Сырдарьи.

Осуществление этой меры взбудоражило общественность, и казахское пограничное со среднеазиатскими ханствами население отказалось подчиняться Оренбургской администрации. По этому поводу Л. Мейер писал, что часть народа пыталась откочевать к Хиве, другая к кокандцам и, кроме того, усилилось сопротивление султанов-правителей. Это вынуждало администрацию ежегодно посылать в Степь для наведения порядка карательные отряды.¹⁵

Таким образом, политика, проводимая новым губернатором Оренбургского края, усиливала враждебное отношение к России казахов, которые оказались под властью Хивы и Коканда. Значительная часть казахов переселилась на их территорию. Перовский хотел остановить этот процесс. Для этой цели в 1834 г. полковник Жемчужников был отправлен в Казахскую степь. С 1836 по 1839 гг. русская администрация отправляла для умирения казахов несколько карательных экспедиций. Так, в 1836 г. карательный отряд уральских казаков плавал 3,5 месяца по Каспийскому морю, но не достиг цели. Зимой того же года полковники Мансуров, Данилевский и 55 уральских казаков пошли по льду на полуостров Бузачи, разбили и ограбили аулы адаевцев, которых считали главными виновниками прежних беспорядков. Ценность отбитого при этом скота покрыла все расходы по экспедиции.¹⁶ В том же году башкирский отряд в составе 1000 человек, набранный из добровольцев, напал на аулы казахов в песках Большие Барсуки для наказания казахов, препятствовавших прохождению торговых караванов.¹⁷

Оренбургский губернатор «собирался покончить одним ударом с беспокойным соседом Аллакул-ханом и, наконец, выпросил разрешение у государя на завоевание Хивы». ¹⁸ Этот поход, закончившийся весьма неудачно, В. А. Перовский предпринял в 1839—1840 гг. Данной военной акции предшествовало строительство в 1834 г. на Мангышлаке Ново-Александровского укрепления и военной линии от Орска до Троицка.

Опасаясь повторения похода на Хиву, летом 1840 г. Аллакул-хан возвратил в Россию 424 русских пленных. Для переговоров о дружбе с Россией он отправил в Петербург послов. Помимо этого, издал указ, согласно которому «отныне никто не должен делать набеги на русские владения и покупать русских пленных». ¹⁹

В 1834—1839 гг. вооруженные карательные экспедиции нанесли огромный материальный и моральный ущерб мангышлакским и приаральским казахам, однако их моральный дух не был сломен. В эти годы началось народное восстание против царской колониальной политики в Младшем жузе. Тем самым политика В. А. Перовского по умирению казахов Приаралья не достигла цели, а, наоборот, усложнила политическую обстановку в Младшем жузе.

Царское правительство намеревалось повторить хивинский поход. Об этом свидетельствует резолюция Николая I, наложенная на последней странице доклада В. А. Перовского: «Жаль! Очень жаль, но покориться воле Божьей должно и безропотно. Теперь нужно принять меры и безотлагательные для возобновления экспедиции при первой возможности».²⁰

После неудачи хивинского похода В.А. Перовский стал непосредственно руководить созданием Сырдарьинской военной линии. Эта задача преследовала большую цель — укрепить военные силы в низовьях Сырдарьи, непосредственно по границам Кокандского и Хивинского ханств, а также изучить этот регион с точки зрения стратегии и экономики, освоить Аральское море и Устюрт.

В 40-х годах царская Россия еще не была готова для окончательного завоевания среднеазиатских ханств. Еще была свежа память о неудавшемся походе в Хиву под руководством Перовского в конце 1839 г. Правительство понимало, что для захвата новых земель нужна тщательная подготовка. Началось усиленное изучение экономического и политического состояния среднеазиатских ханств. С этой целью в 1841 г. в Хиву и Бухару отправляются дипломатические миссии. В Хиву было направлено русское посольство во главе с капитаном генерального штаба Никифоровым.

Этой миссии поручалось добиться от Хивы признания за Россией всей территории к северу от Сырдарьи и частично восточного побережья Каспийского моря. Помимо этого, предстояло обеспечить благоприятные условия для русской торговли с Хивой. Перед русскими дипломатами ставилась задача уничтожения рабства на территории ханства и возвращения всех русских пленных.²¹ Переговоры русского посланника Никифорова с Аллакулом не принесли желаемых результатов. После смерти хивинского хана (1842) грабительские набеги в Приаралье продолжил его сын Рахимкул (1842–1845) и его брат Мухаммед-Амин (1845–1855). А между тем, со второй половины 40-х годов царская Россия постепенно и планомерно продолжала продвижение в глубь Средней Азии. С 1847 г. русские войска захватили устье Сырдарьи, где в том же году построили Раимское укрепление, а в 1848 г. форт Казалы.

До прибытия российских войск в устье Сырдарьи местное казахское население страдало от постоянных набегов хивинских и кокандских войск. В то время низовья Сырдарьи до Ак-Мечети считались российской территорией, так как она была частью Младшего жуза. Но фактически эта территория находилась под властью Хивы. Здесь наместники хивинского хана грабили местное население и подкупали родовых вожаков. В этой обстановке население устья Сырдарьи активно участвовало в строительстве Раимского укрепления, Казалинского и других военных форпостов России, а также в изучении и освоении Аральского моря в качестве подсобных рабочих и проводников.

Учитывая благожелательное отношение некоторых родовых вожаков Приаралья к России, царское правительство наградило их. Об этом 15 марта 1847 г. Оренбургская пограничная комиссия сообщила султану Баймухамеду Айшуакову «о награждении трех киргизских биев, отличившихся особой преданностью правительству, а именно кипчакского рода хорунжего Балгоджи Ямгурчина (Жанбурчина. — *Ред.*), кишкене-шектинского рода Жанхожу Нурмухамедова и улкен-шектинского рода Исета (Есета. —

Ред.) Котибарова, пожаловать соизволили сим лицам золотые медали с надписью «за усердие» для ношения на Аннинской ленте». ²²

Несмотря на это, благожелательное отношение казахов к русской администрации просуществовало недолго. Своими реакционными действиями колонизаторы настроили против себя коренное население Приаралья. В результате оно оказывало вооруженное сопротивление русской военной силе.

Новые форпосты позволили русским гарнизонам постепенно продвигаться вверх по Сырдарье и приблизиться к крупному кокандскому укреплению Ак-Мечеть. После 20-дневной осады 28 июня 1853 г. Ак-Мечеть была занята русскими войсками, и в низовьях Сырдарьи образовалась Сырдарьинская линия, куда вошли районы от Раима до Ак-Мечети. ²³

Таким образом, была осуществлена вторая военно-стратегическая задача Перовского. Царское правительство получило возможность усилить политическое давление на Хивинское и Кокандское ханства по дипломатическим каналам. Сырдарьинская военная линия сохранилась до взятия Туркестана в 1864 г., и тем самым обширная территория Казахстана была полностью завоевана Россией.

Началось обследование Аральского моря в целях судоходства. В 1848 г. из Оренбурга на верблюдах по суше в Раимское укрепление были привезены в разобранном виде две парусные шхуны «Николай» и «Константин», которые за короткое время были собраны и спущены на воду. Для работы на этих шхунах была сформирована команда из 27 человек, во главе с лейтенантом А. И. Бутаковым. В 1848–1849 гг. экспедиция под руководством А. И. Бутакова обследовала Аральское море, на основе чего была составлена морская карта. По предложению А. И. Бутакова на Арале открылось пароходство. В своем дневнике он отметил военную пригодность тех или иных островов и берегов бассейна Арала. В частности, писал: «Остров Токмаката представляет большое удобство для устройства укрепления или коммерческой фактории. Доступ к нему весьма легкий, хотя судну и нельзя подойти очень близко... В случае военных действий занять этот остров, придя с моря, можно с самыми незначительными силами, и тогда скот, которого там множество, был бы важным приобретением. Для перевозки же тяжестей были бы весьма удобны железные плоскодонные баржи, которые сидят в воде очень мало и поднимают большие тяжести». ²⁴

Отсюда нетрудно заметить, что Аральская экспедиция считала своей задачей и изучение этого бассейна с военной точки зрения. В будущем Россия намеревалась напасть на Хивинское ханство как с суши, так и с моря. Важное значение имела проблема судоходства и в перспективе: чтобы в дальнейшем можно было вести торговлю с Хорезмом и Средней Азией.

В своем дневнике А. И. Бутаков отразил отношение местного населения к членам экспедиции. По его сообщению, хивинцы прослеживали продвижение шхун «Константин» и «Николай». Когда они находились на острове Токмаката, то не раз замечали, что хивинцы за ними следили. «Иногда показывались из-за кустов хивинские всадники на аргамаках, как будто следившие за нами». ²⁵

В результате двухлетнего изучения бассейна Арала члены экспедиции открыли множество больших и малых островов. ²⁶ Некоторые из них были

переименованы. Например, остров Барсакельмес стал называться в честь государя островом Николая I, остров Токмаката также переименовали.

Российская империя последовательно и активно проводила внешнюю политику в Центральной Азии и Казахстане в пореформенный период. В середине XIX в. Центральная Азия стала ареной острой политической и экономической борьбы между Россией и Англией. Российское государство организует три миссии в Центральную Азию и Казахстан с целью изучения региона, а также путем ослабления английского влияния. В 1858 г. в Восточный Иран и Герат отправилась научная миссия под руководством ученого-востоковеда Н. В. Ханыкова, в Хиву и Бухару — дипломатическое посольство полковника Н. П. Игнатьева, а в Восточный Туркестан (Кашгар) был послан поручик Ч. Ч. Валиханов. Все три миссии решали общую задачу — изучение политического и экономического положения государств Центральной Азии.

В составе миссии Н. П. Игнатьева были дипломаты, чиновники Оренбургского управления, военные, ученые. В Хиву направлялась также и морская флотилия. Ее судам под командованием А. И. Бутакова предстояло подняться из Аральского моря в Амударью.

Члены сухопутной миссии в июле 1858 г. прибыли в Хиву, где «натолкнулись на недружелюбие и подозрительность окружения ханского двора». ²⁷ В архивном документе отмечается, что «Н. П. Игнатьев со своей свитой в числе 8 человек представился хану только однажды и пробыл у него с час. Между прочим, Сейд-Мухаммед-хан окончательно объявил при этой беседе господину Игнатьеву, что... он, хан, не может пропустить через свои владения в Бухару наше посольство и затем просил Игнатьева отправиться прямо в Россию тем же путем, каким следовал в Хиву». ²⁸

В своем донесении оренбургскому губернатору Н. П. Игнатьев писал: «Хивинцы упорно просят определения границы по р. Сыр и признания за ними права владения киргизами, кочующими между реками Аму и Сыр. Не получив удовлетворительного от меня ответа, они распространяют между киргизами слух, что я согласен на это. Тем не менее я еще имел надежду на успешное заключение trakta». ²⁹

Однако, эти надежды Н. П. Игнатьева не оправдались. Хивинский хан запретил плавание судов по Амударье и отказался заключать договор с Россией: переговоры между Россией и Хивой не увенчались успехом. Семимесячное пребывание в Средней Азии дало участникам дипломатического посольства полковника Н. П. Игнатьева выяснить расстановку политических сил, характер укрепления, а также ознакомиться с экономикой края. Дипломатическая миссия Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару привела к оживлению русско-бухарских и русско-хивинских торговых связей. Но эти связи не могли разрешить сложившиеся противоречия между Россией и среднеазиатскими ханствами.

Россия укрепила свое присутствие на реке Сырдарье в конце 40-х годов XIX в. В результате она плотно соприкоснулась с Хивой, с восточными ее окраинами. С завоеванием Казахстана, Кокандского и Бухарского ханств Россия получила возможность образовать Туркестанское генерал-губернаторство. В 1869 г. она овладела Красноводским заливом, и тем самым Хива была окружена с трех сторон: Кавказским отрядом русских

войск с запада, Оренбургским с севера и Туркестанским с востока. Из создавшейся ситуации хивинский хан не сделал соответствующих объективных выводов, продолжая недружелюбную политику по отношению к России. Об этом писали Гиршфельд и Галкин: «... но в Хиве по-видимому этого ясно не сознавали и по-прежнему не прекращали своих неприятных действий. В Хиве были, правда, люди, указавшие хану на силу и могущество России, но их не хотели слушать. Из их числа Муртаза-бий Ходжа, нынешний Ходжайлинский бек, был даже обвинен в излишней преданности России и брошен в тюрьму».³⁰

Россия настоятельно требовала от хивинского правителя прекращения в Хиве торговыми русскими людьми, освобождения пленных и прекращения набегов в пределы российских владений.

Согласно разработанному плану было решено весной 1873 г. двинуть в Хиву войска с трех сторон: с Кавказского, Оренбургского и Туркестанского округов.

В свою очередь хивинский хан провел ряд военных мероприятий для укрепления своих государственных границ. В шифрованной записке Н. П. Игнатьев в 1858 г. сообщал: «Вообще действия хивинцев недружелюбны. Близ Даукара, на реке Амударьи, ведущей к морю, начнут скоро строить крепость и переселят туда 100 узбекских семейств. Военным начальником назначается туда Якуб-бий Мехрем, крутой, жестокий и решительный».³¹ Действительно, через год «по приказанию Хивинского хана в нынешнее лето была построена на Даукаре крепость Курганча, где в настоящее время назначен бек Якуб-бий с 500 человеками...»³² Также на левом берегу сухого русла Кувандарьи была построена крепость Сренкала, которая контролировала реку. На северной границе хивинцы воздвигли несколько укреплений: Аккала, Кылышкала, Мынбулак, Урга и многие другие. Все эти укрепления были направлены против русской Сырдарьинской военной линии. По-видимому, хивинцы ожидали наступления русских войск и старались укрепить границу ханства.

В феврале 1873 г. под общим командованием генерала К. П. Кауфмана русские войска начали наступление на Хиву. Один из участников похода подробно описывает это в своем сообщении: «Наши войска в количестве 10 тыс. человек двинулись к Хиве (от Каспийского моря) несколькими отрядами из четырех разных пунктов: из Красноводска, с Мангышлака, из Оренбурга и Туркестана. Все эти отряды, пройдя степь, должны были соединиться под Хивой для общего нападения на нее и вступать там в бой под командованием Туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана, отправившегося в поход при Туркестанском отряде».³³

Внимательно следя за продвижением русских войск, хивинский хан мобилизовал все силы и средства на защиту своего государства. Он провел дислокацию вооруженных сил по главным направлениям ожидаемых событий, а также, говоря современным языком, идеологическую работу среди войск и населения. Один из очевидцев сообщил начальникам Сырдарьинской линии 24 марта 1873 г.: «Хивинские муллы, ишаны ввиду предстоящей войны с русскими клялись перед могилою святого Палван-Аты не уступать неприятелю и сражаться до последней капли крови. Хивинский хан уже отправил свои войска против русских тремя колоннами, из коих одна в 7 тыс. человек под командованием Якуб-бия; другая

с 4 тыс. войск под начальством Диван-бека Матмурата на Даукару; третья же колонна в 7 тыс. человек под начальством друга Диван-бека Матнияза направлена в урочище Мынбулак ...Лазутчики хана исправно доставляют сведения о движении войск Туркестанского военного округа».³⁴

Туркестанский отряд выступил в поход двумя колоннами — Джизакской и Казалинской. 13 марта обе колонны двинулись в путь, первая из Джизака, вторая из Казалинска.

Мангышлакский отряд по пути следования в Хиву также столкнулся с хивинцами. В бою у колодца Игды участвовало 277 вооруженных туркмен. В ходе сражения среди них было убито 22 человека и ранено 21.³⁵ «Кроме того, казаки отбили у неприятеля 1000 верблюдов, до 6 тыс. баранов и множество разнообразного оружия. С нашей стороны один, только прапорщик Кубатиев был ранен шашкою».³⁶ Этот отряд под командованием полковника Ломакина вел серьезный бой близ города Хивы.³⁷

Оренбургским отрядом командовал генерал-лейтенант Веревкин. Его отряд шел через Эмбу, Ургу, Кунград, Ходжейли. По пути следования отряд Веревкина неоднократно сталкивался с хивинцами. Отбивая атаки, русские постепенно продвигались к Хиве.

Все три отряда русских войск почти одновременно вступили на хивинскую территорию и перешли к активному наступлению. Произошли серьезные сражения не только под Хивой, но и в других основных пунктах Хивинского ханства.

В мае 1873 г. русские войска овладели столицей хивинских ханов. В этом походе русские потеряли 33 солдата и офицера и 124 человека раненых.³⁸

12 августа 1873 г. между хивинским ханом Сейд-Мухаммед-Рахимом и командующим русскими войсками К. П. Кауфманом был составлен договор, по которому хивинский хан признавался вассалом России и должен был платить большую контрибуцию русскому государству.³⁹

В результате похода были освобождены тысячи невольников, среди которых было много русских.⁴⁰ Сведения об этом часто встречаются в архивных документах.⁴¹ Невольников в Хивинском ханстве насчитывалось до 40 тыс. человек.

Заяв Хивинское ханство, царское правительство проводило колониальную политику на вновь завоеванной территории, в результате которой бедное население узбеков, каракалпаков, туркмен и казахов испытывало двойной гнет — со стороны своих феодалов и царских чиновников.

На основе известной колониальной политики «разделяй и властвуй» русское правительство расчленило территорию Хивинского ханства: правобережная часть Амударьи отошла к России, а само ханство осталось на левом берегу реки. Отошедшая к России территория составила 1920 кв. км с населением 130 тыс. чел., а Хивинская — 66 225,8 кв. км с населением 366 615 чел.⁴²

В административном отношении Хивинское ханство было разделено на 20 бекств и два владения.⁴³ Образованный на правом берегу Амударьи одноименный округ в 1874 г. был переименован в Амударьинский отдел. В 1887 г. после введения «Положения об управлении Туркестанским краем» отдел включен в состав Сырдарьинской области, во главе которого стоял начальник, наделенный большими полномочиями. Он непосредственно проводил колониальную политику не только в своем отделе, но и в Хивинском ханстве, вмешиваясь в его внешнюю политику. Подчинялся

только Туркестанскому генерал-губернатору. Кроме того, без ведома последнего хивинский хан самостоятельно не мог осуществлять внешнюю связь с другими государствами.

3. ВОЕННАЯ ЭКСПАНСИЯ ЦАРИЗМА В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЛАСТИ РОССИИ НА ВСЮ ТЕРРИТОРИЮ РЕГИОНА

Поражение царизма в Крымской войне (1854–1856 гг.) с блоком более сильных противников значительно ограничивало возможности активной внешней политики России. Между тем, новые рыночные отношения в стране быстро и уверенно набирали силу, требуя все новых и новых рынков сбыта и источников сырья для интенсивно развивавшейся российской промышленности и торговли. Они были на юго-востоке. «Прошло то время, — говорилось в Военном сборнике, — когда Россия во многих отношениях первенствовала на западных рынках, а это обязывает нас искать новых восточных рынков и, прежде всего ближних, в Средней Азии»⁴⁴. Значение Южного Казахстана и Центральной Азии во внешней политике России резко возросло. Встал вопрос об окончательном подчинении Казахстана и активизации разносторонних отношений со среднеазиатскими государствами.

Но полноценной торговле с этими странами мешали многие причины, прежде всего — политическая нестабильность на Среднем Востоке и отсутствие у царского правительства необходимой информации о положении внутри среднеазиатских ханств, что сдерживало движение России в Центральную Азию и побудило русское правительство встать на путь военно-экономической и политической разведки в сопредельных азиатских странах.

С целью выяснения торгово-экономической и военно-политической ситуации в Центральноазиатском регионе были отправлены в 1858 г. на Средний Восток: дипломатическое посольство Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару, экспедиция во главе с востоковедом Н. В. Ханыковым в Восточный Иран (Хорасан) и Герат, поручик Ч. Ч. Валиханов под видом купца в составе торгового каравана в Кашгар. Материалы, доставленные ими, позволили царскому правительству выяснить действительную расстановку политических сил в Южном Казахстане и ханствах Центральной Азии, ознакомиться с их экономическими и международными связями, а также доказали существование широких завоевательных планов Англии по отношению к этим регионам.

Особенно большое значение для разработки политического курса России на Среднем Востоке имели результаты дипломатической поездки Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару. Малоуспешные переговоры русского посла с хивинским ханом, отказавшимся подписать договор о дружественных взаимоотношениях двух государств, утвердили его в мысли о том, что отправление дипломатических посольств в Центральную Азию — «напрасная трата денег, которые могут быть употреблены для достижения той же цели... но иным образом»⁴⁵. В специальных донесениях и записках, адресованных в Азиатский департамент МИД, Н. П. Игнатьев обосновывал бесполезность продолжения прежней тактики политических переговоров с «вероломными» восточными правителями и настаивал

Крепость Мерке (с картины худ. М.С. Знаменского).

на возобновлении военных действий против среднеазиатских ханств. На рубеже 50–60-х гг. XIX в. этот взгляд не получил должной поддержки в Министерстве иностранных дел, но с каждым днем приобретал себе все больше сторонников в высших административных сферах и, наконец, стал к середине 60-х годов официальным мнением Петербурга.

Более удачной по своим практическим результатам оказалась миссия Н. П. Игнатьева в Бухару. Она привела к заметному оживлению торговли русских купцов со среднеазиатскими торговцами, которые стали охотнее приезжать на Оренбургскую линию и Нижегородскую ярмарку. Московские торговые компании, в свою очередь, получили возможность отправлять российские товары в Бухару, где они выгодно сбывались.

В то же время, как отмечалось выше, развитие взаимовыгодных торговых отношений России со странами Центральной Азии встречало сильное противодействие Кокандского ханства, которое приобрело влиятельного союзника в лице Англии — главного противника России в Центральной Азии. В 1860 г. в Коканд через Каратегин и Дарваз был направлен опытный английский разведчик Абд'ал-Маджид, которому вменялось в обязанность войти в доверие к правителю ханства Маллабеку и предложить ему поддерживать контакты с британскими властями в Индии. Наглядным подтверждением удачного завершения этого визита стали поставки британского оружия и посылка военных инструкторов и оружейников в главные опорные пункты Кокандского ханства.

Наряду с этим кокандские власти предпринимали меры по усилению своих аванпостов в Пишпеке, Мерке, Аулие-Ате и Чимкенте, под угрозой расправы отбирали лошадей и скот у окрестных казахов и кыргызов для кавалерийских войск, всячески противодействовали движению торговых караванов. Все эти действия своевременно доводились до сведения оренбургских и западносибирских властей, которые, естественно, били тревогу, призывая усилить ответные меры со стороны царского правительства.

Экспансионистские цели России по завоеванию Южного Казахстана осуществлялись в основном двумя путями: во-первых, организацией ряда военных, военно-разведывательных и карательных экспедиций в ка-

захские степи; во-вторых, сооружением идущей через степь «линии укрепления, занимавших стратегически выгодное положение»⁴⁶. Все эти мероприятия энергично проводились в регионе военными служащими местной колониальной администрации, в результате чего «многие из влиятельных киргизских вождей были либо убиты в сражениях, либо взяты в плен»⁴⁷. Так готовилось наступление в глубь региона как со стороны Оренбургской, так и Сибирской линий. К концу первой половины XIX века на территориях Среднего и Старшего жузов, начиная со стороны Сибирской линии, строятся укрепления Актау (1835 г.), Улытау (1835 г.), Капал (1846 г.), Сергиополь (Аягуз, 1831 г.) и другие, ставшие опорными пунктами России в Заилийском крае. В 1848 г. учреждается должность пристава Большой орды, который подчинялся западносибирскому генерал-губернатору. Он осуществлял управление над завоеванными районами Старшего жуза. В 1854 г. завершилось строительство укрепления Верное в урочище Алматы, а в 1859 г. — укрепление Кастек, откуда начались военные действия России через Чуйскую долину по захвату кокандских крепостей на юге Казахстана: Аулие-Аты, Чимкента и др. В 1856 г. в составе Семипалатинской области создается Алатауский округ с центром вначале в г. Капале, а с 1862 г. — в г. Верном⁴⁸.

В эти годы казахи Старшего жуза в составе Алатауского округа насчитывали 25,5 тыс. кибиток — более 100 тысяч чел., а кыргызы — 15 тыс. кибиток — около 60 тыс. чел. Между южной частью Или и Чу кочевали казахи из родов: дулат (9,5 тыс. кибиток — 38 тыс. чел.), на пограничной с кокандскими владениями и на р. Чу — шапрашты (2 тыс. кибиток — 8 тыс. чел.), жаныс (800 кибиток — 2400 чел.), жалаир (8500 кибиток — 34 тыс. чел.), на севере Или, между оз. Балхаш и гг. Верный — Капал по обеим берегам р. Или, по отрогам Алтынемел и Алатау, северного побережья Иссык-Куля — албан (7500 кибиток — 30 тыс. чел.)⁴⁹.

Следующим, не менее эффективным, средством усиления влияния России в среде казахов юга, включая и Жетысу, явился переход влиятельных правителей родов на сторону колониальных властей при помощи вручения наград, присвоения званий, назначения на высокие должности, оказания почестей и т. д. Так, например, если при создании Алатауского округа его начальнику устанавливалось жалование 1500 руб. в год, то Суюку Аблайханову, Гали Адилову, Рустему Абулфеисову и Хакиму Кулову, которым поручалось управление над родами Старшего жуза, — по 343 руб. (как и в Среднем жузе)⁵⁰.

Успешному продвижению российских войск как с юга, так и с севера региона, способствовали также восстания местных казахов против кокандского ига в 1857—1858 гг. в районах Чимкента и Аулие-Аты. Жестокое подавление этих восстаний также способствовало переходу значительной части казахов на сторону России.

В целом же судьба региона решалась не его коренным населением, а в военных сражениях между Кокандом и Россией, а на долю же казахов, раздираемых не только борьбой между сторонниками и противниками этих двух экспансионистских государств, но и внутренними конфликтами (межродовые усобицы, барымта и т. д.) и обострением отношений с соседними кыргызами, оставалась участь попадания под власть более сильного из колонизаторов.

В 1860 г. начались активные военные действия русских войск против кокандцев: 26 августа пал Токмак, 4 сентября — Пишпек, а 24 октября вблизи Узун-Агача произошло сражение, в котором отряд начальника Алатауского округа, подполковника Колпаковского из 3 рот, 4 сотен, 6 орудий и 2 ракетных станков нанес крупное поражение значительным силам кокандцев (около 30 тыс. чел.)⁵¹.

Во время Узунагачских событий проявилась и поддержка кокандцев, несмотря на их произвол и притеснения, значительной частью казахов и кыргызов Жетысу. Так, например, бии Андас и Сураншы из племени дулат, знатные люди Диканбай и Альжан из рода ботбай на свои средства организовали и вооружили ополчения из добровольцев, которые сражались против русских войск на стороне кокандцев. Они намеревались также захватить и разрушить крепость Капал. К ним присоединилась и часть кыргызов во главе с родоначальниками Умбетали и Байсеитом. Если одни открыто поддерживали кокандцев, то другие были благосклонно расположены к последним⁵². В связи с этим генерал-лейтенант М. А. Терентьев не случайно указывает на то, что когда 15 октября 1860 г. Колпаковский разослал (капитану Тезеку Нуралиеву, подпоручику Жангазы Сууюкову и капитану Аблесу Аблаеву и другим) влиятельным казахам письма с приглашением присоединиться к нему «со своими батырами, обещая за то всю добычу от сартов», «киргизы однако же выжидали, чья возьмет, и не торопились с услугами... Они уклонялись даже от сообщения известий о движении неприятеля, — поэтому наши двигались на авось...»⁵³.

Такое отношение казахов и кыргызов к русским военным действиям против кокандцев было обусловлено, во-первых, широкой пропагандой последними газавата — священной войны мусульман региона против неверных завоевателей, и, во-вторых, жестокостью начальника Алатауского округа Колпаковского по отношению к коренному населению, рядовые представители которого жестоко наказывались за малейшееслушание вплоть до случаев применения смертной казни. Западносибирский генерал-губернатор Гасфорт, не желая осложнять борьбу против кокандских войск, вынужден был требовать от Колпаковского быть в своих действиях более осмотрительным и осторожным.⁵⁴ Благодаря этим обстоятельствам кокандцам в начале октября 1860 г. удалось «присоединить к себе волей и неволей огромное скопище из киргизов и в пространстве между Аулиеатой и Пишпекем». Они овладели развалинами Пишпека, после чего кокандские войска численностью более 20 тыс. чел. с 10 орудиями перешли Кордай, вышли окольными дорогами к западу от Кастека, отрезав его от Узун-Агача. «К ним тотчас присоединились наши киргизы, кочевавшие поблизости», — указывает генерал-лейтенант М. А. Терентьев.

Кокандцы, как и русские, широко использовали подкуп представителей казахской родовой знати. Еще в 1851 г. кокандцы, преподнося богатые подарки, перетянули на свою сторону группу влиятельных казахских султанов из Старшего жуза, а казахи из родов ботбай, шапрашты, кызыл борик, жаныс, шымыр и др. во главе с бием Керимом перекочевали на левый берег р. Чу, территория которого находилась в подчинении кокандцев.⁵⁵

За малейшее отклонение от поддержки, несвоевременное выполнение заданий по обеспечению транспортом, продуктами питания, рабочей силой, фуражом и многим другим, необходимым для военных сил, как

кокандцы, так и русские строго обходились с казахами. О насилии, произволе кокандцев над казахским населением сказано предостаточно, поэтому приведем всего несколько примеров таких действий со стороны русских войск, которые в этом отношении нисколько не отставали, если не превосходили первых. Так например, откочевавшие во время узун-агачских событий роды Старшего жуза во главе с бием Керимом, а также кыргызы, в 1860 г., как указывает генерал-лейтенант М. А. Терентьев «прикочевали в наши пределы на зимовку, по случаю недостатка кормовых местах их прежних стойбищ. Обстоятельством этим мы тотчас воспользовались для наказания этих киргиз». ⁵⁶ И казахи и кыргызы жестоко за это поплатились.

Русские войска одновременно совершили три набега, «аулы были сожжены, а скот захвачен», сам бий Керим с двумя другими богатыми старшинами захвачен в заложники. Сотник Жеребятьев «приказал всем аулам сниматься и затем погнал их на нашу сторону». В результате этих набегов казахи и кыргызы, разместившиеся было на южных склонах Алатауских гор, вынуждены были откочевать обратно. «Глубокие снега и бескормица на которую возвращались бежавшие, сделали заданный им урок еще чувствительнее», — заключает генерал-лейтенант М. А. Терентьев. ⁵⁷

2 ноября 1860 г. в Пекине был подписан русско-китайский договор закреплявший за Россией право на спорные территории в юго-восточной части Жетысу и Курчумский край. Одна из статей договора предусматривала «открытие» Кашгара для российской внешней торговли в виде разрешения назначать туда, как и в Ургу, консула и вести беспопышливый товарообмен с китайскими купцами.

Однако в этом случае, как и в торговых отношениях с Бухарой, попытки России пробиться на рынки Западного Китая наталкивались на сопротивление Кокандского ханства, осуществлявшего жесткий военный административный контроль над торговыми путями из среднеазиатских ханств в Синьцзян. Реализация крайне выгодного для России Пекинского трактата осложнялась также попытками Великобритании распространить свое влияние из Индии и Кашмира на Западный Китай. К этому времени английские резиденты уже проникли в Яркенд и Кашгар, внимательно изучали горные проходы, ведущие в Западный Китай, вели активную антироссийскую пропаганду среди местных чиновников в Синьцзяне и Центральной Азии. С учетом указанных обстоятельств, в центральных ведомствах России и административных органах на местах различные планы приобретения экономических выгод для страны от «открытия» Синьцзяна тесно увязывались с военным наступлением на Коканд. ⁵⁸

Однако Министерство иностранных дел во главе с А. М. Горчаковым сначала выступало противником применения военной силы, полагая, что это приведет к дальнейшему обострению отношений с Англией, поэтому рекомендовало воздержаться от аннексии новых территорий. ⁵⁹ Противоположные взгляды по среднеазиатскому вопросу выражало Военное министерство, которое возглавил в 1861 г. Д. А. Милютин, тесно связанный с предпринимательскими кругами страны. Критикуя политическую линию А. М. Горчакова за «оглядки на Англию» и «полный консерватизм» в азиатских делах, Милютин выступал за радикальное решение этой проблемы путем захвата основных стратегических центров Кокандского ханства.

Надо сказать, что наступательная позиция Д. А. Милютина импонировала не только представителям влиятельных торгово-промышленных и финансовых кругов, но и значительной части царских администраторов на местах. Наиболее активных и последовательных сторонников своих взглядов военный министр приобрел среди офицеров оренбургского ведомства, изрядно поднагрозивших в военных делах.

Еще с середины 50-х гг. XIX в. оренбургский военный губернатор А. А. Катенин неоднократно предлагал Петербургу приступить к военным действиям в Южном Казахстане и Средней Азии и настаивал на завоевании Джулека, создании в нем форта для подготовки к выходу на рубеж Туркестан—Чимкент—Аулие-Ата и соединении пограничных линий.⁶⁰

В 1861 г. сменивший Катенина на посту оренбургского губернатора генерал А. П. Безак продолжал политическую линию своего предшественника, убеждая военного министра Милютина в необходимости применения по отношению к ханствам Центральной Азии военных мер. Мотивируя свои радикальные предложения «неотложной потребностью» обрести «прочную границу» России по р. Сырдарье, А. П. Безак настаивал на том, чтобы действия военных были направлены на «скорейшее соединение линий Оренбургской и Сибирской». «Если бы с движением нашим от моря Аральского вверх по Сыру и устройством на нем новых фортов не имелось в виду такое же встречное движение со стороны Сибирского корпуса, — писал он, — то не стоило бы проникать до берегов Аральского моря и утверждаться на устье Сыра, а также делать экспедицию к Ак-Мечети и возводить Джулек».⁶¹

В отличие от А. А. Катенина, А. П. Безак предлагал не ограничиваться взятием одного только Туркестана, а захватить и Ташкент, где произвести соединение Оренбургской и Сибирской линий. С реализацией этой задачи он связывал сразу несколько больших выгод для России.⁶² Однако эти планы не нашли полной поддержки со стороны западносибирского генерал-губернатора А. О. Дюгамеля, вследствие чего на заседании Особого Комитета, состоявшегося в мае 1862 г. в Петербурге, соединение Оренбургской и Сибирской линий было признано нецелесообразным.⁶³

Однако год спустя новое обострение отношений с Англией и другими западными государствами из-за восстания в Польше, подтолкнуло Россию ускорить экспансию на Среднем Востоке. 23 февраля 1863 г. в Петербурге на расширенном заседании Особого Комитета с участием оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов А. П. Безака и А. О. Дюгамеля было принято решение, утвержденное спустя неделю царем, — начать детальное изучение местности между Сырдарьинской и Сибирской линиями. Начальнику Аральской флотилии А. И. Бутакову поручалось исследовать верхнее течение Сырдарьи (от форта Перовского), а начальнику Оренбургского корпуса, подполковнику М. Г. Черняеву — провести рекогносцировку местности от Джулека до г. Туркестана и выслать «летучий отряд» к северным склонам хребта Каратау до крепости Сузак. Сибирские власти, в свою очередь, получили задание обследовать южные районы Зайлииского края и территории, примыкающие к Аулие-Ате. Для выполнения этой задачи отряд подполковника Дерхе отправился на разведку к Аулие-Ате, а отряд штабс-капитана Н. И. Проценко — по долине р. Нарым в Кашгар.⁶⁴

Все названные четыре экспедиции, проводившиеся прежде всего в разведывательных целях, имели один общий, не запрограммированный

результат, который кардинально повлиял на весь ход военных действий в Центральной Азии в течение последующих пяти лет. Начальники военных отрядов совершенно неожиданно для себя не встретили в обследованных районах сколь-нибудь сильного и организованного сопротивления со стороны кокандских войск. Гарнизоны укреплений Джумагал и Куртка практически без единого выстрела сдались отряду Проценко. В Сузак после получения известий о продвижении отряда Черняева на юг вспыхнуло восстание против кокандских властей. Население этого маленького городка принудило кокандский гарнизон сдать оружие и объявило о своем желании принять российское подданство.⁶⁵

Его примеру последовали кочевавшие в окрестностях Сузак и Чулак-Кургана казахи рода бестамгалы и племени конрат, которые в количестве 9 тыс. семей вступили под юрисдикцию Российской империи.⁶⁶ Основным мотивом, побудившим кочевников встать на сторону русских властей, явились многочисленные грабежи и насилия, производимые незадолго до появления царских отрядов кокандскими комендантами в близлежащих аулах. Особенно преуспел в организации подобных набегов туркестанский бек Мирза Даулет, который, по словам кокандского чиновника и придворного историка Нийаза Мухаммеда Хуканди, «собрал в Туркестане шайку грабителей и разграбил аулы в окрестностях города».⁶⁷

Успешные итоги действий оренбургского и сибирского отрядов в Южном Казахстане весной 1863 г. послужили основой для выработки Министерством иностранных дел компромиссного, но оперативного плана «соединения линии». Границей была намечена линия по северному склону Каратауских гор через Сузак—Чулак—Курган—Аулие-Ата. Министерство иностранных дел рассчитывало, что в результате занятия этих рубежей «мирные отношения со среднеазиатскими ханствами» сохранятся, а правительственное снабжение Сырдарьинской линии улучшится.⁶⁸

Однако офицеры Оренбургского ведомства М. Г. Черняев, Л. Л. Мейер и военный губернатор А. П. Безак предложенный правительством план считали «самой опасной и вредной полумерой», так как он, по их мнению, не решал ни проблемы снабжения войск продовольствием, ни реального контроля над действиями кокандцев.⁶⁹

Настойчивые требования оренбургских администраторов о продвижении русской пограничной линии на юг очень скоро возымели желаемые практические результаты. Дополнительным толчком, ускорившим реализацию давно задуманного плана, явилась секретная информация, поступившая в Азиатский департамент МИД по поводу новых попыток Великобритании закрепиться в Коканде и Бухаре и овладеть водными путями на востоке для захвата торговых рынков в Синьцзяне и Центральной Азии.

Стремясь предупредить угрожающий интересам России поворот событий, Д. А. Милютин осенью 1863 г. представил в Особый Комитет доклад о намеченных действиях по отношению к среднеазиатским ханствам. В нем было предусмотрено создание пограничной линии по хребту Каратау и предложено войскам Оренбургского корпуса для достижения этой цели занять Сузак, а отрядам Сибирского корпуса — овладеть Аулие-Атой. В докладе указывалось, что впоследствии граница должна будет перенесена на р. Арысь с включением Чимкента в состав Российской империи. 20 декабря 1863 г. доклад Д. А. Милютина был утвержден царем и получил

статус официальной программы действий в Центральной Азии. На 1864 г. Военное министерство назначило выполнение операций по соединению линий.⁷⁰ В военной печати развернулась кампания о необходимости присоединения Аулие-Аты, Туркестана и Чимкента, где базировались сильные кокандские гарнизоны.

В первые месяцы 1864 г. обе противостоящие стороны оперативно готовились к военным действиям. Новый глава Кокандского ханства, ставленник кочевой кыпчакской группировки, мулла Алимкул предпринял энергичные меры по повышению обороноспособности крепостей, а также уделил особое внимание упрочению своей власти в зависимых казахских аулах. С этой целью кокандские чиновники увеличили размеры податей с подвластного им кочевого населения, а для устрашения казахов и кыргызов неоднократно подвергали разграблению роды, желавшие принять российское подданство. Для организации набегов и грабежей кочевников кокандские правители привлекали наряду с воинскими формированиями казахские роды курама и из Ташкентского района, в основном шанышкалы, поставленные в привилегированное положение по сравнению с другими родами южных казахов и кыргызами.⁷¹

В начале февраля 1864 г. в Аулие-Ату по заданию Алимкула прибыл ташкентский парваначи Кашчи, в задачу которого входило привлечение на сторону Коканда казахских родов Чуйской долины. Его подчиненные усиленно распространяли среди кочевого населения различные прокламации, призывавшие казахов и кыргызов объединиться с кокандцами в борьбе против России.⁷²

Однако объявление газавата в условиях непрекращающихся грабительских вылазок в окрестных селениях и аулах популярности кокандским властям не прибавило, а только еще более усилило недовольство и опасения местного населения. В этой связи командующий Сырдарьинской линией полковник Н. А. Веревкин не мог скрыть своего удивления, когда писал военному губернатору в Оренбург, что «оставшиеся у нас конградцы и, особенно кипчаки, до сих пор верны нам и не откочевывают в кокандские пределы, несмотря ни на угрозы, ни на обещания кокандских властей».⁷³

В мае 1864 г. подготовка к продвижению русских войск в Южном Казахстане была в основном завершена и полковник Н. А. Веревкин повел вверенные ему войска (44 офицера, 1593 солдата, 150 казахов-волонтеров при 18 орудиях) через разрушенную крепость Сауран, крепость Чарнак к городу Туркестану. Почти одновременно из Верного выступил отряд полковника М. Г. Черняева (68 офицеров, 2571 солдат и 400 человек казахской милиции во главе с султаном Газы Болат-улы Валихановым при 22 орудиях), специально прибывшего из Петербурга. 4 июня Черняев занял без боя укрепление Мерке и двинулся в направлении к крепости Аулие-Ата. Два дня спустя после двухчасовой перестрелки город был взят, а кокандский комендант Нийаз-Али-бий «с 400 конными бежал из цитадели... Пешие сарбазы, бросив оружие, смешались с жителями».⁷⁴ Потери кокандского гарнизона составили: 307 человек убитыми, 390 ранеными, 341 сарбаз был взят в плен. Со стороны русских войск было пятеро раненых, а убитых и попавших в плен не было.⁷⁵

Примерно в тот же день (9 июня) отряд полковника Н. А. Веревкина приблизился к Туркестану, но на расстоянии восьми верст от города под-

вергся ожесточенному нападению кокандских войск. Сильное сопротивление неприятеля вынудило полковника начать осаду крепости.

Отряду Н. А. Веревкина противостоял в Туркестане хорошо оснащенный кокандский гарнизон численностью около 1500 человек во главе с местным беком Мирзой Даулетом (ум. в 1864 г.). Ему активно помогала часть вооруженных городских жителей, включая проживавших здесь казахов. Кроме того на помощь кокандцам прибыл из Ташкента сын «мятежного» героя Кенесары Садык со 120 «кольчужниками», представлявшими соединенные силы Сузакского и Чулак-Курганского гарнизонов. Но узнав о начале осады, он повернул со своими людьми назад. Посланному вдогонку за Садыком есаулу Савину, несмотря на затраченные большие усилия, не удалось отрезать казахского султана от ташкентских ворот.

На третий день осады после отражения многочисленных вылазок противника и потери 5 человек убитыми и 33 ранеными, отряд Веревкина захватил Туркестан.

В Петербурге очень внимательно следили за развитием военных действий в Южном Казахстане. Удачно проведенные операции по взятию Туркестана и Аулие-Аты вызвали одобрение высших сановников столицы, а основные действующие лица этих событий — М. Г. Черняев и Н. А. Веревкин — были повышены в чинах, получив звание генерал-майоров. Другим участникам «туркестанских боевых походов» были дарованы «высочайшее благоволение» и различные ордена.

Между тем, легкие и быстрые победы над кокандцами в определенном смысле вскружили головы туркестанским генералам и побуждали их немедленно начать наступление на Чимкент. К этому времени в распоряжении Черняева имелись достоверные сведения о том, что мулла Алимкул не оставляет надежды отбить у России города Туркестан и Аулие-Ату. И для этого стягивает значительные военные силы к Чимкенту, рассчитывая оттуда начать наступление против русских отрядов.

В сложившейся обстановке Черняев посчитал необходимым сковать инициативу Алимкула и без предварительной подготовки предпринял в начале июля 1864 года наступление на Чимкент.

Однако попытка Черняева взять Чимкент в течение 22–23 июля 1864 года не увенчалась успехом. Встретив серьезное сопротивление кокандского гарнизона, он был вынужден снять осаду города. В то же время в донесении в Петербург он заявил, что считает «необходимым безотлагательно нынешнею же осенью овладеть главным пунктом кокандских сил».⁷⁶

Тем временем в Чимкенте развернулась борьба между сторонниками прококандской ориентации, поддерживавшими военные круги Кокандского ханства, и противостоящей ей группировкой, объединявшей торгово-ремесленные слои города. Последние были непосредственно заинтересованы в расширении экономических и политических связей с Россией, так как имели от них большой доход, а потому делали все для ослабления ханского произвола и межплеменных раздоров и войн.⁷⁷

Серьезное размежевание политических сил наметилось в тот период и среди кочевого населения Южного Казахстана. В условиях растущей дестабилизации военно-политической обстановки на юге региона, политики жестоких репрессий против действительных или мнимых противников господствовавшей в Коканде ферганской военизированной клики, раздоров

Город Чимкент в середине XIX в.

и бесконечных войн между Кокандом и Бухарой, у казахов, кочевавших около Туркестана, Чимкента и смежных с ними мелких оседлоземледельческих селений и городов, заметно возросла в начале 60-х гг. потребность в сильном покровителе. Поэтому многие из влиятельных в Степи людей предпочли выбрать ориентацию на Россию и содействовать успеху русских войск.⁷⁸

Во время осады Чимкента к Черняеву явилась представительная делегация казахов во главе с бием шымыров Акмолдой Батырбасы-батыром, сыном авторитетного среди кочевников бия Байзака Мамбетулы (1780—1864 гг.), являвшегося в 1840-х гг. видным сподвижником Кенесары. Он предложил генералу взять в свой отряд десять тысяч казахских джигитов и обещал предоставить транспортные средства для войск.⁷⁹ О поступке Акмолды стало известно правителю Алимкулу, который, по словам кокандских чиновников, приказал Нор-Маду-парваначи обманом привести к нему бия Байзака, а после того, как последний был доставлен в Ташкент, кокандский правитель повелев, по утверждению очевидца-казаха акжарского рода Халибая Мамбетова, привязать Байзака-дадху к отверстию пушки, «разнес его на куски», а других казахских биев, также обвиняемых в «предательстве мусульманства» и приверженности «неверным» «приказал сарбазам расстрелять». Стрелки «выстрелами из ружей и покончили с ними». В числе казахов, казненных кокандцами по приказу Алимкула, были военачальники из рода шанышкалы Исламкул-пансад и Тимурпансад, из рода шымыр — Абдуали-би и некоторые другие.⁸⁰

Результат такого рода внушения оказался прямо противоположным ожидаемому кокандцами: казахи бежали к Черняеву и, несмотря на то, что он отказывался брать в отряд плохо вооруженных людей, но и безоружные уверяли, что «будут сильно ему помогать».⁸¹

Впоследствии Черняев писал, что летом 1864 г. многие казахские аулы, населявшие пространство между Туркестаном и Чимкентом, прикочевали под защиту российских войск и просили разрешения следовать вместе с ними против кокандцев. В основном это были казахи различных подразделений родов и племен кыпчак, бестамгалы, конрат, албан, дулат и не-

которых других. «Я разрешил идти только тем, кто имеет оружие, — далее вспоминал Черняев, — они продолжали настаивать, и, когда я спросил, чем же они могут помочь нам? — Криком, — отвечали они».⁸²

Черняев, однако, принял в отряд только 1000 человек милиции, которую возглавил бий рода сикым Кудайберген Баетов. Казахские милиционеры, по отзывам очевидцев, действительно, смело сражались с кокандцами и своими криками специально создавали такой шум, что «наводили страх на непривычных людей».⁸³

Под впечатлением всех вышеописанных событий кокандский историк Нийаз Мухаммед Хуканди с горечью был вынужден констатировать, что в результате «дурного нрава» и неоправданно жестоких поступков Алимкула «все казахи сделались его врагами и союзниками войска неверных; они были причиной взятия Чимкента и они же убедили неверных идти на Ташкент».⁸⁴

Наряду с многочисленными фактами поддержки кочевниками русских войск, следует отметить также тот факт, что некоторые казахские роды, главным образом из племени иргели, а также выходцы из казахов в составе курамы, поставленные кокандскими правителями в привилегированное положение по отношению к другим родоплеменным группам казахов, придерживались прококандской ориентации и в период завоевания Туркестана и Чимкента принимали «весьма деятельное участие в помощи кокандцам».⁸⁵

В то же время среди кочевого населения Южного Казахстана было немало таких родоплеменных подразделений Среднего и Старшего жузов, которые предпочли оставаться в стороне от развернувшихся боевых действий, но, опасаясь грабежей кокандских войск, откочевали далеко за пределы Джулека и за Каратауский хребет, так что «окрестности Туркестана совершенно опустели».⁸⁶

Военно-политическая обстановка, сложившаяся к осени 1864 г., в Южном Казахстане и ряде регионов Средней Азии, как нельзя лучше соответствовала честолюбивым планам М. Г. Черняева. Большинство казахов к этому времени в той или иной мере склонялись на сторону русских властей и оказывали им посильную помощь в борьбе с кокандцами. В самом Кокандском ханстве усилилось противостояние политических сил и росло недовольство произволом хана и его ближайшего окружения. Кроме того, с новой силой заявили о себе прежние противоречия между Кокандом и Бухарой. Бухарский эмир, претендовавший на часть земель Кокандского ханства, предпринял новое наступление в Ферганскую долину и тем самым вынудил Алимкула отправиться с большей частью войск из Чимкента в Ташкент. Алимкул поручил управление Чимкентским вилайетом ташкентскому беклярбеку Мирзе-Ахмаду, а военным комендантом Чимкента назначил парваначи Нурмухаммеда, в распоряжении которого находился десяти тысячный гарнизон, «составленный из лучших войск» Кокандского ханства.

Воспользовавшись этой благоприятной ситуацией, Черняев, без согласования своих действий с Петербургом и даже с Омском, отдал приказ подполковнику Лерхе двинуть подчиненные ему войска в составе четырех рот пехоты, сотни казаков и тысячи человек казахской милиции из Аулие-Аты в Чимкент. Одновременно из Туркестана в том же направлении выступил другой отряд (шесть с половиной рот пехоты, полторы сотни казаков), во главе которого находился сам М. Г. Черняев.

19 сентября оба отряда соединились на подступах к Чимкенту и после непродолжительной рекогносцировки местности, в ночь на 20 сентября приступили к возведению батарей для намечаемого штурма города. По воспоминаниям бывшего кокандского подданного, казаха Халибая Мамбетова, в ответ на подготовительные мероприятия русских военных, войска Чимкентского гарнизона и сарбазы «начали стрелять с шумом из пушек и орудий, но пыль одолевала. Неверные (т.е. русские. — *Ред.*) начали стрелять из мортир».⁸⁷

Как и предполагал М. Г. Черняев, у стен Чимкента русский отряд встретил сильный огонь кокандских батарей. Кокандской артиллерией командовал в это время выходец из Пенджаба Джамалар Кабули, ставленник Британской империи.⁸⁸ Ожесточенная перестрелка с неприятелем, продолжавшаяся в течение двух суток, окончательно убедила генерала в том, что кокандская артиллерия английского образца по дальности полета снарядов не только не уступает, но и заметно превосходит русскую и устранить это преимущество его войска смогут только за счет большей «скорости и меткости пальбы на близком расстоянии». Чтобы достигнуть желаемого результата, Черняев приказал заложить новую батарею из 6 орудий и 4 мортир на расстоянии 300 сажен от прежней и с близких подступов производить штурм укреплений города.

Но из-за твердого грунта и частых вылазок неприятеля работы шли медленно и утром 21 сентября совсем приостановились. «Кокандцы же, ободренные замедлением наших работ, — сообщал начальству Черняев, — начали действовать против нас наступательно траншеями, постепенно перенося в них батареи, и даже высылать стрелков впереди своих работ».⁸⁹ Последним обстоятельством не преминул воспользоваться подполковник Лерхе, который стремительно бросил большую часть своих войск против опрометчиво выдвинувшейся вперед кокандской пехоты, атаковал ее и «на плечах» неприятеля добежал до крепостных ворот, где «штыками проложил себе дорогу и через трупы кокандцев ворвался в город». Для закрепления достигнутого успеха Черняев выслал Лерхе подкрепление в составе двух рот солдат и конного взвода артиллерии и одновременно сам двинулся из лагеря к Чимкенту с двумя ротами пехоты и двумя батарейными орудиями.

Воспользовавшись смятением кокандцев, Черняев проникнул со своим отрядом через ров-овраг в цитадель города, пройдя по деревянному желобу водопровода, расположенному на очень высоких козлах, и быстро овладел ею. Таким образом, примерно через час после начала штурма, город с цитаделью был взят. Русские войска потеряли 6 человек убитыми и 41 человека ранеными.⁹⁰

Необходимо особо подчеркнуть, что военная экспансия России в Южном Казахстане вообще, разгром защитников Ак-Мечети, Туркестана, Аулие-Аты, Чимкента и других кокандских крепостей в особенности, сопровождалась особой жестокостью и неоправданными с военной точки зрения действиями. Эти крепости с глиняными стенами не имели соответствующих фортификационных сооружений, а их защитники, состоявшие в основном из гражданских лиц, плохо вооружены. По свидетельству американского путешественника Юджина Скайлера, Ак-Мечеть в течение 25 дней подвергалась обстрелу русской артиллерии, последствием которого стали сильные разрушения, готова была сдаться на милость победи-

телю, о чем ее защитники направили соответствующее письмо генералу Перовскому. Последний, несмотря на это, «решил во что бы то ни стало добиться хоть небольшой славы и бросив письмо в огонь, ответил полсランгу: «Мы возьмем крепость штурмом». На следующее утро он сделал это».⁹¹

Во время штурма Туркестана, который также подвергся крупным разрушениям и сильному пожару, русские войска подвергли артиллерийскому обстрелу мусульманскую святыню — мавзолей Ходжа Ахмеда Йасауи только для того, чтобы нагнать страх на местных жителей. По мавзолею было выпущено 12 снарядов, 11 из которых сделали в нем пробоины, которые, как указывает М. А. Терентьев, «улучили святого в бессилии и жители стали колебаться».⁹²

Еще более жестоком, а, главное, неоправданным с военной точки зрения насилиям и грабежу подверглось население Чимкента. Как вспоминают полковник Лерхе и другие русские офицеры, участвовавшие в боях за Чимкент, результаты его штурма представляли собой страшную картину: «Полвысоты крепостных ворот было завалено... ранеными. После того, как по этой живой громаде прошла артиллерия, в соседний арык побежал ручей крови, кокандцы в ужасе бежали по городу, сбрасывая свою красную форму, чтобы быть неузнанными. Освирепевшие российские солдаты прошли на штыках весь город».⁹³ По утверждению «туземных источников», «число павших защитников этого города составило до 3170 человек», т.е. значительно превосходило общую численность, погибших кокандских воинов за всю туркестанскую кампанию 1862–1864 гг.⁹⁴ Источники также свидетельствуют о разгуле русских войск после взятия Аулие-Аты и Чимкента.⁹⁵

Именно такие действия царских генералов послужили по мнению некоторых современников, причиной разрыва Ч. Ч. Валиханова с Черняевым. По утверждению одного из его биографов, «зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над его соплеменниками, т.е. над киргизами, огорчили его. Он увидел, что не может более участвовать в походе, разошелся с Черняевым и уехал в Верный, оттуда перебрался в аул султана Тезека».

Горькая участь постигла г. Сайрам, жителей которого русские войска из отряда Черняева обвиняли в захвате «одного из нижних чинов с 6 верблюдами» во время покупки фуража. К Сайраму был послан отряд из 60 казаков, 48 человек конных стрелков и 1 тыс. человек казахов («киргизской милиции»). После артиллерийского обстрела и захвата через 2 часа город был «разграблен дочиста», потери жителей составили более 50 чел. и втрое более раненых.⁹⁶ Так примерно были наказаны сайрамцы и не только они...

Взятием Туркестана и Чимкента были сомкнуты Оренбургская и Сибирская линии. Этим событием по существу завершился длительный и сложный процесс присоединения Казахстана к России, продолжавшийся более 130 лет.

После взятия Чимкента в русском правительстве вновь усилились разногласия по поводу дальнейших военных и политических мероприятий в отношении Средней Азии. Учитывая сложность международной ситуации на континенте, А. М. Горчаков пришел к убеждению о необходимости разработки единого политического курса России на Среднем Востоке.

В ноябре 1864 г. Министерство иностранных дел совместно с Военным министерством подготовили специальный доклад царю, где была изложена конкретная программа действий в среднеазиатском регионе.

Оправдывая экспансионистскую политику русского правительства в Средней Азии, оба царских министра определяли ее характер, как «оборонительный», направленный на обеспечение безопасности страны от набегов кочевников на территории, подвластные России. В то же время в докладе была высказана убежденность в необходимости укрепления позиций России на занятых рубежах, отказа от дальнейших завоеваний, сохранении лояльных отношений со среднеазиатскими правителями и усилении на них «нравственного влияния» со стороны русских. «В настоящее время, — указывал А. М. Горчаков, — дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии не будет согласно ни с видами правительства, ни с интересами государства. Всякое новое завоевание, увеличивая протяженность наших границ... не только не усиливает, а ослабляет Россию, доставляя взамен явного вреда, лишь гадательную пользу».⁹⁷ 21 ноября 1864 г. план обоих министров был утвержден царем и приобрел значение правительственной программы по среднеазиатскому вопросу. Впоследствии, однако, военные круги и местные административные органы в Оренбурге и Омске «с молчаливого согласия петербургского кабинета неоднократно отступали от этой программы».⁹⁸

Уже полгода спустя после провозглашения известного меморандума А. М. Горчакова, военный губернатор вновь образованной на юге Казахстана Туркестанской области генерал-майор М. Г. Черняев, воспользовавшись обострением конфликта между Кокандом и Бухарой за право обладания Ташкентом, в июне 1865 г. предпринял штурм этого города (1950 русских солдат и офицеров, 400 чел. казахской милиции) и за короткое время овладел им.⁹⁹

Летом 1866 г. после непродолжительных дебатов в Петербурге о будущем правовом статусе Ташкента, Александр II издал указ о включении его в состав России. Через год, в июле 1867 г., был опубликован закон об образовании Туркестанского генерал-губернаторства с центром в г. Ташкенте, куда вошли вновь учрежденные Семиреченская и Сырдарьинская области.

С распространением российской государственно-административной системы на Южный Казахстан было юридически оформлено его включение в состав огромной полиэтнической империи. С тех пор надолго Казахстан превратился в колониальную окраину России.

4. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРИАРАЛЬСКИХ КАЗАХОВ ПРОТИВ ХИВИНСКОГО ХАНСТВА И РОССИИ В XIX В.

Прежде всего следует отметить причины возникновения антиколониального движения в Центральной Азии, в частности в Казахстане. Они исходили из агрессивной деятельности хивинских ханов и колониальной политики России.

С приходом русских в устье Сырдарьи, живущие здесь казахи признали власть царского правительства. Это, конечно, противоречило внешней политике хивинских ханов. Они усилили антирусскую пропаганду среди

казахов, а чтобы лишить их возможности переселиться поближе к русским укреплениям, в 1847 г. перегородили Кувандарью плотиной. Русло реки, начиная от хивинского укрепления Ходжа-Нияз и кончая Аральским морем, высохло. Однако, несмотря на это, казахи продолжали кочевать вблизи русского укрепления Раим и форта Казали.¹⁰⁰

Несмотря на это, хивинцы продолжали нападать на казахов, кочующих близ русских укреплений. «Под самыми стенами Раима хивинцы резали и грабили, но наши отряды, при содействии киргизов, принудили, наконец, их остановить набеги и ограничиться словесными протестами и подстрекательствами наших недовольных киргизов».¹⁰¹

Хивинские ханы начали методично нападать на сырдарьинских и устьюртских казахов. «20 августа 1847 г., — пишет А. Макшеев, — т.е. через месяц после основания русского укрепления на Сыре, явилось около хивинской крепости Джан-кала, находившейся на левом берегу реки, 70-ю верстами выше Раима, скопище хивинцев, силою в 2000 человек, под начальством хивинского бека Ходжа-Нияза и киргизских султанов Жангози Ширгазиева, называвшего себя ханом, и Ирмухамеда (Илекея) Касымова. Часть скопища переправилась на правую сторону Сырдарьи, разграбила более тысячи киргизских семейств, из двадцати одного семейства забрала с собою стариков и детей, бросила 30 младенцев в воду, умертвила четырех караульских батыров Жанхожи, известного по своему влиянию на чиклинский род и по своей непримиримой ненависти к хивинцам и после этих неистовств возвратилась на левую сторону реки к крепости».¹⁰² 23 августа 1847 г. начальник Раимского укрепления Ерофеев направил к хивинской крепости Джан-кала под руководством Жанхожи 200 казаков и 700 казахов. Отряд отбросил неприятеля за Кувандарью, отнял у него 3 тыс. верблюдов, 500 лошадей, 200 голов рогатого скота и 50 тыс. баранов.¹⁰³

Недовольные появлением русских укреплений на Сырдарье хивинцы несколько раз (в 1847 и 1848 гг.) безуспешно пытались занять Раим и форт № 1 (Казалинск). В конце концов они были вынуждены отступить к своей границе и строить там военные укрепления, опасаясь наступления русских войск и казахского ополчения на Хиву. При поддержке русских войск сырдарьинские казахи под предводительством Жанхожи Нурмухамедова изгнали хивинских захватчиков, и в низовьях Сырдарьи обосновались русские военные силы.

Об этом с горечью высказывались некоторые офицеры, принимавшие участие в завоевательных походах в Центральную Азию и Казахстан. В частности Краус писал: «Не подлежит сомнению, что Россия сама повинна в значительных жестокостях, допущенных ею при завоевании Средней Азии. Такие факты, когда избиение йомудов Кауфманом и бойня, учиненная над текинцами Ломакиным, а затем Скобелевым, ...ни в коей мере не могут быть оправданием с моральной точки зрения. Скобелев заявил: «Чем сильнее вы бьете, тем дольше после этого они будут пребывать в спокойствии»».¹⁰⁴

Вышеприведенный пример не являлся исключением в Туркмении и на Устьюрте. К такому методу принуждения прибегали колониальные власти также и в Казахстане. Подтверждением этого являются ниже приводимые фактические данные, характеризующие весьма реакционную сущность колониальной политики царизма.

Казахи присоединенных районов «стали платить царскому правительству подать по 1 руб. 50 коп. серебром с кибитки в год».¹⁰⁵ Однако размер налога был увеличен в два раза. А. К. Гейнс писал: «В настоящее время (1866 г. — *Ред.*) все киргизы платят кибиточную подать по расчету три рубля с кибитки. Закон делает исключение только для потомков ханов Уали и Букея и их семейств... Каждый кибитковладелец вносит не сумму, пропорциональную его состоянию, а просто три рубля... Таким образом, на практике кибиточная подать, т.е. подать с дохода превратилась в подъемную подать (шанырак пулы)».¹⁰⁶

Обложению налогами подвергались не только кибитки, но и землянки и другого рода жилища, т.е. и те лачуги из камыша, в которых жили байские батраки.¹⁰⁷ Подать взималась со всего населения одинаково. Крупный бай, середняк, бедняк — все платили в одинаковом размере, т.е. с каждой кибитки. Такая несправедливость была подмечена даже царскими администраторами. «Кибиточный сбор, налагавший одинаковую сумму, следующую к уплате, и со стороны ничего не имеющих казахов, и со стороны тех, которые владеют многими тысячами голов скота — сам по себе уже несправедлив».¹⁰⁸

Многokrатно собираемые налоги, большинство из которых являлось различного рода дополнениями, были не узаконены, а устанавливались местной администрацией. Их собирали по необходимости в любое время года. Во время своей поездки по Казахской степи А. К. Гейнс заметил: «Киргизы обязаны: содержать членов местной администрации, доставлять чиновникам, следующим не по почтовым трактам, средства на проезд, исправлять почтовые и кочевые пути, выставлять кибитки для больных и командированных в степь чиновников и доставлять последним топливо. Эти повинности отбываются натурой или деньгами. Денежными сборами отбываются также все расходы, устанавливаемые самими киргизами на удовлетворение разных общественных потребностей... Как тяжело отзывалась на киргизской жизни неправильность сбора чегына (шыгына, т.е. убытка) и как велики были при этом злоупотребления киргизских властей».¹⁰⁹

Тяжесть незаконных налогов падала на плечи бедноты. «Во время ревизии области я (А. К. Гейнс. — *Ред.*) считал, как дорого стоит киргизам мой объезд. Было всего три экипажа. Почти на каждых 25 верстах были выставлены две или три кибитки и согнано около 15 лошадей, с тремя или четырьмя киргизами и двумя бабами для постанковки кибиток и т.д. ...Подобные расходы особенно чувствительны киргизам, потому что, повторяю еще раз, они падают почти исключительно на бедных людей».¹¹⁰ Многообразные налоги царской администрации и местной феодальной верхушки усиливали процесс обнищания трудящихся.

Казахи, кроме того, выполняли много различных повинностей: содержание в хорошем состоянии дорог вблизи военных укреплений, строительство мостов через оросительные системы, исправление плотин, чистка магистральных арыков и др. На этих работах бесплатно использовался рабочий скот казахов.

В своем отчете управляющий Сырдарьинской линии писал: «Устройство и охранение дорог, проходящих через аулы киргизов, лежат на их обязанности, они должны не проводить пашен через дороги..., что же касается до переправ, то киргизы для своей выгоды содержат на всей Дарье

лодки... Этим лодочникам входит в обязанности переправлять безвозмездно следующие в форты и из форта команды и за умеренную плату проезжающих».¹¹¹

Сырдарьинские пограничные власти в принудительном порядке мобилизовали казахов на строительство военных укреплений Раима и форта № 1 (Казалинск). Для сооружения этих форпостов согнали тысячи бедняков. Принудительные работы явились одной из причин восстания сырдарьинских казахов в 1856—1857 гг. В своем донесении начальник форта № 1 Булатов писал: «Имею честь доложить, что причиной, побудившей киргизов к враждебным действиям против русских, оказываются более или менее следующими: употребление киргизов на крепостных работах, также притеснение и противозаконные поборы».¹¹² Из-за принудительных работ скотоводы, земледельцы, рыбаки не могли заниматься своим личным хозяйством. Оросительные сети своевременно не очищались, и земледельцы испытывали недостаток воды, не могли собрать вовремя скудный урожай из-за нехватки рук.

Все перевозки из форта Перовского в Оренбург целиком выполнялись сырдарьинскими казахами. Следует заметить, что Сырдарьинская линия обеспечивалась боеприпасами, снаряжением и продуктами через Оренбург. Для этого нужно было большое количество верблюдов, которых мобилизовало у населения местная царская власть. Верблюдов у казахов брали насильно. Каждое казахское хозяйство обязано было дать по одному верблюду. Если его не было, то бедняк должен был занимать верблюда у бая, чтобы выполнить повинность. Султан Жантюрин писал об этом: «Приняло это вид чрезвычайного налога, а не наемки..., люди бедные не имея сами верблюдов, нанимали и даже покупали их у богатых, отдавая нередко последних своих баранов».¹¹³

За наем верблюда полагалась плата 15 руб., но не всегда казахи ее получали. Много верблюдов погибало в пути, а их стоимость не возмещалась. Казахам обязывали также выделять лаушей (погонщиков), обслуживавших караваны в пути. Никакого довольствия лауши от казны не получали, они должны были сами содержать себя. Жестокое обращение казачьих урядников, сопровождавших караваны, вызывало недовольство лаушей. Нередко погонщики, бросая верблюдов, бежали из каравана.¹¹⁴

Как на все завоеванные территории, так и в низовья Сырдарьи, царская администрация начала переселять семейства казаков с Оренбургской и Уральской укрепленных линий. В 1848 г. около укрепления Раим жило 26 семейств оренбургских казаков. Количество переселенцев из года в год увеличивалось. Прибывавшие размещались на плодородных и хорошо орошаемых землях по берегам Сырдарьи, вытесняя с них исконных жителей — казахов. В результате сырдарьинские земледельцы-казахи вынуждены были осваивать целинные и залежные земли, а некоторым приходилось работать по найму в хозяйствах переселенцев и чиновников.

Переселенцы впервые столкнулись с орошаемым земледелием, которое резко отличалось от богарного хлебопашества. Поливное земледелие требовало большого, упорного физического труда. Магистральные каналы и разветвленная ирригационная сеть возводились руками крестьян. Каналы ежегодно ремонтировались. Хороший урожай в основном зависел от воды. Но таким изнурительным физическим трудом переселенцы

не хотели заниматься и все земельные работы выполнялись казахскими бедняками. По найму они работали на земельных участках переселенцев.

После упразднения Раимского укрепления казаки-переселенцы перекочевали в 1855 г. к форту № 1. На новом месте они были размещены на хороших, плодородных орошаемых землях. Здесь переселенцы, как и прежде, пользовались большими привилегиями. Они эксплуатировали местных трудящихся. Таким образом, сырдарьинские казахи испытывали двойной гнет, их эксплуатировали царские власти — чиновники, купцы, переселенцы и местные феодалы — баи, би, султаны и др. Недовольство среди трудовых казахов росло с каждым годом и, наконец, вылилось в открытое выступление 1856 г.

Основной причиной восстания было изъятие земель. В. В. Григорьев писал: «В окрестностях Казалинского форта отвращают киргизов от земледелия придирки к ним и казачья жадность...»¹¹⁵ Далее он отмечает, что они «готовы захватить у них (у казахов. — *Ред.*) все пространство, удобное для земледелия; придирки и жадность... в 1856 г. и послужили главным поводом к восстанию туземного (казахского. — *Ред.*) населения».¹¹⁶

Против колониального гнета поднялись казахи Приаралья под предводительством Есета Котибарова и Жанхожи Нурмухамедова. Они являлись выходцами из шектинского рода, который делился на две части: улкен-шекты и кишкене-шекты. Первой руководил Есет Котибаров, а второй Жанхожа Нурмухамедов.

Есет Котибаров (1807—1888 гг.) являлся потомком батыра Котибара. Он пользовался большим авторитетом не только среди своего рода улкен-шекты, но и в соседних казахских родах адай, табын, шомекей, торткара, кишкене-шекты и др. В 1838 г. Есет Котибаров вместе с Жоламан-батыром напали на Елекское укрепление русских, а в 1847—1848 гг. совместно с Жанхожей Нурмухамедовым вели борьбу с хивинскими и кокандскими завоевателями в низовьях Сырдарьи.

Есет Котибаров неоднократно оказывал помощь Жанхоже Нурмухамедову в борьбе с хивинцами. Мало того, хивинский хан пытался избавиться от Жанхожи руками не только султанов, но и батыров. В 1844 г. он направил письмо Есету Котибарову: «Всепобеждающий, победоносный завоеватель шах Хорезмский.

Почетному, уважаемому и искреннему Есету-батыру!

Уверяя и обнадеживая ханской милостью и ласками, даю знать, что если ты единодушно с удалыми молодцами Тлеукабакского рода поймашь или доставишь убитого Жанхожу и тем приведешь в исполнение мое поручение, то, без сомнения, заслужишь беспредельное уважение, милость и покровительство, почет перед другими и внимание, а в противном случае я разгромяю Тлеукабакский народ.

Написано в благословенном Рамазане месяце 10 дня в понедельник 1260 года».¹¹⁷

Есет Котибаров.

Разумеется, народный батыр, родственник Жанхожи Есет Котибаров не поддался на провокацию хивинского хана, а, наоборот, оказал всяческую помощь Жанхоже в борьбе с хивинскими захватчиками.

В 50-х годах XIX в. Есет Котибаров вел активную борьбу против русской колонизации, оказав сильное сопротивление продвигавшимся к Аральскому морю российским войскам. По этому поводу В. В. Григорьев писал: «Еще не далее как в 50-х годах явился в степи Исет Кутибаров (Есет Котибаров.— *Ред.*). Он отказался дать верблюдов под экспедицию, снаряжавшуюся для взятия Ак-Мечети, убил султана правителя Арслана, ...Три года кряду гулял Есет по степи, убегая от наших отрядов, высланных на его поимку».¹¹⁸

18 июля 1847 г. в районе Эмбы Е. Котибаров со своими людьми напал на карательный отряд, сформированный из 200 казаков Оренбургского и Уральского войск и 120 казахов, возглавляемых султанами, служивших в рядах царских войск. Потеряв до 30 человек, повстанцы вынуждены были отступить к верховьям Эмбы. Преследуемые правительственными войсками, они укрылись в урочищах Арыс-Бурта и Имеш-Чаган.¹¹⁹ С. Д. Асфендияров писал о военном искусстве Есета Котибарова: «Для поимки Котибарова были высланы отряды, из которых один довольно значительный, но без успеха. Есет превосходно пользовался своим знанием местности и, что называется, уходил из глаз».¹²⁰

Оренбургские власти поставили перед собой цель, во что бы то ни стало поймать Есета и заставить его признать царское правительство. На его поимку был отправлен карательный отряд, возглавляемый подполковниками Кузьминским и Дерышевым, а также майором Михайловым. Каратели жестоко расправлялись с участниками восстания и мирным населением, которые находились в повстанческих районах юго-западного побережья Аральского моря. Этот кровавый эпизод был встречен передовой русской общественностью с огромным возмущением. Издававшийся А. И. Герценом журнал «Колокол» писал: «Со времен ветхозаветных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузьмина (Кузьминского. — *Ред.*) и майора Дерышева...».¹²¹

Оренбургский генерал-губернатор один за другим направлял карательные отряды для подавления восставших. Но Есет заблаговременно успевал отправить аулы и тяжелый груз в пески Барсуки и на Устюрт. Своих джигитов он разбил на две группы, которые двигались по степям, нападали на русские караваны и завязывали бои с карательными отрядами.

В эти годы большая часть родов улкен-шекты, табын переселилась в урочище Урга, Тайлы и в районы Кунграда. Иногда Есет Котибаров совместно с родственником бием Азбергеном Мунайтпасовым жили недалеко от Кунграда, в местности Азберген.

Однако, место расселения аулов Азбергена не устраивало хивинского хана. Поэтому в 1859 г. он силой пытался переселить Азбергена Мунайтпасова с левого берега Амударьи на правый в местность Даукара. Об этом русские лазутчики докладывали перовской администрации: «До своего отступления из-под Кунграда, брат хивинского хана Амре приказал собрать лодки, чтобы способствовать киргизскому бию Азбергену, осажденному в крепости при устье Амударьи перебраться на правый берег этой реки и откочевать к Даукаре, но не успел исполнить своего намерения и вынуж-

ден был возвратиться в Хиву... По слухам Азберген имел до 7500 кибиток, часть принадлежащего ему скота уже отправлена им к Даукаре, но сам не решается перебраться туда же». ¹²²

Среди кунградских казахов Есет Котибаров находился в последние годы восстания, т.е. в 1857—1858 гг. 21 июня 1857 г. оперативные работники форта Перовского отмечали, что «мятежник Исет Кутибаров находится ныне с аулами недалеко от хивинского города Кунграда, близ берегов Аральского моря». ¹²³

В 1858 г. от Кунграда до Хивы несколько казахских феодалов, в том числе и Есет Котибаров, сопровождали русскую дипломатическую миссию в Хиву, возглавляемую полковником Игнатьевым. ¹²⁴

Есет прибыл в Хиву с целью получить помощь от хана, для продолжения борьбы с Россией. Вначале хан обещал выделить Есету 2500 человек, но впоследствии хан отказался от своего обещания. ¹²⁵

В среду восставших казахов русская администрация засылала агентов из числа казахской родовой верхушки. Русские карательные отряды разгромили несколько родов, поддерживавших Есета Котибарова, угоняли их скот, забирали материальные ценности. Но Есет все-таки продолжал борьбу с карательными силами оренбургского ведомства. Только в 1858 г. он добровольно принял мирные условия царской власти. В. В. Григорьев писал об этом: «...Но Есета все-таки не добыли, который явился впоследствии сам добровольно к генерал-губернатору Катенину, когда ему было обещано прощение». ¹²⁶ Есет Котибаров дал клятву верно служить царской власти. Он был освобожден от платежа кибиточной подати, наравне с начальниками дистанции. Есет сдержал свое слово и служил царизму. Он считался одним из руководителей улкен-шектинского рода, а также был назначен помощником иргизского уездного начальника. В 1873 г. он принимал участие в хивинском походе в составе оренбургского отряда. За этот поход его удостоили золотой медалью «За усердие». ¹²⁷

Прожив более 80 лет, Есет Котибаров скончался и был похоронен на родовом кладбище в местности Шолакжиде недалеко от станции Шалкар в Актюбинской области.

Другая историческая личность — Жанхожа Нурмухамедов (1780—1860 гг.) возглавлял освободительную борьбу казахов в Приаралье против хивинского и российского колониализма.

Жанхожа Нурмухамедов являлся крупной исторической личностью, посвятившей всю свою жизнь делу независимости приаральских казахов. Он являлся продолжателем дела Арынгазы Абулгазиева, который боролся с деспотизмом Хивы в первой четверти XIX в. В 1836 г. Жанхожа со своими воинами начал борьбу с хивинскими регулярными войсками, дислоцировавшимися между Амударьей и Сырдарьей. Осенью 1842 г. его войска разгромили крупный хивинский форпост Бес-кала и пленили коменданта города Бабажана, а также его сына Майкара. Бабажан за жестокое обращение с казахами был посажен на кол, а его сын ввиду молодости был отпущен. ¹²⁸ В 1843 г. отряд Жанхожи разрушил хивинскую крепость на Кувандарье, а весной 1845 г. разбил хивинский отряд, численностью до 2 тыс. человек, который был выслан хивинским ханом для восстановления разрушенных крепостей в низовьях Сырдарьи. Об этом Жанхожа сообщил начальнику Оренбургского укрепления: «Хивинцы на нашей земле

построили укрепление, но мы разрушили его, а при стычке многих хивинцев убили, некоторых прогнали в Хиву».¹²⁹

Совместно с Кенесары Касымовым Жанхожа нападал на кокандские военные укрепления, которые располагались в низовьях Сырдарьи: Жанакорган, Кумыскорган, Шымкорган, Коскорган. В 1845 г. по просьбе Кенесары Жанхожа участвовал во взятии кокандской крепости Сузак.

«В 1846 г. после одного из таких нападений хивинских отрядов, которое Жанхожа не мог отразить, он писал пограничным русским властям: «Теперь мы идем к Иргизу, потому что в сердце нашем нет черной тени к дружественной связи с Вами». Дальше он сообщал, что «готовится к походу на хивинцев, потому что всякое время видит притеснение от них». При этом батыр просил оказать ему помощь в борьбе против Хивы.¹³⁰ В 1847 г. Жанхожа с многочисленным отрядом разрушил хивинскую крепость Кожаниязка, а крепостной гарнизон был разгромлен.

Завоевание Россией Приаралья не облегчило участи народных масс. Увеличение налогов в два раза, изъятия у казахов поливных земель в пользу переселенцев и чиновников все больше убеждали казахских шаруа, что российский колониализм несколько не лучше, чем колониализм хивинских сатрапов.

Поводом к выступлению явилось ущемление царскими чиновниками интересов и самолюбия некоторых представителей родовой верхушки сырдарьинских казахов, таких как Жанхожа Нурмухамедов, Султан Бури и др. Например, переводчик Ахметов послал группу своих приспешников в аул Ж. Нурмухамедова, приказав собрать и здесь «подарки» в свою пользу. Но батыр не позволил производить какой-либо сбор, заявив, что подобный сбор ни в коем случае не должен иметь место по российскому закону. Ахметов, рассерженный противодействием Жанхожи, явился в аул сам и стал взыскивать штраф «за сопротивление его приказаниям». И Ж. Нурмухамедов решил лично возглавить движение недовольных казахов.

В декабре 1856 г. началась вооруженная борьба сырдарьинских казахов. К середине декабря восставших насчитывалось до 3 тыс. человек. Центром восстания была бывшая хивинская крепость Джанкала. Начальник Уральского укрепления Михайлов в своем донесении сообщал начальнику Сырдарьинской линии Фитингофу, что в «шайках Жанхожи карасакаловцы, кишкене-шектины и часть турткаринцев».¹³¹ Эти роды относились к алимулинскому племени. К повстанцам почти накануне боя (9 января 1857 г.) присоединилось несколько сот казахов из рода шекты.

Во главе повстанцев стоял уже упомянутый крупный родовой вожак кишкене-шектинского рода, престарелый батыр Жанхожа Нурмухамедов. Его сподвижниками были крупные феодалы: Султан Бури, Дабыл, Ходжа Баймухамед и др. В этом восстании участвовали не только представители шектинов, но и других родов, расселенных в низовьях Сырдарьи.

Значительную часть восставших составляли пешие. Наличие в рядах повстанцев безлошадных казахов характеризует социальный состав участников восстания. Они были вооружены мотыгами, сойылами, кетменями и лишь немногие имели огнестрельное оружие — мылтыки.

В середине декабря 1856 г. Жанхожа имел до 1500 повстанцев. Он организовал несколько подвижных отрядов в среднем по 150—200 человек,

которые были расставлены недалеко от русских крепостей форта № 1 и форта Перовского и неожиданно нападали на Сырдарьинскую линию. В конце декабря 1856 г. Казалинск был осажден повстанцами.

28 декабря начальник форта доносил Перовскому: «В настоящее время, кроме северной стороны, форт окружен повсюду рассеянными шайками мятежных киргиз, которые при всяком движении нашего отряда отходят в глубь степи, и потому гарнизон находится в постоянной готовности встретить нападение хищников на крепость и потом деятельно заниматься перевозкою сена и приведением слабых частей форта в оборонительное положение».¹³² Обеспокоенный вспыхнувшим восстанием оренбургский генерал-губернатор Перовский отдал распоряжение командующему Сырдарьинской линией Фитингофу немедленно выслать в поход войска на подавление восстания.

Оруженосец
(с картины худ. М.С. Знаменского).

Повстанцы под предводительством Жанхожи тщательно готовились к нападению на форт Казалинск. В январе 1857 г. действовало 5 тыс. повстанцев.

Выполняя указание Перовского, отряд Фитингофа выступил 9 января. В его состав входили 300 казаков, 320 человек пехоты, из них 54 вооруженных штуцерами при одной пушке и двух ракетных станках.¹³³ Столкновение с повстанцами произошло в тот же день в урочище Арык-Балык. Засевшие в камышах, в тылу карательного отряда, казахские стрелки открыли прицельную стрельбу.

В два часа дня отряд Фитингофа перешел в наступление и произошла рукопашная схватка, в результате которой основные силы повстанцев потерпели поражение, их аулы были жестоко разграблены. Казачьи отряды отбирали у жителей скот, только крупного рогатого скота было захвачено более 20 тыс. голов.

Причиной поражения повстанцев являлась плохая вооруженность и устаревшая военная тактика. Несмотря на превосходство в численности, 5-тысячный отряд повстанцев не смог разгромить небольшой отряд Фитингофа.

В подавлении восстания принимали участие и некоторые казахские феодалы: бии, султаны. Так, в составе отряда Фитингофа находился Ирмухамед (Елекей) Касымов с отрядом в несколько сот человек. Он принимал самое активное участие в подавлении восстания. Касымов был не одинок. После подавления восстания в 1857 г. эти казахские феодалы были представлены к наградам. Бий Сеил Байкадамов за усердие, проявленное в карательной экспедиции, получил благодарность и был представлен к награждению серебряной медалью на анненской ленте. Бий Ульбубек Таимов был награжден серебряным перстнем и т.д.

Нетрудно понять, какую неблагодарную роль играли вышеназванные казахские феодалы. Они хорошо знали местность низовьев Сырдарьи и психологию повстанцев. Такая помощь была неоценима для царских чиновников.

После разгрома восстания двойной колониальный гнет на Сырдарье еще более усилился. На подвластной Сырдарьинской линии территории действовали карательные отряды. Многие казахские султаны, старшины, бии перешли на службу царизму, являлись послушными исполнителями воли пограничного начальства, проводниками царской колониальной политики в низовьях Сырдарьи.

Опираясь на некоторую местную родовую феодальную верхушку, пограничная власть жестоко расправлялась с оставшимися участниками восстания. Казахские аулы были жестоко разграблены войсками. Отдельные казачьи отряды разъезжали по аулам и отбирали у жителей скот. Среди казахов начался голод и погибло много людей. В 1860 г. «...я имел случай убедиться, — писал Л. Мейер, — что на всей территории Яныдарьи почти весь скот был уничтожен, и люди надеялись около русских фортов чем-нибудь прокормиться. Другая часть несчастных ограбленных ушла в Хиву».¹³⁴

Восстание казахов Приаралья было локальным народным выступлением. В нем участвовала значительная часть казахов, относящихся к различным родам. Среди восставших преобладали казахи, принадлежащие к родам кишкене-шекты. Восстание следует считать прогрессивным, ибо оно было направлено против колониального гнета.

Во главе восстания стоял испытанный в борьбе предводитель Жанхожа Нурмухамедов, который отличался своим непримиримым отношением к иноземным колонизаторам. Всю сознательную и долголетнюю жизнь он посвятил независимости казахов Приаралья. После подавления восстания сырдарьинских казахов, царская администрация направила специальный карательный отряд для уничтожения Жанхожи Нурмухамедова. В 1860 г. этот отряд внезапно окружил аул Жанхожи, находившийся в Кызылкумах, недалеко от Джакаринского озера, и на месте убил 80-летнего Ж. Нурмухамедова. Его аул был разграблен. Было угнано 130 верблюдов, 115 лошадей, 216 голов крупного рогатого скота и 2234 овец.¹³⁵

¹ *Есмагамбетов К. Л.* Что писали о нас на Западе. А., 1992, с. 28–29.

² *Elton J., Graeme M. A.* Journey through Russia into Persia by two English Gentlemen. L. 1742; *Castle J.* Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abulgeier-Chan der Kirgis-Kaysack Tar-tarischen Horda // Materialien zu der Russischen Geschichte seit Tode Kaisers Peter des Grossen, Zibeiter Teil 1730-1741. Riga. 1784; *Cook J.* Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary and part of the Kingdom of Persia: In 2 parts. Edinburgh. 1770; *Hanway J.* An hisstorical account of the British trade over the Caspian Sea: with a jornal of travels from London through Rissia into Persia and back. t. 1-4. L. 1753; *Есмагамбетов К. Л.* Указ. работа, с. 29–35.

³ *Urquart D.* England, France, Russia and Turkey. L., 1834; *Ежусд.* Progress and Present position of Russia in the East. L., 1838; *Ежусд.* Progress of Russis in the West, North and South. L., 1853; *Хидоятов Г.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.). Ташкент, 1969, с. 28–29.

⁴ *Puryear V. J.* International Economica and Diplomacy in the Near East. A study of British commercial Policy in the Levant 1834–1853. L., 1936, p. 23-24, 27; *Ежусд.* England, Russia and the

Straits Question 1844–1856. Berkeley. 1931, p. 114–116; *Киняпина Н. С., Блудов М. М., Дегзаев К. В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII–80-е гг. XIX вв. М., 1984, с. 150–151.

⁵ *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб. 1906, с. 120; *Халфин Н. А.* Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х гг. XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР. 1958, №2, — с. 109, 111.

⁶ *Халфин Н. А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX века). Ташкент, 1957, с. 18.

⁷ *Маннанов Б. С.* Современная буржуазная историография о некоторых аспектах истории англо-русских отношений на Среднем Востоке (из истории «Большой игры»)/Фальсификаторы истории. Ташкент, 1985, с. 65–66; Записки о Бухарском ханстве. (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). Сер. «Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века». М., 1983, с. 24–25, 110.

⁸ *Бернс А.* Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию. Пер. с англ., т. 3. М. 1849; *Wood H.* The Shores of Lake Aral. L., 1876.

⁹ *Киняпина Н. С. и др.* Кавказ и Средняя Азия, с. 235; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 126–127; *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 89–106.

¹⁰ *Киняпина Н. С. и др.* Кавказ и Средняя Азия, с. 238.

¹¹ Записки о Бухарском ханстве, с. 17–83 (записки П. И. Демезона); с. 84–129 (Записки И. В. Виткевича); *Залесов Н.* Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 году // Военный сборник. 1861, т. 26. № 11, с. 41–92; *Его же.* Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 г. // Военный сборник. 1866, № 5, с. 40–71.

¹² *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. т. 1; *Попов А. Л.* Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. 1940, № 7, с. 198–242.

¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 616.

¹⁴ *Макшеев А. И.* Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896, с. 20.

¹⁵ *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, с. 51.

¹⁶ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, л. 365, л. 20.

¹⁷ Там же, л. 22.

¹⁸ *Мейер Л.* Указ. работа, с. 54.

¹⁹ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 1988, л. 16.

²⁰ ЦГА РУз., ф. 715, оп. 2, д. 2, л. 57.

²¹ ЦГИА, ф. 1263, оп. 6, д. 50, л. 73.

²² ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 2451, л. 2.

²³ Там же, ф. 383, оп. 1, д. 4, л. 3; *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 121–164; *Шоинбаев Т. Ж.* Добровольное вхождение казахских земель в состав России. А., 1982, с. 92–119.

²⁴ Дневные записки плавания А. И. Бутакова по Аральскому морю в 1848–1849 гг. Ташкент, 1953, с. 26.

²⁵ Там же, с. 27.

²⁶ Там же, с. 39.

²⁷ *Талкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868, с. 186.

²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 2, д. 4, лл. 273–277.

²⁹ Там же, лл. 318–319.

³⁰ *Гиршфельд и Галкин.* Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ч. 1. Ташкент, 1902.

³¹ РГВИА, ф. ВУА, оп. 2, д. 4, лл. 290–292.

- ³² ЦГА РК, ф. 383, оп. 1, д. 82, лл. 4–5.
- ³³ ЦГА РК, ф. 267, оп. 1, д. 67, л. 10.
- ³⁴ Там же, л. 12.
- ³⁵ Там же, л. 39.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же, л. 40.
- ³⁸ ЦГВИА, ф. 483, оп. 4, д. 117, л. 18.
- ³⁹ Там же, ф. ВУА, д. 67, л. 91.
- ⁴⁰ ЦГА РК, ф. 78, оп. 1, д. 74, л. 6–7.
- ⁴¹ Там же, ф. 267, оп. 1, д. 74, лл. 40–46.
- ⁴² ЦГИА РФ, ф. 1284, оп. 223, д. 178, л. 10.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Военный сборник. СПб., 1916. № 1, с. 6–7.
- ⁴⁵ Залесов Н. Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатъева в 1858 году //Русский вестник. 1871. № 3, с. 72.
- ⁴⁶ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сборник II. Под редакцией проф. С. Д. Асфендиярова. А., — М., 1936, с. 126.
- ⁴⁷ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах, т. 3. А., 1979, с. 187–191.
- ⁴⁸ Павлов Н. История Туркестана. Ташкент, 1910, с. 85–86.
- ⁴⁹ Военный сборник. 1872, т. 6, с. 5; Пичугин. Вторжение кокандцев в Алатауский округ в 1860 г. Бекназаров Р. Оңтүстік Қазақстан тарихының очеркі (XVIII–XIX ғғ.). А., 1976, с. 299–300.
- ⁵⁰ Бекназаров Р. Указ. работа, с. 281–282.
- ⁵¹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб, 1906, с. 252–259; История Казахской ССР. Т. 3, с. 190–191.
- ⁵² Терентьев М. А. Указ. работа, с. 253.
- ⁵³ ЦГА РУз., ф. 715, оп. 1, д. 25, л. 263; Бекназаров Р. Указ. работа, с. 302.
- ⁵⁴ Бекназаров Р. Указ. работа, с. 303.
- ⁵⁵ Терентьев М. А. Указ. работа, с. 252.
- ⁵⁶ Военный сборник. 1916, № 6, с. 3–7 (Борьба с кокандцами за позицию на Сырдарье); Бекназаров Р. Указ. работа, с. 29.
- ⁵⁷ Терентьев М. А. Указ. работа, с. 258–259.
- ⁵⁸ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М., 1965, с. 140–150.
- ⁵⁹ Киняпина Н. С. и др. Кавказ и Средняя Азия, с. 271–272.
- ⁶⁰ АВГР, ф. ГА 1–9, оп. 8. 1852–1859 гг., д. 8.4.1, л. 250–250 об.
- ⁶¹ Там же, д. 25, док. 146.
- ⁶² АВГР, ф. ГА 1–9, оп. 8, д. 20, л. 2 об.
- ⁶³ РГВИА, ф. 483, д. 62, л. 42 об. 77 об.
- ⁶⁴ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. № 1. СПб., 1906, с. 273–274.
- ⁶⁵ Письмо адмирала Бутакова к князю А. И. Барятинскому с заметками М. Г. Черняева //Русский архив. 1899. Кн. 3, с. 476–480; Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии, с. 180.
- ⁶⁶ КРО-2, А., 1964. с. 497–498.
- ⁶⁷ Бартольд В. В. Туземец о русском завоевании //Бартольд В. В. Соч., т. 2, ч. 2, с. 342–343; Русский Туркестан. Приложение к третьему выпуску сборника «Русский Туркестан». Ташкент, 1913, с. 69.
- ⁶⁸ ЦГА РУ, ф. 715, оп. 1, д. 26а, док. 78.
- ⁶⁹ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии, с. 151.
- ⁷⁰ Туркестанский край. Сборник материалов истории его завоевания. Сост. А. Г. Серебренников. Т. 17 (1864). ч. 1. Ташкент, 1914, с. 4.
- ⁷¹ Бейсембиев Т. К. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. А., 1987, с. 131.

- ⁷² Туркестанский край. Сборник материалов истории его завоевания. Сост. А. Г. Серебренников. Т. 17, ч. 1. Ташкент, 1914, с. 53.
- ⁷³ Там же, с. 78.
- ⁷⁴ Русский Туркестан, с. 50; Военные действия Захуйского экспедиционного отряда летом 1864 года // Инженерный журнал. 1865. № 3, с. 334–351.
- ⁷⁵ Там же, с. 54.
- ⁷⁶ Русский Туркестан, с. 69.
- ⁷⁷ Туркестанский край, т. 17, ч. 2, с. 76.
- ⁷⁸ Доминирование прорусской ориентации среди казахов южной части региона в 1861–1864 гг. однозначно констатируют как русские, так и собственно кокандские источники, исходящие от непосредственных свидетелей события и задействованных в них лиц. См.: *Бейсембиев Т. К.* «Тарих-и Шахрухи», с. 126–127; *Набиев Р. Н.* Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973, с. 58, 68; *Соколов Ю.* Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965, с. 136–137.
- ⁷⁹ ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, д. 28, л. 177; *Әблдахлы Б.* Байзак-датка. А., 1995, с. 147.
- ⁸⁰ *Веселовский Н. И.* Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. СПб., 1894, с. 16; *Кенесарин А.* Султаны Кенесары и Сыздык (с прим. Е. Т. Смирнова). А., 1992, с. 97.
- ⁸¹ *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, с. 285.
- ⁸² *Черняев М. Г.* Султаны Кенесары и Сыздык // Русский вестник. 1889. № 8, с. 35.
- ⁸³ КРО-2, с. 517; *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, с. 285; *Кенесарин А.* Султаны Кенесары и Сыздык, с. 134.
- ⁸⁴ *Бартольд В. В.* Туземец о русском завоевании, с. 346.
- ⁸⁵ Русский Туркестан, с. 68.
- ⁸⁶ Там же, с. 70.
- ⁸⁷ *Веселовский Н. И.* Киргизский рассказ, с. 27.
- ⁸⁸ *Бейсембиев Т. К.* «Тарих-и Шахрухи», с. 81–82.
- ⁸⁹ Русский Туркестан, с. 72.
- ⁹⁰ *Наливкин В. П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань. 1886, с. 201.
- ⁹¹ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сборник второй. Издание второе. А., 1998, с. 125–126.
- ⁹² *Терентьев М. А.* Указ. работа, с. 294–295.
- ⁹³ *Гейнс А. Р.* Собрание литературных трудов, т. 2, с. 355.
- ⁹⁴ *Наливкин В. П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, с. 201.
- ⁹⁵ Туркестанский сборник, т. 14, с. 82; *Пашино П. И.* Путевые заметки; *Бекназаров Р.* Указ. работа, с. 310.
- ⁹⁶ Прошлое Казахстана в источниках и материалах, с. 291.
- ⁹⁷ АВПР, ф. ГА 1–9, 1862 г., д. 15, ч. II, л. 6 об.
- ⁹⁸ *Киняпин Н. С.* Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50–80-е гг. XIX в.) // Вопросы истории. 1974, № 2, с. 45.
- ⁹⁹ *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России, с. 195. Подробнее о событиях в Ташкенте см.: *Соколов Ю. А.* Ташкент, 1965.
- ¹⁰⁰ *Шалкенов У. Х.* Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966, с. 45.
- ¹⁰¹ *Мейер Л.* Указ. работа, с. 68.
- ¹⁰² *Макшеев А. И.* Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю, СПб., 1896, с. 19.
- ¹⁰³ Там же, с. 20.
- ¹⁰⁴ Военный сборник. 1864. № 4, с. 117–118.
- ¹⁰⁵ ЦГА РК, ф. 383, оп. 1, д. 4, л. 3.
- ¹⁰⁶ Сборник литературных трудов А. К. Гейнса. СПб., 1898, с. 666.
- ¹⁰⁷ История Казахской ССР. А., 1979, т. 3, с. 176.
- ¹⁰⁸ Сборник литературных трудов А. К. Гейнса, с. 39.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 674.
- ¹¹⁰ Там же, с. 674.

- ¹¹¹ ЦГА РК, ф. 383, оп. 1, д. 166, л. 16 и об.
- ¹¹² *Там же*, ф. 1442, оп. 1, д. 2, л. 9.
- ¹¹³ *Шахматов В.* Есет Кутибаров //Известия Каз. филиала АН СССР, сер. ист. 1946. Вып. 2, с. 114.
- ¹¹⁴ История Казахской ССР, с. 343.
- ¹¹⁵ *Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего времени. СПб., 1887, с. 20.
- ¹¹⁶ *Там же.*
- ¹¹⁷ *Шоинбаев Т. Ж.* Восстание сырдарьинских казахов под руководством Жанхожи Нурмухамедова (1856—1857). А., 1949, с. 47.
- ¹¹⁸ *Григорьев В. В.* Среднеазиатские дела. М., 1865, с. 25.
- ¹¹⁹ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 4144, лл. 539—549.
- ¹²⁰ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. второй, под ред. С. Д. Асфендиарова. А., 1936, с. 227.
- ¹²¹ История Казахской ССР. А., 1957, т. 1, с. 346—347.
- ¹²² РГВИА, ф. 1442, оп. 1, д. 4, лл. 48—51.
- ¹²³ ЦГА РК, ф. 383, оп. 1, д. 14, л. 63 и об.
- ¹²⁴ РГВИА, ф. ВУА, оп. 2, д. 94, лл. 273—277.
- ¹²⁵ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 4414, л. 357.
- ¹²⁶ *Григорьев В. В.* Среднеазиатские дела. М., 1865, с. 25.
- ¹²⁷ Казак Совет энциклопедиясы. А. 1970, т. 4, с. 188—189.
- ¹²⁸ *Оспанов А.* Жанкожа батыр. А., 1992. Кн. 1, с. 104.
- ¹²⁹ *Шоинбаев Т. Ж.* Указ. работа, с. 47.
- ¹³⁰ *Там же.*
- ¹³¹ ЦГА РК, ф. 1439, оп. 1, д. 56, л. 37.
- ¹³² ЦГА РК, ф. 1441, оп. 71, д. 2, лл. 35—40.
- ¹³³ *Там же.*
- ¹³⁴ *Мейер Л.* Указ. работа, с. 33.
- ¹³⁵ *Там же*, с. 84—85.

Глава одиннадцатая

КУЛЬТУРА КАЗАХСТАНА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХОВ В XVIII–XIX вв.

Состояние материальной культуры казахов в XVIII–XIX вв. определялось уровнем экономического развития общества. На весь ход его развития накладывало свой отпечаток кочевое скотоводство как главный фактор в развитии экономики казахов-кочевников. Немаловажное значение в этом отношении имело также развитие земледелия, торговли и прогрессивное влияние соседних народов.

Одним из важных элементов материальной культуры казахов являются орудия труда, связанные со скотоводством и земледелием, домашними промыслами и ремеслом. Кочевое скотоводство не требовало сложных орудий труда. Для ловли лошадей пользовались укрюками (кұрық), арканами; из кожи или конского волоса сами делали путы (тұсау) и треножники (шідер), для привязи жеребят и верблюжат готовили толстые арканы (желі), недоузки (нокта), привязь для ягнят (көген); различные сбруи для верховой езды; для водопоя скота изготавливали бадью (қауға), корыта (астау), ножницы для стрижки овец (қырықтық) и т. д. Все эти примитивные орудия труда, за исключением верховой сбруи, изготавливались самими скотоводами. В конце XVIII в. в Казахской степи постепенно распространялась русская коса-литовка для заготовки сена на зиму. В середине XIX в. кроме косы-литовки широкое распространение получили и покупные железные вилы.

На территории Казахстана издавна существовали древние очаги поливного и богарного земледелия. В связи с этим у казахов бытовали примитивные виды орудий земледелия. Так, к пахотным орудиям относятся соха (тісағаш), борона-жердь (мала); уборочным – серп (орак), деревянные вилы (аша), деревянные лопаты (күрек), метелки из прутьев (шар сыпыртқы); для полива пашни пользовались различными водоподъемными приспособлениями (атпа, шығыр), кетменями и лопатами, которые делали местные мастера.

Основные орудия труда у казахов, связанные со скотоводством и земледелием, за исключением верховой сбруи, для всей территории Казахстана были идентичными.

Казахские седла как по внешней форме, так и по технике изготовления имели свои местные особенности, по которым можно определить их типы с соответствующей терминологией. Самым распространенным видом сед-

ла является т. н. «казахское седло» с широкой передней лопастью, выточенной из березы. Такие ленчики состояли из пяти составных частей — из передней и задней лук (алдынгы кас, арткы кас), из двух боковых планок (каптал) и из средней планки (орта ағаш). Деревянную основу ленчиков тщательно обрабатывали, а зажиточные слои населения богато украшали её серебром, позолотой и цветными камнями. Особенно роскошно украшались женские седла.

В Южном Казахстане был распространен вид седла — т.н. «құрамды ер» (составное седло), которое состояло из 22 составных частей и каждый из этих элементов имел свои названия. Все эти части соединялись при помощи клея, обтягивались сверху верблюжьей кожей (көн) или волокнами сухожилий (тарамыс) и берестой, украшались серебром и позолотой.

Изготовление верховой конской сбруи было делом особых мастеров (ерші), которые работали как у себя дома, так и у заказчиков. Они делали не только ленчики, но и весь комплекс (потник — токым, подхвостник — кұйыскан, нагрудник — өмілдірік, узду — жүген, подпруги — айыл, тартпа, стремена — үзенгі, таралғы, плети — камшы и т. д.) конской сбруи и богато их украшали.

Самым доступным видом оружия являлся трехметровый «сойыл» (жердь), затем двухметровый «шокпар» (в виде длинной булавы из крепкого дерева — ырғай). Наиболее состоятельные казахи имели боевой топор (айбалта), лук (садак) со стрелами (ок) и колчаном (корамсак). Влиятельные предводители и батыры имели панцирь (сауыт), щит (калкан), саблю (кылыш, наркескен, селебе, сапы) и копье (найза, сүнгі) с металлическими наконечниками. Очень редко бытовали среди казахской знати самодельные фитильные ружья. До середины XIX в. во время охоты применялся лук (садак), но во второй половине XIX в. лук со стрелами почти исчез из быта казахов. Зато в это время несколько увеличивается число различных огнестрельных ружей, приобретаемых в России и Центральной Азии.

Господство кочевого натурального хозяйства у казахов способствовало развитию различных видов домашнего ремесла: ткачества, кошмоvalяния, обработки дерева, металла, кожи и рогов.

Ткачеством и кошмоvalением занимались преимущественно женщины, которые изготавливали в основном мягкие предметы домашнего убранства: ковры (кілем), паласы (алаша), армячины (шекпен), различные ленты для юрты (басқұр, бау), войлочные ковры (текемет, тускиіз, сырмак), войлочные мешки (аяккап) и т. д.

С обработкой дерева, кости, рогов и кожи связана деятельность мужчин-мастеров по изготовлению деревянного остова юрты (үйші), седла (ерші), кузнецов и ювелиров (ұста, зергер), сапожников (етікші) и т. д. Имея довольно примитивные орудия труда мастера-ремесленники создавали различные предметы быта и культуры, являющиеся шедеврами прикладного искусства у казахов.

Основным видом жилища у кочевых казахов была войлочная переносная юрта (киіз үй). Это одно из древнейших жилищ кочевников Евразии. В условиях кочевой жизни юрта была очень удобной формой жилища. Она легко и быстро ставится и разбирается, удобна для выючной перевозки, летом в ней прохладно, а зимой тепло.

Типы казахских юрт определялись главным образом их величиной, т. е. количеством боковых решеток (кереге), которые в собранной юрте именовались крыльями (канат). Количество канатов доходило от 4-х до 12-ти и более.

По внешней форме казахские юрты были куполообразными и коническими. Первые были распространены в западном, северном, центральном и восточном, а последние в южном и юго-восточном регионах Казахстана. Подобные формы казахской юрты зависели от величины верхнего круга (шанырак) и более и менее выгнутых нижних концов купольных реек (уык).

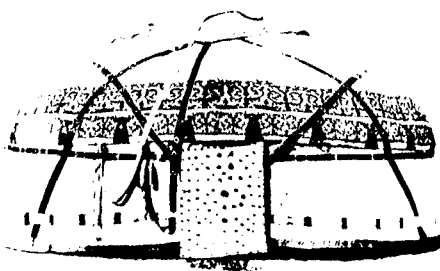
Деревянный остов юрты состоит из решетчатой стены (кереге), купольных реек (уык), купольного круга (шанырак) и навесной войлочной двери (есік) с дверными рамами (босаға).

Войлочный покров юрты состоит из 3—4 прямоугольных кусков войлока (туырлык) для покрытия стен, из 2—3 трапециевидных кусков войлока (үзік) для покрытия купольной части и из квадратного куска (түндік) для покрытия купольного круга и навесной войлочной двери (есік). Войлочный покров юрты изготавливается преимущественно из белой овечьей шерсти.

По долинам рек и горным ущельям, где находились зимние стоянки, строился постоянный тип казахских жилищ. Это были юртообразные наземные строения из камня (шошала), из камыша (доғара), прямоугольные землянки и полуземлянки (жер-кепе, жертөле), наземные прямоугольные жилища из дерна (шым үй) и глинобитные строения (сокпа там). В лесных районах Казахстана появились деревянные шестигранные шошала и однокамерные избы русского типа.

Развитие оседлого жилища на зимовках, увеличение количества помещений и влияние русской культуры внесли значительные изменения в убранстве жилого помещения. Кроме традиционных деревянных ящиков — кебеже, подставок для мягких вещей — «жүк-аяк» и старинных кроватей без спинок — «төс ағаш», появились в быту казахов застекленные посудные шкафчики, деревянные кровати со спинками, различной величины сундуки с внутренними замками.

Казахская национальная одежда сохранила свои самобытные этнографические черты. Основным материалом для одежды служила шерсть и кожа домашних животных. Значительную часть одежды шили из хлопчатобумажных, шелковых и др. тканей. Изменения коснулись покроя и форм национальной одежды. Мужчины носили длинные рубахи (көйлек) туникообразного покроя, с вертикальным разрезом на груди и довольно широким отложным воротником. Мужские нижние штаны (дамбал) шились из белой бумажной ткани, с широким шагом и совершенно глухим в поясе. Верхние шаровары (шалбар), сшитые из армячины, по своему крою были аналогичны нижним, но гораздо шире и свободнее. Кроме того,

Казахская юрта.

летом носили шаровары из выделанной козлиной кожи, типа замши; нижние концы штанов были с небольшими разрезами с боков и украшались вышивкой. Наиболее распространенным видом верхней одежды мужчин являлся чапан, который в большинстве случаев изготовлялся из защитной фабричной ткани, а зажиточные казахи шили из разноцветного бухарского шелка, бархата с матерчатой подкладкой. Чапаны были летние и зимние.

Казахи изготовляли также красивые мауыты шапан и мауыты шекпен. Их шили из тонкой верблюжьей армячины с боковыми орнаментированными разрезами снизу.

Одним из универсальных видов верхней одежды, носимой преимущественно осенью и зимой мужчинами всех возрастов, был шекпен, который шили из домотканного верблюжьего или овечьего сукна. Летний шекпен изготовлялся более легким и коротким.

Самым древним видом зимней верхней одежды казахов, широко бытовавшим во всех областях Казахстана, являлся күпі, изготовлявшийся из верблюжьей или овечьей шерсти весенней стрижки (жабағы жүн), которую простегивали узкими полосами сверху вниз. Покрывали ее тканью разного качества, нередко и армячиной (шидем күпі).

К числу более дорогой верхней зимней одежды относится шуба (ішік) из различных мехов зверей и домашних животных. Основная масса казахского населения довольствовалась шубами из мерлушек (елтірі ішік) и из шкур 4-месячных ягнят (сенсен ішік) Все эти виды шуб непременно покрывались различной тканью в зависимости от состоятельности владельца,

Очень распространенным и всем доступным видом зимней одежды у казахов были выделанные из овчины полушубки (тон), сшитые шерстью вовнутрь.

Широко бытовали у казахов несколько разновидностей зимней кожаной одежды для мужчин — т. н. жарғақ. Он был трех типов: тақыр жарғақ, құлын жарғақ и тайжақы. Казахские баи носили т. н. тақыр жарғақ из самодельной замши, выделанной из шкур взрослого козла (серке), который нередко расшивался сверху шелковыми вышивками. Құлын жарғақ — это тип дохи из жеребьячьих шкур шерстью снаружи. Для этого подбирали шкуры только одной масти, преимущественно черной, нередко они шились на матерчатой подкладке. Для табунщиков изготовляли т. н. тайжақы — большой тулуп из шкур годовалого стригуна, шерстью снаружи и без подкладки. Все эти виды жарғаков отличались свободным кроєм, чтобы можно было их одевать поверх теплой зимней одежды.

Основной обувью у казахов были кожаные сапоги, ичиги с калошами (кебіс). В XVIII в. бытовали у казахов летние сапоги с высоким каблучком и загнутым вверх острым носом, но во второй половине XIX века они встречались редко. Основной зимней обувью мужчин всех возрастов были высокие сапоги с войлочным чулком (саптама етік) на низком и широком каблучке. Более зажиточные казахи зимой и летом носили мягкие кожаные ичиги (мәсі) с кожаными калошами (кебіс). Все эти виды обуви шили на одну колодку без различия на левую или правую ногу. Все взрослые мужчины носили на бритой голове маленькую шапочку — тюбетейку (такия). Сверху тюбетейки надевали шапку (бөрік) с плоским верхом и с меховым околышем. Соответственно с используемым мехом подобные шапки так и назывались — из лисьих лапок (бұшпак бөрік), из шкур куницы (сусар

бөрік), из мерлушки (елтірі бөрік) и т. д. Кроме того, в летнее время поверх тюбетейки надевали белые войлочные шляпы (калпак) с высокой макушкой.

Самым распространенным по всей территории Казахстана зимней шапкой у казахов был тымак. Состоял он из тульи (төбе) и четырех больших лопастей. Лопасти обшивали лисьим мехом или мерлушкой. Тымак был наиболее надежным зимним головным убором мужчин.

Женский костюм имел много общего с мужским как по покрою отдельных видов одежды, так и по материалу, который шел на их изготовление.

Женские рубахи шили туникообразными, т. е. без шва на плече, с широким отложным воротником и длинными широкими рукавами. Грудной разрез украшался вышитым «өңір». Платье девушки или молодой женщины отличалось от рубахи пожилой женщины, как по покрою, так и по материалу. Оно шилось с оборкой (қос етек), со стоячим воротником, с планкой, застегиваемой на пуговицы. Рукава суживались к кистям. Женщины всех возрастов носили поверх рубахи безрукавки — женсіз камзол, сшитый из разной фабричной ткани, исходя из достатка и возраста женщины. Сверху безрукавки женщины также носили камзолы с рукавами (женді камзол), по покрою не отличавшиеся от мужских камзолов.

Верхней женской одеждой служили халаты наподобие мужских. Состоятельные женщины имели шелковые чапаны с ложными рукавами. Женские шубы (ішік) отличались от мужских только тем, что у них оторачивались воротники.

Женский кожаный широкий пояс (кемер белбеу) богато украшался серебром, позолотой, драгоценными камнями и цветными стеклами. Застегивался он специальной металлической пряжкой тонкой ювелирной работы или перламутровыми пуговицами.

Обувью женщин всех возрастов в основном были ичиги (мәсі) и калоши (кебіс). Девушки и молодухи нередко носили легкие сапожки на высоких каблуках с острыми слегка загнутыми кверху носками.

Женские головные уборы, в зависимости от возраста женщины и ее положения в семье редко отличались один от другого. Летом девушки носили сшитую из цветного плиса, шелка и бархата тюбетейку (такия) круглой формы с плоским верхом, которая богато украшалась орнаментальной вышивкой. Зимняя девичья шапочка (бөрік) отделялась широкой оторочкой из меха выдры, бобра, куницы и мерлушки. Самым дорогим женским головным убором считался свадебный головной убор невесты — саукеке, который богато украшался драгоценными металлами, камнями и мехом.

Основной головной убор замужней женщины — кимешек — изготовлялся из белой бумажной ткани.

Казахские женщины из зажиточных семей носили множество украшений из серебра и золота, дорогих камней и перламутра. Это дорогостоящие кольца, перстни, браслеты, серьги, различные подвески к косам и одежде, ожерелья и бусы, нагрудные украшения и т. д.

Скотоводческий быт казахов отчетливо проявлялся в их пище и утвари. Основным питанием являлись мясо-молочные продукты. Только для бедных семейств, не имеющих достаточного поголовья скота, сельскохозяйственные продукты имели решающее значение. Зимой казахи питались преимущественно мясом, мучными изделиями, сушеными сырами и т. д. В конце ноября и начале декабря казахи заготавливали мясо на всю зиму,

что называлось «соғым». В виде колбас из конского ребра готовили казы, карта, из мелких кусков мяса и сала — шұжык. Излюбленный напиток казахов — кумыс изготавливался из кобыльего молока путем заквашивания свежего молока в специальной кожаной посуде (саба).

Из верблюжьего молока готовили питательный заквашенный напиток — шубат. В северных районах Казахстана его называли просто верблюжьим кумысом, а в южных — кымран.

Из кипяченого молока готовили кислое молоко — катык, айран для повседневного употребления. Излишки кислого молока сливали в деревянную кадушку (күбі), что называлось іркіт. Иркіт кипятили в большом казане до загустения. Этот сгусток процеживался в мешке, получали творожную массу и из нее сушили сырки на зиму — құрт, сыкпа и ежігей.

Из цельного молока казахи делали творог — ірімшік. Для этого парное молоко кипятили с закваской до свертывания. Полученный белый творог (ақ ірімшік) заправляли солью и сливочным маслом и подавали на стол.

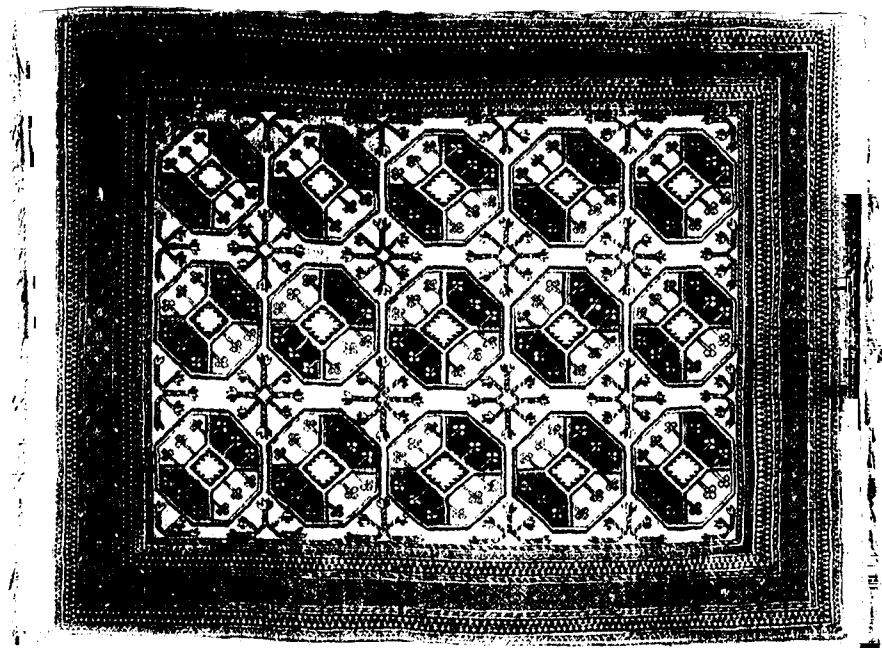
Бытовали у казахов еще некоторые виды молочной пищи, приготавливаемые из овечьего молока в полевых условиях пастухами отары — койыртпак и корыктык. Уходя утром с отарой, пастухи брали с собой немного кумыса, а в поле, подоив овец, сливали молоко в торсык с кумысом. К вечеру из этой смеси получался очень питательный напиток — т. н. койыртпак, который употреблялся как в горячем, так и в холодном виде.

Развитие среди казахов земледельческого хозяйства привело к значительному употреблению в пищу просяных круп и пшеницы. Из просяной крупы бедные жатаки варили кашу (ботқа) на молоке и масле или же делали похлебку (тары көже) преимущественно на молоке, редко с мясом.

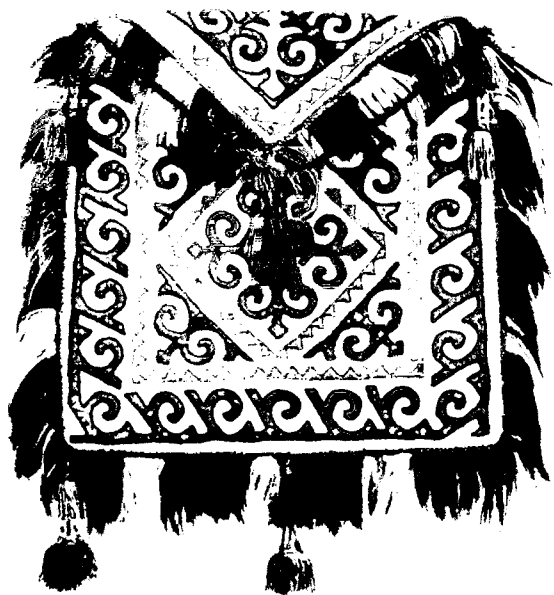
Из пшеничной муки жарили баурсаки, пекли хлеб, готовили тесто для мясных блюд и др. мучные изделия. Пшеницу употребляли в пищу в жареном, толченом виде, а также готовили из нее и похлебку (бидай көже). Для этого пшеницу, слегка смачивая водой, толкли в ступе, очищая ее от кожуры, а затем жарили ее в чугунном котле и толкли в ступе, превращая в порошок (талқан), который употребляли в пищу с горячим молоком или сливочным маслом. Очищенную от кожуры пшеницу также жарили в жире и подавали к чаю или из нее готовили молочную похлебку (бидай көже). Употребляли ее в горячем и холодном заквашенном виде.

Посуду и утварь казахи делали преимущественно из небьющихся материалов: из дерева, кожи, шерсти, войлока и армячины. В специальных войлочных сумках (аяккап), орнаментированных с лицевой стороны цветной аппликацией хранили посуду при кочевках. Для сыпучих продуктов изготавливали мешки из армячины. Копченое мясо и сливочное масло хранили в деревянных ящиках (кебеже).

Для содержания и перевозки кумыса из копченой конской кожи делали различную по форме и величине посуду. Самый большой кожаный сосуд для хранения кумыса — саба представляет собой кожаный мешок конической формы с широким квадратным основанием и узкой, длинной горловиной. Для верховой перевозки кумыса делали также сосуд из цельноснятой шкуры козла — т. н. мес. Из кожи изготавливали также ведра -подойники (көнек). В быту казахов широко применялись и деревянные виды посуды. Так, березовые большие миски (тегене), деревянные чаши (шара, аяк, тостаған), деревянные черпаки (ожау) для кумыса, огромные корыта

Ковер ворсовый. XIX в.

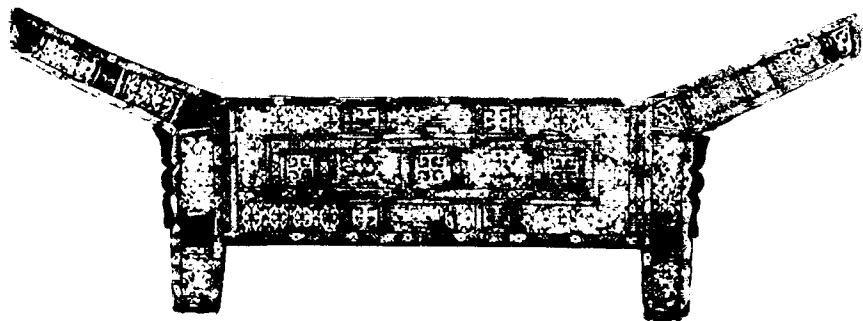
Аяккап — сумка для посуды. XIX в.

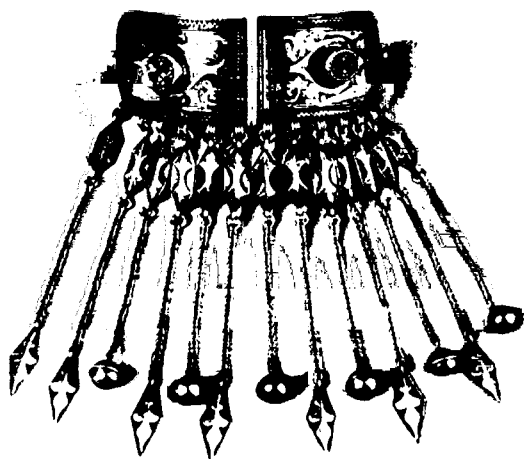
Чапан. XIX в.

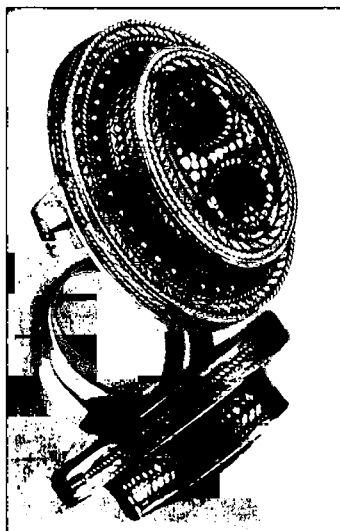
Шуба. XIX в.

Жукайяк — подставка для постельных принадлежностей. XIX в.

Ожерелье. XIX в.

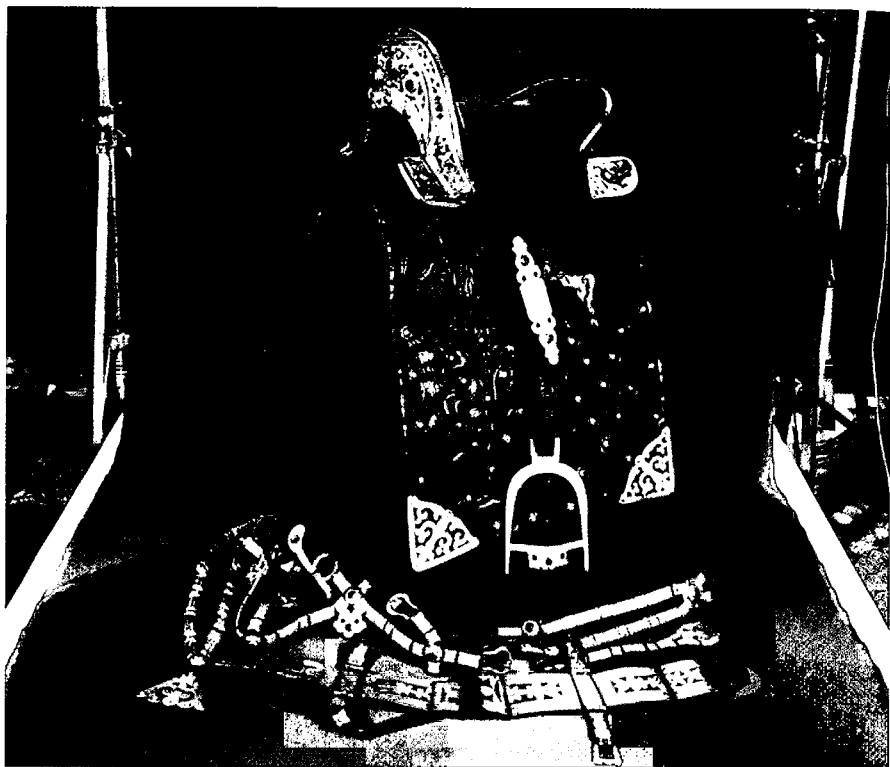

Перстень. XIX в.

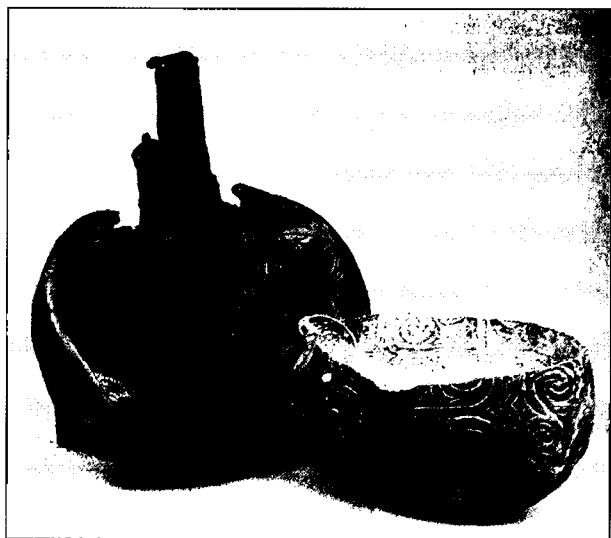

Браслет. XIX в.

Седло. XVIII в.

Кожаные торсык
и тостак. XVIII в.

(астау) для супов и мяса, объемистые деревянные блюда (табак) для подачи мяса и т. д. Из металлической посуды самым распространенным и необходимым в жизни казахов был покупной чугунный котел (казан) различной величины. Самые большие казаны назывались «тай казан» (котел, вмещающий мясо годовалого стригуна). Котел устанавливался над огнем на железной треноге (ошак) или в земляном очаге (жер ошак). Таким образом, в конце XVIII — в первой половине XIX вв. в материальной культуре казахов сохранились традиционные особенности, обусловленные кочевым и полукочевым образом жизни.

2. ТРАДИЦИИ БЫТОВОЙ И ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Традиции бытовой и обрядовой культуры у казахов проявлялись в повседневной жизни. Это было связано с различными домусульманскими верованиями, древними обычаями и обрядами. Древний культ огня в виде очищения огнем — аластау проявлялся в различных аспектах жизни казахов. Так, весной, выезжая из зимовки, и осенью, возвращаясь в нее, в обязательном порядке соблюдался обряд очищения зимовки и скота огнем. Откочевывая от зимней стоянки, весь скот прогоняли между двумя кострами или же, приезжая в зимовку, заходили с факелом огня. Культ огня наблюдался в семейной жизни, так перед укладыванием в люльку ребенка совершали обряд очищения огнем (аластау). Даже некоторые болезни людей в прошлом «лечились» огнем. Почитание очага каждой семьи свято соблюдалось всеми. Казахи запрещали плевать, мочиться в огонь, перешагивать через огонь, даже запрещалось наступать на место, где когда-то разводился огонь.

Во время летних перекочевов каждый аул особое внимание уделял торжественности оформления кочевого каравана. Для этого на головного верблюда устанавливали четырехглавую каркару из длинных перьев фазана. По представлению народа красивые перья фазана, обращая на себя внимание посторонних, предохраняли кочевой караван от сглаза и от различных неприятных случайностей в пути.

Достигнув летних пастбищ — жайлау, казахи осуществляли привязь жеребят, чтобы организовать доение кобыл для приготовления кумыса. По этому поводу проводили небольшое пиршество в рамках аула, т. н. «казык майлау» или «бие мұрындық». Смысл этого обряда заключается в том, чтобы жеребята и их матки были благополучны и кумыса было много.

Важную роль играли и космогонические представления. Казахи, издревле наблюдая за ночным небом, знали многие небесные тела, отличающиеся от других особыми приметами, по ним хорошо умели ориентироваться, как по времени, так и по сторонам света в ночное время. Такими были Полярная звезда (Темір казык), Большая медведица (Жеті каракшы), Плеяды (Үркер), Венера (Шолпан), Юпитер (Есеккырған), Млечный путь (Құс жолы), Сириус (Сумбіле), Орион (Ұшаркар — таразы) и т. д.

Особо божественное значение у казахов имело синее небо (көк тәңірі). «Небо было свободно в своих поступках, — пишет Ч. Валиханов, — оно награждало и карало. От его воли зависело благополучие людей и народов.

Выражения «тәңірі жарылқасын» — да наградит тебя небо, «көк соккан» — проклятый небом и «көк сокқыр» — пусть небо покарает, показывают их шаманское происхождение.¹

Казахи издревле боялись грома и молнии, считая их гневом неба, т. е., что гром — гневный голос божий, а молния — небесные стрелы, которыми оно поражает злых духов. Весной, когда прогремит первый гром, казахи радовались, ожидая благополучного лета, с обилием молока и ростом поголовья скота.

В представлении казахов вихрь является предвестником недобрых начал, стихийных бедствий, приносит человеку, попавшему в его гушу, нервно-психические болезни. Поэтому люди, попавшие в поток вихря плюют три раза, приговаривая «Таздың үйіне бар» (иди в дом плешивого). По представлению народа, соблюдая подобные обряды, якобы спасались от страшной болезни, т. н. «жын соғу» (удар дьявола).

Казахи в прошлом верили в чародейство и колдовство, называвшиеся в народе «жадылау» (околдовывание). К ним якобы зачастую прибегали ревнивые жены и, по преданию, многие околдованные люди, будто бы погибали. Кроме того, народ верил и в то, что некоторые могли обворожить кого-либо, прибегая к различным заговорам и колдовству (сыкыр), тем самым задавить жертву, подчинить воле нечистых сил.

Казахи издревле верили в дурную силу слова (тіл тию) и сглаза (көз тию), т. е. похвальные слова и приятный чарующий взгляд людей якобы могли отрицательно воздействовать на незащищенные жертвы и привести к их смерти. Поэтому народ прибегал к защитным средствам от злословия (сук) и сглаза. Так, например, к верхней одежде ребенка нашивали различные блестящие пуговицы, монеты, камни, подвески и амулеты, а к макушке тюбетейки — перья филина, отвлекающие внимание посторонних людей от основного охраняемого объекта. Новорожденные верблюжата также тщательно оберегались от взоров посторонних.

По представлению казахов, некоторые вещи, связанные с кочевым скотоводством, наделялись особой силой, уносящей с собой от прежнего хозяина — «құт» (счастье, богатство, благополучие). Поэтому при продаже лошади не отдавали узду (жүген), верблюда — повод (мұрындық), коровы — повод (бас жіп). А также не должны были отдавать другим привязь для жеребят — «нокта», привязь для ягнят — «көген» и т. д.

С сохранением «кута» также связан обряд, совершаемый при отчуждении из табуна хорошего жеребца или плодовой кобылы, считавшихся «кутом» хозяина, отрезали клочок волос от гривы и, смазав ее слюной этой же лошади, хранили ее у себя как «құт» — символ богатства.

Есть у казахов обряды, связанные с гостеприимством. Так, при входе гостя отворяет дверь сам хозяин юрты, а при выходе — сам гость. А также, входя в юрту, посторонние не должны жевать во рту любую пищу, даже жвачку (сағыз), а при выходе, наоборот предпочитается жевать во рту что-либо из пищи. Недаром Ч. Валиханов приводит народную поговорку: «К врагу входят жуя, а от друга выходят жуя».²

Согласно домусульманским поверьям некоторые орудия труда и предметы кочевого быта считались священными. Такими являлись, например, укрюк для ловли лошадей — құрық, привязь для жеребят — желі, привязь для ягнят — көген, узда — жүген, недоуздок — нокта, шест для поднятия

купольного круга юрты — бакан и т. д., на которые нельзя было наступать или перешагивать через них.

Народные обычаи наиболее точно раскрывались в различных ритуалах, соблюдаемых в семейно-брачных отношениях казахов, в которых хорошо сохранились пережиточные черты многих древних институтов — группового брака (левират и сорорат), родовой экзогамии, полигамии, большой патриархальной семьи, калыма, приданого и т. д. Обоюдное согласие о сватовстве закреплялось клятвой. После совершения церемонии клятвы, старейшины благословляли сговор сватовства чтением молитвы над чашкой с кровью, что называлось «батаяк». Среди казахов бытовало почитание старших, нарушителей его наказывали штрафом. Казахская женщина почитала старших родичей мужа. Она строго соблюдала обряд избегания отца и старших братьев супруга, не называла их собственными именами.

Традиционным было в степи гостеприимство. Путник имел право заночевать в юрте любого человека, даже ему незнакомого. Угощение и различные услуги оказывали гостю совершенно бесплатно. Гость имел даже право потребовать лучшего обхождения с ним. Если хозяйка плохо принимала гостя, то последний имел право обратиться в суд биев. По адату (традиционное право) гость пользовался полной защитой хозяина юрты до своего отъезда. Это право распространялось на гостя даже в том случае, если он являлся врагом хозяина очага. Последний не мог мстить до тех пор, пока тот находится под его крышей. Наоборот, хозяин был обязан защитить своего гостя от других его врагов.

Среди казахов издревле была широко распространена традиция дружбы-побратимства (тамыр болу). Одних сводили их родители, других — общность их интересов в борьбе с общим врагом, а третьи сходились просто в результате различных житейских забот, облюбовав, скажем, друг у друга (калау) хорошего коня, ловчую птицу, охотничью собаку и т. д. Побратимство закреплялось очень торжественно при свидетелях; целуя саблю или кинжал, давали клятву о вечной верности.

Народ придавал большое значение традиции извещения близким родственникам о кончине — естірту. В народе бытовали многочисленные образцы естірту, сложенные на основе ораторского искусства. По обычаю, связанному с древними религиозными верованиями, женщины долго оплакивали покойника, в знак выражения глубокой скорби вдова царапала себе лицо (бет жырту), мужчины при приближении к юрте, где лежал покойник, пускали коней вскачь, раскачиваясь в седле из стороны в сторону, громко выговаривая «ой баурым» (О, брат мой), выражая глубокую скорбь, рыдая, вываливались из седла. Поминки по усопшему проводили на седьмой, сороковой дни и годовщину со дня смерти. Вдова соблюдала траур по умершему мужу в течение года.

Казахи издревле веселыми празднествами ежегодно отмечали наступление Нового года (Наурыз), приходившееся на весеннее равноденствие 22 марта. Женщины готовили традиционное ритуальное блюдо, т. н. «наурыз коже» — (праздничная похлебка) и угощали им всех посетителей. «Наурыз коже» по своему составу являлся сборным, т. е. состоял обязательно из 7 компонентов (вода, соль, мясо, молоко, лук, пшеница и пшено).

День празднования Наурыза в народе назывался «Ұлыстың ұлы күні» (великий день улуса). В этот день независимо от возраста, пола и социального положения соблюдалось равенство людей, участвующих в гуляниях.

В день Наурыза наступало всеобщее согласие народа, даже между враждующими сторонами устанавливался мир на время Наурыза. В честь великого праздника люди прощали друг другу самые тяжкие обиды. Среди казахов широко практиковался древний обычай жертвоприношения религиозного свойства «кұрбандық шалу». Жертвоприношения осуществлялись по случаю окончания войны, возвращения сына с поля битвы, рождения долгожданного сына, выздоровления от тяжелой болезни, по случаю засухи, с отменой экзогамного запрета на 8 колена от общего прадка по мужской линии и т. д. В жертву приносили домашних животных – баранов, быков, жеребцов, кобыл и верблюдов, по возможности белой масти.

Из вышеизложенного видно, что обрядовая культура у казахов охватывала почти все стороны народной жизни, играла в ней важное значение.

3. КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКОВ

Возникновение и развитие индивидуального поэтического творчества. Культура казахского народа XVIII – первой трети XIX вв. была преемственно связана с культурой прошлого, с ее лучшими традициями.

До XVIII в. имена казахских акынов, творчество каждого из них, время, в которое они жили, почти не были известны. Сыпыра-жырау, Жалғыз-жырау и другие упоминались лишь в преданиях, легендах, эпосе, но конкретных данных об их жизни и творчестве мы не знаем. Только с середины XVIII в., когда значительная часть казахских земель присоединилась к России, и особенно в XIX в., русские ученые и отдельные представители казахской интеллигенции начали собирать сведения об акынах, певцах-импровизаторах, сказителях и даже записывать тексты сочиненных ими песен и сказаний. Некоторые из акынов и сказителей записывали свои произведения, благодаря чему сохранились подлинные тексты их песен. С середины XIX в. песни и сказания отдельных акынов стали публиковаться. Это был период зарождения и начала развития индивидуального поэтического творчества.

Сохранилось несколько произведений известного жырау XVIII в. Бухара Калкаманулы (1693–1787 гг.), которому принадлежит видное место в истории казахской литературы. Бухар-жырау родился и вырос на территории нынешнего Баянаульского района Павлодарской области. Он создал много дидактических песен-размышлений, выражавших идею сохранения и упрочения независимости, поддерживал хана Среднего жуза Абылая, в отдельных случаях оказывал существенное влияние на Абылая в его делах по управлению жузом, при разборе им различных споров и тяжб. Бухар вместе с тем верно отразил в своем творчестве отдельные важные исторические события своего времени. Одна из стержневых тем сочинений Бухар-жырау - любовь к Родине, патриотизм. Он воспевал освободительную борьбу казахского народа против джунгарских захватчиков, призывал народ к единству, к подвигам, прославлял героев этой борьбы – батыров Богембая, Кабанбая, Жаныбека. В песнях «Желание», «Әй, Абылай»,

«Смерть высокой горы» и других он в стихотворной форме, в форме частушек образно излагал свои мысли о человеческой жизни и морали.

Жырау мечтал о сильном централизованном государстве, объединяющем в себе все три казахских жуза. Во времена, когда Казахстан был обессилен набегами внешних врагов и внутренними междоусобицами, самым сильным из ханов был Абылай. Бухар воспевал образ хана как деятеля, призванного воплотить в жизнь лучшие идеи народа, одобрял его политику лавирования между Россией и Китаем.

Сочинения Бухара, который, благодаря своему таланту, пользовался большим авторитетом не только среди ханов, султанов и крупных феодалов, но и в народе, явились могучей идеологической силой, оказавшей благотворное воздействие на общественное сознание казахов XVIII в.

Песни других жырау — Таттикары, Умбетая, Шала, Котеша — сохранились отрывочно. Известна жоктау — поминальная песня Умбетая, посвященная смерти батыра Богембая, в которой акын воспекает его подвиги в сражениях с джунгарами. Он создает яркий, впечатляющий образ Богембая:

Словно рог оленя во цвете лет,
Мошен Богембай.
Словно жилистый коготь беркута,
Который средь обнаженных острых скал
Точно настигает лисицу,
Цепок Богембай!

Богембай в жоктау Умбетая — идеальный образ защитника народа.

Крупным певцом-импровизатором и сказителем XVIII в. был Таттикара. Поэт участвовал в качестве рядового воина во многих сражениях. В стихах, рожденных в походах, он призывал воинов не склоняться ни перед какими трудностями в борьбе за свободу. Сохранилось предание о том, что однажды казахское ополчение, потерпев поражение в битве с джунгарами, при отступлении вышло к полноводной большой реке. Воины собрались у реки, не решаясь переплыть ее. Тогда Таттикара, спев песню, задевшую самолюбие воинов, первым бросился в реку и переправился вплавь, за ним переплыли все воины.

Певцы Шал, Котеш, Жанкиси-жырау, жившие в начале XIX в., в своих песнях изобличали социальное неравенство, насилие ханов над народом. Жанкиси с гневом и горечью указывал на жестокость и насилие кокандских беков:

Присланный вами баскак
Жузбай находится у меня дома.
А там, где пребывает Жузбай,
Плач и стоны, крик ой-бай!..
Прикочевавший из Сарыарки бедный найман
Растерянно озирается.
Если возразишь, баскак хлещет плетью,
И не только хлещет, но и убивает,
Иль гонит как стадо...
Забирает скот, ненасытен баскак,
Забавляется он нашими слезами,

Девушкам и женщинам красивым
Нет от него проходу.
Почтенных наших людей ругает,
Прямо с коня их пинает.

Песни акынов-импровизаторов исполнялись на понятном, доступном для народных масс языке.

Актамберды-жырау (1675–1768 гг.) был акыном эпического жанра. В своих песнях он восхищался героизмом, доблестью батыров:

Настанет ли день,
Когда нам удастся сесть
На рыжих, звонко ржащих коней!
Суждено ли нам надеть кольчугу
С застежками массивными,
С воротником из золота, с рукавами из меди,
Каждое кольцо величиной с воробьиный глаз!
Удастся ли нам надеть панцирь!
Взяв в руки звонкое копьё,
Прижав его к прохладной груди,
Удастся ли нам преследовать бегущего врага?

Акын призывал современное ему молодое поколение к стойкости и мужеству. Через все творчество Актамберды красной нитью проходит призыв к героизму, к воинской отваге, доблести, призыв смело и бесстрашно идти на врага, никогда не отступать перед ним. Ведь наградой в случае победы будут свобода и слава, а в худшем случае храбреца ждет смерть, что все-таки лучше, чем видеть свой народ в неволе.

Всю жизнь испытывал лишения выходец из бедняцкой среды акын Котеш (1750–1828 гг.). Главный мотив его творчества — показ многогранной жизни бедняка, разоблачение несправедливости.

Множеством экспромтов характеризуется творчество акына Шала (1748–1819 гг.). Они связаны с отдельными событиями в истории казахского народа. У него много стихов-посвящений и эпиграмм. Основная тема творчества Шала — жизнь человека, ее смысл, вопросы морали, этики, религии.

Бухар, Жанкиси, Таттикара, Актамберды и другие певцы-импровизаторы и сказители, чьи песни и сказания дошли до нас, являются зачинателями индивидуального поэтического творчества в казахской литературе. Их песни во многом отличались от эпоса и обрядово-бытовой поэзии предшествующей эпохи. В этих произведениях сильнее, чем раньше, проявлялись гражданские мотивы, полнее раскрывалась жизнь народа. Несмотря на противоречия, характерные для творчества многих жырау XVIII — начала XIX вв., они занимают видное место в истории казахской литературы.

Песни этого периода по художественной форме совершеннее, чем песни более раннего времени. В этих песнях, сохранивших все основные черты и традиции устного творчества казахов, уже имелись элементы, свойственные письменной поэзии.

Отражение исторических событий в устном народном творчестве. Устное творчество казахов XVIII — первой половины XIX вв. охватывало са-

мые разнообразные темы, сохраняя в то же время ранее возникшие жанры и их художественные особенности. Героический эпос, сказки, пословицы, поговорки, бытовые обрядовые песни — произведения всех этих жанров постепенно видоизменялись, наполнялись новым содержанием.

Основной темой исторических песен XVIII в. являлась борьба казахов против джунгарских завоевателей. События передаются в связи с именами батыров, существовавших в действительности и оставивших заметный след в истории народа.

Крупное поражение казахов в борьбе с Джунгарией в 1723 г., принесшее народным массам неисчислимые бедствия, породило множество сказаний и песен. В суровую зиму 1723 г. от жута погибло много скота; джунгарские захватчики грабили казахские аулы, не щадили ни старых, ни малых. Старики и старухи, раненые воины, отставшие в пути, гибли на дорогах; женщин и девушек захватывали в плен. Народ увековечил это тяжкое бедствие в известной песне «Елим-ай!» («Родина моя»):

С хребта Каратау караван идет,
Возле каждого каравана годовалый верблюжонок вольно бредет.
Как горька и тяжела потеря родины и родных,
Ручьем из глаз льются слезы!
Что за время это? — Время тяжкое,
Время, в котором счастье нам изменило, богатство улетело.
Вереницей плетется народ, а по его следам снег выюгой крутится
Хуже, чем в декабре, когда метель бушует.

В песне «Кап қағылған» («Вытряхивали мешки»), «Шанды жорык» («Пыльный поход») акыны пели о том, как в битвах погибло много казахов, возглавляемых батырами Жанатаем, Баяном и другими. Прославленный батыр Жанатай, не раз бесстрашно выступавший против врага, однажды во главе 500 храбрецов напал на 10-тысячное джунгарское войско. В этом бою батыр Уйсунбай, друг Жанатая, дрался, как лев, несмотря на тяжелую рану. Уцелело всего 10 человек. Когда пуля сразила коня Токаша, сына Жанатая, Уйсунбай слез с коня и отдал его Токашу, сказав при этом: «Садись и мчись сквозь вражеские полчища к нашим, ибо если тебя убьют, некому будет отомстить врагу за меня!». Сам Жанатай пал в бою.

В песнях, преданиях и сказаниях народа о битвах с джунгарскими феодалами прославляются подвиги казахских батыров и рядовых воинов, воспеваются их жгучая ненависть к врагу, их стойкость и доблесть в борьбе за свободу и независимость своего народа.

Широкое распространение получили также эпические песни об Абылае, основой для которых послужила прежде всего жизнь Абылая до того, как он стал ханом. В одной из песен рассказывается, как пастух-сирота Абылай под именем Сабалак пас верблюдов у известного Толе бия, как он вместе с народом отправился в поход, отличился в бою, убив в поединке батыра Шарыша, сына джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрэна. Когда заходит речь о борьбе Абылая с внешними врагами, неизменно подчеркивается, что победы достигаются лишь силой народа, волей батыров. Но, воспевая борьбу Абылая против Джунгарии, акыны не одобряли его походов на кыргызов. В песнях и рассказах о схватках кыргызского батыра

Темиржана с казахским батыром Кабанбаем прославлялись храбрость и мужество кыргызских батыров, осуждалась жестокость военачальников Абылая.

Среди эпических произведений, созданных в XVIII в., своей самобытностью и оригинальностью выделяется «Аркалык-батыр». В нем разоблачается предательская политика ханов и султанов, которые в лихую годину думают не о чаяниях народа, а о своей личной выгоде и пользе; воспеваются вышедшие из гущи народа герои, их борьба за свободу и счастье народа.

Некоторые народные песни и рассказы посвящены восстанию казахов Младшего жуза в конце XVIII в., роли батыра Сырыма Датова в этом восстании. В преданиях, легендах, рассказах о батыре Сырыме повествуется о том, как он боролся с ханами и их окружением. В памяти народа Сырым остался не только батыром, но и превосходным оратором и умным политиком. Однажды Сырым спросил хана Нуралы:

— Чего больше у лошади: гнедой масти или звездочек на лбу?

Под «гнедой мастью» Сырым подразумевал народ, а «звездочки на лбу» означали ханов и их потомков. Хан Нуралы не сумел ответить Сырыму.

В другом случае Сырым говорит хану Нуралы:

— Ты не сумел установить равенство между меньшинством и большинством, между белой и черной костью, между слабым и сильным. Один грабит другого, ты не сумел управлять народом.

Хан возразил:

— Батыр мой, больно уж задаешься!

Сырым, не колеблясь, отвечает:

— Таксыр, нет, не задаюсь я, а, наоборот, не умея объединить казахов, в великом смятении нахожусь.

В рассказе о встрече Сырыма с хивинским ханом, батыр изображается находчивым, остроумным, не знающим поражений в словесных состязаниях.

В XVIII в. широкое распространение в народе получили исторические рассказы, дающие представление о времени джунгарской агрессии, связаны они были с известными событиями или с именами конкретных людей. Рассказы эти передавались из уст в уста, видоизменялись и перестраивались, но в основе их был реальный факт, во многих из них зачастую воспевались герои, особо отличившиеся в борьбе против джунгарских завоевателей.

В устном народном творчестве XVIII в. особое место занимает ораторское слово казахских биев. Полные пафоса афористические высказывания Толе би из рода уйсун, Каздаусты Казыбека из рода каракесек, Каражигита из рода алшын, призывавшие народ к единению, к согласованной вооруженной борьбе против внешнего врага, имели в свое время большое политическое значение.

Фольклорные образцы, рожденные в XVIII и начале XIX вв., характеризуют духовную жизнь народа того периода. Эпические песни, исторические рассказы и другие образцы народной литературы того времени убеждают в мудрости народа, удивляют его умением давать безошибочную оценку историческим событиям.

4. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Музыкальное народное творчество. Органичной частью духовной культуры, входившей в быт, общественную жизнь и трудовую деятельность казахского народа, являлась музыка. Было распространено традиционное исполнительство — сольное пение и сольная игра на музыкальным инструменте, редко — унисонное хоровое исполнение; основными формами произведений являлись песни и кюи (инструментальные пьесы)

Бытовало более 20 разных музыкальных инструментов, одни из них — шертер, жетиген, сазсырнай, кепшек, шанкобыз, дангыра, асатаяк и другие, позволявшие извлекать только небольшое количество звуков однообразного тембра, — перестали удовлетворять профессиональным требованиям и постепенно исчезли. Другие же, поддающиеся усовершенствованию звуковых качеств, составили основной музыкальный инструментарий. Это домбра — щипковый деревянный, с двумя или реже с тремя струнами из жил животных, инструмент, с овальным (грушевидным) плоским треугольным или четырехугольным (трапециевидным) корпусом; кобыз или кылкобыз — смычковый двухструнный инструмент, имеющий полый деревянный чашеобразный корпус и вогнутый гриф; сыбызгы — продольная флейта из дерева, пустотелого тростника или металла с 4–6-ю пальцевыми отверстиями; дауылпаз — ударный инструмент в виде небольшого деревянного или металлического котла с натянутой сверху кожей. Позднее появился сырнай, так называли двухрядные гармоники, привозимые купцами из России на меновые дворы и ярмарки.

Песни и кюи начинали свадьбы, предворяли совещания аксакалов (старейшин), отмечали откочевки на жайлау (летовки) и возвращение в кыстау (зимовки); в песнях воспевались ловчие птицы и прославленные скакуны, а звонкоголосые хабарши (вестники, глашатаи) разъезжали по аулам и в речитативных распевах сообщали важные новости. Женщины пели, устанавливая юрты, во время доения, когда взбивали шерсть, пряли, ткали ковры, катали кошмы, баюкали детей. Традиционной песней жубату приходили утешать семью в постигшем ее горе, песней суюнши поздравляли с радостным событием.

Музыкальные произведения по содержанию и сложности исполнения были различны. Песни, исполняемые во время трудовых процессов и бытовых ритуалов (свадеб, похорон), а также колыбельные и детские песни отличались лаконичностью, выразительностью мелодий небольшого диапазона, традиционностью содержания текста. Их пели все. А песни и кюи, особенно на лирические и социальные темы, на исторические, эпические и легендарные сюжеты, имели мелодии широкого диапазона с ладовыми перепевами, сложными формами и переменными метроритмическими структурами. Они входили в репертуар профессионалов, которых в зависимости от тематики исполняемых произведений называли акын (поэт), жырау или жырышы (сказитель эпоса, легенд, историй), әнші, или өлеңші (певец), күйші (инструменталист), ертекіші (сказочник) и т. д.

Одаренность профессиональных музыкальных деятелей выявлялась на специальных айтысах (соревнованиях) в присутствии многочислен-

Музыкант. С картины худ. Н.Г. Хлудова
(из фонда Центрального Государственного
музея Республики Казахстан).

ных зрителей. Такие музыкально-поэтические состязания проводились по праздникам, по случаю откочевки на жайлау, во время свадеб и по поводу других семейных событий. Победителям вручали богатые призы, им оказывали особое внимание, наиболее выдающимся присваивали уважительные приставки к именам — «сал» или «сері»; слава о них быстро распространялась по аулам; их везде принимали с большим почетом.

В условиях почти полной неграмотности музыка, как и поэзия, оказывала громадное влияние на формирование мировоззрения, моральных устоев и эстетических вкусов людей.

Репертуар. В XVIII — первой половине XIX вв. музыкальное искусство развивалось на основе преемственности и сохранения лучших образцов произведений прошлых времен и создания новых, непосред-

ственно связанных с повседневной жизнью народа. В репертуаре певцов и музыкантов были песни и кюи на космогонические темы — о звездах, о Луне, Солнце и других планетах; на демонологические — о жезтырнак (ведьме с медными когтями), жине (черте), пери (ангеле); в аулах звучала и «колдовская» музыка баксы (шаманов) во время их «врачевательных» действий. Но, как правильно отмечал известный исследователь народов Средней Азии и Казахстана В. В. Радлов, казахский народ в своих песнях более всего ценил «не какой-то чудесный и сказочный мир, напротив, он воспекает в них собственную жизнь, свои собственные чувства и стремления... не колоссальное и не сверхъестественное, а истинно существующее».³ Реальная жизнь находила художественное выражение во множестве разнообразных лирических и в наиболее устойчивых по своим мелодиям и текстам семейно-обрядовых, семейно-бытовых и трудовых песнях и кюях. В них раскрывались социальное неравенство, экономическая зависимость, унижение человеческой личности. Яркой поэтической одухотворенностью, искренностью радостных и горестных переживаний отличалась, например, музыка свадебного обряда. Начиналась свадьба с песни или кюя «Той бастар» («Открытие торжества»), в которых возносились достоинства родителей жениха и невесты, родичей и всего рода, а молодым предсказывалась счастливая семейная жизнь. На молодежных вечеринках пелись «Жар-жар» (припевные восклицания) — песни-состязания девушек и джигитов, которые соревновались в остроумных импровизациях о происходящем событии. Расставаясь с родителями, родственниками, аулом, молодая невеста пела горестную песню «Кыз коштасуы» («Прощание девушки») или «Сынсу» («Прощальная»). В ауле мужа ее встречали у порога юрты песней назидательного «Беташар» («Открытие лица»).

Жырау и жырышы, исполняя эпические и исторические сказания и легенды, использовали характерные речитативные мотивы, а также песенные и инструментальные формы. Но наиболее распространенный вид исполнения эпоса имел синкретический, то есть нерасчлененный, характер, основой которого было мастерство рассказчика с элементами пения, игры на инструменте, мимикой и жестикующей. Жырышы оттеняли диалоги действующих лиц разными интонациями: суровыми, мужественными — героя; нежными, лирическими — героини; надменными, злобными — отрицательных персонажей. Многие исследователи отмечали большое мастерство сказителей и их феноменальную память.

В XVIII в. большое развитие получила профессиональная деятельность певцов, инструменталистов, акынов. Благодаря им в песенной музыкальной культуре сохранились произведения авторов древних времен: кюи «Аксақ құлан» и «Жошыхан», «Қобланды-батыр», «Камбар-батыр», песенные поэмы «Қозы Көрпеш — Баян сұлу», «Қыз Жибек» и др.

Однако это одна часть музыкальной культуры XVIII в. Другой ее значительной стороной были произведения на темы истории древних времен и особенно современности. В Казахской степи звучали песни «Ескандер» — об Александре Македонском, доходившем во время завоевательных походов до верховий рек Окс и Яксарт (Амударья и Сырдарья), «Әмір аксақ» («Хромой эмир») — о Тамерлане, среднеазиатском полководце и завоевателе. Но более всего привлекали внимание народа песни и кюи, относящиеся к его истории. В этих кюях, скорбных по своему звучанию, повествовалось о временах, когда постоянные распри и войны родовых старейшин, султанов, батыров и биев за власть над улусами, за владение пастбищами, заставляли более слабые общинные союзы откочевывать на другие земли.

В инструментальной музыке сформировалась традиция посвящать отдельные кюи выдающимся историческим личностям или изображать в них разные эпизоды из их жизни.

Выразительной музыкальной зарисовкой о Сырыме Датове является кюй «Сырым сазы» («Думы Сырыма»). Разнообразная настроенность музыки показывает Сырыма во время раздумий перед началом восстания, когда он был уверен в успехе борьбы. Этот решающий эпизод является главным: в музыке кюя звучат отголоски боевых кличей, призывная дробь дауылпазов, рисуется картина скачущих лавиной всадников.

Трагические события в истории казахского народа, связанные с нашествием джунгарских завоевателей весной 1723 г., нашли художественное отражение во многих кюях и песнях современников.

Одним из них был выдающийся домбрист и композитор Байжигит из рода керей. Им созданы кюи «Ақтабан шұбырынды» и «Қайың сауған» («Доеение березы» — ее сок спасал народ от голодной смерти) и другие. У Байжигита было много кюев (по рассказам, до 300) на темы народной жизни и быта, среди них выделялся девятичастный кюй «Аңшы зары» («Печаль охотника») о разных случаях во время охоты.

Одним из наиболее ярких воплощений этих мрачных лет истории стала песня неизвестного автора «Елим-ай!» («Родина моя»). В простой по мотиву песне, в неувядаемых музыкальных образах, как в выплавленном

от посторонних примесей металлу, сконцентрировано страдание народа, покидающего свой край.

Заметный след в музыкальной культуре XVIII в. оставило антифеодальное и антиколониальное восстание 1836–1837 гг., руководимое Исатаем Таймановым и его ближайшим соратником, акыном и певцом Махамбетом Утемисовым.

Одно из своих первых сочинений – кюя «Кішкентай» («Малый») посвятил восстанию Исатая Тайманова начинающий в те годы творческий путь будущий народный композитор Курмангазы Сагырбаев (1806–1879 гг.). Являясь участником восстания, он воплотил в этом кюе порывы народа к освобождению от феодально-байского гнета и пут колониализма. В нем звучат отголоски народной скорби, горечи поражения. Музыка кюя «Кішкентай» (название имеет идейный смысл – «мало сил для победы») своей волнующей темпераментной образностью, четкостью композиции, сложностью фактуры свидетельствовала о появлении замечательного таланта, который развивался в самой гуще народа и неустанным трудом достиг, впоследствии, классических вершин народной профессиональной музыкальной культуры.

---

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в пяти томах. А., 1985, т. 3, с. 58.

² Там же, с. 62.

³ Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V., СПб., 1875, с. 7.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

**КАЗАХСТАН В СОСТАВЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Глава первая

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА В 60–90-е ГОДЫ XIX В.

1. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ПОДГОТОВКА ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ 1867–1868 ГОДОВ

Завершение присоединения Казахстана к России внесло существенные перемены в политику империи в отношении Казахского края. Цель царизма была достигнута без применения большой силы со стороны колониальной империи. Военно-колониальными акциями присоединив Жетысу и Южный Казахстан, царизм вышел на среднеазиатский плацдарм, вытеснив английское влияние в регионе. Воспользовавшись благоприятной международной обстановкой, Российская империя, руководствуясь своими далеко идущими политическими интересами, в основе которых лежал принцип «разделяй и властвуй» и жестоко подавляя стремление казахов к восстановлению своей государственности, установила в Казахстане колониальный режим. Укрепились позиции России в Центральной Азии и в сопредельных районах. Кровавопролитные сражения царских войск в Южном Казахстане, действия отрядов М. Черняева и М. Веревкина завершили присоединение обширного района к России. Взятие штурмом г. Чимкента заставило значительную часть казахов из рода дулат и некоторых других родов признать власть России.¹ Взятием Чимкента было достигнуто соединение границ Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств.² Последствия военно-административных акций царизма на юге Казахстана и в Средней Азии по изменению общеполитической ситуации в его пользу верно определил российский консул в Синьцзяне Н. Петровский. «С завоеванием Кокандского ханства русскими, — отметил дипломат, — положение дел существенно изменилось. На месте слабых ханов встала сильная власть русского государства, которое устранив кочевников победами своего оружия, подчинило их себе окончательно, дало им порядок и навсегда лишило их возможности сознавать себя своевольными, независимыми...»³

Не ограничиваясь воинскими частями, расквартированными на территории обширного Казахстана, намереваясь укрепить колониальную власть во вновь завоеванных владениях, Россия перебрасывала в юго-восточный Казахстан новые, дополнительные воинские части, чаще всего из состава Сибирского линейного казачьего войска.⁴

Опора на армию в управлении огромной страной, в удержании коренного населения в повиновении в условиях отсутствия действующего по всему Казахстану слаженного механизма административно-политической и законодательной системы явилось испытанным средством, показавшим свое преимущество при окончательном покорении Северного Кавказа. «Когда мы будем сильны, киргизы (казахи. — *Ред.*) нам будут покорны. Но при малейшем ослаблении нашей власти в степи, станут противнее ...»⁵, — обосновал целесообразность сильного военного присутствия России в Казахстане один из активных сторонников жесткой политики в отношении казахов, оренбургский генерал-губернатор А. О. Дюгамель.

Все более и более утверждавшаяся идеология беспрекословного подчинения власти имперской структуры над покоренным большинством местных обитателей края нашла многочисленных сторонников не только среди чиновников, военных, но и духовенства, активно пропагандировавшего превосходство пришлого меньшинства над местным большинством населения. При открытии памятников воинам, павшим при взятии штурмом Чимкента в 1864 г., «по окроплении памятника святою водою», священник Александр Тихомиров сказал буквально следующее: «... во славу державного русского царя, горсть русских воинов явилась во внеобъятную степь в царство полудиких азиатцев... Мы победили, сделали его (казаха. — *Ред.*) нашим новым соотечественником, точно так же поступили мы уже со всеми народами, покоренными нашим оружием».⁶ Дальнейшее водворение в степи российской власти осложнялось несоответствием функционировавших местных структур управления с планами царизма расширить богатый край в интересах российской экономики.

Бурно развивавшаяся промышленность метрополии все более и более нуждалась в новых дешевых источниках сырья, рабочей силе. Необычайно богатый природными ресурсами, животноводческим сырьем Казахстан давно привлекал внимание русских предпринимателей. «Вся эта великолепная и богатая сокровищами страна покоится еще в глубокой своей девственной природе и ждет, чтобы кто-то разбудил ее; не стучит топор, не звенит монета, не блестят косы на пустынных окрестностях..., а сколько богатства в горах...»⁷ — так выражал свое мнение один из известных исследователей Казахстана той поры, подталкивавший российских промышленников к ускоренному освоению природных богатств края. Строительство многочисленных казачьих и других крестьянских поселений вблизи берегов Иртыша, Ишима, Или и других рек нанесло непоправимый урон флоре и фауне Казахстана — первые волны колонистов безжалостно уничтожали местные массивы и «валили столетних исполинов» для построения жилых и подсобных помещений, и даже амбаров. А. Гейнс, принимавший участие в подготовке реформ 1867–1868 гг., объездивший вдоль и поперек Жетысу, с огорчением констатировал последствия бесконтрольных действий казачьих переселенцев: «Когда ближайшие леса были уничтожены дотла, до выкопанных корней, так человек, придя на место, где прежде рос лес, не видит ни одного прутика...»⁸. Тем временем казаки, выбирая места для новых поселений, ввиду отсутствия юридических норм, регулировавших условия отчуждения у казахов земли, захватывая «самые благодатные для земледелия» районы, вытесняя «аборигенов» на малоплодородные, засушливые земли, «оставались весьма благодарными» местному начальству.⁹

Бесчинства казаков в условиях полной безнаказанности достигли того положения, что они порою «отправляясь на охоту за киргизским скотом», захватывали его, а «безоружный киргиз оставался падшею жертвою обороны своих прав», — о чем с возмущением писал великий путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский, находясь в Жетысу.¹⁰

Будущее «Временное положение» было подготовлено царизмом на основе рекомендаций правительственных чиновников.

В таких условиях хотя бы видимое ограничение произвола казахского населения, опиравшегося на прилинейные воинские части, какое-то обуздание его бесчинств в захвате земельных угодий номадов, могли бы найти юридическое обоснование в новых законоположениях. К тому же Уставы о сибирских и оренбургских казаках 1822—1825 гг., внесшие соответствующие изменения в Среднем и Младшем жузах, по существу ликвидировавшие ханскую систему управления (за исключением в Букеевской или во Внутренней Орде) в целом, открыв простор для правительственной и частной крестьянской колонизации, не смогли окончательно изжить веками сохранившуюся традиционную форму местного управления степными феодалами — потомками Чингисхана. Родоплеменная специфика казахского общества с хотя бы ограниченным функционированием суда биев, влияния султанов, продолжала сохранять свое былое значение. Однако, не следует и преуменьшать функции новых органов управления — аульных старшин, волостных султанов, председателей окружных приказов, чья роль все более усиливалась в процессе ослабления позиций кочевой аристократии, в подрыве основ политической системы и хозяйственного уклада автохтонных жителей.

Совет по временному управлению Внутренней Ордой, учреждение в 1854 г. Области сибирских казахов вместо упраздненных Пограничного управления сибирскими казаками, Семипалатинской области, позднее Акмолинской, внесли новые административные изменения, вовлекая обширный район в сферу капиталистических отношений. Область сибирских казахов с его округами занимала пространство в 7 580 000 кв. верст.¹¹ Значительная часть Восточного Казахстана по-прежнему оставалась вне влияния российской администрации. По замыслу западносибирского генерал-губернатора эти территории могли бы почувствовать воздействие российской власти, входя в состав Семипалатинской области, в которую вошли земли по правому Иртышу, с городами и другими поселениями от крепостей Железинской до Мало-Нарымска включительно.¹² Бухтарминск до 1917 г. оставался в составе Змеиногорского уезда Томской губернии; Аягуз (Сергиополь) с 1866 г. был причислен к вновь созданной Семиреченской области. При этом царизм держал в объекте своего внимания возможные варианты изменений системы управления через военно-колонизационные пункты приграничной зоны. Подобная позиция в условиях завершения присоединения Казахстана к России диктовалась необходимостью в случае столкновений со среднеазиатскими странами иметь в тылу военно-опорные пункты. Кроме того, по мере продвижения русских войск в южные районы создавались новые военно-политические центры для упрочения позиции России в регионах, на которые обращала свои взоры Англия. Помимо военно-политических факторов, устойчивое внимание царской администрации к пограничным укреплениям обу-

словливалось экономическими факторами — ускорить освоение богатого края.

Чтобы облегчить управление Казахской степью, в начале 60-х годов XIX века влиятельные чиновники колониальной администрации предлагали учредить одно общее управление для Казахской степи и территории казачьих войск Уральского, Оренбургского и Сибирского округов: из губерний Тобольской, Томской и Енисейской образовать гражданское генерал-губернаторство Западной Сибири.¹³ С этой целью был создан Особый Комитет в составе барона К. Врангеля, Имшеник-Кондратовича, П. Солнцева, А. Орлова, Г. Ловицкого, К. Селевестровича, Н. Довеновского.¹⁴ Особый Комитет, изучив возможности учреждения в Казахстане общего управления для всей Казахской степи, в феврале 1865 г. пришел к убеждению, что исполнение этой меры потребует значительных расходов и представляет существенные неудобства в административном и военном отношениях¹⁵.

Предложение царских чиновников разделить Казахский край на два административных управления — первое с центром в Тургае, другое в Каркаралы — также не встретило поддержку тех, кто разрабатывал различные проекты.

Сложность выбора вариантов обуславливалась своеобразием не только природно-географических особенностей различных регионов Казахстана, когда в степных северо-восточных, центральных районах доминирующим видом экономики оставалось кочевое скотоводство, в силу чего рост производительных сил замедлялся экстенсивным животноводством и тем, что система административного управления должна быть устроена с учетом отмеченных обстоятельств. Наоборот, в районах Южного Казахстана и Жетысу в силу сложившихся экономических традиций поливное земледелие в поймах рек Чу, Талас, Или, Сырдарья и широко распространенная оседлая жизнь, находившаяся во взаимодействии с земледельческой культурой среднеазиатских тюркских народностей, обуславливали сочетание социально-экономических укладов, несколько отличавшихся от жизненного уклада, характерного для засушливых окраин. Предполагаемая же реформа была призвана ускорить процесс превращения Казахстана с его разнообразием природно-климатических условий в колонию разросшейся в своих границах империи.

В этих условиях наряду с приобретением «иностранческих» окраин, постепенным превращением слабо освоенного края в неисчерпаемый рынок сбыта, источника дешевого сырья, Россия выдвигала задачу коренной ломки прежней системы административно-территориального управления, что, между прочим, должно было вызвать изменения в демографической структуре населения края, правовых положений социальных слоев, которые не претерпели существенных перемен после робких реформ 20-х годов XIX века.

К тому же царские чиновники, работавшие над планами административного переустройства Казахстана, не без оснований предполагали сохранение противоречий между новыми, вновь зарождающимися хозяйственными процессами и старой системой управления. Нововведения, которые предполагалось осуществить в Казахстане, должны были создать благоприятный простор для капиталистических рыночных отношений.

Отмена крепостного права, последовавшие вслед за этим другие пре-

образования в самой России, охват ими других национальных окраин, так или иначе должны были затронуть и далекий Казахстан. Буржуазное содержание этих реформ особенно бросалось в глаза прежде всего неуклонным развитием капитализма «вглубь» — в центральных губерниях империи, «вширь» — в национальных окраинах.

Однако, в такой огромной стране, как Казахстан, правительство не могло игнорировать местные условия, пренебрежение которыми в 20–30-х годах вызвало сильную антиправительственную оппозицию, и ее последствия еще не стерлись из памяти поколения 60-х годов XIX в. Следовало бы предусмотреть юридические основы применения традиционных, обычных законов у казахов с учетом складывавшихся изменений в социально-экономической жизни. Комиссия, направленная в 1865 г. по личному распоряжению царя Александра II в Туркестанский край и казахские степи под руководством действительного тайного советника Гирса, собрала обширный материал, помимо других аспектов, и об юридических нормах действовавших у кочевников адата (обычая) и исламских законоучений.¹⁶ При подготовке реформы настроение широких масс не было принято во внимание. Традиции и обычаи по исламским канонам учитывались лишь в той степени, каковая отвечала политическим и экономическим интересам правящих кругов империи. За проведение радикальных реформ, которые способствовали бы улучшению жизненных условий, соблюдению традиций местного населения, выступал Ч. Валиханов. Великий ученый выражал надежду, что намеченные преобразования, к примеру, в судебной части, вероятно приведут к изменению прежнего административного строя вместо усложненного, обременительного, как для русского правительства, так и для казахского народа бюрократического хаоса, в округах будет образовано более рациональное управление на началах самоуправления.¹⁷ Однако соображения выдающегося знатока жизни казахов, для которых подготавливалась реформа, были отвергнуты.

Будущее «Временное положение» было подготовлено царизмом на основе рекомендации правительственных чиновников при активном привлечении известных представителей местных феодальных групп, таких, как М. Сейдалин, полковник Ч. Валиханов, крупный скотовладелец М. Чорманов и др., в целом лояльно настроенных к правительственным преобразованиям.

11 июля 1867 года царь Александр II подписал указ об утверждении проекта «О временном положении управлении Сырдарьинской и Семиреченской областями»¹⁸, 21 октября 1868 г. — проект другого «Временного положения» об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями.¹⁹ Оба проекта «Временных положений» было решено вводить, начиная с 1 мая 1869 г.²⁰

Таким образом, завершение присоединения казахских земель в состав России и утверждение империи на юго-восточных рубежах выдвинули задачи переустройства управления Казахстаном в соответствии с новыми переменами, складывавшимися в социально-экономической жизни кочевников. Объективное реформирование системы административно-политического и судебного управления обширного края было призвано ликвидировать несоответствие между старыми принципами административно-политической власти и растущими интересами развития капиталистического предпринимательства «вширь». Утверждая проекты управления по

«Временным положениям», Петербургский двор рассчитывал ускорить колонизацию и освоение Казахстана в интересах растущей промышленности империи.

2. ВОССТАНИЕ КАЗАХОВ В УРАЛЬСКОЙ, ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТЯХ В 1868–1869 гг. И НА МАНГЫШЛАКЕ В 1870 г.

Капиталистическая Россия не могла не оказывать все возрастающее влияние на социально-экономическое и политическое развитие национальных районов, в том числе Казахстана. Конечно, проникновение капиталистических отношений в экономику казахского аула само по себе явилось прогрессивным явлением. Однако, не следует отрицать факт усиления колониального угнетения в связи с постепенным вовлечением обширного края в систему новых социально-экономических процессов.

«Временное положение», в основу которого был положен территориальный принцип взамен родоплеменных отношений, прочно сохранявшихся в жизни казахского общества до этого²¹, хотя ускорило проникновение рыночных элементов в жизнь местного населения, углубило острые противоречия, вызвав восстания 1868–1870 гг.

Основные статьи «Временного положения», разрушавшего прежнюю систему землепользования, вызвавшего увеличение кибиточного сбора, не смогли оставаться вне внимания тех, для кого эта реформа предназначалась. Ввод «Временного положения» в целом не встретил сопротивления в Среднем жузе, и восстание охватило в основном Младший жуз. Исследователь В. Ф. Шахматов объяснял это тем, что в Среднем жузе аналогичное административное управление в основном вошло в жизнь еще в 20–40-х годах, когда ханская власть была упразднена.²² Исследователь Н. А. Серeda видел причину возмущения в Уральской области «не в народе и реформах», а в способе управления казахами через султанов. Он подверг критике сам процесс подготовки «Временного положения». «Все работы, — писал историк, — производились в тиши кабинетов сначала в Петербурге, в комиссии статс-секретаря Бутакова, без какого-либо участия в этих работах не только кого-либо из влиятельных и преданных нам киргиз (казахов. — *Ред.*) хотя бы в виде депутата от народа, жизнь которого хотели перестроить на новый лад...»²³

Одним из факторов, вызвавших возмущение кочевого населения, явилось ужесточение фискальной политики правительства. Причем рядовые кочевники и состоятельные семьи несли повинности одинаково, что явилось проявлением покровительственной политики царизма в отношении конформированных слоев казахского общества; резкое увеличение налогов и других повинностей явилось толчком к началу народных выступлений в Уральской, Тургайской областях и на Мангышлаке, хотя администрации губернаторов областей отрицали явный факт дифференцированного отношения масс к «Временному положению», очевидно, рассчитывая на спокойное восприятие его нововведений. «Киргизы в этих волостях (Тургайской области. — *Ред.*) хорошо поняли всемилоостивейше дарованные им права, подчиняются (новому. — *Ред.*) порядку, созданному положением охотно и с чувством благодарности...», «... благодаря богу

не последовало со стороны киргизского населения не только какого-либо беспорядка, но даже невозможно сомнения в неустойчивости дел...»²⁴, — вот подборка нескольких документов, составленных чиновниками Уральско-го областного управления, выдававших желаемое за действительность.

Тем временем негодование казахов, особенно налоговой политикой правительства, начавшейся осуществляться почти сразу же после одобрения царем «Временного положения», к концу ноября 1868 г. вылилось в вооруженное сопротивление. Небольшие казачьи разъезды, действовавшие против плохо вооруженных, но прекрасно знавших местность повстанцев, не могли ослабить их напор.

Более организованные действия карателей начинаются с весны 1869 г. В начале марта из Оренбурга в Эмбенский район был отправлен двухсотенный казачий отряд. Но отряд во время следования по степи подвергся нападению «шайки киргиз», действовавших по р. Хобда и Илек, где правительство еще не осмеливалось ввести реформу.²⁵

По собранным сведениям удалось выяснить, что эта группировка состоявших представляла собою объединенную силу двух отрядов, одной из них командовал султан Хангали Арсланов, другой — Ихлас Досов. Утверждение генерал-адъютанта Н. А. Крыжановского, что «благомыслящее население вовсе не сочувствует хищникам»²⁶ явилось плодом его желания создать у военного министра, на имя которого был составлен рапорт, благоприятное впечатление о ходе проведения новой реформы. Следующий его рапорт военному министру от 17 апреля 1869 г. содержит факты распространения восстания на смежные земли. 8 мая 1869 г. начальник Илецкого уездного управления доносил оренбургскому генерал-губернатору о нападении отряда аульного старшины, бия Жирен-Катынской волости Уральской области Тундуг-бая Купукбаева в количестве 150 вооруженных людей на казахов Туз-Тюбинской волости, принявших «Временное положение»²⁷.

Ввиду того, что вооруженные выступления происходили почти одновременно в ряде районов двух смежных областей, трудно было рационально распределить наличные силы казаков, пока что незначительных регулярных частей. Причем восставшие нацеливали свои разбросанные отряды не против крупных военно-опорных пунктов правительства, достаточно обеспеченных силами самообороны, а против ставших ненавистными старшин, волостных, укрывавшихся под защитой казачьих отрядов в казахских аулах. Старшина аула №6 Буртинской волости информировал колониальную администрацию о противоправительственных действиях отряда «злонамеренных киргиз» Хангали Арсланова в районе р. Кызыл-Булак. Отряд численностью примерно до 100 человек изломал все почтовые кибитки, разграбил разного имущества и угнал 174 лошадей, 36 жеребят, 24 верблюда, всего на сумму 1556 руб. 93 коп.; не обошлось без жертв — «хищники» убили Жумана Утюгулова, Куды Сутемгенова, «жестоко ранили» Мертонова, слегка — Турантая Жанбусова, Туркабая Казыбая и др.²⁸

Восстание широко охватило и северо-западные районы Уральской области, в частности, кочевья воинственных родов табын, шекты, активное участие которых в антиколониальных движениях было замечено и по предыдущим народным восстаниям. И на сей раз табынцы внесли ощутимый вклад в антиколониальную борьбу пореформенного периода. В мае

1869 г. «злонамеренные киргизы» табынского рода Жилкишинского отделения Кутебай Жанашы, Шынбай Мендалин, Урпак Бишеков, Карабуркут Бербусынов, Карабек Тажиев, Бектан Кылышбаев и другие, в числе 50 человек, совершили нападение на аулы казахов, производящих вспашку земель по р. Кушкун-Су и учинили угон лошадей.²⁹

Колониальные власти, не вникая в суть истинных мотивов расширения востания по территории двух смежных степных областей, все время «видели» причину этого в хивинском влиянии.

До 60-х годов XIX в. хивинское правительство оставалось вполне лояльным к России, поддерживая с нею прежде всего взаимовыгодные торговые отношения; так и Бухарский эмират производил торговлю именно через хивинские поселения, от чего и казна хана немало «выигрывала».³⁰

Однако военные действия России на юге Казахстана, штурм и захват русскими войсками главного города узбеков Ташкента резко изменили отношение Хивы к России, хивинский хан, «изменив свое поведение», все более и более дерзко и открыто проявлял себя «противником» России, подбивая казахские роды, кочевавшие в южных районах Уральской области, против российского влияния в регионе. Хивинский хан в разгар принятия реформ отправил своих эмиссаров к родам табын, назар³¹, стремясь держать их в русле своих интересов. Хивинцы «привлекали к себе некоторых» казахских старшин, давали убежище всем «врагам нашим», добивавшимся приюта под покровом мусульманского правителя, рассылали в казахские аулы «возмутительные грамоты», высылали в Барсуки, места кочевки казахов, войска под командованием своих беков; в дополнение ко всему, начальник Иргизского уезда капитан Вочак представил генерал-майору Баллюэку прокламацию и «воззвание к войне» с Россией, составленные хивинцами, адресованные казахам рода шекты, кочевавшим на верховьях р. Ор, вблизи укрепления Карабутак и Иргиз. «Чиклинцы — племя самое богатое, многочисленное и влиятельное в обеих (Уральской, Тургайской. — *Ред.*) областях...», — писал оренбургский генерал-губернатор министру В. Д. Горчакову 1 ноября 1869 г., обосновывая необходимость внезапными военными мерами пресечь переход хивинцев в пределы Уральской области, в конечном счете предлагая уничтожить этот ничтожный (Хиву. — *Ред.*) город».³² И все же мы полагаем достоверным факт постоянной солидарности хивинских правителей с восставшими Уральской и Тургайской областей, ибо она была продиктована задачами обеспечения безопасности границ Хивы как самостоятельной страны в условиях возрастания реальной угрозы со стороны России после ее военной победы над Кокандским ханством и установления имперской власти в южных пределах Казахстана. К тому же предводители восстания в двух степных областях — султан Хангали Арсланов, бии Дауит Асаулов, Азберген Мунайпасов, уфимский мулла Ихлас Досов, мулла Рыскулов³³ и др. в разной мере были связаны с хивинской властью, опирались на ее поддержку, тем самым способствовали активизации военных действий царизма и на территории Хивинского ханства, обрекая на поражение и восстание казахов 1870 г. на Мангыстау.

На Мангыстау «Временное положение» было введено лишь в 1870 г. Царская администрация опасалась, что род адай — основное население Мангыстау не примет без борьбы «Временное положение» и ожидала более благоприятных условий для его осуществления. Некоторые чиновники вообще ставили под сомнение своевременность проведения реформ в

этом регионе, не без основания ожидая бурного возмущения одного из самых воинственных родов Младшего жуза — адай, сохранявших кочевнические традиции в большей степени, чем где-либо: «...адаевцы плохо были подготовлены к принятию нового положения и оно здесь (на Мангыстау. — *Ред.*) было едва ли своевременно», — выразил свое опасение неизвестный автор.³⁴

По некоторым данным, в 1870 г. на Мангыстау находилось около 20 000 кибиток адаев, и за два года они должны были внести 160 000 руб. кибиточного сбора.³⁵ Для сравнения — к 1 ноября 1870 г. в Семипалатинской области было собрано 289 951 руб. 51 коп. кибиточной подати, в Акмолинской же — 179 052.³⁶ По другим же данным, численность адаев составляла до 40 000 кибиток, и кибиточный сбор должен был возрасти до 250 000 руб.³⁷

Мангышлакский пристав подполковник Рукин, не считаясь с затруднительным положением степных обитателей, потребовал от адаев, согласно новому тарифу немедленно внести кибиточную подать за 1869—1870 гг.; многие местные жители, в т. ч. жатаки-рыбаки с полуострова Бузачи отказались выполнить требование Рукина.³⁸ Неосторожные действия Рукина, стремившегося силой приостановить откочевку адаев к летовкам, послужили поводом к началу повсеместного восстания адаев. В марте 1870 г. отряд Рукина оказался окруженным большой группой повстанцев, 25 марта в открытой стычке командир отряда и около 20 карателей погибли. Иса Тленбаев, предводитель восставших, проявил умение руководить большими массами людей и проявил дипломатический такт в переговорах с карателями.³⁹ Одна из блестящих побед слабовооруженных номадов над регулярными частями укрепила позиции адаев.

В начале апреля, вдохновленные победой, восставшие совершили нападение на Николаевскую станицу, Александровский форт, однако их постигла неудача. Царские власти были напуганы небывалой решимостью кочевников, что вынудило их запросить дополнительную военную поддержку; прибытие свежих сил с Кавказа изменило соотношение сил. Ввиду явного превосходства, восставшие отступили в труднодоступные районы Устюрта.

Граф Кутайсов, в руках которого было сосредоточено руководство подавлением движения, выдвинул свой план умиротворения «самых диких, грубых и воинственных, киргизцев». Графский план предусматривал «углубление во внутрь страны, предварительно заняв в ней такие пункты, миновать которые не могли местные адаевцы» при необходимых для них кочевках и тем самым, преградив им путь к отступлению, «принудить к покорности».⁴⁰ В качестве пунктов, удобных для занятия русскими отрядами, Кутайсов выбрал урочище Бес-Акты на Мангыстау в ста верстах от Киндеринского залива и урочища Сагим, находившегося в северной части возвышенности Устюрт, «в соседстве» с Оренбургской степью.⁴¹ В первом пункте в случае одобрения плана решено было сосредоточить 6 рот пехоты, 6 сотен конницы при 4 орудиях; во втором — 2 роты, 4 сотни при 3 орудиях. Находящийся поблизости Александровский форт после неудачной атаки восставших был поспешно укреплен 2 ротами и сотней кавалерии.⁴² Сосредоточение в районе значительного контингента регулярных частей, по мнению начальника группы войск в районе Александровского форта генерал-майора Комарова, должно было произвести устрашающее воздействие на восставших и к 1 февраля 1871 г. побудить их принять условия колониальных властей «относительно покорности их русской власти».⁴³ В

случае провала графского плана генерал-губернатор Оренбургского края Н. А. Крыжановский «предлагал закрыть вход в наши пределы» местным жителям к Устурту, «в мирные аулы». Меры правительства помимо других внутренних обстоятельств были продиктованы тревогой новой колониальной администрации перед вероятным развитием событий в плане консолидации сил восставших с Хивой. Отправка предводителями движения делегации к хивинскому хану в расчете на обеспечение внешней поддержки с его стороны опять насторожило местные власти. Хивинский правитель решился действовать с отрядом в 6 тысяч человек при 4-х орудиях для поддержки адайского движения. Но реальных результатов военная демонстрация Хивы в смежных районах не дала, хотя значительно накалила ситуацию в регионе. Да и вряд ли уместно преувеличивать роль «хивинского фактора» в восстании 1870 г., хотя хивинские эмиссары не переставали будоражить адаев, распространяя слухи о возможном обращении казахов в христианство.⁴⁴ Адаи, не раз подвергавшиеся грабежам и поборам со стороны хивинцев, едва ли могли положиться на их заверения о поддержке, о сохранении чистоты священной веры — ислама. К тому же после занятия царизмом южного региона, Хива вряд ли могла отважиться на конфликт с такой могущественной военной державой, как Россия. И цель ставшего начальником мангышлакского отряда графа Кутайсова заключалась в разгроме основного скопища повстанцев, сосредоточенного в районе Александровского форта. Разблокирование сильно укрепленного форта, в нападении на который принимали участие не только адаи, но и наемные рабочие-отходники, а также «все приказчики у торгующих армян и их работники», становилось ближайшей тактической задачей карательного объединения Кутайсова. «Даже местное чиновничество переполошилось, а некоторые перепугались до обморока; решительные действия полудиких аборигенов произвели впечатление политического страха»,⁴⁵ — писал Н. А. Серeda, характеризуя обстановку в районе Александровского форта в момент приближения кавказских войск Кутайсова. Отряд с двумя ротами стрелков и с одним орудием в 12 верстах от форта обеспечил перевес наступавших.⁴⁶ В декабре 1870 г. предводители движения Досан Тажиев, Иржан, Иртамбет Куловы, Иса Тленбаев и многие их приверженцы, около 3 тысяч кибиток, перешли в пределы Хивинского ханства.⁴⁷

Таким образом, несмотря на массовость восстания, казахским шаруа — основной движущей силе — так и не удалось добиться прочного объединения своих рядов, что позволило незначительным по численности карательным отрядам погасить основные очаги народного сопротивления; узкородовые интересы, привязывавшие казахских шаруа к их сородичам, вызвали текучесть в отрядах восставших, значительно уступавших по своей организованности воинскому контингенту колониальной империи. Руководители восстания, отчасти принадлежащие к родовой верхушке, а то и к высшей кочевой аристократии, проявили двойственность, придерживались разноплановых позиций. Вместе с тем, Н. А. Серeda, Юр-Ко и другие авторы еще в конце прошлого столетия отмечали тот фактор, что представители феодальных групп, прибрав в свои руки руководство крестьянским движением, стремились сгладить сильные антифеодальные оттенки в восстании.

Хотя восстание носило локальный характер, однако его географические рамки были весьма широки — почти весь Западный, часть Северного

Казахстана были охвачены выступлениями казахских крестьян, усложнившими осуществление «Временного положения».

3. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КУРС НА МАССОВУЮ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКУЮ КОЛОНИЗАЦИЮ

Аграрная политика царского правительства в отношении земель, занимаемых казахами, проводилась постепенно, но последовательно и была направлена на утверждение юридических и хозяйственных прав государства. Так, в «Уставе о сибирских киргизах» 1822 г. нигде прямо не сказано о государственной собственности на землю. Объявлялось, что «каждый округ имеет определенные надлежащим разграничением земли, и жители другого округа не переходят на оные без точного позволения местного начальства.»⁴⁸ Влияние местного начальства ощущается и в других статьях о землях. Именно областной начальник имел решающую роль в разграничении земель, к тому же при участии военных. Кроме того, областное начальство отводило из окружных земель участки для местопребывания старшего султана, для заседателей, а также в наследственную собственность под хозяйственные заведения — тройную норму султанам и двойную — старшинам. Одинарная норма в 15 десятин выделялась на правах пользования казакам, переводчикам и казахам — целенаправленно для занятия земледелием, но при запущенности через 5 лет отбиралась. Спорные земельные вопросы решались по жребию в присутствии трех свидетелей из числа биев.

В «Положении об управлении оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 г. уже прямо заявлено, что «занимаемые оренбургскими киргизами земли, составляющие в виде особой области часть Всероссийской империи, состоят в ведении Министерства иностранных дел» и что «проекты и всякие новые предположения относительно оренбургских киргизов и земель, на коих они кочуют, оренбургский военный губернатор вносит в Министерство».⁴⁹

Позже, в 1867 г. члены комиссии по выработке Положения об управлении в казахских степях отмечали, что другого закона, который определял бы земельные права казахов, не существует и на основе его казахские земли «местные начальства Оренбургского края признавали и признают... государственными».⁵⁰ Конкретно вопрос о собственности на землю встал перед правительственными органами в связи с отводом в степи участков для горнопромышленников в середине 60-х гг. XIX в. Поэтому во «Временном положении об управлении» от 21 октября 1868 г. уже четко регламентированы пользование и владение землей. В § 210 «Временного положения» записано, что «земли, занимаемые киргизскими кочевьями, признаются государственными и представляются в общественное пользование киргизов».⁵¹ Все земли подразделялись на зимовки и летовки, в соответствии с чем определялись формы пользования ими. Так, зимовки распределялись на специальных съездах и сходах между волостями и аулами, а внутри аульных обществ — между отдельными кибитковладельцами. Зимовки могли быть отграничены, а постройки на них составляли частную собственность. Зимовки передавались по наследству, правда, пока су-

ществовали постройки. Летние же кочевки предоставлялись в общественное пользование волости согласно установившимся обычаям общинного права. По взаимному соглашению членов волости, земли хлебопашества и сенокосения, строения на них также являлись частной собственностью. Аналогичное по сути поземельное устройство кочевого населения юга Казахстана было объявлено в «Положении об управлении Туркестанским краем» от 2 июня 1886 г.⁵²

«Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» 25 марта 1891 г. унифицировало и свело воедино все законы о землепользовании и землевладении на территории современного Казахстана. Собственно, в нем в основном повторялись и закреплялись каноны «Временного положения» 1868 г. Земли, в том числе и леса, признавались государственной собственностью (ст. 119), а земли, занимаемые кочевьями, предоставлялись в бессрочное общественное пользование (ст. 120). Однако «Примечание I» к ст. 120 было совершенно новым по содержанию и гласило, что «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ».⁵³ «Этим путем, — говорилось в комментарии к «Примечанию I», — ограждаются в будущем права государства на всю обширную территорию степных областей, без стеснения в то же время кочующих инородцев.»⁵⁴ Таким путем правительственные органы закрепили юридически свои уже фактически существующие права распоряжаться землями, принадлежавшими казахам.

Но вскоре стало очевидно, что даже это эфемерное «Примечание» государство соблюдать не собиралось, ибо оно, еще даже не предприняв попыток, уже с 1893 г. приступило к размежеванию участков для переселенцев. Один из чинов переселенческих партий, землемер и статистик Т. И. Седельников писал позже, что в 1904 г. при некоторых перетурбациях высшие чины землеустроительных комиссий Степного края опасались, как бы не возник вопрос о законности изъятия земель у казахов, т. к. не были выполнены предварительные условия: размежевание земель и поземельное устройство коренного населения. Он подчеркивал, что «одна постановка такого вопроса приводила ... столпов колонизации степи в ужас, так как к тому времени они сами уже сознавали, что юридическое основания у этой колонизации не было и нет».⁵⁵ Очевидно, что волна крестьянских переселений, вновь поднимавшаяся в начале 90-х гг. XIX в., вынудила правительство пойти на явное беззаконие.

Отношение правительственных органов к прежним переселениям имело свою предысторию и было соответствующим образом отражено в законодательстве.

Как известно, крестьянская колонизация казахских земель с XVIII в. шла вслед за казачьей. Масштабы этих переселений были невелики, а «Устав об управлении инородцами» 1822 г. строго запрещал россиянам самовольно селиться на землях, «во владение инородцам отведенных».⁵⁶ Впрочем, уже тогда была разрешена аренда земель по договору с казахскими общинами. А «Временное положение по управлению степными областями» 1868 г. прямо объявляло, что «киргизы, как в составе общества, так и отдельные лица, имеют право уступать свои участки, или части оных, в пользование русских, по добровольному соглашению, которое должно быть засвидетельствовано в уездном управлении».⁵⁷ Здесь же было

сказано о некоторых льготах для переселенцев: отведение места для построек, выдача бесплатного лесоматериала. Однако механизм отторжения земель еще не был оговорен. В 60-х годах XIX в., когда после отмены крепостного права стала возможной относительная мобильность российского крестьянства, местные власти Степного края столкнулись с проблемой самовольных переселений. Первыми самовольными переселенцами в Акмолинской области, например, были тобольские и пермские крестьяне, поселившиеся в 1866 г. у оз. Саумалкуль в Кокчетавском уезде. По закону, Акмолинская область была официально открыта для переселения в 1889 г., но к этому времени здесь уже существовало 21 незаконное поселение крестьян.⁵⁸ Картина была такова: «Целые партии людей, искавших непочатых мест для хлебопашества и других промыслов, бороздили Акмолинскую область вдоль и поперек».⁵⁹ В «Киргизской степной газете» отмечалось, что такое самовольное переселение вначале было с выгодой использовано местным казахским населением, которое на практике применило право сдавать свои земли в аренду. К началу 80-х годов в Кокчетавском уезде существовало немало арендаторов из крестьян, в большинстве случаев нелегальных.⁶⁰ Как это происходило в реальной жизни, можно представить из архивных документов. Так, вблизи аула № 3 Кинаральской волости Кустанайского уезда образовались заимки Каменская и Белояр. Лишь часть поселенцев имела расписки о покупке земли под землянки у казахов этого аула, а «большинство поселилось произвольно: приходили переселенцы партиями и, не спросившись никого, выбирали места рядом с ранее пришедшими и строили землянки, а потом покупали у киргизов на честное слово землю под посев..., чему способствовали и сами киргизы, продавая даже свои землянки».⁶¹ Местная администрация, выполняя правительственные директивы, пыталась устранить самовольные поселки, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивах многочисленные поименные списки незаконных переселенцев, там отмечено, что каждому из названных крестьян объявлено о «воспрещении прочного устройства в поселке».⁶² Крестьяне должны были вернуться на прежнее место жительства. Но не сумев справиться со стихийной массой, степной генерал-губернатор в 1891 г. временно запретил въезд крестьян в Акмолинскую область.⁶³

И, наоборот, особые условия создавались для переселенцев в местах, где насаждение «русского элемента», по мнению правительства, было необходимым. Ими являлись, прежде всего, сравнительно недавно вошедшие в состав империи Жетысу, Зайсанское приставство и т. п. Так, например, правительственные органы считали, что «... водворение русских людей в особенности важно для Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов в целях охраны нашей границы с Китаем». Далее высказывалось пожелание, чтобы «вся пограничная полоса... была бы покрыта сплошной стеною русских поселков».⁶⁴ В Жетысу, заселявшемся с 40-х гг. XIX в. исключительно казаками, в 60-х гг. по инициативе губернатора области Г. А. Колпаковского было разрешено размещение крестьян «в целях обрусения края». Первыми поселенцами из европейской России стали 242 семьи воронежских крестьян, которых из-за отсутствия земельных участков зачислили в мещане г. Верного, где «они развели замечательные верненские сады, занимаясь в то же время и земледелием,

заарендовывая нужные для этого земли у казаков ближайших станиц». ⁶⁵ Для привлечения крестьян с 1868 г. действовали правила, по которым жетysуiskим переселенцам на одну душу мужского пола выделяли 30 дес. земли, выдавали ссуду на обустройство хозяйством и на 15 лет освобождали от налогов. ⁶⁶ За период с 1868 по 1880 гг. в Жетysуiskую возникло 36 крестьянских селений. ⁶⁷ В середине 80-х гг. земель, пригодных для хлебопашества, здесь стало не хватать, и размеры надела были уменьшены до 10 дес., а льготный период сократили до 5–10 лет. Кроме того, теперь оговаривалось, что к переселению в Туркестанский край допускались «исключительно русские подданные христианских вероисповеданий, принадлежащие к состоянию сельских обывателей». ⁶⁸ Вместе с тем, именно в этот период Казахстан становится одним из основных районов земледельческой колонизации в Российской империи. ⁶⁹ Переселению способствовало несколько факторов, как постоянных действовавших, так и переменных во времени. К первой группе относятся: наличие на окраинах малозаселенных территорий; феодальные пережитки, включая и крестьянское малоземелье; нехватка заработков на родине; низкое качество земель и малоэффективность производства. В качестве переменных факторов могут быть названы неурожай; распространение слухов; правительственная политика, поощрявшая или сдерживавшая переселение и др. ⁷⁰

Соответственно распределению этих факторов во времени нарастали и спадали волны крестьянского переселения. Характерно, что правительственные постановления в этот период шли не впереди, а следовали за событиями, пытаясь то сдерживать переселение, то ввести его в определенные рамки. Аграрный кризис, с 80-х гг. XIX в. охвативший Европу, затронул и Россию, где 1880 г. к тому же выдался голодным. Вследствие этого миграция крестьянства из европейских районов России на окраины империи усилилась. В конце 1881 г. были приняты временные правила о переселенцах, которые разрешали крестьянам переселяться на окраины, но лишь с позволения соответствующих органов. Однако в 1883 г. переселение в Казахстан было вновь запрещено. ⁷¹ Наконец, после пятилетней разработки вступило в силу положение от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время». ⁷² Переселение допускалось лишь по специальному решению органов Министерств внутренних дел и государственных имуществ. Разрешение предписывалось давать лишь «надежным» хозяевам, «заслуживающим уважения», направляя их на земли, предназначенные для заселения. В Степном крае это были Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области. Положение включало в себя правила об образовании земельных участков, о порядке причисления вновь прибывших, систему пособий и льгот переселенцам. Земельные нормы в степных областях конкретно не определялись, а устанавливались «в размере, определяемом ... условиями земледелия и производительностью почвы». Положение 1889 г. фактически открыло Казахстан для переселенцев из России, но оно, как и все последующие законодательные акты, не смогло упорядочить переселенческое движение. Бюрократические проволочки затягивали выдачу разрешений примерно на год и около половины крестьян-переселенцев по-прежнему пускались в дорогу нелегально, хотя положение 1889 г. предписывало возвращение каждого самовольца на место приписки в

административном порядке. Впоследствии этот закон дополнялся различными указами и циркулярами правительства, направленными то на некоторое расширение переселения, то на запрещение или приостановление его. Местные власти предпринимали самостоятельные попытки борьбы с самовольными переселениями. Военный губернатор Тургайской обл. генерал-лейтенант Барабаш предписывал своим подчиненным, чтобы впредь «самовольные переселения не могли быть терпимы..., возложить на уездную администрацию особливо бдительное наблюдение за тем, чтобы на местах не предпринималось переселение без надлежащего на то разрешения и чтобы обнаруженные приготовления к самовольному переселению были немедленно прекращаемы, а виновные в том лица привлекались к законной ответственности».⁷³ В данном случае речь шла о репрессивных мерах против крестьян, уже приписанных к какому-либо участку, но пытавшихся найти более удобные земли в других местах. В этот поток внутриуездных и внутриобластных миграций вливались и крестьяне, не получившие вообще никакого надела — «неприписанные». В 1896 г. только по трем волостям Кустанайского уезда Тургайской области было 4033 души мужского пола, не наделенных землей.⁷⁴ В результате в конце XIX в. сельское население азиатских окраин империи обладало высоким показателем подвижности — 14,7%, тогда как в целом по стране этот критерий был лишь 9,8%.⁷⁵

Новый миграционный поток после голода 1891—1892 гг. в России и завершение в 1893 г. постройки западных участков Сибирской железной дороги поставил правительство перед необходимостью упорядочить землепользование казахского населения и самовольно вторгшихся крестьян. К этому вынуждало множество конфликтов переселенцев как с местным населением, так и с крестьянами-старожилами. С 1893 г. начала работать 1-я межевая партия в Акмолинской области, позже были образованы и другие партии. Работа их была малоудовлетворительной.⁷⁶ В 1894 г. Николай II отметил в отчете степного генерал-губернатора «необходимость скорейшего обследования качества и определения количества свободных земель, находящихся в использовании кочевого населения Акмолинской и Семипалатинской областей».⁷⁷ Организация такого обследования была вменена в обязанность Комитета Сибирской железной дороги. Комитет отметил «замеченное в последние годы особое стремление выходцев из европейской России к поселению в пределах Степного края, ввиду чего следовало позаботиться постановкой колонизации его на прочные основания».⁷⁸ Результатом стала организация по инициативе Комитета экспедиции по исследованию степных областей под руководством известного земского статистика Ф. А. Щербины. За период с 1896 по 1903 гг. экспедиция подвергла статистическому описанию 12 уездов Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей и собрала ценные сведения о казахском хозяйстве. Правительство поставило перед сотрудниками экспедиции задачу: найти возможно большее количество земель для изъятия и определить степень пригодности их для земледелия. Предполагалось разработать нормы казахского землепользования по различным регионам, а из образовавшихся таким образом «излишков» оформить переселенческий фонд.

Надо отметить, что целесообразность внедрения крестьянина в степь подчас вызывала сомнения, а порой и бурный протест. Дискуссия между сторонниками колонизации и ее противниками нашла отражение на страницах местной и центральной печати. Так, Г. Валихан, протестуя против

изъятия зимовок под нужды переселения, писал, что «отобрание у киргиз таких мест сделает положение их в крае невозможным».⁷⁹ С другой стороны, «Киргизская степная газета» неоднократно поддерживала переселенческую политику правительства и в 1894 г. в одной из статей заключала: «Нельзя же не только в интересах общего благосостояния, но и во имя простой справедливости допустить, чтобы в одном месте государства сельские обыватели имели ничтожные клочки земли, совершенно не обеспечивающие их семьи, а в другом — на каждую семью приходилось сотни десятин.»⁸⁰ Много противников колонизации Степи было среди работников местной администрации, представители которой весьма прагматично смотрели на процесс переселения и на практике имели дело с примерами реальных осложнений в хозяйстве казахов и прочих последствий этого явления. Степной генерал-губернатор в отчете за 1901–1902 гг. обращал внимание вышестоящих органов, что «водворение переселенцев ограничило кочевнику простор не только в смысле количества, уменьшением площади кочевья, но и в отношении использования этого простора, сузив кочевые пути и отрезав от воды. Наносимый удар экономическому положению кочевника продолжает развиваться... Таково не столь культурное, а пока скорее отрицательное для массы киргизского населения значение фактора водворения переселенца в степи...»⁸¹

Неудивительно, что мнение о необходимости сохранения кочевого хозяйства в Казахстане высказывалось и в самых высоких кругах. Так, совещание по вопросу об исследовании степных областей, проходившее в Петербурге 18 марта 1895 г., пришло к выводу, что «...кочевое хозяйство является в значительной мере результатом не культурной отсталости кочевников, а естественно-исторических условий, делающих земледельческую эксплуатацию тех или иных пространств невозможной» и что «кочевники должны быть сохранены как элемент полезный государству, позволяющий последнему пользу из таких площадей, которые иначе были бы мертвыми пустынями...»⁸² Однако, как известно, победила иная точка зрения и Казахстан на многие годы стал объектом земледельческой колонизации крестьян-переселенцев из европейской части Российской империи.

Таким образом, переселенческая политика царизма в Казахстане до 90-х гг. XIX в. была определена лишь стратегически, в виде основной линии — заселить окраины «крепким элементом» из крестьянской среды. Наряду с этим шел процесс выработки фактических и юридических прав правительства распоряжаться землями местного населения. Затем, в середине 90-х гг. был взят курс на массовую колонизацию казахских степей.

4. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И СУДЕБНОЕ УСТРОЙСТВО В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX в.

Положение об управлении Туркестанским краем от 2 июня 1886 г. Восстание 1868–1870 годов подтвердило опасение царизма о возможном неприятии местным населением «Временного положения» 1867–1868 гг., которое, правда, внесло немало изменений в административно-территориальную, судебную и хозяйственную структуру колониального Казахстана. И только в середине 80-х годов XIX в. стало возможным в законодательном

порядке закрепить перемены в социально-экономическом развитии Казахстана, ставшего сырьевым придатком бурно растущей российской промышленности.

Система управления обширным Казахстаном оказалась пристегнутой к общеимперской административно-политической системе одной из мощных империй — России. Казахстан стал составной частью многонациональной Российской империи, воспринимая в своем развитии зачатки предпринимательства и новых производственных процессов, присущих капиталистической рыночной экономике.

В этом плане основные направления «Временного положения», которые в основном соответствовали уровню социально-экономического развития 60—70-х годов, к концу XIX в., вследствие глубоких социальных дифференциаций в обществе, разительных перемен в доминирующей форме хозяйства — скотоводстве, процессе урбанизации, тесного переплетения социально-экономических укладов городского и сельского населения, изменения взглядов автохтонных обитателей Степи на самобытность повседневной жизни кочевников, по существу, устарели.

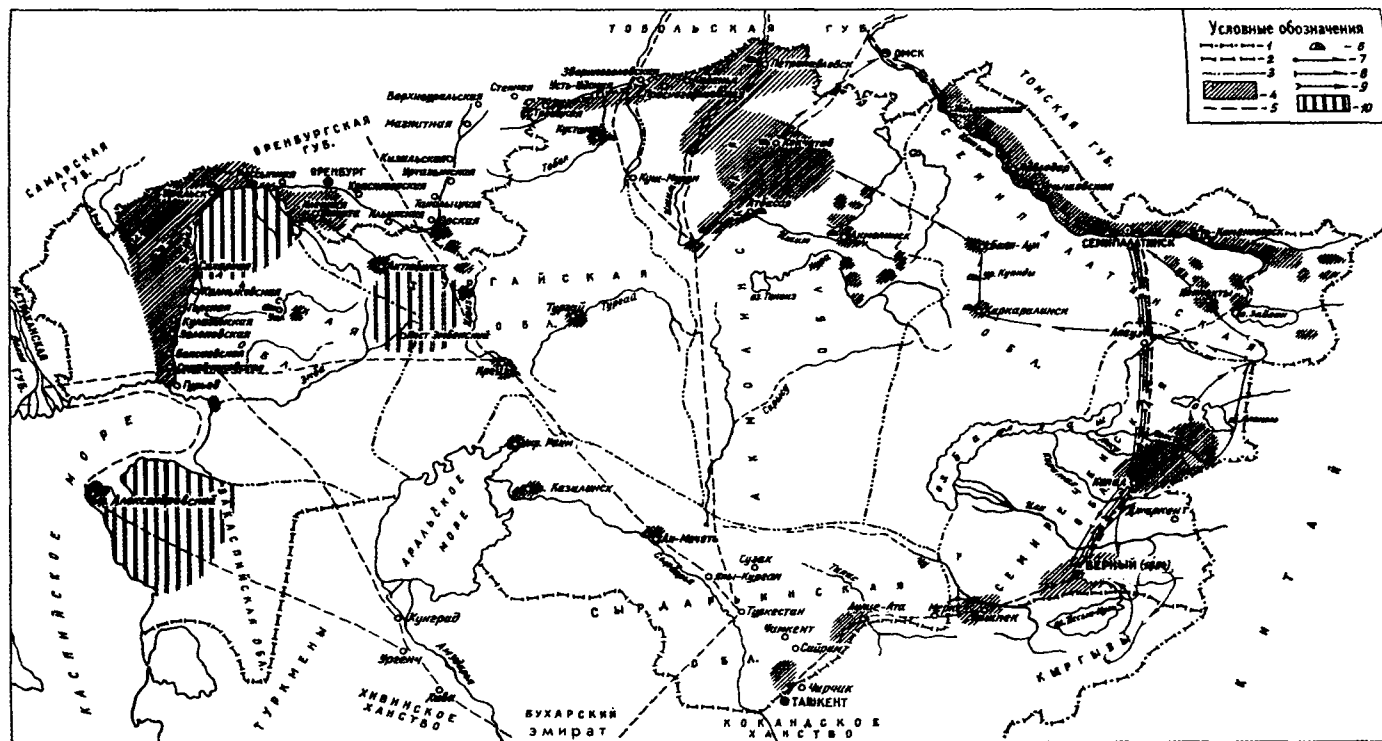
Взаимоотношения метрополии и колонии подвергались небывалым изменениям и побудили колониальную администрацию и правительство осуществить давно задуманные преобразования — узаконить «Временные положения» 1867—1868 гг., внося существенные коррективы в те разделы, которые нуждались в серьезных обновлениях и дополнениях.

Подписанный 2 июня 1886 г. указ царя Александра III об управлении Туркестанским краем положил начало реформированию всей структуры управления обширным краем.

Согласно новому положению Туркестанское генерал-губернаторство включило в себя три области: Сырдарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую. Позднее, в 1897 г. в состав нового генерал-губернаторства была передана и Семиреченская область.

По-прежнему была сохранена и несколько усилена власть генерал-губернатора, превратившегося в почти единовластного правителя, во главе областей стояли военные губернаторы. Такая постановка высшей чиновничьей власти за 20 лет оправдала себя, особенно в утверждении на местах довольно стройной системы управления, облегчавшей колонизацию края. Из всех областей Туркестанского генерал-губернаторства к Казахстану непосредственное отношение имели две — Сырдарьинская, Семиреченская. За прошедшее время принцип уездного разделения сохранился, в количественном отношении и историко-географическом разграничении их границ произошли заметные сдвиги: Сырдарьинская область — 5 уездов, из них Аулие-Атинский — 7 800 квадратных верст, Перовский — 105 725, Казалинский — 59 550, Чимкентский — 91 025, Ташкентский — 32 100, Амударьинский отдел с двумя участками — Шуруханский — 50 500, Шымбайский — 32 800 кв. верст.⁸³

Соседняя Семиреченская область, занимавшая площадь в 353 430 кв. верст с населением в 800 230 человек, состояла из 6 уездов: Верненского, Капальского, Лепсинского, Пишпекского, Пржевальского и Джаркентского. Пржевальский уезд занимал самую возвышенную часть области — отроги Тянь-Шаня, на которых также располагались Верненский, Джаркентский и Пишпекский уезды.⁸⁴ Северные пределы области, сопри-

Казахстан во второй половине XIX в. Условные обозначения: 1 — государственная граница; 2 — границы Казахстана; 3 — границы областей (по Положению 1867—1868 гг. и 1891 г.); 4 — районы расселения крестьян-переселенцев в Казахстане; 5 — торговые пути; 6 — ярмарки; 7 — маршрут экспедиции Ч. Валиханова (1855 г.); 8 — маршрут экспедиции Ч. Валиханова (1856 г.); 9 — маршрут экспедиции П.П. Семенова-Тян-Шанского; 10 — восстание казахов в Уральской, Тургайской областях и волнения на п-ве Мангыстау (1869—1870 гг.).

касясь с Семипалатинской, заканчивались Тарбагатайским и Акчатским (Акчатауским) хребтами.⁸⁵

Главным стержнем Положения 1886 г. являлась передача всего земельного фонда в собственность государства, нанесшего громадный ущерб главной форме экономического благосостояния казахов — скотоводству.

Только в Сырдарьинской области к концу XIX в. насчитывалось 7 727 034 голов скота; а в Семиреченской свыше 7 миллионов голов.⁸⁶ Объявляя землю государственной собственностью, рассматривая местное население в качестве бессрочных арендаторов, предоставляя право последним «пасти скот, собирать песок, камень и глину» (статья 253), правительство ускорило изъятие плодородных угодий у номадов, которое завершилось в начале XX в. проведением столыпинских аграрных реформ.⁸⁷ Политика широкомасштабной экспроприации земли, целенаправленно осуществлявшаяся в интересах переселенческого крестьянства, казачества и других иномациональных мигрантов (уйгуров, дунган и др.),⁸⁸ по существу подвергла коренной ломке традиционные формы земельного пользования в южных районах Казахстана, изрядно обострив систему аграрных отношений у казахов. Совершенно прав был исследователь П. Г. Галузо в своем утверждении, что, если сравнивать права на землю оседлого населения и кочевников, то последние, надо признать, были еще и более крепостническими, чем первые.⁸⁹ Речь идет об ограничительных статьях Положения 1886 г., которое предопределяло пользование землею на основе народных обычаев, при этом статья 276 разрешала казахам Сырдарьинской области пользоваться старыми правами для перехода в период летних кочевий в соседние степные области, для чего требовалось дозволение туркестанского генерал-губернатора, который для разрешения подобных проблем «входил в сношение» со степным губернатором.⁹⁰ Надо полагать достоверным мнение, объясняющее такую «щедрость» Положения экономическими интересами русских промышленников, заинтересованных в вывозе из Казахстана в центральные районы империи продукции животноводства в больших масштабах. Рассматривая ввод частной собственности на землю в южных районах, правительство вовсе не учитывало своеобразие жизни кочевников, состоявшее из трех компонентов — кибитка, скот, степь. Колониальная направленность Положения 1886 г. нашла свое отражение и в налоговой системе, которая, по существу повторяла статьи Временного положения 1867 г.; речь шла лишь об увеличении размеров различных повинностей. Фискальная политика царизма прежде всего раскрывала сущность малопонятного для российских финансовых органов понятия «кибитка» (шанырак).

Кибиточная подать была увеличена до 4 руб. Видимо, восстание 1868–1870 гг. настолько напугало правительство, что оно не сразу решилось установить размеры кибиточной подати. Для этой цели оно провело ряд превентивных мер, постепенно увеличивая сумму подати.

В 1882 г. первоначальный «вклад» в Семиреченской области был увеличен на 1 руб. 25 коп. Однако ввиду огромного ущерба, нанесенного казахским хозяйствам джутом (массовый падеж скота вследствие гололедов) 1879–1880 гг., 4-х рублевую повинность решено было ввести позднее, с 8 декабря 1886 г. в Туркестанском крае, с 1 января 1887 г. в степных областях.

Изменения в судебном устройстве призваны были законодательным порядком обеспечить реализацию тех новшеств, которые зафиксированы в Положении, и оно предполагало защиту интересов социальных прослоек, втянутых в рыночные отношения. Три основные судебные инстанции — мировой судья, областной суд и правительствующий Сенат свели на нет прежние законодательные положения, которые регулировали правовое обеспечение жизнедеятельности общества в тех условиях, когда колониальные порядки только утверждались. Статья 141 устанавливала привлечение к ответственности «туземцев» на общих основаниях имперских законов за следующие преступления: против христианской веры, порядка управления, по государственной и общественной службе, недовольству против внесения государственных повинностей, доходов, собственности.⁹¹ Правительство, хотя придерживалось негативной позиции в отношении предназначений и условий деятельности народных судов, считало преждевременным упразднение исламских судов на основе религиозных установлений и сохраняло его, хотя всякие отговорки, противоправные действия российской судебной системы отодвигали его на второй план. 208 статья гласила: «Оседлые туземцы и кочевники имеют отдельные народные суды, разрешающие подсудные дела на основании существующих в который год означенных частей населения обычаев».⁹² Причем, утверждаемые на 3 года народные судьи, которыми мог стать всякий, кто «пользовался доверием народа, не подверглись наказаниям, превышающим семидневный арест или денежное взыскание свыше 30 руб.», в полной мере не реализовывали свои возможности в условиях скрытого давления начальников уездных управлений, непрестанной борьбы «партий», старавшихся протаскивать на должность судей своих доверенных лиц.

Положение об управлении степными областями от 25 марта 1891 г. Последняя четверть XIX века стала поворотным моментом в социально-экономическом развитии Казахстана. Постепенное утверждение товарно-денежных отношений в социальной и хозяйственной сферах, вытеснение родо-патриархальной системы из повседневной жизни основного контингента обитателей края — казахов круто изменил характер традиционных производственных отношений, особенно в степных районах в большей степени, чем в южных районах, испытывавших воздействие капитализма, охватывавшего все стороны развития Казахстана как части колониальной империи.

Расширение обрабатывающей, относительно быстрое развитие горнодобывающей промышленности, строительство новых железнодорожных линий, процесс урбанизации, формирование рабочего класса — все это в совокупности привело к изменению всей системы социально-экономических факторов, законодательного обеспечения все более и более утверждающегося рыночного предпринимательства, придавшего Казахстану облик колониальной окраины. Вовлечение Казахстана в общероссийскую жизнь со всеми вытекающими отсюда последствиями наталкивалось на субъективные препятствия, порожденные в основном несоответствием старых законодательных актов с теми переменами, которые складывались в общественно-политической и хозяйственной жизни степных областей. К тому же осуществляемые преобразования во многих сферах жизни двух южных областей — Сырдарьинской и Семиреченской, которые, находясь

в весьма близком соприкосновении со степными районами, объективно вовлекали последних в новый виток административно-территориального управления, и разработка и принятие реформы в остальных четырех областях стало настоятельной необходимостью. Записки, рекомендации многочисленных комиссий, соображения влиятельных чиновников, представителей военно-административной службы также однозначно говорили в пользу проведения подобной реформы, которая осуществилась в 1886 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве. Однако восстание 1868–1870 гг. и последующие антиколонизальные волнения, вызвав переполох и напряженность в петербургских кругах, требовали внимательного, дифференцированного отношения к будущей реформе в связи с неравнозначным восприятием «Временного положения» 1867–1868 гг. в Тургайской и Уральской областях, с одной стороны, где продолжала сохраняться взрывоопасная ситуация, в Акмолинской, Семипалатинской, с другой, где административно-территориальные перемены были воплощены в условиях относительного затишья. Это имело в виду, когда Особый Комитет, на который была возложена разработка и рекомендации по узаконению «Положения», об управлении степными областями констатировал: «Что новое положение (1867–1868 гг. — *Ред.*), встреченное киргизами с сочувствием, было введено в степях Западной Сибири всецело, и что применение сего не встретило на практике никаких особых затруднений...».⁹³

По мнению Особого Комитета, все изменения «первого начального положения» должны были «отнять временный его характер» и в более «точной редакции» устранить всякие недоразумения, «встреченные на практике», в ходе его осуществления, а также развить, дополнить систему управления и суда «на началах возможно ближе подходящих же в прочих частях империи».⁹⁴ Нет никаких сомнений в том, что предлагаемое «Положение» призвано было завершить в Казахстане процесс утверждения российской военно-административной власти на основе учета перемен, обусловленных развитием капитализма «вширь». Таким образом, царский Указ от 25 марта 1891 г. следует рассматривать, как целенаправленную попытку переустроить жизнь разноязычного населения Казахстана. Более чем двадцатилетний период апробации «Временного положения» 1868 г., восстание 1868–1870 гг., привели петербургский двор к убеждению в необходимости усиления роли, бюрократической в своей основе, генерал-губернаторов с учетом трудностей управления громадными степными пространствами. Укрепление единоличной позиции генерал-губернатора как административного наместника российской монархии являлось одним из главных предназначений нововведения. 5 статей первого раздела довольно четко раскрывают основные права, которыми были облачены главные наместники царя в степных областях, а в приложении «Права, обязанности и образ действия генерал-губернаторов» до мельчайших подробностей расписан каждый шаг главного начальника края от его назначения и до увольнения. Статья 16 первого раздела, а также статьи 208–251 Приложения I определяли главные направления в деятельности генерал-губернаторов: утверждение торгов на всякую сумму по тем казенным строительным работам, на «производство» которых кредиты назначены установленным порядком; утверждение проектов и смет «по сим ра-

ботам», равно как подряды поставки и другие договоры частных лиц с казною, те и другие на сумму до тридцати тысяч рублей.

Время принятия новой реформы ознаменовалось оживлением политической активности населения империи, ростом освободительного движения. Наиболее яркие представители народников, социал-демократического движения отбывали ссылку и в Казахстане. Статья 17 положения предоставила генерал-губернатору право по своему усмотрению высылать «вредных по политической неблагонадежности и инородцев» в назначенные, по согласованию с Министерством внутренних дел, местности империи, на срок не свыше пяти лет. Правда, при этом генерал-губернатор обязан был доводить до сведения министра внутренних дел о каждом таком распоряжении.⁹⁵

Была упорядочена система управления областями: учреждено Главное управление областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской (чуть позже переданной Туркестанскому генерал-губернаторству) в подчинении степного генерал-губернатора, назначаемого и увольняемого по усмотрению царя, именными «Высочайшими указами».⁹⁶ В случаях увольнения, смерти или тяжелой болезни генерал-губернатора, если при этом исполнение его обязанностей не было поручено императором другому лицу, временно его обязанности выполнял старший по службе из местных военных губернаторов.⁹⁷ Кстати, военные губернаторы Семиреченской и Уральской областей, одновременно — наказные (назначаемые) атаманы казачьих войск с соответствующими штатами составляли чиновничью администрацию области. Права и обязанности военных губернаторов, назначаемых и увольняемых министром внутренних дел, а также положение вице-губернаторов, советников и членов общего присутствия областного правления дополнительно оговаривались «Уставом о службе».⁹⁸ Преобразования охватили и уездные управления, претерпевшие заметные перемены со времени принятия «Временных положений»: Акмолинская область (место пребывания главного управления в г. Омске) состояла из пяти уездов: Омского, площадью 41 048,9 кв. верст, Петропавловского — 60 953,6, Кокчетавского — 63 688,7, Атбасарского — 114 549,5, Акмолинского — 198 960,4;⁹⁹ Тургайская область (областной центр в г. Оренбурге) — из 4: Актюбинского — 94 500 кв. в., Николаевского (позднее Кустанайский) — 938 381, Иргизского — 127 360, Тургайского — 147500;¹⁰⁰ Семипалатинская область из 5: Семипалатинского — 64 786,9 кв. в.; Зайсанского — 49 751,8, Каркаралинского — 182 430,6, Павлодарского — 403 788,2, Усть-Каменогорского — 41 487,7;¹⁰¹ Уральская область из 4: Уральского, Калмыковского, Гурьевского и Темирского.¹⁰²

Положение 1891 г. значительно расширяло административные функции уездных начальников, осуществляющих теперь надзор за «всеми обновлениями общественного управления инородцев и прочих сельских обывателей в пределах уезда, а равно производство ревизий состоявшихся решений, как по непосредственному его усмотрению, так по поручениям военного губернатора или областного правления; более того им позволялось подвергать ...инородцев за ослушание законных распоряжений властей и за прочие проступки аресту, сроком не свыше семи дней или денежному штрафу не более 15 руб.»¹⁰³

Положение 1891 г. содержало серьезные дополнения и уточнения су-

дебного устройства в степных областях. Прежде всего, оно подтвердило статью «Временного положения» о приравнивании, как кочевых, так и оседлых жителей к сельским обывателям внутренних губерний России.

Основная задача, ради которой правительство круто изменило прежнюю судебную систему — вытеснение носителей исламского шариата — биев и правовой системы, упразднение их льгот, которыми те пользовались в течение десятков веков. Новое Положение, ликвидировав бийский суд, ввело новую структуру правового устройства под общим названием — народные суды. Статья 210 Положения гласит: «Оседлые туземцы и кочевники имеют отдельные народные суды, разрешающие подсудные им дела на основании существующих в каждой из означенных частей населения обычаев»;¹⁰⁴ следующая статья — 211 определила разряды дел, подлежащих рассмотрению народного суда: все дела о преступлениях и проступках, совершенных туземцами при существенной оговорке, если дела сии не основаны на документах, совершенных или засвидетельствованных при участии русских властей. При этом действия народных судей строго контролировались вышестоящей судебной инстанцией. Приговоры и решения народного суда с превышением власти или по делам ему неподсудным не приводились в исполнение и о них уездной начальник «представлял» рапорт прокурору.¹⁰⁵ Назначение народного суда на основе результатов выбора населением сроком на 3 года исключало избрание кандидатур, малоизвестных народу. К тому же статья 223 не ограничивала претендентов ни социальным происхождением, ни материальным достатком.

Более того, Положением учреждалась в каждом уезде и в городах: Омске, Семипалатинске, Верном и Уральске — должность мирового судьи, в Тургайской области права и обязанности областного суда возлагались на Оренбургскую палату уголовного и гражданского суда.¹⁰⁶

Хотя окончательное разграничение функций исполнительной и судебной власти явилось несомненным политическим итогом Положения 1891 г., колониальный характер нового судебного устройства был очевиден: право губернаторов предавать казахов военному суду под предлогом «непослушание» и т. п. держало местное население в состоянии непредсказуемой ситуации.

Откровенно колонизаторский характер носило Положение 1891 г. по земельному вопросу. Пастушеский образ жизни большей части степных обитателей, во многом определивший материальные ценности, духовный мир, хозяйственную структуру казахов, создавал ошибочное представление об отношении их к земле, которая в условиях родопатриархальных традиций казалась как бы отвлеченной формой общинной собственности. Разрабатывая Положение 1891 г., чиновники мало вникали в суть того, что в связи с вовлечением казахов в денежно-рыночные отношения резко изменилась прежняя стихийная позиция отношения собственности к земле. И вот, статья 119 подтвердила объявление государственной собственностью всего земельного фонда, как заселенного, так и незаселенного, летние же кочевья оставались в пользовании кочевников по обычаям: земли же для горного промысла на зимовых стойбищах отдавались в наем. Права казачьих войск на владение и пользование занимаемыми землями определялись «особыми узаконениями».¹⁰⁷

Превращение Казахстана в колонию, населения — в податное сословие внесли существенные коррективы в фискальную политику правительства в отношении местных жителей. Размеры кибиточной подати в сумме 2 р. 75 коп., позднее увеличенные до 3 р. 50 коп., вносимые кочевниками в течение более чем 20 лет после реформы 1868 г., оказались для правительства недостаточными. Статья 137 Положения обложила кочевое население степных областей в пользу дохода казны податью, исчисляемую по расчету 4 руб. с кибитки и «всякого заменяющего ее помещения для жилья — юрты, дома, сакли, землянки. Тут же в примечаниях дана оговорка — за одну кибитку «считается» летнее и зимнее жилище одного и того же «хозяина».¹⁰⁸ Перепись численности кибиток производилась один раз в три года. Волостные выборные, неверно показавшие число кибиток, подвергались по постановлению областного правления, взысканию двойной суммы подати, «следовавшей» с каждой утаенной кибитки за время изъятия ее от обложения.¹⁰⁹ Статья 149 касалась внесения подати сельскими или оседлыми обществами — русские крестьяне, дунгане, уйгуры облагались за отведенные им в надел государственные земли оброчной податью на общем с государственными крестьянами основании.¹¹⁰ Кроме того, население Казахстана облагалось натуральными и денежными земскими повинностями. Эти повинности касались в основном казахского населения четырех степных областей. Положение не распространялось на казахов, расселявшихся на земле Кабинета императорского двора. Казахи, кочующие по Кулундинской степи (между Иртышом и Обью), в Алтайском горном округе, за пользование землею вносили кибиточный сбор в сумме 6 руб. 50 коп. в пользу Кабинета, остальные — 1 руб. 50 коп. в пользу государственного казначейства.¹¹¹ Кибиточная подать, как правило, собиралась аульными старшинами; те, в свою очередь, полученные средства передавали волостному управителю, который становится ключевой фигурой, имевшей непосредственные контакты с аулами. Вот почему выборы волостных сопровождались острой ожесточенной борьбой «партий», проявлявшейся в подкупах, интригах, ложных доносах. Каждая группировка употребляла все возможные средства, чтобы сокрушить своих политических оппонентов и обеспечить победу собственным выдвиженцам.¹¹² Количество волостных менялось в зависимости от численности населения, числа кибиток. К примеру, в Тургайской области в 1896 г. было 47 волостей, 70134 кибиток.¹¹³ В целом Положение 1886, 1891 годов, отражавшее проблемы социально-экономического развития Казахстана в конце XIX в., явилось продолжением и завершающим этапом нововведений, начатых еще в 20-х годах XIX в.

Объективно сыграв положительную роль в урегулировании всей противоречивой, сложной системы хозяйственных и социально-политических процессов, реформа окончательно превратила край в колониальную окраину империи, ускорив освоение Казахстана, облегчив российским предпринимателям выкачивание громадных природных и иных богатств региона, усугубляя ситуацию фискальной политикой правительства.

5. УСИЛЕНИЕ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ В РЕГИОНЕ

Статус регулярных и казачьих войск. Вторая половина XIX в. стала периодом дальнейшего усиления военного присутствия царской России в Казахстане, наращивания вооруженных сил, совершенствования структуры и организации войсковых группировок, размещения крупных гарнизонов в стратегических центрах края.

Опираясь на Сырдарьинскую военную линию, созданную в 1853–1864 гг., и новую Сибирскую линию, образованную в 1847–1854 гг., Россия развернула военные действия в Южном Казахстане. В 1864 г. двумя крупными воинскими соединениями — со стороны Оренбургского края отрядом подполковника Веревкина (4 роты пехоты, две сотни казаков, 10 орудий и 6 мортир, 2 ракетных станка) были заняты кокандские крепости Сузак, Туркестан и Чулак-Курган; со стороны Сибирской линии отрядом полковника Черняева (10 рот пехоты, две сотни сибирских казаков, тысяча казахских джигитов-добровольцев, 13 орудий и 5 мортир) были захвачены также кокандские укрепления Токмак, Пишпек, Мерке, Аулие-Ата и Чимкент.¹¹⁴ Они вошли в состав Ново-Кокандской военной линии, соединившей левый фланг Оренбургского ведомства с правым флангом Сибирского ведомства, с подчинением ее оренбургскому военному губернатору. Командовал Ново-Кокандской военной линией один из наиболее воинственных и агрессивных царских военачальников, генерал-майор Черняев, позже являвшийся туркестанским генерал-губернатором. С ее созданием завершилось окружение территории Казахстана сплошной цепью военных линий и укрепленных районов. Таким образом, к середине 60-х годов XIX в. в результате непрерывного наступательного движения России в Центральноазиатском регионе и длившейся свыше ста лет военной колонизации Казахстана, край окончательно вошел в состав метрополии.

По времени это совпало с проведением в России в 60–70-х годах XIX в. буржуазных военных реформ, реорганизацией системы комплектования и управления войсками, их дислокации, повышением мобилизационной готовности.¹¹⁵ Претерпела кардинальные изменения и организация царских вооруженных сил в Казахстане, направленная, с одной стороны, на укрепление внешних границ, а с другой на то, чтобы в случае возникновения национально-освободительных движений и восстаний можно было организовать их подавление.¹¹⁶ На закрепление новых колониальных порядков в Степи здесь, в отличие от других мест Российской империи, была установлена подчиненная непосредственно Военному министерству военно-административная система управления.

В 1864 г. были упразднены Отдельные Оренбургский и Сибирский корпуса, сыгравшие громадную роль в завоевании нового края. Они были переименованы в Войска Оренбургского края и Войска Западной Сибири. Ядро вооруженных сил этих формирований составили регулярные войска, прежде всего пехотные линейные батальоны, расквартированные в областных и уездных городах, укреплениях, крепостная и полевая артиллерии, инженерные части, иррегулярные войска — казачьи соединения.¹¹⁷ Военный историк К. К. Абаза не без гордости отмечал, что весь Туркестан, от Урала до китайской границы, покорили всего семь линейных батальонов.¹¹⁸

В тех удаленных местностях и населенных пунктах, где не было ни регулярных, полевых войск, ни казачьих гарнизонов, дислоцировались местные войска, состоявшие из резервных частей, войск внутренней службы: губернские батальоны, уездные местные, этапные и конвойные команды. Они заменили Корпус внутренней стражи, упраздненный в 1864 г. Причем, эти местные команды были достаточно крупными по своему составу. Например, уральская команда насчитывала 300 рядовых и 4 офицера, кроме них временно были прикомандированы еще 150 рядовых и 15 унтер-офицеров. Команда подчинялась уральскому военному губернатору, ее части размещались в Калмыковском и Гурьевском укреплениях. Позже команда перешла в подчинение начальника штаба войск Уральской области на правах командира полка. В 1871 г. Военный Совет империи утвердил решение о создании местных команд в укреплениях Иргиз, Тургай, форте Карабутак и Эмбенском посту с подчинением военным губернаторам Уральской и Тургайской областей. В 1865 г. учреждается петропавловская местная команда с подчинением командиру войск Области сибирских киргизов. В 1880 г. были учреждены местные команды в Акмолинске, Атбасаре и Кокчетаве Акмолинской области; в Каркаралинске, Кокпекты и Зайсане Семипалатинской области. Со штатами: в Акмолинске — 166, Атбасаре — 124, Кокчетаве — 108, Каркаралинске — 106, Зайсане — 182 человек. Позже кокпектинская местная команда была переведена во вновь организованный на китайской границе Катон-карагайский пост.¹¹⁹

По административным реформам 1867—1868 гг. территория Казахстана вошла в состав трех генерал-губернаторств: Туркестанского, Оренбургского и Западно-Сибирского. Их возглавляли генерал-губернаторы, по военному-народному управлению подчинявшиеся военному министру России. Они сосредоточивали в своих руках всю полноту гражданской и военной власти, являясь также командующими всеми войсками на своей территории.

Во главе областей находились военные губернаторы, также объединявшие в своих руках военное и военно-народное управление. В Уральской и Семиреченской областях военные губернаторы одновременно являлись наказными атаманами соответствующих казачьих войск. В Акмолинской и Семипалатинской областях военные губернаторы обладали правами и обязанностями наказных атаманов в отношении тех полков Сибирского казачьего войска, которые были расквартированы на их территории. В частности, в Акмолинской области это земли 1, 2, 3, 4, 5 и частично 6-го полковых округов, в Семипалатинской — территории 6, 7 и 8-го полковых округов Сибирского казачьего войска. В командовании казачьими соединениями военные губернаторы областей руководствовались специальными Положениями об этих войсках.

Области состояли из уездов во главе с воинскими начальниками в чине майора. Они соединяли военное, военно-народное и полицейское управление, являясь также командирами местных войск, воинских учреждений и крепостей.¹²⁰

Основным преобразованием в области реорганизации военного управления в России стало введение военно-окружной системы. В соответствии с «Положением о военных округах» (август 1864 г.) были образованы Оренбургский и Западно-Сибирский военные округа. Командующему войсками области подчинялись все воинские части, военные учреждения

и местные команды. Округ представлял собой как бы «своеобразное военное министерство» в масштабах края и области.¹²¹

Оренбургский военный округ был создан в 1865 г., от Казахстана в его состав вошли Уральская и Тургайская области. На территории этого округа дислоцировались 105-й Оренбургский пехотный полк и Оренбургский резервный батальон, в 1874 г. преобразованный в Оренбургский местный батальон 4-ротного состава. На его территории находились укрепления Тургайское, Иргизское, Уильское, Актюбинское, Темирское и форт Карабутак. В 1862 г. для обеспечения безопасности границ от нападений туркмен и хивинцев со стороны Хивинского ханства на южной Эмбе был открыт Нижне-Эмбенский пост. В 1880 г. Оренбургский военный округ упраздняется. Тургайская и Уральская области перешли в подчинение Казанского военного округа, где пребывали до 1917 г. В состав округа входили 15-й армейский корпус, 11 казачьих сотен и две казачьи батареи, а также местные войска.¹²² Западно-Сибирский военный округ также был открыт в 1865 г., в 1882 г. реорганизован в Омский военный округ, куда вошли Акмолинская и Семипалатинская области. Округ имел важное стратегическое значение, на его территории располагались пехотные линейные батальоны, крепостная артиллерия и местные войска (всего 35 пеших команд), а также казачьи войска (Сибирское и Семиреченское). Войска округа дислоцировались и на территориях областей. Например, в Семипалатинской области находились два линейных батальона, пешая и конно-егерская батареи, один Сибирский казачий полк. В 1882 г. из местной команды был сформирован Семипалатинский резервный пехотный батальон 4-ротного состава. 25 мая 1882 г. учреждается Степное генерал-губернаторство в составе Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей. Генерал-губернатор нового края являлся одновременно командующим Омским военным округом и войсковым наказным атаманом Сибирского казачьего войска. Первым генерал-губернатором Степного края стал генерал от инфантерии Г. А. Колпаковский, известный своей неутомимой военно-хозяйственной деятельностью по колонизации Жетысу.

Туркестанский военный округ был учрежден в 1867 г., от территории Казахстана в него был включен весь юг в составе Сырдарьинской и Семиреченской областей. В Сырдарьинской области, после завоевания Средней Азии, потерявшей бывшее военное значение, находились форты Перовск и Чимкент, инженерные укрепления Аулие-Атинское и Казалинское. В Перовске стояла одна местная команда, а в Казалинске располагалась рота крепостной артиллерии из 22-х орудий.

В Семиреченской области находилось пять сибирских линейных батальонов и три казачьих полка (два сибирских и один семиреченский), три батареи западносибирской артиллерийской бригады и одна саперная рота. В городе Верном размещалась рота крепостной артиллерии, переведенная из Усть-Каменогорского укрепления. В 1889 г. она была упразднена и учрежден второй (после Ташкента) окружной артиллерийский склад с местной артиллерийской командой.¹²³

Область имела пять укреплений: в Жаркенте, Бахты, пост Зайсанский, а также Пржевальское и Нарынское (два последних — в северной Кыргызии). В 1882 г. Семиреченская область передается из состава Туркестанского края в Степное генерал-губернаторство и входит в Омский военный

округ, 1 июля 1898 г. область вновь возвращается в состав Туркестанского генерал-губернаторства и входит в Туркестанский военный округ, где находилась до 1917 г. В области вводилось т. н. корпусное управление (войска и управление ими имели статус армейского корпуса), но без увеличения численности штатов.¹²⁴

В состав военной инфраструктуры Центральноазиатского региона входила и Аральская военная флотилия из пяти пароходов, одного парового баркаса, девяти барж и нескольких гребных судов. Личный состав флотилии состоял из 13 офицеров и 328 матросов. Флотилия участвовала в завоевании Хивы в 1873 г., после покорения Средней Азии она была упразднена, а ее суда переданы Амударьинской военной флотилии.¹²⁵

Несмотря на то, что территория Казахстана потеряла свое прежнее значение стратегического плацдарма для завоевания Средней Азии, царское правительство и военное командование принимали необходимые меры по совершенствованию организации и структуры военных группировок, их дислокации, улучшению инженерного обеспечения, линий связи и путей сообщения, размещению артиллерийских складов и др. Так, в мае 1873 г. было открыто телеграфное сообщение от Ташкента до Верного, в 1878 г. соединены Чимкент и Туркестан, в 1879 г. телеграфная линия доведена до Перовска, в 1880 г. — до Казалинска, а в 1888 г. — до Иргиза. Оренбургский почтовый тракт, соединявший Орск — Казалинск — Перовск, был закрыт в 1880 г.¹²⁶ В начале XX в. была построена Оренбургско-Ташкентская железная дорога, имевшая важное военно-стратегическое значение во всем Центральноазиатском регионе.

Проводилось сокращение состава степных гарнизонов и некоторых местных команд. Так, штаты укрепления Уильского сокращались с 1882 г. на 3 офицера и 128 нижних чинов, Нижне-Эмбенского — на 3 офицера и 199 рядовых, Темирского — соответственно на 2 и 62, Иргизского — на 2 и 115, Тургайского — на 35 нижних чинов, Актюбинского — на одного офицера и 75 рядовых, форта Карабутак — на 7 нижних чинов. Были сокращены штаты тургайской и иргизской местных команд, а затем и актюбинской. Увеличен штат кустанайской местной команды на одного офицера и 10 рядовых. Штат калмыковской местной команды в Уральской области был оптимизирован до одного офицера, трех унтер-офицеров, четырех ефрейторов и 35 рядовых. Потерявшие военное значение Орская, Оренбургская и Петропавловская крепости были упразднены и исключены из состава штатных крепостей, крепостные сооружения передавались в ведение местных казачьих войск. Они приобрели статус обычных губернских и уездных городов.

Аналогичные меры проводились и на территории Западно-Сибирского ведомства 20 августа 1862 г. решением Военного Совета империи была упразднена станица Улутавская Атбасарского округа, жители переселены в станицу Сандыктавскую между Кокчетавом и Атбасаром на реке Жабай у большого Сандыктавского озера. В 1865 г. были закрыты Улутавский укрепленный пост и пикетный тракт от Атбасара до Улытау, в 1866 г. упразднены Актауское укрепление и пикетный тракт от Акмолинска до Актау. 28 октября 1876 г. высочайшим царским указом окончательно упраздняются крепости Петропавловская и Усть-Каменогорская, укрепление Акмолинское, игравшие значительную роль в покорении Казахской степи и ее военной колонизации во второй половине XVIII — первой

половине XIX вв. 5 сентября 1881 г. были упразднены звание командующего войсками и военного губернатора Акмолинской области, штаб войск области. Местные войска подчинялись начальнику штаба Сибирского военного округа, на которого были возложены все функции командующего войсками Акмолинской области. Учреждались должности акмолинского и семипалатинского губернских воинских начальников.¹²⁷

Составной частью вооруженных сил и главной военно-полицейской силой в регионе оставалось местное казачество. В ходе военных реформ 60–70-х годов XIX в. в высших государственных и военных кругах России активно обсуждался вопрос: нужны ли казацкие войска в современных условиях. После окончания завоевания Туркестана в 80-х годах XIX в. эта дискуссия вспыхнула с новой силой. Высказывались мнения, что казачество выполнило свою историческую миссию и должно превратиться в обычное крестьянство. Так, военный историк М. Венюков писал, что казацкие войска в русской Азии не составляют основной силы, а являются только вспомогательным средством.¹²⁸

После долгих споров пришли к выводу о целесообразности сохранения казачества, но проведении при этом необходимых изменений в управлении им. В 1862–1871 гг. Военное министерство России произвело радикальную реорганизацию казацких войск, преобразовав ряд из них, некоторые были упразднены, сформированы новые, наказные атаманы войск стали пользоваться правами военных губернаторов и командующих войсками области.

В апреле 1875 г. утверждается новый Устав о воинской повинности Донского казацкого войска, распространенный затем и на другие войска. Он несколько смягчил воинскую службу казаков, привел правила и нормы казацкой жизни к новым требованиям времени. К 1881 г. каждое войско получило собственное «Положение о порядке службы, согласованное с Уставом о воинской повинности», действовавшее до конца XIX в.

9 марта 1874 г. было принято Положение о воинской повинности Уральско-го казацкого войска. В казаки записывались и приводились к присяге все, кто достиг 19-летнего возраста. Первые два года молодые казаки состояли в разряде внутреннеслужащих, затем поступали в полевой разряд на 15 лет строевой службы, затем снова поступали во внутреннеслужащие на 5 лет и выходили в запас. Штат войска был утвержден в девять конных полков, каждый из шестисотенного состава, из них в мирное время на службе находились три полка. Кроме них, имелись одна учебная сотня в Уральске и лейб-гвардии Уральский казацкий эскадрон в Санкт-Петербурге.¹²⁹

В 1886 г. по штатам мирного времени Уральское войско выставяло три конных полка из 15 сотен и одну отдельную сотню, в военное время — восемь конных полков из 45 сотен. Штатный состав войска в мирное время насчитывал 103 офицера и 2662 казаков, в военное — 181 офицер и 7804 казака. Вооружение каждого строевого казака было штатным — винтовка, револьвер, шашка и пики у первой шеренги. Уральские казацкие полки вместе с оренбургскими входили в состав 14-й кавалерийской дивизии и проходили службу в европейской России и в Туркестане, стояли гарнизонами в степных укреплениях Актюбинском, Иргизском, Нижне-Эмбенском, Тургайском, Уильском и форте Карабута.¹³⁰ Как отмечалось в юбилейном царском издании, уральские (яицкие) казаки, занимая «юго-восточный угол Европейской России», стали «стражею русского народа

на реке, которая служит границей между Европой и Азией».¹³¹ По штатам 1890 г. войско выставяло в военное время 32 сотни в составе четырех шестисотенных 4, 5, 6 и 7-го полков, двух четырехсотенных 8 и 9 конных полков.¹³²

10 июня 1876 г. утверждается Устав о воинской повинности и Положение о воинской службе Оренбургского казачьего войска со штатами в 17 конных полков, восемь конно-артиллерийских батарей и одну запасную батарею.¹³³

Уральское и Оренбургское казачьи войска активно участвовали в завоевании Средней Азии. Во взятии кокандской крепости Ак-Мечеть в 1853 г. принимали участие в составе экспедиционного корпуса оренбургского военного губернатора В. А. Перовского две сотни уральских и несколько полков оренбургских казаков. В покорении Бухарского эмирата в 1866—1868 гг. участвовали три сотни уральских казаков, ходившие походами на Джизак, Урал-тубе и Ходжент. Еще две сотни воевали на Зерабулакских высотах под Бухарой, участвовали в штурме Самарканда и Карши. В 1873 г. 12 сотен и одна батарея Оренбургского казачьего войска в составе туркестанского отряда генерал-губернатора Кауфмана участвовали во взятии Хивы. В покорении Хивинского ханства также принимали участие пять сотен уральских казаков, за что их головные уборы были украшены знаками «За хивинский поход 1873 года». В 1875—1876 гг. 4-й Сводный Оренбургско-Уральский полк участвовал в завоевании Кокандского ханства, во время ожесточенного боя у кишлака Махрам две сотни казаков изрубили 5-тысячный отряд кокандцев. В 1880—1881 гг. пятая сотня 2-го Уральского казачьего полка и шесть сотен 5-го Оренбургского полка в составе экспедиционного корпуса «белого генерала» Скобелева участвовали в завоевании южной Туркмении. В ходе боев погибли многие тысячи мирных жителей. Казаки же были награждены серебряными медалями на георгиевской ленте и знаками на головные уборы «За штурм крепости Геок-тепе 12 января 1881 года».¹³⁴

О заслугах Оренбургского казачьего войска перед самодержавием свидетельствуют свыше 50 знамен и боевых значков, врученных в разное время за участие в войнах России в Европе, на Балканах, Кавказе, Туркестане и других местах. Среди них — за покорение Кокандского и Хивинского ханств, Бухарского эмирата, Туркмении. А 6-й Оренбургский казачий полк воевал с афганцами даже на Памире.¹³⁵

Такой же надежной опорой царизма в Казахстане являлось и Сибирское казачье войско, находившееся в ведении генерал-губернатора Западной Сибири, бывшего одновременно командующим войсками Западно-Сибирского военного округа и войсковым наказным атаманом казачьего войска. В 1869 г. Военный Совет империи для приближения управления им к местам дислокации образовал в Акмолинской и Семипалатинской областях два военных отдела Сибирского казачьего войска во главе с атаманами отделов.

2 октября 1871 г. вышло новое Положение о воинской повинности Сибирского казачьего войска, регулировавшее общие правила комплектования и прохождения военной службы казаков. Штат войска составлял в мирное время три конных полка шестисотенного состава, в военное — девять полков, всего 8200 строевых казаков. Строевые казаки несли службу по нарядам командующего Западно-Сибирского военного округа, внут-

реннеслужащие казаки исполняли полицейскую службу при областных и уездных учреждениях, золотых промыслах, горных разработках и т. д.

Полки Сибирского казачьего войска дислоцировались: 1-й — в Кокчетаве, 2-й — в Атбасаре, 3-й — в Пресновской станице, 4-й — в Петропавловске, 5-й — в Николаевской станице, 7-й — в Коряковском укреплении, 8-й — в Семипалатинской, 9-й — в Усть-Каменогорске. Войско имело конно-артиллерийскую бригаду из трех батарей по восемь орудий в каждой.¹³⁶ 5 июля 1880 г. было утверждено очередное Положение о воинской службе Сибирского казачьего войска. Весь служивый состав делился на три разряда: приговорительный, строевой и запасной, зачисление в них производилось ежегодно с 1 января. Войско выставляло в мирное время 18 сотен, в военное — 54 конные сотни, 30 казаков направлялись в лейб-гвардию конно-гренадерского полка в столицу, в Омске имелась одна учебная сотня.¹³⁷

Сибирское казачье войско активно участвовало в присоединении и колонизации Жетысу и Северной Кыргызии, завоевании Южного Казахстана и Средней Азии: взятии Чимкента, Ташкента, Хивы, Коканда, Андижана, Маргелана, Оша, Намангана, Бухары, Кульджи, Ахал-Текинського оазиса. Например, 1-й Сибирский казачий полк во время кокандского похода в сражении у кишлака Ургаз разбил тысячный отряд кокандцев, изрубив половину. В бою у кишлака Хаки-Хават казаки уничтожили 2-тысячный отряд местных кыпчаков. Полк получил за эти бои георгиевские серебряные трубы и знаки на головные уборы «За штурм города Андижана 3 октября 1875 года».¹³⁸

13 июля 1867 г. на базе 9 и 10-го полков Сибирского войска создается новое Семиреченское казачье войско. Хотя власти считали, что «кавалерия — дорогой род войск», они пошли на огромные финансовые и материальные расходы, ибо «начало нашего движения в глубь Средней Азии, вызванного исторической необходимостью», требовало формирования самого южного казачьего войска на подступах к Туркестану — «драгоценной жемчужине в короне Русского императора».¹³⁹ Штат Семиреченского войска был утвержден в два конных полка шестисотенного состава из 43 офицеров, 123 урядников и 2366 казаков.¹⁴⁰

Задачами его являлись: окончательное закрепление за Россией нового края, его колонизация и освоение, охрана государственной границы, составление части вооруженных сил в регионе.¹⁴¹

30 июня 1879 г. было принято Положение о Семиреченском казачьем войске, состоящее из двух частей: 1-я — Положение о военной службе состояло из двух документов: Устава о воинской повинности и Положения об организации внутреннего управления войском; 2-я часть — Положение об управлении общим войсковым капиталом. Создавался новый, третий конный полк, причем, 1-й Семиреченский казачий полк находился постоянно на действительной службе, а два остальных — на льготе. Как и в других войсках, казаки делились на три разряда: приговорительный, строевой и запасной, из которого затем переходили в ополчение и выходили в отставку.

Дискуссия о дальнейших судьбах казачества особенно сильно затронула Семиреченское войско. В 1887 г. войсковой старшина Сибирского казачьего войска Катанаев выступил с идеей слияния двух войск — Сибирского и Семиреченского в единое, как это было прежде. С его подачи командующий

Омским военным округом вошел с предложением в Военное министерство о включении Семиреченского войска в состав Сибирского, обосновывая эту меру необходимостью экономии средств и тем, что завершено завоевание Центральной Азии и Казахстана. Но в Верном считали по-другому.

Военный губернатор Семиреченской области и наказной атаман Семиреченского казачьего войска генерал-майор Фридез представил в Главное управление казачьих войск служебную записку, где рьяно отстаивал необходимость сохранения особого Семиреченского войска. Он писал, что «казаки представляют незаменимый и чрезвычайно ценный военный элемент», «великолепный материал для формирования партизанских отрядов..., кадры для будущих конных полков» и т.д. Казачество он называл «отличной военной общиной», «мужской военной аристократией», «народной военной институцией» и другими превосходными эпитетами. Доказывал, что объединение двух войск приведет к нарушению управления войсками на месте, потере связи и пр.¹⁴² С такими аргументами в Санкт-Петербурге согласились и приняли решение о сохранении Семиреченского казачьего войска.

В 80-е годы войско в мирное время выставляло на службу один полк четырехсотенного состава из 7 штаб-офицеров, 24 обер-офицеров и 675 урядников и казаков; в военное — три полка из 12 сотен, 45 офицеров, 1965 строевых казаков. Три Сибирских и 1-й Семиреченский казачий полки сводились в Западно-Сибирскую казачью бригаду, которая несла службу в Омском и частью в Туркестанском военном округах. В 90-е годы XIX в. во всех трех разрядах состояло 3,5 тыс. казаков, что равнялось примерно 25 проц. всего мужского казачьего населения войска. К началу XX в. все казачье население выросло до 3 678 чел., из них нижних чинов — 8 898 чел.¹⁴³

Как и другие войска, казаки-семиреки принимали самое деятельное участие в завоевании Казахстана, Кыргызии и Средней Азии. Летом 1860 г. отряды полковников Колпаковского и Циммермана (600 казаков, шесть рот пехоты, 12 орудий и ракетная команда) захватили кокандские крепости Токмак и Пишпек. В ответ в октябре того же года к самому Верному подошел 5-тысячный отряд кокандского военачальника Канагат-шаха. Начальник Алатауского округа Колпаковский (четыре сотни казаков, три роты пехоты, четыре орудия и две ракетные команды) наголову разбил их в сражении у Узун-Агача 21 октября 1860 г. Эта победа окончательно закрепила за Россией весь Заилийский край и Жетысу, превратившиеся в плацдарм для наступления в глубь Центральной Азии.

Летом 1871 г. отряд семиреченских казаков захватил китайский город Кульджу, где находился до 1883 г. В хивинском походе 1873 г. особо «отличилась» пятая сотня 1-го Семиреченского полка, когда в болота у Амударьи было загнано 2 тыс. женщин, детей и стариков и безжалостно изрублено. Как писал историк войска, «...лавина казачьих сотен, не щадя никого, сметала все на своем пути».¹⁴⁴ Казакам было пожаловано 200 знаков на папахи с надписью «За отличие в хивинском походе 1873 года».

Таким образом, в 60 — 90-х годах XIX в. царизм создал в Казахстане мощную военную организацию, включающую в себя как регулярные, так и иррегулярные войска, для окончательного закрепления и военной колонизации его, подавления народных восстаний и движений.

В конце XIX — начале XX вв. на территории Казахстана, входившего в состав Туркестанского, Казанского и Омского военных округов дислоцировались следующие воинские части:

1) В уездных городах Акмолинске, Актюбинске, Верном, Гурьеве, Жаркенте, Зайсане, Иргизе, Кустанае, Кокчетаве, Лепсинске, Перовске, Аягузе, Темире, Тургае, Уиле, Усть-Каменогорске, Черняеве и Форт-Александровске — местные пехотные, казачьи, конвойные, караульные и ополченские команды, ополченские дружины, роты государственного ополчения и другие вспомогательные части.

2) В крупных областных и уездных центрах, имевших важное военно-стратегическое значение, располагались запасные соединения стрелковых полков. Например, в Аулие-Ате — две роты 3-го Сибирского запасного полка; в Казалинске — 4-й Сибирский стрелковый запасной полк, 5-я рота 1-го Сибирского стрелкового запасного полка, 12-я рота Сибирского стрелкового запасного полка, 4-й Туркестанский стрелковый батальон, 31-я Туркестанская легкая подвижная батарея; в Кустанае — 246-й пехотный запасной полк; Перовске — 3-й Сибирский стрелковый запасной полк; в Петропавловске — 33-й Сибирский стрелковый запасной полк; в Семипалатинске — 24-й Сибирский стрелковый запасной полк; в Туркестане — 242-я Самарская дружина; в Черняеве — 4-й Сибирский стрелковый запасной полк; в Верном — почти 20 разных воинских частей, в т. ч. 27-я Туркестанская легкая подвижная батарея, артиллерийская команда и местный артиллерийский склад, 240-я Симбирская дружина государственного ополчения; в Иргизе — 13-й Оренбургский стрелковый полк; в Аягузе — 4-я рота 240-й пешей Симбирской дружины и Сергиопольская конно-караульная команда.¹⁴⁵

Казачьи полки и сотни размещались в следующих пунктах края:

1) В Уральске — войсковой штаб Уральского казачьего войска, 1-й отдел этого же войска, 1, 2 и 3-я запасные сотни войска, 1-й Уральский запасной казачий полк, 10-й Уральский запасной казачий полк, 2-я Уральская казачья батарея и 5-я особая сотня Уральского казачьего войска. В Калмыкове и Гурьеве находились штабы 2-го и 3-го отделов Уральского казачьего войска, а в Темире и Уиле стояли местные конные команды Уральского войска.

2) В Верном войсковое правление Семиреченского казачьего войска, штаб 3-го Семиреченского казачьего полка, запасная сотня, оружейная мастерская. В Жаркенте — 1-й Семиреченский казачий полк и нештатный конно-артиллерийский взвод, в Лепсинске — 4-я ополченская Семиреченская казачья сотня, в Бахтинске — 1-я сотня 3-го Семиреченского казачьего полка.

3) Части Сибирского казачьего войска находились: в Зайсане — 3-й Сибирский казачий полк, Капале — 9-й Сибирский казачий полк и 3-я Оренбургская казачья батарея, в Усть-Каменогорске — 3-й отдел Сибирского казачьего войска.

Всего Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское казачьи войска насчитывали 38 конных полков, 12 отдельных и 44 особых сотни, 11 конвойных полусотен, 2 гвардейские конные сотни, 1 гвардейскую конную полусотню, 1 гвардейский конный взвод, 5 конно-артиллерийских дивизионов и 4 отдельные конно-артиллерийские батареи. В запасе находились 4 конных полка, 2 сотни, 4 ополченских сотни, по одной пешей сотне, гвардейскому взводу, конной полусотне, 1 конно-артиллерийская батарея.¹⁴⁶

Таким образом, царская политика опиралась в Казахстане на штыки солдат и казацкие шашки, носила военно-оккупационный характер (по определению Г. Сафарова — «сугубо-живодерский характер»). По мнению П. Г. Галузо, семиреченское казачество выступало в роли бронированного кулака российского военно-феодалного империализма, Т. Рыскулов считал местное казачество военно-охранной силой царской администрации.¹⁴⁷

6. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 60–90-х ГОДОВ XIX в. В КАЗАХСТАНЕ

После окончательного завоевания Казахстана и прилегающих областей Центральной Азии в правительственных кругах Российской империи остро встал вопрос о системе управления национальными окраинами. Особенно сложной эта проблема была в отношении Центральной Азии и Казахстана с их этнически пестрым составом населения, различным уровнем социального и экономического развития.

До середины 60-х годов XIX века вопросы, касавшиеся Казахстана и Центральной Азии, рассматривались в основном западносибирским и оренбургским генерал-губернаторами, которые являлись «уполномоченными представителями российского императора». К середине 60-х годов были внесены изменения в административную систему управления оренбургскими и западносибирскими казахами, реорганизована система управления Букеевским ханством, созданы Алатауский окружной приказ и в 1865 г. — Туркестанская область. Но система управления от этого мало изменилась. Поэтому был разработан ряд проектов по реорганизации управления. В конце концов предпочтение было отдано проекту специально созданной «Степной комиссии».

Большое значение для общего направления принятой реформы имели взгляды военного министра Д. А. Милютина, которые он неоднократно высказывал в своих беседах с членами «Степной комиссии».

Они заключались в том, что он предпочтение отдавал созданию военно-административного управления.¹⁴⁸ Эти воззрения Милютина ярко проявились при обсуждении вопроса об «отделении или неотделении военной части от высшего гражданского управления».

Исходя из архивных материалов, сохранившихся в ЦГА РК и в РГВИА можно сделать вывод, что главными целями реформ были:

1) Реорганизация управления — создание более эффективного по сравнению с дореформенным периодом административного аппарата и создание новой системы местного «самоуправления», которая должна была сама себя содержать.

2) Превращение Казахстана в базовый лагерь царизма для дальнейшего наступления на Центральную Азию для захвата важнейшего среднеазиатского рынка и освоения ее богатейших растительных и минеральных ресурсов.

3) Увеличение налоговых сборов для покрытия расходов на содержание войсковых подразделений и огромного количества чиновников.

4) Объявление земель Казахстана государственной собственностью — создание предпосылок для дальнейшей колонизации Казахской степи.

5) Создание и развитие административно-территориальной определенности с целью облегчения административного управления и улучшения налогообложения казахского народа.

6) Распространение общеимперского гражданского и уголовного законодательства.

7) Создание новой структуры судебных органов, более гибко реагирующей на сопротивление коренного населения и своим острием направленной против их борьбы.

По новой колониальной административной реформе вся территория Казахстана была разделена на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. Генерал-губернаторы сосредоточивали в своих руках всю полноту военной и гражданской власти.

Каждое генерал-губернаторство делилось на области. Так, в Оренбургское входили Уральская и Тургайская области, в Западно-Сибирское — Акмолинская и Семипалатинская, в Туркестанское — Семиреченская и Сырдарьинская. Территория бывшего Букеевского ханства в 1872 г. вошла в состав Астраханской губернии, а Мангышлакское приставство в 1870 г. отошло в ведение Кавказского военного округа, а несколько позже — в состав Закаспийской области.

Характерной чертой колониальной администрации являлось наделение ее военными, политическими, судебными и административными полномочиями и тесное сочетание ее карательных функций с задачами проведения колониальной политики. Эта политика была подчинена идее царского законодателя о том, что в Казахстане нужна «как и в высших, так и в средних и низших местных учреждениях власть сильная, настолько самостоятельная в своих действиях, чтобы она не была ограничиваема согласием представителей местного населения»,¹⁴⁹ и проходила красной нитью через всю деятельность органов управления в Казахстане.

Чисто в колониальных целях были установлены особые преимущества службы в Казахстане для администрации. Служба в крае, подобно Закавказью, засчитывалась пять лет за семь. Чиновникам, оставляющим службу в крае по выслуге пятилетнего срока, выдавались обратные прогоны и пособие.

Но царскому правительству не удалось создать такую колониальную администрацию, которая бы довольствовалась казенным содержанием, не прибегая к различного вида поборам.

Во главе областной администрации стоял губернатор, наделенный военной и административной властью. Он же считался наказным атаманом казачьих войск, расположенных на территории области. В «Положении» указывалось, что военные губернаторы степных областей приравниваются к командирам строевых дивизий.

Военные губернаторы Семиреченской и Сырдарьинской областей занимались и пограничными делами. Они назначались и увольнялись царем по представлению Военного министерства, а военные губернаторы остальных областей — по представлению Министерства внутренних дел, с согласия Военного министерства.

При военных губернаторах учреждались областные правления. Председателем правления считался вице-губернатор.

Областное правление состояло из трех отделений: распорядительного, хозяйственного и судебного; каждое возглавлялось старшим советником.

Области, в свою очередь, делились на уезды. В Семиреченскую область входили: Сергиопольский, Капальский, Верненский, Иссык-Кульский и Токмакский, несколько позже был образован Джаркентский уезд; в Сырдарьинскую — Казалинский, Перовский, Туркестанский, Чимкентский, Аулие-Атинский, Ташкентский, Ходжентский и Джизакский; в Уральскую — Уральский, Гурьевский, Калмыковский, Эмбенский; в Тургайскую — Илецкий, Николаевский, Иргизский, Тургайский; в Акмолинскую — Акмолинский, Кокчетавский, Омский, Петропавловский уезды.

В 1869 г. в составе Акмолинской области был образован новый Сары-Суйский уезд с центром в Атбасаре. Семипалатинская область была разделена на Семипалатинский, Кокпектинский, Зайсанский, Баян-Аульский и Каркаралинский уезды. Затем в области был образован Усть-Каменогорский уезд.

Уездные начальники назначались генерал-губернаторами по представлению военных губернаторов областей. Уездный начальник обладал административной и полицейской властью. Он контролировал исполнение законов, постановлений и распоряжений начальства, деятельность уездного аппарата управления.

Уездные начальники одновременно совмещали обязанности полицейской власти на правах уездных исправников центра метрополии. Кроме того, всем уездным начальникам Туркестанского края, Уральской области, двух уездов Тургайской области — Иргизского и Тургайского, а также начальнику Кокпектинского пристава Семипалатинской области было предоставлено право подчинять себе расположенные в уездах воинские части. Сохранились существовавшие до реформы полицейские участки и учреждения в городах Уральске, Омске, Петропавловске, Усть-Каменогорске, а в Акмолинской области была учреждена должность полицейского пристава.

По реформе 1867—1868 гг. особое внимание уделялось местному управлению. Каждый уезд делился на волости, а последние — на административные аулы, которые объединяли несколько хозяйственных аулов и состояли из 100 — 200 кибиток, а волости имели от 1000 до 2000, иногда до 3000 кибиток.

Переход кибиток из аула в аул в той или другой волости, равно, как и их зачисление, разрешался с согласия кибитковладельцев аулов, но с ведома соответствующих аульных старшин и волостных управителей.

Порядок образования волостей и аульной администрации служил также целям колонизации Казахстанского региона, которые преследовала вся реформа. Волостным управителем и аульным старшиной могло быть «выбрано» только лицо, лояльное проводимой колониальной политике. Выборы волостных управителей, аульных старшин и их кандидатов на волостных съездах и аульных сходах проводились через каждые три года. Выборы постоянно сопровождались борьбой родовых групп, различными нарушениями.

Получивший простое большинство голосов считался избранным на должность, а следующий за ним по числу голосов — кандидатом к нему.

Волостные управители и их кандидаты утверждались военным губернатором области, а аульные старшины и их кандидаты — начальником уезда — по результатам выборов на волостных съездах и аульных сходах «выборщиков».

В пределах волости управитель сосредоточивал в своих руках распорядительную и полицейскую власть. Он наблюдал за сохранением «спокойствия и порядка», за сбором податей и т. д. В его обязанность входило приведение в исполнение решений суда биев. Волостному управителю предоставлялось право подвергать нарушителей порядка аресту сроком на три дня и денежному штрафу. В пределах своего административного аула старшины имели такие же права, какими пользовались волостные управители. В кишлаках Сырдарьинской области полицейская и распорядительная власть осуществлялась аксакалами. Каждым большим селением управлял аксакал. С разрешения военного губернатора аксакал управлял двумя мелкими селениями.

Аксакалы избирались на сходах выборщиков на три года и утверждались военным губернатором области. Выборы аксакалов производились таким же путем, как и выборы волостного управителя.

В соответствующих указах российского императора об утверждении реформ 1867—1868 гг. специально отмечалось, что они принимаются временно, сроком на три года. После истечения испытательного трехлетнего срока должно быть разработано и представлено на рассмотрение новое положение об управлении.

Срок действия «Временного положения 1867 г. об управлении Туркестанским генерал-губернаторством» истек в 1871 году. К началу 1871 г. генерал-губернатором Туркестанского края Кауфманом был представлен проект нового положения об управлении, разработанный местной колониальной администрацией. После его рассмотрения в ряде министерств и ведомств Российской империи и сделанных довольно серьезных замечаний, проект был отправлен на устранение замечаний и доработку.

После двухлетней работы специально созданной комиссии в Ташкенте проект административного управления, доработанный в соответствии с замечаниями, высказанными в ходе первого обсуждения, был представлен в начале 1873 года в Военное министерство для внесения на законодательное утверждение. К концу 1873 года особая комиссия, созданная при Военном министерстве и участии представителей всех министерств и администрации Туркестанского края, рассмотрела представленный проект и пришла к отрицательному выводу.

Подготовка и официальное обсуждение проектов управления юго-восточным Казахстаном вызвали на страницах русской печати оживленную полемику по поводу основных направлений колониальной политики России на национальных окраинах империи. В конце 60 — начале 70-х годов в промышленных и торговых кругах Российской империи находили признание идеи свободной торговли.

После неоднократных безрезультатных попыток Военное министерство в 1881 году, наконец, добилось согласия российского императора на обязательное представление нового проекта на смену существующему Временному Положению 1867 г. Требуемый проект и был представлен в конце 1881 года генералом Г. А. Колпаковским. Этот проект (1881 г.) должен был

быть обсужден в комиссии под председательством известного завоевателя, генерала М. Д. Скобелева. Руководящей нитью при составлении проекта 1881 г. было возможное уменьшение расходов по управлению краем.

В феврале 1882 г. Скобелев прибыл в Петербург в связи с предстоящим обсуждением и утверждением разработанного проекта. Однако, комиссии не пришлось работать, потому что ввиду состоявшегося повеления об образовании нового Степного генерал-губернаторства комиссия Скобелева была закрыта «впредь до получения новых соображений от генерал-губернатора Туркестанского и предположенного Степного».

Практически одновременно с разработкой нового проекта началась ревизорская проверка Туркестанского края сенатором Гирсом.

К 80-м годам XIX столетия в России стали более рельефно проявляться противоречия между крепостниками-помещиками и буржуазными кругами в смысле методов освоения Казахстана, как колонии, а именно: если первые думали только о захвате земель, то представители промышленного и торгового капитала были заинтересованы в окончательном превращении Казахстана в аграрно-сырьевую базу, в место выгоднейшего вложения капитала по торговым и ростовщическим операциям. Такое противоречие интересов привело к провалу проектов положений об управлении Туркестаном еще в 70-х годах. Но эти противоречия к 80-м годам, очевидно, не ослабевали, а нарастали. Таким образом, после проекта 1881 года и ревизии Туркестана сенатором Гирсом, последним был составлен проект в 1883 году, но в 1884 г. и «гирсовский» проект был передан в комиссию Игнатьева. Комиссия под председательством Игнатьева также была создана для доработки и объединения всех уже существующих проектов реорганизации управления Туркестанским краем. Комиссия под руководством Игнатьева, создав свой «собственный» проект, стала доводить его до утверждения в законодательном порядке. До этого времени проводилась довольно кропотливая работа по сглаживанию противоречий. Расхождения в проектах Гирса и Игнатьева, разумеется, не имели качественного различия, они различались, главным образом, лишь по «методике» и способам усиления эффективности колониальной политики. Комиссия Игнатьева 31 мая 1884 г. закончила свои действия по рассмотрению проекта Положения об управлении Туркестанским краем. С этого времени проект в течение двухлетних мытарств по высоким учреждениям, начиная с Министерства юстиции и Государственного совета, был, наконец, утвержден в законодательном порядке 12 июня 1886 года.

Управление Туркестанским краем, за исключением финансового, контрольного, учебного и почтово-телеграфного ведомств, находилось в ведении Военного министерства, хотя осуществлялось через генерал-губернатора. Главное управление осуществлялось через генерал-губернатора, назначаемого императором. При генерал-губернаторе находился совет, чиновники по особым поручениям и канцелярия.

Сравнение Временных правил 1867 г. с Положением 1886 года свидетельствует о сохранении главных принципов политики самодержавия, направленной на постепенное слияние края с Центральной Россией.

Система местного самоуправления оседлого и кочевого населения не претерпела существенных изменений. Выборное начало волостных управителей и аульных старшин и их компетенция, свойственная Временному Положению 1867 г. сохраняла свою силу.

Сравнение Положения 1886 г. с Временным Положением 1867 г. свидетельствует о большей централизации управления, постепенном приближении управления Туркестанским краем к системе управления в Центральной России.

В начале XX века управление Туркестанским краем определялось прежде всего Положением от 12 июня 1886 года, а также последующими к нему дополнениями и изменениями. Вместе с тем, управление Семиреченской областью базировалось на Положении об управлении степными областями от 25 марта 1891 г.

30 апреля 1871 года состоялось заседание Комитета министров Российской империи, которое продлило действие Временного Положения 1868 года до 1 января 1872 года.

В период 1871–1876 гг. Министерству внутренних дел были предоставлены законодательные материалы по предстоящей реформе, подготовленные администрацией Оренбургского края и Западной Сибири.

В силу самых различных причин, проекты административных реформ, подготовленные колониальной администрацией Оренбургского края и Западной Сибири по истечении срока действия Временного Положения 1868 г. дальше обсуждения их в различных министерствах и ведомствах, правительственных комиссиях, не пошли. Одной из главных причин было отсутствие в государственной казне финансовых средств, которые были необходимы для проведения новых проектов в жизнь. Кроме этого, комиссией МВД был разработан проект объединения Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей в единое генерал-губернаторство. В 1881 году было решено упразднить Оренбургское генерал-губернаторство, вследствие чего Уральская и Тургайская области стали непосредственно подчиняться Министерству внутренних дел, а контролировать деятельность колониальной администрации в областях было поручено земскому отделу, который вел «киргизские дела».

В январе 1887 г. была создана специальная комиссия под председательством министра внутренних дел Плеве для окончательной подготовки нового проекта.

После четырех лет работы по выработке конкретных предложений реформы административного управления и обсуждения их на многочисленных заседаниях специальной комиссии, она, наконец, выработала свой собственный проект, который учел практически все замечания, сделанные как местной колониальной администрацией, так и отдельными министерствами и ведомствами.

2 мая 1890 года министр внутренних дел преоставил данный проект вместе с заключениями «заинтересованных ведомств» на рассмотрение Государственного Совета Российской империи.

Проект реорганизации административного управления Степного генерал-губернаторства рассматривался в Государственном Совете почти около года и только 25 марта 1891 года император подписал мнение Государственного Совета об устройстве в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях штатов управления этих областей, штата канцелярии Степного генерал-губернаторства.

Введение нового Положения, вследствие финансовых затруднений, вызванных неурожаем 1891 г., последовало только 1 октября 1893 года.

По Положению 1891 г. несколько сузились права Степного генерал-губернаторства по сравнению с прежними правами. Положение 1891 г. внесло определенные изменения в систему областного управления. Областное звено административного управления совмещало в себе, кроме гражданской власти, военную и военно-административную власть. В Семиреченской области система административного управления строилась во всех инстанциях на сочетании гражданской и военной власти. В других областях совмещение военной и гражданской власти было принято в лице губернаторов и тех уездных начальников, в ведомстве которых были местности, находившиеся в исключительных условиях. В тех областях, в пределы которых входили станицы казачьих войск, было признано необходимым установить единовластие по управлению войсковым и остальным населением.

В Семиреченской и Уральской областях должность губернатора соединялась в одном лице с должностью наказного атамана войска, а в Акмолинской и Семипалатинской областях губернаторам были наделены правами и обязанностями наказных атаманов относительно частей Сибирского казачьего войска, вошедших в состав обеих областей. В последующем, соответствующими актами было отменено объединение областной и войсковой администрации в лице губернаторов двух последних областей. Войсковые управления Сибирского казачьего войска были непосредственно подчинены генерал-губернатору как войсковому атаману.

Эта позитивная, либеральная тенденция развития административно-колониальной политики царизма в Казахстане не получила, к сожалению, дальнейшего развития. Царский законодатель, в соответствии с мнениями, высказанными представителями местной колониальной администрации, обеспокоенными отсутствием якобы «единства» в действиях властных органов, решил восстановить в положении 1891 года принцип совмещения военной и административной власти, и поэтому звание военного губернатора было присвоено всем главам областных администраций в Степном крае.

По реформе 1891 г. во всех областях были созданы учреждения Министерства государственных имуществ, которые имели двойное подчинение — министерству и военному губернатору области.

Положением 1891 г. в Степном генерал-губернаторстве были учреждены податная инспекция, горное управление, созданы таможенная и акцизные части.

В последнее десятилетие XIX века в административно-судебную реформу 1891 года в разных регионах Степного края были внесены различные изменения, и отдельные его параграфы подвергались корректировке.

1899 году из состава Степного генерал-губернаторства была выведена Семиреченская область и присоединена к Туркестанскому краю. 2 июня 1898 года во всех областях Степного генерал-губернаторства была проведена крупнейшая судебная реформа, которая ввела в действие отдельные принципы российской судебной реформы 1864 г. Вместе с тем были усилены полицейские функции. Так, в ряде областей и городов были введены дополнительно должности полицейских урядников, городских полицейских приставов и в целом увеличен численный состав полиции. 17 ноября 1897 года генерал-губернатору Степного края были предоставлены осо-

бые полномочия по административной высылке «инородцев, вредных для общественного спокойствия». ¹⁵⁰

В ежегодных «всеподданнейших отчетах» генерал-губернатор Степного края и военные губернаторы областей стали поднимать вопросы коренного пересмотра административно-судебной реформы 1891 года, необходимости увеличения штатов уездных управлений и учреждений в уездах, особых должностей участковых приставов, увеличения канцелярских и разъездных денег.

В 1899 году генерал-губернатор Степного края Таубе в официальном порядке поднял вопрос перед МВД о пересмотре Положения 1891 г. Работа по пересмотру этого Положения практически была проведена всеми областными администрациями. Ими и был подготовлен частичный проект 1899 г., который предусматривал разделение уездов на участки, во главе которых должны были стоять участковые начальники, а также участковые приставы, которые наделялись широкими полномочиями по управлению коренным населением. ¹⁵¹

В соответствии с этим в земском отделе МВД началась работа по подготовке проекта нового Положения об управлении степными областями. В земском отделе скопилось большое количество материалов общественно-политического, социально-экономического и судебно-правового характера по Казахстану.

В течение года земским отделом МВД был разработан проект нового Положения об управлении. Он был отпечатан типографским способом и разослан в ряд министерств и ведомств Российской империи.

Проект, разработанный земским отделом МВД был одним из последних проектов реорганизации управления Казахстаном, предпринятых в начале XX века. Данный проект в законодательном порядке утвержден не был.

В отчете степного генерал-губернатора за 1897 год и в письме Таубе на имя министра внутренних дел от 31 декабря 1898 года за № 75401 ¹⁵² был поставлен вопрос о коренной реорганизации управления крестьянами, переселенцами и казахами «в видах поддержания принципа единства административной власти».

В марте 1901 года состоялось заседание Комитета Сибирской железной дороги с участием российского императора, которое рассматривало вопрос о введении института крестьянских начальников. Было решено ввести, начиная с 1902 года, институт крестьянских начальников в степных областях Казахстана.

Основные управленческие задачи крестьянских начальников заключались в сохранении порядка в деревне и в ауле, чтобы успешно решать их, они держали под неослабным контролем органы крестьянского самоуправления, активно вмешивались в выборы крестьянских должностных лиц, диктовали свою волю сельским и волостным сходам. Крестьянские начальники широко пользовались своим правом утверждения в должности волостных и аульных должностных лиц, отклоняя кандидатуры «неблагонадежных» крестьян.

На 60–90-е годы XIX века падает начало попыток модернизации административно-колониального управления в различных регионах Казахстана. Разрабатываемые высшими правительственными кругами и местной колониальной администрацией, специальными комитетами и

комиссиями с участием отдельных востоковедов и экспертов законопроекты по управлению, их утверждение и практическая реализация в 60–90-е гг. XIX в. являлись составной частью административной политики царизма в колониальных окраинах. Эта политика исходила из общеполитического курса царизма в Казахстане, суть которого заключалась в сохранении, а в отдельных случаях и возвращении к старым дореформенным порядкам. Принцип неполноправности, на котором основывалось особое управление Казахстаном, проводился самодержавием вплоть до его падения в 1917 году. Экономические и социально-политические преобразования царизма в конце XIX века сопровождались соответствующими изменениями в системе управления Казахстаном. Эти перемены не подрывали его колониального характера. Проекты административных реформ и их проведение были направлены на совершенствование системы колониального управления, приспособление аппарата принуждения к новым историческим условиям. Административные учреждения были предназначены для регулярного поступления податей и отправления повинностей, что диктовалось политическими интересами правительства и отвечало экономическим интересам помещичьего государства.

Судебная система в Казахстане во второй половине XIX века. Первой, наиболее крупной реорганизацией судебной системы колониального Казахстана во второй половине XIX века было введение общеимперских судебных органов и новой структуры судов биев в 1867–1868 гг.

Важнейшим элементом колониальной администрации были судебные органы, созданные по реформам 1867–1868 гг. В своей высшей инстанции на территории Казахстана суды не были отделены от администрации. Судебное отделение, представлявшее высшую судебную инстанцию, составляло структурную часть областного правления. Несмотря на введение в России прогрессивных принципов судопроизводства по реформе 1864 г. деятельность судебных отделений областных правлений основывалась на нормах дореформенного судопроизводства. Основой процессуальной деятельности судебных отделений являлась теория формальных доказательств и инквизиционный процесс. Нижестоящей инстанцией были уездные суды, которые по реформам 1867–1868 гг. назначались министром юстиции. Они, как правило, назначались из числа отставных военных, не имевших специального юридического образования. Низкий образовательный уровень был характерен для всего судейского корпуса, действовавшего в Казахстане.

Уездные суды могли возбуждать уголовные дела по своей инициативе и на них лежала обязанность расследования и раскрытия преступлений; уездный судья, бывший одновременно и следователем, сосредотачивал в своих руках не только функции расследования, но и функции решения дела по существу. Данная форма судопроизводства, положенная в основу деятельности уездных судей в Казахстане, фактически не знала судебных сторон. Обвиняемый, лишенный всех прав, был объектом исследования, а потерпевший был только жалобщиком. В деятельности уездных судей господствовала канцелярская тайна, которая усугублялась незнанием практически всеми судьями казахского языка, что создавало почву для злоупотреблений.

Повседневная практика колониального управления показала, что судебная система, введенная по реформам 1867–1868 гг., оказалась неэффективной.

В начале 70-х годов XX века в связи с разработкой новых проектов реформ административного управления, местная колониальная администрация все настойчивей стала поднимать вопрос о реформировании судебной системы. Один из первых вариантов реформирования судебной системы был представлен в проекте административной реформы, разработанном под руководством генерал-губернатора Туркестанского края К. П. Кауфмана в 1872–1873 гг. Проект предусматривал введение многих элементов судебной реформы 1864 г: института мировых судей, съезда мировых судей и судебной палаты; следствие отделялось от судебной деятельности.

В проектах, разработанных администрацией Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств тоже содержался призыв об отказе от дореформенных форм судопроизводства.

Практически во всех этих проектах красной нитью проходила мысль об отделении судебных органов от администрации. Но это позитивное направление в развитии судебной системы не получило соответствующей поддержки в центральных ведомствах Российской империи, от позиции которых зависело законодательное оформление подготовленных проектов.

Особенно консервативные позиции в этом направлении занимало Военное министерство, которое считало, что коренное население Средней Азии и Казахстана не доросло до понимания общегосударственных задач, что оно не поймет гласное, устное и демократичное судопроизводство, так как оно, якобы, привыкло к деспотической власти ханов, единолично решавших все судебские дела. При этом совершенно игнорировался многовековой опыт функционирования суда биев, который устно, гласно и довольно демократически решал правовые конфликтные ситуации, возникавшие в казахском обществе еще до присоединения Казахстана к России.

По реформам 80–90-х годов в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах порядок судопроизводства остался в основном без изменений. Особенно консервативно он выглядел в областных судах, которые действовали на основе прежних дореформенных порядков.

В 1896 г. Министерство юстиции обратилось с письмом к генерал-губернаторам Туркестанского и Степного краев о возможности применения в регионе судебной системы по реформе 1864 г. в России. Такие же письма были разосланы председателям местных областных судов и областным прокурорам. В ответных письмах в Министерство юстиции генерал-губернаторы и чиновники местного судебного ведомства высказали позитивное отношение к предложению Министерства юстиции. В 1897 году Министерство юстиции закончило работу по подготовке проекта судебно-правовой реформы в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, который содержал объемную пояснительную записку. В ней давались подробные комментарии к основным элементам структуры судебной системы, объема полномочий ее отдельных звеньев, изменений в гражданском и уголовном процессе.

Наиболее крупным нововведением по готовящейся судебно-правовой реформе в Казахстанском регионе было ведение судебных палат и окружных судов. Окружной суд был апелляционной инстанцией по отношению

к делам, решенным мировыми судьями. Судебные палаты являлись апелляционной и надзорной инстанцией по отношению к окружным судам. В качестве суда первой инстанции они решали наиболее сложные дела.

Прокуратура создавалась на началах строгой централизации и подчинения нижестоящего прокурора вышестоящему. Законодательство установило, что сущность прокурорской обязанности заключалась: 1) в наблюдении за единообразным и точным применением закона; 2) в обнаружении преследования перед законом всякого нарушения законного порядка и в требовании распоряжений к его восстановлению; 3) в предложении суду предварительного заключения в случаях, означенных в уставах гражданского и уголовного судопроизводства.

Судебная реформа 1898 года предусматривала регулирование правовой основы деятельности адвокатуры. В ст. 24 «Временных правил» от 2 июня 1898 г. предусматривалось, что свидетельства на ведение адвокатской деятельности выдавались окружными судами. Эти же свидетельства давали право вести адвокатскую практику и в мировых судах.

В 1909 г. был введен закон «О введении учреждений суда присяжных заседателей в областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской». По закону 1909 г. в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях общие списки присяжных заседателей составлялись на общем основании и особо по каждому уезду.

Введение в начале XX века в Казахстане суда присяжных заседателей было заметной вехой в развитии судебной-правовой системы в колониальном Казахстане.

Царское правительство, наряду с введением общеимперских судов, расширением их компетенции, стремилось сохранить суд биев как судебный орган. Но в то же время, сохраняя суд биев, царское правительство старалось ограничить и сузить круг его деятельности.

В середине 60-х годов XX в. царизм провел ряд модификаций, призванных еще в большей мере использовать то значение, которое еще сохранялось за судом биев.

По реформам 1867—1868 гг. были созданы 3 инстанции суда биев: первая инстанция — это единоличный суд биев, вторая — волостной съезд биев и третья — чрезвычайный съезд биев.

Первая инстанция - единоличный суд биев, на основании 192 параграфа Временного Положения 1867 года должен был решать «окончательные дела не свыше 100 рублей (5 лошадей, 50 баранов)».

Второй инстанцией был волостной съезд биев, он состоял из «выбранных» биев-судей всех аулов волости. Волостной съезд биев более или менее периодически, по мере надобности, созывался уездным начальником. Составляемый таким образом волостной съезд биев рассматривал на основании 193 параграфа Временного Положения 1867 года дела стоимостью свыше 100 рублей, то есть те дела, которые выходили за рамки юрисдикции единоличных судов биев. Кроме того, по параграфу 197 Временного Положения 1867 года уточнялись пределы компетенции этого суда. Так, по этому параграфу волостные съезды имели право решать дела на всякую сумму, но решения их были окончательными по делам на сумму до 1000 рублей. Третьей и последней инстанцией суда биев являлся чрезвычайный съезд биев-судей. Ведению чрезвычайного суда биев подлежали дела, если

истцы по тем или иным судебным искам происходили из разных волостей нескольких уездов. Эти чрезвычайные съезды должны были созываться по инициативе уездного начальника, далее об этом должен был извещаться военный губернатор, который давал разрешение на проведение съезда.

Положением 1867—1868 гг. был установлен принцип выборности биев-судей, бии избирались сроком на 3 года, одновременно с выборами волостных управителей, и утверждались в этом звании военным губернатором области. На основании параграфа 185 временного Положения 1867—1868 гг. «бием может быть выбран всякий, кто пользуется уважением и доверием народа, не опорочен по суду и имеет от роду не менее 25 лет».

Являясь первой инстанцией суда биев, единоличные аульные бии-судьи, которых должно было быть в волости от 4 до 8 согласно Временному Положению 1867—1868 гг., разрешали поступившие дела на следующих основаниях: 1) аульный бий-судья должен был рассматривать дела на основании казахского обычного права; 2) он должен был разрешать и разбирать дела только по заявлению аульного старшины или по жалобам пострадавших лиц, и ему запрещалось подвергать суду казахов по своему усмотрению.

Единоличный бий-судья должен был разрешать:

а) денежные, имущественные, земельные и другие споры, когда сумма иска не превышает 100 рублей;

б) рассматривать дела тех жителей аула, которые не исполняли требования аульного старшины или были виноваты «в нарушении тишины и спокойствия»;

в) дела по кражам одного верблюда или вещей, денег, скота, стоимость которого не превышает стоимости одного верблюда и если при этом вор не применит насилие или угрозу оружием;

г) дела лиц, обвиняемых в буйстве, драках, нанесении побоев палкой, камнем или кулаком, но когда при этом не употреблялось огнестрельное или холодное оружие;

д) дела лиц, обвиняемых в ругательстве или клевете;

е) по обвинению в обманах, мошенничестве на сумму до 100 руб.;

ж) распри между супругами, но без права производить их окончательный развод;

з) жалобы родителей на непослушание взрослых детей. За совершение вышеизложенных проступков и преступлений аульный бий-судья имел право помимо наказания, которое полагалось по казахскому обычному праву, возложить на проигравшую сторону компенсацию расходов, понесенных выигравшей стороной.

Помимо лиц казахской национальности у судьи-бии могли судиться русские купцы-торговцы, если их иски предъявлялись к казаху.

Волостной съезд биев являлся апелляционной инстанцией по отношению к делам, решенным единоличными биями-судьями, а также в качестве суда первой инстанции он рассматривал уголовные и гражданские дела, подсудные его юрисдикции. Волостной съезд биев также «разрешал вопросы, связанные с отстранением биев от должности». В ходе развития судебной системы в Казахстане во второй половине XIX в. волостной съезд биев в силу разных причин не достиг того значения, которое предполагалось ему придать проектами Временных Положений. Наиболее действенной формой

суда биев, как показала судебная практика, оказался чрезвычайный съезд биев. Работу чрезвычайного съезда биев обычно открывали уездные начальники. Если чрезвычайный съезд биев происходил между волостями разных уездов и даже областей, то на них должны были присутствовать либо их старшие помощники, либо представители администрации разных областей. Результаты чрезвычайных съездов биев в письменной форме должны были докладываться военному губернатору области для их утверждения.

Для разбора дел чрезвычайных съездов биев из их состава избирался председатель съезда, или как его еще называли, тобе-бий, т. к. хотя по проекту Временных Положений выборы тобе-бия не предусматривались, но часто разногласия между биями-судьями разных волостей и уездов между собой не позволяли быстро решать судебные дела и администрация была вынуждена на практике внести это правило. Права и обязанности председателей съездов заключались в:

а) приеме на местах съезда от уездных начальников, волостных управителей и заинтересованных в делах сторон, просьб и других бумаг, по коим должно быть произведено биями судебное разбирательство;

б) ведении переписки с административными и судебными властями, как по вызову их к суду, так и по другим вопросам съезда, для чего при них должны быть свои входящие и исходящие журналы и различные книги, ведение этих документов и всей вообще переписки по делам съездов относится к обязанностям писарей волостных управителей, которые за этот труд должны получить по определению биев особое вознаграждение;

в) руководстве порядком прений на съездах;

г) тем, что при разногласии во мнениях биев, разбирающих дело, и при равенстве голосов, голос председателя, присоединившегося к кому-либо из них, имеет и перевес, «таким образом мнение биев, к которому присоединится председатель, должно иметь для дела решающее значение и согласно с тем мнением постановляется определение».

Исходя из негативного опыта по ликвидации суда биев, колониальная администрация признала факт, что процессуальное обычное право казахов, вырабатывавшееся в течение столетий и вообравшее в себя народную мудрость, отражавшее реальный менталитет казахского народа, уровень его правосознания, в большей мере приспособлено к борьбе с правонарушениями в казахском обществе, чем колониальные судебные институты.

Основные моменты в деятельности суда биев: выборное судейское начало, гласность и быстрота судопроизводства, а также сложившиеся традиции: гарантии доброго имени подсудимого родственниками, имевшими авторитет честных и порядочных людей, всеобщим интересом к коллегиальному, гласному процессу, который создавал определенный уровень контроля общества над судебным процессом — все эти обстоятельства делали суд биев более предпочтительным для казахского общества, чем колониальные судебные институты.

На рубеже XX – XX веков происходил рост национального самосознания казахского общества. Именно в этот исторический отрезок времени казахский народ выдвигает из своей среды выдающихся личностей А. Букейханова, М. Дулатова, Ж. Акпаева, М. Тынышпаева, Жаншу и Халела Досмухамедовых, А. Байтурсынова, А. Еркекова, Ш. Кудайбердиева, У. Танашева, Б. Сыртанова, М. Чокаева и многих других.

Значительное внимание в своих публицистических произведениях, в газетных и журнальных статьях они уделяли проблемам казахского обычного права, деятельности суда биев и изменениям в судебной-правовой системе царских судов в колониальном Казахстане, и, в частности, судебной реформе 1898 года.

Новации в правовой системе Казахстана во второй половине XIX века. «Временные Положения» 1867—1868 гг. объявили все земли, занимаемые казахами, и все «принадлежности сих земель» государственной собственностью царской России. Земли, объявленные государственной собственностью, поступали в бессрочное общественное пользование казахского населения, занимавшегося кочевым скотоводством. Земли, которые объявлялись государственной собственностью, должны были в соответствии с параграфом 210 «Временного Положения» 1868 г. находиться не в личном владении каждого кибитковладельца, а в общественном пользовании той общины, в которой он проживал, и она предоставляла их в пользование отдельным членам.

Согласно ст. ст. 212, 217, 218 «Временного Положения» 1868 г. все земли, находившиеся в пользовании кочевого населения, были подразделены на зимовые стойбища (кыстау), летние стойбища (жайляу) и обрабатываемые земли. Законодательство определяло, что каждый казах имеет право на отведенном в его пользование участке обрабатывать землю, разводить сады, огороды и роши и возводить жилые и хозяйственные постройки.

Земли, которые обрабатывались под урожай, а также те земли, на которых, имелись постройки или какие-нибудь насаждения, переходили по наследству до тех пор, пока они возделывались или на них существовали постройки и насаждения. В случае прекращения занятия земледелием или уничтожения построек и насаждений, выделенные участки могли быть переданы другим людям из этой же общины.

В противоположность кыстау, жайляу по новым узаконениям оставались в распоряжении всей общины кочевников той или иной волости, причем регулирование пользованием ими должно было основываться на нормах казахского обычного права.

В ст. 21 Положения 1868 г. отмечалось, что по взаимному соглашению обществ, как на зимовках, так и на летовках могли отводиться особые участки для хлебопашества и сенокосения. Распределение таких участков между отдельными лицами предоставлялось «добровольному их соглашению согласно обычаев». Поскольку право на владение на земельные участки имел только тот человек, который принадлежал к данной общине, то посторонний человек не имел права пользоваться ими. Он только мог арендовать землю у общины и платить ей арендную плату. В таком случае заключался договор в письменной форме, который должен был быть засвидетельствован в уездном управлении.

«Временные Положения» 1867—1868 гг. объявили все леса государственной собственностью царской России. В результате этого законоположения казахи оказались почти совершенно лишенными права пользования лесами. Даже для таких необходимых сооружений, как колодцы, нужно было дорого платить за лес. Ст. 259 «Лесного устава»¹⁵³ гласила, что казахи во время зимовки могут для топки и обогрева резать камыши и собирать валежник и пересохший лес, и то только на определенных отведенных для них местах.

В статьях 234–235 Положения 1866 г. регулировались вопросы, связанные с разработкой месторождений полезных ископаемых. Промышленники имели право по «добровольному соглашению» с волостными обществами арендовать земли, отведенные под зимовки за арендную плату. Такие арендованные участки обособливались и пастьба скота на них уже запрещалась.

Но если рудное месторождение находилось на землях казахов, отведенных под жайлау, то промышленники имели право отчуждать такие земли без согласия казахов, без уплаты какой-либо компенсации.

Во второй половине XIX века в казахских степях большое развитие получила торговля. В связи с этим в казахских степях большое распространение получило гражданское право Российской империи, которое излагалось в X томе Свода законов Российской империи. При этом чаще всего применялись следующие договоры: купли-продажи, займа, имущественного найма, мены, поклажи (совр.: багажа. — *Ped.*) и т. д. Так, по Своду законов Российской империи при совершении договора купли-продажи часто применялась письменная форма договора, которая должна была удостоверяться в уездном управлении, для чего там существовала специальная книга.¹⁵⁴ Между казахами и русскими купцами этому договору мог предшествовать договор запродажи, в котором одна сторона обязывалась продать другой к назначенному сроку движимое или недвижимое имущество за определенную цену. В случае неисполнения этого одна сторона уплачивала другой обусловленную договором неустойку.

Специфическую особенность торговли между казахами и русскими купцами составлял ее ростовщический характер, превращавший торговую операцию в кабальную сделку. Предоставляя товар в долг, купцы затем взымали с казахов проценты, равные порой цене товара. Эту особенность подчеркивали даже такие, отнюдь не критически настроенные, исследователи, как Тетеревников (чиновник колониальной администрации). Смотря по обстоятельствам, писал он: «Купцы отдают товары в долг и уже собирают долг впоследствии, причем, конечно не обходится без разных притеснений»¹⁵⁵.

Под влиянием развивающейся торговли и проникновения в Казахстан товарно-денежных отношений, распространения гражданского права Свода законов Российской империи, в казахском обычном праве появляются положения, определяющие взаимоотношения должника и кредитора, ответственности за неуплату долга, формы взыскания долга и процентов и т. д. Так, за неуплату долга стали предусматриваться отработки.

Во второй половине XIX в. вырабатывается ряд правил, ограждающих интересы торговцев и ростовщиков. На взятые в долг товары предусматривался «наrost скотом или чем другим», то есть проценты. Так, в записях казахского обычного права, произведенных во второй половине XIX в., отмечалось, что купцы при заключении договора купли-продажи включали «в условия громадные неустойки на случай несвоевременной уплаты».¹⁵⁶

В казахском обычном праве появляются новые виды договоров или совершенно меняется содержание старых договоров, так, большое распространение получил договор имущественного найма. По этому договору найм имущества «совершается сторонами на непродолжительное

время по взаимному соглашению, но на срок, не более года и за условное награждение». ¹⁵⁷

Получает дальнейшее развитие и договор мены. Так, в записях казахско-го обычного права, сделанных во второй половине XIX века, указывалось «Договор мены совершается фактической передачей договаривающимися сторонами обмениваемого имущества по произведенной ими оценке».

Во второй половине XIX в. экономика казахского аула развивалась по-разному: в скотоводческо-земледельческой зоне и вблизи городов она развивалась более интенсивно, чем в чисто скотоводческой. В скотоводческо-земледельческой зоне, наряду со старыми, начинают развиваться и новые капиталистические методы найма рабочей силы, что, в свою очередь, приводит к изменениям правовых норм, которые ранее регулировали их.

Дореволюционный русский исследователь истории и экономики казахов Н. Коншин пишет, что «среди киргиз натуральное хозяйство начинает сменяться денежным, а вместе с тем незаметно меняются и нормы обычного права». ¹⁵⁸

В этом плане характерен такой договор, как личный найм. По условиям этого договора обычно батрак-казах нанимался для выполнения земледельческих работ на время полевых и уборочных работ. По этому договору он получал во временное пользование сельскохозяйственные орудия и ими обрабатывал полученный участок земли, за что получал от нанимателя часть выращенного урожая или даже оплату в денежной форме.

Определенные изменения произошли и в семейно-брачном обычном праве казахов. Казахский обычай разрешал выдавать девушку без ее согласия, а также аменгерство, когда по обычаю женщина, потерявшая мужа, переходила в жены к его брату, потеряли свое прежнее значение. Расширились нормы наследственного права. У зажиточной части казахов возникло стремление оформить передачу имущества по наследству письменными завещаниями, заверенными волостным управителем. Ограничивалось право отца лишать сына возможности выделения из семьи. Сыновья иногда обращались к административным властям с просьбой о разделе имущества.

Наряду с гражданским законодательством значительное развитие во второй половине XIX в. в Казахстане получает общеимперское уголовное законодательство.

Причем из всего комплекса общеимперского законодательства, действовавшего в Казахстане, уголовное право получило наибольшее распространение, как отрасль права, призванная служить одним из важнейших звеньев в механизме обеспечения действенности проводимой в Казахстане колониальной политики.

«Временные Положения» 1867–1868 гг. распространили на Казахстан два вида уголовного законодательства Российской империи. Первое — это «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.», второе — это уголовные нормы свода военных постановлений.

В параграфе 130 Положения 1867 г. и в параграфе 93 Положения 1868 г. устанавливался перечень преступлений, за совершение которых казахи несли ответственность на основании военно-уголовного законодательства.

В этот перечень входили следующие преступления: измена существующему государственному строю, возбуждение своих соплеменников против правительства, явное сопротивление властям, нападение на почты,

казенные и военные транспорты, повреждение телеграфов, убийства христиан и других лиц, изъявивших желание принять христианство, убийство должностных лиц.

За совершение вышеперечисленных преступлений казахи несли ответственность в соответствии с Воинским уставом о наказаниях, который был принят в 1875 г.

Это военно-уголовное законодательство действовало не только в отношении военных лиц, но и широко применялось в отношении гражданского населения. Оно рассматривало не только воинские, но и общеуголовные преступления.

Значительная часть уголовно-наказуемых деяний того времени, которые совершались казахами, подлежали компетенции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

По Положению 1867 г. царский законодатель установил, что такими деяниями являлись: разбой, грабеж, за исключением барымты, нападения на купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, изготовление и перевоз фальшивой монеты, похищение имущества, а по Положению 1868 г. этот список был расширен включением, помимо вышеперечисленного, таких преступлений, как убийство (имелось в виду убийство казаха казахом), барымта, нарушение уставов управлений и должностные злоупотребления местных казахских властей.

Во второй половине XIX века в силу изменившейся социально-экономической и политической обстановки происходят некоторые изменения в уголовном обычном праве казахов.

Из казахского обычного права стали исчезать такие ранее действовавшие понятия, как безнаказанное право убийства человека, застигнутого на месте совершения преступления, как защита родовой общиной своего члена, совершившего преступление, как совершение кровной мести и т. д. Так, например, дореволюционный исследователь казахского обычного права В. Тронов об обычае кровной родовой мести пишет следующее: «Родовая месть хотя и существовала в прежние времена, но со времени подданства киргизов России потеряла свое значение...».¹⁵⁹ Кроме того, было запрещено рабство, и держание рабов было объявлено уголовно наказуемым деянием. И в связи с этим из казахского уголовного обычного права исчезла такая его санкция, как отдача виновного человека в рабство и выдача виновного на произвол потерпевшего или его родственников.

Значительные изменения были внесены и в существующую в дореформенный период систему наказаний по уголовному обычному праву. Так, в частности, появились такие наказания, как сравнительно кратковременное заключение в тюрьму, административная высылка преступника за пределы волости или аула и т. д.

Изменились и нормы уголовного обычного права казахов, посвященные преступлениям в области семейно-брачных отношений, в частности, нормы, которые сурово карали виновных в прелюбодеянии, были смягчены. Ранее назначавшаяся в большинстве случаев смертная казнь во второй половине XIX века исчезла. Вместо нее в основном стали применяться телесные, позорящие и имущественные наказания. Эти изменения были закреплены в ереже — сборниках права, которые создавались на чрезвычай-

чайных съездах биев. Это подтверждается и в материалах по казахскому обычному праву, собранных дореволюционными русскими авторами. Так, Г. Загряжский отмечает, что за совершение прелюбодеяния назначались телесные наказания от 10 до 60 ударов розгами, или 90 ударов нагайкой.

Значительной модификации в пореформенный период подвергались нормы уголовного права казахов, посвященные борьбе с преступлениями против имущественных отношений и права собственности. В уголовном обычном праве казахов в рассматриваемый период стало более четко прослеживаться различие квалификации разбоя от квалификации грабежа и кражи. Наказания за совершение преступлений против права собственности стали более строгими.¹⁶⁰

Изменения происходили не только в структуре казахского обычного права и составляющих его компонентов, но и в его источниках. Теряли значение старые источники права и приобретали большую значимость новые источники. Большое значение в качестве источника формирования обычного права казахов в пореформенный период получали ереже, которые представляли из себя положение или руководящее постановление чрезвычайного съезда биев. Оно составлялось в письменной форме и заверялось всеми биями, присутствовавшими на съезде и даже публиковалось.

В заключении нужно отметить, что всю совокупность права, действовавшего в Казахстане в пореформенный период можно разделить на три основные части:

1. Общеимперское законодательство, многие правовые нормы, которые получили особенно широкое распространение во второй половине XIX в.

2. Законодательство, издаваемое царским правительством для колониальных окраин и специальные государственно-правовые нормы, действие которых распространялось только на Казахстан.

3. Обычное право, которое хотя и медленно, но все же получило определенное развитие в пореформенный период.

¹ АВПРИ, Главный архив, ф. 161 1864, разряд 1-7, оп. 6, д. 1, л. 1.

² *Костенко Л.* Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии. СПб., 1887, с. 8.

³ ЦГА РК, ф. 64, оп.1, д. 5104, л. 4.

⁴ РГВИА, ф. 1449, оп. 1, д. 51, л. 22.

⁵ См.: *Бабков И. Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. Кн. 2. СПб, 1912, с. 342.

⁶ Туркестанские ведомости. 10. X. 1889.

⁷ *Михайлов М.* Область сибирских киргизов и Семипалатинская область (современный очерк). СПб, 1868, с. 52.

⁸ См.: *Гейнс А.* Киргизские очерки//Военный сборник. 1866, №8, с. 247.

⁹ РГВИА, ф. 1449, оп. 1, д. 20, л. 11.

¹⁰ Записки действительного члена географического общества П. П. Семенова. См.: *Бабков И.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. СПб. 1912. Кн. 3, с. 573.

¹¹ ЦГА РК, ф. 345, оп.1, д. 38, л. 2.

¹² ЦГА РК, ф. 15, оп. 1, д. 1775, л. 2.

¹³ РГВИА, ф. 1450, оп. 2, д. 2, л. 21 об.

¹⁴ Пояснительная записка к положению об управлении в областях Акмолинской и Семипалатинской (Выходные данные не обозначены), с. 10.

¹⁵ РГВИА, ф. 1450, оп. 2, д. 2, л. 22.

¹⁶ Крафт И. И. К вопросу о телесных наказаниях // Тургайские областные ведомости, 1899, №40.

¹⁷ См.: Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе// Полн. собр. соч. в пяти томах, т. 4. А., 1985, с. 77.

¹⁸ Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1. А., 1960, с. 291.

¹⁹ РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 153, ч. 2, л. 64.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Сулейменов Б. С. Об административном устройстве Казахской степи по реформе 1867—1868 годов // Вестник АН КазССР. 1951, № 2, с. 118.

²² Шахматов В. К вопросу о характере восстания 1869 г. в Тургайской и Уральской областях // Вестник АН КазССР, 1953, № 1, с. 92.

²³ См.: Середа А. Н. Из истории волнения киргиз в Оренбургском крае // Русская мысль, 1891, № 7, с. 33.

²⁴ ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 2181, л. 5.

²⁵ Там же, л. 24.

²⁶ Там же, л. 25.

²⁷ Там же, л. 29.

²⁸ Там же, л. 23 об.

²⁹ Там же, л. 49.

³⁰ РГВИА, ф. 1442, оп. 1, д. 47, л. 2.

³¹ Там же, лл. 2, 3.

³² Там же, лл. 1, 4.

³³ См.: Касымбаев Ж. К. О некоторых вопросах истории национально-освободительного движения в Казахстане второй половины XIX в. // История и историография национально-освободительных движений в Средней Азии и Казахстане. Вторая пол. XIX — нач. XX вв. Ташкент, 1989, с. 84—94.

³⁴ Несколько слов по поводу последнего восстания киргизов на Мангышлакском полуострове // Военный сборник. 1871. №5, с. 48.

³⁵ См.: Турсунова М. С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX в. А.-А., 1977, с. 75.

³⁶ РГВИА, ф. ВУА, д. 6830. л. 1 об., 14.

³⁷ Юдин П. А. Адаевский бунт на Мангышлаке в 1870 г. // Русская старина, 1897. № 7, с. 136.

³⁸ Там же, с. 145.

³⁹ Юр-Ко. Взгляд на степную войну // Военный сборник, 1873, № 16, с. 64-66.

⁴⁰ РГВИА, ф. ВУА, д. 6833, ч. 1, л. 2.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 3 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ГНА РК, ф. 25, оп. 1, д. 1918, л. 1; д. 440, л. 4.

⁴⁵ Русская мысль, 1891, №8, с. 34.

⁴⁶ Турсунова М. С. Указ. работа, с. 85.

⁴⁷ Там же, с. 98.

⁴⁸ Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1., А., 1960, с. 93.

⁴⁹ Там же, с. 217, 219

⁵⁰ Там же, с. 269.

⁵¹ Там же, с. 337.

⁵² Там же, с. 373-374.

⁵³ Там же, с. 395.

- ⁵⁴ Переселение и землеустройство в Азиатской России: Сборник законов и распоряжений. Пг., 1915, с. 264.
- ⁵⁵ *Седельников Т.* Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907, (второе издание: А., 1991), с. 64.
- ⁵⁶ Материалы по истории политического строя Казахстана, с. 101.
- ⁵⁷ *Там же*, с. 337.
- ⁵⁸ Обзор Акмолинской области за 1894 год, б. м., б. г., с. 9.
- ⁵⁹ Киргизская степная газета: человек, общество, природа. 1888–1902. А., 1994, с. 550.
- ⁶⁰ *Там же*.
- ⁶¹ ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 1502, л. 7 об.
- ⁶² *Там же*, л. 25-225.
- ⁶³ Обзор Акмолинской области за 1894 год, с. 10.
- ⁶⁴ ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 472, л. 6 об, 7.
- ⁶⁵ *Там же*, ф. 19, оп. 1, д. 67, л. 7.
- ⁶⁶ РГИА, ф. 391, оп. 3, д. 880, л. 52.
- ⁶⁷ ЦГА РК, ф. 19, оп. 1, д. 67, л. 7.
- ⁶⁸ Переселение и землеустройство в Азиатской России, с. 40.
- ⁶⁹ *Тихонов Б. В.* Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978, с. 39.
- ⁷⁰ *Якименко Н. А.* Аграрные миграции в России // Вопросы истории, 1983, №3, с. 24.
- ⁷¹ *Турсунбаев А. Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. А., 1950, с. 24.
- ⁷² ЦСЗРИ, т. IX, СПб, 1891, с. 535-538.
- ⁷³ ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 1446, л. 22, 22 об.
- ⁷⁴ *Там же*, л. 92 об.
- ⁷⁵ *Тихонов Б. В.* Указ. работа, с. 41–42.
- ⁷⁶ *Седельников Т.* Борьба за землю в киргизской степи, с. 64–65.
- ⁷⁷ РГИА, ф. 1263, оп. 2, д. 5137, л. 77.
- ⁷⁸ *Там же*, оп. 1, д. 196, л. 13.
- ⁷⁹ *Валихан Г.* По вопросу корреспонденции из Акмолинской области // Новое время, 1890, 4 декабря.
- ⁸⁰ Киргизская степная газета, с. 313.
- ⁸¹ Всподданнейший отчет Степного генерал-губернатора за 1901–1902 гг. Б. г., б. м., (с. 2).
- ⁸² РГИА, ф. 3, 91, оп. 1, д. 205, л. 10-10 об.
- ⁸³ Сырдарьинская область // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. (Данные за 1896г.). Томск. 1900, с. 289.
- ⁸⁴ Семиреченская область // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. (Данные за 1896г.). Томск, 1900, с. 271.
- ⁸⁵ *Там же*.
- ⁸⁶ 10-й Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911. СПб., с. 158–170.
- ⁸⁷ *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов (Основы жизнедеятельности кочевнического общества). А.-М., 1995, с. 230.
- ⁸⁸ *Там же*.
- ⁸⁹ См.; *Галузо П. Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867-1914 гг. А., 1965, с. 78.
- ⁹⁰ *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 16.
- ⁹¹ Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1, с. 364.
- ⁹² *Там же*, с. 369.
- ⁹³ Пояснительная записка к проекту Положения об управлении в областях Акмолинской и Семипалатинской (Выходные данные не обозначены), с. 1.
- ⁹⁴ *Там же*, с. 2.
- ⁹⁵ Положение об управлении областей Акмолинской и Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Омск, 1892, с. 5–6.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, с. 5.

⁹⁸ Там же, с. 7.

⁹⁹ Акмолинская область // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911. СПб. 1911, с. 243.

¹⁰⁰ Тургайская область // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. Томск. 1900, с. 327.

¹⁰¹ Семипалатинская область // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. Томск. 1900, с. 253.

¹⁰² Положение об управлении областей Акмолинской и Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Омск, 1893, с. 4.

¹⁰³ Там же, с. 10.

¹⁰⁴ Там же, с. 59.

¹⁰⁵ Там же, с. 60.

¹⁰⁶ Там же, с. 61, 66.

¹⁰⁷ Там же, с. 70, 71, 73.

¹⁰⁸ Там же, с. 74.

¹⁰⁹ Там же, с. 75.

¹¹⁰ Там же, с. 77.

¹¹¹ Крафт И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 121.

¹¹² Там же, с. 74.

¹¹³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. Томск, 1900, с. 327.

¹¹⁴ Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.) с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1886 г. СПб., 1899, с. 14.

¹¹⁵ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973, с. 38.

¹¹⁶ Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.). А., 1966, с. 50–55.

¹¹⁷ Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873, с. 19–20.

¹¹⁸ Абаза К. К. Завоевание Туркестана: Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нрава туземцев в общедоступном изложении. СПб., 1902, с. 73.

¹¹⁹ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. СПб., 1898, с. 386, 410, 355, 413.

¹²⁰ Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1. М., 1952, с. 91–95.

¹²¹ Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952, с. 91–95.

¹²² Энциклопедия военных и морских наук, т. 4. СПб., 1889, с. 74; СПб., 1891, с. 369, 469.

¹²³ Крафт И. И. Сборник узаконений, с. 306, 438.

¹²⁴ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии: с картами и планами, т. 3. СПб., 1906, с. 364.

¹²⁵ Энциклопедия военных и морских наук, т. 1, вып. 2. СПб., 1883, с. 183; Басин В. Я., Бекмаханова Н. Е. К истории освоения Аральского моря // Военно-исторический журнал, 1971, № 11, с. 118–119.

¹²⁶ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, с. 301, 321.

¹²⁷ Крафт И. И. Сборник узаконений, с. 276, 305, 387, 413, 418.

¹²⁸ Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии, с. 19.

¹²⁹ Казин В. Х. Казахи войска, СПб., 1912, с. 218; Крафт И. И. Сборник узаконений, с. 373–375.

¹³⁰ Энциклопедия военных и морских наук, т. 7. СПб. 1895, с. 58, 66–67; Крафт И. И. Сборник узаконений, с. 444.

¹³¹ Азиатская Россия, т. 1. СПб., 1914, с. 25.

¹³² Крафт И. И. Сборник узаконений, с. 444.

¹³³ Казин В. Х. Казахи войска, с. 241–242.

¹³⁴ Поход на Амударью и Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 гг. Уральск, 1882, с. 20–21, 88; *Куропаткин А. Н.* Завоевание Туркмении, с. 107–128.

¹³⁵ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. II. Оренбург, 1904, с. 44–48, 95.

¹³⁶ *Путинцев Н. Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемые ими ныне территории. Омск, 1891, с. 213–214.

¹³⁷ *Крафт И. И.* Сборник узаконений, с. 357–358, 412.

¹³⁸ *Симонов Н. А.* История Сибирского казачьего № 1 Ермака Тимофеева полка: Составлена для нижних чинов, Омск, 1893, с. 14.

¹³⁹ *Стеткевич А.* Убыточен ли Туркестан для России? СПб., 1899, с. 4, 11.

¹⁴⁰ ЦГА РК, ф. 39, оп. 1, д. 2, 37, лл. 8 об. 9.

¹⁴¹ *Леденев Н. В.* История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908, с. 200.

¹⁴² ЦГА РК, ф. 39, оп. 1, д. 100, лл. 1–7; д. 239, лл. 39–44.

¹⁴³ Общий обзор управления Семиреченского казачьего войска за 1905 год. Верный, 1906, с. 4–5, 12–14, 16, 23.

¹⁴⁴ *Леденев Н. В.* История Семиреченского казачьего войска, с. 525–526; См. также: *Мак-Тахан Я. А.* Военные действия на Оксусе и падение Хивы. Пер. с англ. М., 1875, с. 255–275, 280.

¹⁴⁵ *Оспанов А.* Участие солдатских масс в установлении Советской власти в Казахстане (февраль 1917 – март 1918 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. А., 1963, с. 58–60.

¹⁴⁶ *Казин В. Х.* Казачьи войска: Краткая хроника. СПб., 1912; Великая Октябрьская социалистическая революция (Энциклопедия). М., 1987, с. 364, 469, 467, 545.

¹⁴⁷ *Сафаров Г.* Колониальная революция. (Опыт Туркестана). М., 1921, с. 44; *Галузо П. Г.* Туркестан – колония: Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935, с. 47, 49; *Рыскулов Т. Р.* Избранные труды. А., 1984, с. 134–148, 238–245.

¹⁴⁸ Дневник П. А. Валуева – министра внутренних дел, М., 1961, т. 1, с. 318. ¹⁴⁹ ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 4079, л. 5–6.

¹⁵⁰ Собрание узаконений 1897 г., с. 182.

¹⁵¹ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 818, лл. 99–100

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Свод законов, т. VIII, ч. I, устав лесной, СПб, 1895.

¹⁵⁴ ЦГА РК, ф. 292, оп. 1, д. 1, лл. 1–2.

¹⁵⁵ *Тетеревников Д. И.* Очерк внутренней торговли Киргизской степи. СПб. 1867, с. 8

¹⁵⁶ Материалы по казахскому обычному праву, сб. 1, А., 1948, с. 272.

¹⁵⁷ Там же, с. 309.

¹⁵⁸ Памятная книжка Семипалатинской области за 1901 г. Семипалатинск, 1901, с. 154.

¹⁵⁹ Записки ИРГО по отд. этнографии, т. XVII, вып. II. СПб, 1891, с. 85.

¹⁶⁰ *Загряжский Г.* Юридические обычаи киргизов и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края. Материалы для статистики Туркестанского края, СПб, 1876, вып. IV, с. 27–28.

Глава вторая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

I. ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ, СОСТАВ

Во второй половине XIX века народонаселение как развивающееся и постоянно меняющееся явление вследствие естественного движения населения и внутренних миграционных процессов в Казахстане и в целом и по отдельным областям, оказало громадное воздействие на весь ход социально-экономического и политического процесса в обширном крае. При анализе общего состояния историко-демографической ситуации огромного региона, позднее вошедшего в состав в основном двух административно-территориальных управлений — Туркестанского и Степного генерал-губернаторств, явно бросается в глаза факт некоторого разночтения, вернее заметного колебания не только в численности разноязычных жителей, но и в динамике роста его в разные годы, в т. ч. по материалам всеобщей переписи 1897 г. Казахстан в силу своей геополитической расположенности никак не мог не испытывать влияния сопредельных территорий и в историко-демографическом аспекте, не говоря уже о преобладающей роли внутренних процессов в своеобразной эволюции.¹

И это огромное пространство, а также его население, до завершения присоединения казахских земель в состав империи, никогда не было даже приблизительно «вычислено».

40 000 квадратных географических миль, что составляло 1/3 часть необъятной Сибири, определяло в основном лишь часть территории Казахстана. Более или менее располагая данными о степных зонах, дифференцированных на «киргизов сибирского ведомства» (23 000 кв. км) и Оренбургского (17 000 кв. км)² путешественники, офицеры Генерального штаба Русской армии, члены Императорского Русского географического общества, чиновники Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, в целом абстрактно представляли себе, к примеру, южные районы, Жетысу, создавали легковесное мнение в целом о Казахстане, как о малопривлекательной, плоской, пустынной стране, заселенной «полудикими кочевыми азиатами».

Видный историк И. Завалишин, отвергая абсурдность подобного заблуждения, в основном, верно обосновав мотивы последующей активизации планов России по освоению и зачислению края, писал: «... это (Казахский край — *Ред.*) ныне одно из драгоценнейших приобретений России

в ее поступательном, расширяющемся движении в Среднюю Азию, даже во многом важнее Амура и Уссури, потому что действовать с Амура и делать его военным базисом страшно далеко, да страшно дорого, а Киргизская степь у Омска под рукой и в Семиреченском, в Заилийских краях проход и житница всегда обеспечивающие, ибо тут природа и растительность не только не уступают южным русским губерниям, но и Северной Италии. Наконец, в будущем это готовая и благодатная почва для обширных колоний, когда переполненные народом русские губернии настоятельно потребуют новых земель. ... а где у Англии и Франции такие благоприятные данные?»³.

Мы привели довольно пространную выдержку из сочинения И. Завалишина, имея в виду взаимную обусловленность колониальных устремлений царизма в регионе с попыткой круто изменить демографическую ситуацию в пользу империи. Политические цели царизма, тесно переплетенные экономическими интересами страны, которые в конечном счете были призваны обеспечить численный перевес русских над автохтонными жителями могли бы достигнуть своих предначертаний в условиях повального расселения края пришлым контингентом славянского происхождения. Один из авторов «Туркестанских ведомостей» С. Гескет следующим образом определил задачи ассимиляции региона посредством расширения «русского элемента»: «...перевес влияния всегда на стороне сильнейшей нации, при относительно небольшой разности в численности, надо довести население русских до 50% уровня населения края, подлежащего ассимиляции»⁴; учитель Ташкентского училища Соскольников, выступая по поводу очередной годовщины завоевательных походов генерала М. Черняева, обращал внимание слушателей на последствия ассимиляции «аборигенов»: «...конечным результатом этого часто бывает то, что данная народность теряет свою самобытность, ассимилируется господствующей культурной нацией, удерживать его (местное население. — *Ред.*) навсегда в своем подданстве, ... когда народности Средней Азии теснее сплотятся в одно тело общего отечества под мудрым правлением самодержавного белого царя»⁵.

Хотя конечная цель колониальной политики в регионе была четко определена, ее осуществление во многом зависело от своеобразия демографической ситуации, до реформы 1867—1868 гг. правительство не располагало достоверными статистическими сведениями о конкретной численности населения обширного Казахстана за исключением двух регионов: Букеевской Орды — в 1850 г. по уточненным данным жителей обоого пола в нем числилось 114 950 человек.⁶ Более достоверные данные можно привести по области сибирских казахов. Акцент внимания на нее объясняется по двум обстоятельствам: 1-е, она занимала огромное пространство и по времени своего образования занимало до 758 000 кв. верст, простираясь с севера на юг от Сибирской линии до р. Чу, с запада соприкасаясь с областью оренбургских казахов; 2-е, область сибирских казахов в большей степени, чем другие административные управления в Казахстане, примерно за 10 лет после поражения восстания хана Кенесары, вплотную приблизилась к губернской системе, объединяя 8—10 округов, вобрав в себя многое из того, что воплотилось в Западной Сибири. Это обстоятельство позволяет воссоздать хотя бы приблизительную динамику роста казахского населения: в 1852 — 18 731 муж. пола; 154 091 — жен. пола, русского — 11 591 муж. пола, 8 099 жен. пола.⁷; в 1857 г. — 259 720 обоих полов⁸, в 1858 г. — казахов 268 678 человек.⁹

В 1858 г. население другой административной единицы — обширной Семипалатинской области, созданной в 1854 г., к которой отошел ряд внешних округов, — 261 487 чел. обоих полов.¹⁰ Приведенные сведения при выявлении дополнительных данных могут подвергнуться изменениям, в виду того, что в Казахстане предреформенного времени, основную часть жителей которого составляли казахи, так называемых ревизских сказок, проводившихся в других частях империи через каждые три года для определения числа податного населения, не осуществлялось. Сведения же по народонаселению, собираемые окружными приказами, «точными определить было нельзя». Однако, при этом следует оговориться относительно охвата, ревизскими сказками и казахских волостей. Ими охватывались те волости, местонахождение которых более или менее было известно переписчикам, и о лояльности которых правительству нельзя было усомниться. Однако, постоянная подвижность кочевников усложняла стремление властей собрать конкретные материалы по волостям, и, так сложилось, что статистика о числе скота и людей «основывалась на одних словесных объяснениях» волостных и аульных старшин.¹¹

Своеобразие демографической ситуации в общеказахстанском масштабе за исключением Букеевской Орды и южных районов выражалось прекращением моноэтничности состава его жителей еще в 50–60-х годах XIX в.

На западе в Новолинейном районе, на северо-востоке в Верхнеиртышском и Новоишимском участках в результате поощрительной миграционной политики правительства создавались небольшие центры русского переселенческого движения, чему во многом способствовало сохранение действия Положения, принятого еще в 1765 г. и запрещавшего казахам на расстоянии 50 верст приближаться к укрепленным линиям, ставшими в 20–50-х годах XIX в. окружными центрами. Вследствие частной и правительственной колонизации лишь в Новолинейном районе проживало около 44 000 человек русских, башкир, калмыков, ногайцев, татар, проживающих в соседстве с казахским населением, число последних в 1861 г. достигло 11 538 кибиток.¹²

Говоря о формировании полиэтничного состава населения Казахстана, об основных его источниках и побудительных факторах, прежде всего следует характеризовать его начальный этап. Этот процесс как главное катализирующее явление, за короткий срок в основном сохранил моноэтническую структуру обитателей края.

Царизм рассчитывал путем колонизации Сибири, северо-западных и юго-восточных районов Казахстана переселить из крестьян внутренних губерний России и Украины и создать в их лице социальную опору в зауральской окраине.

Почти во всех вновь образованных областях целенаправленное переселение русско-украинского крестьянства началось в начале 70-х годов XIX в. и массовый характер оно приобрело в 80-х годах. 13 июля 1889 г. царское правительство разработало и утвердило специальное положение о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли.

Новое положение конкретно определяло районы переселения в Томской и Тобольской губерниях, а также в Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях.

Массированное переселение крестьян сопровождалось не только изменением демографической структуры населения края, но и насильственным изъятием из пользования коренных обитателей лучших земель, пригодных как для скотоводства, так и для расширяющегося земледелия. Только с 1885 г. по 1893 г. в Акмолинской области было отобрано у казахов 251 779 десятин земли и образовано 24 переселенческих участка с 10 940 жителями мужского пола, а в смежной Семипалатинской области — 33 064 десятины.

Особенно интенсивно все возрастающий поток пришлого населения шел в Семиреченскую область: в 1868—1880 гг. сюда переселилось 3 224 семьи, из них 2 099 образовали селения, а 1 225 семей обосновались в городах. За 13 лет — 1880—1893 гг. население Туркестанского края, исчислявшееся в 2 269 520 чел. обоих полов, возросло до 3 102 385 чел., т.е. приростительно на 37% в основном за счет переселенцев.¹³

Основными районами переселения русско-украинского крестьянства самого крупного региона юга Казахстана — Сырдарьинской области — явились Чимкентский, Ташкентский, Аулие-Атинский уезды, где с 1884 по 1892 гг. было образовано 37 поселений. Динамика относительно бурного роста переселенческих поселений, например, в Аулие-Атинском уезде была следующей: село Михайловское было основано в 1874 г. с 331 жителем, в 1876 г. Шалдоварское — 1102 человека, в 1877 г. Дмитриевское — 340 человек, в 1881 г. Покровское — 658 человек, в 1884 г. Николаевское — 449, в 1885 г. Каменка — 331, в 1889 г. Подгорное — 210, Шапалово — 210, в 1890 г. Луговое — 71, Бурное — 71, Ключевое — 154, в 1892 г. Ровное — 106, Грозное — 753, Головачевское — 261, Гроднево — 401, Степное — 139.¹⁴

В 1889 г. был принят закон «О переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», а в 1891 и 1892 годах данное положение распространилось на Тургайскую, Уральскую области. Этот акт сосредоточивал переселенческое движение в руках правительства, заметно ограничив частную колонизацию. Теперь для приобретения земельных наделов требовалось особое разрешение. Однако, стремление петербургских властей как-то урегулировать прежний стихийный характер миграционного процесса не совсем удалось.

Неурожай и голод 1891—1892 гг. побудил массы крестьян европейской России двинуться на Восток в поисках свободных земель. Причем, в составе переселенцев преобладали: в Семиреченской области — уроженцы Воронежской, Тобольской, Томской, Пермской, Казанской, Оренбургской, Харьковской губерний; в Сырдарьинской области — Воронежской, Астраханской, Самарской, Саратовской, Тамбовской и других губерний, а также Войска Донского.¹⁵

Возможность соединения Казахстана железнодорожными магистралями с Сибирью, Приволжским промышленным районом и Южным Уралом побуждало правительство интенсифицировать переселенческое освоение края. С этой целью экспедиция Ф. А. Шербины тщательно обследовала 12 уездов Акмолинской, Тургайской и Семипалатинской областей. Официальное ее назначение связывалось с обследованием хозяйственной жизни местных жителей. Материалы экспедиции были использованы царизмом для расширения экспроприации «излишков» казахской земли.

«С постепенным расширением русской колонизации район владений киргизских земель стал значительно сокращаться, а вместе с тем стали осуществляться некоторые ограничения для киргиз в их постоянных и непрерывных кочевьях...»¹⁶, так охарактеризовала «Тургайская газета»¹⁷ положение, сложившееся в земельном фонде коренного населения.

Бурный рост численности русско-украинского крестьянства следует рассматривать не только как главный результат политики переселения и вытеснения казахов с насиженных веками мест, но и как следствие перевеса рождаемости над смертностью ввиду относительной молодости, жизненной активности основной части новых поселенцев, хотя следует констатировать факт исключения в этом плане относительно казахов-старожилов, для которых прежде всего был характерен естественный рост.

В целом, о динамике численности переселенцев говорят данные за 1870–1914 гг.: Акмолинская область — 721 091 человек, Семипалатинская — 159 972, Семиреченская — 156 826, Сырдарьинская — 61 212, Тургайская — 226 825, Уральская — 108 467, всего — 1 434 393.

Говоря об основных источниках, факторах, благоприятствовавших изменению численности, этнической структуры населения Казахстана, не следовало бы упускать из виду такое явление, как политическая ссылка. Участники польского восстания 1863 г., видные деятели народолюбческих течений, социал-демократы в некоторой степени также активизировали миграционный процесс, а главным образом, повлияли на этнический состав жителей Казахстана. Можно привести некоторые данные: в 1863 г. в Семипалатинской области отбывало ссылку 122 человека¹⁸, Верхнеуральске — 51, Петропавловске — 69, в Жетысу в общей сложности — 100 человек.¹⁹ Однако, следует признать, что политическая ссылка, сыграв благоприятную роль в общественном сознании, культурной жизни края, городов, в формировании взглядов выдающихся деятелей (в частности Абая Кунанбаева и др.) не стала доминирующим фактором в демографической ситуации.

Территория Казахстана заселялась, благодаря не только притоку переселенцев из внутренних губерний, но также из Китая. С возвращением Кульджинского края Цинской империи масса дунган, уйгуров и казахов выразила желание переселиться в Казахстан и соседнюю Кыргызию. Профессор П. Г. Галузо, рассматривая мотивы изучаемого процесса, объяснял это стремлением царизма переселением хлебопашцев ослабить экономические позиции в Кульдже и, с другой стороны, усилить свое влияние в регионе. Режим рассчитывал также на использование уйгуро-дунганского контингента в случае военных осложнений на китайской границе как военную силу, способную действовать против Китая.²⁰ Прежде всего постараемся определить численность казахов, уйгур и дунган, проживающих в ту пору в Кульджинском крае. Весьма информированный автор серьезного исследования о Кульдже С. Н. Велецкий «по приблизительным данным» определял численность казахов около 20 000 человек мужского пола; уйгур — 51 тысяча, общее число дунган — не более 4 тысяч человек.²¹ Сколько же проследовало в Семиреченский край? Д. А. Исиев называет 90 тысяч человек.²² По мнению С. Ростовского, из 120 240 дунган и «таранчей» в Россию переселилось 60 000.²³ Н. Н. Пантусов дает другие данные,

правда, за 1871–1877 гг. — в Верненском уезде 26 164 уйгура, 1126 дунган, всего — 27 290 душ обоих полов; в Джаркентском уезде — 19 209 уйгуров, 1347 дунган, всего — 20 556 душ обоих полов. Итого — 47 846 человек.²⁴ Х. Сутеева пишет о почти поголовном переселении казахов, уйгуров и дунган в Жетысу вслед за русскими войсками.²⁵

Переселение уйгуров и дунган в плотно населенные районы Жетысу объективно усилило земельную тесноту, вызвав протесты казахского населения,²⁶ в 1896 г. в составе Семиреченского казачьего войска находилась тысяча калмыков, переселившихся из Китая, принявших российское подданство.²⁷

Интересные данные об изменении численности и состава населения империи, в том числе Казахстана, дает первая и единственная до образования Казахской автономной республики всеобщая перепись населения 1897 г. Несмотря на некоторые недостатки,²⁸ она является более или менее достоверным источником информации по народонаселению. Проведение ее было вызвано потребностью развития капитализма в стране.

Из-за сложности проведения переписи коренного населения, обусловленной разбросанностью и трудностью местонахождения зимовок (кыстау) кочевников, были продлены сроки переписи. Подсчет предполагалось провести в течение ноября и декабря 1896 г., т.е. значительно раньше, чем в губерниях России.²⁹

Численность населения областей по переписи: Акмолинская — 645 232 человека обоих полов, Семипалатинская — 684 590, Семиреченская — 663 769, Сырдарьинская — 835 432, Тургайская — 453 416, Уральская — 645 124, всего по Казахстану — 3 927 560.³⁰

Так как перепись населения производилась впервые, допускались небольшие нарушения правил и инструкций, в отдельных случаях результаты подсчета по населенным пунктам возвращались для перепроверки и уточнений. Этим и следует объяснять явные расхождения в определении итоговых данных по областям: например, в исследовании Н. В. Турчанинова, который, также, как и другие исследователи, обращался к материалам переписи о численности отдельных областей, приводятся иные данные: по Семипалатинской области — 684 590 человек, Акмолинской — 82 608 человек обоих полов.³¹

В обзоре за 1897 г. число жителей Семипалатинской области на 2319 человек больше по сравнению с данными Н.В. Турчанинова, а по Акмолинской на 179 человек меньше.³² Архивные же первоисточники также приводят другие цифры — по Семипалатинской области — 688 639, по Акмолинской — 68 372 человека.³³ Впрочем, разноречивость сведений по переписи 1897 г. была характерна и для других районов России, если учесть факт неохвата ряда аулов из-за зимних условий и отсутствия путей сообщения, то общая численность населения Казахстана должна была превышать уровень — 4 млн человек.

Перепись населения дала возможность выявить языковое соотношение этнических групп. Конечно, казахи в двух генерал-губернаторствах составляли явное большинство: по Степному — казахским языком владело 1 903 030 или 77,1% человек к общей численности населения, русским языком — 431 184 или 17,8% человек, украинским — 37 673 — 1,5%, татарским — 41 765 — 1,6%, далее по принципу убавления численности носите-

лей языковых групп следуют мордвины, немцы, евреи, башкиры, поляки, узбеки, а также языки народностей, численность которых не превышала 1000 человек — литовцы, латыши, молдаване, грузины, калмыки, чехи, французы, шведы, англичане и т.п. И в южных районах население занимало доминирующее положение, также был разнообразен этнический состав жителей: казахи — 1 198 112 — 79% к общей численности, узбеки — 74 539 — 4,95%, русские — 71 049 — 4,80%, кыргызы — 58 700 — 3,9%, уйгуры — 55 815 — 3,70%, украинцы — 12 143 — 0,81% и т.п.³⁴

Явно заниженной и неточной оказалась численность казахского населения — в порядке свыше 4 млн человек вследствие приблизительности сведений, собранных переписчиками. Это было вызвано сокрытием от переписчиков женщин-казашек, особенно тех, которые не достигли брачного возраста, тем не менее вступали в брак. Нередки были случаи выхода замуж в возрасте 12—13 и даже 9 лет.³⁵ В. Юзефо, объездивший Тургайские степи в 1880 г., рассказывает о факте, когда 14-летний мальчик женится на 13-летней девочке, а через год обзаводится семейством.³⁶

Заметно увеличилось число русского населения: в Акмолинской — 56%, Уральской — 40,8%, Тургайской — 37,5%, Семипалатинской — 24%, Семиреченской — 23,5%, Сырдарьинской — 6,2%.³⁷ По итогам переписи 1897 г., численность Семиреченского, Уральского, Сибирского войск соответственно составляла 33 767, 114 166 и 103 424 человек обоих полов.

В целом, заметные сдвиги в численности, этническом, национальном составе населения отражали влияние капиталистических отношений на социально-экономическую жизнь не только казахского, но и других национальностей, вызвав оживление в хозяйственной сфере, во взаимоотношениях между ними. Несмотря на отдельные недостатки в организации, методике проведения, обработке сведений, всеобщая перепись населения 1897 г. имела огромное научно-практическое значение, определив основные параметры жизнедеятельности общества, разрушив экономическую замкнутость казахского аула, в дальнейшем укрепив колонизационные порядки в обширном крае и облегчив планы правительства по дальнейшему размещению пришлого контингента населения, с учетом плотности расселения весьма пестрого по составу жителей.

2. КАЗАХСКИЙ АУЛ

Реформа 1867—1868 гг. изменила весь уклад социально-экономической жизни кочевников, изживая из повседневных традиций обычаи, систему взаимоотношений в их общественной структуре. Старая чингизидская знать, подавленная правовыми ущемлениями и ослаблением имущественной позиции, вытеснялась разбогатевшими скотоводами, выходцами из «черной кости».

В процессе углубления социальной дифференциации, новое байство, разводившее скот преимущественно для нужд рынка, без особых усилий вытеснило султанов из волостных управителей, которые отошли на второй план как тень прошлого и бывшего могущества чингизидов.

Однако обычаи аульной общины оказались сильнее, и представители одного родоподразделения в условиях воздействия капитализма на ка-

Перекочевка аула. С картины худ. Н.Г. Хлудова
(из фонда Центрального Государственного музея Республики Казахстан).

захский аул «проживали всегда в величайшем согласии между собою» и в случаях нужды помогали друг другу, что, между прочим, давало повод отдельным исследованиям, поверхностно представляющим своеобразие кочевой жизни казахов, прийти к односторонним заключениям о якобы отсутствии у них классового расслоения.

В общественной жизни аула тон задавали волостные управители, прошедшие «школу межродовых распрей», представители новой колониальной администрации. «... Иметь перевес во всех делах общественных...»³⁸ побуждали претендентов на волостного управителя, не жалеть скота и разных угощений, подкупая влиятельных родоправителей.

«Степной телеграф — узын кулак» настолько оперативно распространял всякие «хабар — известия», что волостные, как промежуточное звено между аульными старшинами и уездным управлением, располагая общедоступными каналами, оповещая к приезду «большого начальства», успевали настроить общественное мнение в свою пользу, подстраиваясь под условия новой эпохи. «Перед приездом большого начальства, каковой не бывает внезапным..., управитель на время вступается, складывает с себя свой халат, облекается в фантастический костюм зауряд-хорунжего (фельдфебель), убирает свой трон-кровать, заменяет ее ненавистой европейской мебелью, протрезвляет писарей, закупает вина, закусок..., встречает начальство»³⁹ — так передает свои впечатления автор замечательной работы о казахах Туркестанской области, которому трудно отказать в наблюдательности.

Одним из проявлений социальной жизни все более эволюционирующего аула явилось возрастание роли так называемых «аткаминеров» — в

буквальном смысле «ездящий верхом», а в переносном — у кочевников — так стали называть влиятельных и «почетных киргиз», от деятельных усердий которых во многом зависело общественное благополучие. Престиж, или «имидж» волостных зависел от аткаминеров, принимавших живейшее участие в политической агитации во время выборов, они заметно предопределяли успех того или иного претендента, представляя собою своеобразное проявление степного лоббизма. Они переходя от одного претендента к другому, пользовались неперменным почетом и всевозможным гостеприимством, «чувствовали себя счастливейшими людьми и проводили время в нескончаемой еде и питье (кумыса. — *Ред.*)».⁴⁰

Вся жизнь степного жителя была связана с состоянием скотоводства, имевшего первостепенный смысл для большей части номадов, являясь источником существования для бедных, богатства — для зажиточных: от своих стад они получали пищу, мясо свежее, вяленое и копченое (сүр ет), а также молочные продукты — любимый, распространенный у тюркоязычных этносов кумыс, айран, особого рода сыр — «курт» и «иримшик», одежду — овчины, мерлушки для малахая (шапки), кошмы, войлок.⁴¹

По печатным сведениям той эпохи нетрудно определить средние нормы потребления в ауле молочных продуктов на душу населения:⁴²

Уезды	кумыс	молоко	всего	сыр
Акмолинский	5,5 ведер	37,7 ведер	43,2 ведер	30
Атбасарский	11,7	82,7	44,4	15
Кокчетавский	17,4	19,5	36,9	31
Кустанайский	—	—	56,5	

Скотоводство как рычаг экономического воздействия имело первостепенное значение и в семейно-брачной жизни номадов, ибо весь калым, являвшийся неперменным атрибутом бракосочетания молодоженов, уплачивался только скотом: богатый калым доходил до 100 байтал (молодых кобыл); менее богатый — в 77, 67, 47, 37 и 27 кобыл. В. Юзефо, изучавший быт казахов Тургайской области, сообщал, что ниже вышеуказанных норм «калыма не бывает».

По установлениям шариата каждый мусульманин имел право обзавестись не более, как четырьмя женами; немногие имели по 3 жены, широко распространенный брачный союз — по две жены, бедняки, не имевшие скота — по одной.⁴³

При этом согласно шариату, обладатели нескольких жен, должны были обеспечить каждую из них отдельной юртой; традиция признавала за старшей женой-байбише более приближенное к хозяину положение; даже в этом случае взаимоотношения между байбише и токалами (остальными женами) оставались взаимоприемлемыми. Достаточно было одного окрика или холодного взгляда полигамного семейного правителя, чтобы в юртах устанавливалось затишье (шанырактан шу шыкпас).

Значение скота настолько было велико в повседневной жизни степных обитателей, что жители разных аулов при встрече, приветствуя друг друга, прежде всего спрашивались о состоянии животных — «мал-жан аман ба?» (благополучны ли скот и души?) и только получив утвердительный ответ, с поклоном обращаясь к нему, задавали другой вопрос «бала-шага

аман ба?» (здоровы ли дети, семья?); затем учтиво вопрошали «ат колик аман ба?» (здоров ли конь?).⁴⁴ Тот же И. Хохлов рассказывал: «... вскоре один за другим в землянку полезли соседи Шукурбая (хозяин, у которого тот гостил), сняв калоши и малахаи (шапки. — *Ред.*), лезли на нары, и, начиная с меня, со всеми поздоровавшись, произнося обычное слово «аман ба?»... пришедший прежде всего спрашивал о здоровье скота, а затем уже о здоровье людей. На все это хозяин отвечал «аллаага шукур», т.е. «слава богу»,⁴⁵ т.е. при всех обстоятельствах — скот на первом плане. Отметим, что необъятные степные просторы, стремление скотовладельцев во время переписей во избежание увеличения кибиточной подати скрыть действительные размеры движимого состояния затрудняли точный учет его ввиду своеобразия природно-географических показателей. Нет сомнения в преобладании численности скота в четырех степных областях по сравнению с двумя южными, где Семиреченская область включала в свое подчинение и Северную Кыргизию, Сырдарьинская — несколько уездов Центральной Азии, что заметно осложняет подведение итогов в масштабе Казахстана на территориальных владениях той поры, а потому число скота в двух областях представляется явно заниженным. Ввиду неточности количества скота по разным регионам и за разные промежутки времени, да и общим неудовлетворительным состоянием статистики эпохи, трудно определить его допустимую точность в масштабах края. Тому в немалой степени способствовало суеверие животноводов, твердо уверовавших в то, что, если «сделать точное исчисление скота», а тем более раскрыть истинное количество скота чужому человеку, к тому же чиновнику по переписке, то перечтенные табуны может постигнуть несчастье, и они значительно уменьшатся. Такое предзнаменование вызвало у казахов, особенно весьма зажиточных, намерение скрывать действительное состояние своего хозяйства и при расспросах непременно указывать число, менее реального, а в случаях же несчастий, природных катаклизмов, они почти всегда указывали размеры больше действительных,⁴⁶ а потому зафиксированные данные следует воспринимать меньше реального, а потери от разных несчастных случаев — несколько преувеличенными. По Семипалатинской области у оседлых жителей за 1888 г. верблюдов — 427 (на 81 больше, чем в 1887 г.), лошадей — 57 293 (на 3610 больше), крупного рогатого скота — 33 336 (на 1770 больше), овец — 40 862 (на 5447 больше); у кочевников верблюдов — 62 580 (больше по сравнению с 1887 г. на 4080 голов), лошадей — 447 789 (больше на 6176), крупного рогатого скота — 203 766 (больше на 44 851) и овец — 201 170 (больше на 46 957 голов);⁴⁷ по Тургайской области — за 1891 год лошадей — 717 588, крупного рогатого скота — 395 435, верблюдов — 141 142, овец — 1 975 445, коз 126 138;⁴⁸ по Семиреченской области (данные за 1897 г.) лошадей — 85 000, волов, быков — 180 000, коров — 290 000, телят — 152 000, верблюдов — 69 000, овец — около 5 000 000, коз — 512 000, яков — 785, мулов — 3356, свиней — 28 500, итого — свыше 7 млн.; цифра 6–7 млн. может быть принимаема за стабильную для определения численности скота у кочевников Семиреченской области;⁴⁹ по Сырдарьинской области лошадей — 644 945 голов, коров — 6 333 929, овец — 4 841 263 простых, 79 284 — тонкорунных, верблюдов — 472 445, коз — 811 174, ослов — 11 293, свиней — 8261; всего — 7 727 034.⁵⁰ В ведомости же «О скотоводстве в уездах области» за 1894 г. зафиксировано 6 566 344 головы (включая сведения

по Ташкентскому уезду);⁵¹ по Акмолинской области (сведения начала XX в.) лошадей — 918 620, крупного рогатого скота — 943 714, овец — 1 371 097, коз — 167 301, свиней — 65 860, верблюдов — 87 785, всего — 3 554 377 голов.⁵²

Мы полагаем, что общая численность скота в шести областях Казахстана с некоторыми колебаниями достигала не менее 40 млн голов. Для сравнения: в России за 1871 г. крупного рогатого скота было 21 604 000, лошадей — 15 542 000, овец — 44 841 000, свиней — 9 404 000, итого — 91 391 000; в Германии соответственно — 15 140 000, 34 445 000, 29 841 000, 9 043 000, итого — 88 469 000 голов.⁵³ Следовательно, на каждого человека в среднем приходилось в Казахстане — верблюда — 0,55, крупного рогатого скота — 1,12, лошадей — 2,83, баранов — 6,41, коз — 0,3, итого — 11,30; по тем же показателям в России — крупного рогатого скота — 0,34, лошадей — 0,24, овец — 0,70, свиней — 0,14, итого — 1,42; в Германии — крупного рогатого скота — 0,37, лошадей — 0,23, овец — 0,72, свиней — 0,220, всего — 1,52. Итак, на каждого казаха приблизительно приходилось в восемь раз более, чем на каждого в Европе.⁵⁴ Если же распределить наличное количество скота по кибиткам, то можно получить следующие данные: в 1870 г. — 59 голов, в 1881 г. — 29,9, в 1885 г. — 27,0, в 1890 г. — 23,3, в 1895 г. — 23,3, в 1900 — 22,3.⁵⁵

Теперь рассмотрим показатели по распределению скота с учетом дифференцированной доли оседлого и кочевого населения на материалах одной степной области — Акмолинской:⁵⁶

Уезды	У оседлого голов на 1 чел.		У кочевого голов на 1 чел.	
Акмолинский	5500	1,06	816 873	6,67
Атбасарский	4967	2,00	598 663	9,72
Петропавловский	67 849	1,45	207 984	3,72
Кокшетауский	38 754	1,25	291 303	4,75
Омский	54 195	1,12	131 063	3,72

Из таблицы видно, что у кочевого населения южных уездов — Акмолинского и Атбасарского, — имелось скота 1 415 536 голов, или около 70% и на 1 человека — 7,7 голов, тогда как в северных уездах около 30% и на 1 человека немногим более 4. Разница эта объясняется тем, что южные уезды, занимающие 2/3 площади области, населенные «почти исключительно» казахами, представляют собой широкий простор, нежели северные, где почти 1/2 населения оседлое, для которого скотоводство играло второстепенное значение, хотя и продолжало сохранять немаловажное значение.⁵⁷

Однако, экстенсивная, пастбищная, дикотравная система, когда скотовладелец в течение года «довольствуется» свое богатство тебеневкой и скот находится на подножном корму, лошадь не знает овса, а крупный рогатый скот — сенозаготовки, обрекало животноводство на непредсказуемые последствия. Суровые зимы сопровождались массовой гибелью скота. Слово джуг (массовый падеж скота от бескормицы и голод, вызванный этим) приводило скотовладельцев в отчаяние. Сравнительно редко повторяю-

щиеся лютые морозы, непосредственно следующие за ними дожди, кратковременная оттепель, опять морозы — покрывали всю поверхность степи коркой льда, гололедицей, лишавшие скот возможности добывать из-под снежного покрова остатки осенней травы, при благоприятном течении зимних месяцев служившей единственно доступным для животных кормом. В силу суровости зимы, оледенелости снега «зажиточные киргизы теряли почти все состояние, а бедные впадали в крайнюю нужду»,⁵⁸ в 1879—1880 гг. в Туркестанской, Акмолинской, Сырдарьинской областях из 13 млн голов погибло 6 млн, т.е. почти половина.⁵⁹ Трудновосполнимые последствия этого жута настолько встревожили колониальную администрацию, что 15 февраля 1889 г. губернатор Сырдарьинской области отправил срочный запрос исполняющему обязанности туркестанского генерал-губернатора для выяснения следующих обстоятельств: какие ближайшие последствия можно ожидать от настоящей суровой зимы; какие необходимы меры для обеспечения народного благосостояния.⁶⁰ Вторая часть документа заканчивается с нескрываемой тревогой, какие меры необходимы, «если зима дурно отразится на хозяйстве населения» и не повлечет ли эта зима влияния «на возвышение цен на провиант и фураж».⁶¹ С учетом непредвиденных природно-климатических катаклизмов крупные скотовладельцы использовали старинный обычай тебеневки для облегчения естественного кормления скота, пуская его на пастбища по следующей схеме: впереди шли лошади как «самые старательные разгребатели снега», за ними — крупный рогатый скот. И, наконец, на разрыхленных местах овцы щипали почти корешки травы.

Потребности животноводства побуждали казахов расселяться мелкими группами, принимая во внимание неудобства скученности расположения аулов. Два—три хозяйства в горных районах, где для пастбы скота была ограничена земля, 20—30 юрт — в степных районах. Чем дальше скот перемещался на летние пастбища, тем он был тучнее; от продажи на ярмарках или обменом можно было выручить большие деньги, особенно при продаже партиями. С другой стороны, это зависело от флоры местности. К при-

Казахский аул.

меру, в северных уездах Тургайской области, где преобладали богаторазнотравные пастбища, у казахов были пашни, где летние кочевки не отстояли дальше 20 или 40 верст от зимовок; на юге же, где пастбища скудны, казахи уходили верст за 400 и более от своих родовых гнезд — аулов.⁶²

В Актюбинском и Уральском уездах, а также в Прииртышской и Прииртышской полосах казахи располагали возможностью делать большие запасы сена, в некоторых районах, на худой конец, — соломы, что в некоторой степени удовлетворяло кормовые потребности скота в период зимних морозов. Относительно жайлау — летних пастбищ у казахов проблем в основном не возникало, обычно ими пользовались совместно без ограничений; они пасли скот сколько вздумается на началах родовой принадлежности земли.⁶³ Более того, чиновники уездных управлений, довольно плохо представлявшие районы традиционных кочевий, вследствие упорного поиска, зачастую с помощью аульных старшин, с трудом находили зимовки кочевников, ибо сведений о зимовках почти не собиралось. К примеру, в Кокчетавском уезде, где изобилуют лесные массивы, обнаружить зимовки кибитковладельцев представляло большие затруднения.⁶⁴

Жизнь подказала казахам постепенно от подножного зимнего корма для скота перейти к сенокосению, заготовке сена. Тем временем, казаки, получившие большие земельные наделы, «отличнейшие земельные наделы за недостатком рабочих рук, охотно стали пускать казахов не только на перезимовку, но и на летовку с отдачей им на обоюдновыгодных условиях своих сенокосов».⁶⁵ Особенно в районах Прииртышья, Приуралья, в поймах рек Ишим, Или, Тургай, получив в пользование богатые для земледелия участки. «Устроившись в самых благодатных для существования»⁶⁶ землях, казаки часто нанимали обезземелившихся казахов для сельхозработы; недоразумения между казахами и казаками доставляли много хлопот уездным администрациям. «Непрекращающиеся и нередко преувеличенные жалобы одних (казаков — *Ред.*) на постоянные потравы кочевниками отведенных крестьянами (переселенцами. — *Ред.*) лугов и пастбищ»,⁶⁷ как признавал в официальном отчете генерал-губернатор Туркестанского края, — изрядно усложняли взаимоотношения между двумя группами населения.

Положение казахского аула усугублялось в связи с переходом части казахов, кочевавших «на землях Алтайского горного округа на правобережье, а также во внутренние регионы Сарыарки (Золотая степь) для соединения со своими сородичами». 22 октября 1880 г. были приняты «Правила и дозволения киргизам кочевать» на землях Алтайского горного округа, в которых говорилось «... о временном характере оставления киргизов на Кулундинской степи (между Иртышом и Обью) и принятии соответствующих мер к постепенному и спокойному переводению кочевников в Степную область».⁶⁸

Положение же Главного управления Западной Сибирью от 4 марта 1849 г. и 23 июля 1860 г., несмотря на давность и действие реформ 1867—1868 и 1886—1897 гг. сохранялось, и казахам по-прежнему «воспрещалось» не только иметь кочевки и пасты скот близ боровых и соленых озер, но и приближаться к ним на расстояние 20 верст;⁶⁹ казахи же Алтайского горного округа «в случае переходов к земледелию и образованию оседлых обществ» облагались оброком наравне с бывшими пришлыми крестьянами по 6 руб. с каждого.⁷⁰ Такая угроза заставляла тысячи казахских семей переселиться ближе к своим соплеменникам в Семипалатинской области, усугубив земельную тесноту. В этих условиях массовый переход казахов

к хлебопашеству оставался единственной альтернативой в обеспечении кочевников продуктами питания, скотоводства — запасом сена. Все более проникающие в аульную экономику торгово-денежные отношения открывали перед бывшими животноводами перспективу реализации излишков хлеба на городских рынках, степных ярмарках.

Царские чиновники, высшая колониальная администрация слабо верили в возможность выбора земледелия кочевниками как самостоятельной отрасли экономики, видя «непреодолимую страсть» номада для перехода к многоукладной системе. Даже И. Завалишин, вдумчивый автор замечательного исследования, выражал нигилистическое отношение к этому лишь на том основании, что казахи «хлеба едят очень мало».⁷¹

Прежде всего оговоримся относительно одной реалии — в отношении объема посева зерновых культур на человека у казахов; земледелие составляло «ничтожную пропорцию» и оно не имело такого значения в их жизни как, скажем, для оседлых жителей. Мясные и молочные продукты, как и прежде, занимали доминирующее положение в повседневном пищевом рационе кочевника.

В неблагоприятных почвенных районах, к которым относили районы преобладания сухих степных пространств, небогатых растительным покровом, хлебопашество не получило ожидаемого распространения. Тем не менее, казахское хлебопашество (пшеница, просо), производимое в северных уездах Акмолинской, юго-восточных районах Семипалатинской областей при примитивном искусственном орошении полей, посредством арыков, наполняемых водой из ближайшей реки, озер с помощью чигирей, а нередко с помощью применения водоподъемных машин достигала превосходных результатов.⁷²

О соотношении удельного веса кочевого и оседлого населения в общей численности жителей. По переписи 1897 г. процент, занимающихся земледелием вообще, и процент, занятых скотоводством в нижеприведенных трех степных областях в сопоставлении с данными двух российских уездов выглядит так:⁷³

Области	Общ. числ. в тысячах	Занятые земле- делием	Занятые ското- водством
Тургайская	441,4	11%	88,4%
Семипалатинская	606,9	20%	80%
Акмолинская	596,2	32,2%	67,5%
Минусинский уезд	146,1	87,5%	12,5%
Алтайская	1532,8	96,3%	3,7%

В таблице прежде всего бросается в глаза разница в росте оседлого и кочевого населения. В ней оседлое население возрастает значительно быстрее, чем кочевое; это явление несколько заметнее в Тургайской области, где темп роста оседлых жителей обгоняет номадов в 3,5 раза.

Жизнь постепенно брала свое и успехи хлебопашества вчерашних кочевников применительно к отдельным уездам были впечатляющие: к примеру, за 1897—1901 гг. в пользовании казахов находилось: в Петропавловском уезде — 4 287,3 тысячи десятин, Омском — 35 260, в Акмолинском —

10 493,8, Кокчетавском — 5 352,4, Атбасарском — 11 656, Каркаралинском — 6 899,3, Семипалатинском — 5 676,4, Усть-Каменогорском — 4 3147,1, Зайсанском — 5091,8, Кустанайском — 84 490, Актюбинском — 51 836. Число казахских земельных хозяйств составляло соответственно в 1 — 11 329, 2 — 6329, 3 — 18 621, 4 — 12 498, 5 — 12 837, 6 — 21 833, 7 — 17 865, 8 — 21 522, 9 — 15 069, 10 — 1777, 11 — 12 474, 12 — 17 689.⁷⁴

И, конечно, опять-таки природно-географические условия давали широкий простор в тех уездах, где для земледелия имелись благоприятные возможности. К примеру, относительно Тургайской области, что размеры посевной площади обуславливались «почти исключительно» хлебопашеством в одном Кустанайском уезде: из 217 749 десятин на его долю падало 210 408 десятин, т.е. около 97% общей площади обрабатываемых казахскими кибитковладельцами земель; в Акмолинской области основную посевную площадь включал Кокчетавский уезд, отличавшийся наибольшим плодородием, за ним следует Акмолинский, на последнем месте этой области — Атбасарский уезд.⁷⁵ Наиболее обеспеченными же землею оказались казахи Акмолинской области, где в одноименном уезде на них приходилось 378 десятин, в Петропавловском — до 906 десятин, в Атбасарском, Усть-Каменогорском — до 393.⁷⁶

Однако, величина посевных площадей — вовсе не определяющий фактор уровня развития земледелия в уездах. В числе этих земель имелись участки, вовсе непригодные для использования, как, например, Голодная степь. Однако, если предположить, что 30% общей площади совершенно неудобны, то даже в наиболее малоземельном уезде — Усть-Каменогорском, казахи в среднем имели на одну кибитку 150 десятин, что вполне было бы достаточно для нормального ведения единоличного хозяйства.⁷⁷

Однако, если сопоставить средние данные применительно к индивидуальным хозяйствам казахских и русских семей, к примеру, по уездам Тургайской области, то автохтонные жители, обладая гораздо большими масштабами земельного фонда, значительно уступали переселенческим семьям: в 1900 г. было посеяно зерновых в пудах на русских пашнях 184 451 п., на казахских — 371 297 п. и на одну семью русского населения в среднем приходилось посеянных зерновых 30,3 п., а на казахскую — 5,3 п.⁷⁸

Одним из быстроразвивающихся очагов казахского земледелия явилось Жетысу. Быстрыми темпами земледелие распространялось в Джаркентском уезде, где после 1883 г. царским правительством не было изъято ни одной десятины земли; медленный же темп казахских запашек наблюдался в Верненском уезде, где более 25% угодий было изъято администрацией под казачьи станицы, крестьянские поселки и для других целей, а в Капальском и Лепсинском уездах было экспроприировано только 5% угодий, чему соответствовал быстрый рост запашек у казахов.⁷⁹

Наряду с этим следует отметить очевидный факт сосредоточения в руках русско-украинского крестьянского хозяйства наиболее плодородных земель в Илийской, Чуйской, Иссык-Кульской, Каратальской и Коксуйской долинах, а также у предгорьев Алатауских, Тарбагатайских хребтов, ранее являвшихся собственностью аульных общин.

В целом, заканчивая раздел о казахском ауле, надо подчеркнуть активное влияние развития капитализма вишьрь на углубление социальной и имущественной дифференциации аульной общины. Которую, с одной

стороны, следует рассматривать как результат разрушения застойности «многодикотравного» животноводства; а с другой стороны, массовый переход к оседлости не мог отодвинуть на второй план традиционную форму хозяйства — скотоводство, по-прежнему определявшее смысл жизни, обычаи, уклад существования многомиллионного кочевничества и создавшее формы многообразия местной экономики, вплоть до 20-х годах XX в., как:

1 — кочевое скотоводческое хозяйство в «чистом» виде; 2 — оседлое земледельческое хозяйство; 3 — кочевое скотоводческое хозяйство, но с разнообразной структурой сенокошения и земледелия; 4 — земледельческо-скотоводческая, с элементами двух видов хозяйства тенденцией преобладания первого; 5 — полuosедлая скотоводческая форма с сенокошением.⁸⁰

Итак, пользуясь данными об объективном процессе необратимого вовлечения населения казахского аула в земледельческую экономику с элементами рыночного принципа приобретения и реализации ее продуктов на ярмарках, городских базарах, надо сделать вывод об основательном разрушении натурального хозяйства экстенсивного скотоводства до конца XIX века.

Дифференциационные процессы глубоко затронули структуру животноводства, дав в руки нового байства из «черной кости» реальные рычаги в окончательном вытеснении чингизидов из хозяйственной и политической сферы, расширив почву для постепенного формирования прослойки алыпсаров (перекупщиков), разоряя рядовых малоскотных бедняков, которые в поисках новых источников жизнеобеспечения превращались в классы наемных рабочих, пополняли численность городского населения, сформировали группу жатаков.

3. ЖАТАКИ (ОТХОДНИЧЕСТВО)

Прежде всего следует дать характеристику жатачеству как новой социальной категории. Жатаки, часть обедневших казахов-скотоводов, лишенных средств к существованию и передвижению во время летних кочевок на жайлау, прокармливавших свою семью за счет наемного (в основном сезонного) труда или перешедших к землепашеству под влиянием хозяйственных перемен внутри скотоводческого общества.⁸¹ Более обобщающая характеристика была дана первым исследователем этого явления Е. Б. Бекмахановым.⁸² Свое видение социального смысла жатаков еще в 80-х годах XIX в. изложил замечательный исследователь Г. Н. Потанин «Слово жатак, — писал ученый-путешественник, — происходит от глагола (жатак, жат. — *Ped.*) «лежать». Жатак, следовательно, в буквальном смысле значит «лежень», так киргизы (казахи. — *Ped.*) прозвали их потому, что в жатаки превращаются такие киргизы, у которых пал скот от болезни и не на чем кочевать в степи — приходится лежать на одном месте».⁸³ Более узкое объяснение мы находим в «Казахско-русском разговорнике»: «Жатак — ночлег, берлога, оседлое население, беднота (они не выезжали на жайлау из-за отсутствия средств передвижения, скота)»,⁸⁴ а в переработанном, дополненном издании «Русско-казахского словаря» — «отходник («жатак» охарактеризован как крестьянин, работающий по сезонам на городских предприятиях».⁸⁵

Причины формирования жатачества. Прежде всего, как подтверждают многие архивные сведения «в полном имущественном расстройстве» части казахских хозяйств, заключавшемся главным образом в лишении домашнего скота. Гибель скота вследствие джута (гололедицы), периодически повторяющиеся в степи болезни скота сопровождались обеднением многих кибитковладельцев, попадавших в экономическую зависимость от своих богатых сородичей. Дело в том, что для прокормления своих стад в зимнее время казахи-кочевники большей частью не делали никаких запасов фуража, пасли огромные стада⁸⁶ в степи, где скот добывал себе корм из-под снега. В случае продолжительной зимы и гололедицы или снежных буранов казахи теряли много скота. «... Упалый скот, в особенности бараны, горами лежали на зимовках и подле оных по невозможности зарыть в землю или сжечь, как отзываются киргизы (казахи — *Ред.*)», — так описывал последствия джута исполняющий обязанности военного губернатора области сибирских казахов в мае 1857 г.⁸⁷

Таким образом, падеж скота от бескормицы, углубление социальной дифференциации аульной общины — все это в совокупности предопределило рост численности обедневших крестьян-жатаков. Джут порою тяжело сказывался и на земельном хозяйстве крестьян-переселенцев, ибо нередко местные казахи снабжали новых поселенцев быками и лошадьми при условии распаивания и засеивания для кочевников земельных участков. Большая часть разорившихся казахов переходила к земледелию. Объективно этому способствовали административные меры правительства, стремившегося «устройством полусоседных поселений облегчить административный надзор за киргизами... приучая их исподволь к земледельческому труду».⁸⁸ Еще 23 мая 1808 г. правительство приняло решение об устройстве «бесскотных» казахов-бедняков, кочевавших по Оренбургской линии. Оно разрешило обеспечить беднейшие слои казахов-кочевников средствами к существованию, позволило принимать их «для водворения наравне со старожилами»; было «повелено прирезать землю селениям, которые примут киргизов...»⁸⁹

Несомненно, что меры правительства по переводу части казахов к оседлости прежде всего преследовали политические цели. Традиционное кочевание массы казахов на огромных степных просторах, трудноконтролируемых военно-казачьими линиями и окружной администрацией, выявило трудности «обуздания» кочевников и показало выгодность создания земледельческих очагов для казахов вблизи военных линий. Однако все возрастающие масштабы правительственной колонизации пастбищных угодий кочевников, объявление казахских земель государственной собственностью (пункт 210 «Временного Положения» об управлении степными областями от 21 октября 1868 г.) с каждым годом усиливали угрозу для нормального функционирования традиционного скотоводства. Комиссия же по устройству переселенцев не считалась с интересами автохтонных обитателей степи. «Переселенцы заняли и занимают лучшие места, тогда как между киргизами (казахами. — *Ред.*) есть много жатаков, которые могли бы, не упуская таких мест, образовать из себя селения...»⁹⁰

Однако, стремление колониальной администрации путем переселения крестьян из внутренних губерний, казаков из Сибири, Оренбуржья, создать «новые экономические центры, производящие хлебные продукты», вело к сужению земельного фонда аульной общины, ограничивало воз-

возможности жатаков заниматься не только скотоводством, но и земледелием. К тому же высшая администрация края порою отрицательно реагировала на выделение земельных наделов разорившимся беднякам-жатакам. Генерал-губернатор Туркестанского края граф Сухтелен считал вредным поощрять хлебопашество среди казахов и нередко запрещал им селиться на новых участках.

Автор известной работы о жизни казахов Оренбургского края И. Ф. Бларамберг отрицательно высказывался о переходе казахов к земледелию. «Нет сомнения, что киргизский (казахский — *Ред.*) народ до тех пор только будет полезен, пока он верен старине, то есть пока он не земледелец, а пастух», — писал автор.⁹¹ Отдельные исследователи выражали сомнения относительно выбора жатаками земледелия как формы хозяйствования в связи с тем, что скотоводство в целом обеспечивало кочевника всеми необходимыми продуктами питания и не верили в возможность втягивания казахов в земледельческий рынок: «... киргизы (казахи. — *Ред.*), естественно, не расположены к хлебопашеству, может быть, по очень основательным причинам: хлеба едят очень мало. Общую их пищу составляют баранина, конина, молоко, сыр (курт), кумыс.

К чему же им хлеб после такой сытной пищи..., киргизу хлеба даром не надо», — писал И. И. Завалишин.⁹²

Но жизнь брала свое. Проникновение товарно-денежных отношений в экономику казахского аула, постепенное разорение скотоводов и увеличение численности казахов, не имеющих скота, превратили земледелие в наиболее выгодную форму хозяйства, обеспечивающую хлебом не только повседневные их нужды, но и продажу части хлеба на городском рынке. Приведем данные по Кокчетавскому, Атбасарскому уездам Акмолинской области: за март 1901 г. в двух упомянутых уездах было зарегистрировано 2222 хозяйства жатаков и 2880 хозяйств «отсутствующих» (т.е. находившихся на положении жатаков),⁹³ официально не зарегистрированных. Если считать, что в среднем в каждой кибитке было по 5 человек обоего пола, то всего получится 11 110 жатаков. Прибавив к этому количеству людей половины «отсутствующих» кибиток, получим 19 310 человек, что составляет значительный удельный вес жатаков в общей численности кочевого населения.

Наряду с земледелием жатаки стали принимать участие в сезонной работе по строительству Оренбурго-Ташкентской и Сибирской магистралей. Это выразилось в том, что жатаки взяли на себя самый трудный участок работы: перевозку различных строительных материалов. «Никто, конечно, другой не возьмется за перевозку этих материалов, в особенности в горячее летнее время по степи, выжженной солнцем, как тот же привычный ко всему киргиз на своих безответно покорных ему верблюдах и быках...».⁹⁴ Причем, как архивные, так и печатные материалы подтверждают, что большую часть наемных рабочих составляли жатаки.⁹⁵

Выполнявшие все земельные работы жатаки получали более низкую плату, чем русские собратья, иногда копеек на 10–20 (при дневном среднем заработке 40–60 копеек).⁹⁶ Тем не менее привлечение казахов-жатаков к строительству первых железнодорожных линий в Казахстане оказалось весьма важным для приобретения технического и вообще производственного опыта, разрушения хозяйственной замкнутости казахского аула, массового отрыва жатаков от натурального хозяйства. «Сама

дешевизна постройки Воскресной железной дороги (Павлодарский уезд) многим обязана тому, что большую часть рабочих при ее постройке составляли киргизы», — информировал своих читателей корреспондент «Тургайской газеты». ⁹⁷ Кроме того, часть жатаков, крайне разоренных стихийными бедствиями, находила заработок в русских крестьянских селениях, казачьих станицах. К примеру, прииртышские казаки, получив большие земельные наделы от переселенческого управления и не располагая возможностью за недостатком рабочих рук, развивать свое хозяйство в «полной мере», охотно стали «пускать киргиз» не только на перезимовку, но и на летовку с отдачей им на ободовыгодных условиях и большей части своих сенокосов. ⁹⁸ Казахи-жатаки вместе с торговцами из Центральной Азии устраивали «полуоседлые гнезда», получившие название торговых «слободок». ⁹⁹

Среди жатаков, осевших вблизи городов, нередко встречались и зажиточные люди, которые «заводя приличные дома, обстановкой своей домашней жизни во многом подражали вкусу городской жизни». ¹⁰⁰

Большая часть казахов-бедняков в поисках средств к существованию шла в городские поселения и впоследствии явилась одним из источников формирования и роста местного рабочего класса. К примеру, только по Кокчетавскому округу в 1856, 1857, 1878 гг. волостными управителями было выдано 236 «отпускных» билетов. ¹⁰¹

О масштабе отходничества говорит количество выданных ушедшим на заработки билетов за 1887 г.: по Усть-Каменогорскому уезду — 7028, по Семипалатинскому — 6728, по Зайсанскому — 706, по Павлодарскому — 2036, по Каркаралинскому — 3536. ¹⁰² В 1895 г. волостными управителями было выдано паспортов (билетов): по Усть-Каменогорскому уезду — 7450, по Семипалатинскому — 7156, по Павлодарскому — 2684, по Зайсанскому — 1012, по Каркаралинскому — 4438. ¹⁰³ Разница в количестве выданных билетов почти за десятилетний срок составила 3346. Мы полагаем, что приведенные сведения не точно отражают уровень отходничества, ибо зачастую казахи уходили на заработки без паспортов, что затрудняло их регистрацию и учет.

По архивным данным можно определить (приблизительно) удельный вес жатаков в общей численности кочевников: к примеру, по данным за 1901 г. в Кокчетавском уезде жатаки составляли 4,6%, в северных волостях Атбасарского уезда — 5,3, в южных — 7,9. ¹⁰⁴ К сожалению, в материалах по переписи городского населения сведения о численности жатаков, приехавших на «отхожие» работы, встречаются весьма редко, что затрудняет их учет в городском населении.

В целом, жатачество сформировалось как особая социальная прослойка в общественно-классовой структуре казахского аула. Оно способствовало углублению хозяйственной дифференциации скотоводческого хозяйства; его следует рассматривать в качестве посредника, связывающего аульную общину с русско-казачьими селениями и городами в сложных условиях развития колониального Казахстана, экономика которого наряду с объективными факторами, отчасти обусловленными проникновением капиталистических отношений, искусственно пристегивалась к хозяйственной системе многонациональной империи. Аграрно-переселенческая политика метрополии не только сопровождалась изъятием в пользу переселенческого фонда лугопастбищных угодий коренных обитателей степи, но и в значи-

тельной мере усугубила и без того сложное положение жатаков, вытесненных на малопригодные участки, хотя бы объективно в известной мере способствовала втягиванию Казахстана в торгово-экономический рынок России.¹⁰⁵

К сожалению, эпизодичность сведений о жатачестве не позволяет точно определить по годам численность этой социальной группы, что обусловлено не только отсутствием достоверных данных в материалах всеобщей переписи 1897 г., но и трудностью учета этой категории населения «ревизскими сказками», однодневными и другими формами регистрации ввиду временного, вернее, сезонного характера привлечения их к производственной деятельности. Здесь уместно привести слова выдающегося русского мыслителя В. И. Ленина о том, что «известная часть отхожих... регистрируется в числе наличного населения городов... Но только часть, ибо при бродячем характере этого населения его трудно учесть переписью отдельных центров; а затем переписи населения бывают обыкновенно зимой, тогда как наибольшая часть промысловых рабочих уходит из дому весной».¹⁰⁶

Если принять во внимание, что массовый уход жатаков (наряду с отмеченными обстоятельствами) на предприятия горной, горнодобывающей и угольной промышленности (Восточного, Центрального, Северного Казахстана) падает именно на весенние месяцы, то становится очевидным значение данного положения для воссоздания действительности того периода в обширной степной зоне.

4. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Крестьянское хозяйство в переселенческих деревнях Казахстана из-за ряда причин — места, времени возникновения, условий создания и пр. довольно существенно различалась по основным параметрам даже в конкретно взятом регионе. Чтобы выявить его наиболее типичные черты и тенденции развития вполне резонно привлечь более или менее достоверные данные, позволяющие дать более объективную картину. В качестве таковых были использованы обобщающие сведения, которые явились итогом обследования переселенческих сел экспедицией по исследованию в 1898—1910 гг. Акмолинской и Семипалатинской областей.¹⁰⁷ Важно, что описанию подвергались не только новосозданные хозяйства, но и те, которые существовали здесь с 70—80-х гг. XIX в.

Несомненно, что в переселенческой среде существовала четко выраженная имущественная дифференциация, что вызывает необходимость выделить основные хозяйственно-экономические группы. В качестве критерия для группировки принят размер пахотной площади на один двор, что достаточно емко отображает экономические возможности каждого хозяйства. Если в России таким показателем была величина земельного надела, то для районов переселения, где каждое хозяйство получало стандартные 15 дес. на мужскую душу, этот показатель, наоборот, нивелировал экономическое положение крестьян. В то же время размер запашки на этом наделе показывал истинные возможности каждого хозяина. Фактически землепользование переселенцев включало не только пашню на своем наделе, но и на арендованной земле, что заставило суммировать эти два показателя при группировке. Группировка была произведена в следующих пределах: размер пашни на хозяйство до 5 дес. (1 группа); от 5 до

15 дес. (II группа); от 15 и выше дес. (III группа). При анализе первичные статистические данные по всем группам путем компьютерной обработки были пересчитаны в среднем на одно хозяйство, что дает возможность продемонстрировать основные экономические черты и особенности переселенческой деревни.

Переходя к рассмотрению наиболее характерных показателей крестьянского хозяйства к XIX—нач. XX вв. на территории Казахстана (см. табл.1), прежде всего следует отметить довольно длительный период его функционирования (в среднем 9,2 года). Чем дольше существовало хозяйство, тем оно было выше по своим показателям, и, следовательно, состоятельнее. Относительно положения переселенцев на местах прежнего обитания можно сказать, что это были не самые бедные слои, о чем свидетельствуют размеры как собственной пашни,

Табл. 1

В среднем на 1 хозяйство	I гр.	II гр.	III гр.	Среднее	Дисперсия
1. Сколько лет имеет надел	4,6	8,8	13,7	9,2	6,2
2. Размер пашни на родине	5,2	5,5	7,1	5,9	5,5
3. Аренд. пашня на родине	4,2	4,4	3,4	4	5,2
4. Тяговая сила на родине	3,7	3,3	2,9	3,3	3,3
5. Деньги при водворении	99,7	127,1	79,3	108,1	127,6
6. Состав семьи	5,9	6,8	6,9	6,7	1,5
7. Рабочая сила в семье	3	2,9	3,2	3	1,3
8. Размер пашни	3,6	8,4	12,8	8,6	4,2
9. Размер арендов. пашни	0,3	1,9	6,8	2,9	4,4
10. Сдано в аренду	0,6	0,8	0,5	0,7	1,7
11. Количество тяглового скота	121,5	154,3	218,8	164,7	79,8
12. Стоимость тяглового скота	121,5	154,3	218,8	164,7	79,8
13. Количество кр. рог. скота	2,5	1,9	2,1	2,1	1,4
14. Стоимость кр. рог. скота	73,4	37,9	40,5	46,5	59,5
15. Стоимость с/х инвентаря	53,3	77	113,2	81,7	50,7
16. Количество плугов	0,9	0,9	1,4	1	0,5
17. Засеяно пшеницей	2,9	6,5	12,7	7,4	4,3
18. Расход на пищу	140,5	160,5	264,1	184,3	78,3
19. Расход на скот и птицу	50,5	63	109,6	73	36,9
20. Расход на семена	19,5	35	55,9	37,4	19,2
21. Расход на налоги	5,8	10	21	12,5	13,3

22. Расход на наем. рабочих	0,8	2,6	13,5	5,2	11,9
23. Валовой доход от земледелия	150,7	311,6	614,8	359,2	227,3
24. Валовой доход от содержания скота	107,4	149,9	179,1	148,6	102,6
25. Доход от промыслов	72,4	37,2	84,1	57,7	73,4
26. Валовый доход	402,3	242,5	394,2	318,7	132,7
27. Валовый расход	409,3	237,5	380,1	313,9	136,6

так и арендованной. Эти цифры, так же как и данные о тягловой силе на родине, по всем трем группам незначительно отклоняются от среднего значения и имеют незначительную дисперсию. Также близки все три группы по количеству членов в семье и по рабочей силе в ней. По стартовому же капиталу наблюдается незначительный разброс. Так, наибольшую сумму имела II группа, затем I, а потом уже III группа. Значительный разброс имеют и показатели о землепользовании, которые демонстрируют равномерное возрастание от группы к группе. Такой важный показатель, как «количество тяглового скота», кажется, растет от группы к группе незначительно, но в стоимостном значении, отражающем качество скота, дает значительно возрастающий ряд и значительную дисперсию. Иная картина наблюдается при рассмотрении данных о крупном рогатом скоте, где в стоимостном выражении лидирует I группа хозяйств, наиболее бедная. Известно, что маломощные переселенческие хозяйства, несостоятельные в сельскохозяйственном отношении, поддерживали свою жизнеспособность за счет скотоводства вообще и за счет молочного скота в частности.¹⁰⁸

Зато данные о сельскохозяйственном инвентаре дают четкое представление о слабой технической оснащенности практически всех хозяйств, в которых не всегда имелся даже один плуг (причем, в данном случае речь идет о деревянном плуге, редко с железными наконечником). Весьма характерным является показатель о количестве земель, засеянных пшеницей. Сотрудники экспедиции по исследованию степных областей заметили, что устойчивым можно считать то хозяйство, где пшеничный клин достигает 10–12 дес. В нашем случае к таковым относятся лишь хозяйства III группы.

Следующая группа показателей демонстрирует доходные и расходные статьи крестьянских бюджетов и дает равномерное возрастание от I группы к III группе, что еще раз доказывает существующую в переселенческой среде значительную имущественную дифференциацию.

Таким образом, на рубеже веков переселенческое хозяйство в Казахстане своими корнями происходило из довольно однородной, не беднейшей части российского крестьянства, что соответствовало характеру переселенческой политики правительства того периода. Это были хозяева, способные одолеть трудный переезд и устроиться на новом месте. Чем дольше жил такой новопоселенный хозяин, тем крепче становилось его хозяйство.

По наблюдениям известного статистика П. П. Румянцева, который ссылается и на других исследователей переселенческого хозяйства, лишь через 18–20 лет рост или упадок благосостояния переселенца зависит уже не от возраста хозяйства, а от общих экономических условий.¹⁰⁹ Характерно, что размер денежной суммы при поселении не играл решающей роли в становлении хозяйства. Здесь определяющими были другие факторы и,

в первую очередь, предпринимательские способности каждого человека. Однако особого богатства переселение в большинстве случаев крестьянам не принесло. Об этом говорит то, что основная масса хозяйств закончила бюджетный год с дефицитом, т.е. статья расходов превышала доходную часть. Лишь III группа дала некоторое превышение доходов над расходами. Иного трудно было ожидать, т.к. материально-техническая база крестьянского переселенческого хозяйства была очень слаба. Так, по утверждению сотрудников экспедиции, чтобы распахать целинные земли, требовалось 4–5 пар быков на один плуг. Но во многих хозяйствах плугов не было вообще, а количество тяглового скота на хозяйство в среднем было 6 голов. Показательны и статьи расходов крестьян. Основные расходы шли на пищу и на одежду (последнее не вошло в данную таблицу). Примерно в три раза меньше шло на содержание скота и птицы и еще меньше на покупку семян. Хозяйство в основном работало на удовлетворение потребностей членов семьи своим же трудом, т.к. наем работников применялся очень ограниченно. Эту систему самообеспечения почти не затрагивали налоги, которые были невелики. Основной доход приносило земледелие при значительной доле скотоводства. Промыслы существенной роли не играли. Данный источник позволяет сделать вывод о преобладании натурального характера переселенческого хозяйства конца XIX—начала XX вв. Основные расходы, а также расчеты между собой крестьяне вели в натуральном выражении. Денежные расходы от натуральных составляли менее 20%. Товарность земледелия составляла в I-ой группе — 7,3%, во II-й — 13,3%, в III-й — 21%. Это довольно близко к аналогичным показателям, например, по Воронежской губернии, где товарность земледелия в этот же период составляла от 12,5 до 17,5%.¹¹⁰ Очевидно, что не очень большая доля денежных расходов не стимулировала рост товарности сельского хозяйства и основной мотивацией к труду было самообеспечение.

Переселенческое хозяйство в Казахстане было генетически связано с крестьянским хозяйством европейской России. Крестьянин переносил на новые земли тот же экстенсивный способ ведения хозяйства с использованием примитивной техники, как и в родной деревне. Агроном В. П. Бушинский отмечал, что степной земельный простор «не принуждал местных хозяев направлять свою мысль на отыскивание каких-либо новых форм хозяйства, установления плодосмена и возможно лучшего использования

Жатва. С картины худ. Н.Г. Хлудова
(из фонда Центрального Государственного музея Республики Казахстан).

земельной площади своих участков... Почти всюду преобладал крайний тип залежного хозяйства, каковое вполне возможно было вести при большом земельном просторе». ¹¹¹ Даже группа состоятельных хозяев, имевшая материальную возможность расширить применение техники и улучшить обработку земли, предпочитала просто увеличивать посевные площади. Таким образом, избыток земель — мечта крестьянина оборачивался тупиком для его хозяйства.

Схема переложного (залежного) земледелия, применяемая в переселенческой деревне, была крайне проста. Здесь учитывался главным образом тип почвы. На черноземных почвах целина служила подряд 7—8 лет. Вначале 5—6 лет сеяли пшеницу, а потом 2 года овес или ячмень, затем оставляли землю отдыхать — «в залежь» — на 2—3 года. На темно-каштановых почвах сеяли подряд 5—6 лет (3 года пшеница и 1—2 года овес), а затем бросали участок в залежь на 6—9 лет. Светло-каштановые почвы использовали 3 года, давая отдохнуть им 7—10 лет. ¹¹² Этот метод, апробированный и на российских пашнях, однако оказался совершенно губительным на большинстве земель Казахстана. Тонкий плодородный слой почвы разрушался — «выпахивался». А. Н. Букейханов, длительно изучавший проблему крестьянских переселений, привлек материалы агрономических исследований земледельческих регионов Казахстана и выявил причины, вызвавшие необходимость постоянной «прирезки» земель к крестьянским наделам. Он приводит пример, когда земля, бывшая когда-то лучшей, после одиннадцатилетнего использования совершенно истощалась и почвенные разрезы ее дали картину типичных солонцов. «Крестьяне упорно, с настойчивостью, заслуживающей лучшей участи, каждый год пашут и сеют здесь, недоумевая, почему земля родит не хлеб, а осот, выюнок и т.п. ... Продолжать здесь культуру в том направлении совершенно невозможно, так как это будет бессельной тратой и труда, и капитала». ¹¹³ Недаром в Акмолинской области с 1896 по 1906 г. три раза был неурожай и голод. ¹¹⁴ С другой стороны, хищническая эксплуатация земель Казахстана экстенсивным земледелием вела к будущим экологическим катастрофам, о чем уже тогда заявили ученые. ¹¹⁵ Пророчески звучат слова А. Н. Букейханова: «В Киргизской степи пресс на хозяйство естественных условий громадный — и усилию человека остается ограниченное поле для приложения. Здесь царит господство стихии. Если, где не следует идти против природы, а нужно разумно к ней приспособляться, то это необходимо соблюдать в Киргизской степи по отношению к форме хозяйства. ... Быстро выпашивается многовековая целина Киргизской степи, цветущее на первых порах земледелие, оставшись у разбитого корыта — распыленной залежи, где не растет даже никакая «едовая» трава, обнаружит этот обман». ¹¹⁶

В подобной ситуации крестьянское хозяйство часто оказывалось на грани гибели, а его хозяева — смерти. Так, жители с. Мариинского Кокчетавского уезда, основанного в 1890 г., в 1893 г. пережили страшный голод. Некоторые питались по 10 дней одной солью. Другие кормились березовой корой: «если с кисленьким — ничего, а так — нельзя». Ели даже опилки, обрекая себя на медленную смерть. ¹¹⁷

Экстремальных положений в жизни переселенцев возникло предостаточно и в какой-то степени гарантом выживаемости крестьянина выступала община.

Надо отметить, что юридически в каждой переселенческой деревне должно было существовать местное «общество», т.е. община. Подобная

практика насаждалась административными органами Степного края по образу и подобию российской деревни.¹¹⁸ Делалось это для того, чтобы сохранить и задействовать фискальный характер общины. Стоит сразу сказать, что местные власти регулярно спускали крестьянам указания, то о разделе земель,¹¹⁹ то об организации общественной запашки,¹²⁰ то о наделении пашней вновь прибывших.¹²¹

Однако, при внимательном рассмотрении видно, что сельская община все-таки жила и развивалась по внутренним, присущим ей законам. Если в среде переселившихся крестьян было сильно общинное ядро и, что немаловажно, общинные традиции, то, сразу же включались все функции общины и, в особенности, контроль над землепользованием. В большинстве случаев для переселенческой деревни Казахстана на первых порах был присущ захватный вид землепользования, который, как начальный, отмечен во всех районах аграрного переселения.¹²²

Несмотря на кажущуюся возможной анархию при захватной форме землепользования, здесь действовали все правила. «Раз вспаханная земля принадлежит тому, кто ее распахан и без разрешения хозяина никто пахать ее не может». Заявка на какое-либо место (до распашки) не признается действительной, «а то, пожалуй, всю степь можно захватить». «Если кто сделает 2—3 борозды около своей пашни, то такое место уже не захватывается, но, если кто-нибудь в степи, далеко от пашни, сделает такие борозды, то на это не обращают внимания».¹²³

В части деревень община обладала более определенными правами и здесь выпукло выступает борьба ее за жизнеобеспечение своих членов. Прежде всего, это, конечно, стремление количественно уравнивать их в землепользовании. Но, помимо этого, при внутриобщинном дележе земель стояла задача обеспечить и качественное равенство пахотных земель. Этому способствовала отработанная техника раздела: все население деревни разбивали на сотни, затем разбивали всю причитающуюся землю на такое же количество «столбов» (участков) определенного размера. В одном случае каждая сотня получала свой «столб» подряд, внутри нее каждый десяток получал свой надел по жребью, а затем уже внутри десятков тянули жребий «на душу».¹²⁴ В другом случае стремились равно разделить и неудобные земли. Так, в с. Коноваловском столбы нарезали так, чтобы каждой сотне достался и близкий, и дальний от речки Баганатки столб. Так же делили участки и внутри десятков: чтобы достался и ближний, и дальний.¹²⁵ В результате земли одного хозяина находились после раздела в двух местах: рядом с деревней около реки и на дальнем краю. В итоге после прирезок, вся пашня могла оказаться в пяти местах, а то и в семи.¹²⁶ Такая чересполосица, весьма нежелательная в России, была обычным делом для общинного землепользования в Казахстане. В какой-то степени разбросанность участков по разным местам гарантировала урожай хоть на одном участке в случае гибели его в других местах. Крестьяне с. Семиполки при разделе земель лавали каждому хозяину наделы в двух местах «отчасти потому, что земля вообще пестрая, а главное, потому, что иметь в одном месте посев больше риску, в случае проявления кобылки и в случае града».¹²⁷ Характерно, что земельная чересполосица объяснялась членами общества не только хозяйственными причинами, но и чисто моральными соображениями — «чтобы не обижался иной», чтобы никому «не обидно» было.¹²⁸

Хотя подобная разбросанность пахотных участков трудно подавалась учету, община прилагала много усилий для контроля над землепользованием. Еще при разделе земель выбирали специальных лиц, которые следили и за обмером земель, и за межеванием. В среде русских переселенцев это обычно были четыре человека, «доверенных», «земельных старост», в украинской один — «степовничий». Их функции продолжались и после раздела и заключались в наблюдении за установленным порядком землепользования, о чем докладывалось обществу.¹²⁹ В украинских селах степовничий единолично обладал еще большими правами: помимо контроля за соблюдением оговоренной нормы распашки, община поручала ему распределять землю между хозяевами.¹³⁰ Зажиточная часть крестьян-общинников противилась упорядоченному разделу, так как захват, да к тому же плохо регулируемый, был для них очень выгоден. Имея рабочий скот и крепкий инвентарь, такой хозяин мог поднять больше хлеба, а вторых, часть «мягкой», т.е. распаханной, земли продавали своему же однообщиннику, не способному распашать твердые целинные земли. К тому же лучшие земли, как правило, оказывались в руках у богачей. Основная масса сельчан стояла за раздел земли. «А надо делить, настолько надо, что равно бесхозяйственное дело теперь. Из-за того, что земля не делена, кортомит (т.е. арендует. — *Ред.*) иной землю, забирает у бедных сколько придется...» — считали жители с. Константиновского.¹³¹ Основные настроения рядовых общинников высказывали и крестьяне с. Новорыбинского: «Бедные согласны бы поделить, а богатые не дают, торгуются землей: распашет, да продаст; матушка — степ большая, он работает, да работает».

Требую раздела земель, основная масса крестьянства по сути требовала уравнивания положения богатого и бедного, уповая таким образом улучшить свое положение.

Следует признать, что социальные функции общины в переселенческой деревне Казахстана были крайне слабы. В условиях массовых переселений, когда судьба крестьянина сильно зависела от воли любого административного чина, не наблюдается случаев, чтобы община отстаивала интересы своих членов перед вышестоящими органами, что было присуще мирским организациям в других регионах.¹³² Явно, что эти функции еще не сложились, т.к. и сама община в условиях переселения в большинстве случаев находилась в стадии формирования. Временный фактор играл значительную роль как в складывании самой общины, так и ее порядков.¹³³

Необходимо отметить и изначальную полиэтничность переселенческой деревни Казахстана. В разное время сюда мигрировали русские, украинцы, татары, мордва, немцы, поляки, болгары, эстонцы и пр. Моноэтничность при поселении, видимо, была желательна и при возможности соблюдалась, но решающую роль здесь играла воля переселенческой администрации, а при самовольном переселении — наличие свободных земель и возможность «приписаться» к уже живущим сельчанам. Часты случаи, когда крестьяне жили в ауле у тех казахов, у которых они арендовали земли.

Таким образом, переселенческая деревня Казахстана конца XIX — начала XX вв. представляла из себя сложный социально-экономический механизм, еще находившийся в стадии формирования.

5. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ УЙГУРОВ И ДУНГАН. РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЖЕТЫСУ

Расселение уйгуров и дунган. На развитие земледелия в Жетысу известное влияние оказали переселившиеся в 70–90-х годах XIX в. из Восточного Туркестана уйгуры и дунгане. Переселение шло в два этапа. На первом этапе в 1877 г. в район Токмака (Северная Кыргызия) прибыла группа шэньсийских дунган, в 1881–1883 гг., согласно Санкт-Петербургскому договору, из Илийского края переселилась основная масса уйгуров и дунган.

В Жетысу к началу 1884 г. насчитывалось 9572 семьи уйгуров (45 373 чел.) и 1147 семей дунган (4682 чел.). Они расселялись так: 4477 семей уйгуров (19 209 чел.) обосновались в пределах Джаркентского участка, по берегам рек Усек и Чарын; остальная их масса 5275 семей (26 164 чел.) — в Верненском уезде между реками Чилик и Талгар, а также осела в г. Верном.¹³⁴ С переселением дунган и уйгуров оседлое население Жетысу увеличилось вдвое.

Из переселенцев были образованы 5 новых волостей: Джаркентская и Кетменская (на территории нынешнего Панфиловского района), Аксу-Чарынская (Уйгурского района), Малыбаевская (Чиликского района), Карасуйская (Енбекшиказахского района).

Переселялись дунгане и уйгуры целыми деревнями, образуя на новых местах общины, которые составлялись или целиком из односельчан, или «если их было мало, из жителей нескольких соседних селений, но в последнем случае старая связь сохранялась: жители разных селений, вошедших на новом месте в одно общество, обыкновенно образовывали отдельные пятидесятки и десятки».¹³⁵

По переписи 1897 г., число переселенцев составляло: дунган — 14 130, уйгуров — 55 999 чел.¹³⁶

Поскольку лучшие земли в Жетысу были изъяты в пользу казачества, уйгуры и дунгане получили участки, которые без искусственного орошения были малопригодны для земледелия. Проводить арыки и магистральные каналы в первый год переселения было очень трудно, тем более, что переселенцы получали наделы временно, до переселения всех дунган и уйгуров.

Исходя из правил поземельного устройства сельского населения области, установленных Семиреченским областным правлением в 1882 г., дунгане и уйгуры должны были получить по 10 дес. земли на мужскую душу. Однако в 1885 г., когда приступили к отводу наделов для переселенцев, на мужскую душу выделялось лишь 4–5 дес. с обложением оброчной податью с 1 января 1892 г. Фактически переселенцы получали участки по еще более заниженным нормам, не говоря о том, что земли, предоставленные им, нередко были мало пригодны или совсем непригодны для хлебопашества. На 10 тыс. дунганского населения Жетысу было выделено всего 27 тыс. дес. земли, т.е. менее 3 дес. на душу.¹³⁷ Трудовая часть дунганского и уйгурского крестьянства оказалась плохо обеспечена землей.

Сельское и городское уйгурское и дунганское население разделилось на общины, со своей администрацией, мечетью и возглавляющим ее духовным лицом. Хотя земля распределялась по отдельным хозяйствам, формально она считалась общинной. Царские власти мало интересовал

вопрос о фактическом распределении земли внутри общины. Дунганская и уйгурская общины были удобным средством в руках колониальных властей для сбора налогов с населения по принципу круговой поруки.

Наряду с распределением надельной земли на двор (тутун — дым) широко практиковалось распределение земли на мужскую душу, которая и служила разверсточной единицей. Нередко богатые хозяева записывали в мужские души не только наличное мужское население, но и будущих детей. Таким образом, уже при распределении земли сложилась неравномерность в ее пользовании; богатые дунганские и уйгурские домовладельцы захватили значительную часть надельной земли.¹³⁸ Они завладели лучшими земельными участками по берегам рек и вновь прорытых каналов, оставив для бедноты земли, худшие по качеству, бесплодные и удаленные от рек, ручьев и каналов. Бедняки протестовали против произвола, пытались жаловаться местной царской администрации, но все было бесполезно.¹³⁹

Обедневшая часть переселенцев смогла на первых порах освоить лишь небольшие участки выделенного им надела. В результате внутри общин сложились своеобразные арендные отношения, когда бедные общинники уступали состоятельным свои наделы или значительную часть их, а сами нанимались к «арендаторам» в качестве поденных рабочих (мардикеров) за участь урожая. Эти наделы фактически переходили в полное владение новых хозяев, хотя формально они еще продолжали числиться за старыми владельцами.

Таким образом, богатая верхушка общин, духовенство и представители сельской администрации дунганской и уйгурской общин превратились в крупных землевладельцев, сконцентрировавших в своих руках земельные наделы многих общинников. Городское население Джаркента, например, по разверстке получило 734 надела, из них вскоре 622, или 80 проц., перешло в руки крупного богача-ростовщика Юлдашева. Он сосредоточил в своих руках огромные земельные владения, подчинив себе значительную часть переселенцев. Владение водоразделами обеспечивало ему «право» владения землей, поскольку сельские общества большей частью располагали средствами для проведения арыков. Этот обуржуазившийся феодал большинство своих сделок строил на следующем принципе: брал на себя несение всех податей, лежащих на наделах, и обязывался поставлять воду во все арыки, а в некоторых случаях и соорудить их. Беднейшая часть уйгуров и дунган за эти услуги должна была отдавать ему с орошенной земли одну треть урожая при их семенах и одну вторую — при семенах Юлдашева. На таких условиях он соорудил десятки арыков в Аккетинской и Джаркентской волостях, что обеспечило ему подчинение большинства селений этого района. В уезде были построены амбары, куда зависимые от него общинники свозили половину урожая. Интересы хозяина бдительно оберегали его слуги, так называемые «кок-баши».¹⁴⁰

В урожайные годы в амбары Юлдашева стекалось до 200 тыс. пудов хлеба, подавляющая часть товарного зерна. Установление таким образом монополии на хлеб в этом районе позволяло ему систематически повышать цены на него нередко сразу на 20—25 проц. Распределением воды в общинах, связанных с Юлдашевым арендованными отношениями, занимались не выборные мирабы из числа общинников, а кок-баши Юлдашева. Сосредоточив в своих руках распределение воды, Юлдашев факти-

чески приобрел еще один сильный инструмент для подавления протестов недовольных.¹⁴¹

Проводя арыки, платя подати за общинные земли, заключая арендные сделки за счет принадлежащих общинникам участков, этот ростовщик изображал из себя благотворителя. Между тем эти своеобразные арендные отношения даже при условии затрат на выплату податей и орошение приносили ему баснословные доходы.

В селении Чарын был другой богатый дунганин Хасанзе по прозвищу Байсемиз. Сам он не сеял, а только разделял землю под рис, после чего сдавал ее местным безземельным крестьянам. Они должны были отдавать ему пятую часть урожая, а при его семенах — половину. Как и Юлдашев, он принимал на определенный срок в аренду наделы с условием орошения. Группа уйгуров сдала ему 29 наделов земли сроком на 10 лет, начиная с 1898 г., за общую плату по 200 руб. в год.¹⁴²

Зажиточные дунгане и уйгуры арендовали земли у казачества, крестьян-переселенцев, а также у казахских и кыргызских обществ с денежной или натуральной оплатой. Пашни у казахов и кыргызов арендовались большей частью коллективно всей дунганской или уйгурской общиной. В уйгурских селениях Джаркентского уезда пахотная земля, находящаяся в общинном пользовании, почти на 1300 десятин превышала количество их наделной земли. В Ассы-Корамской волости 23 проц. пахотной земли было арендовано у кыргызов, в Малыбаевской арендованные земли составляли 36,4 проц., наиболее распространенной формой аренды была испольщина, менее распространенной — денежная аренда.¹⁴³

Концентрации общинных земель в руках сельских богачей способствовало также отходничество дунган и уйгуров. Получив в наделы негладородные земли, не имея рабочего скота и сельскохозяйственных орудий, бедняки после окончания льготного срока в отношении выплаты податей (оброка, земского сбора и др.) совершенно разорялись, массами бросали свои наделы, ища заработка в городах в качестве наемных рабочих и сельскохозяйственных батраков. В одном лишь Пишпекском уезде батраками на сельскохозяйственных работах из общего числа наемных рабочих 27,3 проц. были выходцы из дунганских общин.¹⁴⁴ Из 3527 хозяйств уйгуров-переселенцев Джаркентского уезда к 1910 г. ушло на заработки 28,4 проц.¹⁴⁵

Приспосабливая свое хозяйство к требованиям рынка, зажиточные дунгане и уйгуры в основном культивировали технические культуры. Применялся наемный труд, сочетались патриархально-феодалные и капиталистические формы эксплуатации крестьян. Ввиду многообразия сельскохозяйственных работ использовались различные формы эксплуатации крестьян.¹⁴⁶

Продолжали сохраняться феодалные методы эксплуатации в виде отработок, кобда, например, безземельные крестьяне получали одну треть урожая с обрабатываемого ими господского участка.

Проникновение товарно-денежных отношений в хозяйство уйгуров и дунган вело к разрушению отсталого, замкнутого характера общины. Переплетение различных по своей сути форм хозяйствования приводило к тому, что нередко трудно было выявить разницу между батраками с наделом и безземельными и малоземельными крестьянами, наделенными землей на основе издольщины.

Занятия переселенцев. Дунгане и уйгуры принесли с собой в Жетысу издавна сложившиеся традиции земледелия с искусственным орошением. Скотоводство и прочие промыслы имели второстепенное значение. У уйгуров доходы от земледелия составляли 49,1%, от прочих промыслов — 26,1%, от скотоводства — 15,5%, случайные поступления — 9,3%, у дунган они распределялись следующим образом — 80,8; 5,9; 9,8; 3,5 проц.¹⁴⁷

Среди зерновых преобладала пшеница, ею засевалось более половины земель. За пшеницей следовали ячмень, просо, овес, рис, масличные (горчица, мак, лен).¹⁴⁸ Рисоводством сравнительно широко дунгане начали заниматься с 1888 г., после освоения и орошения арендованных земель по правому берегу р. Чу.¹⁴⁹ У уйгуров рисоводство не стало доминирующей культурой, как у дунган. Они, в основном, занимались садоводством, огородничеством и бахчеводством (примерно две трети населения). Более двух третей дунганских хозяйств также имели сады. Выращивались персики, новые для Жетысу сорта яблок, груш и слив, виноград.

Дунгане и уйгуры разводили баклажаны, редис, красный перец, фасоль, огурцы, капусту, лук репчатый, морковь, картофель, чеснок, а также арбузы и дыни. По описанию Г. Гинса, изучавшего хозяйственный быт дунган-переселенцев, огороды их располагались непосредственно за домами, каждая грядка тщательно расчищалась и поливалась с помощью маленькой канавки. «Один квадратик занят луком, другой — перцем, третий — баклажанами, четвертый — картошкой, пятый и шестой унавожены и оставлены для отдыха, далее идут грядки с маисом, а за ними тянутся большие прямоугольники с рисом, наполовину растущим в воде... Эти дунганские огороды не хуже показательных полей, устраиваемых агрономами для переселенцев».¹⁵⁰

Продукты сбывались в ближайших городах и на ярмарках как самими дунганскими и уйгурскими крестьянами, так и приезжавшими к ним перекупщиками.

Уйгуры занимались также хлопководством и частично шелководством. Дунгане и уйгуры культивировали лен и кунжут, горчицу для приготовления масла. Наряду с этим дунгане занимались выращиванием мака для изготовления опиума, использовавшегося главным образом как обезболивающее средство. Позднее стали разводить табак, выгодно сбывая его на местном рынке.

Таким образом, для хозяйства уйгуро-дунганских переселенцев было типично многообразие культур.

Скотоводство у дунган и уйгуров самостоятельного промыслового значения не имело и велось лишь с целью обеспечения хозяйств рабочим скотом. Разводились главным образом лошади, коровы и, частично, овцы и козы. Дунгане крупный рогатый скот использовали как тягловую силу, а уйгуры содержали его как источник молочных продуктов.

Земледельческая техника у дунганского и уйгурского крестьянства находилась на крайне низком уровне. Основным земледельческим орудием была деревянная соха без отвала (сабан), глубина вспашки не достигала 2—4 вершков. Сеяли в нераспаханную землю под снеговую воду или же на землю, размягченную специальным предпосевным поливом, так как сухая земля не поддавалась сабану. Нередко дунганские и уйгурские земледельцы вынуждены были прибегать и к ручной обработке земли, так как

крепкие сорные травы поддавались лишь кетменю. Раннюю пахоту они проводили обычно в марте, самую позднюю — к концу апреля.

Боронование производилось волокушей, представляющей собой деревянную раму, переплетенную прутьями, на которую становился человек или накладывались камни для тяжести.

Хлеб убирали своеобразным уйгурским серпом с длинной ручкой, реže косой. Молотили тут же на поле: по связанным веревкой снопам возили каменные катки, зерно веяли лопатой.

Основной системой земледелия у дунган и уйгуров оставалась залежная, при которой часть земли обрабатывалась, а другая часть отдыхала. Кратковременное использование каждого земельного участка (2–3 года) даже при отсутствии удобрений не приводило к быстрому истощению почвы. Поэтому даже несостоятельные хозяйства не сеяли два года подряд на одном и том же месте; каждый год они производили посев на новых местах надела, возвращаясь на уже использованный участок после того, как вся земля надела побывает под посевом. Это позволяло получать относительно высокие урожаи.

Многопосевные хозяйства, прибегавшие к аренде земель, не заботились о сохранении плодородия почв путем правильного севооборота. Каждый сеял то, что ему в данное время было выгодно, быстро истощая арендованный участок. Имея незначительные участки земли, из которых лишь часть могла быть занята под пашней, уйгуро-дунганские переселенцы нередко старались искусственно повысить плодородие почвы с помощью удобрений. Однако удобрить поле под силу были лишь состоятельным хозяйствам.

Насколько велико было значение поливного земледелия в хозяйственном быту уйгуров и дунган показывает огромное преобладание посевов с искусственным орошением над богарными: у уйгуров поливные земли составляли 30 694 дес. (97,2%), богарные — 882 дес. (2,8%); у дунган соответственно — 11 025 дес. (71,5%) и 4386 дес. (28,5%).¹⁵¹

Распределение воды между общинниками производилось мирабами по наделенной земле.

Переселение в Жетысу не прошло бесследно и для переселенцев. Если раньше в хозяйстве уйгуров и дунган применялись только деревянные сабаны и другие примитивные виды инвентаря, то теперь они стали пользоваться железными плугами, боронами, сеялками и т.д., освоили новые сельскохозяйственные культуры: овес, табак, картофель, помидоры и др. Под влиянием коренного населения — казахов и кыргызов дунгане стали заниматься скотоводством.

Исторические судьбы уйгуров и дунган тесно переплелись с судьбами народов Казахского края как части России.

6. ТОРГОВЛЯ. ЯРМАРКИ. ПРОМЫСЛЫ. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Постепенное вовлечение Казахского края в сферу капиталистических отношений внесло немало изменений в экономическую жизнь населения, в частности, в формы и содержание торговли.

Внутренняя торговля осуществлялась в двух формах: меновой и денежной. Если последняя производилась преимущественно русско-

Поселок Баянаул. Конец XIX в.

украинским крестьянским населением и казачьими станицами, разбросанными по всему краю, то меновая — преимущественно кочевниками.

В силу географической расположенности центрами меновой торговли по-прежнему являлись бывшие окружные приказы в Среднем жузе, прилинейные экономические очаги в Младшем жузе, вновь создаваемые города, многолюдные селения Жетысу и Южного Казахстана, которым отводилась посредническая роль между кочевниками и оседлыми жителями в условиях явной тенденции к ослаблению хозяйственной изолированности казахского аула. «Обмен сырых продуктов киргизских степей, а частью изделий среднеазиатской промышленности на продукты русской производительности»¹⁵² составлял главный объект меновой торговли. При этом обороты таких традиционных центров обменного торга, как Оренбург, Троицк, Петропавловск, Верный, Семипалатинск еще в конце 1850-х годов достигали солидных размеров и доходили до нескольких миллионов рублей.¹⁵³

С проведением административных реформ 1860-х годов, активизацией правительственной политики расширения хозяйственного освоения богатых природными ресурсами Центрального и Северного Казахстана возникают новые центры оживления экономической жизни, в частности, Акмола, Павлодар, Каркаралинск, Баянаул, Казалинск, Жаркент. Обменная торговля осуществлялась не в самом городе, как это было в истории Петропавловска, Оренбурга, Семипалатинска до середины XIX в., а на значительном расстоянии, за пределами упомянутых поселений. К примеру, в Акмолинске торговля скотом располагалась в 1–2 верстах за городом, в южной стороне; большие массы скота в интересах получения свежего корма, «обыкновенно» паслись на довольно почтительном расстоянии от городской черты.¹⁵⁴

Становление промышленности по переработке животноводческого сырья, известное разделение сферы деятельности на таких предприятиях ускорило появление в городе, или в непосредственной близости крупных поселений, аналогий современных базаров, с условиями функционирования которых скотопромышленник был досконально знаком. Так, в том же Акмолинске животноводческое сырье сосредоточивалось на кожевенном базаре, где размещались склады для хранения товаров; а в обширном дворе располагались амбары; в других же городах, например, в Павлодаре,

торговцы, в погоне за прибылью, поддерживая постоянные по сезонам хозяйственные контакты с близко расположенными казахскими аулами, доставляли те товары, потребности в которых кочевников росли из года в год — сукно, бархат, ситец, шерстяные изделия, железная, медная посуда, сахар, чай и т.п.¹⁵⁵ Когда Иртыш в середине ноября покрывался льдом, из степи на верблюдах приходило «множество киргизов для продолжения так называемой сатовки»; у горожан они приобретали, вернее обменивали большей частью муку. Остальная часть торговых сделок продолжала производиться на городской Николаевской ярмарке, и сумма оборота ее еще в конце 60-х годов XIX в. достигала внушительных размеров — до 250 000 рублей.¹⁵⁶ Сравнительно небольшие масштабы торговли во вновь зарождающихся экономических центрах Степного Казахстана были понятны и вполне закономерны ввиду реальной конкуренции со стороны таких гигантов торговли, как Петропавловск и Семипалатинск.

В южных регионах ввиду недостаточной хозяйственной оживленности и в целом сохранения более устойчивой замкнутости аульной общины новые хозяйственные поселения во внутренней торговле достигли поразительных успехов.

Центром торгово-экономической жизни «русского Туркестана» стал г. Казалинск, по своим показателям опередив Перовск, Туркестан, Чимкент. Через него в Россию вывезено товаров на сумму 3 561 300 руб. Ввоз на территорию области — 1 100 000, вывоз из нее — до 400 000 руб.¹⁵⁷ Свидетельством бурного подъема торговли явилось развитие г. Джаркента, об оборотах которого можно судить по собранным местной таможенной сведениям за 1898 год: мануфактурная, оптовая торговля на сумму 26 000 руб., то же самое — розничная на 480 000 руб., в ассортименте товаров — бакалейные — на 121 000 руб., галантерейные — 55 000, смешанные — 220 000, мелочные — 6000; железные — 80 000, мясные в розничной торговле — 119 100, продукты животных — 23 000; более того, на городском базаре, торговых точках казахами продано: лошадей 4165 голов, на 83 360 руб., другого скота — 3448 — 51 720, ишаков — 515 — 2060, баранов и коз — 34 264 — 102 792 руб.¹⁵⁸ соответственно.

Город Кокчетав. Конец XIX в.

Зримый рост внутренней торговли отмечен также по уездным центрам Тургайской области. Торговые обороты в 1896 году по г. Актюбинску доходили до 300 000 руб., по г. Иргизу и поселку Карабутах — 500 000, по г. Тургаю — 200 000, во всех оседлых пунктах — 1 612 154 руб.¹⁵⁹

В районах, где большое распространение получило земледелие, выращенный хлеб употреблялся в основном для «своих надобностей», однако некоторый избыток, к примеру, по Усть-Каменогорскому уезду, поступал на рынок или обменивался казахами; при этом они реализовывали хлеб по 30–40 коп. за пуд; местное население Аягузского и Кокпектинского округов, кочевавшее около Тарбагатайских гор, от избытка урожая снабжало русских за деньги и промен за вещи.¹⁶⁰

Заметных успехов в торговле в составе Семиреченской области достиг Иссык-Кульский уезд: за 1883 год через Нарын-Каракол прошло 209 караванов, везших товары на сумму 471 586 руб.¹⁶¹ Постоянно росла продажа казахами скота на городских рынках, базарах: динамику ее можно проследить по Сырдарьинской области — в 1886 г. наличного скота (в тыс.) — 2456,2, продано — 206,8, в 1893 году — 9988,6 — 615,6, в 1895 году — 5185,2 — 1645,0.¹⁶²

Внутренняя торговля все более охватывала глубинные степные районы, все чаще переходя в денежную форму, значительно обогащала казну в виде специальных средств, взимавшихся с торговых свидетельств. Так, по той же Сырдарьинской области в 1891 году денежный сбор за торговлю составил 59 927 руб., в 1892 году — 59 280, в 1894 году — 60 482,86, в 1895 году — 70 607,13, в 1896 году — 81 903,25.¹⁶³ Заметно выросло число торговцев, обосновавшихся в относительно крупных поселениях. Об этом говорят данные за 1898 г.: в Павлодаре купцов I гильдии — 1 человек, II — 63; в Усть-Каменогорске — I — 1, II — 35; в Семипалатинске — I — 4, II — 92; в Каркаралах вообще купцов — 21, в Зайсане — 31, в Омске — I — 5, II — 73, Верном — I — 6, II — 56.¹⁶⁴

Несмотря на значительные масштабы внутренней торговли, «убийственное состояние» дорог заставляло торговцев перевозить клади в основном двумя традиционными способами: арбовым (тележным) и вьючным; нормальный груз, накладываемый на верблюда — 16 пудов, на сильное же животное при отправлении в недалекий путь — 17–18, обычный же верблужий вьюк, к примеру в Туркестанском районе, равнялся 8 пудам.¹⁶⁵

С давних пор территориальная близость Казахстана с Монголией, Синьцзяном открывала широкие возможности для расширения внешне-экономических отношений с зарубежными странами. Транзитная роль Казахской степи в развитии торговли России с Монголией способствовала усилению посреднических функций пограничных районов.

В 1860 г. в Урге (Улан-Батор) была учреждена первая русская коммерческая фирма, с которой вскоре установили контакты купцы Усть-Каменогорска через такие поселения, как села Ульбинское, Алтайское, Бухтарминское. В Монголию пролегал Бухтарминский тракт, через который и доставлялись товары.¹⁶⁶

Развитию русско-монгольской торговли через Казахстан во многом содействовала московская компания «Савва Морозов и сыновья». В 1872 г. по ее инициативе был снаряжен караван с товарами на сумму в 45 000 руб. «на 92 верблюдах и 30 лошадях».¹⁶⁷

Однако, поощрительные меры России относительно развития торговли

с Монголией не приносили желаемых результатов. В 1873 г., по сведениям Ургинского консульства, вывоз товаров из Бийска в Монголию не превышал 16 700 руб., и бийский маршрут «не подавал надежды на улучшение». ¹⁶⁸ В данной связи основной объем русско-монгольской торговли стал проводиться через Зайсан, Семипалатинск и Усть-Каменогорск, хотя в самом Бийске проживало немало купцов из Казахстана, торговавших «на окраинах Западной Монголии». ¹⁶⁹ В результате принятых мер торговля с Монголией через города и таможи Казахстана заметно превышала вывоз товаров из Бийска. ¹⁷⁰

По Петербургскому договору 1881 г. с Китаем Россия добилась права на беспощлиную торговлю на всей территории Монголии и учреждение консульств в Кобдо и Улясутае. Товары из России в Монголию доставлялись по четырем маршрутам: 1 — из Усть-Каменогорска и Семипалатинска на Кобдо; 2 — из Бийска по Чуйскому тракту на Кобдо и Улясутай; 3 — из Минусинска в Урянхай; 4 — через Забайкалье и Амурский край на Кяхту. ¹⁷¹ Таким образом, один из маршрутов, ведущих купеческие караваны в торговые центры Монголии, пролегал через Усть-Каменогорск и Семипалатинск, что имело стимулирующее значение как для российских купцов, проживающих в этих городах или приезжавших из центральных губерний, так и для казахских торговцев, производивших торг через доверенных лиц.

Ввиду зависимости Монголии от маньчжуро-цинских правителей и отсутствия официальных договорных основ, регулирующих экономические взаимосвязи Казахстана с Монголией, торговля не могла достигнуть сколько-нибудь желаемых высоких показателей. ¹⁷²

Одним из условий развития торговли Казахстана с соседним Китаем явилась смежность территории, а также подписание Петербургского договора 1881 г. между Цинской империей и Россией. Такие города и поселения, как Верный, Семипалатинск, Зайсан, а также Катон-Карагайский, Хоргосский и другие таможенные пункты, по-прежнему сохраняли значение торговых центров.

В первой половине 1882 г. только лишь в Семипалатинске разным лицам было выдано 335 таможенных листов (против 32 в 1881 г.) для вывоза в Китай товаров на сумму 305 464 руб. 36 коп. (против 255 198 руб в 1881 г.). ¹⁷³ Заметно возросло и число российских торговцев в городах Синьцзяна, большая часть которых вела торговлю в Чугучаке и годовые обороты которых достигали 200 000 руб. Оживлением была охвачена торговля в Кульдже. «Российский элемент» (в Кульдже. — *Ред.*) замечен и значителен и по количеству природных ресурсов русских торговцев, и по их капиталу», ¹⁷⁴ — записано в отчете степного генерал-губернатора за 1882 год. Российские подданные вывозили из Цинского Китая кожу, шерсть, серебро в слитках и особенно чай. По сведениям российского консула в Кульдже, представленным в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, в 1882 г. ими вывезено из Синьцзяна: 12 000 овчин, конских и верблюжьих кож, 45 000 мерлушек, 600 пудов конских волос, 400 пудов козьего пуха, 8500 пудов обыкновенной шерсти, 800 шкур лисиц, 200 соболей. ¹⁷⁵ Несмотря на соперничество и происки англичан, торговые связи России с Синьцзяном через Жетысу и Восточный Казахстан набирали темпы, и в этом немаловажная роль принадлежала казахским торговцам, обстоятельно изучавшим условия торговли в китайских пределах: с 1 января по 1 мая 1891 г. в Синьцзян было отправлено 29 караванов,

часть которых принадлежала казахским купцам. Так, Богыш Шаянбаев с четырьмя работниками вез товар на 6400 руб., кокпектинский купец Т. Жандыбаев — мануфактурные товары и кожи на 2660 руб., семипалатинский купец Мухамед Шакиров — разные мелкие товары и железные изделия на 7899 руб., Жетыков — разнообразные товары на 1150 руб., а в 1891 г. казахскими и другими торговцами импортировано из Синьцзяна (через Сергиопольский участок Семиреченской области) товаров на 283 824 руб. 32 коп., экспорт же через этот район составил 327 109 руб 15 коп.¹⁷⁶

В торговле с городами Цинской империи принимали участие крестьяне и казаки Урджара, Маканчи и других населенных пунктов. Они вывозили преимущественно пшеницу. С 1 января по апрель 1891 г. через укрепление Бахты и селение Захарьевск в Синьцзян проследовали 106 торговцев, из них 65 крестьян и казаков.¹⁷⁷ В 1895 г. было ввезено значительное количество китайских товаров. Так, через Зайсанскую таможенную — на 315 475 руб. 64 коп., через Алкабек — 119 203 руб., Катон-Карагай — 42 666 руб; всего на 560 206 руб. 25 коп.; вывезено же (через названные пункты) товаров на 607 554 руб. 45 коп.¹⁷⁸

В 80-х годах XIX века наметилась тенденция роста торговых контактов с Синьцзяном через Семиреченский край. По сведениям начальника Джаркентского таможенного участка, с 15 мая по 15 июня 1893 г. через Каркаринскую ярмарку в Западный Китай проследовал 171 торговец, стоимость вывоза составляла 435 433 руб. К числу проданного скота начальник участка прибавляет 629 лошадей на сумму 12 300 руб., крупного рогатого скота (400 голов) — 4000 руб., 500 овец на 12 000 руб.¹⁷⁹

Главной статьей китайского экспорта в Казахстан становится чай. Казахи, как основные потребители китайского чая, проявляли постоянную заинтересованность в привозе этого товара по всей приграничной полосе.¹⁸⁰

Однако изоляционистская политика цинского двора в сочетании с произволом маньчжурских чиновников несколько негативно сказывались на расширении торговых контактов. Однако, и тот незначительный объем казахско-китайской торговли России с Цинской империей через приграничные пункты оказался весьма важным в оживлении традиционных караванных путей, благотворно сказывался на установлении дружеских, деловых контактов между городами Казахстана, России, Китая и Монголии.

Ярмарки. Составной частью определяющих факторов экономического развития Казахстана явились ярмарки, которые, как и в середине XIX в., осуществляли посреднические функции между кочевым и сельским населением. Чем же можно объяснить стабильность ярмарочной торговли? Прежде всего недостаточным развитием путей сообщения, препятствовавшим установлению более устойчивых торговых контактов между главными поставщиками скота — казахами и скотопромышленниками; во-вторых, это объясняется сложившимися традициями ярмарочной торговли, с условиями которой кочевник был достаточно знаком; в-третьих, как отмечалось в статистике той эпохи, кочевым образом жизни коренных обитателей Степи; в-четвертых, на ярмарке можно было приобрести товары широкого потребления, в которых кочевое население испытывало острую нужду.¹⁸¹

Крупными ярмарками, притягивавшими к себе торговцев из России, среднеазиатских владений Сибири, Алтая, Южного Урала, а также Цинской империи, Монголии, разных регионов Казахстана были: Куяндинско-

Ботовская — в Каркаралинском уезде, Константиновско-Еленовская в Акмолинском; Петровская — в Атбасаре, Уильская — в Актюбинском, одноименная — в Аулие-Ате, Таинши-Кульская — в Петропавловском, Каркаринская — в Верненском, Джаркентская — соотв. в г. Джаркенте, Чарская — в Семипалатинском уезде и др.

По количеству ярмарок, разделившихся на летние и осенние, Акмолинская область занимала ведущее положение — 40, затем следует Семипалатинская (к концу 1890-х годов) — 14 ярмарок.¹⁸² Самая крупная ярмарка пореформенного периода — Куяндинская (или Ботовская по имени ее основателя) была учреждена в 1848 г., размещалась в 52 верстах от Каркаралинска, действовала с 1 июня по 1 июля, занимала площадь до двух верст. На ярмарке функционировали отделение Государственного банка, почта, телеграф.¹⁸³

Одной из крупных, правда, открытых в самом конце XIX в., явилась Каркаринская, открыть которую «государь император» соизволил своим указом 29 января 1893 г. на р. Каркара Семиреченской области, время функционирования — с 15 мая по 15 июля, первоначально с «освобождением торгующих на оной от платежных пошлин».¹⁸⁴

Изучив ассортимент товаров, доставляющихся купцами на ярмарки независимо от региональной принадлежности, можно было бы разделить предметы торговли на следующие категории: скот, сырье, обработанные на месте «произведения» животноводства — кожи, овчины, шерсть, волос, войлок и т.п.; товары европейского происхождения — халаты, деревянная посуда, мука, чай, сахар, свечи, мыло, фарфоровые и железные изделия; азиатские товары — халаты, ковры, шелковые и бумажные материи, седельные приборы, сушеные плоды.

Говоря о времени функционирования ярмарок, следует иметь в виду почти редкое совпадение фактического начала и конца их деятельности, зависевшее от целого ряда факторов и, главным образом, от того, в каких условиях провел зиму скот и успел ли после зимовки оправиться.¹⁸⁵

Все же источники единодушно обращают внимание на скот, как на доминирующий товар продажи и покупки почти на всех степных ярмарках. Приведем сравнительные данные по двум относительно крупным ярмаркам Акмолинской области: Таинши-Кульской и Константиновской. В 1871 г. для продажи было пригнано скота: в первую — лошадей 5000, крупного рогатого скота 30 000, баранов 78 000; во вторую — лошадей 880, крупного рогатого скота 1232, баранов 76 746.¹⁸⁶

При сопоставлении доходов по ярмаркам бросается в глаза быстрый рост мелкого скота, в основном местного назначения: Чарская ярмарка только от продажи скота в 1891 г. выручила — 151 940 руб.; Екатерининская в станице Сельярской Семипалатинского уезда — 91 090 руб., Нарынско-Сергиопольская в 1900 г. — 28 000 руб.¹⁸⁷

Ввиду предназначенности ярмарок прежде всего для кочевников, располагавшие достоверной информацией об условиях их деятельности, местонахождении генерал-губернаторы, следившие за исполнением инструкций правительства, не поощряли перевода сезонных ярмарок или изменения их месторасположения «без особенных чрезвычайных причин, ... и не допускалось заменить по произволу...».¹⁸⁸

Ярмарки привлекали кочевников — жителей дальних аулов не только возможностью приобретать отсутствующие в волостях продукты, изделия фабрично-заводской промышленности, заводить тамырство (знакомства), но и как известные временные поселения для демонстрации лучших музыкальных и спортивных традиций народа: курес (борьба), байге (конские бега), гимнастические упражнения, поэтические состязания — айтысы акынов оживляли жизнь приезжих. Здесь собирались замечательные ремесленники, златорукие народные ювелиры (зергеры), талантливые композиторы: Ахан-серэ, Балуан Шолак, Жаяу Муса Байжанулы; чуть позже покорила степь знаменитая певица Майра Уаликызы Шамсутдинова и т.п. В молодые годы известную Куяндинскую ярмарку часто посещал выдающийся певец Амре Кашаубаев.

Итак, в 80–90-х годах XIX века ярмарки все более втягивали Казахстан в систему рыночных отношений, использовали в товарных отношениях значительную часть скота, неуклонно существенно меняя всю структуру торговли, еще более оживляя экономическую жизнь Степи.

Промыслы и промышленность. Непривычные условия жизни, вызванные проникновением капитализма во все сферы жизни аула, побудили кочевников с учетом природно-географических условий заниматься сенокосничеством, рыболовством, охотой, огородничеством.

Накашивая довольно много сена, казахи с прибылью продавали его оренбургским, петропавловским гуртовщикам, также возделывали капусту и картофель. К примеру, в Перовске местное население, выращивая капусту, выгодно продавало ее русским жителям; пуд картофеля стоил 20–40 коп. С 1888 г. в южных уездах Семипалатинской области, где благодатная почва вообще благоприятствовала огородничеству, казахи под влиянием переселенцев начали выращивать арбузы и дыни: в Усть-Каменогорском уезде — 5469 штук, в Семипалатинском — 3054, в Павлодарском — 2030, в Зайсанском — 180; всего по области 10 733 штук.¹⁸⁹ В южных регионах огородничество процветало повсеместно как продолжение старинной традиции.

Среди местных видов промысла следует отметить «зверопромышленность», о чем, в частности, можно судить по количеству проданных на ярмарках шкур зверей. Так, в 1897 г. на Константиновской ярмарке звериных шкур было продано: волчьих — 3700, лисьих — 2500, корсачьих — 7000, барсучьих — 11 000, куниц — 1100, всего на сумму 59 325 руб.¹⁹⁰

Чрезвычайное обилие продуктов животноводства, таких как шерсть, волос, сало и прочее, а также это сырье в обработанном виде, например, войлок, армячина, волосяные веревки, стимулировало развитие своеобразных аульных, покибиточных промыслов, изделия которых также сбывались на ярмарках.¹⁹¹

В южных районах из отборной шерсти изготавливали белые головные уборы (ак калпак) характерной остроконечной формы с поднятыми вверх разрезами, с полями спереди, составлявших неперменный атрибут летней одеждыномада, предохранявшей от знойной жары юга. Доверенные лица оренбургских купеческих фирм организовывали в Аулие-Ате скупку и мойку скупленной шерсти, которая затем отправлялась на сибирские суконные фабрики; только в 1887 году шерсти было закуплено более 7000 пудов.¹⁹²

Одним из широко распространенных промыслов являлось рыболовство. Аральское море с двумя полноводными тогда артериями привлекало переселенцев рыбными богатствами, этот промысел сосредотачивался на полуострове Кок-Арал; рыболовством в основном занимались жители Казалинского, Перовского уездов, а также в долине Ирғиз, на озере Камыш-Балык.¹⁹³ Рыбный промысел в низовьях р. Сырдарьи начался еще в 60-х годах XIX в., когда первые колонисты-казаки организовали небольшую рыболовную компанию; в 1861 г. было добыто 3000 пудов, в 1862 г. — 2600; сырдарьинские балыки успешно конкурировали с уральскими и волжскими; икра продавалась в Москве.¹⁹⁴ Рыболовством также занимались уральские казаки; вяленый лещ в количестве нескольких миллионов штук, вылавливаемый в низовьях Сырдарьи, транспортировался в европейскую Россию, находил устойчивый и довольно прибыльный сбыт.¹⁹⁵

Промышленность. Составной частью разноотраслевой экономики колониального Казахстана являлась местная промышленность, неравномерный, переходный, прежде всего мелкотоварный уровень и сущность которой породили ряд диаметрально противоположных суждений.

В смысле современного понимания этой отрасли, заводы и фабрики той эпохи по величине производительности, объему выпускаемой продукции скорее всего можно было бы отнести к разряду ремесленных заведений. Карликовые по своим размерам, несложному устройству, а также по количеству занятых на них рабочих эти «заводы» явились, по существу, примитивными зачатками промышленности, начавшей вбирать в себя общепринятые свойства лишь в самом конце XIX — начале XX вв.

Основными очагами первых предприятий по обработке животноводческого сырья явились Акмолинская и Семипалатинская области.

По данным, собранным местными учреждениями, первые такие предприятия возникли еще в середине XIX в. в Акмолинской и Кокчетавской областях. В 1888 г. в Семипалатинской области находилось 63 «завода» — 13 кожевенных, 9 мыловаренных, 1 винокуренный, 1 салотопенный, 23 кирпичных, 2 пивоваренных и 4 прочих с 262 рабочими, с общей выработанной продукцией на 230 147 руб.¹⁹⁶ К тому же предприятия по обработке животноводческого сырья в основном располагались в уездных центрах, постоянно притягивая к новым экономическим процессам степных обитателей. При этом по мере увеличения пуска в оборот сырья производительность отдельных предприятий, в основном связанных с обустройством крупных поселений, достигла значительного масштаба. В 1890 г. объем производства только двух кирпичных заводов в Усть-Каменогорске составлял 20 тыс. штук обожженного, сырцового кирпича,¹⁹⁷ в то же время в Зайсане действовало 3 кожевенных, 1 шубный заводы, в Павлодаре — 2 салотопенных, 2 мыловаренных, 2 кирпичных, пивоваренных заводов; в Кокпектах, в Семипалатинске, Павлодаре находилось 13 салотопенных, свечных, 23 кожевенных, 5 овчиновыделочных заводов.¹⁹⁸

С 80-х годов XIX в. обрабатывающая промышленность начала набирать темпы роста и в Сырдарьинской области за 1887 г. итоговая сумма «фабрично-заводских и кустарных заведений» достигла 1 482 500 руб.; к этому следует причислить стоимость выпущенной продукции по хлопководному производству — до 860 000 руб., шелководному — 450 000, табакководству — 20 000, рыболовству и т.п., всего в 1 720 000 руб.¹⁹⁹

Материалы по Сырдарьинской области позволяют дифференцировать удельный вес принадлежности предприятий местным этническим группам: русским жителям принадлежало 30 разнопрофильных предприятий, с годовым оборотом в 839 000 руб. (данные приведены по городам: Ташкент, Ходжент, Чимкент, Аулие-Ата, Казалинск); добыча каменного угля до 60 000 руб., хлопководство, табаководство; всего на 1 079 000 руб., что составляет 34% всей промышленности области, в то же время русское население составляло 1,5% общего числа жителей.²⁰⁰

На севере, где основная территория входила в состав Тургайской области, в 1898 г. насчитывалось 272 «промышленных заведения», сумма произведенных товаров — 99 090 руб. Обращает на себя внимание обрабатывающий характер производства: кожевенные, овчиновыделочные, салотопенные, мыловаренные — 42, мельницы, маслобойные — 202; медеплавильный — 1, нефтяной завод, по числу доходности ведущее положение принадлежало мельницам.²⁰¹

К концу XIX в. в связи с бурным подъемом индустриальной мощи центральных губерний России, а также Урала и Западной Сибири, испытывая воздействие промышленного роста в смежных регионах, обширный край не мог оставаться вне происходящих разительных перемен.

Постепенно формирующийся промышленный облик чрезвычайно богатого природными ресурсами Казахстана в первую очередь определялся горнозаводской отраслью. Громадные запасы медных руд, угля, благородных металлов в Центральном Казахстане уже в 80-х гг. XIX в. обусловили создание довольно перспективных очагов добывающей промышленности: золотые прииски в Кокчетавском уезде, каменноугольные копи в Карагандинском бассейне и другие подобные отрасли в немалой степени предопределяли перспективу региона как особо важной экономической области.

В начале 1898 г. в Павлодарском уезде Семипалатинской области образовалось Воскресенское Горнопромышленное общество, имевшее своей целью разработку богатейших залежей каменного угля и медной руды, обнаруженных в степной зоне Павлодарского уезда. Владельцы копей и рудников охотно пользовались услугами казахов, хотя их труд на первых порах и не был таким производительным и оплачивался гораздо дешевле, чем труд русских рабочих,²⁰² это обстоятельство оказалось весьма значимым и в деле формирования рабочих кадров. Все же техническая оснащенность многих горнодобывающих предприятий оставалась на низком уровне. Центром горного промысла оставался Каркаралинский уезд, и на заводе, построенном известным предпринимателем С. А. Поповым в 1888 г., было протравлено всего 904 пуда серебро-свинцовых руд, получено 24 фунта (1 фунт — 0,4536 кг) чистого серебра.²⁰³

Рудные месторождения вводились в оборот разными способами — с помощью штолен, шахт, разрезов. В 1890 г. на 27 разрабатывающихся медных рудниках было 7 шахт, 6 разрезов, 2 разноса, 1 штольня, 59 шурфов.²⁰⁴

В горнодобывающей отрасли были предприятия, оснащенные техническими новинками того времени, успешно применявшиеся в этой сфере: Николаевский (Богословский) медеплавильный завод в Каркаралинском уезде; Александровский свинцово-серебро-медный завод Поповых в урочище Канды Семипалатинской области; Козьмо-Демьяновский свинцово-серебро-медный рудник в урочище Жалгыз-Карагай в Акмо-

линской области, Спасские рудники, Успенские заводы, Карагандинские, Саранские угольные копи, Зырянские рудники и т.п.²⁰⁵

Рост объема, совершенствование технического оборудования заводов, фабрик, доставка на ярмарки массы изделий, товаров, в более растущем объеме сырья — этот взаимообусловленный процесс испытывал зависимость от темпов, направления строительства железнодорожных линий, главное значение в котором сыграла Транссибирская магистраль, создавшая предпосылки для ускоренного освоения и колонизации края. В 1896 г., было возбуждено ходатайство о расширении Оренбургской железной дороги к Ташкенту, которая соединила бы юг Казахстана с европейской Россией.²⁰⁶

Железнодорожные ветки Сибирской магистрали быстро увеличивали объем перевозимых товаров. В начале XX в. со станций Петропавловск, Омск, Исиль-Куль было отправлено 37 215 голов скота, в том числе 37 071 вывезено в Петербург и 144 в Москву.²⁰⁷

Железнодорожное строительство ускорило формирование кадров рабочих, в основном из числа казахов, которые находя в этой сфере постоянный заработок (средняя месячная плата от 4 руб. 50 коп. до 7 руб. 50 коп.), расселялись ближе к железнодорожным линиям, а зимой — вблизи станций.²⁰⁸ Число рабочих за разные годы менялось во взаимной обусловленности от экономической конъюнктуры, объема производства, степени технической оснащенности, процесса имущественной дифференциации в аульной общине и т.п.

В целом, исследователь С. Игибаев определяет число рабочих с приблизительной динамикой роста следующим образом: в 1892 г. — 3396 человек, 1895 — 3902, 1898 — 4576,²⁰⁹ что кажется несколько заниженным, если учесть сезонность производственного цикла многих городских и других предприятий, неточность статистики той поры.

7. ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ГОРОДОВ. БАНКОВСКО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В целом, для казахстанской промышленности были характерны слабое состояние предприятий, низкое качество выпускаемой продукции, недостаточная техническая квалификация рабочих, почти полное отсутствие образованных инженерно-технических специалистов. Это мешало принять участие в Сибирско-Уральской научно-технической выставке, состоявшейся в 1887 г. в Екатеринбурге.²¹⁰

Но даже тот, казалось бы, незначительный уровень промышленности, сравнительно низкая ее техническая оснащенность все же оказались весьма важным обстоятельством в экономическом благосостоянии разнородного населения края, вовлекали его в капиталистическую систему хозяйствования. Ярмарки, их посреднические функции между кочевым и оседлым населением постепенно нивелировали веками устоявшиеся родо-патриархальные традиции, ускоряли темпы и облегчали методы, и еще глубже чем прежде, дифференцировали формы колониальной политики в крае в интересах бурно растущей российской экономики, не брезгуя при этом военно-феодальными средствами хищнического освоения природных богатств обширного края.

Города Казахстана периода капитализма привлекают пристальное внимание исследователей многих научных направлений, ибо, являясь центрами промышленности, торговли, материального производства, общественно-политической жизни, расселения людей пестрой этнической принадлежности, а также будучи очагами частного предпринимательства и своеобразных рыночных отношений в условиях устойчивого сохранения социально-политических норм, они играли катализирующую роль в сложном процессе взаимодействия.

История городов пореформенного периода поучительна и с точки зрения современного осмысления весьма противоречивых и весьма значимых явлений, которые могут быть воссозданы на основе сопоставительного анализа социально-демографических процессов. При этом надо иметь в виду необходимость выявления специфики казахстанских городов, в региональной характеристике которых много общего и особенного. Например, в Южном Казахстане и до завершения присоединения региона к России существовали города, возникшие задолго до этого процесса, в этнической структуре которых преобладал тюркоязычный компонент.

Города же Северо-Западного, Восточного и Центрального Казахстана возникли в несколько иных обстоятельствах в ходе колонизации края, что, естественно, порою приводит некоторую часть жителей современного Казахстана к ошибочным и односторонним размышлениям об условиях и причинах их основания, забывая, что они создавались на древней казахской земле и названия свои получали от местной топонимики. К примеру, город Алматы известный еще под другим названием — Верное. Известно ли благонамеренным читателям, что это селение возникло на месте «туземного» городища Алмалык? П. П. Семенов Тянь-Шанский как-то писал: «11 августа (1886 г. — *Ред.*) продолжая путь свой за Коксу, я переехал через Или и попал в конце августа в Заилийский край, в укрепление Верное, или город Алматы, как его называют туземцы. Город Алматы лежит приблизительно в одной широте с Пизой и Флоренцией на речке Алматинке...»²¹¹

Укрепление Верное в 1857 г. (с рисунка П.П. Семенова-Тянь-Шанского).

По данным известного статиста-исследователя Н. В. Турчанинова, к 1914 г. в Казахстане находилось 26 городов, из них 7 основанные в XVIII — XIX вв., в т.ч. 24 из них получили статус города в XIX в.²¹²

По реформе 1867—1868 гг. пять городских поселений, в то время находившихся в пределах Казахстана, — Оренбург, Омск, Семипалатинск, Верный, Уральск стали областными центрами, Ташкент же — центром Туркестанского генерал-губернаторства с Сырдарьинской областью, в Омске находилась резиденция степного генерал-губернатора.

В соответствии с современным территориальным делением, во многих современных исследованиях во второй половине XIX—начале XX вв. по Казахстану, по существу, исключен г. Омск, на протяжении двух веков (основан в 1716 г.) являвшийся административно-политическим центром Степного края, видимо, целесообразно при изучении истории городов указанного региона приводить сопоставительные данные по г. Омску, имея в виду его громадную роль в истории Казахстана нового времени.

Знаменательным событием в хозяйственном развитии юго-восточного Казахстана стало открытие судоходного сообщения по р. Или, впервые расширившего международные водные торговые контакты с соседним Китаем.

Первое судно, усилиями верненских торговцев спущенное на воду 15 мая 1880 г. по р. Или, 11 августа того же года прибыло благополучно к Илийскому пикету и 5 сентября возвратилось обратно.²¹³

Финансовые расходы по организации водного коммерческого пути взяли на себя частные предприниматели. В 1886 г. верненский купец Вали Ахун Юлдашев и инженеры Поклаевский, Козелл, имевшие в Синыцзяне недвижимость, заказали на свои средства винтовой пароход для организации пассажирского и торгового движения по Балхашу и Или до Кульджи. 14 марта 1883 г. пароход был спущен на р. Или Илийского поселка и назван «Колпаковский» за вклад губернатора в скорое решение этой проблемы. Поклаевский намеревался доставить китайцам на пароходе 20 тыс. пудов хлеба.²¹⁴

Помимо решения экономических и политических проблем, организация пароходного сообщения через р. Или способствовала усилению роли Верного как крупного хозяйственного центра региона. Река Урал, как главная водная артерия Западного Казахстана, значительно оживляла хозяйственные контакты региона с Оренбургским, Южноуральским, Приволжским экономическими районами, обеспечивая бесперебойную транспортировку животноводческого сырья из Букеевской Орды и Мангыстау в промышленные очаги России.

В какой-то мере в своем экономическом развитии города степного Казахстана были обязаны датской экспедиции К. Гаге и Г. Тегнера в Западную Сибирь. Она носила коммерческий характер: изыскание выгодных способов и путей эксплуатации природных богатств Сибири и возможностей их вывоза в Европу. По возвращении Гаге и Тегнер представили торговому обществу Копенгагена обстоятельный отчет, в котором помимо всего прочего было подчеркнуто значение громадных естественных богатств Западно-Сибирского района, «ждущих только труда и предприимчивости».²¹⁵

Рекомендации экспедиции не остались без внимания торгово-экономических учреждений России, искавших новые источники дешевого сырья. Однако отсутствие удобных путей сообщения затрудняло до-

ставку, к примеру, через полноводный Иртыш сырья в пределы России. В 1880 г. было открыто срочное пароходное сообщение между Тюменью и Семипалатинском.²¹⁶

Путешественники О. Финш и А. Брем, посетившие г. Семипалатинск в 1882 г., обратили внимание на выгодность пароходного сообщения по Иртышу для местной торговли.²¹⁷ Это обстоятельство объективно в скором времени превратило города Павлодар и Семипалатинск в основные пункты вывоза хлеба. О масштабах хлебной торговли можно судить по данным за 1899 г.: в Семипалатинске скапливалось до 380 тыс. пудов пшеницы и до 500 тыс. пудов пшеничной муки, в Павлодаре — до 200 тыс., кроме того, на складах города скапливались от 300 000 до 400 000 пудов хлеба.²¹⁸

Использование экономически выгодного речного пути по р. Иртыш имело в последующем огромное значение не только для хозяйственного потенциала прииртышских поселений, но и в освоении Юго-Западной Сибири.

Из Тюмени, Тары баржи доставляли товары, закупленные на Ирбитской ярмарке, умножая купеческий капитал усть-каменогорских, капальских, верненских, семипалатинских купцов;²¹⁹ ставился вопрос о соединении телеграфной линией городов Верхнего Прииртышья с Куяндинской ярмаркой.

Река Ишим хотя и не использовалась в широком масштабе для перевозки товаров, все же ее роль в развитии экономики местных городов, казачьих поселений, переселенцев Акмолинской области была немаловажна.²²⁰

Города Казахстана, являясь центрами постоянного взаимодействия оседлого и кочевого населения и, естественно, оказывая воздействие на жизнь сельского окружения, объективно стали центрами непосредственной торговли скотом и вывоза, вернее, отправки этого живого товара в сопредельные районы. Такой факт применителен к г. Кустаная — купленные в городе скот и сырье направлялись в Камышинский, Шадринский, Троицкий, Исецкий, Уральский, Орский уезды, в Екатеринбургскую губернию, в Москву, Казань, Ревель, Берлин, Вену.²²¹

Такие факторы, как переселение крестьян, политическая ссылка, постоянный контингент воинских частей, расквартированных в оседлых поселениях, рост жатачества (отходников), а также другие обстоятельства с учетом вышеизложенного формировали население городов, их этнический, семейный, профессиональный, религиозный состав, часто подвергаясь изменениям в связи с социально-экономическими переменами.

В пореформенную эпоху большинство городов края относилось к разряду малых поселений, которые, к примеру, в Сырдарьинской области составляли 71% от общего числа городов, в Семиреченской — 50%, в Тургайской — 25%, в Акмолинской — 20%.²²²

Интересные данные об изменении численности и состава населения городов дает первая и единственная до образования Казахской автономии всеобщая перепись населения 1897 г. По ее данным, городское население выглядело так: Акмолинская область — 37 376, Семипалатинская — 54 800, Семиреченская — 48 251, Сырдарьинская — 46 512, Тургайская — 19 530 и Уральская — 55 482, всего — 231 951 человек обоих полов.²²³ По отдельным

крупным городам: Омск — 38 000 человек,²²⁴ Семипалатинск — 26 353, Верный — 22 982, Уральск — 36 597, Петропавловск — 20 014,²²⁵ Акмолинск — 8501 человек.²²⁶

Чрезвычайно разнообразный этнический состав населения был обусловлен переменами в быстро меняющейся социально-экономической жизни и имел устойчивую тенденцию к его расширению, заключая в своей структуре и множество представителей Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Китая и т.п.

Культурный облик городов формировался под воздействием социально-экономических процессов, потребностями ускорившейся колонизации края, для освоения богатств которого нужны были грамотные кадры, знающие обычаи, традиции, историю, местные особенности. С 1896 г. по всей Тургайской области действовало 88 учебных заведений с контингентом учащихся 2280 человек; в Сырдарьинской области в ведомстве Министерства народного просвещения находилось 79 учебных заведений с 3956 учащимися. О степени грамотности городских жителей можно узнать по данным переписи 1897 г., к примеру, в Павлодаре — 31,3%, Кокпекты — 19,4%, Семипалатинске — 27%, в Усть-Каменогорске — 30,9%, Зайсане — 31,6%.²²⁷

Открытые во второй половине XIX в. в крупных поселениях культурно-просветительские центры (в Оренбурге — подотдел ИРГО, Семипалатинске — Областной статистический комитет, Общество попечения о народном образовании, Дамское попечительское общество о бедных; в Верном — Общество вспомоществования бедным учащимся, Городское благотворительное общество и другие) определяли культурный облик городов, оживляли общественно-политическую жизнь края, расширяли издательское дело, вовлекали в культурную жизнь городов лучших представителей коренного населения.

Банковско-денежные отношения. Развитие промышленности, превращение городов в центры экономической жизни обширного края, создание акционерных обществ и другие перемены в хозяйственной системе во многом ускорили расширение сети банковских учреждений, усилили роль денег в развитии экономики как основного средства купли-продажи.

Одним из первых банков, открытых в Казахстане в 1871 г., был городской общественный банк в Петропавловске с основным капиталом в 40 000 рублей.²²⁸ Учреждение же в 1875 г. в Ташкенте отделения Государственного банка явилось значительным событием для всего Туркестанского генерал-губернаторства, в составе которого находилась Семиреченская область. Такие отделения Государственного банка функционировали в центрах торговли и нарождающейся промышленности Казахстана: в Уральске (1876 г.), в Петропавловске (1881 г.), в Семипалатинске (1881 г.), в Верном (1895 г.).²²⁹ Ввод новых железнодорожных линий, соединявших Казахстан с крупными экономическими центрами России, создавал благоприятную почву для открытия новых филиалов или отделений крупных банковских учреждений империи в Казахстане. Из наиболее известных 9 петербургских банков в городах Казахстана был представлен, например Сибирский торговый банк, открывший свои отделения прежде всего в Степном крае: из 57 филиалов этого банка в Казахстане действовали 7, т.е. 12,3%; в 1894 г. в Омске, в 1898 г. — Семипалатинске, а в начале XX в. — в Акмолинске, Верном, Кустанае, Павлодаре.²³¹

Возникновение хотя бы и незначительной сети банков ускорило постепенное распространение мелкого кредита, имевшего ряд особенностей и осуществлявшего кредитование через «киргизские ссудные кассы», действовавшие в крае с 1870-х годов. Они имели целью выдавать коренному населению степных областей средства для удовлетворения насущных хозяйственных и семейных потребностей.²³¹ Состояние банковского дела, умножение их капиталов находились в прямой зависимости от распространения среди жителей Казахстана денежной системы, вытеснения ею менового обмена.

Если в северо-западных и восточных районах, прежде всего охваченных капиталистическими методами торговли, постижение сущности, стоимости денежных знаков кочевниками происходило более ускоренными темпами, то в южных, позже вошедших в состав империи, данное явление начало утверждаться значительно позднее. По мнению профессора Е. Смирнова, проникновение наличных денег и расчеты по новой системе начали проникать после завоевания региона, и в Южном Казахстане местная монета «таньга» (тенге) свободно обращалась наравне с кокандскими металлическими монетами.²³²

А в аульной среде в качестве реальной ценности денег служил годовалый баран — «сэк». Чтобы иметь представление о примерном эквиваленте «сэка» в переложении его стоимости на другие товары, можно привести такой пример: конская кожа по цене равнялась одному сэку, кунан кой (двухгодовалый баран) или пуд жабаги (шерсти с овец) приравнивались к 1,5 сэкам; донен кой (трехгодовалый баран) или пуд сала приравнивались к двум сэкам, кунан огуз (двухгодовалый бычок) можно было бы сбыть за 4 сэка.²³³ Ввиду того, что основным товаром для продажи и накопления денежного капитала у казахов оставался скот, числом баранов они определяли и стоимость других домашних животных: двухгодовалый жеребенок (тай) приравнивался к трем баранам, трехлетний (кунан) к пяти, а пятилетний конь — к семи.²³⁴

Таким образом, овца служила основным эталоном выявления денежной цены животных, во многом определяла благосостояние новых скотодержателей-баев, которые при «партийном сбыте» скота на ярмарках выручали огромные деньги: вот цены оптовой продажи овец на Куяндинской ярмарке — в 1889 г. — 2 руб. 80 коп., в 1900 г. — 3 руб. 25 коп.²³⁵ Сравнительные данные, правда, за разные годы, говорят о заметном колебании цен на животных: в Сырдарьинской области за 1860 г. баран — 2 руб. 25 коп., в 1887 г. — с 3 до 4 руб., в Акмолинской области в 1889 г. — быки от 40 до 50 руб., коровы — 18–25, бараны — 5–6 руб. 50 коп., а также моложе 3 лет: 3–5, лошади 20–40 руб.; по Тургайской области: за 1892 г. были по 15–20 руб., коровы — 7–12, овцы — по 1 руб. 50 коп. и до 2 руб. 50 коп., лошади — 5–13 руб.²³⁶

Наличие денежных средств у номадов открывало для них возможность установить деловые контакты с городскими банками, вступить в оживленные кредитно-денежные связи с ростовщиками, открывать счета в местных банках, постепенно вовлекаться в рыночные отношения, приобретать недвижимость в городах, нанимая алыпсатаров (перекупщиков)-посредников.

О росте увеличения банковских вкладов населения по областям говорят сведения на 1 января 1899 года: в Семиреченской области функциони-

ровавших касс было 20, число вкладчиков — 2912, сумма вкладов — 561,5 тыс. руб., в Сырдарьинской — 15; 5477; 895,1, в Семипалатинской — 16; 2655; 632,1, в Акмолинской — 13; 6576; 1361,5, в Тургайской — 7; 422; 56,2 — всего 84; 21 765; 4261,8 руб.²³⁷

«В прежнее время у нас, туземцев, человек, имеющий 4—5 тыс. руб., считался самым богатым, в настоящее время таких богачей можно встретить не только в городах, но и в селениях. В городах же встречаются богачи, имеющие до 300 тыс. руб. наличного капитала», — так охарактеризовала жизнь новой социальной прослойки из числа разбогатевших кочевников газета «Туркестанские ведомости».²³⁸

Ввиду того, что масса кочевников лишь приблизительно представляла себе реальную стоимость российских денежных знаков, всякие аферисты, разъезжая по казахским аулам, легко обманывали добродушных, гостеприимных казахов, отпуская им деньги «взаимообразно на чрезвычайно тяжелых условиях»; всякие искатели приключений, пользуясь наивной беспечностью и незнанием кочевниками истинной покупательской способности, особенно серебряных монет, которые кочевники нередко использовали для покупки женских украшений, в частности, головных уборов — саукеле, часто обкрадывали, обещивали их. К примеру, за самовар отдавали целое стадо баранов.²³⁹ «...Киргизы хорошо помнят и рассказывают, как один из них (торговец. — *Ред.*) торговал серенками (спички. — *Ред.*), которые он выдавал за священный огонь, киргизы верили и покупали «священный огонь», давая за коробку спичек по барану и более; другой же из будущих богачей продавал киргизам леденцы, выдавая их за отвердевшую слюну Магомета (Мухаммед пайгамбар. — *Ред.*), — так писал корреспондент одной из местных газет.²⁴⁰

Таким образом, процесс урбанизации, вытеснение рыночными факторами родо-патриархальных традиций в повседневной хозяйственной жизни, распространение влияния банковско-денежных отношений внесли существенные коррективы в социально-экономическую структуру общества, еще более углубили имущественную дифференциацию, выделяя из общей массы разноязычных жителей категорию социальной прослойки, имевшей устойчивые контакты с городским рынком, ярмарками, банками.

При этом распространение денег, вытеснение прежних примитивных натуральных обменов сопровождалось вопиющим беззаконием, настоящим, бестыдным грабежом степных обитателей.

Неэквивалентная торговля дорого обошлась автохтонным жителям, разоряя бедных, малоскотных кибитководов, вынуждая их потянуться в города в поисках новых источников существования, ускоряя колониальную экспроприацию их основного богатства — пастбищных угодий, лишая традиционных средств их прокормления.

¹ См. Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1867, ч. 3, с. 3.

² Там же.

³ Там же, с. 7.

⁴ Туркестанские ведомости. № 46, 24. XI. 1889.

⁵ Туркестанские ведомости за 10. X. 1889.

⁶ ЦГА РК, ф. 78, оп. 2, д. 28, л. 11 об.

- ⁷ Там же, ф. 374, оп. 1, д. 2582, л. 41 об.
- ⁸ Там же, ф. 345, оп. 1, д. 30, л. 3.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же, д. 38, л. 2.
- ¹² Бекмаханова Н. Е. Формирование населения Новолинейного района Казахстана в пер. пол. XIX века. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980, с. 217.
- ¹³ Всеподданнейший отчет по Туркестанскому генерал-губернаторству. СПб., 1895, с. 5.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Кронгардт Г. К. Переселенческое движение и демографические изменения в Южном Казахстане во второй пол. XIX—нач. XX вв. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980, с. 226.
- ¹⁶ Тургайская газета. № 13., 24. III. 1961.
- ¹⁷ Алексеевко Н. В. Население дореволюционного Казахстана. А., 1981, с. 70.
- ¹⁸ ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 38, л. 2.
- ¹⁹ Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. А., 1971, с. 170; Галиев В. З. Медицинская деятельность ссыльных революционеров в Казахстане. А., 1982, с. 46.
- ²⁰ Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. А., 1965, с. 273.
- ²¹ Велевский С. Н. Приильский Кульджинский край. // ИРГО, т. 41, 1915. Вып. 1, с. 152—153.
- ²² Исиев Д. А. Уйгурское государство Иттишар. М., 1981, с. 48.
- ²³ Ростовский С. Т. Царская Россия и Синьцзян в XIX—нач. XX вв. // Историк-марксист. 1936, № 3, с. 36.
- ²⁴ Пантусов Н. Н. Сведения о Кульджинском крае за 1871—1877 гг. Казань. 1881, с. 108—109.
- ²⁵ Сутеева Х. А. Политика России в Илийском крае в 1871—1881 гг. // Автореферат дис. к.и.н. А., 1987, с. 1.
- ²⁶ Касымбаев Ж. К. Казахстан—Китай: караванная торговля в XIX—начале XX вв. А., 1996, с. 102.
- ²⁷ Абдиев М. Ж. История казачества Казахстана. А., 1994, с. 125.
- ²⁸ Имеется в виду неточность сведений по отдельным населенным пунктам. См.: РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 1.
- ²⁹ ЦГА РК, ф. 487, оп. 1, д. 1, л. 337.
- ³⁰ Алексеевко Н. В. Указ. работа, с. 77.
- ³¹ Турчанинов Н. В. Население Азиатской России. // Азиатская Россия. СПб. 1915, т. 1, с. 87.
- ³² Обзор Семипалатинской области за 1898 г. Семипалатинск. 1899, с. 40.
- ³³ Алексеевко Н. В. Указ. работа, с. 82.
- ³⁴ Кронгардт Г. К. Переселенческое движение, с. 230.
- ³⁵ Аргынбаев Х. А. Казак халкындағы семья және неке. А., 1973, с. 145.
- ³⁶ Русский вестник. 1880, IV.
- ³⁷ Алексеевко Н. В. Указ. работа, с. 85.
- ³⁸ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 74.
- ³⁹ Хохлов И. Тургайская область. СПб, 1906, с. 25.
- ⁴⁰ Диваев А. Аткаминеры. // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области, т. III. Ташкент. 1891, с. 5.
- ⁴¹ Подробно см.: Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск, 1900, с. 236.
- ⁴² Там же, с. 249.
- ⁴³ Юзефо В. О быте киргизов Тургайской области. // Русский вестник. 1880, № 4.
- ⁴⁴ Живописный альбом народов России. СПб, 1880, с. 327.

- ⁴⁵ Хохлов И. Тургайская область, с. 65.
- ⁴⁶ Обзор Семипалатинской области за 1888 год, с. 19.
- ⁴⁷ Там же, с. 17.
- ⁴⁸ Обзор Тургайской области за 1892 г. Оренбург. 1913.
- ⁴⁹ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1907 г. СПб, 1911, с. 170.
- ⁵⁰ Там же, с. 158.
- ⁵¹ Обзор Сырдарьинской области за 1894 г. Ташкент, 1897, с. 17.
- ⁵² Сибирский торгово-промышленный календарь на 1908 г. СПб, 1911, с. 249.
- ⁵³ Гейнс А. Собрание литературных трудов, т. 2, СПб, 1898, с. 566.
- ⁵⁴ Там же, с. 567.
- ⁵⁵ Ашмарин. Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки (историческое описание) // Советская Киргизия. 1925. № 5–6, с. 123. (Эти данные были объявлены на 5-м Всеказахском съезде Советов.)
- ⁵⁶ Обзор Акмолинской области за 1886 г. Омск, 1887, с. 11.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 233, л. 2 об.
- ⁵⁹ Там же, ф. 369, оп. 1, д. 815, л. 40.
- ⁶⁰ Там же, ф. И–1, оп. 11, д. 555, л. 6.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Хохлов И. Тургайская область. СПб., 1906, с. 8.
- ⁶³ См.: Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск, 1900, с. 230.
- ⁶⁴ ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 4895, л. 41.
- ⁶⁵ Катанаев Г. Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск. 1904, с. 14.
- ⁶⁶ РГВИА, ф. 1449, оп. 1, д. 20, л. 11.
- ⁶⁷ Всеподданнейший отчет по Туркестанскому генерал-губернаторству. СПб, 1885, с. 22.
- ⁶⁸ Госархив Алтайского края РФ (ГААК РФ), ф. 3, оп. 2, д. 106, л. 70 об.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ ГААК РФ, ф. 3, оп. 2, д. 109, л. 8.
- ⁷¹ Завалишин И. И. Описание Западной Сибири, ч. 3, с. 55.
- ⁷² Акмолинская область. // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск, 1900, с. 233.
- ⁷³ Район Южно-Сибирской железной дороги в экономическом отношении. СПб, 1913, с. 47.
- ⁷⁴ Район железной дороги: Петропавловск–Спасский завод в экономическом отношении. СПб, 1912, с. 234.
- ⁷⁵ Район Южно-Сибирской железной дороги в экономическом отношении. СПб, 1913, с. 118.
- ⁷⁶ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск, 1900, с. 234.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Тургайские областные ведомости. № 18, 28.IV. 1901; Сулейменов Б. С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX–начале XX веков. А., 1963.
- ⁷⁹ Галузо П. Г. Указ. работа, с. 56.
- ⁸⁰ Сибирский торгово-промышленный календарь за 1899 г. Томск, 1900, с. 219.
- ⁸¹ Касымбаев Ж. К. О роли отходничества в расширении рынка наемного труда в Казахстане (вторая половина XIX в.). // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М., 1989, с. 91; Его же. Развитие жатачества (отходничества) как следствие социальной дифференциации казахского аула в XIX–нач. XX вв. // Известия АН РК. Сер. общ. наук, 1992, № 6, с. 36; Его же. Переход жатаков (отходников) к оседлости как фактор расширения аграрного рынка в Казахстане (вторая половина XIX в.). // Аграрный рынок в его историческом развитии. М., 1991, с. 112.
- ⁸² Бекмаханов Е. Б. Жатаки (первая половина XIX в.). // Вестник АН КазССР. 1949, № 8, с. 60.
- ⁸³ Потанин Г. Н. Сибирские казаки // Живописная Россия. СПб, 1884, т. XI, с. 112.

- ⁸⁴ Казакша-орысша сөздiк. А., 1987, с. 143.
- ⁸⁵ Русско-казахский словарь. А., 1981, т. 2, с. 31.
- ⁸⁶ Касымбаев Ж. К. Развитие жатачества (отходничества)..., с. 37.
- ⁸⁷ ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 599, л. 11 об.
- ⁸⁸ ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 4895, л. 144.
- ⁸⁹ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 146; ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 4895, л. 163.
- ⁹⁰ Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении. СПб., 1900, с. 81.
- ⁹¹ Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое обозрение земли Оренбургского ведомства // Военно-статистическое обозрение России. СПб., 1848, т. XIV, ч. 3, с. 32.
- ⁹² Завалишин И. Описание Западной Сибири. СПб., 1867, ч. 3, с. 55.
- ⁹³ Тургайская газета, 1901, 10, III, № 11.
- ⁹⁴ Там же, 5 мая, № 20.
- ⁹⁵ Там же, 24 марта, № 13.
- ⁹⁶ Там же, № 13.
- ⁹⁷ Там же, 5 мая, № 20.
- ⁹⁸ Вместе с тем, губернаторы областей часто отказывались выделять земельные наделы жатакам на том основании, что «заявления свои делали с целью воспрепятствовать колонизации переселенцами степей» (ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 4895, л. 2.).
- ⁹⁹ Катанев Г. Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1901, с. 14.
- ¹⁰⁰ Госархив Томской области РФ (ГАТО РФ), ф. 234, оп. 1, д. 360, л. 3 об.
- ¹⁰¹ ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 22, л. 45–54.
- ¹⁰² Там же, ф. 64, оп. 1, д. 338, л. 52.
- ¹⁰³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск, 1900, с. 150.
- ¹⁰⁴ Тургайская газета, 1901, 13 марта, № 11.
- ¹⁰⁵ Касымбаев Ж. К. Переход жатаков (отходников) к оседлости..., с. 113.
- ¹⁰⁶ Ленин В. И. Полное собр. сочинений, т. 3, с. 570.
- ¹⁰⁷ Материалы по переселенческому хозяйству в степных и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, т. VIII. // Бюджеты переселенцев Акмолинской и Семипалатинской областей, СПб., 1907.
- ¹⁰⁸ Юферов В. И. Опыт определения нормы надела переселенцев по данным исследования селений Черняевского, Кауфманского и Константиновского, Ташкентского уездов. Ташкент, 1907, с. 29.
- ¹⁰⁹ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, составленные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. IV. // Русские старожильские селения Лепсинского, Капальского, Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов. Пг., 1915, с. IX.
- ¹¹⁰ Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма. М., 1988, с. 101.
- ¹¹¹ Материалы по изучению агрономических условий Семипалатинской области, вып. I, М., 1915, с. 4.
- ¹¹² Материалы по земельному вопросу в Азиатской России, вып. I, Степной край, Пг., 1917, с. 9–11.
- ¹¹³ Букейхан А. Избранное. А., 1995, с. 246, 247.
- ¹¹⁴ ЦГА РК, ф. 19, оп. 1, д. 64, л. 56.
- ¹¹⁵ Например, проблема выпавших до песка земель Актюбинского уезда поднималась учеными уже в 1901 г. См.: XI съезд русских естествоиспытателей и врачей. Тр. подсекции статистики. СПб., 1902, с. 7.
- ¹¹⁶ Букейхан А. Избранное, с. 237.

- ¹¹⁷ Материалы по переселенческому хозяйству, т. I, с. 71.
- ¹¹⁸ Там же, т. VI, с. 4.
- ¹¹⁹ Там же, т. I, с. 55.
- ¹²⁰ Там же, т. I, с. 62.
- ¹²¹ Там же, т. II, с. 30.
- ¹²² Грамыко М. М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII–60-е гг. XIX в.). // Крестьянская община в Сибири XVIII–начала XX вв. Новосибирск, 1977, с. 61.
- ¹²³ Материалы по переселенческому хозяйству, т. VII, с. 18.
- ¹²⁴ Там же, т. I, с. 4.
- ¹²⁵ Там же, т. I, с. 8.
- ¹²⁶ Там же, т. II, с. 40.
- ¹²⁷ Там же, т. IV, с. 104.
- ¹²⁸ Там же, т. II, с. 131.
- ¹²⁹ Там же, т. I, с. 9, 68.
- ¹³⁰ Там же, т. IV, с. 137.
- ¹³¹ Там же, т. II, с. 85.
- ¹³² Александров В. А. Возникновение сельской общины в Сибири (XVII век). // История СССР, 1987, № 1, с. 68.
- ¹³³ Материалы по земельному вопросу, с. 101.
- ¹³⁴ Пантусов Н. Записки о переселении кульдзинских оседлых мусульман в Семиреченскую область. Фонд ИИАЭ АН КазССР, ин. № 60, л. 119.
- ¹³⁵ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. V. Таранчи, ч. I, СПб., 1914, с. 2.
- ¹³⁶ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1913, с. 410.
- ¹³⁷ Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана, ч. II, СПб., 1914, с. 24–25.
- ¹³⁸ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства, 1914, с. 18, 67, 73.
- ¹³⁹ ЦГА Каз ССР, ф. 44, оп. 10, д. 286, л. 1.
- ¹⁴⁰ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства, с. 25, 34, 44, 50.
- ¹⁴¹ Гинс Г. Таранчи и дунгане (Очерки поездки по Семиречью). // Исторический вестник, 1911, т. CXXI (август), с. 706–707.
- ¹⁴² Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства, с. 102.
- ¹⁴³ Там же, с. 78, 102, 169.
- ¹⁴⁴ Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, с. 249.
- ¹⁴⁵ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства, с. 6.
- ¹⁴⁶ Васильев В. А. Семиреченская область как колония..., с. 137.
- ¹⁴⁷ Там же, с. 144.
- ¹⁴⁸ Там же, с. 113.
- ¹⁴⁹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XIX, Туркестанский край, с. 446.
- ¹⁵⁰ Гинс Г. Таранчи и дунгане. Очерки поездки по Семиречью. // Исторический вестник, 1911, т. CXXV, с. 698.
- ¹⁵¹ Васильев В. А. Семиреченская область как колония..., с. 108.
- ¹⁵² РГВИА, ф. 483, оп. I, д. 120, л. 2.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Обзор Акмолинской области за 1896 г. Омск, 1897, с. 54.

- ¹⁵⁵ Российский государственный архив Русского географического общества (РГА РГО), ф. 69, оп. 1, д. 3, л. 9.
- ¹⁵⁶ Там же, л. 9 об.
- ¹⁵⁷ *Смирнов Е.* Сырдарьинская область. СПб, 1887, с. 212.
- ¹⁵⁸ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 3251, л. 4.
- ¹⁵⁹ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. (данные за 1896 г.) Томск, 1900, с. 334.
- ¹⁶⁰ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4030, л. 25; *Алексеев Н. В.* Русская крестьянская колонизация рудного Алтая в XVIII–XIX вв. // Экономика, управление и культура в Сибири. XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965, с. 152.
- ¹⁶¹ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 2823, л. 47–57.
- ¹⁶² *Галузо П. Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана, с. 95.
- ¹⁶³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г., с. 286.
- ¹⁶⁴ Подсчитано по книге: Сибирский торгово-промышленный календарь на 1900 г. Томск. 1901, (Приложение), с. 139, 141, 143–144, 146, 149.
- ¹⁶⁵ *Пантусов Н.* Перевозочные средства в Туркестанском крае (по сведениям 1872, 1873 гг.). // Материалы для статистики Туркестанского края. Выпуск II, СПб., 1876, с. 124.
- ¹⁶⁶ *Певцов М.* Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. Кн. IV. Омск, 1883, с. 218.
- ¹⁶⁷ *Палтарацкий В.* Сведения о торговых сношениях с Западным Китаем. // Известия ИРГО, т. IX, СПб., 1873, с. 98.
- ¹⁶⁸ ГАОО РФ, ф. 3, оп. 9, д. 13871, л. 10.
- ¹⁶⁹ ГААК РФ, ф. 3, оп. 1, д. 9, л. 13.
- ¹⁷⁰ ГАОО РФ, ф. 3, оп. 9, д. 13871, л. 14–15.
- ¹⁷¹ Там же, ф. 23, оп. 2, д. 13, л. 80.
- ¹⁷² *Касымбаев Ж. К.* Казахстан–Китай: караванная торговля, с. 146.
- ¹⁷³ Записки Зап.-Сиб. ИРГО. Кн. IV. Омск, 1882, с. 27.
- ¹⁷⁴ *Касымбаев Ж. К.* О торговле России с Цинской империей через города Восточного Казахстана в 80–90-е годы XIX в. // Общество и государство в Китае. 12-я конференция, ч. II, М., 1981, с. 158.
- ¹⁷⁵ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5099, л. 129–130.
- ¹⁷⁶ *Касымбаев Ж. К.* О торговле России с Цинской империей..., с. 159.
- ¹⁷⁷ ЦГА РК, ф. 64, оп. 17, д. 3075, лл. 35–48.
- ¹⁷⁸ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 г. Томск, 1899, с. 154.
- ¹⁷⁹ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 319, л. 21.
- ¹⁸⁰ *Касымбаев Ж. К.* Казахстан–Китай: караванная торговля, с. 132.
- ¹⁸¹ *Касымбаев Ж. К.* Роль городов Восточного Казахстана в развитии торговых отношений в конце XIX в. // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. 1976, № 5, с. 45.
- ¹⁸² По Акмолинской области – Обзор за 1895 г. Омск. 1896, с. 88; по Семипалатинской – Российский государственный исторический архив (С.-Петербург, далее – РГИАП), ф. 391, оп. 1, д. 91, л. 321.
- ¹⁸³ РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 11.
- ¹⁸⁴ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 3139, л. 11.
- ¹⁸⁵ РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 52.
- ¹⁸⁶ ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 6243, л. 1.
- ¹⁸⁷ РГИАП, ф. 391, оп. 1, д. 91, лл. 176, 315, 321; Обзор Семиреченской области за 1900 г. Верный, 1901, с. 25.
- ¹⁸⁸ ГАТО РФ, ф. 3, оп. 19, д. 228, л. 23.
- ¹⁸⁹ Обзор Семипалатинской области за 1888 г. Семипалатинск, 1889, с. 11.
- ¹⁹⁰ Обзор Акмолинской области за 1898 г. Омск, 1899, с. 39.
- ¹⁹¹ РГИАП, ф. 1284, оп. 194, д. 36, л. 6 об.

- ¹⁹² Смирнов Е. Сырдарьинская область. СПб., 1887, с. 184.
- ¹⁹³ Аничков И. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Сб. 1, Ташкент, 1899, с. 66.
- ¹⁹⁴ Смирнов Е. Сырдарьинская область, с. 192.
- ¹⁹⁵ Гейер И. В устье Сырдарьи // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1899, с. 60.
- ¹⁹⁶ Обзор Семипалатинской области за 1888 г. Семипалатинск, 1889, с. 30.
- ¹⁹⁷ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 3045, л. 97–104.
- ¹⁹⁸ Касымбаев Ж. Города Восточного Казахстана в 1861–1917 гг. (Социально-экономический аспект), А., 1990, с. 73.
- ¹⁹⁹ Смирнов Е. Сырдарьинская область. СПб., 1887, с. 198.
- ²⁰⁰ Там же.
- ²⁰¹ Обзор Тургайской области за 1899 год. Оренбург. 1901, с. 7.
- ²⁰² Тургайские областные ведомости. № 16, за 1901 г.
- ²⁰³ Бекмухаметов Е. Б. Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана. А., 1964, с. 24.
- ²⁰⁴ Игибаев С. К. Промышленные рабочие дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). А., 1991, с. 62.
- ²⁰⁵ Там же, с. 69, 70, 71, 73.
- ²⁰⁶ Туркестанские ведомости, № 18, 1896.
- ²⁰⁷ Обзор Акмолинской области за 1912 год, Омск, 1913, с. 31.
- ²⁰⁸ Тургайские областные ведомости. № 16 от 14 апреля 1901 г.
- ²⁰⁹ Игибаев С. Указ. работа, с. 99.
- ²¹⁰ ГАТО РФ, ф. 234, оп. 1, д. 360, л. 13 об.
- ²¹¹ Письма действительного члена общества (Русского географического. — *Ред.*) П. П. Семенова о путешествии его по киргизской степи Сибирского ведомства. Алматы или Верное. // Вестник ИРГО, 1856, СПб., 1865, (раздел — смесь), с. 3.
- ²¹² Турчанинов Н. Города Азиатской России // Азиатская Россия. СПб., 1914, кн. 1, с. 347.
- ²¹³ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4870, л. 8.
- ²¹⁴ Поклевский И. Торговый путь от Иртыша в Верный и Кульджу. СПб., 1885, с. 20.
- ²¹⁵ ГААК РФ, ф. 132, оп. 4, д. 29, л. 47.
- ²¹⁶ Там же, л. 46 об.
- ²¹⁷ Финш О., Брем А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882, с. 32.
- ²¹⁸ Касымбаев Ж. К. Города Восточного Казахстана, с. 59.
- ²¹⁹ РГВ РГО, ф. разряд 69, оп. 1, д. 3, л. 10.
- ²²⁰ Обзор Акмолинской области за 1886 год. Омск, 1887, с. 4.
- ²²¹ Касымбаев Ж. К. О торговых взаимосвязях городов северо-восточного Казахстана с русскими крестьянскими селениями и казахским аулом (60–90-е годы XIX в.). // XXIV съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР, Уфа, 1984, с. 313.
- ²²² Сатыбекова Г. Х. Из истории развития городов Казахстана на рубеже XIX–XX века. // Проблемы социально-экономического и этно-демографического развития городов Казахстана. А., 1985, с. 36.
- ²²³ Алексеев Н. В. Население дореволюционного Казахстана, с. 77. (по Акмолинской области данные явно занижены).
- ²²⁴ Оланзон Кл. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1903, с. 243.
- ²²⁵ Данные составлены: Касымбаев Ж. К. О демографии городского населения Прииртышья во 2-й пол. XIX в. // Вестник АН КазССР, 1975, № 12, с. 27; *Его же*: Городское население Казахстана по данным всеобщей переписи 1897 г. // Известия АН Каз ССР, 1988, № 4, с. 43.
- ²²⁶ Касымбаев Ж. К. История города Акмолинска (1832–1917 гг.) А., 1995, с. 17.
- ²²⁷ По Тургайской области: Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 год. Томск, 1900, с. 337; по Сырдарьинской: *Там же*, с. 297; По городам северо-восточного Казахстана: первая всеобщая перепись, т. I, XXXIV, СПб., 1911, с. 54–55.

- ²²⁸ Петропавловск (История городов Казахстана). А., 1985, с. 39.
- ²²⁹ Фридман Ц. Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане. А., 1974, с. 16.
- ²³⁰ Там же, с. 17.
- ²³¹ Там же, с. 158.
- ²³² Смирнов Е. Сырдарьинская область. СПб, 1887, с. 201.
- ²³³ Комаров П. К статье «Единица ценности у первобытных народов». // Туркестанские ведомости за 1901 год, № 46.
- ²³⁴ Остроумов Н. П. Единица ценности у первобытных народов. // Туркестанские ведомости, № 28, 1901.
- ²³⁵ РГВИА, ф. 1450, оп. 7, д. 1, л. 19 об.
- ²³⁶ Данные: по Сырдарьинской области — Смирнов Е. Указ. работа, с. 201, по Акмолинской области — ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 10517, л. 45; по Тургайской области — обзор области за 1892 год. Оренбург. 1893, с. 3.
- ²³⁷ Фридман Ц. Л. Указ. работа, с. 166.
- ²³⁸ 1898, № 51, 19. VII.
- ²³⁹ Очерки экономической истории Казахской ССР. А., 1974, с. 31
- ²⁴⁰ Киргизская степная газета, 1898, 31. V, № 22.

Глава третья

КУЛЬТУРА КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

К середине XIX в. в Казахской степи не было европейских школ для обучения детей коренного населения, только в Букеевской Орде такая начальная школа была открыта в 1841 г. Школа с семилетним сроком для обучения казахских детей была специально открыта при Оренбургской пограничной комиссии в 1850 г. для подготовки писарей и переводчиков в низовых органах колониального аппарата.¹ Из всего Оренбургского края в нее было принято 30 учеников, в том числе И. Алтынсарин. Она просуществовала 19 лет и выпустила 48 учеников. На первых порах существования оренбургской школы в ней преобладало преподавание мусульманской религии, но затем конфессиональный элемент был ослаблен, а преподавание расширено введением в 1859 г. русской истории, математики, геометрии, всеобщей и русской географии.

В 1857 г. по типу оренбургской в Омске при областном правлении была открыта школа для казахских детей, готовившая, главным образом, переводчиков. Она просуществовала почти четверть века и в 1881 г. была преобразована в пансион для десяти казахских и десяти русских воспитанников, учащихся в приходских школах и в уездном училище.² В 1865 г. в Омске открылась еще одна школа для казахских детей, а в 1869 году при оренбургской гимназии были созданы отделения для подготовки переводчиков восточных языков и писарей военных округов.

Открытие начальных народных школ в Казахстане относится к 60-м годам XIX в. и связано с именем И. Алтынсарина. После введения реформы 1867–1868 гг. такие школы стали функционировать в различных регионах Казахского края. В 1868–1869 гг. в Уральской области работали 24 русско-казахские школы, из них 2 двухклассные, 6 сельских одноклассных, 14 старшинских и 2 частных училища. К 1877 г. в Уральском казачьем войске было 47 школ, из них 5 женских, в которых обучалось 2250 учащихся, что составляло в регионе немногим более 2 процентов казачьих детей школьного возраста. В 1894 г. в г. Уральске имелись мужская войсковая гимназия, женская гимназия, духовное училище. Кроме того, по области насчитывалось 37 церковных и 77 мелких станичных и поселковых, а также 10 волостных русско-казахских школ. Во всех этих школах обучалось всего 2984 учащихся.³

В Акмолинской области школьное дело обстояло не лучше. К 1861 г. по всей огромной «Горькой линии» Сибирского казачьего войска для обучения первоначальной грамоте лишь казачьих детей имелось всего 14 школ, а об обучении детей крестьян-переселенцев, особенно детей казахского населения, в то время не могло быть и речи.

Известное оживление школьного дела в области наметилось с начала 70-х годов. Открываются мужские и женские гимназии и прогимназии, учительская семинария, уездные приходские училища для мужчин, войсковое окружное училище, станичные и поселковые школы, фельдшерская школа при госпитале и др. Всего в области в то время было 76 учебных заведений с 2767 учащимися; из них 1 казахская школа (27 учеников), 4 татарских мужских (231 ученик), 3 женских (44 ученицы). К концу XIX в. число учебных заведений в области увеличилось более чем втрое. Открывались и аульные школы, но их было очень мало. В 1898 г. в Акмолинской области имелось 61 106 детей школьного возраста, из них за бортом школ оставалось 88%.

В Семипалатинской области в 1872 г. действовало 68 учебных заведений, в 1896 г. их число доходило до 105, а к 1900 г. — до 114. В 1898 г. по Семипалатинской области насчитывалось 61 668 детей школьного возраста, из них обучалось только 5%.

Образование казахских детей находилось в зачаточном состоянии. В 1883 г. мужские интернаты для обучения казахских детей функционировали в областном центре Семипалатинске, а также в уездных городах — Павлодаре, Усть-Каменогорске и Зайсане, а для обучения девушек-казашек — только в Семипалатинске и Павлодаре. В 1886 г. в них обучалось 152 мальчика и 37 девочек.⁴

Первые школы в Сырдарьинской области для русских открылись в 1860 г. в Раимском (Казалинске) укреплении и в Перовске (Ак-Мечети, ныне Кызылорда). Год спустя в Раимском укреплении была организована женская школа, куда поступило 15 русских девочек. В школу Раимского укрепления было принято 17 русских и 6 казахских мальчиков, в Перовске — соответственно 16 и 13. В 1863 г. в Раимском укреплении открылась школа для обучения казахских детей. В 1876 г. в области функционировало 10 школ. В том же году была учреждена особая инспекция по управлению учебными заведениями Туркестанского края. Педагогические кадры готовила Ташкентская учительская семинария, основанная в 1879 г. В том же году открылась ученическая квартира для обучения детей «туземцев». В 1896 г. в области насчитывалось всего 78 учебных заведений, в том числе 7 «русско-туземных» школ. Всего обучалось 3896 детей (2743 мальчика и 1153 девочки), из них 548 казахов. В этих школах работали 120 учителей мужчин, 31 учительница, в «русско-туземных» школах — 13 учителей. Спустя два года в Сырдарьинской области число начальных учебных заведений доходило до 119 с 5507 учащимися. В 1898 г. в области одна школа приходилась на 12 436 человек; на 206 322 горожан — 29 и на 1 273 526 сельчан — 90 школ.⁵ В казахских аулах школы начали открываться с середины 80-х годов XIX в.

На территории Семиреченской области первые школы появились в 1868 г. В укреплениях Верном и Капале были созданы приходские школы. В остальных уездах области было 12 станичных и поселковых начальных школ. Во всех школах обучались 532 учащихся, из них 72 девочки. Ста-

ли открываться начальные сельские и городские школы, содержавшиеся за счет общественных средств. В конце 90-х годов XIX в. в шести уездах области (Верненском, Капальском, Лепсинском, Джаркентском, Пишпекском и Пржевальском) имелось 61 учебное заведение, из них в г. Верном — мужская и женская классические гимназии (в первой — 260, во второй — 229 учащихся), войсковая гимназия, трехклассное городское училище, казахский пансион с 40 воспитанниками, школа садоводства, 2 сельскохозяйственные школы, временные педагогические курсы при трехклассном училище, а в остальных уездных городах — 5 двухклассных мужских школ, 35 одноклассных приходских школ с 1833 учащимися (из них 6 женских, 5 совместного обучения). «Русско-туземных» школ в кишлаках было совсем немного. В 1897 г. из 89 110 детей школьного возраста 97% не обучались.⁶

Надо отметить тот факт, что в широких кругах царской администрации Казахстана господствовало представление о том, что просвещение казахского народа достаточно ограничить лишь начальным образованием, то есть знанием русской грамоты, в особенности разговорного языка и первых четырех действий арифметики. Такая реакционная политика русских властей приводила к тому, что в средних общеобразовательных учебных заведениях Казахстана обучался крайне ограниченный круг детей нерусских национальностей.

Распространение среднего (гимназического) образования в среде казахского населения как бы выпадало из общеобразовательного плана царского правительства. Доступ казахских детей в средние учебные заведения старательно блокировался колониальными властями. Боязнь появления национальной интеллигенции, роста национального самосознания и подъема национально-освободительного движения казахского народа против колониального режима толкала царское правительство к тому, чтобы оградить казахское население от средних общеобразовательных учебных заведений.

Утверждение колониальной администрации о политической вредности получения гимназического (среднего) образования коренного населения Казахстана — несомненный факт, который выразился в отсутствии в регионе национальных средних общеобразовательных учебных заведений европейского образца. Отсутствие национальных средних учебных заведений на территории Казахстана вынуждало казахов отдавать своих детей в русские средние учебные заведения.

Во второй половине XIX в. в волостях и аулах казахские дети учились обычно в школах-мектебах, реже — в медресе. Царское правительство принимало меры к тому, чтобы преградить путь к открытию мусульманских школ в Казахской степи. Оно направило местным колониальным органам и учебному начальству инструкции и правила по поводу строгого контроля над мусульманскими школами. Одно из ограничительных требований этих правил гласило: «Все лица, желающие заниматься обучением детей в мектебах и медресах области, должны иметь для сего разрешение от учебного начальства, в форме установленного для сего свидетельства». За свидетельство взималась пошлина в размере 50 коп. Уклонившиеся от получения свидетельства на право обучения и произвольно отдавшие своих детей в мектебы и медресе штрафовались в первый раз на 10, во второй на 30 руб., а в третий раз подвергались аресту сроком от 5 до 15 суток с последующим запрещением обучать своих детей в мусульманских школах.⁷

Несмотря на все ограничения, мусульманские школы открывались повсеместно, особенно в южных областях Казахстана, где сильно было влияние ислама.

В Акмолинской области в 1896 г. было 13 мектебов и медресе с 547 учащимися, в 1898 г. — 11 с 425 учащимися.

В Семипалатинской области в 1884 г. было 10 мектебов и медресе с 615 учащимися, в 1895 г. — 17 с 900 учащимися.

В Тургайской области в 1894 г. было 59 мектебов и медресе с 457 учащимися.

В Уральской области в 1896 г. было 206 мектебов и медресе с 4926 учащимися, в 1897 г. — 198 с 4113 учащимися.

В Сырдарьинской области (включая г. Ташкент, Ташкентский, Чимкентский, Аулиеатинский, Туркестанский, Перовский и Казалинский уезды, а также Амударьинский отдел) в 1892 г. было 1497 мектебов и 35 медресе с 27 082 учащимися, в 1895 г. — 2409 мектебов и 34 медресе с 28 898 учащимися.

В Семиреченской области в 1891 г. было 64 мектеба и медресе с 1251 учащимися, в 1897 г. — 88 с 12 835 учащимися.⁸

Помещениями под казахские мектебы служили летом кибитки (юрты), а зимой землянки. Кибитки обычно выделялись отдельными лицами в порядке пожертвования, а землянки делались на средства, выделенные всем аулом.

Что касается медресе, то они обычно находились в определенных пунктах, где имелись постоянные жители и мечети. Помещения под медресе обычно строились отдельными «благотворителями», а иногда «всеми прихожанами». По своему виду они не отличались от обычных казахских жилищ, строились из необожженного кирпича или дерна с плоскими крышами. Медресе в городских поселениях имели приличные помещения, построенные по типу городских школ. Такие медресе были, например, в Семипалатинске, Акмолинске, Петропавловске, Уральске, Кокчетаве. В южных городах они были похожи на среднеазиатские, а в северных и западных — на татарские. Все медресе существовали за счет добровольных пожертвований.

Учебным пособием в этот период служил «Шариат-ул-иман» или «Иман-шарт». Одновременно с чтением Корана изучались основные положения ислама и главные обрядовые правила по татарским и арабским книгам. Из них можно перечислить следующие: «Бадауам», «Ахир-заман», «Фазил-уш-шухур», «Истуани», «Крык-кадис», «Фихка-Кайдани», «Хафтияк», «Суфи-Аллаяр», «Чар-Китаб».⁹

В мектебах учились преимущественно мальчики от 8 до 17 лет. Что касается медресе, то в них обучались лица, получившие образование в мектебах и желавшие углубить свои знания. Поступившие в медресе назывались «талибулильм» (домогающиеся знаний) или «шакирдами» (учениками). Изучали они по общеизвестным в Средней Азии и у волжских татар учебникам и учебным пособиям арабскую филологию и мусульманское религиозное право, а также ряд других предметов, относящихся к религиозной философии.

Что же касается «учителей» медресе, то ими были в основном указанные муллы, утвержденные соответствующими правительственными органами по представлению прихожан. Эти муллы, выполняя обязанности служителей культа при мечетях, в то же время руководили делами медресе и занимались обучением шакирдов.

Причем указанные муллы были только в северных, северо-западных и отчасти северо-восточных областях Казахстана, но не было их в южных и юго-восточных областях. В этих областях муллами мечетей и учителями медресе были только частные лица, получившие образование в местных медресе или медресе Средней Азии. Все эти муллы в основном учились в Бухаре. Однако в Бухару ездили учиться не только из южных областей, но и из северных и северо-восточных областей.

Муллы западных и северных областей Казахстана в основном учились в татарских медресе. Их привлекали медресе деревни Стерлибашево (бывшего Стерлитамакского уезда Уфимской губернии), медресе деревни Каргалы (быв. Оренбургского уезда Уфимской губернии) и медресе в городе Троицке, так называемого «Зейнулла-иман медресеси».¹⁰

Начиная примерно с конца XIX века казахов стали привлекать «новометодные» татарские медресе, открывавшиеся в городах Урала и Поволжья.

С 70-х годов XIX в. в крае создаются учебные округа. В введении Оренбургского учебного округа находились Уральская и Тургайская области, Западно-Сибирского учебного округа – Акмолинская и Семипалатинская области, Туркестанского учебного округа – Сырдарьинская и Семиреченская области. Учреждались должности областных школьных инспекторов, подчиненных областному правлению и инспектору «инородческих» школ учебных округов.

2. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ Ч. ВАЛИХАНОВА, И. АЛТЫНСАРИНА, А. КУНАНБАЕВА СРЕДИ КАЗАХСКОГО НАРОДА

XIX век в культурной жизни Казахстана по праву называется просветительским. Под мощным влиянием мировой цивилизации пробудился глубокий интерес к приобретаемым Россией восточным землям. В Казахстан стали прибывать ученые, географы и путешественники, востоковеды; по материалам Казахстана работали историки. Своими исследованиями огромный вклад в изучение края внесли П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. А. Северцев, И. В. Мушкетев, В. В. Радлов и другие. Большое влияние на развитие образования и культуры оказала передовая русская интеллигенция. В Казахстане в 1847–1857 гг. отбывал ссылку украинский поэт Т. Г. Шевченко. Казахстан стал объектом изучения отделений Императорского Русского географического общества, здесь работали культурно-просветительские учреждения и статистические комитеты; открывались краеведческие музеи, изучались древние памятники, устное народное творчество и

Т. Г. Шевченко с казахским мальчиком
(худ. В. И. Касьянов, 1960 г.).

юридические законы, в том числе обычное право казахов; открывались русско-казахские школы и библиотеки. Казахи стремились дать образование своим детям и, конечно, в первую очередь об этом заботились зажиточные слои населения, изыскивая возможность для отправки детей в два кадетских корпуса: в Омск и Оренбург. На фоне всеобщего подъема и интереса к знаниям сформировалась когорта казахских просветителей во главе с Чоканом Валихановым, Абаем Кунанбаевым, Ибраем Алтынсариным.

Чокан Валиханов (1835—1865). Выдающийся просветитель, ученый и исследователь Ч. Ч. Валиханов родился в урочище Кушмурун (Средний жуз). До 12 лет Чокан учился в частной школе и был знаком с мусульманским религиозным учением. Здесь он научился читать и понимать восточную поэзию, любовь к которой сохранил на всю жизнь. Чокан «был человек с поэтической душой и восточным воображением, — вспоминал позднее Н. М. Ядринцев. — Он любил арабские стихи и вместе с учителем своим Костылецким приходил в восторг от них». Наряду с этими занятиями Чокан любил рисовать и это во многом помогало ему в дальнейшей научной работе.

Осенью 1847 года Чокана отдают в Омский кадетский корпус. Это учебное заведение являлось одним из лучших в Сибири, укомплектованное высококвалифицированными учителями. В кадетском корпусе учащиеся получали знания, кроме военных, по многим общеобразовательным дисциплинам: географии, истории (России и всеобщей), русской и западной литературе, основам философии, зоологии и ботанике, математике, геодезии, строительному искусству и основам архитектуры. Обучение было восьмилетнее. С периода совместного обучения в кадетском корпусе на всю жизнь подружились Чокан Валиханов и Г. Н. Потанин, впоследствии известный ученый, географ и исследователь Азии. В своих воспоминаниях Г. Н. Потанин писал, что Чокан «попал в совершенно плебейскую среду... жизнь в плебейской среде, вероятно, не оставалась без влияния на образование демократических идей Чокана».

Окружающая среда, демократическое влияние и выдающиеся способности Чокана послужили стимулом для всестороннего и быстрого его развития. Он прекрасно овладел русским языком, а уже к 14—15 годам кадетское начальство начало на него смотреть как на будущего исследователя-востоковеда. Чокан прекрасно знал не только материал программы корпуса, постоянно выискивал и зачитывался дополнительной историко-географической литературой, собрал личную библиотеку из книг по востоковедению.

Круг знакомых Чокана в период его пребывания в Омске состоял из высококультурных людей. Хорошо знавший Чокана по выходу из кадетского корпуса, выпускник Казанского университета С. Я. Капустин писал о нем: «Чокан, на мой взгляд, был привлекателен, скажу даже

Ч.Ч. Валиханов
(с портрета А.М. Мартовой).

красив... всякие черты его лица говорили в его пользу, свидетельствовали о доброте, мягкости. Все в нем было крайне симпатично, тянуло к нему... В Чокане я встретил и нашел всесторонне образованного человека. В особенности он обладал большими историческими знаниями (подчеркнуто нами. — *Ред.*) и вообще отличался начитанностью, как в области научной, так и литературной... Приятнейшим собеседником Валиханова делал дар слова, умение метко и образно выражаться». Неизгладимое впечатление произвела на Чокана встреча с выдающимся русским писателем Ф. М. Достоевским и его другом, борцом против царского самодержавия С. Ф. Дуровым; оба они, отбыв сроки каторжных работ и тюрьмы, находились под строгим надзором полиции.

О дружеских отношениях, сохранившихся на всю жизнь у Достоевского к Чокану Валиханову свидетельствует ряд писем, написанных в разное время. Во всех письмах Ф. М. Достоевский, как старший брат и друг, давал полезные советы Чокану, призывал его служить родному народу.

В 1853 году Чокан после окончания кадетского корпуса направляется на службу в Сибирское казачье войско. Вскоре его способности обратили на себя внимание генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта и в 1854 году Чокан был назначен к нему адъютантом. Новая должность непосредственно столкнула его с чиновничьим аппаратом Сибири, среди которого были разные люди из столицы, Центральной России и всех ее окраин — Финляндии, царства Польского, Крыма, Кавказа, приехавшие сюда в поисках карьеры, поправления финансов, или замешанные в какой-либо истории. Демократические взгляды будущего просветителя постепенно отталкивали от него подобных ставленников царизма и на протяжении всей жизни он постоянно ощущал с их стороны недружелюбие и интриги. Беззаконие властей вызвало справедливый гнев в Чокане Валиханове, которому были близки чаяния угнетенного народа, а его письма к друзьям — Ф. М. Достоевскому, А. Г. Майкову, В. С. Курочкину, К. К. Гутковскому свидетельствуют о постоянной непримиримости к ним.

В следующем, 1855, году Чокан Валиханов сопровождает Гасфорта в поездке от Омска до Заилийского Алатау. Эта поездка послужила началом познания жизни простого народа, дала возможность сбора и записи большого количества исторических преданий, легенд и песен. Эрудиция и способности, проявившиеся в деле, послужили начальству основанием выдвижения кандидатуры Валиханова по возвращению к награде. Генерал-губернатор Гасфорт писал: «...корнет султан Валиханов, хотя и состоит на службе не более 2-х лет, но при совершенстве знаний оной, киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев, сопровождая меня в степь, принес большую пользу... я нахожу необходимым поощрение Валиханова всемилостивейшей наградой, тем более он пользуется особым между киргизами уважением».

Весной 1856 года в жизни будущего исследователя Востока произошло знаменательное событие, во многом определившее дальнейшую судьбу — знакомство с выдающимся ученым, известным географом П. П. Семеновым. Чокан долго пребывал под впечатлением от беседы с П. П. Семеновым, сумевшим оценить его научные интересы и направившим их на изучение наиболее актуальных проблем востоковедения. В этом же году Чокан Валиханов участвовал в 2 экспедициях: одна от Ала-Куля по Центральному Тянь-Шаню и на озеро Иссык-Куль; другая — в Кульджу с дипломатическим поручением. Зимой 1856—57 годов он зани-

мался обработкой собранного в экспедициях этнографического материала, а также посещал Омский архив (где в это время работал Г. Н. Потанин) с целью отыскать интересные ранее неизвестные материалы из древней истории казахов.

В 1857 году Валиханов вновь совершает поездку к алатауским кыргызам, где, находясь среди кочевий, мог лучше узнать их жизнь и обычаи, глубже изучить историю, этнографию и устное народное творчество. С большим интересом в этот раз он записывал энциклопедическую поэму кыргызского народа «Манас». Особое внимание Валиханов обращал на памятники материальной культуры народов Востока. Остатки древних оросительных систем, памятники архитектуры, развалины древних городов, обнаруженные им во время экспедиции на Иссык-Куль, дали возможность представить жизнь далеких предков кыргызов. На основании изучения этих источников он пришел к выводу о существовании в прежние века на территории оседлости и наличии ряда городов.

Изучение истории соседних народов помогло Валиханову приоткрыть завесу неизвестности над древней и средневековой историей его родного казахского народа. Глубоко проанализировав и сопоставив весь собранный во время первых экспедиций материал, он пришел к выводу, что «в середине века оседлость здесь (в Кыргызстане и на юге Казахстана — *Ред.*) сильно распространялась, особенно в Илийской долине», что «города Алмалык (ныне туркестанское селение), Хонакай и Кайнак (существующие и теперь) и Алматы (где ныне укрепление Верное) были известны по всей торговле и служили станциями на большой дороге, по которой ходили генуэзские купцы в Китай и кипчакские послы к великому хану». Во время экспедиции на Иссык-Куль Чокан Валиханов, наряду с научными данными, собрал большую коллекцию древностей. Результатом вышеуказанных поездок явились законченные историко-этнографические произведения: «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Западная провинция Китайской империи и г. Кульджа», «Записки о киргизах». Научная деятельность Валиханова привлекла внимание Русского географического общества, которое в феврале 1857 года избирает его в действительные члены.

Новым этапом научной деятельности Чокана Валиханова явилась конфиденциальная поездка в Кашгарию в 1858 году, когда впервые после Марко Поло и иезуита Гюэса (1603) удалось побывать в этой малоизвестной стране и написать знаменитый труд «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухары) (1858—1859)». Труд был высоко оценен востоковедами как в России, так и за ее пределами и вскоре переведен и издан на английском языке.

Тяжелые условия путешествия, нервное напряжение и лишения, встретившиеся в пути, вредно сказались на здоровье молодого ученого и поэтому, после возвращения домой, Чокан Валиханов заболевает. Только в 1860 году по вызову Военного министерства исследователь Кашгарии смог поехать в Петербург, где был встречен как отважный путешественник и знаток жизни народов Средней Азии и Казахстана, награжден орденом и повышен в чине.

Недолгое пребывание в Петербурге (он пробыл там год) идейно обогатило Валиханова и укрепило его демократические взгляды. Он окупился в гущу общественной жизни и развернул широкую научную

деятельность, работал в нескольких учреждениях — Военно-учетном комитете Генерального штаба, Азиатском департаменте и Русском географическом обществе. Составление карт Средней Азии и Восточного Туркестана, подготовка к изданию трудов Риттера, сотрудничество в издании энциклопедии (где впервые была напечатана его известная статья «Аблай»), изучение восточных рукописей, чтение лекций по истории Востока в Русском географическом обществе — все это занимало много времени. Известный общественный деятель Н. М. Ядринцев вспоминал: «В Петербурге я встречал Чокана Валиханова офицером, как раз в пору его славы... Я его заставлял за разными восточными манускриптами и картами». Большое влияние на Чокана в период пребывания в Петербурге оказали его друзья и знакомые, представители научного мира: проф. А. Н. Бекетов, редактор «Записок Русского географического общества», востоковед, дипломат и публицист Е. П. Ковалевский, известные ученые-ориенталисты В. В. Григорьев, В. П. Васильев и В. В. Веляминов-Зернов. Постоянную поддержку и дружеское расположение оказывал Валиханову вице-президент Русского географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шаньский. В Петербурге Валиханов вновь встретился со своим другом Ф. М. Достоевским, подружился с его семьей и близкими. Круг его знакомых среди известных писателей, критиков и поэтов расширился. Среди петербургских друзей Валиханова мы видим поэтов А. Н. Майкова и Я. П. Полонского, братьев В. С. и Н. С. Курочкиных, состоявших членами общества «Земля и воля». Разночинная литературная среда обогащала кругозор выдающегося казахского ученого и просветителя, помогала ему лучше разобраться в событиях общественной жизни России в период революционной ситуации. Чтение Валихановым литературно-художественных и общественно-политических журналов «Современник», «Русское слово», «Эпоха», «Отечественные записки», «Время» и др., игравших большую роль в развитии общественного интереса к истории, в формировании исторических взглядов интеллигенции, помогло ему в утверждении демократических позиций. Однако, более длительному пребыванию в столице помешала болезнь. Влажный петербургский климат пагубно отразился на здоровье Чокана Валиханова, усугубил болезнь его легких. Особенно тяжело стало весной 1861 года, когда он вынужден был покинуть берега Невы и вернуться в Степь для лечения. К приезду Валиханова родные перекочевали на жайлау, где он провел лето. Здесь, в непосредственной близости к народу, он мог теснее общаться с ним, слушать и записывать предания и сказания, наслаждаться музыкой и в то же время наблюдать тяжелую картину отсталости и страдания народных масс от собственных богачей и колониальных властей. С подобными явлениями просветитель не хотел мириться, отсюда и попытка, правда неудачная, быть избранным султаном-правителем, чтобы хоть как-то восстановить справедливость и облегчить жизнь народа.

Переехав в Омск, Валиханов принял непосредственное участие в мероприятиях по реорганизации местного управления и внес ряд практических предложений и рекомендаций. Основные мысли, изложенные им в ряде «Записок», поданных на имя властей, содержат: «О мусульманстве в степи», «О кочевых киргизах», «Записка о судебной реформе». Весной 1864 года Валиханов участвует в экспедиции Черняева, целью которой было присоединение к России территории Южного Казахстана. При Валиханове произошло взятие русскими нескольких кокандских укрепле-

ний, выстроенных ими в Казахской степи, в также и Аулие-Аты. В чине штабс-ротмистра он служил переводчиком при главном командовании, исполняя служебные обязанности, способствовал установлению дружественных взаимоотношений русских властей с местным населением, а также справедливому решению споров из-за пастбищ между казахами и кыргызами. Но деятельность Валиханова на этом поприще не была долгой, и летом 1864 года он вынужден был покинуть отряд, возвратиться в Верный, а затем уехать в аул Тезека — старшего султана казахов рода албан. Вероятно, уже в этот период Валиханов чувствовал себя очень плохо и не мог перенести тяготы походной жизни. В письме к своему отцу из аула Тезека он писал: «Устал, нет никакой силы, весь высох, остались одни кости, скоро не увижу света. Мне больше не суждено повидаться с моими дорогими родными и друзьями, нет для этого никаких средств. Это будет мое последнее письмо. Прощайте, обнимаю всех».

Скончался он в апреле 1865 года в ауле Тезека, в урочище Кочентоган, у подножья Алтынэмельского хребта (Старший жуз).

Оценивая деятельность Чокана Валиханова от имени Русского географического общества и от ученых России, известный ученый-востоковед Н. И. Веселовский писал: «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных открытий о судьбе тюркских народов; но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд. Он умер от чахотки, не достигнув и 30-летнего возраста».

Научное наследие Ч. Валиханова охватывает весьма широкий круг проблем Казахстана и других народов многонациональной России, и в рассмотрении каждой из них он сумел показать свое оригинальное мышление. Это относится к таким непреходящим историческим представлениям, как образование казахского народа, социальная и политическая история Казахстана XVII—первой половины XIX вв., принятие казахами подданства России, история духовной и материальной культуры народов Средней Азии и Восточного Туркестана. Он внес конкретный вклад в изучение географии, этнографии и фольклора народов всего Среднеазиатского и прилегающих к нему регионов.

Творческое наследие Ч. Валиханова постоянно привлекает внимание самого широкого круга современных исследователей, поэтому естественно, что историография работ о его жизни и творчестве весьма обширна.

Ибрагим (Ибрай) Алтынсарин (1841—1889). Выдающийся казахский просветитель Ибрай Алтынсарин широко известен в истории общественной мысли культуры и литературы казахского народа как выдающийся педагог-новатор и организатор новых школ, этнограф, фольклорист, поэт, прозаик и пе-

Ибрагим (Ибрай) Алтынсарин.

реводчик произведений русских классиков, в частности, басен Крылова.

Родился он в Кустанайской области. Рано потеряв отца, воспитывался у деда — бия Балгожы Жанбурчина, войскового старшины Оренбургской пограничной комиссии. В 1851 г. Ибрагим был отдан в школу, открывшуюся для казахских детей при Пограничной комиссии. В учебную программу школы были включены русский язык, чтение, арифметика, татарский язык, мусульманское вероучение и составление деловых бумаг на русском языке. Царское правительство ставило перед школой задачу подготовки кадров местной администрации. Ученики должны были воспитываться в духе проводников политики царизма в Казахстане. Алтынсарин самостоятельно

А.С. Пушкин.

изучал произведения классиков мировой литературы — Шекспира, Гёте, Байрона, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Фирдоуси, Низами, Навои и др. Он общался с известным впоследствии востоковедом В. Григорьевым, служившим в Пограничной комиссии. Алтынсарин часто посещал дом В. Григорьева, пользовался его библиотекой.

После окончания школы Алтынсарин около 3 лет (1857—1860) работал писарем у своего деда, а затем в Оренбургском правлении в качестве переводчика. В 1860 г. областное правление поручило ему открыть начальную школу для казахских детей в Оренбургском укреплении (Тургай) и назначило учителем русского языка. Воодушевленный просветительскими идеями, он развезжал по аулам, разъясняя населению значение светского образования, агитировал за выделение средств. Собрав у казахского населения средства, он приступил к строительству школьного помещения. 8 января 1864 года состоялось торжественное открытие школы. На учебу записалось 16 мальчиков. При школе был создан интернат.

В 1869 году Алтынсарин поступил на службу в Тургайское уездное управление в качестве делопроизводителя, затем исполнял обязанности старшего помощника уездного начальника и временно исполнял обязанности уездного судьи. По долгу службы он побывал в аулах, участвовал в выборах волостного управителя и аульных старшин.

При выборах он пытался практически повлиять на успех справедливого решения, не давая ходу подкупам, взяточничеству и злоупотреблениям. Недовольные баи подавали на него жалобы в областное правление, военному губернатору и далее министру внутренних дел, обвиняя его в нарушении правил выборов, предусмотренных «Временным Положением» 1868 г. Они добивались отстранения Алтынсарина от службы в уездном управлении. Например, в 1883 гг. при выборах управителя Араказагайской волости Николаевского уезда Алтынсарин добился избрания третьего лица вместо выдвигавшихся 2 баев. В одной из жалоб на Алтынсарина его называют «социалистом», и по этому делу было проведено расследование.

Алтынсарин выступал в интересах народа. В письме от 14 апреля 1864 г. он, например, писал: «По долгу службы я имею частые столкновения с киргизами, из числа коих есть здесь и родные мои. Знаю о них очень много и очень многих от души ненавижу. В тайной немилости моей находятся должностные лица в Орде. Они бесчеловечно, бессовестно грабят и обируют киргиз — бедных, беззащитных...». Алтынсарин зачастую выступал против политики царизма. Об этом свидетельствует его статья в 1880 году на страницах газеты «Оренбургский листок».

В 1879 г. Алтынсарин получил назначение на должность инспектора школ Тургайской области. Административным центром области был город Оренбург. Тургайская область в то время охватывала всю территорию нынешней Костанайской, большую часть Актюбинской и часть Оренбургской областей.

По инициативе Алтынсарина и непосредственном его участии была создана в Казахстане сеть народных светских школ. Алтынсарин последние годы жил в уездном городе Николаевске (Кустанай). На берегу небольшого озера Алтынсарин на свои личные средства построил одноэтажный деревянный дом с усадьбой, где скромно прожил до дня своей смерти в 1889 году.

Работа Алтынсарина в школе была оценена. Начальник Оренбургского укрепления, переименованного впоследствии в г. Тургай, 22 января 1864 г. сообщал оренбургскому и самарскому генерал-губернатору, что «открытие школы ордынцами встречено с непритворной радостью и благодарностью». Об учителе этой школы И. Алтынсарине: «Училище по заботливости и примерному усердию смотрителя зауряд-хорунжего Алтынсарина содержится весьма хорошо и чисто... Быстрые успехи киргизских воспитанников, в самое короткое время, подают верную надежду, что столь благодатное Тургайское заведение в короткое время принесет желаемые плоды и оправдает себя». Сам Алтынсарин писал 16 марта 1864 года: «Как голодный волк за барана, взялся я горячо за учение детей; и, к крайнему моему удовольствию, мальчики эти в течение каких-нибудь трех месяцев выучились читать и даже писать по-русски и по-татарски... Словом, надеюсь, что эти молодцы в течение 4-х лет, по окончании курса, будут говорить порядочно и узнают кое-что. Стараюсь всеми силами, чтобы подействовать еще на их нравственность, чтобы они впоследствии не были взяточниками».

Вступив в должность инспектора школ Тургайской области, Алтынсарин открыл по одному двухклассному русско-киргизскому училищу в Иргизском, Николаевском, Тургайском и Илецком уездах и укомплектовал эти училища учениками и учителями. Алтынсарин особое значение придавал оборудованию этих училищ. Много внимания он уделял созданию библиотек при каждой школе. «При училищах Тургайской области, — писал он, — я намеревался учредить библиотеки учительские и ученические, на что я и собрал уже 600 руб. Цель этих библиотек заключается не только в том, чтобы книгами из них пользовались одни учащиеся и учителя; но чтобы и окончившие курс (ученики), грамотные вообще люди, имели в степи места, откуда есть возможность брать полезные книги и руководства к дальнейшему их самообразованию». Алтынсарин потратил много сил и энергии на открытие ремесленных и сельскохозяйственных училищ,

придавал исключительное значение подготовке из среды коренного населения специалистов, необходимых для экономического развития Казахстана.

Много труда вложил Алтынсарин в начало организации женского образования в Казахстане, при его поддержке открылась такая школа в Иргизе. Позднее женские училища с интернатом открылись в Тургае в 1891 году, в Кустанае — в 1893 г., в Актюбинске (Актобе) — в 1896 г. В целом, Алтынсарину удалось открыть четыре двухклассные центральные русско-киргизские училища, одно ремесленное училище, одно женское училище, пять волостных училищ, два училища для русских детей. В качестве учебно-вспомогательных пособий Алтынсарин рекомендовал учителям русско-казахских школ труды и учебники русских педагогов и писателей: «Детский мир» Ушинского, «Азбука и книга для чтения в школе и дома» Бунакова, «Басни» Крылова, «Грамматика» Кирпичникова, «Элементарный курс грамматики. Правописание» Тихомирова, «Арифметика» Евтушевского, «Краткая русская история» Острогорского. Он сам написал для учащихся русско-казахских школ два учебных пособия, которые начал незадолго до назначения на должность инспектора школ Тургайской области и закончил в 1869 г.: «Киргизская хрестоматия» и «Начальное руководство в обучении киргизов русскому языку». В своих переводах из русских классиков и в оригинальных произведениях на казахском языке пропагандировал идеалы демократического просветительства. Он плодотворно трудился для развития национальной литературы и культуры, в области формирования казахского литературного языка. Об этом свидетельствует «Киргизская хрестоматия», составленная им на русском алфавите. Будучи человеком и деятелем определенной эпохи, Алтынсарин не мог избежать некоторых противоречий в своем мировоззрении. Как и все просветители, он зачастую переоценивал социально преобразующую роль просвещения.

Алтынсарин был разносторонне образованным человеком. Его научный интерес включал и занятие этнографией. В марте 1868 г. Алтынсарин выступал на заседании Оренбургского отдела ИРГО с чтением своего «Очерка обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства». Статья получила всеобщее одобрение и вскоре была опубликована. Она интересна не только точно зафиксированными бытовыми подробностями, богатым этнографическим материалом, но и злободневным осуждением некоторых архаичных устаревших казахских свадебных обычаев, распространенных в то время.

Абай Кунанбаев (1845—1904). Абай Кунанбаев родился в Чингисских горах Семипалатинской области. Отец Абая, Кунанбай, был старшиной тобыктинского рода. Получив первоначальное образование дома, у муллы, Абай был направлен в медресе семипалатинского имама Ахмет-Рызы. Однако, не дав Абаю закончить учение в городе, отец вернул его в аул и начал постепенно готовить к судебной службе и будущей административной деятельности главы рода. Абай постигает приемы ведения словесных состязаний, где оружием служило отточенное красноречие, остроумие и находчивость. Судебное разбирательство велось на основе веками существовавшего обычного права казахов. Втянутый в дела родовых распри, Абай не мог примириться с несправедливостью и жестокостью и часто

Абай Кунанбаев.

шел вразрез с интересами и стремлениями Кунанбая, вынося справедливые и беспристрастные решения по многим делам. Кунанбаю были часто не по душе новые повадки сына. Между отцом и сыном нарастает неприязнь и происходит разрыв. В течение десяти-двадцати лет Абай, уже зрелый и культурный человек, изучает народное поэтическое творчество, восточных поэтов и русскую классическую литературу. В 1886 году, когда ему минуло 40 лет, Абай написал прекрасное стихотворение «Лето», все остальные двадцать лет его жизни прошли в содержательной творческой, поэтической деятельности.

Абай написал стихотворения, назидания в прозе, поэмы: «Искандер», «Масгуд», «Сказание об Азиме».

Абай был носителем всего нового, стоял на голову выше той среды, которая его породила. По его мнению, каждый мыслящий человек должен был выработать свое сознательное отношение к окружающей действительности: «Не нужно забывать, — писал он, — что кроме двух видов веры — сознательной и несознательной, — никакой третьей веры нет». Просветитель хотел видеть человеческое общество благим и разумным, прогрессивно развивающимся. Каждый человек, отдельно взятый, должен вносить в это свою посильную лепту. Поэтому он призывал всех людей, желающих быть в ряду разумных, «раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц давать себе отчет, как ты за это время вел себя в жизни, совершил ли ты поступки, соответствующие благу и разуму». Стремление к прогрессивному развитию общества, где человека возвышают «разум, наука, воля», является одним из главных направлений всего творчества Абая.

Он признавал движение и развитие всего окружающего, в том числе и человеческого общества. «Мир не стоит на месте, — утверждал он, — поэтому жизнь и сила человека также не остаются в неизменном состоянии». Человек, полный сил, вооруженный знаниями, должен стремиться использовать их для блага всего общества, принести всем пользу. Пути служения человеческому обществу каждым человеком в отдельности Абай Кунанбаев видел прежде всего в труде. Труд — это не тяжелая повинность, а средство достижения и расцвета материальных и духовных благ общества. «Труд развивает чувство познания, — писал он. — Труд закрепляет в сознании услышанное. Человек приводит познания в порядок, отбирает нужное от ненужного и становится умным». Он ценил всякий труд и ставил его в один ряд с такими добродетелями человеческого общества, как разум и доброта, упорство и скромность. Просветитель стремился привить любовь и уважение к труду, в первую очередь, молодому поколению, и очень сокрушался, видя, как часть молодежи проводила время в праздности и безделье. Расценивая труд как единственный путь к богатству и изобилию общества, Абай считает, что «трудности побеждать учит нас жизнь сама».

В результате колониальной политики царизма и усиления гнета во 2-й половине XIX века шло очень быстрое ухудшение положения народных масс и разорение казахского крестьянства. Все больше казахов лишалось скота и пополняло толпы людей без определенных занятий. Заботясь об этой части казахской бедноты, Абай указывал им путь к существованию, призывая не чуждаться наемного труда, как наиболее прогрессивной формы труда вообще.

Все творчество Абая пронизано идеями непримиримости к безделью и ложному стыду. Человеческий характер, по его мнению, закаляется лишь в борьбе с трудностями, в преодолении этих трудностей.

Абай глубоко верил в творческие силы народа и понимал, что при современных ему условиях общественной жизни народные массы не имеют возможности полностью пользоваться плодами своего труда. У баев, биев, старшин и правителей всех рангов одно лицо по отношению к простому народу.

Абай не скрывает причины своей неприязни и ненависти к тем, кто не был с народом. Баев он ненавидит за то, что они вымогают взятки, чинят раздоры и «бай торопится сам обмануть закон». Барское отношение баев к простолюдинам возмущало Абая, но это качество с детства прививалось баям, удел бедняка был плачевен, ему не на кого было опереться, потому что

Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?
А если даст кусок — гляди, длинна у бая пасть.

Эти обличительные, полные справедливого гнева строки были написаны просветителем-демократом в период, когда царизм проводил свою колониальную политику. Абай вскрывал antagonистические противоречия между большинством трудящихся в лице крестьян и господствующим меньшинством — владельцами богатства и власти.

Демократические позиции Абая определяют и его отношение к деятельности старшин и биев. Хотя права биев и урезывались царскими властями, но в их руках еще сосредотачивалась значительная судебная власть, и казахское крестьянство, в большинстве, имело дело с ними. Решения тогдашних биев по многим вопросам полностью соответствовали интересам царских колонизаторов. Абай писал:

Перед начальством русским бий
Юлит и гнется, как лоза...

В своем подавляющем большинстве бии во времена Абая не могли себя вести иначе, потому что зачастую приобретали свое место благодаря взятке и подкупам. «А биям и старшинам, купившим свои места, нет основания требовать к себе уважения», — уточняет Абай. Пользуясь темной толпой населения, его заботностью и невежеством, бии всячески стремились извлечь выгоду. Они, говоря словами Абая, в основном «дурачили» народные массы. Чаяния народа были близки и понятны Абаю. В окружающих его людях, в своих близких и учениках он больше всего ценил бескорыстную преданность родному народу и защиту его интересов. Скорбя о рано ушедшем из жизни любимом сыне Абдрахмане, Абай, перечисляя досто-

инства его (смелость, искренность, благородство и жажду знаний), отмечает, что он «был защитником бедняков, был за честь и правду борцом».

Противоречия современного Абаю общества выразились в отношении его к духовенству. Будучи глубоко верующим, считая, что «богу присущи справедливость и любовь». Абай в то же время видел, что служители этой веры в Казахстане — назначенные муллы были людьми, далекими от справедливости и чести. Большинство из них, как и бии, покупали свою должность и рассматривали ее как источник наживы. «Вот мурз, дающих взятки и покупающих свое звание за взятки, очень много», — сокрушался он. Отношение к ярым поборникам мусульманской религии у Абая явно пренебрежительное. Видя, что среди них многие не знают даже намаза, не говоря о других тонкостях религии, Абай писал: «Я думаю, что нельзя назвать казахов истинными мусульманами». Его отношение к мусульманскому духовенству созвучно с высказываниями Чокана Валиханова, который называл ярых поборников религии «вредными шарлатанами». Видя тяжелую жизнь народных масс, Абай не ограничивался обличением несправедливости, а требовал активных действий, направленных на исправление этой несправедливости. Обращаясь к обществу, он вопрошал: «Почему злодеи сильны? Почему бедняки недовольны?».

Пути улучшения жизни трудящихся масс Абай видел прежде всего в изменении экономической основы общества. Прогрессивное развитие казахов Абай неразрывно связывал с развитием земледелия, ремесла и торговли. Эти три отрасли развития экономики являются предметом постоянного внимания казахского просветителя, на них, по его мнению, и должны ориентироваться народные массы.

Хотя большинство населения в Казахстане продолжало заниматься скотоводством, Абай связывал дальнейшее экономическое развитие с расширением и улучшением земледелия. Именно земледелие могло обеспечить надежную основу благополучия казахского шаруа и сторицей возратить затраченный труд. Абай правильно считал, что земледелие было меньше подвержено случайностям, зависящим от климатических условий Казахской степи. Он писал:

Тяжел труд земледельческий — вспашка, посев,
Но земля все же сторицей воздаст под конец

Определяя значение и место ремесла в экономическом развитии общества, Абай прямо заявляет: «Необходимо учиться ремеслу», потому что «ремесло всегда остается в руках, и ремесленник, продающий без обмана то, что он сделал своими руками, — лучший из казахов». В то же время он не мог не видеть, сколько препятствий стояло на пути честных ремесленников при сбыте изготовленных ими товаров. Большим злом являлись алыпсары, эти скупщики и перекупщики, имеющие возможность разъезжать по Степи и подешевле скупать у непосредственных производителей продукты их труда. Алыпсары являлись порождением XIX века и распространились в Казахстане с развитием товарно-денежных отношений.

Неотъемлемой частью процветания экономики Казахстана, по мнению Абая, является дальнейшее расширение торговли. Он с глубоким уважением говорил об узбекских торговцах, которые бывали и торговали

во многих странах. Много товаров покупали у них и казахи, в обмен, главным образом, на скот. Абай рассматривал торговлю как средство общения между народами, стимул развития производственных сил общества, поэтому был активным пропагандистом дальнейшего ее расцвета в Казахстане.

Усиление колониального гнета и все еще крепкие устои патриархальных отношений в Казахстане отразились во взглядах Абая на вопросы управления. Он нигде не говорит о народных восстаниях. Но с демократических позиций защищая интересы народных масс, Абай постоянно искал пути прогрессивного развития общества. Абай считал, что на должность правителей должны избираться люди честные, заинтересованные в деятельности на благо народа. Эти люди не должны нарушать законы, не должны злоупотреблять своим служебным положением. Особенно много бедствий терпели народные массы от волостных управителей. Обычно на эту должность избирались представители байства, затратившие значительные средства на подкуп, подарки и обман. Стремясь восполнить свои затраты, они забывали данные народу обещания. По мнению Абая, выборные должностные получали обычно люди совершенно недостойные. Народ обманывали обещаниями, почти всегда невыполнимыми. В свою очередь, и трудящиеся массы утрачивали веру в возможность изменить что-либо руками правителей.

Найти пути разрешения противоречий между правителями и интересами большинства народных масс Абай не сумел. Отсюда Абай не мог до конца выяснить, какова же взаимозависимость общества, закона и личности. Исследуя отношение Абая к закону, мы приходим к убеждению, что он верил в его справедливость. Нарушение закона влекло несправедливость. Он, главным образом, обрушивается на тех, кто нарушал закон, а до рассмотрения вопроса, кто, в чьих интересах издавал законы, Абай не дошел.

Абай ненавидел и разоблачал правителей-взяточников, корыстолюбивых судей, невежественных мулл, считал их злом на пути ко всенародному благоденствию. Основную силу, способную преодолеть это зло, как многие, он видел в науке и просвещении. Раскрывая значение науки и просвещения для общества, он был убежден в их несовместимости со «злом, ложью, хвастовством, бездельем и мотовством». Эти черты казахского общества были ненавистны выдающемуся мыслителю, борьбу с ними он воспринимал как свой первостепенный долг. Расцвета науки, он считал, можно достичь, только постоянно трудясь и приобретая знания. Труд, затраченный на приобретение знаний, всегда благодарен и плодотворен. Настойчивое стремление Абая привить молодежи любовь к учению и знаниям выражалось в постоянном обнажении пороков казахского общества, связанных, в первую очередь, с невежеством и темнотой. Изучив все стороны жизни современного ему общества, Абай пришел к выводу, что победить эти пороки можно только всем сообща. И хоть каждый человек — сам хозяин своей судьбы, но есть судьба всего народа в целом. Жить вне общества или быть лучше его невозможно. У Абая была четко выработанная точка зрения на взаимоотношения с другими народами, населяющими Россию. Основным принципом, которым он руководствовался при этом, был принцип уважения, дружбы и равноправия. «Человеку человечество друг», — заявил гуманист. Его возмущало стремление казахской знати привить народу презрительное и насмешливое отношение к другим народам. Видя,

что казахам, собственно, нет причин кичиться перед другими народами, он постоянно отмечал у других народов качества, характеризующие их с выгодной стороны. Уважая другие народы, Абай стремился к общению казахов с ними и подчеркивал:

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи.

Признавая необходимость мира и взаимопонимания для всех народов, Абай считал, что только при этих условиях могут в полную меру развиваться основные движущие силы общества — наука, передовые идеи, культура и настанет всенародное благоденствие.

Не надо войн, и благо благ —
Да будет мир в стране родной!

— писал он. Признание народа основным творцом истории и вера в творческие силы народных масс являются одной из основных и характерных особенностей казахских просветителей.

Мечтая о всенародном благоденствии, Абай оставался на уровне просветителей, когда вставал вопрос о путях изменения общества, считал, что реформы, в первую очередь, просвещение и наука, способны изменить настоящий строй.

3. КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В XIX ВЕКЕ. АКЫНЫ И КОМПОЗИТОРЫ

С конца XVIII века прежняя традиция певцов-сказителей в казахской литературе постепенно начала вытесняться, уступая место индивидуальному поэтическому творчеству. Если раньше в поэзии певцов-сказителей преобладал своеобразно сложившийся прием — с большим патриотическим пафосом воспевать судьбу страны, героические поступки батыров, борющихся за независимость и счастье родного народа, то теперь в новом рождающемся поэтическом творчестве наблюдалось значительное углубленное вникание в различные сферы повседневной жизни, во внутренний мир человеческой личности, в дела и поступки людей, в их деятельность и роль в обществе.

Это означало начало новой эпохи в развитии казахской литературы. Именно с этого периода берет начало поворот к описанию личности героев, их характера, поведения, чувства, внутреннего душевного состояния. Тем самым акыны получили возможность постигать и познавать конкретную правду жизни, свободно выражать свои собственные взгляды. В связи с этим заметно расширилась тематика поэзии, развивалось индивидуальное творчество акынов, каждый из которых старался искать свой собственный путь художественного мастерства осмысления жизни, и этот путь постепенно уводил их от традиционного устного народного творчества и приводил в мир новой профессиональной поэзии.

В нашей литературе XIX века широко известны имена ряда казахских акынов, таких как Котеш, Шал-акын и другие, жизнь и творчество кото-

рых совпадают с периодом возникновения индивидуального поэтического творчества.

Всю жизнь испытывал лишения выходец из бедняцкой среды акын **Котеш (1750–1823)**. Он родился в нынешней Павлодарской области. Судя по записям Машхура Жусупа Копеева, Котеш еще в молодости был известен своим смелым обращением в стихах к Абылай-хану — «Абылай, это ты убийца Бота хана», — где он смело потребовал плату за убийство своего сородича. Говорят, что Абылай, признав свою вину, в действительности согласился с предъявленным иском акына и рассчитался с ним, выплатив кун. В таких импровизированных коротких стихотворениях Котеша, посвященных отдельным личностям, всегда звучали смелость и разоблачительный настрой. В памяти народа сохранен рассказ о гибели Котеша во время одной из очередных драк из-за его очень метких и острых слов в адрес своих соперников. Обычно его стихотворениям, сочиненным экспромтом, характерны правдивость, находчивость и острота.

Поэт **Тлеке Кулекеулы (1748–1819)**, известный народу под именем Шал-акына, родился на территории Шал-акынского (бывшего Сергеевского) района Северо-Казахстанской области. Его отец Кулеке — один из известных батыров Абылай-хана, мать — родная дочь знаменитого Толе би. Импровизированные стихотворения Шал-акына показывают, что он, по сравнению с Котешем, еще дальше развил этот жанр поэзии, значительно расширив тематику и обогатив содержание. Он не ограничивался импровизацией стихотворений, посвященных отдельным людям, но и сочинял высокохудожественные произведения, в которых поднимал проблемы жизни, общественного бытия с его противоречиями, показывал изменения в психологии человека, разоблачал корни социального неравенства. Обычно он искал ответы на злободневные вопросы, выдвигаемые временем.

Шал-акын хорошо знал жизнь народа, историю казахских родов. Чокан Валиханов писал: «Из преданий о происхождении киргиз (т.е. казахов. — *Ред.*) замечателен джир ахуна из племени аргын, из рода атыгай и отделение его Баембет-чала, современника прадеда моего, хана Абылая.

...Говорят, что Чал в своем джире собрал все народные сказания, относящиеся до происхождения киргиз, и составил полную генеалогию ханов, родоначальников и племен, происшедших от Алача (разумеется весь народ)...» (Ч. Ч. Валиханов. Собр. сочинений в пяти томах. 1961, т. 1, стр. 211). Однако, этот труд Шал-акына, к сожалению, не сохранился.

Большинство дошедших до нас стихотворений Шал-акына импровизировано им в связи с конкретными случаями. При этом он проявил незаурядную находчивость и меткость. Среди тех, кому посвящены эти стихотворения, есть немало лиц, власть предрежащих, и баев, и ораторов, а также рядовых представителей народных масс. Во всех этих стихотворениях ярко прослеживается смелость и честность акына. Он свободно высказывает свои слова. У него не встречается ни тени угодничества и подхалимства перед властью имущими и богачами. Остряк, юморист и замечательный певец Шал-акын заслуженно пользовался уважением широких слоев народа.

Обращают на себя внимание стихотворения Шал-акына о смысле жизни, о сегодняшней преходящей и завтрашней вечной загробной жизни. Здесь он удачно создает художественные образы, соответствующие раз-

личным стадиям человеческой жизни, подчеркивая прелесть молодости и тяжесть старости, призывает к строгому соблюдению канонов исламской религии.

В отличие от героических персонажей поэзии певцов-сказителей, стихотворения Шал-акына строятся на основе описания положительных и отрицательных черт человеческого поведения, таких как скромность или грубость. Поэт глубоко различает смысл таких понятий, как хороший джигит, плохой джигит, хорошая сноха, плохая сноха, красочно описывает характерные им поведение и поступки, из чего хорошо видны стремление поэта показывать новых героев нового времени. Например, в одном из своих стихотворений он назидательно рекомендует, что настоящему джигиту нужно быть достаточно скромным и честным. В стихотворениях Шал-акына мы находим проявления лирического «я», что характерно для истинной поэзии. Он делает вывод, что быть хорошим или плохим в жизни зависит от каждого лично человека. Он ищет человеческое достоинство людей в их единстве и согласии, в их чести и совести. В ряде стихотворений содержатся назидательные слова, посвященные подрастающему поколению. Все это представляло характерные для письменной литературы черты в индивидуальном поэтическом творчестве акына.

Великий М. О. Ауэзов подчеркнул, что начиная с XIX века казахская письменная литература стала вникать в социальное положение народных масс, бороться за их чаяния, что стихи уже перестали быть предметом простого веселого времяпрепровождения как раньше, они стали служить интересам общества. Поэзия начала выражать политические взгляды и чаяния, цель и желания, чувства, заботы и печали людей. Тем самым она способствовала формированию их самосознания. В поэзии уже появляется социальный мотив за достижение гражданских идеалов.

Социальный мотив в литературе, вызванный историческими событиями, особенно усилением колониальной политики царизма, постепенно приобретает более мощный характер. Принятие казахов в подданство царского самодержавия, вызвавшее народные волнения и недовольство в стране, усиление колониального гнета, ухудшение условий жизни трудового народа, растоптание национального достоинства, углубление классового расслоения в обществе стали основными темами произведений казахских акынов. Их творчество развивалось на основе конкретных исторических событий, виденных и пережитых ими самими.

Ярким примером этого может служить творчество **Махамбета Утемисова (1804—1846)**, которое целиком и тесно связано с народно-освободительным восстанием 1836—1837 годов под предводительством Исатая Тайманова. Внешне это движение может показаться восстанием, поднятым только против личного господства хана Жангира, однако на самом деле оно было направлено против колониальной политики царизма. Имевший мощную поддержку со стороны царского самодержавия хан Жангир пользовался неограниченной властью в Букеевской Орде. Он самовольно раздавал своим родственникам и приближенным всю самую плодородную землю, пастбища с сочными травостоями и богатые водой. Таким образом, 25—30 семьям ханского клана принадлежало 85 процентов этих земель, а одна треть населения вовсе лишилась земли. К тому же, хан Жангир в виде государственного налога собирал зякет от всего

населения, от каждой семьи требовал кибиточной подати, скота на убой (согым). Люди, не имеющие скота и денег, вынуждены были платить налог натурой в виде шкур и шерсти или отрабатывать повинности на заготовке сена на корм их скота. Народ был доведен до обнищания. Царили беззаконие и беспредел. Эти негативные события, начавшиеся с 1830 года, достигли к 1836 г. своего апогея — народно-освободительного восстания. Видя сложившуюся крайне опасную ситуацию, хан Жангир сначала попытался привлечь Исатая и Махамбета на свою сторону обманным путем, но ханская ставка, убедившись в тщетности этих уловок, предпринимает меры поймать их и отправить в ссылку. Против восставших выступили хорошо вооруженные царские войска, которые с особой жестокостью подавили восстание. В одном из сражений погиб Исатай. Многие участники восстания были осуждены и сосланы. Махамбету удалось бежать. Позднее (в 1846 г.) он погиб от рук вражеского лазутчика.

Стихотворения Махамбета являются мощным голосом и лозунгом народно-освободительного восстания. Они несомненно представляют яркие старницы истории борьбы против российского колониализма. В них с особой впечатляющей силой находит свое художественное воплощение цель народно-освободительной борьбы под предводительством Исатая Тайманова. Пламенный поэт страстно воспекает тему свободы для угнетенного народа.

Тяжек рабства позорный плен!
Оскорбляют отца и мать,
По лбу бьют коня поло мной —
Шлю проклятья жизни такой...

Заселить хотел моим народом
Берег Волги, что богат лугами,
И заполнить поселения эти
Конскими без счета табунами.

Так рассказывает он своему народу о причинах народного восстания, поднятого Исатаем Таймановым.

В стихотворениях поэта созданы замечательные образы борцов — участников восстания («Не проскакав жизнь на коне...»), правдивые картины ожесточенных боев («Война»), бесстрашный героизм самого Исатая («Когда я находился при Исатае» — обращение к султану Баймагамбету, «Мой тарлан», «Исатай — сын Таймана» и другие).

Стихотворения Махамбета «Пасмурен, пасмурен черный, полный печали день», «Обращение к Жангиру», «Птичка чибис» и другие звучат как плач по Исатаю, героически погибшему в одном из неравных, с превосходящими по силам войсками, сражений. В них глубоко эмоционально передаются личные чувства самого поэта, постигшее его тяжелое горе в связи с гибелью Исатая. В совокупности стихотворения Махамбета Утемисова представляют собой художественно-поэтическое отображение и осмысление всей истории народно-освободительного восстания. Махамбет — не только пламенный певец восстания, но и верный соратник Исатая, знаменитый батыр. Он принимал активное участие в организации восстания, вдохновляя повстанцев своими пламенными стихотворениями, звучавшими как боевой клич, а также конкретными делами.

Поэтическое творчество Махамбета беспощадно бичевало антинародную политику царизма, совместные гнусные действия колонизаторов царского самодержавия и ханской власти на местах, которые принесли простому народу неимоверно тяжелые бедствия. Обращения поэта к султану Баймагамбету, а также к хану Жангиру свидетельствуют, что он, не дрогнув перед властью предрешающими, всегда свободно и смело выражал им свой героический обвинительный приговор.

Воспевая руководителей восстания, Махамбет создает художественные образы батыров нового времени, показывает их как конкретных новых героев, которые посвятили себя борьбе за осуществление заветной мечты и желания народа. Ярким примером этого являются его стихотворения об Исатае, в которых не остается в тени и героический образ самого поэта. Мотив печальной элегии прослеживается в его стихотворениях, созданных после подавления восстания и смерти Исатая. Однако и после этого Махамбет неустанно воспевал борьбу за свободу и независимость родного народа.

Среди акынов, искренне сочувствовавших этому восстанию, видное место занимает **Шернияз Жарылгасулы (1817–1881)**. Он тоже вдохновенно воспевал подвиги предводителя восстания Исатая. Однако, в отличие от Махамбета, он не принимал непосредственного участия в восстании, не был очевидцем личного героизма Исатая. Тем не менее, Шернияз удачно отразил народную любовь, всеобщее доброжелательное сочувствие восстанию. Широко известно и его стихотворение, посвященное султану Баймагамбету. В нем Шернияз беспощадно бичует нечистоплотные поступки султана, который подвергал поэта жестокому преследованию за то, что он сочувствовал восстанию, сочинял восхваляющие Исатая стихотворения. Поэт одновременно плохо отзывался о его дочерях и жене, хулит их убийственным сарказмом.

Стихотворения Шернияза были широко распространены среди народа благодаря доброжелательному сочувствию акына народно-освободительному восстанию, вдохновенному воспеванию им руководителей восстания, беспощадной острой критике его противников, наконец, смелости и художественному мастерству, сочности поэтического языка.

Вслед за восстанием под предводительством Исатая Тайманова в Букеевской Орде развернулось и народно-освободительное движение (1837–1847) под предводительством Кенесары Касымова в Центральном Казахстане, которое тоже способствовало появлению литературы, охватившей по своему содержанию различные периоды движения.

Например, такие народные поэтические творения, как «Наурызбай — Каншайым», «Топ жарган», «Жасауыл кыргыны» построены на событиях первого периода движения, когда, в основном, проводились мобилизация сил, формирование воинских отрядов. Из истории известно, что на первых порах сбора сил для восстания Кенесары применял силу в отношении некоторых родов, не изъявивших желания присоединиться к движению. Его подобный поступок стал слабым внутренним звеном, существенным противоречием движения. Вышеперечисленные произведения посвящены раскрытию этих противоречий.

Немало исторических произведений создано в связи с национально-освободительным движением под предводительством Кенесары Касымова. В них воспеваются не только личность самого хана, но и его батыры,

храбро сражавшиеся вместе с ним во многих военных походах. Так, например, были написаны поэмы об его отце Касым-хане, родных братьях Саржане и Есенгельды, которые сражались против ига царизма, Кокандского ханства.

Среди таких произведений самым значительным по своему содержанию и объему является поэма «Наурызбай — Каншайым» акына **Нысанбай Жаманкулулы (1812—1871)**. Автор — участник движения, свидетель многих подвигов, находившийся при самом Кенесары. Именно поэтому он хорошо знает все военные походы, возглавлявшиеся Кенесары и Наурызбаем, и воспеваает их героизм, полководческую одаренность, охватывая все трудности, пережитые ими вплоть до их гибели от рук противника. Перед глазами читателя проходят как живые картины радость побед и горечь поражений. Акын глубоко и проникновенно выражает свое страдание по поводу последнего поражения Кенесары и Наурызбая.

Антиколониальные выступления казахского народа в XIX веке вспыхивали то в одном, то в другом местах. Среди них важное значение имеют восстания под предводительством Жанхожи Нурмухамедова в низовьях Сырдарьи, Есета Котибарова и Бекета Серкебаева — в Западном Казахстане.

Сырдарьинские и приаральские казахи первоначально поднялись на восстание за независимость, за освобождение от беспощадного средневекового феодально-колониального гнета Хивинского ханства, затем оно переросло в антиколониальную борьбу против царского самодержавия. Восстания под предводительством Есета Котибарова и Бекета Серкебаева были направлены на борьбу против социального и национального угнетения.

Цель восставших, ход восстаний и героизм их участников, беспощадно жестокое подавление восстаний царскими войсками нашли свое художественное отражение в исторических поэмах «Жанхожа-батыр», «Бекет-батыр». А это показывает, что наряду с письменной литературой в таких поэмах достаточно важное внимание уделялось описанию жизненной правды, социальным вопросам и освободительной борьбе народа.

Благодаря своей передовой идее и богатому содержанию, воинствующая поэзия, рожденная борьбой против колониальной политики царских властей, подняла казахское художественное творчество на новую высоту. Она еще дальше продвинула вперед реалистическую поэзию, открыто выражавшую смелый протест господствующему строю, эксплуататорам народа, заложила новый метод воспевания простого человека.

В этом смысле большое значение приобретает творчество таких видных акынов, как **Жанак Сагындыкулы (1775—1846)**, **Шоже Каржаубайулы (1803—1884)**, **Суюнбай Аронулы (1815—1898)**. В свое время они все трое были признаны крупными мастерами поэтического состязания акынов. Основу

Акын Суюнбай.

их поэзии составляют социально-бытовые проблемы в жизни народа, его тяжелое положение в условиях колониального гнета. Они вступали в открытый диалог с представителями власти предрешающих, смело бичевали и публично разоблачали их насильные действия, несправедливость, жестокость, себялюбие. «Обращение к Рустаму-торе» Жанака, состязание Шоже с акыном Балта, обращение Суюнбая к Тезек-торе являются классическими образцами настоящей реалистической критической поэзии того времени.

Антиколониальный протест народа способствовал зарождению многогранной поэзии, в которой нашли свое всестороннее воплощение темы о разграблении богатств страны, все больше усугубляющегося обнищания народа, лишения просторных пастбищ и плодородных поливных земель, беспредела и насилия со стороны власти предрешающей кучки людей в системе управления, усиления взяточничества, изменений в поведении людей, выразившихся в их моральном разложении, ничтожной мелочности, повсеместном нарушении требований ислама не только верующими, но и самими религиозными деятелями — корыстолюбивыми крохоборами из числа ходжей и мулл.

В своем творчестве одни из акынов искали лучший выход из создавшегося положения в возврате назад к прошлому, другие лелеяли мечту о хорошей жизни в загробном мире. Но всех объединяло упадническое настроение — глубокая скорбь о былом времени, полная потеря надежды на прошлое, страшная боязнь грядущего. Ибо было подавлено национально-освободительное движение, колонизаторская политика царизма все больше и больше усиливалась.

В свое время М. О. Ауэзов поэзию этого периода назвал «поэзией эпохи скорби». Под этим же названием она вошла в историю казахской литературы. Яркими представителями «поэзии эпохи скорби» являются Дулат Бабатайулы, Шортанбай Канайулы, Мурат Монкеулы, Алубакир Кердери Шоканулы и другие.

Дулат Бабатайулы (1802–1871 гг.) родился и вырос на территории нынешнего Аягужского района Восточно-Казахстанской области. Он был свидетелем крупных преобразований (1822 и 1868 гг.), происшедших в системе управления страной после создания государственного аппарата колониального угнетения в Казахстане. В результате этих преобразований была ликвидирована ханская власть, установлена власть сначала старшего султана, а затем волостных управителей. Все это происходило на глазах у акына. Поэтому он за эти годы глубоко познал происшедшие изменения не только в жизни народа, но и в психологии лиц, управляющих людьми. В стихотворениях Дулата находит свое реальное отображение тяжелое положение людей, лишенных своих исконных пастбищ и земель, подвергшихся полному обнищанию, а также яростно, бесстрашно критикуются крайне отрицательные, чуждые народу черты представителей новой власти. Если в таких стихотворениях, как «Казахи мои есть жалкий народ», «О, Сарыарка, Сарыарка!», «Акжайлау и Сандыктас» и других, проявляется сильное переживание акыном тяжелого положения народа и разрухи в стране, то в стихотворениях «Кенесбаю», «Бараку» и других раскрываются отрицательные образы продажных представителей новой власти, предавших интересы своего народа. Причину безвыходного положения зависи-

мости от внешних сил Дулат ищет в измене внешней политике Абылая со стороны новых властей. Акын мечтает о возврате прошлой ханской власти в Казахстане, превозносит бия Еспембета, который в ту пору страстно боролся за интересы народа и независимость страны.

Шортанбай Канаулы (1818–1881 гг.) является акыном, наиболее сильно и глубоко раскрывшим сущность социальных преобразований в казахском обществе, прошедших в начальный период колониальной политики царизма. В его стихотворениях наиболее ярко и впечатляюще передаются поэтические картины зарождения в Казахской степи торгового капитализма, борьбы баев и торговцев за приобретение больших богатств и денег, быстрого расслоения общества на богатых и бедных, борьбы за власть, многочисленных нечестных поступков и споров во время избирательных кампаний. Он правдиво и гневно рисовал безжалостную эксплуатацию народа со стороны богачей нового нарождающегося типа: купцов и чиновников. В поэме «Обманная жизнь» он восклицает:

О, злосчастный добрый народ,
О, злосчастные времена!
Божий гнев, как видно, тебя
Поразил, родная страна!

Акын с презрением и негодованием говорил о тех, кто отказался от борьбы и пошел на сделку с колонизаторами. Жесткой критикой действий в Степи колонизаторов и их пособников, глубокой скорбью от утерянной независимости народа и призывом к единению пронизано все творчество Шортанбая.

Творчество **Мурата Монкеулы (1843–1906 гг.)** тесно связано, в основном, с событиями, происшедшими в Западном Казахстане. Утвержденное 21 октября 1868 г. Особым комитетом царского правительства «Временное Положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» вызвало новые народные волнения. К этому времени Туркестанский край был разделен на Сырдарьинскую и Семиреченскую области, составившие Туркестанское генерал-губернаторство. Согласно новому Положению территория остальной части Казахстана была разделена на следующие области: Уральскую — с центром в городе Уральск, Тургайскую — с центром в г. Оренбурге, Ақмолинскую — с центром в г. Омске и Семипалатинскую — с центром в городе Семипалатинске. Внутренняя (Букеевская) Орда вошла в состав Астраханской губернии. Появились деления внутри областей на уезды, волости и старшинства. Земля перешла в собственность Российского государства, за исключением земель, подаренных царем ханским потомкам. Увеличился объем податей, собираемых с населения. Казахи Западного Казахстана в ответ на новое положение подняли восстание. Распространялась идея перекочевать в обетованный край — «Жидели байсын» и «Тескентау». Царская власть, выслав войска, преградила путь восставшим. Поэтическая сила Мурата особо проявилась именно в этот период. Он становится мощным глашатаем, рупором борьбы народа за свою независимость,

за перекочевку в благодатный край. В стихотворении «Три эпохи» («Үш киян») Мурат обрисовал картину горькой жизни казахов в условиях колонизации Казахстана:

Степи отобрал солдатский штык,
Когда он отнял у нас Яик,
То и вовсе за ворот схватил,
Замысел он свой осуществил:
Воровская черная рука
Навсегда отобрала Уил,
Полуостров Мангыстау.
Волоча арбу, он шел вперед, —
В Ургенч, в Ташкент и в Бухару,
Все беря дорогой на учет:
Женщин, и мужчин, и детвору,
Скот и землю... Поглядишь вокруг,
О, джигиты, — над страной родной
Жизни день, как злая полночь, глух,
От него хоть в омут головой!

В этом стихотворении он перечисляет таких героев, как Асан Кайгы, Казтуган, Орак, Мамай, Телагыс, Шора и другие, наконец, Исатай, которые не смогли прожить счастливую жизнь в родном краю, и покинули этот мир, не испытав счастья.

Акын Мурат не скрывает своего беспокойства и страха из-за того, что колониальная политика ведет не только к захвату у казахов исконных земель, но оказывает пагубное влияние на воспитание подрастающего поколения. Стихотворения Мурата «Казтуган», «Шалгез» представляют собой эпические образцы, которые дали возможность дальше развивать традицию певцов-сказителей прошлого соответственно требованиям нового времени.

Стихотворения **Абубакира Кердери Шоканулы (1858–1903 гг.)** проникнуты таким же духом. В них бичуются негативные явления в жизни, в поведении людей, изменившихся с наступлением эпохи скорби — несоблюдение и пренебрежительное отношение к давним традициям, несправедливость, завистливость, ложь, неуважение молодыми старших и так далее. Акын пропагандирует просвещение и гармоничное развитие людей.

Именно эта когорта казахских акынов в XIX веке сумела внести значительный вклад в развитие различных видов народной поэзии, в более или менее тесное сближение ее с жизненной правдой, в совершенствование реализма, в правдивое описание изменений в человеческой психологии, в новаторское применение художественного богатства казахского языка. Некоторые из них были хорошо знакомы с классическими образцами восточной, а также религиозной литературы. Однако они настороженно относились к русскому влиянию.

Тем не менее, быстро растущее направление казахской литературы во второй половине XIX века определялось развитием демократической просветительской литературы под влиянием русской культуры. Крупные представители литературы того времени Ибрай Алтынсарин (1841–1889), Абай Кунанбаев (1845–1904), а также один из основопо-

ложников казахской науки Чокан Валиханов (1835—1865) сами ощущали и хорошо понимали негативные последствия русского колониализма. Однако, они видели путь независимости казахского народа не в открытой борьбе или в возврате к прошлому, а в стремлении к учебе, знанию, науке, в овладении определенными профессиями. Они твердо верили в то, что можно добиться истинного равенства только тогда, когда страна поднимется на уровень передовых. Благодаря научной деятельности и общественным взглядам Чокана Валиханова среди казахов начали распространяться идеи демократизма и просветительства. Он открыто высказывал свои передовые мысли о жизни и искусстве, об истории и грядущем обществе, направлял казахскую науку, литературу и искусство в русло развития по лучшим европейским образцам.

Ибрай Алтынсарин был первым педагогом, непосредственно осуществлявшим просветительскую деятельность среди казахов. Он развил новый взгляд на литературу. Показал великую силу литературы в воспитании молодого поколения. Говорил о необходимости создавать книги, дающие пищу уму и сердцу.

Достижения наивысшего развития художественного слова, определение общественной роли поэзии и создание на этой основе нового художественного метода достались на долю великого Абая. Свободно освоивший европейскую и русскую классическую литературу, он предъявлял новые требования к художественному познанию и вкусу, создал поэзию нового типа. Переводил с русского языка образцы классической литературы, которые с большим интересом были приняты наравне с родной казахской. Новый эстетический принцип казахской литературы был развит благодаря творчеству Абая.

Казахская литература XIX века отличается и множеством национальных талантов, и большим разнообразием совершенно не похожих друг на друга самостоятельных произведений. Наряду с акынами, овладевшими индивидуальным поэтическим творчеством, которые не ограничились лишь традициями устной народной литературы, наоборот, обогатили ее новыми формами, превратили ритм традиционной поэзии в средство борьбы, были и мастера поэтических состязаний, группы певцов-композиторов, исполнителей хисс, продолжателей традиций жырау. Все они активно участвовали в литературном процессе, каждый из них по мере своих творческих сил воспевал жизнь народа, вносил свою лепту в обогащение общего литературного русла новыми произведениями.

Состязание акынов — один из древних видов казахского литературного творчества. Оно продолжалось и развивалось на протяжении веков, служит жизни общества и в настоящее время. Раньше неперенным условием признания акына общественностью было его участие в состязаниях акынов и завоевание симпатий слушателей своим исполнительским мастерством, находчивостью, широким кругозором знаний, достижением победы над соперником. Поэтому каждый молодой талант, который хотел посвятить себя поэзии, с первых же дней готовил себя прежде всего к состязанию акынов, собирал необходимые факты из жизни тех или иных родов, известных их представителей, чтобы эффектно воспользоваться ими во время состязаний. В казахской литературе XIX века хорошо известны

имена многих акынов, особо отличавшихся в подобных состязаниях своим поэтическим мастерством, ораторским искусством, находчивостью, глубоким знанием жизни народа и заслуженно пользовавшихся большой симпатией и всеобщим признанием. Среди них наряду с такими известными акынами, как Жанак, Шоже, Шортанбай, Орынбай, Тубек, Суюнбай, Шернияз, Биржан, Бактыбай, Асет можно назвать имена акынов-девушек, как Сара, Ырысжан, Улбике, Табия, Акбала и другие.

По своим формам и содержанию не все айтысы одинаково похожи друг на друга. Если в некоторых из них основным содержанием является жизнь народа, его хозяйственно-бытовые проблемы, традиции, особенности родового сообщества, то в поэтическом состязании Биржана и Сары на первый план выдвигаются вопросы предоставления личной свободы женщинам-казашкам. Жамбыл и Суюнбай в своих состязаниях с акынами, в отличие от своих соперников, с гордостью воспевали не богатых и не власть предержащих чиновников, а настоящих батыров, сражавшихся за свободу и независимость своей страны от иноземных врагов, достойных сыновей, защищавших интересы народа. Известно, что в свое время Жамбыл был признан непревзойденным мастером состязания акынов. Его поэтическое состязание с акынами Кулмамбетом, Шашубаем особо отличаются своим высоким художественным мастерством, красочным богатством языка, хорошим знанием истории родного народа. Пламенное обращение Жамбыла в этих состязаниях к злободневным вопросам — заботы о народе, о его острых нуждах, смелая критика в адрес бездеятельных чиновников, скупых баев, жестоко эксплуатирующих простых людей, — повышало его авторитет среди народа.

Наряду с большими эпическими состязаниями у акынов немало встречаются и формы шуточного осмеяния друг друга, заведения новых знакомств, взаимного приветствия, забавного юмора и так далее. Соответственно содержанию они бывают различными по художественному уровню.

В свою очередь, состязания акынов значительно повлияли на развитие устного народного творчества. Они стали школой воспитания в духе импровизаторского искусства, мгновенной находчивости, художественного мастерства. В состязаниях акынов зачастую обнаженно критиковались противоречия общественного развития. Позднее, когда достаточно хорошо развилась письменная литература, появилась новая традиция — состязаться в виде обмена поэтическими письмами, различными загадками. Все это способствовало появлению разнообразия, художественного развития национальной поэзии.

Певцы-поэты Биржан, Сегиз-серэ, Ахан-серэ, Мухит, Асет, Жаяу Муса, Балунан Шолак и другие созвучно откликались на прогрессивное направление казахской литературы, воспевали заветную мечту и чаяния народа, в их песнях ярко звучали грусть и печаль простых людей. Они сами сочиняли песни, сами составляли их поэтические тексты, сами исполняли на домбре или кобызе. Важные социальные вопросы общественной жизни, события повседневного быта людей, любовь молодых, личная свобода казахских женщин красной нитью проходили в их произведени-

ях как главная тема творчества. Песни Биржана «Жанбота», Ахана-серэ «Кулагер», Жаяу Мусы «Хаулау» являются доказательством того, что они сумели критически обличить общественно-социальную несправедливость и призвать к борьбе с этим злом. Тем самым певцы-поэты своим творчеством обогатили свободолобивую и гуманистическую идею в казахской литературе.

Наряду с этим следует отметить заслугу певцов-сказителей, продолжавших многовековую богатую традицию древней, устной литературы и доведших ее до наших дней. Замечательное наследие устной народной литературы не было предано забвению и передавалось новому поколению благодаря творчеству таких певцов-сказителей, как Марабай, Абыл, Жанак, Мурат, Нурым, Шоже, Мурын, Ығылман и другие. Значительная часть этого богатого литературного наследия была записана и вышла в свет отдельными книгами. Среди них можно привести в качестве примера такие песни-поэмы на героическую тему, как «Алпамыс», «Кобланды-батыр», «Камбар-батыр», «Ер Таргын», «Шорабатыр», «Кырымнын кырык батыры» («Песнь о сорока крымских батырах»), на лиро-эпическую тему, как «Кыз Жибек», «Козы Корпеш – Баян сулу», «Айман – Шолпан». В XIX веке эти эпические наследия пополнялись хиссами-поэмами, которые создавались на сюжетах восточной литературы. Они тоже были изданы отдельными книгами. В сборе и издании древних сказок и легенд, а также поэм, написанных по сюжетам, взятым из восточной литературы, немало потрудились Жусипбек Шайхисламов, Акылбек Сабалов, Шади Жангиров, Маулекей Юманчиков, Кашафуддин Шахмарданулы. Конечно, не все золото, что блестит. Поэтому их наследия неодинаково ценны. Некоторые из них не совсем отвечают требованиям народных вариантов и их художественному уровню. Например, такие поэмы-хиссы, как «Салсал», «Заркум», «Жум-жума», проповедующие религиозные назидания ислама, «Сейфул – Мулюк», «Бозжигит», «Абулхарис», «Шакир – Шакрат», «Шахмаран», «Камар-заман» и другие, построенные на сюжетах сказок и легенд, литературы соседних восточных стран, «Шахнама», «Лейли – Меджнун», «Фархад – Шырын», «Тахир и Зухра», заново написанные по сюжетам произведений классиков-поэтов Фирдоуси, Низами, Навои, а также «Мунлык – Зарлык», «Атымтай Жомарт», «Орак и Кульше», ставшие почти оригинальными произведениями казахского фольклора по своему содержанию и изложению событий, хотя их сюжеты взяты из восточной литературы. По своему художественному уровню, стилю изложения и другим качествам они резко отличаются друг от друга, выглядят разными. Несмотря на это, такое взаимное проникновение оказывало положительное влияние на установление и развитие традиции литературных связей между соседними народами Востока. Все это, независимо от конкретной темы, способствовало воспеванию высоких нравственных качеств людей – честности, героизма, верности в любви, поднятию на новую высоту идей гуманизма, безжалостно разоблачало коварство, двуличие, злопамятность, обман и хитрость. Идея помочь своим слушателям и читателям познать жизнь с лирической точки зрения и самосовершенствоваться была присуща этому литературному явлению. Все эти сюжеты преследовали цель – учить людей, как

Г.Н. Потанин.

улучшить свою жизнь, как преодолевать преграды, побеждать различные трудности, подчинять себе стихийные силы природы.

В печатании книг на казахском языке большую роль сыграли казанские издательства. В конце XIX века они печатали не только фольклорные эпосы, поэмы-хиссы, но и сборники стихотворений: «Осиетнаме» («Назидание») Дулата (1880), «Дивани хикмет» Ходжи Ахмеда Йасауи (1896), «Плач дитяти» Шортанбая (1890). В 1899 году на страницах газеты «Дала уалаяты» были опубликованы два стихотворения Абая — «Лето» и «Наконец, волостным я стал...». Книгопечатание в конце XIX века стало новым круп-

ным явлением в казахской литературе, произведения которой прежде передавались из поколения в поколение только устно.

Значительными примерами в жизни казахской литературы в XIX веке были сбор образцов фольклорного наследия и устного народного творчества, их издание, появление первых отзывов об их содержании и художественных особенностях. Прибывшие еще в начале века в Казахстан путешественники и ученые, в основном из числа русских, важное внимание уделяли изучению быта и образа жизни, истории и литературных творений казахов. Записанные ими многочисленные материалы публиковались в «Записках путешественников». Начиная с середины века сбором и публикацией таких материалов из духовной жизни народа систематически занимались ученые-исследователи Ч. Ч. Валиханов, В. В. Радлов, Г. Н. Потанин и другие. Первый казахский ученый — филолог, историк, путешественник Чокан Валиханов прошлое казахского народа стремился видеть и рассматривать в тесной связи с литературными образцами устного народного творчества, созданными и переданными из поколения в поколение самими казахами. Тем самым он старался изучать те исторические связи, которые устанавливались между соседними народами. В научных трудах Ч. Ч. Валиханова большое внимание уделяется изучению эпических произведений казахов. Выдающийся ученый-тюрколог В. В. Радлов третий том своего десяти томного сборника сочинений «Образцы казахской народной литературы тюркских племен» целиком посвятил казахскому фольклору. Он особо отметил, что казахи владеют ораторским искусством, что они щедро одарены природным талантом, и благодаря этому всегда придают значение ритму и рифме даже в обычной разговорной речи. В. В. Радлов подчеркивал высокую поэтическую культуру казахов. Он воочию убедился в том, насколько сильна народная память и насколько высок уровень развития казахского языка и его поэзии. Пораженный богатством фольклорных жанров казахского устного народного творчества, он классифицировал казахскую литературу на дидактический, эпический и лирический жанры.

Опыт Ч. Ч. Валиханова и В. В. Радлова послужил бесценной школой для будущих собирателей и исследователей казахского фольклора.

Развитие тесных взаимоотношений между соседними народами оказало свое благотворное влияние на духовную жизнь Казахской степи. Благодаря этому процессу при Абае Кунанбаеве, Ибрае Алтынсарине, Чокане Валиханове казахская наука и литература намного сблизились с русской демократической и европейской культурой на примерах мирового развития. Использование Ибраем опыта русских передовых педагогов и писателей, перевод на казахский язык произведений воспитательного характера и внесение их в «Казак хрестоматиясы» («Казахская хрестоматия»), которая была выпущена в 1879 году, великолепные переводы произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, блестяще сделанные великим Абаем, не только усилили связь казахской и русской литературы, но и направляли казахскую национальную литературу на путь прогресса. К тому же Абай написал поэмы «Искандер», «Масгуд», «Сказание об Азиме», используя восточные сюжеты.

В.В. Радлов.

Все эти обстоятельства побудили казахскую литературу XIX века вступить на путь нового художественного поиска, стремиться глубже и многосторонне изучать и показывать жизнь народа. Литература начинает приобретать важное значение, благодаря чему стала играть значительно более заметную роль в духовной жизни общества. Творчество вышеперечисленных и других деятелей литературы довольно ярко показывает, что главной задачей художественного слова в то время было раскрытие истинной сущности наступившей новой эпохи, критики русской колониальной политики и призыв к борьбе с ней, к борьбе за свободу и независимость, которые определяли идейное направление казахской литературы в XIX веке.

Музыкальная культура. Вторая половина XIX в. была периодом расцвета музыкального искусства Казахстана.

В это время жили и творили многие выдающиеся самородки — профессиональные композиторы-певцы и инструменталисты, произведения которых составили народную музыкальную классику.

Многие народные композиторы были образованными для своего времени людьми, почти все они владели письменностью, некоторые — русским и арабским языками, но не зная музыкальной грамоты, не могли записывать на ноты свои произведения. Хотя мировоззрение композиторов было исторически ограничено, в их произведениях ярко отражены темы социального протеста, звучат призывы к борьбе с несправедливыми законами и произволом султанов-правителей. В песнях и кюях отображены мечты народа о свободе личности, о равноправии женщин.

Курмангазы Сағырбаев.

Плодотворное влияние на развитие музыкального искусства в Казахстане во второй половине XIX в. оказала большая группа певцов и музыкантов: Курмангазы Сағырбаев, Даулеткерей Шигаев, Таттимбет Казангапов, Ихлас Дукунов и многие другие.

Курмангазы Сағырбаев (1806—1879 гг.) родился в урочище Жидели Букеевской Орды в семье бедняка. Еще ребенком он самостоятельно стал разучивать услышанные в ауле кюи. В юношеские годы талантливая игра Курмангазы стала привлекать внимание людей, и он полностью отдался деятельности профессионального кюйши. Сохранилось более 60 его кюев (некоторые из них в разных вариантах). Большинство из них совершенны по художественной выразительности и многогранности содержания. Это — то философские размышления о жизни, то нежная любовная лирика, то красочно-темпераментные сцены народных праздников. В кюе «Көбік шашкан» («Бушующий вал») передается стихийное народное бедствие, вызванное наводнением в районе Каспия, в кюе «Балбырауын» («Изящный») — народный праздник; музыкальная зарисовка «Сарыарка» («Золотая степь») переносит слушателей в бескрайние просторы родной степи, другие кюи заставляют задуматься о горькой судьбе народа. Многие кюи Курмангазы автобиографичны. Таков, например, «Түрмеден кашкан» («Побег из тюрьмы»). Феодалы, баи и царские чиновники, не без основания усматривая в действиях и произведениях Курмангазы призывы к сопротивлению, преследовали и томили его в тюрьмах.

Выдающимся композитором был и **Даулеткерей Шигаев (1820—1887 гг.)**. Сохранилось около 40 его кюев. Все они лирического содержания, ярки и выразительны. Им свойственны стройность формы, единство стиля. Патетическая взволнованность передается в кюе Даулеткерей «Жігер» («Энергия»), глубокие сердечные чувства вызывают кюи «Бұлбұл» («Соловей»), «Керілме» («Истома») и др. Духом подлинной народности веет от кюя «Желдірме» («Рысистый бег»). Это красочная, стремительная по ритму пьеса, рисующая традиционные народные конские соревнования.

Выдающимся вкладом в инструментальную музыку XIX в. является творчество **Таттимбета Казангапова (1817—1860 гг.)**. Он прославился как автор и исполнитель произведений для домбры в стиле «шертпе».¹¹ Большинство его кюев эмоционального, лирико-возвышенного плана. В них Таттимбет воспел красоту родного края — «Саржайлау» («Золотая летовка»), «Сары өзен» («Золотистая река»); дал художественное опознание нравов и повадок животных — «Ерке атан» («Строптивый верблюд»), «Бозайғыр» («Белый жеребец») и др.

Огромное влияние на формирование кобызовой классики оказали композиторский талант и исполнительское мастерство **Ихласа Дукунова (1843—1916 гг.)**. Ихлас происходил из семьи простого скотовода. Его

отец Дукен играл на кобызе, а дед и многие предки были жырши и баксы. Ихлас не только перенял у отца его искусство, но, значительно улучшив звучность кобызы, стал создавать для него оригинальные произведения. На основе содержания эпических сказаний он создал ряд выдающихся по художественной целостности программных кюев. Таковы «Корут-кюй», «Камбар-кюй», «Казан-кюй» и др. Ихлас сочинял и кюи в сатирическом плане о высокомерных царских чиновниках, чванливых баях — «Жарым-патша» («Полуцарь-губернатор»), «Бес төре» («Пять чиновников»). В кюях Ихласа отражены и раздумья о жизни, о страданиях народа — «Жалғыз аяк» («Одинокий след»), «Жез киік» («Медная сайга»).

Создателем классических кюев для сыбызгы и выдающимся исполнителем был **Сармалай (1835–1885 гг.)**. Настоящее его имя Садык, а Сарамалай — прозвище (рыжий бедняк, батрак), данное ему в детстве, когда он был байским пастухом. Искусство игры на сыбызгы Сармалай перенял от отца. Он создал ряд замечательных кюев на сюжеты из эпоса, легенд и сказок. Таковы, например, кюи Сармалай «Коныр каз» («Темно-серый гусь») — о гусе, которого увидела во сне Кыз Жибек и по его взволнованному поведению догадалась о гибели своего жениха Тулегена (эпос «Кыз Жібек»); «Нар идірген» («Доеение верблюдицы») — о верблюдице, своим молоком спасшей от голода старика и его дочь; «Коныр бұқа» («Темно-серый бык») — о быке, который привел угнанное стадо коров в родной аул.

Высшую ступень развития классических образцов получила песенная культура в творческом и исполнительском мастерстве Биржана Кожажулова, Мухита Мералиева, Ахана-серэ Корамсина, Жаяу Мусы Байжанова, Абая Кунанбаева, Зильгары Каратокина, Култумы Сармуратова, Сары Батакова, Сералы, Жарылгапберды и многих других.

Биржан-сал Кожажулов (1825–1887 гг.), глубоко познав песенную культуру родного края, значительно обогатил ее своим творчеством. Музыкально-поэтическое творчество Биржана носит ярко выраженный демократический характер. В его песнях страстно защищалось человеческое достоинство — «Биржан-сал»; осмеяно байское корыстолюбие — «Шідер» («Путь»); проникновенно воспеты любовные переживания — «Ғашығым» («Моя любовь»).

В знаменитой песне Биржана «Жанбота» передан протест против произвола волостного управителя Жанботы. Биржан на ярмарке при большом скоплении народа с издевкой спрашивает у Жанботы: «Не здесь ли ты умер и похоронен среди мусора под Кокчетавом?».¹² Этими словами композитор-певец дал понять зазнавшемуся волостному, что в глазах народа он мертвец и что его место в могиле, причем на мусорной свалке.

Колоритные особенности народной песенности Западного Казахстана получили свое высшее проявление в творчестве выдающегося композитора-певца **Мухита Мералиева (1847–1918 гг.)**. Для творчества Мухита характерен лирический жанр. Его песням присущи оптимизм, любование человеком, природой. Но Мухит — автор и ряда песен сурового, даже трагического содержания. На основе бытующей в народе старинной были он увековечил историю несчастной любви бедного табунщика и дочери бая в песне «Бала Ораз» («Юноша Ораз»), окончившейся гибелью влюбленных.

Ахан-серэ Корамсин.

В сокровищницу казахской народной песенной классики вошли многие произведения талантливого акына и композитора-певца **Ахана-серэ Корамсина (1843–1913 гг.)**. Ахан-серэ прославился как акын и автор многих замечательных песен. Он оставил богатое музыкально-поэтическое наследие. Его песни (более 40) плавные и динамичные, выделяются образным поэтическим слогом, теплотой и сердечностью. В песнях Ахана-серэ ярко запечатлены социальные проблемы быта и общественной жизни, с большой художественной силой выражен протест против унижающих человеческое достоинство обычаев старины и социального неравенства.

Значительной частью многогранной творческой и просветительской деятельности великого поэта Абая являются его песни. Основной почвой в формировании его музыкального языка была казахская народная музыка и отчасти русские крестьянские и городские песни и профессиональная музыка в своем наиболее демократическом проявлении — бытовом и классическом романсе.

Стремясь, чтобы его переводы стихов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова доходили до народа, Абай сочинял к ним свои оригинальные мелодии. Особой популярностью стала повсеместно пользоваться песня «Татьянаның кырдағы өні» («Слова Татьяны») на текст письма Татьяны из «Евгения Онегина» Пушкина. По свидетельству одного русского журналиста, который ездил по Тургайским степям, он слушал эту песню в юрте казаха Нурпеиса. Хозяин, чтобы развлечь во время отдыха гостя, пригласил певца Аблая Карабатырова. Он спел несколько песен, запел новую. «Признаюсь, сразу я собственным ушам не поверил. Вообразите только, старый казах распевал, не более, не менее, как... письмо Татьяны к Онегину... Письмо также имело всеобщий успех, причем, как и следовало ожидать, особенно одобрительно отнеслась к нему жена Нурпеиса».¹³

Песни Абая оказали благотворное влияние на укрепление братской дружбы между казахским и русским народами.

Выдающимся явлением в казахской музыке второй половины XIX в. было творчество **Жаяу Мусы Байжанова (1835–1929 гг.)**. Жаяу Муса учился в ауле у муллы, но, не довольствуясь этим, тайком от семьи уехал в Омск. Работая приказчиком, он овладел русским языком и письменностью, стал читать русские газеты и журналы, научился играть на гармонике и скрипке казахские, русские и татарские песни. По ложным обвинениям он как «опасный человек в степи» был судим и отдан в солдаты. На воинской службе Жаяу Муса побывал в Петербурге, Казани, Севастополе, Польше, Литве. После возвращения из солдатчины в родной край, будучи полностью разоренным преследователями, которые отобрали у него даже коня (отсюда и его народное прозвище «Жаяу», т.е. «пеший»), Жаяу Муса стал профессиональным певцом-композитором.

Песни Жаяу Мусы (их сохранилось более 60) по музыкальной образности и содержанию чрезвычайно разнообразны: они хлестки и ритмически чеканны, когда в них осмеиваются жадность и корыстолюбие феодалов и баев; трагичны, когда он изливает свою горечь утраты любимого человека; широко и напевны, когда поет о женской красоте; печально-лиричны, когда в восторженных тонах воспеваает красоты родного края; напевно-задумчивы, когда композитор передает свои думы о жизни. В песнях Жаяу Муса творчески использовал не только родные ему казахские напевы, но и многие мотивы русской, украинской, татарской и польской песенности. Творческое переосмысление этих источников в их органическом взаимодействии образовало своеобразные колоритные особенности музыкального языка Жаяу Мусы.

Жаяу Муса Байжанов.

По мере сил своих он творил новые песни о наступивших радостных днях, о светлом будущем своей родины. Он остался в памяти народа как выдающийся поэт, композитор и певец, неистовый в своей борьбе за справедливость, за счастье народа.

Неоценимое значение для изучения музыкального быта казахского народа XVIII—XIX вв., а также в выявлении содержания и особенностей казахской музыки имеют труды русских ученых и путешественников.

Большую ценность представляют записи казахских песен С. Г. Рыбакова. Он собрал их более 100, в них сохранены основные черты народной музыки. Характерные для прошлого, они являются достоверной основой для понимания развития музыкального языка на разных этапах истории казахского народа. С. Г. Рыбаков отмечал, что наибольшее распространение у казахов имеют лирические песни, воспевающие красоту, любовь; повествовательные песни или былины, отличающиеся большими стихотворными формами.

Об остром социальном содержании творчества казахских композиторов-певцов писал этнограф А. А. Ивановский в статье «Киргизский народный поэт Ногайбай».¹⁴

Работы ученых и путешественников о музыке казахского народа свидетельствуют о демократических традициях русской науки. Ее передовые деятели всегда с вниманием, чуткостью и объективностью оценивали духовные богатства народов-братьев.

Казахская народная музыка не только обогащалась благодаря связям с русской музыкой, но и сама вместе с фольклором других народов являлась одним из источников творчества некоторых русских композиторов. Мелодия казахской песни из записей П. И. Паншино была отобрана М. П. Мусоргским (1839—1881 гг.) для задуманной им оперы «Пугачевщина» по роману А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (работу над оперой прервала смерть великого композитора). А. П. Бородин, работая над «Князем Игорем», вероятно, имел записи казахских мелодий, о чем свиде-

тельствует сходство хора половецких воинов (из второго действия) с мелодиями «Ой, айнам» и «Газиза-ай».

Казахские мелодии звучали и в оркестровых произведениях. Они вошли в известное «Азиатское попури из сартовских, киргизских и татарских песен», написанное капельмейстером В. В. Лейсеком для Туркестанской сельскохозяйственной выставки в Ташкенте (1890).¹⁵

4. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ. ПЕЧАТЬ

Включение Казахстана в сферу экономики и политической жизни Российской империи вызвало необходимость всестороннего изучения его особенностей: осмысления его исторического прошлого, выявление природных ресурсов, уровня производительных сил. Изучением Казахстана занимался целый ряд российских ведомств — Академия наук, Русское географическое общество, Горное ведомство, Министерство путей сообщения, Министерство государственных имуществ, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и другие организации.

Известный историк и государственный деятель А. И. Левшин (1799—1879 гг.) систематизировал и описал для европейцев географию, историю и этнографию казахов в фундаментальном труде «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (ч. 1—3) и заслужил, по словам Ч. Ч. Валиханова, славу Геродота казахской истории.

Исследовательская работа проводилась зарождающейся интеллигенцией края, учителями, врачами, политическими ссыльными. Невозможно назвать хотя бы несколько научных экспедиций, обществ, музеев на территории Казахстана, которые в своем созидании или в своей деятельности не были бы связаны с именами народников. Многие из них здесь отбывали политическую ссылку или находились по долгу службы. Научная работа

представляет красочную страницу жизни русских революционеров в Казахстане. Вместе с тем, это показало степень изученности многих вопросов на территории Казахстана.

Преследуя колонизаторские стремления, царизм во второй половине XIX века открывает целый ряд местных краеведческих обществ и отделений. Задачи местных краеведческих обществ заключались в том, чтобы «сбирать, обрабатывать и распространять географические, статистические, этнографические и естественно-исторические материалы, снаряжать научные экспедиции».

И хотя не всегда поставленные задачи в равной степени в различных регионах выполнялись, тем не менее они объединяли

А.И. Левшин.

различных лиц, обладающих научной подготовкой. При краеведческих обществах создавались небольшие библиотеки, краеведческие карты, коллекции этнографических экспонатов.

Несмотря на сопротивление колонизаторской политике царизма, в работе краеведческих обществ были налицо представители двух тенденций. С одной стороны, проводники колонизаторской идеологии царизма: генералы, губернаторы, часть духовных служителей и чиновники и, в противоположность им, прогрессивно настроенная интеллигенция: учителя, врачи, агрономы, естествоиспытатели, политические ссыльные.

В развитие культуры Казахстана второй половины XIX в. заметный вклад внесли народники, отбывавшие ссылку в Казахстане. В крае возник ряд народнических кружков, в которых обсуждалось много вопросов, в том числе и национальный, но основное их направление состояло в просветительской деятельности.

В различных городах Казахстана открывается целый ряд научных обществ: областные статистические комитеты, отделы географического общества, с 1887 года — Оренбургская ученая архивная комиссия.¹⁶

Одним из центров научных исследований был Оренбург. Здесь в середине XIX столетия работали исследователи Казахстана Я. В. Ханьков, М. И. Иванин, ведущий востоковед В. В. Григорьев, историки В. В. Вельяминов-Зернов, П. А. Юдин. Специальную монографию о крае издал Л. Мейер («Киргизская степь Оренбургского ведомства») (1865 г.). Отдельные вопросы исследовали Л. Н. и В. Н. Плотниковы, В. Н. Игнатьев, П. Н. Оводов и другие.

В Оренбурге были открыты отдел Русского географического общества и Тургайский статистический комитет. В числе их сотрудников были Н. Дмитриев, Б. Скалов, П. Добровольский, ряд политических ссыльных. Вместе с ними работали казахи М. С. Бабажанов, Т. Сейдалин, Б. Даулбаев, С. Жантюрин, Б. Наурызбаев, А. Сейдалин, А. Ж. Бийсенов, Б. Каратаев, У. А. Асавов. Этнографические работы М. С. Бабажанова, Т. Сейдалина, С. Жантюрина, Б. Наурызбаева, Х. Каржасова были высоко оценены краеведческими обществами. Большое количество трудов было издано Западно-Сибирским отделом, несколько меньше — Оренбургским и Туркестанским, созданными только в 1897 году. «Записки» отделов Географического общества являются ценными источниками истории дореволюционного Казахстана, его экономики, быта, культуры, этнографии и т.д.

В 1887 г. была учреждена Оренбургская ученая архивная комиссия. Своей основной задачей комиссия считала упорядочение архивного дела, изучение исторического прошлого края и сбор археологических и этнографических материалов. Комиссия имела свой печатный орган «Труды». В 1894—1917 гг. было опубликовано 34 выпуска этого издания. Архивная комиссия уделяла важное внимание изучению исторического прошлого Казахстана.

Другим центром краеведения был Уральск, где собирались и обрабатывались различные материалы. Затем они издавались в виде статей в «Памятных книжках», на страницах «Уральских областных ведомостей» и газеты «Уралец». Среди исследователей этого региона необходимо отметить Н. Бородина, В. П. Кранихфельда, Н. П. Огановского, М. К. Курилина и других лиц. Заметную роль в исследовании Западного Казахстана сыграли антрополог А. А. Харузин, этнограф М. С. Бабажанов. Предметом ис-

следований были история казачества, казахское хозяйство, рыболовство, крестьянское переселение.

Важным культурным и научным центром являлся Омск. Здесь в середине прошлого столетия работали исследователи Н. М. Красовский, Н. А. Абрамов, позже Н. Н. Балкашин. Местные научные силы и ссыльные исследователи объединились в отделении Географического общества при Акмолинском статистическом комитете. Среди активных участников были Ф. А. Шербина, Г. Н. Потанин, Н. Петропавловский, А. И. Сведенцев, Л. К. Чермак, Д. А. Клеменц, В. Остафьев, Н. Я. Ядринцев, И. Я. Козлов, Н. Я. Коншин, Г. Е. Катанаев, С. Гуляев, И. Я. Слопцов, Н. А. Золотов, Ю. А. Шмидт и другие.

В западносибирских краеведческих обществах принимали участие казахи М. Чорманов, Чингис Валиханов, начинал свою деятельность А. Букеев.

К 90-м годам XIX в. в числе членов Западно-Сибирского отдела географического общества было много лиц, разбросанных по Казахстану и связанных с политической ссылкой: Ф. А. Шербина (Омск), Л. К. Чермак, А. И. Янцеквич (Петропавловск), М. И. Суворцов (Семипалатинск), В. А. Рогалевич (Атбасар), Е. П. Михаэлис (Усть-Каменогорск), Н. Я. Коншин (Семипалатинск), Л. А. Кузнецов (Петропавловск), Г. А. Галимонт (Семипалатинск). Среди сотрудников отдела были лица из Верного, Зайсана, Лепсинска, Атбасара, Кокчетав, Щучинска и других городов.

В изучении Северного Казахстана краеведческие общества проделали большую работу, собрали и опубликовали значительные материалы по истории, экономике, природным условиям края.

Краеведы из Петропавловска, Кокчетав, Акмолинска, Атбасара оказывали содействие в работе Западно-Сибирского отдела Географического общества, являлись его сотрудниками. Некоторые врачи из разных уездов принимали участие в деятельности Омского медицинского общества. Среди них Н. И. Пахолков (Петропавловск), М. А. Шестаков (Семипалатинск), В. Д. Осовнин (Кокчетав), Н. Л. Зеланд (Верный), В. К. Барсук, Б. М. Мариупольский (Петропавловск), А. А. Полубинский (областной врач Акмолинской области) и другие.¹⁷

Ярким примером участия политических ссыльных в краеведческой работе является деятельность Семипалатинского статистического комитета. Он был открыт в 1883 году благодаря заботам политического ссыльного Е. П. Михаэлиса. Сотрудничали в нем ссыльные народники Н. И. Долгополов, А. А. Блек, А. А. Леонтьев, С. С. Гросс, П. Кашинский, местные краеведы А. Земляничин, Г. Шестаков, А. Герн, С. Никитин и другие. Вместе с ними в комитете были Абай Кунанбаев, Амре Айтбакин, Ахун Мунайтпасов.

Трудами краеведов был создан местный музей с экспонатами по этнографии, местной флоре и фауне, минералогии. Это был один из известных музеев не только в Казахстане, но и во всей Сибири. Одновременно была создана библиотека статистического комитета. В ней были собраны книги, относящиеся к Прииртышью, художественная литература, существовал отдел детской книги. Библиотека получала несколько десятков газет и журналов. В культурной жизни края статистический комитет играл большую роль. Ставился вопрос об открытии в Семипалатинске отдела Геогра-

фического общества. Краеведы Семипалатинска публиковали свои статьи в «Семипалатинских областных ведомостях», «Памятных книжках» Семипалатинской области, в газетах «Восточное обозрение», «Сибирской газете».

Центром изучения Южного Казахстана были научные учреждения Ташкента, где научной деятельностью занимались народники П. И. Пашино, Г. С. Загряжский, Д. Иванов, В. И. Межов, Г. Усов, И. Гейер, Е. Смирнов и др. Однако изучением местных вопросов занимались и представители колониальной администрации, занимавшие важные должности — Н. И. Гродеков, С. А. Идаров, Н. А. Маев, Г. А. Арендаренко, А. П. Хорошкин, М. А. Терентьев. В тесной связи с ними были местные краеведы. В «Материалах для статистики Сырдарьинской области», «Туркестанских ведомостях» увидело свет множество исследований краеведческого характера. Было издано несколько специальных исследований по проблемам Казахстана. Вместе с тем и здесь в деятельности научных обществ принимали участие казахи, татары. Особые исследования проводили И. Букин, Н. Жетпысбаев, А. Диваев. Х. Кустанаев.

Одним из центров исследовательской деятельности было Жетысу. Здесь экспедиционные поездки предпринимали П. П. Семенов-Тянь-Шанский, позже А. Н. Краснов, А. Ф. Голубев, М. И. Венюков. Научной деятельностью занимались Н. А. Аристов, Ф. Костенко, Н. И. Пантусов, Г. С. Загряжский, Н. И. Метелицын, В. А. Монастырский, А. Флеров и другие.

Исследователи Южного Казахстана публиковали материалы в различных изданиях, в том числе в газетах «Туркестанские ведомости», «Семиреченские областные ведомости», в серийных трудах «Материалы для статистики Туркестанского края», «Материалы для статистики Сырдарьинской области», «Памятные книжки Семиреченской области», ведомственных изданиях.

Исследованием Жетысу и Южного Казахстана занимались лица, объединенные в различные туркестанские научные общества в городе Ташкенте. Участниками таких краеведческих обществ были Н. Л. Зеланд, Н. А. Маев, А. П. Хорошкин, В. И. Межов, Г. А. Арендаренко, Е. Т. Смирнов, И. В. Аничков, И. Гейер, Н. П. Остроумов.

Наряду с ними необходимо отметить краеведческие работы местных уроженцев Ишмухаммеда Букина, автора статей «Физическое и умственное воспитание у киргиз (казахов. — *Ред.*)», «Русско-киргизский и киргизо-русский словарь». Худыбай Кустанаев опубликовал работу «Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов». Археологическими работами занимался Ногайбай Жетпысбаев. Здесь работал Ш. М. Ибрагимов, собрал и опубликовал разнообразные материалы по казахской фольклористике Абубакир Диваев.

В 1896 году начала работать «Экспедиция по обследованию степных областей». Создавая такую экспедицию по обследованию всех уездов Степного края, Министерство государственных имуществ надеялось результаты исследований приобщить к проведению земельной политики в Казахстане. В задачу экспедиции входило исследование и описание территории в естественно-историческом отношении, установление типов земель, значение в этом вопросе аулов и волостей, приемы хозяйствования, приемы землепользования. Основной упор делался на хозяйственно-статистическое обследование в целях переселения крестьян из центральных губерний России. В состав экспедиции вошли Ф. А. Щербина,

А. Букейханов, Л. К. Чермак, П. А. Васильев, Н. Ф. Гусев, Н. Белев, В. А. Владимировский, Н. Ф. Дмитриев, большая группа казахской интеллигенции — У. Базанов, Т. Жалмухамедов, И. Жаксылыков, И. Кудайкулов, И. Тлекеев, Г. Саркин, Р. Марсеков, Е. Итбаев, М. Бекетаев, М. Чумбалов, Д. Сатыбалдин, Т. Есенгулов и другие.

Формирование мировоззрения казахских исследователей в 60–90-х гг. XIX в. шло в основном под влиянием народнической идеологии. Они усваивали взгляды и методику ссыльных народников. Однако между ними были идейные расхождения. Часть из них стояла на позициях господствующего класса, идеализировала прошлое. В целом же казахская общественная мысль начала освобождаться от патриархальщины, незрелости не только самих идей, но и форм их выражения. Казахские просветители выступали против застойности кочевого общества, понимали важность земледелия и развития общественной жизни в целом.

Среди участников экспедиции были экономисты, ботаники, почвоведы, агрономы. Они собрали и подготовили тринадцать томов издания «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф. А. Щербины» (т. I–XIII. 1898–1908 гг.). Данные материалы являются незаменимым источником по состоянию казахского хозяйства конца XIX–начала XX веков. Темы казахского хозяйства, крестьянского переселения широко освещались на страницах журналов и газет конца XIX века. Однако большинство авторов таких статей склонялось к мнению, что разрешение аграрного кризиса в России возможно за счет крестьянского переселения. Подобная постановка вопроса оказалась ошибочной. Она не учитывала всесторонне положение казахских аулов, менталитет казахского народа.

Однако, большая заслуга исследователей аграрных отношений заключается в том, что они оставили обилие фактического материала, произвели огромную статистическую работу, сохранившую свое значение до наших дней.

Другим вопросом, интересовавшим научные общества, была история казахского народа. История Казахстана стала предметом изучения многих исследователей. Изучая самобытность казахского народа, исследователи обращались к различным отраслям знаний. Внимание политических ссыльных привлекала археология Казахстана. Работы о некоторых объектах в Казахстане опубликовали Н. Коншин, Д. Кастанье, А. Харузин, Л. Чермак, Д. А. Клеменц, Л. Каллаур, Д. И. Иванов. Было опубликовано большое количество статей по этнографии казахов. Одна из наиболее интересных работ этого характера («К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи») была выполнена Ф. Зобниным. Здесь были использованы архивные материалы и имеющаяся литература.

Исследователи второй половины XIX века проводили большую работу по сбору и обработке статистических данных. Так, в 70–80-х годах XIX столетия впервые в Казахстане были проведены опыты переписи населения. Е. Михаэлис и А. Тилло произвели перепись населения города Семипалатинска и всего Кустанайского уезда. Силами статистических комитетов осуществлялась перепись населения и дворов, военно-конские

переписи. Так, в 1888—1892 гг. военно-конская перепись частично проводилась в Акмолинской и Семипалатинской областях.

В связи с административными реформами в области управления Казахстаном нужна была разработка и систематизация обычного права казахов. Различные учреждения, начиная еще с 40-х годов XIX века, приступили к сбору записей обычного права казахов.

По обычному праву казахов много работали такие исследователи, как Д. Андре, А. Леонтьев, И. И. Крафт, Г. С. Загряжский, Н. Гродеков и другие. Так, запись народных обычаев по судопроизводству, по семейному, земельному праву была предметом внимания работы Семипалатинского комитета.

Инициаторами сбора материалов по обычному праву казахов выступили А. Л. Леонтьев, С. С. Гросс, А. Блок, Е. Михаэлис, А. Карелин, Н. Якимов. В 1886 году статистический комитет издал «Материалы для изучения юридических обычаев киргиз».¹⁸ Сюда вошли труды политических ссыльных, принимавших участие в составлении сборника.

Казахская общественность с удовлетворением встретила появление публикации по обычному праву. Газета «Дала уалаятының газеті» поместила специальное сообщение.¹⁹ В дополнение к этому сборнику в 1890 г. А. Леонтьев опубликовал статью «Обычное право у киргизов». Здесь автор утверждал, что шариат никогда не был основой права у казахов. Ни магометанство, ни русское влияние к концу XIX века не подорвали в Степи основ обычного права, существующего издавна. К этому положению присоединялись и другие юристы — Н. И. Гродеков, Г. С. Загряжский, А. Изразцов, Р. И. Метелицын.

Немалую роль в создании фондов научного материала по Казахстану сыграли областные статистические комитеты. В положении о статистических комитетах сказано: «Главное назначение сих комитетов состоит в исправном содержании местной административной статистики, а именно: в установлении по каждой губернии или области правильнейших способов собирания, по требованию правительства и указаниям Центрального статистического комитета, точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселения и производительных силах губернии или области, и в проверке и обработке этих сведений...».²⁰ В их деятельность народники вложили много энергии. Акмолинский областной статистический комитет был открыт в 1878 году, Уральский — в 1896 году, Тургайский — в 1895 году, Семиреченский — в 1879 году, Сырдарьинский — в 1887 году.

Особое место в изданиях статистических комитетов занимают областные обзоры с подробными сведениями о естественных и производительных силах, народном хозяйстве, ирригационных системах, путях сообщения, населении и его занятиях, податях и налогах, просвещении и т. д. Этим обзорам сопутствовали сводные статистические таблицы. Вначале такие обзоры служили приложениями к ежегодным всеподданнейшим отчетам губернаторов. Со временем в обзорах, наряду со статистическими материалами, стали публиковаться и статьи отдельных авторов. В Туркестанском крае всего было издано до 100 выпусков обзоров, в том числе: «Обзоры Семиреченской области» начали издаваться с 1882 года и выходили регулярно до 1913 года, по Сырдарьинской области «Обзоры» на-

чали выходить в 1885 году и выходили до 1895 года. Дополнительно Сырдарьинский областной статистический комитет выпускал ежегодно с 1891 по 1907 год «Материалы для статистики Сырдарьинской области».

Кроме областных обзоров комитеты выпускали также свои труды и другие издания. Например, Сырдарьинский комитет издал один том своих трудов, 13 выпусков «Сборников материалов для статистики Сырдарьинской области». Семиреченский областной статистический комитет опубликовал 5 томов «Памятных книжек и адресов-календарей Семиреченской области» (1898–1905).

Политические ссыльные исследовали прошлое и настоящее казахского народа с позиций народничества. Так, в этнографические описания они всегда включали социальные и политические вопросы. Их исследования и статьи, как правило, имели социальное звучание, с либеральным и реформистским уклоном. Народники выступали против рассмотрения казахской действительности как экзотики. И хотя в целом народники не сумели до конца разобраться в сложной структуре казахского общества, они отмечали эксплуатацию одних другими, стремились обратить внимание общества на угнетенное положение трудовой части русского и казахского народов, критиковали царское самодержавие, пропагандировали идеи свободы.

В своей научной деятельности политические ссыльные в Казахстане исходили из общей идейной основы народничества, но новые конкретные социально-экономические и общественные условия приводили их нередко к неожиданным выводам. Они наблюдали проникновение капитализма в социально-экономическую жизнь окраины, в этой связи их особенно интересовало крестьянское переселение и положение рабочих в крае, развитие обрабатывающей и горнодобывающей промышленности. Работы, написанные народниками, правдивы и научно состоятельны по сравнению с официальными изданиями царской администрации.²¹

Во второй половине XIX в. на территории Казахстана работало множество историко-статистических, этнографических, геологических и географических экспедиций. Как правило, активными участниками их были народники. В каждой экспедиции в качестве проводников и переводчиков принимали участие представители местных национальностей, чаще всего казахи.

Проводники и переводчики одними из первых вступили в контакты с народниками. Переводчики не только многое воспринимали, но и с готовностью делились теми сведениями, которыми располагали сами. Они были носителями знаний, материальной и духовной культуры своего народа, знали степные предания, важнейшие решения биев, положения обычного права, ритуалы и обряды, систему ведения скотоводческого хозяйства, пути кочевания и т. д. Впоследствии многие из этих вопросов нашли отражение в научных работах народников.

Такие взаимоотношения представителей двух народов, многочисленные контакты между ними способствовали сближению казахов и русских. Творческое содружество казахских и русских представителей заложило демократические основы в развитие казахской общественной мысли. Представители русской демократической и революционной мысли в про-

тивовес царским колонизаторам способствовали развитию дружественных отношений между казахскими и русскими исследователями.

Развитие научных обществ в Казахстане во второй половине XIX века выдвинуло большое количество исследователей-казахов. Они воспринимали передовые идеи казахских просветителей и знакомились с научными взглядами и методологией политических ссыльных. Среди исследователей-казахов многие не только разрабатывали вопросы истории, литературы Казахстана, но и опубликовали целый ряд работ.

Во второй половине XIX века зародилась казахская национальная печать. В 1870–1882 годах в Ташкенте выходила «Туркестанская степная газета». Она была приложением к «Туркестанским ведомостям», тираж — 500 экземпляров. В последний период выходила как самостоятельный орган. Основой издания было распространение различных распоряжений и указаний царской администрации. Вместе с тем давалось описание различных местностей края. Отдельные сведения о путешествиях, урожаях, состоянии сельского хозяйства — ветеринарии, эрозии, водопользовании. Открытие разработок, состояние перерабатывающей промышленности, проведение телеграфа, женский вопрос и различные сведения по этнографии попадали на страницы газеты. Редактировали издание Ш. Ибрагимов и Х. Жанышев.

В Омске выходила газета на казахском языке «Киргизская степная газета» («Дала уалаятынын газеті»). Она издавалась в 1888–1902 годах. Это было приложение к «Акмолинским областным ведомостям». На ее страницах пропагандировались идеи просветительства. В официальной части публиковались различные постановления и распоряжения администрации. На ее страницах также поднимались в определенной мере различные вопросы быта, культуры казахов. Были опубликованы варианты казахских исторических преданий и эпоса «Козы Корпеш и Баян сулу», «Камбар-батыр», «Бозжигит», «Енлик — Кебек», различные сюжеты о Кожанасыре, Алдаре Косе, о певце Жиренше и другие материалы. Здесь печатали свои статьи казахские публицисты и исследователи.

Такие исследователи, как Н. Жетпысбаев, И. Ибрагимов, А. Д. Айтбакин, Х. Бабажанов, Х. Каржасов, С. Батыршин, Б. Даулбаев, М. Горманов, А. Диваев, И. Букин, С. Б. Нурмухамедов, Т. Сейдалин, А. Сейдалин, С. Жантюрин своей деятельностью и публикациями способствовали развитию научной деятельности и общественной мысли среди казахов. Безусловно, все они по-разному участвовали в работе научных обществ, своеобразно воспринимали идеи передовой русской культуры, но участие казахов-исследователей в общественной жизни Омска, Семипалатинска, Ташкента, Уральска и других городов явилось составной частью общественно-политической жизни Казахстана в 70–90-х годах XIX века.

Участие казахских просветителей-демократов в работе дореволюционных научных обществ Казахстана было одним из путей приобщения казахского народа к демократической русской культуре, к идеям политических ссыльных — участников русского освободительного движения.

Русские ученые бескорыстно и самоотверженно работали на научном поприще в гуще казахского, дунганского, уйгурского и других народов.

Среди этих народов они стремились распространять основы современных знаний. Именно поэтому царские власти относились весьма холодно к активности передовой интеллигенции, они опасались, что деятельность политических ссыльных, идущая вразрез с целями царских властей, может повлиять на более отсталые слои населения.

В этом отношении особенно характерным является привлечение к работе научных обществ казахских демократов-просветителей Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, выдвинувшихся в Казахстане как проводники демократической русской культуры.

---

¹ ПСЗРИ. Собрание второе, т. XIX. Отделение второе.

² *Алекторов А.* Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей. // Журнал МНП, № 12, 1905, с. 159.

³ *Тажикаев Т.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века, А., 1962, с. 268, 274, 281.

⁴ Там же, с. 282–307, 322–329.

⁵ Там же, с. 332–353.

⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. П. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XVII. Киргизский край. СПб, 1903, с. 173.

⁷ ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 3804, л. 39–42.

⁸ *Сабитов Н.* Мектебы и медресе у казахов. А., 1950, с. 16–17.

⁹ ЦГА РК, ф. 90, оп. 1, д. 494, л. 84–86; Туркестанские ведомости. 1874, 22 июня.

¹⁰ *Сабитов Н.* Мектебы и медресе у казахов, с. 19–20.

¹¹ Шертпе — прием извлечения звуков одним пальцем, а не одновременно двумя-тремя пальцами. Этот способ игры наиболее распространен в северо-восточных областях Казахстана.

¹² Этот эпизод из жизни Биржана вошел в классическую казахскую оперу «Биржан и Сара» М. Тулебаева, написанную в 1946 г. на либретто Х. Джумалиева.

¹³ *Львович Л.* По киргизской степи. Пг., 1914, с. 108–109.

¹⁴ Этнографическое обозрение. Кн. 3. М., 1889.

¹⁵ Туркестанские ведомости, 1890, 16 октября.

¹⁶ *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. А., 1966, с. 207–214.

¹⁷ *Галиев В. З.* Медицинская деятельность ссыльных революционеров в Казахстане (вторая половина XIX века). А., 1981, с. 36–85.

¹⁸ Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Труды Семипалатинского обл. стат. комитета. Вып. 1. Омск, 1886.

¹⁹ Дала уалаятынын газеті, 1889, № 10, 10 марта.

²⁰ ЦГА РК, ф. 15, оп. 2, д. 44, л. 42.

²¹ *Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А.* Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. А., 1971, с. 163–233.

Глава четвертая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1. НАСЕЛЕНИЕ КРАЯ В НАЧАЛЕ ВЕКА

В начале XX века наблюдался дальнейший быстрый рост населения Казахстана как в результате резко возросших миграционных потоков из внутренних губерний Российской империи, так и за счет значительного естественного прироста, в особенности переселенцев. Только в 1897–1917 гг., т.е. в первые два десятилетия после Первой всеобщей переписи Российской империи, численность населения Казахстана (на территории, близкой к его современной), по нашим подсчетам, увеличилась с 4147,7 тыс. до 5045,2 тыс. чел., т.е. на 25,7%.

Но в эти же десятилетия численность казахов в Российской империи подвергалась резким колебаниям: если в 1897–1915 гг. их число выросло с 3881,8 тыс. до 4753,6 тыс. чел., т.е. на 22,4%, то в 1917 г. они составляли всего 4061,3 тыс. чел., т.е. по сравнению с 1915 г. их численность уменьшилась на 22,3%, а по сравнению с 1897 г., т.е. за 20 лет, выросла всего на 180,5 тыс. чел. или на 4,5%. В результате этого удельный вес казахов в составе населения России упал с 3,02% в 1897 г. до 2,69% в 1915 г. и до 2,3% в 1917 г. В Казахстане, где сосредоточивалась подавляющая часть коренного населения, четко проявились эти колебания: в 1897 г. в крае (на территории, близкой к современной) казахов было 3384 тыс., в 1915 г. — 4205,2 тыс., а в 1917 г. — 3615,1 тыс. чел.

Таким образом, за эти годы число казахов выросло всего на 231 тыс. чел., т.е. на 6,8%, при этом основной рост происходил до 1915 г., когда ряды казахов увеличились почти на 821 тыс. чел., или на 24,3%. В итоге удельный вес казахов в составе населения края упал с 81,7% в 1897 г. до 59,8% в 1917 г. Ухудшение демографической ситуации среди казахов объяснялось, в первую очередь, его низким естественным приростом, т.е. невысоким уровнем преобладания рождаемости над смертностью. Сравнительный анализ уровня естественного прироста основных демографических данных края дает по этому вопросу убедительные примеры. По шести основным областям на 1 тыс. чел. приходилось в целом в 1897–1906 гг. по 11,3% естественного прироста населения, а в 1907–1916 гг. — по 15,3%; в Акмолинской же области, где удельный вес русских и украинцев, вместе взятых, с 33,0% в 1897 г. вырос до 55,7% в 1917 г., естественный прирост населения за эти два десятилетия составил 38,9%. В областях,

где преобладали казахи, естественный прирост был значительно ниже: в Семиреченской — 25,7%, Сырдарьинской — 25,6%, Уральской — 20%, Семипалатинской — 15,6%. В Тургайской же области, где удельный вес русских и украинцев, вместе взятых, вырос с 7,7% в 1897 г. до 37,6% в 1917 г., естественный прирост населения был значительно выше этого — 35,1%. Еще более четко эта тенденция проявляется при сопоставлении уровня естественного прироста оседлого и кочевого населения края. Последнее во всех его областях было представлено казахами, исключение составляла лишь Семиреченская область, в Пишпекском и Пржевальском уездах кочевое население в основном состояло из кыргызов.

Так, например, в Акмолинской области в 1900 г. естественный прирост оседлого населения составлял 1,99% к общему его числу, а у кочевого же — всего 0,76%; в 1901 г. — 2,78% и 0,54%, в 1914 г. — 3,25% и 0,92% соответственно, т. е. у казахов естественный прирост был в 1909 г. в 2,6 раза ниже, чем у русских и украинцев, в 1910 г. — в 5,1 раза, в 1914 г. — в 3,5 раза. С некоторыми колебаниями эта тенденция наблюдалась в Тургайской, Уральской, Семиреченской и других областях края. Низкий уровень естественного прироста казахского населения объяснялся высокой смертностью в его рядах, в особенности детей, из-за тяжелых условий кочевого образа жизни, широкого распространения эпидемических заболеваний и отсутствия медицинского обслуживания. Особо негативную роль сыграли также последствия востания казахов 1916 г., которое было подавлено царскими карательными отрядами, когда погибли тысячи не только участников этого национально-освободительного движения, но и мирных жителей (стариков, женщин и детей). Значительная часть казахов спасалась бегством, уйдя из пределов империи в Китай, Турцию и другие страны. Только из Семиреченской области в 1916 г. за рубеж бежало 300 тыс. чел. Ученые-исследователи предполагают также, что, вероятно, и из Сырдарьинской и Семипалатинской областей эмигрировало казахского населения не меньше.

Особенностью территориального размещения как коренного, так и пришлого населения по остальным регионам края, которая предопределялась сложившимися историко-демографическими условиями вообще, миграционными процессами и уровнем естественного прироста, в частности, являлась его крайняя неравномерность. И в конце XIX в., и в начале XX в. основная масса казахов — 70% — сосредоточивалась в двух регионах края, на его юге и западе. В южных областях — Сырдарьинской и Семиреченской — в 1897 г. проживало более 1,2 млн казахов (709 тыс. и 515 тыс. соответственно), что составляло 36,0% всего коренного населения края (20,8 и 15,2% соответственно). И в 1917 г. удельный вес казахов этого региона оставался почти на этом же уровне — 34,3% (20,4 и 13,9% соответственно). В западном регионе (т.е. Тургайская и Уральская обл., Внутренняя Орда и Мангышлакский уезд), где проживало от 1,1 млн до 1,2 млн казахов, они составляли в 1897 г. 34,8%, а в 1917 г. — 35,4%. 17–18% от общего числа коренного населения приходилось на Восточный и Центральный Казахстан, территория этих регионов входила в основном в состав Семипалатинской области, где в 1897–1917 гг. проживало более 500 тыс. казахов. В Северном Казахстане, т.е. в Акмолинской области, проживало всего 13% от общего числа казахов края, хотя их численность за эти 20 лет (1897–1917 гг.) увеличилась почти на 100 тыс. чел., с 389 до 482 тыс. чел.

Соответственно такому неравномерному территориальному размещению и определялся удельный вес казахов в составе многонационального населения основных регионов края. При этом общая тенденция уменьшения удельного веса казахов на своей исконной территории, начавшаяся с началом присоединения к России и особенно усилившаяся в начале XX века (с 81,7% в 1897 г. до 59,8% в 1917 г.), четко проявилась во всех регионах края, в том числе и в наиболее сравнительно густонаселенных казахами. Так, например, удельный вес коренного населения с 1897 г. по 1917 г. сократился в Сырдарьинской области на 29,1%, с 88,8% до 59,7%, Семиреченской — на 35,2%, с 77,6% до 42,4%, Семипалатинской — на 21%, с 88,3% до 57,3%, Тургайской — на 22,4%, с 90,6% до 58,2%, Уральской — на 18,8%, с 71,3% до 52,5%.

За эти 20 лет удельный вес казахов значительно сократился и в компактно населяемых ими Внутренней Орде (на 12,2%, с 96,5% до 84,3%) и в Мангышлакском уезде (на 7,3%, с 93,0 до 82,7%). Только в этих двух административных единицах казахи составляли подавляющее большинство, а в Акмолинской и Семиреченской областях их стало намного меньше половины (40,5% и 42,4% соответственно). В трех областях: Сырдарьинской, Тургайской и Уральской их стало немногим больше половины (59,7%, 58,2% и 52,5% соответственно). Сравнительно высокий удельный вес казахов (более двух третей) наблюдался только в одной Семипалатинской области — 67,3%. Особенно заметно было сокращение удельного веса казахов в Петропавловском и Кокчетавском уездах Акмолинской области и Уральском уезде Уральской области, где они в 1917 г. составляли около четверти всего их населения (25,0%, 24,1% и 25,3% соответственно), а в Кустанайском уезде казахов было немногим более одной трети (35,3%) всех его жителей.

На уменьшение удельного веса коренного населения Казахстана сильно повлияли и миграционные процессы, в особенности значительно возросшие в начале XX века переселенческие потоки русских, украинцев и представителей других национальностей из внутренних регионов империи.

При этом в 6 областях региона механический прирост населения в 1897–1917 гг. составил 1 301,4 тыс. чел., т.е. почти приравнялся к его естественному приросту (1 446,1 тыс. чел.). За эти же годы в Казахстан прибыло 24,9%, т.е. почти четвертая часть всех переселенцев на окраины империи. Анализ данных по 360,7 тыс. мигрантам, прибывшим в регион в 1906–1912 гг. в результате столыпинской аграрной реформы, показывает, что 80,6% их являлись выходцами из Украины, а оставшиеся 19,4% — с юга России. Среди приехавших из Украины преобладали жители Полтавской, Харьковской, Киевской и Черниговской губерний, а с юга России — Воронежской и Саратовской губерний.

При этом основная масса этих переселенцев расселялась в Акмолинской и Тургайской областях и только первоначальная их часть — в других областях края. Так, например, из переселившихся в 1897–1916 гг. 1 301,4 тыс. чел. в Акмолинскую область прибыло 731,5 тыс., т.е. 56,2%, и в Тургайскую — 199,0 тыс. чел., т.е. 15,3%. Поэтому в Акмолинской области темпы механического прироста в 2,2 раза опережали уровень естественного роста (731,5 тыс. против 325,2 тыс. в 1897–1916 гг.). На Семипалатинскую область из общей массы переселенцев всего приходилось 130,1 тыс.

чел. (10,0%), Семиреченскую — 118,5 тыс. (9,1%), Уральскую — 82,0 тыс. (6,3%) и Сырдарьинскую — 40,0 тыс. (3,1%).

В результате этого, а также высокого естественного прироста пришлого населения численность русских выросла с 451,2 тыс. в 1897 г. до 1091,9 тыс. в 1917 г., т.е. в 2,4 раза, а их удельный вес достиг 18,4% против 11,4%. Численность же украинцев за это время увеличилась с 79,3 тыс. чел. до 653,3 тыс. чел., т.е. в 8,3 раза, а их доля — с 2,0% до 11,0%.

Таким образом, русские и украинцы, вместе взятые, в 1917 г. в Казахстане насчитывали более 1745 тыс. чел. и составляли немногим меньше одной трети — 29,4% — всего населения края. Эта тенденция быстрого роста численности удельного веса русских и украинцев еще более высокими темпами продолжала развиваться и в последующие годы XX в.

Соответственно главным направлениям миграционного прироста происходило и территориальное размещение русских и украинцев, которое также отличалось неравномерностью. Более одной трети их — 33,6% — сосредоточивалось на севере Казахстана в Акмолинской области: там насчитывалось в 1917 г. 344,5 тыс. украинцев и 241,8 тыс. русских, которые соответственно составляли 29,6% и 20,8% всего населения области, а вместе взятые — более половины — 50,4%. Наиболее населенным русскими и украинцами стал запад Казахстана, где их в 1917 г. было соответственно 495,8 тыс. и 210,2 тыс. чел., а вместе взятые — 706 тыс. чел., т.е. более 41,0% жителей этого региона. Притом в Уральской области русских было 359,2 тыс., а украинцев — 25,8 тыс., которые составляли соответственно 41,4% и 3,0%, а вместе взятые — 44,4% населения всей области. В Тургайской области русских было 136,5 тыс., украинцев — 184,6 тыс. чел., удельный вес их достигал соответственно 16,0% и 21,6%, а вместе взятые — 37,6% населения области. В центральном и восточном регионах (т.е. Семипалатинской области) численность русских и украинцев также значительно увеличилась: с 68,3 тыс. до 196,5 тыс. чел., т.е. в 2,9 раза и они представляли собой более одной пятой всего населения области; их удельный вес вместе взятых достиг в 1917 г. 21,7% против 10% в 1897 г. В восточном регионе переселенческое население главным образом за счет Семиреченского казачьего войска и незначительного числа крестьян выросло с 92,8 тыс. до 256,4 тыс. чел., или в 2,7 раза, а их удельный вес составлял всего 12,1%, в основном за счет русских и украинцев Семиреченской области: 191 тыс. чел. и 20,8% населения области. Наименее населенной переселенцами оставалась Сырдарьинская область, где в 1917 г. было всего 75,4 тыс. русских и украинцев, составлявших всего 5,9% населения области. Среди переселенцев почти вдвое преобладали русские, исключение составляли Акмолинская и Тургайская области, где в 1917 г. было соответственно 344,5 тыс. и 184,6 тыс. чел. украинцев, а их удельный вес в составе населения этих областей достигал соответственно 29,6 и 21,6%.

Таким образом казахи, русские и украинцы в начале XX века составляли от 87 до 95% всего населения края, где кроме них проживали также татары, узбеки, дунгане, мордва и др. По переписи населения 1897 г. в Казахстане проживало около 55 тыс. татар, 55 тыс. уйгуров, 30 тыс. узбеков, 15 тыс. дунган, 10,5 тыс. мордвы и т.д. В начале XX века их численность несколько увеличилась, так, например, в 1917 г. в крае насчитывалось уже около 93 тыс. татар, 25 тыс. мордвы и т.д. Значительное число татар жило

в Акмолинской (20 тыс.), Семипалатинской (38,3 тыс.), Уральской (14,5 тыс.) и Семиреченской (13,0 тыс.) областях, узбеки населяли в основном юг, а уйгуры и дунгане — Семиреченскую область. Основная часть мордвы проживала в Акмолинской области (22,2 тыс.), в ее Кокчетавском (18,3 тыс.) и Петропавловском (3,9 тыс.) уездах.

Более 90% населения Казахстана жило в сельской местности. Главным занятием его издревле было кочевое скотоводство. В конце XIX—начале XX вв. земледелие становится основным занятием большей части населения. Им, кроме крестьян-переселенцев, занимались и казахи, которые по переписи 1897 г. составляли 55,4% всего земледельческого населения края.¹ Подавляющее большинство сельского населения — почти 2/3 казахских шаруа и крестьян-переселенцев были бедняки и батраки.² Усилилось классовое расслоение, причем не только в переселенческой деревне, но и в казахском ауле: земля и скот сосредоточивались в руках крупных феодалов, баев и кулачества. В начале XX в. в 10 уездах четырех степных областей края от 88 до 91% лошадей принадлежали зажиточным шаруа и баям.³ Один из крупных феодалов Внутренней Орды заседал 700 десятин земли, разводил скот для продажи, нанимал 20—30 постоянных и 300—400 сезонных рабочих.⁴ Влиятельные баи братья Баймухамедовы имели 3,5 тыс. десятин земли, а Дерби-сали Беркимбаев — 20 тыс. десятин земли и т.д.⁵ Разорившиеся крестьяне пополняли ряды сельскохозяйственных батраков, уходили на заработки и т.д.

При абсолютном преобладании сельских жителей в крае все же наметилась тенденция роста городского населения. Во всех областях городское население выросло за 1870—1897 гг. почти в три раза, в 1897—1914 гг. — более чем в полтора раза. В дооктябрьский период здесь насчитывалось 28 городов, из них только пять древних: Чимкент, Аулие-Ата (Тараз), Туркестан, Перовск (Ак-Мечеть) и Джаркент, остальные 23 возникли в ходе или после присоединения края к России. И все же до Октябрьской революции здесь не было ни одного крупного города с населением свыше 50 тыс. человек, только четыре города приближались к этой цифре: Уральск в 1915 г. — 47,5 тыс., Петропавловск в 1911 г. — 43,2 тыс., Верный в 1913 г. — 43,2 тыс. и Семипалатинск в 1911 г. — 34,4 тыс.⁶ В 1914 г. в каждом из 19 городов края число населения не достигало и 10 тыс. человек.

Большинство городов возникли как административные центры. Постепенно, в особенности в конце XIX—начале XX вв., в сравнительно крупных городах — Уральске, Петропавловске, Верном, Семипалатинске, Кустанае, Чимкенте, Аулие-Ате и других, становившихся центрами торговли и переработки животноводческих и земледельческих продуктов, начался процесс промышленного развития.

Население городов росло в основном за счет миграционных процессов. В городах Казахстана жили преимущественно русские, казахи и татары. В 1897 г. удельный вес русских среди горожан Уральской области составлял 82,8%, Тургайской — 76,2%, Акмолинской — 56,4%, Семипалатинской — 54%, всего по этим четырем областям — 66,7%. Казахи среди горожан этих областей составляли 16%, татары — 14,3%, прочие — 3%.

Социальный состав городского населения был различным. Около 20% горожан девяти областей Средней Азии и Казахстана, по подсчетам исследователей, занимались сельским хозяйством и сельскохозяйственными

ми промыслами (крестьяне, батраки и пр.). Удельный вес военных чинов администрации, суда и полиции достигал 7,1%, служителей культа — 1,7%. Наиболее крупной социальной группой являлась торговая буржуазия — 20,3%, но сюда вошли все занятые в торговле, в том числе наемные рабочие. Доля рантье составляла 2,1%. Эти социальные группы, в основном занимавшиеся непроизводительным трудом, составляли 31%.

Остальная часть городского населения Средней Азии и Казахстана (48,8%) по роду занятий распределялась так: в горной, горнодобывающей и пищевой промышленности — 33,1% (в основном рабочие и служащие), прислуга, поденщики — 9,6%, прочие — 6,1%.⁷

Все же социально-экономический облик дореволюционного Казахстана определяли не эти малочисленные города, терявшиеся на его огромной территории. По всей вероятности, можно согласиться с определением X съезда РКП(б), относившим Казахстан к числу национальных окраин России, не успевших пройти капиталистическое развитие, не имевших или почти не имевших своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт.⁸ Но все же в Казахстане получили, хотя и слабое, развитие элементы капиталистического способа производства, что явилось одним из главных социально-экономических последствий его присоединения к более передовой России.

Из краткого анализа социально-демографической ситуации в Казахстане в начале XX века видно, что она отражала колониальное положение края: усилился процесс формирования многонационального состава населения, уменьшился удельный вес коренного населения и в то же время увеличилась доля пришлого населения, главным образом русских и украинцев; наблюдался некоторый рост городов и их населения с преобладанием в его составе переселенцев из других регионов метрополии и социальных слоев и групп, связанных с колониальной администрацией и предпринимательством.⁹

2. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Завершение присоединения Казахстана к России, начавшегося в начале 30-х гг. XVIII в., совпало с бурным развитием капитализма в России после отмены крепостного права в 1861 г. Прав был В. И. Ленин, признанный знаток истории капитализма в России, когда отмечал, что в России стремление капитализма расширяться на другие территории «особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь».¹⁰

В дореволюционном Казахстане, как колонии российского капитализма, получили развитие в основном две отрасли промышленности, для которых имелось сырье на местах. Это горнодобывающая и горнозаводская промышленность, а также промышленность по переработке сельскохозяйственных, преимущественно животноводческих продуктов. Развитие горной промышленности происходило на Рудном Алтае и в Центральном Казахстане, где

Коунрад в 1915 г.

разрабатывались месторождения цветных металлов и угля. Конечно, это не было планомерным развитием промышленности. На откуп отдавались месторождения, которые после 20 лет разработки истощались и забрасывались. В 1830-х гг. на Алтае возникли заводы и рудники А. Демидова, которые после его смерти из-за наличия в рудах серебра перешли в собственность «Кабинета» (царской фамилии). На этих предприятиях использовался труд крепостных крестьян, применялись отсталая техника, обязательная гужевая повинность, и поэтому они в пореформенный период пришли в упадок, а к концу XIX в., несмотря на отдельные попытки (строительство обогатительной фабрики в Зырянковске в 1887 г., применение более совершенной техники и технологии производства и т.д.) вовсе прекратили работу.¹¹

Более успешным было использование месторождений угля и цветных металлов в Центральном Казахстане, интерес к которым возник у русского купеческого капитала с начала 30-х гг. XIX в., чему способствовало отсутствие здесь монополии царской фамилии.

В 1834 г. купцом С. И. Поповым начали разрабатываться Богословское серебро-свинцовое в Каркаралинском уезде и другие рудные месторождения. В 1839 г. им был построен Благодатно-Стефановский (Куфский) завод для выплавки свинца и серебра, а в 1849 г. — Александровский (Баянаул). Через немногим более 20 лет эксплуатации оба завода прекратили свою работу. Наследники С. И. Попова в 1858—1859 гг. построили Новониколаевский серебро-свинцовый завод (на базе Богословского месторождения), проработавший до 1877 г.

В 40-х гг. XIX в. купцы Н. Ушаков, А. Рязанов, Зотов за бесценок купили у местных баев Карагандинское угольное месторождение, урочище Нельды с Успенским медным месторождением, районы Жезказгана и Спасско-Воскресенского рудника, где занимались производством меди. Н. Ушаков в 1857 г. построил Спасский медный завод. С. С. Попов

Ручной ворот для подъема руды на прииске Чимкулак (1891 г.).

(внук С. И. Попова) в 1887—1888 гг. основал близ Каркаралинска Косьмо-Демьяновский, недалеко от побережья оз. Балхаш — Степановский заводы, проработавшие с перерывами: первый — до 1913 г., второй — до 1907 г.¹²

Все эти предприятия строились и эксплуатировались предпринимателями без достаточных средств и опыта, при низкой технике производства и отсутствии квалифицированных рабочих. Большинство их владельцев гнались за легкой прибылью и в конце концов терпели крах.

В начале XX в. предприятия горной промышленности вообще, производящие медь в первую очередь, оказались в руках акционерных обществ иностранных предпринимателей. Одно из первых среди них — «Акционерное общество Спасских медных руд», возникшее в Лондоне в 1904 г. с целью эксплуатации предприятий, рудников и копей, принадлежавших ранее предпринимателям Рязановым и Козициной, которые представляли собой во второй половине XIX в. очаг медеплавильной промышленности края. Общество приобрело у русских предпринимателей Спасско-Воскресенский медный рудник со Спасским медеплавильным заводом и Успенский медный рудник, Саранские и Карагандинские каменноугольные копи, два железных рудника. Общество было смешанное — англо-французское — и возникло благодаря связям и влиянию французского капиталиста Клода Эрнеста Жана Карно — сына президента Франции М. Ф. Карно, добившегося заключения выгодной сделки путем подкупа царских чиновников. В правление общества входили четыре англичанина и четыре француза, его председателем был крупный английский капиталист, член парламента Артур Фелл, а вице-президентом — Э. Карно. Держателями акций общества были финансовые дельцы Америки, Германии, Швеции, Испании и других капиталистических стран. В Спасском обществе имели свои интересы

иностранные (Лондонско-Ливерпульский коммерческий, Дрезденский, Немецкий) и российские (Соединенный, Русско-Азиатский, Сибирский, Московский, Русский торгово-промышленный, Петербургский частный коммерческий и др.) банки, но на деятельность последних большое влияние имел иностранный, в особенности французский, английский и германский, капитал.¹³

В 1906 г. также в Лондоне для эксплуатации месторождений медных руд Жезказгана, купленных у наследников предпринимателя Рязанова, образовалось «Акционерное общество Атбасарских медных копей». Общество приобрело право на Жезказган, железный рудник в урочище Эскулы, 18 известковых карьеров и 4 каменноугольных месторождения в урочище Байконур. Общество в 1913 г. начало строительство в урочище Карсакапай медеплавильного завода, который так и не был построен до Октябрьской революции.¹⁴ К 1911 г. 40% акций этого общества оказались в руках «Акционерного общества Спасских медных руд», которое в 1913 г. полностью его поглотило, и месторождения Жезказгана с его предприятиями перешли в собственность Спасской компании.¹⁵

В 1914 г. Риддер и Экибастуз перешли в концессию «Русско-Азиатской корпорации», получившей в собственность в России рудники и заводы. Это была, по существу, английская компания, в которой верховодили такие крупные финансовые дельцы, как, например, Лесли Уркарт, и в 1914 г. она через свое дочернее общество «Иртышская корпорация» создает в Казахстане Риддерское и Киргизское горнопромышленные акционерные общества с целью эксплуатации месторождений Рудного Алтая и Экибастуза.¹⁶

В 1914 г. началось строительство Риддерского и других рудников, цинкового завода в районе Экибастуза, а в 1916 г. — свинцового завода на базе экибастузского угля и риддерских концентратов, в 1915—1916 гг. строилась Риддерская железная дорога, которая предназначалась для перевозки свинцово-цинковых концентратов из Риддера в Усть-Каменогорск. Далее эти концентраты отправлялись по Иртышу до пристани Ермак, откуда по Воскресенской (Экибастузской) железной дороге доставлялись на экибастузские заводы. Линия была закончена к концу 1916 г. и вплоть до 1917 г. свинцово-цинковые концентраты перевозились от Риддера до Экибастуза (примерно на расстояние около 700 верст) в основном гужевым транспортом.¹⁶ На Риддере были построены также небольшая обогатительная фабрика и Быструшская электростанция. Последняя вместе с Риддерским рудником в 1916 г. была затоплена паводковыми водами р. Быструхи.¹⁷

Одной из главных отраслей горной промышленности края 1880—90-х гг. была добыча золота. Только в Усть-Каменогорском уезде действовало более 125 приисков. Но в начале XX в. в силу ряда причин (высокий налог, отдаленность путей сообщения, недостаток средств, строительных материалов и т.д.) количество золотых приисков Усть-Каменогорского уезда сократилось до 50. Это вынудило золотопромышленников усилить централизацию капиталов, привлекать в свои товарищества инженеров, развивать производственно-техническое сотрудничество, улучшать технологию производства и т.д. В золотодобывающую отрасль вкладывают свои капиталы и крупные промышленники из Центральной России, Сибири и Алтая. Среди золотопромышленников преобладают русские и татарские предприниматели. В 1904 г. на базе 8 приисков Усть-Каменогорского уез-

да возникла «Алтайская золотопромышленная компания», в 1906 г. на базе 5 приисков и рудников Зайсанского уезда — «Маркакульское золотопромышленное товарищество», в 1912 г. на базе 9 приисков и рудников с золотоизвлекательной фабрикой в Усть-Каменогорском уезде — «Южно-Сибирское золотопромышленное товарищество». В состав «Российского золотопромышленного акционерного общества», продолжавшего добычу и в годы Первой мировой войны, входили Мариинский, Васильевский, Холмистовский и Акжальский прииски. Наиболее крупным был Акжальский. По данным исследователей, добыча золота на Алтае составляла около 15% от общероссийской.¹⁸

Экибастузское угольное месторождение, открытое в 1893 г., разрабатывалось «Воскресенским горнопромышленным обществом» с 1899 до 1903 г. Основными потребителями угля были Сибирская железная дорога, Западно-Сибирское пароходство, Кыштымские и Надеждинские заводы Пермской губернии, Омск, Семипалатинск, Риддер, Барнаул, Павлодар, Петропавловск и другие города края. Для вывоза угля была построена ширококолейная железная дорога длиной 110 верст от Экибастуза до пристани Ермак на Иртыше, откуда уголь доставлялся на баржах по Иртышу к Сибирской железной дороге и далее к местам сбыта. В 1903 г. Воскресенское общество потерпело крах, и только в 1914 г. возобновилась разработка Экибастузского месторождения, на этот раз «Киргизским горнопромышленным обществом», которое восстановило и железную дорогу и начало ее использовать как для перевозки угля до Иртыша, так и рудных концентратов Риддера для вновь построенных цинкового и свинцового заводов на Экибастузе.¹⁹

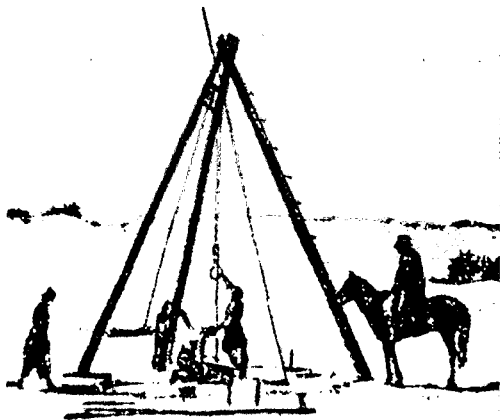
Карагандинские и Саранские угольные копи служили топливной базой Спасского медеплавильного завода. Для перевозки карагандинского угля до Спасского завода в 1906—1907 гг. была построена узкоколейная железная дорога. Это значительно повлияло на увеличение добычи и перевозки угля: добыча угля выросла более чем в четыре раза.²⁰

Разрабатывались и месторождения бурого угля. В 120 верстах от Жезказганских медных рудников в 1913 г. было разведано Байконурское месторождение, которое могло обеспечить топливом начавшийся строиться Карсакпайский медеплавильный завод. С 1915 г. недалеко от ст. Берчогур Ташкентской железной дороги кустарно разрабатывалось Ленгерское месторождение для обеспечения этой дороги топливом. С этого же месторождения снабжались углем и предприятия Чимкента и Ташкента.²¹

Производство меди в Казахстане осуществлялось главным образом на Спасском заводе, который работал на базе Успенского рудника в урочище Нельды. С 1904 по 1917 г. почти вся богатая руда этого рудника была выбрана. С началом Первой мировой войны Спасский завод сократил выплавку меди, а в 1916 г. прекратил свою работу.²²

Получила развитие добыча соли. Баскунчакский, Эльтонский, Илецкий соляные промыслы в Западном Казахстане, Коряковский, Поволжский, Карабашский и другие на северо-востоке края, где соль добывалась как для местных нужд, так и для продажи далеко за пределами края, превратились в крупные капиталистические предприятия с большим числом рабочих. Наиболее крупными были Баскунчакские промыслы во Внутренней Орде (Букеевское ханство) и Коряковские — в Павлодарском уезде Семипалатинской области. Соляные промыслы сдавались в аренду артелям, предприятиям или их обществам. Коряковские промыслы были предоставлены в 1908 г. в аренду сроком на 25 лет солепромышленному товарище-

ству во главе с павлодарским купцом Осиповым.²³ В 1909 г. на Коряковских промыслах было добыто 3979 тыс. пудов соли, а было занято на них 10 092 рабочих. Отсюда соль вывозилась по Иртышу в Павлодар, далее в Западную и Восточную Сибирь и на рыбные промыслы по р. Обь. Баскунчакские промыслы в 1909 г. дали более 20 млн пудов соли, которая шла главным образом на рыбные промыслы Астрахани, в Саратов, Самару, Сызрань, Нижний Новгород и другие города.²⁴

Бурение скважины глубиной 30–40 метров.
(1900–1910 гг.)

Урало-Эмбенский нефтяной район также оказался в руках английского капитала, который проникал сюда как путем создания своих самостоятельных акционерных обществ, так и через русские компании в долевом участии в них. 2 апреля 1911 г. ударил мощный фонтан на промысле Доссор, что положило начало крупной добыче нефти на Эмбе.²⁵ Для эксплуатации нефтяных месторождений Западного Казахстана создаются следующие английские общества: Западно-Уральское нефтяное общество (1912 г.), Урало-Эмбенское общество (1912 г.), Центрально-Урало-Каспийское общество (1912 г.), Северо-Каспийская нефтяная компания (1914 г.) и др.²⁶ Хотя свидетельства на разработку нефтяных месторождений получили 94 фирмы и частных лица, в Урало-Эмбенском районе работу вели 8 акционерных обществ, основной капитал их достигал 36 млн рублей.²⁷

Добыча нефти благодаря предоставлению царским правительством ряда акцизных льгот, дешевой рабочей силы, отсутствию сильных конкурентов стала очень выгодной для иностранных компаний, которые при хищнических методах эксплуатации получали огромные прибыли.

Таким образом, горная промышленность Казахстана выросла не на основе местной экономики. Она создавалась пришедшим извне русским и иностранным капиталом, ее продукция почти целиком вывозилась за пределы края, а прибыли шли с начала XX в. за границу. Все это резко снижало влияние горной промышленности на социально-экономическую жизнь Казахстана.²⁸

В отличие от горнозаводской промышленности Казахстана промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья была теснее связана с местными нуждами и оказывала определенное воздействие на социально-экономическую жизнь края. Предприятия обрабатывающей промышленности можно разделить на две группы: 1) предприятия по первичной обработке животноводческого сырья для вывоза в европейскую часть России и за границу; сюда относились шерстомойные, салотопенные, кишкоочистительные и другие предприятия; 2) предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции для потребления ее на месте; это кожевенные, маслобойные, спиртоводочные заводы, табачные фабрики и т.д.²⁹

Сравнительно крупные шерстомойки, возникшие в Жетысу, Акмолинской и Семипалатинской областях, принадлежали владельцам суконных фабрик Тамбовской, Симбирской, Самарской, Казанской и других губерний, куда и вывозилось сырье. Московская фирма «Торговый дом Стукен и К^о» владела неограниченной монополией на шерстяном рынке Семипалатинской области. Шерсть заготавливалась в основном для военного ведомства, и спрос на нее значительно вырос в годы Первой мировой войны. В Казахстане же была построена лишь одна суконная фабрика — близ Верного, в пос. Каргалы (1910 г.). Фабрика принадлежала товариществу «Торговый дом Шахворостова» и производила из овечьей и верблюжьей шерсти солдатское серошинельное сукно.³⁰

Предприятия мясной промышленности из-за отсутствия холодильных складов и недостатка рефрижераторного транспорта, работавшие главным образом осенью и летом, получили развитие в основном в Акмолинской и Уральской областях. Наиболее крупными предприятиями отрасли являлись мясоконсервный завод (основан в 1904 г.) в Котуркульской станице Кокчетавского уезда, консервный завод (1915 г.) в Петропавловске и мясохолодильня (1915 г.) в Уральске.³¹ Особую заинтересованность в этих и других предприятиях отрасли проявляло военное ведомство, поэтому в годы войны они значительно расширили свое производство.

Кожевенное производство развивалось в степных областях края. В Семипалатинской области в 1900 г. было 22 кожевенных завода. Первично обработанные кожи вывозились на заводы военного ведомства и за границу: в Америку, Германию и Францию. Во время Первой мировой войны в связи с возросшим спросом на кожу число кожевенных заводов увеличилось. В этой области заводы «Товарищество П. Плещеева и К^о» и «Товарищество братьев Трапезниковых» выполняли исключительно военные заказы.³²

На юге Казахстана, кроме мелких предприятий по обработке сырья на вывоз, развивалась и хлопкоочистительная промышленность. Были построены в 1912 г. Келесский, а в 1914 г. Велико-Алексеевский заводы.³³ Зарождалась промышленность стройматериалов: в 1914 г. только в одном Уральске работало 12 кирпичных заводов, а в 1916 г. в с. Георгиевском Чимкентского уезда начал действовать цементный завод и т.д.³⁴

Одним из крупных предприятий дореволюционного Казахстана, разумеется, на фоне преобладания мелких заведений, к которым весьма условно можно было применять названия «фабрика» или «завод», являлся химический завод в Чимкенте по производству сантонина из цитварной полыни. Этот завод принадлежал крупному купцу Н. И. Иванову. Он начал действовать с 1885 г. и был тогда единственным в мире предприятием, производившим это ценное лекарственное средство.³⁵

Некоторое развитие в крае получила пищевкусовая промышленность, среди предприятий которой выделялись крупные мельницы, ряд маслодельных, винокуренных и пивоваренных заводов в Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях. Крупные мельницы возникли в Семипалатинске в конце XIX в. Их число в 1911 г. достигло 22. В 1908 г. здесь образовалось «Акционерное общество семипалатинских мукомольных паровых мельниц». Оно полностью монополизировало мукомольное дело в области. Основная часть муки и масла находила потребителей на месте, остальная шла не только во внутренние районы России, но и за границу.³⁶

На Урале, Сырдарье, Иртыше, Бухтарме, Или и Чу, на озерах Балхаш и Зайсан, на Аральском море, Каспийском побережье развивалась рыбная промышленность. В 1913 г. по Казахстану улов рыбы достиг 34,5 тыс. пудов, что составляло около 11% всей добытой рыбы в России.³⁷

Краткий перечень основных видов промышленности дореволюционного Казахстана свидетельствует о развитии края как сырьевого придатка российского империализма и капиталистических стран Западной Европы. Вся валовая продукция ценовой промышленности Казахстана в 1913 г. составляла всего 67 млн рублей (в ценах 1926–29 гг.); из этой суммы на долю производства средств производства приходилось 27,1%, а удельный вес производства предметов потребления достигал 72,9%. При этом валовая продукция пищевой промышленности в общем промышленном производстве составляла свыше 41,9 млн рублей, т.е. 62,6%, в том числе мукомольно-крупяная промышленность — 24,0, спиртоводочная — 17,5, рыбная — 14,6%. Отсюда видно, что при общей отсталости края в нем преобладали предприятия, производящие предметы потребления. Основная же масса продукции как горнозаводской и горнодобывающей, так и обрабатывающей промышленности вывозилась в промышленно развитые районы Центральной России.

3. СОСТОЯНИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И ТОРГОВЛИ В КРАЕ

В превращении Казахстана в источник сырья капиталистической промышленности центральных районов метрополии, а также в рынок сбыта важную роль сыграли железные дороги, которые явились одновременно и средством, и результатом проникновения российского капитализма в отсталые колониальные районы России, прежде всего в Среднюю Азию и Сибирь. По существу экономическое освоение Средней Азии и Казахстана Россией началось со строительства железных дорог в глубь этих территорий.

Отсутствие развитых путей сообщения в Казахстане создавало большие трудности для развития производительных сил края, задерживало расширение и укрепление экономических и торговых связей как между отдельными его районами, так и с Центральной Россией, тормозило превращение Казахстана в поставщика сырья и потребителя фабричных изделий для русского капитализма. До постройки железных дорог основным средством перевозок предметов торговли были верблюжьи караваны — крайне непроизводительный и дорогой вид транспорта. Перевозки грузов были незначительными и отнимали много времени. Иногда караваны из Ташкента и южных районов Казахстана шли в Оренбург или Орск 90–100 дней.

Строительство железных дорог началось с «подъездных» к Казахстану (и Сибири) магистралей. В 1874–1876 гг. была проложена Оренбургская железная дорога (Самара — Оренбург), связавшая Тургайскую область и Оренбург с Центральной Россией.³⁸ Как и любая дорога, она способствовала вовлечению близлежащих к ней районов Казахстана в непосредственные торговые отношения с промышленными областями России, притоку переселенцев. В 1891–1893 гг. акционерное общество Рязанско-Козловской железной дороги построило линию Покровская слобода—Уральск; в 1897 г. — линию Урбах—Астрахань. Первая линия была тупи-

Наперегонки.

ковой, вторая пересекала только незначительную часть запада Уральской области.

Железнодорожные линии на территории Казахстана начинают строиться с конца XIX — начала XX вв. в связи со строительством Сибирской железной дороги. При обсуждении направления магистрали появилось немало сторонников соблюдения интересов определенных деловых кругов русского общества и военного ведомства в Средней Азии и Казахстане. Они требовали провести часть линии по территории Казахстана с учетом возможности соединения Сибирской дороги с будущими дорогами Казахстана и Средней Азии. Представители местной колониальной администрации царизма (степной генерал-губернатор Колпаковский, тургайский военный губернатор Проценко и др.) подчеркивали необходимость такой линии для Семипалатинской и Акмолинской областей, лишенных возможности, из-за отсутствия удобных путей сообщения, сбывать излишки продуктов в европейскую Россию.³⁹

Первый — Западно-Сибирский участок Сибирской магистрали проходил на территории Петропавловского и Омского уездов Акмолинской области на протяжении 178 верст, по направлению Челябинск—Курган через Петропавловск—Омск до реки Оби и далее на восток.⁴⁰

Сооружение магистрали происходило в исключительно трудных условиях: суровый климат и отсутствие на месте строительных материалов. Для ускорения и удешевления земляных работ из США были выписаны землеройные машины, но их было недостаточно, поэтому основная масса работ выполнялась вручную. Технические условия, предусмотренные проектом, не соблюдались. К январю 1902 г. свыше 14 тыс. рельсов магистрали требовали немедленной замены, необходимо было также заменить 1312 деревянных мостов и провести большую работу по поднятию и укреплению земельного полотна, улучшению системы водоснабжения и т.д.⁴¹ Все это явилось следствием процветавших здесь хищений государствен-

ных средств. С 30 августа 1894 г. открылось временное движение от Челябинска до Омска, а 13 октября 1895 г. — по всей линии Западно-Сибирской дороги. С 16 октября 1896 г. дорога вошла в эксплуатацию.⁴²

Основной железнодорожной магистралью дореволюционного Казахстана была Оренбургско-Ташкентская, построенная в 1901—1905 гг. Сооружению этой линии предшествовало проведение Среднеазиатской магистрали. Еще в 1880—1888 гг. была построена Закаспийская железная дорога от порта Красноводск до Самарканда, которая в 1899 г. была доведена до Ташкента. С 1900 г. она стала называться Среднеазиатской. По этой дороге из Туркестана в Россию вывозились хлопок, фрукты, кожи и шкуры, каракулевые смушки, вина и другие сельскохозяйственные товары. Предметами ввоза были мануфактура, хлеб, сахар, железо, лес и т.д.⁴³

Но эксплуатация Среднеазиатской железной дороги была связана с рядом неудобств. Прежде всего — это кружной путь: в результате многочисленных перегрузок повышалась стоимость товаров, да и перевозка занимала слишком много времени. Кроме того, замерзание прибрежных вод Каспийского моря и прекращение судоходства по Волге зимой на продолжительное время закрывали выход грузам в Россию. Все это вызывало необходимость строительства новой линии, которая кратчайшим путем непосредственно связывала бы Среднюю Азию с Центральной Россией. Вокруг вопроса о новом железнодорожном строительстве в Средней Азии и Казахстане разгорелась борьба различных правительственных ведомств и групп русских капиталистов и помещиков. В ней наиболее ярко выразились интересы московских мануфактурщиков и среднеазиатских предпринимателей. Первые стремились превратить Туркестан в источник своего главного сырья — хлопкового волокна, вторые мечтали использовать новую дорогу для выгодного сбыта дешевого сибирского и семиреченского хлеба в Ферганскую и другие хлопководческие области Туркестана.

Вопрос о строительстве магистрали Оренбург—Ташкент за счет государства был окончательно решен 21 апреля 1901 г.

Вся линия строящейся дороги в административном отношении была разделена на две части. Южная часть дороги (Ташкент—Кубек) проходила по территории Сырдарьинской области Туркестанского края, северная (Оренбург—Кубек) — по территории Оренбургской губернии, Тургайской области и Темирского уезда Уральской области.⁴⁴ Строительство началось со стороны Оренбурга 10 мая, а со стороны Ташкента 9 ноября 1901 г. Понастоящему же строительные работы развернулись лишь в 1902 г.⁴⁵

1 января 1904 г. открылось временное движение поездов по всей Оренбургско-Ташкентской линии. Северная часть была полностью закончена и передана в эксплуатацию 25 июля 1905 г., южная — 1 апреля 1906 г.⁴⁶

К Оренбургско-Ташкентской дороге с 1 января 1905 г. был присоединен участок Оренбург Самаро-Златоустовской линии, а с 22 июля 1906 г. — ст. Ташкент Среднеазиатской дороги. В результате увеличилась общая протяженность новой магистрали. Из восьми мастерских дороги шесть находилось на территории Казахстана. Пять крупных станций — Акмолинск, Челкар, Казалинск, Перовск, Туркестан — стали узловыми пунктами связи Казахстана с Россией и Средней Азией. Местом нахождения управления дороги не без споров был выбран Оренбург.

Весной 1910 г. было создано акционерное общество Троицкой железной дороги. Оно занялось строительством и эксплуатацией линии от города Троицка через ст. Полетаево Самаро-Златоустовской дороги до ст. Челябинск Сибирской магистрали. Линия должна была содействовать притоку переселенцев в Кустанайский и другие уезды Тургайской области и вывозу из них сельскохозяйственных продуктов и животноводческого сырья.

Учредителями акционерного общества по постройке дороги были крупный капиталист А. И. Путилов, инженеры И. Х. Денисов и М. А. Соловейчиков.⁴⁷ К строительству приступили в конце 1910 г. К середине октября 1911 г. линия дошла до Троицка, куда первый поезд со ст. Полетаево прибыл 18 октября, а с 3 ноября открылось временное движение на этом участке.⁴⁸ Комиссия по строительству железных дорог при Министерстве сообщений 14 июня 1911 г. признала необходимым строить кустанайский участок Троицкой линии «в интересах колонизации края путем развития переселенческого движения в нем».⁴⁹ Общество на свои средства провело необходимые изыскательские работы. 23 июня 1912 г. правительство разрешило строить линию до Кустаная. Для руководства строительством было создано местное управление, которое называлось «Кустанайским отделением по постройке новых линий общества Троицкой железной дороги».⁵⁰ Строительство началось весной 1913 г. и к концу года было закончено: с 1 декабря здесь открылось движение поездов.

В начале 1911 г. правительство разрешило сооружение Алтайской и Семиреченской железных дорог на средства частных акционерных обществ.⁵¹ 28 мая 1912 г. было утверждено распоряжение об образовании акционерного общества Семиреченской железной дороги, учредителями которого были А. И. Путилов и инженер А. А. Бунге.

Работы на трассе начались летом 1914 г. со стороны ст. Арысь. К сентябрю следующего года рельсовые пути достигли Чимкента, и между Арысью и Чимкентом с 10 октября началось временное товарное и пассажирское движение. Через три с лишним года после начала строительства линия дошла только до ст. Бурное.⁵²

Одновременно с обществом Семиреченской дороги было создано и акционерное общество Алтайской дороги, учредителем которого стала группа предпринимателей во главе с Хрулевым.⁵³ Оно бралось за строительство и эксплуатацию железной дороги от Новониколаевска через Барнаул до Семипалатинска с ветвью до Бийска.

По территории Казахстана пролегла новая дорога от ст. Аул через Бельгаич до Семипалатинска.⁵⁴ Последний был расположен на тупиковой линии Алтайской дороги.

Кроме вышеописанных сравнительно крупных железных дорог общего пользования в крае, как уже указывалось, было построено несколько местных линий производственного (горнозаводского) характера — Экибастузская, Спасско-Карагандинская, Ридерская и др.

Железнодорожное строительство в Казахстане основывалось на жесточайшей эксплуатации, обмане и грабеже многотысячной армии строительных рабочих; на стройках царили произвол и насилие, процветало казнокрадство.

Кроме того, строительство железных дорог вело к массовому изъятию земель у местных трудящихся, которых сгоняли с плодородных и обжитых

мест. По далеко не полным данным, в пользу одной только южной части Оренбургско-Ташкентской железной дороги было отчуждено около 13 тыс. десятин земли,⁵⁵ Кустанайского участка Троицкой железной дороги — 1,1 тыс. десятин, Алтайской железной дороги — 6,7 тыс. десятин, Семиреченской — 5 тыс. десятин земли. Для проектировавшейся Южно-Сибирской магистрали по царскому указу в 1914 г. отчуждалось 20 тыс. десятин земли.⁵⁶

Несмотря на развернувшееся строительство железных дорог, огромные пространства Казахстана были обеспечены рельсовыми путями крайне слабо. Так, в 1917 г. на 1000 кв. км края их приходилось лишь около версты. К тому же сеть железных дорог распределялась по основным районам Казахстана очень неравномерно. Семиреченская область не получила ни одной версты дороги.

Около 3/4 сети дорог приходилось на Сырдарьинскую и Тургайскую области. Причем железнодорожные линии проходили по наименее заселенной части этих областей. Наиболее заселенные Аулие-Атинский, Чимкентский уезды Сырдарьинской области до 1915 г. дорог не имели.

В Семипалатинской области отсутствие до 1915 г. железных дорог несколько восполнялось наличием водного пути по Иртышу. Грузы по Иртышу между Омском и Семипалатинском перевозили несколько пароходных компаний: «Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли», «Русско-китайское общество пароходства и торговли», «Торговый дом М. Плотникова и сыновей» и др. В 1911 г. по Иртышу ходили 73 парохода и 214 непаровых судов и барж, основная часть которых была занята перевозкой грузов между Омском и Семипалатинском.⁵⁷

Широко использовался в крае гужевой транспорт, которым грузы перевозились в основном по торговым трактам Петропавловск—Кокчетав—Ақмолинск, Кокчетав—Атбасар, Каркаралинск—Павлодар, Омск—Семипалатинск, а также по Таинчинскому тракту (Петропавловск—Ақмолинск, минуя Кокчетав).

Но и эти пути сообщения в течение года работали немногим больше шести месяцев. С наступлением холодов до весны, обычно с ноября по апрель, перевозка грузов гужем и по Иртышу прекращалась.

Тяжелое положение с транспортом создавало огромные трудности для экономического развития края. Доставка сельскохозяйственных продуктов и скота на ярмарки и железнодорожные станции обходилась очень дорого и для крестьян была непосильной. Крестьянство вынуждено было продавать продукты своего труда на месте по крайне низким ценам. Тормозилось образование единого общекзахского рынка, а исключительное разнообразие цен создавало почву для распространения спекуляций, обмана крестьянства. Сеть железных дорог, построенных в крае, служила в основном средством превращения его в сырьевой придаток капиталистической промышленности центральных районов России, в их рынок сбыта, позволяла усиливать его эксплуатацию. Это особенно наглядно характеризуют цифры грузооборота железных дорог края, который в 1913 г. составил 1114 тыс. тонн, из них вывоз — 602 тыс., ввоз — 512 тыс. тонн.⁵⁸ По железным дорогам из Казахстана во внутренние районы России вывозилось большое количество сельскохозяйственных продуктов и сырья: по покровско-уральскому участку Рязанско-Уральской дороги и омско-петропавловскому участку Сибирской магистрали — хлеб, мясо,

сало, кожа, шерсть, скот; по Оренбургско-Ташкентской дороге, кроме того, — основная масса среднеазиатского хлопка, а также сухие и свежие фрукты и т.д. Из промышленных районов России в Казахстан ввозились сельскохозяйственные машины и орудия, лес, строительные материалы (цемент, известь, алебастр), железо, сталь, чугун, уголь, нефть, мануфактура, чай, сахар и другие товары.

Строительство железных дорог в Казахстане привело к значительным изменениям в его социально-экономической жизни. В прилегающих к железнодорожным линиям районах получили развитие выращивание зерновых культур и хлопка, сенокосение, рыбные и соляные промыслы. Усилились проникновение товарно-денежных отношений в казахский аул и разложение натурального хозяйства, развивались отходничество, с одной стороны, и применение наемного труда — с другой. Строительство дорог способствовало крестьянскому переселению. Росла численность населения городов и развивалась промышленность, прежде всего в городах, расположенных вдоль железнодорожных линий. Но наиболее важным результатом как строительства и эксплуатации железных дорог, так и возникновения и развития предприятий горной, горнозаводской и обрабатывающей промышленности стало появление в крае квалифицированных кадров рабочих. Железные дороги прочно связывали центр России с инородческой окраиной, создавая тем самым единое экономическое пространство по всей империи.

4. ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВ ПРОЛЕТАРИАТА

Разложение казахского крестьянства обусловило возникновение двух новых социальных категорий населения в ауле: баев — сельской буржуазии и рабочих — сельского пролетариата. Промежуточным звеном между этими категориями казахского крестьянства являлось среднее крестьянство, в большинстве случаев пополнявшее ряды сельскохозяйственных рабочих.

В ряде областей Казахстана на заработки уходили десятки тысяч казахских крестьян-бедняков. В 1880—1890 гг. в Семипалатинской области их число достигло 18—25 тыс. человек,⁵⁹ а в Сырдарьинской в 1910 г. — 39 тыс., в 1911 г. — 41 653 человека.⁶⁰ Большинство отходников Семипалатинской области давали Семипалатинский и Усть-Каменогорский уезды, где сосредоточивались горные заводы, рудники, предприятия обрабатывающей промышленности и различные промыслы. При этом отходники из казахских аулов работали по найму не только в своих уездах и области, им в поисках заработков приходилось уезжать и далеко за пределы родного края.

В «Обзоре Семипалатинской области за 1894 г.» говорится: «Семипалатинские киргизы, благодаря г. Семипалатинску, где всегда ощущается необходимость в рабочих руках и хорошо оплачивается труд рабочего, привыкли уже к жизни вне степи, первые узнав о вывозе рабочих на постройку Сибирской железной дороги, привлекаемые хорошей платой, направлялись туда на заработки, променяв жизнь степняка или пахаря».⁶¹

Отходники работали на постройке не только Западно-Сибирской дороги, но и на других, более отдаленных от их родных мест участках Сибирской магистрали. Печать сообщала, что в 1895 г. около 2 тыс. казахов

Павлодарского уезда Семипалатинской области по вербовке подрядчиков дороги уехало на постройку магистрали к Енисею на ст. Тайга. Близ Ачинска в 1895 г. на постройке Средне-Сибирского участка работало свыше 2,5 тыс. казахов из северо-восточных районов Казахстана.⁶²

Постепенно в Северном и Центральном Казахстане начинают складываться отдельные группы казахских рабочих, систематически или преимущественно работавших на строительстве железных дорог. В 1901 г. «Тургайская газета» опубликовала статью, автор которой, очевидец строительных работ на Воскресенской (Экибастузской) железной дороге в 1893 г., отмечал, что «из числа рабочих киргиз при постройке Воскресенской железной дороги много было и таких, которые работали и при постройке Западно-Сибирской железной дороги». По свидетельству автора, «все земляные работы почти сплошь производились как пешими, так и конными рабочими» казахами. Они «работали поденно и помесечно», а чаще «с куба земли», т.е. сдельно, «среди них много было опытных и умелых рабочих, и вообще с этой работой они легко справлялись и быстро ориентировались ко всем требованиям технического надзора». Автор особенно подчеркивал широкое участие казахов в разнообразных строительных работах. «Кроме земельных работ, — писал он, — перевозки и доставка материалов производились исключительно киргизами. Все поденные работы, например, подчистка камня — к каменщикам, леса — плотникам, рубка и пила леса, очистка и заготовка бревен и прочие легкие работы, которых при постройке всегда изобилие, все эти работы исполнялись киргизами. Почти не было ни одной такой работы, кроме специального мастерства, где нельзя видеть рабочего киргиза. Он и на лесопилке, он и в мастерских при депо, он и на паровозах кочегар, везде его можно было видеть загорелым, работающим наряду с прочими русскими рабочими, так что процент рабочих русских по сравнению с количеством киргиз был самый незначительный».⁶³ На строительстве Оренбургско-Ташкентской железной дороги летом и осенью 1901 г. работало свыше 4 тыс. человек, в мае — июне 1902 г. — свыше 17 тыс. человек, а в 1902—1904 гг. — около 39 тыс. человек.⁶⁴ Газеты отмечали, что «рабочие эти буквально со всей России».⁶⁵ Здесь работало много рабочих из Киевской, Самарской, Полтавской, Херсонской, Черниговской и других губерний России.⁶⁶ Но подавляющее большинство рабочих составляли местные жители: казахи, узбеки, татары и другие, а также русские крестьяне-переселенцы. Газеты отмечали, что «число пришлых рабочих незначительно, а на некоторых участках дороги, например, в пределах Перовского и других уездов, строительные работы были представлены исключительно местному киргизскому населению».⁶⁷ В Омском уезде в 1901 г., как отмечалось в «Материалах» экспедиции Ф. Шербины, было «значительное число киргизов, получающих заработок на линии железной дороги по земляным работам, по очистке от снега». В 1903 г. в Перовском уезде среди отходников из казахского населения было 3033 чернорабочих, «большинство из них (работало) на железной дороге по ремонту пути и по нагрузке вагонов», которые производились «в различное время года и обыкновенно продолжительные сроки». Последнее свидетельствовало об известной степени отрыва казахских крестьян от своего хозяйства. В 1909 г. в Казалинском уезде было 2472 казаха-чернорабочих, или 16,1% от общего числа казахов уезда. Значительная часть этих черно-

рабочих, как отмечалось в «Материалах», нанималась «на работу по ремонту пути Оренбургско-Ташкентской железной дороги».⁶⁸

Рабочие формировались также за счет отходников из крестьян-переселенцев. Это были в первую очередь бедняки.

В 1910 г. было проведено обследование 20 типичных поселков Кустанайского уезда.⁶⁹ Как показывают данные этого обследования, большинство крестьян-переселенцев владели жалкое существование. Более половины крестьянских хозяйств были бедняцкими и маломощными. Нужда толкала крестьян искать заработка. Промыслами занимались в Кустанайском уезде 34,8% всех хозяйств, а в Актюбинском — 34,2%. Основная масса отходников шла в сельскохозяйственные рабочие, а некоторые — на ближайшие промышленные предприятия, железнодорожные линии.

В 1905 г. в Чимкентском уезде многие крестьяне-переселенцы, не имея возможности обзавестись своим хозяйством, «находили для себя заработок в большинстве случаев в своих же или соседних селениях — нанимались на сельскохозяйственные и другие работы. Некоторые переселенцы, особенно из селений, расположенных по реке Арысь, даже после обзаведения хозяйством, посылали избыточных работников для земельных и других работ на постройку южной части Оренбургско-Ташкентской железной дороги, поэтому среди отходных промыслов видное место занимали работы на Оренбургско-Ташкентской дороге».⁷⁰

В рабочие шли разорившиеся ремесленники и мелкие кустари. При слабом развитии в Казахстане фабричной и заводской промышленности ремесленники составляли довольно значительное число. Так, в 1894 г. в Акмолинской области было 9307 ремесленников, а в Семипалатинской в 1895 г. — 10 329.⁷¹

С развитием торговли с Центральной Россией, а особенно с усилением ввоза оттуда фабрично-заводских изделий, в Казахстане мелкое ремесленное производство начинает приходить в упадок. Это отмечалось в «Обзорах» почти всех областей Казахстана. В «Обзоре» Акмолинской области за 1901 г. говорится: «Ремесленная промышленность у оседлого населения находится в ...неблагоприятных для ее развития условиях, отчасти по неимению у коренного населения необходимых знаний и технической сноровки, отчасти же по отсутствию значительного спроса на произведения местных ремесленников; к тому же многие предметы домашнего хозяйства, а также одежда, обувь, белье и пр. получают в готовом виде местными торговцами из Москвы и Нижнего Новгорода (с ярмарки), продаются по довольно сходным ценам и по качеству стоят несравненно выше произведений местных кустарей». В «Обзоре» Сырдарьинской области за 1913 г. говорится: «Крупные промышленные центры высылают уже к кочевникам фабричные бумажные и шелковые ткани и одежды, вытесняющие своей дешевизной кустарные изделия. В связи с последним обстоятельством в некоторых кустарных производствах теперь замечается застой и упадок».⁷²

В рабочие в основном шла городская беднота. Генерал-майор Милеант отмечал, что в 1908 г. для Оренбургско-Ташкентской железной дороги «в экстренных случаях рабочих приходится нанимать в Оренбурге и Ташкенте», а также в других городах края.⁷³ Здесь необходимо отметить возрастание роли городов в крае; они по справедливому определению

В. И. Ленина, «являются главными двигателями прогресса».⁷⁴ Благодаря развитию промышленности и торговли, строительству железнодорожных линий и водных путей, росту переселенческого движения и т.д. население городов края в конце XIX — начале XX вв. значительно увеличилось. С 1897—1914 гг. весь прирост населения Казахстана составил 50%, в том числе сельского — 49%, а городское население возросло на 67%.⁷⁵ Это наиболее было заметно в ближайших к железнодорожным линиям и водным путям городах. Достаточно сказать, что в 1897—1914 гг. население возросло: в Актюбинске — в 3,8 раза, Чимкенте — в 3,2, Петропавловске — в 2,2, Казалинске — в 2,1 раза и т.д.⁷⁶

Следует также отметить, что построенные в казахских степях железнодорожные станции превратились в очаги экономической, политической и культурной жизни края со значительным для того времени сосредоточением населения. На сравнительно крупных станциях население достигало нескольких тысяч человек. Так, в 1916 г. проживало на ст. Оренбург 9720, Актюбинск — 3263, Челкар — 5300, Казалинск — 3600, Перовск — 1852, Туркестан — 2984 человек. В 1906—1907 гг. на ст. Петропавловск насчитывалось более 3 тыс. жителей.⁷⁷

Население железнодорожных линий края, в свою очередь, также поставляло рабочие руки. Это население росло сравнительно быстро: в 1906 г. на линии Оренбургско-Ташкентской железной дороги жило 40 846 человек, а в 1913 г. — 58 тыс. человек, т.е. выросло на 40%.

Царские власти, намереваясь создать себе опору в крае, привлекали на службу на железные дороги запасные нижние воинские чины. По свидетельству генерал-майора Милеанта, «штат низших служащих (кондукторов, стрелочников) Оренбургско-Ташкентской ж. д. комплектуется частью из местных жителей, преимущественно из запасных чинов»,⁷⁸ демобилизованных из царской армии. Но на железных дорогах Казахстана, как и на дорогах других окраин России, их число было незначительным. Еще в 1902 г. особое правительственное совещание под председательством министра внутренних дел В. К. Плеве отмечало, что «хотя ведомством путей сообщения в настоящее время и принимаются меры к привлечению на железные дороги, того, в общем весьма дисциплинированного состава, который представляет собой запасные нижние чины, тем не менее на дорогах, проходящих по окраинам империи, процентное отношение нижних чинов к общему числу служащих значительно ниже, чем в остальных частях России». В связи с этим особое совещание подчеркивало, что «именно на этих окраинах служба запасных нижних чинов русского происхождения является особенно ценной».⁷⁹ К 1 января 1907 г. на работу на Оренбургско-Ташкентской железной дороге было принято всего 434 человека из запасных и отставных нижних чинов. О количестве нижних воинских чинов на других железных дорогах Казахстана сведений у нас нет, но несомненно, что число их росло. Эти нижние чины поставлялись, в основном, местными гарнизонами.

Все перечисленные социальные группы, ставшие источниками рабочей силы, в большинстве своем поставляли малоквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих, выполнявших различные работы, не требующие особых технических навыков и профессиональной подготовки. Но железные дороги, как крупные капиталистические предприятия, основанные на достижениях техники своего времени, нуждались в квалифици-

рованных рабочих, которых на местах почти не было. Поэтому основная масса квалифицированных железнодорожных и промышленных рабочих формировалась за счет приезжих из центральных и других районов России, преимущественно русских рабочих. Среди этой категории рабочих, в поисках заработков приезжавших в Казахстан, было много лиц, преследуемых царизмом за антиправительственную деятельность. С «проведением железной дороги г. Омск с его окрестностями (а также и Петропавловск), — писал в 1902 г. степной генерал-губернатор Н. Сухотин, — постепенно стал наводняться личностями... прошлое которых заставляет искать новых мест и новой обстановки для нелегальной деятельности... Глухой и мирный до того времени окраинный город... вдруг оказался переполненным массой всякого рода неблагонамеренных личностей до политических ссыльных разных категорий включительно». Генерал-майор Милеант писал, что «на службу Оренбургско-Ташкентской железной дороги идут большею частью лица, у которых по каким-либо причинам служба шла неудачно на прежнем месте».⁸⁰ В связи с этим нельзя не указывать на вынужденное признание тургайского губернатора о роли рабочих железнодорожных мастерских и депо на станциях Актюбинск и Челкар. В 1912 г. в своем отчете в Министерстве внутренних дел он раздраженно писал: «Из 18 железнодорожных станций Тургайской области в г. Актюбинске и на ст. Челкар в черте отчуждения построены железнодорожные мастерские... Состоя в большинстве из отбросов мастерских внутренней России, наштапкованных разными политическими бреднями, рабочие железнодорожных мастерских создают много дела для местной полиции».⁸¹ К этой исполненной ненависти и злобы характеристике передовых революционно настроенных рабочих и железнодорожников можно добавить и характеристику, данную жандармским офицером железнодорожникам ст. Актюбинск: «Главный контингент служащих, — писал он, — состоит здесь из лиц, прогнанных со всех прочих российских железных дорог, ...с огромным политическим ...прошлым, обладающих соответствующей опытностью в революционной борьбе».⁸²

Рабочими края становились также разорившиеся крестьяне внутренних губерний России, в поисках заработка как по вербовке, так и самовольно приезжавшие сюда.

Итак, отходники из местных казахских и крестьян-переселенцев, разорившиеся ремесленники и рабочие местных городов, нижние воинские чины запаса и городское население края, а также квалифицированные рабочие и разорившиеся крестьяне из внутренних и других губерний России — таковы основные источники формирования рабочих Казахстана в конце XIX — начале XX вв.

Численность рабочих в Казахстане в 1913 г., по нашим приблизительным подсчетам, достигла около 75 тыс. человек. По данным Всероссийской промышленной и профессиональной переписи, произведенной в 1913—1918 гг., в Казахстане в 1913 г. насчитывалось 675 фабрично-заводских предприятий, где работало 51 104 рабочих,⁸³ из них занятых на крупных промышленных предприятиях в 1913 г. среднегодовое число составило 19 851 человек.⁸⁴ На железнодорожном и водном транспорте края в 1913 г. было занято свыше 25 тыс. рабочих.⁸⁵ В годы Первой мировой войны происходило некоторое увеличение численности рабочих прежде всего на предприятиях крупной промышленности и железнодорожного транс-

порта в тесной связи с усилением их работы на военные нужды. Только в горной промышленности численность рабочих достигла 18 тыс. человек,⁸⁶ а на железнодорожном транспорте было занято 30 тыс. человек⁸⁷ рабочих и служащих. Все это дает основание считать, что в 1917 г., накануне и в период Октябрьской революции численность рабочих Казахстана, по нашим приблизительным подсчетам, достигла свыше 90 тыс. человек.⁸⁸

Но весь этот отряд рабочих Казахстана нельзя считать исключительно связанным с фабрично-заводской жизнью, многие из них имели и другие занятия, ибо большинство предприятий работало сезонно, из-за чего рабочие в оставшееся время вынуждены были заниматься сельским хозяйством или каким-нибудь промыслом.

К числу сезонных предприятий относились хлопкоочистительные заводы, шерстомойки, копносушилки, гrenaжные и др. Маслобойные, мыловаренные, рисоочистительные и другие заводы, мельницы из-за нехватки сырья также не могли работать круглый год. Вместе с тем, в отдельные периоды года на многих из них требовалось гораздо большее количество рабочих. Для хлопкоочистительных заводов Средней Азии это был период с сентября по март, т.е. зимой, для шерстомоек — лето, винодельческих заводов — осенние месяцы (август и сентябрь), для гrenaжных заведений, копносушилок, кирпичных заводов — летний период и т.д.⁸⁹

Постоянной работой обеспечивали лишь железнодорожные линии и отчасти предприятия горнодобывающей и горнозаводской промышленности, что обусловило возникновение более или менее постоянных кадровых рабочих в этих отраслях производства.

Преобладание в промышленности предприятий, работавших сезонно, в связи с их специализацией применительно к условиям регионов, привело к следующему распределению состава рабочих в крае. В 1913 г. в Туркестанском крае (без Закаспийской области, Амударьинского отдела, Капальского, Джаркентского и Лепсинского уездов Семиреченской области) было 792 предприятия фабрично-заводской промышленности, где работало 20 925 рабочих, из них на предприятиях по обработке волокнистых веществ — 12 427 (59,4%), металлов — 421 (2%), питательных веществ — 5111 (24,2%), на прочих производствах — 2969 человек (14,2%). Таким образом, 73,6% рабочих края было занято на обработке сельскохозяйственных продуктов и сырья, металлистов было всего 2%.⁹⁰ Рабочие-металлисты были сосредоточены главным образом в железнодорожных мастерских.

Промышленные предприятия в крае были технически отсталыми, примитивными, с изношенным и устаревшим оборудованием. Предприниматели, имея в избытке дешевую рабочую силу, не были заинтересованы в техническом оснащении своих предприятий. Достаточно сказать, что в 1913 г. из 48 видов промышленных предприятий Туркестана 23 работали без механических двигателей, здесь производственный процесс был основан на непосильном ручном труде. Без механических двигателей работали шерстомойки, известковые заводы, керамическое производство, кишечничноочистительные, клееваренные, свечные, сыроваренные, винодельческие, спиртоочистительные, винокуренные, мыловаренные и другие заводы. 702 предприятия края имели всего 507 механических двигателей общей мощностью 21 713 л.с. Из них почти половина приходилась на предприятия по обработке хлопка, остальная часть — на предприятия

по обработке питательных веществ и электрические станции. Последних в крае было всего 13 с 51 механическим двигателем общей мощностью 3225 л.с.⁹¹ Низкий технический уровень промышленных предприятий края наложил отпечаток на квалификационный уровень местных рабочих.

По категориям работ промышленные рабочие Туркестана в 1913 г. распределялись следующим образом: рабочие по основному производству — 69,1%, рабочие при двигателях — 4,6%, рабочие по ремонту и другим вспомогательным работам — 2,7%, чернорабочие — 21%, прочие — 2,3%.⁹²

Степень концентрации промышленных рабочих в крае была слабой, в особенности на предприятиях обрабатывающей промышленности, где на одно предприятие приходилось в среднем не более 20 человек. Но на предприятиях горнодобывающей и горнозаводской промышленности и железнодорожного транспорта была сравнительно высокая концентрация рабочих: в 1915—1916 гг. на Спасском заводе работало 979, Карагандинских коях — 930, Карсакпайском заводе — 499, его руднике — 486, Экибастузских коях — 410, Успенском руднике — 336 человек.⁹³

Железнодорожные рабочие были сконцентрированы в мастерских и депо. Так, в 1906 г. из 14 693 рабочих и служащих Оренбургско-Ташкентской железной дороги в мастерских и депо работало 4071 человек, что составляло 28,4% всех железнодорожников линии.⁹⁴ Почти такая же концентрация рабочих наблюдалась в мастерских и депо железных дорог края. В 1906 г. только началась эксплуатация Оренбургско-Ташкентской железной дороги, а по мере усиления линии соответственно росла и концентрация рабочих в железнодорожных мастерских и депо.

В условиях господства патриархально-феодалных отношений в крае и слабого развития местной промышленности железные дороги и депо представляли собой элемент крупного капиталистического производства с относительно высокой концентрацией рабочих. Это имело особенно важное значение для развития рабочего и социал-демократического движения в Казахстане, передовым отрядом которого стали местные железнодорожники, главным образом, рабочие мастерских и депо. В Северном Казахстане такую роль наравне с омскими железнодорожниками играли рабочие мастерских и депо ст. Петропавловск, где в июне 1905 г. работало 460 человек.⁹⁵ Это был сравнительно крупный очаг сосредоточения рабочих. А ведь еще в 1900 г. начальник омского жандармского управления полковник Марков писал, что «значительных заводов в Омске и Петропавловске нет, а поэтому и скопления фабричных рабочих (здесь) не бывает».⁹⁶ Позднее, когда в результате влияния Сибирской железной дороги в Акмолинской области начали расти промышленные предприятия, железнодорожники оставались наиболее крупной группой местных рабочих.

В 1907 г. в Петропавловске действовало 125 промышленных предприятий с 1693 рабочими.⁹⁷ Это были преимущественно мелкие предприятия по обработке сельскохозяйственного сырья с примитивной техникой производства. В среднем в Петропавловске на одно такое предприятие приходилось по 13—14 рабочих. Поэтому рабочие железнодорожных мастерских и депо ст. Петропавловск, превосходившие рабочих этих мелких, разрозненных, в большинстве своем сезонных предприятий как своей численностью и концентрацией, так и своей классовой организованностью и политической сознательностью, были более передовыми по отношению

ко всем рабочим Северного Казахстана. Такую же роль играли и рабочие железнодорожных мастерских станций Оренбург, Уральск, Актюбинск, Казалинск, Перовск, Челкар, Туркестан и др.

К этому следует добавить, что основная масса как промышленных, так и железнодорожных рабочих сосредоточивалась в городах, расположенных вдоль железнодорожных линий. Так, более 51,6% всех промышленных предприятий Туркестана в 1913 г. было расположено на расстоянии от железнодорожных станций до 5 верст, 16,8% — от 5 до 10 верст, а остальные 31,6% — на расстоянии свыше 10 верст.⁹⁸

Среди фабрично-заводских рабочих местные жители, как правило, имели подавляющее большинство. Так, в 1913 г. из 20 925 промышленных рабочих Туркестана русских было 22%, узбеков — 60,7%, казахов — 4,5%, таджиков — 5,5%, уйгуров — 5,5%, других — 5,1%.⁹⁹ При этом основная масса рабочих из местных национальностей была занята на основном производстве, где узбеки составляли 69,0%, казахи — 5,4%, таджики — 0,4%, уйгуры и другие — 1,3%, а всего 76,1%. Среди чернорабочих узбеков было 50,5%, таджиков — 24,4%, уйгуров и дунган — 21%, казахов — 1,7%. Таким образом, 78,7% всех чернорабочих края также составляли представители коренных национальностей. Они преобладали среди третьей группы рабочих — работавших на стороне (привоз и отвоз материалов и продукции и т.д.), где узбеков — 49,5%, казахов — 12,7%, уйгуров и дунган — 2,5%, а всего — 65%. Среди рабочих по двигателям и рабочих по ремонту и другим вспомогательным работам, т.е. по этим двум категориям работ, требовавшим квалификации и определенных технических навыков, представителей из местных национальностей было мало: соответственно узбеков — 13% и 21%, казахов — 0,4% и 3,0%. Русские из внутренних губерний страны (квалифицированная часть местных рабочих) составляли подавляющее большинство среди рабочих при двигателях (79,9%) и рабочих по ремонту и другим вспомогательным работам (70,3%). Удельный вес русских среди работающих по основному производству составлял лишь 20,2%, среди работающих на стороне — 19,5, чернорабочих — 13,2%.¹⁰⁰

На железнодорожном транспорте, требовавшем более высокого квалификационного уровня и технических навыков, подавляющее большинство рабочих составляли русские. На Оренбургско-Ташкентской железной дороге в 1908 г. среди штатных рабочих и служащих магистрали русские составляли 92,8%, нерусские — всего 7,1%, в том числе: поляки — 3,11%, казахи — 2,20%, немцы — 0,72%, персы — 0,40%, татары — 0,22%, евреи — 0,15%, литовцы — 0,15%, узбеки — 0,08%, прочие — 0,09%.¹⁰¹ Почти такое же соотношение наблюдается в 1907–1908 гг. и среди штатных рабочих и служащих Сибирской и Рязанско-Уральской железных дорог.¹⁰² Это положение среди штатных железнодорожников сохранилось и в последующие годы. Оно объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, многие виды железнодорожной службы требовали соответствующей профессиональной квалификации, технической подготовленности и просто трудовых навыков, которых в первые годы строительства и эксплуатации железных дорог в Средней Азии и Казахстане не было у местных жителей. Во-вторых, царское правительство преднамеренно официальными указаниями ограничивало «инородцев» и «иноверцев» в приеме на работы по железным дорогам России, желая иметь, как уже указывалось, свою опору на окраинах империи.

Иное положение наблюдается в другой категории железнодорожников — у поденных и временных рабочих, среди которых было большое число представителей местных национальностей. В июле 1917 г. в группе станций и разъездов на участке ст. Тугуз—ст. Сапак Оренбургско-Ташкентской дороги было всего 476 железнодорожников, из которых 86 человек, т.е. 18%, были служащие, 381 чел., т.е. 82% — рабочие. Из 381 рабочих 180 составляли казахи (47%), среди служащих же казахов было 6 человек (7%). Основная масса казахов работала поденными рабочими. Из 248 поденщиков казахи составляли 173 человека, т.е. около 70%. Это были в основном низкооплачиваемые ремонтные рабочие, грузчики, возчики и различные чернорабочие.¹⁰³

Жаркий климат, недостаток воды, тяжелые бытовые условия на протяжении свыше 1600 верст Оренбургско-Ташкентской железной дороги в пределах Казахстана не привлекали сюда неквалифицированных рабочих из русских и представителей других национальностей, поэтому недостаток в поденных рабочих главным образом восполнялся за счет казахских и других местных трудящихся. Генерал-майор Милеант в 1908 г. писал, что «на Оренбургско-Ташкентской железной дороге поденные рабочие, главным образом для службы пути (ремонта полотна дороги), комплектуются за время с сентября по май из местных киргизов, а в остальное время года работают русские, персы, сарты и другие».¹⁰⁴

И на других железных дорогах края было немало казахов среди поденных рабочих. Это в первую очередь относится к Сибирской железной дороге. В 1905 г. газета «Степной голос» описывала тяжелое положение артели казахов, которые не смогли получить работу по ремонту пути на Сибирской дороге. Артели казахских рабочих из Семипалатинской области в поисках заработка часто и подолгу работали на Петропавловско-Омском участке этой магистрали. Они с началом навигации по Иртышу прибывали сюда большими группами и работали до закрытия навигации и последними пароходами возвращались домой.¹⁰⁵ Так, в октябре 1913 г., как отмечается в архивных документах, со ст. Омск «ремонтные поденные рабочие, исключительно киргизы, в числе 80 человек получили расчет и уехали домой в Семипалатинскую область, пока ходят пароходы».¹⁰⁶

Точных данных о численности казахов в составе железнодорожников края нет. Все же, опираясь на среднеповерхностное исчисление числа железнодорожников Оренбургско-Ташкентской и Сибирской магистралей и принимая удельный вес казахов в составе поденных рабочих в пределах 70%, можно сделать следующий вывод: в 1917 г. из 30 тыс. железнодорожников края около 5—6 тыс. составляли казахи, их удельный вес достигал примерно 20%.¹⁰⁷

Наиболее классово организованной и политически активной частью рабочих Казахстана являлись «деповские», т.е. рабочие железнодорожных депо и мастерских. Хотя большая часть железнодорожников была разбросана по глухим степным станциям и разъездам, тем не менее они, благодаря непрерывному движению поездов и круглосуточной работе телеграфных и телефонных станций, были тесно связаны не только между собой, но и с железнодорожниками внутренних районов России.

Другим передовым отрядом местных рабочих являлись рабочие горной и горнозаводской промышленности с более высокой концентраци-

ей рабочих и наличием постоянных кадров, чем в обрабатывающей промышленности. Еще в 1887 г. зайсанский уездный начальник по поводу одной забастовки писал, что в ней участвовали «горнорабочие киргизы», а возглавляли ее «русские мастеровые». При этом он подчеркивал, что «горнорабочие-киргизы Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов занимаются приисковыми работами более десяти лет, люди опытные, многие говорят по-русски».¹⁰⁸

Положение рабочих края в условиях отсутствия здесь фабричной инспекции и контроля за деятельностью предпринимателей было значительно тяжелее, чем в промышленно развитых районах России. Продолжительность рабочего дня устанавливалась произвольно хозяевами предприятий, она доходила на нефтепромыслах Эмбы до 12 часов, на золотых приисках — до 10–12, на соляных промыслах — до 14–16 часов.¹⁰⁹ Для подавляющего большинства железнодорожников официально был установлен 12-часовой рабочий день, работать же приходилось еще больше. При низкой заработной плате рабочих России в целом на промышленных предприятиях края платили в 3–4 раза меньше, чем в центральных районах страны. В начале XX века в связи с ростом рабочего движения несколько повысилась заработная плата рабочих, но в условиях растущей дороговизны, в особенности в годы Первой мировой войны, реальная зарплата рабочих оставалась все еще низкой. В эти годы цены на промышленные и продовольственные товары возросли в 3–4 раза, а средняя заработная плата в день понизилась.¹¹⁰

Но мизерная зарплата рабочих еще больше урезывалась произвольными штрафами, обманом и обсчетом при выдаче части зарплаты продуктами и товарами и т.д. Окружной инженер Тобольско-Акмолинского горного округа вынужден был признать, что «большую частью невзгоды, изо дня в день повторяющиеся, губящие и подтачивающие рабочего, заключаются в недодаче положенных припасов, приписывании в рабочую книжку товара, в наложении произвольно штрафов».¹¹¹

Примитивные орудия производства (клин, кайло и лопата) на горных предприятиях, отсутствие элементарных мер безопасности труда, массовый травматизм с частыми случаями увечья и смерти и т.д. — таковы характерные черты условий, в которых трудились рабочие.¹¹²

Большинство их не имело жилья, лишь около 40% ютилось в жалких лачугах, землянках и бараках, поэтому при отсутствии медицинского обслуживания и санитарно-гигиенических условий среди рабочих и их семей часто вспыхивали эпидемии и инфекционные заболевания.¹¹³

В особо тяжелом положении находились казахские рабочие, по отношению к которым применялась открытая дискриминация. За равноценную работу казахские рабочие получали значительно меньше, чем русские. М. Красовский писал: «Выполняющие те же самые работы русские получают вдвое и втрое больше, чем киргизы».¹¹⁴ При поступлении на работу казахским рабочим отказывалось в праве на жилье, и они обязывались жить в своих юртах, хотя большинство рабочих, как правило, их не имело. Казахские рабочие, будучи неграмотными, оказывались беззащитными перед произволом хозяев предприятий и товарных лавок, которые беззастенчиво их обманывали и обсчитывали.

Все это: низкая зарплата, многочисленные штрафы, обман, обсчет и другие виды произвола властей и хозяев, тяжелые жилищно-бытовые условия, условия труда и т.д. — толкало рабочих на борьбу за улучшение своего экономического и политического положения.

5. СИСТЕМА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И ОБОСТРЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА. ПОСЛЕДСТВИЯ СТОЛЫПИНСКИХ АГРАРНЫХ РЕФОРМ

Обострение аграрного вопроса в Казахстане в начале XX в. достигло своего апогея. К этому привели прежняя переселенческая политика империи и последующие постановления, направленные на изъятие земель у местного населения. Усиление потока крестьян из европейских районов России вынудило правительство открывать для переселения районы Казахстана, закрытые ранее. Это относилось главным образом к землям Туркестанского генерал-губернаторства, на которых, кроме Семиреченской области, водворение переселенцев было запрещено. Правила «О добровольном переселении на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую» от 10 июня 1903 г. легализовали бывшее фактически незаконным до того заселение этих районов.¹¹⁵ Характерно, что при обсуждении этого закона правительственная комиссия опиралась на известное примечание к 120-й ст. Степного Положения 1891 г., гласившее, что те земли, которые для кочевников могут оказаться излишними, поступают в ведение государственных органов. «Из сопоставления вышеприведенных статей закона, — говорилось в комментарии, — нельзя не прийти к заключению, что на основании ныне действующих законов государство имеет полное право располагать по своему усмотрению излишними, за обеспечением кочевников, угодьями, которые надлежит передать в ведение Главного Управления Землеустройства и Земледелия».¹¹⁶ Как было сказано ранее при рассмотрении Степного Положения 1891 г., само примечание к 120-й ст. было недостаточным для юридического обоснования отторжения земель у коренного населения. Тем не менее этот законодательный нонсенс переносился из закона в закон.

Как и в прежних постановлениях, касавшихся стратегически важных для государства регионов, Туркестанский край предполагалось заселять лицами православного вероисповедания (исключение было сделано для раскольников) с учетом их преимущественного и хозяйственного положения, т.е. достаточно обеспеченными людьми. Существенно ограничивался подушевой надел — до 3 дес. орошаемой земли, зато выгонной и пастбищной земли оставлялось по потребности. Переселенцы обеспечивались налоговыми льготами в течение 8 лет и освобождались от воинской службы.

Большое значение для усиления свободы миграций сыграли «Временные правила о переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев» от 6 июля 1904 г., которые имели силу закона.¹¹⁷ Согласно новым правилам разрешался свободный выезд крестьян с прежних мест поселения без разрешения правительственных органов, как то предписывалось Положением 1889 г.

Пахота. С картины худ. Н.Г. Хлудова
(из фонда Центрального Государственного музея Республики Казахстан).

Однако, несмотря на все усилия правительства, переселенческое движение по-прежнему шло больше стихийно, чем организованно. Так, число самовольных переселенцев в 1905 г. составляло по Акмолинской области 54,7% от общего количества, по Семипалатинской — 61,5%, по Тургайской — 88,6%.¹¹⁸ Поэтому в целом нельзя согласиться с тем, что с начала XX в. переселенческое движение приняло организованный характер.¹¹⁹ Отдельные исследователи приходят к выводу, что «несмотря на массу узаконений и распоряжений по переселенческому делу, правительству не удалось достаточно воздействовать на самовольное переселение, и число самовольных переселенцев из года в год возрастало». ¹²⁰ «Правительство не руководит процессом, оно регистрирует его события, запоздало реагируя на них», — это сказано о попытках правительственных органов придать крестьянской колонизации Казахстана рамки закона.¹²¹

В Казахстане с конца XIX в. работали землеотводные партии, которые должны были нарезать переселенческие участки на землях, определенных как «свободные». Так называемые «свободные земли» подлежали определению экспедицией по исследованию степных областей, т.е. экспедицией Ф. А. Щербины. Работа экспедиции еще в годы ее работы вызвала много нареканий, особенно относительно норм казахского землепользования. Тем не менее отчасти по этим расчетам с 1893 по 1905 гг. в степных областях было изъято 4 074 180 дес., из них в Акмолинском переселенческом районе — 2 550 202 дес., Семипалатинском — 499 566 дес., Тургайско-Уральском — 1 024 412 дес. Всего должно было быть изъято 18 млн дес.¹²² Однако эти цифры скоро перестали удовлетворять правительство. Встал вопрос о пересмотре норм казахского землепользования в сторону их уменьшения и о необходимости нового экспедиционного обследования. Впрочем, раздавались голоса против даже придания какой-либо научности при выработке подобных норм. Так, директор департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ Н. А. Крю-

ков на совещании по вопросу о землеустройстве казахов выступил против всяческих исследований в Степном крае, против земских статистиков вообще, мотивируя это тем, что «кочевой быт должен быть уничтожен и все кочевники должны быть выдвинуты в определенные границы земельных владений», ибо «кочевой быт... иными словами ничем несменяемое бродяжничество».¹²³ Такое его мнение было записано как «особое» и вопреки ему были организованы несколько экспедиций в Акмолинской и Семипалатинской областях, Тургайско-Уральском переселенческом районе, отдельных уездах. В материалах этих экспедиций содержался вывод о том, что земельные нормы, определенные экспедицией Ф. А. Щербины завышены, что кочевникам-казахам ни к чему большие пространства, т.к. они повсеместно переходят к оседлости и земледелию. В итоге, если по данным экспедиции Ф. А. Щербины минимальные нормы землепользования для казахских хозяйств в зависимости от региона и прочих условий составляли 110–209 дес., а максимальные 187–510 дес., то по данным повторных экспедиций 1904–1908 гг. они были соответственно 70–125 дес. и 119–219 дес.¹²⁴ Таким образом, понижение шло от 36–40% до 36–57%. В течение нескольких лет вся территория Казахстана была разбита на пять переселенческих округов: Акмолинский, Семипалатинский, Тургайско-Уральский, Семиреченский, Сырдарьинский. Во главе района стоял заведующий, который отчасти подчинялся местной администрации в лице генерал-губернатора, а в большей степени — управлению землеустройства и земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ.¹²⁵ Заведующий района имел в своем распоряжении штат сотрудников различного профиля, а также чиновников на местах в подрайонах.

Несмотря на то, казалось бы организованный подход, изъятие земель у казахского населения в большинстве случаев шло самым грубым и незаконным образом. Пытаясь обосновать необходимость отчуждения у коренных жителей Жетысу зимовок и пашен, ранее запрещенных к изъятию, заведующий Семиреченским переселенческим районом С. Н. Велецкий утверждал, что это государственные земли, лишь предоставленные казахам во временное и условное пользование, и если потребовалось образовать «переселенческий участок, необходимо часть их (т.е. аулов. — *Ред.*) переместить, освободив место для участка и сгустить киргизские зимовки в других местах».¹²⁶ Исходя из этих же принципов, генерал-губернатор Кондратович в 1907 г. прямо предписывал землеустроительным партиям в Жетысу «временно делать некоторые возможные отступления от законного порядка проектирования участков».¹²⁷ Те же земли, на которые перемещали казахские аулы, по свидетельству ревизии сенатора К. К. Палена по Туркестанскому краю, были каменистой, негодной к орошению степью.¹²⁸ «Известное количество удобных киргизских земель, — писала «Киргизская степная газета», — давно уже занято селениями, и помимо этого, наилучшие участки из остальных земель начинают переходить в пользование к переселенцам из России. Бедные киргизы, вследствие ограниченности земельных угодий, поневоле перестанут кочевать в более или менее скором будущем».¹²⁹ В другом номере этой же газеты отмечалось, что «заметен ежегодный и постоянный упадок благосостояния кочевников» и что «причина этого явления, вероятно, кроется в недостатке поземельных угодий: скот приходится пастись зимою на тех же пастбищах, где он пасся летом и осенью».¹³⁰

Следует отметить, что сложные и запутанные земельные отношения в казахском обществе начали складываться еще раньше. Процесс отторжения общинных земель отдельными общинами или индивидуумами шел на протяжении многих десятилетий и получил юридическое обоснование в ряде постановлений царской администрации. Земельные споры усугубило, прежде всего, административное деление Степи на волости, которое не учитывало родового строя землепользования. «Вот почему получалась такая страшная путаница в землепользовании киргиз, — делал вывод один из современников, — и теперешняя волость, разделенная по владению киргиз, представляет несообразную картину каких-то изрезанных земельных лоскутков. О равномерности владения... наконец, просто соотношения количества десятин во владении одного рода с населением и скотом не может быть и речи».¹³¹ В «Уставе о сибирских киргизах» 1822 г. §172 гласил, что «каждому киргизу, который пожелает производить хлебопашество или иметь другие на месте хозяйственные заведения, отводить для сего по 15-ти десятин на душу».¹³² Эти земли передавались по наследству как недвижимая собственность. Положение 1886 г., а затем и положение 1891 г. развили и закрепили этот принцип землепользования в казахском обществе (см. §4 гл. XIII). Все этапы обособления земли довольно подробно описаны Т. И. Седельниковым, в течение семи лет служившим землемером и статистиком переселенческого управления, депутатом I Государственной Думы.¹³³ Он писал, что после 1868 г. оседлые казахи, поняв выгоду своего положения, обозначали часть летовочных территорий, находившихся до того в общественном пользовании, как посевы, покосы, места поселений. Особенно этим пользовались богатые и влиятельные роды. Так, использовав законы, они лишали своих сородичей удобных для кочевания земель. Из-за массы жалоб на захват земель местная администрация созывала множество съездов, где решались спорные земельные вопросы. Однако чаще всего решения съездов не выполнялись, а местные административные органы предпочитали занимать сторону оседлых общин, внося тем самым еще больший раздор в поземельные отношения. Подобные же явления захвата общинных земель наблюдал и Л. К. Чермак, в течение ряда лет проработавший в экспедиции по исследованию степных областей. Он отмечал, что на летовочных пространствах общинного пользования отдельные хозяева производили запашку, а затем, согласно статьи 125 Степного положения 1891 г., объявляли ее наследственной собственностью. «И в материалах экспедиции, — заключал Л. К. Чермак, — попадаются указания, что только с подобной целью распаханное такое-то урочище, закрепленное затем русскою властью за захватчиком».¹³⁴ «Отдельные кибитковладельцы, — писала «Киргизская степная газета, — имеют неограниченное право на пользование обрабатываемой землею лишь для собственных потребностей», и основанием для этого служило опять-таки Степное положение».¹³⁵ Отторжение земель сильными у слабых шло и на уровне общин. Так, в Кокчетавском уезде Акмолинской области две трети общин имели нехватку земель, тогда как оставшаяся треть была обеспечена ими выше средних данных. Земельные площади высшей группы превышали площади низшей группы в 41 раз.¹³⁶

Одной из существенных причин, осложнявших земельные отношения в Казахстане, была принадлежность части земель казачьим войскам. К 1917 г. Оренбургское казачье войско имело св. 7,4 млн дес. земли, Семиреченское — 681,5 тыс. дес., Сибирское — 4,9 млн дес., Уральское — 6,4 млн

дес., Астраханское — св. 808 тыс. дес.¹³⁷ Земли были разного качества, часть казачьих станиц, например, Сибирского войска, располагалась в районах, непригодных для земледелия. Но значительная часть земель была занята казаками у местного населения на выбор и представляла собой удобные и плодородные земли. Так, к 1902 г. семиреченское казачество владело 26,4% всех орошаемых земель Семиреченской области, причем раньше эти земли принадлежали казахам.¹³⁸ Три четверти земли Сибирского казачьего войска относилось к удобным для земледелия землям, и из этого количества на каждого казака приходилось по 76,6 дес.¹³⁹ Из-за необходимости несения военной службы и особенностей ведения хозяйства казачество слабо занималось земледелием, предпочитая сдавать земли в аренду. Такая система арендных отношений сложилась в Павлодарском уезде еще с 1839 г., когда 10-верстная полоса вдоль Иртыша была отмежевана Сибирскому казачьему войску. С 70-х гг. XIX в. из этих земель стали выдаваться в виде пенсий личные наделы офицерам и чиновникам войска. К началу XX в. 7788 казахских хозяйств с 43 690 чел. за неимением собственных зимовок жили на землях, арендованных в основном у Сибирского казачьего войска и частично у Алтайского горного округа. 52% казахов-арендаторов арендовали земли, принадлежавшие офицерам, 36% — юртовые, т.е. казачьи общинные наделы. Вначале арендная плата была сравнительно невелика, но со временем крестьяне-переселенцы оказались более платежеспособны и стали перебивать получение арендных площадей казаками. Это вызвало рост арендной платы. Так, в XX в. плата за аренду у казачьих земель ежегодно возрастала в 2—3 раза.¹⁴⁰ Казахским хозяйствам становилось не под силу арендовать земли для зимовок. Казачье землепользование создавало трудности и для крестьян. Так, в 1916 г. в Степном крае крестьяне пользовались 8% земель, на которых засеивали 61% всех посевных площадей, тогда как казаки, владея 6,8% земель, засеивали всего 19% от всех посевных площадей.¹⁴¹ По расчетам степного генерал-губернатора, на казачьих землях можно было разместить 37 тыс. крестьян-переселенцев, однако Николай II не согласился с этим, заявив, что «земли войсковые должны оставаться навсегда войсковыми».¹⁴²

На фоне сложных поземельных отношений в Казахстане развернулось проведение столыпинской аграрной реформы, целью которой было усиление переселенческого движения.

П. А. Столыпин, председатель Совета министров и министр внутренних дел в 1906—1911 гг., выработал принципы модернизации страны, первым условием которой было сделать крестьянина собственником земли. Суть аграрной политики П. А. Столыпина выражена в трех законодательных актах. Это указ для рассмотрения Сенатом «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г., который был дополнен и переработан во II Государственной Думе в закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» от 14 июня 1910 г. 29 мая 1911 г. был принят закон «О землеустройстве». Проведение мероприятий по аграрной реформе началось с 1906 г. после принятия указа Сенатом. С 1 января 1907 г. отменялись выкупные платежи за наделенные земли, которые крестьяне должны были платить при выходе из общины. Этим было снято главное ограничение для свободного выезда крестьян с мест прежних поселений.

Указ декларировал «право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела».¹⁴³ Кроме того, в законе 1910 г. в пункте 42 специально оговаривалось, что переселившиеся на земли азиатской России через два года со дня их окончательного причисления к новому поселению утрачивают право претендовать на общинную землю в местах выхода.¹⁴⁴ Таким образом столыпинская аграрная реформа освободила крестьян-общинников и дала им свободу миграции: предоставила право личного землепользования, ограничила возможность обратного возвращения переселенцев на родину в случае неудачи на новом месте. Одним из последствий реформы стала массовая миграция крестьянства на окраины, в частности, в Казахстан. Общее количество земель, изъятых в Казахстане для переселения, значительно отличается по разным сведениям. Так, по данным, опубликованным в 1917 г. компетентным чиновником переселенческих органов В. А. Тресвятским, в Степном крае к 1916 г. из 106 млн дес. обследованных земель 30 млн дес., т.е. около одной трети, были отнесены к так называемым излишкам и предназначались к изъятию у казахов.¹⁴⁵ Однако по подсчетам А. Б. Турсунбаева, произведенным по «Обзорам землеустройства и переселения за Уралом», за период 1906—1915 гг. в Акмолинском, Семипалатинском и Тургайско-Уральском переселенческих районах реально было изъято 15,8 млн дес. казахских земель. К тому же в Семиреченском переселенческом округе было изъято 3,3 млн дес, в Сырдарьинском — 2,5 млн дес. Итоговая цифра составила 21 206 187 дес.¹⁴⁶ Эти же данные приведены Б. С. Сулейменовым.¹⁴⁷ Изъятые у местного населения земли составили 9111 участков. Но на практике заселялись не все отведенные для переселенцев участки. Многие переселенческие участки планировалось заселить в будущем 10—15—20 лет. Так, в Зайсанском уезде крестьяне, минувя выделенные для них участки, «устремилась на поливные пашни в Китай».¹⁴⁸ И таких случаев было множество. Очевидно, истинную площадь земель, занятых переселенцами, установить невозможно, особенно из-за большого количества самовольных поселений. Но помимо отмежеванных в переселенческий фонд земель, из землепользования казахов были исключены земли для казачьих войск, под лесные дачи и другие казенные надобности, под расположение городов и железных дорог. Общий объем изъятых земель вместе с переселенческим фондом составил более 45 тыс. дес.¹⁴⁹ По уездам и областям Степного края процент изымаемых земель распределялся неравномерно. Так, в Омском уезде это было 52% от всех земель, в Акмолинском — 73%, в Кустанайском — 54% и т.д.¹⁵⁰ Нетрудно заметить, что чем больший процент земель подлежал изъятию, тем удобнее были эти земли в земледельческом отношении. Эту закономерность отмечали и сами чиновники Переселенческого управления, когда писали, что «наибольшее количество излишков находится в уездах, расположенных в северной, наиболее плодородной зоне с черноземными и темно-каштановыми почвами».¹⁵¹

Однако даже такие земельные массивы не могли вместить всех желающих. Этому способствовала неразбериха с выделением земельных участков, сопровождавшая все переселенческое движение. С 1906 по 1915 гг. в переселенческие районы Степного края прибыло 580 587 чел. (учтены лишь души мужского пола). Из них 47% направлялось в Акмолинский переселенческий район, 38% — в Тургайско-Уральский, 15% — в Семипалатинский.¹⁵² Если же проследить динамику численности пересе-

ленцев по годам, то видно, что первый же год после выхода указа 1906 г. дал небывалый всплеск. В 1906 г. в Степной край приехало 25 100 душ мужского пола, а в 1907 г. уже 80 360 душ. Уровень переселения держится на этой отметке с небольшими колебаниями в 1908 г. и 1909 г., затем волнообразно понижается и повышается, и к 1914 г. падает до 53 360 душ.¹⁵³ Видно, что в первые годы проведения реформы определенная часть крестьянства европейской России связывала свои надежды на улучшение жизненных условий с переездом в Казахстан. Сокращение количества переселенцев иллюстрирует неудачный итог реформы. Об этом же говорит и значительный отток переселенцев. Так, от 20 до 34% переселенцев в 1906–1915 гг. ежегодно возвращались обратно.¹⁵⁴

Неудачу потерпела и одна из идей реформы П. А. Столыпина о разрушении общины и создании хуторских хозяйств. Сама идея о развитии фермерства в стране была позитивной.¹⁵⁵ Но в условиях Казахстана, на неосвоенных землях, в крестьянской среде, наоборот, возросла роль общины как гаранта выживаемости.

Печальным итогом реформы стало массовое обезземеливание казахского населения, обнищание и, как следствие, возрастание социальной напряженности. Стихийные акты протеста выразились в избиениях хозяев, представителей власти, отказах от уплаты налогов, угонах скота, потравках посевов и др. Коренные жители, лишившись исконных земель, пытались защитить свои права законными методами — подачей прошений, огромное количество которых скопилось в архивных фондах. В январе 1913 г. Исимболат Доспаев и Гали Усманов от имени своего аула жаловались заведующему переселенческим делом Тургайско-Уральского района, что «лучшие земли киргизов аула № 4 Чингирлаувской волости были изъяты под переселение, оставленные же в пользу наших доверителей земли не отличаются таким достоинством» и просили о прирезке участков.¹⁵⁶ В ответ на это прошение, как практически и на все остальные, последовал отказ.¹⁵⁷

В то же время и значительная масса переселенцев была недовольна собственным землеустройством. Крестьяне пос. Карачаевский Полтавской волости Актюбинского уезда Тургайской обл. писали заведующему переселенческим отделом, что после поселения на отведенные им участки «у нас земли оказалось для обработки хлеба совсем малое количество удобной» и из записанных на каждого 12 десятин пригодны для пашни едва 4 десятины.¹⁵⁸ В итоге практически повсеместно возникали споры и столкновения из-за землепользования как между переселенцами и казаками, так и в среде местного населения. Так, крестьяне пос. Белоярского и Каменского, самовольно поселившись на землях казахов Кин-Аральской волости Кустанайского уезда, вначале арендовали у них земли, а потом, прослышав про крестьянские захваты земель в России периода 1905–1907 гг., вознамерились насильно захватить у местных жителей облюбованные участки. Такую же участь они уготовили и землям казаков пос. Луганского. Для осуществления этих воинственных целей ждали каких-то «очень отчаянных людей» из России.¹⁵⁹

Земельные утеснения и смещение традиционных кочевых путей вызвали массу конфликтов и в среде кочевого населения. Зачастую они заканчивались трагически, как это было, например, в 1907 г. в Ирگزском

уезде Тургайской области, где в результате спора из-за ур. Каракуль, используемого как кузеу, погибли два человека.¹⁶⁰

Злоупотребления же чинов переселенческих районов были безмерны. Крестьяне с. Арал-Тюбе Джаркентского уезда Семиреченской области два года ждали выплаты денежных ссуд для обзаведения хозяйством, и, совсем обнищав, поехали к заведующему водворением Джаркентского подрайона Теплому, долго ждали его, а он «...отворял двери и еще дополнял свою ругань, пока не упали две женщины и один крестьянин на колени перед ним как перед Богородицей и просили выдачи пособия, умоляя его, что малые дети голодом и в холоде остались в деревне. А г. Начальник захлопнул дверь с руганью и мы ушли».¹⁶¹

Надо сказать, что проблемы переселенческой политики широко обсуждались общественностью страны, что выразилось в массе публикаций разного толка. Этот аспект как составная часть аграрной политики правительства весьма бурно дебатировался в Государственной Думе. Решение аграрного вопроса перекликалось с рассмотрением политических прав народов, населявших окраины Российской империи. Это объяснялось тем, что правительство видело возможность ликвидировать крестьянское безземелье в России путем массового переселения бедноты на восток. Интересы местных жителей не учитывались совершенно. О защите интересов как казахского населения, так и русских переселенцев заявил на заседаниях I Государственной Думы (1906 г.) депутат от Оренбургской губ. Т. И. Седельников, который обратил внимание, что «сотни тысяч киргизов являются безземельными в буквальном смысле слова, а если возьмем малоземельных киргизов, то их наберется не менее миллиона».¹⁶² Часть правых депутатов, как, например, кн. Голицын, по-прежнему настаивала на «усилении всеми возможными способами переселенческого дела». Против этого положения резко выступил Т. И. Седельников, который открыто сказал, что переселение разоряет как беднейшую часть тех крестьян, которые решились на переезд, так и тех местных жителей, у которых насильственно отобрали землю для этих переселенцев.¹⁶³ И во II Государственной Думе (1907 г.) в центре обсуждения стоял аграрный вопрос. Часть правых депутатов выступила в защиту столыпинского закона от 9 ноября 1906 г. Однако депутаты от Казахстана противостояли этим взглядам. Депутат от Уральской обл. И. И. Космодемьянский объявил Столыпина «противником всего законодательного собрания, всей страны и всего русского народа», ибо «правительство рекомендует переселиться и заселить киргизские земли... нисколько не считаясь с последствиями своей политики».¹⁶⁴ С критикой методов переселения выступил член аграрной комиссии Б. Каратаев, который назвал этот процесс как «насилие сильного над слабым».¹⁶⁵ В III Государственной Думе (1908 г.) казахское население было лишено даже представительства. Между тем, предыдущие думские дебаты о нарушении земельных прав казахов настолько привлекли внимание, что бюджетная и переселенческая комиссии Думы внесли в правительство предложение о скорейшей разработке и принятии законопроекта о землеустройстве казахов.¹⁶⁶ До ввода в действие такого закона (который так и не вышел в свет) мусульманская фракция III Думы в лице депутата от Закавказья Хас-Мамедова заявила, что переселение в Казахстан «во имя справедливости вековых прав киргизского населения на земле, на-

ходящейся в пользовании его, и гуманности» должно быть прекращено до тех пор, пока не будут устроены все коренные жители.¹⁶⁷ Другие депутаты напомнили о тяжелом положении переселенцев и прямо потребовали от правительства изменить переселенческую политику.¹⁶⁸

Между тем, часть депутатов, защищая интересы правящих кругов, пыталась изобразить картину в улучшенном виде. В 1909 г. Жетысу специально посетил депутат А. Трегубов, который «восторженно отозвался о правильной постановке всего переселенческого дела во всей области и, в частности, Верненского подрайона».¹⁶⁹ И это приблизительно в то время, как заведующий переселенческим делом в Семиреченской области Велецкий сообщал о конкретных случаях голода среди переселенцев, вызванных исключительно неупорядоченным состоянием переселенческого дела.¹⁷⁰

С положением переселенческого дела в Казахстане во всех тонкостях был знаком известный казахский ученый, публицист и политический деятель А. Н. Букейханов. Он принимал деятельное участие в работе экспедиции Ф. А. Щербины, избирался депутатом I Государственной Думы. Почти во всех своих работах — научных монографиях или газетных статьях он рассматривал последствия крестьянской колонизации Степи, отделяя от этого процесса собственно правительственную аграрную политику. С глубокой иронией пишет он о «ни в чем не сомневающихся людях», которые, сидя в Петербурге, играют землями Казахского края, «вводя в практику зачет нескольких десятин неудобной земли за удобную».¹⁷¹ Сопоставляя многочисленные факты переселения крестьян в засушливые степи и солонцы, А. Н. Букейханов предрекал, что «сочтены дни переселенческой политики правительства, предлагающего безземельному голодному народу безводные киргизские степи».¹⁷² Защищая интересы своего народа, он писал, что «киргизы находят ненормальным то, что происходит в настоящее время при отрезке переселенческих участков... Производители работ размежовывают в участки наиболее ценные для скотоводства угодия: покосы, зимние пастбища, пашни, лучшие водопой, ...оставляют киргизам камни, солонцы, болота, безводные степи».¹⁷³

Наконец, официальными органами было признано, что переселение не сыграло той роли, которая ему отводилась. Комиссия по вопросам переселения и колонизации в августе — сентябре 1917 г. обсудила положение переселенческого дела в стране и пришла к выводу, что «земледельческая колонизация... пришла как бы в тупик. Настал конец старому благодушному переселению».¹⁷⁴ Сам термин «переселение» предлагалось раз и навсегда заменить на «колонизацию». Колонизационная политика теперь исходила из общего плана оживления экономики страны, большую роль в этом должны были сыграть окраины. Решающее значение придавалось промышленной колонизации, что должно было поднять и сельское хозяйство. Переселяющийся элемент, по определению комиссии, должен быть вне сословий, обладать нужным запасом материальных средств, энергией и предприимчивостью. Известные события в октябре 1917 г. помешали осуществлению этого плана. Однако очевидно, что Казахстан, как и другие окраины империи, ждала жестокая и прагматичная система колонизации, в которой даже не упоминалось об интересах местного населения.

Хорошо известно, что аграрное переселение сыграло роль детонатора в социально-экономической сфере жизни Казахстана. О массовом оттор-

жении казахских земель в пользу переселенцев и о негативных последствиях этого процесса уже было сказано выше. Вместе с тем, переселение крестьян из сельскохозяйственно развитых районов России принесло в Казахстан значительные трудовые и материальные ресурсы, способствовало хозяйственному освоению новых земель.

¹ Алексеев Н. В. Население дореволюционного Казахстана. А., 1981, с. 94.

² Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент. 1967, с. 64.

³ Сулейменов Б. С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начала XX вв. (1867—1907 гг.). А., 1963, с. 35.

⁴ Там же.

⁵ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 198.

⁶ Аламиев П. М. Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока и социалистическое размещение промышленности (Исторический опыт Казахской ССР). М., 1958, с. 126—127.

⁷ Галузо П. Г. Социальные отношения в казахском ауле и переселенческой деревне Казахстана в начале XX в. // Казахстан в канун Октябрьской революции. А., 1968, с. 38—39; Алексеев Н. В. Указ. работа, с. 94—95.

⁸ КПСС в резолюциях, т. 2, с. 252.

⁹ Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986, с. 243.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 86.

¹¹ Аламиев П. М. Указ. работа, с. 90—91.

¹² Там же, с. 92—94.

¹³ Фридман Ц. Л. Иностраный капитал в дореволюционном Казахстане. А., 1960, с. 15—20.

¹⁴ Там же, с. 23—24.

¹⁵ Там же, с. 25—38.

¹⁶ Казахстан в канун Октября. Сб. статей. А., 1968, с. 205.

¹⁷ Аламиев П. М. Указ. работа, с. 94.

¹⁸ Казахстан в канун Октября, с. 164—167.

¹⁹ Там же, с. 171—172, 202—204 и др.

²⁰ Подсчитано на основе данных книги Е. Б. Бекмухаметова «Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана» (А., 1964, с. 164—165).

²¹ Казахстан в канун Октября, с. 171—172.

²² Маликов Ф. Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане. А., 1972, с. 47—48.

²³ Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. А., 1963, с. 39.

²⁴ Аламиев П. М. Указ. работа, с. 96; Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Указ. работа, с. 36—40.

²⁵ Аламиев П. М. Указ. работа, с. 96.

²⁶ Фридман Ц. Л. Иностраный капитал, с. 39—52.

²⁷ Шаукенбаев Т. Урало-Эмбенский нефтяной район. А., 1961, с. 16; Маликов Ф. Указ. работа, с. 54.

²⁸ Аламиев П. М. Указ. работа, с. 97.

²⁹ Там же, с. 97—98.

³⁰ Казахстан в канун Октября, с. 151—154.

³¹ Аламиев П. М. Указ. работа, с. 99.

³² Казахстан в канун Октября, с. 155—156.

- ³³ Там же, с. 253.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Указ. работа, с. 18; История Чимкентского химико-фармацевтического завода им. Ф. Э. Дзержинского. Чимкент, 1958, с. 20.
- ³⁶ Казахстан в канун Октября, с. 158–161.
- ³⁷ Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Указ. работа, с. 24–29.
- ³⁸ Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета Министров (Исторический очерк). /Под ред. Кулемзина/. СПб., 1902, т. 2, с. 170–172.
- ³⁹ Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903, с. 12–13, 24, 81, 93, 96 и др.
- ⁴⁰ Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903, т. 18. Киргизский край, с. 306.
- ⁴¹ РГИА, ф. 446, оп. 31, д. 4, л. 33–37.
- ⁴² РГИА, ф. 446, оп. 30, д. 7, л. 49; Саблер С. В., Сосновский И. В. Указ. работа, с. 186–187.
- ⁴³ Азиатская Россия. СПб., 1914, т. 1, с. 545–549; ЦГА, ф. 1, оп. 11, д. 92–95.
- ⁴⁴ Материалы по обследованию казенных железных дорог; Ташкентская ж.д. СПб., 1913, с. 123.
- ⁴⁵ Туркестанские ведомости. 1902. 11 октября, № 81; Материалы по обследованию казенных железных дорог; Ташкентская ж. д. с. 1–3; Асылбеков М. Х. Некоторые вопросы истории строительства Оренбургско-Ташкентской ж.д. //Изв. АН КазССР. Сер. ист., арх. и этногр., 1962. Вып. 2, с. 44–51.
- ⁴⁶ Отчет по постройке северной части Оренбургско-Ташкентской ж.д., ч. 1. СПб., 1908, с. 1–2, 4; РГИА, ф. 446, оп. 31, д. 20, л. 69 и об.; ф. 273, оп. 12, д. 398, л. 47 и об.
- ⁴⁷ Степь. (Троицк). 1909. 16 апреля.
- ⁴⁸ Степь. 1911. 4 января. 15, 20 октября и 15 ноября.
- ⁴⁹ РГИА, ф. 1157, оп. 1, д. 31, л. 2.
- ⁵⁰ Степь. 1909, 16 апреля.
- ⁵¹ ЦГА РУз., ф. 1, оп. 2, д. 1725, л. 29–210, 219–224, 250 и др.; д. 1726, л. 62 и др.
- ⁵² Дахилейгер Г. Ф. Турксиб — первенец социалистической индустриализации. Алма-Ата, 1958, с. 1.
- ⁵³ РГИА, ф. 291, оп. 1, д. 22, л. 1–27.
- ⁵⁴ Там же; ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 12886, л. 20.
- ⁵⁵ Отчет по постройке южной части Оренбургско-Ташкентской железной дороги. СПб., 1908, с. 30.
- ⁵⁶ РГИА, ф. 268, оп. 8, д. 31, л. 53; оп. 1, д. 21, л. 1–27; ф. 268, оп. 1, д. 1131, л. 213; д. 1086, л. 25.
- ⁵⁷ ЦГА РК, ф. 17, оп. 1, д. 2, л. 183–184, 192–193; Район железной дороги Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении. СПб., 1914, с. 257–258.
- ⁵⁸ Казахстан за 40 лет: Статсборник. Алма-Ата, 1960, с. 225–230.
- ⁵⁹ Обзор Семипалатинской области за 1886 г. Семипалатинск, 1887, с. 26–27; Обзор Семипалатинской области за 1894 г. Семипалатинск, 1895, с. 17–18; Обзор Семипалатинской области за 1897 г. Семипалатинск, 1898, с. 30.
- ⁶⁰ Обзор Сырдарьинской области за 1910 г. Ташкент, 1911, с. 122; Обзор Сырдарьинской области за 1911 г. Ташкент, 1912, с. 133.
- ⁶¹ Обзор Семипалатинской области за 1894 г., с. 17–18.
- ⁶² Восточное обозрение. 1895. № 61 Социалистический Казахстан, 1960, 12 ноября.
- ⁶³ Тургайская газета. 1901, 24 марта.
- ⁶⁴ Подсчет произведен по данным газеты «Туркестанские ведомости» (1902. 12 мая, 20 июня), а также рапортов с участков дороги; ЦГИАЛ, ф. 346, д. 359, л. 1–154 и др.
- ⁶⁵ Оренбургская газета. 1902, 19 июля.
- ⁶⁶ Тургайская газета. 1901, 24 марта.
- ⁶⁷ Туркестанские ведомости. 1903, 4 мая; 1904, 3 марта.
- ⁶⁸ Обзор Семипалатинской области за 1894 год. Семипалатинск, 1895, с. 17–18; Материалы по киргизскому землепользованию. Акмолинская область. Омский уезд, т. 11. Омск,

1902, с. 65; *То же*. Сырдарьинская область. Перовский уезд. Ташкент, 1912, с. 96; *То же*. Казалинский уезд. Ташкент, 1913, с. 72.

⁶⁹ *Хворостянский П.* Очерки экономического благосостояния поселков Кустанайского уезда. Омск, 1911.

⁷⁰ Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. Ташкент, 1909, т. 2; Русские селения в Чимкентском уезде Сырдарьинской области, с. 19–25.

⁷¹ Обзор по Акмолинской области за 1894 г. Омск, 1895, с. 50; Обзор Семипалатинской области за 1895 год. Семипалатинск, 1897, с. 37–38.

⁷² Обзор Акмолинской области за 1901 г. Омск, 1903, с. 29; Обзор по Сырдарьинской области за 1913 год. Ташкент, 1915, с. 93–94.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 216, л. 24.

⁷⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 341.

⁷⁵ *Алексеев Н. В.* Население дореволюционного Казахстана, с. 79.

⁷⁶ *Асылбеков М. Х.* К вопросу о влиянии железных дорог на экономику дореволюционного Казахстана. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1964, № 1, с. 55.

⁷⁷ *Там же*.

⁷⁸ Здесь и далее под служащими надо понимать всех работающих на железных дорогах, в том числе и рабочих.

⁷⁹ РГИА, ф. 273, оп. 12, д. 431, л. 22–23.

⁸⁰ РГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 216, л. 22, 24 об; Революционное движение в Казахстане в 1905–1907 гг.: Сб. документов и материалов / Под ред. И. С. Гороховодатского, А. Каиргельдина, Б. С. Сулейменова. Сост. Ф. Н. Киреев, Т. П. Губа, Ф. И. Колодин. А., 1956, с. 29–30.

⁸¹ ЦГА РК, ф. 95, оп. 1, д. 364, л. 35–36.

⁸² ГАОрО, ф. 22, оп. 4, д. 18, л. 38 и об.

⁸³ Труды ЦСУ. 1926. т. 26, вып. 1–2, с. 80.

⁸⁴ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет. А., 1940, с. 13.

⁸⁵ *Нусупбеков В.* Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане. А., 1966, с. 38, *Асылбеков М. Х.* Железнодорожники Казахстана в первой русской революции (1905–1907). А., 1965, с. 36.

⁸⁶ *Мозгунова Е. А.* О численности и составе промышленных рабочих в Казахстане накануне Октябрьской революции. // Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1959, вып. 2(10), с. 41–50.

⁸⁷ *Асылбеков М. Х.* Железнодорожники Казахстана..., с. 36.

⁸⁸ По данным Е. Дильмухамедова, Ф. Маликова, число рабочих на промышленных предприятиях Казахстана в 1916–1917 гг. превышало 65 тыс. человек, в горнодобывающей – 20 тыс., нефтяной – 5 тыс. и на соляных промыслах 5 тыс. человек. См.: *Дильмухамедов Е. Д., Маликов Ф.* Указ. работа, с. 267.

⁸⁹ *Заорская В. В., Александр К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915, с. 29–30.

⁹⁰ *Там же*.

⁹¹ *Там же*, с. 43.

⁹² *Пяковский А. В.* Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. М., 1958, с. 25.

⁹³ *Маликов Ф.* Указ. работа, с. 68.

⁹⁴ РГИА, ф. 273, оп. 12, д. 527, л. 5–6.

⁹⁵ РГИА, ф. 276, оп. 12, д. 527, л. 7–9.

⁹⁶ ГАОМО, ф. 270, оп. 1, д. 40, л. 5–9.

⁹⁷ Обзор Акмолинской области за 1907 г. Омск, 1908, с. 27.

⁹⁸ *Заорская В. В., Александр К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края. Табл. 2.

⁹⁹ *Там же*, табл. 5, с. 52.

¹⁰⁰ *Там же*, с. 53.

- ¹⁰¹ Асылбеков М. Х. Железнодорожники Казахстана, с. 39–40.
- ¹⁰² РГИА, ф. 229, оп. 4, 1908, л. 49.
- ¹⁰³ ГАОрО, ф. 146, оп. 1, 1917, д. 7, л. 1–3, 20 и др.
- ¹⁰⁴ РГИА, ф. 1396, оп. 1, 1908, д. 216, л. 23 об.
- ¹⁰⁵ Степной голос. 1905, № 17.
- ¹⁰⁶ Рабочее движение в Казахстане в 1907–1914 гг. Алма-Ата, 1957, с. 472–473.
- ¹⁰⁷ Асылбеков М. Х. Железнодорожники Казахстана., с. 42–43.
- ¹⁰⁸ ЦГА РК, ф. 10, оп. 1, д. 69, л. 36; Семеновский В. Рабочие на золотых промыслах. СПб., 1908, т. 2, с. 651; Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Указ. работа, с. 180.
- ¹⁰⁹ Алампиев П. М. Указ. работа, с. 107.
- ¹¹⁰ Асылбеков М. Х. Железнодорожники Казахстана., с. 51.
- ¹¹¹ Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Указ. работа, с. 136.
- ¹¹² Маликов Ф. Указ. работа, с. 76–77. ЦГА РК, ф. 9, оп. 1, д. 86, л. 127. Цит. по: Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Указ. работа, с. 141.
- ¹¹³ Маликов Ф. Указ. работа, с. 79–80.
- ¹¹⁴ Красовский М. Область сибирских киргизов. СПб., 1868, ч. 2, с. 145. Цит. по: Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Указ. работа, с. 164.
- ¹¹⁵ Переселение и землеустройство в Азиатской России: Сб. законов и распоряжений. Пг., 1915, с. 40.
- ¹¹⁶ Там же, с. 112.
- ¹¹⁷ Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. СПб., 1907, с. 23.
- ¹¹⁸ Черников В. С. Крестьянская колонизация Северного Казахстана в эпоху капитализма. // История СССР. 1982, № 6, с. 135.
- ¹¹⁹ История КазССР с древнейших времен до наших дней. III том. А., 1979, с. 405.
- ¹²⁰ Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. А., 1950, с. 30.
- ¹²¹ Черников В. С. Указ. работа, с. 135.
- ¹²² Переселение и землеустройство за Уралом за 1906–1910 гг. СПб., 1911, с. 47.
- ¹²³ Особое мнение. // Сибирские вопросы. 1908, № 2, с. 29–30.
- ¹²⁴ Статистико-экономические исследования переселенческого управления: 1893–1909 гг. СПб., 1910, с. 16.
- ¹²⁵ Переселение и землеустройство в Азиатской России, с. 4–8.
- ¹²⁶ ЦГА РК, ф. 19, оп. 1, д. 1260, л. 31.
- ¹²⁷ Там же, л. 36.
- ¹²⁸ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб., 1910, с. 50.
- ¹²⁹ Киргизская степная газета // Человек, общество, природа. 1888–1902 гг. А., 1994, с. 127.
- ¹³⁰ Там же, с. 130–131.
- ¹³¹ Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. // Зап. Сиб. отд. ИРГО. Кн. XVII, вып. 2. Омск, 1896, с. 34.
- ¹³² Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1. А., 1960, с. 101–102.
- ¹³³ Седельников Т. И. Борьба за землю в Киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. А., 1991, с. 35–52.
- ¹³⁴ Чермак Л. К. Формы киргизского землепользования // Сибирские вопросы, 1908, № 23–24, с. 42.
- ¹³⁵ Киргизская степная газета., с. 470.
- ¹³⁶ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, т. 1, Воронеж, 1898, с. 66.
- ¹³⁷ КазССР: 4-томная Краткая энциклопедия, т. 1, А., 1985, с. 225.
- ¹³⁸ Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. А., 1965, с. 171.
- ¹³⁹ Общие сведения о Сибирском казачьем войске. Омск, 1897, с. 17.
- ¹⁴⁰ Материалы по киргизскому землепользованию, т. V, Воронеж, 1903, с. 48.
- ¹⁴¹ Там же, с. 63.

- ¹⁴² Тресвятский В. А. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России: Вып. 1. Степной край. II т., 1917, с. 45, 497.
- ¹⁴³ ПСЗРИ, т. XXVIII. 1906, отд. 1. № 28528, с. 970.
- ¹⁴⁴ Там же. т. XXX, 1910, отд. 1. № 33743, с. 749.
- ¹⁴⁵ Тресвятский В. А. Указ. работа, с. 113.
- ¹⁴⁶ Турсунбаев А. Б. Указ. работа, с. 61.
- ¹⁴⁷ Сулейменов Б. С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начала XX века. А., 1963, с. 252.
- ¹⁴⁸ ЦГА РК, ф. 469, оп. 1, д. 590, л. 189 об.
- ¹⁴⁹ История КазССР, т. III, с. 411.
- ¹⁵⁰ Тресвятский В. А. Указ. работа, с. 113.
- ¹⁵¹ Там же, с. 115.
- ¹⁵² Там же, с. 41.
- ¹⁵³ Там же, с. 41.
- ¹⁵⁴ Там же, с. 37.
- ¹⁵⁵ Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. М., 1995, с. 68.
- ¹⁵⁶ ЦГА РК, ф. 29, оп. 1, д. 287, л. 7.
- ¹⁵⁷ Там же, л. 11.
- ¹⁵⁸ Там же, л. 60.
- ¹⁵⁹ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 969, л. 1—3.
- ¹⁶⁰ Там же, л. 20.
- ¹⁶¹ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 491, д. 68 об.
- ¹⁶² Государственная Дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая, г. 1. СПб., 1906, с. 113—114.
- ¹⁶³ Там же, с. 203.
- ¹⁶⁴ Малтусынов С. М. Социально-экономическое и политическое положение Казахстана 1 Государственная Дума. Дисс. канд. ист. наук, А., 1981, с. 169.
- ¹⁶⁵ Там же, с. 172.
- ¹⁶⁶ ЦГА РК, ф. 19, оп. 1, д. 64, л. 52, 61 об.
- ¹⁶⁷ Там же, л. 52—53.
- ¹⁶⁸ Там же, л. 56.
- ¹⁶⁹ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 116, л. 42.
- ¹⁷⁰ Там же, д. 57, л. 14.
- ¹⁷¹ Букейханов А. Избранное. Алматы, 1995, с. 236.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Там же, с. 250.
- ¹⁷⁴ Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. XVIII. Журналы комиссий по вопросам переселения и колонизации. II т., 1918, с. 17.

Глава пятая

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1. АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В КАЗАХСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Накануне революции (1905–1907 гг.) в крае происходили отдельные стихийные выступления рабочих, крестьян и других слоев населения против произвола местных властей, баев и промышленников.

Рабочее движение в Казахстане стало расширяться, увеличилось число забастовок, которые принимали более массовый и упорный характер. В августе – сентябре 1901 года на Карагандинских копиях бастовали рабочие-башкиры из Оренбургской губернии, которые требовали выплаты денег по контракту. Бастовавших поддержали другие рабочие: казахи, русские, татары и т.д. В июне 1902 г. произошли волнения рабочих-казахов Михайловского прииска в Зайсанском уезде Семипалатинской области. Рабочие, не получив удовлетворения своих требований, покинули прииск, в результате чего работы на нем были прекращены. В сентябре – октябре 1902 г., июне – августе 1903 г. на Экибастузских угольных копиях происходили забастовки рабочих, которые выступали против длительной задержки зарплаты и требовали немедленного и полного расчета. После упорной борьбы рабочие одержали победу.¹

Рабочие выступления начались и среди строителей Оренбургско-Ташкентской железной дороги, где кроме самовольных уходов с работы, более или менее организованная часть строительных рабочих начала устраивать стачки, но в силу слабых организованности и политической сознательности эти стачки были разрозненными, стихийными и, в основном, носили экономический характер. Периодическая печать в 1902 г. отмечала, что среди рабочих на постройке Оренбургско-Ташкентской железной дороги «озлобление сильное и против администрации, которая держит их (подрядчиков. – *Ред.*) сторону», а «стачки были мелкие, у отдельных подрядчиков»² (т.е. разрозненные, стихийные. – *Ред.*). Одной из наиболее крупных была стачка 800 рабочих-строителей на станции Мугоджарская (северная часть дороги), где 26 июня 1903 г. из-за задержки зарплаты «начались сильные волнения среди рабочих, выразившиеся в огромном скоплении толпы около конторы (подрядчика) Хороша». Волнения продолжались несколько дней и закончились победой рабочих. Инженер Раден, руководивший работами на этом участке, в своем рапорте

писал: «Высланные два жандарма, при всем их рвении, не могли обуздать разъяренную толпу, так что целую ночь на 29 июня толпа держала меня под стражей и в осадном положении, не позволяя удалиться. Вынужден был удовлетворить рабочих». К стачке рабочих примкнули местные казахские крестьяне, выступавшие против отчуждения их пастбищных угодий вдоль строящейся линии в пользу дороги и Оренбургского казачьего войска.³

Начавшаяся русско-японская война, ее империалистический характер и поражения русских войск привели к еще большему росту недовольства и возмущения среди населения края царским режимом. «Туркестанские ведомости» писали: «Нам сообщают из Перовска, что местные киргизы весьма интересуются войной и с жадностью ловят ходящие о ней слухи».⁴ Среди строительных рабочих участились открытые возмущения. В октябре 1904 г. сторож 2-го участка южной части дороги (вблизи ст. Арысь) казах Жумабай Дунабаев подвергся полицейским преследованиям «по поводу оскорбления им особы русского царя и его семьи».⁵ В декабре 1904 г. рабочий ст. Туркестан Кириллов был привлечен к судебной ответственности за публичное выражение возмущения поражениями русских войск на Дальнем Востоке и бездарностью царя.⁶

В июле 1904 года, в особенности накануне первой русской революции, происходили забастовки рабочих Надеждинского прииска в Зайсанском уезде под руководством Меирхана Кемалова, забастовка рабочих-казахов на Спасском медеплавильном заводе 20—22 декабря 1901 г., забастовка рабочих Карагандинских копей в конце декабря 1904 г. во главе с Бекбосыном Сихымбаевым и др.⁷

В начале революции и вплоть до осени 1905 г. в Казахстане крупных выступлений не было, ибо местные трудящиеся, получив известие о кровавой расправе царизма с мирными демонстрантами в Петербурге 9 января, не смогли организованно выступить против. Митинги протеста и демонстрации состоялись только в Ташкенте, Омске и Верном. Исключение составляли лишь железнодорожники, которые привлекли к общероссийской январско-февральской забастовке, носившей экономический характер, своих товарищей по работе. В этой забастовке активно участвовали рабочие железнодорожных мастерских и депо Уральска, Перовска, Туркестана, Челкара и других станций. Во многих городах и железнодорожных узлах прошли сходки рабочих, посвященные 1 Мая. На ст. Жусалы в конце мая 1905 г. прошли волнения строительных рабочих. Эти месяцы характеризуются также распространением в городах и уездах революционных прокламаций и листовок социал-революционеров и социал-демократов, которые еще входили в объединенные партийные организации. Значительный подъем революционного движения в Казахстане происходит в октябре—ноябре 1905 г., когда обнародование царского Манифеста 17 октября во многих городах Казахстана сопровождалось многолюдными митингами, демонстрациями и другими выступлениями широких слоев населения. Начало им положили в степном крае митинг 19 октября и другие события в г. Омске, одним из организаторов которых являлся лидер национально-освободительного движения Алихан Букейханов (1870—1937). По его инициативе манифест перевели на казахский язык и с разрешения вице-губернатора отпечатали в областной типографии и 10 тыс. экз. распространили по казахским аулам. А. Букейханов писал: «Бла-

годаря подвижности киргизов, в короткое время манифест сделался достоянием всей степи. Повсеместно киргизы съезжались на большие и малые съезды, ...читали манифест, комментировали его, обсуждали вопросы о будущих выборах в Государственную Думу. Киргизы самых отдаленных областей массами поехали в степные города, где принимали участие в городских митингах, устраиваемых горожанами. Русские, татары, сарты и киргизы слились в одну братскую семью».⁸

По всем городам Казахстана прокатилась волна политических демонстраций, митингов и собраний, посвященных Манифесту 17 октября. Наиболее крупными были манифестации в Перовске, Уральске, Каркаралинске, Павлодаре и др. Их организаторами выступили местные интеллигенты, как из числа русских, так и казахов. А. Букейханов являлся, по свидетельству начальника омского жандармского управления, «душой всех митингов и петиций и противоправительственных агитаций и как главный инициатор и руководитель всего религиозно-политического движения киргиз... в степи». В эти дни особую активность проявляли Б. Каратаев и Ж. Сейдалин в Уральске, А. Байтурсинов, Бекметовы и Ж. Акпаев в Каркаралинске, Ж. Акпаев в Павлодаре и т.д. А. Н. Букейханов писал: «Поездка Ж. Акпаева из Павлодара в Каркаралы обратилась в агитационное турне. По пути оратора всюду встречали толпы киргизов, принимали как желанного гостя... расставались с ним как с родным. Он доехал до родного города Каркаралов в середине ноября. Немедленно на единственной площадке перед лицом полицейского управления состоялся митинг».⁹ Так 15 ноября 1905 г. начались известные Каркаралинские события, совпавшие с мусульманским праздником Курбан айт. На митинге, где присутствовало около 400 чел., в основном казахи, татары, русские и др., кроме Ж. Акпаева, выступали мировой судья Вайсерт, судебный следователь Михалевич, священник Иванов, лесничий Астрейн, учитель Чемоданов, начальник местной воинской команды Гомбинский, военный врач Богуславский, учитель русско-киргизского училища Аяганов, письмоводитель мирового судьи Тюленгутов, политический поднадзорный Соколов и др.

Это свидетельствует о широкой социальной базе Каркаралинских событий, хотя их организаторами были передовые представители казахской интеллигенции: Жакып Акпаев, Ахмет Байтурсинов (учитель местной русско-казахской школы), Кулбай Тогусов (письмоводитель мирового судьи), Ережеп Итбаев (участник экспедиции Щербины, помощник А. Букейханова в 1896–1906 гг.) и др.¹⁰ Ж. Акпаев подчеркивал, что политическая «свобода по манифесту дана царем не добровольно, а вырвана из него насильно» и призывал народ не подчиняться царской администрации, а бороться против нее.¹¹ Впоследствии руководители Каркаралинских событий подвергались преследованиям, некоторых из числа чиновников уволили или перевели в другие места, остальные бежали, а Ж. Акпаева сослали в Якутию.

Переход рабочих от мелких и стихийных к более крупным и организованным выступлениям в Казахстане происходил также в период октября-декабря 1905 г., который является периодом высшего подъема первой русской революции. Именно в эти месяцы рабочее движение в крае характеризуется крупными забастовками и стачками на горных заводах, рудниках, шахтах, железных дорогах и городских предприятиях, которые были тесно связаны с общим ходом революционных событий в России.

Железнодорожники Казахстана активно участвовали во всеобщей политической стачке в октябре 1905 г., охватившей почти все железные дороги России, основными требованиями которой были: немедленное объявление политических гарантий и свобод, созыв Учредительного собрания и т.д. Железнодорожники Казахстана выдвигали и экономические требования.

Высочайший Манифест 17 октября о даровании политических свобод не ослабил рабочее движение, а вызвал его первую волну. На Оренбургско-Ташкентской железной дороге движение поездов прекратилось: на северной части (от Оренбурга до Казалинска) — с 14 по 20 октября, на южной (от Ташкента до Казалинска) — с 15 октября до 2 ноября, на Покровско-Уральском участке Рязанско-Уральской железной дороги стачка началась 11 октября и закончилась 23 октября и сопровождалась прекращением движения поездов. Октябрьская и последующие политические стачки на Сибирской железной дороге, в том числе на ее Омско-Петропавловском участке проходили без прекращения движения поездов, что было связано с особым положением магистрали, по которой в то время непрерывным потоком проходили на Запад эшелоны поездов, переполненные ранеными и возвращавшимися с Дальнего Востока солдатами.¹² Кроме этого рабочие южной части Оренбургско-Ташкентской железной дороги участвовали в политической ноябрьской забастовке, охватившей весь Туркестан, в знак протеста против зверской расправы царских властей над восставшими солдатами Ташкентского гарнизона. Железнодорожники Казахстана примкнули и к декабрьской политической стачке, охватившей почти все железные дороги России, выдвигая при этом требования и экономического характера.

На многих станциях с железнодорожными мастерскими и депо, такими как Петропавловск, Уральск, Перовск, Казалинск, Туркестан и др. создаются стачечные железнодорожные комитеты, которые взяли в свои руки не только руководство движением поездов, но и всю практическую власть на местах. На других станциях выбирались делегаты, которые выполняли функции стачечных комитетов, которые представляли собой зачатки новой революционной власти. В этом отношении характерна деятельность Перовского революционного комитета, который играл ведущую роль среди железнодорожников и фактически управлял всей южной частью Ташкентской железной дороги, где забастовки шли почти без перерыва с октября по декабрь 1905 г. По распоряжению комитета движение поездов от ст. Туркестан до ст. Казалинск было приостановлено, паровозы отцеплены и их механизмы остановлены, а кондукторы и служащие отпущены по домам. Телеграф в обоих направлениях от Перовска был взят под контроль комитетом. Он распоряжался также продовольственными делами не только своей станции, но всей южной части дороги, рабочим были розданы продукты станционного буфета, производился сбор средств для нуждающихся рабочих и т.д. Комитет управлял общественной и административной жизнью, ведал охраной общественной безопасности и казенного имущества, занимался и разбором судебных дел против провокаторов и штрейкбрехеров и т.д. Председателем комитета был Е. З. Новоковский, железнодорожный служащий, бывший народник (член партии «Народная воля»). В комитет входили рабочие депо — социал-демократы С. З. Табацкий и А. И. Торохов и др. В конце ноября 1905 г. для подавления стачки железнодорожников в Ташкент прибыли войска, которые заняли станцию и депо, но ноябрьская

забастовка на южной части дороги, благодаря упорству Перовского революционного комитета, с 16 ноября продолжалась до 9 декабря, в то время как на соседней Средне-Азиатской железной дороге она закончилась 3 декабря.¹³

Всероссийская политическая стачка на железных дорогах России в декабре 1905 г. сопровождалась на Покровско-Уральском участке Рязанско-Уральской ж.д. прекращением пассажирского и товарного движения с 11 по 23 декабря. На ст. Уральск происходили многолюдные собрания железнодорожников, на которых выступали вернувшиеся из Москвы делегаты съезда рабочих и служащих этой магистрали, проходившего с 15 ноября по 6 декабря 1905 г.

Стачкой руководили комитеты железнодорожников, которые взяли в свои руки телеграф, службы движения и пути, отстраняли железнодорожное начальство, осуществляли лишь движения продовольственных поездов для нужд линейных рабочих и служащих. 14 декабря ст. Уральск и депо были заняты войсками, но стачка продолжалась до 22 декабря, а регулярное движение всех поездов было восстановлено лишь с 23 декабря.

Декабрьская политическая стачка не имела особого успеха по линии северной части Оренбургско-Ташкентской железной дороги, к ней примкнули лишь рабочие главных мастерских ст. Оренбург, железнодорожники Актюбинска; попыткам остановить движение поездов помешали одновременно вызванные казаки и военная охрана.¹⁴

В декабре 1905 г. бастовали рабочие-речники в Павлодаре, которые, избрав комитет, предъявили администрации свои требования: повышение зарплаты, увеличение пенсионного фонда, оказание бесплатной медицинской помощи, предоставление оплаченного отпуска и т.д.

Стачное движение охватило и другие отряды местных рабочих, в особенности горной и горнозаводской промышленности. Наиболее крупная и организованная забастовка горнорабочих края произошла в декабре 1905 г. на Успенском руднике, который вместе с другими месторождениями, Карагандинскими угольными копиями и Спасским медеплавильным заводом в это время принадлежал французскому капиталисту К. А. Карно. На руднике работало 334 чел., из них 269 казахов и 65 русских: среди последних было немало кадровых рабочих с Урала, в частности, с Нижне-Тагильского завода, они и составляли передовую часть участников выступлений. Рабочие рудника 6 декабря 1906 г. на митинге выработали и предъявили свои требования администрации, они носили в основном экономический характер (снижение цен на все продукты, отпускаемые рабочим; повышение зарплаты, снабжение рабочих непромокаемой одеждой и обувью, улучшение помещений — казарм для казахских рабочих, открытие русско-казахского училища и т.д.), создали «Русско-киргизский союз», во главе которого стояли Петр Топорнин, Владимир Мартылога, рабочие-казахи Алимжан Байшагиров, Искак Каскабаев и др. Рабочие решили, в случае неудовлетворения их требований, объявить «русско-киргизскую забастовку», которая началась 11 декабря и проходила под лозунгом «Русско-киргизского союза против капитализма». Управляющий рудником в борьбе против бастовавших использовал правителей местных волостей, биев и аксакалов, которые оказывали давление на казахских рабочих. Это не возымело успеха, ибо рабочие действовали организованно и в едином порыве. Поэтому администрация рудника удовлетворила основ-

ные требования рабочих: повысила зарплату, ввела 8-часовой рабочий день, снизила цены на продукты, обеспечила непромокаемой одеждой и обувью и т.д. Но после окончания забастовки начала расправляться с ее организаторами, уволила 16 чел., в том числе П. Топорнина и других руководителей рабочих. Забастовка на Успенском руднике, в особенности деятельность «Русско-киргизского союза» свидетельствовали об укреплении солидарности казахских, русских и других рабочих Казахстана в борьбе за свои политические и экономические права.¹⁵

После поражения декабрьского вооруженного восстания в Москве началось отступление революции, реакция перешла в наступление, что немедленно нашло отклик и в Казахстане. Если ранее Сибирская железная дорога с прилегающими к ней населенными пунктами была объявлена на военном положении, то по указу царя с 23 декабря 1905 г. военное положение распространилось также на все уезды, по которым проходила эта магистраль, в частности, на Петропавловский и Омский уезды Акмолинской области, а 6 января 1906 г. по специальному царскому указу военное положение вводилось по всей территории Акмолинской и Семипалатинской областей. В Сибирь, Северный Казахстан была переброшена карательная экспедиция Меллер-Закомельского, приступившая к жестокому подавлению сил революции путем массовых репрессий. И в других регионах края свирепствовали казаки, жандармы, полицейские и войска — опора контрреволюционных сил. Начались массовые аресты, высылки и увольнения, в первую очередь активистов рабочего движения, организаторов забастовок и стачек и др. Тем не менее, и в этих условиях в Казахстане происходили отдельные, хотя и менее организованные, выступления рабочих, в особенности городских предприятий.

В июне 1906 г. бастовали рабочие почти всех предприятий г. Семипалатинска. Начало забастовке положили рабочие частных шерстмооек и речники, к ней присоединились строители, мелкие служащие и черно-рабочие. Среди них, кроме русских, было значительное число казахов и татар. Массовая демонстрация бастовавших закончилась собранием в народном доме 6 июня, на котором были созданы профсоюзы и выработаны требования к предпринимателям. Бастующие добивались не только экономических уступок, но и права на свободу проведения собраний и сходок. Почти на всех предприятиях города их требования были удовлетворены, только рабочие шерстмооек, недовольные частичными уступками своих хозяев, продолжали забастовку.¹⁶

В марте 1907 г. состоялись кратковременные забастовки и волнения рабочих завода и мельницы Мусина в г. Семипалатинске, полиграфистов г. Уральска, которые требовали 8-часового рабочего дня, повышения зарплат и т.д.¹⁷ Хотя в 1906 г. на железнодорожных линиях Казахстана не было всеобщих крупных забастовок, но в это время происходил дальнейший рост организованности и сознательности железнодорожников, укрепления и усиления их кружков и профсоюзных организаций. С весны 1906 г. на железнодорожных линиях вновь начинается подъем рабочего движения, устраиваются коллективные сходки, кратковременные забастовки, маевки и т.д. Рабочие депо Казалинск и других станций Оренбургско-Ташкентской железной дороги добивались введения 8-часового рабочего дня, который был введен в результате их упорной борьбы за свои права в мастерских и депо ст. Ташкент. Осенью 1906 г. состоялись две забастов-

ки рабочих депо ст. Петропавловск (в сентябре и октябре), когда рабочие добились принятия на работу вернувшихся из ссылки своих товарищей — участников октябрьских забастовок 1905 г.

Летом и осенью 1906 г., а также в начале 1907 г. на железнодорожных станциях края происходили отдельные политические акции. Так, например, митинги и встречи с политическими заключенными прошли 14—16 июля 1906 г. на ст. Казалинск, 7 августа 1906 г. — на ст. Петропавловск, 20 августа 1906 г. — на ст. Актюбинск; 14 февраля 1907 г. на ст. Уральск состоялись проводы депутата в Государственную Думу И. И. Космодемьянского в Петербург, которые превратились в политический митинг и демонстрацию. Такие события происходили и на ст. Актюбинск, Петропавловск и др. На Омско-Петропавловском участке Сибирской железной дороги основной формой борьбы железнодорожников становится так называемая «итальянская» забастовка, когда, не имея возможности прекратить движение поездов, рабочие аккуратно выходят на работу, но не выполняют ее. Одним из крупных выступлений железнодорожников в 1907 г. была Омско-Петропавловская забастовка, парализовавшая работу Сибирской железной дороги более чем на месяц, с 8 февраля до 19 марта. К сожалению, эта забастовка не была поддержана другими мастерскими и депо Сибирской магистрали. Воспользовавшись этим, местные власти жестоко подавили выступление ее участников. В ход были пущены и военные силы, паровозные бригады приводились к паровозам военной охраной, а станция окружена войсками, на место бастовавших посланы рабочие Омского военного гарнизона. Начались массовые аресты, высылки и увольнения рабочих и т.д.¹⁸ 28 мая 1907 г. в мастерских депо ст. Перовск вспыхнула забастовка рабочих, вызванная систематическим снижением сдельной оплаты за ремонтные работы, увольнением рабочих по произволу администрации. Забастовка, продолжавшаяся несколько дней, завершилась поражением.¹⁹ Все это говорит о том, что революционные силы, в особенности рабочее движение в Казахстане, как и во всей России, в 1906—1907 гг. отступали с боями.

В эти годы в освободительную борьбу вовлекались и новые силы, в частности, беднейшие слои казачества, солдаты местных гарнизонов, учащаяся молодежь и другие демократические силы края. 16 января 1905 г. солдаты гарнизона и казаки Джаркентского уезда Семиреченской области предъявили его начальнику требования из 20 пунктов, в том числе об открытии школ и библиотек для солдат, казаков и членов их семейств, об уважительном отношении офицеров к солдатам и т.д. Весной 1907 г. происходили волнения учащихся учебных заведений Уральска, других городов края. В апреле 1907 г. в г. Верном состоялась многонациональная демонстрация с участием не только рабочих, но и ремесленников, учителей и учащихся, мелких служащих и приехавших в город крестьян, всего около 4 тыс. чел. с красными флагами и пением революционных песен и т.д.²⁰

В развитии рабочего движения и других форм революционной борьбы важную роль сыграли местные организации и группы социал-демократов, на деятельность которых большое влияние имели Оренбургский, Ташкентский, Сибирский, Астраханский, Самарский, Саратовский комитеты РСДРП, действовавшие в непосредственной близости к Казахстану. Особое значение имел «Сибирский социал-демократический Союз», возникший в 1904 г., в особенности его омская организация, которая прово-

дила большую пропагандистскую работу и среди трудящихся, в первую очередь, рабочих Петропавловска, Кокчетав и других северо-восточных районов Казахстана, кроме того, «Сибирский социал-демократический Союз» распространял свои революционные прокламации и листовки в Жетысу и других районах Казахстана.

Первым марксистским кружком самообразования в Казахстане считается кружок в Атбасаре, организованный ссыльным рабочим из Урала А. Д. Ушаковым в 1896 г. В начале XX в. марксистские кружки возникли в Акмолинске, Петропавловске, Уральске, Кустанае, Семипалатинске, Верном и других городах края. Организаторами этих кружков являлись: в Акмолинске — ссыльные рабочие из Урала В. Невзоров и П. Н. Топорнин, будущие деятели «Русско-киргизского Союза» (декабрь 1905 г.) на Успенском руднике, в Петропавловске — ссыльные железнодорожники из Омска, в том числе слесарь Н. Васильев, в других городах кружками руководили ссыльные социал-демократы.²¹ В Верном марксистские кружки самообразования возникли среди старшеклассников местной гимназии. Одним из кружков, куда входил и гимназист М. В. Фрунзе, руководил ссыльный социал-демократ Г. М. Тихомиров — студент историко-философского факультета Петербургского университета.²² В 1904 г. молодой В. В. Куйбышев, обучавшийся в Омском кадетском корпусе, организовал марксистский кружок в Кокчетаве.²³ Постепенно укрепляя свои ряды, марксистские кружки Казахстана от изучения и пропаганды революционных идей начали переходить к политической агитации и практическим выступлениям. Первое мая 1903 г. марксистский кружок Уральска отметил организацией политической стачки рабочих местной типографии, ставшей первой политической стачкой в Казахстане. Марксистские кружки гимназистов Верного распространяли в городе революционную литературу, листовки, прокламации и т.д. Именно такие кружки накануне и в годы первой российской революции стали основой для создания групп и организаций РСДРП в крае.

В первые месяцы революции на базе ранее существовавших марксистских кружков оформились организации РСДРП в Петропавловске и Уральске, социал-демократические группы в Петропавловске, Казахлинске и Туркестане, а несколько позднее — в Акмолинске, Кокчетаве, Актюбинске, Павлодаре и других городах края. В 1906 г. сформировалась организация РСДРП и в Семипалатинске. В Петропавловской организации состояло 147 человек, в Уральске — 150. Всего в Казахстане, по приблизительным подсчетам, в годы первой российской революции было около 500 социал-демократов.²⁴ Как видно, большинство социал-демократических групп и организаций края возникло в городах, расположенных на железнодорожных линиях, и на станциях с железнодорожными мастерскими и депо. Это было обусловлено наибольшей концентрацией в них рабочих, ставших той главной социальной базой, на которой возникли первые группы и организации РСДРП не только в Казахстане, но и в Средней Азии и Сибири. Примечательно признание сырдарьинского губернатора, который писал, что организации и группы РСДРП в области «преимущественно из рабочих железнодорожных и частных мастерских», в то время, когда эсеры были «преимущественно из лиц интеллигентных: адвокатов, врачей, инженеров, студентов и чиновников».²⁵ Сравнительно высокая концентрация по мастерским рабочим, прошедших школу клас-

совой борьбы в центральных районах России, более тесная связь с революционным движением центра страны, а также с рабочими близлежащих к железнодорожным линиям городов края, влияние и руководство революционных сил Оренбурга, Ташкента, Омска, Саратова и других городов и железнодорожных станций, расположенных в непосредственной близости к Казахстану — все это превращало железнодорожников в наиболее сплоченную, организованную часть местных рабочих, в передовой отряд революционного движения.

С событиями революции 1905—1907 гг. связано и начало профсоюзного движения в крае. Одним из первых был создан профсоюз железнодорожников в Уральске (ноябрь, 1905 г.), во главе которого стоял Н. Смуров — впоследствии один из командиров Чапаевской дивизии, Н. А. Покатилов и Н. И. Ульянов — будущие партийно-советские работники Уральской области. В Уральске действовал также ряд профсоюзных организаций, среди которых наиболее сплоченным и боевым после железнодорожников являлся профсоюз типографских рабочих.²⁶ Наиболее крупным был профсоюз железнодорожников Оренбургско-Ташкентской железной дороги, который в 1906 г. объединял 6 тыс. человек, т.е. 40,8% всех рабочих и служащих линии. В профсоюзе Оренбургско-Ташкентской дороги было восемь районных комитетов, из них пять в пределах Казахстана: на станциях Туркестан, Перовск, Казалинск, Челкар и Актюбинск. Профсоюз этой дороги входил в состав Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза, который возник в июле 1906 г. В него входил и профсоюз железнодорожников Средне-Азиатской линии (2 тыс. человек).²⁷ Профессиональный союз железнодорожников Петропавловска, находившийся в составе профсоюза Сибирской магистрали, входил в «Профессиональный союз», возникший в Москве в июле 1906 г. под руководством РСДРП, и насчитывал в своих рядах 210 человек.²⁸ В Семипалатинске образовалась единая профессиональная организация рабочих — «Рабочий Союз». Своеобразной профсоюзной организацией горняков Казахстана считается «Русско-киргизский союз» на Успенском руднике. В целом по Казахстану, по приблизительным подсчетам, в годы первой российской революции действовало 20—25 профсоюзов рабочих и служащих, без железнодорожников, объединявших примерно 3,5% от их общей численности.²⁹

Все это говорит, несмотря на отдельные крупные выступления железнодорожников и горнорабочих, о слабости рабочего движения в крае, что обуславливалось малочисленностью местных рабочих, их низкой концентрацией по предприятиям и сезонностью производственной деятельности. Все это вытекало из социально-экономической отсталости края, где подавляющую часть населения составляло местное — казахские шаруа и переселенческое крестьянство.

Аграрное движение в Казахстане, получившее некоторое развитие в условиях первой буржуазно-демократической революции, в целом оставалось слабым и не вышло за рамки отдельных разрозненных крестьянских выступлений. Казахские шаруа и переселенческие крестьяне все еще ограничиваются потравками посевов хлеба, сенокосных и пастбищных угодий кулачества и верхушки казахских войск, угонами скота баев и др., а также отказами выполнять гужевые повинности, платить недоимки, избиениями представителей колониальной администрации. Но масштабы этих стихий-

ных выступлений расширялись, в особенности среди казахских шаруа. Волнения происходили почти во всех областях, так, крестьяне Арганатинской волости Семиреченской области численностью более 200 человек убили управителя, избили сопровождавших его стражников и баев. Казахи Павлодарского уезда Семипалатинской области напали на аул крупного феодала Чорманова и угнали его табуны. Выступления крестьян происходили летом 1905 г. и в Чимкентском и Аулие-Атинском уездах Сырдарьинской области, Иргизском уезде Тургайской области, Акмолинском уезде и т.д. Казахские шаруа выступали против крупных феодалов, узурпировавших общинные земли, требовали пересмотра невыгодных условий аренды земли у Сибирского казачьего войска и Алтайского горного округа и т.д. На волне этих выступлений зародилась «петиционная» кампания, начало которой положил съезд казахов, состоявшийся 25 июля 1905 г. на Куяндинской ярмарке (вблизи г. Каркаралинска). В принятой петиции на имя царя содержались и требования об организации в Казахстане особого мусульманского духовного управления, строительства мечетей, открытия духовных школ, выдачи заграничных паспортов для паломничества в Мекку и т.д.³⁰

Отдельные крестьянские выступления происходили и в уйгурских и дунганских кишлаках Жетысу, беднота которых протестовала против захвата крупными феодалами общинного землевладения, а также против царских чиновников. Эта петиционная кампания, т.е. подача жалоб и прошений в вышестоящие правительственные инстанции вплоть до царя — «акпатша», стала своеобразной формой борьбы казахских шаруа против национального и социального гнета. Эти петиции, многочисленные и разнообразные как по содержанию, так и по происхождению, не только характеризуют еще сохранявшуюся у казахских крестьян веру в справедливость царя и его ставленников, но являлись своеобразной формой протеста против их произвола, выразившегося в изъятии у коренного населения плодородных земель, пастбищ и лугов, против непосильных налогов, повинностей и других злоупотреблений. Особо следует отметить обращение казахских крестьян к русскому народу — «От киргиз — русским», которое было в феврале 1907 г. опубликовано в газетах «Оренбургский край», «Уральский дневник» (на татарском языке в г. Оренбурге). В нем подчеркивалась гибельность колонизаторской политики царизма не только для казахского населения, но и для всей трудовой России. Это обращение показывает политическое пробуждение казахских шаруа, их стремление к совместной с русскими рабочими и крестьянами борьбе против поработителей.³¹

В развитии как рабочего, так и аграрного движения в Казахстане, освободительной борьбы в крае в целом, определенную роль сыграла интеллигенция, зародившаяся на рубеже XIX—XX веков.

По своему составу и направлениям, характеру общественно-политической деятельности интеллигентская прослойка объединяла различные группы, но основную ее часть составляли представители колониальной администрации, включая врачей, учителей, адвокатов и др. Это были выходцы из дворян, разночинной среды низших слоев общества. Большинство их занимало правительственные, имперские позиции, но политические ссыльные, среди которых было немало социал-революционеров, социал-демократов и других революционных элементов, принимали особенно активное участие в выступлениях городских тру-

дящихся края. Во многих городах возникли организации как революционных и либерально-демократических (кадеты, октябристы и т.д.), так и черносотенных партий, в которых представители интеллигенции занимали заметное положение.

Особо важно отметить значение казахской интеллигенции в национально-освободительном движении, которое тесно переплеталось с борьбой казахского населения за справедливое решение аграрного вопроса в крае. Ряды местных интеллигентов различались по своим воззрениям и действиям. Некоторые из них, в основном выходцы из низов, придерживались социалистических идей, являлись социал-демократами, эсерами и др. или сотрудничали с ними. Так, например, Мухаммед-Максут Хамидуллин-Бекметов — телеграфист Омской почтово-телеграфной конторы, один из руководителей забастовки ее служащих, выходец из Каркаралинска, по некоторым сведениям, состоял в РСДРП с 1903 г., поддерживавший тесный контакт со своими земляками, в особенности накануне и в период Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г., один из организаторов известных «Каркаралинских событий», занимался пропагандой революционных идей в Степном крае, в гг. Омске, Павлодаре, Петропавловске, Семипалатинске, Каркаралинске и др. При аресте жандармами у него были обнаружены напечатанные на телеграфном бланке отрывки революционной песни «Рабочая марсельеза», а также текст стихотворения-прокламации на казахском языке (тоже на телеграфном бланке, но от руки, написанные карандашом на латинском алфавите для конспирации; тогда казахи пользовались арабским алфавитом), где разоблачалась империалистическая сущность русско-японской войны, тяжелое положение простого народа, страдающего от высоких налогов и податей, гибнущего на войне от рук японцев из-за бездарности правителей. Стихотворение сообщало о большом «мятеже» в царстве России и призывало народ к действию, время которого уже пришло.³² Попутно заметим, что М.-М. Хамидуллин-Бекметов собрал и издал сборник стихотворений казахских поэтов,³³ был хорошо знаком с Ахметом Байтурсиновым и писал статьи в газетах, знакомя русского читателя с его литературным творчеством и общественно-политической деятельностью. Другая, более значительная не только по численности, но и по влиянию, часть казахской интеллигенции, стояла на либерально-демократических позициях. Это были, в основном, представители феодально-аристократических слоев Степи (Алихан Букейханов, Бахытжан Каратаев, Жакып Акпаев и др.), хотя среди них встречались и выходцы из средних и низших слоев аула (Ахмет Байтурсинов и др.). Они в декабре 1905 г. в Уральске провели съезд делегатов казахского населения пяти областей и пытались создать свою партию — филиал конституционно-демократической партии России, которая должна была в рамках свобод, предоставленных Манифестом царя от 17 октября, отстаивать национальные интересы казахов. В феврале 1906 г. в Семипалатинске состоялся второй съезд казахов, который одобрил близкую к кадетам программу, но включил в нее требования о прекращении переселения в край крестьян, признания всех земель Казахстана собственностью коренного населения, открытия национальных школ и т.д. Это политическое течение возглавлялось А. Букейхановым, А. Байтурсиновым, М. Тынышпаевым, М. Чокаевым, М. Дулатовым, Б. Каратаевым и другими видными деятеля-

ми казахской интеллигенции. Они выступали за свободу вероисповедания, в особенности против антимусульманских актов правительства и местных управ, за развитие национальной культуры, а также за распространение казахского языка наравне с другими языками в Казахстане.

Национально-освободительное движение казахов в эти годы приняло и формы религиозной борьбы, в ходе которой выдвигались требования об организации в Казахстане особого мусульманского духовного управления, строительства мечетей, открытия духовных школ, преподавания ислама в школах на казахском языке, выдачи заграничных паспортов для паломничества в Мекку и т.д. Религиозные организации возникли в Семипалатинске, Петропавловске, Акмолинске, Верном и других городах, где было сильно влияние мусульманского духовенства и татарской буржуазии. Ширилась петиционная кампания мусульман края с религиозными требованиями. В Нижнем Новгороде в августе 1905 г. собрался Всероссийский мусульманский съезд, на котором были и представители духовенства Казахстана. Съезд образовал «Всероссийский мусульманский союз», который на своем третьем съезде (август 1906 г.) принял программу по духу кадетской партии. Царизм пошел на ряд уступок мусульманскому духовенству России, в том числе и Казахстана.³⁴ Мусульманское движение поднимало вопрос об автономии и культурно-автономном развитии тюркских народов в составе Российской империи.

В повышении политического сознания населения Казахстана определенную роль сыграли и выборы в Государственную Думу, во время которых развернулась борьба политических партий за голоса избирателей. Выборы в Государственную Думу проводились по системе, основанной на сословно-классовом неравенстве и на имущественном цензе. Избиратели были разделены на 4 неравные курии: земледельческая (помещичья), городская (буржуазия, домовладельцы, квартиронаниматели), крестьянская и рабочая, которые обладали неодинаковым представительством; особым преимуществом обладали помещики: их один голос равнялся трем голосам городских, 15 голосам крестьянских и 45 голосам рабочих. Крестьяне, которые составляли большинство населения империи, хотя и пользовались некоторыми преимуществами перед рабочими (один к трем), имели меньше голосов по сравнению с первыми двумя куриями. Эта система жестко ограничивала права рабочих, из них могли участвовать на выборах только мужчины от 25 лет, работавшие на предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности, железнодорожных мастерских с числом не менее 50 чел. В результате 3/4 всех рабочих России отстранялись от участия в выборах. Население национальных окраин также было ущемлено в правах, в Государственную Думу не мог быть избран «инородец», не владеющий русским языком и т.д. Выборы в Государственную Думу в Казахстане показали, что в наиболее крупных областях края со значительным числом русского населения большим влиянием пользовались социал-демократы и трудовики, а среди казахского населения — представители либерально-демократической национальной интеллигенции.

Выборы в Государственную Думу проходили в условиях чрезвычайного положения по всей территории Казахстана, что привело к дискриминации всего казахского населения огромного края, при этом произвол властей был полный, их главная цель была не допустить представителей

казахского народа в органы законодательной власти, впервые формировавшейся в царской России. «Полицейский произвол на выборах в Акмолинской области принял такой размах, что жалобы на него обсуждались в Государственной Думе».³⁵

В I Государственную Думу (разогнана 8 июля 1906 г.) от Казахстана было избрано 9 депутатов, из них от 4-миллионного казахского населения — 4: А. Букейханов, А. Беремжанов, А. Кальменов и Б. Кулманов. Русское население избрало 5 депутатов: В. И. Ишерский (врач, социал-демократ), И. П. Лаптев (податный инспектор, беспартийный, примыкал к партии демократических реформ), В. В. Недоносков (редактор газеты «Уралец», юрист, примыкал к трудовикам), Н. Е. Дыхнич (крестьянин, беспартийный, примыкал к кадетам), Н. Я. Коншин (юрист, примыкал к кадетам).

I Государственная Дума, созданная царем для отвлечения внимания народных масс, не оправдала его надежд, а ее трибуну партии использовали в своих целях.

Особую активность в I Государственной Думе созыва проявляли признанный лидер казахского народа А. Букейханов и юрист А. Беремжанов. Хотя А. Беремжанов прибыл в Петербург только в середине июля 1906 г., он выступал с замечаниями и предложениями по аграрному вопросу. Вместе с другими депутатами от мусульманской фракции Думы А. Беремжанов высказал ряд соображений о земельной реформе в Казахстане. Активно выступали в прениях по этому вопросу и депутаты от всего населения в Казахстане Т. Седельников, В.В. Недоносков, Н. Бородин.

Пользуясь спадом революционных выступлений в стране, 9 июля 1906 г. царь разогнал Думу. А. Букейханов участвовал в собрании бывших членов Государственной Думы в Выборге, созванном кадетами, трудовиками и социал-демократами, которое приняло воззвание к народу с призывом не платить налоги, отказывать правительству в займах и в новых солдатах и т.д. За это Санкт-Петербургской судебной палатой А. Букейханов был приговорен к 3 месяцам тюрьмы и заключен в Семипалатинскую тюрьму, после которой сослан в Самару.

Выборы во II Государственную Думу проводились на основании избирательных законов от 6 августа и 11 декабря 1905 г., в основе своей дискриминационных, по закону избирательных прав лишились низкооплачиваемые железнодорожные рабочие Казахстана и Сибири.

Один из депутатов Думы М. Шахтагинский высказывал мнение о том, что «результаты II Государственной Думы вызывают опасения, которые должны объединить всех конституционистов, заставить русских инородцев слиться с русскими конституционалистами для совместной с ними защиты конституции». II Государственная Дума в основном состояла из кадетов, социал-демократов и октябристов.³⁶

Во II Государственной Думе от Казахстана было уже 14 депутатов, в том числе от казахского населения 6: мулла Ш. Кошегулов от Акмолинской области, бий Х. Т. Нороконеv от Семипалатинской, адвокат Б. Каратаев от Уральской, судебный следователь А. К. Беремжанов от Тургайской, Т. Аллабергеноv от Сырдарьинской, инженер путей сообщения М. Тынышпаев от Семиреченской. От русского населения в эту Думу было избрано 8 депутатов: военный врач А. К. Виноградов (социал-демократ) — от Акмолинской области; агроном И. Ф. Голованов (социал-демократ) — от Тургайской; ветеринарный врач И. И. Космодамианский (колебался между

социал-демократами и трудовиками) — от Уральской; юрист Н. Я. Коншин (теперь примыкал к социал-демократам) — от Семипалатинской; сельский врач Ф. А. Еремин (кадет) — от Уральского казачества; податный инспектор И. П. Лаптев (член партии демократических реформ) — от Сибирского казачества Акмолинской области; фельдшер Я. И. Егоскин (беспартийный) — от Семиреченского казачества; фабрикант М. А. Гаврилов (примыкал к трудовикам) — от г. Верного.³⁷

Во II Государственной Думе депутаты от казахского населения примыкали к кадетам и входили в мусульманскую фракцию, совместно с другими «националами» России добивались прекращения переселения крестьян на окраины. Примечательно, что выступая за национализацию всех земель и критикуя не только меньшевиков, но и «националов», выступавших за муниципализацию земель, т.е. передачу их в местные (автономные, областные, провинциальные и т.д.) органы самоуправления, большевики все же признавали справедливость, характеристики последних о пагубных последствиях переселенческой политики царизма на окраинах. Поэтому В. Ленин в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (1908 г.), приводит следующие отрывки из выступления во II Думе депутата Б. Каратаева, который «от имени киргиз-кайсацкого народа» говорил: «Мы, киргиз-кайсаки... глубоко понимаем и чувствуем земельный голод братьев наших — крестьян, мы готовы с охотой потесниться», но «излишков очень мало», а «переселение в настоящее время сопряжено с выселением киргиз-кайсацкого народа... «выселяют киргиз не с земель, а из жилых домов», «киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям».³⁸

Депутаты-казахи II Государственной Думы постоянно выступали против переселенческой политики царизма. Так, депутаты Б. Каратаев, А. Беремжанов, Ш. Кошегулов, Х. Нороконев активно, в рамках закона, по которому работала эта Дума, пытались как-то повлиять на переселенческую политику царизма. Но получили исчерпывающий ответ от князя Васильчикова, возглавлявшего ведомство по переселенческим делам: «В XX веке нужно покончить с кочевым образом жизни киргизов, для этого и нужно направлять переселенцев».³⁹

В Государственной Думе с защитой интересов казахского населения выступали депутаты Т. И. Седельников (от Оренбургской области), Н. А. Бородин и др.

II Государственная Дума была разогнана царем 3 июня 1907 г., социал-демократическая фракция арестована и сослана в Сибирь. Начался разгул реакции как в центре империи, так и на ее окраинах, в том числе и в Казахстане. Но и в этих условиях продолжались выступления народных масс. В знак протеста против разгона II Государственной Думы на местах происходили митинги, демонстрации и т.д., которые состоялись в г. Актюбинске (3 июня), Петропавловске (6 июня), Кустанае (10 июня) и др. Таким образом, события в Казахстане во время первой русской революции 1905—1907 гг., в особенности выступления рабочих крестьян и интеллигенции, национально-освободительное движение и т.д., несмотря на их слабость и разрозненность, явились большой политической школой для местных трудящихся, опыт которой ими был использован в дальнейшей борьбе за национальное и социальное освобождение, за демократию и прогресс.

2. КАЗАХСТАН НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После поражения первой российской революции в стране наступил период реакции. Были запрещены демонстрации, митинги и собрания. Подвергались разгрому Уральская, Петропавловская, Семипалатинская, Верненская, Перовская и другие социал-демократические организации и профессиональные союзы. По закону от 3 июня 1907 г. о роспуске II Государственной Думы и введении новой системы выборов казахи и другие нерусские народности, населявшие край, лишились избирательных прав. Был усилен полицейский надзор за служащими, рабочими и крестьянами. Владельцы промышленных предприятий Перовска, Акмолинска, Уральска, промыслов «Эмба», «Доссор» и др. увольняли с работы «неблагонадежных» рабочих, в «черные списки» заносили активистов, организаторов выступлений и волнений масс. На предприятиях были увеличены нормы выработки, продолжительность рабочего дня, снижены расценки, широкий размах получили штрафы. Черносотенные организации, такие как «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и др. устраивали погромы, разжигали национальную вражду, усилились преследования инородцев местными властями.

Для подавления выступлений крестьян-переселенцев, казахских шаруа из гарнизонов направлялись казаки, отряды карателей. Так, в апреле 1909 г. по телеграфному запросу из Перми в Кустанай была направлена сотня казаков для подавления недовольства казахов, выступавших против переселенческой политики царизма.⁴⁰

Широкий размах получила столыпинская аграрная реформа. Если с 1893 по 1905 гг. у казахского населения в пользу крестьян-переселенцев было отмежевано больше 4 млн дес. земли, то с 1906 по 1912 гг. — свыше 17 млн дес.⁴¹ К 1917 г. в Семипалатинской, Акмолинской, Уральской областях и во Внутренней (Букеевской) Орде было изъято свыше 40 млн дес. земли,⁴² в Жетысу — больше 4 млн дес., всего более 45 млн дес. земли.⁴³ С 1908 по 1913 гг. в переселенческие районы Акмолинской, Тургайской, Уральской и Семипалатинской областей переселилось более 400 тыс. человек только мужского пола.⁴⁴

Обострение аграрного вопроса в центре России царское правительство пыталось разрешить путем колонизации своих окраин, в том числе и Казахстана, путем переселения крестьян.

По закону от 9 июня 1909 г. землеустройство производилось по двум нормам: переселенческой — по 15 десятин и кочевой — по 12 десятин. Представители аграрно-демократического направления, выступая по аграрному вопросу, пропагандировали переход казахов к оседлости. Так как царское правительство стремилось как можно больше изъять земель у казахского населения, переход на оседлую форму хозяйствования позволил бы им побольше сохранить удобных земель, тем более казахским шаруа предлагалось получить землю по переселенческой норме с «правом постоянного неотъемлемого владения землей».⁴⁵

Усиление национально-колониального гнета, аграрная политика царизма, проникновение капиталистических отношений в социально-экономическую жизнь края привели к росту национального самосознания казахского народа. Национальное движение в казахском обществе было неоднородным, в нем существовали различные идейно-политические те-

чения. Ядром движения выступали представители национальной интеллигенции, выпускники университетов и училищ Петербурга, Москвы, Казани, Томска и Оренбурга. Наиболее полно выражавшими мнение различных идейно-политических течений национальной интеллигенции среди периодических изданий были журнал «Айкап» и газета «Казах» («Казак»).

Журнал «Айкап», выходивший в 1911—1915 гг. (издатель и редактор — Мухамеджан Сералин (1871—1929 гг.) выражал аграрно-демократические направления идейно-политической мысли в Казахстане. В нем сотрудничали Ж. Сейдалин, Б. Каратаев, С. М. Торайгыров, С. Сейфуллин, Б. Майлин и др. На страницах журнала освещались проблемы аграрных отношений, просвещения и знаний, развития товарно-денежных отношений в казахском ауле, разоблачалась колонизаторская политика царизма. Главным вопросом в журнале был аграрный, т.е. земельные отношения, оседание кочевого хозяйства, вопросы агрокультуры, изменения форм хозяйствования и др. На страницах «Айкапа» значительное место отводилось проблемам развития товарно-денежных отношений, вопросам интенсивности скотоводства, установлению тесных связей казахского хозяйства с рынком, предпринимательства, необходимости организации кооперации и др.

Газета «Казах», выходившая с 1912 по 1918 гг., выражала идеи либерально-демократического направления. В ней сотрудничали лидер казахской конституционно-демократической партии и общенационального движения казахского народа, ученый-экономист А. Букейханов, просветитель, ученый, публицист А. Байтурсинов, поэт, общественный деятель М. Дулатов и др. В главном аграрном вопросе они выступали с требованием отмены государственной собственности (т.е. Российской империи) на землю и передачи ее в собственность казахам, запрета продажи земли. В вопросе о развитии скотоводства в период кочевого хозяйства казахских шаруа газета «Казах» выступала о роли скотоводства в экономическом пространстве, о развитии интенсификации скотоводства, о кооперативном движении и т.д. В области развития общественно-политической жизни края либерально-демократическое направление ратовало за эволюционное развитие общества. Газета «Казах» писала, что левое крыло РСДРП — большевики не согласны с тем, что нельзя круто, за один день изменить жизнь, традиции, характер народа. Газета считала, что, захватив в свои руки власть, они насильственно осуществят свои идеи.⁴⁶ В целом, несмотря на различные взгляды о развитии социально-экономической и общественно-политической жизни края, журнал «Айкап» и газета «Казах» на своих страницах сумели выразить общенациональные идеи и интересы казахского народа.

В 1910—11 годах, в связи с новым экономическим подъемом, в Казахстане начинает оживляться забастовочное движение. В мае 1911 года бастовали рабочие железнодорожных мастерских станций Перовск и Туркестан, горняки на рудниках акционерного общества «Атбасарские медные руды». В забастовке последних участвовало около 300 человек, которые требовали увеличения заработной платы.

В апреле 1912 г. на Ленских золотых приисках царскими войсками было убито 270 и ранено 250 человек, среди которых был казах М. (Угар) Жанибеков. Этот кровавый террор дал новый импульс развитию рабочего

движения в России, в том числе в Казахстане. 20 апреля 1912 года на ст. Туркестан в степи, поздно вечером, состоялось собрание железнодорожников, на котором они, как сообщал местный жандарм, «постановили по примеру рабочих ст. Ташкент организовать и вновь примкнуть к Всероссийскому железнодорожному союзу, установить тесную связь по всей линии Оренбургско-Ташкентской железной дороги и с другими прилежащими дорогами, и в случае возникновения забастовки на таковых оказать полную солидарность и подготовленность».⁴⁷ При этом жандармский офицер подчеркивал, что «основанием сего послужили Ленские события; на почве полного недовольства по случаю систематического, в особенности, увольнения рабочих депо и служащих по движению за последнее время, благодаря чему из первых многие из старослужащих остаются без работы, а на последних, ввиду исключительного сокращения штатов, тяжело ложится увеличение работы, причем содержание остается то же самое, и зачастую и уменьшается, несмотря на все увеличивающуюся дороговизну на жизненные продукты в крае».⁴⁸

28 апреля 1912 г. в Оренбурге и по линии распространялись прокламации городского комитета РСДРП, которые призывали к празднованию Первого мая, а также содержали требования 8-часового рабочего дня, политических свобод, роспуска армии и замены ее народной милицией. При этом в жандармских материалах от 30 апреля 1912 г. отмечалось, что рабочие главных мастерских Оренбургско-Ташкентской железной дороги предполагают завтра, 1 мая, бастовать, рассчитывая связать пролетарский праздник с однодневной забастовкой для выражения протеста против «Ленского расстрела». И, действительно, 1 мая 1912 г. в главных мастерских состоялась кратковременная забастовка рабочих.⁴⁹ Летом 1912 г. на Ташкентском участке Оренбургско-Ташкентской железной дороги происходили также волнения 300 рабочих подрядчика Караханова, доведенных до полного отчаяния шестимесячным ожиданием расчета.⁵⁰ 18 мая 1912 г. со ст. Актюбинск жандармский офицер сообщал, что здесь революционная пропаганда ведется «настолько конспиративно и хитро, что нет ни малейшей возможности обнаружить главных руководителей».

12 мая 1912 г. из-за низкой заработной платы, тяжелых условий труда забастовали рабочие Спасского медеплавильного завода. В результате переговоров хозяева завода согласились выполнить условия рабочих. В июле 1912 г. бастовали рабочие Эмбинского нефтепромысла. В июне 1913 г. бастовали рабочие-строители Оренбургско-Орской железной дороги, нефтяники Доссора. В сентябре произошли волнения рабочих в Тургайском уезде на Чокпаркульских угольных коях общества «Атбасарские медные руды». В своих выступлениях рабочие требовали улучшения экономического положения, решения социальных вопросов, выдвигали политические требования, которые имели важное значение для развития политического сознания и решимости бороться за свои права. Выступления рабочих края оказали влияние на рост крестьянских выступлений против царизма, развитие национально-освободительного движения. Крестьяне-переселенцы отказывались от раскладки налогов и податей, осуществляли самовольную порубку лесов, многие из них оказались без выделенных земель: безвыходность положения, обнищание масс крестьян-переселенцев, усиление социально-классовой расслоенности переселенческой деревни стали причиной открытых выступлений крестьян против богатей.

Крестьяне-бедняки поселка Петропавловского Лепсинского уезда выступили против своих зажиточных соседей, оказали вооруженное сопротивление полиции. Подобные выступления крестьян-переселенцев произошли в Кокчетавском, Верненском и других уездах, которые подавлялись карательными отрядами.⁵¹

Против аграрной и колониальной политики самодержавия выступали и казахские трудящиеся. Феодално-байская верхушка, владея большой частью поголовья скота, пастбищами, все больше эксплуатировала бедняков. Широко распространялось взяточничество, вымогательство, подкупы и др. Казахские шаруа жгли зимовки баев, отказывались от уплаты налогов, нападали на воинские команды. В Кызыл-Адырской волости Семипалатинской области казахи напали на представителей местной администрации, а в Каракольской волости для умирения казахов местные власти «на место бунта вызвали из укрепления казаков».⁵²

В этих условиях нового революционного подъема социал-демократические организации и группы в Казахстане постепенно возобновляют свою деятельность. В Усть-Каменогорске, Павлодаре, Казалинске, Верном и др. городах социал-демократические организации активизировали политическую агитацию и пропаганду среди населения, восстанавливали связь с комитетами РСДРП Москвы, Омска, Петербурга и др. городов. Дальнейшему развитию различных форм освободительного движения помешала начавшаяся Первая мировая война.

Вступление России в мировую империалистическую войну тяжело отразилось на положении трудящихся Казахстана. В годы войны увеличились размеры налогов. Кибиточная подать увеличилась с 4 до 8 руб. Так, например, в Акмолинской области оброчная подать с 845 807 руб. в 1914 г. увеличилась до 2 553 227 руб. в 1917 г., а кибиточная подать — с 600 537 руб. до 1 002 069 руб., т.е. увеличилась почти в 1,5 раза.⁵³ На казахское население были возложены «добровольные сборы», принудительная подписка на государственный заем и военный налог, всего около 10 различных видов сборов и пошлин. Военный налог взимался с коренного населения в размере 21% существующих сборов, т.е. в размере 1 руб. 84 коп. с каждого двора. Сборы производились администрацией через «почетных лиц», которые в целях личного обогащения не выдавали квитанции, сборы производили несколько раз. Среди старшин, чиновников и байства процветали взяточничество и казнокрадство.

Продолжалось изъятие земель у казахского населения, особенно в северо-восточных районах Семипалатинской, Сырдарьинской, на юге — Семиреченской и в других областях Казахстана. Так, к 1917 году в Семипалатинской, Уральской, Акмолинской областях было изъято у казахов 40 638 тыс. дес. земли. Царские власти для нужд войны реквизировали теплую одежду, скот и продукты продовольствия, принудительно мобилизовали транспорт для подвозки военных грузов (главным образом, хлеба) к железнодорожным станциям. За время войны из Туркестанского края было вывезено 300 тыс. пудов мяса, 70 тыс. голов лошадей, 13 тыс. верблюдов. Только из Жетысу в 1914 г. было вывезено скота и продуктов скотоводства на сумму 34 млн руб.⁵⁴ Под видом помощи семьям мобилизованных была введена трудовая повинность, т.е. казахи в качестве рабочей силы должны были пахать, сеять и убирать урожай в переселенческой деревне.

В годы войны сокращались посевные площади, количество скота. С 1913 по 1915 гг. у казахского населения Тургайской области площадь посевов уменьшилась почти на 57 тыс. десятин, а количество скота — на 260 тыс. голов.

В годы войны усилился национально-колонияльный гнет. Царская администрация искусственно разжигала межнациональную рознь, выдвигая шовинистические лозунги, вооружала верхушку переселенческого населения.

По закону от 29 ноября 1891 г. и решению Военного министерства 1903 г. русское население колонияльных окраин вооружалось винтовками и патронами. В Семипалатинской области вооружилось 500 человек, а во всем Туркестанском округе — до 35 тыс. человек. В 1916 и 1917 гг. по приказанию командующего войсками округа были отпущены для Семиреченской области 6000 винтовок, Сырдарьинской — 1770.⁵⁵

В секретном предписании от 9 октября 1914 г. военный губернатор Семиреченской области обязывал уездных начальников создавать из «благонадежных христиан», то есть из крестьянских слоев русской деревни вооруженные отряды против мусульманских трудящихся.⁵⁶ Главной обязанностью этих отрядов была дозорная служба, однако они действовали по своему усмотрению, занимались набегами на мирные аулы, убивали невинных людей, отбирали имущество и скот. Главной целью этих отрядов было парализование проявления национального сознания покоренных народов.

3. КАЗАХСТАН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война началась 19 июля (1 августа) 1914 года. Россия вступила в войну неподготовленной, с низким военно-промышленным потенциалом, слабо развитым транспортом, армия была плохо военно-технически обеспечена. С началом войны стал постепенно снижаться уровень развития производительных сил в империи в целом, в Казахстане — в частности.

Первая мировая война привела к упадку экономики Казахстана. В сельском хозяйстве земледелие в крае развивалось неравномерно по областям. Лучше всего оно развивалось в тех районах, где были более плодородные земли, где земледелием занималось население, хорошо его освоившее и перенявшее опыт русских крестьян-переселенцев. Война внесла существенные изменения в земледельческое хозяйство. Прежде всего увеличилась площадь посева бахчевых сельскохозяйственных культур. Так, посевные площади озимой ржи по Казахстану, по сравнению с 1913 г., к 1917 г. сократились на 63,5%, яровой пшеницы — на 8,4%, проса — на 22,1%, картофеля — на 46,3%, а посевная площадь бахчевых культур увеличилась с 433,8 тыс. дес. до 1115,0 тыс. дес., т.е. больше, чем в два раза.⁵⁷ По северо-восточным и западным областям края урожайность зерновых с 1914 г. по 1917 г. снизилась с 38,7 пуд. с дес. до 29,8 пуд.⁵⁸ Характерной особенностью состояния земледелия края в годы войны являлся низкий уровень его ведения. Это выражалось в отсутствии внедренной системы севооборота, низким качеством обработки земли и сеянного материала. Основной причиной сокращения посевных площадей и объема урожайности являлась нехватка рабочей силы. Только из Кокчетавского уезда Акмолинской области к декабрю 1915 г. призвали в армию 39% русско-

язычного населения, занимавшегося сельским хозяйством.⁵⁹ Такая же картина наблюдалась и в других регионах Казахстана.

Массовая мобилизация мужского населения на фронт привела к упадку и скотоводства, которое пострадало количественно и качественно. Мелкий скот стал разводиться больше, а крупный — меньше. Сократилось разведение лошадей, поэтому поголовье их уменьшилось. Сократилось поголовье лошадей, верблюдов, крупного рогатого скота в местах, где проживало абсолютное большинство коренного населения. Так, во Внутренней Орде в 1915 г. лошади составили 310,8 тыс. гол., а в 1916 г. — 160,2 тыс. гол., в удельном весе поголовье лошадей уменьшилось на 48,5 проц., поголовье крупного рогатого скота в Орде за этот период соответственно уменьшилось на 25 проц. Такая же картина наблюдалась и в Мангышлакском уезде, в Сырдарьинской и Семиреченской областях.⁶⁰

В годы войны казахское скотоводство пострадало из-за дальнейшего изъятия лучших земель, в первую очередь, пастбищных угодий, что сказывалось на сокращении скота. На отобранных у казахов землях стали образовываться крупные скотоводческие хозяйства капиталистического типа. С 1913 по 1917 годы у казахского населения было изъято и заготовлено к сдаче в аренду 190 конево-доческо-скотоводческих участков общей площадью 764,4 тыс. десятин пастбищных угодий.⁶¹

На сокращение поголовья скота в военные годы влияли и периодические реквизиции. Царские власти отбирали для нужд войны верблюдов, лошадей, крупный рогатый скот. В эти годы из Туркестанского края было вывезено 300 тыс. пудов мяса, 70 тыс. голов лошадей, 13 тыс. верблюдов.⁶² Только из Жетысу за 1914 г. вывезено скота и продуктов скотоводства на 34 млн рублей.⁶³

Сокращение поголовья скота происходило прежде всего потому, что казахское население было обязано в принудительном порядке поставлять мясо для нужд армии. Удовлетворить же растущие потребности многомиллионной армии было невозможно, ибо поголовье скота в казахских хозяйствах из года в год сокращалось, в силу этого военные заявки зачастую не выполнялись.

В период восстания 1916 г. царские власти наложили на казахское население специальную контрибуцию, вся тяжесть которой легла на плечи трудящихся масс. Отбирали имущество и скот, независимо от того, участвовали или нет казахи в восстании. Так, в Семиреченской области изъяли добрую половину скота и имущества. Пострадало при этом и русское крестьянство. В отчете губернатора Семиреченской области за 1916 г. указывалось, что вследствие восстания скотоводству также был нанесен большой урон. Русские селения лишились скота не менее, чем на 90 проц. Многие хозяйства совершенно остались без рабочего и молочного скота. Ощутим для области был урон и в кочевом хозяйстве. В четырех уездах этой области с казахским населением, где насчитывалось свыше 6 млн голов скота, убыль определяется в 30 проц.⁶⁴

Состояние переселенческих крестьянских и казахских хозяйств края в военные годы зависело от обеспеченности их тягловой силой. Сокращение поголовья скота в казахских хозяйствах в связи с его реквизициями и широким использованием конского поголовья привело к нехватке его для

нормального ведения хозяйства села и аула. Численность конского поголовья значительно сократилась, особенно в северных областях.

Для снабжения армии в годы войны требовалось значительное количество мяса, что повлекло за собой рост цен на скот и мясoproductы. В связи с этим в крае в этот период стало интенсивно развиваться свиноводство, отрасль, дающая более дешевое мясо.

Реквизиции, не задевая знатных родоправителей и крупных скотовладельцев, ложились тяжелым бременем на бедные и средние слои населения, тем самым значительно ускорился процесс обнищания бедняцко-средняцких хозяйств, усилилась пауперизация казахских шаруа.

С началом Первой мировой войны промышленность Казахстана также работала на военные нужды. Одной из важных отраслей горной промышленности края являлась добыча железной руды из Успенских и Сасык-Карасуских рудников. Из этих рудников в 1914 г. было добыто 246 пудов железной руды, а в 1916 г. — 1551 пуд. За три года войны добыча железной руды увеличилась в 6,3 раза.⁶⁵ Из-за высоких налогов, отдаленности путей сообщения, недостатка средств и других причин сократилась численность золотых присков и добыча золота снизилась более чем на 30%.⁶⁶ Рост потребности в цветных металлах и резкое повышение цен на них в военные годы дали толчок развитию цветной металлургии, в особенности Риддерского и Сокольского рудников, а добыча цветных руд в 1917 г. возросла, по сравнению с 1913 г., в 25,3 раза.⁶⁷ Экибастузский свинцово-цинковый завод, не имевший аналогов в России, приобрел важное оборонное значение. Он начал действовать в 1916 г., но до конца войны не было полностью завершено его строительство. До января 1917 г. на заводе было выплавлено 13 тыс. пудов цинка.⁶⁸ «Киргизское акционерное общество» снабжало цинком Экибастузского завода Кыштымские заводы, работавшие для нужд обороны в период войны, а также Ижорский и Обуховский заводы военного ведомства.⁶⁹

В годы Первой мировой войны добыча медной руды производилась в основном акционерным обществом «Спасские медные руды» и акционерным обществом «Атбасарские медные копи». В целом в этот период производство медной руды из года в год уменьшалось. Медная руда производилась на единственном медеплавильном заводе — Спасском. Хищническая эксплуатация недр привела к тому, что акционерное общество «Спасские медные руды» выбрало почти всю богатую руду (с содержанием меди 25 проц.) в Успенском руднике. В годы войны была построена Сарысуйская обогатительная фабрика, которая до революции выработала 128 тыс. пудов концентратов с содержанием меди 25–30 проц.⁷⁰

Топливной базой спасских предприятий являлись Карагандинские копи. Разработки угля производились в Семипалатинской, Тургайской, Акмолинской областях. В годы войны значительную роль играли Экибастузские угольные копи, снабжавшие углем Экибастузский свинцово-цинковый завод, частное пароходство на Иртыше, Богословские и Кыштымские заводы на Урале.⁷¹

Накануне и в годы войны крупным иностранным магнатам удалось проникнуть и в нефтяную промышленность Казахстана. С 1912 по 1917 год в Доссоре действовало 11 нефтяных фонтанов. Урало-Эмбенский район в 1914 г. занимал третье место в России по добыче нефти. Рекордной величины добыча нефти достигла в 1914 г., когда промыслы дали 3% всей

добываемой нефти в стране. С 1915 г. начинается падение добычи нефти. Причиной являлось то, что предприниматели в погоне за максимальной прибылью запустили разведочные работы по подготовке и освоению новых нефтяных площадей.

Царскому правительству пришлось пойти на уступки российской буржуазии с целью привлечения ее к более широкой помощи в организации военно-промышленного производства. Результатом этих действий была организация военно-промышленных комитетов (ВПК), которые создавались как совместные органы буржуазии и царской администрации в снабжении армии продовольствием и вооружением.

Организация ВПК в Казахстане проходила в различные сроки. Это объяснялось разным уровнем развития промышленности в основных административных регионах Казахстана, различным подходом к этому руководителей колониальной администрации, уровнем организованности и консолидированности буржуазно-промышленных кругов.

На заседании Омского областного военно-промышленного комитета были утверждены организация и структура Семипалатинского и Петропавловского военно-промышленных комитетов.⁷²

4 октября 1915 г. в Ташкенте, в зале Городской думы, состоялось заседание представителей военно-промышленных комитетов Туркестанского генерал-губернаторства. В съезде приняло участие 59 представителей уже организовавшихся местных ВПК, в том числе по 1 представителю ВПК из г. Перовска и Верного.⁷³

В середине сентября 1915 г. был создан Семиреченский военно-промышленный комитет в составе 80 чел.⁷⁴

К концу 1915 г. ВПК были созданы во всех областных центрах Казахстана и в большинстве уездных административных центров.

Судя по составу ВПК в Казахстане, они были представлены преимущественно буржуазией, в областных комитетах ВПК было не более 5—7 отделов, должных заниматься вопросами армии, снабжением и интендантским довольствием, обеспечением предприятий рабочей силой и топливом, медицинским обслуживанием.

Для расширения социальной базы ВПК в их составе стали создаваться рабочие группы. Буржуазия Казахстана также стремилась ускорить создание рабочих групп при ВПК, раньше всех эту работу развернули омские предприниматели и торговцы.

Но деятельность ВПК не оправдала надежды царского правительства. Из полученных в 1916 г. военных заказов на сумму 280 млн руб. были выполнены в срок в пределах не более 10%.⁷⁵ Однако для победы на фронте необходимо было плановое регулирование экономики, особенно военной, но эта задача оказалась не по силам молодой российской буржуазии. В результате этого, а также других причин хозяйственная катастрофа привинулась вплотную.

Обрабатывающая промышленность поставляла на нужды войны мясную, мясомолочную продукцию, кожтовары и другие предметы потребления. В особенности, выросло производство кожтоваров, в этот период в крае действовало 139 кожевенных предприятий.⁷⁶ Они, в основном, размещались в Семипалатинской и Акмолинской областях и обрабатывали 64,3% всей сельскохозяйственной продукции. Кустарные по существу

предприятия кожевенного, овчинного и кишечного производства поставляли продукцию для дальнейшей переработки в крупные промышленные центры России — Пермь, Вятку, Ригу. Особенно возрос в военные годы спрос на кожевенную обувь и меховые овчины со стороны интендантов армии.

В годы войны увеличился спрос и на шерстяную продукцию. Первая в крае Каргалинская фабрика по производству сукна стала выполнять военный заказ — изготавливать серошинельное армейское сукно. За годы войны фабрика выработала 894,4 тыс. метров сукна.⁷⁷

Война потребовала регулярного снабжения армии консервированной мясной продукцией. В эти годы в Петропавловске был построен мясо-консервный комбинат, в Уральске — хладобойня, работавшая по заказам армейского интендантства. Но большая часть перерабатывающих предприятий была маломощной, с примитивной техникой производства. Ни правительство, ни крупные промышленники не были заинтересованы в строительстве здесь крупных промышленных предприятий.

В годы войны происходит дальнейшее сокращение первичной технической обработки продуктов скотоводства и относительно быстрый рост промышленности по переработке продукции земледелия. Появились довольно крупные предприятия мукомольно-крупяной промышленности в Акмолинской и Семипалатинской областях. Мукомольно-крупяная промышленность в Казахстане в годы мировой войны увеличилась количественно и значительно выросла ее производительность. Сибирь и Казахстан в годы войны были основными поставщиками хлеба и хлебных продуктов для армии и населения империи.

В связи с сокращением ввоза готовой продукции, одежды и обуви в край, в военные годы увеличилось число ремесленников по пошиву этих предметов обихода. Так, в 1916 г. в г. Верном функционировала довольно крупная сапожная мастерская, где работало 140 человек. За год в мастерской было изготовлено 5404 пар обуви, 54 проц. которой предназначалось для военного ведомства, остальное — населению.⁷⁸

Из промыслов наиболее распространенными были рыболовство, соледобыча и извозный промысел. Добыча соли в Казахстане увеличилась в связи с развивающимися рыбными промыслами Волго-Каспийского бассейна. Несмотря на увеличение добычи соли в годы войны, численность рабочих на промыслах уменьшилась в связи с мобилизацией их на тыловые работы.

Развитие края тормозилось неразвитостью путей сообщения. Первые же дни войны остро поставили вопрос о состоянии транспорта в крае. Война выдвинула на первый план стратегическое значение железнодорожных линий, пролежавших по территории Казахстана, снабжавших военные заводы Урала свинцово-цинковыми концентратами, углем и другими полезными ископаемыми, обеспечивающих армию и население многих губерний России продуктами скотоводства и хлебом. Нарушение работы транспорта явилось основной причиной кризиса экономики всей Российской империи, что привело уже к концу 1915 г. к разрыву хозяйственных связей между отдельными регионами империи и способствовало безудержному росту цен на предметы первой необходимости и бурному развитию спекуляции и эксплуатации трудящихся масс.

В годы войны царское правительство продолжало отбирать у казахов земли. В одной только Семиреченской области к 1914 г. было изъято 2 703 226

десятин лучшей земли. В Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Акмолинской областях и Букеевской Орде к 1917 г. было изъято у казахов 40 638 тыс. десятин земли.⁷⁹ Беднейшая часть аула впадала в еще большую нищету и окончательно разорялась. Все более увеличивалось количество казахов, лишившихся скота, земли и становившихся батраками у кулаков и баев или ставших отходниками на промышленных предприятиях, рудниках, копах и приисках. Только в Семипалатинской области к 1917 г. было зарегистрировано около 17 тыс. казахов-батраков.⁸⁰

В годы войны военные ведомства закупали у коренного населения значительное количество лошадей, верблюдов, крупного рогатого скота и баранов. При этом царские чиновники всячески обирали местное население. За лошадь, стоимостью от 150 до 200 рублей казна платила от 30 до 50 рублей, за барана, вместо 10—12 руб. — 4—6 рублей.⁸¹

Особо тяжелой для казахов была принудительная мобилизация транспорта для подвозки военных грузов к железнодорожным станциям. Эта повинность при бездорожье казахских степей еще более ухудшила положение казахского хозяйства. Из-за нехватки рабочей силы в селе правительство мобилизовало казахов на помощь переселенцам, обязывало казахов в принудительном порядке производить вспашку и уборку крестьянских полей, что озлобляло и разоряло казахов и способствовало разжиганию национальной розни и вражды.

Особенно тяжелым бременем на плечи казахов легли различные налоги. Уже в октябре 1914 г. оклады кибиточной подати увеличились с 4 до 8 рублей. Только в Акмолинской области оброчная подать возросла с 845 807 руб. в 1914 г. до 2 553 227 руб. в 1917 г., т.е. более чем в 3 раза; кибиточная подать с населения области увеличилась с 600 537 руб. в 1914 г. до 1 002 069 руб. в 1917 г., то есть увеличилась в 1,5 раза.⁸²

Существовало около 10 видов различных сборов. В 1916 г. была открыта подписка на новый государственный заем в 3 миллиарда рублей, который также лег тяжким бременем на плечи казахского населения. С началом войны на казахское население была возложена еще одна обязанность: военный налог, который распространялся на него, как на неотбывающего воинской повинности. Он взимался как дополнительный сбор к кибиточной подати, в размере 21% существующих сборов и составлял 1 руб. 84 коп. с каждого двора. Кроме того, под нажимом колониальной администрации казахское население было обложено различными «добровольными» пожертвованиями в помощь фронту. В результате этих пожертвований у казахов было отобрано на десятки миллионов рублей скота, кошм, юрт, продуктов и т.д. Сборы производились администрацией через «почетных лиц» в крупных размерах и неоднократно. Всякие сборы, налоги были настолько тяжелыми, что разорившиеся казахи-бедняки просто-напросто были не в силах платить их. Так, например, от казахского населения Павлодарского уезда в 1915 г. должно было быть собрано кибиточной подати 40 941 руб. — внесено только 2441 руб., земского сбора — 6148 руб. — внесено только 48 руб. К концу 1916 г. поступлений совсем не было.⁸³ Нужда и разорение казахов росли с каждым днем. Отказываясь от уплаты налогов и повинностей, казахи отпочковывали в отдаленные районы.

В годы Первой мировой войны наблюдается классовое расслоение и в среде казачества. Верхушка казачества в этот период резко обогатилась

за счет усиления раздачи новых земель казачьим войскам. Так, в Семиреченской области в 1914 г. числилось 34 станицы, владевших 687 тыс. 803 десятинами земли. В 1915 г. было решено прирезать войску еще 450–500 тыс. десятин земли и общая площадь наделенных земель Семиреченского казачьего войска составила около 1200 тыс. десятин.⁸⁴ Львиная доля этих земель принадлежала семьям казачьих генералов и офицеров. Жизнь же семей нижних чинов казаков также была нелегкой.

В переселенческой деревне в годы Первой мировой войны также наблюдается классовая дифференциация. С одной стороны, происходит усиленное обогащение кулаков за счет усилившейся раздачи лучших земель под «дворянские участки». Например, в Жетысу в 1914 г. дворянину Воликовскому и почетному гражданину Яковлеву было сдано в аренду 3797 дес. земли. В Тургайской области был зачислен на дворянский участок потомственный дворянин Пржеликовский. В Сырдарьинской области крестьянину-кулаку Лопаткину был сдан в аренду скотоводческий участок земли размером 1252 дес. земли.⁸⁵ Также увеличилась раздача земли казачьему войску.⁸⁶

Положение же бедных и середняков ухудшалось в военные годы. Семьи запасных чинов находились в очень тяжелом положении и вынуждены были становиться или батраками в кулацких хозяйствах, или уходить на заработки в промышленные центры. О степени имущественной дифференциации среди переселенцев в Казахстане и массовом обнищании их свидетельствуют данные о росте наемных сельскохозяйственных рабочих в переселенческой деревне из числа русских. Например, в Сырдарьинской области в 1915 г. 34% наемных сельскохозяйственных рабочих составляли русские беднейшие крестьяне. Нищета, голод, эпидемии – вот условия, при которых жили переселенцы в годы войны. Были случаи, когда от уплаты налогов и податей отказывались не только отдельные села, но и уезды. Так, в своей докладной губернатор Акмолинской области сообщал степному генерал-губернатору о массовом отказе крестьян Кокчетавского уезда от уплаты налогов. Нужда и разорение трудящихся масс росли с каждым днем.

Резко ухудшилось положение рабочих на промышленных предприятиях, трудящихся городов. Русские и иностранные капиталисты пытались воспользоваться войной, чтобы еще больше поднять прибыли и сверхприбыли. На предприятиях широко применялся труд малолетних, подростков, женщин и военнопленных. В военные годы ухудшились условия труда и быта рабочих. Отсутствовала фабрично-заводская инспекция, не существовало никакого контроля за деятельностью предпринимателей, законов, защищавших рабочих, рабочие работали по 10–12, а иногда и по 16 часов в сутки. Реальная заработная плата рабочих систематически снижалась. Так на Спасском заводе за поденную работу в 1914 г. платили 1 руб. 04 коп., в 1915 – 94 коп., в 1916 – 91 коп., на Сарысуйском заводе за эти же годы зарплата была 1 руб. 22 коп., 1 руб. 02 коп. и 94 коп.⁸⁷ Также уменьшалась зарплата на других заводах. Цены же на предметы первой необходимости и продукты резко возросли. Так, в поселках Спасского акционерного общества цены на продукты питания в 1916 г. значительно увеличились, чем в начале войны: пуд мяса в 1914 г. стоил 3 руб., а в 1916 г. – 6 руб. (увел. в 2 раза), цена муки поднялась с 60 коп. за пуд до

1 руб. 30 коп., спички — от 1 коп. до 4 коп., мыло — от 10 коп. до 30 коп. Особенно высокими были цены на продукты на золотых приисках в Семипалатинской области. Только с января по октябрь 1916 г. стоимость булки хлеба повысилась с 7 до 15 коп., муки (пуд) — с 1 руб. 50 коп. до 4 руб. 20 коп., мяса — с 2 руб. 50 коп. до 6 руб.⁸⁸ Особенно дорогими стали промышленные товары из России: сахар повысился от 8 до 20 руб., одежда — на 200—300%, обувь — на 300—400%.⁸⁹ В связи с тяжелыми условиями труда на предприятиях процветали болезни и травматизм, почти отсутствовало медицинское обслуживание.

Период войны в Казахстане был годами усиления административно-полицейского гнета. 9 сентября 1916 г. Совет Министров рассмотрел вопрос о введении полицейской стражи в Сибири и в областях Степного и Туркестанского краев. Уездные начальники и участковые приставы имели право подвергать «туземцев» за малейшие проступки наказанию, предусмотренному в ст. 64 «Положения об управлении Туркестанским краем».⁹⁰ Законы представляли в помощь уездной полиции выборных лиц от «общественного самоуправления», которые сами принимали первичные меры по охране порядка. В г. Петропавловске, Семипалатинске, Верном, Уральске были созданы городские полицейские управления, в г. Оренбурге, Уральске, Семипалатинске были организованы сельские отделения по 8 чел. с начальником.⁹¹ Полицейским властям были предоставлены широкие полномочия для дознания. В Казахстане была развернута сеть военно-полевых судов, организованы военно-карательные силы из местных казачьих частей.

Ухудшение положения трудящихся сел, городов и аула привело к тому, что уже в 1914 г. вспыхнули забастовки и стачки в шахтах Караганды и Экибастуза, среди железнодорожников Оренбургско-Ташкентской и Транссибирской железных дорог. Одновременно происходят выступления трудящихся в городах и селах против дороговизны, налогов и повинностей. Имели место различные формы классовой борьбы: побег, протесты, ультиматумы, забастовки, стачки экономического характера. Одновременно усиливается борьба между имущими слоями переселенческой деревни и казахскими шаруа.

Распространенной формой народных выступлений в Казахстане в годы войны стали так называемые «бабьи бунты», которые рассматривались властями как выступления против правительства. В своей телеграмме туркестанскому генерал-губернатору военный губернатор Семиреченской области Фольбаум писал: «...столкновения в селениях Андреевском, Осиновском и Николаевском Лепсинского уезда, в с. Михайловском Верненского уезда произошли на почве дороговизны мануфактурных товаров, что из потерпевших торговцев, большинство мусульмане, хищничество которых особенно раздражает толпу ввиду их свободы от военной службы».⁹²

Крестьянские восстания охватили также и северные районы Казахстана. Так, в с. Ак-Булак Актюбинском уезде Тургайской области 21 марта 1916 г. толпа солдаток из 30 чел. разгромила магазины купцов Незванова, Прияткина. 23 марта 1916 г. такие же беспорядки возникли в Саздинском поселке.⁹³ Причиной волнений считали экономические и социальные неурядицы.

Волна выступлений народных масс докатилась и до других областей Казахстана. Самое крупное выступление солдаток произошло в Семипа-

латинске. Оно было поддержано жителями близлежащих сел: в Семеновском, Грачевском, Мало-Владимирском, Больше-Владимирском, Георгиевском, в станице Долинской. Во всех этих населенных пунктах были разгромлены лавки купцов.⁹⁴

Непосредственно с крестьянскими волнениями в Казахстане в годы войны перекликались волнения среди солдатских масс. Буквально в первые же дни войны в 1914 г. произошло выступление солдат в Кокчетаве, в Верном, в Акмолинской и Семипалатинской областях. Из-за брожения среди солдат все воинские части Туркестанского округа были направлены на фронт.⁹⁵

Выступления солдатских масс привели к ужесточению карательных мер местной администрации. Была введена смертная казнь за участие в восстаниях, за устройство стачек и другие действия.⁹⁶

За годы войны участились случаи бегства солдат из своих частей, из эшелонов по пути их следования на фронт. Отказывались возвращаться на фронт и те солдаты, которые приезжали на побывку домой.

Движение народных масс против войны и царизма особенно усилилось во второй половине 1915 г. В городах население выражало недовольство создавшимся положением. Так, окружной инженер сообщал о неспокойном положении на Спасском заводе и Карагандинских копиях, где рабочие выступали против низкой заработной платы и тяжелых условий труда.⁹⁷ «Черные списки» уволенных рабочих имелись на всех предприятиях горно-заводской промышленности Казахстана. Рабочие, попавшие в «черные списки», больше нигде не могли устроиться на работу.

В начале 1916 г. с фронта стали возвращаться рабочие, имевшие опыт революционной борьбы. Рабочее движение вновь стало нарастать. Особенно усилилось движение среди городской бедноты, в частности в г. Верном, Аулие-Ате.⁹⁸ Особенно крупное выступление трудящихся произошло в г. Семипалатинске, где 19 и 20 ноября 1916 г. было разбито 17 магазинов.⁹⁹

На развитие рабочего движения во 2-й половине 1916 г. огромное влияние оказало национально-освободительное движение казахов. В связи с восстанием против призыва на тыловые работы крупные волнения рабочих были отмечены на горных предприятиях и железных дорогах Казахстана. Эти волнения сопровождались массовым уходом рабочих-казахов с работы. Рабочие Берчогурских, Байконурских, Карагандинских угольных копей, Спасских медных рудников, Карсакпайского завода, Успенского и Жезказганского рудников присоединились к восставшим. Освободительную борьбу казахских рабочих поддерживали и русские рабочие. Так, в июле 1916 г. работницы Петропавловского консервного завода Приходченкова и Тининянкина были уволены за агитацию среди рабочих, попытку организовать забастовку и предъявление требований о повышении заработной платы рабочим.¹⁰⁰

Пытаясь подавить рабочее движение, власти предпринимали жестокие меры вплоть до заключения в тюрьму до 3 месяцев или денежному штрафу до 3 тыс. рублей.¹⁰¹

К середине 1916 г. беднота была доведена до отчаяния. Указ царя Николая II о мобилизации «туземцев» на тыловые работы стал толчком к восстанию во всех областях Казахстана.

К концу 1916 г. общественно-политическое движение в Казахстане охватило все слои населения: бастовали рабочие промышленных предприятий, рудников и копей, устраивались погромы магазинов и лавок в городах и селениях, всю территорию Казахстана охватил пожар национально-освободительного движения.

4. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война принесла народам России тяжчайшие страдания. Усилился социальный и национальный гнет. В годы войны неизмеримо увеличились произвол и насилие царских чиновников на местах. Продолжалось массовое изъятие земель у казахов, в первую очередь в Сырдарьинской и Семиреченской областях. В одной лишь Семиреченской области за первые три года войны было изъято 1800 тыс. десятин лучших пастбищных и пахотных угодий, а истинные хозяева этих земель — казахи силой были выселены в мало- или совершенно непригодные для ведения хозяйства пустынные или полупустынные районы.

Война поглощала огромное количество сырья, продовольствия, скота и других материальных ценностей. Был введен новый, военный, налог с кибитки. Налоги на местное население с началом войны возросли в 3–4 раза, а в отдельных случаях в 15 раз.

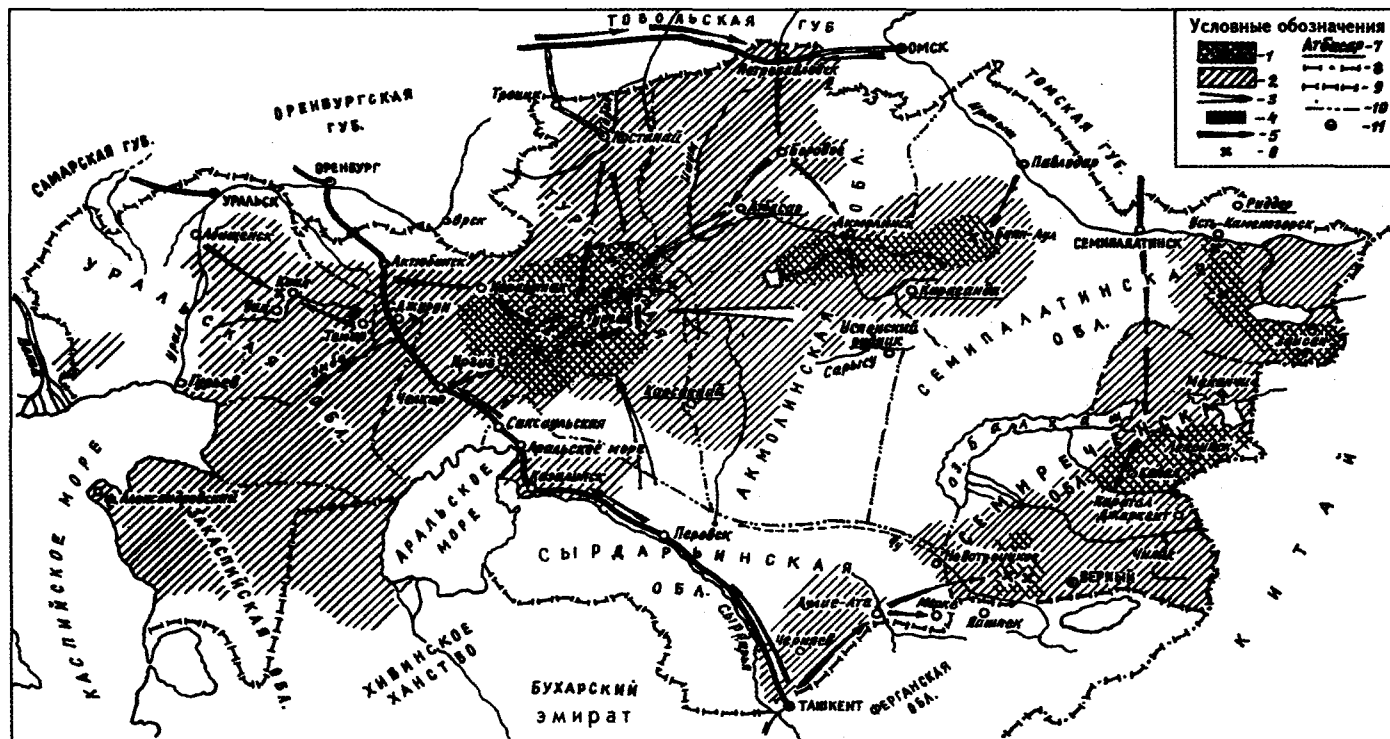
Катастрофически падало сельскохозяйственное производство как результат сокращения посевных площадей.

К середине 1916 года общая площадь изъятой царской администрацией у казахского населения земли равнялась 45 миллионам десятинам.

Усиление социального и национального гнета, спутники войны — обнищание народных масс, дороговизна, голод тяжело отразились на положении трудящихся и вызвали активный протест со стороны различных слоев населения края.

В условиях войны лидеры казахской либерально-демократической интеллигенции — А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов и их сторонники, объединившиеся вокруг общенациональной газеты «Казах», а также представители крестьянско-демократического направления казахской интеллигенции в лице М. Сералина, Б. Майлина, С. Донентаева и др., группировавшиеся вокруг журнала «Айкап», стремились к укреплению своего влияния в народе через печатное слово.

Лейтмотивом многих произведений вышеназванных представителей казахской интеллигенции, несмотря на различия их политических взглядов и действий, становится лозунг «Оян, казак!» («Проснись, казах!» — под этим названием в 1909 году был опубликован сборник стихов Миржакыпа Дулатова). Казахские интеллектуалы своим разносторонним творчеством, выдвигая общедемократические требования и выражая свои мысли зачастую эзоповским языком, способствовали формированию в крае антиколониальной политической ситуации, внедряли в сознание народа идею необходимости национально-освободительной борьбы.

Восстание в Казахстане в 1916 г. Условные обозначения: 1 — основные районы восстания в 1916 г.; 2 — районы, охваченные волнениями в 1916 г.; 3 — направления подхода подкреплений к повстанцам; 4 — районы сосредоточения повстанческих отрядов А. Иманова в феврале 1917 г.; 5 — движение царских отрядов; 6 — места боев повстанцев с царскими войсками; 7 — волнения рабочих на промышленных предприятиях и рудниках в 1916 г.; 8 — государственная граница; 9 — граница Казахстана; 10 — границы областей; 11 — центры областей.

Война ускорила процесс назревания всеобщего кризиса в Российской империи, одним из ярких проявлений которого явилось национально-освободительное восстание 1916 года, охватившее почти все районы Казахстана и Средней Азии.

Главными причинами восстания явились факторы социально-экономического и политического характера: усиление колониального гнета, изъятие земель, непомерное увеличение налогов и поборов, политика русификации, проводившаяся царизмом в отношении казахского и других коренных народов региона, резкое ухудшение положения широких народных масс.

Главными из этих причин следует считать массовое, насильственное изъятие исконно казахских земель и усиление колониальной системы управления краем. Как верно заметили казахи Пригородного участка Верненского уезда в своем заявлении туркестанскому генерал-губернатору от 17 октября 1916 года о причинах восстания, оно вызвано не «одним только призывом рабочих, неправильно понятым населением. Причина лежит глубже. Земельные стеснения, с одной стороны, и система управления киргизами (казахами. — *Ред.*) — с другой, являются основными причинами нынешних печальных событий.

В земельном отношении киргизы стеснены в последние 10 лет в высшей степени: образованное в области в 1903 году переселенческое управление с 1908—1909 гг. производило изъятие киргизских земель... усиленным темпом. В результате лучшие земли с готовыми киргизскими оросительными канавами, насаждениями и постройками отобраны, и киргизы согнаны на худшие земли без воды; лесные пространства изъятые в исключительное пользование казны...».¹⁰²

Такая картина наблюдалась повсюду в Казахстане.

Непосредственным поводом к восстанию явился царский указ от 25 июня 1916 года «О реквизиции» на тыловые работы (устройство оборонительных сооружений и военных сообщений, строительство дорог в прифронтовой полосе и т.д.) «инородческого» мужского населения Казахстана, Средней Азии и частично Сибири в возрасте от 19 до 43 лет включительно. Причем в указе употреблялось слово не «мобилизация», а «реквизиция», как будто речь шла о реквизиции скота. По разверстке Генштаба на тыловые работы планировалось набрать из Казахстана и Средней Азии 400 тыс. человек, в том числе из всех областей, населенных казахами, около 240 тыс. человек. Если учесть, что число казахских хозяйств в крае составляло немногим более 700 тыс., то работника теряло каждое третье хозяйство, а одновременное изъятие такого количества рабочих рук превращалось в катастрофическое бедствие национального масштаба.¹⁰³

Сообщение об указе было опубликовано в местной печати и оглашено на собраниях волостных управителей с дополнительными разъяснениями и комментариями. Расплывчатостью ряда положений указа умело воспользовались чиновники колониальной администрации. Так, в «Показаниях инженера М. Тынышпаева его превосходительству господину Туркестанскому генерал-губернатору в связи с событиями 1916 года» отмечается, что в воззвании семиреченского генерал-губернатора говорилось о призыве на окопные работы. Когда бывалые солдаты из русских сел разъяснили казахам, что такое «окопы», население посчитало, что мобилизация

(«реквизиция») по существу ведет к истреблению невооруженных людей. А это, в свою очередь, усилило враждебное отношение казахов к указу царя. «...Стало им понятно, — писал далее М. Тынышпаев, — что это самая опасная работа... никто населению вовремя не сумел объяснить сущность призыва рабочих; вместо этого местные власти стали проводить в исполнение высочайший указ спешно и в некоторых случаях с применением крутых мер. Единовременная спешная мобилизация 25 возрастов (19—43) поразила население... наряду с этими призывами были пущены в ход и злоупотребления. Крутые меры и просто ошибки некоторых лиц русской администрации, вымогательства волостных управителей и т.д. И так как эти приемы касались населения непосредственно, то немудрено, что волнения стали разрастаться».¹⁰⁴

Восстание в Казахстане началось после опубликования царского указа от 25 июня 1916 года. В начале июля почти во всех регионах Казахстана началось стихийное недовольство, вскоре переросшее в вооруженное восстание. Первыми удар народного возмущения приняли на себя волостные управители, аульные старшины и прочие низовые агенты царской администрации, непосредственно составляющие списки на тыловые работы. Пользуясь отсутствием тогда у казахов метрических свидетельств, они произвольно включали бедняков в списки, независимо от возраста, а байских сыновей за взятки освобождали от призыва. На практике система составления списков породила массовое взяточничество и злоупотребления.

К тому же царские власти освободили от набора: должностных лиц, волостных, сельских и аульных управителей; низших полицейских чинов из коренных жителей; имамов, мулл и мударисов; счетоводов и бухгалтеров в учреждениях мелкого кредита; обучающихся в высших и средних учебных заведениях; чиновников правительственных учреждений и лиц, пользующихся правами дворян и почетных граждан.

Трудящиеся, доведенные до отчаяния жестоким указом царя и несправедливыми методами его осуществления на местах, вооруженные чем попало, бросались на представителей царской власти: волостных управителей, аульных старшин, полицейских, казаков, чиновников и с криками: «Не дадим людей!» расправлялись с ними. Восставшие поджигали канцелярии и дома волостных управителей, аульных старшин, уничтожали делопроизводство и списки мобилизованных, наивно полагая, что таким путем они избавятся от набора на тыловые работы.

Постепенно стихийное движение стало принимать организованный характер, перерастая в вооруженное восстание; появились крупные очаги (в Жетысу и Тургае). Восстание охватило весь Казахстан и переросло в национально-освободительное движение, направленное главным острием против военно-колонизаторской и широкомасштабной русификаторской политики царизма и в определенной степени — против феодально-байской верхушки аула. Восстание было также направлено против империалистической войны, приведшей к кризису народного хозяйства и крайней степени обнищания народа. В этом плане оно смыкалось с революционной борьбой рабочего класса и крестьянства России против войны и царизма.

Главной целью восстания 1916 года являлось национальное и политическое освобождение, тем самым оно подводило итог всей предшествующей борьбе казахского народа за свободу и независимость. Основной

движущей силой восстания явились широкие слои национального крестьянства — шаруа, а также представители нарождавшегося тогда местного рабочего класса, ремесленники.

Но вместе с тем, в силу национально-освободительного характера восстания, в нем участвовали представители всех слоев казахского народа (нередко баи, волостные управители, би́и), а также отдельные представители демократической интеллигенции.

Будучи сложным и неоднородным, восстание в большинстве районов обширного края носило национально-освободительный характер, лишь в отдельных местах руководство движением захватили феодально-байская верхушка и клерикальные элементы.

Национально-освободительное движение 1916 г. в Казахстане по своему составу было мононациональным, за исключением его южных областей (Жетысу и Сырдарьинская область), где наряду с казахами в восстании участвовали уйгуры, узбеки, кыргызы, дунгане и представители некоторых других народов.

В казахском обществе отношение к указу царя и восстанию было неоднозначным: определенная часть феодально-байской верхушки, а также чиновники т.н. «туземной администрации» безоговорочно поддерживали царский указ «О реквизиции» и явились его главным проводником в жизнь; радикальные представители казахской интеллигенции (например, Токаш Бокин, Жанабай Ниязбеков, Аубакир Жунусов, Турар Рыскулов, Алиби Жангельдин, Сейткали Мендешев, Баймен Алманов и др.) резко выступали против указа царя и призывали народ к вооруженному сопротивлению, а лидеры либерально-демократической интеллигенции, объединенные вокруг газеты «Казах» (А. Байтурсынов, А. Букейханов, М. Дулатов и др.), делали неоднократные попытки убедить царскую администрацию не спешить с мобилизацией, а вначале провести подготовительные мероприятия. Вместе с тем, они призывали не оказывать сопротивления выполнению указа, не без основания полагая, что безоружный народ станет жертвой жестоких репрессивных мер царизма. «...Указ царя — истина и против него возражений быть не может, — говорилось в передовой статье газеты «Казах» от 6 июля 1916 г., — ...легкомысленно уклоняться, ибо это повлечет разорение для населения. Сейчас — военное время, дисциплина твердая; в поисках за скрывающимися направится отряд, что приведет к разорению хозяйства и принесет несчастье семье...». В номере от 11 августа 1916 г. эта же газета от имени А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова выступала за реализацию без всякого сопротивления приказа среди алаша (казахского народа. — *Ред.*). Вместе с тем, они наивно считали, что если казахи примут участие в тыловых работах, то после победы в войне они смогут рассчитывать на облегчение своего положения и получение автономии.

При этом следует иметь в виду, что верхние слои интеллигенции (во главе с А. Букейхановым) в этой ситуации оказались между молотом и наковальней.

Известно, что одной из особенностей восстания 1916 года стало то, что на борьбу поднялись низы. Верхи аула и кишлака зачастую маневрировали, ибо они частично были интегрированы в систему управления в качестве волостных, старшин, работников местного аппарата и т.д., с другой — национальная интеллигенция, и прежде всего ее наиболее образованная

часть во главе с А. Букейхановым и его окружением из редакции газеты «Казах», в то время связала себя с политическим курсом конституционно-демократической партии (кадеты) России, которая стояла за мобилизацию сил и ресурсов страны на войну с Германией. Исходя из этого и чувствуя себя как часть общероссийской интеллигенции, А. Букейханов и его сторонники стремились помочь фронту. Они понимали, что участие в восстании в условиях войны будет расценено царским правительством, российской общественностью как удар в спину русским войскам, со всеми вытекающими последствиями. Отсюда призыв со стороны национально-демократической интеллигенции — покориться судьбе, помочь воюющей державе, частью которой был Казахстан. Этот призыв большинство народных масс не поняло и не приняло. Именно в этом заключалась причина того, что во главе действия масс, их политическими наставниками оказались радикальные слои казахской интеллигенции.¹⁰⁵

Как отмечал Турар Рыскулов, «эта национально-либеральная интеллигенция казахов... была, как и кадеты, против существующего тогда строя и администрации царизма на местах... была против царской земельной политики, но работала дружно с российскими буржуазно-демократическими партиями. Эта интеллигенция характеризовала восстание казахов как преждевременное, ненужное, указывая, что все недоразумения можно было бы уладить мирным путем».¹⁰⁶

Вместе с тем, лидеры национальной казахской интеллигенции принимали конкретные шаги по отсрочке призыва казахов на тыловые работы, по защите прав призванных и создания необходимых условий для проживания и работы их в прифронтовых районах. Об этом свидетельствуют документы частного совещания представителей пяти областей Казахстана (Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской), созванного по инициативе Алихана Букейханова 7 августа 1916 года в Оренбурге. Они говорят о том, что инициаторы созыва совещания (А. Букейханов и его сподвижники), в целом, преследовали цели защиты призываемых на тыловые работы, разоблачали проявления беззакония при составлении списков призываемых и провокации местных властей по организации конфликтных ситуаций между жителями аулов и карательными отрядами казачьих войск. В констатирующей части протокола данного совещания подчеркивается, что «высочайшее повеление 25 июня стало известно киргизам (казахам. — *Ред.*) в форме объявления местных властей в то время, когда само повеление не было опубликовано.

Это поразило население, как гром среди ясного неба. Местная власть в спешном порядке стала проводить в исполнение высочайшее повеление... Возраста киргиз в списки заносятся аульными произвольно... некоторые записи заведомо властями делались неправильными: богатые киргизы умышленно записывали лета своих сыновей старше... некоторые волостные управители, желая нанести самый верный удар своим врагам, обвиняли их в сопротивлении мобилизации и доносили начальству.

Благодаря вышеуказанным злоупотреблениям... властей нынешнее поколение впервые познакомилось с отрядами казаков... Появление в степи казачьих отрядов навело страх на мирное население огромного района... Все, что до сих пор произошло, объясняется чрезвычайной спешностью приведения в исполнение высочайшего повеления. Необходимо

немедленное принятие мер успокоения населения». ¹⁰⁷ В качестве этих мер участники совещания предложили властям резолюцию из 17 пунктов, главными из которых являются следующие:

«1)... Отсрочить призыв для северных уездов до 1 января 1917 г., а для южных уездов — до 15 марта 1917 г.

2) Призвать в первую очередь одну треть 19—31 возрастов, начиная с младшего возраста, так как в этом возрасте наибольшее число несемейных.

...5) Принятых, по возможности, оставлять на работах по обороне государства на местах.

...9) Освобождать от призыва учащихся мусульманских медресе в городах.

10) Старые списки, представленные спешно, неправильно, нужно... возвратить; избрать комитет, составленный лицами, избираемому по одному из каждого десятка домохозяев и поручить этому комитету составление нового списка, в присутствии аульного схода.

...14) Заболевшие рабочие пользуются медицинским уходом наравне с ранеными.

15) Рабочие киргизы (казахи. — *Ред.*) должны быть в ведении учреждений городского и земского союзов. О правах и обязанностях учреждений, заведующих рабочими киргизами, должна быть издана инструкция.

...17) По уважительным причинам, по мере надобности, киргизы-рабочие пользовались бы отпуском...» ¹⁰⁸

Этот документ, врученный царским властям, был подписан председателем совещания представителей пяти областей Казахстана А. Букейхановым и его секретарями О. Алмасовым и М. Дулатовым. Если внимательно вчитаться в этот документ, то нетрудно заметить, что он, в первую очередь, свидетельствует о том, что лидеры национальной демократической интеллигенции (будущие организаторы партии «Алаш») доступными им средствами защищали интересы казахского населения, не являлись «предателями интересов нации», как постоянно утверждалось в официальной историографии 30-х—80-х годов XX века.

Один из видных ее представителей Миржакып Дулатов в своем ответе следователю ОГПУ 7 января 1929 г. заявлял: «Настал 1916 год. Был внезапно опубликован царский приказ 25 июня о реквизиции казахского населения в возрасте от 19 до 43 лет на тыловые работы. Казахское население взволновалось ...В степь потекли карательные отряды с пушками и пулеметами. Выезжали на места губернаторы, тюрьмы были переполнены смельчаками. Прибывший в Актюбинск тургайский вице-губернатор сказал буквально следующее: «Царский приказ будет исполнен, хотя бы не останется в живых ни одного киргиза».

Видя все это, а главное — беспомощность, беззащитность казахского народа, мы решили советовать населению не сопротивляться власти, ибо были уверены, что бой будет неравный, казахская степь залейется кровью, казахское население постигнет непоправимое бедствие. Некоторые товарищи сейчас говорят, что казахская националистическая интеллигенция не сумела тогда руководить восстанием, что, дескать, сама пошла в хвосте царской власти, действуя совместно и т.д. Я думаю, что тот, кто был хорошо знаком с обстановкой и истинным положением того времени, этого бы не сказал...

Частично вспыхнувшие волнения вскоре были подавлены силою оружия и начались реквизиции и отправка рабочих на фронт. Тогда редакция газеты «Казах» решила обслуживать нужды отправленных на тыловые работы казахов и с этой целью обращалась ко всей казахской интеллигенции с призывом добровольно ехать на те фронты, где будут работать реквизируемые и образовать там инородческий отдел. Интеллигенция (большей частью народные учителя) откликнулись на это и вскоре был создан в Минске инородческий отдел при земском союзе. Я выехал в Минск позднее всех...».¹⁰⁹

Узак Саурыков.

Возникшее в разных районах Казахстана стихийное движение постепенно стало принимать организованный характер: появились его крупные очаги в Жетысу (руководители – Бекболат Ашекеев, Узак Саурыков, Жаменке Мамбетов, Токаш Бокин, Аубакир Жунусов, Серикбай Канаев, Монай и Мукан Узакбаевы и др.) и Тургае (руководители – Абдигаппар Жанбосынов, Амангельды Иманов, Алиби Жангельдин и др.).

В истории восстания в Жетысу можно выделить следующие этапы: 1) июль – проявление стихийного недовольства; 2) август – его перерастание в вооруженное восстание и 3) сентябрь – октябрь – постепенная убыль и поражение восстания.¹¹⁰

По свидетельству М. Тынышпаева, указ царя от 25 июня стал известен в городах Жетысу 8 июля. В отдельные уезды области телеграммы о призыве рабочих поступали еще раньше, 2 и 3 июля.

Сообщения о призыве и слухи о составлении списков призываемых вызвали повсеместные волнения: так, по данным документов, хранящихся в фондах прокурора Верненского окружного суда, после получения известий о царском указе толпа казахов Альджанской волости Джаркентского уезда кричала: «Умрем здесь, дома, но не на чужой стороне. Хоть перестреляйте всех, но на работу не пойдем и никого не отпустим».¹¹¹ На собрании представителей 16 волостей рода албан (Джаркентский уезд), состоявшегося 6 июля в урочище Акбеит, один из руководителей Каркаралинского очага восстания семидесятилетний Жаменке Мамбетов заявил: «Пусть лучше умрут старики, чем погибнут дети. Не будем исполнять указ белого царя». Его поддержали У. Саурыков, С. Канаев, К. Чорманов, К. Кудайбергенов, К. Шотаманов и другие участники собрания.¹¹² Данное решение Ж. Мамбетовым было доведено до сведения пристава Подворкова и урядника Плотникова 11 июля; 7 и 8 июля 1916 г. в урочище Ушконур в 40 км западнее от Верного представители Джаильмышевской и других близлежащих волостей Верненского уезда собрались на специальный съезд и обсудили вопрос об отношении к царскому указу.

Было принято решение – людей не давать, с гор в долину не спускать, в случае насильственных мер со стороны властей предпринять действия

Аккоз Косанулы.

по разрушению телеграфа, уничтожению списков призываемых на тыловые работы, вплоть до сожжения канцелярий волостных управлений.

В начале июля волнениями была охвачена и западная, и южная части Верненского уезда, где руководителями восставших выступали Бекболат Ашекеев, Токаш Бокин, Аккоз Косанулы и др. Бекболат Ашекеев, которому в 1916 году было за 70 лет, возглавил большой отряд повстанцев Жайлымышевской волости. На случай восстания участникам съезда было предложено иметь наготове оружие и держать при каждой юрте лошадей.

Аналогичный съезд с принятием подобного решения с участием более 5 тыс. человек — представителей одиннадцати во-

лостей Жетысу прошел в местности Улкенсаз Узунагачской волости Верненского уезда. Была принята резолюция: «лучше умереть здесь, чем идти на расстрел».¹¹³ Вскоре пассивные формы сопротивления повсеместно переросли в организацию повстанческих отрядов, вооруженных пиками, охотничьими ружьями, холодным оружием.

Отарский регион превратился в своеобразный центр восстания западнее г. Верного, центра Семиреченской области. Как докладывал исполняющий дела полицмейстера г. Верного Поротиков 13 июля 1916 г. военному губернатору Семиреченской области генерал-лейтенанту М. А. Фольбауму, «многие киргизы Отарского участка начинают перекочевку со степей в горы с целью сосредоточения всех киргизов в одном месте».¹¹⁴

17 июля в Жетысу и Туркестанском крае было объявлено военное положение. Царские власти перебрасывали сюда крупные военные силы, укрепляли военные гарнизоны, из зажиточных слоев переселенческого населения Жетысу создавали вооруженные отряды для расправы с казахскими и кыргызскими повстанцами. Крупные столкновения восставших жителей Джаркентского уезда Семиреченской области с царскими карателями произошли в урочище (жайляу) Асы, горной долине Каркара, в селе Самсы, в районах населенных пунктов Кастек, Нарынкол, Чарын, Жаланащ, Курам, в Сарыр-Матайской волости Лепсинского уезда и других местах.

В этих условиях на западе Верненского уезда Б. Ашекеев предпринимает меры для объединения разрозненных повстанческих групп Жетысу. Для этой цели он 13 августа 1916 года в местности Ошакты созывает еще один съезд представителей различных волостей, вынесший решение не подчиняться указу о мобилизации людей на тыловые работы, вплоть до оказания вооруженного сопротивления властям.

Обосновавшись в урочище Ошакты в горах Ушконура со своими повстанцами, Б. Ашекеев начал готовиться к вооруженному сопротивлению, одновременно предпринимал меры по пополнению рядов восставших новыми силами.

Однако судьба распорядилась по-другому. Судя по материалам профессора Г. Сапаргалиева, досконально изучавшего историю судебных репрессий казахов за участие в восстании 1916 года, получив сведения о действиях повстанцев Джайлымышевской волости и его руководителя Б. Ашекеева, уездный начальник подполковник Базилевский выехал с карательным отрядом в указанную волость. 13 августа произошло столкновение восставших с карательным отрядом, окончившееся поражением плохо вооруженных и не имеющих опыта ведения боевых действий повстанцев.

Накануне этого события организованный в станице Каскеленской комитет по разложению восставших и поимке его руководителей начал свою черную работу. Представители различных аулов вскоре стали покидать ряды восставших. Руководители восстания, в первую очередь Б. Ашекеев, должны были решить трудную задачу: либо уйти в Китай, тогда царские палачи могли начать расправу над их родственниками, либо сдаться на милость царским палачам, чтобы спасти родственников и одноаульцев. Бекболат Ашекеев выбрал второе. Добровольно сдался властям и взял всю вину по организации восстания на себя.¹¹⁵

Временно исполняющий обязанности начальника гарнизона гор. Верного генерал-майор Грызлов в своем приказе от 1 сентября 1916 г. о передаче отрядному полевому суду Бекболата Ашекеева (после его добровольной сдачи карателям с целью спасения повстанцев от верной гибели) писал следующее: «Киргиз аула № 4 Джайлымышевской волости Верненского у. Бекболат Ашекеев подлежит обвинению в том, что вознамерившись силою воспрепятствовать исполнению высочайшего повеления о реквизиции рабочих туземцев... созвал 13-го августа с.г. в месте своего аула Ошакты Верненского у. Семиреченской области, состоящей на военном положении, незаконный съезд... для организации восстания, на котором совместно с другими лицами постановили не подчиняться требованию правительства и оказывать вооруженное сопротивление властям, каковое сопротивление и было оказано толпой конных киргиз отряду казаков под начальством подполк. Базилевского... за означенные преступные деяния вышеназванный киргиз Бекболат Ашекеев ...передается мною отрядному суду Верненского военного гарнизона для осуждения по законам военного времени».¹¹⁶

7 сентября в г. Верном состоялся суд Верненского военного гарнизона, приговоривший Бекболата Ашекеева к смертной казни через повешение. В тот же день приговор суда был утвержден военным губернатором области Фольбаумом. Приговор приведен был в исполнение через день, т.е. 9 сентября 1916 года в местности Бурундай близ Верного.

Вслед за Бекболатом Ашекеевым Туркестанскому военно-окружному суду были переданы 23 его ближайших соратника. Суд над ними состоялся 17 февраля 1917 г. в гор. Верном. Хотя все они не признали себя виновными в предъявленных обвинениях, тем не менее, были жестоко наказаны. К смертной казни через повешение с лишением всех прав и состояния были приговорены Бекбатыров, Бузембаев, Аманжолов, Сатыканов, С. Ашекеев, Караксин, Абишев, Султанов, Нурбаев, Аманбаев, Екейбаев, Абдришев.

Сын Бекболата Абдильда Бекболатов был лишен всех прав и состояния и сослан на каторжные работы сроком на 20 лет. 8 человек было

оправдано ввиду недоказанности их участия в восстании, в том числе человек интересной судьбы, волостной правитель Сят Ниязбеков.

В сентябре—начале октября значительная часть жетысуских повстанцев, теснимая со всех сторон карательными отрядами, вынуждена была отступить с упорными боями, уйти в Синьцзян.

Вслед за Верненским уездом Семиреченской области восстание началось в соседнем с ним Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области. Аулие-Атинский уезд, в частности, его Меркенский участок, представлял собой один из важных очагов восстания казахов обширной Сырдарьинской области. По разнарядке из Аулие-Атинского уезда должны быть мобилизованы 22 675 тыс. человек. К концу августа 1916 года на призывные пункты явились лишь около 3 тыс. человек.

Волнения в Аулие-Атинском уезде начались в начале августа. Как говорится в докладе и.о. военного губернатора Сырдарьинской области С. Геппера от 21 августа 1916 г. о ходе восстания в области, 1 августа «толпа киргизов (казахов. — *Ред.*) Кученейской волости около 50 чел. разгромила 1 августа дом лесообъездчика и расхитила его имущество. Русское население охвачено паникой и разбегается из поселков, а киргизы соседних с Пишкекским уездом волостей держат себя вызывающе и заявляют, что рабочих не дадут».¹¹⁷ Вскоре эти волнения переросли в вооруженные выступления. В документе от 29 августа 1916 года говорится о том, что «в Меркенском участке начались вооруженные беспорядки. Телеграфное сообщение Мерке—Пишпек прервано»,¹¹⁸ восставшие прервали телеграфное сообщение Мерке—Аулие-Ата, они подожгли с. Мерке с трех сторон, а часть восставших окружила село Луговое. В ночь на 20 августа восставшие напали на карательный отряд под командой прапорщика Дудко. Каратели отбивались до утра, при этом был убит предводитель восставших казахов, «разъезжавший на белой лошади с красным флагом».¹¹⁹

По свидетельству Турара Рыскулова, в Меркенском участке (в Кургатинской волости) большие организаторские способности в руководстве отрядом восставших отличился «один казахский старик по имени Аккоз, который потом был взят в плен, подвергся побоям, но остался жив».¹²⁰

6 сентября 1916 года помощник генерал-губернатора Туркестанского края телеграфировал в Петроград, военному министру Д. Шуваеву: «В Аулие-Атинском уезде близ села Лугового киргизы (казахи. — *Ред.*) напали на строящуюся железнодорожную станцию, на помощь отправлена конная команда — 100 чел. В селе Кузьминка сожжено до 10 (домов), село Новотроицкое обложено большим скопищем киргизов, здесь киргизам оказывают содействие немецкие колонисты, доставляя провиант, в числе мятежников находится мулла и аулиеатинские и ташкентские сарты».¹²¹

Обеспокоенные этим, власти в начале сентября 1916 года для подавления Меркенского очага восстания вынуждены были из Ташкента отправить в район Мерке дополнительные две роты Сибирского запасного полка.¹²²

На начальном этапе восстания в Аулие-Атинском уезде принимал участие Турар Рыскулов, прервавший учебу в Ташкентском учительском

институте и оказавшийся в Мерке. Храбрые, но плохо разбиравшиеся в обстановке командиры нередко обращались к Т. Рыскулову за советом, как поступать в том или ином случае. Рекомендации Турара Рыскулова по части предварительной организации деятельности восставших, координации выступлений, необходимости избегать столкновений с русским крестьянством вожаки отдельных отрядов восставших приняли. Но в том, как вести операции, какую избрать тактику — мнение Турара Рыскулова и вожаков разошлись. Завершить свою миссию политического наставника Т. Рыскулов не смог по двум обстоятельствам. Готовясь к схватке с силами царской администрации, повстанцы не очень заботились о конспирации. Полиция, администрация Меркенского участка и Аулие-Атинского уезда получили необходимые сведения от своих информаторов и приняли предупредительные меры. Полицейский пристав намеревался арестовать Т. Рыскулова, но его спасла болезнь и отсутствие у полицейских прямых улик.

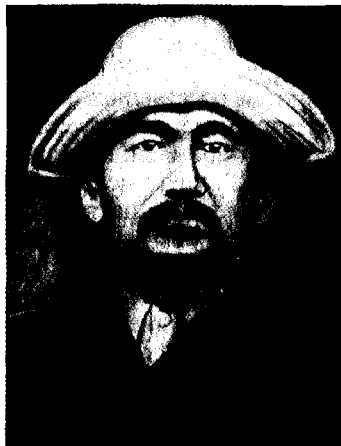
Пока подозреваемый выздоравливал, восстание в районе Аулие-Атинского уезда было подавлено и Т. Рыскулов вернулся в Ташкент для продолжения учебы.¹²³

Восстанием были охвачены Акмолинская и Семипалатинская области. По свидетельству С. Сейфуллина, антиправительственные волнения имели место во всех 48 волостях Акмолинского уезда.¹²⁴

В справке о мерах подавления восстания в Акмолинской и Семипалатинской областях за период времени с 7 июля по 5 сентября 1916 г., составленной генерал-лейтенантом бароном Таубе, приведены следующие данные: «Значительные скопища киргизов (т.е. восставших казахов. — *Ред.*)... сосредоточились в Зайсанском уезде — несколько групп свыше 1000 человек каждая, в Семипалатинском — группа в 7000 человек, в Усть-Каменогорском — несколько групп, из коих некоторые численностью до 3000; в Акмолинском около озера Кургалжин сгруппировалось до 30 тысяч киргизов и у Ерейментауских гор — до 5 тысяч, в Атбасарском, около урочища Улутавского — свыше 7000 и в Косагачском районе — до 2000 киргизов».¹²⁵

В то время, как в Жетысу, Сырдарьинской, Акмолинской, Семипалатинской областях и в ряде районов Западного Казахстана повстанческое движение было подавлено или шел процесс его жестокого подавления, в Тургайской степи оно набирало силу и нарастало с каждым днем. Тургайский очаг восстания, во главе которого стояли Абдигалпар Жанбосынов, Амангельды Иманов, Алиби Жангельдин, было самым упорным и длительным.

Как свидетельствуют архивные документы, численность повстанцев Тургайского очага восстания в самый его пик (с охватом восставших жителей Тургайского, Кустанайского, Иргизского, Актюбинского уездов Тургайской области и ряда уездов соседних областей) составляла около 50 тыс. человек. Центром восстания стал Тургайский уезд. К началу восстания Тургайский уезд состоял из 13 волостей, населенных в основном представителями кыпчаков и аргынов. На начальном этапе восстания волнениями были охвачены жители Кайдуальской, Аккумуляской, Караторгайской, Сарытогайской, Каракопинской волостей, населенных кыпчаками, а также представители Тосынской, Майгарауской, Саркопинской,

Абдигаппар Жанбосынов.

Наурызымской, второй Наурызымской волостей, состоявших, главным образом, из аргынов. В процессе нарастания восстания Абдигаппар Жанбосынов был избран «ханом» кыпчакских повстанцев, а Шолак Оспанов — «ханом» аргынских повстанцев. В последующем, 21 ноября 1916 года на курултае представителей 13 волостей (6 волостей кыпчаков, 6 волостей аргынов и одна волость найманов) избрали потомка знаменитого Нияз-бия, авторитетного среди народа Абдигаппара Жанбосынова «ханом» восставшего Тургайского уезда (Абдигаппар называл себя эмиром).

С согласия участников курултая внук знаменитого батыра Имана — сподвижник Кенесары Касымова Амангельды Иманов (сын Удербая) был назначен сардарбеком (главнокомандующим) повстанцев. При-

ехавший из центральной России и вскоре присоединившийся к повстанцам, уроженец этих мест Алиби Жангельдин стал своеобразным «идеологом» восставших.

Из десятков тысяч неорганизованных повстанцев А. Жанбосынов, А. Иманов и их ближайшие сподвижники создали стройный, дисциплинированный военный организм, разделенный на десятки, сотни и тысячи. Во главе каждого из подразделений, соответственно, были поставлены онбасы (десятник), елюбасы (пятидесятник), жузбасы (сотник), мынбасы (тысячник). Было сформировано специальное подразделение снайперов (мергенов) во главе с Кейки Кошкинбаевым.

При сардарбеке функционировал военный совет — Кенес.

В районах, контролируемых повстанческой армией А. Иманова, по существу была отстранена от управления низовая аульно-волостная («туземная») администрация, гражданская власть перешла в руки повстанцев. А. Жанбосынов, А. Иманов и возглавляемый им военный совет организовали службу тыла, поручив специально назначенным лицам (елбеги), обеспечение повстанцев продовольствием, лошадьми, изготовление в кузницах самодельных ружей, сабель, кинжалов, пик и т.д.¹²⁶

22 октября 15 тыс. повстанцев во главе с А. Имановым окружили город Тургай. Осада продолжалась несколько дней. Тем временем к городу с трех направлений двинулся карательный корпус генерал-лейтенанта А. Лаврентьева. Получив сведения о приближении превосходящих сил царских карателей, повстанцы сняли осаду Тургая и выступили навстречу отрядам царских войск. 16 ноября сарбазы общей численностью около 12 тыс. человек во главе с А. Имановым в районе почтовой станции Топкойма атаковали карательный отряд подполковника Катомина. Основная масса повстанцев, чтобы сохранить живую силу, во второй половине ноября отошла на 150 км от Тургая и сосредоточилась в районе Батпаккары. Отсюда совершались партизанские рейды против карателей со второй по-

ловины ноября 1916 г. до середины февраля 1917 г. Сражения между повстанцами и карателями происходили на Татыре, Акчиганке, Догал Уркеке, в Куйуке. Напряженными были они в районе Батпакары, где находился штаб повстанцев. Битвы развернулись во второй половине февраля 1917 г. В этих боях часть сарбазов А. Иманова встретила Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 г.

Национально-освободительное восстание казахского народа 1916 года было жестоко подавлено во всех регионах Казахстана. В Семипалатинской и Акмолинской областях против восставших действовало 12 кавалерийских сотен, 11 усиленных пехотных рот, а против тургайских повстанцев царские власти бросили экспедиционный корпус в составе 17 стрелковых рот, 18 казачьих сотен, 4 кавалерийских эскадронов, 18 орудий, 10 пулеметов и проч. Однако карателям так и не удалось подавить восстание в ряде районов Казахстана вплоть до самой Февральской революции. Так, в Тургайской области восстание прекратилось лишь после свержения царского режима.

Для подавления восстания в Жетысу царскими властями было направлено 95 рот в 8750 штыков, 24 сотни в 3900 сабель, 16 орудий и 47 пулеметов. В области были уничтожены десятки казахских и кыргызских аулов, жестоким преследованиям подвергались мирные жители. Преследуемые царскими властями 300 тыс. казахов и кыргызов, или четвертая часть коренных жителей Жетысу, вынуждены были бежать в Китай.

Только по судебным приговорам, утвержденным генерал-губернатором Куропаткиным, в Туркестанском крае на 1 февраля 1917 г. было приговорено к смертной казни 347, каторжным работам — 168, тюремному заключению — 129 человек, не считая расстрелянных без суда и следствия, погибших от рук карателей и отрядов, сформированных из жителей переселенческих сел.

Таковы были трагические последствия незаконного царского указа от 25 июня 1916 года.

Представители либерально-демократического движения России с самого начала появления царского указа от 25 июня 1916 года указывали на его нелегитимность и предупреждали о реальности возникновения народных волнений, если этот незаконный указ начнет проводиться в жизнь.¹²⁷

Уже в июле 1916 г. члены Государственной Думы, представляющие фракции мусульманскую, кадетов и трудовиков обратились в Министерство внутренних дел и Военное, требуя незамедлительно определить условия проведения в жизнь указа. По запросам ряда депутатов вопрос о легитимности и возможности претворения в жизнь и последствиях царского указа несколько раз обсуждался на заседаниях Государственной Думы. В

Амангельды Иманов.

августе 1916 года депутаты Государственной Думы А. Ф. Керенский и К. Б. Тевкелев по поручению своих фракций выезжали в Туркестан, чтобы на месте ознакомиться со всем происходившим. Лидер фракции трудовиков в Государственной Думе А. Ф. Керенский охарактеризовал происходящее в Туркестане и Степном крае как позорную страницу русской истории. Он заявил: «...при обнародовании и проведении в жизнь... высочайшего повеления от 25 июня были нарушены и все, какие только можно было нарушить, основные и неосновные законы Российской империи».¹²⁸

Член мусульманской фракции Государственной Думы М. Г. Джафаров, поддерживая основные положения запроса фракции трудовиков и выступление ее лидера, четко обозначал главную причину восстания народов Казахстана и Средней Азии — колониальную политику царизма и прямую зависимость от нее действий исполнительной власти всех уровней. «Незаконные действия агентов высшей власти, — говорил М. Г. Джафаров, — сопровождалась безграничным произволом местных властей, незаконность как самого акта издания повеления о призыве инородцев, так и незакономерность проведения этого акта в жизнь — прямой результат выработанной веками и традициями инородческой политики, политики игнорирования как мнения самого населения, так и его жизненных интересов... Превышение власти — это принцип инородческой политики русской власти».¹²⁹

Восстание 1916 года занимает особое место в истории многовекового национально-освободительного движения казахского народа. В условиях Первой мировой войны общепризнанные руководители восстания А. Жанбосынов, А. Иманов, Ж. Мамбетов, У. Саурыков, Б. Ашекеев, О. Шолаков, А. Жунусов, К. Кокембаев, И. Курманов, Т. Орысов, Ж. Кудайбергенов, С. Канаев, М. Узакбаев, А. Султанбеков и др., политические наставники восставших Т. Бокин, Т. Рыскулов, С. Мендешев, А. Жангельдин, Б. Аламанов и другие подняли народ на борьбу за независимость, которую вели в свое время Сырым Датов, Исатай Тайманов, Махамбет Утемисов, Жанхожа Нурмухамедов, Кенесары и Наурызбай Касымовы, Байзак Мамбетов и др. Впервые после национально-освободительного движения под руководством Кенесары Касымова восстание 1916 года имело всеказахский характер, охватив в различной степени все регионы обширного края. Отличительной особенностью восстания 1916 года являлось и то, что в ряде районов края (главным образом на юге и юго-востоке Казахстана) в нем наряду с казахами участвовали представители кыргызского, уйгурского, узбекского и других народов. В некоторых приграничных районах восставшие казахи и кыргызы организовали совместные районы сопротивления царским карателям (например, район Каркары (Казахстан) и Каракола (Кыргызстан), стык Аулиеатинского уезда (Казахстан) и Пишпекского (Кыргызстан) и др.).

Восстание имело антиколониальную и антиимпериалистическую направленность, классовый момент (борьба против байской верхушки аула) был второстепенным по сравнению с главной задачей восстания — национального и политического освобождения народа из-под колониального ига. В ряде мест и на определенном этапе восстание переросло в народную войну (в отдельных его очагах в Семиреченской и Тургайской областях).

Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане и Средней Азии способствовало дальнейшему обострению политического и социально-экономического кризиса в Российской империи в целом.

Оно в значительной степени расшатало систему военно-феодалного и военно-колониального правления в России и являлось составной частью, одним из звеньев все разгоравшегося в начале XX века национально-освободительного движения колониальных народов Востока против империалистического ига.

5. АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В КАЗАХСТАНЕ

Общественно-политическая жизнь Казахстана во время Первой мировой войны претерпела в рассматриваемый период значительные изменения в связи с пребыванием в крае австро-венгерских и германских военнопленных. Важность освещения вопроса, помимо других обстоятельств, объясняется тем, что из этой среды впоследствии вышло немало известных людей которые в дальнейшем приняли активное участие в гражданской войне. Многие из них вошли в отряды бойцов Красной Армии или ее противников, влившись в ряды только что организованных на местах отрядов национальных вооруженных формирований, остро нуждавшихся в опытных военных инструкторах, способных терпеливо учить военному делу тысячи вчерашних кочевников, с жаром кинувшихся в огонь страшных батальей, которыми был охвачен и обширный Казахский край. Без учета этого фактора, каким нам представляется роль и место военнопленных Тройственного союза в жизни Казахстана той поры, трудно уяснить себе своеобразие политической жизни колониальной окраины, которое внесли они с момента начала первой мировой войны, невольно оказавшись в регионе и тогда отличавшимся чрезвычайно пестрым составом населения.

Кровопролитные сражения на фронтах сразу же вызвали огромный поток военнопленных, которых особенно много направляли в уездные центры и прежде всего Степного края – Омск, Акмолинск, Павлодар, Семипалатинск. По данным за декабрь 1914 года, уже тогда только в г. Омске скопилось до 2000 военнопленных различных национальностей. Среди них оказалось много уроженцев Галиции, а также турок, попавших в русский плен на Кавказском фронте.¹³⁰ В журнале общего присутствия Акмолинского областного правления за 28 января 1915 г. численность пленных, размещенных в 155 селениях одноименной области, была определена в 22 200 человек.¹³¹ Итоги однодневной переписи военнопленных, произведенной 28 февраля 1915 г., определяют их численность следующим образом: в городах Зайсане, Павлодаре, Семипалатинске, Усть-Каменогорске – 7490 человек, в селениях Акмолинской области – 8612.¹³² К этому следует прибавить военнопленных, размещенных в селениях Туркестанского военного округа, которому в военно-административном отношении подчинялись южные районы Казахстана и Жетысу.¹³³ В донесении начальника военных поселений туркестанскому генерал-губернатору от 2 апреля 1915 г. констатируется, что в 37 поселениях одноименного военного округа было расквартировано 139 374 «нижних чинов»,¹³⁴ 1882 офицера, а к марту 1917 г. их осталось 41 285 военных, из них 1764 офицера и 39 521 солдат.¹³⁵

Первые партии военнопленных прибыли в Западную Сибирь и северо-восточные районы Казахстана в августе 1914 г., среди них преобладали

австро-венгерские подданные. В начальный этап войны (до весны 1915 г.) для приема и размещения военнопленных специальных лагерей создано не было. Людей размещали в сараях, гоняли с места на место. Смертность пленным была значительной. Некоторые наслех созданных лагеря пользовались среди невольных пришельцев зловещей репутацией. Так, Троицкий лагерь, находившийся между Челябинском и Кустанаем, получил недоброе название «лагерь мертвецов».

Постепенно для приема военнопленных в Казахстане стали выделяться специальные помещения, спешно создавались лагеря. Но, как сообщал генерал-губернатор Степного края К. А. Сухомлинов Генеральному штабу Русской армии, в августе 1914 г. в наиболее крупном поселении Степного генерал-губернаторства — Омске для расквартирования пленных всего было подготовлено 27 помещений, которые могли вместить всего 1716 человек.¹³⁶

31 декабря 1914 года начальник омской местной бригады уведомил акмолинского областного губернатора о решении Главного управления Генерального штаба о временном прекращении отправки военнопленных в Иркутский военный округ — впредь до особого распоряжения, ранее выдворенных в городах Омске и Петропавловске дозволялось размещать в крайнем случае «по обывательским квартирам», дабы освобожденные ими помещения занимали австро-венгерские пленные.

Разнообразным был национальный состав военнопленных. Большую часть размещенных на территории Акмолинской и Семипалатинской областей составляли лица славянского происхождения. По данным за 20 ноября 1915 г. в Петропавловске из 3986 военнопленных лица славянского происхождения составляли 663 человека.¹³⁷ Правда, этническая дифференциация славян в источниках не обозначена. Среди военнопленных часто упоминаются румыны, турки, итальянцы, немцы, мадьяры. В числе офицеров заметно преобладают лица германо-венгерского происхождения. В рапорте начальника акмолинской местной команды губернатору области от 23 декабря 1915 г. число офицеров обозначено в 115 человек, из них немцев 64, венгров — 51.¹³⁸

Положение военнопленных и отношение к ним местного военно-колонизального аппарата и трудового населения были неоднозначными. Царская администрация препятствовала установлению контактов между военнопленными и жителями городов и других селений. 20 сентября 1914 года начальник штаба Омского военного округа в предписании начальникам гарнизонов Усть-Каменогорска, Барнаула, Семипалатинска и Павлодара обязал принять строжайшие меры с целью исключить общение военнопленных с местными жителями, не допускать посещения ими общественных собраний и клубов даже для обедов и ужинов, опасаясь, что в подобных условиях местные обыватели «часто откровенно и вслух делятся своими мыслями и впечатлениями на разнообразные темы переживаемых военных и политических событий, о которых неудобно и не в интересах государства осведомлять наших врагов».¹³⁹

В обязанности комендантов городов, помимо других функций, входило «держат в строгой дисциплине и порядке пленных, допуская выпуск из казармы в исключительных случаях, не иначе как с небольшими командами» под руководством австрийских и германских унтер-офицеров при сопровождении солдат местной охраны с ружьем.¹⁴⁰ Предметом особой

заботы жандармов было присматривать за пленными офицерами и нижними чинами, которые могли распространять «заведомо ложные слухи» и следить за разговорами среди русского населения, могущего дискредитировать войска в глазах общественности. От австро-венгерских и германских пленных офицеров местные власти добивались соблюдения установленных для них правил и требования «быть крайне осторожными в своих суждениях»,¹⁴¹ призывали «охранять честь своей Родины и мундира...».¹⁴²

Невзирая на строгие инструкции, военнопленные пользовались некоторой свободой передвижения, находя возможности участвовать в культурно-зрелищных мероприятиях. В данной связи генерал-губернатор Степного края строго предписал «совершенно ограничить ту свободу, которой пользуются военнопленные».¹⁴³ Поводом к тому послужила корреспонденция из города Павлодара, опубликованная в газете «Омский телеграф».¹⁴⁴ 30 января 1915 г. во время маскарада в здании Общественного собрания города появилась маска с надписью «Вильгельм» (германский кайзер. — *Ред.*), что ночью с фонарем ищет себе союзников подобно Диогену (древнегреческий философ. — *Ред.*), который искал человека.¹⁴⁵ Приглашенные на вечер в качестве музыкантов балльного оркестра пленные австрийцы потребовали удалить маску или снять с нее надпись «Вильгельм», в противном случае угрожая прекратить музыку. Генерал-губернатор указал на «неуместность» уступчивости старшины Павлодарского общественного собрания, «подчинившегося требованию пленного неприятеля».¹⁴⁶ «В противоположность таким уступкам, — отмечалось в той же корреспонденции, — немецкие военные власти Данцига (ныне польский город Гданьск. — *Ред.*), наложили запрет жителям города разговаривать с русскими военнопленными, запугивая ослушников годом тюремного заключения».¹⁴⁷

Однако угрозы властей, строгие распоряжения, направленные на изоляцию пленных от местных жителей, игра на чувствах жителей не возымели успеха. Между военнопленными и местным населением постепенно сложились теплые отношения доверия. Велико было желание простых людей разузнать истинное положение на фронтах, поделиться своими мыслями с недавними участниками боевых действий. Панславистские побуждения местной буржуазии и первоначальный «патриотический» угар среди имущих слоев горожан привели к тому, что военнопленные славянского происхождения: словаки, сербы, поляки и другие — в далеком Казахстане пользовались рядом льгот.¹⁴⁸ при условии их лояльности к российским властям и взятии на поруки им разрешалось даже вступить в брак с русскими женщинами.¹⁴⁹

«Пленные славяне продолжают прочно входить в местную жизнь. Несомненно, населению, особенно сельскому, очень нравится их вежливое отношение к окружающим. Пан и пани — всегда на устах пленного, и в общем контакты пленных и населения самые добродушные», — так охарактеризовывались взаимоотношения между местными жителями и пленными славянского происхождения.¹⁵⁰ Подобные явления в условиях войны вызывали и обратную реакцию. Тенденция к сближению горожан с пленными обусловила и тревогу командующего Омским военным округом, в «особом распоряжении» обратившего внимание комендантов городов на вольное поведение военнопленных, проявившееся в посещении квартир городских жителей, «обсуждений газетных и типографических

известий, касаясь при этом действий наших армий и военных событий». ¹⁵¹ Командующий предписывал начальникам гарнизонов пресечь «подобную распушенность» среди них.

Складывавшаяся в стране на фоне пораженческих настроений революционная ситуация постепенно охватывала и обширный Казахстан. С мобилизацией на фронт, тыловые работы большей части трудоспособного населения тысячи семей остались без кормильцев, привлечение военнопленных в хозяйственную сферу не могло поправить всеобщую разруху; бедственное положение в экономике края, острая нужда в предметах первой необходимости, перебои снабжения горожан продуктами питания крайне обострили социальные противоречия. Дороговизна, продовольственный хаос, нараставший по стране, значительно осложнили тяжести войны. Уже в октябре 1915 г. из обследованных 659 городов империи 500, т.е. 75%, испытывали острую нужду в продовольствии. Местные органы самоуправления, будучи бессильны перед лицом растущей спекуляции, дефицита, оказались под сильным влиянием предприимчивых дельцов. ¹⁵² Дороговизна, прогрессирующая с каждым днем, крайне усугубила и без того невыносимые условия жизни бедствующих, побуждала их к открытым протестам.

Газета «Сибирский телеграф» осенью 1915 г. поместила на своих страницах цены на некоторые продукты питания, свидетельствующие о резком повышении для тех времен дороговизны: мука-сеянка продавалась от 70 до 90 копеек за пуд, пшеница — 45—75 копеек, овес — 40—55 копеек, мясо привозное, скотское — от 2 до 3 рублей за пуд, свиное — 3 руб. 20 коп. — 3 руб. 50 коп. ¹⁵³

В многочисленных лагерях пленных, разбросанных по городам Казахстана, все более обострялись социальные отношения, скрывавшиеся под лозунгом «защиты святого Отечества от большевистских захватчиков», и в них не могли не слышать о страшных последствиях разброда действующей армии, развала фронта. Совместный труд на предприятиях, в сельском хозяйстве, общение военнопленных с местными жителями все больше сближали их, убеждали в общности общеполитических интересов угнетенных, тем более что среди военнопленных большинство по социальному происхождению являлись выходцами из крестьян, рабочих и ремесленников, переодетых в солдатские шинели. Кроме того, будучи в плену, концлагерях, соприкасаясь с жизнью коренных жителей, они воочию убеждались в тяжелом материальном и бесправном их положении. С течением времени «патриотические в отношении своей страны настроения среди бывших солдат неприятеля» стали также изживать и все явственней в сознании преобладающей части их стала пробуждаться политическая солидарность.

Протест военнопленных против невыносимых условий жизни и грубого обращения с ними неизбежно побуждал их к мысли о необходимости организации забастовок. Первое выступление военнопленных на территории Казахстана, в котором принял участие 60 человек, произошло в самый разгар военных действий — в мае 1915 г. на Рыддерском руднике. ¹⁵⁴ В октябре того же года волнения военнопленных имели место в Казалинском лагере, где находилось около 3 тыс. военнопленных австро-венгерской армии. ¹⁵⁵ Охрана открыла стрельбу, были убитые и раненые.

Всего в ходе империалистической бойни в царской России оказалось около 2 млн военнопленных — солдат Тройственного союза.

Из-за частого колебания контингента пленных не представляется возможным более или менее точно определить их численность. Этим и объясняется наличие расхожих мнений по этому вопросу. Зарубежные авторы — А. Браун, Ф. Бейли и др. утверждают, что от болезней и голода, тяжелых условий жизни уже в 1916 году в Туркестане погибло свыше половины из 20 тысяч военнопленных и в ходе силового установления на местах Советской власти, массовая гибель военнопленных продолжалась, и к 1918 г. в Средней Азии (часть зарубежных авторов под историко-географическим понятием «Средняя Азия» применительно к досоветскому периоду традиционно подразумевают и Казахстан. — *Ред.*) их осталось не более 33–38 тыс. человек.¹⁵⁶ Правда, подобные сведения не находят документального подкрепления и эти данные могут быть приняты как предварительная информация, нуждающаяся в поиске и в выявлении новейших более достоверных источников.

Революционные события, развертывавшиеся в центральных губерниях империи, в подготовке и агитации которых среди населения большевики имели колоссальный практический опыт, пробудили классовое сознание и военнопленных, ускорили процесс размежевания по мотивам их социального происхождения, привели к осознанию пагубных последствий кровавой бойни на фронтах. Восстание же 1916 г., начавшееся как высшая форма протеста против продолжения военных действий и привлечения «инородцев» на тыловые работы, подтверждало в целом тот общеизвестный факт о сильно пошатнувшейся позиции петербургского двора на национальных окраинах крупнейшей в Евразии колониальной сухопутной империи.

Ученые не располагают архивными или другими печатными данными о контактах военнопленных с радикально настроенными представителями национально-демократической интеллигенции. Они допускают факт подобного общения, имея в виду многочисленные случаи наема рабочих в хозяйства зажиточных скотопромышленников из числа военнопленных, когда аулы вновь зарождающейся прослойки крупных скотовладельцев нередко посещала и городская интеллигенция.

Существенные перемены произошли в жизни бывших военнослужащих Тройственного союза после победы Февральской революции. Пленные, расквартированные в Омске, Семипалатинске, Акмолинске, добились прав на свободное передвижение и некоторое повышение платы за работу по найму. В советской исторической науке в одно время бытовала точка зрения, согласно которой положение их несколько драматизировалось, имело место утверждение о значительном ухудшении их повседневной жизни. Такое, к примеру, мнение было высказано еще в 1930-х годах Л. Шнейдером. Однако, оно не получило необходимой аргументации в дальнейшем.¹⁵⁷

Росту политической активности массы пленных благоприятствовало создание польских, болгарских, сербских и других социал-демократических ячеек. Активисты из числа военнопленных, как правило, выступали организаторами местных большевиков, изо всех сил стремившихся держать их под своим влиянием.¹⁵⁸ В Оренбурге и Омске социал-демократические организации создавались при поддержке большевиков.¹⁵⁹ Еще в апреле 1917 г. в Омске возникла группа социал-демократов Королевства Польского и Литвы, объединившая в своих рядах до 180 человек, часть которых

составляли пленные. Группа СДКПил придерживалась большевистской тактики.¹⁶⁰

В главном городе Степного края — Омске военнопленные социал-демократы на венгерском языке начали издавать газету «Революция». Также огромную политическую работу среди немецких и венгерских военнопленных вели Карл Томан, талантливый журналист, поэт Карой Лигети, в Семипалатинске — Феттер.¹⁶¹ В ряде казахстанских городов большевики, стремившиеся привлечь их на свою сторону, через Советы проводили трудно выполнимые решения о праве контроля со стороны Советов за действиями представителей Временного правительства по реализации труда военнопленных, что было использовано коммунистами для его дискредитации; такие решения принимались в мае, июне 1917 г. Омским Советом рабочих и солдатских депутатов, Томским Советом солдатских депутатов.¹⁶² Судьбы бывших солдат и офицеров Тройственного союза в дальнейшем сложились по-разному. Одни военнопленные, испытывавшие влияние большевиков, как Карой Лигети, Иожеф Шотлай, Иштван Паллачек, Иожеф Шамоди видели в большевистских лозунгах близкое будущее своего отечества, другие, убедившись в демагогической сущности коммунистической пропаганды, мало понятной для коренных обитателей Казахстана, вернулись в свои страны, где с оружием в руках боролись против утверждения власти «всемирной революции».

6. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В КАЗАХСТАНЕ

Экономическая разруха и поражение русских войск на фронтах продолжавшейся империалистической войны, а также рост рабочего и аграрного движения в стране, в том числе и восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г., несмотря на их поражения, свидетельствовали о том, что Россия находится на грани грандиозной катастрофы. Все это было выражением революционного кризиса в России, когда демократические силы, в том числе и рабочий класс, и крестьянство, готовились к решающему штурму против царизма. Тесную связь растущего революционного движения трудящихся Казахстана с общероссийскими событиями тех дней правильно характеризует признание илецкого жандарма, который 19 января 1917 г., писал, что «настроение у рабочих (Оренбургско-Ташкентской ж.д. — *Ред.*) вообще в настоящее время крайне нервное и повышенное, что находится исключительно в связи с переживаемым ныне (Россией. — *Ред.*) политическим моментом».¹⁶³

В феврале 1917 г. в России победила буржуазно-демократическая революция, свергнувшая ненавистный народу царизм.

Своеобразие обстановки после Февральской революции в России заключалось в двоевластии в лице Временного правительства — органа буржуазии и обуржуазившихся помещиков и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — органа рабочего класса, крестьянства и солдат. В Петроградском Совете и в большинстве других Советов преобладали меньшевики и эсеры, а большевики были в меньшинстве. Из 2 тыс. депутатов Петроградского Совета (март 1917 г.) представителями рабочих были 844 чел., а остальные — солдат, значительную часть которых состав-

ляли крестьяне. Большевистская фракция Совета насчитывала всего 50 чел. Председателем исполкома Совета был избран лидер меньшевистской фракции в Государственной Думе Н. С. Чхеидзе, а его заместителями — меньшевик М. И. Скобелев и эсер А. Ф. Керенский. Временное правительство было создано на основе соглашения между Временным комитетом Государственной Думы и лидерами Петроградского Совета. Председателем Совета министров стал крупный помещик князь Г. Е. Львов, а министрами — кадеты, октябристы и представители других буржуазных партий. В правительство вошел только один эсер А. Ф. Керенский, который стал министром юстиции.¹⁶⁴

Весть о февральских событиях в Петрограде быстро долетела и до трудящихся Казахстана, которые с воодушевлением восприняли свержение царизма. Она быстро, на другой же день, по телеграфу распространилась по всей Средней Азии и Казахстану, сперва в центрах Туркестанского и Степного генерал-губернаторств — Ташкенте и Омске, а потом во всех областных и уездных городах. Попытки старой колониальной администрации скрыть от местного населения эти события провалились, тем не менее она в лице генерал-губернатора Туркестана Куропаткина и других стремилась революционное движение масс направить в русло «спокойствия и порядка».

Широкие слои населения Казахстана приветствовали свержение российского царя Николая II и восприняли Февральскую революцию с надеждой на крупные политические и экономические перемены, связывая с ней исполнение своих вековых желаний и решение назревших национальных и социальных проблем. Общественно-политическая активность населения значительно возросла, во многих городах и на железнодорожных станциях стихийно возникали митинги, демонстрации и собрания, в которых принимали участие рабочие, солдаты, интеллигенты, предприниматели и представители других слоев края. Из тюрем освобождались политические заключенные. В Петроград, в большинстве случаев в адрес Государственной Думы и Временного правительства, отправлялись телеграммы и письма с приветствием свержения царя и поддержкой нового режима. Таковы телеграммы казахов ряда волостей Аулие-Атинского уезда, волости № 2 Иргизского уезда, Джаландинской волости Кокчетавского уезда, из Каргаташской волости Уральской области и т.д., а также солдат гарнизона г. Верного, «Союза республиканских офицеров» г. Семипалатинска и др. Посылались приветственные телеграммы и в адрес Петроградского Совета рабочих и вновь создававшихся Советов. Таковы телеграммы Совета рабочих и военных депутатов г. Омска, рабочих предприятий Экибастуза и др. Общее собрание представителей населения Чимкентского уезда послало приветственную телеграмму Временному правительству и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, где выражалась их решимость в дальнейшем сплотиться с рабочими и солдатами России.

Несмотря на всю социальную пестроту авторов этих телеграмм, почти все они, при разлуке в стране и поражениях российских войск на фронтах, высказывались за продолжение империалистической войны до победного конца, делая основной упор на внутренние демократические преобразования. Такие воинственные настроения наблюдались не только у зажиточной части переселенческого крестьянства, горожан, казачества, местных воинских частей, но и среди рабочих промышленных предприятий и

железных дорог. Так, например, отдельные группы железнодорожников ратовали за «победу там (т.е. на войне. — *Ред.*), а свободу — здесь». В апреле 1917 г. съезд служащих, мастеровых и рабочих ст. Казалинск постановил: «Ввиду тяжелого положения страны воздержаться от введения 8-часового рабочего дня до окончания войны».

Поэтому в первые же дни после Февраля 1917 г. движение народных масс Казахстана было направлено на слом ненавистного колониального аппарата, снятие и наказание наиболее одиозных его представителей. По инициативе Советов рабочих и солдатских депутатов, в особенности городских и железнодорожных рабочих, были отстранены от занимаемых должностей и арестованы в Уральске вице-губернатор области Мордвинов, начальник жандармерии Баблонов и др., в Омске — генерал-губернатор Западной Сибири Сухомлинов, в Петропавловске — земский и уездный начальники, чины жандармерии, некоторые офицеры местного гарнизона и др., в Оренбурге — тургайский губернатор М. М. Эверсман, в Верном — воинский начальник Карнаухов, уездный начальник Лиханов, прокурор окружного суда Бахружев и др. В марте—начале апреля 1917 г. были арестованы или смещены почти все военные губернаторы областей Казахстана и начальники уездов. Только генерал-губернатору Туркестанского края Куропаткину, при котором комиссар Временного правительства, член Государственной Думы князь Васильчиков имел совещательный голос, различными тактическими уловками удалось удержаться у власти до конца марта 1917 г., 30 марта 1917 г. он был смещен со своего поста совместными усилиями Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета мусульманских депутатов (Шуро-и ислами), а также крестьянских союзов Ташкентского и Голодностепского районов, которых поддерживали местные рабочие, солдаты и широкие массы коренного населения. Вместе с ними были смещены его помощник генерал Ерофеев, начальник штаба округа генерал Сиверс и др., все это закончилось упразднением всего аппарата колониальной администрации царизма в Туркестане. Это явилось крупной победой демократических сил не только Средней Азии, но и Казахстана.

Временное правительство приступило к созданию органов власти на местах. Вместо упраздненной администрации 7 апреля был образован Туркестанский комитет, на который Временное правительство возлагало установление «прочного порядка и устройства Туркестанского края», куда кроме Ферганской и Самаркандской областей входили Сырдарьинская и Семиреченская области, охватывавшие южные районы Казахстана, а также Закаспийская область, куда входил Мангышлакский уезд. В Туркестанский комитет, председателем которого стал кадет, член Государственной Думы Н.Н. Щепкин, от Казахстана вошли лидеры национально-освободительного движения Алихан Букейханов и Мухамеджан Тынышпаев.¹⁶⁵ В области и уезды назначались комиссары Временного правительства и т.д.

Но возрастающая политическая активность широких масс привела к созданию различных комитетов (общественных, гражданских, коалиционных и комитетов общественной безопасности и др.), через которые они стремились участвовать в управлении государственными делами на местах. Эти комитеты возникали как по требованию революционных ми-

тингов и собраний, так и по инициативе городских дум и общественных организаций и др. 2 марта 1917 г. создан Омский коалиционный комитет, учредители которого — руководители военно-промышленных комитетов, биржевых комитетов, союза городов, крупных кооператоров, партий «народной свободы», народных социалистов, эсеров и социал-демократов, а также рабочих отказались от сотрудничества с Городской думой, стремившейся стать здесь единственным органом власти.¹⁶⁶ 4 марта в Петропавловске был создан Временный комитет общественной безопасности, позднее преобразованный в Исполнительный комитет. 5 марта 1917 г. представители Городской думы, военно-промышленного комитета, купечества, офицерства, чиновничества и др. образовали в Семипалатинске областной исполнительный комитет общественных организаций и армии. В Кокчетаве возник уездный коалиционный комитет, в Петропавловске — Временный комитет безопасности, позднее преобразованный в Исполнительный, в Кустанае — общественная комиссия, в Актюбинске — гражданский комитет, в Уральске и Верном — Временный исполнительный комитет и др. Большинство этих комитетов поддерживало Временное правительство, сотрудничало с местными органами, хотя и боролось за свои интересы в практических вопросах.¹⁶⁷ Казачество и воинские части, расположенные в Казахстане, также поддерживали Временное правительство, гарнизоны Чимкента, Туркестана, Казалинска, Верного, Лепсинска и др. городов присягнули на верность Временному правительству.¹⁶⁸ Туркестанский комитет стремился к расширению своей социальной базы и в этих целях использовал работу делегатов съезда исполнительных комитетов Туркестанского края, состоявшегося 9–16 апреля 1917 г. в Ташкенте. На нем присутствовал 171 делегат из областей края (в том числе из Сырдарьинской и Семиреченской) и Бухарского ханства. Деятельность съезда, проходившего под председательством М. Тынышпаева, а потом Н. Щепкина, сыграла определенную роль в демократизации общественно-политической жизни многонационального края.¹⁶⁹

Казахское население, в особенности национальная интеллигенция, с самого начала Февральской революции приветствовало свержение царизма и оказывало всяческую поддержку Временному правительству, его комиссарам и местным органам. Этому способствовали и некоторые меры Временного правительства по демобилизации «инородцев» на тыловые работы. 14 марта 1917 г. была приостановлена их мобилизация, а через месяц принято решение об их демобилизации.¹⁷⁰ В первые же дни после Февральской революции газета «Казах» опубликовала телеграмму из Минска 15 казахских интеллигентов во главе А. Букейхановым, М. Дулатовым, М. Есболовым, Т. Жаманмурыновым и целым рядом видных казахов, работавшими в Инородческом отделе при комитете Земсоюза на Западном фронте, адресованную в 25 центров Казахстана и отдельным известным среди казахов личностям: Тынышпаеву — в Чимкенте; Кусемисову и Тлеулину — в Петропавловске; Турлыбаеву — в Омске, Сатбаеву (Абике) — в Павлодаре; Марсекову и Кунанбаеву Турагулу — в Семипалатинске; Акпаеву, Смахану Букейханову и Хасену Акаеву — в Каркаралинске; Халелу Досмухамедову — в Уиле; Шонанову — в Иргизе; Акаеву — в Коканде; Кожыкову — в Андижане; Алмасову, Каралдину и Токбаеву в Тургае и др. В ней казахов призывали к поддержке Временного правительства,

подготовке к Учредительному собранию, чтобы добиться установления демократической республики в стране и бороться за национальную автономию в составе новой, свободной России. Красной нитью проходил призыв к единству.¹⁷¹ Эта позиция национальной интеллигенции после Февраля 1917 г. подтверждается и другим лидером движения «Алаш» А. Байтурсиновым, который в 1919 г. писал, что «Февральская революция была правильно понята и с радостью встречена киргизами потому, что во-первых, она освобождала их от гнета и насилий царского правительства, и, во-вторых, поддержала у них надежду осуществить свою заветную мечту — управлять самостоятельно».¹⁷²

В первые же дни после революции по примеру общественных и других комитетов, представлявших широкие слои в основном русского населения, по инициативе газеты «Казах» и национальной интеллигенции, начались создаваться казахские областные, уездные и волостные комитеты.

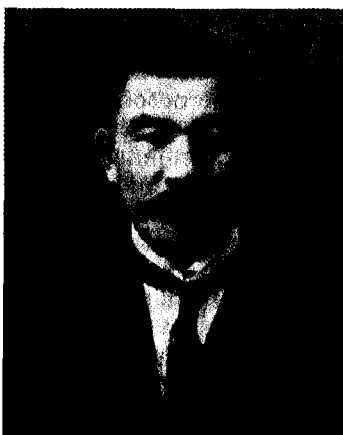
Областные казахские комитеты были созданы в соответствующих центрах: 10 марта 1917 г. — в Уральске (председатель Г. Алибеков); 11 марта — в Семипалатинске (председатель — Р. Марсеков) и в Омске (председатель — Е. Итбаев); в конце марта — в Верном (председатель — И. Жайнаков) и т.д.¹⁷³ Эти областные казахские комитеты, наряду с организацией соответствующих комитетов в уездах и волостях, сразу, при помощи газеты «Казах» приступили к подготовке областных съездов казахов, для чего создавались специальные комиссии, как, например, комиссия из 15 чел. во главе с Р. Марсековым по Семипалатинской области. Этим съездам, по замыслам их организаторов и редакции газеты «Казах», предстояло определить важнейшие политические, социально-экономические и культурные требования по расширению социальной базы этой борьбы и консолидации широких слоев казахского народа в борьбе за национальную автономию в рамках демократической, федеративной России. Областные казахские комитеты, наряду с подготовкой к съездам и организацией своих уездных и волостных органов, сотрудничали как с областными общественными и другими комитетами, так и с органами Временного правительства. Так, например, комиссарами Временного правительства стали: Алихан Букейханов — по Тургайской области, Мухамеджан Тынышпаев — по Семиреченской (вместе с эсером О. А. Шкапским). Эти же лидеры казахского национального движения были включены в состав Туркестанского комитета Временного правительства (в Ташкенте), хотя А. Букейханов, будучи в Тургайской области, не смог работать в этом комитете. В местных органах Временного правительства работали А. Байтурсинов, М. Чокаев, М. Дулатов, Ж. Досмухамедов, Х. Габбасов, Ж. Акпаев, С. Кадырбаев, С. Досжанов, А. Беремжанов, А. Козбагаров, Г. Куанышев, Б. Курметов, А. Кенесарин, М. Саматов, Р. Марсеков, Б. Майлыбаев, А. Турлыбаев и другие представители интеллигенции.¹⁷⁴ Казахские комитеты, как правило, делегировали своих членов в состав областных и уездных общественных, коалиционных и других комитетов, в начале возникновения состоявших, как уже отмечалось, преимущественно из представителей пришлого населения. Следует заметить, что среди последних было немало чиновников колониальной администрации, еще

не отказавшихся от взглядов и методов работы прежнего режима по отношению к коренному населению. От Уральского областного казахского комитета в состав Областного гражданского комитета вошли Д. Кусепғалиев, Г. Алибеков и депутат II Государственной Думы Б. Каратаев; в состав Омского коалиционного комитета был введен бывший член Государственной Думы А. Турлыбаев, он возглавил казахский отдел этого комитета, куда (в отдел) вошли также Жантасов, Мукучев и А. Б. Чунаев; в Тургайский областной гражданский комитет входили А. Байтурсынов, Н. Бегимбетов, С. Кадырбаев, М. Тунганчин.¹⁷⁵ В такой обстановке возросшей политической активности коренного населения, в особенности национальной интеллигенции, весной 1917 г. были проведены казахские областные съезды: Тургайский (г. Оренбург, 2–8 апреля, свыше 300 делегатов, председатель – А. Байтурсынов), Семиреченский (г. Верный, 12–13 апреля, 81 делегат, председатель – И. Жайнаков), Уральский (г. Уральск, 19–22 апреля, более 800 делегатов, председатель – Ж. Досмухамедов), Акмолинский (г. Омск, 25 апреля–5 мая, около 150 делегатов, председатель – А. Турлыбаев).¹⁷⁶ Эти съезды не только стремились определить стратегические задачи широких слоев казахского общества в борьбе за национальное освобождение, решение земельного вопроса, религиозных, культурно-общественных и других проблем, но пытались выработать тактические линии в достижении этих целей, указать своих союзников и противников и т.д. Все эти съезды, хотя и поддерживали Временное правительство и продолжение войны до победного конца, в своих решениях отразили основные политические, социально-экономические и культурные требования казахского населения после свержения царизма и в начавшейся демократизации России. Работе этих форумов тон задал Тургайский съезд, который был создан первым и его решения имели для них большое значение. Этот съезд отличался также более широким представительством: на нем присутствовали не только делегаты этой области, но и Акмолинской, Семипалатинской и Сырдарьинской областей, а также представители мусульманских организаций Татарии, Башкирии, Узбекистана, Оренбурга и др. На работу съезда решающее влияние оказывали А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, А. Калменов и другие деятели национально-освободительной борьбы, а также М. Чокаев, М. Жумабаев и другие молодые казахские интеллектуалы, благодаря чему в его решениях нашли свое отражение программные требования движения «Алаш». Тургайский съезд высказывался за демократическую, без централизации, парламентскую республику в России, созыв Учредительного собрания, прекращение высылки казахов с их родных мест, возвращение им земель, отнятых в переселенческий фонд, прекращение землеустроительных работ в Туркестанском крае, уравнение женщин в правах с мужчинами, развитие школьного образования и совместное обучение мальчиков и девочек, отделение церкви от государства и т.д. В решениях съезда нашли также отражение такие вопросы, как создание местных органов новой власти в лице гражданских комитетов, ликвидация института уездных комиссаров.

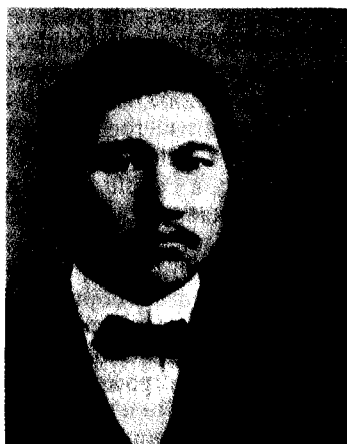
В целях объединения различных слоев коренного населения, определения и решения его требований, съезд постановил создать Всеказахский

А. Байтурсынов.

А. Букейханов.

М. Дулатов.

съезд и избрал организационное бюро для его созыва и подготовки программных документов. В организационное бюро вошли А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, С. Кадырбаев, О. Есенгулов, И. Алибеков, И. Турмуханбетов, К. Турымов. Съезд избрал делегатов на Всероссийский мусульманский съезд, который должен был состояться в мае в Москве. Съезд потребовал от Временного правительства создать специальную следственную комиссию по выявлению преступлений и наказанию карателей, участвовавших в подавлении восстания казахов в 1916 г. в Тургайской области.¹⁷⁷

Остальные областные съезды казахов, кроме общих для всех вопросов, обсуждали и свои местные дела и принимали иногда отличающиеся от других решения. Так, Семиреченский съезд в связи с обострением межнациональных отношений в регионе потребовал изъятия оружия у переселенцев, высказывался за нормализацию взаимоотношений между казахами и пришлым населением, особое внимание уделялось приему и размещению беженцев 1916 г., возвращавшихся из Китая, за назначение во всей системе управления в области двух комиссаров: одного русского и одного мусульманина и т.д.¹⁷⁸ Семиреченский съезд в отличие от Тургайского добивался не отделения церкви от государства, а требовал равенства религий, создания мусульманского духовного управления в Петрограде, а в пяти степных областях (Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской) создать особое духовное правление мусульман — «Казахстан». Уральский областной съезд казахов, поддержав основные решения Тургайского, высказался за подчинение областного духовного правления мусульман Оренбургскому муфтиату и избрал делегатов на Всероссийский мусульманский съезд из 10 чел., в том числе Ж. Досмухамедов, Г. Алибеков и др. Акмолинский съезд уделял внимание также положению женщин и рабочих.

Семипалатинский съезд более четко высказался за казахскую автономию в со-

стве Российской Федеративной демократической республики. К сожалению, ни один из этих съездов, ввиду политической и экономической отсталости Казахстана, в особенности слабости национально-освободительного движения и его социальной базы, не смог выдвинуть требования о немедленном осуществлении права на самоуправление вплоть до отделения в самостоятельное государство, решение же об автономии, как и аграрного вопроса, оставляли Учредительному собранию. Тем не менее, эти съезды сделали многое для выработки требований по важнейшим для казахского народа вопросам и сыграли большую роль в объединении его широких слоев для борьбы за решение своих насущных задач.

Весна 1917 г. ознаменовалась также политической активизацией и других, значительных по численности этнических, социальных и религиозных групп населения Казахстана. 19 марта в Верном образовался общемусульманский комитет — Курултай, который поддерживал Временное правительство и претендовал на руководство казахами, татарами, кыргызами, уйгурами и дунганами Жетысу. Его возглавил купец З. Таваринов. В марте в г. Семипалатинске также был создан Мусульманский комитет, состоявший из предпринимателей, чиновников и интеллигентов.¹⁷⁹ Создавались также татарские, дунгано-уйгурские комитеты, а в переселенческих крестьянских селениях — сельские комитеты. В областях и уездах возникли казачьи комитеты — органы верхушки казачьих станиц. Первый Семиреченский казачий съезд (апрель 1917 г.) поддержал Временное правительство и продолжение войны «до победного конца». «Союз республиканских офицеров» Семипалатинска, организованный 27 марта 1917 г., также принял подобное решение.¹⁸⁰

Таким образом, возникшие после свержения царизма почти все общественные организации различных этнических, религиозных и социальных групп населения Казахстана поддерживали Временное правительство и продолжение войны до победного конца, были созданы краевые, областные и уездные органы Временного правительства, а на местах остались прежние волостные правители, аульные старшины, сельские старосты и казачьи атаманы и т.д.

Наряду с местными органами Временного правительства, как проявление установившегося в центре и других регионах страны двоевластия, и в Казахстане стали возникать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Начало их созданию положили мартовские митинги, собрания и демонстрации в городах, на железнодорожных линиях и промышленных предприятиях края. В начале марта в Оренбурге, Ташкенте и Омске прошли выборы в Советы и состоялись первые их заседания, что имело важное значение для распространения влияния последних на всю территорию Казахстана. Созданию Советов предшествовали выборы их депутатов. Так, например, в Семипалатинске 6 марта 1917 г. состоялись организационные собрания рабочих и служащих пароходства, а также рабочих по профессиям, на которых были избраны депутаты в городской Совет, а 9 марта — собрание рабочих и служащих Затона (400 чел.); на нем избрали 9 депутатов; в Верном 9—11 марта прошли выборы делегатов в Совет рабочих депутатов (21 чел.). Первое организационное заседание Петропавловского совета рабочих депутатов состоялось 5 марта, Семипалатинского — 11 марта, Верненского — 12 марта и т.д. В марте 1917 г. Советы рабочих депутатов

образовались на Спасских предприятиях, куда входили Карагандинские каменноугольные копи, Спасский медеплавильный завод, Сары-Суйская обогатительная фабрика и Успенский рудник в Экибастузе, на нефтепромыслах Доссор, в Перовске, Казалинске, Актюбинске. Советы солдатских депутатов возникли в Семипалатинске, Верном, Петропавловске, Перовске, Чимкенте, Аулие-Ате, Зайсане, Кокчетаве, казачьих станицах и др. Вскоре Советы рабочих и Советы солдатских депутатов объединились в один Совет, как это произошло в Верном, Семипалатинске, Петропавловске, Перовске, Экибастузе и т.д. В Казалинске, Акмолинске и других городах с самого начала возникли объединенные Советы рабочих и солдатских депутатов.¹⁸¹ Наиболее крупными и активными были Советы Оренбурга, Петропавловска, Перовска, Казалинска и других городов, расположенных на железнодорожных линиях, ибо рабочие и служащие последних представляли в Советах революционную прослойку. Так, например, в телеграмме из Актюбинска об организации Совета рабочих депутатов подчеркивалось, что железнодорожники, как самые сознательные, являются необходимым составным элементом его Исполнительного комитета.¹⁸²

Вскоре после Советов рабочих и солдатских депутатов начали создаваться Советы крестьянских депутатов, в организации которых большую роль сыграли Советы Оренбурга, Омска и Ташкента. Одним из первых Советов крестьянских депутатов явился Совет казахских депутатов Перовского уезда из 35 чел. во главе с Х. Ибрагимовым, созданный в конце марта 1917 г. Советы казахских депутатов возникли также в Аулиеатинском, Казалинском и других уездах. 7–15 апреля 1917 г. в Ташкенте прошел 1-й крестьянский съезд Советов Туркестана, в котором приняли участие представители Семиреченской и Сырдарьинской областей. Весной и летом 1917 г. были организованы Уральский областной, Акмолинский, Аулие-Атинский, Перовский, Павлодарский и другие уездные Советы, Семипалатинский областной Совет крестьянских и казачьих депутатов и др. В марте – апреле 1917 г. в Казахстане, по некоторым сведениям, функционировало более 25 Советов, из них 8 Советов рабочих депутатов, 9 – крестьянских, 7 – солдатских.¹⁸³

В Средней Азии и на юге Казахстана создавались Советы мусульманских депутатов. 16–21 апреля 1917 г. в Ташкенте состоялся I краевой (Туркестанский) съезд Советов мусульманских депутатов, который поддержал Временное правительство и признал лучшей формой управления Россией Федеративную демократическую республику при предоставлении широкой автономии Туркестану и другим национальным регионам. Съезд призвал к подготовке к Учредительному съезду и признанию программы мусульманской партии «Шуро- и ислами».

Все эти Советы депутатов от различных социальных, этнических и религиозных групп населения Казахстана в начале своей деятельности, хотя и поддерживали Временное правительство и продолжение войны до победного конца, тем не менее защищали интересы избравших их широких слоев населения. Советы рабочих и солдатских депутатов Омска и Ташкента руководили арестом и отстранением от руководства Степным и Туркестанским краями генерал-губернаторов Сухомлинова и Куропаткина, а Ташкентский Совет – снятием Н. Н. Щепкина с поста председателя Туркестанского комитета Временного правительства. Областные, городские

и уездные Советы рабочих и солдатских депутатов являлись инициаторами снятия семипалатинского, тургайского, уральского и других военных губернаторов, чинов полиции и жандармерии, уездных крестьянских начальников и других представителей колониальной администрации. Советы Верного, Аулие-Аты, Перовска, Семипалатинска, Гурьева и других городов принимали решение о введении 8-часового рабочего дня, занимались продовольственными и производственными вопросами, осуществляли меры по контролю за ценами на продукты питания, пресекали произвол предпринимателей над рабочими, снижение их заработной платы и т.д. По этим и другим вопросам между Советами рабочих и солдатских депутатов ряда городов и органами Временного правительства в лице областных и уездных комиссаров неоднократно происходили конфликты. В этой непрекращавшейся борьбе Советы часто брали верх, и их авторитет среди населения непрерывно рос. Это вынуждены были признать и органы Временного правительства, которые во многих случаях вынуждены были выполнять решения и требования Советов рабочих и солдатских депутатов.

В активизации общественно-политической жизни Казахстана после победы Февральской революции ведущую роль сыграли политические партии России, в особенности, их местные организации и группы. Либерально-демократическое движение было представлено в Казахстане кадетами («партией народной свободы», как они себя называли) и партией «Алаш». Организации кадетов возникли в марте-апреле 1917 г. в Семипалатинске (150 чел.), Петропавловске (60), Кустанае, Павлодаре, Уральске и Усть-Каменогорске и состояли в основном из промышленников, земельных собственников, купцов и интеллигентов.

18 марта 1917 г. собрание сторонников кадетов приняло решение об организации отделения партии в Семипалатинске, был избран его комитет из 20 чел. Здесь они выпускали ежедневную газету «Свободная речь». Будучи правительственной партией, кадеты рьяно поддерживали Временное правительство, продолжение войны до победного конца, выступали за высокие «государственные интересы», не учитывали нужды казахского населения и переселенческого крестьянства, отдавали предпочтение казачеству, вначале избегали открыто проявлять свое отношение к Советам.¹⁸⁴

Партия «Алаш», попытка создания которой относится еще к 1905 г., фактически сложилась уже к маю 1917 г., хотя официальное ее оформление произошло в декабре 1917 г. Костяк партии национально-освободительного движения составляли выходцы из различных слоев казахского общества, получившие европейское образование в различных учебных заведениях Петербурга, Москвы, Омска и других городов России, а также представители степной аристократии (бии, баи, муллы), учителя, переводчики, чиновники колониальной администрации и др. Слабость социальной базы, недостаточность опыта политической борьбы, организационная неопределенность и разбросанность местных отделений и членов по огромной территории края и т.д. заставляли партию «Алаш» искать союзников в кадетях, хотя политика последних по аграрному и национальному вопросам противоречила интересам казахского народа (кадеты выступали за сохранение частной собственности на землю и унитарное государственное устройство России и т.д.), идти на сближение с татарским, башкирским и другими тюркскими национальными и мусульманскими движениями, а на

местах, в уездах и городах, блокироваться с социалистическими партиями, в особенности, с правыми эсерами, меньшевиками и др. Прошедшие весной 1917 г. областные казахские съезды способствовали выработке программы партии, а делегаты этих съездов, как и члены областных, уездных и волостных казахских комитетов составляли социальную основу «Алаш». Количество членов партии, по неполным данным, достигло в 1917 г. около 5 тыс. человек, а газета «Казах» фактически являлась ее органом. Основу программы партии «Алаш» составляли решения I Всеказахского съезда (Оренбург, 21–28 июля 1917 г.), к этому времени она отошла от кадетов, произошел ее сдвиг влево, усилились связи с эсерами, которые руководили большинством местных Советов, а также со сторонниками автономии Сибири. Сближение с эсерами происходило на основе признания федерации, где в составе Сибири предполагалось самоопределение казахского народа. Партия «Алаш» значительно усилила свое влияние в казахском обществе, ускорилось развитие от культурного просветительства и оппозиционного либерализма к политической организации с четкими национально-государственными демократическими приоритетами.

На базе мусульманского движения образовалась партия «Шуро-и ислами» и возникли народные комитеты в Гурьеве, Семипалатинске, Актюбинске, Казалинске, Павлодаре, Верном, руководители которых стояли на близких к эсерам и меньшевикам позициях. Местные организации партии «Шуро-и ислами» в Казахстане, сформировавшейся на съезде в Ташкенте (апрель 1917 г.), были в Чимкенте, Аулие-Ате, Перовске, Казалинске и других городах, в них входили татарские, узбекские, казахские религиозные деятели и рядовые мусульмане, боровшиеся за равноправие ислама с православием, отмену религиозных ограничений, открытие исламских учебных заведений, разрешение паломничества в Мекку (хадж) и другие религиозные права и свободы.¹⁸⁵

В этот период казахская учащаяся молодежь учебных заведений Омска, Оренбурга, Ташкента, Семипалатинска и др. образовала молодежные кружки, организации, в которых в первое время занималась культурно-просветительскими проблемами. В 1915–1917 гг. были созданы молодежные организации «Еркін дала» («Свободная степь») в Оренбурге, «Бірлік» («Единство») в Омске, «Жас казак» («Молодой казах») в Уральске, «Үміт» («Надежда») в Троицке и др. городах, около 20 кружков и группировок, которые распространяли листовки, стихи на злободневные темы, устраивали вечера, дискуссии и т.д. Они не имели определенной программы, идеи и по социальному составу были неоднородные. Однако они искренне желали освободить казахский народ от национально-колониального гнета царизма, просвещения своего народа, стремились пробудить в сознании трудящихся идеи национальной консолидации, свободы и независимости.

Среди этих группировок и кружков наиболее радикальным и с революционной программой действий являлся организованный в Аулиеатинском уезде Тураром Рыскуловым «Революционный союз казахской молодежи». В состав союза входила передовая казахская интеллигенция, вышедшая из средних и малоимущих слоев казахского населения. В своей программе «Революционный союз казахской молодежи», анализируя общественно-политическую жизнь Казахстана при Временном правительстве, отмечал, что «Февральская революция... передала власть опять

в руки того же царского чиновничества и местного русского кулачества. Местный комитет Временного правительства, состоящий из этих элементов, вместо равноправного отношения к казахскому населению, поставил своей задачей угнетение и истребление казахского населения». Основную задачу «Революционный союз» видел в борьбе с Временным правительством, с засилием кулачества на местах, в борьбе против волостных, старшин и баев, сторонников Временного правительства и усиления агитации и просвещения среди масс казахского населения.¹⁸⁶

В Казахстане, начиная от краевых и областных центров до уездов, волостей и сел, развертывалась сеть эсеровских организаций и групп. Они были созданы в Петропавловске, Семипалатинске, Уральске, Казалинске, Павлодаре, Усть-Каменогорске, Актюбинске, Верном, Чимкенте, Аулие-Ате, Перовске, Туркестане, Гурьеве, Акмолинске, хотя различались между собой активностью. Эсеры Казахстана имели тесную связь с ЦК партии, их делегаты участвовали в Западно-Сибирской конференции и 3-м съезде партии (Москва, май 1917 г.). Популярными лозунги эсеров («Землю надо передать тем, кто ее обрабатывает» и т.д.), осуждение царизма, тормозившего развитие коренных народов Средней Азии, их выступления на крестьянских съездах о необходимости защиты интересов сельских тружеников и т.д. — все это плюс яростные нападки на большевиков и меньшевиков-интернационалистов, на В. И. Ленина усиливали их влияние на местах, — они оказались большинством в руководстве всех Советов Казахстана. Их ряды быстро выросли. В марте-апреле 1917 г. эсеровские организации насчитывали в своих рядах: в Петропавловске — более 200 чел., Семипалатинске — 300, Казалинске — 45 и т.д. Но поддержка внешней и внутренней политики Временного правительства, продолжения войны до победного конца, сопротивление введению 8-часового рабочего дня и других требований рабочих, солдат и крестьян и прочие непопулярные действия эсеров постепенно привели к снижению их влияния как в Советах, так и среди широких слоев населения, а их ряды не только перестали расти, а стали сокращаться, ибо многие стали выходить из этой партии.¹⁸⁷

В противовес эсерам в Казахстане постепенно росло влияние и увеличивались ряды членов другой партии социалистического направления — РСДРП, в которой меньшевики и большевики состояли в объединенных организациях, что сильно отличало их от многих регионов России. Только в Жетысу меньшевикам совместно с эсерами удалось создать «Объединенный социалистический союз» (апрель 1917 г., 40 чел.).

Март 1917 г. был месяцем выхода местных социал-демократов из подполья и развертывания их деятельности среди железнодорожников, городских рабочих и других слоев трудящихся. Их работой руководили социал-демократы Ташкента, Оренбурга и Омска. Ядро социал-демократических организаций этих административных центров, как и прежде, составляли железнодорожники, в первую очередь рабочие и мастерские из депо.¹⁸⁸ Организации РСДРП в Перовске, Казалинске, Актюбинске, Уральске, Петропавловске, Семипалатинске, Чимкенте и других городах и на железнодорожных станциях Казахстана были объединены: в них состояли как большевики, так и меньшевики.

Организаторами группы большевиков на ст. Казалинск были кадровые рабочие депо Р. П. Новицкий, В. И. Чекурнов и др. Эта группа имела

сильное влияние в Совете рабочих и солдатских депутатов: среди 60 членов Совета большевиков было 31 человек, эсеров — 19, меньшевиков — 5, анархистов — 1 и беспартийных — 4.¹⁸⁹

В Перовской объединенной организации РСДРП сложилась также сильная большевистская группа во главе с членом РСДРП с 1906 г., слесарем депо А. В. Червяковым. Ее ядро составляли рабочие депо ст. Перовск (В. Б. Агапов, Н. В. Виторский, С. П. Килячков, А. С. Крышев и др.).¹⁹⁰

Наиболее крупная большевистская группа действовала в Оренбургской объединенной организации РСДРП. В состав группы входили, главным образом, рабочие железнодорожных мастерских и депо ст. Оренбург.¹⁹¹ Возглавляли ее железнодорожники А. А. Коростелев, П. А. Кобозев и Д. П. Саликов.

Столь же крупной была группа большевиков и в Ташкентской объединенной организации РСДРП во главе с рабочим Н. В. Шумиловым. Только в начале марта в эту организацию вступило около 2000 человек. Значительную часть большевиков ташкентской организации составляли рабочие Главных железнодорожных мастерских Среднеазиатской железной дороги и Бородинских мастерских Ташкентской железной дороги (Ф. И. Колесов, Д. И. Манжара, А. Я. Першин, братья Казаковы, В. С. Ляпин, И. В. Серов и др.).¹⁹²

Омская объединенная организация РСДРП уже к середине апреля 1917 г. насчитывала в своих рядах около 1000 членов, издавала еженедельную газету «Рабочий», тираж ее делился в основном на три района, одним из них был железнодорожный — основная опора омских большевиков.¹⁹³

В Уральской объединенной организации РСДРП в апреле 1917 г. также образовалась большевистская группа во главе с машинистом паровоза Н. А. Покатиловым. Она имела большое влияние на железнодорожников Покровско-Уральского участка Рязанско-Уральской железной дороги.¹⁹⁴

Серьезным успехом Казахстана после победы Февральского рабочего движения было создание широкой сети профессиональных союзов, в оформлении которых большую роль сыграли Учредительный съезд железнодорожников Оренбургско-Ташкентской железной дороги и 1-й съезд рабочих и служащих Омской железной дороги. Последний проходил в г. Омске с 28 апреля по 7 мая 1917 г., на нем присутствовали 174 делегата с правом решающего голоса. Съезд обсудил ряд политических и экономических вопросов: об отношении к Временному правительству и войне, о 8-часовом рабочем дне, об отношении к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, о борьбе с контрреволюцией, об отношении к Учредительному собранию, о пенсионном обеспечении и др. По ряду вопросов были приняты резолюции большевиков.¹⁹⁵

В начале мая 1917 г. в г. Верном образовался объединенный Союз мусульманских рабочих, в июле возник Союз чернорабочих, куда вошли многие рабочие-казахи, возвратившиеся с тыловых работ. Здесь был создан также Союз строительных рабочих. Летом в Омске функционировали 25 профсоюзных организаций, объединивших 20 тыс. чел., а в Семипалатинске — 11 с 3 тыс. членов — рабочих города.¹⁹⁶

В апреле 1917 г. важные события развернулись на Оренбургско-Ташкентской железной дороге, где по требованию железнодорожников были отстранены от занимаемых должностей начальник дороги, началь-

ник службы движения и другие представители администрации.¹⁹⁷ Был создан Временный организационный железнодорожный комитет, который 8 апреля избрал временным комиссаром дороги большевика П. А. Кобозева, приступившего тогда же к исполнению обязанностей ее начальника.¹⁹⁸ В телеграмме в Петроград, МПС и по всей линии выборные представители от 14 тыс. служащих, мастеровых и рабочих всех 15 районов Оренбургско-Ташкентской железной дороги 12 апреля 1917 г. подчеркивали, что они «приветствуют избрание инженера Кобозева на должность временного комиссара нашей дороги».¹⁹⁹ О поддержке П. А. Кобозева телеграфировали местные комитеты ст. Сырт, общее собрание мастеровых и рабочих депо ст. Оренбург, Челкарский, Ташкентский Советы рабочих депутатов и др.²⁰⁰ В поддержку большевика П. А. Кобозева как начальника дороги выступили все местные профсоюзные организации Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Учредительный съезд профсоюза железнодорожников этой линии, проходивший в конце апреля 1917 г. в Оренбурге, большинством голосов высказался за избрание временного комиссара дороги П. А. Кобозева постоянным ее начальником и 28 апреля телеграфировал об этом Петроградскому и Оренбургскому Советам и местным железнодорожным комитетам.²⁰¹ Руководство Ташкентской железной дороги фактически весь апрель и вплоть до середины мая 1917 г. находилось в руках Временного железнодорожного комитета и избранного им начальника дороги П. А. Кобозева. С 14 по 20 апреля 1917 г. П. А. Кобозев совместно с выборными представителями районов дороги совершил поездку из Оренбурга в Ташкент. На крупных станциях он выступал перед железнодорожниками, подвергал критике империалистическую войну и Временное правительство. Избрание Кобозева начальником дороги и деятельность Временного железнодорожного комитета были своеобразной попыткой ввести рабочий контроль на дороге и сыграли большую роль в сплочении железнодорожников под руководством большевиков.

Одним из основных лозунгов рабочих в этот период было требование 8-часового рабочего дня, который фактически вводился рабочими почти на всем протяжении Оренбургско-Ташкентской и Омской железных дорог. Упорную борьбу за 8-часовой рабочий день вели и железнодорожники Воскресенской и Риддерской дорог. На Риддерской железной дороге, в связи с отказом администрации ввести 8-часовой рабочий день и повысить заработную плату, рабочие отстранили администрацию от руководства и в течение нескольких дней управляли дорогой сами.²⁰²

Рабочие стали все яснее понимать контрреволюционную сущность политики Временного правительства. Еще 30 апреля 1917 г. железнодорожники Ташкента на своем общем собрании, приветствуя апрельскую демонстрацию рабочих Петрограда, выразили недоверие председателю Туркестанского комитета Временного правительства Н. Н. Щепкину и потребовали коренной реорганизации милиции, удаления из нее бывших полицейских.²⁰³ Под давлением этих и других требований Туркестанский краевой Совет рабочих и солдатских депутатов выразил недоверие Туркестанскому комитету, который вынужден был обратиться к Временному правительству с просьбой освободить его от возложенных обязанностей.²⁰⁴

Временное правительство в Казахстане продолжало прежнюю политику самодержавия. Оно приняло постановление об амнистировании участ-

ников карательных отрядов, подавлявших восстание 1916 года в Казахстане и Средней Азии, на местах бывшие уездные и волостные начальники, губернаторы становились комиссарами, председателями гражданских комитетов. В силе оставались старые царские законы, лишавшие казахов политических прав, в полной неприкосновенности оставались огромные земельные владения и сословные привилегии казахских войск, свою деятельность продолжало Переселенческое управление, отбиравшее лучшие земли казахского населения.

Возвращающимся из Китая казахским и киргизским семьям после кровавой расправы царского правительства над участниками восстания 1916 г. Временное правительство хотя и выдавало пособие — 100 рублей, местные кулаки-шовинисты, пользуясь обстановкой, подвергали возвращавшихся из Китая беженцев-казахов и киргизов, покинувших родные места после разгрома восстания, грабежу, насилию и резне. Комиссар Временного правительства в Жетысу Шкапский заявил, что «ни о каком примирении речи быть не может, и киргизы (казахи. — *Ред.*) должны быть выселены». Карательные отряды сохранились во многих местах и нередко продолжали действовать прежними методами и после февраля 1917 г.

Временное правительство о проведении земельной реформы решило объявить на Учредительном собрании, которое должно было состояться после победы на войне. В национальном вопросе Временное правительство провозгласило декрет «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», однако право наций на самоопределение, вопросы о судьбах малых народов и национальных меньшинств и другие были обойдены. В условиях продолжавшейся непопулярной войны, начавшейся разрухи народного хозяйства, экономического кризиса, нехватки продовольствия, роста дороговизны и других трудностей и лишений для широких слоев населения в Казахстане, как и всей России, Временное правительство начало терять доверие народа и верх стали брать наиболее радикальные силы, стремившиеся на волне общенародного недовольства и гнева коренным образом изменить общественно-политический и экономический строй в России. Дальнейшие события в Казахстане разворачивались в условиях подготовки к проведению Октябрьской революции в стране.

¹ Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки из истории дореволюционного Казахстана. А., 1963, с. 183—185.

² Искра, 1902, 15 января.

³ ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 733, л. 2 и об.; Сулейменов Б. С. Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. А., 1977, с. 62—63.

⁴ Туркестанские ведомости. 1904, 3 марта.

⁵ ЦГА РК, ф. 132, оп. 729, д. 27, л. 127 и об.

⁶ Там же, ф. 133, оп. 3, д. 92, л. 13—14 и об.

⁷ Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Указ. работа, с. 191—192.

⁸ Букейханов А. Н. Выборы в Степном крае. См.: К 10-летию Государственной Думы, 1916, с. 43—44.

⁹ Там же, с. 44.

¹⁰ ЦГА РФ, ф. 102, оп. 203, д. 2, ч. 39, 1906, л. 57 и об.

¹¹ Кул-Мухаммед М. Жакып Акпаев. Патриот. Политик. Правовед. А., 1995, с. 43.

- ¹² *Асылбеков М. Х.* Железнодорожники Казахстана в первой русской революции (1905–1907 гг.). А., 1965, с. 87, 132–135 и др.
- ¹³ *Там же*, с. 87–105.
- ¹⁴ *Там же*, с. 130–137, 153–158 и др.
- ¹⁵ *Бекмаханов Е.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 299–300 и др., *Дильмухамедов Е., Маликов Ф.* Указ. работа, с. 200–204; История КазССР, т. III, А., 1979, с. 385–388 и др.
- ¹⁶ *Сулейменов Б. С.* Революционное движение в Казахстане в 1905–1907 гг. А., 1977, с. 148–150 и др.
- ¹⁷ *Там же*, с. 158 и др.
- ¹⁸ *Дахилейгер Г. Ф.* Омско-Петропавловская стачка железнодорожников в феврале 1907 г. // Известия АН КазССР сер. истории, экономики, философии и права. 1957, вып. 1, с. 77–86; *Асылбеков М. Х.* Указ. работа, с. 144–151 и др.
- ¹⁹ *Асылбеков М. Х.* Указ. работа, с. 118–119.
- ²⁰ *Сулейменов Б. С.* Указ. работа, с. 153–161 и др.
- ²¹ *Шафиро Ш.* Первые группы РСДРП и начало профсоюзного движения в Казахстане (1905–1907 гг.). А., 1964, с. 34–35; *Бурабаев М.* Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Казахстане. А., 1965, с. 47–56.
- ²² *Бурабаев М.* Указ. работа, с. 62.
- ²³ *Там же*, с. 54.
- ²⁴ *Шафиро Ш. Я.* Указ. работа, с. 49–50 и др.
- ²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 66, л. 15–16.
- ²⁶ *Шафиро Ш.* Указ. работа, с. 80–81 и др.
- ²⁷ *Асылбеков М. Х.* Указ. работа, с. 113–114.
- ²⁸ ГАОМО, ф. 270, оп. 1, д. 180, л. 51–59, ф. 190, д. 114, л. 11–12.
- ²⁹ *Шафиро Ш. Я.* Указ. работа, с. 81–83.
- ³⁰ *Сулейменов Б. С.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. Алма-Ата, 1963., с. 296–298, 300–301 и др.; *Его же:* Революционное движение в Казахстане, с. 71–73, 76–77 и др.
- ³¹ История КазССР, с. 391–392.
- ³² *Асылбеков М. Х.* Указ. работа, с. 126–129.
- ³³ Библиографический указатель казахской литературы (1862–1917). Первое издание. А., 1948, с. 20; Киргизская степная газета, 1904, № 26; Орталык Казакстан, 1970, 7 июля.
- ³⁴ *Сулейменов Б. С.* Революционное движение в Казахстане, с. 72–75.
- ³⁵ *Жиренчин К. А.* Политическое развитие Казахстана в XIX – нач. XX веков. А., 1996, с. 216.
- ³⁶ *Там же*, с. 237.
- ³⁷ *Сулейменов Б. С.* Революционное движение в Казахстане, с. 162–163; *Тынышпаев М.* История казахского народа. А., 1993, с. 2–7.
- ³⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16, с. 390.
- ³⁹ *Озганбай О.* Духоборец. Астана, 1999, с. 98.
- ⁴⁰ Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907–1914 гг. Сб. док. и материалов. А., 1957, с. 137.
- ⁴¹ История КазССР. Т. 3, с. 405.
- ⁴² *Там же.*
- ⁴³ *Там же*, с. 410–411.
- ⁴⁴ *Тресвятский А.* Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Н., 1917, с. 41.
- ⁴⁵ Журнал совещания о землеустройстве киргиз. Сб., 1907, с. 78.
- ⁴⁶ РГИАМ, ф. ДП. 00, 1912, д. 5, ч. 118, л. «Б», лл. 4–5.
- ⁴⁷ *Там же*, д. 595, лл. 50–53, оп. 4, д. 18, лл. 18–27.
- ⁴⁸ Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907–1914 гг., с. 394–395.
- ⁴⁹ *Там же*, с. 230–231, 346–347 и др.

- ⁵⁰ Там же, с. 320–321, 347–377.
- ⁵¹ ЦГА РК, ф. 253, оп. 1, д. 1, д. 127, л. 6.
- ⁵² История КазССР, т. 1. А., 1957, с. 570.
- ⁵³ ЦГА РК, ф. 44, оп. 2, д. 16925, л. 221.
- ⁵⁴ Там же, д. 13515, л. 1–3.
- ⁵⁵ Там же, л. 4.
- ⁵⁶ Там же, л. 6.
- ⁵⁷ Сб. стат. сведений о движении населения, скота и урожаях по КССР (с 1880 по 1922 г.). Таблицы. Оренбург, 1925, табл. № 4, с. 83–87, 79–83.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 9474, л. 65.
- ⁶⁰ Сборник стат. сведений, табл. 2, с. 26, 27, 41–43.
- ⁶¹ Галузо П. Г. Социальные отношения в казахском ауле и переселенческой деревне Казахстана в начале XX в. // Казахстан в канун Октября. А., 1968, с. 65.
- ⁶² Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986, с. 227.
- ⁶³ История КазССР, т. 3, с. 436–437.
- ⁶⁴ РГИАЛ, ф. 71284, оп. 194, д. 40, лл. 14–14 об.
- ⁶⁵ Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928, с. 22–23.
- ⁶⁶ Там же, с. 76–77.
- ⁶⁷ Там же, с. 86–87.
- ⁶⁸ Игибаев С. К. Промышленные рабочие дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). А., 1991, с. 37.
- ⁶⁹ ЦГА РК, ф. 17, оп. 1, д. 11, л. 23.
- ⁷⁰ Чуланов Г. Промышленность дореволюционного Казахстана. А., 1960, с. 68.
- ⁷¹ Игибаев С. К. Указ. работа, с. 39.
- ⁷² ГОО, ф. 423, оп. 1, д. 1, д. 1, л. 65.
- ⁷³ ЦГА РУз., ф. И.-279 – Среднеазиатский военно-промыш. комит., оп. 1, д. 19, л. 62.
- ⁷⁴ Там же, д. 47, лл. 9, 10, 18.
- ⁷⁵ Маевский И. В. Экономика русской промышленности в годы I мировой войны. М., 1962, с. 89.
- ⁷⁶ ЦГА РК, ф. 30, оп. 3, д. 196, л. 4; д. 313, л. 25; ф. 750, оп. 1, д. 4, л. 21.
- ⁷⁷ Жакупбеков С. К. История легкой индустрии Казахстана. А., 1984, с. 28–29.
- ⁷⁸ ЦГА РК, ф. 79, оп. 1, д. 90, л. 177.
- ⁷⁹ Дахилейгер Г. Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929). А., 1965, с. 49.
- ⁸⁰ Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. М., 1921, с. 232.
- ⁸¹ Асфендияров С. Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. М. – А., 1936, с. 75.
- ⁸² ЦГА РК, ф. 253, оп. 1, д. 127, л. 6.
- ⁸³ Там же, ф. 15, оп. 1, д. 1697, лл. 15–30.
- ⁸⁴ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 2275, лл. 21–23.
- ⁸⁵ Там же, д. 2490, л. 43 и об.; ф. 2, оп. 1, д. 562, л. 38–39 об.; ф. 34, оп. 1, д. 19, л. 1–5.
- ⁸⁶ Там же, д. 2275, лл. 21–23.
- ⁸⁷ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 6306, л. 273.
- ⁸⁸ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 86, л. 5, 50.
- ⁸⁹ Туркестанские ведомости, 7 октября 1916 г.
- ⁹⁰ Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане. А., 1966, с. 67.
- ⁹¹ Законодательные акты переходного периода. СПб., 1916, с. 606.
- ⁹² ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 16908, л. 36 и об.
- ⁹³ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 421, л. 35–36 и об.

- ⁹⁴ Там же, ф. 15, оп. 1, д. 379, л. 466.
- ⁹⁵ Сойфер Д. И. Солдатское революционное движение в Туркестане (1903–1918). АДД. Ташкент, 1969, с. 43.
- ⁹⁶ ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 1360, л. 58.
- ⁹⁷ Там же, ф. 145, оп. 1, д. 1066, л. 226 и об.
- ⁹⁸ Там же, ф. 44, оп. 1, д. 16913, л. 15 и об.
- ⁹⁹ Там же, ф. 190, оп. 1, д. 383, л. 10–14.
- ¹⁰⁰ Там же, ф. 578, оп. 1, д. 12, л. 1.
- ¹⁰¹ Там же, ф. 44, оп. 1, д. 11, лл. 261–263.
- ¹⁰² Там же, ф. 77, д. 25, л. 413–414.
- ¹⁰³ Нурпеисов К., Григорьев В. К. Турар Рыскулов и его время. //Рыскулов Т. Р. Собрание сочинений в трех томах. Том 1, А., 1997, с. 11.
- ¹⁰⁴ Тынышпаев М. История казахского народа, А., 1993, с. 41, 42.
- ¹⁰⁵ Нурпеисов К., Григорьев В. К. Указ. работа, с. 11, 12.
- ¹⁰⁶ Рыскулов Т. Восстание казахов и киргиз в 1916 году. //Грозный 1916 год. Сборник документов и материалов. II том. А., 1998, с. 9, 10.
- ¹⁰⁷ Алаш-Орда. Сб. документов. А., 1992, с. 5, 6, 7.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 8, 9, 10.
- ¹⁰⁹ Архив Комитета национальной безопасности РК, д. 124, том I, лл. 99, 100, 101.
- ¹¹⁰ Каркара айбаты. Сб. документов и материалов. А., 1991, с. 10.
- ¹¹¹ Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Восстание 1916 года в Казахстане. А., 1977, с. 84.
- ¹¹² Каркара айбаты, с. 16, 17.
- ¹¹³ Сулейменов Б., Басин В. Я. Указ. работа, с. 84–85.
- ¹¹⁴ Там же, с. 85.
- ¹¹⁵ Сапарғалиев Г. Указ. работа, с. 219, 220.
- ¹¹⁶ Восстание 1916 года в Казахстане. Документы и материалы. А., 1977, с. 130, 131.
- ¹¹⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов и материалов. М., 1960, с. 300.
- ¹¹⁸ Там же, с. 301.
- ¹¹⁹ Там же, с. 303.
- ¹²⁰ Рыскулов Т. Р. Собрание сочинений в трех томах, том 2, А., 1997, с. 61.
- ¹²¹ Там же, с. 304.
- ¹²² Там же, с. 304.
- ¹²³ Там же, том I, с. 12.
- ¹²⁴ Архив Президента РК, ф. 811, оп. 1, д. 58, лл. 1–20.
- ¹²⁵ ЦГИА РФ в Санкт-Петербурге, ф. 1291, оп. 82, 1916 г., д. 1956, лл. 122–123.
- ¹²⁶ Ауыл. (Кустанай). 1926, 7 тамыз, № 278: Козыбаев М. Жауға шаптым ту байлап. А., 1994, с. 157, 166, 167.
- ¹²⁷ Панфилов А. В. Либерально-демократическая Россия о событиях 1916 года. //Әділет. Научные труды. 1977. № 1, с. 114–122; Касымбаев Ж. 1916 жылғы июнь жарлығы – зансыздық //Егемен Қазақстан, 1996, 10 сәуір.
- ¹²⁸ Панфилов А. В. Указ. работа, с. 117.
- ¹²⁹ Панфилов А. В. Указ. работа, с. 118.
- ¹³⁰ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 1282, лл. 73, 74.
- ¹³¹ Там же, ф. 369, оп. 1, д. 4842, л. 60–64.
- ¹³² Там же, л. 115.
- ¹³³ Касымбаев Ж. К. Австро-венгерские и германские военнопленные в Казахстане (1915–1917 гг.). //Феникс, 1996, сентябрь (15), с. 211.
- ¹³⁴ Сиргебаев Б. Глубокие корни братства. А., 1977, с. 16.
- ¹³⁵ Россия в первой мировой войне. М., 1925, с. 41–42.
- ¹³⁶ ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 4842, л. 6.
- ¹³⁷ Там же, ф. 369, оп. 1, д. 4837, л. 82.
- ¹³⁸ Там же, ф. 369, оп. 1, д. 4837, л. 77.

- ¹³⁹ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 377.
- ¹⁴⁰ Там же, д. 33, 35 об.
- ¹⁴¹ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 33, 35 об.
- ¹⁴² Там же, л. 68.
- ¹⁴³ Там же, л. 45 об.
- ¹⁴⁴ Омский телеграф. № 35, 15 февраля 1915 г.
- ¹⁴⁵ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 67.
- ¹⁴⁶ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 67 об.
- ¹⁴⁷ Омский телеграф. № 35, 15 февраля 1915 г.
- ¹⁴⁸ Лисецкий Л. О. О положении военнопленных после победы Февральской революции. // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967, с. 117.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 1282, л. 72.
- ¹⁵¹ Там же, л. 68.
- ¹⁵² Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1978, с. 268.
- ¹⁵³ Сибирский телеграф. 8 ноября 1915 г.
- ¹⁵⁴ Интернационалисты. 1-я книга. М., 1967, с. 40.
- ¹⁵⁵ Сиргебаев Б. Глубокие корни братства, с. 18.
- ¹⁵⁶ Матвеев А. Буржуазные авторы об иностранных интернационалистах в Средней Азии. // Участие трудящихся зарубежных стран..., с. 308.
- ¹⁵⁷ Шнейдер Л. Революционное движение среди военнопленных в России. // Борьба классов. 1935, № 3, с. 57.
- ¹⁵⁸ Манусевич А. Я. Состояние и задачи изучения истории интернационального движения в России 1917–1920 гг. // Участие трудящихся зарубежных стран..., с. 23.
- ¹⁵⁹ Шнейдер Л. Указ. работа, с. 56.
- ¹⁶⁰ Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1965, с. 119–120.
- ¹⁶¹ Матвеев А. О работе большевиков среди иностранных трудящихся Сибири. (февраль-октябрь 1917 г.). // Участие трудящихся зарубежных стран..., с. 294.
- ¹⁶² Касымбаев Ж. К. Указ. работа, с. 220.
- ¹⁶³ РГИАМ, ф. 102, 1917 г., д. 47, ч. 2, л. 11.
- ¹⁶⁴ История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967, с. 18–21.
- ¹⁶⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий. А., 1967, с. 51–52; Т. Елеуов. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. А., 1961, с. 121–128; ГАОРО, ф. 141, оп. 1, д. 335, л. 111.
- ¹⁶⁶ Жиренчин К. А. Указ. работа, с. 272.
- ¹⁶⁷ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967, с. 167–172 и др., Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 24–35 и др., Жиренчин К. А. Указ. работа, с. 272–275 и др.
- ¹⁶⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане..., с. 37.
- ¹⁶⁹ Там же, с. 53; Нурпеисов К. Алаш һәм Алаш-орда. А., 1995, с. 89–90 и др.
- ¹⁷⁰ Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994, с. 24.
- ¹⁷¹ Койгелдиев М. Алаш козғалысы. А., 1995, с. 215–216.
- ¹⁷² Аманжолова Д. А. Указ. работа, с. 24.
- ¹⁷³ Койгелдиев М. Алаш козғалысы. А., 1995, 219-б.
- ¹⁷⁴ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане, с. 168–169; Аманжолова Д. А. Указ. работа, с. 24; Нурпеисов К. Алаш һәм Алаш-орда, с. 76, 89-б и др.; Койгелдиев М. Алаш козғалысы, с. 219–248-б.
- ¹⁷⁵ Нурпеисов К. Алаш һәм Алаш-орда, с. 79, 80 и др.; Койгелдиев М. Алаш козғалысы, с. 219–220-б; Жиренчин К. А. Указ. работа, с. 272–273 и др.

- ¹⁷⁶ Аманжолова Д. А. Указ. работа, с. 25; Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 47–48; 56, 64–65 и др.
- ¹⁷⁷ Койгелдиев М. Алаш козгалысы, с. 226–230 и др.
- ¹⁷⁸ Нурпеисов К. Алаш һәм Алаш-орда, с. 96–106-б и др.
- ¹⁷⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 35–36, 56, 44.
- ¹⁸⁰ Там же, с. 41, 73.
- ¹⁸¹ Там же, с. 25, 29, 31, 32, 44–45, 60.
- ¹⁸² ГАОрО, ф. 142, оп. 1, д. 143, л. 1–3.
- ¹⁸³ Нурпеисов К. Становление Советов в Казахстане. Алма-Ата, 1987, с. 33–40, 51–55 и др.
- ¹⁸⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 37; Григорьев В. К. Противостояние. А., 1989, с. 53–54.
- ¹⁸⁵ Григорьев В. К. Указ. работа, с. 61–62.
- ¹⁸⁶ Т. Елеуова. Указ. работа, с. 177–178; Революция и национальный вопрос. Т. III. М., 1930, с. 366–367.
- ¹⁸⁷ Григорьев В. К. Указ. работа, с. 55–60.
- ¹⁸⁸ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане, с. 177.
- ¹⁸⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 45, 100.
- ¹⁹⁰ Там же, с. 72.
- ¹⁹¹ За власть Советов. // Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов. 1957, с. 7, 24, 48–50.
- ¹⁹² История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 121; Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 107.
- ¹⁹³ В огне революции и гражданской войны. Воспоминания участников. Омск, 1969, с. 86–88; Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 61.
- ¹⁹⁴ В огне революции..., с. 114.
- ¹⁹⁵ Омские большевики в период октябрьской революции и упрочения Советской власти. Сб. документальных материалов. Омск, 1958, с. 228, 229.
- ¹⁹⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 22–26.
- ¹⁹⁷ ГАОрО, ф. 142, оп. 1, д. 335-б, л. 2.
- ¹⁹⁸ Там же. Кобозев Петр Александрович (1878–1941) – видный профессиональный революционер, член КПСС с 1898 г., инженер путей сообщения, один из руководителей рабочих Ташкентской железной дороги, активный участник Октябрьской революции, крупный советский деятель и военный работник в годы гражданской войны.
- ¹⁹⁹ Там же, л. 8.
- ²⁰⁰ Там же, л. 11, 19, 24, 28 и др.
- ²⁰¹ Там же, л. 29.
- ²⁰² Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 38, 44, 64.
- ²⁰³ Там же, с. 71.
- ²⁰⁴ Там же, с. 79.

Глава шестая

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ XX в.

1. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В конце XIX—начале XX вв. в народном образовании и школьной системе Российской империи были свои особенности, которые в большой степени оказывали свое влияние на народное образование и на всю систему просвещения в Казахстане. Характерной чертой просвещения была явно выраженная сословность, преломление ее в Казахстане проходило по национальному признаку. Принятый в 1870 году закон о национальных школах («О мерах к образованию населяющих Россию инородцев») всю систему просвещения в национальных школах и на национальных окраинах делил на 3 категории: 1) для весьма мало обрусевших; 2) для живущих в местностях, где много русских и 3) для достаточно обрусевших. При этом для 1-й категории предписывалось устраивать школы, где обучение должно было осуществляться на родном языке по учебникам, написанным русскими буквами. Для второй категории должны были создаваться русские школы, в них предусматривалось обучение и русских, и «инородческих» детей совместно, родной язык должны были применять только при устных объяснениях. Для третьей категории создавались русские школы, обучение в которых велось только на русском языке.

В результате осуществления закона в Казахстане в различных областях стали создаваться школы разного типа. Так, в Акмолинской и Семипалатинской областях были созданы школы-интернаты и сельскохозяйственные начальные училища, в Тургайской и Уральской — аульные школы, волостные (одноклассные), двухклассные училища, в Семиреченской и Сырдарьинской — «русско-туземные» школы, во Внутренней (Букеевской) Орде — старшинские и участковые училища. Все они подчинялись Министерству народного просвещения. Цели и задачи народного образования в Казахстане к началу XX века были высказаны в одной из статей А. Алекторова, одного из ведущих деятелей образования: «Школа в киргизской степи, кроме своих образовательных задач, играет еще роль политическую: она связывает киргизский народ с коренным русским народом, прививая киргизам государственный язык. Она знакомит с обычаями и взглядами русского народа, хотя медленно, но систематически вводит киргизов в семью русских, противоборствуя началам мусульманской исключительности и ослабляя мусульманский фанатизм, приви-

тый киргизам выходцами из Бухары и других мест процветания ислама».¹ А. Алекторов высказывался прямо о русификации казахского населения, более может быть, тонкими методами. Вместе с тем, и правительство, и местные власти эту политику проводили с большим усердием и настойчивостью, уделяя серьезное внимание только русским школам. Так, в июне 1905 года было проведено особое совещание по вопросу образования «восточных инородцев», где за основу народного образования в крае была взята система И. Ильминского. Итогом совещания стала организация системы национальных школ, которая должна была быть внедрена в национальных районах, в том числе в Казахстане. Предусматривалось: 1) первоначальное училище с 2-х годичным сроком обучения, причем второй год соответствовал первому классу русской школы; 2) одноклассное училище с 4-летним курсом обучения; 3) двухклассное училище с 6-летним курсом обучения, а преподавание на родном языке разрешалось вести только первые два года обучения. Таким образом, в начале XX века наметилась широкая программа по русификации национальных окраин империи на основе внедрения в среду народа русского языка. На это были направлены деятельность правительства и местных кадров, которые постоянно проводили политику закрепления полученных результатов, чему способствовали законы, отдельные акты, например, от 31 марта 1906 года «О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России», 1 ноября 1907 года «Правила о начальных училищах для инородцев», 14 июля 1913 года «О начальных училищах для инородцев». Каждый из этих актов предусматривал дальнейшую русификацию народного образования. Как отметил один из деятелей образования Туркестанского края Н. Остроумов, «...в Туркестанском крае были намерены держаться обрусительной политики при посредстве русской школы».² Основные цели этой политики были определены следующим образом: «Русско-государственные задачи и стремления нашего отечества по отношению к инородцам состоят в обрусении... еще другая задача — способствовать слиянию киргиз с русскими в один целый политическо-государственный организм».³

Народное образование в Казахстане, несмотря на огромный пресс имперской политики, направленной на обрусение казахов, имело и свои положительные стороны — несмотря на проводимую официальную политику, казахи знакомилась с европейской культурой, с достижениями европейской цивилизации. И потому формировавшаяся казахская интеллигенция многое переняла из русской среды, даже получила образование на европейской основе, в основном на русской почве. Вместе с тем, в ее среде появляются представители, обучавшиеся уже за рубежом. Совокупность развития интеллектуальной среды в казахском народе ставит на повестку дня проблему формирования политической культуры в этой среде, и в начале XX века она проявляется в некоторых политических течениях, где принимали участие казахские интеллектуалы. В связи с возросшими связями между Казахстаном и Российской империей народное образование в крае в начале XX века получает свое дальнейшее развитие, при этом надо отметить, что получали развитие начальное образование и профессионально-техническое в виде сельскохозяйственных школ, школ с подготовкой ремесленного обучения. Если в 1901 г. в Казахстане насчитывалось 283 русских и 207 русско-казахских школ по Министерству просвещения, то в 1916 г. их было в Семипалатинской области — 323, Се-

миреченской — 181, Сырдарьинской — 231, Тургайской — 517, Уральской области — 455, Внутренней Орде — 74, всего — 2448, из них 562 русско-казахские школы, при этом в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской областях Министерству просвещения переданы войсковые казачьи школы. Количество учащихся было в 1916 г. — 134 245, а казахских и татарских детей — 19 372.⁴ К 1917 году действовало 47 выше-начальных училищ, 17 средних школ, 4 реальных училища, 4 мужских гимназии и 9 женских. Кроме того, функционировали низшие сельскохозяйственные школы и ремесленные училища, в 1917 г. их насчитывалось соответственно 13 и 2. Правительственная политика по разделению школ для русского населения, в большинстве своем более привилегированных, и для казахского населения, приводит к тому, что казахское население остается безграмотным или полуграмотным, и поэтому огромная часть казахского населения пыталась получить хоть какое-то образование в мектебах или медресе.

В некоторые годы существовала точка зрения о полной непригодности получения образования в мектебах и, в особенности, в медресе. В какой-то мере эти учебные заведения не могли сравниться с обучением в привилегированных учебных заведениях и некоторых других, однако они серьезно влияли на общий уровень грамотности казахского населения и вместе с тем способствовали формированию традиционной культуры казахского общества. Многие интеллектуальные слои казахского общества этого периода формировались в этой среде. Так, мы можем привести в качестве примера депутата I Государственной Думы, полномочия которого затем были аннулированы, — Шахмардана Кошегулова. Отношение правительства и местных властей к мектебам и медресе было резко отрицательным. Так, еще в 1870 году особая комиссия по обсуждению вопроса о народном образовании в Туркестанском крае констатировала: «...будучи религиозного и конфессионального, а вместе с тем и политического (ибо эти две стороны в понятиях мусульманина неразрывны) туземная школа не должна рассчитывать на сочувствие русской власти».⁵ Однако материальными средствами и иными возможностями для полного вытеснения этого типа школ местные власти не располагали, и поэтому было отмечено: «Упраздненную туземную школу мы не нашли чем заменить, так как русская школа останется надолго, быть может, навсегда несочувственною здешнему населению».⁶ Эти мысли получили свое развитие в последующие годы. Так, распоряжением министра народного просвещения при согласовании с министром внутренних дел должны были употребляться в магометанских школах только печатные издания, одобренные русской цензурой, и обучение должны были проводить только преподаватели, получившие образование в России, правда спустя некоторое время это распоряжение было отменено. В начале XX века число «инородческих» школ только в трех областях Туркестанского края было около 6000. Такие дискриминационные меры наблюдались повсеместно. В итоге журнал I и II совещания по народному образованию при Оренбургской губернии в 1915 году констатировал «слабое стремление среди населения к русской грамоте».⁷ В то же самое время только в одной Сырдарьинской области было в 1910 году 32 медресе, из них 23 городских и 9 сельских. Наиболее крупные из них располагались в Ташкенте. В этих медресе была своя стройная система обучения, где наряду с религией из-

учались светские предметы. Уровень грамотности среди казахского населения в определенной степени поднимали и мектебы, где велось не только преподавание Корана, но и изучались светская литература и естественные науки. Мектебы получили большое распространение в казахской среде. Так, в 1904 г. только в одном Мангышлакском уезде насчитывалось 67 мусульманских школ и 1003 учащихся. Народные традиции, народная этнопсихология, традиционная литература в мектебах получили свое развитие и стали основой для формирования традиционного народного самосознания. Так, великий казахский поэт, просветитель и мыслитель Абай получил начало своего образования в аульном мектебе, а продолжив образование в медресе, стал одним из выдающихся деятелей казахской культуры.

В рамках имперской политики в сфере народного образования III общемусульманский съезд, состоявшийся в августе 1906 г., создал целую программу по народному образованию. В решениях съезда было определено: 1) открыть школы начального образования во всех поселениях, с обязательным образованием для мальчиков и девочек; 2) обучение должно было производиться по одной программе и на родном языке на основе арабской графики; 3) содержание школ должно было находиться в ведении земства, городского муллы, а управление и наблюдение — в руках самих мусульман; 4) должно быть введено вероучение и литературный родной язык; 5) учителя и ученики должны были быть уравнены в правах с учителями и учениками русских школ. В решениях съезда содержались и другие требования относительно организации системы образования мусульман. Тем самым выражались настроения всего мусульманского населения империи, в том числе и казахского.

Многие исследователи того времени указывали на ту систему образования, которая внедрялась в конце XIX — начале XX веков. П. Головачев отмечает: «...придуманные раньше для киргизов закрытые учебные заведения оказались вполне неудачными, так как применялся насильственный набор детей в эти школы, то богатые киргизы помыкали у бедных джигитов детей в эти школы, выдавая за своих. Устроенные в степном крае сельскохозяйственные школы также не привлекают киргиз». ⁸ Несколько ранее об этом писал А. Н. Краснов: «Все это сделано до сих пор на киргизские суммы, собираемые с народа на его образование, — это учреждение в Верном, Капале и Караколе пансионеров, где обучают киргиз русскому языку и вообще дают образование такое, после которого с грехом пополам можно поступить в гимназию». ⁹ И далее он свидетельствует: «В среде же степных грамотеев читающий по-русски есть величайшая редкость, пишущих нет почти вовсе. Между тем 25 проц. верненских киргизов читает по-арабски». ¹⁰

В 1907 г. был опубликован проект о введении всеобщего образования в Российской империи, он предусматривал создание сети начальных школ. По проекту предусматривалось, что образованием должны были быть охвачены дети 7—11 лет, предполагалось внедрение начального образования в течение 10 лет. ¹¹

В эти же годы был принят закон об отпуске средств на нужды начального образования (1908 г.) и в 1909 г. — закон об образовании при Министерстве народного просвещения «школьно-строительного фонда». Эти законодательные акты расширили систему школьного образования, создали в некоторой степени условия для создания широкой сети народ-

ного образования, в том числе русско-казахских школ на всей территории Казахстана (в документах того времени — «русско-киргизские» и «русско-туземные»).¹²

В начале XX века Министерство народного просвещения взяло на себя и функции личного контроля над мектебами и медресе, при этом указывая в них на то, что Министерство вмешивается лишь в организационные формы деятельности, однако это было лишь прикрытием. На самом деле и правительство, и в целом господствующие группы и классы, очень серьезно рассматривало всю конфессиональную политику, проводимую в России. Для этого контроля в обязанность губернаторов включались и обязанности рассмотрения всех вопросов, связанных с бытом, строительством, передвижением, выдачей зарубежных паспортов, изданием книг и периодических изданий, что однозначно вело к полному подчинению конфессиональных служб правительству. Вместе с тем, сами руководители мусульманских общин старались найти формы сотрудничества с властями. Так еще в 80-х гг. XIX в. туркестанскому генерал-губернатору Кауфману один из деятелей мусульманской общины Туркестана писал: «Новая школа должна быть прежде всего полезна. Законы, в ней поддерживаемые, должны быть в жизни полезны, из нее применимы».¹³ То есть именно полная, подконтрольная система традиционного образования дала толчок новому влиянию, новым принципам и формам, создаваемым в конце XIX—начале XX веков. Применение на практике новометодных школ, а также посредством деятельности этих школ прошло создание новых форм организации и руководства. В конце XIX—начале XX веков в Казахстане образование более широких масс проводилось в направлении конфессиональной школы, которая в свою очередь была, как отмечалось, реформирована, с особенностями джадидизма, таким образом, более широкое внедрение в мусульманском просвещении элементов светского обучения, более либеральное отношение к культурному наследию и одновременно с этим более широкая ориентация на Османскую империю вызвали ожесточенное противодействие со стороны апологета официальной школы Н. И. Ильминского. Он писал: «Гаспринский в Бахчисарае преследует цель: во-первых, распространить между магометанами — подданными Российской империи европейское просвещение на магометанской основе, магометанские идеалы поддержать европейским образованием; во-вторых, все многомиллионное разноматное и разноразличное население магометан в России объединить и сплотить».¹⁴ Именно школа Ильминского усматривала в джадидистской реформе большую опасность. Она опасалась внедрения в среду «иностранцев» идей и методов, противоположных мусульманскому образованию, общепринятому в империи.

Официальные круги считали, что в первую очередь необходимо все мусульманское образование подвести под единый учебный план и полностью унифицировать, при этом уделяя внимание и светским предметам. Большое внимание уделялось в официальных кругах вопросам кадров мусульманского образования, причем должна была быть выделена часть учебных заведений для подготовки учителей со светским образованием. Кроме того, учебные округа и Министерство просвещения обращали внимание инспекторов на внедрение особых методов обучения, что также в определенной степени должно было привлечь мусульманское население на сторону правительственной политики. Очень часто рекомендовалось постепенно под-

чинить мусульманскую школу правительственной политике в нужном для себя русле. Благодаря джадидистскому движению встал вопрос и о материальном обеспечении школ, при этом большое внимание уделялось обеспечению материальными средствами за счет частных пожертвований или за счет мусульманских обществ. Именно джадидистское движение способствовало тому, что в мусульманских, по сути своей конфессиональных, школах постепенно должны были внедриться элементы европейского образования. В противовес этому официальная пропаганда стремилась ограничить деятельность новометодных школ и в целом образования, когда после революционных событий особенно сильно стали проявляться тенденции их внедрения в широком масштабе. Так, на межведомственном совещании, прошедшем в Петербурге, отмечалось: «Уклонение медресе в сторону усиления общеобразовательных предметов и создание под видом конфессиональных вероучительных школ национальных мусульманских общеобразовательных учебных заведений представлены недопустимыми».¹⁵

Вместе с тем, официальные органы не регламентировали мусульманское образование и деятельность джадидистского направления. Это приводило к тому, что мусульманские школы начали действовать вполне самостоятельно, и быстро увеличивалось их количество. Так, в Семиреченской области в 1907 году отмечалось, что в 1907 г. в «русско-туземных» школах, общее количество которых 15, обучалось 222 ученика, а в мусульманских 243 мектебах — 6076 учеников.¹⁶ Такое положение сильно начинало волновать Министерство внутренних дел и местные власти, именно поэтому в секретной инструкции было определено: «...о необходимости уездным начальникам, участковым приставным инспекторам народных училищ всех областей Туркестанского края по собиранию сведений, рисующих состояния умов, настроение туземного населения и религиозно-бытовой уклад его жизни, его отношение к новометодным школам».¹⁷

Во всем Казахстане отмечалось негативное отношение властей к новометодным школам. Власти очень часто оказывали сильнейшее противодействие их деятельности. В той же Семиреченской области в одном из донесений прямо указывалось, что новометодные школы очень вредны для официальных властей: «Открытые в степи летучие школы-юрты для киргизского населения, далеки от интересов русской государственности. Приезжие распространяют среди киргизов указания на чисто киргизском языке, вредного направления брошюры, отпечатанные в Уфе и Казани. Из числа брошюр известны: «Оян, казак!» («Проснись, казак!»), «Тур, казак!» («Встань, казах!») и сборник басен «Маса» («Комар»)).¹⁸ Авторами этих брошюр были известные интеллигенты Миржакып Дулатов, Алихан Букейханов и Ахмет Байтурсынов, которые были уже подвергнуты строжайшему наказанию осуждением их в виде ссылки через суд в другие отдаленные районы Казахстана. В этом же донесении отмечалось, что «затрагивается аграрный вопрос с указанием на уменьшение количества земли, находящейся в пользовании у киргизов».¹⁹ Таким образом, власти прямо связывали деятельность новометодных школ с политическим вопросом развития края.

Такого характера донесения были не редкостью по всему Казахстану. Вследствие этого губернатор Семиреченской области Фольбаум запретил открывать магометанские конфессиональные школы без разрешения учебного начальства.²⁰ Однако новометодные школы пробивали себе до-

рогу, так как очень широкие круги населения, в том числе и малоимущие массы, видели в них действенный инструмент утверждения своих национальных интересов. В связи с этим губернатор Семиреченской области говорил об этом так: «...я понимаю вполне возможным открытие и новометодных школ для туземцев, с включением в курс этих школ общеобразовательных предметов, но с тем неперменным условием, чтобы эти школы, находясь в полном подчинении инспекторов, организовались по определенным правилам, с вполне определенными планами и программами, и с обучением в них по крайней мере, в первый год на природном (материнском) языке».²¹ Данная постановка была лишь лавированием правительства. Архивные документы свидетельствуют, что администраторы на местах не были согласны с такой постановкой вопроса, так, видный деятель народного образования в г. Верном Шабельников в 1911 году писал: «Что касается Верненского мектеба, то это язва на цельном русском организме. Школа эта воспитывает не будущих граждан России, а напротив. Изпод ее крова выйдут не только бесполезные, но и вредные элементы, так как трудно предположить, чтобы юношество, воспитываемое на изучении истории Турции, могло пополнить русское государство. Дети совершенно не знакомы с прошлым России, не изучают русскую историю. Из нее берется лишь нужный им период — период владычества татар. Ученики мектеба ничего не знают о русских государях, зато много знают о турецких султанах. Все это — не случайное совпадение, а нечто продуманное, направленное на достижение определенных целей».²² Новометодные школы были как раз направлены на пробуждение национального сознания, но в их работе было много и недостатков. Одним из них было подчинение многих деятелей этого направления официальным властям, когда применение данного направления шло в узком плане, полностью подчиненном задачам правительства, об этом свидетельствует издание учебников для новометодных школ. В 1909 г. учитель Ташкентского русско-туземного училища С. Азизов выпустил учебник «Начальный учитель» тиражом в 2000 экз., а в 1904 г. второе издание в 2200 экз., в том же году Гали Калинин выпустил хрестоматию к этому учебнику, они широко применялись в новометодных школах.²³ Несколько ранее один из энтузиастов народного образования А. Курманбаев из Зайсана писал в «Киргизской степной газете»: «...идти по стопам Алтынсарина и продолжать начатое им дело — обработку и приведение в порядок правил киргизского языка».²⁴ Для русификаторской политики архаичное состояние казахского языка, в котором было много малоупотребительных слов арабско-персидского происхождения, являлось чрезвычайно важным, а внедрение русского языка в полном объеме тоже могло оказывать негативное действие. Тот же самый Н. Ильминский кратко писал о том, чтобы «...инородец в русском разговоре путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника».²⁵ Таким образом, в казахском обществе в начале XX века встала одна из главных проблем — реформа казахской письменности, пригодной для широких народных масс и для получения образования на европейском уровне. Этому способствовали новометодные школы и, в целом, движение джадидизма. Другим моментом взаимовлияния в народном образовании оказались школы технического и сельскохозяйственно-

го профиля. Еще в 1888 г. Министерством просвещения были утверждены «Основные правила и положения о промышленных училищах». Создание различных училищ в центральных районах империи приходится на конец 1880-х — нач. 1890-х годов. Однако эта сеть росла медленно и в начале XX века (21 апреля 1903 и 16 марта 1904 гг.) Министерство просвещения принимает постановления об открытии классов с ручным трудом в начальных училищах. Такие классы начали открываться и в Казахстане, однако их было мало. По Тургайской области в 1903 году в школах было всего 4 ремесленных отделения и один класс ручного труда, в 3 открытых И. Алтынсариним женских школах преподавалось рукоделие. В школах Семиреченской области действовали 3 класса ручного труда, 2 ремесленных отделения и 7 классов, где обучали рукоделию. Все эти отделения открывались за счет казны и поэтому уездный начальник Капальского уезда писал: «Уезд настолько беден всякого рода ремесленниками, что введение в школах ремесленного оборудования, безусловно необходимо, ремесленные классы желательно иметь при каждой школе, но ввиду чрезвычайной бедности населения и неполных классов на этот год открытие ремесленных отделений не предусмотрено».²⁶

Кроме того, вновь открываемые ремесленные отделения и классы ручного труда в основном охватывали русское население. И только изредка там обучались казахи. В архивных документах имеется ходатайство С. Мендешева о желательности открытия такого училища в Букеевской Орде, где он писал о тех ремеслах, которые необходимы для казахского народа.²⁷ Некоторая профессионализация школ наблюдалась в начале XX века. Так в Тургайском и Карабутацким двухклассных русско-киргизских (казахских) училищах начали обучать сапожному и портному делу. А в Кустанайском — портняжному делу «согласно потребности киргизских аулов и киргизского населения».²⁸ Программы по этому виду обучения были очень примитивными, так, в одной из них писалось: «Ознакомление с сапожными инструментами и применением их при различных работах. Название сапожных материалов — когда и где они употребляются. Ознакомление с точкой и строчкой». При этом для большей наглядности были выставлены в классе сапоги.

Более интенсивное обучение шло после 1910 года, когда вопрос о ремесленных отделениях был заслушан на специальных совещаниях областей по народному образованию, и, кроме того, быстро увеличивался рост населения. Также и другие факторы способствовали более широкому внедрению ремесленного производства. К началу 1917 года в крае было 31 ремесленное училище, а классы ручного труда существовали в 257 начальных школах.

Несколько большее внимание уделено сельскохозяйственным школам. На потребности в сельскохозяйственном обучении указывали многие администраторы края, однако должного внимания не уделил никто, так как это требовало определенных затрат. И только, когда очень остро встал вопрос о переселенцах, их наплыве после 1917 года, делались попытки открывать сельскохозяйственные школы, но они так и не были открыты. В сельскохозяйственные школы набирались преимущественно казахские дети, где вместе с основами сельского хозяйства проходили общеобразовательные предметы. При изучении предметов основное внимание уделялось их практическому применению и ничтожное внимание уделялось вопросам животноводства, правильного ведения скотоводческого

хозяйства. Ученики сельскохозяйственных школ по сути дела поставляли грамотную рабочую силу для богатых хозяйств. На местах в эти же годы росла инициатива по внедрению знаний в широкие массы, когда уделялось внимание лекциям по различным вопросам жизни, а также вопросам просвещения народных масс. Так, известный общественный деятель В. Н. Каллаур сочувственно писал историка и этнографу, генералу Н. И. Гродекову в начале 1886 года: «Жители Сарыкманского поселка устроили у себя в ноябре месяце прошлого года собственную передвижную школу. Учителем у них принят отставной солдат Семибратов, получая гроши за каждого обучающегося ребенка, живет в наемном домике, в котором помещается школа, а кормится посуточно у каждого домохозяина, которого дети обучаются — всех детей учится 18 человек».²⁹ В дальнейшем Н. И. Гродеков помог этой школе письменными принадлежностями.

В начале XX века интеллигенция с энтузиазмом встречала решения об открытии обществ трезвости и обществ по устройству народных чтений. Так, председателем комиссии по устройству народных чтений в Семипалатинской области был Б. Г. Герасимов — известный деятель РГО,³⁰ членом комитета попечительства о народной трезвости был Е. П. Михаэлис.³¹ Среди лекторов также много было деятелей РГО. В том же Семипалатинске лекторами комитета по устройству народных чтений были В. Н. Белослюдов, В. С. Усов, Н. Я. Коншин и др. Таковы некоторые малоизвестные стороны истории народного образования в Казахстане и его основные направления.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОБЩЕСТВ

Социально-экономическое развитие России после реформы 1861 года шло быстрыми темпами и поэтому на повестку дня ставятся вопросы освоения богатств колониальных окраин, изучение и исследование их ресурсов. В этом немаловажное значение придавалось Императорскому Русскому географическому обществу. Уже в 1860-е годы встал вопрос об открытии его Оренбургского отдела. Оренбургский генерал-губернатор писал министру внутренних дел в начале 1867 года, имея в виду практическую пользу в открытии отдела: «Неизвестны, например, положительно каменноугольные месторождения, хотя признаки найдены во многих местах, неизвестны условия и возможные размеры земледелия, а следовательно, и оседлости в степи. Между тем возникают вопросы, и весьма существенные, при решении которых недостатки подробного научного изучения края почти неминуемо отзовутся ошибками».³²

Освоение восточных районов страны, в первую очередь Сибири и Казахстана, повлекло за собой открытие Западно-Сибирского отдела. Прошение об открытии отдела в Омске под названием Западно-Сибирского написал в центральное общество генерал-губернатор Степного края Н. Г. Казнаков. Он объявил 30 июля 1877 года некоторым действительным членам ИРГО, которые были уже к этому времени в Омске, что он ходатайствовал об учреждении особого Западно-Сибирского отдела. Это ходатайство удостоилось высочайшего соизволения, и отделу было разрешено получать по 2 тыс. рублей ежегодно.³³ Впоследствии было утверждено положение об отделе, и он начал свою научную работу.

В конце XIX века был открыт Туркестанский отдел РГО. В конце 1895 года туркестанский генерал-губернатор барон А. Б. Вревский ходатайствовал перед Русским географическим обществом об открытии его Туркестанского отдела. И 20 мая 1896 года состоялось высочайшее постановление.

В конце XIX века многим видным представителям общества стало заметно, что и отделы на местах не справляются с поставленными задачами по изучению обширных пространств Казахстана и на повестку дня ставится вопрос об открытии подразделений в составе отделов. Так было подготовлено открытие Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела. По вкладу в дело изучения края, а также своей научно-практической работой он стал крупнейшим научным учреждением на востоке Казахстана. Этому способствовали, во-первых, концентрация здесь многочисленной, в том числе и ссыльной, интеллигенции, во-вторых, превращение Семипалатинска в крупный экономический и культурный центр края.

Еще в 1898 году губернатор Семипалатинской области А. Карпов писал об этом в своем письме на имя председателя Западно-Сибирского отдела ИРГО.

И, наконец, весной 1902 года состоялось открытие Семипалатинского подотдела: «По предложению губернатора, секретарем статистического комитета Коншиным Н. Я. была прочитана записка о возникновении подотдела».³⁴ В этой записке Н. Я. Коншин отметил, что «помимо работы ради знания, Сибирское отделение отзывалось чутко и на разные вопросы и нужды местной жизни, стараясь всегда способствовать их решению в интересах правды и гуманности...»³⁵ Семипалатинский подотдел был открыт 31 марта 1902 года распоряжением военного губернатора области.³⁶

В первое десятилетие XX века значительную роль стала играть Семиреченская область, это было, в первую очередь, связано с большим притоком переселенцев в область, а также с ее потенциальными возможностями. В этих условиях систематическое научно-прикладное изучение экономики, быта, геологии, географии и т.п. обширной области выходит на одно из первых мест в сфере деятельности РГО, в связи с чем предпринималась попытка открыть Семиреченский отдел. Активизация Семипалатинского подотдела связана, в первую очередь, с повышением роли и области, и Степного края в целом, в хозяйственной и политической жизни Казахстана в тот период. Немаловажную роль сыграли и демократические элементы, которые также активизировались в Семипалатинской области. В начале XX века, в особенности после революции 1905—1907 гг., подобная же активизация РГО наблюдается в Семиреченской области.

Многие ученые, проводившие научные изыскания, не порывали с работой Географического общества. В основном, это были географы и представители других естественно-научных дисциплин. Они способствовали дальнейшему развитию географической науки, ее специализации и углубленному осмыслению в общем потоке естествознания того времени. Системность исследований, а также основные вехи исследовательской работы определялись программами и инструкциями. К составлению программ и инструкций привлекались лучшие научные силы страны и не обязательно только члены РГО. На протяжении всего дореволюционного периода существования общества было распространено большое количество программ и инструкций как по тиражу, так и по разнообразию

научных изысканий. Многие программы и инструкции распространялись тиражом до 1500, а иногда и 6000 экземпляров. Писались они доступным языком для сельской интеллигенции. В то же самое время они составлялись на уровне научных достижений своего времени и рассылались в различные населенные пункты страны. Кроме тех программ и инструкций, которые считались непосредственно продукцией РГО, популярны были программы и инструкции других обществ, где принимали участие деятели Географического общества. Такова, например, «Справочная книжка для путешественников», которая вышла до 1917 года несколькими изданиями. В начале XX века эти издания считались лучшими по многим вопросам географии. Л. С. Берг в 1907 году, уже будучи опытным путешественником и исследователем, замечал: «...руководитесь самыми лучшими инструкциями собирания естественно-исторических коллекций... издания СПб. Общества естествоиспытателей».³⁷

С середины 1880-х годов до 1917 года было составлено множество инструкций и программ, непосредственно по географическому, биологическому и другим исследованиям Казахстана. Так, «Инструкция для исследования характера и распространения летучих песков» (СПб., 1888 г.) была составлена комиссией при соединенных отделениях географии математической и географии физической, состоявшей из членов: И. И. Стебнишкого, И. В. Мушкетова, С. Ю. Раунера, Н. А. Соколова, М. А. Рычкаева, Ю. М. Шокальского. В инструкции особо оговаривалось изучение песков Кызылкумов: «...а при собирании растений указать с какой части бархана или котловины оно взято, с приведением научных и местных названий, а также указать на значение этих растений в хозяйстве туземных жителей».³⁸ В 1888 году была издана «Инструкция для ведения метеорологических заметок и наблюдений в путешествиях». В 1891 году была обнародована «Инструкция для определения высот с помощью барометрических наблюдений», составил ее Б. Средневский под редакцией А. Тилло (СПб., 1891 г.). В этой инструкции говорилось: «Многие местности и европейской России, и громадные пространства Сибири и Азиатских владений весьма мало исследованы в отношении рельефа».³⁹

В первоначальный период существования общества были попытки создать программы по изучению этнографии нерусских народов России. Так была создана «Программа для собирания народных юридических обычаев».⁴⁰ Она была подготовлена Комиссией собирания народных юридических обычаев, состоящей при отделении этнографии, «...по почину Председателя отделения этнографии того же Общества покойного М. В. Калачева и при деятельном участии П. А. Мулова, составлена была и изучена в 1864 году Программа для собирания собственно юридических обычаев».⁴¹ В программе отмечалось, что «...при благоприятных условиях, было бы желательно, чтобы отмечались и племенные особенности быта живущих в пределах России инородцев».⁴² В ней основное внимание было уделено всем тем особенностям быта, которые интересовали научные круги России по изучению входящих в нее народов. Всего вопросов было составлено 425. В 1889 году она была переиздана и вместе с тем переработана. Программа охватывала все стороны жизни как отдельного человека, так и общины в целом. На протяжении более 20 лет эта программа охватывала и социальные, и экономические, и бытовые положения нерусских

народов. В начале XX века вновь возрос научный интерес к социальному и экономическому положению «инородцев» России. В связи с этим в 1914 году были опубликованы анкетные вопросы Комиссии по составлению этнографических карт, а в 1915 г. «проект составления племенной карты России». ⁴³ Под руководством С. Ольденбурга была составлена в 1917 году «Инструкция к составлению племенных карт» (Пг., 1917 г.), в которой констатировалось: «Предположено издать отдельными листами деятельные племенные карты: ...масштаба 40 верст в дюйме для Средней Азии и для Сибири и две сводные племенные карты. Другую — для Сибири и Средней Азии масштаба 100 верст в дюйме». ⁴⁴ В 1912 году слушатели лекций видного этнографа и члена Русского географического общества Л. Я. Штеренберга подготовили по его лекции «Инструкцию для сбора этнографических материалов», которая внесла затем заметный вклад в дело изучения этнографии казахов и других азиатских народов. ⁴⁵

Важнейшей частью деятельности общества была экспедиционная работа. «Мировую известность русской географической науке создали экспедиции, в большом числе организованные и проведенные Географическим обществом». ⁴⁶

В целом, экспедиций по изучению природы Казахстана было снаряжено очень много, как со стороны центрального общества, так и со стороны местных отделов. В рассматриваемой теме для общего понимания экспедиционной деятельности РГО есть необходимость остановиться лишь на отдельных экспедициях, имевших большое научное значение. Одна из крупных экспедиций общества — экспедиция И. В. Игнатьева и А. Н. Краснова на Тянь-Шань в район Хан-Тенгри. В 1884 году П. П. Семенов-Тянь-Шанский обратился к генерал-губернатору Степного края Г. А. Колпаковскому о необходимости изучения именно Хан-Тенгри и прилегающих районов. ⁴⁷ Такая же просьба звучала и в письме И. В. Мушкетова Колпаковскому от 22 мая 1885 года, где он обращался: «... с покорнейшею просьбой не оставлять своим вниманием исследование замечательной горной группы Хан-Тенгри». ⁴⁸

В мае 1887 года произошло Верненское землетрясение, исследованием которого на местах занялся И. В. Мушкетов. В состав экспедиции вошли горные инженеры Ф. И. Брусницын и И. В. Игнатьев, а также М. Н. Лямин, Э. А. Штединг, топограф П. А. Рафилов, фотограф С. Ф. Николай и рисовальщик Н. Г. Хлудов. Экспедиция летом 1887 года обследовала обширный район землетрясения. И. В. Игнатьев обследовал территории к северу от Верного до Капала и Сергиополя, Ф. И. Брусницын — на восток от Верного вплоть до Кульджи, М. Н. Лямин и Э. А. Штединг — к западу от Верного, включая побережье Иссык-Куля. Топографам вменялось в обязанность провести съемки местности. Сам И. В. Мушкетов обследовал обширный район от Верного к Иссык-Кулю и обратно в Верный через г. Каракол и р. Чилик. В ноябре 1887 года был представлен предварительный отчет экспедиции, а окончательный опубликован в 1890 году.

Главным выводом научных работ экспедиции было то, что И. В. Мушкетов охарактеризовал землетрясение в Туркестане как тектоническое. После этого землетрясения И. В. Мушкетов стал уделять серьезное внимание сейсмологии.

Другая экспедиция под руководством С. Н. Никитина в 1892 году посетила Зауральские степи. Экспедиция носила сугубо изыскательский характер. Основной ее целью были физико-географические, геологические,

топографические, экономические и специальные исследования по железнодорожному строительству.⁴⁹

В задачи экспедиции входило всестороннее исследование обширного пространства между рекой Уралом, Каспийским и Аральским морями и в связи с возможным строительством железной дороги, которая связала бы р. Амударью с г. Уральском.

Экспедиция проработала все лето 1892 года и осенью возвратилась в Петербург. В результате работы экспедиции был собран большой географический и, в том числе, палеонтологический материал, который дал очень много для понимания геологического строения обширной территории. Важны результаты экспедиции в отношении полезных ископаемых региона. Комплексность экспедиции способствовала тому, что каждая партия действовала самостоятельно. Большая работа была проведена экспедицией в составе Л. С. Берга, П. Г. Игнатова, В. С. Елпатьевского в 1898 году по изучению озер Западной Сибири и Северного Казахстана.⁵⁰

В 1899–1902 гг. была проведена знаменитая Аральская экспедиция под руководством Л. С. Берга. Аральская экспедиция была организована Туркестанским отделом РГО. Еще в конце 1897 года на заседании отдела была определена роль Аральского моря и необходимость его изучения: «По экономической важности своей для края Аральское море занимает первое место среди озер Среднеазиатской низменности».⁵¹

В 1901 году был закончен первый цикл полезных исследований. В 1906 году Л. С. Берг побывал на восточных берегах моря, где собирал геологический и зоологический материал. К обработке этих материалов были привлечены видные ученые. В 1901 г. Л. С. Берг писал Н. Г. Маллицкому: «Если нам удастся довести это предприятие до конца, то это будет великое дело и ни одно из русских озер и морей не будет столь тщательно исследовано, как Аральское. Все материалы переданы в самые верные руки, известным специалистам и знатокам».⁵² Результаты экспедиции были опубликованы общим объемом в 95 печатных листов.

Сразу же после окончания Аральской экспедиции была задумана Балхашская экспедиция. В письме в центральное общество говорилось: «В будущем 1903 году предполагается организовать экспедицию для исследования физической географии и гидрологии Балхаша. Отдаленность этого бассейна и сложность предполагаемых работ потребует столь значительных расходов, которые не под силу скромному бюджету Туркестанского отдела. Принимая во внимание интерес, который представляет исследование этого бассейна, уже более полувека не посещаемого ни одним из естествоиспытателей и совершенно неизвестного с гидрогеологической стороны — Туркестанский отдел позволяет себе надеяться, что ИРГО сочувственно отнесется к этому предприятию и не откажет в материальном содействии. Работы на Балхаше, которые поручены действительному члену Л. С. Бергу, предполагается вести в течение 1903 и 1904 годов. Одновременно с гидрогеологическими работами предполагается провести инструментальную съемку берегов Балхаша с определением астрономических пунктов».⁵³ Балхашская экспедиция, как и Аральская, имела важное научное значение. Именно на материалах этих экспедиций Л. С. Берг пришел к тем идеям, какие заложены в новой отрасли географии — лимнологии (озероведение). Фундаментальные обследования берегов и самих

озер, а также вопросы хозяйственной деятельности и эксплуатационные возможности бассейнов Арала и Балхаша приводят ученых к современному взгляду на них. В 1902 году российский ученый, ботаник и географ В. В. Сапожников совершил путешествие в Жетысу. Маршрут экспедиции был рассчитан на пять месяцев и включал в себя обширные территории от озера Балхаш до Прииссыккуля и Джунгарского Алатау. В состав экспедиции входили член Берлинского географического общества Н. Фридрихсен и учитель В. Ф. Семенов.⁵⁴ В 1904 г. В. В. Сапожниковым были обследованы Джунгарский Алатау и бассейн рек, питающих Балхаш, В. В. Сапожников дал полную характеристику Жетысу, как отдельному району со своей флорой и фауной.

Тем самым В. В. Сапожниковым было сделано одно из фундаментальных географо-ботанических открытий. До него, в основном, Жетысу рассматривали как часть географического и административного Туркестана. В дальнейшем В. В. Сапожников еще раз посетил Жетысу в 1912–1913 гг.

Многие экспедиции предпринимались добровольно, таковы, например, поездки С. Е. Дмитриева по обследованию ледников близ Верного. Так, он писал в Туркестанский отдел: «16 июля 1902 г. я сделал рекогносцировку ледников в верховьях реки Малая Алмаатинка (по-киргизски Туук-су). Не нанесены эти ледники и на 3-верстной карте военных топографов, работавших здесь в 1890 году».⁵⁵

В целом экспедиционная деятельность в конце XIX — начале XX веков носила более или менее планомерный характер, имела свою программу, значительная экспедиции отправлялись в те районы, которые были или не исследованы или мало исследованы. В результате этих экспедиций был собран обширный фактический материал, который из фрагментов, т.е. результатов экспедиций, стал превращаться в единое целое по мере накопления фактов и исследовательской деятельности ученых.

В 70–80-е годы XIX века провели значительное изучение общественно-экономической жизни казахского народа: Д. Беркимбаев по вопросам этносоциального положения казахов, С. Жантюрин по изучению казахского фольклора, Б. Даулбаев по исследованию социально-экономического положения казахов Николаевского уезда, Т. Сейдалин о развитии земледелия среди казахов, М. С. Бабажанов по этнографии казахов.

В начале XX века многие казахские интеллигенты активно включились в работу местных отделов РГО. Так, материальная поддержка и участие в заседаниях Семипалатинского подотдела были со стороны Ш. Кудайбердиева, видного казахского писателя из окружения Абая.⁵⁶ В том же подотделе были напечатаны труды Ж. Акпаева, А. Букейханова. А. Букейханов был одним из активных деятелей Западно-Сибирского отдела РГО и избирался членом Распорядительного комитета.⁵⁷ М. Карабаев, С. Н. Нурмухамедов участвовали в проведении Всероссийской переписи 1897 года.⁵⁸

Наиболее полно в Русском географическом обществе, в его Западно-Сибирском отделе сумел проявить свои научные интересы Алихан Букейханов. Так, будучи соавтором одного из фундаментальных трудов дореволюционной России «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XVIII. Киргизский край» А. Букейханов сумел донести до широкого читателя всей России правдивую картину исторического прошлого казахского народа, его культуру. А. Букейханов создал глубоко научную картину жизни казахского общества того периода, впервые по-

знакомил широкого русского читателя с жизнью и деятельностью Абая, с большим пониманием отнесся к проблемам русской жизни того периода. Эти труды, а также публицистика на казахском языке в периодике сразу же поставили А. Букейханова на ведущее место в казахском обществе. Публикация различных статей в журнале «Сибирские вопросы» выдвинула А. Букейханова в качестве ведущего публициста казахской национальной идеи. Вслед за ним в трудах научных обществ появляются статьи Ж. Акпаева, М. Чорманова, ряда других корреспондентов из казахов. Одним из самых замечательных явлений в жизни Семипалатинского подотдела было научное собрание в 1914 году, посвященное 10-летию со дня смерти Абая, когда принимали участие в РГО не только корреспонденты, уже зарекомендовавшие себя, но и такие малоизвестные, как Н. Кульжанова. Все это свидетельствует о том, что казахская молодежь очень быстро приобрела интерес к научной работе и активно вмешивалась в общественную жизнь.

Практическая деятельность членов РГО в конце XIX—начале XX веков сочеталась с политической деятельностью. В этот период в большей степени, чем прежде, происходит размежевание реакционного и демократического направлений в деятельности РГО, участие членов из среды интеллигенции в политических партиях, а также использование РГО как трибуны для выражения своих взглядов. К концу XIX века изменился и Казахстан. Он становится многонациональным краем. Переплетение различных социально-экономических укладов, наличие различных сословий и классов породили и многообразие политических воззрений. В годы революции 1905–1907 гг. и после нее значительно активизировалась деятельность членов РГО в политической жизни края. Так, в январе 1905 года Н. М. Сиязов прочитал доклад, где явственно прозвучали мысли о свободе,⁵⁹ а А. Букейханов поддержал общую мысль докладчика. Этот инцидент получил широкую огласку. Необходимо отметить активизацию А. Букейханова и Ж. Акпаева в связи с высылкой последнего в Капал.⁶⁰ В документах администрации края они обвинялись в сепаратизме. Политические взгляды членов РГО вырисовываются в их научных трудах, переписке, выступлениях. Большую работу по изучению исторического прошлого казахского народа сыграла Оренбургская ученая архивная комиссия. В конце XIX века в 29 губерниях России были созданы ученые архивные комиссии. Их основной задачей были сбор и систематизация архивных источников по истории края. Вместе с тем в их задачу входило археологическое исследование территории губерний. Вместе с тем, на архивные комиссии возлагалось «независимо от прямой своей обязанности по местным обстоятельствам, включать в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников страны».⁶¹ Научным учреждением стала Оренбургская ученая архивная комиссия, которая была создана в 1881 году как комиссия по упорядочению архивных дел бывшей канцелярии Оренбургского генерал-губернаторства. При выяснении объема работ, целей и задач комиссии обнаружилось, что необходимо определить ценность и обеспечить сохранность огромного количества документов — более 90 тыс. дел, из которых только 1/10 часть должна была попасть в архив. Однако несмотря на имеющиеся трудности, в декабре 1887 г. была создана и начала работу Оренбургская ученая архивная комиссия в количестве 25 человек. Председателем был избран П. Н. Расков,

заместителем — Т. И. Андреев, секретарем — И. И. Ефимовский-Мировид (редактор «Оренбургского листка»). Главной задачей комиссии стало упорядочение архивного дела, изучение истории Оренбургского края, сбор археологических и этнографических материалов.⁶² Одним из сложных вопросов была материальная обеспеченность комиссии, средств для более широкой деятельности не хватало. В первый год работы были упорядочены архивные документы, где получили отражение документы по истории казахов, распоряжения администрации, документы о торговле и сношениях с соседними государствами. В целом, в делах отражено многообразие края, и многие ценные сведения о крае сохранились благодаря деятельности комиссии по упорядочению архивных дел. Вместе с работой по организации деятельности ОУАК проводились заседания с чтением научных докладов. Так, например, были заслушаны доклады Г. Н. Зеленина «О походе Перовского в Хиву в 1831—1833 гг., о восстании адаевцев на полуострове Мангышлак и об их усмирении», Н. Б. Иванова «О курганах в Оренбургском уезде»; М. Л. Юдина «Киргизы. Этнографический очерк». Наряду с местными краеведами к работе в комиссию были вовлечены как почетные члены В. В. Бартольд, Н. В. Покровский — директор С.-Петербургского археологического института, академик В. В. Радлов.⁶³ Представители казахской интеллигенции, а также интеллигенты из татар и башкир принимали деятельное участие в работе ОУАК. А. Б. Балгимбаев, А. Байтурсинов, М.-Ф. Т. Каримов, М.-З. М. Рамеев, М.-Ф. Сулейменов и другие вносили свой вклад в изучение Оренбургского края. Правда, в силу обстоятельств, их деятельность в этот период ограничивалась материальной помощью, а также личным участием в заседаниях, так как ОУАК вела сугубо собирательскую и организационную работу.

В трудах ОУАК было опубликовано множество документальных материалов по истории колонизации Казахстана XVIII—XIX вв. Из изданных материалов нужно отметить труд И. А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», где дан систематизированный обзор разнообразного источникового материала по истории Казахстана. Сам автор писал: «Я поместил народные сказания, приуроченные к разным древностям, имея в виду их тесную и неразрывную связь с последними (т.е. древностями) и со степным бытом, а также, быть может, древность некоторых из них».⁶⁴ По сути дела этот труд охватывал всю территорию Казахстана. Видными деятелями комиссии были И. А. Кастанье, А. И. Добросмыслов, И. В. Аненков, А. И. Аниховский, М. А. Родин и другие. Деятельность ОУАК не прерывалась вплоть до Октябрьской революции. Она внесла очень существенный вклад в разработку источников по истории Казахстана, которые имеют важное значение и сегодня.

После завоевания Туркестана и создания Туркестанского генерал-губернаторства встал вопрос о его доскональном изучении силами местных кадров. Одним из первых стало Среднеазиатское ученое общество, объединившее довольно значительную часть местных краеведов. В организации общества активную роль сыграл генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман и потому направленность общества была выражена в проекте устава: «Общество собирает, обрабатывает и распространяет сведения по части истории, географии, статистики, этнографии, естественных богатств, торговли и промышленности Средней Азии».⁶⁵ Общество было довольно обширным, ко дню его открытия в 1871 году в него входил 41

член. Среди разнообразной по своему характеру деятельности членов общества обращает внимание проект программы по составлению народных обычаев Туркестана, а также подготовка к печати «Сборника сведений по Туркестанскому краю». ⁶⁶

Эти проекты вылились в издание «Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 1—3. 1872—1874». В докладах общества имелись материалы по истории Казахстана, его социально-экономическом положении, с которым выступили Г. С. Загряжский, А. В. Каульбарс, А. П. Кун. Обращает внимание участие переводчиков в канцелярии генерал-губернатора — И. Г. Ибрагимов, И. И. Еникеева, И. Н. Бекчурина по проявлению научной инициативы по изучению жизни казахского народа, в частности, составления многоязычного словаря, в котором занял бы свое место и казахский язык. В целом, общество дальше проектов не пошло, но многие его члены впоследствии принимали деятельное участие в работе других научных обществ.

Наиболее полно вопросы изучения Туркестанского края получили в деятельности Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, который открылся в 1870 году. Туркестанский отдел занимался по программам центрального отдела и уже на их основе проводил многообразную научно-исследовательскую деятельность.

С 1879 года отдел выпускал свои «Записки». Одной из инициатив отдела была публикация сборника «Русский Туркестан» в трех выпусках, где научно отражены материалы по истории Казахстана. Деятельность отдела протекала в основном в 1871—1879 годах, в дальнейшем она несколько сократилась. Другим научным обществом по изучению юга Казахстана был Туркестанский кружок любителей археологии, созданный в 1895 году. В его цели и задачи входило выявление, учет и описание памятников археологии Туркестанского края. Кружок издавал свои труды под названием «Протоколы заседания Туркестанского кружка любителей археологии», которые выходили ежегодно. Немалый вклад в деятельность кружка внес начальник Аулие-Атинского уезда В. Н. Каллаур, описавший некоторые памятники юга Казахстана. С 1907 года активно работал Б. И. Кастельский как краевед по описанию оссуариев (у зороастрийцев — сосуды для хранения костей умерших).

Видное место в изучении юга Казахстана занимает Ташкентское отделение Общества востоковедения, работавшее с 1901 по 1913 год. Среди его участников можно назвать П. Остроумова, С. М. Граменицкого. Общество сыграло большую роль по изучению истории народов Туркестана, оно неоднократно выступало с инициативами по созданию востоковедческого центра в Ташкенте.

Необходимо отметить, что все эти научные общества оказывали влияние на формирование в среде казахской интеллигенции научного мышления, знакомили ее с европейским образованием и с развитием европейских общественно-политических течений, некоторые представители интеллигенции Туркестана вели активное общение с казахами.

Частью работы Русского географического общества являлась культурно-просветительская деятельность. Представители общественности как в центре, так и на местах большое внимание уделяли развитию музейного дела. Видный деятель РГО Д. А. Клеменц писал: «Музеи нужны не только для одних научных изысканий, а для практической жизни». ⁶⁷

В хронологических рамках темы необходимо остановиться на работе Семипалатинского музея, так как его работа в большей степени связана с Русским географическим обществом. Сам музей возник в 1883 г. в рамках просветительской работы областного статистического комитета. В 1893 г. он был передан Обществу попечения о начальном образовании. В 1902 г. музей принял Семипалатинский подотдел. К. Рычков отмечал: «Подотдел привел музей в порядок, — имеющиеся предметы сгруппированы в коллекции, которые, в свою очередь, разделены на пять отделов».⁶⁸ Это благоприятно сказалось на посещаемости музея, если в 1893–1894 гг. музей посетило 263 человека, то начиная с 1903 года его посещаемость резко возрастает с 720 человек до 2873 в 1913 году.⁶⁹ В работе музея активное участие принимали члены общества Н. Я. Коншин, В. Н. Белослюдов, А. Н. Белослюдов, И. Е. Мирошников и др. Кроме этого, центральное общество уделяло большое внимание и этнографии казахов, их территории. Так, известный в России Дашковский музей имел коллекцию предметов Туркестанского края от А. П. Федченко, поступили туда пожертвования А. Н. и Н. М. Харузиных.⁷⁰ В 1909 году были проведены совещания по созданию центрального этнографического музея, в совещаниях приняли участие Д. А. Клеменец, В. И. Ламанский, В. Н. Пыпин, В. В. Радлов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский и другие члены РГО. В результате было принято решение создать отдел «этнографии Российской империи, славян и сопредельных стран», а несколько ранее в 1900 г. был послан С. М. Деррен в Среднюю Азию с заданием собрать коллекции и фотоматериалы.⁷¹

Вместе с музейной работой проводилась работа по созданию и укреплению библиотек, а также книгообмена между различными учреждениями. И в этом плане большую работу провели деятели Русского географического общества. Так, известные путешественники П. К. Козлов и В. М. Роборовский выслали каждый по 100 руб.: «...чтобы деньги были употреблены на устройство в г. Караколе народной читальни для жителей как города, так и окрестных деревень», а вместе с тем они обращались к военному губернатору Семиреченской области: «...желательно дать хоть начало устройству при этой читальне музея, в который были бы собраны образцы зоологические, ботанические и минеральные Иссык-Кульской долины и окрестности края».⁷² Ранее военный губернатор Семиреченской области при обращении в Западно-Сибирский отдел в 1885 г. высказался определеннее: «На всем обширном тысячеверстном протяжении владений в Средней Азии имеется только одна библиотека, — в Ташкенте, где можно получить какие-либо книги и пособия для научных работ по изучению наших Туркестанских владений. Ни в каком другом, не только уездном, но даже и областном городе Туркестана, библиотеки с более или менее серьезными и значительными пособиями к изучению края не имеется, а отсутствие таких пособий чувствуется на каждом шагу».⁷³ Несмотря на трудности, эта работа велась оживленно и, уже на заседании, посвященном 20-летию Туркестанского отдела в 1917 г., было сообщено: «Собрана и открыта для пользования богатая библиотека».⁷⁴ Общество постоянно осуществляло книгообмен, а также высылку литературы по самым различным вопросам.

В начале XX века интеллигенция с энтузиазмом встречала решения об открытии обществ трезвости по устройству народных чтений, поэтому деятели Русского географического общества принимали в них активное

участие. Так, председателем Комитета по устройству народных чтений в Семипалатинской области был Б. Г. Герасимов – известный деятель РГО, членом Комитета попечительства о народной трезвости был Е. П. Михаэлис. Среди лекторов также много было деятелей РГО. В том же Семипалатинске, лекторами Комитета по устройству народных чтений были В. Н. Белослюдов, В. С. Усов, Н. Я. Коншин и др.

Каждый член РГО вел большую общественную работу. Поэтому, когда велось наступление реакции, в первую очередь закрывались библиотеки, народные читальни и т.д., а их работа жестко регламентировалась. Так, степной генерал-губернатор указанием от 12 января 1910 г. считал: «...что главный начальник края признал необходимым допускать в помещении, занимаемом Отделом, кроме лекций, устраиваемых Омским попечительством о народной трезвости, исключительно лишь лекции научного характера, разрешенные к прочтению в установленном законом порядке».⁷⁵ В этом же документе оговорилось участие в чтении лекций отдельных лиц: «Кроме сего предупредить для сведения, что его высокопревосходительство господин генерал-губернатор признал нежелательным какое бы то ни было публичное выступление на концертах, вечерах и лекциях проживающего в городе Омске доктора медицины Емельянова».⁷⁶ И такого рода указания систематически доводились до сведения Русского географического общества и его отделов.

Кроме таких форм работы, общество и его отделы постоянно и деятельно участвовали в организации и проведении всевозможного рода выставок. В конце XIX – начале XX веков эта форма работы служила и для обмена опытом, и для поиска новых направлений в научной работе, и показом достижений в исследовательской работе. Одной из самых больших выставок, получивших широкое признание, была Нижегородская выставка 1896 года. Так, еще в начале 1895 года в своем отчете о поездке в Петербург Г. Е. Катанаев писал: «П. П. Семенов на специально назначенном совещании выразил мысль о желательности принять под знамя Западно-Сибирского географического отдела дело организации представительства Степного края на Всероссийской Нижегородской выставке следующего года».⁷⁷ Участие отдела на выставке было успешным: «За участие в Нижегородской выставке Западно-Сибирский отдел был награжден дипломами первого класса и в высшей степени лестным и ценным для него благодарственным и поздравительным письмом Вице-председателя центрального географического общества П. П. Семенова от 28 октября 1896 года. По отзыву П. П. Семенова, Западно-Сибирская степная группа отличалась замечательной полнотой коллекции и привлекла массу посетителей».⁷⁸ И в последующих выставках члены РГО принимали посильное участие: «... для первой Международной выставки исторических и современных костюмов собрано в уездах Высочайше вверенной мне области и отправлено а) в Западно-Сибирский отдел ИРГО – 30 исторических и современных костюмов туземного киргизского населения и б) на имя Августейшей председательницы Комитета означенной выставки... – пять костюмов», – так сообщал военный губернатор Семипалатинской области от 18 октября 1902 г.⁷⁹ Выставки были необходимы для Географического общества как форма работы с населением, как пропаганда краеведческих материалов и они были постоянно во внимании центрального Совета и отделов, комис-

сий и т.д. Благодаря выставочным работам РГО, широкая общественность страны знакомилась с уровнем развития не только географии, но и других близких к ней научных дисциплин.

Вопросы социальной организации казахов, их обычного права были во внимании русских ученых. В 90-е годы XIX века известный ученый Западно-Сибирского отдела РГО А. И. Крахалев занялся изучением вопроса барымты у казахов. Ученый подтверждает, что «барымта совершается преимущественно в случаях неудовлетворения каких-либо законных требований»,⁸⁰ когда «...потеряв надежду на сведение счетов мирным путем, обиженный обращается к помощи своих родичей».⁸¹ А. И. Крахалев рассматривает размеры «куна», неподвластность барымты законам империи и приводит примеры нарушения их и со стороны кочевников, и со стороны администрации.

Другой исследователь Западно-Сибирского отдела С. Максимов, анализируя казахское обычное право, приходит к выводу, что оно неминуемо должно исчезнуть. Причинами тому, по его мнению, служит, во-первых, шариат. «Однако, отсталое воздействие шариата на обычай кочевников крайне нежелательно, ибо оно влечет за собой косность и фанатизм».⁸² Второй фактор — это мировой суд. «Полезная форма суда неотразимо врывается в народные обычаи»,⁸³ и, наконец, переселение, которое «...попирает самые различные права. Примером может служить появление в этих обычаях нового преступления, неизвестного ни одному кодексу — отдача в аренду крестьянских детей, влекущая за собой штраф и арест».⁸⁴ Тем самым автор подчеркивает свое гуманное отношение к старым обычаям казахов и в то же самое время уповает на справедливость земского управления. Так, П. Е. Маковецкий, делая доклад «Юрта», указал на важность в практическом и научном отношении изучения жизни «киргизов, к которым европейцы относятся свысока, считая их полудикими».⁸⁵

Видный исследователь А. И. Добросмыслов в своих «Этнографических очерках» писал: «Киргизы живут совершенно особой жизнью или по нашим понятиям далеко не привлекательной, но тем не менее, не лишенной многих хороших сторон, вполне заслуживающих изучения. Простота их нравов, особенность мировоззрения полна глубокого этнографического интереса и представляет для исследователя такое же обширное поле, как велика сама киргизская степь».⁸⁶ В этих строках намечены пунктиры для исследователей социальных отношений, и вместе с тем демократизм самого ученого, его глубокая заинтересованность в изучении казахского общества того времени. Некоторые из ученых подвергли критике патриархальные устои казахского общества. Так, И. Пахомов писал: «Родовая община не спасла киргиз от неравенства. Расслоение различных классов киргиз вполне реально, хотя не достигает таких размеров, как в Европе. Родовая община ведет даже еще к большему гнету одних над другими, чем было при других условиях».⁸⁷

Так, во взаимодействии представлений казахов и аналитического подхода российских ученых, вырабатывались научные представления по социальным вопросам развития не только казахского общества, но и, в целом, кочевников. В последующем выросло более углубленное понимание жизни казахского общества в работах современных историков.

Многогранная деятельность различных научных учреждений по изучению Казахстана стала предметом исследования истории науки. Науковедение последовательно и целеустремленно занимается многими вопросами истории формирования науки в Казахстане и о Казахстане. Несколькими строками о деятельности Русского географического общества и отдельных научных обществ очертили только типичные контуры целей и направлений в их деятельности. Весьма характерной в тот период была деятельность академической науки, которая, изучая и описывая многие сферы жизни Казахстана, положила начало систематизации научной мысли в последующем. Так, XII конгресс ориенталистики в Риме (1899 г.) в своих решениях считал нужным и «желательным образование международного Союза для изучения Средней и Восточной Азии», в результате был создан комитет такого Союза в 1903 г. при Министерстве иностранных дел России, председателем его был избран В. В. Радлов, а после его смерти в 1918 г. — известный востоковед С. Ф. Ольденбург.⁸⁸ Тем самым были признаны заслуги российского востоковедения, в том числе и его вклад в изучение Казахстана. Весьма значительным явлением стала публикация научного наследия Ч. Ч. Валиханова в 29-м томе «Записок» РГО по этнографии (1904 г.). В начале XX в. издавался международный труд «Энциклопедия ислама», в котором получили отражение сведения о Казахстане и казахском народе, в тот же период стал издаваться журнал «Мир ислама», в издании его деятельное участие принял В. В. Бартольд.

Большой вклад в изучение истории и культуры Казахстана и казахского народа внесли В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, А. А. Диваев, Н. Я. Коншин, А. И. Добросмыслов, И. И. Крафт, Ф. К. Зобнин, Н. А. Аристов, Н. Н. Пантусов и др. С 1882 г. при Министерстве госимущества создается Геологический комитет, который многие свои исследования проводил в Казахстане. В конце XIX и начале XX вв. в Казахстане работали экспедиции по обследованию естественных условий и социальных возможностей Казахстана как объекта для широкомасштабной переселенческой политики. Эти экспедиции были организованы Главным управлением земледелия и землепользования Министерства госимущества, а также Главным переселенческим управлением. Эти экспедиции возглавлялись Ф. А. Щербиной, В. С. Кузнецовым, П. П. Румянцевым и др. А изданные их «Материалы» представляют собой многотомные собрания с огромным количеством сведений, в том числе из жизни казахов, русских, уйгур в конце XIX — начале XX веков.

Таким образом, Казахстан стал одним из крупнейших объектов научного исследования, в котором концентрировались самые разные сферы и направления, часто идеологически подкреплявшие политику правящих сил Российской империи.

В начале XX века в Казахстане получили распространение в среде казахского населения книги как духовного, так и светского содержания. Так, с 1900 по 1917 гг. было выпущено книг на казахском языке или доступных для понимания казахским читателям около 400 названий, а в целом к 1917 г. за весь дореволюционный период — около 700 названий, в том числе с 1912 по 1916 гг. — 156 названий тиражом 65 800 экз. По всей Российской империи только в 1912 г. для мусульманских читателей было выпущено 608 названий тиражом 2 812 130 экземпляров.⁸⁹ Книги печатались в Оренбурге, Уфе, Троицке, Уральске, Астрахани, Верном, Санкт-

Петербурге, Ташкенте. В особенности, большую роль в распространении книг сыграли типографии Шамсудина Хусаинова и братьев Каримовых. Так, типография братьев Каримовых с конца XIX в. по 1917 г. выпустила около 2000 названий, в начале XX в. обе типографии объединились в совместное предприятие в Оренбурге. В 1912 г. была организована типография для печатания книг в Семипалатинске, в других городах это были государственные предприятия. Нужно отметить, что типография не только печатала, но и была издательским предприятием.⁹⁰ Значительный вклад внесли в развитие казахской печатной книги Кашафутдин Махмудов, который перевел на доступный для казахов язык с 1859 по 1899 гг. 22 книги, Акылбек Сабаулы перевел с 1909 по 1915 гг. 15 книг, Жусупбек Шейхулисламов с 1879 по 1915 гг. — 15 книг, Макаш Балтаев с 1904 по 1913 гг. — 7 книг, Шатиторе Жангиров с 1910 по 1915 гг. — 9 книг, Спандияр Кубеев — 3 книги.⁹¹

Книги на русском языке распространялись по библиотекам и магазинам книжной торговли. Они в основном печатались в С.-Петербурге и Москве, а также в губернских городах. В начале XX в. ширилась сеть библиотек и книжных магазинов. В 1906 г. были изданы «Правила о народных библиотеках при народных учебных заведениях», которые стали применяться и в Казахстане. Вместе с библиотеками учебных заведений появились публичные общедоступные библиотеки в 1902 г. в Верном, в 1897 г. — в Акмолинске, в 1900 г. — в Атбасаре. Библиотеки в Верном, Петропавловске посещали ежедневно 70–80 читателей. А уже в 1905–1907 гг. только в Петропавловском уезде открылось 47 библиотек.⁹² Рос фонд библиотек; так, библиотека статистического комитета в 1917 г. в Верном насчитывала 6600 томов из 3500 названий.⁹³ Есть сведения о библиотеке в Семипалатинске, в 1902 г. она состояла из 2866 названий, а фонд периодических изданий — из 59 наименований, в 1903 г. она имела 100 абонентов.

3. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАЗАХСТАНА

К началу XX века в Казахстане шел процесс формирования национальной казахской интеллигенции, часть которой получила европейское образование. Она испытала на себе влияние не только национального движения Востока, но и буржуазных революций Запада, нарастающее давление оппозиционно настроенных царскому режиму своих соотечественников. После революции 1905–1907 гг. новые обороты набирало мусульманское движение России, в том числе тюркских народов. Возникновению и развитию периодической печати способствовало и развитие капитализма, товарно-денежных отношений, транспорта и связи, дальнейшая колонизация края. Конкуренция нарождающейся национальной буржуазии с господствующей русской буржуазией, проникновение иностранного капитала вызвали необходимость реформы системы образования, печати и связи.

В 1905 году в России была завоевана свобода печати. Впервые в русской истории свободно заявили о себе революционные газеты. Количество печатных изданий в России к 1900 году насчитывало 1002 названия, а уже в 1905 году выходило 1350 газет и журналов, по почте пересылалось 372 млн экземпляров газет. В 1908 году выходило 2028 периодических из-

даний, а общее число читателей составляло 30–35 млн человек. Особенно быстрыми темпами росло число газет. Так, в 1891 году насчитывалось 70 ежедневных газет, в 1912 году их число возросло до 417, а к 1913 году — до 649, в 1915 г. вышло еще около 200 новых названий газет. Надо подчеркнуть, что половина периодических изданий выходила в Москве и Петербурге.

Новый этап освободительного движения, являвшегося частью общероссийского, ознаменовался развитием и национальной периодической прессы. В годы революции 1905–1907 гг. широко распространилась печать тюркских народов, представлявшая интересы самых различных классов и слоев общества. На территории азиатской части страны, в том числе в Средней Азии и Казахстане, выходили издания социал-демократического, революционно-демократического, либерально-буржуазного, а также клерикально-монархического характера с тем или иным оттенком. В 1905–1907 гг. по всей России на татарском языке одновременно легально выходили 33 издания (21 газета и 12 журналов): 11 — в Казани, 7 — в Оренбурге, 5 — в Астрахани, по 4 — в Уральске и Петербурге, по 1 — в Москве и Уфе.⁹⁴ Демократическая пресса была представлена газетами «Фикер» («Мысль»), «Азат» («Свободный»), «Танг юлдузы» («Утренняя звезда»), «Азат халык» («Свободный народ»), «Дума», «Танг мажмугасы» («Утренний альманах»), «Тавыш» («Голос»), «Эль-ислах» («Реформа»); журналы «Эль-гаср-эль джадид» («Новый век»), «Уклар» («Стрелы»), «Карчыга» («Ястреб»), «Туп» («Пушка»)).⁹⁵ О влиянии книг, газет, выходивших на тюрко-татарском и казахском языках, М. Сералин впоследствии писал: «Я, как голодный, набросился на них и прочитал на одном дыхании. По прочтении их мои мысли озарились, как солнце, вышедшее над горизонтом».⁹⁶ В те годы М. Сералин регулярно читал и анализировал публикации демократических изданий «Факел», «Уклар», «Эль-гаср-эль джадид».

Первые издания периодической печати на казахском языке были созданы органами колониальной власти: «Туркістан уалаятынын газеті» (1880–1882), «Дала уалаятынын газеті» (1888–1902). Первая выходила в Ташкенте и была официальным органом Туркестанского генерал-губернаторства, а вторая издавалась в Омске Степным генерал-губернаторством. (После 1902 г. они издавались как приложения к «Ведомостям» Акмолинской и Семиреченской областей.) Эти органы по разумению власти издавались с целью закрепления колониальных захватов и духовного повиновения подданных на Востоке. Колониальная администрация печатала в них указы царя, распоряжения правительственных органов, освещала процесс освоения колониальных окраин, разъясняла суть имперской политики, осуществлявшей «цивилизаторскую миссию» по отношению к инородцам.

Таким образом, эти издания носили информационно-справочный характер. Наряду с этим на газетные органы была возложена миссия пропаганды образа жизни колониального края под эгидой империи. С этой целью в неофициальном отделе были опубликованы материалы по истории, этнографии и литературе тюркских народов.

На страницах этих газет печатались в переводе произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.А. Крылова, М.Ю. Лермонтова, Г.И. Успенского, информация о достижениях в области науки и техники, экономической жизни народов мира, обобщался опыт хозяйственного освое-

ния края. Огромный интерес для казахских читателей представляли публикации по истории казахского народа, о поговорках и пословицах, об устном народном творчестве, айтыхсах. Росту престижа этих газет среди «туземного» населения способствовали публикации образцов творения классиков восточной литературы («Шахнаме», «Фархат–Шырын», «Тысяча и одна ночь» и т.д.). На страницах «Туркістан уалаятынын газеті» впервые в 1870 году на казахском языке была опубликована статья о Ч.Ч. Валиханове. Русские читатели впервые познакомились с произведениями И. Алтынсарина, А.Кунанбаева, М.-Ж. Копеева, представленных в русском переводе. Активными авторами «Дала уалаятынын газеті» были М.-Ж. Копеев, Ш. Кудайбердиев, А. Букейханов, О. Альжанов, С. Чорманов, М. Жанайдаров, Б. Сыртанов, Ж. Акпаев, Ж. Айманов, А. Айтбакин и др. Как видно, просветители Казахской Степи нового поколения прошли своеобразную обкатку в начале своих творческих изысканий.

Машхур-Жусуп Копеев.

Однако было бы огромным преувеличением считать эти официальные органы царской власти духовными наставниками казахского народа, оплотом его просвещения. Они, главным образом, были проводниками колониальной политики империи. Достаточно сказать, что из 633 статей, опубликованных в 323 номерах «Туркістан уалаятынын газеті», одна третья часть была посвящена отношениям России с соседними государствами, обоснованию имперской внешней политики.⁹⁷ Правы исследователи, академик НАН РК С. Зиманов и К. Идрисов, когда считают, что «но и эти газеты, вопреки намерениям царского правительства, сыграли в целом положительную роль в общественной жизни края».⁹⁸

Развитие национальной казахской печати. Становление неофициальной казахской периодической печати неразрывно связано с общим освободительным движением начала XX века. Она зародилась лишь благодаря революции 1905–1907 гг. Однако процесс рождения этих изданий был довольно мучительным. 28 марта 1907 г. по инициативе депутата II Государственной Думы Шаймердена (Шахмардана) Кошегулова (соредактор А. Ибрагимов) вышел первый номер газеты «Серке» как приложение к газете «Улфат». По свидетельству Ш. Кошегулова, было издано всего 3–4 номера. Цензура признала ее неблагонадежной, и газета была закрыта.⁹⁹

В марте 1907 г. в Троицке вышел первый номер «Казах газеті», ставший одновременно и последним. Автором передовицы «Наши цели» арестованного второго номера был М. Дулатов.¹⁰⁰ В том же году не увенчалась успехом и попытка казахской молодежи наладить издание газеты «Дала» («Степь») в г. Томске.

Стремление демократической общественности казахского общества по созданию печатного национального органа набирало силу. В г. Уральске на казахском и русском языках 16 марта 1911 г. вышла газета «Казах-

стан» малого формата. Всего за 1911–1913 гг. (январь–февраль) вышло 16 номеров (редактор Елеусин Буйрин). Благородной целью газета считала «обучение предпринимательству и науке». По утверждению профессора У. Субханбердиной, газета была прогрессивно-демократического толка, призвала соотечественников к освоению передовой русской культуры. Она информировала читателей о новинках книгоиздания, давала советы по прогрессивному ведению хозяйства. Впервые на ее страницах была опубликована информация об открытии нового месторождения нефти в Гурьевском уезде.¹⁰¹ С сентября по декабрь 1913 г. в Петропавловске выходила газета «Ешім даласы».

Однако эти региональные газеты с ограниченными тиражами не могли удовлетворить растущие запросы различных слоев огромного региона. Создание периодической печати общенационального масштаба по-прежнему оставалось общенациональной проблемой.

Журнал «Айкап». В конце 1910 г. после долгих усилий М. Сералину удалось получить разрешение на издание журнала. «Киргизу Кустанайского уезда Чубарской волости аула № 5 М. Сералину, — говорилось в документе, — выдано разрешение на издание в г. Троицке под его ответственность ежемесячного журнала «Эй-каф» по следующей программе: передовые статьи, заграничные вести, вопросы мусульманской жизни, хроника, фельетоны и стихотворения, библиография и научные статьи, смесь и письма в редакцию».¹⁰² Многолетняя заветная мечта прогрессивной демократической интеллигенции сбылась: 10 января 1911 года в Троицке вышел первый номер первого в истории казахского национального журнала «Айкап». Именно ему, а позже и газете «Казах», вышедшей 2 февраля 1913 г. в г. Оренбурге, было суждено стать общенациональными органами.

М. Сералин (1872–1929) — организатор и издатель, идейный руководитель и редактор, ранее занимался педагогической и журналистской деятельностью, был известным к тому времени поэтом, литератором,

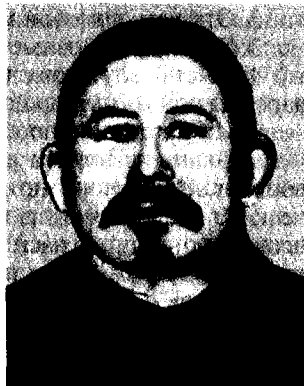
общественным деятелем. В период всевластия советской историографии многие исследователи в угоду идеологии стремились поставить М. Сералина в начале XX века в круг революционных социал-демократов Южного Урала. Все это предпринималось с целью противопоставления журнала «Айкап» газете «Казах», которую Советская власть обвиняла в контрреволюционном национализме. По свидетельству самого же М. Сералина, журнал «не был органом трудящегося класса. Он, будучи народным, не придерживался определенной классовой, политической и экономической ориентации».¹⁰³ Не случайно газета «Оренбургский край» назвала журнал «туземно-народным изданием».

Отмечая заслуги М. Сералина, исследователи справедливо подчеркивают, что он был «первым, наладившим издание нацио-

Журнал «Айкап».

нального журнала демократического направления в Казахстане. Журнал «Айкап» стал окном в просвещенный мир».¹⁰⁴ Следует лишь добавить, что М. Сералину после казахского набата «Оян, казак!» М. Дулатова удалось на деле консолидировать демократическую интеллигенцию, либерально-революционно настроенную студенческую молодежь, сконцентрировать их внимание и силы на решение общенациональных проблем. «Айкап» будировал казахское общество после реакции царизма, газета «Казах», продолжая лучшие его традиции, поднялась на новую высоту.

М. Сералин.

Ведущими идеологами журнала, наряду с М. Сералиным, стали Б. Каратаев, Жанша Сейдалин, С. Торайгыров. Вокруг «Айкапа» сплотились представители разночинной казахской демократической интеллигенции, талантливой студенческой молодежи. Активно сотрудничали в журнале А. Галимов, М. Жолдыбаев, Т. Жомартбаев, М. Кашимов, К. Кеменгеров, М.-Ж. Копеев, Г. Мусагалиев, Б. Сыртанов, С. Лапин, Н. Манаев и др. Росту престижа журнала способствовало участие в его работе на начальном этапе А. Байтурсынова, М. Дулатова. Широкая демократическая общественность Степного края смогла познакомиться с творчеством одаренных личностей, ставших впоследствии выдающимися деятелями казахской культуры, литературы: С. Сейфуллина, Ш. Кудайбердиева, Б. Майлина, С. Донентаева, С. Торайгырова, М. Жумабаева. На страницах журнала выступали кыргызы И. Арабаев, ногаец С. Габбасов, туркмен Ш. Назари и др. Проблему женского равноправия, эмансипации казахских женщин, охраны детства и материнства поднимали на страницах журнала женщины-казашки: Сакыпжамал Тлеубайқызы, Марьям Сейдалина, Куляйым Утегенқызы, Назипа Кульжанова.

В первом номере журнала М. Сералин разъяснял читателям долгую эпопею по созданию издания: «Мы постоянно упрекали друг друга в лени и тупости и от досады часто разводили руками. Увы-увы, к сожалению ошибки нам не шли впрок. Это дало и название журналу. («Ай-қап» (дословно) — как жаль: возглас досады, сожаления, увывы)».¹⁰⁵

Журнал «Айкап» выходил с января 1911 г. по сентябрь 1915 г., сначала один раз, а затем два раза в месяц. Всего вышло 88 номеров, тираж доходил до 1000 экземпляров.¹⁰⁶

Как свидетельствует рубрика «События» («Уақиғалар»), информация поступала отовсюду: из Ташкента, Верного, Чимкента, Аулие-Аты, Уральска, Кустаная, Тургая, Актюбинска, Мангыстау, Букеевской Орды, Омска, Капала, Семипалатинска, Аягуза и т.д.

В передовице, озаглавленной «Что нам делать?» («Бізге не істеу керек?»), «Айкап» так определил свою программу:

«1. Переход к оседлости, возведение городов (речь идет об аулах деревенского типа. — *Ред.*), не отрывать от земли.

2. Открыть школы и медресе, стать образованными и культурными.
3. Взять религиозные дела в свои руки, избрать своего муфтия.
4. Иметь депутатов с тем, чтобы они могли отстаивать с трибуны Государственной Думы народные интересы и донести их до правительства.
5. Иметь постоянную представительство в Петербурге».¹⁰⁷

«Айкап» из номера в номер огромное внимание уделял земельному вопросу. Это и понятно. Царизм в целях расширения темпов переселенческого движения русских и украинских крестьян создавал переселенческий фонд путем насильственного изъятия плодородных казахских земель. Лидеры «Айкапа» в этих условиях считали необходимым оседание кочевников и полукочевников, строительство «аульных деревень», изменение на основе земледелия образа жизни казахских шаруа. Иную точку зрения занимали лидеры газеты «Казах», прежде всего А. Букейханов. Дискуссия по земельному вопросу между журналом и газетой отнимала много сил у обеих сторон.

Журнал «Айкап» стал глашатаем просвещения и культуры. М. Сералин считал, что «наш век — век науки».¹⁰⁸ Он был последователем Ш. Марджани и И. Алтынсарина. И. Гаспринского, родоначальника джадидизма, новометодного звукового обучения, он считал своим учителем и наставником.¹⁰⁹

Джадидизм сложился в конце XIX века как идейно-политическое течение, его последователей называли джадидами («новые»). Джадида выступали против засилья мусульманской религии, были сторонниками приобщения своих народов к европейской культуре, прежде всего к европейскому звуковому методу обучения в мектебе и медресе. В Казахстане джадидизм не развился, хотя деятелей-джадидов было достаточно. Джадидизм, предложенный И. Гаспринским, считал главным препятствием на пути к цивилизации засилье ислама, средневековые традиции и нравы. Степень влияния ислама на духовную жизнь казахов была значительно слабее по сравнению с Татарией, Башкирией, Крымом и Туркестаном. В Казахстане просветительское движение главной преградой на пути национального возрождения считало колониализм. И. Гаспринский выступал под знаменем тюрко-татарского единства. Просветители же в Казахстане стали стеной против гегемонии татарских и бухарских теологов, тюрко-татарской письменности. «Труды видных просветителей Востока убедили нас, — писал М. Сералин, — в полезности обучения и образования и уважения языка родного народа».¹¹⁰

Тем не менее М. Сералин, по свидетельству С.Д. Асфендиарова, «пожалуй, в наибольшей степени был связан с татарской культурой и ее прогрессивной традицией».

М. Сералин, последователи «Айкапа» были сторонниками классического джадидизма. Они считали, что основная причина отсталости, архаичности казахского общества кроется в неграмотности населения (надандык), невежестве мулл, расточительстве и жестокости богатых (кайырымсыздык), грабеже казахских крестьян колонизаторами. Выход во всем этом они видели в просвещении общества, новометодном обучении по системе И. Гаспринского, в реформировании системы духовного обучения, в переходе казахов на оседлый образ жизни (кала салу). Для своего времени эти идеи были прогрессивными. Заслуга М. Сералина и айкаповцев состоит в том, что они пошли дальше джадидизма, просвети-

тельства, поднялись до уровня революционных демократов, отражавших в своих идеях разрозненные и стихийные чаяния и думы казахских шаруа, трудящихся масс. Айкаповцев по типу младотюрков можно было бы назвать младоказахами, участниками младонационального буржуазно-демократического движения. Вместе с тем, в отличие от младобухарцев-джадидов М. Сералин и его последователи, будучи свободными от клерикализма, скорее были либеральными демократами, пропагандистами оседлого фермерского способа хозяйствования, передовой русской культуры. После выхода в свет газеты «Казах» в рядах айкаповцев произошел раскол. Одни примкнули к сторонникам мусульманского движения (Б. Каратаев), другие шли от просветительства к идее ломки колониальной системы, создания казахской национальной государственности, национальной системы образования. История доказала правоту тех, кто последовательно шел вперед, отстаивая коренные общенациональные интересы.

Просветительскому движению начала XX в. мы обязаны тем, что в Казахстане появилась целая плеяда замечательных людей,¹¹¹ ставших во главе национального возрождения, подготовивших реальную основу для осуществления уже после революции широкого наступления в области народного образования. Так же, как и великие представители эпохи Просвещения Запада, которые, «просвещая головы», расчистили путь для новых общественно-политических отношений, так и первые казахские просветители заронили в сознание своего народа идеи свободы, равенства и братства, справедливости, дух борьбы с тиранией.

М. Сералин являлся ярким представителем нового поколения казахских просветителей и сделал очень много в области просвещения народа и воспитания целого поколения казахов. Он писал, что его «радует переход на новометодное обучение детей, открытие в Актюбинске учительской школы, появление на местах школ и медресе, обучение казахских детей в городских школах и медресе, увеличение обучающихся в них».¹¹² Твердо отстаивая свои просветительские идеи, он писал: «Из того, что мы постоянно и без устали обсуждаем, можно сделать два вывода: возводи города, живи компактно и только тогда можно распоряжаться хотя бы небольшим участком плодородных земель. Возводи мектебы и медресе, открывай школы, учи детей, овладевай искусством ремесла, только тогда ты станешь человеком, составляющим народность. Иначе тебя сотрут с лица земли».¹¹³

В статье «Наше положение в прошлом и теперь» М. Сералин подчеркивал, что ученые уподобляют «развитие мира боевым сражениям... В этой войне побеждает не тот, у кого много людей, а побеждает тот народ, у кого выше наука, искусство. Поэтому, если мы не хотим попасть под пяту в соревновании с другими народами, нам надо вооружать детей знаниями». «Раздумывая о современности, — продолжал далее автор, — приходишь к мысли: чтобы действовать и жить счастливо в Российском государстве, необходимо овладевать наукой, искусством и знать русский язык. Для этого нужна школа, а она не под силу четырем-пяти семьям. Нет другого выхода, кроме основания села, поселка».¹¹⁴

Вместе с тем М. Сералин публиковал на страницах «Айкапа» статьи авторов, пытавшихся в форме переложения, в доступной форме изложить содержание священной книги мусульман.

Велика роль журнала «Айкап» в изучении казахского фольклора, становлении абаеведения, пропаганде духовного наследия русской и мировой классической литературы.

Вместе с тем на страницах журнала порой печатались публикации, проповедующие тюрко-татарский подход к новометодному обучению. Налет религиозности и приверженности шариату содержался в статьях М.-Ж. Копеева, Д. Кашкымбайулы и др. На страницах «Айкапа» организованно публиковались авторы, отдающие предпочтение новометодному обучению на тюрко-татарском языке, выступающие против реформаторских поисков А. Байтурсынова в области казахской письменности.

Большие финансовые затруднения, значительно обострившиеся в условиях начавшейся Первой мировой империалистической войны, отход некоторой части интеллигенции на сторону газеты «Казах», завоевавшей к тому времени популярность своей художественной зрелостью, возрождением казахской словесности, стройностью стиля и, самое главное, — постановкой назревших общенациональных проблем, обусловили прекращение выхода в августе 1915 г. журнала «Айкап».

В среде самих просветителей росло разочарование, усугублялось расхождение в их рядах на сторонников революционных методов и сторонников умеренности и компромисса. В литературе на протяжении всего XX века идет спор по вопросу причины закрытия журнала. Не вступая в дискуссию, следует лишь заметить, что вряд ли кто-либо из деятелей национально-освободительного движения начала века мог конкурировать с лидерами (А. Байтурсынов, А. Букейханов, М. Дулатов), создавшими газету «Казах», которая стала главным национальным общественно-политическим и научно-литературным изданием в преддверии русских революций и крушения самодержавия.

Общенациональный печатный орган — газета «Казах». Газета «Казах» выходила как еженедельное издание. За период с февраля 1913 по январь 1918 г. вышло 265 номеров тиражом 3000 экземпляров. Отдельные номера издавались тиражом до 8000 экземпляров. «Созданная почти из нечего и существовавшая в тяжелых условиях царско-полицейского режима, — писал М. Дулатов, — благодаря умелому руководству и самоотверженному труду А. Байтурсынова газета перед закрытием имела свою собственную типографию, большой запас бумаги, небольшую библиотеку, тираж превышал 8000». ¹¹⁵ Редколлегия в новогоднем 45-м номере за 1914 год сообщала, что газету выписывают казахи 10 областей. Кроме того ее получают читатели из Оренбурга, Уфы, Казани, Петербурга, Москвы, Томска, ряда других городов, а также Турции и Китая. ¹¹⁶

Редактором газеты «Казах» во время оренбургской ссылки стал Ахмет Байтурсынов, к тому времени признанный лидер просветительского движения, выдающийся поэт, публицист, ученый-тюрколог, по определению М. Дулатова, «творец школы казахской словесности», но прежде всего — пламенный общественный деятель с широчайшим кругозором и видением путей национального развития. Преданность идеалам освободительного движения, интересам консолидации и духовного взлета казахского народа, необыкновенный талант и энциклопедические знания во многих областях науки поставили его в первые ряды просветителей и духовных отцов нации. 19 мая 1914 года канцелярия Главного управле-

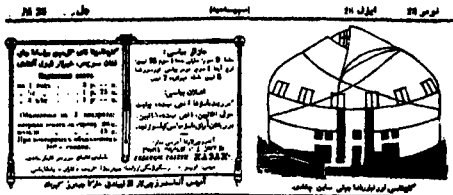
ния по делам печати разрешила исполнять обязанности второго ответственного редактора газеты «Казах» М. Дулатову. Страстный, кипучий, бескомпромиссный во многих отношениях, пламенный публицист, поэт-трибун, М. Дулатов со своей героической и трагической судьбой во многом напоминал Махамбета Утемисова XX века. В 1918 году газету «Казах» (№№261—265) редактировал Жанузак Жанибеков.

Огромную роль в определении ведущей линии этой газеты, как и всего освободительного движения демократической казахской интеллигенции начала XX в., сыграл выдающийся борец за свободу казахского народа, политик, экономист, историк, этнограф, литературовед, статистик-социолог, публицист, человек энциклопедического склада ума А. Букейханов.

Великолепная тройца — А. Байтурсинов, М. Дулатов, А. Букейханов, составлявшая единое целое, сумела создать национальную газету века.¹¹⁷ Им удалось сплотить вокруг газеты «Казах» весь цвет казахской демократической интеллигенции, в том числе таких видных деятелей, как Шакарим Кудайбердиев, Магжан Жумабаев, Гумар Карашев, Султанмахмуд Торайгыров, Жусипбек Аймаутов, Беимбет Майлин, Жакып Акпаев, Халел Досмухамедов, Сабит Донентаев, Мустафа Чокай, Мухамеджан Тынышпаев и многих других. Тем не менее, основную идейно-теоретическую нагрузку несли на себе А. Байтурсинов, М. Дулатов и А. Букейханов. Как свидетельствует подсчет исследователя К. Атабаева, больше половины опубликованных материалов на страницах газеты «Казах», на сегодняшний день имеющихся и представленных в энциклопедическом сборнике «Казах», написаны ими.¹¹⁸ Только А. Букейханов написал для газеты около 200 статей.

В программной статье (автор А. Байтурсинов) газета названа «глазом, ушами и языком нации». По мнению редактора, газета призвана служить интересам людей, быть распространителем знаний, защитником народа, его духовным наставником. Таким образом, А. Байтурсинов мыслит создать поистине общенациональный печатный орган.

Своими основателями газета была названа «Казах». Восстанавливая истинное название народа, они тем самым выразили протест против пре-

Газета «Казах».

небрежительного отношения к «инородцам» со стороны колонизаторов, сеяли среди казахов идеи патриотической гордости и единства.

В программной статье, помещенной в первом номере газеты, А. Байтурсынов открыто поставил вопрос о судьбе нации в условиях колониального режима. Он писал: «Для того, чтобы сохранить свою самобытность, нам необходимо всеми силами и средствами стремиться к просвещению и общей культуре; для этого мы обязаны первым долгом заняться развитием литературы на родном языке. Никогда не нужно забывать, что на самостоятельную жизнь вправе претендовать только тот народ, который говорит на своем языке и имеет свою литературу».¹¹⁹

Газета «Казах» определила стратегию освободительного движения начала XX века. А. Букейханов отмечал: «В ближайшем будущем, в степи, вероятно, организуется две политические партии, соответственно двум политическим направлениям, складывающимся в киргизской среде. Одно из них может быть названным национально-религиозным, и идеалом его является религиозное единение казахов с другими мусульманами. Другое, западническое направление, видит будущее киргизской степи в сознательном претворении западной культуры в самом широком смысле этого слова. Первое, вероятно, возьмет за образец мусульманские — татарские партии, а второе — оппозиционные русские, в частности, партию «Народной свободы».¹²⁰

Газета «Казах» отражала умонастроения второго направления. Исходя из этого, она и выступала при освещении концептуальных проблем. Прежде всего, А. Букейхановым и А. Байтурсыновым было определено место казахской нации в истории цивилизации, тюркского мира. Лейтмотивом деятельности газеты стали проблемы консолидации народа, возрождения его древней культуры и казахской национальной государственности в составе демократической России. В серийных статьях под рубрикой «Изменения в хозяйстве» А. Байтурсынов описал эволюцию человеческой цивилизации и историю культуры, защищая эволюционный путь развития казахского народа.

Газета «Казах» на своих страницах отдавала приоритет вопросам народного просвещения, книгоиздания. Казахская демократическая интеллигенция, воспитанная на традициях великих просветителей второй половины XIX века, аккумулировала опыт просветителей Востока и Запада и создала целостную доктрину. Так, например, воспринимая саму идею И. Гаспринского о новометодном обучении, они освободили ее от идеологии тюрко-татарского гегемонизма, от слияния обучения с религией. Если последователи И. Гаспринского от новометодного звукового обучения шли к признанию верховенства татарской культуры и письменности, то казахские демократы от просветительства Абая, Чокана и Ибрая шли к идее слома колониального режима, возрождения казахской государственности. В этой эволюции исключительную роль сыграли научно-педагогические изыскания А. Байтурсынова, благодаря которому нация получила казахскую азбуку, фонетику, синтаксис, этимологию казахского языка, теорию словесности и историю культуры. «Этим кропотливым трудом, — писал в день 50-летия великого мыслителя XX в. М. Дулатов, — Ахмет Байтурсынов поднял киргизскую словесность на высокую ступень и заложил прочный фундамент для национальной школы и родной литературы».¹²¹

На страницах газеты «Казах» видные знатоки аграрной проблемы во главе с А. Букейхановым раскрывали сущность колониализма, историю

создания переселенческого фонда путем изъятия плодородных земель казахских шаруа, процесса обезземеливания крестьян. Газета «Казах» встала на защиту концепции А. Букейханова по земельному вопросу, которая предполагала сохранение кочевого животноводства в сочетании с земледелием, целостности земельных массивов, их плодородия на основе общинного землевладения. Переход к оседлости при минимальной норме наделов, создание аула деревенского типа при отсутствии опыта земледелия, агрономии, менталитета повседневного изнурительного труда хлебопашца грозил казахским шаруа безвозвратной потерей животноводческого ремесла, продажей земли из-за нужды переселенцам, как это случилось в Башкирии и Кустанайском уезде.

Газета «Казах» заняла научно обоснованную тактику по вопросу мусульманской религии. Она принимала во внимание, что отсталая часть казахского народа была религиозной, искренне почитала Аллаха и его «наместников на земле» — мулл. Редакция газеты учитывала, что «мусульманский союз» придерживался кадетской ориентации. А. Букейханов и другие авторы считались с мощным мусульманским движением, которое имело место по всей России после революции 1905—1907 гг. Движение имело опору в лице 20-миллионного населения страны независимо от их классовой принадлежности. В резолюции первого съезда мусульман было отмечено, что прогрессивная часть мусульман разделяет «идеалы передового общества» и хотела бы пользоваться «одинаково равными с русским населением правами (политическими, гражданскими, религиозными)».¹²²

А. Букейханов, принимавший участие в работе ряда мусульманских съездов, писал серии статей, где читателям «Казаха» доходчиво разъяснял нравственные проблемы и пути их решения в условиях России. Газета «Казах» не разжигала религиозные страсти, наоборот, призывала к сплочению верующих различных национальностей в составе империи. Газета учитывала идеалы просвещенных народов, стремившихся к равноправию, неприкосновенности личности, свободе вероисповедания в духе французской и иных буржуазных революций. Газета «Казах» разоблачала бухарских, хивинских, казанских мулл, их засилье, догмы адата и шариата, ставшие оплотом патриархально-феодалных предрассудков, раскрывала отрицательное влияние татаризации, арабизации на развитие казахского языка, на его духовный облик. Газета «Казах» выступала за отделение религии от школ и от государства, против религиозного экстремизма, провозглашая в то же время равенство перед законом всех россиян без различия пола, вероисповедания, национальности, отстаивая неприкосновенность личности, ее свободу.

Значительная часть публикаций на страницах газеты «Казах» отводилась проблемам языка и литературы, этнографии, культуры и этики, педагогики, совершенствованию сознания народа применительно к рыночным условиям. Газета своими целенаправленными публикациями формировала историческое сознание нации, определила задачи воспитания национальной гордости, на примерах жизни и деятельности таких выдающихся личностей, как Абай, призывала подняться до уровня абаявской мудрости, радеть за свой народ, следовать его традициям, гуманистическим принципам. Газета доказывала, что для построения демократического, независимого государства необходимы в первую голову знания родного языка и литературы, профессионализм, богатство национальной

экономики. А. Байтурсынов отмечал: «Чтобы не отставать от других, мы должны быть грамотными, богатыми и сильными. Чтобы быть грамотными, надо учиться. Чтобы быть богатыми, нужен профессионализм. Чтобы быть сильными, нужно единство. В этом направлении надо работать».¹²³ Надо отметить, что весь авторский коллектив, сотрудничавший с газетой, полностью разделял его программу.

«Казах» был поистине общероссийской газетой. Она системно анализировала международное положение, определяла в нем роль России, раскрывала демографическую ситуацию в стране и за рубежом, следила за судьбой всего тюркского мира, мусульманского движения. Особую заинтересованность газета проявляла к работе Государственной Думы, вопросам защиты с ее трибуны интересов казахского народа.

Газета не скрывала свою тревогу, когда началась империалистическая война, передел мира между ведущими странами международного капитала. И тревога была обоснованной. 25 июня 1916 года грянул царский Указ о «реквизиции» казахских жигитов на тыловые работы. И до, и после Указа газета обсуждала вопрос о призыве казахов в армию, отстаивая для них статус казачьих войск. Она не скрывала от народа, что ему, как подданному империи, рано или поздно придется разделять судьбу своих соотечественников по защите Отечества. Став нацией, способной рекрутировать 400-тысячную армию, она могла бы претендовать в случае победы в войне на самостоятельную автономию в составе империи.

Газета заняла принципиальную позицию и по событиям 1916 года, исходя из этой же альтернативы и небезосновательно опасаясь огромных человеческих жертв. Она предлагала искать мирные пути решения конфликта вплоть до отсрочки срока призыва казахов на фронт, переговоров с властью. Трудно переоценить роль газеты «Казах» в период двух русских революций, когда партия «Алаш» и Алаш-Орда принимали судьбоносные решения, стремясь во что бы то ни стало до конца использовать предоставленный историей шанс завоевать свободу и возродить казахскую государственность.

Газета «Казах» издавалась на переломном этапе истории казахского народа и сыграла судьбоносную роль. Ее отличала концептуальность, высокая публицистичность, сочность казахского литературного языка, верное служение насущным интересам своего народа. Не случайно М. Ауэзов период с 1913 по 1918 г. назвал «эпохой газеты «Казах»».¹²⁴ Он же в 1922 году в открытом письме деятелям культуры («Қазақтағы қалам қайраткерлеріне. Ашық хат») отмечал, что в истории казахского печатного слова не было ни одного издания, за исключением «Казаха», который выполнил бы миссию воспитателя народа, безошибочного определившего свое направление, возвышавшего национальный дух.¹²⁵

Газета «Алаш». К. Тогусов, адвокат по профессии, общественный деятель, принимавший активное участие в работе журнала «Айқап», в ноябре 1916 года в Ташкенте начал издавать еженедельную газету «Алаш». Редактировал ее сам К. Тогусов, официально издателем была его жена — Марьям Тогусова.¹²⁶ Газета на начальном этапе была лояльной по отношению к власти и только с 24 февраля 1917 г. (№ 12) проявила себя революционно-демократическим органом.¹²⁷ Так, в одной из статей К. Тогусова, озаглавленной «Долой Романовых» («Жоғалсын Романовтар»), автор утверждал,

что каждый народ вправе жить в суверенной, демократической стране. Газета горячо приветствовала Февральскую революцию.

Газета «Алаш» стала также защитницей женского равноправия. На ее страницах выступали довольно популярные журналисты, писатели: Т. Жомартбаев, А. Баржаксин, Б. Майлин, Ж. Аймаутов, начинающий М. Ауэзов.¹²⁸

Газета «Сарыарка». Заметный след в истории казахской периодической печати оставила еженедельная газета «Сарыарка». Редакторами ее были Р. Марсеков, Х. Габбасов. Газета выходила в г. Семипалатинске во второй половине 1917 года. На ее страницах печатались статьи А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, Р. Марсекова, Х. Габбасова, А. Еркекова, М. Малдыбаева, Ж. Акпаева и многих других видных деятелей Алашского движения. Там же увидели свет и гимн «Алаш» (автор С. Торайгыров), публицистические материалы Ж. Аймаутова, М. Ауэзова, С. Донентаева, Г. Карашева, И. Жансугурова, Б. Майлина.

Газета опубликовала статью А. Еркекова «Да здравствует Алаш, да здравствует!», в которой декларировал решения второго Всеказахского съезда (12.12.1917) о провозглашении автономии Алаш-Орды, а также решения общеказاخско-кыргызского съезда (статья Х. Габбасова «Алашская автономия»).

Бесспорный интерес представляет материал о приезде А. Букейханова в Семипалатинск, в котором он подробно излагает свое видение вопроса о казахской автономии.¹²⁹

Значение газеты «Сарыарка» огромно, если учесть, что она функционировала в сложный переломный этап истории, когда было нарушено единое информационное поле в стране.

Итак, в начале XX в. на далекой окраине империи, какой был Казахстан, казахи стали одним из 24 (помимо русских) народов России, которые имели газеты, журналы и книги на родном языке. География корреспонденций была весьма обширной — практически не было аулов и волостей, откуда бы не поступали письменные сообщения самого различного жанра. Демократическая казахская печать писала о революции, Государственной Думе, ее мусульманской фракции, мусульманских съездах, о внешней и внутренней политике империи, в т.ч. ее колониальной политике. Она отражала интересы пробуждающегося от векового сна народа окраин, строила мечты о его будущем в системе цивилизованного мирового сообщества. А впереди — Октябрьская революция, катаклизмы и переломы, определившие сложную судьбу народа на протяжении целого века.

4. КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX ВЕКА

Революционное движение начала XX века в России сказалось на положении национальных окраин, в том числе и Казахстана. Немногочисленная национальная интеллигенция, воспользовавшись этой ситуацией, начала борьбу за независимость и свободу, за пробуждение народа от векового сна, за избавление от двойного гнета: колониального и царизма и местного патриархально-феодалного насилия. Интеллигенция выводила народ на дорогу независимости, агитировала за овладение знаниями, наукой, искусством. В этом процессе не последнюю роль играла казахская литература, вносящая свой вклад в отображение жизни казахского народа

и защиты его интересов. Передовая часть казахских писателей и поэтов, продолжая просветительские, демократические традиции Абая, пыталась увязать их с идеей борьбы с колониализмом. Революционно-демократическая направленность литературно-творческой, общественно-политической деятельности Ахмета Байтурсынова и Миржақыпа Дулатова, стоявших во главе национального движения, очевидна. Они придавали особую значимость национально-освободительной идее не только в творческой, но и в своей общественно-политической деятельности. Тому подтверждением является их участие во всенародной революции 1905 года, требование независимости казахов на съезде конституционно-демократической партии, целенаправленное развитие этой идеи на страницах газеты «Казак» (1913–1918 гг.), а также попытка создания после падения царизма Алашской автономии.

Ахмет Байтурсынов (1873–1937 гг.) — поэт, обогативший казахскую литературу начала XX века идеей борьбы за свободу и независимость. Его поэтический сборник «Маса» (Оренбург, 1911 г.) посвящен тяжелому, бесправному положению народа, его освобождению от колониализма, отсталости в развитии, невежеству, с другой стороны, произведение являет собой призыв к знаниям, науке, культуре. Велико стремление поэта пробудить у соотечественников чувство высокой гражданственности. Если в строках:

Как гуси перелетные, мы
Искали в Сахаре прохлады пристанища.
Вокруг бушевал камышовый пожар,
Возможно ли скрыться от огненных жал?

(подстрочный перевод)

описывается беспросветное положение народа, изнывающего от колониального ига, то в следующих строках:

Мы словно в лодке без весел
В море широком без края.
Дунет ветер, волны взметнутся,
И плывем мы, ориентиры теряя.

(подстрочный перевод)

очевидно, что без независимости и свободы будущее нации призрачно, неопределенно.

Назвав свой сборник «Маса» (что в переводе означает «Комар»), поэт вложил в название определенный смысл, стремясь разбудить спящий народ, назойливо и беспрестанно жужжа, как комар.

О, казахи, мой народ.
Тяжела жизнь,
Но не сломен ты.
Расхищен скот,
В потемках душа,
Проснись, открой глаза.
Неужель не выпался,
Да и время ли спать?

(подстрочный перевод)

Книга А. Байтурсынова «Сорок басен» («Қырық мысал») (Петербург, 1909 г.) является сборником произведений, созданных по образцу крылов-

ских басен. Взяв за основу сюжеты басен Крылова, Байтурсынов вольным переводом создал оригинальные казахские басни, наполнив их примерами из казахской жизни. В баснях высмеиваются пороки, распространенные среди казахов, осуждается социальная несправедливость.

Ахмет Байтурсынов — реформатор казахского языка. Им создан алфавит на основе арабской графики. Начатая в 1912 году, эта работа была официально принята в 1924 году как «Жаңа емле» («Новое правило»). Байтурсыновым написан учебник «Оқу құралы» («Чтение») (1912 г.) и «Тіл құралы» («Учебник по языку»), состоящие из 3 частей: фонетика, морфология, синтаксис. Учебники Байтурсынова являлись новшеством не только для казахов, но и всего тюркоязычного мира. Позднее он выпустил книги методического характера «Баяншы» (1920 г.), «Тіл жұмсар» (1925 г.). Первая работа по литературоведению «Әдебиет танытқыш» (1926 г.) также принадлежит Байтурсынову.

Миржакып Дулатов (1885–1935 гг.) — соратник Ахмета, прошедший рядом с ним и в годы борьбы за свободу народа, и на литературном поприще. Его сборник «Оян, казак!» (Казань, 1909 г.) — одно из первых произведений, где остро поднимается проблема судьбы народа. Влияя на умы и сердца своих читателей, он обращает их внимание на ответственность каждой отдельной личности перед народом. Раскрывая негативные стороны жизни современного ему казахского общества, М. Дулатов призывает соотечественников к новой жизни, призывает учиться хорошему у других народов, ратует за науку, образование, равноправие женщин:

Не сворачивай с пути
Свободы, равенства и братства
Если будешь этому верен,
Твой долг человеческий ясен.

(подстрочный перевод)

— в этих строках не только гуманистическая позиция Миржакыпа, здесь верность своей жизненной программе («свобода», «братство», «равенство»).

«Оян, казак!» со времени своего выхода в свет была воспринята как книга, направленная против колониализма, тираж ее был уничтожен, а автор подвергся гонениям и неоднократно заключался в тюрьму. Однако это не сломило поэта, он также активно продолжал свою литературно-публицистическую деятельность. В этот период он издает роман «Несчастливая Жамал» (Оренбург, 1910 г.), сборники произведений «Азамат» (Оренбург, 1913 г.), «Терме» (Оренбург, 1915 г.). С 1913 года он, постоянно проживая в Оренбурге, вместе с Ахметом Байтурсыновым издает газету «Қазак».

«Несчастливая Жамал» — первый по времени создания казахский роман. В нем описывается тяжелая судьба девушки Жамал, ставшей жертвой патриархально-феодалных обычаев и предрассудков. Вместе с тем, в романе показан конфликт наступающего нового с отмирающим старым, столкновения взглядов молодого поколения с радетелями вековых устоев. Привлекателен роман и раскрытием процесса зарождения свободолобных идей у молодежи.

М. Дулатовым переведен ряд произведений из русской и европейской

Султанмахмут Торайгыров.

классики (Пушкин, Лермонтов, Шиллер, Туйкай). Неоценим вклад Дулатова и в развитие казахской публицистики.

Поэтом, внесшим огромный вклад в дело независимости, развитие народа по пути прогресса и культуры является **Султанмахмут Торайгыров (1893—1920 гг.)**. Им написаны произведения острой критической направленности, повествующие о несправедливой жизни, бичующие невежество и темноту. По Торайгырову, народ сам творит свою судьбу, ему необходимо для этого очнуться от сна, идти вперед и развиваться как другие народы. Проявляя солидарность с братьями по борьбе с колониализмом, С. Торайгыров в поэме «Таныстыру» («Знакомство») (1918 г.) называет Дулатова, Байтурсынова, Букейханова, «солнцем», «зарей», «луной».

Султанмахмут обогатил казахскую литературу с точки зрения ее художественно-эстетического развития. Наряду с этим, им немало сделано для формирования и развития новых для казахской литературы жанров. Его романы в стихах «Красавица Камар», «Кто виноват?», поэмы «Заблудшая жизнь», «Бедняк», лирические стихотворения, публицистические, критические статьи раскрывают собой многоплановость и разносторонность его художественных исканий.

Выйдя из рамок агитационно-призывных стихов, он создал прекрасные по глубине и художественности лирические стихотворения о природе и внутреннем мире человека. В крупных его произведениях фигурирует образ героя, воплощающего в себе новые общественные взгляды. Поэту удалось обнажить остросоциальные проблемы развития казахского общества, которое все еще оставалось в путях феодально-патриархальных устоев, прозябало в темноте и невежестве («Кто виноват?»). Его поэмы, построенные на философском осмыслении времени, эпохи, явились яркими и новыми образцами жанра лирико-публицистической поэмы. Высокие образцы реалистического искусства, заложенные в казахской литературе Абаем, мы находим в творчестве Султанмахмута.

Особую значимость в развитии критического направления казахской литературы, возвышении идей просветительства посредством художественных средств сыграло творчество Сабита Донентаева (1894—1933 гг.), Мухамеджана Сералина (1872—1939 гг.), Спандияра Кубеева (1878—1956 гг.), Бекета Утетилеуова (1883—1949 гг.), Арипа Таниргенова (1856—1924 гг.), Гумара Карашева (1876—1921 гг.), Турмагамбета Изтлеуова (1882—1939 гг.), Бернияза Кулеева (1899—1923 гг.), Нармамбета Орманбетова (1870—1918 гг.) и других.

Развивая и обогащая поэтическое мастерство, они внесли огромный вклад в художественное осмысление эпохи. Если С. Донентаев развил жанр стихотворений с небольшим сюжетом и басен, то Б. Кулеев стре-

мился отобразить правду жизни в лирических произведениях. Творчество С. Кубеева и Б. Утетилеуова было тесно переплетено с педагогической деятельностью: оба они учительствовали в аульных мектебах. Широко используя литературу в воспитании детей, писатели создали ряд произведений нового идейного содержания. Так родились роман «Калым» С. Кубеева, повести и стихотворения, предназначенные детям. С. Кубеев и Б. Утетилеуов перевели немало произведений русской классики.

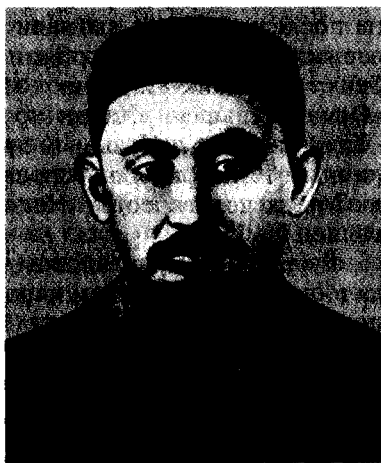
М. Сералин внес вклад не только в развитие казахской литературы, но и в развитие современной ему журналистики. Издававшийся им и его собратьями по перу журнал «Айкап» (1911–1915 гг.) четко и определенно поддерживал просветительскую и демократическую направленность казахской литературы. Сералиным написаны поэмы, переведен «Шахнаме» («Рустам–Зураб») Фирдоуси.

В своих публицистических произведениях на страницах «Айкапа» М. Сералин, подвергая критике патриархальные устои, особое внимание уделял просвещению народа, его устремлению вперед, проблеме перехода казахов к оседлому образу жизни. Определенные художественные решения мы видим в произведениях Г. Карашева и Н. Орманбетова, где широко раскрыты суть колониализма, двойственность политики управления народом, отсталость жизни казахского общества. Автор нескольких книг («Бала түлпар», «Қарлығаш», «Аға түлпар», «Тұрымтай» и др.) и философских раздумий, Гумар Карашев выступил как поэт, просветитель-философ, как художник, верный традициям шариата и чести. Он с надеждой встретил Февральскую революцию и движение «Алаш», веря в свободу и независимость своего народа, позднее проявил солидарность с Советской властью. Нармамбет же в стихах («Сары-Арка», «Замана» и др.) рисовал тяжелую жизнь народа, особенно проявившуюся вследствие переселенческой политики царизма, когда казахи стали лишаться лучших земель и откочевывать из родных мест.

Казахские поэты-писатели начала XX века по своей ориентации и художественным исканиям далеко неравнозначны. Насколько множество талантов,

Спандияр Кубеев.

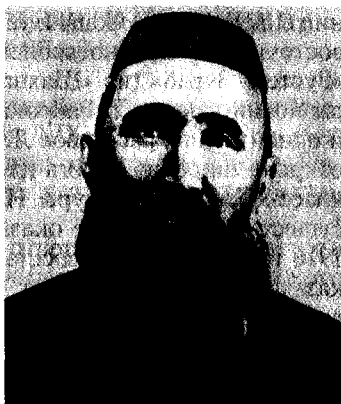
Гумар Карашев.

настолько они различны. Многих из них объединяли революционно-демократическая и просветительно-демократическая идеи. Все, кто придерживался этого направления, пытались освоить передовые идеи литературы прогрессивных народов. Вместе с тем, была целая группа поэтов, творивших в чисто национальной традиции, используя опыт демократической литературы Востока. Они также критиковали невежество, несправедливость власть имущих, колониальную политику царизма, однако им не виделись пути выхода из этого тупика, решения они находили в возврате к прошлым, «лучшим» временам. К этому ряду поэтов можно отнести Машхур-Жусупа Копеева (1858–1931 гг.), Нуржана Наушабаева (1859–1919 гг.), Махыш Калтаева (1869–1916 гг.). Их реалистические произведения помогают понять нам правду той эпохи. Книга М.-Ж. Копеева «Кому принадлежит Сары-Арка?» (Казань, 1907 г.) была конфискована, а ее издатель подвергся крупному штрафу. В наследии М.-Ж. Копеева сохранились рукописи, состоящие из собранных им произведений устного народного творчества и творений казахских поэтов. Поэзия Н. Наушабаева состоит в основном из терме, где превалируют назидания и наставления. В творчестве М. Калтаева, несмотря на широкое освещение жизни и эпохи, все же недостает художественности изображения.

Другая группа казахских поэтов уделяла особое внимание дастанам и хисса, сложенным под влиянием сюжетов народных произведений, а также творений Востока. К ним можно отнести Жусипбека Шайхисламулы (1854–1936 гг.), Шади Жангирулы (1855–1933 гг.), Акылбека Сабаулы (1880–1919 гг.). Все они имели прекрасное образование и были знатоками арабо-персидской литературы, досконально знали богатейший фольклор народа. Свои произведения они издавали то как «дастан», то как «хисса» в типографиях Казани, с которыми были в тесной связи. Через эти произведения в начале XX века хисса получила широкое распространение среди народа. В этом не последнюю роль сыграли интересные сюжеты, важность описываемых исторических событий. Среди этих произведений «Кыз Жибек», «Мунлик–Зарлык», «Сейфуль–Малик», «Касым–Жомарт», «Орка–Кульше», «Харон ар Рашид», «Камар заман», «Бозжигит», «Тахир–Зухра», «Назым» и другие. Хотя они были написаны на различные темы (любовь, справедливость, вера и т.д.), их связывала любовь к человечеству. Некоторые из них неоднократно переиздавались.

Были и поэты, писавшие об исторических событиях в жизни народа и пытавшиеся дать им народную оценку. Здесь уместно вспомнить поэму Ыгылмана Шорекова (1871–1932 гг.) «Исатай–Махамбет». Автор не стремится детально следовать хронологии исторических событий, а старается раскрыть образ батыра Исатая и его друга Махамбета. Остановившись лишь на основных этапах восстания, автор сумел раскрыть истинные его причины, показать непререкаемый авторитет Исатая в разрешении межродовых конфликтов, бесстрашие батыра в его стычках с Жангир-ханом.

В рассматриваемый период заметное место занимает творчество акынов-музыкантов, продолжавших традиции казахской литературы и культуры. В условиях отсутствия театров, концертных залов, поэты-музыканты внесли огромную лепту в развитие духовной культуры народа, обогащению его театрального и музыкального искусства. Придерживаясь традиций творчества Биржана, Ахана-серэ, Мухита, поэты-музыканты Жаяу Муса Байжанулы (1835–1929 гг.), Балуан Шолак Баймырзаулы (1864–1919 гг.), Мади Бапулы (1880–1921 гг.), Майра Уаликызы (1896–1926 гг.), Иманжусип Кутпаулы (1863–1929 гг.), Асет Найманбайулы (1867–1923 гг.),

Шакарим Кудайбердиев.

Укили Ибрай Сандыбайулы (1856–1932 гг.), Кенен Азербаетов (1884–1976 гг.) и другие создавали новые, демократической направленности, песни и жыры. Их значительные произведения воспевали красоту жизни, способствовали формированию у слушателей высоких эстетических чувств. Вместе с тем, и в этих творениях затрагивались проблемы социально несправедливого обустройства общества, слышались призывы к освобождению от колониального ига. Жаяу Муса, Балуан Шолак, Мади, Иманжусип, Укили Ибрай на себе испытали притеснения и гонения царских властей. Деятельность поэтов-музыкантов, безусловно, способствовала развитию подлинно народного песенного творчества. Ими созданы такие классические произведения, как «Жаяу Муса», «Кау-лалу», «Галия», «Каракесек», «Майра», «Иманжусип», «Гакку», «Бозторгай», «Кокшолок». Наследие поэтов-музыкантов огромно и многогранно. Здесь можно встретить лирические песни и дастаны, а некоторые поэты, как Асет, Кенен участвовали в айтысах.

Особенностью развития казахской литературы начала XX века является его связь с литературами других народов. Историческая обстановка способствовала усилению не только общественно-экономических связей, но активизировала процесс общения в сфере духовной культуры. В этом движении немалую роль сыграла казахская периодическая печать, начало которой положили газеты «Туркестан уалаятының газеті» (1870–1882 гг.) и «Дала уалаятының газеті» (1888–1902 гг.). На их страницах печатались переводы из русской литературы и мировой классики. Продолжая переводческие традиции Абая, А. Танирбергенов и А. Найманбаев опубликовали отрывки из «Евгения Онегина» А. Пушкина, создавали на подобные сюжеты свои произведения. Увидели свет книги «Капитанская дочка» (перевел М. Бекимов, 1903 г.) и «Дубровский» (перевел Ш. Кудайбердиев, 1912 г.), а также «Сорок басен» А. Байтурсинова (1909 г.) и «Образцовое воспитание» С. Кубеева (1910 г.). Б. Утетилеуовым были переведены произведения Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Плещеева, Крылова. Большое место на стра-

никах журнала «Айкап» и газеты «Казах» занимали переводы из русской, восточной и западноевропейской литератур. Среди них можно назвать «Рустем–Зураб» (из «Шахнаме» Фирдоуси, перевел М. Сералин), «Шильонский узник» Д. Байрона (перевел А. Галимов), отрывки из «Тысяча и одной ночи», рассказов Л. Толстого и А. Чехова. Таким образом, была открыта широкая дорога для освоения художественного опыта мировой классической литературы. На развитие казахской литературы начала века существенное влияние оказало национально-освободительное движение 1916 года. Причиной восстания послужил царский указ о мобилизации казахов на тыловые работы. Изнывавший под бременем колонизаторского ига, народ, потеряв всякую надежду на улучшение жизни, выступил против своих правителей. Восставший народ, которым руководили такие народные батыры как Амангельды, Бекболат, стал расправляться с представителями власти, вплоть до их убийства. Однако стихийно начавшееся восстание, не имея организованного центра руководства, вскоре пошло на убыль, а царские солдаты еще долго бесчинствовали. Народная литература сохранила множество произведений об этом восстании. В них повествовалось о тяжелой судьбе народа, о притеснении царизма, о борьбе за свободу, о героизме восставшего люда и его предводителей. Среди авторов этих произведений можно назвать Сата Есенбаева, Кудери, Омара Шипина, Тулеу Кобдикова, Бузаубекова, Ису Даукебаева, непосредственных участников освободительного движения, испытавших все трудности и перипетии этой борьбы. Поэты Омар и Кудери создали жыры (исторические песни) о легендарном Амангельды, Иса — о Бекболате. Названные произведения заняли достойное место в истории казахской литературы. Их особенностью явились новые образы народных героев, конкретные исторические события, проблематика.

Некоторые исторические песни периода национально- освободительно- го движения 1916 года посвящены описанию жизни жигитов, призванных по царскому указу. В дастане «Прием» Биржана Берденова рассказывает о жизни жигитов в родном ауле, о непривычном для них пребывании на чужой земле, о несправедливом характере империалистической войны, о нарастании недовольства правлением царя и распространении идей его свержения и, наконец, смещения царя с трона. Встречаются также произведения, написанные в форме писем жигитов с фронта и ответов на них. Народная поэзия, рожденная 1916 годом, наполнила и обогатила народно- демократическую направленность казахской литературы начала XX века.

Положение казахского народа при колониальной и феодально- патриархальной системе правления продолжало оставаться центральной проблемой в развитии литературы последующего периода. Пришедшие в этот период в литературу молодые таланты, такие как М. Жумабаев, С. Сейфуллин, Б. Майлин и другие стали публиковать свои первые произведения, продолжая демократическо-просветительские традиции, обогащая ее идеями свободы.

Казахская литература начала XX века явилась художественной летописью о правде жизни народа данной исторической эпохи.

5. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Изменения, происходившие в социально-экономическом и политическом развитии Казахстана во второй половине XIX — начале XX вв. оказывали глубокое воздействие на духовную жизнь казахского народа. Политическая, экономическая экспансии сопровождались принудительным навязыванием культуры поработителя.

Реакционная политика царизма наиболее отчетливо прослеживается в области народного образования. Игнорируя интересы и права казахского народа, царизм сдерживал его духовное развитие.

Коренные изменения в социально-экономической и политической жизни Казахстана рассматриваемого периода привели к существенным преобразованиям в общественном сознании казахского общества. Такие значительные перемены обусловили пробуждение национального самосознания, определили формирование новых идей, мыслей, взглядов в казахском обществе. В культурном плане новизна эпохи выражалась прежде всего в том, что происходило усвоение, сначала представителями социальной верхушки, узким слоем людей европейской культуры, новых ценностей.

Путь становления национальной интеллигенции не был однозначным, являл собой сложный и длительный процесс. Ход его тормозился условиями колониального режима, дискриминационной политикой царизма в отношении покоренных народов. Это обстоятельство несомненно отражалось на количественном росте специалистов как в области народного хозяйства, так и культуры. Тем не менее, конец XIX — нач. XX вв. характеризуется новым этапом в развитии интеллектуальных сил народа.

До революции в Казахстане начальное образование можно было получить, обучаясь либо в мусульманских мектебах и медресе, либо в «русско-киргизских», «туземных», аульных школах. Мусульманские мектебы и медресе являлись основными, а вплоть до начала колонизации Россией и единственными звеньями системы образования и воспитания детей коренных национальностей. Стоит отметить, что хотя основным предназначением этих мектебов и медресе было религиозное образование, в их учебных программах существенное место занимали и светские предметы. Эти мектебы и медресе, при всем несовершенстве методов обучения и воспитания, служили интересам не только церкви, но и общества, государства. Учебные программы медресе включали в себя следующие циклы предметов: 1. Арабский язык, грамматика, морфология, синтаксис, этимология, арабская риторика, арабская история, наука о чтении Корана и культура научных дискуссий. 2. Богословие и законоведение — содержание и знание Корана, право, религиозные установления, учение о порядке разделения наследства, основы законоведения. 3. Философия, логика, математика, география, астрономия, химия и естественные науки.¹³⁰

В колониальный период, особенно в конце XIX — начале XX вв. власти, на словах заявляя о невмешательстве в жизнь мусульманских мектебов, посредством расширения сети русско-туземных школ и других мер,

добивались того, что численность детей в мектебах сокращалась. Царское правительство предприняло активные меры по нейтрализации деятельности новометодных мусульманских школ, которые рассматривались как бастионы по распространению идей панисламизма и пантюркизма в среде казахского населения.

Как духовная школа, мусульманские учебные заведения должны были подчиняться только духовным учреждениям, а потому о слиянии мектебов со светскими школами не могло быть и речи. Однако в 1874 г. мусульманские школы Казахстана были подчинены Министерству народного просвещения. На этом имперское правительство не останавливается и в 1876 г. предпринимает другой русификаторский бросок в сторону мусульманских школ — введение русских классов.¹³¹ Снабженная официальным мандатом Министерства народного просвещения, русская администрация активно приступила к введению русских классов при мусульманских школах, что явно импонировало широкому кругу колониальной администрации, считавшей, что русские классы при мусульманских школах необходимы как сеятели зерен русской государственности. «Киргиз, хотя и кочевник, хотя он и магометанин, но должен знать русский язык, потому что это язык государственный и на нем совершается делопроизводство в правительственных и судебных местах. Следовательно, изучение русского языка полезно для всякого киргиза».¹³²

Для мусульманских учебных заведений существовали жесткие требования, нарушения которых неукоснительно преследовались колониальной администрацией. Но, несмотря на это, число мектебов и медресе на территории Казахстана неуклонно росло, так как количество желающих обучаться не уменьшалось, а увеличивалось.

После окончания учебы в традиционных мектебах казахи направляли своих детей для продолжения учебы в такие крупные медресе, как «Галия» в Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге, «Расулия» и «Уазифа» в Троицке, где обучали шакирдов по новому методу.

В медресе «Галия» по сравнению с другими обучали следующим предметам: восточные языки, логика, философия, история, математика, география, русский язык, физиология человека. Организатором медресе «Галия», ее мударисом был Зия Камали (Парвизетдин) Камалатдинов. Благодаря крупным материальным ассигнованиям Салимгереев Жантаурина, Садретдина Хазирова, Сабыржана Шамгулова стало возможным открытие медресе «Галия». В стенах этого медресе обучалось более 300 казахских детей.¹³³ Среди них впоследствии известные казахские писатели Беимбет Майлин, Магжан Жумабаев, педагог-акын Тайыр Жомартбаев, Мухамедгали Оразаев, Ныгман Манаев, Жиенгали Тлепбергенов, Манан Турганбаев, Габулхамит Каиров, Абдрахман Султанов и др.

Воспитанники медресе находились под влиянием передовых демократических идей. Они выступали против старых методов преподавания, косности и невежества. Среди шакирдов были популярны идеи национального возрождения, изучения своей истории, литературы, языка. Шакирды-казахи медресе «Галия» начали выпускать с 1915 г. рукописный журнал «Садак» с целью приобщения шакирдов к литературе.¹³⁴ Журнал «Садак» был еженедельным, редакторами его стали Б. Майлин и Ж. Тлеп-

бергенов, учившиеся в те годы в медресе. Татарский писатель Г. Ибрагимов, работавший в 1915 г. в медресе «Галия», горячо поддержал начинания казахских шакирдов. Вопрос о журнале «Садак» Г. Ибрагимов превратил в проблему развития казахского литературного языка, создания национального алфавита, выпуска учебников на родном языке. «Все эти приезжие внушают киргизам, что русско-туземные школы излишни, так как русскому языку можно научиться и у них с помощью татарских учебников-самоучителей, а прочие предметы могут преподаваться на тюркском языке. Кроме того, они привозят и распространяют среди киргиз изданные на чисто киргизском языке вредного направления брошюры, отпечатанные в Уфе. Из числа брошюр известны «Оян, казах», «Тур, казах» и сборник басен «Маса», в означенных изданиях говорится о тяжелом бесправном положении киргиз (казахов), затрагивается аграрный вопрос, с указанием на уменьшение количества земли, находящейся в пользовании киргиз». ¹³⁵

Летом шакирды медресе выезжали в казахские степи, где работали учителями, что сильно беспокоило русскую администрацию. «В Сырдарьинскую и другие области Туркестанского края в течение нескольких последних лет на летнее вакасионное время выезжают молодые «мударисы» из татарского медресе «Галия» в г. Уфе и открывают летучие юрты-школы для местного киргизского населения. Обучение в этих школах открывается без всякого разрешения, ведется по натуральному методу, но далеко не в интересах русской государственности», — отмечалось в секретном циркуляре от 1 февраля 1913 г. ¹³⁶

В результате практической деятельности шакирды медресе «Галия» издали для казахских детей «Букварь или облегченное обучение».

В январе 1913 г. в газете «Казах» было опубликовано письмо казахских учеников медресе «Галия», в котором отмечалось, что они на свои средства издали книги и желающие могут приобрести их в издательстве газеты «Казах». ¹³⁷ Миржакып Дулатов обратился с призывом к соотечественникам, образованным и состоятельным людям, помочь материально медресе «Галия», давшее, за время своего существования, образование многим казахским детям. ¹³⁸

Известное медресе «Хусаиния» в Оренбурге было основано татарским купцом первой гильдии Хусаиновым. Шакирды-казахи из медресе «Хусаиния» при участии некоторых преподавателей основали «Общество по изучению казахского языка», целью которого было издание памятников казахской литературы, составление учебников для мектебов, книг на казахском языке, содействие изданиям будущих газет на казахском языке. ¹³⁹

Царское правительство расценивало такие учебные заведения как враждебные и всеми силами стремилось ограничить их влияние на тюркоязычные народы. Министр внутренних дел в секретном письме от 12 декабря 1911 г. губернатору области отмечал: «Считаю необходимым обратить Ваше внимание, что некоторые из находящихся в России мусульманских духовно-учебных заведений, например, так называемое новометодное медресе Галеевское в г. Казани, Хусаиновское в Оренбурге и медресе «Галия» при мечети второго прихода в г. Уфе, как показывает опыт, выпускают, благодаря сложившемуся в этих училищах общему направлению,

мулл, надлежащая благонадежность которых не может считаться в достаточной мере обеспеченной».¹⁴⁰

Царское правительство считало, что просвещение казахского народа достаточно ограничить начальным образованием, т.е. знанием русского языка и элементарных действий арифметики, а в распространении среднего, а тем более высшего образования оно не было заинтересовано. Этим объясняется стремление русской администрации привлечь детей казахов именно в начальные учебные заведения. Начальные русско-казахские и русские школы Министерства народного просвещения в условиях развивающегося капиталистического хозяйства второй половины XIX в. не могли удовлетворить потребности хозяйственной жизни страны. Во 2-й половине XIX в. назрела необходимость в создании учебных заведений более высокого уровня. В связи с этим начали функционировать городские училища, средние школы (гимназии), профессиональные школы.

На территории Казахстана функционировали гимназии: с 1876 г. в г. Верном и Уральске — мужские гимназии; в 1871 г. были открыты женские гимназии в Уральске и Семипалатинске. Существовавшая высокая плата за обучение в средних школах делала их недоступными для основного населения.

Профессиональные школы на территории Казахстана были трех типов: педагогические, сельскохозяйственные и ремесленные. Во второй половине XIX в. для казахских учащихся были открыты интернаты, целью которых было приучение воспитанников к обиходу и образу жизни оседлого русского человека и более успешному изучению русского языка. Однако, к глубокому сожалению русских властей, такие интернаты не оправдали надежд. Основная цель низших сельскохозяйственных школ — распространение в кочевом казахском обществе земледельческих знаний. Сельскохозяйственные школы должны были вселить в сознание казаха «преимущества» оседлого быта перед кочевым образом жизни.

Царское правительство стремилось создать для себя опору в среде казахского населения, подготовить надежные кадры для административного аппарата, а также просветительской деятельности в духе русификации. Такая реакционная политика русских властей приводила к тому, что в течение всего колониального периода в Казахстане не было открыто ни одного высшего учебного заведения. Доступ казахских детей в средние учебные заведения старательно блокировался колониальными властями. Стремление отгородить казахских детей от среднего и тем более высшего образования был вызван боязнью роста национального самосознания и подъема национально-освободительного движения казахского народа против колониального режима, а также недопустимостью появления национальной интеллигенции.

Отсутствие национальных средних учебных заведений в дореволюционном Казахстане вынуждало казахов отдавать своих детей в русские учебные заведения, в учебном процессе которых ретранслировалась русская культура и господствовал русский язык. Вместе с тем нельзя забывать о том, что через русские учебные заведения прошли многие прогрессивные деятели дореволюционного Казахстана.

Первым средним учебным заведением, в котором был открыт доступ для детей «иностранцев», было Оренбургское Неплюевское военное учили-

ше (1825 г.), переименованное затем в Оренбургский кадетский корпус. С 1825 г. по 1866 г. Оренбургский кадетский корпус окончили 35 казахов.¹⁴¹ В числе первых воспитанников кадетского корпуса были султан М. Таукин — активный член РГО и Казанского музея древностей и этнографии, С. Жантюрин — член комиссии для выработки правил об устройстве учительских школ для «инородцев» Оренбургского края.¹⁴² Выпускником кадетского корпуса был С. Бабажанов — первый казахский ученый, награжденный серебряной медалью РГО за «содействие трудом отделения этнографии и, между прочим, доставление статей о быте киргизов (казахов) и разных этнографических предметов».¹⁴³

Одним из учебных заведений, где обучались казахи, была Оренбургская гимназия, в которой с 1868 г. по 1892 г. обучалось 52 казахских стипендиата, аттестат зрелости получило 10 человек.¹⁴⁴ Из них Сейтмухамет Суюншалиев окончил гимназию в 1877 г.; Ахмет Беремжанов в 1891 г. был награжден за успехи в учебе серебряной медалью. Многие воспитанники Оренбургской гимназии продолжили свое образование в Казанском университете. До 70-х гг. XIX в. казахов, обучавшихся в Казанском университете, были единицы. Лишь с принятием Устава университета 1863 г. магометане, окончившие курс в гимназиях, получили право поступать в Казанский университет.

В Казанском университете с 70-х гг. XIX в. до 1917 г. училось 25 казахов, из них 16 человек обучалось на юридическом факультете, остальные — на медицинском.

Одним из первых казахов, окончивших медицинский факультет Казанского университета в 1877 г., был Мухамеджан Карабаев. По окончании он работал врачом в Кустанае, Актюбинском, Иргизском уездах Тургайской области. В отчете по медицинской части в 1892 г. М. Карабаев критиковал царскую политику в области медицинского обслуживания, за что попал в немилость Оренбургской администрации и был вынужден переехать на непродолжительное время в Самару. Затем, работая врачом в Иргизском уезде, активно участвовал в общественной жизни края. В 1895 г. он был избран действительным членом Тургайского комитета, совместно с русскими врачами боролся за коренное изменение медицинского обслуживания и подготовку медицинских кадров из числа казахского населения.

Окончил также медицинский факультет Казанского университета в 1903 г. первый чумолог дореволюционного Казахстана М. М. Чумбаров, в 1895 г. — Ахмет Беремжанов, в 1904 г. — А. Б. Алдияров; Санкт-Петербургскую медицинскую академию — Н. Ипмагамбетов. Они сделали много для организации медицинского обслуживания казахского населения, а также принимали активное участие в общественной жизни Казахстана. Казанский университет сыграл большую роль в формировании первых кадров национальной интеллигенции.

Первыми выпускниками Казанского ветеринарного института среди казахов были Мухамед Актанов, Исенгали Кульпейсов.

А. Букейханов получил высшее образование в Петербургском лесном институте (1890—1894 гг.), в эти же годы он занимался экстерном на юридическом факультете Петербургского университета.

Юридический факультет Петербургского университета окончили Ж. Акпаев, Б. Каратаев, С. Аманжолов, М. Чокаев. Юридический фа-

Казахские студенты, обучавшиеся в Казани. На фотографии слева направо в первом ряду: 1. Асдулла Илгин, 2. Ахмет Беремжанов, 4. Матен Бекетаев, 5. Мухамеджан Сыздыков, 6. Магзум Каратаев, 8. Муса Жасамагамбетов. Второй ряд: 2. Оразгул Базанов, 4. Мажит Чумбалов, 6. Исентали Кулыенцов и другие.

культет Московского университета окончили С. Аппасов, братья Батыр-хаир и Абдилькарим Ниязовы, С. Нурлыханов и др.

В 1904 г. Петербургский институт железнодорожного транспорта им. Императора Александра I окончил М. Тынышпаев.

Медик Халел Досмухамедов получил высшее образование и был почетным членом Петербургской академии медицинских наук. В 1895 г. С. Саботаев после окончания Верненской гимназии поступил в Московский Лазаревский институт восточных языков. Получили возможность учиться в вузах Российской империи и другие выпускники Верненской гимназии: Т. Есенкулов, — ветеринарный врач, И. Дуйсенбаев, Ж. Жалыкбаев, И. Жаксылыков.

С золотой медалью окончил семипалатинскую гимназию, затем Томский технологический институт А. Ермаков.

Таким образом, учебные заведения России способствовали расширению круга образованных людей, формированию у каждого народа своей национальной интеллигенции еще в дореволюционное время — во второй половине XIX — начале XX вв.

На культурную жизнь Казахстана оказал большое влияние Казанский университет, являвшийся очагом демократической культуры, центром развития просвещения. Учеба оказала положительное влияние на формирование в обществе научных взглядов на национальный язык и литературу, воспитывала молодежь в духе дружбы народов. Процесс создания системы народного образования был сложным и, несмотря на свой ограниченный характер, имел важное значение для формирования первых кадров национальной интеллигенции.

Казахи-выпускники учебных заведений России, возвращаясь в родные аулы и города, передавали свои знания, просветительский дух своим землякам. Вопреки ожиданиям колонизаторов, лучшая часть новой интеллигенции встала на защиту интересов родного народа, пройдя через мучительные духовные поиски, она выступила против духовного порабощения и возглавила освободительное движение.

Как свидетельствует исторический опыт, в периоды резких социальных перемен всегда отличалась значительной активностью, самостоятельными инициативами интеллигенция. Интеллигенция, обладая обостренными социальными, интеллектуальными и нравственными чувствами, поднимает вопросы о положении личности в обществе, об отношении ее к сознанию.

Главная заслуга казахской интеллигенции заключалась в том, что она вовремя разглядела начало этапа всероссийского развития, занялась поисками средств приведения в движение и казахского общества, используя для этого социальные и политические свободы, предоставленные первой русской революцией, стремилась вызволить народ из феодально-патриархальной отсталости, освободить от царского гнета, указать ему пути знания и прогресса, приобретения государственной независимости. Несомненно, это был путь трудной борьбы, сложных конфликтов и поисков. И на этом пути наряду с достижениями, конечно, были и ошибки, и заблуждения. Однако порождены они были не злоумышлением по отношению к своему народу, как это трактовалось впоследствии сталинской идеологией, а естественными трудностями борьбы за облегчение жизни

своего народа. Главную благородную цель казахской интеллигенции — служение народу — ясно излагает в своем письме из Бутырской тюрьмы один из лидеров «Алаш» Миржакып Дулатов: «Я считал своим долгом помочь своему поработанному, угнетенному народу вырваться из этого рабского положения... Не думаю, что смог вовремя предвидеть события в политической сфере, то что преподносят сейчас как борьбу против Советской власти, всего лишь мое желание видеть казахскую нацию самостоятельной, независимой, счастливой».¹⁴⁵

Передовая казахская интеллигенция начала XX в. считала главным в своей политической деятельности защиту как национальных, так и общечеловеческих ценностей. Она стремилась помочь своему народу в борьбе за независимость и освобождение от колониального рабства, боролась за такие общечеловеческие ценности, как право каждого человека и каждого народа на свою личную свободу и свободный доступ к достижениям и завоеваниям всей человеческой культуры. С этой целью казахская интеллигенция, начиная с 1905 г., развивает бурную деятельность в Степи.

Лидеры казахской интеллигенции понимали, что для политического просвещения народа необходимо разбудить в нем стремление к знаниям, преодолеть безграмотность. Можно сказать, что вся деятельность казахской интеллигенции была посвящена этой цели. Со страниц национальных газет «Казах», «Казахстан», журналов «Айқап», «Сары-Арка», «Абай» и др. она выступала с призывами к казахскому народу овладеть знаниями, ибо только они (знания) откроют путь к цивилизованному миру, помогут сохранить казахов как нацию. Особо выделялось развитие языка и литературы. Большинство статей по проблемам развития казахского языка и литературы принадлежат А. Байтурсынову — первому талантливому реформатору казахского алфавита на основе арабской графики, автору трудов «Новый алфавит» (1912 г.), «Оқу құралы» (1912 г.), «Тіл құралы» (1914 г.), считавшиеся новаторскими не только в казахском языкознании, но и во всем научном тюркологическом мире. В своих статьях на страницах газеты «Казах» А. Байтурсынов подчеркивал важность обучения детей в школах и медресе. Излагая свои соображения о проблемах обучения в казахских и русских школах, он настаивает на обязательном двухгодичном обучении детей на казахском языке, считая, что «начальные школы должны быть в миссионерской политике, т.е. каждый народ должен иметь право на свой язык, письменность и религию».¹⁴⁶ Вместе с тем, он отмечает необходимость обучения и русской грамоте.

Значительное место в деятельности казахской интеллигенции начала XX в. занимали правовые проблемы, поскольку действовавшее царское законодательство грубо нарушало, ущемляло права кочевого народа, что вызывало его естественный протест. Обладая полной информацией о бедственном положении своего народа на его исконных землях, они пытались донести до царского правительства информацию о социальных потребностях казахского народа, защитить его интересы. Многие из них имели специальную юридическую подготовку, что позволяло им расширить правовые знания широких масс, обогатить и углубить их правовые знания. Центральное место в правовой деятельности лидеров казахской интеллигенции М. Тынышпаева, Ж. Акпаева, А. Еркекова, А. Байтурсынова, М. Дулатова занимал вопрос о земле. В своих научных и публицистиче-

ских статьях, различных обращениях к царским властям они подвергали справедливой критике законодательные нормы царского правительства, не отвечающие жизненным условиям казахского народа.

Казахская интеллигенция выразила свое недовольство беззаконием, распространившимся на духовную сферу казахского общества. Согласно «Временному Положению об управлении казахской степью», утвержденному в 1891 г., казахи в духовном и религиозном отношении были подчинены министру внутренних дел, что являлось грубым вмешательством в религиозные дела казахов. В Степи начали закрываться мечети и молитвенные дома, запрещалось преподавание Корана в учебных заведениях. В то же время царское правительство оказывало активное содействие распространению в Степи христианства, создавая условия для деятельности миссионеров. Притеснениям подвергся и национальный язык казахского народа. Как писал семипалатинский губернатор в 1910 г., «на происходивших киргизских выборах впервые предъявлено требование, чтобы лица, баллотирующиеся на должности волостных управителей и кандидатов к ним, знали бы русский разговорный язык».¹⁴⁷ Это было началом вытеснения казахского языка.

Губернаторами, уездными начальниками и мировыми судьями назначались люди, которые «...не знают киргизского языка и не считают нужным знакомиться с нравами и обычаями»,¹⁴⁸ а образованные киргизы, способные служить переводчиками, назначались на должности, где предполагались такие интересы исполняющих служебные обязанности, как часто не имеющие ничего общего с интересами кочевого населения,¹⁴⁹ в результате чего страдали в первую очередь бедняки-шаруа. Таким образом, можно сказать, что правовая идеология царской России есть следствие политической идеологии, направленной на конечную цель — превратить Казахстан в бесправную колонию. К началу XX в. цель царизма была практически достигнута: Казахстан превратился в официальную колонию, что законодательно было закреплено Положением об управлении степными областями, принятым в 1891 г.

Царские чиновники не были заинтересованы в том, чтобы представители казахского народа приобщались к мировой культуре. Но меры, направленные на препятствование к приобщению народа к науке и культуре, не принесли желаемых результатов. Растущая потребность казахского народа к получению образования вынудила царское правительство открыть ряд учебных заведений в Оренбурге, Омске, Уральске, Семипалатинске, Верном и других городах, в которых обучались казахи, получая знания в объеме начальной и средней школы. Царизм был вынужден допустить «инородцев» в средние и высшие учебные заведения. Дети казахов, как отмечалось выше, получали образование в Казанском, Томском, Петербургском, Московском университетах, технических и медицинских вузах. Именно из этого поколения к началу XX в. сформировалась блестящая плеяда казахской интеллигенции, сыгравшая огромную роль в пробуждении своего народа. Они мечтали видеть свой народ свободным от колониального ига, цивилизованным, самостоятельным и независимым. Представители казахской интеллигенции критиковали царские власти за нежелание развивать образование в Степи более интенсивно, а сами стремились создать предпо-

сылки формирования отечественной науки. Казахская интеллигенция с помощью научных статей, выступлений старалась пропагандировать достижения науки в цивилизованных странах, доказывая ее необходимость, огромную силу, способную коренным образом изменить общество. Надо отметить, что их старания не прошли бесследно. Казахская интеллигенция в начале XX в. состояла из врачей, политиков, судей, поэтов, этот период ознаменован появлением первых казахских ученых — А. Байтурсынова, М. Дулатова, А. Букейханова и др., сделавших огромный вклад для становления отечественной науки. Научными исследованиями занимались М. Тынышпаев, А. Ермаков, Х. Досмухамедов и др. Нельзя отрицать, что бурное развитие казахстанской науки произошло в годы Советской власти, но фундамент был заложен именно в начале XX в. талантливыми молодыми представителями казахской интеллигенции.

Таким образом, общественное сознание Казахстана рассматриваемого периода (конец XIX — нач. XX вв.) было неоднозначным, представляло собой сложное явление, находившееся на перепутье истории, впрочем как и общество в целом. Непримируемая борьба шла между идеологией шовинистического колониализма и идеологией свободы и независимости. Идеи, активно распространяемые казахской интеллигенцией, способствовали пробуждению казахского общества, оказывали влияние на правосознание, нравственность казахского народа.

¹ *Алекторов А.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись 1844—1898 гг. Вып. 3. Оренбург, 1900, с. 45.

² Кауфманский сборник. Ташкент, 1910, с. 140.

³ *Остроумов Н. П.* Отчет Туркестанской учительской семинарии за XXV лет ее существования. Ташкент, 1904, с. 25.

⁴ *Сембаев А. И., Храпченко Г. М.* Очерки по истории школ Казахстана (1900—1917 гг.). А., 1972, с. 27, 69.

⁵ Отчет по ревизии Туркестанского края. Учебное дело. СПб., 1910, с. 84.

⁶ Там же, с. 84.

⁷ Журнал I и II Совещаний по народному образованию при Оренбургской губернии и Земской управе. Оренбург, 1905, с. 26.

⁸ *Головачев П.* Сибирь: природа, люди и жизнь. М., 1902, с. 142.

⁹ *Краснов А. Н.* Очерки быта семиреченских казахов // Известия Русского географического общества, т. 23, 1887, с. 463.

¹⁰ Там же, с. 464.

¹¹ ЦГА РК, ф. 27, оп. 1, д. 35, л. 220—221.

¹² ЦГА РУз., ф. 1, оп. 19, д. 3, с. 14.

¹³ *Ильминский Н. И.* Письмо к И. Победоносцеву. Казань, 1898, с. 63.

¹⁴ Журнал Межведомственного совещания о постановке школьного образования среди инородческого, инославного и иноверного населения. СПб., 1912, с. 181.

¹⁵ ЦГА РК, ф. 90, оп. 1, д. 487, л. 100.

¹⁶ Там же, л. 101.

¹⁷ Там же, л. 100.

¹⁸ Там же, д. 489, л. 92.

¹⁹ Там же, д. 773, л. 26.

- ²⁰ Там же, л. 13.
- ²¹ Новый метод в мусульманских мектебах //Русский Туркестан, 1905, 199, 200.
- ²² Письма Н. И. Ильминского к обер-прокурору К. Л. Победоносцеву. Казань, 1895, с. 195.
- ²³ ЦГА РК, ф. 90, оп. 1, д. 754, л. 31.
- ²⁴ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 155, л. 2.
- ²⁵ Там же, ф. 27, оп. 1, 70, л. 89, 91, 104.
- ²⁶ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 239, л. 16.
- ²⁷ Там же, л. 17.
- ²⁸ АГО РФ, ф. 30, оп. 1, д. 52, л. 12.
- ²⁹ ЦГА РК, ф. 15, оп. 1, д. 523, л. 4.
- ³⁰ Там же, с. 20.
- ³¹ ЦГА РК, ф. 15, оп. 1, д. 531, л. 4.
- ³² ГАОРО, ф. 94, оп. 1, д. 2, л. об.
- ³³ Там же, л. 27.
- ³⁴ ГАОО, ф. 86, оп. 1, д. 86, л. 100.
- ³⁵ Там же, д. 35, л. 10 об.
- ³⁶ Там же, д. 85, л. 45.
- ³⁷ ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 48528, л. 20.
- ³⁸ Инструкция для исследования характера и распространения летучих песков. СПб, 1888, с. 11.
- ³⁹ Инструкция для определения высот с помощью барометрических наблюдений. СПб, 1891, с. 1.
- ⁴⁰ Программа для собирания народных юридических обычаев. СПб, 1889.
- ⁴¹ Там же, с. 1.
- ⁴² Там же, с. 9.
- ⁴³ Живая старина, т. XXIII, вып. 1—2. 1914; Живая старина, т. XXIV, вып. III, 1915.
- ⁴⁴ Инструкция к составлению племенных карт. Пг., 1917, с. 2.
- ⁴⁵ Инструкция для сбора этнографических материалов. СПб, 1912.
- ⁴⁶ Калесник С. З. Научно-организационная деятельность Географического общества и ее главные формы //Географическое общество за 125 лет. Л., 1970, с. 19.
- ⁴⁷ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 2871, л. 2—2 об.
- ⁴⁸ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 287, л. 7.
- ⁴⁹ Отчет экспедиции 1892 г. в Зауральские степи Уральской области и Усть-Урт, снаряженные Обществом Рязанско-Уральской железной дороги и Геологического комитета под началом С. Н. Никитина. СПб, 1893, с. 108.
- ⁵⁰ Берг Л. С., Игнатов П. Г., Солёные озера Селети-Денгиз, Теке и Кизыл-Как Омского уезда. Записки Западно-Сибирского отдела РГО, № 28, 1901.
- ⁵¹ ЦГА РУз, ф. 69, оп. 1, д. 7, л. 17 об.
- ⁵² Донцова З. Н. Л. С. Берг и Туркестанский отдел Русского Географического общества / Памяти академика Л. С. Берга. П.—Л., 1995, с. 7.
- ⁵³ ЦГА РУз, ф. 69, оп. 1, д. 73, л. 29.
- ⁵⁴ Сапожников В. В. Очерки Семиречья, ч. I, Джунгарские степи, Балхаш, Иссык-Куль, Центральный Тянь-Шань //Известия Томского университета, кн. 26, 1903, с. 18.
- ⁵⁵ ЦГА РУз, ф. 69, оп. 1, д. 13, л. 43.
- ⁵⁶ Казахстанская правда, 28 декабря 1989 г.
- ⁵⁷ ГАОО, ф. 86, оп. 1, д. 115, л. 159.
- ⁵⁸ Галиев В. З. Ссылные революционеры в Казахстане. А., 1978, с. 73.
- ⁵⁹ ГАОО, ф. 86, оп. 1, д. 112, л. 161.
- ⁶⁰ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 5287, л. 86—127.
- ⁶¹ Макарихин В. П. Губернские ученые, архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX — нач. XX вв. //История СССР. 1989, № 1, с. 161.

⁶² Протокол заседания Оренбургской УАК от 5 октября 1898 г. //Оренбургский листок, Оренбург, 1898, № 44.

⁶³ Гра А. Отчет о состоянии и деятельности ОУАК за 1913 г. //Труды ОУАК. Оренбург, 1916, вып. 33, с. 12.

⁶⁴ Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края //Труды ОУАК. Оренбург, вып. 2. 1910, с. 10.

⁶⁵ Лукин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1962, с. 72.

⁶⁶ Там же, с. 79.

⁶⁷ Клеменц Д. А. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни //Сибирский сборник, 1893, вып. 2, с. 2.

⁶⁸ Рычков К. Систематический каталог коллекций музея Семипалатинского подотдела. Семипалатинск, 1914, с. 1.

⁶⁹ Разгон А. М. Этнографические музеи России //Очерки музейного дела в России. М., 1901, с. 247.

⁷⁰ Там же, с. 255.

⁷¹ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 3024, л. 5–5 об.

⁷² ГАОО, ф. 86, оп. 1, д. 14, л. 198.

⁷³ ЦГА РУз., ф. 69, оп. 1, д. 40, л. 29.

⁷⁴ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 1056, л. 48.

⁷⁵ Там же, л. 49 об.

⁷⁶ ГАОО, ф. 86, оп. 1, д. 29а, л. 193 об.

⁷⁷ Летопись Западно-Сибирского отдела. Юбил. сборник АГО. 1877, 1902. Омск, 1902, с. 29.

⁷⁸ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 1035, л. 10.

⁷⁹ ГАОО, ф. 65, оп. 1, д. 35а, л. 20.

⁸⁰ Там же, л. 24 об.

⁸¹ Максимов А. Б. О необходимости приступить к составлению сборника Киргизского обычного права //Юбил. сборник. Омск, 1902, с. 117.

⁸² Там же, с. 107.

⁸³ Там же, с. 108.

⁸⁴ ГАОО, ф. 86, оп. 1, д. 29, л. 94.

⁸⁵ Добросмыслов А. И. Этнографические очерки //Туркестанский сборник. Т. 509. 1909, с. 158.

⁸⁶ Пахомов И. Киргизское хозяйство на Ак-Тобе и на верховьях Курчума //Записки Семипалатинского подотдела. Вып. 5. 1911, с. 22; Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Сельское хозяйство и скотоводство, лесоводство. 1894, т. 175, № 4, с. 365.

⁸⁷ История Академии наук СССР, т. 2. М. — Л., 1964, с. 624.

⁸⁸ Жиренчин А. М. Из истории казахской книги. А., 1987, с. 132.

⁸⁹ Там же, с. 97–98.

⁹⁰ Там же, с. 105.

⁹¹ Галиев В. З. Библиотечное дело в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX веков). А., 1998, с. 87.

⁹² Там же, с. 126.

⁹³ Урашев С. А. Родники просвещения. А., 1998, с. 18.

⁹⁴ Рамаев И. Татарская периодическая печать. Альбом (1905–1925). Казань, 1926; см. также: Амирханов Д. У. Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.). М., 1988, с. 10.

⁹⁵ Там же, с. 11.

⁹⁶ Айкап. 1914, № 17. Цит. по книге: Зиманов С. З., Идрисов К. З. Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина. А., 1989, с. 48–49.

⁹⁷ Сұбханбердина Ү. Қазақ халқының атамұралары. Мазмұндалған библиографиялық көрсеткіш. А., 1999, 834 б.; Атабаев К. Қазақ баспасөзі. Қазақстан тарихының дерек көзі (1870–1918 жж.). А., 2000, 101 б.

⁹⁸ Зиманов С. З., Идрисов К. З. Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина, с. 62.

⁹⁹ Более подробно: Айқап, А., 1995. Вступит. статья У. Сұбханбердиной. Қазақ баспасөзі тарихынан, 21 б.

¹⁰⁰ По некоторым данным, 1-й номер газеты вышел в феврале 1917 г.

¹⁰¹ Бекхожин Х. Қазақ баспасөзінің даму жолдары. А., 1964, 70 б. Қазақтың атамұралары. Мазмұндалған библиографиялық көрсеткіш. Құрастырған Ү. Сұбханбердина. А., 1999, 49–50 бб.

¹⁰² Зиманов С. З., Идрисов К. З. Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина, с. 63.

¹⁰³ Аул (Құстанай), 1924, 10 мая.

¹⁰⁴ Зиманов С. З., Идрисов К. З. Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина, с. 64.

¹⁰⁵ Та же, с. 69.

¹⁰⁶ Айқап, 1912, № 4.

¹⁰⁷ Айқап, 1911, № 6.

¹⁰⁸ Айқап, 1912, № 3.

¹⁰⁹ Айқап, А., 1995, 234–235 бб.

¹¹⁰ Айқап, 1914, № 17.

¹¹¹ По данным Р. Сулейменова, в 1914–1915 гг. в крае насчитывалось 240 врачей, 3300 учителей, 500 специалистов сельского хозяйства (из них около 200 имели высшее образование), 311 ветеринарных врачей и техников, 66 землеустроителей, 49 гидротехников, 18 специалистов лесного хозяйства, 15 инженеров и техников промышленного производства. Однако среди них удельный вес казахов оставался незначительным. См.: Сулейменов Р. Б. Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане. А., 1972, с. 95.

¹¹² Антология педагогической мысли Казахстана. А., 1995, с. 201–202.

¹¹³ Айқап, 1912, № 3.

¹¹⁴ Антология педагогической мысли Казахстана, с. 202.

¹¹⁵ Дулатов М. Шығармалары. А., 1991, 302 б.

¹¹⁶ Қазақ. Құрастырушылар: Ү. Сұбханбердина, С. Дәуітов, К. Сақов. А., 1998, 482 б.

¹¹⁷ См.: Букейханов А. Шығармалары (кіріспе, авт. Койгелдиев), М.— А., 1994, 3 б.

¹¹⁸ Атабаев К. Қазақ баспасөзі. Қазақстан тарихының дерек көзі (1870–1918 жж.), А., 2000, 210 б.

¹¹⁹ Текст дается в переводе М. Дулатова. См.: Дулатов М. Шығармалары. А., 1991, 300 б.

¹²⁰ Қазақ газеті, А., 1995.

¹²¹ Дулатов М. Шығармалары. А., 1991, 302 б.

¹²² Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. Оксфорд, с. 14–15.

¹²³ Байтұрсынов А. Ақ жол. А., 1991, 243 б.

¹²⁴ Байтұрсынов А. Ақ жол. 18 б.

¹²⁵ Тан-Шолпан. А., 2000, 174 б.

¹²⁶ По свидетельству известного библиографа, исследователя истории печати У. Сұбханбердиной, в Санкт-Петербурге в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранились 22 номера газеты.

¹²⁷ Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. А., 1995, 127 б.

¹²⁸ Қазақ халқының атамұралары. Мазмұндалған библиографиялық көрсеткіш. Құрастырған Ү. Сұбханбердина. А., 1999, 56–58-б.

¹²⁹ Более подробно см.: Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. А., 1995, 133–169 бб.

¹³⁰ *Остроумов Н. П.* Исламоведение. Введение в курс исламоведения. Ташкент, 1914, с. 127.

¹³¹ ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 3713, л. 29.

¹³² *Там же*, д. 871, л. 25.

¹³³ Казак әдебиеті. 1996, № 22, 28 мамыр.

¹³⁴ *Какишев Т.* Садак. А., 1986, с. 23.

¹³⁵ ЦГА РК, ф. 90, оп. 1, д. 773а, л. 78.

¹³⁶ *Там же*.

¹³⁷ Казак, 1913, № 3.

¹³⁸ Казак әдебиеті. 1996, № 22, 28 мамыр.

¹³⁹ ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 1546, л. 1.

¹⁴⁰ *Там же*, ф. 90, оп. 1, д. 773а, л. 55.

¹⁴¹ *Там же*, ф. 26, оп. 1, д. 1602, л. 6.

¹⁴² *Там же*, ф. 25, оп. 2, д. 257, л. 1. *Ивлев Н., Масанов Н.* Видный казахский ученый С. Бабажанов // Вестник АН КазССР 1982, № 11.

¹⁴³ ЦГА РК, ф. 25, оп. 1, д. 970, л. 39.

¹⁴⁴ *Там же*, оп. 2, д. 371, л. 5.

¹⁴⁵ *Дулатов М.* Урпакка хат. Дала дидары, 1991, 8 мамыр.

¹⁴⁶ *Байтурсинов А.* Бастауыш мектеп /Казак. 1914. 87.

¹⁴⁷ Материалы по истории политического строя Казахстана. А., 1960, т. 1, с. 460.

¹⁴⁸ *Тынышпаев М.* Письмо Председателю Комитета Министров России //Өркен, 1991, 28 декабря.

¹⁴⁹ *Там же*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 1663—1756 — Толе би.
- 1663—1727 — Цэван-Рабдан, джунгарский хан.
- 1667—1764 — Казыбек би.
- 1870—1697 — Правление Галдан Бошокту-хана, джунгарского хана.
- 1690—1778 — Канжыгалы Богембай-батыр.
- 1680—1715 — Правление Тауке-хана.
- 1682—1766 — Айтеке би.
- ок. 1690—1740 — Правление Жолбарыса, хана Старшего жуза.
- 1691—1769 — Каракерей Кабанбай-батыр.
- 1693—1752 — Жаныбек Кошкарулы.
- 1710 — Съезд представителей казахских жузов для организации борьбы с джунгарскими завоевателями. Избрание батыра Богембая и хана Абулхаира руководителями казахского ополчения.
- 1711—1781 — Абылай-хан.
- 1715 — Военно-разведочная экспедиция И. Бухгольца в Прииртышье.
- ок. 1715—1724 — Правление хана Болат.
- 1716 — Основание г. Омска.
- 1717—1718 — Сражение казахского ополчения с джунгарскими войсками.
- 1718 — Основание г. Семипалатинска.
- 1720 — Основание г. Усть-Каменогорска.
- 1722 — Посольство И. Унковского в Джунгарию.
- 1723—1730 — Агрессия Джунгарии против казахских ханств. «Актабан шұбырынды, Алқакөл сұлама», или «Годы Великого бедствия».
- ок. 1724—1738 — Правление хана Самеке.
- 1726 — Курылтай казахов в Ордабасы.
- 1728 — Битва казахского ополчения с джунгарскими войсками на рр. Буланты и Белеуты.
- 1730 — Победа казахского ополчения над джунгарами в местности Аныракай.
- 1730, сентябрь — Посольство хана Абулхаира во главе с С. Койдагуловым и К. Коштаевым в Россию.
- 1730—1733 — Грамоты императрицы Анны Иоанновны о вассальной зависимости Абулхаира и других владельцев.

- 1731—1732 — Посольство А. И. Тевкелева.
- 1734, май — Начало деятельности Оренбургской экспедиции во главе с И. Кирилловым.
- 1735, 15 август — Основание г. Оренбурга в устье р. Ори (позднее — Орская крепость).
- 1738 — Повторная присяга хана Абулхаира.
- 1739/1740 — Вторжение джунгар в Казахстан.
- 1739—1771 — Правление хана Абулмамбета.
- 1740 — Присяга хана Абулмамбета и султана Абылая Оренбургской администрации.
- 1741—1742 — Казахско-джунгарская война.
- 1741—1743 — Пребывание Абылай-хана в плену у Галдан-Цэрэна.
- 1742, 19 октября — Указ царского правительства, запрещающий рядовым казахам кочевать
близ р. Яик, Яицкого городка и строящихся крепостей.
- 1743 — Основание г. Оренбурга.
- 1743 — Вторжение джунгарских войск в Южный Казахстан.
- 1748, август — Убийство хана Абулхаира.
- 1748—1786 — Правление хана Нуралы в Младшем жузе.
- 1752 — Основание г. Петропавловска.
- 1755, 6 марта — Указ Коллегии иностранных дел, запрещающий рядовым казахам Среднего
жуза переходить на правую сторону р. Иртыш.
- 1756 — Борьба казахов под руководством Абылай-хана против цинской агрессии.
- 1758 — Разгром Джунгарского ханства.
- 1764 — Посольство М. Арапова к Абылаю.
- 1767 — Посольство К. Абзанова к Абылаю.
- 1771—1781 — Правление хана Абылая.
- 1771 — Исход калмыков в Джунгарию («Пыльный поход»).
- 1773—1775 — Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева.
- 1780—1860 — Жанхожа Нурмухамедов.
- 1781—1821 — Правление хана Уали в Среднем жузе.
- 1783—1797 — Национально-освободительное восстание под руководством Сырыма Датова.
- 1791—1838 — Исатай Тайманов.
- 1791—1794 — Правление хана Ералы в Младшем жузе.
- 1796—1797 — Правление хана Есима в Младшем жузе.
- 1797—1805 — Правление хана Айшуака в Младшем жузе.
- 1801 — Образование Букеевского ханства (Внутренней Орды).
- 1803—1846 — Махамбет Утемисов.
- 1803 — Положение об Уральском казачьем войске.
- 1807—1888 — Есет Котибаров.
- 1808 — Начало формирования Сибирского казачьего войска.

- 1822 — Принятие «Устава о Сибирских киргизах» и упразднение ханской власти в Среднем жузе.
- 1822—1824 — Учреждение в Казахстане округов.
- 1823—1845 — Правление хана Жангира в Букеевском ханстве.
- 1824 — Принятие Азиатским комитетом «Устава об оренбургских киргизах». Упразднение ханской власти в Младшем жузе.
- 1824—1825 — Движение Губайдуллы Валиханова против царских властей.
- 1824 — Основание гг. Кокчетава и Каркаралинска.
- 1824—1844 — Учреждение внешних округов в Среднем жузе.
- 1824—1836 — Восстание под руководством Саржана Касымова против колонизации Казахстана.
- 1824 — Создание Каркаралинского приказа.
- 1826 — Создание Баянаульского приказа.
- 1830 — Основание г. Акмолинска (ныне Астана).
- 1832 — Открытие Акмолинского приказа.
- 1831—1868 — Дистанционная система управления в Младшем жузе.
- 1834 — Основание укрепления Ново-Петровское на Мангыстау (в 1846 г. перенесено и переименовано в форт Александровский, ныне г. Актау).
- 1834 — Открытие Кушмурынского приказа.
- 1835—1865 — Чокан Валиханов.
- 1836—1837 — Восстание в Букеевском ханстве под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова.
- 1856—1857 — Движение и восстание казахов под руководством Жанхожи Нурмухамедова против колониального гнета.
- 1837—1846 — Национально-освободительное восстание под руководством Кенесары Касымова против колониализма.
- 1838 — Введение «Положения об отдельном управлении Сибирскими киргизами».
- 1839—1840 — Хивинская военная экспедиция В. А. Перовского
- 1841—1889 — Ибрагим Алтынсарин.
- 1844 — Введение нового Положения по управлению Младшим жузом. Замена Пограничного управления областным управлением.
- 1845 — Упразднение ханской власти и учреждение «Временного Совета по управлению Внутренней (Букеевской) Ордой».
- 1845—1904 — Абай (Ибрагим) Кунанбаев.
- 1846 — Создание Атбасарского и Аягузского приказов.
- 1847—1857 — Пребывание Т. Г. Шевченко в ссылке в Казахстане.
- 1847—1858 — Восстание приаральских казахов под руководством Есета Котибарова против колониального гнета.
- 1850—1859 — Пребывание Ф. М. Достоевского в Омске и Семипалатинске.

- 1853 — Взятие Ак-Мечети (ныне г. Кызылорда) русскими войсками.
- 1854, 19 мая — Введение «Положения Сибирского комитета о распространении на киргизов Сибирского ведомства общих законов Российской империи».
- 1854 — Основание укрепления Верное (ныне г. Алматы).
- 1860, октябрь — Разгром кокандских войск в Жетысу, в урочище Узун-Агаш.
- 1864 — Взятие царскими войсками крепости Мерке, Туркестана, Аулие-Аты, Чимкента.
- 1865, 17 мая — Взятие царскими войсками Ташкента.
- 1866 (1870) — 1937 — Алихан Букейханов.
- 1867, 11 июля — «Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях». Образование Туркестанского генерал-губернаторства.
- 1867—1868 — Учреждение военно-судных комиссий и уездных судов.
- 1868, 21 октября — «Временное положение об управлении в Степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств».
- Образование Степного генерал-губернаторства и Уральской, Тургайской областей.
- 1869—1870 — Восстание в Уральской и Тургайской областях.
- 1869 — Основание г. Актюбинска.
- 1870 — Волнения на Мангыстау.
- 1872 — Передача территории бывшего Букеевского ханства в состав Астраханской губернии.
- 1872—1929 — Мухаметжан Сералин.
- 1873 — Завоевание Хивинского ханства.
- 1873—1938 — Ахмет Байтурсынов.
- 1873—1919 — Амангельды Иманов.
- 1879—1938 — Мухамеджан Тынышпаев.
- 1879 — Основание г. Кустаная.
- 1881—1884 — Переселение уйгур и дунган в Жетысу.
- 1883 — «Правила о поземельном устройстве оседлого населения области» (Жетысу).
- 1885—1935 — Миржакып Дулатов.
- 1886, 12 июня — «Положение об управлении Туркестанским краем».
- 1889, 13 июля — Положение «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время».
- 1891, 25 марта — «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областями».
- 1893 — Принятие «Временных правил для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги».
- 1896—1901 — Строительство Сибирской железной дороги.
- 1897 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи.
- 1898, 2 июня — «Закон об устройстве судебной части в Степных областях».

- 1899—1905 — Постройка железной дороги Оренбург—Ташкент.
- 1903 — Правила «О добровольном переселении на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую».
- 1904—1906 — Образование на территории Казахстана пяти переселенческих районов:
Тургайско-Уральского, Акмолинского, Семипалатинского, Сырдарьинского
и Семиреченского.
- 1905—1907 — Первая русская революция.
- 1905, 17 октября — Манифест о гражданских свободах в Российской империи.
- 1906, апрель-июнь — I Государственная Дума.
- 1907, февраль-июнь — II Государственная Дума.
- 1907—1912 — III Государственная Дума.
- 1909 — Принятие «Инструкции о порядке определения государственного земельного фонда в
областях Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской
для надобностей».
- 1912—1917 — IV Государственная Дума.
- 1911—1915 — Журнал «Айкап».
- 1913—1918 — Газета «Казах».
- 1914—1918 — Первая мировая война.
- 1916, 25 июня — Указ царского правительства о мобилизации на тыловые работы казахов,
кыргызов, узбеков, туркмен, дунган и уйгуров.
- 1916, июль — Начало народно-освободительного восстания в Казахстане.
- 1917, 28 февраля — Февральская буржуазно- демократическая революция в России.
Свержение царизма.
- 1917, 8 марта — Образование Временного правительства.
- 1917, весна-лето — Деятельность Военно-промышленных комитетов.
- 1917, июль — Первый Всеказахский съезд.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза К. К. 438
 Абд ал-Азиз-хан 289, 290
 Абд ал-Азим (Азимбай) 284, 285
 Абд ал-Карим би 279
 Абд ал-Карим Бухари 289
 Абд ал-Маджид 369
 Абд-и Кахар 285
 Абдиманов О. 43
 Абдиров М. Ж. 23, 24, 126
 Абдуали би 377
 Абдулла-хан 99
 Абзаков У. 260
 Абзанов К. 260
 Абзанов Ш. 260
 Аблаев А. 371
 Аблайханов С. 370
 Абрамов Н. А. 560
 Абсаямов Б. 331
 Абубакир Кердери
 Шоканулы 546, 548
 Абулгазиев А. 387
 Абулгазы Багадур-хан 63
 Абу-л Касим 287
 Абулмамбет-хан (Абулмагамбет, Абул-мамет, Абулмухамет, Абал-Мамет-хан, Абул-Мамбет-хан, Убалмамбет) 22, 64, 66, 74, 100, 103, 138, 147, 156, 157, 165, 166, 169, 171, 172, 174, 188, 197, 247, 251-254, 262, 268, 272
 Абу Убайдаллах Мухаммад 294
 Абулфеис (Абылфайыз, Абил-пейс) 66, 172, 250, 253, 254, 262, 267, 268, 272, 273
 Абулфейсов Р. 352, 353, 370
 Абулхаир-хан 18, 19, 21, 53, 55, 56, 57, 64, 66, 76, 96, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 114, 116, 117, 125, 126, 127, 128, 134, 135, 136, 138, 139, 143, 145, 146, 147, 156-171, 173-175, 189, 201, 202, 208, 220, 229, 261.
 Абулхаир-хан (Шайбанид) 202
 Абыз-Шомак 68
 Абык 551
 Абылай-хан 22, 38, 53, 64, 68-75, 77, 79, 100, 141, 142, 146, 147, 159, 165, 166, 169, 171, 172, 174, 187-189, 195, 197, 201, 202, 212, 218, 219, 230, 247, 262, 264-268, 270-273, 275, 279, 280, 281, 285, 291, 297, 303, 321-325, 328, 330, 344, 346, 347, 352, 354, 404, 405, 407, 408, 531, 541, 546
 Агапов В. Б. 668
 Агыбай-батыр 38, 202, 347
 Адиллов Г. 370
 Адил-султан (Адил-торе) 189, 212, 254, 264, 267, 273, 274, 281, 282, 284, 285, 291, 346
 Адриевич В. К. 151
 Азербайев К. 715
 Азизов С. 682
 Азнабай 325
 Айбас 267
 Айганым 321
 Айманов Ж. 649
 Аймаутов Ж. 705, 709
 Айнакул Батый 146
 Айтбакин А. Д. 560, 565, 699
 Айтеке би 38, 66, 70, 136, 138, 147, 201
 Айтматов Ч. 13
 Айшибек-батыр 131
 Айшуак 208, 209, 211, 212, 219, 226, 233
 Айшуаков Б. 307, 350, 363
 Акбала 550
 Акинер Ш. 50
 Аккоз 645
 Акмолда Батырбасы 377
 Акмурза би 325
 Акпаев Ж. 26, 43, 459, 659, 689, 690, 699, 705, 709, 724
 Акпаев Х. 659, 660
 Акпантай (Бори Акпантай-батыр) 68
 Актамберды 68, 70, 139, 142, 143, 146, 267, 406
 Актанов М. 721
 Акылбек Сабалулы 697, 714
 Алаев Б. 335
 Аламанов Б. 640, 650
 Алача-хан (Алаша-хан) 291, 541
 Алдабергенов И. 336
 Алдияров А. Б. 721
 Александр I 169, 190, 291, 310, 324, 381, 721
 Александр II 418
 Александр III 430
 Александр Македонский 411
 Алексеев Н. 35
 Алекторов А. 26, 676, 677
 Али Абылайулы 346
 Алибеков Г. 660, 661, 662
 Алибеков И. 662
 Алибеков К. 353
 Алим-бек 279, 280-284
 Алимкул 375-378
 Аллакул-хан 362, 363
 Алтыбай 68
 Алмасов О. 642

- Алтынсарин Ибрай 8, 12, 13, 61, 68, 523, 527,
528, 532, 533, 535, 548, 549, 553, 566, 683,
699, 702, 706
- Алыбай 325
- Альжан 371
- Альжанов О. 699
- Аманжолов С. 645, 721
- Аманжолова Д. 43, 44, 46
- Аманов У. 215
- Амир 284
- Амиров А. 198
- Амир-Хайдар 282, 286—290
- Амре-хан 386
- Амурсана 53, 71, 72, 130, 248—250, 259
- Ангал 347
- Андас 371
- Андре Д. 563
- Андреев Т. И. 690
- Аненков И. В. 691
- Аниховский А. И. 691
- Аничков И. 36
- Анна Иоанновна 21, 159, 161—163
- Аполлова Н. Г. 11, 19, 34, 35, 51, 126, 139, 297
- Аппасов С. 721
- Апраксин Ф. М. 108
- Арабаев И. 701
- Арапов М. 108, 259
- Арасланов Т. 112
- Арендеренко Г. Л. 561
- Аристов Н. А. 63, 65, 561, 696
- Аркалык-батыр 408
- Аркандар-батыр 68
- Артыкбаев Ж. 43
- Арслан 386
- Арсланов Х. 420, 421
- Арын-Газы-хан (Харун-Газы-хан) 288,
290
- Арыстан Толыбайулы 247
- Асавов У. А. 559
- Асадбеги-ходжа 286
- Асан Кайгы 548
- Асанов М. 251
- Асаулов Д. 421
- Асет Найманбайулы 550, 715
- Асфендияров С. Д. 17, 37, 56, 64, 81, 386, 702
- Асылбеков М. - А. Х. 29-31, 35, 39
- Атабаев К. 705
- Ауэзова Л. М. 28
- Ауэзов М. О. 542, 546, 708, 709
- Ахан-серэ Корамсин 506, 550, 555, 556, 715
- Ахмал-шах 252
- Ашекеев Б. 643—645, 650, 716
- Ашекеев С. 645
- Аюка-хан 104—107, 113, 124, 134, 135
- Бабажан 387
- Бабажанов К. 338, 339
- Бабажанов М. С. 80, 559, 565, 689, 720
- Бабатаев Дулат 74, 75, 546, 552
- Бабахан (Шейхантур) 279, 281
- Бабур 279
- Багалур 112
- Бадакул 66
- Баетов К. 378
- Базанов У. 562
- Базарбаев М. 286
- Базар-бахадур 286
- Байбек 112
- Байболов Казангап 70
- Байгозы 68, 69, 141, 267
- Байжанов, см. Жаяу Муса Байжанов
- Байжигит 260, 411
- Байзак Мамбетулы 202, 377, 650
- Байкадамов С. 389
- Баймагамбетов 75
- Баймагамбет-султан 543, 544
- Баймухамедов 571
- Байнджур 248
- Байрон Д. 533, 715
- Байсеит 347, 371
- Байтепек 279
- Байтокин Ж. 303
- Байторин Т. 336
- Байтурсынов А. 43, 47, 49, 62, 81, 82, 459,
610, 618, 624, 636, 640, 660—662, 681, 691,
701, 704—708, 710—712, 715, 724, 725
- Байшагиров А. 612
- Бакаул-беги 287
- Бактыбаев Ч. 352
- Бактыбай 550
- Бакунин В. М. 134
- Бакурман 112
- Баландин Ф. 115
- Балгымбаев А. Б. 191
- Балкашин Н. Н. 560
- Балта-акын 546
- Балтаев М. 647
- Балуан Шолак Баймырзаулы 506, 550, 715
- Барабаш 428
- Барак-султан 67, 69, 73, 100, 103, 108, 147, 157,
159, 169, 171, 172, 174, 175, 188, 211, 251,
254, 267, 271, 273, 278
- Барак-хан, внук Урус-хана 66
- Баржаксин А. 709
- Барнаби Ф. 53
- Барсук В. К. 560
- Бартольд В. В. 58, 691, 696
- Басин В. Я. 11
- Басыгара 347
- Батакова Сара 550, 555
- Батма-Цэрэн 248
- Батыр 100, 103, 147, 157, 169, 208,
222, 272, 303
- Батыршин С. 565
- Батыршы 211, 212
- Батюшков Г. С. 299
- Баулуков Е. 112
- Бахметов И. 115
- Бахрушев Н. 658
- Бахтыгиреев Ч. 315
- Баян-батыр 68, 69, 71, 142, 143, 267, 271, 407
- Бегимбаев Н. 661
- Безак А. П. 373, 374
- Безбородко А. 230, 338
- Бейли Ф. 655
- Бейсенбаев А. 40
- Бекбатыров Ж. 645
- Бекболатов А. 645

- Бекбулат 114
Бекет 75
Бекетаев М. 562
Бекетов А. Н. 531
Бекмаханов Е. Б. 29, 37—39, 62, 64, 129, 312, 346, 484,
Бекмаханова Н. Е. 35
Бекметов 610
Бекович-Черкасский А. 154
Бекчурин И. Н. 692
Белев Н. 567
Белослюдов А. Н. 693
Белослюдов В. Н. 684, 693, 694
Белоусов Н. 111, 155
Беневени Ф. 113, 136
Беннигсен А. 50, 57, 62
Бербусынов К. 421
Берг Л. С. 686, 688
Берденов Б. 716
Бердыкожа 69, 267, 274
Беремжанов А. 660, 720, 721
Беркимбаев Д. 574, 689
Берне А. 360
Бигаши 58
Бизанов 307, 350
Бийсенов А. Ж. 559
Биржан-сал Кожугулов 550, 555, 715
Бичурин Н. Я. 105
Бишеков У. 421
Блан Э. 58
Бланк С. 61
Бларамберг И. 25, 486
Блек А. А. 560
Блэк С. 57
Браун А. 655
Брем А. 512
Броневский С. Б. 25, 192, 303, 326, 332, 336
Брусницын Ф. И. 687
Брянцев Б. 112, 127
Богду Ижан-хан 322
Богембай-батыр 64, 67—71, 125—127, 131, 134, 136, 138, 139, 141—143, 146, 202, 247, 249, 250, 267, 271, 404, 405,
Боджер А. 55—57, 117
Бокей-хан 73, 234, 273, 274, 298, 303
Бокей-батыр 142
Бокин Т. 640, 643, 644, 650,
Болат-хан 66, 99, 100, 143, 156, 253, 254, 272, 324
Болек Сатайулы 143, 163
Болекей-султан 289
Большеке 72
Бопы 274
Боритонды-Борте 69
Бородин А. П. 557
Бородин Г. 215
Бородин М. 216
Бородин Н. 559, 621, 622
Боувер Я. 275
Бузаубеков 716
Бузембаев 645
Бузрук-ходжа 281
Буйрун Е. 700
Букей-хан 237, 239, 240, 383
Букейханов Адил 242
Букейханов Алихан 11, 13—15, 26, 40, 43, 46—48, 62—64, 81—83, 459, 492, 560, 562, 602, 609, 610, 618, 621, 624, 636, 640—642, 658—662, 681, 689, 690, 699, 702, 704—707, 709, 712, 721, 725
Букейханов М. 238
Букейбай-батыр 19, 56, 57, 100, 160, 161, 180, 202
Букин И. 561, 565
Булатов 384
Булен 304
Бульджер Д. 53, 581
Бунаков 535
Бунге 582
Бура 211
Буриев Багдаулет-батыр 111, 155
Бурмистрова Т. Ю. 39
Бутаков А. И. 364, 365, 373
Бутаков 419
Бутенов К. Ф. 361
Бухарбай-батыр 202, 347
Бухар-жырау Калкаманулы 38, 64, 70, 71, 75, 143, 146, 247, 253, 404—406
Бухгольц И. Д. 12, 111, 151, 152, 154—156
Бушинский В. П. 491
Бэккер С. 59
Бэкон Э. 50, 51, 61
Бэнсидун С. 59
Ваганов О. 27
Вайсерт 610
Валидов А.—З. (Валиди, Тоган) 47
Валиковский 633
Валихан Г. 428
Валиханов Г. Б. 375
Валиханов Ч. Ч. 12, 13, 37, 61, 62, 65, 68, 69, 71, 74, 79, 122, 165, 182, 192, 201, 251, 253, 254, 256, 267, 292, 321, 368, 380, 401, 402, 418, 527—532, 538, 541, 548, 549, 552, 553, 558, 566, 696, 699, 706
Валынский А. П. 107, 108, 134
Варженбург И. 53
Василий III 20
Васильев В. П. 531
Васильев П. А. 562
Васильчиков 622, 658
Велецкий С. Н. 473, 596, 602
Вельяминов-Зернов В. В. 25, 154, 531, 559
Венюков М. И. 26, 442, 561
Веревкин М. 414
Веревкин Н. А. 367, 375, 376
Веселовский Н. И. 532
Верешагин П. 26
Вильгельм 653
Виноградов В. 12
Виноградов А. К. 621
Витасинов А. 215
Витеский В. Н. 126, 127, 162, 168
Виткевич И. В. 360
Виторский Н. В. 668
Вишневский 351
Владимирцов Б. Я. 52
Владиморовский В. А. 562
Вобан 306

- Волков Д. В. 209
Волковский 240
Воронцов А. Р. 228
Врангель К. 417
Вревский А. Б. 684
Вуд А. 55
Вуд Г. 360
Вудроф Т. 359
Вяткин М. П. 37, 51, 56, 142, 209, 232, 234, 235, 269
- Габайдулла-султан (Губайдулла) 274, 303, 322—327, 330, 344
Габбас 274
Габбасов А. 326, 329, 330
Габбасов Х. 660
Габбасов С. 701, 709
Гаверловский Я. 125, 126, 133, 141, 192, 200
Гавриков М. А. 622
Гаг К. 511,
Гагарин М. П. 76, 111, 112, 127, 151, 152, 154, 155
Гегемейстер Ю. А. 25
Гаиб-хан 65
Галдан-Бошпукту-хан 105, 122, 123
Галдан-Цэрэн 64, 66, 71, 72, 130, 135, 157, 162, 163, 166, 171—175, 196, 247, 407
Галимов А. 701, 715
Галиев В. З. 34, 35
Галкин М. 366
Галицын 601
Галузо П. Г. 15, 16, 23, 28, 29, 34, 432, 447, 473
Ганвей Дж. 359
Гаспринский И. 680, 702, 706
Гасфорт, ген.-губ. 371, 529
Гасымбек Н. 63
Гаухар 141
Гедин С. 50
Гейер И. 561
Гейне А. К. 25, 383, 415
Геке А. 342, 343
Геллер А. 27
Генс А. Ф. 335, 344
Георги И. 186
Геппрер С. 646
Геродот 558
Герасимов Б. Г. 684, 694
Герберштейн С. 201
Герн А. 560
Герн В. 26
Гернгросс А. Р. 361
Герцен А. И. 386
Гескет С. 470
Гетч О. 54, 58
Гинс Г. 498
Гинсбург А. 28
Гирс 418, 451
Гладышев Д. 166
Гоббс Т. 108
Гоголь Н. В. 533
Гок Р. 359
Голованов И. Ф. 621
Головкин А. Г. 108
Голубев А. Ф. 561
Гольчевски Ф. 54
Гомбинский 610
- Горчаков В. Д. 344, 350, 351
Горячева А. 35
Граменицкий С. М. 692
Гранкин 229, 230
Григоровский А. 303
Григорьев В. В. 25, 385—388, 531, 533, 559
Гродеков Н. 25, 563, 684
Гросс С. С. 560, 563
Груссе Р. 50
Грызалов 645
Грэхам С. 50
Губанов А. 215
Гуляев С. 560
Гуляев Я. 259, 260
Гумаров Р. 332
Гусев Н. Ф. 562
Гутковский К. К. 529
- Дабыл 388
Даваци 248, 259
Давыдов А. Р. 210
Даир-султан 219, 254, 272, 273
Далай-лама 104, 123
Далай-тайши (Далай-тайджи) 66
Даль В. 41
Данилевский Г. И. 361, 362
Дардана 72, 249, 250
Дархан 141
Дат 267
Датов Сырым 36, 37, 59, 72, 77, 223—227, 230—234, 237, 408, 411
Даукебаев И. 716
Даулбаев Б. 559, 565, 689
Даулеткельды 68
Даулеткерей Шигаев 554
Даутбай 218
Даутов С. 22
Дахшлейгер Г. Ф. 17, 38
Джамадар Кабули 379
Джафаров М. Г. 650
Джучи-хан 145, 199, 285
Декалонг 217
Демезон П. И. 360
Демидов А. 573
Демко Дж. 59
Денисов И. Х. 582
Дерпсалы-батыр 142, 267, 271
Деррен С. М. 693
Дерхе 373
Дерышев 386
Диваев Абубакир 26, 67, 142, 143, 144, 561, 656, 696
Дигар Ж.-П. 52
Диканбай 371
Дильмухамедов Е. Д. 29, 30, 38
Дингельштедт Н. А. 50
Дмитриев Н. Ф. 559, 562
Дмитриев С. Е. 689
Добросмыслов А. И. 26, 139, 162, 167, 691, 695, 696
Довеновский Н. 417
Додо-Доржим 130
Долгов 349, 350
Долгополов Н. И. 560
Дондук-Омбо 108

- Донелли Э. 55
 Доненов Т. 345
 Донентаев С. 636, 701, 705, 709, 712
 Донское Д. 231, 233
 Донской Дмитрий 354
 Досалы-султан 209, 215—217, 219, 251
 Досанга-тайджи 107, 135
 Досжанов С. 660
 Досмухамедов Ж. 459, 660, 661, 662
 Досмухамедов Х. 15, 16, 43, 62, 160, 459, 659, 705, 721, 725
 Досов И. 420, 421
 Доспаев И. 600
 Достоевский Ф. М. 5:9, 531
 Досым би 290
 Друмонт 133
 Дудко 646
 Дуйсенбаев И. 721
 Дукен 555
 Дукенов И. 554, 555
 Дулатова Д. И. 17
 Дулатов М. 11, 43, 46, 62, 81, 82, 146, 247, 459, 618, 624, 636, 640, 642, 659, 660—662, 681, 699, 701, 704, 705, 707, 710—712, 723—725
 Дунанбаев 609
 Дуниковский 349, 350
 Дуров С. Ф. 529
 Дыхнич 621
 Дюгамель А. О. 373, 415

 Евтушевский 535
 Егюшкин Я. И. 622
 Едиге би 64, 73
 Едикбай 113
 Екатерина I 108
 Екатерина II 196, 222, 227, 228, 231, 255, 258, 273, 297
 Екейбаев 645
 Екешев Б. 111, 155
 Елгин 331
 Елизавета Петровна 170, 211, 268
 Елпатьевский В. С. 688
 Елшибек (Ельчибек) 68, 131, 267
 Ембекей 218
 Еникеев И. И. 692
 Емельянов 694
 Ералин С. 343
 Ералы (Эралы, Ер-Али) 162, 167, 174, 208, 210—213, 230—233, 267, 289
 Еремин Ф. А. 622
 Ермаков А. 459, 709, 721, 724, 725
 Ерофеев 382, 658
 Ерофеева И. В. 17
 Есболов М. 659
 Есберди 261
 Есенбаев С. 716
 Есенгалиева Г. 29
 Есенкулов О. 622
 Есенкулов Т. 562, 721
 Есет-батыр 56—58, 67, 100, 125, 135, 138, 139, 141—146, 160, 201
 Есим (Ешим) 66, 101, 108, 188, 211, 230, 233, 251, 254, 272, 273
 Есимов Ш. 335

 Есмамбет-батыр 68, 69
 Еспембет би 547
 Ефимовский-Мировид И. И. 690

 Жабаев Жамбыл 550
 Жабай-батыр 142, 267
 Жадик-султан 56, 66, 100
 Жаилган би 101
 Жайнаков И. 660, 661
 Жакаев К. 258
 Жаксылыков И. 562, 721
 Жалантос-батыр 66
 Жалбы 71
 Жалгыз-жырау (Шалкииз Тленшиулы) 404
 Жалмухамедов Т. 562
 Жалыкбаев Ж. 721
 Жаманмурынов Т. 659
 Жамантай 326
 Жамболат 231
 Жаназар 267
 Жанай 143
 Жанайдар 347
 Жанайдаров М. 699
 Жанак Сагындыкулы 545, 550, 551
 Жанатай-батыр 68, 266, 267, 407
 Жанбосынов А. 17, 643, 647, 648, 650
 Жанбота 555
 Жамбурчин Б. (Ямгурчин) 363, 533
 Жанбусов Т. 420
 Жандыбаев Т. 504
 Жан-Газы 290
 Жангельдин А. 640, 643, 647, 648, 650
 Жангиров Ш. (Шатиторе, Шади Жангирулы) 551, 697, 714
 Жангир-хан 65, 66, 75, 78, 98, 238—243, 337—342, 542, 714
 Жангир-хан (Салкам Жангир-хан) 263
 Жанкиси 405, 406
 Жанкучуков Ю. 345
 Жан Назар-бий 290
 Жансугиров И. 709
 Жантай-батыр 67, 138
 Жантелин Ж. 341
 Жантасов 661
 Жанторе 274
 Жантурин С. 718
 Жантурин А. 346, 350, 384
 Жантурин М. 346, 384
 Жантурин С. 80, 559, 565, 689, 720
 Жаныбек-батыр 68, 69, 267
 Жаныбек-батыр Кошқарулы (Шакшак-Жаныбек, Тархан Жаныбек) 38, 56, 57, 67, 69, 100, 101, 125, 131, 136, 138, 141, 142, 146, 161, 171, 202, 203, 247, 271, 404
 Жаныбеков Ж. 705
 Жаныбеков М. 303
 Жаныбеков М. (Угар) 624
 Жаныбек-хан 56
 Жанышев Х. 563
 Жапек-батыр 68, 267
 Жарылгапберды 555
 Жарылгап-бий 64, 143
 Жарылгасов Шернияз 75
 Жаугаш-батыр 69, 267

- Жауке 38, 347
 Жаулыбай-батыр 67
 Жаяу Муса Байжанов (Байжанулы) 349, 350, 362, 506, 550, 555—557, 715
 Жеребятъев 372
 Жетыков 504
 Жетпысбаев Н. 561, 656
 Жидебай (Сырым Жидебай) 69
 Жилин Ф. 112
 Жиренше 565
 Жоламан-батыр 385
 Жолан 339
 Жолбарыс 99, 138, 163, 170, 260
 Жолдыбаев М. 701
 Жомартбаев Т. 701, 709, 718
 Жонво Э. 61
 Жуковский 715
 Жумабаев М. 82, 267, 661, 701, 705, 716, 718
 Жуматин 274
 Жунусов А. 640, 643, 650

 Завалишин И. 25, 162, 469, 470, 482, 486
 Загряжский Т. С. 26, 464, 561, 563, 692
 Закиржанов Т. 332
 Зарубин-Чика И. 215, 217
 Захаров 331
 Зеланд Н. Л. 25, 560, 561
 Зеленин Г. Н. 691
 Земляницын А. 135, 560
 Зенковский С. 59—62
 Зиманов С. 3. 27, 42, 699
 Зиновьев М. 159
 Златкин И. Я. 11
 Знаменский 369, 389
 Зобнин Ф. К. 562, 696
 Золотов Н. А. 560
 Зорин Т. 170
 Зотов 573
 Зухур 283, 284

 Ибрагимов А. 699
 Ибрагимов И. Г. 26, 692, 718
 Ибрагимов Г. 718
 Ибрагимов Ш. М. 561, 565
 Ибрахим-султан 281, 282, 288
 Ибрахим-ходжа 286
 Иванов Д. И. 562
 Иванов Н. И. 578
 Иванов П. П. 280
 Ивановский А. А. 557
 Игельстром О. А. 37, 213, 222, 226—233
 Игibaев С. 31, 32, 509
 Игнатов П. Г. 688
 Игнатъев В. Н. 559
 Игнатъев Н. П. 365—369, 387, 451
 Идаров С. А. 561
 Идрисов К. 699
 Изтлеуов Т. 712
 Ильминский Н. И. 61, 677, 680, 682
 Иман 99, 202, 347, 648
 Иманов А. 347, 643, 647—650, 716
 Ипмагамбетов Н. 721
 Исиев Т. А. 473
 Итбаев Е. 562, 610, 660
 Иткар 325

 Йунус-ходжа 280—282
 Йусуф Али-ходжа 284, 285
 Кабанбай-батыр 38, 64, 67—69, 71, 72, 134, 136, 138, 141, 146, 202, 267, 271, 404, 408
 Калдырбаев С. 660—662
 Кажибай 113
 Казак-бий 292
 Казангапов К. 345
 Казангапов Т. 554
 Казанцев И. 25
 Каземзаде Ф. 59
 Казтуган-жырау 548
 Казыбек би 64, 66—70, 101, 136, 138, 147, 169, 189, 197, 201
 Каип-хан 76, 99, 100, 102, 111, 112, 124—128, 155, 157, 163, 169, 189, 202, 211, 225, 228, 230, 254, 274, 289
 Каипов А. 233
 Калачев М. В. 686
 Калинин Г. 682
 Калкаман-батыр 71
 Каллаур В. Н. 684, 692
 Калмагоров Г. В. 193
 Калтаев М. 714
 Кальменов А. 621, 661
 Канагат-шах (Кана'ат шах) 293, 445
 Канаев А. 43
 Канаев С. 643, 650
 Канаев Ш., см. Шортанбай Канайулы
 Канси 123, 128, 140
 Каппелер А. 57, 60
 Капустин С. Я. 528
 Капцевич П. М. 303, 321, 323—326, 329
 Кар, генерал 217
 Карабай 164
 Карабаев М. 721
 Карабатыров А. 556
 Карабеков Ж. 352, 353
 Караваев Б. 215
 Каражигит 408
 Каракобек би 231
 Каралдин 660
 Карамзин Н. М. 12
 Карасай-батыр 38, 64
 Каратаев Б. 81, 559, 610, 618, 621, 622, 624, 661, 701, 703, 721
 Каратай-султан 233, 289
 Каратау-би 231
 Каратлеуке 146
 Караханов 625
 Карашев Г. 705, 709, 712, 713
 Карбышев И. 327—330, 336
 Каргалов В. В. 18
 Карелин А. 563
 Каржасов Х. 559, 565
 Каримов К. 697
 Карно К. Э. Ж. 612
 Карно М. Ф. 574
 Каррен д'Анкос Э. 59, 61
 Карутц Р. 61
 Каскабаев И. 612
 Каскараул 146
 Кастельский Б. И. 692
 Кастанье И. А. 691
 Касымбаев Ж. К. 17, 34, 35
 Касымов Агатай 321

- Касымов Альжан 347
 Касымов Есенгельды 321, 335, 337, 347
 Касымов Ержан 337
 Касымов Илекен 382, 389
 Касымов Кенесары (Хан Кене) 37, 38, 59, 64, 73, 75, 77—80, 192, 202, 304, 311, 312, 322, 324, 328, 329, 335—337, 344—354, 377, 388
 Касымов Наурызбай 64, 202, 321, 345, 545, 650
 Касымов Саржан 291, 544
 Касым-султан (Касым-торе) 254, 274, 281, 282, 288, 303, 321—329, 337, 344, 347
 Катанаев Г. Е. 444, 560, 694
 Катенин А. А. 373, 387
 Каульбарс А. В. 692
 Кауфман А. А. 23, 41, 58, 59
 Кауфман К. П. 366, 367, 382, 443, 456, 680, 691
 Кашаубаев А. 506
 Кашафуддин Ш. 551
 Кашимов М. 701
 Кашинский П. 560
 Кашчи 375
 Кейки-батыр 43
 Кемалов М. 609
 Кеменгеров К. 64, 701
 Кенесарин А. 660
 Кенич В. 50
 Кеннан Дж. 61
 Керенский А. Ф. 650, 657
 Керим би 371, 372
 Кириллов И. К. 19, 25, 127, 163, 164, 170
 Кирпичников 535
 Клеменц Д. А. 560, 562, 692, 693
 Ключевский В. О. 12
 Кобдинов Т. 716
 Кобозев П. А. 668, 669
 Кобуз-султан 289
 Кобяков К. 113, 114
 Ковалевский Е. П. 361, 531
 Кодар би 163
 Кожабержен-жырау 72, 129, 130, 132, 139, 248—250, 267
 Кожажулов Б., см. Биржан-сал Кожажулов
 Кожамбердиев К. 335
 Кожыков К. 659
 Козбагаров А. 600
 Козлов И. Я. 560
 Козлов П. К. 693
 Козыбаев И. М. 17
 Козыбаев М. К. 18, 40, 43, 143
 Койгелдиев М. К. 40, 43—46, 48, 83
 Койдагулов С. 117, 161
 Кокембаев К. 650
 Кокпай 69
 Кокым-бий 66
 Колесов Ф. И. 668
 Коллинз Д. 55
 Колпаковский Г. А. 371, 426, 440, 445, 450, 687
 Комаров, генерал-майор 422
 Конакай Максыкулулы 143
 Конолли А. 360, 361
 Коншин Н. Я. 560, 562, 621, 622, 684, 685, 693, 694, 696
 Конысбаев М. 345
 Копеев М. Ж. 11, 63—69, 71—74, 82, 138, 146, 247, 541, 699—701, 704, 714
 Корамсин, см. Ахан-серэ Корамсин
 Космодамианский И. И. 601, 621
 Костенко Ф. 561
 Костылецкий А. Ф. 528
 Котигаров Есет (Исет) 36, 59, 73, 75, 78, 79, 363, 364, 385—387, 545
 Котрель Ч. 53
 Котеш-акын 70, 75, 143, 405, 406, 540, 541
 Коцовский В. 80
 Кочубей 235
 Кошгаев К. (Кутлумбет Коштайулы) 117, 158, 161
 Кошегулов Ш. 621, 622, 678, 699
 Крадер Л. 50, 51, 60
 Крайндлер И. 61,
 Краснов А. Н. 679, 687
 Красовский М. 25, 344, 593
 Красовский Н. И. 312, 560
 Краусс Л. 53, 58
 Крафт И. И. 21, 26, 126, 162, 563, 696
 Крахалев А. И. 26, 695
 Крылов И. А. 533, 535, 553, 698, 711, 715
 Крыжановский Н. Л. 420, 423
 Кубарь Я. 218
 Кубатиев 367
 Кубеев С. 81, 697, 712, 713, 715
 Кувват-хан 281, 282
 Кудайбергенов К. 643
 Кудайбердиев Ш. 11, 63—65, 71—73, 81—82, 129, 138, 146, 184, 247, 459, 689, 699, 701, 705, 715
 Кудайкулов И. 562
 Кудаймендин К. 326, 334, 335, 346, 347
 Кудайменды-батыр 219, 254, 273, 274, 325
 Кудайназар-батыр 19
 Кузнецов Л. А. 560
 Кузнецов В. С. 696
 Кузьминский 386
 Кулаков П. Н. 335
 Кулан-Батур-Хунтайджи 130
 Кулеев Б. 712
 Кулеке-батыр 541
 Кулжанова Н. 690, 701
 Кулмамбет 550
 Кулманов Б. 621
 Кулов И. 423
 Кулов Х. 370
 Кульсары 219, 259, 260
 Культеlev Т. М. 51
 Кулайым Утегенкызы 701
 Кун А. Г. 692
 Кунанбаев Абай 12, 13, 61—62, 80, 351, 473, 527, 528, 535—540, 548, 552, 553, 555, 556, 560, 566, 679, 690, 699, 701, 706, 710, 715
 Кунанбаев Абдрахман 537
 Кунанбаев Турагул 81, 659
 Курманбаев А. 682
 Курманов А. 260
 Куропаткин А. Н. 41, 649, 658, 664
 Курочкин В. С. 529, 531
 Курочкин Н. С. 531
 Курпский Ф. 18
 Курюков Н. А. 595
 Кусемисов 659
 Кусепалиев Д. 661
 Кусепов А. 340

- Кустанаев Х. 561
 Кутайсов 422, 423
 Кутузов М 354
 Кушик-хан (Кучук-хан) 99, 138
 Кэрзон Г. 58
 Кэстль Дж. 53, 359
 Кылышбаев 421
- Лаврентьев А. 648
 Лавров И. 198
 Ладжинский М. В. 311, 316
 Лама-Доржи 248
 Ламянский В. И. 693
 Ланселл Г. 61
 Ланье Л. 53
 Ланцев Г. 55
 Лапик И. 172
 Лапин С. 701
 Лаптев И. П. 621, 622
 Лашкар-Кушбеги (Гулам-шах) 287, 288, 291—294
 Лебедев В. 56, 350
 Левшин А. И. 19, 25, 65, 67, 98, 131—132, 139, 142, 162, 185—186, 192, 235, 259—260, 273, 298, 558
 Леденев Н. З. 23
 Лейсек В. В. 558
 Лекбай-тайджи 107, 135
 Лемерсье-Келькеже 62
 Ленин В. И. 486, 572, 587, 622, 677
 Леонтьев А. А. 560, 563
 Лепетов Н. 333
 Лермонтов М. Ю. 533, 553, 556, 693, 712, 715
 Лерхе 378—379, 380
 Лигети К. 656
 Литвинова Т. 34
 Лиханов 658
 Лихарев И. М. 155, 156
 Ловицкий Г. 417
 Логинов М. 215
 Ломакин 367, 382
 Ломоносов М. В. 261
 Лопаткин 633
 Лукин 335—336
 Лутфаллах Чусты 281, 286
 Львов Г. Е. 657
 Лямин М. Н. 687
 Ляпин В. С. 668
- Магауин М. М. 22, 213
 Мадатов С. 198
 Мадн Бапиулы 715
 Маев Н. М. 126, 160, 561
 Майкара 387
 Майков А. Г. 529, 531
 Майлин Б. 636, 701, 705, 709, 716, 718
 Майлыбаев Б. 660
 Майра Уаликызы 715
 Мак-Гахан Я. 53
 Маккензи Д. 58
 Макнил Х. 55
 Маковецкий П. Е. 26, 695
 Максимов Н. 26
 Максимов С. 695
 Макшеев А. Н. 382
- Малаясары-батыр 67, 69, 131, 136, 141—142, 202, 267
 Малдыбаев М. 709
 Маликов Ф. 29
 Маллабек 369
 Маллицкий Н. Г. 688
 Мамай 548
 Мамыр 166
 Мамбетали 209
 Мамбетов Б., см. Байзак Мамбетулы
 Мамбетов Ж. 643, 650
 Мамеев К. 112
 Мамут 267
 Манаев Н. 701, 718
 Мандай 142
 Манжа 172
 Манжара Д. И. 668
 Мансуров 362
 Марабай 551
 Маргулан А. Х. 62
 Марджани Ш. 709
 Мариупольский Б. М. 560
 Марко Поло 530
 Маркс К. 22
 Марсеков Р. 562, 659—660, 709
 Мартылога В. 612
 Масуд ибн Усман Кухистани 202
 Матигоров Ф. 116, 155
 Матмурат 366
 Матнияз 367
 Махмуд (Мамбет) 72
 Махмудов К. 697
 Медведский Т. 238
 Межов В. И. 561
 Мейендорф Е. К. 202
 Мейер Л. 25, 126, 162, 349, 362, 374, 390, 559
 Мельников Ф. 172
 Мендалин Ш. 420
 Мендешов С. 15, 640, 650, 683
 Меншиков А. Д. 108
 Меркульев В. 215
 Мертонов 420
 Метелицын Р. И. 561, 563
 Миддендорф Е. К. 285
 Микешин И. 218
 Милеант 586, 587, 592
 Миллер К. 11, 172
 Милютин Д. А. 372—374, 447
 Минер Н. 132
 Мирза-Ахмад 378
 Мирза Даулет 374, 376
 Мирза Давлат-бий Каратегини 293
 Мирза Мухаммад Йусуф 289
 Мир Мухамед Бухари 124
 Мирошниченко И. Е. 693
 Митропольская Т. Б. 23—24
 Митчел Д. 61
 Митчел Р. 61
 Михайлов 386, 388
 Михалевиц 610
 Михаэлис Е. П. 560, 562—563, 684, 694
 Моисеев В. А. 11
 Молдабай 267
 Монастырский 561
 Мончак-хан 104

- Мордвинов 658
 Муканов М. С. 36
 Мукучев 661
 Мулла-Нияз-Мухаммад 286
 Муллол П. А. 686
 Мумин-бек 282
 Мунайтпасов Азберген 386-387,421
 Мунайтпасов Ахун 560
 Мурат 551
 Муратбек 231
 Мурат Монкеулы 546—548
 Мурзагельдин С. 352-353
 Мурзагельды 162
 Муртаза-бий ходжа 366
 Мурын 551
 Мурын-батыр 67
 Мусалиев А. 81, 701
 Мусоргский М. П. 557
 Мухаммад-Амин 363
 Мухаммад Ибрагим-бек 279
 Мухаммад Рахим 289, 290
 Мухаммад Хаким-хан 293
 Мухаммад Ходжа 280, 281
 Мухаммад Шариф 286, 287
 Мухаммад Якут Бухари 132
 Мухит Мералиев 550,555, 715
 Мушкетов И. В. 527, 686, 687
 Мырзан 333
 Мырзатай-батыр 269
 Мякутин А. 26
 Мясников Т. 215
- Набоков Ф. 275
 Навои А. 551,553
 Назарбаев Н. А. 17,42, 49
 Надаров Дорджи-тайджи 108,134—135
 Надир-шах 21, 278
 Назари Ш. 701
 Назаров Л. обжи-тайджи 108
 Назаров Ф. 226, 285, 307
 Найманбаев А., см. Асет Найманбайулы.
 Найдн С. 328
 Нарбота 267
 Насраллах 287
 Наурызбаев Б. 559
 Наурызбай-батыр 136,146,267
 Науша 75
 НаушабаевН. 63, 714
 Невзоров В. 615
 Недоносков В. В. 621
 Незванов 634
 Нейманн К. 50
 Нелебов172
 Неплюев И. И. 11,166-168,170-174,194-195,
 207,212,220,222
 Неру Дж. 41
 Нессельрод К. В. 316
 Низами 551, 633
 Нияз-Али би 375
 Нияз Мухаммед Хуканди 374, 378
 Никитин С. Н. 560, 687
 Никифоров П. 361, 363
 Николай 178, 243, 309, 331, 344, 363, 365
 Николай II 428, 598, 636, 657
 Николай С. Ф. 687
- Нияз-бек 279
 Ниязбеков Ж. 640
 Ниязбеков Орман-хан 352
 Ниязбеков С. 646
 Нияз би 648
 Ниязов А. 721
 НиязовБ. 721
 Ниязов М. 198
 Нияз-султан 162
 Новицкий Р. П. 667
 Новоковский Е. 3. 611
 Нор-Маду-парваначи 377
 Нороконеv (Нурекеноv) Х. Т. 621—622
 Нура-батыр 261
 Нуралиев Тезек 371
 Юралин Ж. 303
 Нуралы-хан (Нур Али-хан) 53, 157, 159—161,
 174,175, 195, 207, 208, 210—216, 219, 220,
 222—232, 236, 237, 251—253, 261, 264, 267,
 269, 285, 289,408
 Нурбаев 645
 Нурлыханов С. 721
 Нурмухаммед 378
 Нурмухамедов Ж. 36, 59, 73, 78, 79, 363, 382,
 385—390, 545,650
 Нурмухамедов С. Б. 565
 Нурмухамедов С. Н. 689
 Нурпейсов К. 40,43—47
 Нурым 551
 Нысанбай 345
 Нысанбай Жаманкулулы 545
- Обручев В. А. 306, 344
 Овчинникова. 215, 217—218
 Овчинников П. 217—218
 Огановский Н. П. 559
 Огарев Н. Г. 272
 Озек-султан (Усек-султан) 56
 Оланьон К. 50
 Олжабай-батыр Алимұлы 67, 69, 143, 146,
 202, 267
 Олжабай-батыр Нуралыұлы 69
 Олкотт М. 50-52,60,62
 Ольденбург С. Ф. 696
 Олуорд Э. 55, 59
 Омиртай 250
 Оразев М. 81,718
 Оразак 68
 Оразымбет 267
 Орак 548
 Ордауов У. 303
 Орлов А. 417
 Орлянский И. 35
 ОрманбетовН. 712, 713
 Орманшы 69
 Орынбай 550
 Орыс-хан (Урус-хан) 66
 Орысов Т. 650
 Оскенбаев (Ускенбаев) Кунанбай 302,351,353
 Осовниv В. Д. 560
 Остафьев В. 560

- Остерман А. И. 108
 Острогский 535
 Остроумов Н. П. 561, 677, 692
 Павел I 237
 Павловский В. 80
 Пакье Ж. Б. 50
 Пален К. К. 80, 596
 Паллас П. С. 185
 Паллачек И. 656
 Палферов Я. 349
 Пантусов Н. Н. 474, 561
 Паншино П. И. 557, 561
 Парк А. 60
 Парфентьев Л. 116
 Пахмурный П. М. 39
 Пахолков Н. И. 560
 Пахомов И. 695
 Пейтлинг А. 231
 Перовский В. А. 307, 314, 344, 345, 350, 361—364, 380, 389, 443
 Персидский Г. 231
 Першин А. Я. 668
 Петр I 19, 20, 22, 53, 104, 108, 112, 150–152, 154, 156, 159, 169, 207, 297
 Петр III 215, 262
 Петровский Н. А. 414
 Петропавловский Н. 560
 Пирс Р. 54–55, 59–61
 Писарев А. 559
 Плеве В. К. 587
 Плещеев А. 715
 Плотников Н. 643
 Плотников В. Н. 559
 Плотников Л. Н. 559
 Покатилов Н. А. 616, 668
 Покровский Н. В. 691
 Полонский Я. П. 531
 Полубинский А. А. 560
 Поляков Ю. 44
 Пономарев Я. 215
 Попов Н. 135
 Попов С. А. 508, 573
 Попов С. С. 573
 Поротиков В. П. 644
 Потанин Г. Н. 65, 326, 484, 528, 530, 552, 560, 696
 Потанин Н. Г. 360
 Потемкин Г. А. 227
 Потоцкий, граф 235
 Потто В. 36, 348–349
 Почиталин И. 215
 Проценко Н. И. 373–374
 Пугачев Е. 59, 213–220, 223, 258
 Путилов А. И. 582
 Пушкин А. С. 533, 553, 556–557, 698, 712, 715
 Пфунддорф С. 108
 Пыпин А. В. 693
 Рабровский В. М. 693
 Раден 608
 Раджаб 181, 293
 Раджаб-бек 279, 286
 Радлов В. В. 63, 65, 192, 410, 527, 552–553, 691, 693, 696
 Раефф М. 54
 Раимбек 267
 Рамаев М. -З. М. 691
 Расков П. Н. 690
 Рахимкул 363
 Раунер С. Ю. 686
 Рафилов П. А. 687
 Рейнсдорф И. А. 216, 219
 Ренат Иоганн Густав 152
 Ривкин М. 57, 59
 Риес Ч. 55
 Риттер К. 531
 Родин М. А. 691
 Рокк Ф. 50
 Романов 709
 Романовски А. Г. 41
 Росляков А. А. 39
 Ростовский С. 473
 Роулинсон Г. 58, 61
 Рукин 422
 Румянцев П. П. 25, 80, 144, 490, 696
 Рустам 281
 Рустам-бек 292
 Рустем-хан 99
 Рыбаков С. Г. 557
 Рысжан 550
 Рыскулов Т. 16, 41, 447, 640–641, 646, 647, 650, 666
 Рычкаев М. А. 686
 Рычков К. 693
 Рычков П. И. 65, 116, 135, 162, 184, 186, 194
 Рэклю Э. 61
 Рэн Д. 61
 Рябинин А. 309
 Рязанов А. Ф. 36, 573, 575
 Рязановски В. 51–52
 Рязановски Н. 54
 Сабалов А. 551
 Саботаев С. 721
 Савичев Н. 36
 Савин 376
 Сагинов С. 335
 Сагымбай 71, 267
 Сагындык 333
 Сагырбаев Курмангазы 412, 554
 Салыков М. 36
 Сайид Али-бек 282–283
 Сакупжамал Глеубайкызы 701
 Саликов Д. П. 668
 Салимсак-торе 284
 Салтыков П. С. 111–112
 Салтык-Травин И. 18
 Самеке (Шахмухамед, Шемяка-хан) 55, 66, 99, 138, 156–157, 162, 170, 188, 251, 254, 260, 272
 Саматов М. 660
 Самоквасов Д. 26
 Сандерсон 360

- Санкебай 267
 Санырык (Санрык) 67, 131, 142-143
 Сапаргалиев Г. С. 22, 39, 645
 Сапожников В.В. 689
 Саржанов К. 352
 Саржан-торе, см. Касымов С.
 Саркин Г. 562
 Саркисянц Э. 50, 54, 59
 Сармуратова К. 555
 Сартон И. 340, 343
 Сартон К. 340, 343
 Сары 69, 71, 142, 267
 Сарыбай-батыр 67
 Сарытай би 231
 Сасык би 66
 Сатай-батыр 163
 Сатыбалдин Д. 562
 Сауранбай 333
 Саурыков У. 643, 650
 Саурык Стамбекулы 202
 Сафа 112
 Сафаров Г. 447
 Сбровский А. 80
 Сведенцев А. И. 560
 Северский П. 155
 Северцов Н. А. 527
 Сегиз-Серэ 550
 Седельников Т. И. 425, 597, 601, 621, 622
 Сейдалин А. 559, 565
 Сейдалин Ж. 81, 610, 624
 Сейдалин М. 418, 701
 Сейдалин Т. 26, 80, 559, 565, 689, 701
 Сейдалы султан 217
 Сейд-Мухаммед Рахим-хан 365
 Сейд-Мухаммед-хан 365
 Сейфуллин С. 647, 701, 716
 Селевстрович К. 417
 Семевский В. И. 80
 Семенов В. Ф. 689
 Семенов-Тян-Шанский П. П. 416, 510, 529, 531, 561, 687, 693-694
 Сенгирбай 146
 Сент-Лоран 330, 334
 Сералин М. 80, 624, 636, 698, 700-704, 713, 715
 Сералы 555
 Серебренников Ф. 330
 Середа Н. А. 36, 349, 419, 423
 Серкебаев Б. 545
 Серов И. В. 668
 Сиртесен 325
 Сискоу Ф. 58
 Ситон Э. 55
 Сиязов Н. М. 690
 Скайлер Ф. 53
 Скалов Б. 559
 Скибин Ф. 180
 Скобелев М. Д. 41, 382, 443, 451
 Смирнов Е. 514, 561
 Смирнов Н. 616
 Согыр (Сагыр) 113, 142
 Соймонов Ф. И. 259-260
 Сокол Э. 55, 60
 Соколов Н. А. 686
 Соколов Ю. А. 288
 Солнцев П. 417
 Солтанаев Ж. 48
 Соловейчиков М. А. 582
 Соссе Ж. 61
 Союн 172
 Спасский Г. И. 203
 Спектор А. 60
 Сперанский М. М. 162, 298-300, 302, 304, 311
 Стамм Х. 53
 Стариков Ф. М. 23
 Стебницкий И. И. 686
 Стодарт 361
 Столыпин П. А. 27, 48, 598, 600
 Струняшев Е. 218
 Стурин П. 12
 Субханбердина У. 22
 Суйдак-ходжа 352
 Суйун-би 290
 Сулейменов Б. С. 28-29, 34, 38, 40, 599
 Сулейменов Р. Б. 11
 Сулейменов М. Ф. 691
 Султан-би 293
 Султанбеков А. 650
 Султан Бури 388
 Султанмамед-султан 190
 Султанов А. 718
 Султанов Тимур-хан 289-290
 Султан-Ходжа 280-282
 Сураншы Акымбекулы 202, 347, 371
 Сухотин Н. 588
 Сутеева Х. 474
 Сухтелен 271, 486
 Суюк (Сюк) 189, 254, 273, 291, 346
 Суюков Ж. 371
 Суюнбай Аронулы 545-546, 550
 Сыгай-хан (Шыгай-хан) 66
 Сыпатай Алибекулы 202
 Сыпатай Саурыкулы 202
 Сыпыра-жырау 404
 Сыртанов Б. 459, 699, 701
 Сырымбет-батыр 267
 Табардинов З. 663
 Табашкий С. 3611
 Табия-акын 550
 Тадж ан-ниса (Махлар-айим, Надира) 284
 Тажиев Д. 423
 Тажиев К. 421
 Тайман 543
 Тайманов Исатай 36, 38, 59, 73, 75, 78, 240, 311, 337-344, 347, 412, 542-544, 548, 650, 714
 Таймов У. 389
 Танашев У. 459
 Тангаич 217
 Танжи-тайджи 213
 Танирбергенов А. 712, 715

- Тансык-батыр 267
 Тансыккожа Малыт 146
 Тарыштин Я. 112
 Татищев В. Н. 164–165
 Таттикара-жырау 70, 75, 142–143, 146, 247, 405
 Таубе Н. Г. 454
 Таукс-хан (Тавке-хан, Тюуке) 18, 53, 64–66, 70, 98–101, 111, 121, 123–127, 136, 156–158, 181, 189, 201–202, 303
 Таукин М. 720
 Тевкелев А. И. (Кутлумбет-мурза, Мамет-мурза) 19, 21, 56, 76–77, 101–102, 109, 117, 132, 158–164, 174, 195, 197
 Тевкелев К. Б. 650
 Тегнер 511
 Тезек-торе 380, 532, 546
 Телагыс 548
 Телятников 273
 Темиржан 408
 Темирхан-батыр 68
 Тентек-торе 287, 293
 Теплов 601
 Терентьев М. А. 371–372, 380, 561
 Терещук В. А. 24
 Тиллет Л. 57, 59
 Тилло А. 562, 686
 Тимур (эмир Тимур) 279, 285–286
 Тихомиров 535
 Тихомиров А. 415
 Тихомиров Г. М. 615
 Тлекеев И. 562
 Тлеке Кулекеулы (Шал-акын, Чал-акын) 70, 75, 405–406, 540–541
 Тленбаев И. 422–423
 Тленши Букенбайулы 202, 227, 231
 Тленчиев Ж. 202, 347
 Тлепбергенов Ж. 718
 Тлеуке 267
 Тлеулин 659
 Тогжанов Г. 15
 Тогум 255, 273
 Тогусова М. 708
 Тогусов К. 610, 708–709
 Тойнби А. 50
 Токай-хан (Тогай-хан) 281–282, 286–287, 293
 Токай-Тимур 285
 Токаш 405
 Токбаев 660
 Толбузин Ф. 115
 Толебай 112
 Толе би 38, 64, 66–67, 69–70, 136, 138, 147, 163, 201, 248, 251, 279, 407–408, 541
 Толенгутов 610
 Толентаев М. 335
 Толентаев О. 336
 Толкачев 217
 Толстой И. А. 108
 Толстой Л. Н. 698, 716
 Тольбеков С. Т. 27
 Топорнин П. 612–613, 615
 Торайгыр-бий 64, 73, 323
 Торайгыров С. М. 81, 624, 701, 705, 709, 712
 Тора-хан 286–287
 Торохов А. И. 611
 Тохтамыш-хан 285
 Тохтин Т. 345
 Траубенберг, генерал 212
 Трегубое А. 602
 Тресвятский В. А. 599
 Тронов В. 463
 Трошин М. 180
 Трубников М. 111
 Тренч Ф. 61
 Тубек 550
 Тугельбай 162
 Туманшин К. 34
 Тунганшин М. 661
 Тунгатаров В. 260
 Тулай Г. 712
 Турганбаев М. 718
 Туркабай Казыбай 420
 Турлыбаев А. 659–661
 Турмуханбетов И. 662
 Турсунбаев А. Б. 26, 39, 599
 Турсунбай 69, 267
 Турсунова М. С. 29, 30
 Турсунов Х. Т. 40
 Турсун-хан 99, 100
 Турсун-ходжа 291
 Турсын 73
 Турчанинов Н. В. 474, 510
 Турымов К. 662
 Тыз 274
 Тынышпаев М. 11, 43, 46, 63, 64, 66, 81–82, 133, 138, 142–146, 184, 459, 618, 621, 638, 639, 643, 658–660, 705, 721, 724, 725
 Тяукин М.-Г. 25
 Уалибаки (Валибаки-султан) 65, 74, 100
 Уали-хан 190, 230, 272–276, 297–298, 303, 321, 323–324, 383
 Убаши (Убачи) 212–213, 264–265
 Угримов 162, 196
 Удербай 648
 Узакбаев Монай 643
 Узакбаев Мукан 643, 650
 Узочаки 172
 Уиллер Дж. 50, 57, 60
 Уиьямс Д. 59
 Уйсунбай-батыр 407
 Уйфальви Ш.-Э. 61
 Укили Ибрай Сандыбайулы 715
 Улбике 550
 Уल्याнов Н. И. 616
 Умар (Амир-хан) 284–288, 292
 Умар-бек 282, 284
 Умбетали 371
 Умбетай-жырау 70, 71, 131, 143, 146, 247, 405
 Унковский И. 76, 130

- Уорделли Дж. 50
 Уразумбет 68
 Ураков И. 260
 Уркарт Л. 575
 Уркварт Д. 359
 Урлюк-тайша (Урлюк-тайджа) 66
 Урманбет 218
 Урус-султан 212, 219, 264, 267
 Услар (У-р) 345, 349
 Усманов Г. 600
 Успенский Г. И. 698
 Усов В. С. 684, 694
 Усов Г. 561
 Утеген-батыр 202, 267
 Утемисов М. 38, 59, 73, 75, 240, 311, 337-344, 412, 542-544, 650, 705, 714
 Утемисов С. 343
 Утегилеуов Б. 712, 713, 715
 Утяшев 260
 Ушаков А. Д. 615
 Ушаков Н. 573
 Ушинский 535
- Фази-аталык 284
 Фальк И. 185, 203
 Федоров Е. 27
 Федченко А. П. 693
 Фелл А. 574
 Феофилачев 275
 Филатов И. В. 12
 Финш О. 512
 Фирдоуси 533, 551, 713, 715
 Фитингоф 388-389
 Флеров А. 561
 Фокс-Холмс Дж. 51
 Фольбаум М. А. 634, 644, 45, 681
 Фрауендорф К. 262
 Фредериксон М. 58
 Фрезер Дж.-Б. 359
 Фридман Ц. Л. 29, 32-34
 Фридрихсен Н. 689
 Фридэ, губернатор 445
 Фурман Ф. 50
 Фэррье Дж. 53
- Хадаха 249
 Хаджи-Мир-Курбан 286
 Хазиров С. 718
 Хакназар-хан 18
 Халид К. 63, 66, 68, 73, 80
 Хамидуллин-Бекметов М.-М 618
 Халид-ходжа 280, 282
 Хангельды батыр 163
 Ханбаба-султан 272
 Ханжи гер 250
 Хан-ходжа 280, 286, 287
 Хан хожа 273
 Ханыков Н. В. 365, 368
 Ханыков Я. В. 559
- Харузин А. А. 559-562
 Харузин Н. М. 693
 Харузина А. Н. 65, 693
 Хасанзе (Байсемиз) 497
 Хасен Оралтай 43
 Хас-Мамедова 601
 Хатсон А. 52
 Хашим-ходжа 280
 Хлудов Н. Г. 410, 476, 595, 687
 Ходарковский М. 55
 Ходжа Ахмед Йасауи 61, 256, 286, 552
 Ходжа Баймухамед 388
 Ходжаев Н. 47
 Ходжамкули-бек Балхи 132
 Ходжа-Нийаз (Ходжа-Нияз) 290, 382
 Хорошхин А. П. 561
 Хорошхин М. 23
 Хохлов И. 746, 478
 Хрулев 582
 Худай-банда 289
 Худайберды-батыр 68
 Худайменды-мурза 160
 Худай-Назар 162
 Хусаинов 719
 Хусаинов Ш. 697
- Циммерман 445
 Цзяцин 274
 Цэван-Доржи 130, 169
 Цэван-Рабдан 53, 76, 105, 106, 111, 12, 123, 127, 129, 130, 135, 151, 152
 Цэрэн-Дондуб 212, 265
 Цэрэн 212, 265
 Цянь-Лун 187, 250, 268, 273
- Чагатай-хан 279
 Чадынбай 162
 Чаплик М. Э. 60
 Чарыш-батыр (Шарыш-батыр) 71, 146, 247, 407
 Чекалинский И. А. 81
 Чекурнов В. И. 667
 Чемоданов 610
 Червяков А. В. 668
 Чередов В. 151, 155
 Черен-Дондук 131, 134
 Чермак Л. К. 26, 560, 562, 597
 Чернецкий 327-328
 Черников В. 28
 Чернов И. В. 168
 Черняев М. Г. 41, 58, 59, 373-381, 414, 438, 470, 531
 Чехов А. 716
 Чингисхан 145, 201, 278, 279, 287, 289, 299, 416
 Чингисов С. 323, 330
 Чингисов Т. 303, 308, 323, 326, 332, 333
 Чингожа 267
 Чириков 335

- Чиркин Г. Ф. 17
 Чичерин Д. И. 197
 Чокай М. (Чокаев) 47, 459, 618, 660, 161, 705, 721
 Чорманов К. 643
 Чорманов М. 26, 418, 560, 617, 665, 690
 Чорманов С. 699
 Чувашев Б. 336
 Чукин М. 242
 Чумбалов М. М. 721
 Чунаев А. Б. 66
 Чучалов 272
 Чхеидзе Н. С. 657
 Шаба 112
 Шабельников В. 682
 Шадыр 248
 Шаимов Т. 160
 Шайх-Бадел-мирза 286
 Шайхисламов Ж. 551
 Шакиров М. 504
 Шал-акын (Чал-акын), см. Тлеке Кулекеулы
 Шама 325, 327-328
 Шамгулов С. 718
 Шамиль 345, 350, 354
 Шамсутдинова М. У. 506
 Шангин И. 275
 Шаров П. 27
 Шахматов В. Ф. 34, 51, 235, 419
 Шах-Мурал 288
 Шахрух 284
 Шаянбаев Б. 504
 Шварц Ф. 58
 Шевченко Т. Г. 527
 Шейхантаур (Шайхаванд-и Тахур) ибн Шайх Умар Багистани 280
 Шейхульисламов Ж. 697, 714
 Шекспир У. 533
 Шергазы-хан (Шир Гази-хан) 288-290
 Шестаков Г. 560
 Шернияз Жарылгасулы 544, 550
 Шигаев М. 215
 Шигаев Д., см. Даулеткерей Шигаев Шигай 241
 Шигай-хан (Ахмат-хан) 278
 Шиктибай 325
 Шиллер 712
 Шипин О. 716
 Ширгазиев Ж. 382
 Шихов М. 251
 Шкапский О. А. 660, 670
 Шленгер Х. 52
 Шмидт Ю. А. 560
 Шнейдер Л. 655
 Шоже Каржаубайулы 545-546, 550-551
 Шойнбаев Т. Ж. 34
 Шолаков О. 650
 Шамбалов М. 562
 Шон би 67, 73
 Шона-Даба (Шуно-Добо, Сына-батыр) 64, 130, 173
 Шонкей-батыр 68
 Шоно-Лаузан 136
 Шора 548
 Шорекров Ы. 75, 551, 714
 Шорман 73
 Шотаманов К. 643
 Шотан-батыр 69
 Шотлай И. 656
 Шортанбай Канайулы 75, 546-547, 550, 552
 Шпрингер И. И. 197, 258, 260
 Штайман 174
 Штедин Э. А. 687
 Штеппа К. 57
 Штернберг Л. Я. 687
 Шуваев Д. 646
 Шуйнебай 146
 Шукурбай 478
 Шумилов Н. В. 668
 Шэрэн 172
 Щепкин Н. Н. 658-659, 664, 669
 Щербина Ф. А. 27, 80, 428, 472, 560-562, 585, 595, 596, 602, 610
 Эверсман М. М. 82, 658
 Эльтон Д. 359
 Элтузер 279, 289
 Энгельс Ф. 22, 360-361
 Этигер Т. 152
 Югипов С. В. 51
 Юдин В. П. 64
 Юдин М. Л. 691
 Юдин П. А. 36, 559
 Юзбай 325
 Юзефо В. 475, 477
 Юлдашев В. 496, 497
 Юманчиков М. 551
 Юнг Р. 181
 Юнусов М. 113
 Юнус-тархан 164
 Юнус-ходжа 273
 Юркин 332
 Юр-Ко 423
 Юсупов 230, 338
 Ягужинский П. И. 108
 Ядринцев Н. М. 528, 531
 Ядринцев Н. Я. 560
 Якуб-бий Мехрем 366
 Янушкевич А. 303
 Яниеквич А. И. 560
 Ярогиевский Д. Б. 55

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹.

- Абаканский, острог 156
Абралы, горы 131
Абулхайр-сай, лошина 145
Абулхайртау, возв. 145
Абылык, с. 282,
Австро-Венгрия, гос-во 513
Азберген, местн. 386,
Азия 13, 151, 309, 442, 443, 528
Аиргизен, уроч. 144,
Акбеит, уроч. 643,
Акбулак, р. 338, 361, 343,
Ак-Булак, с. 634,
Акбулак (Акбулакское), укр. 308,
Акжайлау, местн. 564,
Аккала, кр. 366,
Аккетинская, вол. 496,
Аккол-Жайылма, низина 68,
Аккумская, вол. 647,
Аккурган, г. 97,
Ак-Мечеть (Перовск, Кызылорда), г. 288, 307,
347, 363, 364, 373, 379, 386, 443
Акмолинск (Акмола, Целиноград, ныне
Астана), г. 50, 310, 439, 441, 446, 501, 513,
526, 581, 583, 615, 620, 623, 651, 655, 667, 697,
Акмолинская, обл. 31, 82, 416, 418, 422, 425,
426, 427, 434, 435, 439, 440, 442, 443, 448, 449,
452, 453, 457, 471—475, 479, 482, 483, 486,
488, 492, 505, 507, 508, 512, 514, 515, 567—
571, 577, 578, 580, 586, 590, 595—597, 613,
621—623, 626, 627, 629—633, 635, 641, 647,
649, 651, 652, 661, 662, 676, 698
Акмолинско-Кокчетавская, л. 309
Акмолинский, окр. 303, 333—335, 345—347
Акмолинский, приказ 308
Акмолинский, р-н 595, 599
Акмолинский, у. 435, 449, 477, 479, 482, 505,
599, 617, 647
Аксу, р. 289
Аксуйек-сай, лог 44, 145
Аксучарынская, вол. 495
Актабан-такыр, степь 290
Ак-Тасты, р. 138
Актау, г. 308, 336, 370, 441
Актюбинск (Актобе), г. 446, 502, 587, 588,
591, 612, 614—616, 622, 625, 642, 664, 667, 701,
703
Актюбинская, обл. 387
Актюбинский, у. 435, 481, 483, 505, 586, 600,
634, 647, 721
Актюбинское, укр. 440, 442,
Акчатский (Акчатауский), хр. 432
Акчиганак, местн. 649,
Алабугский, редут 219
Алайская, дол. 288
Алакуль (Алаколь), оз. 129, 144, 529
Алатау (Алатауские), горы 130, 131, 183, 252,
372, 483
Алатауский, окр. 351, 370
Александровский, форт 422, 423
Александровское, с. 472
Алмалык, г. 510, 530
Алматинка, р. 510
Алматы, уроч. 370
Алтай 14, 26, 32, 123, 130, 138, 170, 172, 174,
183, 218, 257, 258, 308, 509, 573, 575, 576
Алтайская, л. 298
Алтайская, обл. 482
Алтайские, горы 183, 187
Алтайское, с. 502
Алтынзельский, хр. 532
Алтышар, (см. также: Восточный Туркестан),
провинция 530

¹ В указатель не включены топонимы, упомянутые во введении и в примечаниях, а также названия «Казахстан» (со всеми историческими, кроме: «Казахское ханство (Казахские ханства)» и географическими подразделениями), «Россия» («Российская империя», «Русское государство», «Московское царство»), «Центральная Азия» и «Средняя Азия». Основные принятые сокращения: басс. — бассейн, возв. — возвышенность, вол. — волость, г. — город, ген.-губ. — генерал-губернаторство, гос-во — государство, губ. — губерния, дис. — дистанция, дол. — долина, з. — залив, кр. — крепость, л. — линия, местн. — местность, низм. — низменность, о. — остров, обл. — область, оз. — озеро, окр. — округ, п-в — полуостров, п-е — поселение, пр-во — приставство, р-н — район, р. — река, с. — село (поселок, селение), сл. — слобода, ст-ца — станица, ст. — станция, у. — уезд, укр. — укрепление, уроч. — урочище, уч. — участок, хр. — хребет.

- Альджанская, вол. 643
 Америка (США), гос-во 55, 574, 578
 Амударья, р. 211, 233, 361, 365–367, 386, 387, 411, 445, 688
 Амур, р. 470
 Амурский, край 503
 Ангрен, р. 183, 280, 281
 Андижан, г. 132, 289, 444, 659
 Андреевское, с. 634
 Англия (Великобритания, Британская империя), гос-во 15, 20, 58, 297, 325, 353, 358–361, 365, 368, 369, 372, 373, 379, 416, 470, 513
 Антоновский, форпост 226
 Аныракай, местн. 10, 56, 143, 144, 146
 Аныракайские (Аныракайские), горы 144, 145, 146
 Араказагайская, вол. 533
 Аракарагайский, бор 259
 Арал-Тюбе, с. 601
 Арало-Каспийская, низм. 360
 Аральское, море 96, 97, 307, 360, 363–365, 373, 382, 386, 507, 579, 688, 689
 Аральское, побережье 163, 174
 Аральско-Сырдарьинский, басс. 351, 363, 364
 Арганатская, вол. 617
 Арганаты, горы 139
 Арык-Балык, уроч. 389
 Арыкбалыкская, ст-ца 310
 Арысь, р. 96, 99, 128, 130, 138, 375, 586
 Арысь, ст. 582, 609
 Арысь-Бурта, уроч. 386
 Ассы-Корамская, вол. 497
 Астрабад, г. 17
 Астрахань, г. 109, 113, 124, 240, 342, 577, 580, 697, 698
 Астраханская, губ. 237, 448, 547, 472
 Астраханское ханство, гос-во 16, 18, 109
 Асы, уроч. 644
 Атагайская, вол. 273
 Атбасар, г. 310, 439, 441, 444, 449, 560, 583, 615, 697
 Атбасарский, окр. 441
 Атбасарский, приказ 308
 Атбасарский, у. 435, 477, 479, 482, 483, 486, 487, 505, 647
 Атбаши 288
 Атлантика, басс. 104, 110
 Атырау, лошина 97
 Аул, ст. 582
 Аулие-Ата (ныне Тараз), г. 50, 130, 284, 288, 293, 294, 369, 370, 371, 373–376, 378–380, 438, 440, 446, 506, 508, 532, 571, 635, 646, 664, 666, 667, 701
 Аулие-Атинский, у. 66, 144, 430, 449, 472, 505, 526, 583, 617, 646, 647, 650, 657, 692
 Афганистан, гос-во 182, 252, 358, 360
 Ахал-Текинский, оазис 444
 Ачинск, г. 585
 Ашт, местн. 281
 Аягуз (Сергиополь), г. 50, 76, 250, 310, 370, 416, 446, 687, 701
 Аягуз, р. 96, 127, 128, 213, 266
 Аягузский (Сергиопольский), окр. 303, 304, 333, 351
 Аягузский, приказ 308
 Аягузский, р-н 546
 Аят, р. 274
 Багистан, местн. 284, 285
 Бадам, р. 125, 138
 Бадахшан, местн. 281, 286, 293
 Байконур, уроч. 575
 Баканас, р. 96
 Балканы, п-в 443
 Балхаш, оз. 130, 131, 144, 145, 213, 264, 266, 351, 370, 511, 574, 579, 688, 689
 Барабинская, степь 14, 122
 Барнаул, г. 576, 652
 Барса-Кельмес, о. 365
 Барсуки, пески 182, 362, 386, 421
 Батога (Батугай), п-в 140
 Батпак, уроч. 144, 649
 Бахтинск, укр. 440, 446, 504
 Башкирия (Башкортостан) 55, 114, 115, 163, 164, 199, 220, 702, 707
 Баянаул, с. 501, 573
 Баян-Аульские, горы 68, 131, 249, 372
 Баянаульский, окр. 303, 313, 332, 345, 346
 Баянаульский, р-н 191, 249, 327, 404
 Баянаульский, у. 449
 Белеуты, р. 67, 141, 143, 146
 Белояр, с. 328, 600
 Бельгагач, ст. 582
 Бердская, вол. 115
 Березовский, редут 306
 Берлин, г. 512
 Бес-Акты, уроч. 422
 Бестамакжол, дорога 144
 Бетпакдала, степь 131
 Бешагач, с. 279
 Бийск, г. 503, 582
 Бийская, л. 308, 310
 Бийский, окр. 275
 Бийский, у. 311
 Большая Хобда, р. 223
 Большой Тургай, р. 96
 Бородинская, степь 184
 Боролдай, р. 130, 138
 Боротау, р. 248
 Босфор, пролив 17
 Бота Боры (Бота-Бурун), плато 144
 Бузачи, п-в 245, 422
 Бугун, р. 128
 Букеевское ханство (Букеевская Орда, Внутренняя Орда) 23, 25, 36, 75, 78, 208, 234, 235, 237–241, 243, 337, 342, 344, 416, 448, 470, 471, 511, 523, 542, 544, 547, 554, 568, 569, 571, 576, 623, 628, 676, 678, 701
 Буланты, р. 10, 67, 139, 141, 143, 146
 Буранный, форпост 305
 Бурное, ст. 472, 582
 Буркутты, р. 145
 Бурундай, местн. 645
 Бухара, г. 16, 98, 113, 121, 129, 131, 133, 134, 136, 182–184, 186, 189, 195, 208, 210, 269, 278, 280, 282, 286–288, 291, 359–361, 363, 365, 368, 369, 372, 374, 377, 378, 381, 444, 527, 548, 676
 Бухарский эмират (Бухарское ханство), гос-во 96, 279, 287, 291, 330, 348, 353, 360, 361, 365,

421,443,659

Бухтарма, р. 257, 258, 579
Бухтарминская, кр. 300, 416
Бухтарминская, л. 257, 308, 310
Бухтарминское, с. 502
Буырыл Байтал, ст. 145

Вена, г. 512

Верный (ныне Алматы), г. 24, 33, 50, 370, 380, 426, 436, 441, 446, 495, 500, 502, 503, 510, 511, 524, 525, 530, 532, 560, 571, 578, 609, 614, 615, 620, 622, 626, 630, 631, 634, 635, 643–645, 657, 658, 660, 663, 664, 667, 668, 679, 682, 687, 689, 697, 701, 720

Верненский, у. 144, 430, 449, 474, 483, 495, 505, 525, 626, 634, 638, 643, 644, 645, 646

Верхне-Богданский, острог 215

Верхнеиртышская, л. 298

Верхнеиртышский, уч. 471

Верхнеуйская, л. 173,305

Верхнеуральская, л. 223

Верхнеяйцкая, л. 217,305

Ветлянский, форпост 305

Византия, гос-во 108

Воздвиженная, кр. 167

Волга, р. 21, 104, 107, 109, 114, 123, 157, 190, 209, 212–214, 219, 220, 222, 223, 229, 234–237, 263, 266, 290, 543, 581

Волго-Уральский, регион 106, 110, 113, 134, 135

Воронежская, губ. 472, 491, 569

Восточная Европа 263

Восточный Алтай 268

Восточно-Сибирское, ген.-губ. 299

Восточная Сибирь 577

Восточный Туркестан (Синьцзян, Западный Китай) 50, 60, 63, 79, 122, 127, 132, 150, 198, 252, 267, 268, 291, 297, 298, 325, 327, 359, 360, 372, 374, 414, 495, 502–504, 511, 531, 532, 646

Выборг, г. 621

Вятка, г. 631

Галиция, местн. 651

Гланьск (Данциг), г. 653

Геогиевское, с. 578, 635

Герат, г. 360, 365, 368

Германия (ФРГ), гос-во 54, 58, 479, 513, 574, 578, 641

Гиндукуш, местн. 279

Гирьяльский, редут 225

Головачевское, с. 472

Голодная степь 483

Горный Алтай, местн. 109

Горская, кр. 342

Горькая, л. 14, 308

Грачевское, с. 635

Гроднево, с. 472

Грозное, с. 472

Губерлинская, кр. 167, 219

Гулыа 288

Гурумсарай, переправа 281

Гурьев (ныне Атырау), г. 50, 218, 223, 228, 269, 305, 306, 439, 446, 667

Гурьевский, городок 150

Гурьевский, у. 435, 449, 700

Дугал Урпек, местн. 649

Дагестан 263

Дальний Восток 609, 911

Дараут-Курган, кр. 288

Даукар, г. 366

Дешт-и Кыпчак 283, 286, 292

Джагалбайлинская, вол. 21

Джайильмышевская, вол. 643, 644, 645

Джаландинекая, вол. 657

Джан-кала, кр. 382, 388

Джанкат, кр. 290

Джизак, г. 282, 284, 288, 279, 366, 443

Джизакский (Жизакский), у. 449

Джулук (Жулук), укр. 288, 347, 373, 374, 378

Джунгарский Алатау, кр. 26, 122, 689

Джунгарские ворота 129

Джунгарское ханство (Джунгария), гос-во 11, 20, 56, 67, 72, 73, 96–100, 105, 109, 111–114, 121–124, 128, 135, 140, 150–158, 162, 166, 167, 170–172, 182, 184, 187, 188, 195–197, 211–213, 247–253, 257, 259, 263–267, 270, 407

Джучиев улус, гос-во (см. также: Золотая Орда) 289

Дмитриевское, с. 472

Долинская, ст-ца 635

Дон, р. 17

Дунай, р. 24

Евразия 72, 104, 109, 110, 117, 182, 199,200, 263, 272, 396

Европа 31, 47, 58, 61, 104, 105, 305, 359, 427, 443,479,511,695

Екатеринбург, г. 171,509

Екатеринбургская, губ. 512

Елшанская, кр. 167

Енисей, р. 585,

Енисейская, губ. 417

Ерейментау (Ерейментауские), горы 139, 140, 647

Есиль, р. 72,

Жаксы Кон, р. 139, 143

Жаланаш, с. 644

Жалгыз-Карагой, уроч. 508,

Жанадарья (Яндыарья), р. 311, 347, 386, 390

Жаркаинское, укр. 308

Жаркент (Джаркент), г. 440, 446, 496, 501, 505,571

Жаркентская, вол. 495,496

Жаркентский (Джаркентский), у. 430, 449, 474, 483, 497, 525, 589, 601, 614, 643, 644,

Жаркентский, уч. 495

Жарлы, р. 249

Жармола, уроч. 306

Жаскус, уроч. 240

Жезды, р. 139

Жезказган, г. 575

Желдиадыр (Жел тау, Жельдыадыр), горы 139, 140

Желдибел 145

Желдитау 145

Железинская, кр. 107, 155, 170, 172, 194, 198, 258, 308

Жетысу (Семиречье), регион 24, 29, 60, 67,

76, 96, 105, 123, 128—131, 146, 156, 157, 183, 254, 256, 264, 268, 271—273, 288, 291, 292, 346, 351, 352, 370, 372, 414—417, 426, 427, 440, 444, 445, 469, 473, 474, 483, 495, 498, 499, 500, 561, 577, 596, 602, 615, 617, 623, 626, 628, 633, 639, 640, 643, 644, 647, 649, 651, 667, 670, 689
Жидели, уроч. 554,
Жидели Байсын, местн. 182, 184, 187, 547
Жизакские, горы 132
Жирен-Катинская, вол. 420
Жусалы, ст. 609
Жусан-дала, степь 144, 145
Жыланды, р. 139

Забайкалье 503,
Заилийский Алатау, горы 26, 529
Заилийский край 291, 292, 353, 370, 373, 445, 470, 495, 510
Зайсан, г. 446, 502, 503, 507, 513, 524, 560, 651, 682
Зайсан, оз. 35, 131, 155, 257, 439, 579
Зайсанский, пост 440
Зайсанский, у. 32, 426, 435, 449, 483, 487, 506, 575, 593, 599, 608, 609, 647
Зайсанское, пр-во 426
Закавказье, регион 448, 601
Закамская, л. 116
Закаспийская, обл. 448, 658
Западная Европа 272
Западная Сибирь 18, 79, 104, 110, 114, 116, 141, 299, 302, 303, 306, 323, 236, 237, 331, 332, 335, 417, 434, 443, 452, 456, 470, 481, 508, 511, 529, 577, 651, 658, 688
Западно-Сибирское, ген-губ. 299, 308, 414, 439, 448, 469, 547
Зауральская окраина (Зауралье), местн. 161, 342, 350
Захарьевск, укр. 504,
Звериноголовская, кр. 174, 219, 305, 308
Зеленовский, форпост 234
Зерабулакские, высоты 443
Зеравшан, р. 132
Змеиногорский, у. 416
Золотая Орда, гос-во 272
Зыряновск, г. 573

Изобильный, форпост 305,
Икан, г. 97
Илек, р. 26, 96, 97, 107, 112, 128, 133, 134, 225, 420
Илецкая защита, кр. 220, 223, 305, 306
Илецкая, л. 309
Илецкая, ст-ца 309
Илецкий городок, кр. 225
Илецкий, у. 449, 534
Или, р. 26, 79, 96, 111, 122, 123, 125, 127, 130, 144, 145, 192, 248, 250, 251, 266, 289, 348, 352, 370, 415, 417, 481, 511, 579
Илийская, дол. 483, 530
Илийская, кр. 212
Илийский, окр. 270
Ильинская, кр. 167
Имеш-Чаган, уроч. 386

Индия, гос-во 20, 41, 150, 297, 358—360, 369, 372
Индостан, п-в 189
Иран (Персия), гос-во 278, 358—360, 365, 368
Иргиз, г. 50, 441, 446, 502, 535
Иргиз, р. 96, 97, 160, 264, 306, 307, 388, 439, 507
Иргизский, у. 435, 449, 502, 534, 600, 617, 647, 657, 721
Иргизское, укр. 440—442
Иркутск, г. 181, 299,
Иртыш, р. 11, 14, 16, 26, 96, 107, 111, 122—124, 131, 150—152, 154, 155, 170, 172, 181, 184, 187, 188, 190, 213, 250, 257, 258, 269, 273, 275, 348, 415, 416, 437, 501, 512, 575—577, 579, 583, 592, 598, 629
Иртышская, л. 128, 129, 156, 171, 173, 174, 187, 196, 214, 252, 257, 308—310
Иртышский, край 14,
Иртышский, окр. 330
Исецкий, у. 512,
Исиль-Куль, ст. 509
Испания, гос-во 574
Иссык-Куль, оз. 130, 370, 529, 530, 687
Иссык-Кульская, дол. 483
Иссык-Кульский, у. 449
Италия, гос-во 470
Итишпес Алакуль, оз. 143, 144, 145
Ит-кечук (Ит-кечу), кр. 288
Ишим, р. 96, 97, 123, 134, 138, 170, 214, 250, 254, 257, 272, 308, 348, 415, 481, 512
Ишимо-Иртышский, край 14
Ишимская, л. 196, 298
Ишимский, окр. 275
Йангидарья, р. 289, 290
Кабанья, кр. 219, 308
Кабарда 263
Кабардинское, княжество 158
Кавказ, регион 57, 240, 264, 305, 354, 422, 443, 529, 572
Кавказский, окр. 366
Каза, уроч. 286,
Казалинск (Казалы), г. 50, 307, 363, 366, 382, 384, 389, 440, 441, 446, 501, 508, 581, 587, 591, 611, 613—616, 626, 658, 664, 666
Казалинский, у. 430, 449, 507, 526, 585
Казань, г. 75, 111, 112, 113, 189, 197, 220, 240, 512, 556, 624, 681, 698, 704, 711, 719
Казанская, губ. 110, 111, 112, 114, 116, 472, 578
Казанская, дорога 217,
Казанский, окр. 164
Казанский, у. 116
Казахское ханство (Казахские ханства), гос-во 16, 18, 20, 65, 72, 74, 104, 109, 121—123, 140, 150, 157, 158, 180, 186, 208, 248, 252—254, 256, 257, 263, 265, 267, 272, 274, 276
Кайарыс, местн. 256
Кайдуальская, вол. 647
Кайнак, г. 530
Какма-саксаул 290
Калбасинская, кр. 155

- Калбинская, кр. 26
 Калуга, г. 329
 Калмак, арык 140
 Калмак кырылган, местн. 141, 143, 146
 Калмак-чангар, захоронение 141
 Калмыковский, у. 435
 Калмыковское, укр. 439
 Калмыцкое ханство 104, 105, 134, 135, 263
 Калокольский, у. 449, 483, 525, 589, 683
 Камал, п-в 351
 Каменка, с. 472
 Каменская, заимка 426
 Каменский, с. 600
 Камчатка, п-в 14
 Камыш, курган 285
 Камыш-Балык, оз. 507
 Камышенский, у. 512
 Кан-арык (Арык крови), ров 145
 Канада, гос-во 54
 Канды, уроч. 508
 Канкаракол, местн. 172
 Капал, г. 50, 310, 370, 371, 446, 524, 679, 687, 690
 Капальский, у. 430, 449, 483, 525, 589, 683
 Капальское, укр. 308
 Кара-Кенгир, р. 139
 Кара-Тургай, р. 139
 Кара-Уткуль (ныне Астана), г. 335
 Карабутак, форт 50, 306, 307, 439—442, 502
 Карагайлы, р. 141
 Караганда, г. 634
 Карагаты, р. 288
 Каракамал, уроч. 348
 Каракисецкая, вол. 273
 Каракола, местн. 650
 Каракольская, вол. 626
 Каракоңыз, р. 145
 Каракопинская, вол. 647
 Каракуль, р. 226
 Каракуль, уроч. 601
 Каракульская, кр. 167,
 Каракумы, пески 96, 124, 126, 127, 182
 Карамолла, местн. 143
 Карамурт (Харамурт), г. 130
 Карасиыр, местн. 10, 141, 143, 146
 Карасу, местн. 280
 Карасуйская, вол. 495
 Каратал, р. 131, 266
 Каратальская, дол. 483
 Каратау, хр. 96, 99, 130, 133, 138, 139, 146, 288, 373, 374, 378
 Каратургайская, вол. 647
 Караулская (Караулская), вол. 219, 273, 330
 Карачаевский, с. 600
 Каргалы, с. 578
 Каркара, местн. 644, 650
 Каркаралинск (Каркаралы), г. 73, 191, 303, 308, 417, 439, 501, 502, 505, 574, 583, 617, 618, 659
 Каркаралинские, горы 249, 274
 Каркаралинский, окр. 302, 303, 308, 321, 323, 327—330, 332, 333, 346
 Каркаралинский, у. 435, 449, 482, 487, 505, 508, 573
 Кармакчи, форт 307,
 Карнак, г. 97, 285
 Карой, дол. 144
 Карсакпай, уроч. 575
 Карчаташская, вол. 657
 Карши, г. 443
 Каршинский, форпост 226
 Касан, г. 285
 Каскелен, р. 144, 213, 266, 291
 Каспийская, низм. 222
 Каспийское, море 22, 97, 109, 190, 214, 218, 239, 307, 338, 339, 358, 362, 366, 554, 579, 581, 688
 Кастек, р. 213, 266
 Кастек (Аштат, Хаштак), укр. 291, 370, 644
 Катон-Карагай (Катон-Карагайский), пост 439, 504
 Кашгар, г. 196, 262, 292, 368, 372, 373
 Кашгария, регион 193, 530
 Кашкарбайтуз, местн. 144
 Кашмир 198
 Кеген, р. 266
 Кеземский, приказ 114
 Кенгир, р. 140, 310
 Кснжегалинская, вол. 219
 Кентауские, горы 274
 Керей, р. 139
 Кереучи, кр. 282
 Кермин, район близ г. Бухары 184
 Кетмень-тюбе, кр. 288
 Кетменская, вол. 495
 Кзыл-Адыровская, вол. 626
 Кидель-Кыпчакская, вол. 329
 Киев, г. 343
 Киевская, губ. 569, 585
 Кизильская, кр. 167, 223
 Кин-Аральская (Кинаральская), вол. 426, 600
 Кингстон, г. 54
 Киндеринский, з. 422
 Кипчакская, вол. 219
 Китай (см. также: Цинская империя), гос-во 11, 20, 34, 57, 72, 79, 82, 122, 150, 186, 213, 250—255, 259, 261, 265, 268, 270, 273, 283, 284, 289, 352, 372, 405, 426, 473—474, 503—504, 511, 513, 530, 568, 599, 645, 649, 662, 670, 704
 Киштау, горы 139—140
 Клышкала, кр. 366
 Ключевое, с. 472
 Кобдо, г. 503
 Кобдо, р. 122, 420
 Кожевникова, хутор 215
 Кожехаровский, форпост 216
 Кок-Арал, о. 507
 Кок-Урлик, р. 232
 Коканд, г. 57, 83, 188, 191, 269, 271, 278, 280—282, 284—288, 290—292, 334, 354, 359, 362, 369—370, 374—378, 381, 444
 Кокандская автономия (Туркестанская автономия), гос-во 45, 83
 Кокандское ханство, гос-во 16, 252, 279, 283, 287, 291, 293, 297, 307, 330, 333, 347, 351, 353, 363—365, 369, 372, 375—376, 378, 414, 421, 443, 544
 Кокпекты, г. 310, 439, 507, 513
 Кокпектинский, приказ 308

Кокпектинский, у. 449
 Кокпектинское, пр-во 449
 Коксу, р. 510
 Коксуйская, дол. 483
 Коктал, оз. 130
 Коктюбе, уроч. 341
 Кокча, деревня 279
 Кокчетав (Кокшетау), г. 24, 191, 271, 308, 321, 334, 439, 444, 446, 526, 555, 560, 583, 615, 635, 659, 664
 Кокчетавская, ст-ца 310
 Кокчетавский, диван 324, 333
 Кокчетавский, окр. 303, 308, 313, 321—323, 326—327, 329—330, 332, 345—346
 Кокчетавский, у. 426, 435, 449, 477, 479, 481, 482, 486—487, 492, 508, 569, 571, 578, 597, 626—627, 633, 657
 Кокшетау, горы 130, 139, 140, 272, 303
 Колмыковский, у. 449
 Кольпанская, л. 156
 Конодаловское, с. 493
 Константиновское, с. 494
 Копенгаген, г. 152, 511
 Коргалжинское, оз. 138
 Кордай, перевал 371
 Корпыковская, вол. 328—329, 331
 Коряковское, укр. 122, 173, 188, 308, 444
 Кос-Арал, форт 307
 Коскорган 386
 Котыркульская (Котыр-кольская), ст-ца 310, 578
 Кочентоган, уроч. 532
 Кояицкий, форпост 219
 Красноводск, г. 366, 581
 Красноводский, з. 365
 Красногорская, дис. 216
 Красногорская, кр. 167, 232
 Красногорская, л. 305
 Крым, п-в 264, 272, 529, 702
 Крымское ханство, гос-во 18, 263, 272
 Куадир, горы 139
 Кубандарья, р. 211
 Кубск, г. 581
 Кубандарья, р. 288, 290, 366, 382, 387
 Кужур, р. 333
 Кузнецк, г. 172
 Кузнецко-Колыванская, л. 257
 Кузьминское, с. 472, 646
 Куйган-Тас, местн. 352
 Куйук, местн. 649
 Кулагинская, хр. 217, 223, 342
 Кулан, г. 76
 Кулбай, уроч. 341
 Кулжабасы, хр. 144
 Култобе, горы 65—66
 Кулундинская, степь 184, 437, 481
 Кульджа, г. 198, 270, 444—445, 473, 503, 511, 529—530, 687
 Кульджинский край 473
 Кумыскуртан 288, 387
 Кунград 367, 386, 387
 Курайлы, горы 143
 Курам, п-в 641
 Курама (Шахрухия), местн. 292
 Курамынский р-н 280—282
 Курамынский, хр. 281
 Кургалжин, оз. 647
 Курган, г. 580
 Курганский, окр. 275
 Курганча, кр. 366
 Кургатинская, вол. 646
 Курдай, р. 145
 Курти, р. 144
 Куртка, кр. 288
 Курчум (Курчумский Край), р-н 32, 372
 Куршабе, р. 288
 Кусмурынский, окр. 303
 Кустанай (Николаевск), г. 35, 446, 512—513, 534, 535, 571, 582, 615, 622—623, 652, 659, 664, 701, 721
 Кустанайская, обл. 533—534
 Кустанайский (Николаевский), у. 426, 428, 435, 477, 483, 562, 569, 582, 586, 599—600, 647, 689, 700, 707
 Кухистан, с. 279, 285
 Кученейская, вол. 646
 Кучкун-Су, р. 421
 Кушкуль, оз. 183
 Кушмурын, уроч. 528
 Кушмурынский, окр. (приказ) 308, 346
 Кушум, уроч. 215
 Куянды, пос. 33
 Кызыл-Булак, р. 420
 Кызылкум, пески 145, 289
 Кызыл-Курган, кр. 288
 Кызылсу, р. 253
 Кызылтау, горы 131
 Кыпшак, р. 139
 Кыргызстан (Кыргызия, Киргизия), гос-во 35, 48, 271, 288, 352, 353, 440, 444—445, 473, 478, 495, 530, 650
 Кяхта, г. 503
 Кяхта-Маймачен, р-н 197
 Лебяжье, кр. 187, 257, 308
 Лепсинск, г. 446, 560
 Лепсинский, у. 430, 483, 525, 589, 625, 634, 644
 Лепсы, р. 131, 213, 266
 Линевский, форпост 305
 Литва, гос-во 556, 655
 Лобановская, ст-ца 310
 Лондон, г. 360, 575
 Луганский, с. 600
 Луговое, с. 472, 646
 Лхаса, г. 122—123
 Мавераннахр, регион 67, 132, 184, 283, 289
 Магнитная, кр. 167, 219
 Мазандаран 17
 Майгарауская, вол. 647
 Майтобе, гора 143, 160
 Маканчи, г. 504
 Макат, местн. 33
 Малая Алматинка, р. 689
 Малая Хобда, р. 233
 Мало-Владимировское, с. 635
 Мало-Нарымск, кр. 416
 Малыбаевская, вол. 495, 497
 Малый яр, гора 113

Мамырык, горы 131
 Мангышлак (Мангыстау), п-в 30, 36, 61, 97, 109, 161, 362, 366, 419, 421–422, 511, 548, 568–569, 691, 701
 Мангышлакский, у. 628, 658, 679
 Мангышлакское, пр-во 448
 Маргелан, г. 444
 Мариинское, с. 492
 Махрам, кишлак 443
 Мекка, г. 380, 617, 666
 Мерке, с. 288, 369, 438, 472, 646–647
 Миасс, р. 114
 Минг-урж, местн. 284
 Минск, г. 643
 Минусинск, г. 503
 Минусинский, у. 482
 Михайловское, с. 472, 634
 Мойынкум, пески 96, 145
 Мойынты, р. 212, 264–266
 Монголия, гос-во 24, 35, 196, 502–505
 Монгольский Алтай 122
 Москва, г. 24, 38, 40–41, 50, 159–160, 189, 196, 218, 507, 509, 512, 586, 612–613, 616, 624, 626, 662, 664, 667, 697–698, 704
 Мугоджары (Мугоджарские), г. 46, 128, 138–139, 212, 264
 Мынбулак, кр. 366–367

 Найзатескен, уроч. 162
 Найманская, вол. 273
 Наманган, г. 289, 444
 Нан-Лу (Малая Бухария), провинция 530
 Нанай, кр. 285
 Нарын (Нарынкум), пески 97, 223, 240
 Нарын, р. 257–258, 288, 373
 Нарын-Караколь (Пржевальск), г. 502
 Нарынкол, с. 644
 Нарынкол, р. 266
 Нарынское, укр. 440
 Наурызымская, вол. 648
 Нева, р. 531
 Нельды, уроч. 576
 Нижнебурлыкская, ст-ца 310
 Нижнее Поволжье, регион 110
 Нижний Новгород, г. 50, 577, 586, 620
 Нижнеозерная (Нижне-Озерная), кр. 167
 Нижнеуйская (Нижне-Уйская), л. 173–174, 305
 Нижнеуральская (Нижнеяицкая), л. 217–218, 225
 Нижнеэмбенский (Нижне-Эмбенский), пост 440–442
 Николаевская, кр. 308
 Николаевская, ст-ца 422, 444
 Николаевский, у. 449, 533–534
 Николаевское, с. 472, 634
 Нияз (Нияз), горы 250
 Ниязбек (Ниязбек), кр. 282
 Новая, л. 306, 309
 Новоалександровское (Ново-Александровское), укр. 307, 362
 Новоилецкая (Ново-Илецкая), л. 305
 Новоилецкий, форпост 305
 Новоишимская (Пресногорьевская или Горькая), л. 173–174, 257, 261, 269, 308–310

Новоишимский, уч. 471
 Ново-Кокандская, л. 438
 Новолинейный, р-н 471
 Новониколаевск, г. 582
 Ново-Петровское, укр. 306–307
 Новорыбинское, с. 494
 Новосергеевская, кр. 167
 Новотроицкое, с. 646
 Ново-Узеньская, л. 309
 Новошешминск, 116
 Ногайская, дорога 97, 107, 114–115, 117
 Ногайский, окр. 164
 Нур-Ата, кр. 289
 Нура, р. 96, 130, 140, 249, 273–274
 Нуратинские, горы 132

 Обабан, р. 254
 Обь, р. 183, 437, 481, 577, 580
 Обь-Иртышское, междуречье 123, 156
 Озерная, кр. 216
 Оксфорд, г. 60
 Оми, р. 154
 Омск, г. 33–34, 61, 79, 154, 170, 173, 194, 258, 261, 269, 275, 305, 308, 310–311, 321–323, 326, 328, 330–331, 378, 381, 435–436, 444, 449, 470, 502, 509, 511, 513, 523, 528–529, 531, 547, 556, 560, 565, 576, 580–581, 583, 588, 590, 592, 609, 615, 618, 626, 651–652, 655–658, 663–665, 667–668, 684, 698, 701, 725
 Омская, обл. 299, 311, 323, 325, 332
 Омский, окр. 275
 Омский, у. 435, 449, 479, 482, 580, 585, 599, 613
 Ордабасы, местн. 76, 138–139
 Оренбург, г. 22, 34–36, 50, 77, 79, 81, 164–167, 170, 182, 185–186, 193–197, 209–210, 216–219, 222, 228–229, 240, 255, 268–269, 291, 305–308, 323, 341–343, 347, 350, 360–361, 366, 375, 381–382, 420, 435, 441, 500–501, 511, 513, 528, 534, 547, 559, 579, 581, 586–587, 591, 611–612, 615, 617, 624–625, 634, 641, 655, 658, 663–667, 669, 697–698, 700, 710–711, 718–719, 725
 Оренбургская, л. 170, 174, 190, 305–306, 316, 329, 369–370, 373, 380, 485
 Оренбургская, обл. 485–486, 534
 Оренбургский, окр. 417, 423–424, 438
 Оренбургский, у. 527, 691
 Оренбургское, ген.-губ. (Оренбургский край, Оренбургская губ.) 164, 167–168, 196, 212, 223, 227, 237, 313, 339, 341–342, 350–351, 362, 366, 417, 439, 448, 452, 469, 472, 523, 547, 581, 608, 690–691, 700, 720
 Оренбургское, (Тургай) укр. 533
 Орск (Орская кр.), г. 164, 166–167, 193–195, 219, 223, 225, 306, 350, 362, 441, 579
 Орская, дис. 305
 Орский, у. 512
 Орь, р. 18, 26, 96, 107, 133, 163–164, 421
 Осинковский, окр. 164
 Осиновское, с. 634
 Османская империя, гос-во 20, 231, 263
 Осморыжский, форт 156
 Отрар, г. 97, 138
 Ош, г. 444

Ошакты, аул 645
Ошакты, уроч. 644

Павлодар, г. 501—502, 507, 512—513, 524, 576—577, 583, 612, 615, 618, 626, 651—652, 659, 664
Павлодарская, обл. 404, 541
Павлодарский, у. 435, 487, 506, 508, 576, 584, 598, 617, 632
Памир, хр. 279, 293, 443
Паркент, с. 279
Пекин, г. 250, 252, 273—274, 325, 371
Пенджаб, г. 379
Перегибская, кр. 167
Пермская, губ. 472, 576
Пермь, г. 623, 631
Перовск (Ак-Мечеть, ныне Кызыл-Орда), г. 50, 389, 440—441, 446, 501, 506, 524, 571, 581, 587, 591, 609, 611—612, 614, 616, 623—624, 630, 664, 666—667
Перовский, у. 430, 449, 507, 526, 585, 664
Петербург (Петроград, Санкт-Петербург), г. 24, 38, 56, 60, 107, 112, 113—114, 117, 154—155, 158—159, 161—163, 168, 174, 216, 230, 255, 291, 297—298, 316, 324, 331, 339, 360—362, 369, 373, 375—376, 378, 381, 445, 451, 509, 530—531, 556, 602, 614, 621, 623, 626, 657, 664, 669, 681, 688, 697—698, 702, 704
Петропавловск, г. 33—35, 187, 193, 194, 197, 219, 255, 257—258, 260, 269, 272, 275, 300, 308, 324, 331, 441—442, 444, 446, 449, 473, 500, 501, 509, 513, 526, 560, 571, 576, 578, 580, 583, 587—588, 590, 611, 614—616, 618, 620, 622, 631, 634, 652, 658, 659, 664, 667, 697, 700
Петропавловский, с. 625
Петропавловский, у. 435, 449, 479, 482, 483, 505, 569, 571, 580, 613, 697
Пиза, г. 510
Пишпек (Фрунзе, ныне Бишкек), г. 48, 252, 288, 369, 438, 445, 646
Пишпекский, у. 144, 430, 497, 525, 568, 646, 650
Поволжье 37, 45, 72, 76, 104, 105, 106, 109, 219, 309, 527
Подгорное, с. 145, 472
Покровская, кр. 308
Покровская, сл. 579
Покровское, с. 472
Полетаево, ст. 582
Полтава 154
Полтавская, губ. 569, 585
Полтавская, вол. 600
Полуденная, кр. 257, 308
Польша (Польское королевство, Польское царство), гос-во 354, 373, 529, 556, 655
Пресновская, ст. 444
Презногорьевская, кр. 219, 279, 308
Пржевальск (Каракол), г. 440, 679, 687, 693
Пржевальский, у. 430, 525, 568
Приаралье, регион 113, 124, 207, 209—210, 222, 251, 291, 385, 387—388, 390
Приаральские Каракумы, пески 99
Прибалхашье 212
Прииртышье 96, 109, 111, 112, 122, 129, 150, 151, 481, 560

Прииртышская полоса 481
Прииссыкульская, дол. 693
Приуралье 104, 110, 309, 481
Приуральская, л. 342
Приишимье (Приишимская степь) 139, 291
Приишимская полоса 481
Прикаспий (Прикаспийская зона) 237, 340
Прикаспийская, низм. 359
Присырдарьинский, регион 105, 110, 188, 347
Прутоярская, кр. 167
Пшагар, кр. 287

Раим (Раимск, Казалинск), укр. 290, 307, 363, 364, 382, 384, 385, 524
Рассыльная, кр. 167
Россыпная, кр. 219
Ревель, г. 512
Реште, г. 358
Рига, г. 343, 631
Риддер, г. 575—576
Рим, г. 696
Римская империя, гос-во 108
Ровное, с. 472
Рудный Алтай 19, 572, 575

Сагим, уроч. 422
Сагыз, р. 211, 225
Садыр-Камалбулак, р. 138
Садыр-Матайская, вол. 644
Саздинский, с. 634
Сайрам, г. 76, 97, 99, 110, 130—133, 138, 180, 256, 283, 286, 287, 380
Сайрам-Су, р. 131
Сакмарская, ст-ца 309
Сакмары, р. 108, 170
Сам, пески 97
Самара, г. 116, 577, 579, 621, 721
Самарканд, г. 67, 76, 129, 131, 132, 133, 182, 184, 289, 443, 581
Самаркандская, обл. 41, 60, 430, 594, 658
Самарская, губ. 472, 578, 585
Самсы, ст. 644
Сандыктавская, ст-ца 441
Сандыктас, возв. 546
Сапак, ст. 592
Сарайчик, кр. 226
Саратов, г. 240, 577, 616
Саратовская, губ. 237, 472, 569
Сарбонна, г. 59
Сарколинская, вол. 647
Сарыарка (Сары-Арка), местн. 67, 68, 124, 139, 146, 183—185, 264, 336, 351, 481, 546, 554
Сары-Кенгир, р. 139
Сары-Суйский, у. 449
Сары-Тургай, р. 139
Сарыкманский, с. 684
Сарысу, р. 26, 76, 96, 97, 125, 131, 139—141, 191, 288, 308, 310
Сарытогайская, вол. 647
Сауран, г. 97, 110, 375
Сахарная, кр. 216, 226, 228
Саянтас, с. 164
Саяно-Алтай, горы 122
Севастополь, г. 556
Северный Кавказ, регион 18, 37, 212, 332,

350, 415
 Сеитовская, слобода 268
 Селиярская, ст-ца 505
 Семеновское, с. 635
 Семипалатинск, г. 33–35, 50, 61, 155, 172–173, 182, 192–194, 196–197, 250, 261–262, 269–270, 275, 300, 308, 311, 332, 436, 444, 446, 500–503, 511–513, 524, 526, 547, 560, 562, 565, 571, 576, 578, 582–584, 613, 616, 618, 620, 634, 635, 651, 652, 655–660, 664–668, 684, 685, 697, 701, 709, 720, 725
 Семипалатинская, обл. 31–33, 82, 312, 370, 416, 418, 422, 425, 427, 428, 432, 434, 435, 439, 440, 443, 448, 449, 452, 453, 457, 471, 472, 473–475, 478, 481, 488, 505–508, 515, 524, 526, 527, 563, 568–571, 576, 578, 580, 583, 584, 586, 595, 596, 608, 613, 617, 621, 623, 626, 627, 629–632, 634–635, 641, 647, 649, 652, 661–662, 676–677, 684–685, 694
 Семипалатинский, окр. 275
 Семипалатинский, р-н 595, 599
 Семипалатинский, у. 435, 449, 483, 487, 505, 506, 584, 647
 Семиполка, с. 493
 Семиреченская, обл. 31, 77, 80, 82, 381, 416, 418, 425, 427, 432, 435, 439, 445, 448–449, 452–453, 470–475, 478, 504–505, 512–514, 524, 526–527, 547, 568–571, 578, 583, 589, 592, 594, 598, 601–602, 614, 617, 621, 626–628, 631, 633–634, 636, 641, 644–646, 650, 658, 661–662, 676–677, 681–682, 685, 693, 698
 Семиярский, форт 156, 308
 Сергиопольский, у. 449
 Сибзар, с. 279, 280
 Сибирская, дорога 96, 107, 114, 116
 Сибирская, л. 156, 171–174, 196–198, 257–260, 262, 272, 275, 373, 380, 438, 470
 Сибирский, окр. (приказ) 114, 164, 417
 Сибирский, редут 172
 Сибирское, ведомство 25, 54, 77, 256
 Сибирское, ген.-губ. 223, 350
 Сибирь 14, 16, 19, 39, 55, 75, 78, 104–107, 109–111, 113–114, 150, 155, 170–171, 174, 190, 196, 259, 291, 302, 330–331, 343, 359, 469, 471–472, 485, 504, 511, 528–529, 560, 572, 575, 579, 613, 615, 621–622, 631, 634, 638, 684, 686–687
 Симбирская, губ. 117, 170, 578
 Сколинская, кр. 308
 Сонкуль, оз. 288
 Средиземноморье 110
 Средний Восток 110
 Сренкала, кр. 366
 Становская, кр. 308
 Степное, ген.-губ. (Степной край) 31, 34, 39, 49, 59, 77, 80, 427–428, 440, 453–454, 456, 469, 474, 481, 492, 513, 561, 596, 598–600, 618, 634, 650–653, 656–657, 684–685, 694, 701
 Степное, с. 472
 Стерлитамакский, у. 527
 Стерлибашево, с. 527
 Сузак, кр. 76, 97, 256, 286–288, 347, 349, 373–374, 388, 438
 Сулуколь, оз. 335
 Сумкайтты (Сунгайтты), р. 145
 Сыгнак, г. 97
 Сызрань, г. 577
 Сырдарья, р. 26, 50, 64, 67, 76, 96–97, 113, 128, 130–135, 138–139, 157, 170, 180, 182–183, 185, 191, 209, 211, 222, 233, 236, 254, 281, 288–290, 307, 309, 333, 347, 360–365, 373, 381–385, 387–388, 390, 411, 417, 507, 545, 579
 Сырдарьинская, л. 309, 363–364, 366, 370, 373–375, 383, 384, 388–390, 438
 Сырдарьинская, обл. 26–31, 41, 77, 381, 418, 430, 432–433, 448–450, 472–475, 478, 502, 507–508, 512–515, 524, 526–527, 547, 561, 563, 568–570, 581, 583–584, 586, 594, 617, 621, 626–628, 633, 636, 640, 646, 647, 658, 667, 676–678, 719
 Сырт, ст. 669
 Сырымовское гнездо, местн. 226
 Таджикистан, гос-во 279, 293
 Тайга, ст. 585
 Тайлы, уроч. 386
 Талас, р. 26, 76, 96, 99, 123–125, 130–131, 139–140, 182–183, 189, 254, 288, 417, 495
 Таласская, дол. 130, 131
 Тамбовская, губ. 472, 578
 Таналыпская, кр. 167
 Таналицкая, кр. 219, 223
 Танбалытас, местн. 131
 Тара, г. 109, 150, 197, 512
 Тарбагатай, хр. 26, 122, 187, 250–251, 257, 432, 483, 502
 Тарбагатайский, окр. 270
 Тарханский, острог 123
 Тас-Шате, уроч. 332
 Тастюбе, уроч. 342
 Татарстан (Татария) 702
 Татищевская, кр. 216–219
 Татыр, местн. 649
 Тауп, пески 97
 Ташкент, г. 24, 27, 40, 66, 76, 96–97, 99, 107, 130–133, 180, 182, 184, 188–189, 192, 256, 262, 269, 271, 273, 278–283, 285–286, 288–289, 292–294, 333–334, 373, 376, 378, 381, 421, 440–441, 444, 450, 508–509, 511, 513, 526, 548, 558, 561, 565, 576, 579, 581, 586, 609, 611, 613, 616, 625, 630, 646–647, 657, 663–664, 666–667, 669, 678, 692–693, 697–698, 701
 Ташкентский, оазис 97
 Ташкентский, регион 188
 Ташкентский, у. 430, 449, 471, 479, 526
 Тегерен, оз. 183
 Тезека, аул 532
 Текес, р. 124
 Телеское, оз. 257
 Темир (Темирское укр.), г. 440–441, 446
 Темир, р. 96, 106, 133, 135
 Темирский, у. 435, 581
 Теректы, р. 138
 Теректы-Кум, уроч. 341
 Терек-Узек 292
 Терсаккан, р. 139
 Тертульская, вол. 273
 Тескен тау, гора 547
 Тибет 104, 127, 198
 Тигерский, форпост 257

- Тобол, р. 96–97, 107, 112, 134, 214, 243, 258–259, 274, 305, 308
Тоболо-Иртышское, междуречье 96
Тобольск, г. 76, 109, 111–112, 114, 151–152, 171, 189, 196–197, 257, 262, 299
Тобольская, губ. 25, 258, 275, 299, 311, 417, 471–472
Тогузак, р. 306
Тойчубек, укр. 291
Токмак, г. 288, 353, 370, 438, 445, 495
Токмакат, о. 364–365
Токмакский, у. 449
Толкачева, хутор 215
Томск, г. 152, 196, 624, 699, 704
Томская, губ. 25, 275, 299, 311, 416–417, 471–472
Топар, р. 144–145
Топкойма, ст. 648
Торгуй, р. 240
Тосынская, вол. 647
Троицк, г. 34–35, 50, 174, 182, 195, 218, 256, 261–262, 269, 329, 362, 500, 582, 697, 699–700, 718
Троицкий, у. 512
Туваляк, р. 131
Тугуз, ст. 592
Туз-Тюбинская, вол. 420
Тула, г. 257
Тула, р. 123
Тургай, г. 306, 417, 441–442, 446, 502, 534–535, 648, 660, 664, 701
Тургай, р. 26, 96–97, 169–170, 248, 264, 274–275, 306, 439, 481
Тургайско-Уральский, регион 595–596, 599
Тургайская, обл. 26, 31, 36, 82, 418, 419, 421, 425, 428, 434–437, 439–440, 448–449, 452, 472–477, 479, 482–483, 502, 508, 512–515, 526–527, 534–535, 547, 568–570, 579, 581–583, 588, 595, 600–601, 617, 621, 623, 626, 629, 632–633, 639, 641, 647, 649, 660–662, 676, 678, 683, 721
Тургайские, степи 347
Тургайский, у. 435, 449, 533–534, 625, 647, 648
Туркестан, г. 50, 96, 99–100, 107, 110–112, 128, 130–131, 133, 138, 141, 156, 171, 174, 180–182, 188–189, 251, 253–254, 256, 262, 273, 279–289, 293, 364, 366, 373–380, 438, 441, 444, 446, 501, 571, 581, 587, 591, 609, 611, 615–616, 624, 657, 693
Туркестан, регион (Туркестанское, ген.-губ., Туркестанский, край) 15, 25, 27, 39, 41, 47, 49, 58–59, 61, 67, 77–78, 124, 128, 359–360, 365, 367, 381, 417, 425, 427, 430, 432, 434–435, 438–439, 441–444, 448–452, 456, 469, 472, 486, 511, 524, 547, 563, 581, 589–590, 594, 596, 611, 626, 628, 630, 634, 644, 646, 649–650, 657–658, 660, 677–678, 680–681, 689, 691–693, 702, 719
Туркестанская, обл. 447, 480
Туркестанский, окр. 366, 381
Туркестанский, у. 449, 526
Туркмения (Туркменистан), гос-во 230, 382, 443
Турция, гос-во 47–48, 212, 289, 568, 682, 704
Тюкалинский, окр. 275
Тюмень, г. 197, 512
Тюменский, окр. 123
Тюл-Караган, з. 307
Тянь-Шань, хр. 96, 124, 288, 430, 529, 687
Убаган (Обаган), р. 248, 272, 274
Убинский, форпост 308
Убинский, форт 156
Угольный, форпост 305
Узбекистан, гос-во 47–48
Узень 219
Узеньская, л. 242, 342
Узунагачская, вол. 644
Узын-Агаш 371, 445
Уй, р. 114, 133, 306
Уил, г. 446
Уил, р. 133, 226, 232, 548
Уйльское, укр. 440–442
Уйская, креп. 269
Уйская, л. 170, 173–174, 219, 257, 305, 309
Уйско-Миасское, междуречье 115
Украина, гос-во 471, 569
Улкенас, местн. 644
Улутавская, ст-ца 441
Улутавское, уроч. 647
Улытау, горы 67, 97, 124–125, 128, 130–131, 139–142, 146, 291, 441
Улытау, кр. 370
Улытау, укр. 308, 310
Улы-Уил, р. 138
Ульба, р. 257
Ульбинское, с. 502
Улькейск, р. 169
Улясуйтай, г. 503
Урагымская, кр. 167
Урал, горы 218
Урал, регион 174, 508, 612, 615, 631, 701
Урал (Яик, Жаик), р. 14, 16, 19, 21, 26, 96, 98, 105–109, 112–115, 121, 134–135, 138, 157, 170, 173–174, 183, 187–188, 190, 209–214, 216–217, 219–220, 223–226, 228–229, 232–237, 242, 263, 266, 290, 309, 338–339, 342, 344, 348, 439, 511, 527, 548, 579, 629, 688
Урало-Эмбенский, р-н 32
Уральск (Яицкий городок), г. 33, 50, 106, 108, 115–116, 215–218, 220, 226, 241, 305, 342–343, 388, 436, 446, 449, 511, 513, 523, 526, 547, 559, 565, 571, 578–579, 591, 609, 611–616, 618, 623, 631, 634, 658, 660, 664–665, 667, 688, 697–699, 720
Уральская, л. 222, 223, 231, 305, 316, 384
Уральская, обл. 36, 82, 417, 419–421, 425, 434–435, 439–441, 448–449, 452–453, 457, 472–475, 512, 526–527, 547, 568–571, 578, 580–581, 601, 621–623, 626, 632, 641, 657, 661–662, 678
Уральские, г. 107, 183
Уральский, окр. 417
Уральский, у. 435, 449, 481, 512, 569
Ура-Тюбе 281–284, 287, 292, 443
Урбах 580
Урга, кр. 366–367
Урга (Улан-Батор), г. 105, 106, 124, 372, 502
Урга, уроч. 386
Ургенч, г. 65, 548
Урджар, г. 504
Усек, р. 495
Усть-Уйская кр. 167, 275

Усть-Каменогорская, обл. 32, 35
 Усть-Каменогорск, г. 50, 156, 172–174, 193–194, 196–197, 257, 261, 269–270, 273, 300, 308, 311, 440–441, 444, 446, 449, 502–503, 507, 513, 524, 560, 575, 626, 651–652, 664–665
 Усть-Каменогорский, у. 426, 435, 449, 483, 487, 502, 506, 575–576, 584, 593, 647
 Устюрт, плато 96, 361–362, 382, 386, 422–423
 Уссури, р. 470
 Утяцкая, кр. 123
 Утяцкая, сл. 257
 Уфа, г. 113, 115, 133, 143, 162, 189, 288, 681, 697–698, 704, 718–719
 Уфимское, ген.-губ. 223
 Уфимская, губ. 527
 Уфимский, у. 114, 116
 Уч-Алматы, местн. (Уч. Алма-Ата) 291, 352
 Ушконур, горы 644
 Ушконур, уроч. 643

Фергана, г. 278–284, 293, 594, 658
 Ферганская, дол. 96, 279, 378
 Ферганская, обл. 41, 430
 Финляндия, гос-во 529
 Флоренция, г. 510
 Франция, гос-во 58, 61, 230, 470, 574, 578
 Форт-Александровск, г. 446
 Хақы-Хават, кишлак 444
 Хантау, гора 144–146
 Хан-Тенгри 687
 Хасан-кала, г. 290
 Харьковская, губ. 472, 569
 Херсонская, губ. 585
 Хива, г. 16, 98, 106, 116, 121, 131, 132, 157, 161, 174, 184, 186, 195, 208, 210, 231, 233, 269, 278, 279, 288, 289, 290, 307, 353, 359, 360–368, 387, 388, 388, 390, 421, 423, 441, 443, 444, 691
 Хивинское ханство, гос-во 161, 184, 211, 236, 270, 283, 289, 291, 297, 307, 330, 361, 363, 364, 367, 421, 423, 440, 443, 545
 Ходжа-Нийаз, кр. 290
 Ходжент, г. 131, 132, 183, 256, 279, 280, 281, 443, 508
 Ходжентский, у. 449
 Хонакой, г. 530
 Хорасан, регион 368
 Хоргос, г. 503
 Хорезм, регион 289, 364

Цараево, городище 123
 Цинская империя, гос-во 79, 104, 112, 117, 122, 141, 156, 165, 171, 194–197, 248–253, 256, 259, 261–263, 267–268, 270, 272, 274, 325, 327, 503–505

Чаганакский, хутор 219
 Чадакская, дорога 281
 Чардара, кр. (ныне г. Шардара) 289
 Чарын, р. 96, 495
 Чаткальские горы 284–285
 Чаян(Шаян)р. 128
 Челкар, г. 581, 587, 588, 591, 616
 Челябинск, г. 580–582, 652
 Черемшан, р. 116
 Черное, море 22, 272
 Черноречинская, кр. 216, 223

Чилик.р. 130, 687, 495
 Чимкент, г. 50, 76, 130, 138, 256, 279–280, 283, 287, 294, 369–370, 373, 374–380, 414–415, 438, 440–441, 444, 571, 576, 578, 582, 587, 664–667, 701
 Чимкентский, у. 430, 449, 471, 526, 578, 583, 586, 617, 657
 Чингизские, горы 535
 Чингирлау, р. 223, 232
 Чирчик, р. 96, 99, 130, 183, 282
 Чу, р. 26, 76, 79, 96, 123, 125, 130, 131, 140, 146, 191, 288, 291, 310, 333, 352, 370, 371, 417
 Чубарская, вол. 700
 Чугучак, г. 198, 270, 325, 503
 Чуйская, дол. 130–131, 370, 375, 483
 Чуэт, с. 281

Шабакты, р. 145
 Шадринский, у. 512
 Шайдаы, кр. 282
 Шалаварское, с. 472
 Шамси, р. 253
 Шату, перевал 253
 Швеция, гос-во 150, 156, 307, 560, 574
 Шейхантаур, с. 279–280
 Шидерты, р. 249
 Шимкурган, с. 388
 Шубарколь, о. 138
 Шуруханский, уч. 430
 Шымбайский, уч. 430

Щучинск, г. 560

Ыргайты, р. 145–146

Экибастуз, г. 575–576, 634, 657, 664
 Эльбрус, горы 17
 Эмба, р. 96, 107, 123, 133–136, 209–214, 226, 227, 264, 366, 386, 440
 Эмбинская, л. 309
 Эмбинское, укр. 308, 420, 439
 Эмбинский, у. 449
 Эмель, р. 124

Юго-Восточная Азия 41
 Юго-Западная Сибирь 299, 512
 Южная Сибирь 184, 257
 Южное Зауралье 174
 Южное Прибалхашье 96
 Южный Алтай 257
 Южный Урал 105, 108, 116, 167, 194, 195, 220, 359, 472, 504, 700

Яицкая, л. 150, 173
 Якутия 610
 Яман-Курган, кр. 288
 Ямыш (Ямышево), оз. 96, 111, 124, 151
 Ямышевка (Ямышевская), кр. 96, 111, 127, 152, 155, 170, 173, 194, 196–198, 261, 269
 Янгур, р. 127
 Яни-Курган (Жана-Курган, Джена-Курган), г. 127, 288, 293
 Яркенд (Еркети), г. 150–151, 196, 262, 297, 372

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ – Архив внешней политики России (Российской империи), г. Москва
ГААК РФ – Государственный архив Алтайского края Российской Федерации, г. Барнаул
ГАНО РФ – Государственный архив Новосибирской области Российской Федерации,
г. Новосибирск
ГАОМО РФ – Государственный архив Омской области Российской Федерации, г. Омск
ГАОРО РФ – Государственный архив Оренбургской области Российской Федерации,
г. Оренбург
ЗВО ИРГО – Записки Восточного отделения Императорского Русского
географического общества
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
ИВ АН РУЗ – Институт Востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, г. Ташкент
КРО-1 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. (Документы и материалы),
кн. 1. А., 1961
КРО-2 – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (Документы и материалы),
кн. 2. А., 1964
МИКХ – Материалы по истории казахских ханств (Извлечения из персидских и тюркских
сочинений). Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина,
В. П. Юдин. А., 1969
МСТК – Материалы по статистике Туркестанского края
ПТКЛА – Протоколы заседаний и доклады членов туркестанского кружка
любителей археологии, г. Ташкент
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, г. Москва
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва
РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
СПбФ ИВ РАН – Санкт-Петербургский филиал Института Востоковедения Российской
Академии наук, г. Санкт-Петербург
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан, г. Алматы
ЦГА РУЗ – Центральный государственный архив Республики Узбекистан, г. Ташкент

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Историография и источники по истории Казахстана XVIII—начала XX вв	10
1. Историография Казахстана (XVIII—начало XX веков)	10
2. Проблемы истории Казахстана XVIII—начала XX вв. в западной историографии	49
3. Казахские источники по истории XVIII—начала XX вв.	62
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. КАЗАХСТАН НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ	95
<i>Глава первая. Политическое положение Казахстана в первой трети XVIII века .....</i>	<i>96</i>
1. Внутриполитическая обстановка. Приход к власти Абулхаир-хана	96
2. Казахско-ойратские отношения	104
3. Взаимоотношения с Россией.	108
4. Казахско-башкирские отношения	114
<i>Глава вторая. Отечественная война казахского народа против джунгарской агрессии в 20-х годах XVIII века .....</i>	<i>121</i>
1. Усиление борьбы казахского народа против джунгарской агрессии в начале XVIII века	121
2. Начало Отечественной войны (Годы Великого бедствия — «Актабан шубырынды, Алқакөл сұлама»)	128
3. Организация всенародного отпора джунгарской агрессии. Батыры	135
<i>Глава третья. Начало присоединения Казахстана к России (30—40-е годы XVIII в.) .....</i>	<i>150</i>
1. Создание крепостей в Прииртышье как начало военно-колониальных акций царизма в Казахстане	150
2. Принятие казахами Младшего и Среднего жузов российского подданства	156
3. Казахско-ойратские отношения в 40-х гг. XVIII в. и политика России в регионе	169
<i>Глава четвертая. Казахское общество в XVIII — первой половине XIX вв .....</i>	<i>179</i>
1. Хозяйство казахов	179
2. Внешняя торговля	193
3. Социальная стратификация	198
<i>Глава пятая. Усиление власти России в Северо-Западном Казахстане (середина XVIII—первая четверть XIX вв.) .....</i>	<i>207</i>
1. Политическая обстановка в Младшем жузе в годы правления хана Нуралы (1749—1786 гг.)	207

2. Участие казахов в крестьянской войне под предводительством
Е. И. Пугачева 213
3. Национально-освободительное движение
под руководством Сырыма Датова 220
4. Образование Букеевского ханства 234

**Глава шестая. Политические процессы в Центральном и Юго-Восточном
Казахстане в 50-е годы XVIII — первой четверти XIX веков.**

Хан Абылай 247

1. Укрепление верховной власти на территории Среднего и
Старшего жузов (50–60-е гг. XVIII в.) 247
2. Внутренняя и внешняя политика хана Абылая (1771–1781 гг.).
Абылай как государственный деятель и политик 253
3. Политика военно-административных органов Сибирского ведомства в
центральных и восточных регионах Казахстана в 50–70-е гг. XVIII века 256
4. «Пыльный поход» — финал двухсотлетней войны 262
5. Историческое значение победы казахского народа
в борьбе с джунгарской агрессией 267
6. Политическая ситуация на территории Среднего жуза в период
правления преемников Абылай-хана (80-е гг. XVIII в. — 1821 г.) 272

Глава седьмая. Южный Казахстан в конце XVIII — первой трети XIX веков 278

1. Казахи в составе Ташкентского владения
(80-е гг. XVIII в. — начало XIX в.) 278
2. Военная экспансия Кокандского и Хивинского ханств. Освободительная
борьба южных казахов против завоевателей (10–20-е гг. XIX в.) 283
3. Распространение влияния Российской империи
в Жетысу в 20-е гг. XIX в. 291

**Глава восьмая. Введение российской административно-политической
системы в Казахстане во второй четверти XIX в. 297**

1. Отмена института ханской власти в Среднем жузе
и Устав о сибирских казаках 1822 г. 297
2. Развитие военной колонизации. Казацкие войска
в Казахстане во второй четверти XIX в. 305
3. Введение новой системы административно-территориального устройства.
Создание местных органов исполнительной власти империи 311

**Глава девятая. Национально-освободительная борьба казахов против
установления российского колониального господства
(20–40-е годы XIX века) 321**

1. Оппозиция царским реформам в Среднем жузе 321
2. Восстание под предводительством султана
Саржана Касымова (1825–1836 гг.) 328
3. Народно-освободительное восстание под предводительством
Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова 337
4. Народно-освободительная борьба под предводительством
хана Кенесары (1837–1847 гг.) 344

**Глава десятая. Завоевание Южного Казахстана. Завершение
присоединения Казахстана к России
(середина 50-х — середина 60-х гг. XIX в.) 358**

1. Южный Казахстан во внешнеполитической стратегии России
и Англии на Среднем Востоке 358

2. Образование Сырдарьинской военной линии России.	362
3. Военная экспансия царизма в Южном Казахстане. Распространение власти России на всю территорию региона	368
4. Национально-освободительная борьба приаральских казахов против Хивинского ханства и России в XIX в	381
Глава одиннадцатая. Культура Казахстана в XVIII— первой половине XIX вв	395
1. Материальная культура казахов в XVIII—XIX вв	395
2. Традиции бытовой и обрядовой культуры	401
3. Казахская литература XVIII — первой трети XIX веков	404
4. Музыкальное искусство	409
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. КАЗАХСТАН В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	413
Глава первая. Административно-политическое положение Казахстана в 60—90-е годы XIX в	414
1. Военно-политические мотивы и подготовка проведения реформы 1867—1868 годов	414
2. Восстание казахов в Уральской, Тургайской областях в 1868—1869 гг. и на Мангышлаке в 1870 г.	419
3. Аграрная политика самодержавия. Правительственный курс на массовую земельную колонизацию	424
4. Административно-территориальное и судебное устройство в Казахстане в конце XIX в.	429
5. Усиление военного присутствия в регионе	438
6. Административно-политические реформы 60—90-х годов XIX в. в Казахстане	447
Глава вторая. Социально-экономическое развитие Казахстана в пореформенный период	469
1. Полиэтнический состав населения: основные факторы, источники формирования, состав	469
2. Казахский аул	475
3. Жатаки (отходничество)	484
4. Переселенческая деревня	488
5. Переселение уйгуров и дунган. Развитие земледелия в Жетысу	495
6. Торговля. Ярмарки. Промыслы. Промышленность	499
7. Процессы урбанизации. Социально-культурный облик городов. Банковско-денежные отношения	509
Глава третья. Культура Казахстана во второй половине XIX вв.	523
1. Народное образование	523
2. Просветительское движение Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, А. Кунанбаева среди казахского народа	527
3. Казахская литература в XIX веке. Акыны и композиторы.	540
4. Деятельность краеведческих и научно-исследовательских организаций. Печать	558
Глава четвертая. Социально-экономическое положение Казахстана в начале XX века.	567
1. Население края в начале века	567
2. Развитие промышленности	572
3. Состояние путей сообщения и торговли в крае	579

4. Формирование кадров пролетариата	584
5. Система землепользования и обострение аграрного вопроса. Последствия столыпинских аграрных реформ	594
Глава пятая. Социально-политическое развитие Казахстана в начале XX века.	608
1. Активизация политической жизни в Казахстане в начале XX века	608
2. Казахстан накануне Первой мировой войны	623
3. Казахстан в годы Первой мировой войны	627
4. Национально-освободительное восстание 1916 года	636
5. Австро-венгерские и германские военнопленные в Казахстане	651
6. Февральская революция 1917 г. в Казахстане	656
Глава шестая. Культурная жизнь Казахстана в начале XX в	676
1. Народное образование	676
2. Деятельность научных учреждений и обществ	684
3. Периодическая печать Казахстана	697
4. Казахская литература начала XX века	709
5. Формирование национальной интеллигенции второй половины XIX — начала XX вв.	717
ПРИЛОЖЕНИЯ	731
Хронологический указатель	732
Указатель имен	737
Указатель историко-географических и топографических названий	751
Список сокращений	762

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
(с древнейших времен до наших дней)
в 5-ти томах

Том 3

Главный редактор *А. Прманов*
Зав. редакцией *Н. Жиенгалиев*
Художественный редактор *А. Исмаков*
Технический редактор *О. Рысалиева*
Корректор *И. Кротов*
Компьютерная верстка *Л. Макаровой*

ИБ №022

Сдано в набор 25.02.2010. Подписано в печать 10.05.2010. Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 48,0 + 0,25 форзац. Уч.-изд.л. 60,52 + 0,32 форзац.
Тираж 3000 экз. Заказ №3997 .

ТОО «Корпорация «Атамұра», 050000, г. Алматы, пр. Абылай хана, 75.

Полиграфкомбинат ТОО «Корпорация «Атамұра» Республики Казахстан,
050002, г. Алматы, ул. М. Макатаева, 41.